

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

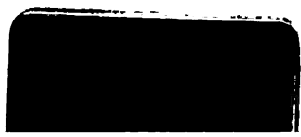
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

335715

● ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ 3 МАРТЪ

Суданъ Мартъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Браверскаго (Литейная, № 38)

✓ I. — СТАРАЯ И ЮНАЯ РОССИЯ. Романъ. Часть I Дмитрія Гирса	1
✓ II. — НОВАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА, Лабуле. (Продолженіе. VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV).	105
III. — НА РАЗВАЛИНАХЪ КОЛИЗЕЯ. (Изъ Чайльд-Гарольда, Байрона). Д. Л. Михаловскаго	147
IV. — КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ. (Статья первая). Г. З. Елисеева	151
✓ V. — ЖИВАЯ ДУША. Романъ. Часть III. Марка-Вовчка	187
VI. — СЪ РАБОТЫ. Стих. У.	262
✓ VII. — ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО. (По Миллю). В. Покровскаго	263
VIII. — ОСТОРОЖНОСТЬ. Стих. *	313
IX. — РУССКОМУ ДИТЯТИ. Стих. П. М. Ковалевскаго.	320
✓ X. — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОР-ВЫША. Романъ Джемса Гринвуда (продолженіе).	81—128

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XI. — АССОЦІАЦИИ, какъ подспорье для прогресса и распространенія научныхъ знаній. Н. Кина	1
XII. — О НАШИХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ И ХУДОЖНИКАХЪ. Петербургскаго жителя	26
XIII. — КРИТИКА. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАУКИ И КНИГА УЭВЕЛЯ. («Исторія индуктивныхъ наукъ до настоящаго времени», сочиненіе <i>Вильяма Уэвеля</i> , въ трехъ томахъ. Переводъ съ англійскаго изданія <i>М. А. Антоновича</i> и <i>А. Н. Пыпина</i> , съ примѣчаніями и біографическими приложеніями, составленными по нѣмецкому изданію <i>Литтрова</i> . Тома I. II. Т. III-го I-й выпускъ).	36

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

1152 ✓

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СLXXVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАВЦОВАГО (Литейная № 88).

1868.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
335715
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1905

СТАРАЯ И ЮНАЯ РОССИЯ.

РОМАНЪ.

Старымъ людямъ на послушье,
Молодымъ... на разумье.
Русскія быliny.

(Посвящается Ф. О. П—кову.)

Часть первая.

ВЕЧЕРЬ И УТРО.

I.

Весна памятнаго 1861 года.

Хорошо теперь въ деревнѣ, въ средней полосѣ Россіи, этакъ у границъ Малороссіи, вотъ хоть бы въ Оврусовѣѣ. Всюду теперь лежитъ яркая, сочная, благодатная зелень: въ поляхъ, окружающихъ ее, по сосѣднимъ грядкамъ холмовъ, имѣющихъ дерзкую претензію называться между окрестными жителями «горами», и на берегу широкой рѣки, протекающей подлѣ; хлѣба поднялись пышнымъ ковромъ и колосятся; воздухъ легокъ и душистъ; сладко дышится; въ лѣсахъ слышенъ запахъ цвѣтущей липы, смолистой сосны. Это пора молодыхъ овощей, вкусныхъ ягодъ, хорошаго молока и всякаго деревенскаго смаку.

Вечерѣть...

У воротъ длиннаго, бѣловатаго, съ колоннами у подъѣзда, старинной уродливой архитектуры, видимо строившагося когда-то съ большими претензіями на что-то, господскаго дома въ Оврусовѣѣ, собралась дворня, покончивъ дневныя занятія: говоръ, шутки, смѣхъ; кто-то слегка наигрываетъ... на гармоникѣ Въ густой сиреневой клумбѣ, посреди двора, было уже почти совершенно темно, начиналъ повременамъ пощелкивать соловей, и двѣ милыя дѣвушки, вѣроятно, романтическія горничныя, отделившись отъ другихъ, тихонько подраживались въ сирени... Нагѣво, у конюшни, около распряженнаго фазтона, чай-то ку-

черъ засыпаль овесъ лошадямъ пофыривавшимъ у повозки. За угломъ дома, у чернаго крыльца, горничныя перешучивались и возились съ лакеями.

А у параднаго подъѣзда, между тѣмъ, собралась солидная компанія изъ среды вотчинной олигархїи. Высокій, красивый лакей, раздвинувъ фалды щегольского, новенькаго фрака, сидѣлъ на зеленомъ львенкѣ подъѣзда и, куря папирску, слушалъ дворецкаго въ дубленкѣ, только что воротившагося изъ города. Атáманъ (бурмистръ тожъ) и скотникъ, опершись на палки подбородками, безъ шапокъ, тоже слушали со вниманіемъ дворецкаго, поджидая прихода управляющаго. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, вертѣлся около только-что появившейся тогда воли.

— Управляющій идетъ, немного погода сказалъ торопливо атáманъ.

Всѣ засуетились, вытянулись. Дворецкій тоже снялъ фуражку. Только лакей въ щегольскомъ фракѣ, безъ мѣщанской суетливости, какъ-бы сознавая свои права не бояться управляющаго, спокойно всталъ и медленно ушелъ въ переднюю.

По доскамъ отъ флигеля приближался высокій мужчина въ военной фуражкѣ.

— Кто это? спросилъ онъ, останавливаясь передъ группою разговаривавшихъ. Какъ будто бы и не видѣлъ.

— Атáманъ, ваше высокоблагородіе, отвѣтилъ бурмистръ, низко кланаясь.

— А еще?

— Скотникъ, дворецкій.

— Изъ города?

— Изъ города-съ, отвѣтилъ дворецкій.

— Есть письма?

— Есть...

И дворецкій торопливо сталъ рыться за пазухой.

— А генеральшѣ?

— Есть и ея превосходительству.

Дворецкій подаль три письма.

— Чтò въ городѣ слышно на счетъ вѣстьявъ?... А чтò такое у графскихъ было?

— Не могу звать-съ. Не наше дѣло... Мы, значить, Алексѣй Осипичъ, своею барыней, генеральшей, довольны очень-съ, такъ намъ, значить, все равно, не интересуемся. Какъ генеральшѣ будетъ угодно, такъ пусть и будетъ. Ихъ милость насъ не обидать.

— Завсегда будемъ Бога молить за матушку эмеральшу и за дѣточекъ, поддакнулъ на расцѣвъ скотникъ неискренно.

— Ну, то-то, то-то! Молитесь за генеральшу, помните ея доброту... А что это за воени тамъ! закричалъ вдругъ управляющій на горничныхъ у другаго крыльца. — Опять дѣвки съ лакеями! Вотъ я васъ! страшалъ онъ, стуча толстою, сучковатою палкою о ступени параднаго подъѣзда.

Но на черномъ крыльцѣ и на дворѣ уже никого не было. Все бросилось, опрокидывая другъ друга, въ комнаты, и только изъ кухни лакей во фрагѣ, съ развѣвающимися отъ ходьбы фалдами, быстро семеня ногами и перегибаясь, чтобы не облиться, рагулькою на бокъ, вносилъ поспѣшно шипящій самоваръ въ комнату.

Щеголь-лакей, уже нѣсколько разъ выглядывавшій изъ передней, широко распахнулъ дверь и управляющій сталъ всходить по лѣстницѣ.

— Есть кто-нибудь чужой?

— Господинъ Тавровъ только, молодой-съ.

Тотъ же высочій гайдукъ распахнулъ слѣдующую дверь, изъ управляющій, Алексѣй Осиповичъ Теленевъ (такъ была его фамилія), вошелъ въ залъ, зачесывая маленькою гребеночкою рѣденькую макушку. Проведя по усамъ и взбивъ снизу вверхъ свои, нѣсколько сѣдоватые, большіе бакенбарды, онъ ловко, со шелкомъ, сложилъ ее одною рукою, спряталъ въ жилетный кармашекъ и приосанился. Пройдя залу, онъ заглянулъ въ большую гостиную. Подходя къ ней, онъ пошелъ на цыпочкахъ.

Тутъ намъ приходится дать читателю почти стереотипное описаніе гостиной. Можетъ быть, онъ уже читалъ подобныя описанія въ десяткахъ романовъ, предшествовавшихъ нашему. Но виноваты ли мы, что, по странной случайности, гостинныя всѣхъ прежнихъ зажиточныхъ помѣщичьихъ домовъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды? Для насъ достовѣрность въ романѣ прежде всего. Мы не сочиняемъ, мы списываемъ.

Почернѣвшія отъ времени старинныя обои темномалиноваго цвѣта, большая люстра, у которой стеклянныя призмочки немилосердно звенѣли отъ ходьбы по старому паркету, высокая, орѣховая, рѣзная, съ старомодными спинками мебель, уже нѣсколько потертая и оттого казавшаяся какъ-бы запыленной, нѣсколько большихъ картинъ въ золотыхъ рамахъ, задернутыхъ кисеей, и огромные бронзовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ, все это хотя и давало дому видъ достаточности, но замѣтно было, что все это уже давно не ремонтировалось и

оставалось въ томъ видѣ, какъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Хозяйка дома, Варвара Михайловна Плещеева, была женщина съ черными, какъ смоль, волосами и блѣднымъ (нѣсколько можетъ и отъ пудры, которую она сильно употребляла на ночь) добрымъ лицомъ. Вообще она казалась съ лица еще очень молодою. Кутаясь въ бодьшую красную шаль, въ сѣрой, пуховой косыночкѣ, щеголевато надвинутой на жиденькую косу, она, полулежа, вазала теперь крѣпкомъ гарусный шарфикъ о около столика съ карселемъ.

Теленевъ, также осанисто держась — такъ особенно прямо умѣють держаться только отставные военные — остановился недалеко отъ порога и провзнесъ по военному:

— Вашему превосходительству свидѣтельствую свое почтеніе. Точно рапортовалъ.

— А, это вы, Алексѣй Осипычъ, ласково перебила Варвара Михайловна и, поспѣшно доюхивая табакъ и обтирая пальцы о платокъ, протянула Теленеву свою бѣлую, со множествомъ колець руку, перехваченную у пульса симпатическою гарусинкою отъ ревматизма. Алексѣй Осипычъ почтительно поцаловалъ руку, генеральша чмокнула его въ голову и Теленевъ робко опустился на кончикъ кресла.

— Вы такъ или по дѣлу, Алексѣй Осипычъ?

— Такъ-съ... Письмо вашему превосходительству, сказалъ управляющій. — Вѣроятно, отъ Натальи Юрьевны — московскій штемпель.

Онъ подалъ письмо.

Хозяйка чего-то насупилась и дернула сильно за сонетку.

— Дворецкій вернулся? спросила она у явившагося лакея.

— Вернулся, ваше превосходительство.

— Отчего же онъ не явился ко мнѣ? Чтò за безпорядокъ! Послать его ко мнѣ.

Лакей вышелъ.

— Ужасно распустились! продолжала генеральша. — Обратите вниманіе, Алексѣй Осипычъ. Изъ дѣвичьей, просто ужась, что сдѣлали! Содомъ и Гоморъ! Вы видѣли, въ какомъ положеніи Оенька?... Я васъ прошу, Алексѣй Осипычъ, строго прибавила генеральша, выпрямляясь: — взяться за это самому и разобрать мнѣ—призовите и Оеньку—кто тутъ виновать, гдѣ, когда, и какъ это случилось... И пожалуйста взыщите. Это, кажется, Семень Трофимовъ виновать.

— Кажется, ваше превосходительство.

Дворецкій, уже во фракѣ, вошелъ и остановился въ дверяхъ, заложивъ важно руки назадъ.

— Я думаю, нужно явиться, если пріѣхалъ въ города. Сдашь на почту деньги Наталья Юрьевна?

— Сдашь, ваше превосходительство... Письмо есть вашему превосходительству, напомнилъ дворецкій.

Варвара Михайловна опомнилась, засуетилась, донюхала окончательно табакъ, бывший у ней въ пальцахъ, быстро сорвала печать и жадными глазами начала читать письмо.

— Позвольте ужъ и мнѣ, ваше превосходительство, сказалъ управляющій, показывая свои письма.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!—Варвара Михайловна, не отрываясь отъ чтенія, подвинула карсель управляющему.

Теленевъ досталъ изъ деревяннаго футляра серебряные очки, осѣдлалъ ими носъ и, поднявъ голову, какъ будто онъ смотрѣлъ подь очки, придвинулся къ лампѣ, и принялся читать:

«Любезный батюшка! — читалъ Теленевъ—Я ѣду въ Петербургъ по службѣ, и буду ѣхать черезъ вашу губернію. Таковыя командировка такого рода, что впереди будетъ оставаться нѣсколько лишняго времени, то я и беру отпускъ на два мѣсяца, чтобы, наконецъ, навѣститъ васъ послѣ столь долгой, тягостной разлуки и прожить это время у васъ. Средства мои позволяютъ теперь пріѣхать безъ опасенія стѣснить васъ въ финансовомъ отношеніи. Денегъ, пожалуста, и теперь не присылайте. У меня довольно. Да онѣ и не застанутъ меня уже здѣсь. О, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю этого разрѣшенія! Если разрѣшать (а я въ этомъ не сомнѣваюсь), я у васъ буду очень скоро, около 29-го мая.

«— Чтò у насъ сегодня?» про себя спросилъ Теленевъ: «26-е, черезъ три дня!» съ удовольствіемъ подумалъ онъ: «значитъ, онъ уже ѣдетъ. Черезъ три дня онъ будетъ здѣсь!... Господи, благодарю тебя! прошепталъ старикъ и мысленно сотворилъ крестное знаменіе.

Онъ продолжалъ читать:

«... А до той пріятной минуты — прощайте, дорогой батюшка.

«Вашъ сынъ, Василій Теленевъ.

«P. S. Извините, что такъ мало пишу. Свидѣвшись, поговоримъ».

Теленевъ еще разъ пробѣжалъ письмо глазами, съ особеннымъ удовольствіемъ посмотрѣлъ на фразу «Вашъ сынъ», и сталъ складывать письмо.

На конвертѣ другого письма онъ прочелъ: *просятъ передать*

Василию Алексичу Теленеву, по приѣздѣ. Старикъ бережно спряталъ это письмо въ карманъ.

Варвара Михайловна давно уже кончила и, отложивъ письмо на столъ, задумалась, пристально глядя на лампу. Съ минуту всё молчали...

— Мой-то молодецъ общается скоро въ отпускъ пріѣхать, проговорилъ нерѣшительно Теленевъ. Варвара Михайловна очнулась отъ раздумья.

— Старшій? спросила она.

— Старшій-съ, Василий. Какъ въ корпусъ отвезъ, такъ съ тѣхъ поръ и не видѣлъ...

— Ну, очень рада за васъ. Я понимаю, какое это счастье видѣть дѣтей. Мы, родители, понимаемъ это... Постараемся, чтобы ему не скучно было у насъ. Если во флигелѣ вамъ будетъ тѣсно — его можно будетъ въ диванной помѣстить. Верховны лошади, ружья, наша библіотека — все къ его услугамъ. Семень пусть ходитъ за нимъ. Не церемоньтесь.

— Благодарю-съ — чувствительнѣйше, ваше превосходительство, говорилъ растроганно Теленевъ, цалуя руку Варвары Михайловны: — Въѣзъ не забуду.

— Чай готовъ-съ, ваше превосходительство, произнесъ щеголь-лакей, появляясь снова въ дверяхъ.

— И, дуракъ, братецъ! азвительно замѣтила Варвара Михайловна. Но потомъ и сама сейчасъ же переконфузилась. Лакей покраснѣлъ и подвинулся, чтобы закрыться дворецкимъ: — развѣ не знаешь, что ты долженъ связать дворецкому, а онъ уже долженъ мнѣ доложить; а ты самъ не имѣешь права докладывать объ этомъ, уже мягко, стараясь поправиться, продолжала Варвара Михайловна: — не можете, чтобы не срамиться! Оттого, что ты ничего не смотришь. — И она покачала головой, обращаясь уже къ дворецкому: — взыщите же съ тѣхъ, напомнила генеральша управляющему, подымаясь съ дивана.

Они стали выходить въ залъ.

— Григорій! позвала осторожно генеральша, возвращаясь въ гостиную.

Управляющій и дворецкій какъ-то особенно поспѣшно отретировались въ залъ. Григорій вернулся къ порогу гостиной.

— Я отъ тебя этого не ожидала, сказала Варвара Михайловна, стараясь казаться твердою: — не доставало, чтобы и ты еще не слушалъ моихъ приказаній. И Варвара Михайловна занюхала въ раздушенный платокъ, стараясь скрыть волненіе и не встрѣчаться глазами съ Григоріемъ: — это нехорошо, добавила она, поднимая сладкіе глаза на красавца.

— Виновать, ваше превосходительство.

— Чтобы этого впередъ не было... Тамъ, подъ зеркаломъ, есть груша. Потомъ можешь взять себѣ... Попроси въ саду барышню и Виктора Сергѣича къ чаю.

Плещеева вышла въ задъ и стала пока разговаривать съ управляющимъ, а лакей отправился въ садъ.

II.

Между тѣмъ, еще нѣсколько раньше, тотчасъ по пріѣздѣ гостя, Варвара Михайловна, послѣ нѣкотораго разговора съ нимъ, постыралась предоставить молодыхъ людей самимъ себѣ, зная по опыту собственной юности, какъ это всегда бываетъ пріятно для молодости.

Гость, Тавровъ, помогъ дочери укутаться въ шаль Варвары Михайловны, Ольга надѣла по совѣту матери валочки, принесенныя горничною, потому что въ саду къ вечеру могло быть сыро — и молодые люди вышли на балконъ.

Ужъ не были ли влюблены ваши молодые герои, можетъ быть насъ спросятъ? Въ интересѣ романа, который еще только что начинается, авторъ находитъ нужнымъ скрыть это пока отъ читателя. А почему-жъ бы и нѣтъ? Ольга была очень недурная блондиночка съ пепельнаго цвѣта красивыми вудрами, она была такая веселая, всегда такъ мило шаловливая, въ лицѣ у ней всегда свѣтилась такая доброта, чистосердечіе и умъ; кому-же изъ хорошей фамиліи, и за ней почти вся Оврусовка въ приданое. Тавровъ былъ молодой офицеръ. Онъ былъ чрезвычайно хорошъ собою и далеко не глупъ, у него была такая славная карьера впереді! Если пока еще не было любви, то внимательный наблюдатель навѣрно могъ бы замѣтить, что они нравились другъ другу. Подмѣтить это всегда бываетъ не трудно: если ранняя, непочатая еще молодость платитъ въ этомъ отношеніи дань своему возрасту, то она тѣмъ именно и прекрасна, что не можетъ хитро лукавить и искусно скрываться.

Едва прелесть теплаго, пахучаго вечера пахнула на дѣвушку изъ саду, какъ природная веселость и восторженность взяли свое. Все остальное забыто. Какъ-бы вся окваченная прелестью этой минуты, остановилась Ольга на балконѣ и выпрямилась всею своею маленькою фигуркой. Она прищурилась, стараясь на минуту забыться въ сладкомъ упоеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, было теперь какое-то величіе кругомъ, способное поражать человѣка, способное сообщать пылкимъ душамъ какую-то необъяснимо пріятную, нѣмую восторженность. Хотѣ-

лось бы вѣкъ оставаться въ такомъ положеніи, безпробудно нѣмѣть въ этомъ одѣвленіи восторга, вольно дышать и любить, любить безъ конца, все и всѣхъ.....

— Какая прелесть! восторженно произнесла Ольга, выходя изъ одѣвленія, поразившаго ее: — чувствуете, какъ хорошо пахнетъ?

Они медленно спустились въ садъ.

— Вы, я вижу, не любите цвѣтовъ, сказала она съ грустью, замѣтивъ, что Тавровъ не далъ никакого отвѣта на ея замѣчаніе. — Какой вы! Какъ можно не любить природы, цвѣтовъ, жизни!

Она рѣзво присѣла по дѣтски на землю около клумбы и стала внюхиваться въ резеду, росшую съ краю: — вы, кажется, никакой прелести, никакой поэзіи не находите во всемъ этомъ? — прозаявъ, упрекнула она: — смотрите, поссоримся.... Пойдемте. Дайте мнѣ руку.

Она не вставала. Таврову пришлось тянуть обѣими руками..... Наконецъ, она встала и они пошли подъ руку. Ольга и тутъ шалила. Тавровъ чувствовалъ, какъ она то наляжетъ нарочно на его руку, то, подъ предлогомъ что ей холодно, возьметъ да и прижметъ — такъ близко, что его морозъ начинаетъ бить по кожѣ.

«Кокетничаетъ», думаетъ Тавровъ, и тѣмъ болѣе рѣшается по-прежнему оставаться равнодушнымъ. Дѣвушка какъ будто угадала, что онъ про нее подумалъ и горько расхохоталась.

— Я знаю, что вы подумали, сказала она съ упрекомъ: — Это вамъ грѣхъ! Она выпрямилась, перестала шалить, стала серьезною, но руки его все-таки не выпустила. Но Тавровъ тихо шелъ и только тормозилъ ходьбу. — Вы сегодня совсѣмъ не тотъ, какъ всегда, съ досадою замѣчаетъ Ольга: — что съ вами?

Онъ вообще былъ въ этотъ день не то нездоровъ, не то не въ духѣ. Онъ и заѣхалъ-то сегодня чтобы расчѣяться отъ хандры.

Дѣвушка кинула въ сердцахъ его руку и, не дождавшись отвѣта, убѣжала впередъ.

— Посмотрите, посмотрите, какая опять прелесть! черезъ минуту уже опять восторгалась она, стоя на берегу широкой рѣки, протекавшей подъ садомъ. И подняла вверхъ руки отъ восторга: — Какой видъ!

Такая ужъ была живая, скоро восторгавшаяся натура.

И Ольга въ самомъ дѣлѣ была счастлива въ эту минуту отъ восторга, волновавшаго ее. Прелесть, красота могутъ такъ же воспламенительно и сильно дѣйствовать на пылкій, развитой умъ, какъ и хашишъ на грубый мозгъ дикаря.

Ольга надѣялась, что ея спутникъ хоть теперь будетъ любезнѣе и пойметъ, чего она теперь ожидаетъ съ его стороны.

Увы, и теперь напрасно! — Она вспыхнула.

— Я вамъ должна казаться сегодня очень странною? ѣдко освѣдомилась она:—я это и сама вижу. Извините. Она повернулась, какъ-бы собираясь уйдти. — Я иногда, дѣйствительно, очень глупо держу себя, какъ-бы рассказываясь, сказала она:—это все моя проклятая... поэтичность, послѣ нѣкотораго колебанія объяснила она:—вѣдь это только глупые люди на каждомъ шагу восторгаются, не правда ли? — И пошла.

Тавровъ, гажется, рѣшился наконецъ выйдти изъ своего, болѣе чѣмъ страннаго, молчанія.

— Напротивъ, Ольга Юрьевна, это иногда можетъ очень идти дѣвушкамъ. Это прекрасно.

Ольга остановилась. Она посмотрѣла ему въ глаза: въ нихъ свѣтились любовь и расположеніе къ ней. «Что-жь это онъ сегодня такъ странно себя держитъ?» подумалось ей. И опять надежда и надежда!

— Ну, такъ говорите же что нибудь, говорите, уже задобривающимъ, ласкающимъ голосомъ просила она, трогая его рукой:—мнѣ хочется теперь болтать, смѣяться, слушать, вы видите... Развѣ вы, напримѣръ, ничего не чувствуете въ такую минуту?... Ну, хоть смотря на такую картину, чуть не плача, прибавила она, видя что Тавровъ все-таки не хочетъ понять, что ей нужно. И она показала рукой на рѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, можно было увлечься. Солнце сейчасъ готовилось скрыться за горизонтъ и отблескъ его послѣднихъ лучей стоялъ лучезарнымъ ореоломъ на томъ берегу рѣки. Цѣлая полоса воды, гладкой и спокойной, какъ большое опрокинутое зеркало, лежала теперь въ рѣкѣ позлащеннымъ снопомъ.

Тавровъ однакожь обвелъ все это глазами съ прежнимъ упрямымъ равнодушіемъ.

— Pardon, Ольга Юрьевна, ничего. Отъ досады на собственное безсиліе, его ужъ начинала злить такая настойчивость собесѣдницы.—Я профанъ въ этомъ отношеніи, зло произнесъ онъ.

Ольга поняла, что ничего не выйдетъ.

— Вы несносны сегодня, разсердясь сказала она и пошла прочь.

Они молча перешли къ зеленой скамейкѣ, стоявшей на дорожкѣ у берега, сѣли и долго сердито молчали...

— Это дорогая для меня скамейка, задумчиво рассказывала немного погодя Ольга: — здѣсь я люблю мечтать. Вотъ Натали такъ сейчасъ поняла бы меня. Мы такъ и прозвали съ се-

строй эту скамейку: *réverie*. Кто не любитъ мечтать, тотъ не пойметъ, какое это блаженство... Вы незнакомы съ Натали? еще немного погодя, спросила она:—она очень замѣчательная женщина, и это я говорю не оттого, что она моя сестра, нѣтъ... Здѣсь же я пишу свой дневникъ. Я пишу туда всякій вздоръ: о чемъ думаю, кого вижу, кого люблю, грустно улыбаясь, сболтнула она:—все, что придетъ въ голову. Про всѣхъ знакомыхъ тамъ есть. Вы и не подозреваете: я большая насмѣшница...

Тавровъ улыбнулся и хотѣлъ что-то спросить, или сказать, но ему помѣшали.

-- За нами идутъ, произнесла Ольга, вставая:—пойдемте.

Гуляющіе медленно направились на встрѣчу шедшему за ними лакею. Это оказался посланный за ними Григорій. Онъ шелъ по серединѣ дорожки, по мѣрѣ приближенія къ господамъ, постепенно забирая въ сторону и, не доходя шаговъ десяти, остановился съ краю въ почтительный полуоборотъ. Онъ попросилъ къ чаю, и, пропустивъ господъ, отправился поспѣшно боковою дорожкой въ комнаты.

Молодые люди молча подошли къ балкону и Тавровъ уже занесъ ногу на ступеньку.

— У меня сейчасъ будетъ къ вамъ просьба, Ольга, сказалъ онъ.

— Напримѣръ? приостанавливаясь, спросила она изъ-подъ шали. Она кутала ротъ отъ подымавшейся сырости.

— Вы давеча упомянули о своемъ дневникѣ...

— Прочестъ мой дневникъ— это узнать меня самою, предупредила она послѣ нѣкотораго колебанія:—а я этого не хотѣла бы. Тавровъ посмотрѣлъ на нее удивленно.

— Почему же?

— Вы сегодня не стоите, Тавровъ, засмѣялась она шутливо.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Ольга.

— Тамъ многое можетъ показаться другому слишкомъ глупымъ... Наконецъ, пріятно быть для всѣхъ сфинесомъ, какъ-то нехотя объяснила она:—всѣ теперь считаютъ меня взбалмошной, пустой, и я рада. Причуда такая! А можетъ быть, я не такъ пуста, какъ представляюсь. Настоящая Ольга не такова, какою всѣ ее видятъ въ гостинной. Настоящую Ольгу могутъ знать только друзья.

— Да... ну, я вѣроятно не имѣю права претендовать на это названіе.

Ольга смѣло поднала на него глаза.

— Напротивъ, я, съ своей стороны, всегда хотѣла бы счи-

татъ васъ своимъ другомъ. Она произнесла это твердо, продолжая упорно смотрѣть ему въ глаза.

Онъ манерно поклонился, какъ-бы желая сказать не то: «благодарю за честь», не то: «слышалъ-съ».

— Зачѣмъ же остановка? спросилъ онъ:—отчего не дать прощенье?

Ольга отчего-то колебалась съ минутой.

— Несносный! Вы холодны не по лѣтамъ, сказала она:—вамъ будутъ смѣшны эти бредни... Вамъ не слѣдуетъ показывать, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Тавровъ постоялъ въ нерѣшительности.

— Но я прошу, уже нѣжно сказалъ онъ.

— Лучше.

— Чтó «лучше»?

— Лучше просите.

— Вы меня какъ собачку третируете, Ольга, засмѣялся обиженно Тавровъ:—еще, пожалуй прикажете стать на колѣни?

Что-то въ родѣ своеобразной усмѣшки скользнуло по губамъ у дѣвушки въ предчувствіи близости побѣды.

— Именно, станьте.

— Вы знаете, что я ни въ чемъ не могъ бы отказать вамъ теперь, упрекнулъ онъ:—и пользуетесь.

Ольгѣ было пока и довольно этого. Она слышала послѣднее замѣчаніе и ловотъ ея—она стояла подѣ руку съ нимъ въ эту минуту—почти безсознательно прижалъ руку Таврова къ ея груди, какъ-бы желая показать, что она это глубоко цѣнитъ.

— Но я васъ предупреждаю, оговорилась она:— въ моемъ дневникѣ именно *вамъ* сильно достается.

— Вотъ какъ, принужденно сказалъ Тавровъ:—что же, тѣмъ интереснѣе: это дастъ мнѣ возможность исправиться, нашелся онъ — и снисходительно улыбнулся, какъ улыбаются старшіе, когда соглашаются принять совѣты отъ дѣтей. Онъ вообще способенъ былъ считать себя непогрѣшимымъ.—Теперь я не отставу, пока не прочту. И я рассчитываю, что это именно сегодня случится, сжимая ея руку, говорить Тавровъ, когда уже они были на порогѣ гостиной.

— Хорошо, хорошо, лукаво усмѣхаясь, соглашалась дѣвушка:—вы получите. Но чуръ, потомъ не сердиться.

Они вошли.

Барвара Михайловна встрѣтила ихъ въ залѣ Дочь очень пріятливо, а офицеръ холодно и принужденно раскланялся съ управляющимъ.

— Я получила отъ Natalie письмо, обратилась Барвара Ми-

хайловна къ дочери: — она теперь здорова и черезъ мѣсяць будетъ здѣсь.

— Да? радостно воскликнула дѣвушка.

— Вотъ и сынъ Алексѣя Осиповича прїѣдетъ, продолжала мать:—у насъ преселое сосѣте составится.

— Это Васинька, тотъ вадетикъ, что у васъ на портретѣ? весело спрашиваетъ дѣвушка Алексѣя Осиповича.

— Тотъ-съ, тотъ-съ. Только-съ онъ теперь не Васинька, а цѣлый Василій Алексѣичъ... Вы и не узнаете, какой молодець. Онъ уже шестой годъ офицеромъ, говорилъ не безъ гордости счастливый теперь старикъ.

— Прекрасно, прекрасно! радуется искренно дѣвушка: — это преселое будетъ.

Офицеръ обратился къ управляющему, играя на рукѣ серебрянымъ эксельбантомъ:—А вашъ сынъ гдѣ изволить служить?

При взглядѣ на блестящій мундиръ офицера, на его замѣтное щеголяніе гвардейскимъ мундиромъ, Теленьевъ, самъ бывший армеецъ, но все-таки не пѣхотинецъ-армеецъ, а кавалеристъ—а это, по его мнѣнію, все-таки было выше—принадлежавшій къ тому старому загалу армейцевъ, которые еще такъ недавно смотрѣли на гвардейскій мундиръ, какъ на высочайшую степень человѣческаго благополучія, сконфузился при мысли, что не можетъ назвать какого нибудь громваго имени полка.

— Въ —скомъ полку-съ, тихо выговорилъ Теленьевъ. И покосился, слышали ли дамы его отвѣтъ. Онъ видимо совѣстился громко назвать полкъ. Офицеръ нахмурилъ брови и зачесалъ переносицу, какъ-бы стараясь припомнить: гдѣ это?—Какое странное названіе! замѣтилъ онъ.

Казалось, онъ и ничего обиднаго для сына не сказалъ, а у бѣднаго старика вся кровь прихлынула къ лицу, когда онъ замѣтилъ, какъ обидно улынулся офицеръ, произнося послѣднее замѣчаніе.

Но офицеру хотѣлось еще потиранитъ конфузившагоса старика.

— Это, кажется, въ арміи? спросилъ онъ, упорно глядя на Теленьева.

— Въ арміи-съ, уже чуть слышно процѣдилъ сквозь зубы старикъ, стараясь смотрѣть въ сторону.

Офицеръ слегка скорчилъ мину губами, которую можно было перевести такъ: «плохо», и, торжественно оглядѣвъ дамъ, замолчалъ. Теленьевъ уже совсѣмъ растерялся.

Варваръ Михайловичъ стало жалъ старика.

— Впрочемъ, теперь, говорятъ, въ арміи много появилось

очень-очень порядочныхъ молодыхъ людей, вступилась она, желая поддержать управляющаго.

— Можетъ быть... неохотно уступилъ офицеръ.

— Нѣтъ, это вѣрно, это вѣрно, горячо отстаивала Варвара Михайловна.

— Мнѣ кажется, что это только «говорять», произнесъ, слегка гнуса въ носъ, вѣроятно для важности, гвардеецъ.—Конечно, счастливыя исключенія я допускаю, прибавилъ онъ въ видѣ уступки Теленьеву. Онъ даже при этомъ слегка поклонился въ сторону Теленьева.

Теленьевъ откланялся однакожь, отказался отъ чаю наотрѣвъ и разобиженнымъ отправился домой, отговариваясь вдругъ головою болью.

— Викторъ Сергѣичъ, съ легкимъ укоромъ произнесла Варвара Михайловна, когда вышелъ Теленьевъ: — вы разобидѣли моего старика.

— По обыкновенію моему, я только хотѣлъ быть справедливымъ, Варвара Михайловна.

— Нѣтъ, я сама слышала, что теперь въ арміи уже очень много хорошихъ людей.

Офицеръ опять скептически улыбнулся и съ минуту выждалъ.

— Сомнительно, произнесъ онъ, продолжая недовѣрчиво улыбаться:—прежнія же попойки и дебоши, гитара, — офицеръ видимо хотѣлъ быть остроумнымъ: — вотъ и все. Откуда, при такихъ плачевныхъ обстоятельствахъ, могутъ появиться эти «хорошіе молодые люди»?... Условія армейскаго быта почти тѣ же, что и прежде. А одни условія — рождаютъ и одни послѣдствія. Признать это прискорбно, но это такъ. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Прогрессъ не могъ такъ глубоко коснуться! уже торжественно заключилъ онъ, увлекаясь.

Офицеръ начиналъ впадать въ пафосъ и потому намъ время его оставить, а то онъ Богъ-знаетъ до чего, пожалуй, договорится на счетъ бѣдныхъ армейцевъ.

III.

Варвара Михайловна Цлещеева, до замужества княжна Обрусова, считала себя москвичкою, даже природною, доказывая это своимъ московскимъ жаргономъ, котораго она будто-бы никакъ не могла въ себѣ передѣлать, въ родѣ: *маво, таво, еймова* и т. п., а слѣдовательно, начиная знакомишь съ нею читателя, необходимо начать съ генеалогіи ея славнаго рода, такъ-какъ эта наука особенно чтима подобными госножами. Читателю, безъ сомнѣ-

нiя, извѣстно, что многiя хорошия московскiя фамилiи ведутъ свое «фамильное древо» отъ самой глубокой древности, чуть не отъ Адама и Евы, или ужъ по крайней мѣрѣ отъ нашего старика Рюрика.

И такъ родъ Оврусовыхъ—по моему тутъ что-то татарщиной пахнетъ—какъ сообщала Варвара Михайловна, шелъ отъ Рюрика. Сама Варвара Михайловна, не будучи слишкомъ сильна въ генеалогiи своего славнаго рода, не могла перечислить всей ея длинной вереницы въ хронологическомъ порядкѣ, а знала только, что послѣ Рюрика, какой-то Глинскiй, чѣмъ-то когда-то замѣчательный, тоже приходится въ ихъ родѣ. Сюда-же, изъ позднѣйшихъ знаменитостей, прилетался неизвѣстно какъ и Минихъ. Въ доказательство же несомнѣнности всего этого, Варвара Михайловна, по секрету обыкновенно, сообщала собесѣднику, что ихъ фамилiя и еще три, четыре, другiя — и теперь наслѣдники состоянiя въ нѣсколько десятковъ милльоновъ, хранящагося гдѣ-то за границей. Получить же его, по ея словамъ, они никакъ до сихъ поръ не могутъ—тутъ она вздыхала тяжело—такъ-какъ по несчастью, всѣ адвокаты, начинающiе хлопотать объ этомъ за границей, скоро умираютъ отъ какихъ-то «таинственныхъ пилюль». При этомъ Варвара Михайловна добродушно предлагала собесѣднику: «Вотъ возьмитесь за это дѣло. Успѣете—мы вамъ всѣ по милльону и уступимъ изъ нашихъ долей. Вотъ у васъ и будутъ три-четыре милльона. Вѣдь это очень недурно».

Изъ позднѣйшихъ же представителей своего рода, она положительно знала о своемъ дѣдушкѣ, господнѣ въ пудреномъ парикѣ, портретъ котораго и теперь висѣлъ у ней въ диванной: «Современникъ императора Павла, одинъ изъ его царедворцевъ, рекомендовала обыкновенно Варвара Михайловна этотъ портретъ гостю, который впервые посѣщалъ ея домъ въ Оврусовкѣ: — онъ былъ почти другъ императора. Павелъ безъ него почти никогда не садился обѣдать; до какой степени онъ любилъ его, вы можете себѣ представить уже по тому, что онъ рѣшился разв...». И она передавала самый невѣроятный анекдотъ... «Je vous assure, je vous assure! добавляла она скороговоркой, если гость скептически улыбался на это.—Я знаю, вы думаете: да его бы врага тогда не осталась. То-то и есть, что нѣтъ. Другому каторга, а князю Оврусову—ничего. Павелъ, вы знаете, былъ вспыльчивъ, но ангельски добръ. Улыбнулся, и князю Оврусову—ничего». Плещеева всегда передавала этотъ анекдотъ съ такою увѣренностiю, какъ будто сама была свидѣтельницею. Гость обыкновенно промалчивалъ, продолжая скептически улыбаться. «Вотъ собственныя вещи императора», продолжала Плещеева,

показывая гостю, тутъ же, въ диванной, стоявшее бюро краснаго дерева, все обложеное по кантамъ бронзовыми скобками. «Это императоръ подарилъ князю Оврусову (передъ чужими она иначе не называла дѣда). Здѣсь есть потайной ящикъ, о которомъ никто не знаетъ. Когда нѣсколько лѣтъ послѣ смерти своего благодѣтеля, князь Оврусовъ узналъ о существованіи этого потайнаго ящика — онъ нашелъ тамъ миллионъ ассигнаціями. Разузнется, онъ представлялъ; но ему отвѣтили, что это ему принадлежитъ, что вѣрно императоръ хотѣлъ князю Оврусову сдѣлать сюрпризъ. «А вотъ шахматница, тоже подаренная князю — продолжала обыкновенно Плещеева — показывая на треногий столъ, раскрашенный шахматными квадратиками, съ рѣзными, бронзовыми бортами. И глаза ея умиленно закатывались при этомъ съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ только татаринъ смотритъ на мединскую гробницу Магомета. — Не хотите ли сыграть на ней?» продолжала въ заключеніе Варвара Михайловна, вѣроятно полагая, что и гостю, такъ же какъ и ей, будетъ сладостно потѣшиться, помышляя, что онъ, простой смертный, забавляется на той самой шахматницѣ, на которой развлекались нѣкогда, на досугѣ, и сильные міра сего.

Но если гость былъ терпѣливъ и выслушивалъ хозяйку безъ явныхъ признаковъ поскорѣе отдѣлаться отъ ея разсказней, то Варвара Михайловна сообщала ему и о послѣдней ступени генеалогической лѣстницы, начинавшейся, какъ мы видѣли, на Рюрикѣ, и кончавшейся — въ боковыхъ степеняхъ на графѣ Забудокомъ, а въ прямой — отцомъ ея, княземъ Михаиломъ Павловичемъ Оврусовымъ. Мы однакожъ о нихъ не будемъ здѣсь говорить, ни о первомъ, потому что о немъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, ни о второмъ, потому что считаемъ возможнымъ наблюдать человека и въ зеркалѣ. Все, что мы увидѣли бы въ отцѣ Варвары Михайловны, его привычки, наклонности и недостатки, хорошее и дурное, — все болѣе или менѣе отразилось и на самой Варварѣ Михайловнѣ, нѣсколько только сгладившись о женскую натуру. Она была, какъ и князь, очень добра по натурѣ, но эта доброта проявлялась въ ней какъ-то болѣе инстинктивно, бессознательно, а потому и не имѣла той ровности во всѣхъ случаяхъ, какая замѣчается въ людяхъ, у которыхъ это чувство руководится болѣе разсудкомъ. Иной разъ она своей добротой больше навредитъ, чѣмъ поможетъ. Какъ и отецъ, нѣсколько вспыльчивая, она не лишена была природнаго ума, но вѣчная узда, сначала дрессировки, называемой воспитаніемъ, потомъ узда различныхъ общественныхъ приличій и умѣнья себя держать, какъ дочь, какъ образованная

дѣвица, какъ мать, сдѣлали умъ ея робкимъ на всякій шагъ, сколько-нибудь отступавшій отъ принятыхъ, рутинныхъ понятій среды, въ которой приходилось ей жить. Читала она, правда уже поздно, Жоржъ-Зандъ—тогда Жоржъ-Зандъ только-что вошла у насъ въ моду—и ей казалось, что и въ самомъ дѣлѣ женщины имѣютъ на свободу чувствъ и жизни такое же право, какъ и мужчины. Она соглашалась, что, можетъ быть, все это и справедливо, что, можетъ быть, и лучше было бы тогда для женщинъ; но тутъ же ей припоминалось, что еслибы какая-нибудь женщина рѣшилась такъ жить, объ ней всѣ заговорили бы, ее, пожалуй, не стали бы принимать въ порядочныхъ домахъ, родные стали бы отрезаться; и становилось ей страшно и начинало думаться: «а если все это, чтѣ говорить эта Зандъ, неправда? Да и вѣрно неправда, потому что не даромъ же всѣ, и рара и всѣ родные, люди умные, и все общество думаютъ иначе. Не можетъ же цѣлое общество ошибаться, а одна Жоржъ-Зандъ думать правильно!»

Но чувствуя въ себѣ это колебаніе понятій и взглядовъ, чувствуя, что при такой шаткости нельзя поручиться передъ своею совѣстью въ томъ, что приведешь своими совѣтами хоть дѣтей къ истинному счастью, Варвара Михайловна—и это ея огромное достоинство—при воспитаніи дѣтей, не старалась, какъ другіе родители, навязывать имъ именно свои понятія, выдавая ихъ за вѣрнѣйшія и справедливѣйшія. Доставляя дѣтямъ всѣ средства для воспитанія, какія требуются условіями общества и обязанностями матери, она предоставляла однакожь имъ полную свободу выработать главное самимъ. Нечуждая тщеславныхъ понятій среды, въ которой сама росла и жила, она только требовала отъ дѣтей, чтобы они ужъ не черезчуръ переходили за черту принятыхъ понятій великосвѣтской среды, да и то, по сильной любви къ дѣтямъ и отчасти врожденной добротѣ, когда и напоминала имъ что-нибудь, въ чемъ они промахивались по части конвенанбельности, сейчасъ же сама какъ-бы стыдилась, и торопливо смягчала свои замѣчанія до степени дружескаго совѣта. Дѣти были добры, и потому отношенія ея къ нимъ, особенно къ старшей дочери, были скорѣе отношенія къ младшимъ по-другамъ, чѣмъ къ дѣтямъ.

Выйдя еще въ молодости замужъ, по любви, за Юрія Сергѣича Плещеева, тогда еще молодого, очень красиваго вице-губернатора ихъ губерніи и камергера, изъ лицейстовъ или правовѣдovъ, она всегда того же желала и для дѣтей; но когда ея желанія не сбылись при свадьбѣ старшей дочери, вышедшей за господина почти съ плебейскою фамиліею, она, къ чести ея будь сказано,

скорѣе всѣхъ родныхъ, пришедшихъ въ ужасъ отъ такого mesalliance m-lle Плещеевой, опомнилась и помирилась съ дочерью, видя ея любовь къ мужу.

Сама Варвара Михайловна была очень счастлива въ замужествѣ. Плещеевъ хотя и не былъ изъ породы князей и графовъ, тѣмъ не менѣе, фамилія его была старинная, хорошая. Онъ былъ очень видный, молодой мужчина, очень умный, изъ тогдашнихъ прогресистовъ. Онъ не былъ богатъ, но и не былъ бѣденъ. Чего же еще? Выйдя за него, она никогда не рассказывалась потомъ. Еслибы онъ дожилъ до настоящаго времени, я не сомнѣваюсь, онъ высоко бы теперь стоялъ, но лѣтъ за десять до того времени, когда мы заглянули въ нашемъ разсказѣ въ Оврусовку, онъ неожиданно умеръ отъ карбункула, гдѣ-то на югѣ, во время служебной командировки.

Оставшись лѣтъ тридцати-пяти красивою вдовою, имѣя душъ шестьсотъ состоянія, Варвара Михайловна погрустила сначала по мужѣ, поносила съ годъ трауръ, дѣтски утѣшаясь тѣмъ, что всѣ находили ее очень интересною въ черномъ, и неселась на всегда въ родной Москвѣ, пріѣзжая ежегодно на лѣто въ деревню, будто бы для хозяйничанья, для просмотра за управляющими, которые все-таки подъ носомъ продолжали ее обворовывать, въ самомъ же дѣлѣ такъ, для развлечения, потому что лѣтомъ и въ самомъ дѣлѣ пріятно жить въ деревнѣ, и потому, что въ извѣстномъ кругу принято переѣзжать на лѣто въ деревню (Нельзя же принадлежать къ этому кругу и не имѣть своей деревни!) принято такъ же, какъ принято въ среднемъ кругу въ столицахъ переѣзжать лѣтомъ на дачи всѣмъ, кого нужда не слишкомъ ужъ заѣдаетъ.

Понемногу славянофильствуя (безъ этого не могутъ московскія барыни), понемногу вольнодумствуя на счетъ неестественности у насъ многихъ общественныхъ отношеній, являясь съ графинею Н. и подобными, сходя съ ума вмѣстѣ со всѣми по бывшемъ тогда въ модѣ Грановскомъ, играя въ благородныхъ московскихъ спектакляхъ съ сердобольными графами и князьями, садясь даже за литературой, то-есть читая не одни французскіе романы, но и русскіе, мецечатствуя со студентами, которыхъ иногда къ ней въ домъ важивали учителя, дававшіе уроки дочерямъ, причемъ часто Варвара Михайловна терпѣливо, по вѣскольکو часовъ, выслушивала различныя, таѣ и бухнувшія въ Лету, бредни этихъ господъ, въ каждомъ изъ которыхъ она всегда угадывала будущихъ гениевъ, и вѣчно жестоко ошибалась—

дожила до сорока-пяти лѣтъ, то-есть до той поры, когда мы съ ней встрѣчаемся въ нашемъ разказѣ въ ея деревнѣ Оврусовѣ.

А между тѣмъ, старшая дочь уже совсѣмъ подросла и успѣла, лѣтъ за пять до времени нашего разказа, выйдти замужъ. Даже успѣла нѣсколько разладиться съ мужемъ.

Ольгѣ, второй дочери, тоже уже шелъ 18-й годъ. Одинъ только меньшой сынъ Серѣжа еще учился дома, готоваясь года черезъ четыре поступить въ университетъ, какъ хотѣлось матери и какъ ему лично вовсе не хотѣлось. Впрочемъ, онъ былъ еще въ томъ возрастѣ, когда мальчиковъ сильно соблазняютъ атрибуты военного костюма... А онъ еще вдобавокъ могъ быть и пажомъ... Но онъ былъ неглупый мальчикъ и эти колебанія въ немъ приходили теперь къ концу, разрѣшаясь болѣе въ пользу простенькаго, тогда еще голубого околышка, чѣмъ пажескихъ, шитыхъ золотомъ, фалдъ.

IV.

Между тѣмъ, Алексѣй Осиповичъ давно уже вышелъ въ переднюю, поспѣшно нагнувъ на плечи свое гороховое пальто и уже подошелъ къ двери, когда ему что-то вспомнилось и онъ остановился.

— Послать сейчасъ ко мнѣ Семена Трофимова, сухо сказалъ Теленевъ дворецкому: — я буду у себя во флигелѣ.

Теленевъ вышелъ и медленными шагами, понутивъ голову отъ неприятной мысли, тяготившей его, направился по доскамъ ко флигелю.

Сильная досада кипѣла въ его груди. Онъ никакъ не могъ забыть того тона, какимъ дѣлалъ распросы Тавровъ насчетъ сына, и мину, какую тотъ скорчилъ, услыжавъ, гдѣ служить его Васинька. Самолюбіе его было сильно уколото. Ничего у него не находилось для оправданія сына. Онъ даже забылъ тѣ несомнѣнныя достоинства сына, которыми, при другихъ обстоятельствахъ, онъ не преминулъ бы утѣшить себя. Теперь онъ во всемъ обвинялъ его. «Вотъ, думалъ онъ, еслибы онъ слушался меня больше, еслибы учился, какъ я требовалъ, мнѣ не пришлось бы на старости краснѣть предъ этимъ господиномъ. Положимъ, что Тавровъ въ этомъ случаѣ велъ себя какъ пустой фатъ, положимъ, что болѣе порядочный человѣкъ не поступилъ бы такъ неделикатно, въ такомъ щекотливомъ для другого вопросѣ. Но несомнѣнно, что онъ имѣетъ нѣкоторое право такъ свысока относиться къ Васинькѣ. Вотъ они почти однихъ лѣтъ, а онъ уже штабс-капитаномъ, да того и смотри, что будетъ

скоро капитаномъ. Вѣдь это арміи подполковникъ, въ какія-нибудь 25 лѣтъ. Чего же лучше? А будущее его, а будущее! восклицалъ старикъ:— флигель-адъютантомъ, навѣрно флигель-адъютантомъ, и Варвара Михайловна говоритъ. И еще всегда служить въ Петербургѣ! Карьера его, по всей вѣроятности, самая блестящая. Вѣдь это, шутка сказать, можно при счастьи въ 40 лѣтъ быть генераломъ!... Вотъ генеральша какъ ухаживаетъ за нимъ. Это не то, что Васинька. Небось, еслибы онъ сдѣлалъ Ольгѣ Юрьевнѣ предложеніе, я думаю, генеральша радехонька была бы. А что же? Ольга Юрьевна хорошая дѣвушка, воспитанная, добрая и изъ хорошей фамиліи. Хоть кому хорошая партія: да и почти вся Оврусовка за нею... Заживуть-себѣ въ Петербургѣ отлично!...»

Онъ вздохнулъ съ сожалѣніемъ, что не можетъ тѣмъ же утѣшиться, смотря на будущность Васиньки. Безъ этихъ внѣшнихъ атрибутовъ, онъ не признавалъ счастья на землѣ. «А что Васинька? продолжалъ онъ думать: хотя по письмамъ и видно, что онъ добрый и умный человекъ, хотя всѣ видѣвшіе его не нахвалятся, говоря о его характерѣ, но все-таки, что у него впереди? Я самъ былъ армейцемъ — знаю: вѣчное тасканье съ одного мѣста на другое, вѣчная жизнь на походѣ, неизмѣнне никогда собственнаго угла. Да и перспектива печальная: дослужиться при сѣдыхъ волосахъ до полковничьяго чина. Хорошо если еще часть дадутъ, а то, можетъ, и такъ придется служить, никогда, даже впереди, не имѣя надежды обезпечить себя на старости запасною копеечкою». Онъ вздохнулъ еще тяжелѣе. «Остаться вѣкъ холостякомъ, бобылемъ. Нѣтъ, это не жизнь!»

«А что, еслибы удалось перетянуть его въ гвардію? еще немного погоды размышлялъ старикъ, осѣнясь новою мыслию: не попросить ли Варвару Михайловну? у ней тамъ въ Москвѣ есть протекція, или, можетъ, она могла бы подѣйствовать на этого Таврова. Пусть бы сказалъ, что Васинька его сродственникъ. Можетъ, и перевели бы куда-нибудь. Нужно будетъ не плевать въ этотъ колодезь — заискивать. Пустяки, что онъ меня обидѣлъ сейчасъ. Самолюбіе отца должно смолкнуть, когда идетъ дѣло о счастьи родного сына!»

Алексѣй Осиповичъ и не замѣтилъ, какъ съ этими мыслями подошелъ въ флигелю, прошелъ сѣни, и очутился въ своей комнатѣ.

Старикъ, войдя, разсѣянно кинулъ свою фуражку на грудь различныхъ счетовъ и разграфленныхъ вѣдомостей по экономіи, которыми былъ заваленъ весь письменный столъ, и выпилъ стаканъ холодной воды, чтобы окончательно утушить душевное волненіе,

поднятое въ груди сценою съ Тавровымъ. Онъ закурилъ сигару, растворилъ окно, выходящее въ садъ, подсѣвъ къ нему и принялся поджидать Семена Трофимовича.

Немного погода, въ сѣняхъ кто-то робко стукнулъ щеголкою. Теленьевъ опустилъ сигару.

— Кто это?

— Семенъ Трофимовъ... Извоили требовать.

На порогѣ тихо появился быстроглазый лакей въ сѣромъ рейтфракѣ съ гербовыми пуговицами.

— А Фенька? спросилъ Теленьевъ.

Лакея передернуло при этомъ вопросѣ и онъ подозрительно посмотрѣлъ на управляющаго, ничего не отвѣтивъ. Онъ лакейски заложилъ руки назадъ и выставилъ ногу впередъ.

— Я приказалъ и ее послать.

— Не могу знать, Алексѣй Осипычъ. Дворецкій сказывалъ, что только меня приказали послать.

Теленьевъ съ минуту мѣрилъ его строгими глазами.

— Генеральша всѣми вами очень недовольна, строго началъ онъ: — вы тамъ изъ дѣвичей чортъ-знаетъ что слѣляли! это ты, кажется, обожатель Феньки? Ты видѣлъ, въ какомъ она положеніи?

Семенъ дернулъ плечомъ, будто ничего не понимаетъ во всемъ этомъ.

— Я тутъ, Алексѣй Осипычъ, ничего не знаю-съ.

— И генеральша и я убѣждены, что это ты тутъ намастерилъ. Нечего объ этомъ, значить, и говорить!... Мнѣ не до того!... Завтра... Теленьевъ остановился и задумался. — Нѣтъ, въ пятницу вы оба, и ты и Фенька, явитесь ко мнѣ утромъ, я обстоятельно разберу это дѣло. А теперь, продолжалъ онъ: — а на дняхъ ожидаю сюда Василья Алексѣича... Генеральша, послѣ надѣланныхъ тобою гадостей, не хочетъ тебя и видѣть въ комнатахъ, и потому приказала, чтобы ты здѣсь находился. Если прійдетъ Василій Алексѣичъ, ты будешь за нимъ ходить. Слышишь?

Лакей нехотя процѣдилъ сквозь зубы: «Слышу-съ...»

Теленьевъ всталъ, подошелъ къ двери, ведущей въ другую комнату и, указывая, добавилъ:

— Эту комнату приготовить. Скажи, чтобы перенесли желѣзную кровать и письменный столикъ изъ комнаты Владислава Казимировича. Завтра, съ утра за это возьмись. Теперь ступай. Въ пятницу же утромъ изволь явиться съ Фенькой.

Лакей медленно повернулся и вышелъ.

Какъ только, выйдя отъ управляющаго, Семенъ сталъ прибли-

жаться въ черному крыльцу, онъ услышалъ, что знакомый голосъ тихо назвалъ его: «Сеня!»

Онъ обернулся, и увидѣлъ догнавшую его приземистую, какъ-то черезчуръ ужъ припухлую съ лица горничную. Дѣвушка бѣжала какъ-то поутину, переваливаясь.

— Сеня, зачѣмъ онъ тебя звалъ? съ безпокойствомъ спрашивала дѣвушка.

— Да все, Федосья Анисимовна, на счетъ того-съ... Сказывалъ, что генеральша приказала ему разузнать.

— О, Господи! Что жь это будетъ? — И дѣвушка испуганно прильнула головой на плечо лакея: — Пашка сказывала, Сеня, что барыня очень сердилась въ гостиной. Ужъ я лучше пойду, упаду генеральшѣ въ ноги, и повинюсь.

— Это вы все глупости задумываете, Федосья Анисимовна, недовольно произнесъ Семень: — потому что теперича какіе они намъ господа? — Теперь воля.

— Да, воля, сквозь слезы съ сарказмомъ проговорила дѣвушка: — пока отойдемъ, они еще услытъ сто разъ... Она не договорила, но Семень могъ догадаться: — ужъ лучше повиниться.

— Не нужно-съ. Если вы безпремѣнно хотите, такъ управляющій намъ съ вами приказалъ обонимъ въ пятницу, утричкомъ, придти, вотъ тогда и скажемъ ему, что такъ и такъ, моль, Алексѣй Осиповичъ, любимъ другъ друга, и въ законный бракъ имѣемъ намѣреніе вступить, какъ только отойдемъ отъ генеральши. Ужъ я васъ научу, какъ нужно отвѣчать... А теперь, прибавилъ Семень, я собственно очень понимаю ваше положеніе, и можно сказать, чувствительно благодаренъ за ваши страданія.

— Не обмани, Сеня, голубчикъ; ты знаешь, я работающая, швея — могу мѣсто получить. Тебѣ ничего не нужно будетъ дѣлать. Бѣлье буду стирать. Всѣ деньги, какія остаются будутъ, тебѣ буду отдавать. Ты ужъ положишься на меня, на другихъ и смотрѣть не стану. Разрази меня Богъ, если неправду сказываю... Не разлюби только, голубчикъ: я для тебя грѣхъ приняла...

И дѣвушка жарко поцаловала цивилизованнаго лакея, смотрѣвшаго нѣсколько холодно, и даже свисока, на ласки возлюбленной...

— Сказывалъ, еще немного погодя прибавилъ Семень: — что я уже въ горницахъ не буду. Чтобы во флигелѣ находилъ. Сина, что ли, ждетъ. За нимъ буду ходить. Вотъ еще принесла велегкая!

V.

Послѣ чаю пріѣхалъ къ Плещеевымъ отецъ Таврова.

Отецъ Таврова оказался высокимъ, красивымъ, хотя уже и пожилымъ, брюнетомъ. Окладистая, густая борода, съ легкою просѣдью и громадная во всю темень лисина, давали его красотѣ какой-то почтенный, прекрасный отпечатокъ. На немъ былъ отлично-шитый, длиннополный сюртукъ; остальное все полѣтнему: бѣлые панталоны и пикейный жилетъ. Во всѣхъ его приемахъ проглядывала плавность и свобода, признаки долгой привычки жить въ хорошемъ обществѣ.

Его не ожидали. Онъ былъ, по званію предводителя, на слѣдствіи по дѣлу безпорядка между графскими крестьянами, и, казалось, не могъ быть скоро назадъ. Поэтому, молодой Тавровъ очень удивился его пріѣзду и обрадовался.

— Ба, рара, такъ скоро!

— Да, да, mon cher, принимая сына въ объятія, сказалъ отецъ: — и я не ожидалъ. По военному кончили, скоро.

Красивая, борзая собака, бывшая съ гостемъ, разлишавъ знакомый нюхъ, завилая хвостомъ, встала съ ковра и, перейдя къ молодому Таврову, вскочила ему на грудь и принялась ласкаться и сладко потягиваться. Но, замѣчая холодность хозяина, соскочила на полъ и перешла къ Ольгѣ.

— И все кончилось? между тѣмъ нетерпѣливо спрашивалъ Викторъ Сергѣичъ отца: — благополучно? Чтѣ дѣда?

— Ничего... Все изъ-за пустяковъ вышло, объяснилъ Тавровъ: — однако, пришлось одного бунтовщика въ острогъ отправить, да трехъ наказать...

Предводитель покосился на Ольгу и, замѣтивъ, что она заигралась съ собакой и, повидимому, вовсе не слушаетъ разговаривающихъ, прибавилъ, уже совсѣмъ входя въ свою роль:

— Ну, а какъ успороли порядкомъ де-мо-кратическія... — Онъ въ шутку слегка кашлянулъ въ руку: — ну, и пошло наладъ.

Никто не разсердился на такую вольность. Напротивъ, всѣ искренно расхохотались, а вульгарность послѣдняго намека даже придала всему разговору колоритъ свѣтской непринужденности. Сама Варвара Михайловна первая чуть не захлебнулась отъ восторга въ раздушенный платокъ, и только покосилась на дочь, вѣроятно, желая удостовѣриться, что та дѣйствительно не слышала выраженія Таврова.

Поговорили еще. Вся образованная компанія посмѣялась всласть надъ мужицкою простоватостью, когда предводитель, разохотив-

шнсь успѣхомъ первой шутки, весьма характеристично передалъ толки крестьянъ на счетъ того, что у нихъ тутъ въ губерніи трѣангуляцію будутъ производить этимъ лѣтомъ, строить трехногія вѣхи, а крестьяне что же вообрази?—что прїѣдутъ отъ царя особые генералы, влѣзутъ наверхъ, осмотрятъ и, что укажутъ оттуда, то крестьянамъ и отойдетъ. А до тѣхъ поръ настоящей воли и слушать не хотятъ. Анекдотъ этотъ, впрочемъ, имъ самимъ и былъ сочиненъ. Всѣ остались очень довольны, хотя и повѣрили ему только вполовину.

Сынъ посмотрѣлъ на часы.

— Однако, куда же это ты теперь такъ парадно? спросилъ онъ, оглядывая удивленно отца: — вѣдь скоро десять.

Отецъ опомнился и засуетился.

— Да вотъ, mon cher, нужно еще тутъ заѣхать неподалеку. И обратясь къ Варварѣ Михайловнѣ, онъ пояснилъ: — къ вашей сосѣдкѣ Оглобной. Дворянка тутъ есть такая, мелкопомѣстная, пояснилъ онъ сыну пренебрежительно: — сынъ у ней есть тутъ какой-то, грубитъ ей, не слушается, не хочетъ ѣхать служить, съ мужиками вьзется. Мать Христомъ Богомъ просить урезонить его. Я говорю: «не мое дѣло, сударыня». Она проситъ, чуть руки не цаплетъ. Обѣщала сегодня заѣхать. — Завтра будетъ опять некогда... Я ужъ у тебя, Викторъ, фэтонъ-то возьму, ограблю. Поѣзжай на моихъ бѣгункахъ. Вотъ и Мистера возьми, прибавилъ онъ, показывая на собаку. — Ну, поѣдемъ, mon cher. Мнѣ пора.

Молодой Тавровъ намекнулъ Ольгѣ на обѣщанный дневникъ, не назвавъ, впрочемъ, прямо при постороннихъ, что именно проситъ.

Дѣвушка опять замялась.

— Я уже раздумала, сказала она: — боюсь.

— Вѣрно, я не стою исправленія? Что дѣлать—покорюсь!... И онъ опять манерно поклонился и отошелъ искать свою фуражку.

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте...

Ольга ловко подобрала передъ платья и быстро выбѣжала изъ комнаты.

— Что это такое? вмѣшалась Варвара Михайловна, когда Тавровъ принималъ отъ Ольги дневникъ.

— Секретъ-съ, предупредилъ молодой Тавровъ, кланаясь какъ-то богомъ.

— Pardon, делкатно извинялась та: — я не знала. У нынѣшнихъ молодыхъ людей, обратилась она шутливо къ отцу Таврова:—все секреты отъ родителей. Не то, что мы были въ свое

время. Не правда ли, Сергѣй? По праву родства они фамилярничали иногда.

— Правда, матушка, правда, шутливо соглашался Сергѣй Ивановичъ:—мы только секретничали отъ родителей въ дѣлахъ сердца...

— А можетъ... началъ было Викторъ Сергѣичъ...

— Можетъ, это дѣло сердца?... перебилъ отецъ:—браво, браво, закричалъ онъ, любуясь смущеніемъ молодыхъ людей:—молодость проговаривается. Добрый признакъ.

И родители переглянулись самодовольно, какъ переглядываются сообщники, когда замѣчаютъ какойнибудь признакъ, благоприятный для ихъ собственныхъ затаенныхъ замысловъ.

Плещеевой, въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не дорожить и не ухаживать за молодымъ Тавровымъ, во время его поѣздокъ къ отцу въ деревню. Если честолюбивныя мечты и могли иногда рисовать ея воображенію возможность для Ольги въ столицѣ и болѣе блестящей партіи, то все же она понимала, что это были только мечты. Тутъ же представлялась дѣйствительность, по мнѣнію всѣхъ радужная въ будущемъ. Къ тому же Варварѣ Михайловнѣ казалось, что сердце Ольги уже сдѣлало выборъ, и деликатная натура матери не хотѣла слишкомъ перечить Ольгѣ въ этомъ дѣлѣ.

Тавровы уѣхали.

Едва предводительскій фаятонъ выѣхалъ шагомъ изъ воротъ усадьбы (Тавровы ѣхали вмѣстѣ до поворота, гдѣ слѣдовало разстаться), какъ молодой Тавровъ замѣтилъ влѣво группу горничныхъ, игравшихъ съ лакеями въ горѣлки. Обычная серьезность вдругъ покинула его.

— Рара, я тебѣ покажу что-то очень хорошенькое, сказалъ онъ пофранцузски:—Мишка, стой! Кучеръ оглянулся и сталъ сдерживать лошадей:—Паша, подите сюда! крикнулъ Викторъ Сергѣичъ одной статной, высокой горничной, вставая въ фаятонѣ. Паша вспыхнула и бросилась прятаться въ середину кружка. — Не бойтесь. Миѣ нужно кое-что передать баринѣ, схитрилъ офицеръ. — Подружки вытолкнули позванную изъ кружка съ громкимъ смѣхомъ. Паша подошла къ фаятому, запакивая ротъ платкомъ, нависнутымъ на плечи, и лукаво хихикая подъ нимъ. — Не правда ли, какая она хорошенькая, рара? осведомился Викторъ Сергѣичъ у отца. Дѣвушка хотѣла-было отскочить, но молодой Тавровъ, приложивъ къ дѣлу зауваское *furie*, котораго такъ недоставало, по его мнѣнію, Шарассу—объ этомъ обстоятельстве читатель узнаетъ впоследствии—въ одно мгновеніе опрокинулъ Пашу въ фаятонъ и закричалъ кучеру:—Пошелъ, Мишка!

Фэзтонъ пустился вскачь.

— Ой, ой! Викторъ Сергѣичъ, что это! — Увидать, ей-богу, увидеть! кричала хорошенькая плутовка, попавшись въ западню.

На хохотавшую Пашу посыпались щипки и присказки стараго джентльмена. Снѣзъ болѣе не участвовалъ. Онъ держался въ сторонѣ, какъ-бы предоставляя старику одному подурачиться.

— Какъ ты ее называлъ, mon cher?... Пашкой? какое славное имя... Elle est vraiment très jolie, нашелъ Сергѣй Ивановичъ, обращаясь къ сыну. И указательный палецъ предводителя, снабженный бриліантовымъ перстнемъ, сдѣлавъ фальшивый маневръ въ воздухъ по направленію къ поясу дѣвушки и этимъ заставивши ее особенно громко вскрикнуть, — ловко проскользнулъ къ щекѣ плутовки и вдѣпился въ нее самымъ хищническимъ образомъ. — Гми! придешь ко мнѣ, канашка? допытывался онъ, уже давая ее въ щеку.

— Какъ можно-съ... Ахъ, Господи!... Пустите, Сергѣй Ивановичъ. Голубчикъ, пустите!... Бариня, бариня узнаетъ! кричала она громко: — люди смотреть. Ой, ой! — И она залилась звонкимъ смѣхомъ и забарахталась съ особенною силою, чтобы освободиться.

— Серьга подарю, соблазнилъ родитель Виктора Сергѣича.

— Да приду, приду... Только пустите, сударь.

— Ну, смотри же, плутовка... Мишка, стой!

Паша была высажена изъ фэзтона и награждена на прощанье послѣдними, а потому и самыми страстными щипками.

— Послѣ дождичка въ четвергъ! крикнула воструха и бросилась съ громкимъ смѣхомъ опретью бѣжать.

— Ахъ, разбойница! шутливо проговорилъ Сергѣй Ивановичъ, еще нѣсколько времени смотря ей вслѣдъ: — а славная канашка, согласился онъ, усаживаясь снова въ фэзтонъ. Онъ даже утерся платкомъ отъ сладости. — Какъ-бы это ее, Викторъ, заманить къ вамъ?... Какъ это я ее просмотрѣлъ у Варвары Михайловны... Ну, Викторъ, мерсі, удружилъ, братъ, старику...

Затѣмъ они болѣе молчали. Только разъ отецъ замѣтилъ:

— Однако, ты, кажется... того, сильно нравишься Ольгѣ; что же, я противъ этого ничего не имѣю. Ковать желѣзо нужно, пока горячо. Только не ошибись. Знаешь ли ты ее? — Снѣзъ только презрительно усмѣхнулся на это, и ничего не отвѣтилъ, какъ-бы думая про себя: «экъ, чего не знать!»

Да другой разъ, немного погоды, старикъ прибавилъ:

— А Elise-то очень плоха. Тебѣ нужно бы чаще бывать у дяди, Викторъ...

Но сынъ и теперь только промолчалъ.

На шестой верстѣ, молодой Тавровъ выльзъ изъ фазтона, накиннулъ на себя шинель и, объявивъ отцу, что будетъ ожидать его къ ужину домой, пересѣлъ на бѣгунки, слѣдовавшіе сзади съ казачкомъ. Онъ самъ принялъ возжи и, ловко хлопнувъ рысака, погналъ его прямо по дорогѣ, тогда какъ фазтонъ отца свернулъ на какую-то боковую тропку. Мистеръ постоялъ сначала въ нерѣшительности, какъ-бы колеблясь, за кѣмъ изъ господъ слѣдовать, а потомъ побѣжалъ на свистъ Виктора Сергѣича. Его тощая, ловкая фигура, неся носъ по землѣ, запрыгала сбоку дороги по кустамъ тѣми большими, граціозными прыжками, которые такъ знакомы всякому истому охотнику, и, при взглядѣ на которые, какъ извѣстно, сердце такого любителя всегда способно волноваться порывами самого неподдѣльнаго восторга.

VI.

Дорога, по которой катилъ фазтонъ старика Таврова, вскорѣ пошла лѣсомъ.

Слегка развалившись в степенно опираясь на свою трость съ набалдашникомъ слоновой кости, Тавровъ задумчиво глядѣлъ вдаль. Упругія рессоры пріятно подбрасывали его на кочкахъ... Ему почти дремалось...

Версты черезъ двѣ лѣсъ кончился, и дорога извиистой лентой потянулась по его опушкѣ подъ самыми деревьями. Предводительскому кучеру поминутно приходилось нагибаться, чтобы уклониться отъ хлеставшихъ по лицу вѣтвей.

Потянулся полуразвалившійся заборъ. Въ концѣ оказались растворенныя ворота. Кучеръ Таврова придержалъ передъ ними лошадей, потомъ осторожно завернулъ ихъ въ растворенную часть воротъ, и фазтонъ, быстро скатившись съ горки и красиво колыхаясь, подкатилъ налѣво къ крылечку маленькаго, хилаго домика.

На крылечкѣ встрѣтила ихъ съ разинутымъ ртомъ босоногая, краснощочая крестьянская дѣвча, державшая въ рукахъ поднось съ цѣлою колонною перемытыхъ тарелокъ.

— Послушай, сказалъ ей предводитель: — Марья Кирилловна дома? Не спятъ еще?

— Ужинать собираются-съ.

— Скажи, что предводитель пріѣхалъ. Могу я видѣть?

Одинъ изъ работниковъ, мазавшихъ на дворѣ брячку, по-

сѣбно бросилъ работу, при послѣднихъ словахъ предводителя, и торопливо ушелъ заднимъ крыльцомъ въ комнаты.

— Пожалуйте-съ, суетливо говорила работница, возвращаясь на крыльцо и направляя матовый половникъ, по которому долженъ былъ входить гость.

Хозяйка встрѣтила его въ темной залѣ и, извиняясь и немилосердно суетясь, попросила въ маленькую гостиную, откуда видѣлся свѣтъ.

Гостиная была крохотна, уставлена старомодною мѣбелю и оклеена дешевенькими обоями. Увалистый краснаго дерева диванъ, обитый пожелтѣлымъ, заштопаннымъ барваномъ, занималъ чуть не полкомнаты; овальный столъ передъ диваномъ; печка въ углу; герань на раскрытомъ окнѣ. Все бѣдно и старо...

Нагнувшись къ свѣчкѣ, сидѣла около стола дѣвушка и что-то вышивала на батистовой лентѣ, пристроченной къ вѣсенкѣ. Передъ ней развернута книжка.

— Дочь моя Лидія, рекомендую вамъ, Сергѣй Ивановичъ, сказала хозяйка. — Лидочка, Сергѣй Ивановичъ Тавровъ — нашъ предводитель, отнеслась она къ дочери. Тавровъ поклонился, а отрекомендованная встала и присѣла небольшимъ институтскимъ книксомъ.

Хозяйка оказалась слегка сѣденькою, но еще свѣжею съ лица, добренькою женщиною. Глаза у ней свѣтились такою тихою кротостью, такою любовью и привѣтливостью, что, казалось, ничто злое, недоброе и знакомо ей не было. Звали ее Марьей Кнриловной, а по фамилин — Оглобиной.

А дочь Лидочка еще была очень молода, съ великолѣпными, золотистыми волосами, взбитыми вверхъ. Лицо пріятное, выразительное, только нѣсколько блѣдное, съ маленькими веснушками. За то губка нижняя очень хороша: толстенъкая, отдутая и розовая-розовая, вамъ вкусная вишенька. И глаза хорошіе, темные, почти каріе. При свѣтлыхъ волосахъ это очень красиво выглядѣло. На тонкой шеѣ черная бархатка.

Тавровъ, усѣвшись на диванѣ, съ минуту разсматривалъ ее внимательно, что чувствовала и Лидочка, хотя у ней и были опущены глаза къ работѣ.

— Вы, кажется, недавно изъ института? спросилъ предводитель.

Мать предупредила дѣвушку отвѣтомъ:

— Смолянка-съ.

Предводитель освѣдомился: «не случаетъ ли она по Петербургъ?» Дѣвушка подняла на него свои красивые глаза и, слегка пріятно шепелявя, отвѣтила, что она мало знала Петербургъ, что ее не вывозили въ институтъ.

— Бѣдная дѣвушка не должна о немъ и думать, вставила поскорѣе сентенцію мать.

Ничто ничего не отвѣтилъ. Только дѣвушка, при этомъ замѣчаніи, поспѣшно опять наклонилась къ работѣ, и иглою заходила скорѣе прежняго.

— И никого у васъ не было тамъ знакомыхъ?

— Нѣтъ.

— А Sophie Нехелись, напомнила ей мать. — Это ея подруга, объяснила хозяйка предводителю: — очень ее любить. Онѣ переписываются. Богатая дѣвушка. Недавно прислала ей дорогой альбомъ съ портретами теперешнихъ петербургскихъ знаменитостей.

Тавровъ, немного погодя, нагнулся къ книгѣ, лежавшей передъ дѣвушкой.

О женщинынахъ — прочиталъ онъ сверху страницы. Онъ перевернулъ и, посмотрѣвъ на блѣдно-лиловую обертку журнала, лукаво улыбнулся.

— Это, кажется, о свободѣ?... Ну, и нравится вамъ? продолжая покровительственно улыбаться, осведомился Тавровъ.

— Тутъ много справедливаго. Еще въ институтѣ Sophie Нехелись говорила о ней и совѣтовала прочитать. Ей давала читать одна наша пепиньерка.

Тавровъ еще шире улыбнулся, откинулся назадъ на диванѣ, и сталъ внимательно вглядываться въ дѣвушку.

«Какіе у ней славные волосы», первое, что подумалось ему.

— Что же вы здѣсь думаете дѣлать?

— Долго она, вѣрно, здѣсь не пробудетъ, сказала за нее съ грустнымъ видомъ мать.

— Отчего же?

— Она можетъ получить мѣсто.

— Мѣсто, какое?

— Мѣсто гувернантки. У ней есть дипломъ. Она вышла съ шифромъ. За нее хлопчатъ. Хочетъ заниматься.

Тавровъ подумалъ.

— Отчего же вы не хотите у татапа жить? обратился онъ опять къ дѣвушкѣ.

Дѣвушка немного замедась, потупилась, и стала перебирать пальчиками листы журнала:

— Зачѣмъ родителей стѣснять! Нынче вотъ говорятъ это — не хорошо. И невинно покраснѣла.

— Ого, въ раздумьѣ произнесъ гость, и сталъ любоваться смущеніемъ хорошенькой вольнодумки: — vous aussi, vous avez

subi l'influence de l'esprit du temps, mademoiselle, грустно улыбаясь, замѣтилъ Тавровъ. — А веселиться любите?

— Очень, простодушно отвѣтила дѣвушка, не въ состояннн будучи скрыть удовольствія при одномъ этомъ намекѣ предводителя. Вѣдь она была еще такъ молода, природа требовала своей дави — бороться было трудно, да и незачѣмъ. — Да гдѣ здѣсь веселиться? Такая противная сторона.

Она посмотрѣла въ сторону, куда-то въ садъ, какъ-бы желая указать, что это, въ самомъ дѣлѣ, противная сторона; потомъ на Таврова, и тихо засмѣялась своими красивыми, кроткими глазами, и опять ужасно покраснѣла, отчего стала еще болѣе херошенькою.

«Какая она миленькая теперь», подумалось предводителю.

— Вы незнакомы съ Плещеевыми? спросилъ онъ.

— Они такіе гордые...

— Напрасно вы такъ думаете... Хотите, я доставлю вамъ случай познакомиться съ ними? Это — премилый здѣсь домъ.

Дѣвушка нерѣшительно посмотрѣла на мать, какъ-бы ожидая, что та скажетъ.

— Изволь, изволь, мой другъ... Я буду вамъ очень благодарна, обратилась Марья Кириловна къ гостю. — Это правда, ей скучно у мена: она молода, а что же я ей могу доставить при моихъ средствахъ?

— Я заѣду когда нибудь за вами, пообщалъ Лидочкѣ предводитель.

Онъ посмотрѣлъ на Марью Кириловну, какъ-бы желая напомнить ей о дѣлѣ, за которымъ она приглашала его.

— А вашъ сынъ-съ? намекнулъ онъ, когда она не сейчасъ догадалась.

Мать засуетилась.

— Не знаю, вернулся ли онъ... Онъ... на работѣ, съ трудомъ выговорила она, стараясь не встрѣчаться глазами съ предводителемъ: — я вамъ говорила сегодня, Сергѣй Ивановичъ, о его... странностяхъ. Переговорите съ нимъ. Вы — мужчина, да и власть имѣете.

Тавровъ обвелъ комнату глазами, какъ-бы ища того, съ кѣмъ нужно было переговорить.

— Лидочка, позойи брата, приказала г-жа Оглобина дочери. Дочь тихо поднялась, заткнула иголку въ работу, положила на столъ и вышла. — Сколько я горя терплю отъ него—вы не вѣрите, продолжала жаловаться хозяйка растроганнымъ голосомъ: — вотъ наказалъ Господь сыномъ! Она вытерла слезы... За дверью слышались шорохъ и шептанье.

Лидочка вернулась и тихо проговорила, относясь къ матери:
— Онъ не хочетъ... конфузится... Онъ у насъ ужасно не свѣтскій, обратилась она институтски къ Таврову, и покраснѣла.

Марья Кириловна сама отправилась, и насильно ввела сына за рукавъ. Оказалось, что это былъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы давеча могли разглядѣть подмазывающимъ бричку. Ему было на видъ лѣтъ за двадцать-шесть, онъ былъ худощавъ и костистъ съ лица и въ тѣлѣ, однакожь статенъ. Но лицо не имѣло уже первой свѣжести, и было угреватое. Онъ былъ одѣтъ въ бра-сную рубаху, выглядывавшую изъ-подъ старенькаго кафтана съ русскимъ косымъ бортомъ.

— Сынъ мой, Миша, со вздохомъ отрекомендовала его хозяйка предводителю, вытирая слезы.

Тавровъ немного приподнялся и холодно поклонился введенному, но не протянулъ руки.

— Я вотъ пригласила Сергѣй Иваныча, обратилась Оглобина къ сыну:—я просила его быть между нами посредникомъ, пояснила она, желая если не оправдать, то хоть смягчить передъ сыномъ обращеніе свое въ этомъ случаѣ къ содѣйствію предводителя: она не знала еще, какъ будетъ это принято сыномъ и опасалась скандала:—Сергѣй Иванычъ можетъ быть безпристрастнымъ судьей. Посудите сами, обратилась она къ Таврову:—не права ли я, совѣтуя ему оставить всѣ эти фантазіи, которыя могутъ только окончательно его загубить, и идти опять служить. Чтѣ бы прежняя его служба ни давала—все же это вѣрный кусокъ и ни то, чтѣ тутъ, гдѣ онъ только убиваетъ молодые силы.

— Вы вѣдь кажется уже служили? обратился Тавровъ къ Оглобину.

— Служилъ, поспѣшила на выручку Марья Кириловна:— и выгодное мѣсто имѣлъ въ губернскомъ казначействѣ: лѣтъ черезъ двѣнадцать могъ быть бухгалтеромъ. И вдругъ пришла въ голову дурь.

— Чтѣ же васъ заставило оставить службу?

Молодой Оглобинъ смотрѣлъ на предводителя равнодушно, пощипывая разсѣянно свою рѣденькую бородку и нисколько повидимому не намѣреваясь отвѣчать.

— Глупость, дурь одна, объяснила опять г-жа Оглобина:— видите, всѣ—мошенники, взяточники, одни мы честны! Самонадѣянность, многодумье о себѣ... «Лучше, гозорить, стану землю пахать, мужикомъ буду, да честнымъ, чѣмъ чиновникомъ—да безчестнымъ», передразнила она.

Тавровъ саркастически улыбнулся и поглядѣлъ съ состраданіемъ на молодого человѣка.

— Но что же мѣшаетъ быть честнымъ чиновникомъ, я не понимаю? замѣтилъ онъ:—теперь такихъ ищутъ.

— Да, что мѣшаетъ? согласилась Марья Кирилловна, обращаясь горячо къ сыну: — да говори же, Миша. Вѣдь это не вѣжество молчать, замѣтила она, убѣдившись, что сынъ и теперь не желаетъ отвѣчать.

— Что вамъ, маленька? недовольнымъ тономъ отвѣтилъ тотъ:— оставьте меня въ покоѣ ради Бога.

— Миша, я серьезно хочу говорить. Я затѣмъ и пригласила Сергѣя Ивановича. Сегодня должно все это чѣмъ нибудь рѣшиться. Я мать, я имѣю право требовать...

Сынъ слегка усмѣхнулся.

— Вотъ онъ смѣется надъ этимъ. Вотъ такія оскорбленія я испытываю каждый день, вспыхивая, жаловалась Оглобина предводителю:—вѣдь онъ не признаетъ меня за мать, увѣряю васъ. Ужасные люди! Господи, перекрестилась она на образъ, и Бога они не боятся!... Да что Богъ, они о немъ не думаютъ! Дочь мнѣ испортилъ, волнуясь, говорила старуха: — дочь, дѣвушку, только что вышедшую изъ института... Вчера мы при громѣ испугались, а онъ говоритъ сестрѣ глупости, что ея институтскаго учителя физики нужно было бы на хлѣбъ на воду посадить.

Оглобинъ улыбнулся добродушно.

— Да вѣдь я шутилъ, какъ вы не понимаете.

— Этимъ не шутятъ, строго возразила мать.—Ты самъ перекрестилъ ли лобъ хоть разъ за эти два года? Ты что сдѣлалъ съ моимъ благословеніемъ? ризу жиду продалъ на вѣсъ.

— Вы знаете, мнѣ ѣсть тогда нечего было. Не идти же врать?

— Лучше бы ты укралъ... Мнѣ легче бы было. У, болванъ! И вставъ, она въ волненіи шибко заходила по комнатѣ.

— Вы только ругаться умѣете, съ сердцемъ отвѣтилъ сынъ и пошелъ къ двери.

— Нѣтъ, постой, хватая за рукавъ, останавливала мать:—ты скажи, на что ты рассчитываешь? Даромъ мой хлѣбъ ѣсть?

Оглобинъ какъ порохъ вспыхнулъ.

— Даромъ? Неправду вы говорите, позвольте вамъ замѣтить, сказалъ онъ рѣзко матери: — можетъ, я во многомъ виноватъ, но въ этомъ не чувствую за собой грѣха. Ажете вы... Извините меня, матушка, за такое выраженіе!

Онъ, какъ-то сердито рванувъ, отдернулъ рукавъ и показалъ

свою руку, въ самомъ дѣлѣ закрубілуду въ моволяхъ и переначанную теперь въ дегтѣ.

— Эти руки были болѣе, когда я къ вамъ два года назадъ пѣшкомъ пришелъ, съ гордостью замѣтилъ онъ:—я у васъ спрашивалъ позволенія пріѣхать и поселиться здѣсь. Я писалъ, чѣмъ я намѣренъ въ деревнѣ заняться. Вы позволили...

— Я не думала тогда, что ты говоришь серьезно.

— А, ну сами и виноваты.

Мать растерялась на минуту. Тавровъ рѣшился поддержать ее.

— Но почему же вы не остались служить? Вѣдь быть честнымъ чиновникомъ можно, я вамъ замѣтилъ давеча, а вы все-таки намъ не разъяснили, виѣшался Сергѣй Ивановичъ.

— Я имѣю на это свои взгляды.

— Интересно бы услышать.

— Не считаю нужнымъ вамъ этого объяснять. Впрочемъ, вамъ интересно? прищуриваясь и насмѣшливо глядя на Таврова, вдругъ обратился онъ опять къ предводителю:—вопервыхъ, я не признаю умственную дѣятельность производительною въ теперешнемъ обществѣ.—Онъ приостановился, желая подмѣтить, какое впечатлѣніе производить его слова на предводителя. — Странно вамъ?

— Вотъ что! произнесъ нараспѣвъ предводитель и прищурился. У него даже мурашки пробѣжали по кожѣ. Онъ только теперь вполне понялъ, что предъ нимъ находится интересный субъектъ. Онъ сталъ, не торопясь, со вниманіемъ, разсматривать его съ ногъ до головы, какъ что-то любопытное, о чемъ онъ давно слышалъ, но въ существованіе чего не вѣрилъ, что вблизи ему приходилось видѣть теперь только въ первый разъ.

— И потому, восторыхъ, продолжалъ, между тѣмъ, Оглобинъ: — и потому, что не считаю себя по силамъ быть чиновникомъ, какимъ бы слѣдовало быть.

— Это очень послѣдовательно и честно, иронически замѣтилъ предводитель.

— Думаю, что дѣйствительно это послѣдовательно.

— Сколько, подумаешь, законныхъ причинъ!

— Если вамъ этого мало, то есть и еще.

— Слушаемъ-съ. — Предводитель скрестилъ на трости руки и уставился насмѣшливымъ взглядомъ на своего противника.

— Вамъ угодно? извольте. Чиновникомъ я получалъ 12 руб. въ мѣсяцъ. Въ городѣ, при дороговизнѣ, это мало. И выходитъ, что нужно будетъ въ концѣ концовъ брать. Ну, да и спину гни. А я этого не умѣю, да и не хотѣлъ бы когда-нибудь научиться. А это непременно бы случилось, еслибы я остался на

службѣ. При этой же работѣ дома, и выгоды больше и по сердцу. Математическій расчетъ...

— Послѣдовательно, послѣдовательно... И находите, что лучше быть мужикомъ по профессіи? насмѣшливо издѣвался аристократъ Тавровъ. На словѣ «мужикомъ» онъ постарался сдѣлать удареніе, чтобы было пообиднѣе. — И сами теперь землю пахете?

— Нахожу... и самъ теперь землю паху.

— Честно... Но вотъ вы другія профессіи попробовали бы, насмѣшливо совѣтовалъ Тавровъ. — Теперь многіе журналы въ этомъ духѣ пишутъ. Вы попробовали бы въ какомъ-нибудь изъ нихъ посотрудничать. Теперь большихъ способностей, говорить, не требуется. Нужна только нѣкотораго рода... инертность.

— Вы глупость сказали.

Тавровъ совсѣмъ не ожидалъ этого.

— Что я сказалъ-съ? возвышая голосъ, переспросилъ онъ, подымаясь вмѣстѣ съ тѣмъ со своего мѣста.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, засуетилась Марья Кириловна:— Миша, Бога ради... Она бросилась между сыномъ и Тавровымъ.

— Я замѣтилъ, что вы глупость сказали, твердо повторилъ Миша.

У Таврова губы тряслись отъ злости. Онъ кивалъ головою, какъ-бы желая сказать Оглобину: «хорошо, хорошо, я вамъ припомню это потомъ»... Но присутствіе матери противника не позволяло ему идти далѣе... Противникъ выждалъ съ минуту, упорно смотря ему въ глаза.

— Интересно, что бы вы сказали дальше, произнесъ Тавровъ, усаживаясь. Оглобинъ улыбнулся.

— А дальше, продолжалъ онъ уже совершенно спокойно:— я повторилъ бы опять, что у меня нѣтъ никакихъ особенныхъ способностей. И я не стыжусь въ этомъ признаться. Я даже плохо кончилъ гимназію. Я совсѣмъ не образованъ. Поэтому я не годюсь для дѣльной умственной работы, но на столько имѣю здраваго смысла и совѣсти, что могу видѣть, что при этомъ лучше быть мужикомъ и жить трудомъ, который мнѣ болѣе по силамъ.

— И все это глупости, замѣтила поскорѣе Марья Кириловна:— одно фанфаронство модою, ничего изъ этого не выходитъ. Никакой пользы нѣтъ съ этой работы.

— Неправду говорите, маменька, опять рѣвко замѣтилъ сынъ:— сами вы соглашались, что въ прошломъ году вы болѣе имѣли выгоды отъ того, что Петра, плута, отсутствовали. Онъ стоялъ

вамъ 75 р. въ годъ и все у васъ разворовывалъ. Кто жаловался, что прежде приходилось для своего скота сѣно прикупать? А теперь что? Кто третьяго-дня продать сѣно калитянскому попу? Кто съ Касьяномъ на прошлой недѣлѣ отбилъ вашу Машку у волка? Не вы ли жаловались мнѣ въ письмахъ, что ваши работники чуть не каждую недѣлю крадутъ и продаютъ овецъ, а сами говорятъ, что волки рѣжутъ? Вы это забыли?

Марья Кириловна нѣсколько смѣшалась, сознавая, что сказала неправду, и на послѣдній вопросъ сына прямо не отвѣтила, а обратила нить разговора въ другую сторону.

— Ну, и посудите сами, Сергѣй Ивановичъ, обращалась она съ отчаяніемъ къ предводителю: — каково моему родительскому сердцу, глядя, что онъ забываетъ свою молодость на такую неблагодарную работу. А годы его идутъ... Вѣрите ли, когда онъ вечеромъ приходитъ съ работы, когда я увижу на немъ эту потную... рубашку, съ трудомъ проговорила она: — эти черныя руки!.. эти моволи... (У ней показались слезы), у меня сердце разрывается. Я просто готова въ ту минуту просить у Бога, чтобы онъ меня прибавилъ, только чтобы я не видѣла этого на своемъ дѣтищѣ...

Марья Кириловна тихо заплакала и, нагнувшись, стала вытирать слезы кончикомъ платочка, выглядывавшаго изъ ридикюля.

— Думала ли я, Господи, что доживу до этого! Сынъ мой, дворянинъ, и этимъ холопскимъ, проклятымъ дѣломъ занимается.

— Все такъ, матушка, только не *проклятымъ!* Богу нѣтъ пріятіе этой работы—да! вставилъ настойчиво сынъ.

— Положимъ, поддержалъ и предводитель, уже значительно мягкимъ голосомъ: — но дворянина-то оно мараетъ, т.-е. не мараетъ, поспѣшно прибавилъ онъ: — а не идетъ ему, не пристало.

— Да, вотъ что! То-то и есть, что и въ васъ и въ матушкѣ дворянская жила при этомъ оскорбляется.

— Не то, не то, почтеннѣйшій, поправлялся предводитель: — не думайте, я не держусь предрасудковъ, я самъ... либераль. Узнайте-ка, что я въ комитетѣ по крестьянскому вопросу говорилъ. Меня самага чуть-чуть ни того, ни туда... Либераль показалъ куда-то по направленію къ саду.

Между тѣмъ, Оглобина не унималась.

— И посудите, Сергѣй Ивановичъ, неужели оттого, что мы бѣдныя мелкопомѣстные дворяне, мы должны переносить такое униженіе? Каково мнѣ, что теперь всюду по уѣзду слава идетъ, будто мой сынъ холопскою работою занимается, что я до-

пустила?... Вѣдь покойникъ мой мужъ, вы знаете, Сергѣй Ивановичъ, подполковникомъ сюда прѣхалъ... Каково-то ему теперь, бѣдному, глядѣть на это отсюда... Господи, Господи!

И она опять горько заплакала.

— Да, вотъ видите, матушка, какъ вы странно судите. Землю пахать стыдно, безчестно, а комиссаріать... Онъ не договорилъ чего-то.

— Что, что ты этимъ хочешь сказать? закричала мать, поднимаясь, какъ тигрица, во весь ростъ.

— Послужной списокъ папенькинъ, намекнулъ на что-то сынъ.—Вы знаете...

— Что знаю, что знаю? Наконецъ, съ кѣмъ бѣды не бываетъ!... И ты смѣешь тѣнь отца тревожить этимъ чернымъ воспоминаніемъ, когда все это дѣлалось для васъ, когда все это намъ досталось и мы теперь этимъ живемъ!... Вонъ изъ моего дома, и чтобы духу твоего не было здѣсь черезъ три дня! Куда хочешь иди. Я это при предводителѣ говорю. Вонъ, я тебѣ повторяю, вонъ!... вонъ!...

— Ну, в мойду. Провались оно!

И сынъ послѣшно вышелъ изъ комнаты и, въ сердцахъ, хлопнулъ сильно за собою дверь.

Черезъ четверть часа Марья Кириловна уже лежала въ постелѣ въ сильномъ бреду и перепуганной Лидочкѣ приходилось влать холодныя компрессы къ головѣ и на сердце матери, а къ двумъ часамъ понадобилось даже послать въ ближайшее казенное селеніе за фальдшеромъ.

Поздно. У Оглобинныхъ почти темно. Только въ спальнѣ Марьи Кириловны виднѣется огонѣкъ — это Лидочка возится около больной матери.

А на дворѣ, на ступенькахъ крылечка, все еще виднѣется фигура Оглобина. Сидитъ онъ, склонившись на локти, какъ-бы обдумывая въ отчаяніи, что ему дѣлать, послѣ всего, что только сейчасъ случилось съ нимъ. На сердцѣ все еще не остыла накупившая досада.

Уже полночь. На дворѣ стоитъ не ночная темень, а какой-то прозрачный сумракъ. Вдругъ дверь тихо щелкнула и вышла работница.

— Ужинать хочешь, Михайло Александрычъ? расталивая въ плечо, спрашиваетъ она тихо Оглобина.

— Не хочу.

Та стала уговаривать.

— Сказано, не хочу.

Слышать она злой тонъ. Постояла, ушла, потомъ опять вернулась.

— Ну, возьми хоть такъ, хлѣбца; какъ же такъ, неужинавши, замѣтила она, подавая ломоть хлѣба изъ-подъ фартука: — скушаешь потомъ, никто не увидить.

Онъ взялъ хлѣбъ, видимо только такъ, чтобы отвязалась.

— И это возьми, суя ему горшочекъ съ молокомъ, говоритъ работница.

Онъ сталъ отнѣиваться.

— Чаво, чаво? Возьми, материнно, не застрянетъ въ горлѣ.

Онъ отвелъ рукою.

Она отставила горшокъ на крылечко и стала передъ нимъ съ заложенными подъ мышку руками.

— Ты бы попросилъ маменьку, посоветовала она изъ участія: — такъ и такъ, сказалъ бы, въ сердцахъ вырвалось.

— Оставь, пожалуйста.

— Не хотишь? какъ хотишь... А ты, Михайло Александрычъ, подумай, куда тебѣ уйти.

— Куда бы ни пришлось, а уйду, не останусь здѣсь.

Женщина тяжело вздохнула и замолчала.

— Стало, кипешъ и меня, не жалко? робко сказала она, немного погодя. — Твоя воля! Она вытерла слезы кончикомъ платка, накинутаго на голову, и высморкалась въ него тихо. — Твоя была власть жаловать, твоя и казнить. Снесу.

Оглобинъ поднялъ голову.

— Глупости ты говоришь, Настасья. Я тебя не виню. Отйду мѣсто, такъ и тебѣ будетъ. Придешь тогда.

Работникъ подошелъ къ нимъ.

— Поздно, будемъ затворять ворота, Михайло Александрычъ, да ложиться. Завтра рано еще остаточное сѣно нужно убрать.

— Ложись. Я потомъ приду.

— Нешто не пойдешь на работу?

— Нѣтъ.

— Чаво?

— Такъ.

— Чаво такъ?

— Уйду совсѣмъ, прощай.

— Поссорился съ барыней, объяснила работница.

— Ахъ, съѣдятъ-те мухъ съ комарами! Плохо! Повздорились,

значить... Тцъ! тцъ! зачѣмъ съ сожалѣніемъ работникъ. — И совсѣмъ отъ родительницы прочь уйдешь?

— Совсѣмъ.

— Тцъ! Тцъ! Кто же у насъ будетъ за хозяина?

— Только не я.

Работникъ задумался.

— Ну, вѣтъ, тоды и я уйду. Я изъ-за тебя жилъ, што съ тобой-то ужь очень хорошо жить: ты нашимъ, мужицкимъ трудомъ не гнушаешься.

И работнику вдругъ разобрала та же мысль.

— Уйду и я, ей-богу уйду, коли такъ! воспламеняясь вдругъ рѣшила и работница. — Надѣсь валиянскій дьячокъ сказывалъ, что попу батрачка требуется.

— А кто же у нихъ здѣсь останется, когда всѣ уйдутъ? недовольно замѣтилъ Оглобинъ.

— Кто хошь, а я уйду. Я твой хлѣбъ ѣла. Ихнего не хочу. Будутъ корить... И то полюбовницей твоей въ глаза обзываютъ... И пошла опять вытирать слезы.

— А я хочу, чтобы ты пока оставалась, твердо сказалъ Оглобинъ. — Нужно, понимаешь?

— Не хочу, хоть что хошь! И баба рѣшительно замахала руками.

— И для меня не можешь этого сдѣлать?

Та замаялась и не стала болѣе перечить.

— Что же?

— Останусь, коли на то будетъ твоя воля.

— Любишь — вижу, сказалъ Оглобинъ. — А теперь все-таки ступай.

Работница еще разъ вытерла слезы головнымъ платкомъ, опять тихо высморкалась въ кончикъ, взяла нетронутое молоко съ крыльца и пошла, но потомъ сейчас же вернулась поспѣшно.

— Я твои-то портянки, што давалъ, выстирала всѣ, Михайло Александрычъ.

— Хорошо... глупая! уже засмѣлся онъ: — ступай... спасибо.

VII.

Конечно, было уже очень поздно, когда вернулся къ себѣ Сергѣй Ивановичъ, однако свѣтъ отъ нагорѣвшей свѣчи еще видѣлся въ передней: ожидали, значить.

Едва магкій, пріятный грохотъ рессорнаго экипажа раздался на дворѣ, какъ сквозь раскрытое окно можно было разглядѣть, какъ засуетились въ передней.

— Федоръ, а, Федоръ!... Баринъ! будиль теропливо лакей какаго-то мужика, храпѣвшаго на лавкѣ, шпора его кулакомъ въ бока.

Поднялась косматая фигура бурмистра.

— Послать ко мнѣ сейчасъ же Успенскаго, если не спитъ, сердито приказывалъ между тѣмъ Сергѣй Ивановичъ, выгѣвая изъ экипажа.

— Они здѣсь, сказалъ лакей, выбѣжавшій высаживать барина. И, пока еще Тавровъ отдавалъ кое-какія приказанія кучеру Мишкѣ, передъ нимъ уже стоялъ какой-то плюгавенькій старичокъ, поспѣшно застегивавшій сюртукъ и приглаживавшій на головѣ растрепанные вихры (это былъ Успенскій, письмоводитель Таврова). — Николай Ивановичъ! Приготовьте къ завтраму предложеніе исправнику, приказываетъ Тавровъ: — конфиденціальнымъ письмомъ: тутъ у помѣщицы Оглобиной сынъ есть, который держитъ себя совсѣмъ несоотвѣтственно званію дворянина, нигдѣ не служить, ничѣмъ не занимается, матери не слушаетъ, съ мужиками вается. Мать проситъ взять его отъ нея. Если земская полиція возьметъ на себя отвѣтственность за то, что ничего не случится — пусть остается. А я нахожу, въ теперешнее тревожное время, опаснымъ оставлять такихъ господъ вблизи народа и считаю долгомъ предупредить. А тамъ пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ.

Сергѣй Ивановичъ вошелъ въ переднюю.

Тавровъ былъ сильно взволнованъ всѣмъ видѣннымъ имъ у Оглобинныхъ, но тутъ, завидѣвъ у себя бурмистра въ такую позднюю пору, онъ все забылъ и испуганно посмотрѣлъ на него.

— Что ты, Федоръ? — Онъ еще не успѣлъ и шляпы снять.

— На лугу не все ладно, батюшка Сергѣй Ивановичъ, съ низкими поклонами угостилъ сюрризомъ бурмистръ: — потрапу суудскіе мужики, грабяне, сдѣлали.

Тавровъ всплеснулъ руками и шлепнулъ себя по ляшкамъ съ какимъ-то трескомъ.

— Чуло мое сердце!... Чтѣ я вамъ сдѣлалъ, скажи на милость? подступая къ бурмистру, спрашиваетъ онъ, ломая рукъ: — чтѣ я вамъ сдѣлалъ, что вы меня преслѣдуете подобными штуками? Вѣдь это второй подобный случай въ этомъ мѣсяцѣ. И онъ, потерявъ совершенно свой всегдашній, солидный апломбъ, не стыдится взять за бороду самого бурмистра: — ты у меня теперь будешь отвѣчать, ты!

— Не виновати... Сергѣй Ивановичъ, ведить Богъ. Не доглядѣть всюду.

— Вотъ увидимъ...

Его почтенное, всегда такое благородное, въ самомъ дѣлѣ аристократическое лицо искажается теперь до непріятности, до того, что противно становится смотрѣть. Онъ окончательно ребячески готовъ заплакать. Его болѣзненному воображенію, настроенному съ самаго 19-го февраля того года — всюду видѣть вокругъ себя коммунистовъ и разграбителей чужаго добра — уже Богъ знаетъ, что представляется! Онъ кричитъ, что такіа штуки превосходятъ всякіа границы долготерпѣнія, и божится немедленно написать по эстафетѣ самому губернатору насчетъ грабежа «сусѣдскихъ мужиковъ».

— Сгнѣуть у меня тогда въ острогѣ, грозить Сергѣй Ивановичъ и дергаетъ ни въ чемъ невиннотаго бурмистра за бороду.

И все это изъ-за одного покоса!

Тавровъ, не сдѣлая шляпы и сердито стуча ногами, прошелъ поспѣшно къ себѣ въ кабинетъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и спальнею. Онъ швырнулъ трость и шляпу на столъ и черезъ темныя комнаты прошелъ прямо въ столовую, откуда видѣлся свѣтъ.

У накрытаго стола ужиналъ Викторъ. Онъ ѣлъ, разсѣянно рѣжа дышленка, а самъ жадно читалъ что-то лежавшее сбоку тарелки.

— Это ужасъ, это ужасъ! повторялъ попрежнему взволнованно Сергѣй Ивановичъ: — *C'est une vraie désorganisation sociale! Aucune honte, aucune honte!* Сынъ пересталъ читать и подвѣлъ на него вопросительный взглядъ: — представь, опять по-трава!

Сынъ попытался-было успокоить его, приводя резонъ, что нужно еще посмотреть: можетъ быть, по-трава и незначительна.

— Не въ этомъ дѣло, не о количествѣ тутъ рѣчь! Нѣтъ, ты пойми, что все это значить, что это за признаки, толкуеть онъ сыну.

И онъ пускается растолковывать, что это — всѣ знаменія 89-го года во Франціи, что тогда точно такими же пустячными признаками началось, съ подорванія принципа собственности, что этому можно найти примѣры и у Тонвилля, и у Карлейля и у Гюго. И пошелъ и пошелъ въ этомъ родѣ. А самъ — открытъ поскорѣе правду — не дальше какъ съ надѣлю назадъ далъ задатокъ землемѣру за то, чтобы тотъ, при нарѣзкѣ земли, отходящей его крестьянамъ по Положенію, «только на 5° меньше отбилъ всѣ углы въ правой сторонѣ поля».

Сынъ тоже, повидимому, принялъ къ сердцу горе родителя.

— Ты бы посреднику далъ знать, посовѣтовалъ онъ.

— Придется, согласился отецъ, и послѣшно ушелъ въ кабинетъ, что-то написалъ у бюро и сильно позвонилъ.

— Отправить завтра чуть свѣтъ съ верховымъ къ посреднику Вальмеру въ Желтухи, приказалъ онъ лакею: — подать мнѣ раздѣться

Является разфуфыренная Палашка, чтобы помочь барину раздѣться. Тихо у нихъ идетъ эта работа. Признаки застарѣлаго барства такъ и блещутъ съ полною яркостію. Сниметь сюртукъ, походить, снова посердится, покричитъ, потомъ за жилетъ принимается. А прислуга стоитъ, молчитъ, ждетъ. Онъ, не стѣсняясь, надѣваетъ при этой же Палашкѣ ночное бѣлье. Въ качествѣ образованнаго европейца и притомъ такого, который читалъ и Токвиля и Гизо, не можетъ же онъ признавать правъ женщины въ какойнибудь Палашкѣ! Для этого нужно быть въ самомъ дѣлѣ краснымъ!

Впрочемъ, въ отношеніи Палашки все это было еще извинительно, такъ-какъ ея мужа Сергѣй Ивановичъ всегда находилъ болѣе удобнымъ держать гдѣ-то на оброкѣ, вдали, въ столицѣ... Палашка была старшая дочь экономки Власьевы. Это была еще женщина молодая, видная, съ такою высокою грудью, такъ опратно, щеголевато всегда одѣтая. Она дѣлила вниманіе барина къ себѣ, всегда цаловала руку у него послѣ каждаго нитянаго свиданія, съ дворней мало зналась, не осмѣливалась ревновать, когда чтонибудь замѣчала за Сергѣемъ Ивановичемъ, но умѣла, по наущенію матери, кстати и покапризничать и тѣмъ держать барина слегка въ рукахъ; наконецъ, умѣла какъ-то такъ дѣлать, что у ней дѣти никакъ не жили болѣе двухъ-трехъ недѣль послѣ рожденія. Это представляло ту выгоду, что избавляло отъ излишнихъ хлопотъ, обузы и сплетень.

Сергѣй Ивановичъ запахнулъ халатомъ, взялъ со стола свѣчу въ тяжеломъ бронзовомъ подсвѣчникѣ, закурилъ на ней сигару и отправился въ столовую. Но волненіе, неостывшее еще въ немъ, мѣшало его аппетиту. Это бываетъ. Онъ ни до чего не дотронулся...

И нельзя сказать, чтобы вся тревога, все волненіе, происшедшее въ Тавровѣ вслѣдствіе новостей, принесенныхъ бурнистромъ, происходили отъ скудности. Нѣтъ, онъ былъ слишкомъ богатъ съ дѣтства и имѣлъ на столько благородства, что былъ застрахованъ отъ такого унижительнаго паденія человѣческой личности. Тутъ было что-то другое. Тутъ звучала какая-то обίδα, обίδα въ самое сердце.

Злимы сидѣлъ онъ теперь у стола. Сердитый взглядъ почти неподвижно стоялъ на свѣчѣ. Ему хотѣлось сорвать теперь на

чемъ нибудь, или излить передъ кѣмъ нибудь все, что накопи-лось на сердцѣ, подѣлиться, оправдаться...

— Это обидно, это больно до глубины души, сказалъ онъ, продолжая разсуждать уже вслухъ, и тонъ, которымъ онъ ска-залъ это, показывалъ, что тѣ, о чемъ онъ думалъ, пронимало его до глубины души (онъ ожидалъ, что сынъ перестанетъ чи-тать и приметъ участіе въ разговорѣ): — отчего я сержусь? Не покоса мнѣ жаль, не покоса. Я во всемъ этомъ вижу что-то поглубже, чего другіе не хотятъ замѣчать. Мнѣ обиденъ этотъ сумбуръ, эта анархія въ общественной совѣсти, этотъ ка-вардавъ!

Сыну до страсти хотѣлось продолжать чтеніе. То, что онъ читалъ теперь, становилось ежеминутно все интереснѣй и ин-тереснѣй. Но продолжать читать, не отозваться на явный вы-зовъ отца въ разговоръ — было неприлично. Онъ загнулъ уго-локъ страницы, гдѣ остановился, и, откинувшись къ спинкѣ стула, сдѣлалъ видъ, что готовъ слушать.

— ...И что всего обиднѣе, что это идетъ сверху, продолжалъ отецъ: — опасная игра!... Ну, скажи на милость, обращался ужъ онъ прямо къ сыну: — развѣ наши интересы не тождественны?

Сынъ молчалъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай, наставлялъ отецъ.

— Рара, время этого требовало, помни, провинься сынъ, то-номъ легкаго укора.

Отецъ шлепнулъ себя съ досады по колѣну.

— Допускаю, что время иногда можетъ требовать... Я самъ иногда... дѣлаюсь отчасти либераломъ! Только вѣдь это еще во-просъ, того ли требовало время, подмигивая, замѣтилъ онъ: — благоразумно ли, спрашиваю я тебя, дѣлаетъ врачъ, который въ томъ случаѣ, когда можно обойтись отнятіемъ мизинца, отхва-тываетъ всю руку и оттого весь организмъ повергаетъ въ лихо-радочное состояніе?... Развѣ всего этого нельзя было сдѣлать еще постепеннѣе? Традиція, въ которыхъ жило общество, ка-ковы бы онѣ ни были, нужно осторожно колебать. Неосторожно подкидывая одну ножку, можно уронить весь столъ.

И онъ стукнулъ слегка рукой по столу.

Онъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— О, поддерживать традиція въ обществѣ — это долгъ каж-даго, разсуждалъ Сергѣй Ивановичъ, традиція — это начало, первообразъ всякаго закона, всякаго нашего *légitimité*, это за-логъ, указка, средство. Ее колебля, колеблешь въ массѣ понятіе о законѣ. Мужикъ не должна и закрадываться мысль о возмож-ности несовершенствъ закона. Это небезопасно. Вотъ мы и

видимъ, сказалъ онъ, останавливаясь среди комнаты, и обвелъ комнату рукою вокругъ, какъ-бы желая досказать: полюбуйтеся.

— Что же по твоему дѣлать? Ты проповѣдуешь самую крайнюю неподвижность, крайній консерватизмъ!

Сергѣй Ивановичъ съ минутою ходилъ.

— А хоть бы и такъ? вдругъ встрепенувшись, сказалъ онъ.— Что ты имѣешь противъ консерватизма? Консерватизмъ необходимъ въ обществѣ, консерватизмъ имѣетъ за себя много очень почтеннаго. И традиціи всегда за него, и потому-то онъ и законенъ, ибо что такое въ сущности традиція? — не преданіе, не преданіе, не думай,—это *преемственность*. Что такое консерваторъ?—*сохранитель*. Значить—*преемлю* и *сохраняю*—двѣ первыя и важнѣйшія фазы всякой жизни въ природѣ.

— А развитіе? замѣтилъ съ улыбкою сынъ.

— Третья, третья, объяснилъ отецъ:—зависящая отъ первыхъ двухъ. И такъ, *преемлю*, *сохраняю*—и потомъ уже, потомъ уже *развиваю*. Вдумайся, какой другой принципъ можетъ выставить болѣе логическую, законную основу въ свое оправданіе, и не имѣетъ ли право гордиться то, что изъ себя даетъ жизнь всему послѣдующему? заключилъ онъ съ нѣкоторою гордостью.

Сынъ молчалъ. Онъ вообще не намѣренъ былъ спорить съ отцомъ. Если онъ и не раздѣлялъ всѣхъ крайностей отца, то противъ многого въ душѣ онъ все-таки не желалъ-бы возражать. Да и не могъ, правду сказать: вѣдь это не военная исторія, въ которой онъ считалъ себя докомъ! «Да и какое мнѣ до этого дѣло?» думалъ онъ. «Мы сами по себѣ, а они, граждане, сами по себѣ. Все-таки будетъ такъ, какъ прикажутъ».

Сергѣй Ивановичъ походилъ по комнатѣ, налилъ стаканъ воды, выпилъ, чтобы утушить жаръ, и заходилъ снова.

— Почему я возмущаюсь этими порядками?—не унимался онъ.— Потому, что я дальновиднѣе и искреннѣе другихъ. Я умѣю читать законъ; я знаю, что этотъ законъ, реально существовавшій сотни лѣтъ, признававшій извѣстныя права за моимъ дѣдомъ и отцомъ, даетъ и мнѣ право на то, что у меня теперь берутъ. И я возмущаюсь. Да, я возмущаюсь, я говорю это откровенно, я возмущаюсь, видя нарушеніе моего права, а съ нимъ и законъ, ибо я въ душѣ не консерваторъ, не консерваторъ — этнмъ словомъ еще мало сказано,—а легитимистъ, русскій легитимистъ, приверженецъ законности и, какъ легитимистъ, я не признаю ни въ чемъ этихъ турдефорсовъ. Это я называю несвоевременнымъ либеральничаньемъ. Вотъ этому настоящее имя!

— Это уже крайно, паря, это ужъ односторонно, не согла-

слыся наконецъ рѣшительно сынъ. Это уже и для него показалось мрачнымъ.—Ты не допускаешь никакого прогресса?

— Уступки, уступки, а не шагъ прогрессу; уступки я допускаю, но и то своевременныя и постепенныя. Мы тогда могли бы приготовиться: отпустить ихъ исподволь сами, продать земли.

Къ чести сына нужно сказать, что это его ужь возмутило.

— Да, двадцать-два мильона въ бабылей обратить позволъ вамъ?

Сергѣй Ивановичъ очень разсердился.

— Фуу, фуу, фуу, Викторъ!... Откуда это у тебя?... Съ тобой послѣ этого страшно оставаться въ комнатѣ.

Викторъ Сергѣичъ сжалъ недовольно губы и наклонился, какъ-бы собираясь продолжать чтеніе и тѣмъ покончить этотъ непріятный разговоръ.

— Это было бы въ высшей степени и несправедливо и незаконно, сказалъ онъ горячо.

Сергѣй Ивановичъ высоко поднялъ голову.

— Никто больше меня не уважаетъ законности, съ гордостью сказалъ онъ.—Какъ только самая ужасная несправедливость становится совершившимся фактомъ, закономъ — я первый падаю ницъ и преклоняюсь.

— Ну, вотъ тебѣ освобожденіе—совершившійся фактъ.

— Я и повинуюсь. Развѣ ты видѣлъ, чтобы я не пустилъ на дворъ становаго объявить, или ослушался въ чемъ?

— Но вотъ же ты недоволенъ, оуждаешь, чуть не сопротивляешься?

— Легально, легально, да, конечно. Я оставляю за собой это право *нассейда*, съ удареніемъ объяснилъ онъ: — *нассейда!*

Молчаніе.

— Нѣтъ, сказалъ рѣшительно сынъ:—я не крайній, ты знаешь, но мы съ тобою во многомъ не сходимся.

Сергѣй Ивановичъ уставился въ полъ глазами и заходилъ въ раздумьѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ... Онъ вздохнулъ тяжело.

— Это болѣе прискорбно, чѣмъ можно подумать съ перваго раза, грустно сказалъ онъ, немного погодя, отвѣчая на послѣднее замѣчаніе сына.—Я и самъ давно замѣчалъ это различіе нашихъ исходныхъ точекъ. Жаль, очень жаль! съ чувствомъ повторилъ онъ.

— Время, время, рарá .. опять напомнилъ сынъ, какъ-бы оправдываясь.

Отецъ не удостоилъ его на это отвѣтомъ, а помолчавъ немного и не останавливаясь ходить, продолжалъ свое:

— И вот почему еще я расхожусь съ тобой во взглядахъ на твою карьеру. Я не раздѣляю твоего оптимизма. Ты меня извини, прибавилъ онъ останавливаясь около сына и владая ему дружески руку на плечо: — старне бойцы вообще охотно идутъ въ вербовщики, шутя поясняя онъ съ нѣкоторою гордостью и опять заходилъ: — На другихъ попрощахъ ты больше успѣлъ бы... Я старѣю, все можетъ случиться: ты бы могъ заступитъ. Да и пока мы могли бы много поработать вмѣстѣ, многозначительно подымая брови, добавилъ онъ: — а время важное подходитъ!... Вѣдь, между нами говоря, всѣ наши въ сущности... очень недалекіе господа. Это нужно сознаться. Ни на одного нельзя указать. Разумѣется, они и добры и благородны, они понимаютъ, что мы правы, понимаютъ всю настоятельную необходимость для всѣхъ насъ въ настоящую минуту соединиться, съобща дѣйствовать противъ общей опасности... Но вѣдь этого мало. Замѣчаешь, какъ это робко, неуверенно высказывается и дѣлается? Выставить знамя и умѣть открыто его защищать — у нихъ не хватаетъ духу, они не умѣютъ. И нуженъ имъ человекъ. Ну, и благо ему будетъ, вразумительно, съ чувствомъ проивнесъ Сергѣй Ивановичъ: — потому что у нихъ въ рукахъ средства, а это пока—сила, сила. Такой человекъ можетъ стать современемъ вожакомъ цѣлой партіи, онъ будетъ держать въ своихъ рукахъ—что ня говори—цѣлый принципъ, важный въ социальномъ отношеніи... А связи, а средства, а будущность?... И онъ махнулъ руками, какъ-бы желая осязательноше показать, что все это умъ такъ хорошо, что и рассказать нельзя. — По англійски, по англійски нужно учиться, вздыхая заключилъ Сергѣй Ивановичъ (этимъ совѣтомъ онъ всегда оканчивалъ подобные разговоры съ сыномъ): — потому что нигдѣ болѣе, а въ Англіи, мы должны искать аргументовъ, насъ защищающихъ, примѣровъ политическаго умѣнія бороться; только тамъ можно встрѣтить кровныхъ представителей того типа, какой намъ скоро очень понадобится. Безъ этого языка теперь нельзя показаться въ порядочномъ обществѣ. Возьми графа О.—Д., князя Щ. и Б.—ва. Всѣ они знаютъ его, какъ родной языкъ. Ты встрѣчалъ у графа О. лорда Н.—ра и, самъ признаешься, что стѣснялся: по французски все это не такъ удобно; ты знаешь, какіе ревнивцы эти бульдоги, англичане, въ отношеніи своего языка. Такъ и во многомъ.

Можетъ быть, оттого, что Викторъ Сергѣичъ уже слышалъ подобные соблазны не въ первый разъ, а можетъ и потому, что никакой охоты не чувствовалъ запрягаться въ тотъ хомутъ, въ который хотѣлъ его нарядить родитель, — впрочемъ, онъ былъ на столько смысленъ, что не могъ не видѣть слабыхъ сторонъ от-

ковскихъ иллюзій,— но только, когда Сергѣй Ивановичъ кончилъ и посмотрѣлъ на сына, онъ замѣтилъ, что тотъ очевидно уже не слушалъ его, углубившись окончательно въ чтеніе.

Отецъ походилъ еще въ раздумьѣ, а потомъ подошелъ къ сыну и, слегка улыбаясь, опять положилъ ему руку на плечо.

— Ты не слушаешь меня, Викторъ... И не ѣшь ничего, прибавилъ онъ, замѣтивъ почти нетронутымъ пылленомъ на тарелкѣ у сына. Тотъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ читать.

Вѣроятно, что нибудь интересное?

Сынъ улыбнулся и, ничего не отвѣтивъ, перевернулъ страницу, продолжая читать, отвѣтилъ что-то своимъ длиннымъ, заостреннымъ ногтемъ мизинца.

— Confession d'une jolie demoiselle? нѣтъ?... или дневникъ? улыбаясь, спросилъ шутливо Сергѣй Ивановичъ, наклоняясь къ сыну.— Ты отъ меня многое скрываешь, Викторъ.

Въ это время сынъ опять надъ какою-то мыслью особенно сильно улыбнулся, особенно сильно чиркнулъ ногтемъ и, какъ-бы въ отвѣтъ на послѣдній уврекъ отца, положилъ передъ нимъ тетрадку почтовой бумаги, мелко исписанную косымъ, женскимъ почеркомъ.

— Прочитай, сколько нибудь, и скажи свое мнѣніе, попросилъ онъ.

Конечно, читатель догадывается, что это былъ дневникъ Ольги. Но его лучше прочитать въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ свой пенсне, мотавшійся на шнуркѣ поверхъ халата, протеръ и, надѣвъ его на носъ, не торопясь, принялся за чтеніе. Тонкая, въ самыхъ уголкахъ губъ затапшавшая, лукавая улыбка подсказывала уже впередъ, что онъ готовился огнестись къ предлагаемому чтенію съ высокоумною недовѣрчивостью.

Дневникъ былъ слѣдующаго содержанія: •

«1859 годъ.

«16-ю ноября. Сегодня мое рожденіе. Мнѣ исполнилось 16-ть лѣтъ... Мамаша позволила мнѣ въ первый разъ надѣть совсѣмъ длинное платье... Какъ я была рада! Какая я стала большая, какъ посмотрѣла въ зеркало, а то такую маленькою казалась, точно дѣвочка, просто стыдно!...»

Тавровъ сталъ пропускать многое, и останавливаться на тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ, казалось, болѣе представлялось интереса.

«26-го ноября... Меня сегодня первый разъ вывели на балъ, какъ большую, читалъ онъ: — Мамап говорить, что я себя хорошо держала, но что нужно быть скромнѣе, что молодой дѣвницѣ не идетъ выказывать съ перваго жеразу смѣлость и бойкость, что это значить mal élevée, что, напротивъ, болѣе идетъ застѣнчивость. А Наташа спорила съ мамой: говорила, что это ничего, и что это идетъ молодой дѣвочкѣ... Зачѣмъ она меня все еще продолжаетъ называть дѣвочкою и считать маленькою? какъ это досадно! Я ужь теперь не маленькая, а большая. Скажу ей когда-нибудь. Хотя бы при Сергѣѣ не называла...

«...И какъ было весело на балѣ! Зала полная огней, цвѣтовъ, золота, людей и музыки. Какая прелесть, какъ это весело, какъ все это великолѣпно! Еслибы это чаще случалось!... Я танцевала съ Мишей Щ...нимъ, съ графомъ С...скимъ, съ Т., съ самыми лучшими кавалерами. Это все Наташа сдѣлала; merci ей, моей голубкѣ. Она говорить, что всѣ нашли меня очень... миленькою. Мнѣ и самой кажется, что я была сегодня, сверхъ обыкновенія, хорошенькою. Бѣлое платье, съ голубой легкой отдѣлкой, и эти двѣ бѣлыя камелии въ волосахъ. Право, это должно было выйти не дурно. И еще мама подарила серьги, браслетъ и брошку бирюзовые... Какая добрая эта мама!

«4-го декабря. Варбе Мельникова именинница... Былъ вечеръ. Много танцовали. Т. почти со мной одной танцовалъ. Мамап сказала мнѣ потихоньку, что всѣ обращаютъ на это вниманіе, что это неприлично, и чтобы я для виду отказала ему нѣсколько разъ. Я исполнила... Но только зачѣмъ смотрѣть на то: обращаютъ ли на насъ вниманіе или нѣтъ?...

Сергѣй Ивановичъ приостановился на этомъ мѣстѣ, повторяя про себя и вдумываясь въ эту фразу, потомъ двинулъ какъ-то слегка удивленно бровями и затѣмъ продолжалъ читать.

«...Вѣдь тутъ нѣтъ ничего дурного. И отчего нельзя танцевать съ кѣмъ хочется? Тогда-то и весело, когда танцуютъ съ кѣмъ нравится. Когда я потомъ сказала это сестрѣ, и она согласилась со мной, и очень смѣялась надъ мамой.

«...Еще чтѣ я замѣтила: какъ это на балахъ всѣ умѣютъ говорить странно, говорить-говорять, кажется и порусски, и понимаешь, а чувствуешь, что ничего не запомнишь, какъ-то все это такъ пусто, что рѣшительно не держится въ головѣ. Какъ это странно!... Т. опять болѣе всѣхъ со мной танцовалъ. Какой онъ хорошенькій.

— Это ужь не на вашъ ли счетъ, Викторъ Сергѣичъ? проговорилъ шутиливо отецъ, тонко улыбувшись...

«Мамап говорила, продолжалъ читать онъ, что Т. очень умный

и богатый. Что же, что богатый? Мы сами богаты... Только я его боюсь. Онъ всегда такой серьезный. Онъ говоритъ, что у него тамъ, въ Петербургѣ, много занятій. Онъ мнѣ даже говорить какія, да я не поняла. Нужно спросить у Наташи или у Володи.

«13-го декабря. Отчего это, когда я спросила у Володи Суринскаго, чѣмъ занимается Т., онъ засмѣялся? Что же дурного быть военнымъ? Какой этотъ Володя!

«24-го декабря. У насъ была бала для Серёжи. Потому танцевали... Я замѣчаю, что мнѣ ужъ не такъ весело бываетъ во время танцевъ, какъ это было первые разы.

«...Т. сказалъ мнѣ комплиментъ. Я почувствовала, что покраснѣла, но въ душѣ мнѣ было... Только, когда я отерла это потомъ Наташѣ, и сказала при Володѣ, что какъ счастливы женщины тѣмъ, что имъ оказываютъ такой почетъ въ обществѣ, и что за ними ухаживаютъ — Володя Суринскій выразился, что это всегда, «когда кого хотятъ лучше обокрасть—того заговариваютъ сладкими словами, или угощаютъ на гривенникъ, чтобы обчиркнать (какое это у него нехорошее слово!) на тысячи». Тавровъ все это мѣсто отчеркнулъ ногтемъ. «Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?»

«27-го декабря. Сегодня мама на меня сердилась за то, что я не умѣю будто бы себя держать при постороннихъ, и говорю все, что думаю. Буду теперь осторожна, чтобы не сердить добрую маму. Но отчего же нельзя говорить всего, что думаешь? Какъ это странно! Вѣдь я, кажется, ничего дурного не думаю...

«1860 годъ.

«1-го января. Новый годъ. Т. поздравлялъ и прощался: онъ скоро ѣдетъ назадъ въ Петербургъ. Теперь я знаю, чѣмъ онъ занимается: онъ хочетъ быть Наполеономъ, полководцемъ. Чего опять смѣялся Суринскій? Не понимаю. Что дурного быть Наполеономъ?... Нѣтъ, ужъ это должно быть у Володи такой нехорошій, злой характеръ. Зависть вѣрно.

«19-го января. Мама говорила, что скоро предстоитъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Господи, да когда же этому конецъ? ужъ я и измучилась. Это начинаетъ становиться скучнымъ... Сегодня балъ, завтра, послѣ-завтра... все балъ и балъ. Главное, что однообразно—вотъ что тосливо!... Опять эти «черные длиннохвостые попугаи», какъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, справедливо называть Володя, будутъ говорить свои умныя рѣчи, отъ которыхъ ничего въ головѣ не остается. Господи, хоть бы книгъ какихъ достать или хоть бы въ деревню скорѣй! Да что книги — и читать-то не хочется: просто скука, сама не знаю отчего...

И что это? всѣмъ въ мои годы нравятся танцы, а мнѣ сейчасъ же надоѣдаютъ: точно я уродъ какой!

«8-го февраля. Не ѣдемъ на балъ—ну, и слава-Богу отчасти:— не съ кѣмъ—шатап и Наташа невдоровы, послѣ сегодняшней исторіи. Что это у Наташи было съ Володей? Мама плакала. Отчего отъ меня заперли дверь?... Неужели Наташа несчастлива съ Володей? Онъ такой умный, молодой, красивый, его всѣ такъ уважаютъ. Чего же ей еще не достаетъ?

«10-го февраля. Наташа, кажется, помирилась снова съ мужемъ. По крайней-мѣрѣ, я видѣла, что они, выходя изъ гостиной, поцаловали другъ у друга руку. Какъ это странно! Я думала, что только мужчины целуютъ у дамъ руки, а женщины — никогда. А впрочемъ, что же тутъ страннаго? Если дамъ можно поцаловать, то отчего и мужчинѣ нельзя того же сдѣлать? Это, мнѣ кажется, справедливѣе было бы. Я бы, по крайней-мѣрѣ, поцаловала, конечно, еслибы любила.

«Тавровъ рѣзнулъ ногтемъ по этому мѣсту.

«13-го февраля. Сегодня вечеромъ я просила Наташу сказать мнѣ откровенно, какого мнѣнія обо мнѣ Володя. Она засмѣялась, и долго не говорила. Она вѣрно все еще считаетъ меня дѣвочкой. Это просто обидно! Я ей сегодня прямо сказала, можетъ это и глупо: я сказала, что еслибы я была такою дѣвочкой, какою они меня считаютъ съ Володей, то я, напримѣръ, не свучала бы на балахъ, и должна бы все сильнѣй и сильнѣй привязываться къ танцамъ, а со мной, я замѣчаю, случается совсѣмъ наоборотъ. Я и сама не знаю, отчего это. Я умоляла ее сказать: что Володя говорилъ обо мнѣ; я стала ее целовать... Она сказала, что я буду сердиться; я клялась, что вѣтъ. Она передала, что Володя пока считаетъ меня еще «барышней». Наташа засмѣялась при этомъ. Что же дурнаго быть барышней?... Потому она передавала, что Володя что-то говорилъ ей на счетъ нашего теперешняго образа жизни...

Тавровъ опять пріостановился и вдумался.

— Ты понимаешь, отбуда и какинъ это несетъ духомъ? спросилъ онъ у сына.

Тотъ закивалъ утвердительно.

— И я подчеркнулъ это мѣсто, замѣтилъ онъ, указывая на поля тетрадки.

«Варочемъ, Володя злой, п тѣти п всѣ говорятъ qu'il est caustique. Онъ мало всѣмъ любитъ смѣяться, это по его глазамъ видно всегда. Онъ и надъ Т. смѣялся... И развѣ я виновата въ томъ, что мы ведемъ такой образъ жизни? Да и что же тутъ пехорошаго? наконецъ, что я должна дѣлать?... Поста-

радсь когда-нибудь вывести его на разговоръ объ этомъ. Вѣдь Володя злой, но умный, всѣ говорятъ.

«16-го февраля. А вѣдь Володя вѣрно правъ. Это правда, я и сама чувствую, что все это не то, что мнѣ самой нужно, не то, чего хочется... Отчего эта пустота, эта тоска?

«18-го февраля. Скука и скука! Маман замѣтила, и спросила: что значитъ, что я стала задумчивой. Она говоритъ, что это оттого, что я стала мало выѣзжать. Можетъ быть. Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ мудрить, когда у всѣхъ это такъ просто устроивается и другіе же не скучаютъ... Не оттого ли это, что я думаю болѣе, чѣмъ слѣдуетъ? Нужно разсѣяться. Послѣ-завтра мы ѣдемъ опять въ собраніе. И маман хочетъ, чтобы я разсѣялась.

«20-го февраля (Черезъ-день). Ну, вотъ и была опять на балѣ. Опять эти знакомыя, обычныя лица и заученныя, какъ говорить, рѣчи и движенія. Опять пустота и скука. Нѣтъ, не поѣду теперь скоро.

«24-го февраля. Маман опять сердилась: зачѣмъ я задумчива. «Это разовьетъ въ тебѣ мечтательность, сказала она: — я этого не желала бы. Это уже погубило мнѣ одну дочь. Я не кочу, чтобы и съ другою случилось то же»... То черезчуръ весела, откровенна — не хорошо; то задумчива — тоже не нужно. Не угодишь никакъ.

«27-го февраля. Скука и скука!

«1-го марта. Вчера я сказала Володѣ, что скучаю. Онъ замѣтилъ, что это его радуетъ, что не скучаютъ, занимаясь долго однимъ и тѣмъ же, только люди односторонніе, ограниченныя... Такъ ли это? Наташа вообще говорила мнѣ, что Володя какъ-то выразился ей на мой счетъ, что я хоть и «барышня» (смѣшной человѣкъ!), но что я еще молода и изъ меня можетъ выйдти чтонибудь... Что онъ подъ этимъ «чтонибудь» подразумѣваетъ?

«2-го марта. И все-таки тоска и скука!

«10-го марта. Скука и тоска!

«20-го марта. Скука, тоска и опять скука, скука и вѣчная скука. Господи, что это! И еще ко всему этому, мама продолжаетъ сердиться. Хоть бы въ деревню скорѣй...

«Нѣтъ, бросаю писать дневникъ, ничего не выходитъ. Нельзя же, чтобы онъ весь только изъ этого и состоялъ.

«20-го апрѣля. Цѣлый мѣсяцъ не раскрывала дневника. Вчера Володя и сестра у насъ опять обѣдали. Послѣ обѣда, маман ушла спать и мы остались одни. Володя опять меня называетъ «барышней». Мнѣ было очень обидно, я чувствовала. Онъ вѣрно подъ этимъ подразумѣваетъ чтонибудь дурное, потому что го-

ворить всегда это слово презрительно. Я чуть не заплакала и, кажется, наговорила ему много рѣзкаго. Я просила его сказать мнѣ прямо: отчего онъ никогда не хочетъ говорить со мной, какъ съ взрослой, а всегда шутитъ и относится ко мнѣ, какъ къ дѣвочкѣ; я его также просила сказать мнѣ, что онъ находитъ дурного въ словѣ «барышня» и что, по его мнѣнію, значить это выраженіе. Онъ очень долго смѣялся и сказалъ, что это значить «въ переводѣ на человѣческій языкъ», какъ онъ выразился, *кукла* (какой мужикъ часто бываетъ этотъ Володя, и какъ это вѣжливо говорить такія вещи въ глаза!), и что будто такая кукла обязана ничего своего не имѣть въ головѣ, повторять только заученое, наступать всегда не какъ хочется, а какъ велѣтъ, и назначать себя въ будущемъ только для того, чтобы почитать счастьемъ сдѣлаться чьею нибудь законною содержанкою, нянькою, прачкою и кухаркою. Онъ при этомъ даже еще хуже какъ-то выразился, да я не поняла его хорошенько... Я не поняла также сразу, что это также: *содержанка* и спросила. Онъ засмѣялся, покраснѣлъ и сказалъ, что Наташа мнѣ потомъ объяснить, что это значить. Вѣрно, что нибудь очень дурное. Когда мнѣ потомъ Наташа объяснила, я очень удивилась, что есть такія негодныя созданія, и мнѣ было очень стыдно за всѣхъ насъ, женщинъ. Только какой этотъ Володя, какъ онъ часто неприлично говоритъ!...

«Вечеромъ я ему сказала, что никакъ не могу себя объяснить, что общаго находятъ онъ между дѣвушкой, идущею, напимѣръ, по неволѣ замужъ, и такою негодницею, которая идетъ на содержаніе. Онъ замѣтилъ, что это долго объяснять. Я все-таки просила. Онъ сказалъ, что если женщина не умѣетъ сама себя содержать, то въ строгомъ смыслѣ она содержанка — мужъ ли ее содержитъ или любовникъ. Онъ право сумасшедшій!... Но вотъ что удивительно: когда онъ мнѣ это разъяснялъ, вѣдь мнѣ и въ самомъ дѣлѣ показалось, что это такъ. Странно что-то. Я этого еще ни отъ кого не слышала... Впрочемъ, можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ правду говорить. Что я знаю!... Только вотъ еще что, — какъ онъ любить все порицать, я замѣтила. Никогда онъ ни съ кѣмъ не сходится, всегда думаетъ иначе, чѣмъ всѣ, чѣмъ даже все общество... Впрочемъ, отчего же непременно думать какъ всѣ: у всякаго своя голова.

«24-го апрѣля. Я долго обдумывала всѣ эти дни мой послѣдній разговоръ съ Володей. Сегодня я просила его не называть меня съ этихъ поръ «барышней», что я не хочу этимъ быть; какъ я теперь понимаю — это обидно. Онъ засмѣялся и сказалъ, что для этого прежде всего нужно постараться «снѣтъ свои сужденія имѣть», не быть никому обязавной и умѣть самой себя со-

держатъ, тогда не будешь сначала содержанкой маменькиной, а потомъ — мужчиной.

Тавровъ приостановился.

— Бу компрене? шутливо спросилъ онъ, поднимая глаза на сына. Замѣтно было по лицу, что онъ начиналъ уже злиться: — ферштеензи, чтó это значить? Смиш ничего не отвѣтилъ и потому отецъ продолжалъ читать съ злою усмѣшкой.

«Это правда, какъ это не хорошо жить на чужой счетъ. Какъ бѣдная мамá иногда огорчается и бьется, чтобы намъ доставить чтó нужно — а мы и не понимаемъ этого, не цѣнимъ. Какъ это не хорошо! Мнѣ стыдно, когда подумаю теперь, какъ я капризничала и требовала еще недавно купить мнѣ колье, когда не имѣла на то никакого права. А вѣдь я же сама считаю себя не маленькою, я не Сережа.

«Да, все, чтó говорилъ Володя мнѣ послѣдній разъ — правда, сушая, сушая правда, какъ я теперь понимаю. Какъ я благодарна ему, что онъ мнѣ разъяснилъ. И какъ это просто; какъ я сама до этого не додумалась? Вѣрно, ужъ и то правда, чтó онъ говорилъ насчетъ того, что если жена хочетъ быть вѣкъ любимою мужемъ, то чтобы жила своими средствами. Онъ говоритъ, что въ большинствѣ случаевъ, потому-то у насъ всѣ и несчастливы въ семейной жизни, что не слѣдуютъ этому правилу. И какъ это мы женщины такъ мало самолюбивы, что не видимъ этого!... Подумаю еще...

«У Наташи опять была ссора съ Володей. Какъ это убиваетъ бѣдную маму!

— И замѣть, оговорилъ отецъ, приостанавливаясь читать на минуту: — замѣть это попеченіе о благоустройствѣ чужаго счастья, когда своего не умѣютъ сляпать. Это знаменательно.

«27-го апрѣля. Мамá опять спрашивала: отчего я задумчива. Я сказала, что и сама не знаю, что тоска беретъ. Она замѣтила, что это отъ того, что я бросила заниматься музыкою. Совсѣмъ не отъ того. Музыка меня только всегда возбуждаетъ (лучше не умѣю выразиться), я это замѣтила, и никогда не удовлетворяетъ вполне... Да и можетъ ли еще она вполне удовлетворить когонибудь? Вѣдь она только для сердца, Володя говоритъ, а для ума — ничего. И мнѣ кажется, что это только вполонину. Впрочемъ, не знаю.

«30-го апрѣля. Сегодня былъ такой случай: Наташа увидѣла мой дневникъ и очень удивилась, что онъ у меня есть (я ей никогда не говорила, что пишу его), она стала просить, чтобы я ей показала. Я долго не рѣшалась: мнѣ было очень совѣстно. Потомъ позволила. Она прочтала, и стала задумчиво въ меня вглядываться. Она еще такъ странно на меня никогда не смо-

трѣла. Это меня очень удивило. Я просила ее сказать, отчего она такъ странно на меня смотритъ. Она не сказала, а только предупредила, что она виновата передо мной (въ чемъ?) и что съ этихъ поръ она не будетъ уже меня считать дѣвочкою... Я вообще замѣтила, что она перемѣнилась послѣ этого въ обращеніи со мной. Чтѣ же такое она здѣсь нашла? Она хотѣла его у меня вять, чтобы показать Володѣ, но я ни за что не согласилась.

«3-ю мая. Мама дала мнѣ прочесть новый хорошій романъ: *Рудинъ*. Я прочла. Мнѣ понравилась Наташа въ этомъ романѣ: она такая рѣшительная. Я тоже такъ поступила бы, мнѣ кажется. Впрочемъ, не знаю. А какой этотъ Рудинъ нерѣшительный, точно не мужчина.

«8-ю мая. Т. въ Москвѣ и былъ у насъ. Они съ Володей, кажется, не любятъ другъ друга. Володя всегда такой насмѣшникъ, я уже не вытерпѣла, вступилась потомъ за Т. и спросила Суринскаго, чтѣ онъ находитъ дурного въ томъ, что тотъ посвятилъ себя этого рода занятію, что туда идутъ все хорошіе люди. Онъ опять, по своему обыкновенію, цинически засмѣялся и какъ-то вульгарно выразился. Да, онъ сказалъ: «и липа дерево не дурное, да почти нигуда негодное — оттого болѣе и идетъ на лапти и рожи». Какія у него выраженія!»

Тавровъ взглянулъ на сына черезъ столъ съ полусутливою, полузлою улыбкой:—Это ужъ называется не въ бровь, а прямо въ глаза, замѣтилъ онъ на послѣднее выраженіе Суринскаго: — нельзя, передовые... Сынъ кивнулъ ему дружески головою и презрительно улыбнулся.

«13-ю мая. Недавно я его спросила: чтѣ мнѣ читать. Онъ сказалъ: «чего не знаете». Я призналась, что многого не знаю. Володя замѣтилъ, что это очень нехорошо. Мнѣ было очень стыдно. Онъ такъ обидно смотрѣлъ на меня при этомъ. Когда, съ недѣлю тому назадъ, онъ засталъ меня разъ за чтеніемъ, онъ спросилъ меня: чтѣ я читаю. Я сказала, что романъ. Онъ замѣтилъ: «охота вамъ читать такіа глупости, когда сами же вы сознаетесь, что не знаете многого болѣе нужнаго». У него всегда что-нибудь оригинальное... Отчего романы глупость? Они всѣмъ такъ нравятся. Развѣ можетъ быть глупостью то, чтѣ всѣмъ нравится, если глубже взглядѣться? Это что-то ужъ не то... И отчего когда онъ узналъ, что я читаю романъ Жоржъ-Занда, онъ выразился, что это «узкая писательница»? Какже, а всѣ говорятъ, что Жоржъ-Зандъ передовая писательница? У Володи, я вижу, это уже болѣзнь—со всѣми несоглашаться.

«Наташа объяснила мнѣ потомъ, почему ее мужъ считаетъ Жоржъ-Зандъ узкой писательницею. Онъ находитъ, что она от-

становается только право женщины свободно любить, а свободы женского труда, свободы общественного положенія и равенства правъ женщины въ обществѣ на все остальное — этого она не рекомендуетъ, за это не бьется, далѣе не идетъ.

Тавровъ въ шутку шибко занюхалъ въ пальцы, какъ-бы желая показать, что чувствуетъ что-то острое.

«Можетъ, Володя и правъ. Признаюсь, я все это еще не хорошо понимаю; только мнѣ и самой кажется, если просто смотрѣть на вещи: почему женщина не имѣетъ права пользоваться всѣмъ этимъ наравнѣ съ мужчиной? Это несправедливо, это оттого вѣрно, что мужчины сильны — и пользуются этимъ превосходствомъ. Такъ и Володя говорить. Разумѣется, оттого; я думала объ этомъ. Какъ это нивко!

— Вотъ они, цвѣтки-то, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, не отрываясь и продолжалъ чигать.

«16-ю мая. Мама объявила, что мы въ этомъ году, въ концѣ мая, ѣдемъ въ деревню — значить, черезъ нѣсколько дней. Наташа тоже поѣдетъ. Какъ это будетъ весело! А Володя не поѣдетъ. Я слышала, сегодня татапа говорила, что она снятаетъ необходимымъ, чтобы Наташа съ мужемъ рассталась на время. Зачѣмъ это?... Но слава-Богу, что ѣдемъ-таки! Хоть тамъ нельзя ли будетъ разсѣяться.

«Да, я забыла записать, у насъ обѣдалъ на дняхъ товарищъ Володи—литераторъ М. изъ Петербурга. Какое у него непріятное лицо, а какой уминый, какъ онъ говорить! Какъ онъ и Володя хорошо спорили съ дядей Николаемъ изъ-за насъ, женщинъ, когда зашла рѣчь. Я готова была ихъ обоихъ расцаловать, хотя этотъ М. такой и противный съ виду. Какъ этотъ М. вѣрно понимаетъ женское сердце! Какъ я въ душѣ радовалась, когда онъ такъ хорошо сказалъ дядѣ, что его «узкій, убогій взглядъ» (какъ дядѣ непріятно было слышать это, какъ я замѣтила) на назначеніе женщинъ долженъ напоминать всякому взгляды старинныхъ русскихъ сборниковъ, въ родѣ Домостроя, которые толковали, что женщина есть существо «нечистое, смрадное, немощное, неумное»... Какъ это глупо со стороны дяди, въ самомъ дѣлѣ. Точно мы живемъ въ XVI, XVII вѣкѣ. Какъ я рада была, когда послѣ Наташа и татапа захлопали М. и стали смѣяться надъ дядей. Какъ дядя залился, такъ ему и нужно!.. Только какъ жаль, что я не поняла многого изъ того, о чемъ они потомъ съ Володей спорили. Нужно будетъ Наташу спросить. Чтѣ это такое: *субъективность* и *объективность*, на которыя они все напирали въ разговорѣ о насъ?

«21-ю мая. Наташа сказала, что Суринскій велѣлъ передать мнѣ: зачѣмъ я читаю все французскіе романы, да еще такіе плохіе,

какъ графини Дашь, Ашара и Фелье; что между русскими можно въ этомъ отношеніи найти не хуже, что тѣ романы даже не могутъ быть мнѣ понятны, вѣроятно, такъ-какъ я не могу знать французской жизни, что они будутъ даже мнѣ положительно вредны, такъ-какъ, поставленная въ необходимость жить подъ условіями другого общества, я только буду напрасно «раздражать себя насчетъ такихъ блюдъ, которыхъ мнѣ никогда не придется ѣсть» (это его собственныя слова, передавала Наташа), что это вредно, такъ-какъ развиваетъ мечтательность и «зудъ» (какія у него всегда выраженія!) къ неосуществимому. Онъ находитъ, что русскіе хорошіе романы мнѣ полезнѣе, чтобы я читала Тургенева или недавній романъ Гончарова. Что они — какъ-бы бы ни были — хоть и не Богъ-знаетъ что (какъ онъ все любить унижать!) — но могутъ научить русскаго человѣка любить. Онъ и не знаетъ, что я уже все это прочла. «Научить любить!» Какъ это смѣшно. Мнѣ кажется, тутъ ужъ Володя ошибся: развѣ можно научить любить, развѣ это не особенная способность сердца, которой можетъ и не существовать въ человѣкѣ? Развѣ слѣдпорожденнаго можно научить видѣть, самъ же онъ недавно такъ выразился?... А у кого есть эта способность, тотъ и безъ ученья обойдется. Но это правду онъ говоритъ, что мы, русскія дѣвушки, не умѣемъ любить, и насъ нужно этому еще учить. И мнѣ всегда тоже казалось, глядя на подругъ, какъ онъ легко къ этому всегда относятся... Впрочемъ, я сама никогда не любила и потому, можетъ быть, не имѣю права пока разсуждать объ этомъ. Неужели и я не съумѣла-бы любить? — какъ это страшно подумать!.. Ну, а «русскіе» мужчины умѣютъ ли любить? — тоже нѣтъ.

«29-го мая. Вотъ мы и въ деревнѣ наконецъ...»

— И прекрасно, сказалъ полусмѣливо, полусерьѣзно Сергій Ивановичъ, отрываясь отъ чтенія и выпрямляясь на стулѣ:—тутъ мы можемъ остановиться. — Онъ загнулъ уголокъ тетрадки:—остальное когда-нибудь послѣ. Спать пора—третій часъ. И онъ всталъ.

Но сыну, разумѣется, не того отъ отца хотѣлось, и потому онъ устремилъ испытующій взглядъ на старика, какъ-бы стараясь разгадать, какое впечатлѣніе вынесъ старикъ изъ этого чтенія... Отецъ и самъ, кажется, угадалъ.

— Ты желалъ знать мое мнѣніе? спросилъ онъ.

Викторъ дружески бивнулъ головою.

— Объ ней... Онъ слегка хлопнулъ рукой по дневнику, какъ-

бы и въ самомъ дѣлѣ признавая этимъ жестомъ, что здѣсь вся Ольга, въ этомъ дневникѣ. — Объ ней ничего не скажу... Но я тебѣ давеча совѣтовалъ ковать желѣзо пока горячо. Теперь я тебѣ скажу только: куй, да всматривайся, хорошенько всматривайся, можно сильно обжечься... А лучше, лучше... если можно... Впрочемъ, нѣтъ, взявъ за руку сына, поспѣшно прибавилъ онъ:—я не мѣшаюсь... ты имѣешь полное право имѣть на это свои взгляды... Только еще разъ спрошу тебя: знаешь ли ты ее?

На этотъ разъ Викторъ уже не сдѣлалъ той пренебрежительной и, пожалуй, даже презрительной мины, какую позволилъ себѣ выкинуть, когда они ѣхали часовъ съ пять тому назадъ въ фазтонѣ. Онъ и самъ былъ теперь полонъ недоумѣнія. Дневникъ раскрывалъ ему такія новинки, что онъ долженъ былъ сознаться въ необходимости вдуматься, всмотрѣться хорошенько во многое, а пока признать въ душѣ, что онъ Ольги совсѣмъ не зналъ, какъ воображалъ до сихъ поръ.

— Ну, а все-таки, чтó ты объ ней думаешь? спросилъ онъ отца, не вытерпѣвъ-таки.

— Чтó?... Сергѣй Ивановичъ уставился на мгновеніе въ раздумьѣ на огонь. — Ничего, да и какъ сказать, вѣдь мы еще не кончили всего дневника. Все это очень и невинно, и ничего тутъ нѣтъ дурного, предосудительнаго, но я во всемъ этомъ вижу одно, что духъ теперешняго времени, тлетворное дыханіе этой повсемѣстной заразы, успѣли пустить свои корни глубже, чѣмъ можно подуматъ это съ перваго раза; ядроникъ въ самыя, такъ-сказать, тонкія периферіи общественнаго организма, въ самыя, повидимому, чистыя, невинныя, неспорченныя еще созданья; даже они не могли уберечься отъ этого. Ужасное время! — Онъ и тутъ-таки остался вѣренъ себѣ. — И это повсемѣстно, на это натываешься на каждомъ шагу. Я сейчасъ у Оглобинныхъ видѣлъ то же самое, не говорю на большомъ болванѣ — это уже отпѣтый народъ, а на дѣвушкѣ, только что вышедшей изъ института... Впрочемъ — тутъ онъ опять слегка ударилъ по дневнику — удивляться нечему, если знать, чтó такое самъ этотъ «Володя», какъ она его наивно называетъ. Сергѣй Ивановичъ горько улыбнулся. Онъ уже начиналъ опять виниться. — И ты замѣтилъ? — опять легкій взглядъ на дневникъ, — она чуть не молится на него. Вѣдь это въ Москвѣ вѣзвѣстный коноводъ... Мальчишки въ гимназіяхъ такъ за нимъ и бѣгаютъ, у другихъ в учаться не хотятъ... Самый модный въ настоящее время учитель-естественникъ въ цѣлой Москвѣ! Гимназіи на расхватъ приглашаютъ. Министръ публично руку ему

подавъ за что-то въ послѣднее посѣщеніе Москвы. А директоръ не удостоиваетъ такой чести, замѣты! Вотъ до чего можетъ дойти россійскій прогрессъ!... А этотъ господинъ Суринскій, я тебѣ скажу, ни болѣе ни менѣе, какъ въ Лондонѣ, въ Брюсселѣ, да въ Женевѣ, чортъ его знаетъ, зачѣмъ пѣлый годъ прожилъ недавно, съ В. Гюго *амикошонствуетъ*, — ей-богу, ей-богу, поспѣшно прибавилъ Сергѣй Ивановичъ, замѣтивъ тѣнь недоумѣнія на челѣ у сына: — какъ же, какое-то новое стихотвореніе тотъ ему посвятилъ «въ память пріятныхъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ», какъ было напечатано. Ишь, какъ невинно!... Карлъ Фогтъ, Карлъ Фогтъ, извѣстный атеистъ, одинъ изъ столбовъ современнаго безбожія, матеріализма — Карлъ Фогтъ, извольте ли видѣть, далъ лестный отзывъ о *ихъ*, володильничьихъ, занятіяхъ... Онъ сдѣлалъ злую гримасу губами: — у какой-то букашки стимулъ новый въ мозгу, какіе-то узлы, что ли, изволили открыты... Академія одобрила... Ну, и, конечно, министру нельзя же было не подать руки. *Le barbare* будетъ, если не подастъ... А того и не хотятъ видѣть, что — я голову даю на отсѣченіе — если онъ не членъ какого-нибудь кружка всесвѣтныхъ революціонеровъ...

Тутъ Сергѣй Ивановичъ, съ особенною горячностью, велерѣчиво распространился о духѣ неспокойства, жадѣ личной корысти, духѣ честолюбія и о всемъ томъ, что обыкновенно ставится у людей, подобно ему озлобленныхъ и скудныхъ фантазій, — атрибутомъ, никому неизвѣстнаго, кромѣ ихъ самихъ, чина какого-то всесвѣтнаго революціонера, каковымъ, по мнѣнію Таврова, непременно долженъ былъ обладать Суринскій открывъ, какіе-то «узлы въ мозгу букашки».

Даже сыну показалось это смѣшнымъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Сергѣя Ивановича уже не было въ комнатѣ: онъ отправился спать. Но самъ Викторъ не могъ вытерпѣть — его самолюбіе было сильно подстрекнуто угрозами Ольги на его счетъ, и онъ съ прежнею жадностью опять принялся отыскивать въ толстомъ дневникѣ мѣста, до него относящіяся.

Что онъ прочиталъ или, по крайней мѣрѣ, что онъ нашелъ тамъ относящагося до него, мы узнаемъ объ этомъ впоследствии. Мы будемъ отрывать это читателю повемногу...

IX.

Пока они спятъ, мы поговоримъ нѣсколько о нихъ. А проносъ, біографія Сергѣя Ивановича.

Самъ Сергій Ивановичъ въ молодости воспитывался въ какомъ-то благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ, побывалъ въ университетѣ и вышелъ въ жизнь, какъ часто случается съ молодыми людьми, безъ всякой опредѣленной мысли о той дорогѣ, которую придется избрать въ жизни. Впрочемъ, времени впередъ казалось довольно. Хотѣлось пожить. Родители не очень доказали его побужденіями избрать что нибудь опредѣленное, благо жили хорошо, и большія траты сына не тяготали ихъ. То было время наивысшаго развитія крѣпостничества, когда дворяне, обладавъ избыткомъ средствъ къ жизни, не считали еще необходимымъ непременно наряжаться въ казенный мундиръ, ища въ службѣ матеріальнаго подспорья. Тавровъ прожилъ безъ дѣла уже цѣлыхъ четыре или пять лѣтъ въ Москвѣ и прожилъ пресвесело. Онъ пилъ жизнь полною чашей, какую давала у насъ еще недавно молодость и избытокъ средствъ, и не засматривался впередъ. Это былъ тогда грудастый, здоровый, краснощокій, тасъ что становилось даже завидно глядя на него — рослый и ловкій юнша. «Успѣю еще, думалъ онъ, вотъ съ годикъ погуляю, а тамъ, если уже нужно будетъ поступить на службу, опредѣлюсь куда нибудь въ Петербургъ. Вотъ кстати у папѣ есть кто-то родичъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вотъ бы куда нибудь этакъ... аташе недурно бы! Протекція есть... Университетскій... верну потерянное».

Но случилось обстоятельство, толкнувшее его на дорогу, по которой, правду говоря, онъ всего менѣе прежде думалъ идти, а потомъ, попавъ на нее, свиселъ и послѣ даже не имѣлъ привычки сожалѣть. *L'homme regarde, Dieu dispose!*

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ въ Москвѣ случилась исторія, надѣлавшая много шума, подобно тому, какъ и впоследствии было нѣсколько такихъ же примѣровъ. Сочинилась между передовою молодежью шутка. Кутили у кого-то изъ товарищей. Поднявъ, какія-то пѣсни пѣли, много говорили... Объ этомъ узнали. Время было строгое: іюльская революція была въ свѣжей памяти, съ польской только что у себя дома неокончили; дѣло Фіески всѣхъ занимало. Смотрѣли въ оба. Молодежи впервые стали серьезно недоувѣрять; въ университетахъ опять принимались чрезвычайныя строгости, вспоминались времена Магницкаго: требовали, чтобы студенты всегда ходили по формѣ, отдавали на улицѣ честь военнымъ, навѣщали церковь по воскресеньямъ, изъ богословія предѣльный балъ на экзаменахъ возвышенъ. Видимо опасность была... Наконецъ добрались и до неслужащихъ. Приказано было требовать, чтобы молодые люди служили. ввухать, какъ неприлично дворянину не служить. Мо-

сковскій генерал-губернаторъ, встрѣчая Таврова на всѣхъ блестящихъ балахъ столицы, любясь его дѣйствительно тогда красивою осанкой и зная его съ хорошей стороны черезъ различныхъ его тетюшекъ (а ихъ у него въ Москвѣ, какъ у каждаго порядочнаго джентльмена, было не мало), милостиво, но тонко и безобидно, раза два или три въ разговорѣ съ нимъ далъ ему понять, какъ необходимо было бы и ему исполнить волю высшаго правительства, избравъ что нибудь определенное, даже любезно предложилъ ему числиться у него въ канцеляріи. Но Тавровъ жилъ тогда весело, онъ былъ на зенитѣ своихъ услѣховъ, влюбля въ себя мазуркою поочередно чуть не весь московскій бомондъ, и потому не торопился исполнить намекъ градоуправителя. Послѣдній не настаивалъ, такъ-какъ говорилъ это Таврову только такъ, болѣе изъ доброжелательства, между прочимъ, встрѣчая его на балахъ, и вслѣдъ затѣмъ за многотрудностью служебныхъ дѣлъ и слабостью памяти, тотчасъ же забывая и о самомъ существованіи Таврова до слѣдующаго какаго нибудь большаго бала или вечера. А тутъ еще любовь замѣшалась: Тавровъ только что познакомился съ будущей своею невѣстой.

Не болѣе, какъ мѣсяца черезъ два послѣ послѣдняго недобнаго разговора на раутѣ, у извѣстной тогда въ Москвѣ писательницы и вѣтренницы графини Z., генерал-губернаторъ давалъ большой балъ у себя по случаю посѣщенія столицы очень высокою *особою*. На балѣ особа была очень въ духѣ и милостиво допустила, чтобы ей представили многихъ и неизвѣстныхъ право на эту честь. Особа оставалась на балѣ долѣ обыкновеннаго. Тавровъ былъ замѣченъ въ мазуркѣ. Особа спросила его фамилію у градоначальника, ходившаго весь вечеръ за гостемъ съ огромною блестящею толпою генераловъ и адъютантовъ, справилась объ его службѣ, и узнавъ о томъ, что онъ нигдѣ не служитъ, потребовала его къ себѣ и милостиво, съ милой улыбкой, но и съ отѣнкомъ строгости на своемъ дѣйствительно прекрасномъ, мужественномъ лицѣ, сказала ему, что танцуетъ онъ хорошо, но что «дворянину нужно служить и служить». Еще спросили его, родственникъ ли ему — свой губернсскій предводитель (это былъ его отецъ) и гдѣ онъ воспитывался и почему не служить. Тавровъ почтительно, съ замрающимъ сердцемъ, на послѣднее тихо отвѣтилъ, что не успѣлъ еще выбрать рода службъ. Тогда ему сказали, что онъ съ виду «молодецъ, молодецъ!» и потому долженъ служить въ военной службѣ, въ гвардіи. Потому позволили ему идти. Это вообще было время, когда гражданская служба была, такъ-сказать, въ загонѣ, ее не считали очень по-

лезною для государства; ее, такъ-сказать, терпѣли только, и она мало представляла шансовъ для карьеры. Потому-то къ военной службѣ тогда привлекались самыя лучшія силы образованнаго общества, почти вся интеллигенція народа. Ну, и быть тогда офицеромъ—было дѣйствительно хорошо.

Нужно было повиноваться. Тавровъ сталъ военнымъ. Вскорѣ онъ женился, черезъ годъ у него родился сынъ Викторъ, уже извѣстный намъ. Тавровъ очень счастливо въ нѣсколько лѣтъ выслужился, и по смерти отца, будучи еще молодымъ уланскимъ полковникомъ гвардіи, вышелъ въ отставку, чтобы заняться хозяйствомъ... Тутъ онъ овдовѣлъ... Тамъ началось его предводительство, почти безсмынное въ теченіе многихъ трагическихъ лѣтъ.

Тавровъ и тутъ успѣлъ выдаться и хорошо поставить себя. Образованіемъ онъ дѣйствительно былъ выше другихъ (тогда университетскихъ вообще было еще мало), уже тогда выписывалъ гилье иностранныя журналы и газеты, много читалъ, первый завелъ у себя мелотили и хозяйственныя улучшенныя машины, въ бытность въ Петербургѣ даже записался въ члены вольно-экономическаго общества и почитывалъ тамъ публично свои рефераты о трехпольномъ хозяйствѣ, разведеніи клевера, и проч.; словомъ, всѣмъ внушалъ къ себѣ, не совсѣмъ безъ основанія, то уваженіе, основанное на страхѣ, которымъ такъ легко дарить у насъ въ провинціи бѣдный, недалкій и необразованный помещикъ — богатаго, повидямому, умнаго и скольконибудь образованнаго собрата.

Подошла крестьянская реформа. Тавровъ, по званію предводителя, вошелъ въ губернской комитетъ. Больно было его сердцу помириться съ миссію, что нужно разстаться со всѣмъ порядкомъ, посредѣ котораго такъ сладко жить. Тѣмъ не менѣе нужно было покориться неизбежности. Онъ понималъ, что подулъ новымъ духомъ, и что тотъ менѣе потеряетъ, кто подчинится общему теченію и станетъ впереди. Въ комитетѣ онъ сказалъ такую рѣчь въ оправданіе необходимости отказаться отъ личнаго выкупа, что мелкихъ помещиковъ даже покорило, когда они узнали. Прослылъ онъ краснымъ.... Но при дальнѣйшихъ занятіяхъ, при обсужденіи проекта крестьянскаго надѣла, началъ онъ тормозиться. Это уже было выше его силъ. Онъ пока только слегка старался оспаривать подобное право «въ принципѣ», говоря, что право на землю неоспоримо принадлежитъ помещику. Не послушались. Тѣмъ не менѣе, многимъ это пришлось по вкусу. Послалъ его въ столичный комитетъ — а тамъ онъ наткнулся на людей, солидарныхъ съ нимъ по этому вопросу. Въ числѣ подававшихъ въ комисію особое мнѣніе, въ которомъ признавалось

вреднымъ для государства и несправедливымъ по самому существу дѣла надѣленіе освобождаемыхъ землемъ, оказался и нашъ знакомецъ Тавровъ. По случаю разногласія своего въ этомъ взглядѣ съ правительствомъ, они просили увольненія ихъ отъ занятій въ комисіи. Предсѣдатель обмѣнялся съ ними длиннымъ письмомъ, въ которомъ вѣжливо пожалѣлъ, что лишается такихъ «опытныхъ и полезныхъ» сотрудниковъ. Тѣмъ не менѣе ихъ, это «меньшинство», сбывъ, по просту говора..... Многие смирились. Тавровъ не уговорился. Въ Берлинѣ у Бара, въ Лейпцигѣ у Брокгауза, время отъ времени, стали появляться анонимныя брошюры, въ родѣ: *Нѣчто о крестьянскихъ надѣлахъ, Замѣчаніе на труды редакціонной комисіи по крестьянскому вопросу, а послѣ освобожденія крестьянъ: Будущность Россіи и русское дворянство, Мелкіе или крупныя собственники?* и наконецъ еще недавно: *О польза высокаго ценза, О вредѣ демократизаціи Россіи* и т. д. Молва указывала на Таврова какъ на автора ихъ. Онъ дѣйствительно переписывался и ѣздилъ въ Петербургъ навѣщать коноводовъ самой консервативной помѣщичьей партіи. Его встрѣчали съ радостію, ласкали и ссужали деньгами, вѣда въ немъ дѣятельнаго, нестоющаго и полезнаго для своихъ дѣлъ человѣка. Во всѣхъ названныхъ брошюрахъ онъ постепенно и убѣжденій начиналъ принимать строго-опредѣленный оттѣнокъ. Читатель уже знаетъ, какой это именно оттѣнокъ.

И сынъ удался. Сергѣй Ивановичъ былъ человѣкъ, какъ видѣть читатель, хотя и странный, но далеко недюжинный и хорошо образованный. На воспитаніе сына онъ тратился щедро. Понимая, что новое время требовало многого, онъ подстрекалъ сына продолжать учиться и послѣ выхода изъ той военной школы, гдѣ воспитывалъ его и гдѣ только брали деньги и плохо учили, совѣтовалъ читать, пополнить свое образованіе..... При твердой волѣ все устроилось какъ нельзя лучше. На второй годъ службы, онъ далъ сыну возможность приготовиться въ какую-то академію, прослушать отлично курсъ, а потомъ побывать за границей..... И старанія его не пропали даромъ. Сынъ значительно развился, у него явились кое-какія наклонности, своя специальность, любовь, даже страсть къ ней.

Молодой Тавровъ былъ теперь бѣлокурый, тонкій, красивый молодой человѣкъ. Кроткіе, изъ-сѣра голубые глаза и взбитые вверхъ пушистые усы придавали его лицу кроткую доброту и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую дозу легкаго военнаго шика, такъ иногда идущаго молодому красивому лицу. Онъ свободно говорилъ по нѣмецки и по французски, держался непринужденно, но

всегда съ какою-то самоуважавшею важностью, точно будто хотѣлъ сказать: «я себѣ знаю дѣлу», точно готовился по крайней мѣрѣ въ министры. Онъ и пошутить иногда, и посябуется, и вольность позволять себѣ сдѣлать, а во всемъ этомъ такъ и видно, что до этого онъ нисходитъ только такъ, между прочимъ, а главное, главное все-таки при немъ, все-таки у него въ головѣ.

Въ министры, правда, онъ не мѣтилъ. У него былъ свой конекъ и онъ былъ въ своемъ родѣ личность типическая.

Изъ всякой складочки его щегольскаго, всегда брунстовскаго сюртука, такъ казалось и пахло военщиной. Это уже стало его жильемъ..... Но, не думайте, это не былъ смредній запахъ милитаризма стараго, казеннаго, помѣшаннаго только на шагистигѣ.

Нѣтъ, это была эссенція новая, какую еще только недавно сталъ выработывать нашъ прогрессъ — утонченная, воспитанная на строгой методичности и глубокомыслии нѣмецкихъ стратегичеовъ и выложенная кровнымъ французскимъ, зуавскимъ шикомъ. Квартира его въ полку всегда была украшена портретами разныхъ Тюреней, Вобановъ, Сципионовъ и Наполеоновъ. Полки библиотеки ложились подъ тяжестью фолиантовъ по военной исторіи. Одинъ военный журналъ седьмой уже мѣсяць печаталъ его глубокомысленное изслѣдованіе по части стратегіи у древнихъ и новыхъ народовъ, въ которомъ Тавровъ цитировалъ подлинники у Гомера да, да, не улыбайтесь, читатель! — у Гомера, Ксенофонта, Плутарха, Цезаря, Дюрера, Макіавели, Густафа-Адольфи, Монтекукули, Тюрпень-де-Кресси, Фридриха II, Суворова, эрцгерцога Карла, Наполеона, Клаузевица, Жюини, барона Медема, Данилевскаго, Базанкура и г. Лебедева. Какова эрудиція — то? Тавровъ былъ даже, между нами говоря, на профессуру. Когда нибудь Россія, вѣроятно, будетъ ему обязана рядомъ блестящихъ лекцій, или побѣдоносною кампаніею, если только какой нибудь военный Висмаръ не разстроитъ на первыхъ же порахъ всѣхъ его глубокомысленныхъ соображеній какимъ нибудь невѣжливымъ и преждевременнымъ шокомъ. Гдѣ, въ какой войнѣ, казая новозка прошла, гдѣ въ горной войнѣ оселъ какой прошелъ, а особенно, гдѣ такіе два осла встрѣтились, гдѣ это, сколько, кого уложилъ въ какой войнѣ—все это ему доподлинно было извѣстно. И это чуть не начиная съ драки библейскихъ Каина и Авеля и до нашихъ дней. Отецъ такъ и считалъ его будущимъ начальникомъ штаба, и съ затаеннымъ восторгомъ всегда разсказывалъ всѣмъ и каждому, какъ Викторъ, въ бытность въ Парижѣ, по окончаніи академіи, хлопоталъ бытъ представленнымъ русскимъ военнымъ агентомъ маршалу Мак-Магону, и какъ Мак-Маковъ подалъ его сыну руку, сказавъ, что «tous les militaires sont

les confrères», и пригласилъ къ обѣду, а какъ Викторъ спорилъ съ нимъ за обѣдомъ о послѣдней итальянской кампаніи, критикуя наповалъ дѣйствія Гіулая подъ Маджентой и предупреждая, что «съ нимъ этого не случилось бы». Вѣроятно, отецъ не врагъ, потому что и самъ Викторъ Сергѣевичъ любилъ иногда, рассказывая что нибудь, начинать: «когда я разъ обѣдалъ у маршала.....» Впослѣдствіи, въ бытность въ Брюсселѣ, онъ почелъ долгомъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее уваженіе Шарасу, какъ автору *Кампаніи 1815 года* (воображаю удивленіе честнаго Шарасса), и съ сожалѣніемъ вспоминалъ, что онъ не вѣшелъ въ немъ, какъ ожидалъ, и тѣни этого пылу, огня, этого *furie militaire*, какъ въ Мак-Магонѣ. «Точно онъ и не военный» добавлялъ онъ съ сокрушеніемъ.

И любилъ же онъ свое дѣло горячо — нужно правду сказать! Какимъ только проевтовъ ни предлагалъ онъ. Совѣтовалъ пѣхоту учить въ мирное время дѣлать суворовскіе переходы по 100 верстъ въ сутки; утверждалъ, что на маневрахъ слѣдуетъ пѣхотѣ употреблять противъ кавалеріи боевые патроны, доказывая, что если и будетъ неудобство въ томъ, что онажутся убитые и искалеченные, то за то на войнѣ-то сторицею вознаградится: наша конница не будетъ трусить огня пѣхотныхъ каре. Это уже называется дойти до вѣнца любви къ своему искуству! А методичность какова! Память его была напичкана преннтереснымъ матеріаломъ. Онъ зналъ исторію самаго ничтожнаго гринчика подъ сумой у солдата и могъ ежеминутно описать вамъ на память длину его, ширину и дѣлѣть сравнительно въ итальянской, испанской, бельгійской, австрійской, прусской, французской, шведской, персидской, и пожалуй, тунисской и японской арміяхъ. И все это, заимѣте, съ любовью, съ чувствомъ, пожалуй, тоже съ пафосомъ. Презамѣчательные люди!... Послѣ этого онъ имѣлъ полное право смѣтрѣть на весь остальной міръ нѣсколько свысока.

И по службѣ у него все шло хорошо. Старикъ Теленевъ не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, завидовалъ ему. Въ полку онъ слылъ за доку по части устава и службу танулъ примѣрнѣйшимъ образомъ, даже шикую педагогизмомъ. Носокъ онъ вытягивалъ передъ взводомъ даже послѣ того, какъ уже всѣ оставили эту журавлиную методу маршированія; ни у кого каска не сидѣла такъ глубоко на ухахъ, какъ у него; фуражка его стояла какимъ-то уродливѣйшимъ, высокимъ разрубомъ, на манеръ стариннаго будочницаго кивера. Извѣстно, что въ нѣкоторомъ военномъ брѣзку такой формы шапки считаются удивительнымъ шикомъ. Вудущее свѣтилось Таврову самымъ пріятнымъ свѣтомъ. Начальники не могли нахвалиться имъ. Отецъ те и дѣло справлялся и не безъ основанія

ожидалъ, что вотъ-вотъ, да и дадутъ Виктору, даже помню старшихъ, шефскую роту, а вѣдь это — годъ, два, да въ счастливую минуту, въ шефскій правдивъ — и флигель-адъютантъ! «То-то будетъ молодець Викторъ?» думалось отку.

Но старикъ Тавровъ на этомъ не останавливался. Правду сказать, онъ вообще только уступалъ сыну, когда не особенно спорилъ, замѣчая вдругъ обнаруживавшумся въ немъ военную жилку. У Сергѣя Ивановича была своего рода гордость, своего рода традиція — что Тавровы почти никогда не были просто фронтовыми служаками и только. Онъ полагалъ, что во фронтѣ сыну можно оставаться только теперь, пока онъ еще молодецъ, пока не возьметъ всего, что только можно взять въ этомъ полку. На самомъ же дѣлѣ ему хотѣлось, какъ только станетъ подыматься въ чинахъ сынъ, перевести его куда янбудь въ штабъ, гдѣ бы онъ могъ, въ случаѣ надобности, свернуть на гражданскую дорожку, или на какое нибудь другое, болѣе видное поприще. «Военнымъ, доказывалъ онъ сыну, военнымъ — тутъ ты видѣишь только когда война. Ну, а какъ война не будетъ долго? со страхомъ задавалъ онъ вопросъ — и сиди. Что ты тамъ мѣришь въ профессоры или хоть въ начальники штаба? пустяки, никто тебя и знать не будетъ, кромѣ тѣснаго кружка своихъ. А тутъ ты дѣятель, тебя вся Россія видитъ, — знаетъ... Тамъ ты рѣчь свазалъ, тутъ благодѣтельный проектъ предложилъ; вчера энергически распорядился въ чрезвычайномъ случаѣ; сегодня утеръ слезу вдовицы... Все это печатають, все это извѣстно, всякое такое льво въ строку идетъ и начальство на усъ мотаеть.»

Но сынъ, нужно впередъ предупредить читателя, плохо поддавался на всѣ эти резоны и гнулъ свое. Это очень соврушало отца.

Х.

На другой день утромъ, Марья Кириловна все еще окала послѣ вчерашняго приключенія, хотя къ утру и стало ей значительно легче. Лидочка все еще возилась около нея, а въ сараичникѣ самъ Оглобинъ, насупившись, завязывалъ въ мѣшокъ кое-какіе пожитки, готовясь теперь исполнить немедленно свое вчерашнее рѣшеніе — уйти окончательно изъ-подъ негостеприимнаго родительскаго крова. Въ боковой комнатѣ, служившей хозелеватою и столовою, возилась, перебирая въ комодѣ различные тряпки, «бабушка». Это была старуха ворчливая, злая, адъ дома. Сухоощая, сгорбленная, съ костьюлемъ, со впадинами, ястребинными глазами, всегда безъ чепчика, съ растрепанными

сѣдми косичками — на ней лежалъ какой-то демонскій видъ. Вѣдми макбетовскія, должно быть, были таковы. Около нея важно похаживалъ, мурлыкая, котъ, ея любимецъ, съ вытанутымъ вверхъ хвостомъ, грѣясь на солнцѣ, зангрявая со старухою и потираясь бокомъ о ея ногу; подъ окномъ кудахтали голодные куры, собравшіяся къ старухѣ, которая вѣхъ всегда кормила въ это время сама; на столѣ чайныя чашки, чайники, булки; савозъ полурастворенную дверь слышался въ сѣней шумъ самовара и возилась надъ нимъ Настасья... Часъ седьмой утра...

Бабушка задвинула комодъ, запахла на груди вѣротъ распущеннаго, неряшливаго платья, поправила свои сѣдми косми и, взявъ половничокъ изъ-подъ образа, стала на колѣни въ углу, чтобы молиться.

Среди этого занятія, изъ сѣней раздалось сильное шипѣніе кипѣвшаго самовара.

— На-сть-га, п-одлая дѣвка! кривляя ротъ и скаля единственный, оставшійся у ней спереди зубъ, со злостью крикнула бабушка: — самоваръ бѣжить, а ты и не слынишь! Мерзавка! О любезномъ дружкѣ своемъ, видно, все думаешь! Слышно было, какъ дѣвка бросилась къ самовару и потому старуха снова обратилась къ образу, и продолжала патетически свою молитву.

Она встала, и не переставая читать молитву, подошла къ столу, щипнула мякишу отъ булки и, отойдя къ окну, стала кормить куръ: — кишь! крикнула она, махнувъ рукою въ окно, когда индюшки тоже бросились на кормъ, не для нихъ назначившійся: — отъ всякія избави напасти всѣхъ, читала бабушка, какъ-то варьируя голосомъ, на манеръ мурлыканья и воздыханья и опять перешла подъ образъ: — и будущія изми муки тебѣ вопіющихъ: аллилуія!

Самоваръ былъ пригесенъ... Лидочка вышла на цпочкахъ изъ спальни и принесла запертую сахарницу, а потомъ сходила и принесла ключи изъ-подъ подушки Марьи Кириловны. Бабушка, не переставая бормотать молитву, заварила чай, а когда Лидочка опять бросилась въ комнату крикнувшей ее матери, старуха боязливо посмотрѣла на дверь и, торопливо схвативъ полную горсть сахару изъ ящичка, сунула себѣ въ карманъ... А потомъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, зачитала свою молитву.

Лидочка вернулась и сказала работницѣ, что маменька приказала послать Мишу къ себѣ.

Явился Миша въ столовую, по вчерашнему сердитый, надутый...

— Что, мерзавецъ, убить вчера хотѣлъ мать, ехидно напустилась бабушка: — полюбуйся, полюбуйся...

Миша, не отвѣчая, сѣлъ къ столу и хотѣлъ налить себѣ чаю.

— Трескаты-то мы умѣемъ, упрекнула бабушка.

Миша посмотрѣлъ на нее изподлобья.

— Ишь, буржуи-то палить, сказала бабушка: — разбойникъ! мужикъ... хамъ... подлецъ! Космы ея растрепались, воротъ опять распахнулся и выказалъ ея сморщенную, противную шею. Что-то страшное, демонское опять засвѣтилось во всей ея фигурѣ...

— У, вѣдьма, не вытерпѣвъ, съ презрѣніемъ сказалъ Миша съвои зубы и отвернулся.

Бабушка, однакожъ, несмотря на свою обычную глухоту, услышала это, небось, отлично и тотчасъ перемѣнила маневръ.

— Охъ, охъ! закричала она во все горло и грохнулась на полъ: — убить хотѣлъ, убить и меня хотѣлъ! И она, что есть силъ, забарабанила со злости головою и ногами объ полъ. Лидочка, работница, даже сама Марья Кирилловна, на босую ногу, въ одной сорочкѣ и юбкѣ, выскочила къ дверямъ.

— Убить хотѣлъ, убить хотѣлъ!... раздавалось по цѣлому двору: — Вѣдьмой назвала!... Дайте мнѣ ножъ, дайте мнѣ ножъ, зашвала старуха: — хочу зарѣзаться, не хочу больше жить!

— Это не домъ, а каторга, задыхаясь сказалъ Миша.

— Ахъ, маленька, говорить съ досадою Марья Кирилловна у двери, въ то время, какъ Лидочка и работница поднимаютъ старуху съ полу: — вы сами всегда виноваты.

— Дайте мнѣ ножъ! кричала свое старуха. Мишу ужъ это разсвѣшило.

— Больно, бабушка, рѣзаться, смѣется онъ.

— Пошелъ ты вонъ, разбойникъ! какъ-то визжитъ со злости старуха. И она пуще прежняго заколотила себя головою объ полъ: — разбойникъ!... хамъ!... воръ, подлецъ!... развратникъ!... безбожникъ, отцеубійца! Будь ты проклятъ! Да разрази его Господи! просить она у Бога.

Ее подняли и поправили платье, совѣмъ пришедшее на ней въ безпорядокъ, причемъ, какъ тряхнула Лидочка полу, вдругъ изъ кармана разлетѣлся по всей комнатѣ сахаръ...

— А вотъ, зачѣмъ вы сахаръ прячете въ карманы, смѣясь, говоритъ Миша и принимается подбирать...

— Самъ ты воръ, кричать и рвется бабушка: — воръ, воръ, воры и не въ состояніи будучи вырваться изъ рукъ Лидочки и Настасьи, она плететъ со злости на внука: — Вольтеръ проклятый, Вольтеръ проклятый! вся трясаясь отъ злости, ругаетъ она: —

Т. СЛХХVII. — Отд. I.

5

массонъ, мужикъ, ишь, руки-то какія мужицкія отъ работы!
хамъ, хамъ, хамъ!

Всѣ, смѣясь, уводятъ старуху въ другую комнату.

— Я хотѣла съ тобой еще поговорить, объявила сыну Оглобина и вернулась въ спальню, гдѣ опять легла въ постель. Сынъ послѣдовалъ за нею: — ты не переимѣнишь своего намѣренія и все-таки не желаешь идти служить?

— Нѣтъ-съ, сказала угрюмо сынъ, становясь у кровати, въ ногахъ.

— Упрямецъ, весь въ отца, сказала мать.

— Уйду, буду искать работы на сторонѣ, объяснилъ сынъ, когда она его спросила: что же онъ думаетъ теперь дѣлать?

— Гдѣ же ты будешь искать работы? полюбопытствовала съ беспокойствомъ мать.

— Гдѣ придется.

— Здѣсь въ окружности?

— Можетъ быть, и здѣсь.

Марья Кириловна задумалась и у ней опять наворачивались слезы.

— Ахъ, Миша, Миша!... Никакого у васъ нѣтъ состраданія, ни капли любви къ родителямъ, добавила она, когда замѣтила, что сынъ ничего не сказалъ на ея замѣчаніе: — я буду тебя просить объ одномъ, сдѣлай это хоть для меня.

Сынъ поднялъ на нее вопросительно глаза.

— Ищи гдѣ-нибудь подальше... Уйди отсюда. Здѣсь насъ всѣ знаютъ. Ты видишь, какъ это мнѣ тяжело.

— Первое время все равно придется здѣсь искать.

— Я готова даже дать тебѣ денегъ на дорогу, продолжала, не слушая его, мать: — уѣзжай куда-нибудь подальше, да и дѣлай что хочешь. Чтобы я по крайней-мѣрѣ не видѣла.

Миша стоялъ въ нерѣшительности...

— Въ томъ, что меня здѣсь знаютъ, моя выгода, замѣтилъ онъ нерѣшительно: — скорѣе примуть.

— Ну, сдѣлай это для меня: это послѣдняя и единственная моя просьба. Кажется, не трудно.

— Постараюсь, не дамъ, однакожъ, слова.

Опять помолчали. Марья Кириловна лежа все плакала тихо въ платокъ, а Миша стоялъ передъ ней какимъ-то несчастнымъ, растеряннымъ, бессознательно вода рукой по деревянной спинкѣ кровати. Лялочка тоже, повѣся носъ, сидѣла на высокомъ, окованномъ желѣзомъ, сундукѣ.

— Когда же ты отправляешься? спросила она брата.

Миша сказалъ, что сегодня, даже сейчасъ.

— Зачѣмъ же такъ скоро? встревожившись, спрашиваетъ трезво мать.

Близость неприятности, которую хотѣлось бы отдалить, уже гнать ее, а близость разлуки съ сыномъ заставляетъ иначе говорить материнское сердце. — Можно бы завтра, черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ. Тебя никто не гонитъ. Ты забудь вчерашнюю сцену... Мало ли что говорится.

— Чего надѣяться? твердо замѣчаетъ сынъ: — дѣлать, такъ дѣлать скорѣе.

Никто ничего не замѣтилъ на это, только Марья Кирилловна немного погоди прибавила:

— И денегъ у тебя нѣтъ...

— Свѣтъ же безъ добрыхъ людей, равнодушно сказалъ Миша.

Еще нѣсколько часовъ провозился въ хлопотахъ Михаилъ Александрычъ. Марья Кирилловна, несмотря на болѣзнь, встала и сама въ этотъ разъ нашла ему чаю, приказала скорѣе заварить ему что-нибудь на дорогу, и завтракъ сдѣлать пораньше, а между тѣмъ все еще уговаривала его отлежить отъѣздъ, и когда уже не было никакой надежды уговорить упрямца, повела его въ спальню. Тутъ, доставъ изъ желѣзнаго сундука послѣдніе оставшіеся у нея отъ третняго пенсіона 8 рублей, приложила къ нимъ еще 17 рублей, занятые именно съ этою дѣлюю, черезъ работницу, у цѣловальнича на поселкѣ подъ завогъ ложекъ изъ лядочкинаго приданого и своего обручальнаго кольца, которымъ дорожила едва-ли не болѣе всего на свѣтѣ,—стала упрашивать его взять это на дорогу. Тотъ съ упрямствомъ отказывался, а она—опять-таки настойчиво—уговаривала, чтобы онъ взялъ эти 25 рублей. Сынъ остался при своемъ и Марья Кирилловна оставила его въ покоѣ только потому, что сговорилась съ Лидочкою и работницею подняться на хитрость.

И долго еще въ домѣ всѣ хлопотали и бѣгали, какъ сумасшедшіе, собирали и увязывали въ Мишинъ узелокъ кое-какое бѣлье, вышитыя Настасьей кортики, которыми она такъ неслышно вчера хвастнула, вязанные матерью носки, спеченныя наскоро булки и жаренную индѣйку, одну изъ тѣхъ, съ которыми еще за часъ или два бабушка воевала у окна. Марья Кирилловна хлопотала больше всѣхъ, забывая собственное нездоровье и не забывая только втихомолку всплакнуть и помолиться. Непозадъ Угоднику. Одна бабушка не принимала ни въ чемъ участія и лежала попрежнему злѣю и спячною.

Къ 11-ти часамъ все было готово... Молодой Оглобинъ, одѣтый по обыкновенію въ свою красную, русскую рубашку, которую носилъ зимою и лѣтомъ, съ узелкомъ за плечами, прощалъ-

ся въ сѣняхъ съ матерью, все ея крестившей и, въ перемену, плававшей. Лидочка тоже стояла съ красными глазами, доказывавшими, что и она заплакала-таки дань въ этомъ отношеніи брату. Одинъ только онъ казался не то туго равнодушнымъ, не то задумчивымъ, и, повидимому, твердымъ въ своей рѣшимости уйти.

— Пусть Богъ тебя проститъ, какъ я во всемя прежаю, говорила Марья Кирилловна, цалуя и крести въ послѣдній разъ сына: — не могли вмѣстѣ ужиться, можетъ быть, будемъ счастливые врозь. Что жъ, когда ты такой упрямый! Да благослови тебѣ Богъ!

Оглобинъ приотворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала Лизавета Ивановна: — прощайте, бабушка, ухожу совсѣмъ, не помните лихомъ!

Старуха только сильно треснула ногою со злости по дивану, на которомъ лежала, и отвернулась къ стѣнѣ.

Лидочка еще разъ обняла брата на крыльцѣ, куда всѣ вышли провожать уходившаго, и даже сдѣлала усміе произнести: — заѣхай, Миша, если недалеко будешь. Вѣдь мы не ссорясь расстаемся, надѣсь.

Но Марья Кирилловна не могла далѣе выдерживать и ушла съ крыльца, едва завидѣла, что на дворѣ стали собираться сосѣдніе мужики, узнавшіе, что молодой Оглобинъ уходитъ и желавшіе теперь проститься съ нимъ, такъ-какъ въ самомъ дѣлѣ душевно любили его за скромный и негордый нравъ и за то, что не брезгалъ никогда водиться съ низшими себя.

— Не доживать бы мнѣ лучше до этой минуты, чѣмъ видѣть это, сказала, снова расплакавшись, мать, когда увидѣла, что Миша, дружески обнимаясь, пожимая каждому руку и, по три раза цалуясь въ щеки, прощался съ сосѣдами.

Твердою поступью, опираясь на сучковатую дубинку и стараясь казаться спокойнымъ, хотя сердце и сильно начинало ныть — вышла Оглобинъ изъ воротъ родительскаго дома, самъ нехорошо сознавая, куда идетъ, гдѣ преклонить сегодня къ вечеру голову, чѣмъ займется... Нѣсколько мужиковъ, ихъ же бывшихъ рѣшительныхъ, а теперь сосѣдей и земляковъ, отправились его провожать. Долго еще видѣлась ихъ группа, мелькая вдоль опушки лѣса...

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога дѣлаетъ поворотъ въ глубь лѣса, откуда вчера Тавровъ впервые могъ увидѣть огоньки бѣднаго поселка, Оглобинъ остановился и оглянулся, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на то мѣсто, гдѣ родился, откуда уже во второй разъ выходилъ въ жизнь, съ пустыми карманами, искать промежъ

чужихъ счастья, гдѣ жили — что ни говори — все же дорогіе люди... Убогій домикъ ихъ ничѣмъ не отличался отъ крестьянскихъ, только что бѣлѣе смотрѣлъ: такой же крохотный, старыи, извороненный... При солнечномъ блесгѣ и красотѣ теперь всеи остальной природы — эта бѣдность еще печальнѣе казалась, а кривизна завалившейся стѣны, облупившаяся во многихъ мѣстахъ штукатурка и разбитый заборъ — такъ и мозолили издали глаза. Жалость при видѣ этого убожества еще сильнѣе давила душу Оглобина.

На крылечкѣ все еще стояла неподвижная Лидочка, а въ черной части раскрытаго окна, бѣлѣла фигура Марьи Кирилловны, которая, замѣтивъ, что сынъ смотритъ, отошла вглубь, но потомъ сейчас же опять показалась. Она съ самаго ухода Миши все плакала, все не хотѣла подходить къ окну, чтобы не видѣть болѣе сына, и все-таки не могла выдержать, и все-таки поминутно подходила. Невыразимая, въ первый разъ только теперь познанная, тоска охватила Оглобина. Все одиночество, безпомощность, бѣдность ихъ, все собственное бобыльство — вдругъ представились ему ясно, какъ день, что-то мучительное сдавило ему грудь, конвульсивно отдалось въ горлѣ, и слезы самой неподдѣльной тоски, самаго неутѣшнаго, тяжелаго какъ свинецъ, всезаглушающаго горя хлынули у него изъ глазъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и не могъ идти болѣе... Онъ опустился на землю и, закрывъ лицо руками, въ первый разъ въ жизни такъ искренно, такъ неподдѣльно заплакалъ.

— Плачешь, тихо сказалъ кто-то изъ провожавшихъ его крестьянъ, и всѣ посторонились съ тою деликатною честностью, кака встрѣчается только въ простомъ человѣкѣ, который инстинктомъ понимаетъ, что есть такіи минуты въ жизни, когда никто не имѣетъ права мѣшать человѣку выплакать горе или лѣзть съ безтактными, пустыми, неудущими къ дѣлу и дешевыми утѣшеніями. Всѣ отошли молча въ сторону...

Черезъ минуту, Оглобинъ всталъ, вытеръ слезы, еще разъ приподнялъ къ ту сторону, почти машинально, свой картузь, попрощался съ земляками и пошелъ лѣскомъ...

Чуденъ былъ теперь лѣсъ! Ни листогъ не шелохнется, птички щебечуть на тысячи ладовъ, жуки, бабочки жужжать и вьются въ воздухъ, бѣлка карабкается съ вѣтки на вѣтку, ащерица плетъ въ травѣ... А сверху чистое, безоблачное небо и солнце такъ ярко, такъ тепло свѣтитъ; въ воздухъ такъ адурово, пріятно нахнетъ смолою ельника, развѣсившаго свои вѣтви на дорогу, точно великаны, которые хотятъ васъ поймать руками.

А Оглобинъ идетъ и идетъ. Свѣжеста лѣсная и ходьба облегчили его грудь.

Вотъ сейчасъ будетъ лѣсная проталина: это ихъ помость. Тутъ долженъ быть теперь Касьянъ. Вотъ и Васяна, чашнй, добрый червь, на которомъ столько разъ Мишѣ приходилось ѣздить и въ лѣсу по дрова, и за сѣномъ, а те и Лидочку еще такъ недавно читать, къ невыразимой радости дикой институтки, всему удивлявшейся на червяхъ порахъ и отъ всего приходившей въ восторгъ. Стоитъ лошадка, ноги спутаны: пасется... Вотъ у телеги и Касьянъ сгребаетъ сѣно... Работникъ издали узналъ его и, бросивъ работу, пошелъ на встрѣчу.

— Идешь-таки, Михайло Александрчъ?

— Иду... сказалъ коротко тотъ.

— Ну, дай Богъ счастья... Спасибо за все, что мы отъ тебя видѣли. Они присѣли на травѣ. — Куда же пойдешь? полюбоществовалъ работникъ: — ты пойдн къ валитинскому попу, посоветовалъ онъ внушительно, когда Миша сказалъ, что и самъ не знаетъ: — потому что у попа какъ не быть работѣ. Опять маленьку твою знаетъ. И деньги у него есть, стало, помочь можетъ...

— И я думаю, сказалъ въ раздумѣ Оглобинъ: — у него и снѣгъ хорошій, пойду... Денегъ у меня ни копейки нѣтъ, вотъ бѣда, сказалъ онъ: — у тебя нѣтъ, Касьянъ? Онъ и не зналъ, что у него за спиной въ мѣшкѣ, на самомъ верху, лежали 25 рублей, завязанные тихонько матерью.

— Есть, зелененькая да двѣ рублевныхъ... Возьми...

— Давай двѣ рублевныхъ. Разживусь, отдамъ.

Касьянъ живо заголилъ ногу и развязалъ кожаный *черезъ*.

— Возьми зелененькую, тебѣ нужнѣе, предложилъ онъ, подавая деньги: — ты теперь дорожный человекъ.

— Будетъ, сказалъ Оглобинъ, взявъ два рубля: — спасибо... Ну, прощай, Касьянъ. Коли найду хорошее мѣсто, прийдешь и ты, а пока поживи у нихъ: бабы, нельзя безъ мужчины, объяснилъ онъ.

Онъ также дружески, какъ и съ прочими непростался, съ Касьяномъ, который бросился теперь обнимать его, протянулъ губы къ поцалу, и выпучилъ на него глаза съ какою-то особенно-рьяною отчаянностью: точно онъ боялся, что тотъ улетитъ. Вѣрно у него это отъ полноты чувства случилось, отъ любви въ простому, нечванливому барину, каковъ былъ Оглобинъ.

Былъ уже полдень, солнце пекло жарко, надъ самою головою, когда Оглобинъ вышелъ изъ лѣсу и пошелъ по ровной, теперь не такой снучей, какъ въ лѣсу, набитой дорогѣ.

Впереди... впереди и въ жизни, какъ и по дорогѣ — ничего гѣрнаго: ни друзей, ни пристанища, ни средствъ... Вся надежда на честное сердце, да мозолистыя руки... И два рубля въ карманѣ! И такъ выходить въ жизнь! Знаменательное это было время, замѣчательныя сердца и удивительные люди!

На шестой верстѣ отъ дому, Оглобинъ приостановился и, сбросивъ съ плечь мѣшокъ, прилегъ, чтобы отдохнуть маленько и переодѣть носокъ, который сильно теръ ногу. Пока онъ это дѣлалъ, послышалось отчаянное бряцанье бубенчиковъ, и изъ-за бугра показалась лихая тройка, въ хомутахъ, убранныхъ бляхами и цвѣтными сукномъ... Тройка неслась что есть духу, поднимая цѣлое облако пыли. Въ щегольскомъ тарантасѣ, сдѣланномъ на манеръ коляски, развалилась сидѣль молодой Тавровъ. Онъ весело разговаривалъ теперь съ какимъ-то господиномъ, который, взобравшись на козлы, нарядивъ въ свою фуражку съ ковардою кучера, а самъ перерядившись въ ямщичью шляпу съ лентами, управлялъ лошадьми. Лихо катила тройка. Лошади неслись какъ птицы, понимая, что ими управляла мастерская рука. Управлявшій лошадьми только свистѣлъ, да поднималъ возжи, и кнута у него не было, только рукою поваживалъ, а лошади шли, какъ на бѣгу... Что-то бойкое, шутивное свѣтилось во всей этой фигурѣ. Тарантасъ пронесся уже мимо Оглобина сажень на двадцать, когда правившій разглядѣлъ окончательно Оглобина.

— Стопъ! сказалъ онъ, и придержалъ почти на мѣстѣ всю тройку. Точно она у него на мундштукъ шла: — Оглобинъ! крикнуть онъ: — это вы?

Оглобинъ издали, лежа, приподнял фуражку.

...Приблизься,
Нашъ малый другъ!

пародировалъ шутникъ Шекспира торжественнымъ тономъ.

Оглобинъ взялъ узелокъ въ руки и подошелъ.

— Куда, любезный другъ, стремишься?

— Въ Калитаны надо.

— Садитесь, подвезу. Чтѣ это вы такъ по походному?

Оглобинъ не объяснилъ толкомъ, а только сказалъ, что это «такъ».

— А вы куда это, Николай Федорычъ? освѣдомился въ свою очередь Оглобинъ.

— Къ особѣ, батника, къ особѣ, затораторилъ тотъ: — сама пригласила. Понимаете, само оно изволило написать, снявши, такъ-сказать! поднимая палецъ вверхъ, объяснилъ шут-

никъ. — Въ Петровское, къ Забучкому; прислали: дочь умираеть. Шутникъ былъ докторъ.

Онъ опять предложилъ Оглобину подвезти, но тотъ сталъ благодарить и отбиваться, говоря, что хочетъ дойти.

— Не церемоньтесь, вѣдь это мой тарантасъ... Можетъ, вы боитесь этого барина? безцеремонно вдругъ спросилъ докторъ, показывая на Таврова, который, въ самомъ дѣлѣ, не безъ любопытства и видимаго презрѣнія разсматривалъ теперь этого новаго спутника. — Потѣсите-ка его хорошенько, Миша, предлагая мѣсто около Таврова, продолжалъ докторъ. — Нынче вѣдь всюду на свѣтѣ аристократамъ тѣсно становится отъ демократіи, засмѣялся онъ: — а вы ему не подавайте руки, шутливо-серьезнымъ тономъ совѣтовалъ онъ Виктору Сергѣичу: — у него руки перемараны: онъ самъ землю пашеть. Рекомендую.

Оглобина усадили, наконецъ. Ранецъ его привязали сзади экипажа.

— Какъ я радъ васъ помучить, Тавровъ, сказалъ докторъ.

Тавровъ, предчувствуя новую насмѣшку, заранѣе постарался сдѣлать презрительную мину и прищуриться:

— Чѣмъ-съ?

— Какъ же, что будутъ говорить въ Петровскомъ, когда вы приѣдете, сидя рядомъ съ такимъ пейзажомъ. *Que dirá le monde?*

— Ахъ, вы меня еще очень мало знаете, чтобы имѣть право такъ судить, уже обидѣвшись, сказалъ Тавровъ: — я этимъ... а этимъ... И недоговорилъ по своему обыкновенію. Вѣроятно, онъ желалъ сказать, что этимъ пренебрегаеть, или что этимъ онъ не стѣсняется.

— Теперь я васъ не выпущу до самаго Петровскаго, такъ къ крыльцу съ нимъ и подкачу, пугнулъ его докторъ, указавъ на Оглобина, и тронулъ лошадыми: — эхъ, вы, голубчики шестикрылые! кричитъ онъ на лошадей. И тройка снова несется птицей...

Вотъ и Петровское (Калитаны тоже), наконецъ, показалось... Посреди самой роскошной растительности, пестрѣя тысячами цвѣтовъ на клумбахъ правильно-разбитаго по косогору сада съ извилистыми красными дорожками, показался и громадный домъ Забучаго, «Петровское», какъ называли въ округности. Множество красненькихъ башенекъ видѣлось надъ крышею, а посреди высокій шпигъ съ бѣлымъ флагомъ, на которомъ былъ раскрашенъ хитрый фамильный гербъ владѣльца... Готическія, вверху съ цвѣтными, синими, желтыми, красными и лиловыми стеклами, окна — отдавали на солнцѣ радужную игру цвѣтовъ... Колонки, обвитыя плющемъ, статуи, мостики, гроты, и

среди сада искусственный красиво-устроенный прудъ съ лебедями и киоскомъ—бѣлѣли издали, перемѣшиваясь съ зеленью и цвѣтами... Раскинутое по косогору, все это видѣлось путнику, подѣзжавшему съ поля, какъ на ладони. Внизу, какъ разбредшая стая цыплятъ одной матки, бѣлѣли тамъ и самъ по долинь очень опрятные крестьянскіе домики. Отличной архитектуры такая стройная, бѣлая, новемьская, съ жестянымъ верхомъ церковь, стояла посреди села. Аркадія, да и только!

. Оглобниъ былъ высаженъ, по егѣ просьбѣ, передъ домомъ калятинскаго попа, докторъ тоже пересѣлъ въ экипажъ, и тарантасъ, уже управляемый кучеромъ шибко понесся въ гору, къ господскому дому.

XI.

Еслибы васъ, дорогіе читатели, не убѣдило еще мое вѣтрѣчивое описаніе внѣшности дома Забучкаго, которымъ я закончилъ прошлую главу, въ томъ, что мы съ вами попали въ жилище не простого смертнаго, — еслибы на вашу честную, гордую, плебейскую душу, не подѣйствовали ни приличныя, такія красавныя, до приторности чисто-выскобленные лица лакеевъ въ коричневымъ штиблетахъ, которые попадались нашимъ пріѣзжимъ на каждомъ шагу въ комнатахъ, ни министерскій курьеръ съ краснымъ воротникомъ и черными жгутами на плечахъ, торчавшій въ передней, и невѣстно какъ попавшій въ уѣздное захолустье, ни даже почтенная фізіономія господина, встрѣтившаго гостей въ залѣ, и одѣтаго въ самый изысканный, солидный сюртукъ и бѣлый галстукъ—и который оказался всего только еще камердинеромъ графа, — то уже навѣрно тотъ серьезный видъ, какой приняло даже лицо спутника Таврова, вѣчно шутовое, веселое, и, какъ кажется, ни передъ кѣмъ нестѣсняющееся, когда онъ переступалъ порогъ дома,—уже это одно должно было бы васъ окончательно убѣдить, что мы вблизи чего-то очень важнаго, необыкновеннаго.

Послѣ того, какъ, проведенные въ особую комнату, пріѣзжіе оправили свой костюмъ, пришедшій за дорогу въ беспорядокъ, а докторъ даже принужденъ былъ преобразиться во фракъ,—господинъ съ почтенною фізіономією повелъ гостей черезъ цѣлую анфиладу голубыхъ, желтыхъ, кофейныхъ и малиновыхъ комнатъ, уставленныхъ золоченою мѣбелью, обвѣшанныхъ дорогими картинами и расписанныхъ по потолку самую изящною лѣвною и акварельною работою. Въ концѣ этой анфилады, у стеклянной двери, выходившей на большую террасу, прилегав-

шую къ саду и покрытую теперь етъ солнца огромнымъ коло-
гомъ краснаго, полосатаго тину, гости пріестановились. Уже по
взгляду камердинера они поняли, что ихъ просить не входить,
пока не доложить. Гости промѣлись по комнатамъ. Докторъ загля-
нулъ нагѣво въ растворенную дверь: это была библиотека. Уз-
кая комната — саженъ въ семь длинн — вся была заставлена по
обѣимъ сторонамъ красными шкапами съ сотнями, если не ты-
сячами, книгъ. Видно, что наука здѣсь была «въ фаворѣ», какъ
говорили у насъ въ прошломъ столѣтїи. Наконецъ дверь отво-
рилась, и камердинеръ молча пропустилъ гостей на терассу.

Въ ту же минуту изъ-за стола, заваленнаго бумагами, пова-
залась фигурка сѣденькаго бодрого старичка. Наклонивъ умиль-
но голову слегка на бокъ, онъ торопливо шелъ гостямъ на встрѣ-
чу, ласково улыбаясь и протягивая уже издали имъ обонимъ
руки.

— Докторъ Маркинсонъ, отрекомендовался прїѣзжїи.

— Очень радъ, очень радъ познакомиться, новторилъ ласко-
во хозяинъ нѣсколько разъ, раскатываясь всѣмъ тудовнищемъ и
вляная Маркинсону чуть не въ носъ, когда тотъ отрекомен-
довался:—такъ много наслышанъ... Извините старика, что не-
тревожилъ, и что такъ дурно написалъ, извинился онъ, держа
за руки доктора: — я думаю, вы и не разобрали: я пишу, какъ
курица. Старость, любезный докторъ, и семейное горе... Право,
туть голову потеряешь!

И пока это говорилось, пока нѣсколько растерявшїйся и скон-
фуженный Маркинсонъ расшаркивался вправо и влѣво, не зная
какъ и понимать такую любезность хозяина, старикъ уже самъ
поспѣшно принесъ ему стулъ съ другого конца терассы и уса-
дилъ. И Таврову хотѣлъ-было также самъ принести, но тотъ
успѣлъ его остановить и самъ бросился за стуломъ.

— Рара просилъ передать, дядюшка, что онъ очень сожа-
лѣеть, что самъ не могъ быть и сегодня, началъ приторно-вѣж-
ливо Тавровъ.

— Спасибо, дружище, сказалъ старичокъ, и снова добродушно
пожалъ руку Таврову.

— Чтѣ кухня? спросилъ Тавровъ. И пошли разспросы Тавро-
ва и нарочито длинныя рассказы старика о томъ, каково теперь
кузникъ и какъ все это случилось. Хозяинъ замѣтилъ сконфу-
женность доктора и нарочно давалъ ему время оправиться.

Маркинсонъ нѣсколько ободрился, сѣлъ на стулъ посвобод-
нѣе и принялся разсматривать тѣмъ временемъ хозяина.

Въ лицѣ старика ничего особеннаго не было, ни особенной кра-
соты, ни особеннаго уродства: лобъ большой, на вискахъ прикрытый

остаткомъ волосъ, зачесанныхъ съ затѣжкою, что гладо на лицо какое-то внушающее, почтенное выраженіе; да въ кроткихъ, сѣрыхъ глазахъ, вооруженныхъ большими, старомодными, золотыми очками, свѣтилась правдивая, добрая душа, способная, какъ кажется, на многое хорошее, ну, да нехалуй ввалившійся подбородокъ показывалъ, что онъ ужъ очень старъ. Подъ тѣмъ сѣренькимъ, лэстриновымъ пиджачкомъ, въ который онъ былъ теперь одѣтъ, никто не узналъ бы, конечно, еслибы не предпродать, сановнаго туза, получающаго десятка тысячъ въ годъ одного казеннаго жалованья и богача, имѣющаго 40 тысячъ годоваго дохода съ имѣній. Только толчайшая батистовая рубашка, бархатные сапоги на ногахъ (впрочемъ, это оттого, что онъ былъ немного подагрикъ), да запахъ двадцати-пяти рублевой сигары, которую теперь онъ опять принялся курить, или вѣрнѣе сосать губами — только это подсказывало, что передъ нами почти кровный баричъ. Все вокругъ него было такъ пышно, богато, пышнато и все въ немъ самою было — просто, скромно, безпретендительно, для всѣхъ безобидно, во всѣмъ удивительно примѣлливо и внимательно. Повидимому, ни о какомъ превосходствѣ тутъ не могло быть и рѣчи. Казалось, онъ о себѣ думалъ менѣе всѣхъ. Въ томъ камердинерѣ, который встрѣтилъ гостей по пріѣздѣ и котораго теперь опять позвалъ хозяинъ, чтобы приказать предупредить большаго о пріѣздѣ доктора, и даже въ томъ камердинерѣ, казалось, было болѣе гордости и сознанія о важности собственной лакейской персоны, чѣмъ въ этомъ скромномъ старичкѣ, ворочавшемъ зачастую судьбою миллионныхъ людей. Маркинсонъ смотрѣлъ на диванъ. Диванъ былъ заваленъ, какъ и столъ, книжками казенныхъ бумагъ. Сбоку было отодвинуто кресло, лежало перо на одномъ дѣлѣ, которое, повидимому, передъ приходомъ разсматривалось, а на чернильницѣ видѣлась еще чья-то недокуренная сигара. Тутъ, видно, еще кто-то занимался, да ушелъ недавно.

Маркинсонъ опять сталъ смотрѣть на графа. Онъ чувствовалъ, что у него теперь окончательно отлегло на душѣ, послѣ того, какъ онъ разглядѣлъ простоту хозяина, а то съ самаго пріѣзда онъ чувствовалъ себя какъ-то неловкимъ — будто жгло его что-нибудь на душѣ. Ужъ какъ же ему не хотѣлось сознаться, что онъ робѣлъ, и какъ онъ еще за часъ хорохорился и увѣрялъ себя, что онъ ни передъ кѣмъ никогда не сробѣеть!

Между тѣмъ, Тавровъ продолжалъ расшищаться:

— Мы всѣ такъ живо принимаемъ къ сердцу ваше горе, дядюшка — вѣрьте этому, распывался онъ, когда графъ, заговоривъ снова о своемъ несчастьи, опять загрустилъ: — и я, и рара,

мы такъ вспомнимъ ваше родственное вниманіе къ намъ... (Она больше всего помнила вчерашній намекъ отца, когда ѣхали отъ Пленцеевскихъ).

— Спасибо, спасибо, опять сказалъ графъ:—что же дѣлаешь? Отчуждаться все-таки не слѣдуетъ. Отчаяніе—грѣхъ... Вотъ Богъ намъ посылаетъ доктора, стараюсь улаживаться, сказалъ онъ, и обратился опять къ Маркинону: — что, любезный докторъ, если вы не устали съ дороги, то я васъ буду покорнѣйше просить — не откладывать...

Маркинонъ вскалъ и сказалъ, что онъ готовъ, и что медлить, дѣйствительно, не слѣдуетъ. И графъ поднялся.

— Я васъ долженъ предупредить и ознакомить съ ея болѣзью, сказалъ графъ, чавкая своими ввалившимися губами.

И, свѣтски извинившись передъ племянникомъ, что заста-вить его скучать, слушая такую, можетъ быть, невеселую по-вѣсть, онъ сталъ рассказывать доктору, что болѣзнь эта у дочери замѣчена еще въ Петербургѣ зимою, вскорѣ послѣ од-ного выѣзда, когда она немного простудилась, что онъ и самъ пробовалъ лечить ее гомеопатією — «я немного гомеопатъ, есть грѣхъ, каюсь», шуточно прибавилъ старикашка — но что тамош-нія знаменитости, рассказывалъ онъ, и Э., и З., и Ш. приписывали это исключительно петербургскому климату и образу столичной жизни, и совѣтовали увести ее на время въ деревню и устроить ей образъ жизни по возможности самый простой. Что онъ такъ и дѣлалъ. Но что теперь, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, ей хуже, что она не можетъ выходить, что послѣдовала какой-то ярвицы, появились новые симптомы, прежде незамѣчавшіеся, и что онъ готовъ былъ вести ее назадъ въ Петербургъ, чтобы опять посо-вѣтоваться, или даже прямо отправить ее за границу — но не знаетъ, можно ли будетъ теперь ей тронуться съ мѣста.

— Тутъ у меня есть свой докторъ изъ своей лечебницы — вы, вѣрно, знаете, или, по крайней-мѣрѣ, слышали? прибавилъ онъ, и затикалъ окурокъ сигары о чернильницу, чтобы пога-сить. — Я за него схватился. Онъ говорилъ, что, придерживаясь мнѣнія петербургскихъ докторовъ, надѣется, по крайней-мѣрѣ, поставить ее такъ на ноги, что она въ состояніи будетъ пу-ститься въ дорогу. Ну, и сначала ничего, пошло-было. А те-перь, вижу, совсѣмъ не то: хуже стало. Онъ же мнѣ самъ на васъ и указалъ, прося пригласить. А самъ этотъ проклятый нѣм-чуръ ничего не понимаетъ, и сердясь, и добродушно улыбаясь въ то же время, сказалъ графъ. — Ахъ, извините, спохватыв-шись, прибавилъ онъ: — какая память, что значить старость! Я и забылъ, что и вы нѣмецъ...

— Изъ жидовъ, ваше сіятельство, огрешомендовался докторъ, не смертнувъ: — русскій, жъ жидовъ-съ, твердо пояснилъ онъ, прямо смотря на хозяина.

— Ну, да, ну, да, все-таки лучше, посиѣшно сказалъ графъ, улыбувшиса на такую прямогу госта.

Онъ всталъ доктора подъ руку и повелъ къ двери, но потомъ приѣстановился на порогѣ и обратился къ Таврову:

— Если тебѣ будетъ пока скучно, Викторъ, можешь поискать тамъ чѣмъ бы заняться, мой малышъ. И онъ показавъ глазами на бумаги: — тамъ есть все-что интересное... Прочти, какъ графу Патенбергу досталось. За чтѣ я навинваю этимъ господамъ, прибавилъ онъ, опять мотнувъ глазами на столъ: — такъ это за то, что нѣмцамъ пощады не дасть! Терпѣть не могу, каки-то антипатія у меня къ этимъ вѣловымъ заѣдаламъ русскаго человека, оговорился онъ.

И слабый, старческій его голосъ даже задрожалъ энергически при этомъ, какъ биваетъ это всегда съ нервными людьми, когда они натываются на непріятныя воспоминанія, органически уже вросшія въ ихъ сердце. Илья Борисычъ Забудкій вообще былъ извѣстенъ и во «вліятельныхъ сферахъ», и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, какъ заветный врагъ нѣмцевъ и ярый руссофилъ.

Они съ докторомъ вышли.

Тавровъ подошелъ къ столу и развернулъ пангу, лежавшую на томъ мѣстѣ, гдѣ занимался графъ. Взглядъ его прямо упалъ на номеръ одного русскаго, заграничнаго журнала, запрещеннаго въ Россіи для публична, но нелучаемаго графомъ по праву члена высшего государственнаго учрежденія, въ которомъ онъ читался.

ХІІ.

Тавровы, а черезъ нихъ и Плещеевы, какъ уже отчасти было сказано въ одномъ мѣстѣ, были сродни Ильѣ Борисычу Забудкому. Викторъ Тавровъ былъ роднымъ племянникомъ, да еще и крестникомъ графа: его мать была родная сестра Забудкаго. Плещеевы же приходились просто, какъ говорится, десятою водою на кисель. Тѣмъ не менѣе, они очень упорно держались за это родство. Впрочемъ, всѣхъ фамилій, приплетающихъ такъ или иначе графа въ свою родню, насчитывалось на Руси десятками: тѣмъ значительнѣй комета, тѣмъ всегда за ней длиннѣе хвостъ. Если Варвара Михайловна, говоря съ вами, доводила непременно до свѣдѣнія, что «извѣстный цѣлой Россіи

графъ Забудній» тамъ ее другъ и родственникъ, то это было только изъ тщеславія. Богѣ въ этомъ ничего не было. Тавровы же, приходится старикъ довольно близкими сродни, имѣли тутъ въ виду кое-что, болѣе существенное. Старикъ былъ богатъ, вдовецъ, дочь почти умирала, сынъ дѣлалъ глупости, былъ въ опалѣ, и отецъ все грозился лишитъ его наслѣдства; Викторъ Тавровъ, въ такомъ случаѣ, могъ рассчитывать сдѣлаться наслѣдникомъ если не всего, то, по крайней-мѣрѣ, самой лакомой части состоянія графа. Старикъ Тавровъ вообще наблюдалъ, чтобы сынъ и въ Петербургѣ, и въ деревнѣ по возможности чаще бывалъ у дяди, всегда выказывалъ къ нему почтительность, какъ къ «фамильному Аврааму», и тѣмъ не давалъ бы старикъ права забывать о своемъ долгѣ въ отношеніи ближайшаго племянника. Зачѣмъ бы Викторъ или отецъ ни бывали у старика, о чемъ бы ни говорили, а ужъ такъ или иначе, прямо или косвенно — а упомянуть въ разговорѣ о своей родственной близости съ графомъ. Сергій Ивановичъ даже старался поддѣлываться къ старикъ и другими, не всегда благовидными, способами: тотъ дорогой портретъ въ золотой рамкѣ, что висѣлъ у него въ кабинетѣ надъ диваномъ, былъ портретомъ покойной жены, значить, сестры графа, и былъ повѣшенъ этотъ портретъ на такомъ видномъ мѣстѣ, именно съ той поры, какъ здоровье Ляны Забудной стало плошать, а сынъ надѣлалъ новыхъ пакостей.

Когда мы давеча сказали, говоря о Забучкомъ, что это былъ кровный баричъ, то мы оговорились, мы сказали: *почини*. Въ сущности Забудній не былъ аристократъ по рожденію. Но онъ не былъ тоже и изъ тѣхъ нерѣдко встрѣчающихся господчиковъ, которые, добравшись ранга IV-го класса, или переваливъ дальше, обзаведясь въ столицѣ каретомъ, или получивъ право на одинъ-два визита въ годъ, со стороны своего министра, тотчасъ же топорщатся, начинаютъ причислять себя къ «высшимъ» и высшему обществу, болѣть ихъ муками и смотрѣть снисоха на толпу, оставшуюся позади. Забудній былъ по рожденію почти плебей. Тѣмъ, что имѣлъ въ настоящее время, онъ былъ обязанъ почти во всемъ себѣ одному, и тѣмъ не менѣе онъ былъ простъ и несгѣсивъ примѣрнымъ образомъ. Сину екатерининскаго секундъ-майора, а воздѣе александровскаго бригадира, бѣднаго дворянина, владѣвшаго всего 51-ю душенкою, въ одной изъ новолжскихъ губерній, Забучкому какинъ-то образомъ въ дѣтствѣ посчастливилось наткнуться на Карамзина, въ одинъ изъ его вѣздовъ въ провинцію. Онъ былъ имъ замѣченъ, какъ страшно золотушный, достойный потому сожалѣнія, но бойкій и

умный мальчикъ, по его протекціи попалъ въ Петербургъ, учился въ одномъ изъ лучшихъ тамъ пансіоновъ и по выходѣ пристроился въ какой-то «коллегіи», какъ тогда называлось. На этомъ и кончается покровительство ему судьбы. Дальше онъ все бралъ самъ. Вслѣдствіи, въ славной плеядѣ дѣятелей Сперанскаго, онъ былъ отличенъ мѣткимъ умомъ «поповича», незакованнаго вообще «барчаты» и однакожь тоже сразу замѣтлившаго въ молодомъ человѣкѣ и умъ и способности. Въ свое время поочередно, въ душѣ и адептъ модной г-жи Кріднеръ и потихоньку дѣятельный массонъ, членъ *библейскаго общества* и авторъ какого-то *Похвальною слова красноричію*, и *О долѣ браждамна* — двухъ произведеній, тогда высоко чтившихся между либералами, другъ и сверстникъ многихъ декабристовъ, Забунскій однакожь умѣлъ какъ-то такъ провести свою ладью, что избѣгъ въ числѣ немногихъ общаго крушенія. Ярко и быстро поднималась его звѣзда. Усидчивый въ трудѣ, усердный безъ особеннаго униженія, съ обширною памятью, бойкій на словѣ и на письмѣ, очень честный, глубоко начитанный, а много потому, что и по французски говорилъ отлично, онъ вскорѣ былъ отличенъ и вверху и сверстники-товарищи, уже давно оставшіеся позади на служебномъ неприящѣ, и степяки-помѣщики, наѣзжавшіе въ Петербургъ, чтобы заложить или вымѣнять своихъ Мишевъ, Васевъ и Одековъ, и знававшіе молодого администратора еще въ курточкѣ, скоро должны были оочтательно признать, что звѣздѣ ихъ товарища и земляка суждено рано или поздно дойти до венца, тогда какъ ихней не водяться выше и средней долготы. Самыя видныя мѣста занимались имъ: онъ уже сталъ непремѣннымъ членомъ, часто главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, во всякихъ законодательныхъ и административныхъ коммиссіяхъ. Да и въ обществѣ онъ умѣлъ какъ-то такъ держаться, что всегда принималъ къ самой передовой, видной фракціи. Молодой Пушкинъ и Кондратій Рылѣевъ писали къ нему потихоньку либеральныя посланія и слали гимны въ свободѣ; Жуковский, Дашковъ и литературные «новаторы» того времени считали его своимъ; Канодистрія лично его зналъ, а даже незабвенный Мордвиновъ считалъ его другомъ и пророчилъ ему многое вперед; сверху на него сыпались милости и вниманіе. Съ тою удивительною гибкостью — да простятъ намъ этотъ упрекъ соотечественники! — которая позволяетъ русскому чловѣку сегодня услужать доброму отцу, а завтра угодить и другому отцу, Забунскій умудрился — въ свободолюбивый вѣкъ Сперанскихъ и Карамзинныхъ быть либераломъ, сумѣлъ, не потерявъ реноме либеральнѣйшаго и честнѣйшаго чловѣка, при-

годятся для крутого времени свѣдующихъ тридцати лѣтъ, а въ наши свѣтлые дни явился снова и прогрессистомъ и радикальнѣйшимъ реформаторомъ.

Разъ только, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, увида его, до сихъ поръ свѣтлывающаго такъ ярко, смигнула на мгновение. Былъ онъ тогда молодымъ сенаторомъ. Послали на ревизію. Отчетъ, представленный имъ, былъ блестящъ по полнотѣ содержанія, мѣткости и многочисленности замѣченныхъ неурядицъ. Его прочли съ любопытствомъ, но нахмурились за то, что позволилъ себѣ въ одномъ мѣстѣ коснуться прѣстольнаго права и коснуться отрицательнымъ образомъ. Это не входило въ программу его обязанностей, такъ-какъ вопросъ былъ общегосударственный, да и время, какъ уже знаетъ читатель, было крутое, — нахмурились и послали либерала засѣдать въ московскіе департаменты, эти еще недавніе архивы человѣческой древности, на вратахъ которыхъ существовало всегда дантовское: *остаю надежду насседо*, то-есть порусски: тутъ тебѣ, братъ, и пошла. (Вотъ въ это-то время Тавровъ и женился на младшей сестрѣ Забугаго). Дѣло казалось проиграннымъ окончательно. Однако, ничего. Черезъ годъ ввали оишь въ Петербургъ, ибо увидѣли, что въ своемъ родѣ это незаимѣнный человѣкъ, да и въ Петербургѣ онъ уже сталъ непремѣннымъ членомъ и любимцемъ всего лучшаго общества. Всворѣ онъ женился на известной въ свое время богачкѣ, княгинѣ Дарьѣ Нидитишнѣ Водичиной — и передъ нимъ раскрылись двери самыхъ разборчивыхъ и чопорныхъ аристократическихъ гостиныхъ.

И хорошо ему теперь живется. Теперь онъ названный графъ, не только членъ, но и козырный тузъ въ томъ высшемъ учрежденіи, гдѣ засѣдаетъ. Тытуловъ его и всякихъ орденовъ и не перечесть. Всякій разъ, когда его нужно наградить, не вдругъ придумаютъ, что ему еще дать: все уже имѣетъ. Порученія его всегда самыя почетныя, видныя; его даже разъ съ дипломатическимъ порученіемъ послали къ кому-то, не то къ турецкому султану, не то къ папѣ римскому. Не знаю, право, навѣрно къ кому именно, но вѣрно то, что къ одной изъ этихъ двухъ крайностей человѣческой наглости. Домъ его теперь полная чаша. У него собирается самый высшій петербургскій свѣтъ, не тотъ вѣтринный, служившій *fine fleur*, который недавно такъ мастерски былъ описанъ нашимъ «несравненнымъ» художникомъ, а *extra-fine fleur*, состоящій изъ благотворительныхъ, часто «свѣтлѣвшихъ» старушекъ-фрейлинь, ихъ внуковъ, блестящихъ офицеровъ бланфуражниковъ, все непременно съ громкими титулами, да ворчливыхъ старичковъ, оставленныхъ новаци быстрины ходомъ со-

блгтій новаго времени, на словахъ поддакивающихъ прогрессу, а въ дѣлѣхъ кланущихъ! и этотъ прогрессъ и эту эманципацію и всѣ эти нововведенія и все ведыхающихъ и шепчущихъ о счастьѣ былыхъ временъ. Но и не одни эти лица у него бывають. Этихъ онъ только терпитъ. Иностранные туристы и посланники считаютъ за честь быть ему представленными; посовѣтоваться съ нимъ въ дѣлахъ находятъ необходимымъ самоновѣйшіе либералы-администраторы; прочитать ему новую монографію и выслушать его мнѣніе добиваются старѣйшіе изъ русскихъ академиковъ. Онъ членъ всевозможныхъ ученыхъ собраній и нѣкія ученые общества считаютъ за честь собираться иногда подъ его почетнымъ предсѣдательствомъ. У него есть замѣтательные мемуары, назначенные къ опубликованію послѣ его смерти. Говорять, они должны очень хорошо охарактеризовать общество и правительство трехъ послѣднихъ царствованій, въ теченіе которыхъ онъ дѣйствовалъ. Извѣстно, что онъ и отличннй богословъ: теологическіе споры, на примѣръ, тюрингенской школы протестантскихъ богослововъ ему извѣстны доподлинно. Одинъ извѣстный русскій архипастырь и витія переписывается съ нимъ и шлетъ ему всегда со своими молитвами и благословеніями и тетради своихъ проповѣдей на просмотръ. Это не мѣшаетъ однакожь графу вмѣстѣ со старушками вѣрять немного въ спиритизмъ и Аллана Кардека, а съ современнымъ литераторомъ, у себя на вечерѣ, съ уваженіемъ отзываться объ ученой эрудиціи сочиненія Штрауса и соглашаться, что Ренанъ многое позаимствовалъ у этого талантливаго нѣмца. Лийѣль своими изысканіями, но его мнѣнію, «споколебалъ до основанія тѣмъ старыхъ предрасудковъ»; новѣйшая теорія дарвинизма, несмотря на свою новизну, ему также извѣстна, какъ и вамъ, любознательный читатель; а біологическіе труды младшаго Жоффруа Сентъ-Иллера онъ признаетъ за «подвиги человѣческаго ума». Въ то же время, всякое воскресенье его можно встрѣтить въ одной домашней, аристократической церкви усердно молящимся, а дочь многіе дни въ году проспживаетъ за вышивавьемъ то ковриковъ, то лентъ къ лампадѣ, то поручей для священническаго облаченія той же аристократической церкви, или для своей — деревенской, выстроенной тоже благочестіемъ графа.

Но напрасно онъ такъ горячо молится. За нимъ и то вѣрно нѣтъ тяжкихъ прегрѣшеній, да если они и есть, то вѣроятно уже давно ему прощены на небѣ за его простое, негордое поведеніе въ отношеніи къ низшимъ, за десятки вспомошествованій, которыми онъ, незримо для всѣхъ, расточаетъ ежегодно на бѣдныхъ, за тѣхъ трехъ сиротъ, которыхъ онъ, потухонѣвъ

даже отъ своихъ домашнихъ, воспитывасть на свой счетъ въ одномъ заведеніи, за лечебницу, которая имъ же выстроена для своихъ и окрестныхъ крестьянъ въ деревнѣ, за ихъ опратныя избы, которыя онъ же научилъ ихъ строить, за легкую барщину и за дочь-приемша, которую онъ любитъ, какъ свое собственное дитя. (Вѣдь всѣ знаютъ, что это не его дочь, а только усыновленная имъ внука одного несчастнаго товарища-декабриста, умершаго въ Сибири). Но особенно много ему простится за то, что онъ такъ честно, такъ благородно велъ себя въ роковомъ присутствіи того учрежденія, гдѣ засѣдалъ, когда тамъ окончательно рѣшался вопросъ нашихъ крѣпостныхъ. Весь проникнувшись правотою идеи, которую всегда защищалъ, напрыгая всѣ остатки своихъ слабыхъ, старческихъ силъ, задыхаясь отъ волненія и со слезами на глазахъ говорилъ онъ въ теченіе цѣлыхъ четырехъ часовъ, отстаивая непреложность права освобождаемыхъ на землю и доказывая невозможность для власти долѣе медлить и колебаться въ такомъ вопросѣ. Ну, и говорилъ онъ, по сознанію всѣхъ, блестяще, жгуче, юношески страстно, почти до обморока. За него была небольшая, но просвѣщеннѣйшая часть собранія; противъ—цѣлая клика жадныхъ, застарѣлыхъ эгоистовъ. Все, говорятъ, при этомъ было забыто этими послѣдними: приличіе, сановная и родовая гордость, важность мѣста и даже святость минуты. Съ пѣной у рта и чуть не поднимая кулаки, нападали они на графа и его сторонниковъ, выбивая ихъ изъ сѣдлъ, чтобы по крайней-мѣрѣ, хотъ парализировать чѣмъ-нибудь готовившееся воскресеніе несчастныхъ, хотъ что-нибудь еще выторговать. За это мало, если ему снова отпустятся грѣхи всей жизни, или что ему на другой день сдѣлало визитъ все, что было честнаго и благороднаго въ высшемъ обществѣ Петербурга,—за это можно было бы даже и ка-новизировать.

И вотъ теперь, довольный успѣхомъ дѣла, которому сочувствовать впервые научилось его сердце еще въ средѣ массовства двадцатыхъ годовъ, спокойный за будущее и только омрачаемый несчастьемъ съ любимой дочерью — живетъ онъ у себя въ деревнѣ, отчасти отдыхая и самъ тѣлесно, ухаживая за больною и готовясь устроить бытъ своихъ крестьянъ на новый ладъ.

XIII.

Между тѣмъ, графъ и докторъ давно уже были у больной: темнѣ, почти полусумракъ отъ спущенныхъ шторъ, духота, едкий запахъ лекарствъ...

На высокой желѣзной кровати, выдвинутой посреди комнаты, лежала больная... Какое-то равнодушіе уже свѣтилось во всей ея фигурѣ, во всякомъ движеніи. Она взглянула на вошедшихъ, съ минуту слушала ихъ, отвѣтила слабымъ голосомъ на то, о чемъ спросили, и опять отвернула голову и закрыла глаза... Но что-то покорное и доброе видѣлось во всѣхъ этихъ протитыхъ, ровныхъ и смуглыхъ чертахъ лица. Расслапившіяся по подушкѣ пряди черныхъ богатыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ чепчика, дѣлали ее даже интересною въ эту минуту: цыганское, дикое, сильное видѣлось. Только сны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лица портила... Повременамъ она кашляла...

Доктора стояли по бокамъ... Маркинсонъ держалъ больную за руку и считалъ пульсъ: пульсъ лихорадочный: — что за дьявольщина? и сны эти на лицѣ? Онъ со вниманіемъ пересчиталъ въ третій разъ меморій петербургскихъ «знаменитостей».

Обсѣдвали тщательно грудь больной сначала просто руками.

— Воспаленіе въ легкихъ есть и по моему, но атрофированіи—ни малѣйшего, замѣтилъ Маркинсонъ нѣмцу доктору полатини: — и кости широкія... сложеніе сильное... Съ такою грудью только бы жить, барыня, объявилъ уже порусски Маркинсонъ больной, замѣтивъ, что она смотритъ на него. (Онъ любилъ съ аристократами и съ женщинами нарочно обращаться иногда мужиковато).

Маркинсонъ спросилъ графскаго доктора, какъ онъ объясняетъ эти сны на лицѣ. Тотъ сказалъ. Маркинсонъ прямо расхохотался.

Маркинсонъ былъ въ самомъ дѣлѣ хорошій докторъ. Онъ не могъ не замѣтить сразу же, что кашель и боли въ груди являлись теперь только остатками той же простуды, о которой рассказывалъ ему уже графъ. Сны подсказывала что-то другое, серьезности чего графскій докторъ не только повидимому не понималъ, но о существованіи чего онъ, кажется, и не догадывался. Маркинсонъ тѣмъ болѣе находилъ это опаснымъ, что комплекція больной въ сущности была лимфатическая—сильная, страстная. Если не принять тотчасъ же мѣръ, то реакціоніе застоявшейся крови, уже начавшее проявляться сными, повсемѣстнымъ развитіемъ жара и, можетъ, даже самымъ воспаленіемъ легкихъ, шибко и гибельно могло бы подѣйствовать на весь организмъ, а въ частности дѣйствительно могло гинуться на грудь уже серьезнымъ образомъ.

Графъ стоялъ облокотившись на изголовье больной и съ безынокойствомъ слѣдилъ за каждымъ выраженіемъ лица говорившихъ. Онъ почти ничего не понималъ изъ того, о чемъ они

говорили, также какъ и больная, но все-таки смекнулъ, что они въ чемъ-то съ самаго начала не согласились. Маркинсонъ говорилъ, по обыкновенію, энергически и отчаянно жестикулировалъ. Вылился за стетоскопъ. Снова заморочили больную, снова стучали, и опять Маркинсонъ при каждомъ ударѣ молотка взглядывалъ на противника, какъ-бы спрашивая глазами: слышите? Осматривали они руки больной, отерывали плечи, сняли чулки и ноги посмотрѣли... Когда нѣмецъ что-нибудь начиналъ говорить, показывая на грудь, Маркинсонъ энергически шлепалъ руками, сердился и все указывалъ силой на лицѣ. Возраженія нѣмца все, однакожъ, замѣтно слабѣли, дѣлались рѣже—графъ это видѣлъ—нѣмецъ только тикалъ Маркинсону подъ носъ меморій, а тотъ трясъ головою, какъ-бы говоря, что онъ не согласенъ.

— Я вполне убѣжденъ, что тутъ болѣзнь легкихъ только явленіе, осложняющее другую, болѣе важную болѣзнь, рѣшительно сказалъ онъ порусски и предложилъ доктору что-то, уже опять полатыни. Противникъ пожалъ плечами, какъ-бы желая сказать: «пожалуй» и они вышли изъ комнаты. За дверью они стали обстоятельно разспрашивать Катерину Францовну, степенную нѣмку въ чепчикѣ съ ледовыми лентами, бывшую при дочери Забужаго за нянюшку и камер-фрау. Та глупо конфузилась и безъ позволенія графа не рѣшалась отвѣчать, несмотря ни на какія настоянія докторовъ. Вызвали Забужаго, который строго приказалъ нѣмцу на все отвѣчать докторамъ.

Консультанты вернулись... Нѣмецъ почему-то былъ сконфузень; а Маркинсонъ—напротивъ—сіялъ: видно, новыя свѣдѣнія подтверждали его догадку. Онъ опять предложилъ графскому доктору повѣрить пульсъ.

— И жаръ есть, напомнилъ онъ ему: — не было ли истерикъ? спросилъ онъ у отца.

— Нѣтъ, не было.

— Ну, такъ обмороки были и тошнота? увѣренно спросилъ онъ.

— Были обмороки и тошнота, дѣйствительно, была.

Маркинсонъ улыбнулся.

— И голова болитъ? спросилъ онъ, также увѣренно, уже больную.

— Да, сказала та.

Маркинсонъ улыбнулся удовольствіемъ человѣка, начинающаго разгадывать окончательно интересующее его явленіе, и объявилъ, что имѣетъ надобность одинъ поговорить и подробно осмотрѣть больную и, не ожидая согласія, снялъ фракъ и сталъ

засучивать обшлага рубашки, извинившись и объявивъ, что «докторъ тоже имѣетъ свои права».

Графъ сейчасъ же согласился, поцаловать у больной руку, потомъ лобъ и попросилъ ее пофранцузски быть умницей и дѣлать, что потребуетъ докторъ: что это для ея же пользы дѣлается.

— Вы вѣдь женаты, любезный докторъ? спросилъ отецъ, выходя.

Маркинсонъ смевнулъ, откуда это шло, и не задумался долго: — Какже, графъ, акушеру нельзя не быть женатымъ, объяснилъ онъ, не сморгнувъ.

Илья Борисычъ опять отправился на террасу къ гостю...

Тамъ завтракали и болтали, Тавровъ и еще какой-то господинъ, чрезвычайно благообразный съ виду. Прямой носъ и славные, такіе мягкіе свѣтлые бакенбарды, въ формѣ котлетъ, да еще при отсутствіи усовъ, дѣлали собесѣдника Таврова чрезвычайно красивымъ. У него были такіа изящныя манеры, такой пріятный, слегка бартавлливый, выговоръ... Шикозная, бѣлая жакетка подсказывала окончательно, что это столичная «штучка». Это г. Кошинъ. Кошинъ былъ молодой человѣкъ, служившій подъ начальствомъ графа, любимецъ, клиентъ по службѣ и почти домашній у него человѣкъ. Теперь онъ гостилъ у Забучкаго въ деревнѣ. Ходили слухи, что дочь Забучкаго влюблена по уши въ его молодого друга. Многіе находили несомнѣннымъ признакомъ ума, что Кошинъ умѣлъ такъ крѣпко привязать «свой утлый челнъ къ кормѣ большаго корабля» и шибко говорили о блестящей карьерѣ, ожидающей его въ будущемъ. Очень можетъ случиться, Кошинъ былъ не безъ способностей и стоялъ на хорошей, набитой дорогѣ, а плетъ ужъ вонь, который ва набитой колѣѣ да не вывезетъ! Несмотря на свою молодость, на свои двадцать-семь лѣтъ, Кошинъ ужъ занималъ видное мѣсто и смотрѣлъ въ генеральскіе ранги, скакнувъ такъ высоко чуть не прямо со скамьи одного высшего училища, откуда другіе и не такъ еще скачутъ, благодаря извѣстному самоновѣйше-либеральному взгляду нашего закона, хитро измыслившему, будто сидѣть въ курточкѣ на школьной скамейкѣ и прилежно слѣдить за чужою указкой — то же, что и наживать чахотку, слѣпоту и дразни на дѣйствительной службѣ.

Едва завидѣли разговаривавшіе графа, какъ пошли къ нему на встрѣчу. Тавровъ впрочемъ смотрѣлъ просто, только съ понятнымъ нетерпѣніемъ узнать пскорѣе, что нашелъ докторъ, но лицо Кошина изоблачало худо-скрытое безпокойство, подъ которымъ, въ самомъ дѣлѣ, скрывало что-то болѣе серьезное,

такъ что догада сплетяниковъ какъ будто находила тутъ себѣ оправданіе.

— Подождать еще нужно, объяснилъ графъ, замѣтивъ ихъ нетерпѣніе узнать что-нибудь: — докторъ еще тамъ остался... Моего нѣмца совсѣмъ загонялъ, сказалъ грустно-шутливымъ тономъ графъ, понизивъ голосъ, чтобы не было слышно въ библиотекѣ, гдѣ расхаживалъ графскій докторъ, въ ожиданіи, пока Маркинсонъ осмотритъ больную: — но дѣло, кажется, знаетъ...

— Большой чудакъ только, высказался Тавровъ.

— Да, да. Прямо такъ и рекомендуется, что изъ жидовъ, объяснилъ графъ, относясь къ Кошину, и слегка усмѣхнулся.

Заговорили о постороннемъ...

— А что я не вижу Анатолія, дядюшка? полюбоществовалъ Тавровъ.

— А, онъ великій грѣшникъ, и сидитъ теперь въ своей комнатѣ, объяснилъ графъ, стараясь добродушно улыбнуться, подъ арестомъ, шутливо добавилъ онъ: — тебѣ развѣ отецъ ничего не говоритъ?

Тавровъ опять удивленно двинулъ своими ровными, красивыми бровями. Это ужъ у него стало обычнымъ знакомъ удивленія.

— Нѣтъ-съ.

— Какъ же, какъ же... Изволишь ли видѣть, мой милый... Да вотъ тебѣ Александръ Николаевичъ расскажетъ, сказалъ онъ, и опять пошаль къ больной: графъ вообще поминутно отрывался, онъ былъ разсѣянъ, и все выходилъ и навѣдывался къ двери той комнаты, гдѣ лежала больная; а Кошинъ съ легкой ироніей и немного негодуя, рассказывалъ тѣмъ временемъ Виктору Сергѣичу, что они тутъ съ крестьянами возятся, уговариваются, хлопочутъ, хотятъ поскорѣе покончить съ уставной грамотой, для пользы же самихъ крестьянъ, а тутъ никакъ не клентся. Сегодня бьются-бьются, сойдутся въ какомъ-нибудь пунктѣ, — хлопъ! завтра все вверхъ дномъ: «раздумали», говорятъ крестьяне. Начиняю снова. Сговорятся черезъ день-два, — та же исторія. Всѣ головы ломаютъ, не придумаютъ, что это значить, а это Анатолій Ильичъ изволилъ стараться. Просто бунтуетъ противъ отца же родного. На охоту повадился ходить съ однимъ мужикомъ. Никто ничего и не подозреваетъ, а этотъ мужикъ и есть первый бунтовщикъ. Черезъ него Толя подговариваетъ крестьянъ не подписывать грамоты. Разумѣется, мужики глухи, вѣрятъ. Самъ молодой графъ, говорятъ, такъ привязывается.

— Но вы все-таки простите Толю, дядюшка, и позвольте ему сюда придти, попросилъ онъ, когда графъ вернулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, не проси, Викторъ, твердо сказалъ графъ:—

нужно же показать твердость. Тамъ въ университетѣ — эти историн, того и гляди, что худо было бы, насилу увезъ его сюда, а тутъ вонъ что! А нивъ-за его глупостей отравили теперь этого мушкетера въ острогъ, да пересѣли людей.

Тавровъ пожалѣлъ, но воздержался отъ дальнѣйшихъ просьбъ за кузена.

— Ну, что, любезный докторъ? съ понятнымъ нетерпѣніемъ, еще издали, спрашивалъ Илья Борисычъ, спѣша на встрѣчу Маркинсону, едва завидѣвъ его шибко вышедшимъ изъ комнаты дочери.

— Опасность есть, но по моему, незначительная.

— Кабы вашими устами, да медь пить.

— И совсѣмъ съ другой стороны, какъ я и ожидалъ, объявилъ докторъ, И отвелъ графа и доктора въ сторону, отъ подошедшихъ Таврова и Кошина, Маркинсонъ сталъ вполголоса объяснять графу болѣзнь дочери по своему. Графъ удивился сначала, но прослушалъ доктора со вниманіемъ, перебирая только лихорадочно пальцами по переплету стеклянной двери въ бібліотеку, къ которой они отошли...

— Что же Катерина Францовна мнѣ ничего не говорила! Ахъ, какіе люди! съ досадой сказалъ графъ, когда выслушалъ весь разговоръ доктора.

— Ничего-съ, еще не поздно, увѣренно объявилъ докторъ: — но для будущаго состоянія здоровья пациентки понадобится, можетъ быть, радикальнаго измѣненія самаго образа жизни — комплексія такая, графъ, и теперешнее средство въ этомъ отношеніи будетъ только палліативно, а васъ долженъ предупредить, графъ, оговорился онъ.

Забудкій задумался, а Маркинсонъ обратился къ доктору:

— *Suppressio mensium acuta*, объяснилъ онъ доктору.

Тотъ подумалъ, но потомъ все-таки упрямо не согласился съ Маркинсономъ: ему все еще не хотѣлось сознаться въ промахѣ, какой онъ сдѣлалъ, не разгадавъ столько времени, можно сказать, пустяка...

— Такъ-какъ я просилъ пригласить доктора, сказалъ онъ графу: — то я буду просить ваше сіятельство поручить лучше ему лечение: я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Обида звучала тутъ.

Маркинсонъ вспыхнулъ.

— А я принимаю въ такомъ случаѣ, взбѣшенно сказалъ онъ: — пустяки, очень часто вообще встрѣчающаяся вещь у женщинъ, объяснялъ онъ Забудкому, желая выгнать съ тѣмъ и успокоить

бѣднаго отца: — правда, пехорошо, что запущено было долго, но я беру на себя отвѣтственность за благопріятный исходъ.

— Я тутъ, господа, само собой, ничего не понимаю. Я только вижу, что она очень пхоха. Дѣлайте что хотите, скимая руку Маркинсона, объявилъ графъ тѣмъ тономъ, какимъ говорить человѣкъ, рѣшающійся на все: — спасите только. Я такъ привыкъ къ ней... Тысячъ, кажется, не пожалѣлъ бы тому, кто возвратитъ мнѣ ее опять здоровою, говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Зачѣмъ-съ тутъ тысячи! Это всего, въ случаѣ успѣха, будетъ вамъ стоить сто рублей, безъ обиняковъ и нисколько не стѣсняясь, объявилъ Маркинсонъ.

— Мало-мало, уже со слезами говорить старикъ, не слушая предупрежденія доктора и продолжая свою мысль: — что тутъ деньги! Я буду считать себя вѣкъ обязаннымъ... Вы не знаете, докторъ, что за ангель эта дѣвушка: эта почти моя гордость...

Консультація кончилась... Доктора приглашены были къ завтраку.

Нѣсколько погода, Тавровъ уѣхалъ домой на лошадяхъ дяди, а въ домѣ у Забудиныхъ опять поднялась суета. Больную переводили въ другую комнату; готовили теплыя ванны; въ аптекѣ, бывшей при лечебницѣ, терли новыя лекарства... На кашель и лихорадку рѣшено было дѣйствовать общими терапевтическими средствами. Главное же положено было скорѣе добиться ножными ваннами того, что было всего необходимѣе, послѣ открытія Маркинсона.

Въ тотъ же день, вечеромъ, докторъ и Кошинъ, уже нѣсколько познакомившіеся за день, ходили по терасѣ...

— Итакъ, вы вполне убѣждены, докторъ, что нѣтъ серьезной опасности въ положеніи Лизаветы Ильинишны? освѣдомился робко Кошинъ, сдѣлавъ передъ тѣмъ нѣсколько концовъ по терасѣ въ молчаніи.

Докторъ не отвѣтилъ прямо.

— Дѣло-съ поправимое, сказалъ онъ: — но я не срываю, оговорился поспѣшно докторъ: — опасность есть.

— По крайней-мѣрѣ, вы обнадеживаете насъ, что это не чихотка? спросилъ, послѣ нѣкотораго раздумья, Кошинъ.

— Какая-съ чихотка, простодушно засмѣялся Маркинсонъ: — съ такою ли комплекціею бываетъ чихотка! Дѣва стѣну можетъ переверотить, мужиковато объяснилъ онъ.

Благопріятнаго Кошина даже покорило отъ этой вульгарности, и онъ, насупившись, счелъ нужнымъ поскорѣе свернуть разговоръ на что-нибудь другое или даже вовсе замолчать.

— Замужъ нужно, высказался Маркинсонъ, и взглянулъ на Кошина, какъ то подозрительно, искоса улыбувшись.

XIV.

Волѣзнь однако туго поддавалась леченію. Только на шестой день можно было успокоиться: все стало входить въ норму, жаръ снадалъ; смѣхъ сразу исчезла, больная видимо стала крѣпчать, явился сонъ и кашли какъ будто поубавились.

Все въ домѣ вздохнуло свободнѣе: отъ горничныхъ ужъ не требовалось той бѣготни и хлопотъ, какъ прежде; Катерина Францовна могла смѣлѣе смотрѣть на графа, а то она все никакъ не въ состояніи была забыть уречковъ, которые наговорилъ ей Илья Борисычъ послѣ первой консультаціи Маркинсона.

И въ господахъ перемѣна — солнышко въ лицахъ проглянуло.

Кошинъ, всѣ эти дни немного дувшись на Маркинсона за вульгарность выраженій, которыя тотъ употребилъ тогда на счетъ графини, повеселѣлъ, раздобрился и опять сталъ чаще заговаривать съ докторомъ. О самомъ графѣ печего и говорить: онъ весь сіялъ теперь самую искреннею, самую святою отеческою радостью. Маринсонъ теперь у него въ большой чести, и ему ужъ почти не приходится сидѣть въ своей комнатѣ, какъ было въ первое время, такъ что докторъ сталъ отчаяваться, удастся ли ему окончить одну пространную записку, которую онъ началъ было здѣсь, рассчитывая на свободное время. Теперь ему приходится сидѣть все у графа, и добрый старикъ не знаетъ, какъ и посадить его, чѣмъ и угощать... И постороннимъ теперь хорошо: на радостяхъ графъ простилъ всѣхъ крестьянъ, замѣшанныхъ въ послѣдней исторіи, и собственноручно написалъ посреднику и Таврову, прося воротить взятаго въ острогъ; даже сына простилъ, и согласился дозволить ему снова бывать въ комнатахъ; даже разъ, когда въ разговорѣ Кошинъ позволилъ себѣ замѣтить всю безтактность и неблагоразуміе поведенія молодого графа, неумѣвшаго воздержаться въ университетѣ отъ того, чтобы не вмѣшиваться въ эти «проклятыя» исторіи, графъ, согласившись, что это нехорошо, и отозвавшись даже, «что каждый сверчокъ долженъ знать свой шестокъ» и что дѣти должны учиться, а не вмѣшиваться въ то, «чего они еще и понимать не могутъ», замѣтилъ однакожь Кошину, что тотъ истинно блаженъ «кто съ молоду былъ молодъ». Онъ съ жаромъ сознался, что не любитъ «въ дѣтяхъ» этого *благоразумія*, этой ранней серьезности, расчетанности, что это неестественно, что молодости приличествуетъ движеніе, хотя бы и ошибочное, что это ей удѣлъ, что дѣти безъ этого — не дѣти даже, а «un monstre moral, рано старящіяся уроды», и что раннюю сдержанность въ

такомъ случаѣ слѣдуетъ скорѣе приписать отсутствію въ воспитаніи человѣка такого важнаго условія, каково понятіе о товариществѣ, о чести, что это даже, пожалуй, можно объяснить трусостью, и что Толѣ, строго говоря, нельзя было отстать, что это было бы «не nobelно».

Онъ курилъ, когда это говорилось... Теперь онъ опустилъ сигару и уставился пристально на Кошина.

— И кто, скажите, не увлекался въ молодости? живо спросилъ онъ.—Правда, Толя меня часто огорчаетъ, я часто на него сержусь, я не люблю другихъ его шалостей, но именно въ томъ случаѣ, о которомъ вы упомянули, признаюсь вамъ, Александръ Николаевичъ, мнѣ въ тысячу разъ было бы горше услышать, что сынъ мой, Забупцкій, одинъ не участвовалъ въ этомъ.—Кошинъ молчалъ и графъ началъ-было опять сосать свою сигару, но потомъ поспѣшно отдернулъ ее, и продолжалъ, опять оживляясь тою же мыслию:—Онъ долженъ былъ помнить, что Забупцкіе, можетъ быть, во многомъ грѣшны, но изъ нихъ никогда не было измѣнниковъ своимъ, перебѣжчиковъ... И вы знаете, напомнилъ онъ Кошину на какое-то обстоятельство:—вы знаете, что я говорилъ, и говорилъ открыто!... когда вздумали-было поощрять одобреніемъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые умѣли держаться въ сторонѣ отъ этого вихря, не участвовать... Я не побоялся тогда назвать настоящимъ именемъ такое средство и доказалъ, какъ неблагоприятно поощрять это въ дѣтяхъ, что мы этимъ готовимъ изъ нихъ въ жизни...

Кошинъ долженъ былъ послѣ этого окончательно замолчать, а Маркинсонъ, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ, сталъ съ этой минуты еще болѣе уважать графа, хотя онъ еще и не зналъ хорошенько, на какой именно случай намекалъ Кошину Илья Борисычъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать поподробнѣе о Маркинсонѣ. Онъ стоитъ того.

Онъ былъ русскій; но его дѣды еще по сю пору проживалъ гдѣ-то на югѣ, въ Одессѣ, что ли, евреемъ, неперекрещеннымъ, и Маркинсонъ, какъ уже мы видѣли разъ, не скрывалъ что его «фамилія», какъ онъ передразнивалъ кого-то, и теперь еще пребываетъ въ іудействѣ, живетъ строго по Талмуду, ѣстъ ваширную говядину и носитъ длинныя, уродливыя лапсердаги. Сейчасъ, бывало, и насважетъ вамъ вучу анекдотовъ про то, какъ онъ ѣздилъ, по выходѣ изъ университета, навѣщать свою «фамилію» и такъ мастерски передразнить всѣ еврейскія замашки и еривлянье, что вы просто животы надорвете со смѣху.

Учился онъ въ Москвѣ, въ университетѣ, куда попалъ, бѣ-

жавъ для этого отъ родителей, нежелавшихъ, чтобы онъ шелъ дальше гимназій, и учился, нужно правду сказать, отлично. Ни на какомъ курсѣ онъ не застривалъ ни разу и двадцати-четыре-хъ лѣтъ былъ уже докторомъ медицины. Способности его были удивительны на все: былъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, отличный занимающійся докторъ, славился уже въ цѣлой губерніи, какъ акушеръ, игралъ на скрипкѣ, на фортепіано, пѣлъ, актерничалъ въ благородныхъ спектакляхъ, точилъ отлично разные бездѣлки изъ кости и дерева, занимался гальванопластикой и мастерски управлялъ призовыми тройками на бѣгахъ въ губернскомъ городѣ, переодѣваясь ямщикомъ; имѣлъ удивительную способность къ лингвистикѣ и зналъ чуть ли не шесть или семь языковъ; кромѣ того, былъ мастеръ на карикатуры, такъ что не безъ основанія приводилъ въ трепетъ всѣхъ увѣданныхъ уродовъ; писалъ стихи по заказу и духомъ, на какую угодно тему, какимъ угодно размѣромъ и въ какое хотите время. И ко всему этому шутникъ, болтунъ и аферистъ первой руки. (Въ послѣднемъ вѣрно ужъ порода сказывалась!). Шутить съ нимъ и обращаться запанибрата позволялось всѣмъ и каждому и какимъ-угодно манеромъ, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, что и онъ можетъ устроить надъ всѣми и свои шутки. Правда, эти шутки съ его стороны не всегда были невиннаго свойства. Такъ, въ Тибирскѣ, гдѣ онъ былъ прежде на службѣ, разъ даже сожгли публично черезъ палача его анонимные стихи *Вамъ зятрей*, въ которыхъ мѣстная аристократія города, по избытку бестактности, открыто признала свои портреты. Были и слабости у него: не прочь былъ прихвастнуть на счетъ успѣховъ своихъ въ средѣ женщинъ, и воображалъ, что всѣ встрѣчныя женщины непременно должны влюбляться въ него по уши отъ одного его взгляда, и оттого позволялъ себѣ и не заниматься своею виѣшностью, вѣчно чумазый, нечесаный, одѣтый нерашливо... Но все это были пустяки, которые всякій долженъ былъ извѣдывать, когда узнавалъ его лучше. За этими мелочами, за всею вакушеюся вѣтренностью и легкостью, едва вы узнавали его ближе, сейчасъ же видѣлась глубокая, даровитая, истинно честная, прямая и въ высшей степени энергическая натура. Всякой глупости, всякой низости онъ, безъ обиняковъ, смѣялся прямо въ лицо. Онъ ежедневно насканивалъ на скандалы, и своею прямоюю возстановлялъ противъ себя многихъ съ перваго же знакомства. Всякая подлость и неправда возмущали его всегда до глубины души и заставляли ратовать противъ этого со всею энергіею, какая только была ему сродна. А ея у него была порядочная доза. Тавровъ былъ совершенно правъ, когда

разъ впослѣдствіи сравнилъ его въ шутку съ Титомъ. Дѣйстви- тельно, всякая возможность устроить загвоздку, подставить ножку, доѣхать, допечь взяточника, подлеца, ретрограда — до- ставляла Марвинсону искреннее и неисчерпаемое наслажденіе. Въ этомъ отношеніи у него дѣло доходило даже до черствости: какое ему дѣло до того, что станетъ съ врагомъ... Онъ слу- жилъ всего лѣтъ восемь-десять, а ужъ успѣлъ перебивать на службѣ и нивѣсть въ сколькихъ губерніяхъ и положительно хвасталъ, что ведетъ семь большихъ и малыхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ. И все это было начато но его же инициативѣ, и во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ является преслѣдователемъ раз- ныхъ неправдъ, несправедливостей и грабежей, было ли то частное лицо и дѣло было частное, или должностное лицо и при этомъ страдалъ интересъ только казны. Самъ онъ выводилъ во всѣхъ расходахъ, отпускаемыхъ ему суммъ, такія умѣренные цѣны, что ставилъ своихъ сослуживцевъ въ рѣшительную не- возможность грабить и не быть замѣченными. Не проходило мѣсяца, чтобы не случалось исторіи изъ-за худой говядины въ больницахъ, дорогихъ медикаментовъ, или затхлобъ муки въ провіантскихъ магазинахъ. И все у него въ такомъ случаѣ шло въ дѣло: протесты и особыя мнѣнія на актахъ и протоколахъ, явныя жалобы на ревизіяхъ, открытыя допесенія въ министер- ства, обличительныя статьи въ столичныхъ газетахъ, всѣмъ по- нятная карикатура въ сатирическихъ листкахъ и ученныя статьи въ медицинскихъ журналахъ, снабженныя учеными ссылками, изслѣдованіями и доказательствами. Онъ любилъ подобную войну, какъ артистъ-партизанъ любить свое дѣло. Онъ отчасти жилъ, дышалъ этимъ.

Естественно, что враговъ у него гибель. Люди, нечистые на руку, боялись его, какъ огня, приписывали все это его клаузни- ческимъ наклонностямъ, а взподтишка клеветали, старались ловить его, хотя бы на неисправностяхъ и, не видя успѣха, пу- скали въ дѣло самыя непозволительныя средства: тайныя доносы и небезопасныя аттестаціи. Въ секретныхъ аттестаціяхъ двухъ послѣднихъ его начальниковъ уже значились въ графахъ особыхъ замѣчаній, что онъ «крайне безпокойнаго характера» и что еще лучше, что онъ «слоненъ въ либеральному образу мыслей».

А онъ все-таки смѣялся надъ всѣмъ этимъ и дѣлалъ свое дѣло.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, обыкновенно доказывалъ онъ: — то мы скоро сживемъ ихъ со свѣту. Подъ словомъ *ихъ* онъ подразумѣвалъ разную «вечность», какъ говорилъ онъ.

И действительно, не пробылъ онъ, со времени поступленія на службу, и года въ одной губерніи, перевели въ другую. А мѣщанское и купеческое общества его города подавали губернатору коллективное прошеніе объ оставленіи его у нихъ и въ прошеніи буквально называли его «благодѣтелемъ бѣдныхъ». Всѣ податными сословія сплошь,—не разбирая, богатый или бѣдный,—онъ лечилъ всегда даромъ, имѣя на это «свой резонъ», о которыхъ мы узнаемъ ниже. Не приняли этого прошенія во вниманіе, перевели все-таки, но за то и начальникъ его, отчаянный вѣточникъ, слетѣлъ съ мѣста черезъ него. Побылъ онъ въ другой губерніи — городского врача въ Вороновѣ отдалъ подъ судъ и онъ зарѣзался, какъ говорили всѣ, именно черезъ это. Перевели ужъ Маринсона на другой конецъ Россіи, въ третью губернію. Тутъ ужъ за него взялся серьезно, отнесли все это къ его безпокойному характеру. Мѣстный начальникъ врачебной части въ губерніи потребовалъ его для личныхъ объясненій. На этомъ личномъ объясненіи ему сначала косвенно дали понять, а потомъ открыто потребовали, чтобы онъ добровольно убирался со службы; а онъ въ лицо смѣялся, отшучивался и подъ конецъ рѣзко объявилъ, что и самъ знаетъ, когда ему время убираться въ отставку и что, по его мнѣнію, это время еще не пришло, а придетъ, когда ему удастся унечъ подъ судъ все губернскае правленіе съ самымъ вице-губернаторомъ, за свершенное дѣло по ложному освидѣтельствуванію одного помѣшаннаго, неправильно подвергнутаго опека. Задумали тогда косвеннымъ образомъ принудить его оставить службу, да и начали переводить съ мѣста на мѣсто, съ одного конца Россіи на другой, каждыя полгода—умаать хотѣли. Онъ хохоталъ, разѣзжая на казенный счетъ по цѣлой Россіи, и не особенно сокрушался, благо у него и свои кое-какія деньжата водились, и все-таки не поддавался. Ужъ онъ такъ, бывало, ничего громоздка пятый годъ нигдѣ и не заводилъ, объявляя, что онъ здѣсь только «гостить»! И куда, бывало, онъ ни пріѣзжалъ, всюду всѣ скольконибудь порядочные люди скоро его полюбливали отъ всего сердца, всюду онъ вскорѣ являлся душою и цотѣнникомъ уѣздаго общества и заживалъ пріѣзжаячи, имѣя всегда въ уѣздѣ самую прибыльную практику... Къ тому же ему такъ немного нужно было для жизни... Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходить: описываемое дѣйствіе, онъ появлялся тогда съ полтора тому назадъ, вскорѣ со многими передружился и зажилъ не горюючи. «Засидѣлся я у васъ что-то долгонько, говорилъ онъ въ шутку:—нигдѣ такъ долго не оставался. Вѣрно, пора начинать еще что-нибудь...» Ну, вотъ въ настоящее время и затѣвалъ что-то.

Таковъ-то былъ Маркинсонъ, на котораго имъ наткнулись у Забуцаго.

XV.

Когда больная стала ужъ поправляться, все семейство собиралось по вечерамъ въ ея комнату...

Разъ, послѣ чаю, именно кажется на седьмой день, Кошинъ сидѣлъ въ комнатѣ больной. Старикъ графъ и Толя тоже были недавно здѣсь, но только что вышли на минуту... Кошинъ сидѣлъ на стулѣ, приставленномъ къ самой кровати, какъ разъ противъ больной и читалъ ей что-то вслухъ, остальные слушали... Плохо читалось: Кошинъ часто ошибался, былъ разсѣянъ и жаловался все на головную боль. Онъ дѣйствительно все это время былъ страшно разсѣянъ и безпокоенъ, хотя и старался бороться и не показывать этого. Теперь, какъ только посторонніе вышли, онъ опустил книгу на колѣни и подиалъ на больную грустный, измученный взглядъ...

Больная постаралась усиленно улыбнуться ему въ отвѣтъ и, можетъ быть, желая ободрить его и увѣрить, что ей лучше, протянула ему на встрѣчу руки...

— Тебѣ было жаль меня, ты измучился, мой милій? произнесла она любяще...

Тотъ молча взялъ простертая къ нему руки, поднесъ ихъ ладонями къ своему лицу, пожималъ на себя и безумно, почти не отрываясь губами, судорожно сталъ цаловать эти исхудалые теперь, тонкіе пальцы...

Дѣвушка почувствовала влажность на рукахъ отъ его слезъ. Она хотѣла его утѣшить, что-то ему сказать, но въ это время вдругъ раздались поспѣшные шаги подъ самою дверью. Кошинъ едва успѣлъ выпустить руки дѣвушки и вырямиться на стулѣ...

Вошелъ поспѣшно Маркинсонъ.

— Ну, барыня, прощайте, объявилъ онъ:—зашелъ проститься. Завтра чуть свѣтъ ѣду.

Та стала выражать сожалѣніе и удивилась, что онъ такъ скоро ѣдетъ.

— Повольте, Маркинсонъ, вотъ сейчасъ рара вернется, засуетилась она.

Маркинсонъ сѣлъ. Черезъ минуту больная, какъ ни въ чемъ не бывало, уже шутила по своему обыкновенію съ нимъ: она вмѣстѣ со всѣми давно успѣла полюбить его — какъ онъ смѣшилъ и развлекалъ ее разсказами въ послѣдніе дни про жидовъ, хохловъ и вѣндыевъ, какой неисчерпаемый запасъ и какая неприн-

нужденность, жизнь, энергия проглядывали въ каждомъ словѣ простира! Это даже занимало ее: она такъ не привыкла ничего подобнаго видѣть въ той средѣ, гдѣ жила. Между ними даже появилась та интимность, родъ той легкой дружбы, какая почти всегда устанавливается между женщиной и «своимъ» докторомъ.

Скоро графъ вернулся въ комнату. За ними явился и Толя. Толя оказался юношей еще очень молодымъ, лѣтъ девятнадцати, съ рѣшительнымъ взглядомъ и длинными модными волосами, которые онъ поминутно живописно старался расчесывать всею штернею руки и которыми, видимо, щеголялъ...

Оказалось, что старому графу уже извѣстно объ отъѣздѣ доктора... Онъ объявилъ дочери, что Маркинсонъ находитъ возможнымъ, чтобы нѣмецъ продолжалъ теперь леченіе, что они уже уговорились и что доктору и по служебнымъ дѣламъ нельзя долѣе оставаться. Больная опять высказала сожалѣніе, что придется такъ скоро разстаться.

— Ничего, утѣшилъ графъ: — мы надѣемся, что докторъ сдѣлаетъ намъ честь — позволить считать его въ числѣ нашихъ добрыхъ знакомыхъ и будетъ заѣзжать, если случится быть неподалеку.

И графъ обнялъ доктора при этихъ словахъ за талію, какъ-бы желая показать ему этою маленькою фамиллярностію, что въ самомъ дѣлѣ хотятъ считать его близкимъ.

— Да, да, сказала радостно графиня, протягивая Маркинсону руку: — мы будемъ очень сердиться, Маркинсонъ, если все это знакомство только этимъ визитомъ и кончится. Мы всѣ такъ любимъ васъ... Маркинсонъ только вланился, да ерошилъ свои космы. — Вы позволите, Маркинсонъ, сдѣлать вамъ на память маленькій подарокъ? Тутъ въ деревнѣ ничего достать нельзя было, оговорилась она: — мы вотъ съ рара согласились... одну бездѣлушку... И она приказала Катеринѣ Францовнѣ принести.

Бездѣлушка уже по самой величинѣ своей оказалась не бездѣлушкой, потому что нѣмка только съ помощью лакея могла ее принести: внесли простой, досчатый ящикъ. Изъ него вынули что-то бережно завернутое въ бумагу, бумагу оборвали и тогда глазамъ всѣхъ явилась прелестнѣйшая вещица, когда-либо выходившая изъ рукъ парижскихъ затѣйниковъ-ювелировъ: блестящій, массивной бронзы трехногій столикъ съ малахитивою доскою, выложенною по серединѣ дорогою мозаичною звѣздою.

— Это вашей жевѣ отъ меня, сказала Лиза Забучная.

— Полноте, Лизавета Ильинишна, разсмѣлся докторъ и бросился бѣжать къ дверямъ, но графъ загородилъ ему дорогу и, смѣясь, удержалъ бѣглеца за руку.

— Нельзя, нельзя, дѣвица предлагаетъ.

— Да помиуйте, за что-съ?

— Точно вы не знаете, чѣмъ и она, и-ми всѣ вамъ обязаны, упрекаетъ Илья Борисичъ.

— Не возьму, ни за что не возьму. Да это меня знакомые на смѣхъ подымутъ, говорятъ весь переконфузившійся Маркинсонъ: — у меня банура, хлѣвъ... Помиуйте, куда мнѣ это!... еще мужчинѣ!

— Это и не вамъ, Маркинсонъ, возражаетъ больная: — это вашей женѣ: это дамская вещь.

— Помиуйте, графиня, у меня и жены-то никакой нѣтъ, ха-ха-ха!

— Вы же говорили рага?

— Обмануль-съ. И онъ еще пуще хохочетъ.

— Фи! какой срамъ, шутить дѣвушка, въ шутку закрывая лицо руками: — солгала.

— За то вы теперь будете здоровы.

— Все-таки, все-таки, фу! цѣлями не оправдываются.

— Не оправдываются, за то и не всегда вылечиваются женатыми агушерами. Я не виновать.

Всѣ продолжаютъ смѣяться вмѣстѣ съ нимъ и уговаривать упрямо принять подарокъ. Графиня даже обидѣлась этимъ отказомъ. Долго не могли добиться даже того, чтобы Маркинсонъ объяснилъ, что «главное» заставляетъ его отказываться... Наконецъ онъ началъ что-то объяснять, полусбиваясь, нехотя, и видимо конфузясь говорить... Это показалась всѣмъ очень страннымъ, особенно въ немъ. Онъ все что-то налегалъ на то, что подарокъ слишкомъ дѣнень, что это увеличило бы его докторскій гонораръ, что у него есть «свои резоны».

Графъ все успокаивалъ его, увѣрялъ, что это идетъ у нихъ отъ чистаго сердца, что онъ наконецъ увлекается, что это излишній ригоризмъ. Онъ жалъ ему руку и улыбаясь замѣтилъ, что такъ у него, пожалуй, найдется какая-нибудь оригинальная отговорка и тогда, когда онъ, графъ, будетъ съ нимъ разсчитываться за леченіе.

— Этого *ложнаго классицизма* (онъ въ шутку употребилъ тутъ это выраженіе) не имѣется, не грѣшны, засмѣялся Маркинсонъ.

— Почему же?

— Тутъ уже можетъ существовать право.

— Какое?

— Право гонорара, вознагражденія за трудъ.

Забудный какъ-то уже свысока, снисходительно улыбнулся на это, какъ будто считалъ послѣднее выраженіе доктора только

вышнюю фразу. Онъ снялъ очки и сталъ, не торопясь, въ раздумьи, протирать стекла платкомъ.

Но Кошнинъ не вытерпѣлъ, завидѣвъ возможность пустить въ ходъ своего научнаго конька. Онъ не даромъ слылъ на службѣ за финансиста и принадлежалъ въ Петербургѣ къ какому-то кружку «любителей политической экономіи» и въ этомъ еще кружку, только что тогда сформировавшемся, выставался фритредеромъ.

— Позвольте, докторъ, виѣшался онъ: — позвольте, вы изволили употребить выраженіе: право гонорара, право вознагражденія за трудъ... Вы, конечно, знаете, что въ наукѣ именно то, что вы называете *правомъ* на какое-либо вознагражденіе, едва-ли не самый сбивчивый вопросъ.

Маринсонъ посмотрѣлъ на него удивленно. Ему вовсе не жалось научно смотрѣть на этотъ вопросъ.

— По этому вопросу существуетъ цѣлая самостоятельная литература, продолжалъ Кошнинъ: — и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нечего не уяснено... Всѣ признають, такъ-сказать, только инстинктивно, что оно существуетъ и никакъ не могутъ уловить, изъ какихъ ингредиентовъ всегда слагается онъ.

— Отчего же-съ?

— Отчего? Онъ красиво пожалъ плечами: — есть такія вещи въ природѣ.

— Да, да, напримѣръ, какъ божество, вставилъ послѣшно и не совсѣмъ кстати Илья Борисичъ: — какъ Богъ, котораго мы всѣ чувствуемъ—онъ поднялъ даже и руку вверхъ—но что это такое, какая это сила, каковы ея размѣры—это ускользаетъ отъ насъ.

— Консерваторы-экономисты, между тѣмъ не унимался молодой политико-экономъ, представляютъ, вы знаете, главнымъ образомъ, права капитала; радикалисты—вѣдь и въ наукѣ всегда существуютъ всѣ эти цѣта—радикалисты признають право капитала, но приравнивають къ нему и право труда; и, наконецъ, социалисты выше всего ставятъ право труда, а право капитала почти ни во грошъ не ставятъ... Кто же правъ?

— Ну, да тучъ, словомъ, не мѣсто разсуждать, это научный вопросъ, сказалъ графъ.

Но Кошнинъ уже слишкомъ зарвался въ споръ, чтобы сразу остановиться.

— Тѣмъ не менѣе, сколько ни спорили, продолжалъ онъ: — сколько ни писали, вопросъ этотъ врядъ-ли не такъ же далеко отъ удовлетворительнаго разрѣшенія, какъ и въ началѣ спора, и такимъ образомъ все-таки вы должны признать, что наукой

не открыто еще такихъ реактивовъ, которые во всякомъ данномъ случаѣ могли бы показать намъ безошибочно, какіе элементы входятъ въ ту... спецію, углубившись, объяснилъ онъ: — которую мы согласились называть — *правомъ* и въ какомъ размѣрѣ каждый. А безъ этого, согласитесь, невозможно пытаться опредѣлить самаго размѣра гонорара... Вѣдь вы вѣрно за науку?

Маркисонъ все это прослушалъ со вниманіемъ, нѣсколько только насмѣшливо пощипывая подбородокъ: ему, впрочемъ, не нравилось только то, что Кошинъ такъ ужъ научно повелъ рѣчь.

— Все, что вы изволили сказать, совершенно справедливо, сказалъ онъ Кошину спокойно: — но это-то и подтверждаетъ мою правоту. И такъ, право признается?...

— Признается, признается...

— Только размѣры его не могутъ быть опредѣлены, такъ-какъ эта сторона не поддается до сихъ поръ нашимъ усиліямъ?...

— До сихъ поръ эта сторона вопроса только неясный абстрактъ нашего ума, объяснилъ нѣсколько уже фуфурно ученый чиновникъ.

— Въ такомъ случаѣ, какъ и всюду, доктору остается одно — брать подачку. Такъ и поступаютъ всѣ наши собраты.

— Ну, зачѣмъ же, зачѣмъ такъ крайне выражаться? возстала всѣ, хотя внутренно и соглашались, что выводъ былъ вѣрно сдѣланъ докторомъ. Люди стараго покроя всего больше боятся называть вещи ихъ настоящими именами.

— Мнѣ же кажется, что пока наука не поможетъ намъ здѣсь чѣмъ нибудь, добросовѣстнѣе было бы придерживаться вѣковаго правила во всѣхъ человѣческихъ сдѣлкахъ — правила договора.

— Какъ это, какъ это?

— Торговаться.

Всѣ стали въ тупикъ.

— Конечно, конечно, поспѣшно сказалъ графъ послѣ нѣкотораго раздумья: — это будетъ самое логическое, самое справедливое. — И посмотрѣлъ вопросительно на Кошина.

— Я вамъ впередъ и сказалъ, въ первый же день, что это будетъ стоять, напомнилъ графу Маркисонъ, улыбаясь.

Графъ только теперь понялъ, какое важное значеніе имѣло тогдашнее предупрежденіе доктора...

Все это было такъ оригинально, такъ неожиданно, что всѣ не могли не придти на минуту въ недоумѣніе... Но насмѣшки не было замѣтно... Всѣ понимали, что каково бы ни было личное мнѣніе каждаго о такой системѣ, а смѣяться не надъ

чѣмъ: такъ ярко, послѣдовательно являлась здѣсь честность и вѣрность вывода оригинала. А у Толи Забудаго — у того даже глаза разгорѣлись, духъ захватило...

— Вы, докторъ, большой идеалистъ, сжимая руку Маринсона, сказали только графъ. И улыбнулся добродушно.

Помолчали, подумали еще...

— И вы держитесь этому и въ своей практикѣ? спросилъ не- много погоды Кошинъ.

— Пытаюсь по крайней-мѣрѣ.

— И вамъ не приходится спотыкаться? по правдѣ скажите.

— Почти... И въ денежномъ отношеніи концы съ концами свою вотъ уже сколько лѣтъ.

— Ничего не могу возразить противъ этого, сказалъ противникъ и замолчалъ, хотя и зачесалъ при этомъ недовѣрчиво под- бородакъ.

Опять общее раздумье.

— Да, все тутъ зависитъ отъ характера, сказалъ графъ, но вотъ что, вдумываясь продолжалъ говорить онъ, все еще не будучи въ состояніи освободиться отъ впечатлѣнія, навѣяннаго оригинальностью доктора, вотъ что — это имѣетъ и свои дурныя стороны, вѣдь это щекотливый вопросъ — ваше докторское дѣло, съ такою теоріею въ немъ — одинъ шагъ до черствости. Въ другомъ дѣлѣ — не сошлись — и ничего, а тутъ — ужасно! Что вы дѣлаете, если бѣдный попадаетъ, немогущій заплатить сколько вы запросили?

Онъ опять надѣлъ очки, сдвинулъ ихъ на лобъ и уставился пристально на Маринсона.

— Я, графъ, не безъ гордости хотя и слегка покраснѣвъ, объяснилъ докторъ: — съ самаго начала моей службы, съ тѣхъ поръ какъ обезпеченъ такимъ образомъ въ необходимомъ, лечу всѣ податныя сословія и всѣхъ бѣдныхъ даромъ, и ни съ одного еще ни копейки не взялъ... За нихъ у меня богатые расплачиваются, смѣясь, поспѣшно прибавилъ онъ: — это въ нѣкоторомъ родѣ у меня l'imprêt sur la richesse.

«Чудака, несомнѣнно чудака», насмѣшливо вертѣлось у всѣхъ на умѣ.

— Только на какомъ же это правѣ можно заставить одного платить за другого? замѣчаетъ Кошинъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— На какомъ въ Англіи легально существуетъ poor-tax? въ свою очередь спросилъ онъ.

Кошинъ хотѣлъ доказать несостоятельность съ научной точки зрѣнія всего, что носитъ филантропическую подкладку, но

графъ послѣ нѣкотораго раздумья выѣхался горячо, призналъ, что строгой, юридической или, если Кошинъ желаетъ, экономической основы это за себя не имѣетъ, но мораль, человѣческое и христіанское чувство за это, и что потому онъ за доктора и лично самъ всегда съ охотой заплатилъ бы въ три-дорога меду, еслибы зналъ, что это избавить трехъ бѣдняковъ отъ платы.

Такъ-таки въ этотъ разъ и не уговорили его взять сточивъ. Онъ все отшучивался, ухватился за обыкновенную въ подобнѣхъ случаяхъ штуку — попросилъ у графини портретъ, отсмѣялся и отдѣлался такъ... Онъ далъ больной послѣднее наставленіе, какъ беречься, и посовѣтовалъ графу, какъ только станетъ окончательно крѣпчать больная, держать ее болѣе на воздухѣ, — даже садовничать, копать совѣтывалъ, ѣздить верхомъ, развлекаться находилъ полезнымъ, и выѣзжать больше, не сидѣть дома.

Докторъ дружески со всѣми распрощался и ушелъ въ сопровожденіи графа, который пригласилъ его въ кабинетъ.

У себя въ кабинетѣ графъ снова повторилъ Маркинсону, даже съ нѣкоторою торжественностію, увѣренія, что никогда не забудетъ оказанной имъ услуги и, дружески пожимая ему руку, попросилъ его взять безъ церемоніи пять радужныхъ изъ первый разъ. Къ немалому удивленію графа, оказалось новое непредвидѣнное препятствіе: Маркинсонъ рѣшительно отказывался принять деньги, отговариваясь, что у него правило не брать ничего, пока пациентъ не выздоровѣетъ, и что онъ, во всякомъ случаѣ, не возьметъ столько, а возьметъ, какъ сказалъ, сто рублей.

— Чтò тутъ приважете дѣлать? въ отчаяніи, и уже немного сердясь, сказалъ графъ, шлепая себя по колѣну.

— Я, въ этомъ случаѣ, поступаю, какъ адвокатъ, объяснилъ Маркинсонъ: — приносить ему дѣло, надѣется выиграть, хватается у него знаній и силъ — онъ договаривается и начинается. Пронгралъ — ничего не получаетъ, по своей же винѣ; выигралъ — твое, чтò выторговалъ.

— Утопія, любезный докторъ, прекрасная, честная, благородная, но все-таки утопія, перебилъ графъ, беря его за руки: — и не болѣе.

Маркинсонъ уже обидѣлся.

— Позвольте вамъ замѣтить, графъ, сухо сказалъ онъ на эти насмѣшки: — что вамъ ничто не даетъ права смѣяться и называть утопіею то, приложимость чего я уже нѣсколько лѣтъ на практикѣ испытываю съ успѣхомъ, и смѣяться такъ, какъ вы

не смѣтеть вѣрно надъ шарлатанствомъ прочихъ моихъ собратій.

— Я беру свое слово назадъ и навиняюсь, благородно сказалъ графъ: — я не такъ выразился. — И онъ жметъ руки доктора.

— Моя система, продолжалъ, не слушая извиненій, Марквинсонъ, ужь потому заслуживаетъ не насмѣшки, что она могла для невѣждъ... Это не мало!... Теперь что? — шулерство, чистѣйшее шулерство, всегда направо падаетъ, всегда выигрываетъ. Ни самолюбіи, ни гордости! Одна мерзкая, хищная страсть поживы! Ткнулъ носъ въ дверь — и рубль, ткнулъ въ другую — другой. Есть ли польза больному, нѣтъ ли, докторъ все-таки свое возьметъ... По нашему же такъ: человекъ говорить, что животь у него болитъ, голова или глазъ. Больно? спрашиваю. — Больно, говорить. — Давай, говорю я, смотря по трудности болѣзни, рубль, пять рублей, десять, или двадцать-пять... Ужь тамъ мое дѣло, въ день ли я тебя вылечу или въ мѣсяцъ — все равно пять, десять или двадцать-пять рублей получу. Не вылечу — при тебѣ хоть твои деньги останутся... Предоставляю вамъ, графъ, самому рѣшить, гдѣ болѣе честности и въ чемъ менѣе черствости, предложилъ докторъ.

— Спору нѣтъ, спору нѣтъ, любезнѣйшій Николай Федоровичъ, горячо говорилъ графъ, держа его за обѣ руки: — спору нѣтъ, что это прекрасно, что это благородно. Но свѣта не передѣлаете — и все-таки — утѣши, я скажу, хоть сердитесь, хоть нѣтъ.

— Однако, она мнѣ служить нѣсколько лѣтъ, и не измѣняется. А до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла.

Илья Борисычъ пожалъ плечами...

— Но теперь, улыбаясь добродушно, опять началъ онъ: — но теперь, вы сдѣлаете мнѣ исключеніе на этотъ разъ, не станете отравлять моего семейнаго счастья настоящей минуты и возьмете... Неправда ли?

И онъ опять протянулъ руку съ деньгами.

Марквинсонъ понятился.

— Просите, графъ, что выбудъ другое... Исключеніемъ я васъ обидѣлъ бы.

И онъ снова пустился объяснять, что если, черезъ мѣсяцъ или два, не явятся симптомы этой же болѣзни у больной и все войдетъ въ правильную норму, то это будетъ значить, что леченіе было вѣрно и теперь обончено.

— Тогда я самъ пришлю графу счетъ за леченіе, предупредилъ онъ, безъ всякой ложной церемоніи.

— Да, да. Ну, и по крайней-мѣрѣ, вы тогда не обидите меня, старика, который, опять повторю вамъ, считаетъ себя многимъ вамъ обязаннымъ по настоящему случаю...

— Очень немногимъ, графъ. Это вамъ такъ кажется. Пустячное было дѣло.

— Да, да, это скромность... И возьмете, продолжалъ графъ, и возьмете не какіе нибудь несчастные сто рублей, а тѣ деньги, которыя я вамъ дружески предложу, оговорилъ онъ.

— При всемъ моемъ уваженіи и къ вамъ и ко всему, что я у васъ здѣсь встрѣтилъ, сказалъ съ чувствомъ докторъ:—я и тутъ вамъ не могу сдѣлать исключеніе.

— Это просто обида, докторъ, печально говоритъ Забучкій:—я, кажется, не заслужилъ этого.

— Я могу, если угодно, вотъ что вмѣсто того попросить у графа... У меня есть дѣло, даже не одно, а нѣсколько. Если позволите, я расскажу въ короткихъ словахъ.

Графъ сейчасъ же охотно согласился, страшно засуетился, самъ опять подаль ему стулъ, усадилъ передъ собою и самъ усѣлся противъ, такъ что колѣнныя ихъ даже сталиввались.

Маркинсонъ началъ передавать ему поочередно сущность всѣхъ своихъ слѣдственныхъ дѣлъ, съ которыми возился столько лѣтъ. И теперешнее со врачебною управой передавъ. Это послѣднее у него только что начиналось.

— Можетъ ли это быть? воскликнулъ графъ, когда выслушалъ весь рассказъ доктора.

— Я вамъ ручаюсь... И никакого движенія, никакого хода не даютъ, такъ и умерло, такъ и не слышно... Положить подъ сукно—и баста... Терпѣніе испытываютъ... Съ одного мѣста на другое переводятъ нарочно почаще, чтобы замазать, чтобы заставить выйти въ отставку. Не лучше ли прямо выгнать? Вѣдь это иезуитизмъ, графъ, согласитесь?

— Совершенно съ вами согласенъ, сказалъ Забучкій, вставая:—и очень вамъ даже благодаренъ, что вы мнѣ это сказали. Теперь мой долгъ не скрывать этого... Я васъ попрошу составить мнѣ обо всемъ этомъ, нѣчто въ родѣ памятной записки,—я препровожу куда слѣдуетъ, при своемъ письмѣ, да я въ Петербургъ, увидѣвшись, передамъ директору медицинскаго департамента. Тамъ, вѣроятно, ничего этого не знаютъ... И еще могу вамъ вотъ что сдѣлать: дамъ вамъ письмо къ вашему губернатору. Онъ человекъ хорошій, молодой, либеральный, съ нимъ мы много работали вмѣстѣ по крестьянскому вопросу. Онъ, вѣ-

роютно, для меня сдѣлаетъ. Вамъ будетъ оказана всевозможная помощь къ раскрытію этихъ злоупотребленій. Ручаюсь вамъ.

Графъ проводилъ доктора черезъ всѣ длинныя апартаменты своего дворца до дверей комнаты, отведенной доктору, дружески простился, общалъ завтра рано утромъ прислать обѣщанное письмо на имя либеральнаго губернатора, а потомъ опять вернулся въ комнату дочери (гдѣ опять засталъ всю компанію), чтобы передать своимъ, отчасти съ ироніею, а болѣе съ сочувствіемъ, новыя открытія на счетъ эксцентричности доктора.

Дочь прослушала все это съ любопытствомъ, Кошинъ съ саркастическою улыбкою, а Толя... Толя съ краской затаеннаго восторга на лицѣ, съ текущими слюнками, если можно такъ выразиться.

— Рисовка, замѣтилъ Кошинъ, элегантно запуская свои тонкіе пальцы въ бакенбарды.

Графъ даже разсердился; слегка, впрочемъ.

— Прекрасная рисовка, сказалъ онъ: — пятьсотъ рублей для бѣднаго человѣка деньги не малыя, согласитесь?

— И идеализація... Идеалистъ, какъ вы же нашли давеча, графъ, добавилъ насмѣшливо Кошинъ: — кого они удивить хотятъ?

Графъ уже вспыхнулъ.

— Чтò же, что идеалистъ?... И святые, и герои, и поэты всегда бывають идеалисты au fond... Значить ли изъ этого, что нѣтъ святыхъ или не было поэтовъ и героевъ, или что это нехорошо? Это не возраженіе.

А Толя по своему это же выразилъ:

— Вотъ это такъ люди, сказалъ онъ, когда отецъ, сдѣлавъ послѣднее возраженіе Кошину и, оставшись нѣсколько недоволенъ скептицизмомъ своего молодого друга, вышелъ изъ комнаты: — вотъ это такъ люди! (Это относилось къ доктору), а мы чтò? — Аристократы! — И ушелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Кошинъ даже принялъ это на свой счетъ.

Толя же до перваго часу не ложился, и все ходилъ взволнованный по комнатѣ, поглядывая попережнему съ текущими слюнками на дверь, откуда снизу свѣтился огонекъ у доктора. (Это докторъ скандаловалъ свою записку, надъ которою трудился всѣ эти дни). Толѣ все хотѣлось войти къ доктору и онъ все не рѣшался...

Наконецъ, безконечное шаганіе обратило вниманіе Маркнсона и онъ выглянулъ въ дверь, передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ уже готовился лечь въ постель.

Толя подошелъ къ нему... Тотъ удивленно посмотрѣлъ на спокойное лицо молодого графа.

— Я... я въ отчаянномъ положеніи, задыхаясь, выговорилъ Толя:— я... я окруженъ аристократами... Маркинсонъ чуть не фыркнулъ—такъ это было неожиданно, некстати, и глупо.

— Покойной ночи, графъ, сказалъ онъ и затворилъ дверь у него подъ носомъ.

— Я васъ глубоко уважаю, добавилъ-было поспѣшно Толя, но Маркинсонъ этого ужъ не слышалъ.

У юноши даже лицо вытянулось, даже слезы выступили.

Утромъ докторъ уѣхалъ изъ Петровскаго, отпавивъ записку, которую писалъ всѣ эти дни, въ частную медицинскую газету, издававшуюся въ губернскомъ городѣ.

Такъ въ Петровскомъ и осталась по немъ слава, что хорошій человекъ, но... «большой идеалистъ».

Послѣдуйте теперь во вторую часть романа.

Дмитрій Гирсъ.

НОВАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ЛАБУЛЕ.

(LE PRINCE-CANON).

VII.

ГІАЦІНТЬ УЗНАЕТЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ РОТОЗВЯМЪ ВНУШАЮТЪ УВАЖЕНІЕ КЪ НАЧАЛЬСТВУ.

Окончательно убѣдившись въ своемъ превращеніи, Гіаціньтъ посмотрѣлся въ зеркало и безъ труда помирился съ своею новою наружностью. Онъ былъ прелестный пудель. Его бѣлая, курчавая голова, черные глаза и вздернутый носъ придавали ему видъ напудренного маркиза. Онъ самоувѣренно промель двѣ пустыя комнаты. Въ передней онъ увидалъ всѣхъ своихъ собакъ, валившихся на персидскомъ коврѣ: ихъ служба состояла въ томъ, чтобы ничего не дѣлать; онѣ съ полнымъ усердіемъ исполняли свои обязанности.

Увидѣвъ незнакомца, полусонный борзой кобель всталъ, подошелъ къ нему, и обнюхалъ его отъ головы до хвоста и отъ хвоста до головы съ неприличною фамльярностью. Гіаціньтъ, не желая терпѣть вѣжливое обращеніе, оцетинился и зарычалъ. Тотчасъ же вся стая поднялась на ноги и бросилась на него съ лаемъ. Угрюмый бульдогъ заревѣлъ на своемъ собачьемъ нарѣчій: «у этого молодца нѣтъ ошейника. Это—проходимецъ: Ату его!» И въ ту же минуту онъ такъ больно укусылъ незнакомца, что Гіаціньтъ мгновенно высочилъ за окошко, какъ будто его выбросила какая нибудь пружина.

Къ счастью для династїи Тюльпановъ, окно было невысоко. Гіаціньтъ не ушибся.

«Эти глупыя животныя», подумалъ онъ: «меня не узнали; если я когда набуду снова приму человѣческой образъ, а съ большимъ удовольствіемъ велю перебить всю эту сволочь».

См. «Отеч. Зап.», 1868, № 2, отд. 1, стр. 377.

Гіацинтъ, выскочивъ изъ окна, очутился въ дворцовомъ саду, открытомъ для публики, и, пользуясь своимъ инкогнито, вмѣшался въ толпу, чтобы изучить поближе нравы своего добраго народа.

Аллеи были наполнены разряженными домами; было несмѣтное множество кормилицъ, нянекъ и дѣтей. Гіацинта особенно сильно поразилъ превосходный характеръ солдатъ. Кавалеристы и пѣхотинцы наперерывъ другъ передъ другомъ забавляли дѣтей и начали ихъ у себя на колѣняхъ. Суровые усачи играли въ обручъ, или носили вуюль. Гіацинтъ спокойно усѣлся въ саду, и залюбовался на двоихъ саперовъ, кружившихъ большую веревку, черезъ которую прыгали маленькія дѣвочки и ихъ няньки.

Вдругъ грубый голосъ сказалъ возлѣ него: «постой, голубчикъ; я тебя научу исполнять правила».

Гіацинта удивило то, что правила могутъ нарушаться въ его дворцовомъ саду. Онъ оглянулся, отъискивая глазами дерзкаго нарушителя, и въ эту самую минуту жестокий ударъ по головѣ отбросилъ его шаговъ на десять въ сторону. Онъ приподнялся и залааялъ; на него кинулся смотритель въ мундирѣ съ крикомъ: «убить, убить его. Онъ дѣлаетъ дерзости начальству».

При всей своей храбрости, Гіацинтъ не могъ бороться съ своимъ врагомъ; онъ побѣжалъ на трехъ лапахъ; его папачъ за нимъ. Кормилицы смѣялись, дѣти и солдаты видали въ него камни. Смотрѣтъ на мученія бѣднаго животнаго—это для Ротозѣвъ настоящій праздникъ. Къ счастью, рѣшетка была недалеко, и Гіацинту удалось благополучно проскользнуть мимо будки, въ калитку.

Разъяренный смотритель накинулся на часового.

— Вы выпустили собаку? сказалъ онъ.

— Да, сухо отвѣтилъ солдатъ.

— Зачѣмъ вы ее не ударили штыкомъ?

— Мнѣ это не было приказано.

— Запрещено впускать собакъ, если онѣ не на привязи.

— Запрещено впускать, а я выпустилъ.

— А, ты разсуждаешь! закричалъ смотритель:—какъ тебя зовутъ?

— Вы, господинъ Лелу, знаете, отвѣтилъ солдатъ:—что зовутъ меня Нарцисомъ.

— Нарцисъ, красавецъ Нарцисъ, возлюбленный Жирофле.

— Мадемуазель Жирофле меня не любитъ. Вы это знаете лучше всякаго другаго; вѣдь вы же хотите на ней жениться.

— Ну, голубчикъ, сказалъ смотритель:—такъ я же не упусти случая задать тебѣ урокъ. Эй сержантъ! крикнулъ онъ старому усачу:—посадить этого рядоваго на четыре дня подъ арестъ. Онъ разсуждаетъ.

Послѣ ухода зрителя, сержантъ подошелъ къ молодому солдату, и посмотрѣлъ на него отеческимъ взоромъ.

— Ты это напрасно сдѣлалъ, сынъ мой, сказалъ онъ: — ты себѣ службу портишь.

— Развѣ жъ это дурно разсуждать? нетерпѣливо спросилъ Нарцисъ.

— Болѣе чѣмъ дурно, сынъ мой; это—проступокъ.

— Почему, дядя Лафлёръ?

— Почему, сказалъ сержантъ:—ты у меня спрашиваешь почему? Понять, кажется, не трудно, это бросается въ глаза. Старшіе положили, что разсуждать не слѣдуетъ, потому что, если станутъ разсуждать, тогда кто правъ—тотъ и будетъ старшимъ, и тогда значить старшіе не будутъ всегда правы. Теперь понимаешь?

— Понимаю я то, сказалъ Нарцисъ вздыхая:—что послѣ-завтра мы уходимъ на новую стоянку, и что, если я завтра буду на гауптвахтѣ, то я не прошусь съ мадемуазель Жирофле.

— На счетъ этого примутъ свои мѣры, сынъ мой, сказалъ Лафлёръ, покручивая усы.—Еще не такіе мы старики, чтобы не уважать законнаго чувства. Вотъ идетъ капраль, смѣнять тебя. Молчи и полагайся на мою чувствительность.

Во время ихъ разговора, Гиацинтъ, лежа на землѣ съ зашибленной спиной, предавался довольно печальнымъ размышленіямъ о регламентахъ и повиновеніи. Умомъ его начали овладѣвать сомнѣнія. Ему уже представлялся вопросъ, не лучше ли будетъ, если законы будутъ изготовляться тѣми людьми, къ которымъ они прилагаются. Но образъ бѣлокурой Тамарисы пришелъ ему на память: онъ тотчасъ прогналъ свои мятежные помысли. Возможное ли дѣло, чтобы отецъ такой красавицы не былъ великимъ министромъ? Кромѣ того, могла ли бѣдная собака, грѣшившая по меньшей мѣрѣ невѣдвіемъ, судить объ административныхъ соображеніяхъ и политическихъ замыслахъ графа Тушь-а-Ту?

VIII.

Въ чижовкѣ.

Да здравствуетъ философія! Тремя звонкими словами, навизанными на прекрасную теорію, она возноситъ душу выше мелкихъ страданій дѣйствительности! Гиацинтъ вышелъ изъ своего убѣжища, хромая на одну лапу и грязный до ушей, но исполненный уваженія къ поразившему его закону. Важнымъ и спокойнымъ шагомъ, какъ собака, уважающая свое достоинство, онъ вошелъ въ большую улицу, шедшую востокъ дворца, и сталъ смотрѣть

по сторонамъ, чтобы ближе изучать тотъ народъ, надъ которымъ онъ призванъ былъ господствовать.

Впереди и позади его тянулся необозримо-длинный, двойной рядъ великолѣпныхъ домовъ. Всѣ дома были похожи одинъ на другой: та же высота, та же крыша, тѣ же этажи, то же число оконъ, тѣ же рѣшетки, тѣ же балконы, тѣ же двери: различны были только нумера. Можно было подумать, что это одинъ дворецъ, или монастырь, или госпиталь, или казарма растянулись верстъ на пять въ длину: однообразіе царило во всемъ своемъ великолѣпнн.

Улица была какъ же восхитительна, какъ и домá. По широкимъ тротуарамъ двигалась ровными шагами сплошная толпа. Городовые, разставленные на мостовой, заботились о томъ, чтобы каждый держался вправо, и шель въ ногу въ своемъ ряду. Черезъ улицу позволялось переходить только тѣмъ, кто возвращался домой, или сворачивалъ въ боковую улицу, да и въ этомъ случаѣ надо было обращаться къ начальству, которое, со шпагою на боку, присматривало за шествіемъ гражданъ и предлагало руку дамамъ. Зрѣлище было величественное. Было замѣтно, что невидимый глазъ слѣдитъ за каждымъ Ротозѣмъ во время самыхъ невинныхъ его развлеченій и поддерживаетъ то равенство, которымъ славится великая нація. Всѣ мужчины были украшены знаками отличія; точно будто они обокрали радугу, и подѣлили между собою ея цвѣта. Женщины также были всѣ покрыты лентами; у всѣхъ были огромные шиньоны красныхъ волосъ, украшенные розовыми, голубыми или бѣлыми пакетиками; издали это были точно цвѣточныя вѣнки, небрежно брошенные на копны сѣна. Изящество было несравненное!

Гіацинтъ примкаулъ къ рядамъ, и скромно пошелъ возлѣ толстаго мѣщанина, читавшаго наставленія своимъ сыновьямъ. «Ни подь какимъ видомъ, говорилъ онъ имъ: не будьте своенравны, не разсуждайте, не думайте своимъ умомъ. Наше общество такъ хорошо устроено, что всякій дерзвій, выходящій изъ рядовъ и нарушающій приказанія, тотчасъ оплевывается, изгоняется и уничтожается. Смотрите на меня, дѣти мои, я всегда повторялъ, что говорили всѣ, я всегда дѣлалъ, что дѣлали всѣ; у меня никогда не было ни собственной мысли, ни собственной воли; вотъ я и дошелъ до всего безпрепятственно: всякій протагивалъ мнѣ руку. Я богатъ, меня уважають, мнѣ кланяются, и, набы я захотѣлъ, я могъ бы сдѣлаться важнымъ лицомъ. Но я ненавижу политику; по моему, нѣтъ ничего глупѣе, какъ заниматься общественными дѣлами, когда есть правительство, получающее жалованье для того, чтобы избавлять насъ отъ этой скучной заботы.

Я—васпощій Ротовѣй, и горжусь этимъ. Да здравствуютъ деньги и наслажденіа! Въ нихъ все!

Гіацинтъ съ уваженіемъ слушалъ мудраго старца, когда вдругъ открыли фонтаны. Чистая вода потекла по канавамъ. Съ утра бѣдный пудель изнемогалъ отъ жажды; онъ подумалъ, что, не посягая на существующій порядокъ и не нарушая установленныхъ правилъ, онъ можетъ воспользо­ваться этою водою, которая, повидимому, тепа для всѣхъ. Соскользнувъ съ тротуара, онъ погрузилъ свою морду въ свѣжія струи, и потомъ, уступая естественному влеченію, сталъ купаться. Трепетъ неиспытаннаго удовольствія пробѣжалъ по его избятому тѣлу, и онъ, оставаясь попрежнему скромной собакою, почувствовалъ сладость бытіа.

Выйдя изъ воды, Гіацинтъ, уважавшій прилчіа, сталъ посреди улицы, чтобы никого не забрызгать, и сталъ отряхать свою мо­крую шерсть. Сладострастная дрожь щекотала ему тѣло, когда грубая рука ухватила его за шею и подняла на воздухъ, такъ что всѣ четыре лапы его заболтались въ пространствѣ.

— Унтеръ-офицеръ, закричалъ палачъ, бросая пуделя на руки къ городовому:—вотъ еще собака безъ ошейника и безъ намордника. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ это уже вторая. За третью, я васъ отрѣшу отъ должности,

— Бродяга, сказалъ унтеръ-офицеръ, и при этотъ чуть не задушилъ своего пѣвника:—ты умрешь отъ моей руки. Я тебя выучу грубить начальству.

Къ счастью для Гіацинта, крытый фургонъ проѣзжалъ по ули­цѣ; городской окликнулъ возницу.

— Эй Пьеро! крикнулъ онъ:—возьми ты этого мерзавца, пусть онъ у тебя пропашетъ птичью сарабанду.

— Будьте покойны, господинъ унтеръ-офицеръ, смѣясь отвѣ­тилъ возчикъ:—у меня ихъ тутъ штукъ двадцать: всѣхъ пере­вѣшаемъ.

Гіацинта бросили въ темную повозку, и онъ упалъ на кучу собакъ, наваленныхъ одна на другую; послышался лай; подня­лась грязня; затѣмъ Гіацинтъ пробрался въ уголокъ и сталъ раздумывать на досугѣ о превосходной полиціи графа Тушъ-а-Ту.

Эти размышленія продолжались недолго; повозка остановилась: открыли дверцу, и Гіацинтъ очутился въ обширномъ дворѣ, среди нѣсколькихъ десятковъ собакъ, которыя, подобно ему, были лишены свободы.

Общество было смѣшанное: была тамъ собаки всякой масти и всякаго роста, отъ тонконогаго изящнаго гавана до приземис­таго сварливаго бульдога. Образовались группы; Гіацинтъ, по

естественному инстинкту, приблизился къ мѣстной аристократіи, и услышалъ разговоръ, напомнившій ему придворные рауты.

— Я не понимаю, какъ осмѣлились меня арестовать, говорила красивая болонка съ умными глазами:—я вышла изъ дому съ табакеркой моего хозяина-капитана, за табакомъ, какъ хожу всегда. Какъ это не замѣтили, что я военная собака? Любопытно узнать, потерпѣть ли армія это оскорбленіе?

— Я съ своей стороны, сказала левретка въ пальто:—очень довольна тѣмъ, что со мною случилось. Этимъ болванамъ нуженъ урокъ. Имъ скоро покажутъ, кто я такая.

— Вы чья же? спросилъ большой водолазъ.

— Мой любезный, вашъ вопросъ невѣжливъ, отвѣтила востроносая барышня.—Я ничья; и еслибы вы были грамотны, вы прочитали бы на моемъ ошейникѣ: *Я—Мирза, Жонкиль мнѣ принадлежитъ*. У меня есть горничная, и она каждый день часа по два моетъ меня мыломъ, у меня есть лавей, и вся его служба въ томъ, чтобы водить меня гулять. Ахъ! вскрикнула она, поднимая лапу и какъ-бы дѣлая стойку:—что это за скверный пудель и какъ онъ смѣетъ къ намъ подходить! Фи! гадость, собака какого нибудь слѣпаго нищаго! Я ненавижу народъ. Отъ него дурно пахнетъ.

Водолазъ, какъ услужливый вавалеръ, бросился къ Гиацинту, и такъ выразительно посмотрѣлъ на него, что принудилъ его удалиться.

Въ эту минуту отворилась дверь. Вошелъ смотритель, вслѣдъ за господиномъ въ зеленомъ сюртугѣ, съ розеткою изъ разноцвѣтныхъ лентъ въ петлицѣ. Завороченные обшлага и бѣлныя манжеты намекали на то, что онъ медикъ.

— Вотъ вынѣшній уловъ, господинъ докторъ, связалъ тюремщикъ.—Хотите этого водолаза?

— Нѣтъ, любезный мой Ла-Дусеръ, отвѣтилъ докторъ.—Мы намерены вскрывать одного водолаза. Онъ три раза укусилъ насъ, прежде чѣмъ рѣшился вдохнуть. Ну ихъ совсѣмъ, этихъ скотовъ, что защищаются. Никакого нѣтъ удовольствія потрошить ихъ.

— Можеть, вамъ пригодится этотъ пудель?

— Нѣтъ, не надо мнѣ пуделей. Мои студенты пустятся въ сантиментальность. Не хочу плебейской собаки. Дайте-ко сюда эту болонку.

Смотритель взялъ со стѣны сѣтку и накинулъ ее на болонку, которая не оказала ни малѣйшаго сопротивленія,

— Славная собачка, сказалъ докторъ, ощупывая болонку:—и хорошо содержана. Я ее возьму. Мы деликатѣйшимъ манеромъ введемъ въ ея желудокъ металлическую воробочку, и посредствомъ

этого остроумнаго приёма изучимъ основательно процессъ пищеваренія.

— А законъ, покровительствующій животнымъ? смѣясь замѣтилъ Ла-Дусерь:—мнѣ кажется, вы, господинъ докторъ, обходитесь съ нимъ черезчуръ безцеремонно.

— Законъ не для насъ писанъ, отвѣтилъ докторъ.—Мы не люди, мы—наука.

— Это что? спросилъ тюремщикъ, снимая ошейникъ съ собаки.—Видите тутъ на мѣдной бляхѣ вырѣзано пять буквъ: Я. П. В. Г. П. и двѣ скрещенныя сабли; я чую заговоръ.

— У васъ тонкое обоняніе, сказалъ докторъ.

— Милостивый государь, я служилъ десять лѣтъ у барона Плѣрара; я научился на все смотрѣть недовѣрчиво, всего бояться; это вѣрное средство не остаться въ дуракахъ. Кромѣ того, если я открою заговоръ, моя карьера устроена: меня сдѣлаютъ тюремщикомъ въ настоящей тюрьмѣ. Грустно сторожить собакъ, когда чувствуешь себя способнымъ караулить людей.

— Вы честолюбивы.

— Разумѣется, во мнѣ кипятъ благородныя стремленія; я хочу, подобно многимъ другимъ, проложить себѣ дорогу, спасая короля и отечество. Я. П. В. Г. П. вѣдь это значить очевидно: «я презираю ваше глупое правительство». А перекрещенныя сабли—это символъ, это условный знакъ.

Дверь быстро распахнулась; вошелъ офицеръ, съ длинными усами, съ хлыстомъ въ рукѣ, шляпа на бекрень, видъ разъяренный.

— Касторъ здѣсь? закричалъ онъ.—Черти васъ дерн! Подавайте его сюда.

Услышавъ этотъ голосъ, болонья вырвалась изъ рукъ доктора и винулась на своего хозяина, какъ будто хотѣла его съѣсть.

— Тише ты, глупый, тише, голубчикъ, сказалъ офицеръ расстроганнымъ голосомъ.—Постой, Касторъ, мнѣ надо тутъ свести свои счеты. Кто себѣ позволилъ арестовать офицерскую собаку?

— Милостивый государь, законъ существуетъ для всѣхъ гражданъ, сказалъ честный Ла-Дусерь.

— Молчать, грубиянъ! сказалъ капитанъ.—Вы должны знать, что солдаты не граждане. Я сію минуту пойду къ моему двоюродному брату, главнокомандующему, и выгоню васъ въ отставку.

— Но сначала я представляю въ судъ этотъ подозрительный ошейникъ, отвѣтилъ тюремщикъ, побагровѣвъ отъ досады.

— Оселъ! дайте сюда ошейникъ! крикнулъ офицеръ.

— Милостивый государь, сказалъ докторъ, чувствуя необходимость провзвести диверсію:—будьте такъ добры, объясните намъ,

что значать эти пять буквъ: Я. П. В. Г. П. и эти скрещенныя сабли?

— Съ удовольствіемъ, милостивый государь; это начальныя буквы моего имени и эмблема моего званія: Яворъ-Пустоцькѣтъ, Виконтъ Гордой Посредственности, капитанъ кирасирскаго полка, къ вашимъ услугамъ.

— Господинъ виконтъ, сказалъ Ла-Дусеръ, понутивъ голову:— почтительнѣйше прошу васъ извинить меня, и принять увѣреніе, что, по моему докладу, администрація строго накажетъ того, кто позволялъ себѣ арестовать собаку капитана.

Послѣ ухода офицера, тюремщикъ вздохнулъ.

— Вы видите, господинъ докторъ, легко ли мнѣ на моемъ мѣстѣ. Во сто разъ пріятнѣе было бы мнѣ быть министромъ. Посадить въ тюрьму человекъ пятьдесятъ гражданъ, неизвѣстно за что, всѣ молчатъ, никто не заявляетъ претензій; а тутъ, взъ-за несчастной собаки, арестованной на законномъ основаніи, мнѣ приходится выслушивать дерзости и угрозы. О, управлять людьми гораздо легче, чѣмъ собаками.

Въ ту минуту, когда Ла-Дусеръ заанчивалъ свою жалобу, его грубо ударили по плечу. Раздраженный такою фамильярностью, онъ обернулся и тотчасъ же сталъ улыбаться самою любезною улыбкою. Передъ нимъ стоялъ огромный лакей въ королевской ливреѣ, красной съ золотомъ.

— Милѣйшій, сказалъ лакей повровительственнымъ тономъ:— нѣтъ ли у васъ тутъ сѣрой левретки въ бархатномъ пальто?

— Милостивый государь, сказалъ тюремщикъ кланаясь:— она только что сюда явилась.

— То-есть, какъ это только что? спросилъ надменный лакей.

— Всего минутъ десять тому назадъ, милостивый государь.

— Минутъ десять! повторилъ человекъ красный съ золотомъ.— Но какому же это случаю левретка пять минутъ тому назадъ не доставлена въ министерство?

— Въ министерство! закричалъ Ла-Дусеръ, сгибаясь въ три погибели.— Но, милостивый государь, я еще не успѣлъ осмотрѣть послѣдній привозъ.

— Надо было успѣть, сказалъ лакей, подзывая къ себѣ левретку.— Вы, кажется, смѣшиваете это благородное животное со всею вашею сволочью; вы читаете что ли не умѣете? Не видите, что тутъ написано на ошейникѣ!

— Извините, сказалъ тюремщикъ въ крайнемъ смущеніи:— тутъ написано: *Я — Мирза, Жонкиль мнѣ принадлежитъ*. А что же это такое Жонкиль, милостивый государь?

— А! вы не знаете мадемуазель Жонкиль, первую горничную

виконтессы Тамарисы, дочери его сиятельства, графа Тушь-а-Ту! А! вы арестуете левретку горничной дочери первого министра, и не приводите ее немедленно въ министерство! Хорошо, голубчикъ, вамъ дадутъ свободное время, чтобъ вы могли поучиться исторіи и географіи!

— Но, милостивый государь, арестованіе совершилось законнымъ порядкомъ. Я только исполнилъ законъ.

— Законъ? сказалъ лакей презрительнымъ тономъ. — Вы думаете, законъ писанъ для собакъ правительства? Сегодня вечеромъ, васъ внучать уважать администрацію. Это вамъ будетъ не лишнее.

И, взявъ левретку на руки, красный лакей удалился величественною поступью.

— Дерзкій негодяй! сказалъ докторъ.—Я бы съ удовольствіемъ вскрылъ ему черепъ. Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ у него тамъ въ головѣ вѣтеръ ходитъ.

— Ахъ, милостивый государь, онъ говорилъ чистую правду, застоялъ Ла-Дусеръ.—Ваше посѣщеніе меня погубило. Не будъ васъ, а вышелъ бы въ люди. Я бы узналъ это благородное животное, отнесъ бы его къ мадемуазель де-Жонкиль; мадемуазель де-Жонкиль держитъ въ рукахъ свою очаровательную барышню, барышня держитъ въ рукахъ отца, а отецъ держитъ въ рукахъ все... На меня посыпались бы милости. А теперь меня погубили мое невѣжество и моя глупость.

— Нѣтъ, сказалъ докторъ:—я немножко знакомъ съ этою Жонкиль; я ее лечилъ; я улажу ваше дѣло. Съ вашими солидными качествами, любезный мой Ла-Дусеръ, человекъ, рано или поздно, непременно составитъ себя карьеру въ администраціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вы будете оказывать мнѣ покровительство. Покуда, пришлите мнѣ сегодня вечеромъ этого милаго пуделя въ мою лабораторію при судебной палатѣ. Онъ мнѣ нравится; у него такое невинное и кроткое выраженіе; я не хочу, чтобы его повѣсили, какъ бродягу. У насъ разбирается прелюбопытный случай, и я приглашенъ въ качествѣ эксперта; дѣло идетъ объ одной женщинѣ: одни говорятъ, что ее задушили, другіе—что отравили. Завтра мы узнаемъ всю подноготную; я сначала отравлю это доброе животное, а потомъ задушю его. Опытъ будетъ въ высшей степени интересныи.

— И вы не забудете замолвить за меня словечко у мадемуазель де-Жонкиль, сказалъ тюремщикъ вздыхая.—У меня, право, господинъ докторъ, совсѣмъ голова кругомъ идетъ. Если законъ не прилагается ни къ наукѣ, ни къ арміи, ни къ горничнымъ,

ни къ лакеямъ, ни къ собакамъ правительства, то къ кому же онъ предлагается?

— А къ тому, кто по простотѣ своей попадаетъ, сказалъ докторъ, смѣясь надъ озадаченнымъ тюремщикомъ.

IX.

Появленіе Арлекина.

Пробыть два дня королемъ, чувствовать себя молодымъ, красивымъ, любимымъ, и вдругъ, по капризу судьбы, сдѣлаться собакою, и видѣть впереди отравленіе и удушеніе на алтарѣ судебной медицины — это ударъ слишкомъ тяжелый для шестнадцатилѣтняго сердца. Гиацинтъ прилежъ въ углу дѣора, и протяжнымъ стономъ выразилъ свое горе и свою безсильную ярость. При этомъ звукѣ грязный овчаръ, лежавшій на землѣ, открылъ глаза, поднялъ голову, и косо посмотрѣлъ на Гиацинта.

— Право, зарычалъ онъ:—подумаешь, что тутъ только вашу милость и повѣсятъ. Не мѣшайте спать.

— Не сердись, товарищъ, сказалъ старшій бульдогъ:—видишь, это ребенокъ плачетъ... Иди сюда, крошка, я хочу поговорить съ тобою.

Гиацинтъ посмотрѣлъ на говорившаго. То былъ огромный бульдогъ. Глаза, налитые кровью, обрубленные уши, широкая черная морда, толстый приплюснутый носъ, губы, покрытыя пѣною—по всѣмъ признакамъ неважный баринъ; но въ его грубомъ голосѣ было столько доброты, что принцъ-пудель добѣрчиво подошелъ къ своему новому другу и прилежъ возлѣ него.

— Юноша, сказалъ старшій бульдогъ:—ты такой чистенькій и подстриженный. У тебя, должно быть, есть хозяйка, какая нибудь старая маркиза, какая нибудь разбогатѣвшая мѣщанка. Отчего это за тобою никто не присылаетъ?

— Нѣтъ у меня хозяйина, гордо отвѣтилъ Гиацинтъ.—Я никогда никому не отдамъ въ кабалу. За то меня и убьютъ эти низкіе палачи.

— Bravo, дитя мое, отвѣтилъ бульдогъ.—Люблю, когда молодня собаки презираютъ ошейникъ. Счастіе твое, что ты встрѣтился съ Арлекиномъ: старшій Арлекинъ никогда не покидаетъ своихъ друзей. Не совсѣмъ еще насъ съ тобою скрутили. Видишь, вонъ колода; ты пролѣзь за нее, тамъ начата яма; ты работой поосторожнѣй, и надѣйся на меня.

Гиацинтъ подползъ подъ колоду, и увидѣлъ передъ собою деревянную изгородь, подъ которой уже вырыта была яма. Лапами

и рыломъ онъ сталъ выкапывать землю съ такимъ усердіемъ, что скоро довелъ свой подкопъ до самаго основанія забора, и увидѣлъ свѣтъ, проходившій снаружи. Но силы его истощались и его окровавленные ланн отказывались служить ему.

— Живо! сказалъ Арлеиннъ, показывая вдругъ свою курносую морду.—Въ сѣняхъ слышны голоса. Время не терпитъ.

Онъ легъ на брюхо, пролезъ въ яму, и поглядѣлъ въ щели растрескавшейся доски.

— Побѣда! сказалъ онъ.—Работа кончена, на той сторонѣ земли нѣтъ.

Онъ ударилъ головою, какъ тараномъ, въ самую гнилую доску, и трянувши шею и плечами, проломилъ ее безъ труда.

— За мной, малюта, сказалъ онъ товарищу:—да не шуми.

Если Гиацинтъ надѣялся спастись, то заблужденіе его оказалось непродолжительнымъ. Друзья очутились во дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами. Мертвыя собаки на висѣлицахъ, съ высунутыми языками, ободранные трупы, вучи свѣжыхъ шкуръ, ручьи кровавой грязи—зрѣлище было неутѣшительное. Арлеиннъ имъ не смутился. Весь поглощенный мыслями о бѣгствѣ, старый бродяга пробирался вдоль стѣны, высматривая, нельзя ли будетъ какъ нибудь изловчиться или воспользоваться счастливою случайностью, чтобы выбраться на свободу.

Добравшись до полуотворенной двери, онъ остановился и посмотрѣлъ на Гиацинта, шедшаго по его слѣдамъ. Повернувшись къ нимъ спиной, сидѣлъ за этою дверью Ла-Дусеръ; онъ курилъ трубку и читалъ газету. Онъ сидѣлъ возлѣ стеклянной двери, отворявшейся на улицу. Тюремщикъ своею толстою особою влотно загораживалъ проходъ. Птавинкамъ не было спасенія.

— Дѣлай по моему, шепнулъ бульдогъ на ухо пуделю. И, притаившись въ тѣни, онъ поволялъ на брѣхъ, и безъ шума подкрался къ тюремщику.

Ла-Дусеръ читалъ *Официальную истину*, придворную газету. Онъ дошелъ до слѣдующаго параграфа, который интересовалъ его особенно сильно:

«Въ числѣ 1.352,000 прошеній, представленныхъ его величеству въ день его восшествія на престолъ, замѣчательно прошеніе подъ № 125,727. Оно составлено обществомъ козровителства животнымъ. Эти чувствительныя души, ежедневно возмущаемыя тѣми жестокостями, которыя обруиваются на животныхъ, просятъ правительство, чтобы бродячихъ собакъ, арестуемыхъ ежедневно, на будущее время не вѣшали, и чтобы этому варварству былъ положенъ конецъ. Общество полагаетъ, что въхъ можно было бы лишать жизни, доставляя имъ безболѣзненную

и даже пріятную смерть, посредствомъ хлороформа или синильной кислоты, и соглашая такимъ образомъ требованія справедливости съ голосомъ человѣчности».

— Чортъ ихъ дери, этихъ филантроповъ! сказалъ тюремщикъ, комкая газету.—Вѣчно они ищутъ вишей на головахъ у бѣдныхъ людей. Дали бъ имъ поскорѣе крестъ, и пускай бы они настъ въ покоѣ оставили! Прошу покорно, развѣ-жъ не справедливо душить теперешнихъ собакъ такъ точно, какъ душили ихъ отцовъ и дѣдовъ? Бѣдная твари! Кабы справились съ ихъ вкусами, я увѣренъ, что онѣ предпочли бы веревку всѣмъ этимъ аптекарскимъ хитростямъ. Къ веревкѣ онѣ ужъ такъ давно привыкли.

Въ ту минуту, когда онъ произносилъ эти слова, огромная масса упала къ нему на шею, и выбросила его на улицу головой впередъ. Разъяренный до крайности, онъ приподнялся, и увидѣлъ вдали двухъ собакъ, бѣжавшихъ прочь во весь опоръ. Онъ хотѣлъ вкнуться за ними, но въ эту минуту вся армія плѣнныхъ собакъ, замѣтивъ дорогу къ свободѣ, пронеслась черезъ открытое окно. Напрасно добрый Ла-Дусеръ звалъ на помощь; лай покрывалъ его крики; всѣ усилія остались бесполезными. Въ этотъ день, по внѣ Арлекина, палачу не было работы и, какъ замѣтила офиціозная газета, на стацию Закона пришлось набросить покрывало.

Х.

Собачья философія.

Арлекинъ бѣжалъ какъ старый волкъ, поджимая хвостъ, а Гіацинтъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы не отстать отъ товарища. Они бѣжали по темнымъ переулкамъ, по узкимъ улицамъ, по пустымъ задворкамъ; наконецъ бульдогъ остановился, высунувъ языкъ, и началъ отдуваться.

— Малютка, сказалъ онъ товарищу:—отдохни. Мы теперь дома.

Они вошли во дворъ фермы, обстроенный съ обѣихъ сторонъ запущенными стойлами и сараями. Передъ ними возвышались огромныя кучи навоза и мусора, среди которыхъ виднѣлись грядки лука, моркови, салада и дынь. Все это было совершенно непохоже на свѣжія зеленныя клумбы дворцоваго сада.

Бульдогъ забилъ лапы и носъ въ кучу грязи, и вытащилъ оттуда нѣсколько костей, на которыхъ еще торчали клочки кроваваго мяса. Затѣмъ, прыгнувъ на навозную кучу, онъ началъ убирать за обѣ скулы открытую добычу. Гіацинтъ, въ это время, подошелъ къ фонтану, и сталъ обмывать свои ободранныя лапы и воспаленную морду.

— Ну ты, привередникъ, заворчалъ старый Арлекинъ:— когда перестанешь полоскаться тамъ, какъ утка, приходи со мною ужинать.

Гіацинтъ изобразилъ на кучу и не безъ удовольствія растянулся на этомъ простомъ деревенскомъ ложѣ.

Онъ взялъ кончиками зубовъ кость, переданную товарищемъ; но онъ былъ такъ утомленъ, и эта новая кухня была ему такъ непривычна, что онъ совсѣмъ не могъ ѣсть.

— Здѣсь твой хозяинъ живетъ? спросилъ онъ у бульдога.

— Милое дитя мое, у меня хозяина нѣтъ, и никакого мнѣ хозяина не нужно. Года два-три тому назадъ, я вошелъ сюда случайно; меня никто не тронулъ; на вторую ночь, я отплатилъ за гостепріимство—оборвалъ ноги любопытнымъ людямъ, перескочившимъ черезъ стѣну посмотреть въ близки, не послѣдъ ли салать. Съ тѣхъ поръ со мною обращаются, какъ съ другомъ дома. Ночью я прогуливаюсь тутъ по огороду, днемъ бѣгаю въ городъ или сплю на своей навозной кучѣ; никто обо мнѣ не тревожится, и я ни о комъ не тревожусь. Въ мои лѣта больше ничего и не требуется.

— Ты, значить, не всегда такъ жилъ? спросилъ Гіацинтъ.

— О, нѣтъ, дитя мое; я былъ молодъ, и, подобно всѣмъ существамъ моей породы, любилъ людей; но негодян давно вылечили меня отъ этого безумія.

— Они тебя колотили, хотѣли убить тебя?

— Кабы одно это, сказалъ Арлекинъ—я бы ихъ до сихъ поръ любилъ. Палочные удары не страшны собачьему сердцу; чловѣкъ золь, это его природа, съ этимъ я бы помирился. Но не могу я ему простить того, что онъ неблагодаренъ и вѣроломненъ. Выслушай мою исторію, и пускай она пойдетъ тебѣ въ прокъ.

«Прежде всего припоминается мнѣ прекрасная молодая дѣвушка, моя воспитательница. Я еще теперь вижу ее, какъ она брала меня на руки, цаловала меня, крошила мнѣ хлѣбъ въ чашку съ молокомъ. И какъ же я ее любилъ! Бывало, чуть завидю милую дѣвушку, сейчасъ прыгать, лаять! Мнѣ такъ пріятно было забавлять ее. Ея удовольствіе было моею жизнью. Наша взаимная вѣжность продолжалась полгода; вдругъ, въ одно прекрасное утро, моя повелительница замѣтила, что я сильно расту и толстѣю; въ тотъ же день она продала меня за два талера сосѣдѣ-мисничихъ. Меня промѣняли на кингъ-чарльса.

«Новая моя госпожа была молодая вдова; мужъ не оставилъ ей ничего, кромѣ мясной лавки. Ей приходилось работать безъ усталы, и меня она выбрала себѣ въ компаньоны по работѣ. Каждое утро, она запрагала меня въ тележку, и мы съ нею бѣгали по городу, собирали заказы, развозили говядину. Ра-

бота была тяжелая, только я не жаловался, и важно поднималъ голову, когда возилъ свой грузъ. Я привязался въ бѣдной женщинѣ, я гордился тою мыслью, что, по моей милости, ея дѣла съ каждымъ днемъ поправляются: я это чувствовалъ по тяжести тележки. Одинъ былъ порокъ у моей масвичихи: очень у нея рука была притка; все бывало кнутомъ поддерживаетъ мое усердіе и награждаетъ за старательность. Я, впрочемъ, за это не сердился; глупъ бываешь, когда любишь. Но, разъ утромъ, свода счеты, барыня моя замѣтила, что у нея хватить денегъ завести себѣ лошадь и мужа, чтобъ они вмѣсто нея мыкались по городу. Меня сейчасъ въ отставку: больше не нуженъ. Я всю силу свою погубилъ на службѣ у моей госпожи: она жъ меня сама и за дверь вышвырнула; я воротился, сталъ нѣжно выжать, она встрѣтила меня палкой и такъ меня обработала, что сосѣди закидали меня камнями, стараясь мнѣ внушить, что въ благоустроенномъ городѣ никто не имѣетъ право быть, когда его колотятъ.

«Испытаніе должно было бы меня исправить; но я былъ глупъ: жить не могъ безъ привязанности; черезъ нѣсколько дней, я уже носилъ хлѣбъ одной булочницѣ; она меня кормила плохо, а была часто; но у нея былъ ребенокъ—тотъ игралъ со мною: съ меня было довольно; я забывалъ свои огорченія. Работалъ я на своихъ новыхъ господъ года два; вдругъ карета наѣхала на нашъ скромный экипажъ и опрокинула его. Мнѣ переломили лапу, и я воротился домой на трехъ ногахъ. Недолго я оставался дома; леченіе мое могло затянуться и стоить денегъ, а булочница была женщина расчетливая, любила беречь про себя свои деньги и свое состраданіе; въ тотъ же вечеръ, она стала гладить меня рукой, и въ то же время набросала мнѣ въ тарелку какихъ-то преапетивныхъ катышекъ. Подбѣжала гураца, влюнула катышку; перья у нея растопырились, она закрыла глаза и тутъ же околѣла. Это заставило меня задуматься; въ ту же ночь, я ушелъ изъ этого неблагодарнаго дома, и рѣшилъ, что никого больше не буду любить. Первая продала, вторая избѣла, третья хотѣла отравить—урокъ былъ вразумителенъ; я простился съ людьми, и сдѣлался волкомъ, чтобы избѣгать и презирать ихъ.

— Ты былъ несчастливъ, сказалъ Падантъ: — несчастіе мѣшаетъ быть справедливымъ. Не всѣ же женщины такіи злодѣями, какъ твои измѣнницы.

— Ошибаешься, дитя, отвѣтилъ Арлекинъ.—Въ этомъ жалкомъ отродѣ не изъ чего выбирать. Самцы и самки, дѣти и взрослые, всѣ измѣнники, всѣ мерзавцы. Прежде всего замѣть, что каждое изъ этихъ двуногихъ животныхъ краснѣетъ

за себя, и всѣмъ средствами старается скрыть убожество и безобразіе своего тѣла. Мы, собаки, сильныя, гибкія, красивыя, изящныя, мы всѣмъ показываемся въ томъ видѣ, какъ насъ создала природа. Съ самаго своего рожденія, человѣкъ уродливъ, голъ, безсиленъ. Ему необходимы чужая кожа и посторонняя помощь. Что бы съ нимъ случилось, кабы онъ на нашъ счетъ не одѣвался и не согрѣвался? Вотъ на гуляніи любятъ женщины, ты, можешь быть, бѣжишь за нею слѣдомъ, не ты подумалъ ли, во что намъ обходится ея красота? Ты высчиталъ ли, сколько человѣкъ зарѣзываетъ животныхъ, своихъ братьевъ, чтобы составить полный уборъ этой себялюбивой самки? Перья, мѣха, муфта, перчатки, обувь, зонтикъ—все добыто убійствомъ. Все, даже и тѣ помады, которыми она, утромъ и вечеромъ, мазать себѣ лану и морду. Чистѣйшія составныя части нашей крови доставляютъ свѣжесть ея кожѣ. Ахъ! кабы звѣри могли сговориться, они давно истребили бы это жестокое и коварное племя, которое живетъ исключительно измѣной и кровопролитіемъ.

— Волки поступаютъ точно также, сказалъ Гиацинтъ.

— Твоя правда, сынъ мой, сказалъ Арлекинъ:—и кабы люди воевали только съ другими животными, я бы, можетъ быть, имѣлъ слабость ихъ извинить. Я бы подумалъ, что природа сотворила ихъ плотоядными и что они не могутъ сопротивляться свирѣности своего инстинкта. Но имъ этого мало, что они отнимаютъ жизнь у насъ; для полноты блаженства имъ еще необходимо убивать другъ друга. Волки не ѣдятъ волковъ, но для человѣка величайшее удовольствіе напасть враслохъ на своего ближняго и зарѣзать его. Четыреста тысячъ Ротозѣвъ, цѣлыя юности, упражняются каждое утро въ искусствѣ истреблять сосѣдей и друзей, Остолоповъ; шестьсотъ тысячъ Остолоповъ, надежда будущаго, проводятъ прекраснѣйшія годы своей жизни, съ трудомъ изучая удобнѣйшія средства отправлять на тотъ свѣтъ всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей, Ротозѣвъ. Земля—садъ, предлагающій свои плоды; люди превратили ее въ бойню. Гдѣ они проходятъ, тамъ остается кровавый слѣдъ. Еслибы еще побѣдитель съѣдалъ того, кого онъ рѣжетъ, я бы понималъ его жестокость; охотникъ живетъ своею дичью. Да не тутъ-то было!

«Они рѣжутся безъ надобности, изъ удовольствія, чтобы надшаться ароматомъ бойни. Чуть произошла драка между двумя арміями, начальники уже протягиваютъ другъ другу руки, прежде чѣмъ успѣютъ похоронить трупы. Съ обѣихъ сторонъ обмѣниваются поздравленіями, обнимаются, звонятъ въ колокола, стрѣляютъ изъ пушекъ, всѣ радуются и ликуютъ, и забываютъ только мертвецовъ, да тѣхъ, кто надъ ними остался плакать.»

— Но, сказалъ Гіацинтъ:—если люди такъ злы, народъ къ народу, то какииъ же образомъ они могутъ жить въ одной странѣ, не убивая другъ друга?

— Я знаю только Ротозѣвъ, отвѣтилъ Арлекинъ:—и тутъ не трудно увидать, какииъ средствами между ними поддерживаютъ миръ. Тутъ двѣ отдѣльными расы, побѣдители и побѣжденные, завоеватели и рабы.

— Кто тебѣ это сказалъ? спросилъ Гіацинтъ.

— Собственными глазами видѣлъ. Ты развѣ не замѣтилъ, что у Ротозѣвъ одни носятъ рогатыя шляпы, а другіе круглыя. У первыхъ шпага на боку, мундиръ и ордена; у вторыхъ фракъ, спортуки или пальто; первые держатъ голову высоко, говорятъ громко, приказываютъ:—это господа; другіе опускаютъ голову, говорятъ тихо и повинуются—это рабы. Побѣжденные работаютъ для всѣхъ, а побѣдители поддерживаютъ порядокъ.

Гіацинтъ посмотрѣлъ на товарища; такое невѣжество изумило его, даже со стороны собаки; онъ счелъ удобнымъ вступить въ борьбу съ ложными идеями Арлекина.

— Любезный товарищъ, сказалъ онъ:—тутъ, мнѣ кажется, нѣтъ ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей, ни рабовъ, ни завоевателей. Люди, какъ я слыхалъ, повинуются особому правилу, тому, что они называютъ закономъ, и во всякой странѣ есть чиновники, чтобы поддерживать господство этого закона.

— Коли это правда, дитя мое, значить, люди еще болѣе злы, чѣмъ я думалъ. Какъ! Половинѣ націи надо постоянно носить оружіе, чтобы другая половинка вела себя честно? Развѣ у насъ, у собакъ, есть чиновники, рогатыя шляпы, шпаги? И однакоже мы живемъ мирно; величайшія наши ссоры кончаются тѣмъ, что только покусаемся. Такъ точно поступаютъ быки, бараны, даже волки и лисицы. Изъ всѣхъ животныхъ только одного человѣка надо водить въ намордникъ и бить, чтобы онъ не съѣлъ своего же брата. О, поганое племя, рожденное на погибель міру, прогнанаю тебя!

— Знаешь, сказалъ Гіацинтъ:—слушай тебя, я начинаю ненавидѣть родъ человѣчскій.

— Коли ты такъ думаешь, бѣдное дитя, ты не знаешь твоей слабости. Тобой овладѣетъ первая женщина, которая тебя приласкаетъ, первый мужчина, который тебѣ польститъ. Ты также точно поддашься на обманъ, какъ поддался я. Нашъ братъ, бѣдная собака, родится на свѣтъ съ потребностью любить, которая насъ губитъ. Житейскій опытъ вырываетъ у насъ нашу послѣднюю надежду только тогда, когда нашему сердцу нанесены десятки кровавыхъ ранъ, и тогда...

— Что же тогда? спросил Гиацинтъ.

— Тогда надо молчать, забиться въ уголь, и околёть.

Съ этими словами, старшій Арлекинъ положилъ морду на вытнутыя лапы, и замолчалъ.

Гиацинтъ печально посмотрѣлъ на луну, поднимавшуюся на горизонтѣ, но онъ недолго предавался своимъ мрачнымъ размышленіямъ; его утомленные глаза закрылись, и свернувшись въ клубокъ, онъ захрапѣлъ рядомъ съ товарищемъ.

XI.

На другой день, проснувшись довольно поздно, Гиацинтъ видитъ въ окнѣ одной лачужки красивое лицо молодой дѣвушки. Слворецъ въ клѣткѣ за окномъ называетъ эту дѣвушку «Жирофле», и Гиацинтъ догадывается, что видитъ передъ собою возлюбленную молодого солдата Нарциса. Жирофле видитъ пуделя; онъ ей нравится, и она приманиваетъ его къ себѣ, вводитъ его къ себѣ въ комнату, начинаетъ его ласкать, и разговариваетъ о Нарцисѣ.

Приходитъ ея отецъ, слесарь Лапуэнтъ, и начинаетъ жаловаться на дороговизну, на тяжелыя времена, и на распоряженія правительства, которое забираетъ въ солдаты молодыхъ работниковъ и потомъ беретъ у гражданъ деньги, чтобы кормить эту молодежь, оторванную отъ работы. Старшій Лапуэнтъ особенно досадуетъ на то, что у него отняли Нарциса, его ученика и помощника.

Гиацинта слесарь пристравляетъ къ работѣ: онъ заставляетъ его, какъ бѣлку, бѣгать въ колесѣ и приводить такимъ образомъ въ движеніе раздувательныя мѣхи. Гиацинтъ, работая до изнеможения, напоминаетъ слова Арлекина, и начиниетъ рассказывать въ томъ, что поддался ласкамъ молодой красавицы.

Вечеромъ, за ужиномъ, старшій заговариваетъ съ дочерью о томъ, что служитель дворцоваго сада, г. Лелу, проситъ ея руки, и обѣщаетъ доставить своему будущему тестю выгодное мѣсто.

Жирофле говорятъ, что никогда не приметъ предложенія г. Лелу. Старшій сжимаетъ кулаки, подходитъ къ дочери, но не осмѣливается ея тронуть, и вымещаетъ свою досаду на пуделѣ, поповишемся ему на глаза.

Въ это время Нарцисъ приходитъ проститься съ Жирофле. Прощаніе въ присутствіи раздраженнаго отца выходитъ натапнутое и печальное.

Послѣ ухода Нарциса, Гиацинта опять на нѣсколько часовъ сажаютъ въ колесо. Потомъ Гиацинтъ засыпаетъ, видитъ во снѣ

всѣ разнообразныя сцены, пережитыя имъ въ теченіе послѣднихъ дней, и просыпается, къ величайшему своему удовольствію, у себя во дворцѣ, на постели, подъ шелковымъ балдахинномъ. Королева-мать сидитъ у его изголовья.

ХІІ.

О политическомъ вліяніи собакъ у ротозѣевъ.

— О, маменька, вскрикнулъ Гіацинтъ:—какой я сонъ видѣлъ!

— Молчи, дитя мое, сказала королева.— Не говори объ этомъ, тутъ идетъ дѣло о твоей жизни и моей. Могу тебѣ сказать только то, что я одна входила въ твою комнату, и что, если тутъ есть какая нибудь тайна, то она останется между нами. Народъ узнаетъ только то, что ему скажемъ. Вотъ *Официальная истина*. Она извѣстила, что эти два дня ты былъ боленъ.

— Маменька, сказалъ Гіацинтъ, пробѣжавъ высокопарное извѣстіе газеты:—неужелижъ вы это написали?

— Сынъ мой, кавалеръ Пиборнъ, нашъ главный редакторъ, узнавъ о твоей болѣзни, напечаталъ эти строки въ *Официальной истинѣ*.

— Да вѣдь это ложь!

— Мой сынъ! сказала королева улыбаясь:—не употребляй никогда этого дурнаго слова. Въ политикѣ нѣтъ ни лжи, ни истины; все условно, какъ въ комедіи. Ротозѣи не требуютъ, чтобы имъ говорили правду; они ее боятся; они хотятъ, чтобы ихъ тѣшили. Имъ подаютъ блюда по ихъ вкусу. Эта маленькая статья приведетъ ихъ въ восторгъ; вреда она никому не сдѣлаетъ. Что можетъ быть невиннѣе?

— Маменька, печально проговорилъ Гіацинтъ: — вы меня учили, что надо всегда говорить правду.

— Конечно, сынъ мой. Ложь недостойна благороднаго человѣка, а короля тѣмъ болѣе. Правду надо говорить ближнему, но народу — дѣло другое. Народъ — дитя. Надо прикрашивать истину для его же пользы, чтобы онъ былъ спокоенъ и слушался.

— Стало быть, существуютъ двѣ нравственности?

— Спроси у министровъ, милое мое дитя. Теперь время засѣданія, и они уже два дня ждутъ тебя. А я знаю только одно — я тебя люблю и обнимаю. Прощай, философъ мой прекрасный!

Поднявшись на ноги, Гіацинтъ взялъ хлыстъ и прямо пошелъ въ ту комнату, гдѣ жили его собаки. Увидѣвъ его, вся стаа пришла въ волненіе; поднялся визгъ, лай; начались всевозможныя вѣжности. Гіацинта особенно изумило то, что воротившись

къ человѣческому образу, онъ еще понималъ языкъ собакъ. Любопытство обезоружило его, и вмѣсто того, чтобы отпореть хлыстомъ неблагодарный народъ, напѣвавшій ему въ тяжелую минуту, онъ прислушивался къ его толкамъ и возгласамъ.

— Это хованинъ, говорила болонка, оснивая его ласками.

— Можетъ быть, у него лежитъ сахаръ въ карманѣ, шептала особенно нѣжная левретка.

— У него хлысть, лагалъ борзой кобель, лизавшій ему руку.

Гіацинтъ ударомъ хлыста раздѣлался съ этою раболѣпною толпою, и вошелъ въ залу совѣта.

Тушь-а-Ту, Плёраръ и Пиборнъ тотчасъ встали; они бросились къ Гіацинту съ такою поспѣшностью, наговорили ему столько привѣтствій, стали хватать его за руки съ такимъ жаромъ, что Гіацинтъ невольно припомнилъ своихъ собакъ; но онъ подавилъ въ себѣ эту непримичную мысль, и самымъ ласковымъ образомъ поблагодарилъ министровъ за ихъ заботливость о его здоровьѣ.

Когда открылось засѣданіе, графъ Тушь-а-Ту представилъ къ подписи пятьсотъ назначеній, напечатанныхъ за два дня. Гіацинтъ начиналъ понимать свое ремесло. Онъ взялъ перо и сталъ подписывать не читая. Подписывая, онъ разговаривалъ съ министрами, которыхъ приводила въ восторгъ его податливость.

— Графъ Тушь-а-Ту, сказалъ онъ:—приготовьте мнѣ, прошу васъ, еще одинъ декретъ. Во дворцѣ есть безполезная стая собакъ, я ее уничтожаю. Я хочу, чтобы, черезъ часъ, меня избавили отъ этихъ животныхъ.

— Государь, сказалъ графъ самымъ серьезнымъ тономъ:—желаніе ваше не можетъ исполниться такъ скоро. Это важное дѣло. Тутъ замѣшаны интересы, съ которыми надо обходиться бережно. Нужно время.

— Какъ! вскрикнулъ Гіацинтъ:—я, король, не имѣю права прогнать моихъ собакъ?

— Государь, тутъ есть капитанъ псарни и два помощника. Это чиновники, и они ни въ чемъ не провинились. Администрація имѣетъ въ отношеніи къ нимъ свои обязательства.

— И прекрасно, сказалъ король.—Я никого не хочу обижать. Собакъ отправьте къ чорту, а за капитаномъ оставьте и титулъ и жалованье.

— Это невозможно, сказалъ Тушь-а-Ту:—жалованья безъ должности не можетъ быть; это было бы незаконно. Законъ на этотъ счетъ выражается положительно.

— Стало быть, сказалъ Гіацинтъ, начиная терять терпѣніе:—я долженъ буду оставить у себя этихъ собакъ противъ моей воли,

для удовольствія г. капитана псарни и его двоихъ помощниковъ?

— Умоляю васъ выслушать меня снисходительно, отвѣтилъ мудрый министръ. — Вы изволите усмотрѣть, что, подвергая себя опасности васъ прогнѣвать, я отстаиваю величайшій принципъ и такимъ образомъ исполняю священнѣйшую изъ моихъ обязанностей.

— Что такое! сказалъ Гіацинтъ съ презрѣніемъ. — Мой тронъ пошатнется, если я закрою свою псарню?

— Государь, въ политикѣ нѣтъ мелочей. Монархія Ротозѣвъ обязана своимъ величіемъ той централизаци, которая возбуждаетъ зависть всего міра. Администрація — обширная сѣть, которая, своими частыми петлями, опутываетъ и связываетъ самаго значительнаго и самаго смрпеннаго изъ вашихъ подданныхъ. Оборвите одинъ узелъ—все пролѣзетъ въ дыру, всякій будетъ дѣлать, что хочетъ.

— И мы перестанемъ быть Ротозѣями, сказалъ баронъ Плѣраръ голосомъ негодующаго патриотизма.

— Но администрація, продолжалъ Тушь-а-Ту: — не химерическая отвлеченность; это — живое тѣло, сосредоточивающее въ себѣ всѣ знанія, всю энергію, всю волю націи; это—гражданская армія съ своимъ особымъ духомъ, съ своею честью, своими традиціями, своею законною гордостью и щекотливостью. Надо беречь эту армію, государь; она вамъ нужна наравнѣ съ вашими солдатами. Капитанъ псарни — человекъ маленькій, но, какой бы онъ маленькій ни былъ, разъ какъ онъ составляетъ часть администраціи, онъ долженъ быть огражденъ. Къ нему нельзя прикоснуться, не приводя въ смущеніе всѣхъ слугъ государства. Во сто разъ лучше удержать бесполезную должность, чѣмъ выгнать въ отставку чиновника и оскорбить ту армію, которая приняла его въ свои ряды.

— А народъ плати! Вы объ этомъ подумали? спросилъ Гіацинтъ.

— Народъ долженъ платить, онъ на то созданъ, сказалъ баронъ Плѣраръ, съ изумленіемъ глядя на Гіацинтъ.

— Государь, снова заговорилъ Тушь-а-Ту:—я не буду проводить наши принципы съ тою строгостью, какою обнаруживаетъ мой достопочтенный товарищъ. Вы имѣете достаточныя основанія шадить свой народъ и не налагать на него ненужныя тяжести; но изъ двухъ неудобствъ слѣдуетъ выбирать меньшее. Нѣсколько милліоновъ, уплачиваемыхъ толпою безъ особенныхъ затрудненій, что же это можетъ значить въ сравненіи съ интересами и правами администраціи?

— Арлекинъ, восселикнулъ король:—твоя правда: въ моей державѣ два народа.

Министры переглянулись. Арлекинъ небезызвѣстенъ Ротозѣямъ: онъ иногда появляется на театральныхъ подмосткахъ, но нѣтъ обычая призывать его въ качествѣ политическаго авторитета.

— Государь, сказалъ Тушь-а-Ту: — вы можете положиться на мое усердіе; въ непродолжительномъ времени все будетъ устроено къ вашему совершенному удовольствію. Для этихъ трехъ чиновниковъ придумаютъ новыя должности, и будетъ найдена возможность перемѣстить ихъ съ повышеніемъ.

— Очень хорошо, милостивый государь, сухо сказалъ молодой король.—Я вижу, что администрація держитъ у себя подъ опекой государя вмѣстѣ съ народомъ. Царствуетъ она, а не я. При случаѣ, я это припомню. Перейдемъ къ очереднымъ дѣламъ.

Министръ выбралъ нѣсколько кипъ бумагъ, пересмотрѣлъ ихъ, привелъ въ порядокъ, и заговорилъ самымъ торжественнымъ тономъ:

«Государь, ваши незабвенные предки, эти великіе законодатели, такъ долго умѣряли, направляли и регламентировали дѣятельность вашихъ народовъ, что послѣ нихъ намъ остается только подбирать забытые колосья. Но, если ничто не укрылось отъ ихъ изобрѣтательной предусмотрительности, если они подвели подъ ранжиръ людей и ихъ занятія, то истина вынуждаетъ меня сказать, что они совершенно забыли одинъ изъ главныхъ элементовъ общества, животныхъ, и прежде всего, собакъ, которыя, только что сейчасъ, обращали на себя просвѣщенное вниманіе ваше.

«Чтобы пополнить этотъ политическій пробѣлъ, мы уже кое-что сдѣлали. Собаки занумерованы и подвергнуты патентному сбору, подобно гражданамъ. Требованія равенства удовлетворены. Но можно и должно идти дальше. Тутъ открывается поле для самыхъ плодотворныхъ опытовъ. Мы можемъ испробовать надъ собачьею породою всѣ усовершенствованія, которыми впоследствии воспользуется человѣчество.

«Для вступленія на этотъ новый путь, я повергаю на разсмотрѣніе ваше слѣдующій проектъ закона. Это первый опытъ законодательной физиологін.

«Проектъ закона по части усовершенствованія и обновленія собачьей породы.

«Гіацинтъ, милостью судьбы и покровительствомъ фей, и проч. и проч.

«Принимая во вниманіе, что, по новѣйшимъ открытіямъ науки,

подборъ составляетъ естественное средство улучшать и обновлять породы;

«принимая во вниманіе, что, если еще не найдена метода для пригнѣнія этого средства къ роду человѣческому, то тѣмъ болѣе необходимо испробовать оное на собачьемъ племени;

«принимая во вниманіе, что страна Ротозѣвъ издревле славится своими породами собакъ, что въ ней находятся прекраснѣйшіе типы гончихъ, лягавыхъ, сторожевыхъ, таксъ, овчаровъ, бишоновъ, грифоновъ, датскихъ собакъ, и проч.;

«принимая во вниманіе, что необходимо воспребитствовать на будущее время блудодѣйственнымъ смѣшеніямъ, возвращающимъ и оскверняющимъ чистоту типовъ —

«повелѣваемъ, дабы со дня обнародованія сего закона, полиція схватывала и истребляла административнымъ порядкомъ буйственные и грубые породы, низшія или смѣшанныя расы, какъ-то: волкодавовъ, дворовыхъ, бульдоговъ, пуделей, барлиновъ и проч., а также всѣхъ животныхъ сомнительной масти, которыя не въ состояніи будутъ доказывать чистоту своей крови и благородство своей генеалогіи».

— Государь, прибавилъ министр:—въ этой мѣрѣ заключается политическая мысль, которая не укроется отъ пронидательности вашей. Когда мы приложимъ подборъ къ собакамъ, къ лошадямъ, къ осламъ, къ коровамъ, къ козамъ, къ овцамъ, къ курамъ, къ голубямъ, къ уткамъ, къ индѣйкамъ и къ гусямъ, когда въ ванихъ владѣніяхъ всѣ расы будутъ утонченныя, аристократическія, изящныя и послушныя, тогда великолѣпіе этого зрѣлища заставитъ Ротозѣвъ почувствовать, что отеческое правительство не должно останавливаться на животныхъ, и что ему подобаетъ регулировать человѣческіе союзы, чтобы поддерживать въ королевствѣ чистоту и благородство крови: прида къ этому пункту, мы въ самомъ дѣлѣ будемъ первымъ народомъ земли, достойными подданными государя, которому феи, его крестьянныя матери, дали въ удѣлъ грацію и красоту.

Послѣ этой краснорѣчивой тирады, Тушъ-а-Ту остановился, сіяя самодовольствомъ, и выжидая ту справедливую дань похвалы, которая была заслужена такою новою и глубокою политикою.

Гіацинтъ долго не говорилъ ни слова. Онъ былъ блѣденъ. Губы его дрожали.

— Милостивый государь, заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ: — я желаю думать, что вы говорили серьезно. Манія регламентировать мѣшаетъ вамъ видѣть, какъ много въ этомъ проектѣ гнуснаго и смѣшнаго. Вы такъ часто произвольно расширялись людьми, что вы находите совершенно естественнымъ поступать такъ

же безцеремонно со всѣми остальными созданіями. Съ какого права вы осуждаете на смерть беззащитныя существа, которыя Богъ далъ вамъ въ товарищи и довѣрилъ вашему милосердію? Какъ! для испытанія системы вы будете хладнокровно проливать кровь несчастныхъ? Сердце говоритъ мнѣ, что не такъ управляютъ государствомъ. Первая обязанность государя уважать, пахать все, что его окружаетъ, оставлять жизнь всему живому. Не тушите этого свѣточа, котораго вы не можете снова зажечь. Въ чемъ вина этихъ бѣдныхъ животныхъ? Въ ихъ безобразіи? Это не беззаконіе. Въ ихъ вѣрности? Это не преступленіе. Не оскорбляетъ ли васъ, чего добраго, ихъ независимость? Вы, быть можетъ, уже на столько поработили людей, что не можете терпѣть даже свободу собакъ?

— Изумительно, воскликнулъ Пиборнъ вставая: — неподобно! Если я нарушаю приличія, прошу простить меня. Я не разсматриваю дѣла по существу — это мнѣ все едино; но форма, но движеніе, но выборъ словъ, но иронія! Ахъ, государь, счастье наше, что вы король, а то вы затмили бы всѣхъ адвокатовъ!

Тузъ-а-Ту, нераздѣлявшій восторга Пиборна, холодно посмотрѣлъ на короля, и сказалъ назидательнымъ тономъ:

— Государь, мы можемъ только рукоплескать великодушнымъ чувствамъ вашимъ. Было бы достойно сожалѣнія, еслибы, въ ваши лѣта, государь, ваше сердце не пылало этимъ священнымъ огнемъ. Но опытъ перерабатываетъ эти обманчивыя иллюзіи; вы узнаете, что политика не имѣетъ ничего общаго съ человѣколюбіемъ. Расточая золото и кровь народовъ, ваши предки дѣлали великія дѣла; внуки восторгаются тѣми, кто посыпалъ на смерть дѣдовъ. Потомство обожаетъ только завоевателей. Не слѣдуетъ обольщаться ложнымъ милосердіемъ; съ народами надо поступать круто; они кусаютъ руку, которая ихъ ласкаетъ; они лижутъ руку, которая ихъ давитъ. Исторія представить вамъ доказательства.

«Оставимъ же, слѣдовательно, въ сторонѣ эти суетныя ввѣщенія человѣколюбія. Въ политикѣ, какъ въ медицинѣ, человѣкъ вадаетъ въ обморокъ, когда въ первый разъ проливаетъ кровь, но великимъ политикомъ и великимъ медикомъ является только тотъ, кто закаляетъ свое сердце къ чужимъ страданіямъ, и видитъ только цѣль, лежащую передъ нимъ.

«Обратимся теперь къ закону, смутившему васъ. Помогать природѣ, устраняя нѣкоторыя особи и совершенствуя такимъ образомъ породу, осуществлять высшія концепціи новѣйшей философіи — это не угодно вамъ. Вы опасаетесь системъ. Пусть такъ! Останемся на чисто-практической почвѣ; будемъ забо-

тятся исключительно объ интересах нынѣшняго дня. Есть несомнѣнная причина для того, чтобы принять героическое рѣшеніе. Вотъ она, эта причина.

«Если вамъ угодно будетъ бросить взоръ на эти бумаги, вы увидите, что полиція напала на слѣдъ отвратительнаго заговора. Люди, у которыхъ нѣтъ ничего святаго, условились предать городъ врагамъ самаго ужаснаго сорта. Чижовка, тюрьма бродячихъ и подозрительныхъ собакъ, подрита; этихъ злодѣевъ спустили на мирныхъ гражданъ. Ужась царствуетъ повсемѣстно. Къ счастью, полиція не дремлетъ, она выслѣживаетъ виновныхъ; злоумышленники скоро испытаютъ на себѣ всю строгость законовъ.

— Это ужасно, это возмутительно, закричалъ баронъ Пльбаръ.

— Это просто смѣшно, холодно сказалъ Гіацинтъ. — Что за шумъ, что за суматоха изъ-за того, что собаки пробѣжали черезъ дыру!

— Да, сказалъ баронъ: — но кто вырылъ эту дыру? Въ этомъ вся сущность дѣла.

— Инспекторы, сказалъ Тушъ-а-Ту:—несогласны между собою касательно употребленныхъ орудій; но они единодушно показываютъ, что дѣло сдѣлано рукою человѣка, и обнаруживаетъ адскую изобрѣтательность. Полагаютъ даже, что тюремщикъ дѣйствовалъ заодно съ заговорщиками, и требуютъ его смѣщенія.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! сказалъ Гіацинтъ, пожимая плечами. — Коли на это нужны инспекція и администрація, такъ это самая бесполезная трата. Успокойтесь, господа, заговора никакого нѣтъ. Эти собаки, которыхъ вы такъ развязно устраняете, оказались умнѣ вашихъ инспекторовъ, сами прорыли себѣ яму, и убѣжали.

— Государь, сказалъ Тушъ-а-Ту довольно угрюмо: — у меня тутъ доклады. Администрація рѣшаетъ не на основаніи предположеній болѣе или менѣе остроумныхъ. Инспекторы были на мѣстѣ и все видѣли собственными глазами.

— Ну! и я тоже все видѣлъ! закричалъ раздраженный Гіацинтъ. — Васъ это изумляетъ, господинъ министръ. Да, я лучше вашей полиціи знаю, что дѣлалось въ чижовкѣ; я знаю и то, что вамъ, быть можетъ, неизвѣстно: третьяго дня туда посадили левретку горничной вашей дочери.

— Точно такъ, государь, сказалъ изумленный Тушъ-а-Ту.

— Я знаю, что капитанъ Яворъ-Пустоцвѣтъ жаловался на тюремщика Ла-Дусера главнокомандующему нашихъ армій.

— И это вѣрно, сказалъ Тушъ-а-Ту, совершенно озадаченный.

— И я знаю такъ же вѣрно, что двѣ собаки, которыхъ я вамъ не назову, вырли этотъ адскій подвѣсъ, и сбили съ толку вашу полицію и вашихъ инспекторовъ.

— Слава королю! весело закричалъ Пиборнъ. — Гіацинтъ затѣваетъ Калифа Вагдаскаго.

Тушь-а-Ту непривѣтливо посмотрѣлъ на адвоката, и какъ упрямый и отчаянный игрокъ, поставилъ все на послѣднюю карту.

— Если собаки, заговорилъ онъ:—достаточно умны, чтобы безъ посторонней помощи разрушить тѣ тюрьмы, въ которыхъ ихъ заключаетъ законъ, то необходимо покончить дѣло съ этими новыми матежниками. Въ противномъ случаѣ, отъ нихъ можно опасаться всего; это видно изъ слѣдующаго доклада, полученнаго мною сегодня утромъ:

«Генеральный инспекторъ королевскихъ садовъ имѣетъ честь доложить его превосходительству господину министру, что третьяго дня, часовъ въ десять утра, смотритель Лелу встрѣтилъ въ саду большую собаку нечистой породы, съ бѣлымъ курчавою шерстью. Такъ-какъ на этомъ животномъ не было ни ошейника, ни намордника, и ничего такого, что составляетъ отличіе добродородной собаки, то очевидно, она могла забраться въ королевскіе сады только по небрежности или при злонамѣренномъ потворствѣ часовыхъ.

«Замѣтивъ, что это животное приставало преимущественно къ дѣтямъ, смотритель Лелу сталъ за нимъ слѣдить, и скоро замѣтилъ въ немъ признаки бѣшенства. У него глаза были мутные, а на губахъ пѣна. Тотчасъ, не думая объ оласности, храбрый Лелу, вооруженный простою тростью, бросился на этого ужаснаго противника. Завязалась жестокая борьба; животное нѣсколько разъ бросалось на упомянутаго Лелу, которому удалось счастливо избѣгнуть укушенія.

«Побѣда осталась за представителемъ власти. Собака, смертельно раненая, выбѣжала на улицу и тамъ испустила послѣдній вздохъ.

«Нельзя не трепетать при мысли о невинныхъ жертвахъ, которыя пострадали бы отъ этого чудовища, еслибы ихъ не спасло самоотверженіе Лелу, который уже не въ первый разъ обнаруживаетъ свою неустрашимость».

— Государь, продолжалъ Тушь-а-Ту: — я изготвилъ декретъ о пожалованіи медали и пенсіи герою, отличившемуся такимъ благороднымъ подвигомъ.

Въ отвѣтъ на эти слова, Гіацинтъ разорвалъ поднесенную ему бумагу.

— Изготовьте, сказалъ онъ:— декретъ объ исключеніи этого Делу изъ службы; онъ безстыдный лгуны, а генеральный инспекторъ— простофиля, и его водять за носъ мошенники.

— Государь, сказалъ Тушъ-а-Ту:— составленъ протоколъ.— Протоколу надо вѣрить, покуда не будетъ доказана его подложность.

— Ну, я и доказываю его подложность, возразилъ Гиацинтъ:— я тамъ былъ, я все видѣлъ; это чудовище — безвреднѣйшій пудель, висколько не бѣшенный; онъ никого не кусалъ, и его никто не убавалъ. Отличная штука, ваша администрація! Постоянно открываетъ то, чего никогда не было!

— Государь, сказалъ Тушъ-а-Ту:— я вижу съ прискорбіемъ, что я моею службою не имѣлъ счастья угодить вамъ и я почти-тѣльнѣйше прошу принять мое прошеніе объ отставкѣ.

— Вы, графъ, напрасно принимаете это дѣло такъ близко къ сердцу. Я не возлагаю на васъ отвѣтственности за ошибки и невѣжество вашего подчиненцаго.

— Государь, я глубоко тронутъ вашими мпостями. Я удаляюсь не по чувству оскорбленнаго самолюбія; я, и всѣ мои домашніе, мы всегда будемъ у ногъ вашихъ. Но я глава администраціи, этого великаго тѣла, которое сдерживаетъ пародъ и поддерживаетъ государство. Съ той минуты, какъ администрацію судать и порицають, съ той минуты, какъ ея непогрѣшимость становится предметомъ сомнѣній — ея господство надъ умами уничтожено, ея сила сокрушена; анархія стучится въ двери, королевская власть подвергается опасности. Я не буду принимать участіе въ этомъ разрушеніи общественныхъ узъ. Я вырѣсь вмѣстѣ съ администраціею, я паду вмѣстѣ съ нею.

— Хорошо, сказалъ король. — Баронъ Плѣраръ, я назначаю васъ на мѣсто графа Тушъ-а-Ту. Изготовьте декретъ.

— Государь, сказалъ баронъ жалобнымъ голосомъ:— моя обязанность повиноваться приказаніямъ вашего величества.

Подписать декретъ, Гиацинтъ вышелъ въ дурномъ расположеніи духа. Министры остались въ залѣ.

— Да безный графъ, сказалъ баронъ:—я преклоняюсь передъ вашею энергіею. Король молодъ; урокъ былъ ему необходимъ. Вы мужественно сказали ему правду.

— Да, сказалъ Тушъ-а-Ту:—и это не помѣшало вамъ принять мое мѣсто.

— Какі! мой добрый другъ, воскликнулъ баронъ:— вы развѣ не понимаете настоящей побудительной причины моихъ поступковъ?... Вы развѣ жь не видите, что этотъ юноша пропитанъ революціонными идеями? Еслибъ я отбавался отъ должности, я

отдалъ бы его на жертву злодѣямъ, которые стали бы распорядиться по своему его невинностью. Я принесъ себя въ жертву, чтобы спасти администрацію.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ графъ ироническимъ тономъ: — я не зналъ, какъ много я вамъ обязанъ, мой несравненный другъ. При первомъ удобномъ случаѣ, вы можете рассчитывать на мою благодарность.

Какъ только Тушъ-а-Ту ушелъ, Пиборнь сталъ кататься со смѣху.

— Онъ не въ духѣ, сказалъ онъ: — и по дѣломъ ему! Мало съ него было дразнить Ротозѣвъ; не могъ онъ собакъ оставить въ покоѣ. Я охотникъ: много лѣтъ здравствовать собакамъ! Онѣ лучше всѣхъ людей! Кабы я бѣгалъ на четверенькахъ, я бы подалъ проектъ, чтобы Гиацинту воздвигнули триумфальную арку и чтобы на ней написали золотыми бузвами:

«Своему спасителю, благодарные пудели».

Пока адвокатъ смѣялся надо всѣмъ, по обычаю своего сословія, отставленный мѣнстръ велъ разговоръ съ главнокомандующимъ. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія онъ воротился твердымъ шагомъ домой, позвалъ къ себѣ дочь, потолоковалъ съ нею и не сталъ улаживаться.

XIII.

SI VIS PACEM, PARA BELLUM*.

Позумленный принятымъ рѣшеніемъ, король ходилъ большими шагами по одному изъ салоновъ своего дворца; онъ раздумывалъ, не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко, принявъ отставку искуснаго и вѣрнаго мѣнстра; онъ начиналъ замѣчать, что въ его вѣнецъ влетено достаточное количество терній. Онъ хотѣлъ посоветоваться съ матерью, но въ это время дежурный камергеръ вручалъ ему визитную карточку, и въ ту же минуту, съ быстротою пушечнаго ядра, ворвался въ комнату главнокомандующій королевскихъ армій, генералъ баронъ Бомба.

Это былъ большой и толстый пятидесятилѣтній человекъ. Походка у него была твердая, грудь впередъ, плечи назадъ, шея неврекловная. Волосы, остриженные подъ гребенку, низкій лобъ, вздернутый носъ, сильно развитыя челюсти, щеки, подпертыя туго застегнутымъ воротникомъ, придавали генералу видъ не очень любезный, который, однако, не произвелъ на короля не-

* Если желаешь мира, готовься къ войнѣ.

пріятнаго впечатлѣнія. Онъ нашель въ немъ нѣкоторое сходство съ своимъ старымъ другомъ Арлевиномъ.

— Государь, заговорилъ баронъ громкимъ голосомъ: — прошу прощенія, что вхожу такъ стремительно. Я получилъ такіа извѣстія, которыя обязанъ немедленно сообщить моему королю. Я шелъ съ ними къ графу Тушъ-а-Ту, но вдругъ узналъ, что онъ уже не у дѣла. Я взялъ на себя смѣлость нарушить этикетъ. Когда король выслушаетъ меня, онъ меня извинитъ.

— Говорите, генераль; вы меня пугаете. Развѣ государство находится въ опасности?

— Да, государь, надъ вашимъ величествомъ глумятся; націю Ротозѣвъ оскорбляютъ. Король Остолоповъ не знаетъ предѣловъ своей дерзости. У меня въ рукахъ всѣ доказательства вотъ въ этихъ письмахъ. Да онъ у насъ подавится своими ругательствами, отсохни у него проклятый языкъ. Винавать, государь, а старый солдатъ, не умѣю полировать выраженія.

— Хорошо, сказалъ Пяццинтъ, улыбаясь. — Садитесь, генераль, я васъ слушаю.

— Государь, началъ баронъ: — королева, ваша родительница, сохрани ее Создатель, великая и мудрая государыня! Но въ теченіе шести лѣтъ она только о томъ и думаетъ, чтобы жить въ мирѣ со всѣми сосѣдами. И что же изъ этого вышло? То, что я предсказывалъ. Эти шельмы Остолопы работали, фабриковали, покупали, продавали, разбогатѣли; раслодились они, какъ кролики, и теперь эти господа насъ въ грошъ не ставятъ. Смѣютъ говорить, насъ-моль такъ же много, да мы-де такіе же храбрые, да коли вы, Ротозѣи, въ наши дѣла будете соваться, такъ мы вамъ покажемъ виды.

— И васъ это тревожить, генераль?

— Не тревожить, государь, а только мнѣ досадно. Коли эти прохвосты будутъ у себя хозяевами, тогда мы перестанемъ быть великою націею. Передъ Ротозѣями, значить, уже не трясцетъ земля; мы унижены.

— Вы такъ думаете, любезный мой баронъ?

— Государь, это общій голосъ. Вотъ уже шесть лѣтъ держать подъ ружьемъ пятьсотъ тысячъ человекъ; ихъ одолѣваетъ нетерпѣніе. Шестъ лѣтъ офицерамъ нѣтъ производства; армія скучаетъ; армія чувствуетъ себя униженною. Прошу васъ выкинуть; такъ не можетъ продолжаться; ружья выстрѣлятъ сами собою.

— Но, генераль, я долженъ щадить мой народъ, я не могу вести войну потому, что благоденствіе моихъ сосѣдей растеть, и что мои офицеры хотятъ производства. Нужна же, по крайней мѣрѣ, причина.

— Я уже докладывалъ, что король Остолоповъ произнесъ дерзкія слова. Долженъ ли я буду повторить его гнусныя выходки?

— Чтобы обидѣться ими, сказалъ Гіацинтъ: — долженъ же я итъ знать?

— Государь, эти конфиденціальныя письма извѣщаютъ меня, что, узнавъ о вашемъ нездоровьѣ, король Остолоповъ, послѣ обѣда, сказалъ своему брату, великому герцогу, въ присутствіи своихъ адъютантовъ: «Что вы думаете объ этомъ крестникѣ фея? Падаеть въ обморокъ отъ фейерверка!» А великій герцогъ отвѣчалъ: «я бы не прочь былъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этимъ молодчикомъ. У меня, должно быть, на ладони больше волосъ, чѣмъ у этого молокососа на подбородкѣ».

— Онъ сказалъ: «у этого молокососа!» вскрикнулъ Гіацинтъ вставая, весь блѣдный отъ гнѣва.

— Да, разрази его громъ! онъ сказалъ: у этого молокососа. Газеты повторяютъ, армія узнаеть, народъ Ротовѣвъ увидать, что его оскорбляютъ въ особѣ вашей.

— А! великій герцогъ хочетъ встрѣтиться со мною лицомъ къ лицу, сказалъ Гіацинтъ, стиснувъ зубы: — мы доставимъ ему это удовольствіе, и скоро.

— Bravo, государь! закричалъ баронъ Бомба: — вы достойный сынъ вашего неустрашимаго родителя! Не будемъ терять ни минуты. Все готово: арсеналы переполнены снарядами, въ магазинахъ всего вдоволь, армія укомплектована; безъ малѣйшаго труда можно собрать триста тысячъ челоуѣкъ на границѣ, и захватить врага въ раслохъ. Вамъ надо же показаться жителямъ провинцій. Извольте ускорить ваше путешествіе. Я сосредоточу войска, будто для смотра, и вдругъ, когда противникъ судеть чувствовать себя въ полной безопасности, ему отправить громовой ультиматумъ, на него бросятся, его раздавятъ. О, государь, когда въ вашихъ юныхъ рукахъ будетъ развѣваться по вѣтру наше старое знамя, казая радость вашему народу! Какіе восторги въ арміи! Какой всеобщій энтузіазмъ! Государь, при этой мысли я невольно плачу; позвольте старому солдату васъ обнять.

— Благодарю, генераль. Я подъ вашимъ начальствомъ хочу сдѣлать мою первую кампанію. Не выдавайте нашей тайны и все приготовьте. Мы отправимся, когда вамъ будетъ угодно.

— Завтра же. Будьте увѣрены, я, какъ тѣнь, ее отстану отъ васъ ни на шагъ. Но дозвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ. Тамъ васъ хватить на все, но здѣсь необходимъ умъ твердый и рѣшительный, который не далъ бы охладѣть народному воодушевленію, и, въ случаѣ надобности, заставилъ бы страну выста-

вить въ поле послѣдняго человѣка и выдать послѣднюю копейку. Общественное мнѣніе указываетъ на одного человѣка, способнаго выполнить это трудное дѣло — на графа Тушь-а-Ту.

— Не говорите мнѣ о пемъ, сказалъ Гіацинтъ. — Графъ оскорбилъ меня своимъ высокомѣріемъ.

— Государь, простите стараго солдата; графъ держитъ всю администрацію въ рукахъ; онъ одинъ...

— Довольно, генераль; до завтра.

Прямо отъ короля, суровый воинъ побѣжалъ въ одинъ домъ, гдѣ ждалъ его отставной министръ.

— Побѣда, любезнѣйшій графъ, сказалъ онъ. — «Молокосось» надѣлалъ чудесъ: война рѣшена; ребенокъ у насъ въ рукахъ, и мы его вышколимъ по своему.

— А мое мѣсто? спросилъ Тушь-а-Ту.

— Возня была. Государь оскорбленъ вашею отставкой. Я, впрочемъ, надѣюсь.

— Благодарю, любезный баронъ. Вѣкъ не забуду вашей услуги.

— Рука руку моетъ, любезный другъ, сказалъ генераль. — Вы тоже не забудьте, что вы мнѣ общали. Коли я рискую шкурой, такъ за то я хочу быть княземъ, тамъ ни вѣсть какомъ, и при вняжествѣ чтобъ были большія владѣнія.

— Это ужъ ваше дѣло, весело сказалъ графъ. — Разбейте сначала непріятеля, а на счетъ остальнаго положитесь на меня.

— А вы поскорѣй министромъ-то сдѣлайтесь, сказалъ баронъ. — Мы вѣдь завтра ѣдемъ.

— Будьте покойны, генераль. Все будетъ устроено. Прощайте.

Гіацинту предстояли новыя волненія. Узнавъ объ отставкѣ графа и о воинственныхъ замыслахъ, королева не позволила себѣ ни одного слова укоризны, но она залилась слезами и нѣжно обняла сына. Въ молодости, если человѣкъ любитъ свою мать, такіе аргументы неотразимы. Король, глубоко задумавшись, вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, недовольный другими и самимъ собою; тутъ ему доложили, что виконтесса Тушь-а-Ту проситъ у него аудіенціи и ожидаетъ его въ салонѣ.

Тамариса во дворцѣ! Тамариса, быть можетъ, нуждается въ его помощи! При этой мысли Гіацинтъ поблѣднѣлъ, и когда онъ вошелъ въ залъ, сердце его билось.

Въ черномъ платьѣ, въ кружевной мантильѣ, Тамариса своимъ грустнымъ и смиреннымъ видомъ окончателно сразила короля.

— Государь, сказала она съ глубокимъ поклономъ: — прѣстите смѣлость вашей вѣрнопопданной; я явилась сюда отъ имени моего отца, чтобы исполнить обязанность.

Она остановилась, как будто подавленная страхомъ и благоговѣніемъ. Гиацинтъ былъ принужденъ взять ее за руку, чтобы ее успокоить.

— Государь, продолжала она: — десять лѣтъ тому назадъ король Ротозѣвъ, вашъ незабвенный родитель, возвращаясь изъ своей седьмой кампаніи противъ нашихъ вѣчныхъ враговъ, вручилъ графу Тушь-а-Ту свою боевую шпагу.

«Возьмите это оружіе, любезный мой министръ, сказалъ онъ ему: сохраните его, какъ священный залогъ, и если меня не будетъ въ живыхъ, когда моему сыну минетъ восемнадцать лѣтъ, передайте ему сами эту побѣдоносную шпагу, какъ воспоминаніе о моей нѣжности къ нему, о моей дружбѣ съ вами».

— Эта шпага—вотъ она, продолжала Тамариса.— Отецъ мой долженъ былъ поднести ее вамъ еще двумя годами позднѣе; но такъ-какъ онъ теперь оставляетъ дворъ, и навсегда удаляется въ свои помѣстья, онъ счелъ своимъ долгомъ возвратитъ вамъ теперь этотъ драгоценный залогъ. Если когда-либо, чего Боже упаси! война снова возгорится между обоими народами, пусть это славное оружіе озарится новымъ блескомъ въ рукахъ вашихъ. Это—последнее желаніе моего отца и мое собственное также.

Прекрасная виконтеса сдѣлала второй реверансъ, и потупивъ глаза, она ожидала, чтобы король позволилъ ей удалиться. Гиацинтъ все еще держалъ руку Тамарисы въ своей рукѣ, и обѣ руки дрожали.

— Зачѣмъ графъ хочетъ оставить дворъ? заговорилъ король послѣ непродолжительнаго молчанія. — Мнѣ, быть можетъ, не разъ занадобятся его совѣты.

— Государь, отвѣтила Тамариса:—мой отецъ — человѣкъ античныхъ доблестей; ничто не можетъ поколебать непреломность его принциповъ. Слуга короля и государства, готовый съ радостною гордостью заклать себя на алтарѣ ихъ величія, онъ никогда не согласится подать поводъ къ ослабленію власти. Его присутствіе при дворѣ вызвало бы опасныя сравненія и предосудительныя сожалѣнія: первая обязанность отставнаго министра — заставить о себѣ забыть. Ничего для себя, все для государя — вотъ политическая вѣра графа; я уважаю ее и восхищаюсь ею. Это и моя вѣра. Я дѣлила счастье моего отца, я раздѣляю его ошалу, какъ бы ни была велика жертва, и я безъ жалобъ послѣдую за нимъ въ то уединеніе, въ которомъ мы затворимся навсегда.

— Вы также, Тамариса, вы меня покидаете! воскликнулъ король: — и въ такую минуту! Все мнѣ измѣняетъ. Нѣтъ у меня на землѣ ни одного друга.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Тамариса подняла къ небу свои прекрасные глаза, полные слезъ. Гіацинтъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ, и даже не пробовалъ сопротивляться. Онъ позвонилъ.

— Позовите графа Тушъ-а-Ту, сказалъ онъ. — Я его жду.

— Прощайте, государь, сказала виконтесса съ самымъ граціознымъ реверансомъ, и самую сладостною улыбкою.

— Не прощайте, Тамариса — до свиданія!

Что произошло между королемъ и его вѣрнымъ министромъ — это неизвѣстно, но на другой день въ *Официальной истинѣ* появилась слѣдующая замѣтка:

«Вчера распространился слухъ о перемѣнѣ министерства. Въ этомъ слухѣ нѣтъ ни одного слова правды. Публика должна вооружаться всемъ своимъ благоразуміемъ противъ этихъ выдумокъ праздныхъ умовъ и злонамѣренныхъ газетъ. Еслибы эти слухи продолжали распространяться, правительство увидѣло бы себя вынужденнымъ принять строгія мѣры противъ тѣхъ, кто ихъ распускаетъ».

Далѣе значилось:

«Увѣжая къ сѣвернымъ границамъ государства, чтобы показаться народу, жаждущему выразить свою любовь и преданность, король назначилъ графа Тушъ-а-Ту предсѣдателемъ совѣта министровъ, и предоставилъ ему обширнѣйшія полномочія».

Въ то же время офиціозныя газеты сообщали, не ручаясь за нихъ, слѣдующія извѣстія, о которыхъ говорили при дворѣ и въ городѣ:

«Благодарность — королевская добродѣтель. Говорятъ, что, въ награду за долгую службу графа Тушъ-а-Ту, король собственноручно возложилъ на него большое ожерелье ордена. Утверждаютъ, что графъ будетъ возведенъ въ санъ князя-архиканцлера, и займетъ мѣсто непосредственно за членами королевской фамиліи».

«Баронъ Жеронть Плѣраръ, говорятъ, назначенъ, по своей собственной просьбѣ, генеральнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Уже давно блескъ его добродѣтелей и солидность его принциповъ дѣлали его достойнымъ претендентомъ на этотъ высокій постъ. Если онъ удалится отъ политики, то это удаленіе только кажущееся. Что можетъ быть для государства важнѣе того направленія, которое дается подрастающимъ поколѣніямъ, важнѣе заботы объ этомъ будущемъ, которое скоро сдѣлается настоящимъ? Исправлять должность, оставленную барономъ Плѣраромъ, будетъ графъ Тушъ-а-Ту».

«Кавалеръ Пиборнь, говорятъ, скоро ѣдетъ въ Швигенбадъ. Онъ страдаетъ болѣзнию дыхательнаго горла, которая требуетъ

самого серьезнаго леченія. Медики предписываютъ ему строжайшее молчаніе. Во время его отсутствія исправлять его должность будетъ графъ Тушь-а-Ту.

«Генераль-баронъ Бомба, сопровождающій короля въ его путешествіи, уѣхалъ вчера все приготовить. Сѣверные города, столь извѣстные великолѣпіемъ своего гостепріимства, хотятъ перешеголять самихъ себя, и армія, говорятъ, приметъ блистательное участіе въ этихъ гражданскихъ празднествахъ. 10-го іюня въ Канонвилскомъ лагерѣ произойдутъ большіе маневры, съ подобіемъ войны и приступа: разстрѣляютъ болѣе мильіона патроновъ. Вечеромъ будетъ балъ, ужинъ и фейерверкъ; приглашено, говорятъ, до десяти тысячъ дамъ. Счастливая страна, гдѣ люди предаются этимъ невиннымъ забавамъ, и гдѣ громъ пушекъ возносится къ небесамъ радостью ликующаго народа!»

Черезъ недѣлю послѣ этихъ мирныхъ извѣстій, война была объявлена, и армія уже переступила границу; шестьсотъ тысячъ человѣкъ бѣжали форсированнымъ маршемъ рѣзать другъ друга.

XIV.

Битва при Неседадъ.

22-го іюня, на разсвѣтѣ, Піацинтъ гулялъ передъ своею палаткою, бесѣдуя съ барономъ Бомбою. Солнце еще не вставало, но присутствіе его уже чувствовалось. Утро было тихое и свѣтлое, такое, когда человѣку весело становится жить среди улыбающейся природы. Хлѣба зеленѣли, луга были покрыты цвѣтами, воздухъ пропитанъ благоуханіями. Ни шороха, ни дыханія вѣтерка; все спало въ лагерѣ, кромѣ часовыхъ, которые безпечно прохаживались, разсѣянно посматривая на небо.

Забили зорю. Въ одно мгновеніе, какъ рой, вылетающій изъ улья, армія выходитъ изъ своихъ палатокъ; складываютъ шатры, чистятъ лошадей, вытираютъ ружья, наскоро закусываютъ, пьютъ воду, болтаютъ, смѣются. Барабанъ трещитъ, солдаты разбираютъ ружья, строятся въ ряды. Теперь ждутъ только приказанія: убивать ли другихъ, умирать ли самимъ? Все готово.

Ординарцы скачутъ по равнинѣ. Ежеминутно приходятъ извѣстія, отправляются приказанія. Сидя передъ большою картою, баронъ Бомба втыкаетъ и вынимаетъ разноцвѣтныя булавки. Непріятель подходитъ; сила и направленіе различныхъ корпусовъ извѣстны; его намѣренія угадываются. Онъ приближается.

Генераль потираетъ руки съ торжествующимъ видомъ.

— На коня, господа, восклицаетъ онъ: — балъ начинается.

Раздаются три пушечные выстрѣла. При этомъ сигналъ движеніи сгущиваются, полки выстраиваются въ боевой порядокъ. Офицеры перебѣгаютъ взадъ и впередъ; старше солдаты ругаются сквозь зубы, молодые помалчиваютъ. Изъ этихъ новобранцевъ, одни думаютъ о родинѣ и о своихъ домашнихъ; другіе — собираются съ духомъ, и даютъ себѣ зарокъ не трусить. Наступаетъ то молчаніе, за которымъ должна послѣдовать буря.

Барабанъ бьетъ встрѣчу; показывается король, обруженный своимъ блестящимъ штабомъ. Вотъ онъ: «ура!»

Верхомъ на вороной лошади, держа въ рукѣ шпагу, отданную ему Тамирисомъ, Гіацинтъ отдаетъ честь знамени, которое склоняется при его приближеніи. Каждый восхищается красотою и граціею короля; каждый принимаетъ на свой счетъ тѣ слова, съ которыми онъ обращается къ полку: «друзья мои, я на васъ разсчитываю!» Изъ всѣхъ грудей, изъ всѣхъ сердецъ вырывается новый крикъ: «ура!» Гіацинтъ улыбается — онъ счастливъ.

— Нарцисъ, мой другъ, ты что-то невеселъ, сказалъ старый сержантъ молодому солдату. — Когда проѣхалъ король, ты отчего не сдѣлалъ, какъ другіе дѣлали? Въ день сраженія, голубчикъ, надо порасшевелиться. Король — это отечество, это знамя. Надо было кричать.

— Будьте покойны, дядя Лафлёръ. Съумѣемъ умереть не хуже другого, чтобы...

— Ты сердился, другъ мой; это напрасно. Чѣмъ онъ виноватъ, этотъ ребѣнокъ, что онъ любитъ войну? Его такъ воспитали; ничему другому его не научили. Ты думаешь, онъ знаетъ, чего стоить отцу въ потѣ лица своего вырастить себѣ сына до двадцати лѣтъ? Ему просто дали денегъ и людей безъ счету, и сказали: «трать-себѣ, какъ хочешь. Это твое дѣло». Вотъ онъ и тратитъ, и занимается своимъ дѣломъ.

Нарцисъ опустилъ голову, и ничего не отвѣтилъ. Онъ думалъ про себя, что еслибы Гіацинта воспитали иначе, онъ, Нарцисъ, былъ бы теперь возлѣ своей милой Жярофле, вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу лишеніямъ, болѣзни и смерти.

Проѣхавъ по боевому фронту, Гіацинтъ воротился въ центръ. Тамъ, съ холма, онъ сталъ слѣдить глазами за движеніемъ арміи.

Направо и налево, въ отдаленіи, видѣлись вереницы солдатъ, лошадей, пушекъ, зарадныхъ ящичковъ. То бава нибудь лошадка срывала батальоны, то тысяча штыковъ снова сверкали при свѣтѣ солнца. Глядя на эту длинную процесію, растянувшуюся по равнинѣ, можно было думать, что громадный змѣй медленно ползетъ, свертывая и развертывая свои чудовищныя кольца.

Скоро затрещал ружейный огонь, и заревѣли пушки. Когда, по временамъ, умолкала пальба, тогда слышались странные звуки. Небо было затянуто дымомъ, и кое-гдѣ, среди этихъ зловѣщихъ тучъ, поднимались огненные языки. Пылали хлѣбники скверны, горѣли цѣлая деревни. Слова барона Вомбы оправдывались, балъ начинался.

Главные силы арміи двинулись. Онѣ шли медленно. Артиллерія ѣхала по шоссе. По обѣимъ сторонамъ, по засѣянному полю, шли кавалерія и пѣхота, растапывая посѣвы, и не оставляя позади себя ни одного колоса на корню.

Подхода къ деревнѣ Неседадъ, армія встрѣтилась съ непріателемъ, котораго уже давно завидѣли передовые шкеты. Онъ занималъ на высотѣ очень крѣпкую позицію. Но впереди, на самой равнинѣ, стояла въ боевомъ порядкѣ цѣлая армія, которая бросалась на Ротозѣевъ, какъ только завидѣла ихъ.

— Эге! сказалъ баронъ Вомба: — хитрецы хотятъ нобить насъ нашимъ же орудіемъ. Эти проказники врадуть у насъ нашу же ротозѣйскую тактику. Да вѣдь этого мало, затѣйники. Надо было бы ужъ заодно взять и нашихъ солдатъ.

Баронъ не ошибся. Послѣ двухъ кровопролитныхъ атакъ, мужественно отраженныхъ Ротозѣями, враги отступали, и въ ихъ рядахъ обнаружился нѣкоторый беспорядокъ.

Изъ деревни Неседадъ спустилась тогда блестящая кавалерія. Во главѣ отряда ѣхалъ шагомъ молодой человекъ, большого роста, въ бѣлой туникѣ и въ серебряной каскѣ. Всѣ подозрительныя трубки штаба устремились на этого человѣка. Одинъ адъютантъ сказалъ:

— Я его узнаю. Я ему представлялся двѣ недѣли тому назадъ. Это — великій герцогъ во главѣ своихъ кирасировъ.

— Великій герцогъ! воскликнулъ Гиацинтъ. — Пусть никто до него не дотрогивается. Онъ мой.

Онъ хотѣлъ пустить свою лошадь вскачь, но баронъ, улыбаясь, остановилъ его.

— Государь, сказалъ онъ: — время геройскихъ единоборствъ прошло. Съ тѣхъ поръ, какъ выдуманъ порохъ, такіа дуэли рѣшаются пушками. Кромѣ того, прежде чѣмъ вы доѣдете до великаго герцога, онъ уже будетъ сбить съ лошади. Наши стрѣлки уже цѣляютъ въ него. Парадировать на лошадей въ виду непріателя — это, конечно, очень красиво; но это не война, это — безуміе.

Гиацинтъ чувствовалъ страшное волненіе. Великаго герцога онъ ненавидѣлъ. Онъ съ удовольствіемъ убилъ бы его своею рукою въ единоборствѣ. Но видѣть этого молодого человѣка, какъ онъ, храбрый и довѣрчивый, ѣхалъ прямо на враговъ, и

думать, что пуля, пущенная отсюда вѣбудь изъ-за куста, того ж гляди свалить его, какъ беззащитную птицу — это возмущало великодушнаго вѣношу. Это было скорѣе похоже на убійство, чѣмъ на дуэль.

Всѣ смотрѣли молча. Пока великій герцогъ приближался, стрѣлки ползли впередъ по травѣ, и прятались по канавамъ; вдругъ, въ ту минуту, когда молодой начальникъ, повернувъ голову, отдалъ своимъ кирасирамъ приказаніе броситься въ атаку, раздался залпъ, какъ будто изъ земли; цѣлые ряды кавалеристовъ повалились; и, среди всей суматохи раненыхъ, умирающихъ, опрокинутыхъ и изуродованныхъ лошадей, перепуганный рижій перебецъ безъ сѣдока бросился прямо къ неприятельскимъ рядамъ. Великій герцогъ былъ убитъ. Обида, нанесенная Гіацинту, была заглажена.

— Теперь, государь, сказалъ баронъ, хладнокровный попрежнему:—начало сдѣлано; надо продолжать. Видите маленькую церковь, тамъ на горѣ. Когда мы тамъ будемъ, партія будетъ выиграна.

Добраться туда было нелегко. Три часа подъ рядъ дрались на пропалюю, а подвинулись всего на нѣсколько шаговъ. Укрѣпившись въ деревнѣ, неприятель защищался съ ожесточеніемъ; изъ каждаго дома была сдѣлана вѣрность, которую надо было брать приступомъ. Потери были огромны; цѣлые полки исчезли; солдаты утомились, и къ довершенію несчастья съ праваго крыла стали получаться дурныя извѣстія: тамъ неприятель одолевалъ. Ежeminутно прилетали во весь опоръ офицеры, требовавшіе подрѣвленія; баронъ смѣялся имъ въ глаза, и ругался, какъ сапожникъ.

— Подрѣвленія, кричалъ онъ:—гдѣ я имъ возьму подрѣвленія? Пускай околѣвуютъ тамъ, чортъ ихъ разрази! Вѣкъ они что ль жить собрались, собаки провѣтныя!

Вокругъ короля, лица были печальны; Гіацинтъ одинъ былъ полонъ вѣри въ счастливую звѣзду. Веселость барона приводила его въ восторгъ. Поэтому онъ немного удивился, когда генералъ, отвѣдя его въ сторону, сказалъ ему потихоньку:

— Государь, теперь пришло время подрасть посолдатски. Коли мы черезъ часъ не будемъ тамъ на горѣ, намъ останется только воротиться домой, чтобъ насъ осмѣяли Ротозѣи.

— Ужъ лучше умереть! закричалъ король.

И, пришпоривъ лошадь, онъ бросился въ самое опасное мѣсто.

По дорогѣ собрали всѣхъ попавшихся разсѣянныхъ солдатъ: гренадеровъ, егерей, стрѣлковъ, сибѣнныхъ драгуновъ и улановъ; съ этимъ священнымъ батальйономъ сдѣлали послѣднее могучее усиліе. Два раза Гіацинтъ водилъ этихъ храбрецовъ на при-

ступь, къ церкви; два раза его отбивали. Возвругъ него пули летали, люди падали, какъ подкошенные колосы; его равная лошадь рухнула подъ нимъ, и чуть его не придавила; ничто не могло короля. Напротивъ того, порохъ и кровь его осыпали. Онъ всколочилъ на ошалѣвшую лошадь и, съ обнаженной головой, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, съ шпагою въ рукѣ, при крикахъ: «да здравствуетъ король!» еще разъ привелъ въ порядокъ свои войска, и наконецъ побѣдителемъ вѣхалъ въ церковь, давая концами лошади мертвыхъ и умирающихъ.

Тамъ стали оглядывать другъ друга.

— Гдѣ баронъ? спросилъ Гіацинтъ.

— Государь, его отнесли тутъ по близости въ одинъ домъ: онъ раненъ.

Король побѣжалъ къ своему старому другу; старикъ лежалъ на вазанѣ соломы и отдавалъ приказанія, чтобы артилерія, захвативъ во флангъ неприятелю, довершила побѣду. У барона былъ полонъ ротъ крови; онъ шопотомъ говорилъ съ своимъ адъютантомъ; онъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетѣ.

— Любезный генералъ, сказалъ Гіацинтъ: — я надѣюсь, эта рана не будетъ имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій, и вы скоро будете наслаждаться вашимъ торжествомъ.

— Мои счеты покончены, сказалъ баронъ: — меня хватитъ не на долго. Все равно; неприятелю задала жару, и Ротозѣи не надъ нами будутъ потѣшаться! Государь, займитесь арміей; еще не все кончено. Прощайте. Благодарю васъ.

Гіацинтъ вышелъ, онутивъ голову и стараясь смирить слезу. Баронъ подозвалъ солдата.

— Нѣтъ ли воды? спросилъ онъ.

— Извольте, ваше превосходительство! сказалъ сержантъ Лафлёръ, подавая свою флягу.

— Спасибо, старикъ. Заверни меня въ плащъ, и поверни на бока. Сонъ былъ хорошъ, да коротокъ. Прощай.

Это были его послѣдніе слова. Онъ больше нешевельнулся. Черезъ часъ его не стало.

Съ церковной колокольни, Гіацинтъ слѣдилъ за поражениемъ враговъ. Оно было полное. Находясь подъ вліяніемъ панического страха, несчастные больше не защищались. Они бѣжали, бросая ружья, сабли и ружья. Батареи были заклепаны, зарядные ящики опрокинуты, кавалерія неслась во весь опоръ, и давила все на своемъ пути. Напрасно офицеры старались остановить обезнамятившую толпу. Ихъ увлекали, ругали, сбивали съ ногъ. Страхъ слѣпъ и глухъ; тысячи людей тонули въ рѣкѣ, спасаясь отъ врага, который ихъ больше не преслѣдовалъ.

Такъ разыгралось знаменитое сраженіе при Неседадѣ, которое покрыло позоромъ Остолоповъ, и переполнило радостью сердца Рогозѣнь.

Въ тотъ же вечеръ одинъ изъ генераловъ короля Остолоповъ привезъ Гиацинту письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь братъ мой!

«Побѣда ваша, у меня вѣгъ арміи. Я прошу пріостановки военныхъ дѣйствій и мира; вы сами назначите условія; я предаю себя вашему великодушію. Побѣжденный, я, по крайней мѣрѣ, имѣю одну привилегію, за которую я плачу достаточно дорого, чтобы имѣть право пользоваться ею въ настоящую минуту. Я восхищаюсь храбростью и дарованіями, которыя вы обнаружили сегодня. Я желалъ бы кончить такъ, какъ вы начинаете.

«За сплть, милостивый государь братъ мой, я молю Творца, да хранитъ васъ подъ святымъ своимъ покровомъ».

Король тотчасъ же велѣлъ прекратить военныя дѣйствія, а переговоры отложилъ до завтрашняго дня. Онъ уже шестнадцать часовъ былъ на конѣ, и нуждался въ отдыхѣ. Въ вапменѣе разгалавшемся домѣ ему приготовили постель изъ вѣсколькихъ тюфяковъ, собранныхъ съ разныхъ сторонъ. Онъ бросился на эту постель разбитый усталостью, съ пылающею головою. Передъ нимъ проходило такое множество картинъ, въ немъ самомъ поднималось столько мыслей, что онъ, несмотря на сильнѣйшее утомленіе, не могъ заснуть. Но не столько слава, сколько мысль о Тамарисѣ прогнала его сонъ. Онъ думалъ, что скоро явится передъ нею побѣдителемъ, и къ ногамъ своей возлюбленной положить свою шагу.

Въ сосѣдней комнатѣ, генералы и адъютанты угощали за своимъ столомъ гонца отъ короля Остолоповъ. Въ королевскихъ фурионахъ нашлась подходящая провизія, и собравшаяся военная компанія весело попивала, припоминая событія пережитаго дня. Каждый изъ собесѣдниковъ разсказывалъ свои подвиги, и у каждаго выходило такъ, что именно онъ одинъ выигралъ сраженіе. Всѣ единодушно осудили излишнюю смѣлость великаго герцога; сказали, что онъ убитъ по собственному безразсудству; тѣмъ и ограничилось произнесенное ему надгробное слово. Много говорили о баронѣ Вомбѣ и о трехстахъ офицерахъ, погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ; интересовались преимущественно вопросами о томъ, кто будетъ назначенъ на мѣста покойниковъ; еще больше говорено было о производствѣ и объ орденахъ; но всего усерднѣе превозносили счастье арміи, которой достался на долю молодой и храбрый король. Если, съ шестнадцати лѣтъ, онъ начинаеть воевать, то вѣтъ такихъ чудесъ, которыхъ нельзя

было бы ожидать въ будущемъ отъ его гения! Гіацинтъ заснулъ при сладостнымъ ропотѣ этихъ похвалъ.

XV.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ.

Во время сна королю привидѣлось видѣніе. Въ лучистомъ сіяніи передъ нимъ явилась женщина въ бѣломъ платьѣ, съ жезломъ въ рукѣ. То была фея дня. Гіацинтъ узналъ свою крестную мать. Онъ такъ долго любовался портретомъ бѣлой женщины, всѣвшимъ въ большомъ салонѣ дворца! Фея посмотрѣла на него долгимъ, внимательнымъ взглядомъ, и прошептала со вздохомъ:

«Видишь ребенокъ, что бы съ тобою было, кабы я о тебѣ не заботилась?»

И жезломъ своимъ она обвела три круга около своего крестника.

Гіацинтъ проснулся вдругъ на полѣ сраженія, но уже не королемъ и побѣдителемъ, а еще разъ въ гнусной шкурѣ собаки. Утромъ судьба подняла его на такую высоту только затѣмъ, чтобы еще глубже столкнуть его въ бездну.

Была ночь; луна освѣщала равнину, и при ея блѣдномъ свѣтѣ тѣнь холмовъ казалась еще чернѣе. Кругомъ заколдованнаго короля все было тихо и мрачно; въ отдаленіи видѣлись лагерные огни. Направо и налѣво, среди убитыхъ лошадей, разбитыхъ лафетовъ, разбросанныхъ ружей, солдаты, повалившись навзничь, спали вѣчнымъ сномъ. На эти лица, искаженные страданіемъ и яростью, сама смерть не смогла набросать свою печальную безмятежность. Ихъ зубы были стиснуты, губы покрыты пѣной, глаза на выкатѣ; они еще какъ будто грозили, или роптали, или просили Бога отмстить за ихъ лекомысленно растроченную кровь.

На какихъ-то часахъ, въ далекѣ, медленно пробило двѣнадцать, тотъ часъ, когда мертвецы просыпаются. Гіацинтъ вздрогнулъ. Не чувствуя себя способнымъ переносить долѣе взглядъ этихъ остановившихся глазъ, онъ забился въ темноту, чтобы тамъ укрыться.

Тамъ-то и ожидало его ужаснѣйшее зрѣніще. Пользуясь темнотою, два мародера, съ потаившими фонарями въ рукахъ, грабили мертвецовъ и глумились надъ смертью. Гіацинтъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, прятался за опрокинутою пушкою.

— Вотъ этотъ женатъ, говорилъ одинъ изъ воровъ:— у него кольцо на пальцѣ, только никакъ не снимешь.

— Огрѣжь намедь, безтолочь, свазалъ другой.— Видишь серъги

я ихъ вырвалъ изъ ушей у этого солдата. Вѣдь вздохли, тагъ имъ все одно.

— Офицеръ! заговорилъ первый.—Будетъ пожива. У него часы есть.

— Ты понщи. Долженъ быть кошелегъ.

— Да. А вотъ и портфѣмъ съ запечатаннымъ письмомъ.

— Лучше вабы съ банковыми билетами, а впрочемъ ничего, давай сюда. Посмотримъ, что-то онъ пишетъ своей душенькѣ. Позабавимся.

Разбойникъ развернулъ письмо и сталъ читать:

«Добрая моя мать, когда ты получишь это письмо, у тебя уже не будетъ сына. Предчувствіе говоритъ мнѣ, что меня завтра убьютъ. Пишу это письмо на всякій случай; надѣюсь, что дружеская рука перешлетъ его къ тебѣ. Я хочу, чтобъ ты знала, что мой послѣдній вздохъ принадлежалъ тебѣ, и что я продолжаю любить тебя за предѣлами гроба. У меня нѣтъ ничего, кромѣ моей шпаги; я оставляю тебя безъ средствъ; я довѣряю тебя Господу Богу; онъ тебя утѣшитъ. Я же умираю достойный тебя, вѣрный тому чувству чести, которое ты мнѣ внушила, счастливый тѣмъ, что проливаю кровь за величіе короля и для спасенія отечества».

— Ну! сказалъ другой воръ:—долго ты что ли будешь жужжать эту чувствительную чепуху? Примемся за работу. Сюда скоро заглянетъ мѣсяцъ, насъ увидятъ, и тогда, того и гляди, стануть въ насъ стрѣлять.

— Да, твоя мать получить это письмо, сказалъ мародеръ торжественно:—и счастливы тѣ, кто умираетъ по твоему.

— Вотъ, заворчалъ его товарищъ:—опять ты мелодраму играть начинаешь. Чортъ ихъ возьми, тѣхъ людей, что въ школѣ побывали, вѣчно у нихъ фразы на языкѣ! Постои, тутъ что-то блеснуло, точно золото. Чтѣ бы это было?

Онъ поднесъ фонарь поближе. Испуганная свѣтомъ, лошадь, покрытая великолѣпнымъ чепракомъ, вскочила на ноги, заржала и стала лягаться. То былъ рыжій жеребецъ великаго герцога. У него въ брюхѣ была огромная рана, и онъ путался ногами въ своихъ окровавленныхъ кишкахъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ упалъ, судорожно вытянулъ ноги, и околѣлъ.

Въ ту же минуту, стая собакъ, взявшихся неизвестно откуда, съ лаемъ бросилась на благородное животное, и начала рвать его на части. При этомъ шумѣ, воры побѣжали, не заботясь объ оставленной добычѣ. По равнинѣ замелькали фонари въ большомъ количествѣ; подходилъ рундъ.

— Эка пожива? говорила одна собака своимъ товарищамъ.—Чтѣ бы людямъ почаще задавать намъ такіе праздники.

— Вонъ тамъ, говорилъ другой песъ:—волки ѣдятъ кирасирскій полкъ.

— Видѣли, сколько вороновъ было сегодня вечеромъ? сказалъ бульдогъ.

— Завтра будетъ во сто разъ больше, отвѣтилъ воронъ:— да что жь за бѣда? Мясъ и крови хватитъ на всѣхъ.

— Да, сказалъ береза: — только завтра все зародитъ.

— Въ одинъ день не успѣютъ, пріятель, отвѣтила дворняжка.— Тутъ работи будетъ на недѣлю. А по лѣсамъ, во оврагамъ, по скаламъ, по наландамъ лежитъ много запровавшихъ солдатъ и лошадей, или на дѣв кругомъ. Ихъ не стануть разгнѣсывать да собирать. Славная штука война! Настоящій ширъ для собакъ, для вороновъ и для волковъ!

Гіацинтъ въ ужасѣ убѣжалъ. Онъ направился къ той деревнѣ, гдѣ, нѣсколько часовъ тому назадъ, онъ блистательно рисовалъ живилью. Тамъ произошелъ рѣшительный ударъ; тамъ мертвецы, нивагенине другъ на друга, тонули въ лужахъ крови. Гіацинтъ еще разъ собирався бѣжать безъ оглядки отъ этихъ ужасныхъ сценъ, когда вдругъ онъ услышалъ стонн. Онъ подошелъ поближе. Офицеръ, еще молодой и красивый, ползъ на обѣихъ рукахъ, съ трудомъ волоча за собою ноги, разбитыя адромъ.

— Водн! бермотагъ онъ: — водн! Помогите! Я за васъ умираю, а вы меня бросили, чтобъ я околѣлъ какъ собака! Проклятая война! Водн, или смерти, изъ состраданія!

Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, нннемогая отъ боли, онъ упалъ на трупъ другого офицера.

— Фляжка, крикнулъ онъ: — я спасенъ! Нѣтъ ничего, разбита!... А! пистолеть — заряженъ, слава-Богу! Гіацинтъ, счастливый побѣдитель, жаль, что ты не видишь...

И твердою рукою онъ разможилъ себѣ голову.

При звукѣ выстрѣла умирающій поднялъ голову и осмотрѣлся кругомъ безсмысленными глазами. То былъ Нарцисъ. Гіацинтъ узналъ его и подошелъ къ нему.

— Это ты, Фидель? вскрикнулъ солдатъ, ѡливаясь слезами.— Поди, поди сюда, я тебя подалую. Тебя Жирофле прислала, неправда ли? Скажи ей, что я ее люблю. Ахъ, не видать мнѣ ее больше.

— Сюда, ребята, сказалъ грубый голосъ:— да прошу не разсуждать. Сержантъ Лафлѣръ знаетъ, что дѣлаетъ, онъ старшій усащъ, а вы всѣ молокососы. Говорятъ вамъ, онъ здѣсь упалъ; я узнаю мѣсто, черти проклятые! Тутъ шестерыхъ адъютантовъ въ три минуты убило; одинъ мнѣ своимъ мозгомъ все лицо забрызгалъ. Давайте фонарь... видите, вонъ тутъ двое лежать; другіе тоже недалеко. Тутъ и есть. Нарцисъ, голубчикъ, умеръ, что ли? закричалъ онъ громовымъ голосомъ.

— Сержантъ, послышался глухой стонъ.

— Вотъ онъ я, милый. Здравствуй, Нарцисъ. Какъ дѣла?

— Да вотъ видите сами, дѣда Лафлѣръ.

— Что дѣлать? другъ, война! Нынче тебѣ досталось, завтра придетъ мой чередъ. Ты положишься на мою чувствительность, ужъ я тебя такъ не оставлю. Эй, вы, давайте носилки.

Чуть только тронули Нарциса, ему сдѣлалось дурно. Все его тѣло было сплошною, кровавою раню.

— Сержантъ, сказалъ одинъ изъ солдатъ:—не стоитъ его тащить — кончился.

— Совѣтоваться я съ тобою, что ли, буду? отвѣтилъ Лафлёръ.— Кабы ты, по моему, зналъ порядки, пустая твоя голова, такъ ты бы помнилъ, что человекъ кончается только тогда, когда майоръ его въ свой реэстръ запишетъ. Идемъ, идемъ, да не разговаривать.

Завидѣвъ толпу, король-пудель спрятался въ кучу труновъ; онъ вышелъ оттуда въ переулкѣ, и побѣжалъ...

Чтобы уйти отъ этой бойни, наводившей на него ужасъ, Гиацинтъ свернулъ на проселочную дорогу, шедшую къ одной деревнѣ. Война и сюда заглянула. Скотъ былъ раскраденъ, заборы разнесены, дома сожжены. Вездѣ дымящійся пепель, вездѣ запустѣніе, развалины.

На навозной кучѣ хрипѣлъ умирающій крестьянинъ. Онъ защищалъ родню противъ неприятелей, или имущество противъ мародеровъ. Его убили ружейнымъ выстрѣломъ. Возлѣ него, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, сидѣла на соломѣ его жена; четверо мальчиковъ, изъ которыхъ старшему еще не было двѣнадцати лѣтъ, омывали поочередно блѣдное лицо отца. Сзади умирающаго, сѣдой старикъ обращался къ небу съ бессмысленными жалобами и проклятіями.

— Отмсти за бѣдняка, Господи! кричалъ онъ:—И за вдову! И за сиротъ! И за отца! Видишь, я отецъ, ты далъ мнѣ сына, а живодеи эти его убили! Чего же ты, Господи, смотришь? Чего ты дашь въ обиду невинныхъ?

— Успокойся, дѣдушка, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.—Мы отмстимъ за отца; вѣдь насъ четверо. Придетъ наше время, мы тоже ихъ станемъ душить.

— Пойдемъ, братъ, сказалъ младшій:—возьми камень; будемъ разбивать головы раненымъ.

— Дѣти, закричала мать, рыдая: — не ходите. Васъ убьютъ.

Гиацинтъ печально удалился.

«Боже мой!» думалъ онъ. «Куда бѣжать? Гдѣ спрятаться? Спасите, помогите!»

— Успокойтесь, государь, успокойтесь, произнесъ голосъ адъютанта.

Гиацинтъ увидѣлъ себя на своей постели, и осмотрѣлся кругомъ растеряннымъ взглядомъ.

— Простите меня, что осмѣлился васъ разбудить. Но вы изволили такъ стонать, что я счелъ за лучшее положить копецъ удручающему васъ видѣнію.

— Жаль, что вы раньше этого не сдѣлали! сказалъ Гиацинтъ вздыхая.

Онъ всталъ съ постели, сѣлъ къ столу, и до разсвѣта просидѣлъ неподвижно, закрывъ голову объими руками.

НА РАЗВАЛИНАХЪ КОЛИЗЕЯ.

(Изъ Чайльд-Гарольда, Байрона).

О, Время, ты, что красоты вѣнецъ
Развалинамъ даешь,—о, добрый геній,
Единый врачъ истерзанныхъ сердець
И исправитель нашихъ заблужденій;
Ты, пробный камень честности людской,
Любви и дружбы искренней и ложной,
Едиственный мудрецъ, судья святой,
Творящій судъ правдивый, непреложный,—
Хоть иногда и долго, долго ждешь
Своей поры и мзда твоя и кара,—
О, Время-мститель! отъ твоихъ щедротъ
Молю теперь единственнаго дара.

Среди руинъ, гдѣ ты гигантскій храмъ
И свой алтарь воздвигло Разрушенью,
Гдѣ жертвъ твоихъ курится фиміамъ—
И моему дай мѣсто приношенью.
Мои дары—руины прошлыхъ лѣтъ,
Не многихъ, но отмѣченныхъ судьбою;
Не внемли мнѣ, когда напрасно свѣтъ
Я оскорблялъ и чоретвъ я былъ душою;
Но если я презрѣнье сохранилъ
Къ врагамъ, что такъ противъ меня возстали—
Ужель свой крестъ напрасно я носилъ,
И не придетъ для нихъ нора печали?

О ты, что свой правдивый счетъ ведешь,
Гдѣ всякая записана обида,
И карой за неправду воздаешь,
Столь чтима у древнихъ Немезида,—

Ты, по чьему велѣнію толпой
 Изъ тартара всѣ фурія стеклися
 И подняли вокругъ Ореста вой
 О мщеніи, — тебя зову, проснися!
 Здѣсь, на руинахъ царства твоего,
 Тебя теперь изъ праха вызываю...
 Иль ты не слышишь вопля моего?—
 Но встанешь ты, я твердо уповаю.

Я не скажу, что я за грѣхъ отцовъ,
 Или за евой, не долженъ поплатиться,
 И рану я выдерживать готовъ,
 Которая въ груди моей дымится,
 Когда-бъ ее нанесъ мнѣ правый мечъ,
 Когда-бъ я зналъ, за что я такъ страдаю;
 Теперь же кровь моя не будетъ течь,
 Её тебѣ отнынѣ посвящаю;
 Ты отомстишь, — для мщенья время есть,
 Когда карать неправду ты возьмешься,
 Хотя-бъ я самъ и позабылъ про месть,
 Хотя-бъ я спалъ — ты за меня проснешься.

И если вдругъ раздался голосъ мой,
 То вызванъ онъ не пыткой страданья, —
 Видалъ ли кто, чтобъ гордой головой
 Я поникалъ въ минуту испытанья? —
 Но памятникъ хочу въ моихъ стихахъ
 Я по себѣ оставить; пусть истлѣетъ
 Въ могилѣ мой давно забытый прахъ,
 Но никакой ихъ вѣтеръ не развѣетъ;
 Значеніе пророческое ихъ
 Когда нибудь для міра объяснится,
 Придетъ пора — и на людей мой стихъ,
 Какъ громъ изъ тучъ, проклятемъ разразится.

Проклятіемъ — прощенье будетъ. Мнѣ ль, —
 О мать-земля, о небо, къ вамъ взываю! —
 Мнѣ ль нечего прощать? и неужель
 Въ борьбѣ съ своей судьбой я не страдаю?
 Или мой мозгъ не высохъ оттого?
 Иль люди жизнь мою не отравили,
 Не растерзали сердца моего
 И клеветой меня не заклеили?

И если я въ отчаянье не впаду,
Такъ потому, что противъ бѣды гнетущихъ
Природа мнѣ дала не тотъ закалъ,
Что у людей, вокругъ меня живущихъ.

Я-ль не знавалъ житейской суеты,
Отъ крупныхъ золъ до хитрости ничтожной,
Отъ громаго хуленья клеветы
До шепота измѣны осторожной
Тѣхъ низкихъ душъ, которыхъ тонкій адъ
Невидимо вредитъ своей отравой,
И чей прямой, повидимому, взглядъ
Исполненъ лжи и хитрости лукавой;
Такъ холодна, такъ сдержанна ихъ рѣчь,
Безмолвно глутъ они открытымъ взоромъ,
Лишь вздохъ порой, или пожатые плечи
Ихъ выдастъ вѣщныи своимъ укоромъ.

Но я вѣдь жилъ, и не напрасно жилъ;
Мой умъ свою утратить можетъ силу,
Огонь, что кровь мою животворилъ,
Погаснетъ, и я самъ сойду въ могилу; —
Но *что* есть въ груди моей, чего
Не истребить ни время, ни страданье;
Пусть я умру, но будетъ жить его
Незримое, бессмертное дыханье;
Какъ арія забытая пѣвца,
Она порой смутитъ ихъ духъ волненьемъ,
Расплавитъ ихъ желѣзные сердца
И душу ихъ наполнитъ сожалѣньемъ.

Теперь конецъ. Привѣтствую тебя
Могущество безъ наименованья,
И безъ границъ! Полночный часъ любя,
Ты бродишь здѣсь, средь мертваго молчанья...
Тамъ твой пріютъ, тамъ твой любимый домъ,
Гдѣ висятъ оставленные стѣны,
Какъ мантией покрытыя плющомъ,
И ты паришь средь величавой сцены,
Давая ей тотъ смыслъ, тотъ духъ живой,
Что кажется, какъ будто мы, незримо,
Участвуемъ вволнованной душой
Въ дѣлахъ вѣковъ, давно мелькнувшихъ мимо.

Здѣсь шумъ толпы арены валивался,
 При врѣвнѣ кроваваго сраженья,
 То бурю восторженныхъ похвалъ,
 То ропотомъ невнятныхъ сомагѣнья.
 Изъ-за чего жь тутъ рѣзались рабы
 И погибалъ несчастный гладиаторъ?
 Чернь тѣшилась позоромъ ихъ борьбы,
 И тѣшился жестокой императоръ!
 Такъ чтожь? не все-ль равно, гдѣ люди мрутъ?
 Арены кругъ и славной битвы поле—
 Лишь разныя двѣ сцены, гдѣ гниютъ
 Главнѣйшіе актеры ихъ,—не богъ...

Воецъ лежитъ, смертельно пораженъ,
 Опершись на слабѣющія руки,
 Не жить ему, но мужественно онъ
 Выносить боль своей предсмертной муки.
 И падаетъ изъ раны тяжело,
 По каплѣ, такъ какъ дождь передъ грозой,
 Густая кровь, и блѣдное чело
 Склоняется все ниже надъ землею...
 Въ безуміи восторга своего
 Толпа шумитъ, в, въ изступленьи дикомъ,
 Привѣтствуетъ соперника его
 Безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ кликомъ.

Онъ слышалъ всё, но кликамъ не внималъ;
 Не думалъ онъ о жизни угасавшей,
 И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
 Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
 Нѣтъ, взоръ его былъ съ сердцемъ вмѣстѣ, тамъ,
 У хижины, на берегу Дуная,
 Гдѣ бѣгали безопасно по полямъ
 Его малютки, весело играя;
 И тамъ ихъ мать... Но гдѣ же ихъ отецъ?
 Зарѣзанъ онъ, для развлечения Рима!...
 О, готы! что-жь? возстаньте наконецъ,
 Пусть будетъ месть грозная, неумолима!

Д. Михаловскій.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Статья первая.

Назадъ тому годъ въ Лейпцигѣ явилась книга, подъ названіемъ: Die ländliche Verfassung Russlands. Книга эта написана знаткомъ дѣла, извѣстнымъ барономъ Гакстгаузеномъ *, который всю жизнь свою посвятилъ на изученіе крестьянскаго устройства въ разныхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и Россіи. Съ этою цѣлю онъ объѣхалъ Россію въ 1843—1844 годахъ и кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ брошюръ написалъ о ней два большихъ сочиненія: «Studien über Russland» и «Transkaukasien», которыя не только за границей, но и у насъ служатъ доселѣ лучшими пособиями для основательнаго знакомства съ Россіей. Новое сочиненіе барона Гакстгаузена имѣетъ цѣлю познакомить европейскую публику съ тѣми перемѣнами, которыя произведены въ нашемъ сельскомъ устройствѣ недавней крестьянской реформой.

Фактически новаго въ этой книгѣ для насъ русскихъ почти ничего нѣтъ. Тѣмъ не менѣе книга въ высшей степени интересна для насъ, какъ взглядъ иностранца на наше дѣло. Намъ не придется въ голову разсматривать тѣ стороны дѣла, которыя главнымъ образомъ интересуютъ барона Гакстгаузена, и притомъ разсматривать тѣмъ приемомъ, который употребляетъ онъ. Для насъ крестьянскій вопросъ дѣло еще слишкомъ живое, волнующее. Крѣпостное право лежало поперекъ всего нашего развитія. Оно не давало намъ впередъ ступить шагу. Оно одинаково портило и нашихъ лучшихъ людей, и наши лучшія учрежденія. Оно давило или извращало и парализировало всякое нормальное проявленіе общественной жизни. Оно гнало всякую честную, патриотическую мысль, рѣшавшуюся откровенно, безъ холопскихъ приемовъ и холопскаго подобострастія, говорить за дѣло общественнаго блага.

* Баронъ Гакстгаузенъ родился въ 1792 г., скончался въ Ганноверѣ 1-го января 1867 года.

Однимъ словомъ, съ крѣпостнымъ правомъ никакое движеніе впередъ было немислимо для насъ. Естественно, что едва успѣвъ только недавно свалить съ себя этотъ гнетъ, мы еще такъ полни пріятнымъ чувствомъ избавленія отъ миновавшей насъ опасности, что намъ некогда входить въ разсмотрѣніе принциповъ, въ силу которыхъ совершилось великое дѣло. Тѣмъ менѣе можетъ являться въ насъ даже тѣнь сомнѣнія относительно прочности его въ будущемъ. Съ крестьянскою реформою неразрывно связаны всѣ лучшія начинанія настоящаго — городское и земское самоуправленіе, гласные суды, свобода прессы и т. п. Съ нею связаны и всѣ наши лучшія надежды въ будущемъ. Усомниться относительно прочности нашей крестьянской реформы въ будущемъ или даже только въ возможности измѣненія ея настоящаго характера въ будущемъ — для насъ значило бы признать свое полное умственное и экономическое банкротство.

Баронъ Гакстгаузенъ стоитъ по отношенію къ нашему крестьянскому дѣлу совершенно иначе. Для него это дѣло чуждое, стороннее, не кровное. Оно не волнуетъ, не горячитъ его какъ насъ; онъ можетъ стоять передъ нимъ въ качествѣ спокойнаго и холоднаго наблюдателя. Правда, къ нашей крестьянской реформѣ онъ относится такъ же сочувственно, какъ и ко всѣмъ подобнымъ реформамъ, бывшимъ въ Европѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ признаетъ даже ея несомнѣнное превосходство передъ всѣми подобными реформами, какія были въ Европѣ. Такъ онъ не находитъ ничего ей подобнаго въ другихъ государствахъ ни по размѣрамъ ея, ни по началамъ крестьянскаго устройства, положеннымъ въ ея основаніе, наконецъ ни по тому спокойному, величественному ходу ея развитія и примѣненія къ жизни, которыми она идетъ. Но онъ не ослѣпляется этими блестящими ея достоинствами. Тамъ, гдѣ мы видимъ или хотимъ видѣть одну только лицевую сторону дѣла, одинъ только блестящій газетный конецъ его, онъ хочетъ осмотрѣть и его изнанку, оцупать его доброту и прочность. Онъ хочетъ знать жизненное значеніе нашей крестьянской реформы, понять тѣ условія и отношенія, изъ которыхъ и среди которыхъ она возникла. Потому онъ задаетъ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Справедливо ли совершена реформа? Не нарушены ли ею чьи либо права? 2) Вызывалась ли она условіями времени и даннымъ развитіемъ общества и въ тѣхъ ли размѣрахъ вызывалась, въ какихъ она совершена? 3) Обезпечено ли вполнѣ въ будущемъ ея развитіе и исполненіе въ ея дальнѣйшихъ результатахъ?

Вопросы, какъ видитъ читатель, очень интересны. Но интересъ ихъ увеличивается еще тѣмъ, что книга Гакстгаузена до

явленія своего въ свѣтъ была въ Петербургѣ на разсмотрѣніи лицъ, повидному, очень близко знакомыхъ съ ходомъ крестьянскаго дѣла, которыя во многихъ мѣстахъ исправили ложные воззрѣнія и выводы барона Гакстгаузена, почерпнутые изъ иностранныхъ источниковъ о Россіи сомнительнаго достоинства, и обогатили книгу его многими любопытными примѣчаніями.

Въ настоящей статьѣ мы передадимъ кратко то, что представляется интереснаго въ книгѣ барона Гакстгаузена по означеннымъ нами выше вопросамъ, присовокупляя при этомъ тамъ, гдѣ потребуется, и петербургскія примѣчанія.

I.

Выяснивъ достоинства русской крестьянской реформы въ сравненіи съ подобными реформами въ другихъ государствахъ, баронъ Гакстгаузенъ говоритъ: «Здѣсь мѣсто встать коснуться великаго вопроса о правѣ. Принадлежитъ ли поземельный участокъ, который доселѣ обрабатывали и которымъ пользовались крѣпостные, въ исключительную собственность русскому дворянству? Имѣло ли правительство власть, по принципамъ всѣмъ признаннаго права, взять у дворянства его собственность и передать ее крестьянамъ, хотя бы то и за денежное вознагражденіе? Могутъ ли здѣсь принципы экспроприаціоннаго права имѣть свое примѣненіе въ видахъ государственной необходимости?»

Собственно для насъ русскихъ не можетъ вовсе и существовать предлагаемыхъ здѣсь барономъ Гакстгаузеномъ вопросовъ. Всѣ мы знаемъ, что дѣло освобожденія крестьянъ было у насъ дѣломъ не правительства только, но вмѣстѣ и русскаго дворянства. По приглашенію правительства, дворянство единодушно и со всею готовностію согласилось предоставить крестьянамъ за извѣстный выкупъ поземельные надѣлы въ ихъ собственность. Со стороны русскаго дворянства была здѣсь свободная, благородная патріотическая жертва. Слѣдовательно, тутъ не можетъ быть и мѣста никакимъ разсужденіямъ о принципахъ права.

Но баронъ Гакстгаузенъ хочетъ доказать, что даже не принимая въ расчетъ этого факта, русское правительство дѣйствовало въ предѣлахъ всѣмъ признаваемого права, когда предоставляло крестьянамъ въ полную собственность находившіяся въ ихъ пользованіи поземельные участки. Для этого онъ приступаетъ въ сравнительному разсмотрѣнію тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи поземельнаго владѣнія въ западно-европейскихъ государствахъ и у насъ.

«Во Франціи въ большей части имѣть смотрѣли на поземельные участки, обрабатываемые крестьянами, какъ на ихъ собственность, которая находилась, однакожъ, въ известной зависимости отъ владѣльца и была обременена различными послугами и оброками въ его пользу. Революціи предоставила безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій эти участки въ неограниченное и бесплатное пользованіе крестьянъ, уничтоживъ безъ всякаго вознагражденія всѣ прежніе послуги и оброки; въ довершеніе къ этому, дворянство было выгнано изъ страны и вся его недвижимая собственность конфискована въ пользу государства. Но послѣ реставраціи началось вознагражденіе эмигрантовъ, которое государственный долгъ увеличило на цѣль миллиардъ.

Въ болѣе части Италіи въ прежнее время существовали свободные крестьяне, которые съ владѣлага ими поземельнаго участка платили различные налоги и оброки; но само дворянство не жило въ деревняхъ, потому здѣсь не было большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, а слѣдовательно не было и барщины. Крестьянское состояніе не было въ качествѣ особеннаго сословія обезпечено ни законами, ни обычаемъ въ отношеніи къ наследственности, нераздѣльности имѣній и т. д. Дворянство жило въ городахъ; это обстоятельство и преобладаніе римскаго права ввели и основали настоящее состояніе. Свободное крестьянское состояніе исчезло; оно отпущено на всѣ четыре стороны, по древнему изреченію Виргилія: «*veteres migraŕe coloni*», вся поземельная собственность составляетъ неоспоримую собственность городовъ и ихъ жителей, земля раздѣлена на маленькія хозяйства (*Gehöfte*), которыя отдаются въ аренду: крестьянское населеніе, сохранившее болѣею частію доселѣ еще средне-вѣковые обычай и платье, лично свободно, но обрабатываетъ и имѣетъ усадьбы, только на правѣ временнаго найма. Сельское соціальное состояніе Италіи очень неблестяще, и при нынѣшнихъ революціонныхъ движеніяхъ странѣ легко могло бы повести къ великому соціальному перевороту всѣхъ отношеній поземельной собственности.

Въ Англіи прежде было довольно многочисленное крестьянское сословіе (*tyholders*), но оно постепенно почти совершенно исчезло, болѣею частію отъ продажи земель. Англійская аристократія владѣетъ теперь самою болѣею частію поземельной собственности, которая раздѣлена на маленькія хозяйства, но своей величиной болѣею частію равняющіяся большимъ имѣціямъ крестьянскимъ имѣніямъ (отъ 2—300 моргеновъ). Сельское хозяйство стоитъ въ Англіи на высокой степенѣ развитія.

Въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, сельское устройство

со времени средних вѣковъ постепенно выработывалось таинимъ образомъ, что изъ большей части поземельной собственности образовались большія помѣщичьи хозяйства (экономіи и лѣсоводства), которыя находились въ рукахъ владѣтелей, духовныхъ корпорацій, преимущественно же дворянства. Съ этими помѣстьями въ тѣсной связи находились деревни съ ихъ крестьянами. Крѣпостное состояніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, мало по малу исчезло; принадлежность къ имѣніямъ и наследственное подданство были только слабыми остатками его. Вообще крестьяне имѣли въ своемъ пользованіи поземельную собственность, но должны были отправлять надѣльную повинность на помѣстья и платить помѣщику разные оброки; ему же принадлежало такъ-называемое высшее право на эту собственность (Obereigenthum), и поэтому, когда крестьянское семейство вымирало или выбывало, она переходила къ нему, какъ безусловная его собственность, она переходила къ нему, какъ безусловная его собственность. Помѣщикамъ также принадлежала большая часть и патримоніальная власть, судъ и полиція надъ крестьянами и деревнями. За то повсюду почти деревни и крестьяне пользовались большими правами на дровяной лѣсъ и пастбище въ лѣсахъ помѣщика.

Правительства, и шире всѣхъ и рѣшительнѣе Пруссія, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, въ особенности послѣ мира 1815 года, мало по малу, уничтожили все это устройство и преобразовали. Мотивы, руководившіе законодательствомъ, были тѣ, что эти отношенія дѣлались все болѣе и болѣе тягостными для всѣхъ въ нихъ участвовавшихъ, что они не соотвѣтствовали болѣе личнымъ и матеріальнымъ интересамъ, что они являлись очевидно вредными для общаго государственнаго блага, въ особенности для началъ государственной экономіи. Такимъ образомъ, начали постепенно, огромнымъ числомъ законовъ уничтожать существовавшія доселѣ сельскія институты. Постояннымъ руководящимъ принципомъ при этомъ было то, что крестьянинъ долженъ сдѣлаться неограниченнымъ собственникомъ того поземельнаго участка, которымъ онъ владѣетъ, но что онъ долженъ вполне вознаградить помѣщика за его доселѣ бывшія права, за его верховное право собственности, за надѣльную повинность и оброки, получавшіяся натурой, — полевою ли работою или денежнымъ капиталомъ, уплачивая вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующій процентъ на послѣдній, пока онъ не будетъ внесенъ сполна. Въ замѣнъ этого за свои привилегіи, которыми пользовался въ имѣніи, въ особенности въ лѣсахъ помѣщика, онъ получалъ соотвѣтствующее вознагражденіе также въ надѣлѣ землей или деньгами, — что дѣлалось болѣею частію по взаимному соглашенію. Патримоніальная власть, судъ и полиція, оста-

зались въ деревнях прежнія, исключая тѣхъ мѣстностей, гдѣ былъ введенъ кодексъ Наполеона и французское судебное устройство, но съ того времени какъ патримоніальныя права послѣ 1848 года были окончательно уничтожены въ Пруссіи; они постепенно исчезнуть и повсюду. Вообще мы должны сказать, что при разрѣшеніи этихъ отношеній хотя и былъ выше всего поставленъ всеобщій мотивъ государственнаго благосостоянія, но при самомъ исполненіи постоянно имѣлись въ виду и признавались существовавшія положительныя основы права.

Мы здѣсь приведемъ въ особенности одинъ примѣръ, который можетъ служить нѣкоторымъ образомъ руководствомъ при обсужденіи русскихъ отношеній.

Герцогство Померанское было, какъ извѣстно, раздѣлено между короною шведскою и короною прусскою. Страна эта во время тридцатилѣтней войны была чрезвычайно опустошена. Бѣльшая часть мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ деревняхъ оставались необработанными, дворянству было трудно находить людей, которые бы селились въ деревняхъ и обрабатывали прилежавшія къ нимъ поля. Однакожъ, мало по малу страна опять заселилась; въ шведской Помераніи, подъ преобладающимъ вліяніемъ юристовъ римскаго права университета грейфсвальдскаго, утвердился тотъ юридическій принципъ, что всякая поземельная собственность есть безусловная собственность владѣльца, что крестьяне не имѣютъ ни малѣйшаго права собственности или пользованія на землю, но что они вѣрноподданнически владѣльца, а потому владѣлецъ обязанъ питать ихъ и вообще заботиться о нихъ. На дѣлѣ это было не такъ худо: крестьяне жили въ деревняхъ на старыхъ, однажды на всегда выдѣленныхъ крестьянскихъ земляхъ, и отправляли барщину на помѣщичьихъ имѣніяхъ по извѣстнымъ обычнымъ, хотя и не предписаннымъ закономъ правиламъ. Въ 1808 году король шведскій вдругъ неожиданно уничтожилъ вѣрноподданническое право *de but en blanc*, не сдѣлавъ никакихъ приготовленій къ этому и нисколько не позаботившись объ участи бывшихъ вѣрноподданническихъ. Послѣдствіемъ этого было то, что принадлежавшія дворянамъ крестьянскія деревни, за исключеніемъ деревень князя Путбуса, совершенно исчезли. Владѣльцы образовали изъ принадлежавшихъ крестьянамъ земель новыя большія экономіи, такъ-называемыя *форверри*; бывшіе вѣрноподданническіе частію обратились къ промысламъ и ушли въ города, или въ качествѣ батраковъ остались при владѣльческихъ имѣніяхъ, живутъ или въ своихъ старыхъ домахъ или вновь выстроенныхъ для нихъ владѣльцами общихъ помѣщеній для батраковъ. Большею частію заключены контракты,

на основаніи которыхъ эти батраки должны постоянно работать у владѣльца; въ уплату за это они получаютъ помѣщеніе, огородъ, всѣ жизненные припасы и небольшую сумму денегъ. Въ сосѣднемъ Мекленбургѣ состояніе почти точно такое же. Обыкновенно въ отношеніи къ пищѣ эти батраки довольствуются гораздо лучше нѣтолько вольныхъ поденщиковъ, но даже большей части крестьянъ въ Германіи; заботъ у нихъ нѣтъ, такъ какъ владѣлецъ, понуждаемый полицейскими законами, обязанъ заботиться объ нихъ въ старости, въ болѣзни и разныхъ случайностяхъ, но они рѣшительно нисколько не развиты и апатичны ко всему. Земледѣліе и сельское хозяйство находятся въ этихъ мѣстностяхъ въ цвѣтущемъ состояніи; послѣднее всегда можетъ лучше и легче подняться въ большихъ имѣніяхъ, нежели въ крестьянскихъ — но мы твердо стоимъ на томъ, что никакая страна безъ свободнаго крестьянскаго сословія не можетъ имѣть никакой значительной будущности въ политическомъ и социальномъ отношеніи. Совершенно иначе сельское устройство образовалось въ прусской Помераніи. Здѣсь римскіе графскіе юрисконсулы не имѣли никакого вліянія. Прусскіе юристы и законодатели въ Берлинѣ не признавали законности крѣпостнаго состоянія. Наслѣдственное подданство, которое существовало въ *Маркагъ*, было только слабою тѣнью его. Король Вильгельмъ I-й, вслѣдствіе своего воинственнаго настроенія, желавшій, чтобы дворянство давало ему офицеровъ, а крестьяне поставляли годный матеріалъ для простыхъ солдатъ, издавъ законъ, что крестьянское сословіе должно быть сохранено въ полномъ своемъ составѣ, что владѣльцы не имѣютъ права уменьшать крестьянскихъ поземельныхъ участковъ и соединять ихъ съ своими имѣніями, что поэтому каждый крестьянскій участокъ, большой ли онъ или малый, они должны всегда сохранять во владѣніи крестьянина, что затѣмъ и узаконенные издѣльную повинность и оброки они могутъ налагать на крестьянъ только въ такомъ размѣрѣ, чтобы крестьянинъ былъ всегда въ состояніи, годномъ для государственной контрибуціи.

Такимъ образомъ помѣщики здѣсь не были дѣйствительными собственниками того поземельнаго участка, который обрабатывалъ крестьянинъ. Крестьянское сословіе въ качествѣ особеннаго сословія имѣло, напротивъ, право на пользованіе крестьянскими участками. Когда поэтому послѣ войнъ освобожденія наследственное подданство было уничтожено, крестьяне въ прусской Помераніи остались владѣтелями своихъ участковъ, выплативъ свои барщины и оброки издѣльнымъ трудомъ или денежнымъ капиталомъ. Патримоніальная власть, судъ и полиція остались

тогда еще за помѣщиками и были отняты у нихъ лишь влѣдствіе движенія 1848 года.

Сообщимъ здѣсь еще замѣтку о сельскомъ устройствѣ въ Ирландіи, которое также не худо имѣть въ виду при обсужденіи устройства русскихъ сельскихъ отношеній. Въ XVI столѣтіи мы видимъ Ирландію раздѣленною между семейными отраслями или родами, кланами (Klanschaften). Кланъ былъ связанъ вѣчными узами общей крови, онъ образовалъ единство, и всѣ члены клана имѣли одно общее названіе; во главѣ стоялъ лердъ (Laird), старшій сынъ и потомокъ старѣйшаго родоначальника. Къ нему всѣ члены клана находились въ извѣстномъ, тщательно опредѣленномъ и твердо установленномъ семейномъ отношеніи, смотря по степени своего родства. Эти степени были распределены въ чинахъ; малѣйшій и бѣднѣйшій членъ, приходившійся, можетъ быть, въ двѣсти-тридцатой степени родства съ лердомъ, имѣлъ, однакожъ, чувство и гордость, что въ немъ течетъ та же самая кровь, и что онъ также представитель славы и чести клана, какъ и всякой другой членъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ едва-ли когданибудь исполнимую надежду, что если 229 членовъ, находящихся между нимъ и лердомъ, по волѣ Б-жьей выбудутъ отъ войны или язвы, то лердство перейдетъ къ нему. Поземельная собственность принадлежала клану, но лердъ былъ единственный представитель ея, онъ одинъ дѣлилъ участки для пользованія по своему произволу между всѣми членами клана и налагалъ на нихъ по своему усмотрѣнію оброкъ, которымъ жилъ онъ съ своимъ семействомъ. Когда послѣ кровопролитной войны, имѣвшей болѣе или менѣе религіозный характеръ, Ирландія была порабощена Англіею, главы народа, лерды, были или уничтожены; или изгнаны. Поземельные участки, на которые смотрѣли какъ на собственность лердовъ, были конфискованы правительствомъ и розданы большою частію англійскому дворянству. Съ того времени они стали считаться безусловною собственностію новыхъ владѣльцевъ, которая въ такомъ именно смыслѣ была охраняема и закономъ. Новый владѣлецъ не былъ болѣе семейною главою клана, онъ не имѣлъ никакой связи съ прежними членами клана, они принадлежали другой націи, они имѣли другую религію, другіе нравы, одежду и образъ жизни; но они не были и его крѣпостными, или рабами, онъ не имѣлъ ни малѣйшей обязанности пропитывать ихъ и сокращать, они были свободны, какъ птицы и м. гли пати куда имъ было угодно, или даже могли быть выгнаны совершенно чуждымъ имъ владѣльцемъ, еслибы ему представилось полезнѣе, въ бывшей доселѣ вапши образовать въ своемъ имѣніи большое пастбище. Бѣдствіе ирланд-

скаго сельскаго народонаселенія, продолжавшеся уже очень давно, выселеніе отсюда двухъ милліоновъ народу въ теченіе очень немногихъ лѣтъ — вотъ послѣдствія такого вполне печальнаго состоянія, устроеннаго и охраняемаго закономъ. Чтобы положить конецъ подобному злу, нѣмецкій ученый, конечно, посовѣтывалъ бы англійскому правительству принять прусскіе законы, которіе уничтожили бы сказанное устройство; но англичанинъ при своемъ строгомъ сознаніи неприкосновенности права, отвѣтитъ на это, что подобная конфискація неоспоримой собственности была бы надеіемъ Англій.

При разсмотрѣніи и сравненіи сельскаго устройства въ Россіи ближе всего представляется образованіе этого устройства въ остзейскихъ губерніяхъ — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Здѣсь издревле жили финскія и латышскія племена. Страны эти были завоеваны рыцарями меча и нѣмецкаго ордена. Послѣдніе основали здѣсь города и населили ихъ нѣмецкими бургерами, давъ имъ нѣмецкое городовое устройство (любекское право). Земля, за исключеніемъ того, что было удержано орденомъ для своихъ собственныхъ нуждъ, и что имъ было дано для вновь построенныхъ городовъ, была раздѣлена между призванными нѣмецкими дворянами; послѣдніе образовали помѣстья, экономіи, порабощенные народы сдѣлались крѣпостными, на томъ же точно основаніи и съ тѣми же правами, какъ были крѣпостные въ Германіи, собственно рабство было запрещено каноническимъ правомъ; есть еще и теперь буллы тогдашнихъ папъ, которыя запрещали признавать и трактовать какъ рабовъ всѣхъ тѣхъ изъ этихъ языческихъ народовъ, которые сдѣлались христіанами. Позднѣе Эстляндія и Лифляндія подпали подъ власть шведовъ, а при Петрѣ I подъ власть Россіи. Курляндія удержала своихъ собственныхъ герцоговъ, но, наконецъ, и она въ концѣ прошлаго столѣтія также подпала подъ власть Россіи. Подъ властію всѣхъ этихъ правительствъ и ихъ законодательствъ оставалось твердымъ то начало права, что повземельные участки безусловно принадлежать владѣльцамъ, какъ собственность, и что крестьяне не имѣютъ никакого вида права пользованія на обрабатываемые ими участки.

Такимъ образомъ, здѣсь дѣйствовали тѣ же начала права, какія и въ Шведской Помераніи. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія крѣпостное состояніе было здѣсь уничтожено, то явились тѣ же и послѣдствія: крѣпостные сдѣлались лично свободными, но повземельные участки остались собственностію владѣльцевъ. Но дѣло сдѣлалось иначе, нежели въ Шведской Помераніи. Крестьяне остались въ своихъ старыхъ деревняхъ и хозяй-

ствахъ, и постепенно образовалась система арендаторства, что въ Курляндіи, которая въ цѣломъ обрабатывалась отдѣльно лежащими хозяйствами (подворное устройство), для крестьянъ выходило довольно выгодно. Въ Лифляндіи это было не такъ выгодно, но въ недавнее время и тамъ сдѣланы значительныя улучшения. Намъ сообщали, что со стороны дворянства въ этихъ провинціяхъ дѣлаются усилія, чтобы консолидировать крестьянъ приобрѣтеніемъ поземельной собственности. Лифляндское дворянство при своихъ кредитныхъ учрежденіяхъ открыло кассы, изъ которыхъ крестьяне, нашедшіе случай приобрѣсть поземельный участокъ, могутъ всегда получить себѣ деньги за умѣренный процентъ. Эстляндское дворянство въ послѣдніе годы ассигновало для такихъ пособій 1 мил. рублей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ принесены имъ даже существенныя жертвы, чтобы надѣлать крестьянъ поземельною собственностію. Господинъ Ф. назначалъ для этого значительное имѣнье. Онъ могъ бы продать его дорого, но онъ уступилъ это имѣнье своимъ крестьянамъ 50,000 рублей дешевле, нежели предлагали ему за него другіе.

Обратимся теперь снова къ русскому сельскому устройству и посмотримъ: 1) принадлежитъ ли здѣсь поземельный участокъ, который доселѣ обрабатывали крестьяне, въ качествѣ безусловной собственности, владѣльцу? 2) съ юридической точки зрѣнія дѣлается ли несправедливость владѣльцамъ, когда они понуждаются законодательствомъ передать эти поземельные участки крестьянамъ сначала за умѣренную наемную плату, а потомъ за опредѣленный выкупъ?

Изъ представленныхъ выше соображеній, читатель, конечно, убѣдился уже, что западноевропейскія начала права въ Россіи не могутъ имѣть никакого примѣненія. Все ея социальное состояніе, ея происхожденіе и ея исторія показываютъ намъ, что собственно въ Россіи (исключая западныхъ губерній) начала права поземельной собственности не могутъ имѣть никакого примѣненія. Права дѣйствительной личной поземельной собственности никогда не существовало въ Россіи; вся земля, во всемъ своемъ составѣ, принадлежала поселившемуся на ней русскому народу; пользованіе поземельными участками было патриархальными властями раздѣляемо между племенами, общинами, семьями, но при этомъ они не получали права собственности на участки, находившіяся въ ихъ пользованіи. Впослѣдствіи цари раздавали также своимъ служилымъ людямъ (дворянству) поземельные участки въ пользованіе на извѣстное время, такимъ образомъ послѣдніе также не получали права собственности. Крестьяне, обыкновенно жившіе по русскому обычаю въ общинахъ, прини-

мали на себя обработку полей съ обязательствомъ уплачивать натурою извѣстную часть жатвы (половника). Но когда Борисъ Годуновъ объявилъ крестьянъ прикрященными къ мѣсту, гдѣ они жили *glebae adscripti*, то поземельные участки хотя и не сдѣлались ихъ собственностію, но они сами сдѣлались нераздѣльною (*intergrarende*) отъ нихъ частію. Съ этого времени земля могла отдаваться служебному дворянству въ пользованіе, только подъ тѣмъ недразумѣвающимся самою собою условіемъ, чтобы жившіе на ней прикрященные *glebae adscripti*, т.-е. крестьяне, отъ нея получали свое пропитаніе. Когда впоследствии имѣнія, находившіяся во владѣніи дворянъ, отданы были Петромъ I-мъ имъ въ собственность, то это опять, по принятому принципу, совершилось только подъ тѣмъ условіемъ, что за крестьянами осталось ихъ право на пропитаніе отъ этихъ имѣній, они были нѣкоторымъ образомъ сервитутомъ поземельной собственности. Это возрѣніе русскаго народа вполне вѣрно было выражено бывшими крѣпостными крестьянами, которые говорили: «мы принадлежимъ господину, но земля принадлежитъ намъ, мы съ нею нераздѣльны». Этотъ же принципъ выразило и русское законодательство, запрещавшее продавать крѣпостнаго крестьянина безъ земли.

Изъ сказаннаго нами ясно, что законодательство не нарушило принципа собственности тѣмъ, что оно сохранило крестьянамъ осѣдность въ ихъ деревняхъ, удержало за ними ихъ усадьбы и дало имъ для пропитанія поземельные участки за извѣстный выкупъ».

Такъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что русская крестьянская реформа совершена вполне легально.

Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что авторъ говоритъ относительно характера поземельной собственности въ Россіи. Но намъ кажется, что онъ слишкомъ рѣзко выдѣляетъ изъ этого общаго характера поземельную собственность остзейскихъ губерній. Когда Россія, покоривъ своей власти эти губерніи, признала въ нихъ существующее крестьянское устройство, то признала на общемъ основаніи съ остальною Россіею, т.-е. подъ тѣмъ же подразумеваемымъ условіемъ, что крестьяне составляютъ необходимый сервитутъ поземельной собственности. Что въ началѣ нынѣшняго столѣтія имъ дарована, вслѣдствіе существовавшихъ тогда одностороннихъ возрѣній на общественное благосостояніе, только личная свобода, безъ всякихъ опредѣленныхъ правъ на какое бы то ни было пользованіе землею, то этимъ нисколько не исключалось подразумеваемое ихъ право питаться отъ той земли, которой они были коренные насельники. Еслибы

правительство хотъ одну минуту думало такъ, то ему стоило только дозволить имъ выбирать мѣста для поселенія въ Россіи. Но это право, какъ извѣстно, всегда было стѣсняемо въ пользу землевладѣльцевъ остзейскихъ въ томъ несомнѣнномъ предположеніи, что свободные крестьяне, необходимыя для земледѣлія остзейскаго края, чрезъ полюбовныя сдѣлки съ землевладѣльцами, мало по малу, достанутъ себѣ землю въ собственность, или, по крайней мѣрѣ, будутъ имѣть отъ земли лучшее пропитаніе, чѣмъ какое имѣли они будучи вѣрными. Отсюда ясно уже, что шведская Померанія не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ остзейскими губерніями. Тамъ крестьяне живутъ по необходимости батраками, потому что нѣтъ свободныхъ земель для ихъ поселенія. У насъ этой необходимости не существуетъ. Тамъ они, кромѣ того, самими владѣльцами выисканы и привлечены въ ихъ помѣстья. У насъ остзейскіе крестьяне коренные жители страны. Наконецъ, если Прусія не сочла нужнымъ сообразоваться относительно своей Помераніи со взглядомъ грейфсвальдскихъ юристовъ и предпочла имъ своихъ берлинскихъ, то почему бы Россія должна была преклоняться передъ воззрѣніями грейфсвальдскихъ и даже берлинскихъ юристовъ, а не своихъ русскихъ?

Пріятно видѣть, что сами остзейскіе владѣльцы, въ виду русской крестьянской реформы, стали смотрѣть на свои владѣльческія права нѣсколько иначе, нежели понимаетъ ихъ баронъ Гакстгаузенъ. Ихъ патриотическія попытки, конечно, пока незначительныя, помочь своимъ крестьянамъ въ приобрѣтеніи въ собственность поземельныхъ участковъ, показываютъ, что лучшіе люди сознали между ними, что рано или поздно ихъ батраки-крестьяне должны сдѣлаться собственниками. И въ самомъ дѣлѣ, было бы странно, и даже немножко дико видѣть, чтобы на всемъ пространствѣ русскаго царства одна только передовая, нѣмецкая интеллигенція, въ которой императоръ Александръ I хотѣлъ видѣть предтечу и образецъ для русской интеллигенціи въ поступленіи на пути прогресса, осталась отставшею отъ всей Россіи!

II.

Доказавъ легальность русской крестьянской реформы, баронъ Гакстгаузенъ переходитъ къ вопросу о томъ: благовременно ли она была совершена, и въ тѣхъ ли размѣрахъ, въ какихъ это требовалось? Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, дѣйствительно ли положеніе вѣрныхъ крестьянъ было такъ тяжело, что требовалось немедленно полное разрѣ-

шеніе всякой зависимости ихъ отъ помѣщиковъ; а восторыхъ, способенъ ли русскій крестьянинъ къ тому, чтобы безъ всякой опеки добропорядочно вести себя и быть хорошимъ хозяиномъ и земледѣльцемъ?

Авторъ добросовѣстно разсматриваетъ всѣ имѣющіеся у него подъ руками источники по этому предмету и pro и contra, и защитниковъ, и противниковъ крѣпостнаго права. Къ сожалѣнію, эти источники очень скудны не только за границей, но и у насъ въ Россіи. Исторія крѣпостнаго права и его ужасовъ еще впереди. Настоящее еще слишкомъ близко къ нему, и слишкомъ заинтересовано въ дѣлѣ, чтобы могли быть обнародованы къ общему свѣдѣнію всѣ бывшія безобразія. Вотъ почему баронъ Гакстаузенъ, убавляемый сладкими пѣснями защитниковъ крѣпостнаго права, находится въ колебательномъ состояніи при разсмотрѣніи означенныхъ вопросовъ. Но въ концѣ-концовъ и онъ, по разнымъ соображеніямъ, признаетъ необходимость полнаго уничтоженія всякой крѣпостной зависимости. Но по второму вопросу, то-есть по вопросу о способности русскаго крестьянина быть хорошимъ крестьяниномъ безъ всякой опеки, онъ остается въ сомнѣніи. Петербургскія замѣчанія особенно въ этой части разсужденія основательно и мѣтко вразумляютъ автора относительно тѣхъ заблужденій, въ которыя онъ вводится защитниками крѣпостнаго права.

«Крѣпостное право въ его влияніи на крестьянъ — говоритъ баронъ Гакстаузенъ — разсматривается и изображается весьма различно. Писатели-противники крѣпостнаго права рисуютъ его самыми черными красками, о хорошихъ же сторонахъ его и полезныхъ или вовсе не говорятъ, или рѣшительно отвергаютъ ихъ, тогда какъ, напротивъ, защитники именно эти стороны его только и выставляютъ. Если разсмотримъ длинный рядъ обвиненій, которыя выставляетъ противъ крѣпостнаго права и рабства Тургеневъ въ своемъ сочиненіи: «Russland und die Russen» Grimma 1847 г., то, признавая даже совершенную истину приводимыхъ имъ фактовъ и того бѣдственнаго состоянія, причину котораго онъ *несправедливо* видитъ въ крѣпостномъ состояніи, мы найдемъ, что факты эти говорятъ не противъ существа дѣла, не противъ *glebae adscriptio*, то-есть прикрѣпленія крестьянъ, но частію противъ неправильнаго пользованія этимъ правомъ, противъ растяженія его далѣе должныхъ границъ — фактъ, конечно, весьма прискорбный, частію противъ нарушеній и злоупотребленій закона, къ сожалѣнію, весьма перѣданныхъ. Конечно, уже по одному тому, что крѣпостное право подавало поводъ къ такимъ злоупотребленіямъ, оно должно было подвергаться спра-

ведивнымъ порицаніямъ. То же самое должно сказать и о другихъ писателяхъ, писавшихъ противъ крѣпостнаго права, на примѣръ, о князѣ Долгоруковѣ. Но чтобы достаточно былъ изслѣдованъ и рассмотрѣнъ вопросъ о томъ: не лучше ли бы было, устранивъ разныя злоупотребленія и дурныя стороны крѣпостнаго права, сохранить прикрѣпленіе (*adscriptio glebae*), котораго, можетъ бы, можно бы было желать по весьма уважительнымъ причинамъ — въ этомъ иной изслѣдователь можетъ, пожалуй, и усомниться. Тѣмъ болѣе покажется ему сомнительнымъ, чтобы совершенное уничтоженіе крѣпостнаго права дѣйствительно положило конецъ бѣдственному положенію крестьянъ, если только жалобы государственныхъ крестьянъ основательны. Еслибы вздумали утверждать, что бывшіе крѣпостные, сдѣлавшись свободными, избѣгнуть участи государственныхъ крестьянъ, потому что они будутъ полными собственниками владѣемаго ими поземельнаго участка, то съ этимъ едва-ли согласится человѣкъ, хорошо знакомый съ характеромъ крестьянскаго быта. Быть этотъ можетъ улучшиться только тогда, когда улучшится составъ чиновничества».

Но авторъ самаго неблагоприятнаго мнѣнія о русскихъ чиновникахъ. Онъ говоритъ, что надобно еще долго ждать, пока при помощи воспитанія и образованія эта среда измѣнится къ лучшему въ Россіи. Единственный, по мнѣнію автора, расадникъ хорошихъ чиновниковъ въ Россіи — это «училище правовѣдѣнія», а чиновниковъ изъ этого заведенія пова очень мало.

Какъ здѣсь, такъ во всей книгѣ барона Гакстгаузена проводится та мысль, что русскій крестьянинъ пока не можетъ быть добродѣтельнымъ, если не безъ опеки, то безъ нѣкотораго призора или руководства. Но какъ русское чиновничество очень деморализировано и руководителемъ его быть не можетъ, то, по возвращенію барона Гакстгаузена, и было бы полезно оставить его въ извѣстной зависимости отъ дворянства. Что русскій крестьянинъ надѣленъ землею, и сдѣлался полнымъ собственникомъ своего участка, — это, по возвращенію барона Гакстгаузена, дѣло очень хорошее. Но лучше бы было еще, еслибы при этомъ оставить его въ извѣстной зависимости отъ землевладѣльцевъ, отъ дворянства? Барону Гакстгаузену предносима при этомъ случая, какъ мы еще будемъ имѣть случай увидѣть ниже, образъ англійскихъ джентри. Но это, очевидно, идеализація. При крѣпостномъ правѣ отъ помѣщиковъ очень немногое требовалось, чтобы приобрѣсть нравственный авторитетъ и уваженіе въ глазахъ подвластныхъ имъ крестьянъ; однакожь, этого не случилось. Примѣчаніе изъ Петербурга говорить въ защиту чинов-

ничества барону Гакстаузену, что русскіе чиновники падали не съ неба; они брались изъ того же дворянства, но дворяне на службѣ и государственной, и выборной были ничѣмъ не лучше другихъ, что если была деморализація между чиновничествомъ, то деморализація была общая, и что если есть возможность уничтожить эту деморализацію, и создать то идеальное дворянство, о которомъ мечтаетъ авторъ, то это возможно именно только тѣмъ путемъ, который пошло правительство, то-есть полнымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и надѣленіемъ ихъ землею съ правами полныхъ собственниковъ. Въ доказательство этого *примѣчаніе* указываетъ на мировую инстиуту.

«Эта новая инстиутія — говорить примѣчаніе изъ Петербурга — очень удалась, хотя должность мировыхъ посредниковъ иногда занимаютъ личности очень посредственныя. Мировые посредники всѣ брались изъ дворянства, даже большею частію (на первое время) выбирались исключительно одними дворянами. Лица, занимающія должности мировыхъ посредниковъ, прежде были или чиновниками или просто помѣщиками. Большею частію это были личности лучшія въ дворянствѣ, но нѣкоторые изъ нихъ на прежнихъ своихъ постахъ были далеко небезупречны. Знаютъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, которые прежде, будучи чиновниками, бирали взятки, другіе, какъ помѣщики, отличались своею жестокостію. И однакожь эти же самыя личности отправляютъ честно и безупречно обязанность мировыхъ посредниковъ! Это служатъ доказательствомъ, что отношенія, въ которыхъ стоитъ и дѣйствуетъ человекъ, имѣютъ огромное вліяніе на его дѣятельность, и даже нравственныя свойства. Герои добродѣтели, которые остаются добродѣтельными среди всѣхъ условій, почти также рѣдки, какъ и злодѣи, которые дѣйствуютъ злобно при всякой обстановкѣ. Масса людей дѣйствуетъ *хорошо*, когда ей приходится дѣйствовать среди хорошей, здоровой среды, когда добрыя востунки выгоднѣе, нежели дурныя и законъ бодрствуетъ, чтобы преслѣдовать злое, и напротивъ *дурно*, въ той средѣ, гдѣ самое положеніе вещей даетъ ей поводъ къ соблазну. Какъ часто намъ случалось видѣть, что нѣмцы изъ образованнаго средняго сословія, переселившись въ Россію и вступивъ здѣсь въ государственную службу или въ управляющіе мѣстными, далеко превосходили русскихъ чиновниковъ своею продажностію, а русскихъ помѣщиковъ своею жестокостію.

«Инстиутія мировыхъ посредниковъ именно такъ обставлена, что въ этой должности трудно дѣйствовать дурно. Впервыхъ, въ общественномъ мнѣніи эта должность стоитъ высоко, потому

что только отъ мирового посредника можно надѣяться мирнаго разрѣшенія вопросовъ безъ опасныхъ столкновений. Дагѣ мировые посредники получаютъ довольно хорошее содержаніе, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ, при ихъ недостаточныхъ средствахъ, очень важно, и наконецъ (что особенно важно) посредникъ поставленъ подъ непосредственный контроль общественнаго мнѣнія. Онъ рѣшаетъ дѣла между двумя сторонами (помѣщиками и крестьянами), поставленными закономъ въ такое равновѣсіе, что каждая изъ нихъ является къ посреднику съ одинаковою жалобою на нарушеніе закона въ пользу противной стороны. Еслибы такое нарушеніе закона было дѣлаемо посредникомъ за взятки, то его положеніе было бы весьма неловко: его обвинило бы не только начальство, но и общественное мнѣніе. Кромѣ того и вообще чиновничество въ Россіи сильно улучшилось; взяточничество, бывшее прежде въ обычаѣ, сдѣлалось теперь исключеніемъ, и это произошло не отъ основанія и дѣятельности училища правовѣдѣнія (которое имѣетъ скорѣе энциклопедическій, нежели специальный и ученый характеръ, страдаетъ всѣми недостатками закрытыхъ учебныхъ заведеній, и только въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ можетъ имѣть вліяніе на оставляющихъ его стѣны), но отъ дѣйствія болѣе свободной прессы, отъ развитія болѣе здороваго общественнаго мнѣнія, отъ коренныхъ преобразованій нѣкоторыхъ отжившихъ институцій. Уничтоженіе крѣпостнаго права также сильно содѣйствовало къ истребленію прежнихъ злоупотребленій, такъ-какъ черезъ это съ одной стороны навсегда исчезла одна изъ гибельнѣйшихъ школъ произвола и насилія, съ другой положеніе чиновника передъ лицомъ свободнаго народа, начинающаго уже чувствовать свои права, стало совершенно другое, нежели положеніе прежнихъ чиновниковъ, стоявшихъ передъ глубоко погразшимъ въ рабствѣ народомъ, который при своихъ сношеніяхъ съ чиновничьимъ міромъ имѣлъ въ виду, какъ образецъ, свои отношенія къ помѣщику и никогда не имѣлъ смѣлости пожаловаться на чиновника, позволявшаго себѣ дѣлать самыя постыдныя вымогательства и злоупотребленія.

Здѣсь оканчивается *петербургское примѣчаніе* и мы снова обратимся къ разсужденію барона Гакстгаузена.

Въ подтвержденіе того, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи было ничѣмъ не хуже положенія крестьянъ государственныхъ или, по крайней-мѣрѣ, не такъ безотрадно дурно, какъ о немъ думаютъ, авторъ приводитъ отзывы защитниковъ крѣпостнаго права въ Россіи. Самымъ яркимъ изъ этихъ защитниковъ является нѣкто Цандо (Zando), издавшій въ 1855 году

книгу подъ названіемъ: «Russische Zustände im Jahre 1855». Цандо говоритъ, что большая часть русскаго дворянства обращается съ своими крѣпостными справедливо и снисходительно, и что противное этому встрѣчается какъ рѣдкость. Гакстаузенъ не вѣритъ самъ этимъ увѣреніямъ Цандо. «Такія мягкія, отраденныя, розовыя воззрѣнія на крѣпостное право — говоритъ онъ — нашли бы себѣ весьма мало сочувствія въ Россіи». Но, продолжаетъ онъ, *audiat et altera pars*. Цандо говоритъ далѣе, что правительство самымъ строгимъ образомъ блюдетъ за отношеніемъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ и строго наказываетъ виновныхъ въ противозаконномъ обращеніи съ ними. Цандо хвалится, что онъ изъ четырнадцатилѣтняго опыта знаетъ управленіе, народный характеръ, языкъ и нравы Россіи, что онъ объѣздилъ болѣе 25 губерній во всѣхъ направленіяхъ и имѣлъ случай самымъ точнымъ образомъ изучить отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Съ небольшими исключениями — говоритъ онъ — отзывы первыхъ о помѣщикахъ, вопреки его ожиданію, были благоприятны и удовлетворительны, хотя нѣкоторые и горько жаловались на управляющихъ, необавшихся злоупотреблять своею властію безъ вѣдома и противъ воли благомыслящихъ собственниковъ. По заявленію Цандо, были очень часто случаи, что крѣпостные крестьяне и дворовые отказывались отъ доставшейся или даруемой имъ свободы или принимали ее неохотно. Объ улучшеніяхъ, которыя были сдѣланы императоромъ Николаемъ въ управленіи, въ особенности въ организаціи чиновничества, Цандо отзывается съ величайшею похвалою и говоритъ, что ими было произведено радикальное преобразованіе. Онъ утверждаетъ даже, что не было ни одного примѣра законопреступнаго дѣйствія русскихъ чиновниковъ, которое бы не было строго наказано (что, конечно, замѣчаетъ Гакстаузенъ, надобно разумѣть о тѣхъ только дѣйствіяхъ, которыя дошли до свѣдѣнія императора).

Кромѣ Цандо Гакстаузенъ указываетъ на недавно изданную на англійскомъ языкѣ книгу Зутерланда Эдварда, подъ названіемъ: «The Russians at home», въ которой также самымъ благоприятнымъ образомъ изображаются отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ.

«Вмѣсто несчастнаго крѣпостнаго — говоритъ эта книга — который стонетъ подъ плетью фохта, иностранцы находятъ здѣсь селянина, у котораго есть свой домъ и свой кусокъ земли, на который онъ смотритъ какъ на свою собственность, есть лошадь и корова, составляющія также его собственность, которыхъ притомъ владѣлецъ деревни долженъ завести ему вновь, если онѣ

падутъ,—осенина, который за всѣ эти выгоды работаетъ три дня въ недѣлю на своего владѣльца, а остальные четыре дня пиветь въ своемъ распоряженіи, и притомъ отъ всякаго обязательства даже къ такой барщинѣ онъ можетъ освободиться ежегодною платою оброка, который рѣдко превышаетъ 11 талеровъ».

Всѣ эти отзывы защитниковъ крѣпостничества баронъ Гакстгаузенъ повторяетъ не въ качествѣ только добросовѣстнаго изслѣдователя, обзваннаго выслушать и противную сторону *audiat et altera pars*, нѣтъ, во многомъ онъ самъ раздѣляетъ ихъ розовыя воззрѣнія и повторяетъ тѣ же басни, которыя рассказываютъ и они. Такъ рассказывая исторію поземельныхъ отношеній въ Россіи, баронъ Гакстгаузенъ говоритъ между прочимъ: «Прикрѣпленіе — *glebae adscriptio* и крѣпостное состояніе собственно крестьянъ-земледѣльцевъ въ матеріальномъ отношеніи не было нисколько тягостнымъ. Оно представляло чисто патріархальное, благодѣтельное отношеніе между крѣпостными и ихъ владѣльцами. Крѣпостной въ своемъ деревенскомъ общинномъ устройствѣ имѣлъ достаточный просторъ для личной свободы. Съ паспортомъ своего господина онъ могъ ходить по всему русскому царству и заниматься какою угодно промышленью; надобно отдать при этомъ честь зажиточной части русскаго дворянства, что они не отягощали своихъ крестьянъ оброками. Крестьяне одного богача N и другихъ значительныхъ владѣльцевъ платили гораздо меньше государственныхъ крестьянъ, имѣя при этомъ весьма сильную защиту въ своихъ господахъ противъ разныхъ кричководствъ чиновниковъ. Мы также не встрѣчали, чтобы помѣщики крестьяне желали перемѣнить свое крѣпостное состояніе на положеніе государственныхъ крестьянъ; намъ рассказывали, что у покойнаго богача N считалось величайшею немилостью, названіемъ, когда онъ говорилъ какому нибудь негодному парню: «я отпущу тебя на волю»; виноватый бросался тогда на колѣни и умолялъ барина оставить его крѣпостнымъ».

Вѣдь могъ же такой серьезный изслѣдователь, какъ баронъ Гакстгаузенъ, вѣрить не только въ существованіе, но въ искренность подобныхъ идиллій, еслибы онѣ и дѣйствительно когда нибудь случались!!!

Обратимся теперь снова къ отрезвляющимъ петербургскимъ замѣчаніямъ, которыя разбиваютъ въ пухъ и прахъ эти розовыя вѣрованія барона Гакстгаузена.

Относительно того, что крѣпостные часто не хотѣли брать даваемой имъ свободы, петербургское примѣчаніе говоритъ: «зажиточные крѣпостные, приобретающіе капиталъ, что бывало часто въ промышленныхъ губерніяхъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

имѣнія были болѣе на денежномъ оборотѣ, и даже тѣ, у которыхъ было мало денегъ, но много силъ къ работѣ, употребляли обыкновенно всѣ усилія, чтобы откупиться отъ крѣпостнаго состоянія; они платили за это часто сотни и даже тысячи рублей. На этомъ общемъ желаніи крѣпостныхъ получить свободу основана была даже извѣстная спекуляція, состоявшая въ томъ, чтобы купить за дешевую цѣну имѣніе, выжать какъ можно болѣе широкій выкупъ съ ищущихъ свободы крестьянъ, и быстро возвративъ такимъ образомъ капиталъ, употребить его на новыя подобныя покупки».

Далѣе другое петербургское примѣчаніе выясняетъ, что прирѣшеніе и для крестьянъ-земледѣльцевъ было вовсе не такъ легко и патриархальное пріятно, какъ думаетъ баронъ Гагстаузенъ.

«*Stipae adscriptio* иногда и въ матеріальномъ отношеніи дѣлалось невыносимо-тяжелымъ состояніемъ. Иначе, впрочемъ, это не могло и быть при увеличивающемся хозяйствѣ и при совершенной невозможности твердо регулировать издѣльную повинность. Въ интересъ помѣщика было обрабатывать поле, еслибы жатва давала только два или три зерна, потому, что даровой трудъ крестьянъ въ его глазахъ вовсе не имѣлъ такой цѣны, которую надобно бы было принимать въ расчетъ. Къ этому присоединялись неблагоприятныя климатическія условія континентальнаго климата, въ которомъ время произрастенія такъ коротко, а жатва почти всѣхъ хлѣбовъ носифвуетъ одновременно, что въ данномъ случаѣ имѣетъ великую важность. Существовалъ, правда, законъ еще изъ временъ Павла I-го, что крѣпостные должны быть употребляемы на барщину не болѣе трехъ дней въ недѣлю, но этотъ законъ оставался только на бумагѣ. И исполнять его было совершенно невозможно, съ одной стороны по невозможности контроля, такъ-какъ крестьянинъ не имѣлъ права жаловаться на своего помѣщика, съ другой потому, что помѣщикъ всегда имѣлъ возможность отнять у общины часть поземельнаго участка и потомъ взамѣнъ отнятой части потребовать другихъ работъ. Обыкновенно вирожденіе короткаго періода полевыхъ работъ помѣщики урѣзывали у крестьянина до самой послѣдней крайности время для обработки его собственнаго поля; самую же болѣшую часть времени, безъ отдыха и покоя, крестьяне должны были работать на помѣщика. Особенно тяжелы были тѣ дни, когда всѣ способные къ работѣ крѣпостные въ общинѣ, большой и малой, молодой и старыи должны были работать вдругъ. Такія работы и вообще краткій періодъ жатвы, такъ характеризивно названный отъ народа *страдною порою*, дѣйствовалъ весьма сильно на увеличеніе смертности народонаселенія,

въ особенности же женщинъ (которыя въ качествѣ жницъ должны были проводить цѣлый день въ согнутомъ положеніи подъ палачимъ солнцемъ континентальнаго климата) и дѣтей, которыя оставались дома въ продолженіе цѣлаго дня безъ всякаго надзора, иногда больные. Гораздо легче былъ длинный зимній періодъ, когда болѣе чѣмъ на три дня въ недѣлю работы дѣйствительно не набиралось. Но и въ это время бывало тяжело по причинѣ отдаленности рынковъ, на которыхъ продавалось зерно. Два раза ежегодно долженъ былъ, на примѣръ, каждый крестьянинъ большей части имѣній въ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Тамбовской съѣздить въ Москву хлѣбъ своего господина— и это на разстояніи отъ 200—400 верстъ».

Къ двумъ предъидущимъ примѣчаніямъ мы считаемъ нелишнимъ присовокупить здѣсь третье, характеризующее положеніе крѣпостныхъ при императорѣ Александрѣ I. Оно сдѣлано нами-то знаткомъ-очевидномъ по тому поводу, что Гакстгаузенъ въ своемъ историческомъ очеркѣ поземельныхъ отношеній въ Россіи высказалъ, между прочимъ, что хотя еще въ царствованіе императора Александра I возникла мысль объ освобожденіи крестьянъ, но тогда оно не представлялось еще вполне необходимымъ, потому что крѣпостное состояніе собственно крестьянъ вообще не было тяжело; только во время Николая развились внутри Россіи тѣ великія политическія отношенія, которыя потребовали настоятельно взяться за этотъ безконечно важный вопросъ.

«Сильно желали—говорить противъ этого помянутый знатокъ-очевидецъ—и сильно хлопотали объ уничтоженіи крѣпостнаго права, но не достигли почти никакихъ результатовъ. Какъ можно себя представить, чтобы положеніе крѣпостныхъ было не тяжело, когда они не имѣли даже права жаловаться на своихъ господъ! Въ лучшемъ еще положеніи находились крѣпостные въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были болѣе на оброкѣ, какъ-то въ губерніяхъ Ярославской, Владимирской, Нижегородской и т. д. Тамъ крестьянинъ, уплативъ господамъ умѣренный оброкъ, *de facto* былъ свободенъ въ своемъ образѣ жизни, но и здѣсь онъ не былъ обезпеченъ на всегда противъ ужаснѣйшихъ грабительствъ. Когда, на примѣръ, умиралъ его помѣщикъ или продавалъ свое имѣніе, то крестьянинъ могъ бояться всего. По мѣрѣ развитія роскоши между помѣщиками образовались спекулянты, которые сколачивали себѣ огромныя имѣнія слѣдующимъ образомъ. Покупались на аукціонахъ преимущественно въ оброчныхъ мѣстностяхъ имѣнія. Выплаченную сумму покупщикъ имѣнія старался какъ можно скорѣе выжать изъ богатѣйшихъ крестьянъ. Такимъ образомъ купленное имѣніе, хотя, можетъ быть нѣсколько и

неоплаченное, оставалось въ рукахъ новаго помѣщика. Оброкъ на всѣхъ крестьянъ увеличивался и награбленные деньги поступали на покупку новаго имѣнія и т. д. Мы видали, что первоначальные капиталы въ 20—30.000 руб. превращались такимъ образомъ въ теченіе 15 лѣтъ въ колоссальныя богатства. Еще тяжелѣе было состояніе крестьянъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣнія были большею частію на барщинѣ, какъ-то въ губерніяхъ Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской и т. д. Можетъ быть, что половина крестьянъ, находясь во владѣніи помѣщиковъ вротенныхъ, образованныхъ, гуманныхъ, и не испытывала тяжелаго положенія; за то другая половина состояла или во власти самой грубой и невѣжественной части мелкаго дворянства, которое ничего не знало кромѣ своихъ матеріальныхъ интересовъ и необузданно предавалось самымъ грубымъ чувственнымъ страстямъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ, или подъ властію еще болѣе грубыхъ управителей, которые замѣняли собою отсутствующихъ помѣщиковъ. Всякій изъ помѣщиковъ, когда только у него была охота распоразаться своими крѣпостными самымъ грубѣйшимъ и постыднѣйшимъ образомъ, могъ дѣлать что хотѣлъ, совершенно неограниченно и безнаказанно, и нѣкоторые изъ нашихъ нынѣшнихъ дворянъ, родившихся и воспитавшихся въ своихъ помѣстьяхъ, припоминаютъ изъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ (идущихъ, впрочемъ, не далѣе царствованія императора Николая) о разныхъ ужасныхъ дѣлахъ, которыя происходили почти передъ ихъ глазами и которыя вовсе не были въ то время какимъ нибудь рѣдкимъ исключеніемъ. Противъ этихъ ужасовъ возвышалась только бессильно голосъ тѣхъ, которые сами не имѣли ничего подобнаго на своей совѣсти и къ своимъ крѣпостнымъ относились съ патріархальною заботливостію и гуманностію. Но чѣмъ можно было ограничить злодѣянія, когда помѣщики были совершенно грубы и невѣжественны, когда крестьянинъ по закону не имѣлъ права приносить на нихъ жалобы и когда общественное мнѣніе не осуждало такихъ дѣлъ?

Несмотря на свои розовыя воззрѣнія относительно крѣпостнаго права въ Россіи, баронъ Гакстгаузенъ въ концѣ концовъ, какъ мы уже замѣтили выше, приходитъ все-таки къ тому убѣжденію, что въ царствованіе императора Николая патріархальный характеръ его сильно испортился разными случайностями, и что случайности эти были однакожь такого рода, что ихъ нельзя было уничтожить, не уничтоживъ самаго крѣпостнаго права, съ которымъ онѣ сплелись неразрывно.

Эти случайности баронъ Гакстгаузенъ видитъ, вопервыкъ, въ

умноженіи фабрикъ, и въоторыхъ, въ сильномъ размноженіи мелкопомѣстныхъ имѣній.

«Уже Петръ — гверитъ онъ — признавалъ необходимитъ развить въ Россіи фабричное производство въ значительныхъ размѣрахъ по образцамъ европейскимъ, и дѣлать для этого много опытовъ, но онъ умеръ слишкомъ рано, и планы его остались неисполненными. Въ послѣдующія царствованія дѣло это было оставлено безъ вниманія. Екатерина II-я предпринимала, правда, кой-что, но не съ тою обычною ей энергіею, которую она показывала въ другихъ дѣлахъ. Лишь въ царствованіе императора Николая развились въ этомъ отношеніи величественные планы. Стали говорить, что Россія находится въ постоянномъ убыткѣ отъ несоразмѣрности ввоза съ вывозомъ. Свѣдущій и энергичекій министръ графъ Канкринъ начерталъ широкій, стройный планъ, и возбудилъ неутомимую дѣятельность. Тагъ-какъ образованное среднее сословіе въ Россіи едва только начиналось, то онъ долженъ былъ единственное образованное сословіе въ Россіи — дворянство, привлечь къ тому, чтобы оно всюду — въ Москвѣ и другихъ городахъ, а еще лучше, въ своихъ имѣніяхъ, заводило всякаго рода фабрики. Богатые русскіе купцы — люди, хотя и необразованные, но отлично разумные и надѣленные свойственною русскому человѣку перенмчивостію, послѣдовали ихъ примѣру; умный и широкій тарифъ оказывалъ всевозможную поддержку процвѣтанію фабричнаго производства. Снуста 20 лѣтъ, страна приняла совершенно другой видъ. Въ разныхъ мѣстахъ были заведены тысячи разнообразныхъ фабрикъ. Большіе города, въ особенности Москва, приняли совершенно другой видъ, другой характеръ. Москва, прежде городъ гордыхъ бояръ, окруженныхъ сотнями тысячъ своихъ холоповъ, производившихъ въ своихъ избахъ невѣроятныя вещи отъ безпущта и лѣни, уже въ 1843 году, когда мы были въ немъ, былъ населенъ сотнями тысячъ трудолюбивыхъ рабочихъ.

«Понятно само собою, что при этомъ новомъ положеніи дѣлъ, и социальныя отношенія русскихъ крестьянъ должны были существенно измѣниться.

«Земледѣліе поднималось очень плохо, несмотря на всѣ поощренія со стороны правительства; народонаселеніе деревель огромными массами устремилось на фабрики — государственные крестьяне по собственной волѣ, помѣщичьи частью по принужденію помѣщиковъ. Для земледѣлія остались только совершенно неспособныя руки и рабочія силы. Въ Московской губерніи, фабричные рабочіе приходили домой въ деревню только недѣли на четыре въ теченіе года, во время обработки полей и во время

завы, и потомъ снова возвращались къ своему фабричному дѣлу.

«Сотни тысячъ народа, отправлявшіеся на фабрики, портились и нравственно и физически; при этомъ, помѣщики, обыкновенно, употребляли своихъ крѣпостныхъ для работъ не на собственныхъ фабрикахъ — это казалось совершенно непрактично и малопривычно — а отдавали ихъ другимъ помѣщикамъ на ихъ фабрики. Естественно, что послѣдніе всего менѣе были расположены имѣть къ нимъ патріархальныя отношенія. Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ состояніи развилась во всѣхъ отношеніяхъ такая масса бѣдствій, что правительство все болѣе и болѣе чувствовало необходимость обратить свое вниманіе на это дѣло во всемъ его объемѣ. Уже императоръ Николай имѣлъ твердое намѣреніе уничтожить крѣпостное состояніе; это доказываетъ знаменитый указъ его отъ 2-го апрѣля 1842 года, дозволившій помѣщикамъ заключать обязательные контракты съ своими крѣпостными. Не есть ли это уже уничтоженіе крѣпостнаго права въ принципѣ? Рабъ есть вещь, а не правный субъектъ; но въ качествѣ контрагента онъ является по этому указу уже правнымъ субъектомъ. Императоръ Николай не могъ исполнить своей воли; открылись великія затрудненія».

Другая случайность, настоятельно требовавшая уничтоженія крѣпостнаго права, состояла, по мнѣнію Гавстгаузена, въ огромномъ числѣ мелкопомѣстнаго дворянства. «Что благопріятные отзывы относительно положенія крестьянъ, принадлежавшихъ мелкимъ помѣщикамъ — говорить онъ — надобно принимать съ большою осторожностію — это ясно изъ свойства самаго дѣла, и единогласно подтверждается многими писателями, жалующимися въ особенности на дурное состояніе крѣпостныхъ у мелкопомѣстныхъ. Къ сожалѣнію, наибольшее число было именно таковыхъ. По всчисленію Кеппена, число всѣхъ помѣщиковъ въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Земли Войска-Донскаго, простиралось въ 1834 году до 127,103, и изъ нихъ 58,457 владѣли среднимъ числомъ каждый 7,70 крѣпостныхъ мужескаго пола. Изъ всѣхъ землевладѣльцевъ 46 процентовъ имѣли менѣе, чѣмъ по 21 душѣ мужескаго пола, а 14 процентовъ имѣли только людей и нивакой земли».

Но соглашаясь съ тѣмъ, что образовалось такое положеніе вещей, которое требовало немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго права, баронъ Гавстгаузенъ не находить, однакожъ, чтобы русскій крестьянинъ былъ приготовленъ къ этому перевороту.

«Всѣмъ извѣстно — говорить онъ — что русскій крестьянинъ отличается отъ крестьянъ всѣхъ другихъ народовъ, и даже едино-

племенныхъ ему славянскихъ (можетъ быть, это слѣдствіе долговременнаго татарскаго ига), *недостаткомъ крѣпкой привязанности къ родному участку земли* или, можетъ быть, точнѣе сказать, къ своему крестьянскому званію, и потому рождается вопросъ: можно ли, и если можно, то какъ именно можно помочь этому злу законными институтами, которыя безъ извѣстнаго стѣсненія вовсе немислимы, вначе сказать: при такомъ свойствѣ русскихъ крестьянъ возможна ли полная независимость русскаго крестьянскаго сословія? Въ нѣкоторой связи съ этимъ свойствомъ стоитъ другое, также рѣзко выдающееся въ русскомъ крестьяннѣ свойство — это страсть его къ торгу и кулачничеству, которое въ высшей степени вредно для характера истиннаго крестьянина. Торгующій и барышняющій крестьянинъ, избаловавшись деньгами, дѣлается самолюбивъ, своекорыстенъ, падокъ на удовольствія, вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ въ немъ свойства всякаго неспорченнаго крестьянина, какъ-то: истинная кротость, бережливость и вообще консервативныя наклонности. Отличный знатокъ сельскаго быта въ черноземной полосѣ Россіи (Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland zunächst in landwirtschaftlicher Hinsicht. Leipzig. 1851) Петцольдъ такъ превосходно говоритъ о стремленіи русскаго крестьянина имѣть промыселъ внѣ мѣста родины, что мы считаемъ здѣсь нужнымъ повторить нѣсколько изъ его словъ:

«Этой чуждомной (ausserheimisch) промышленности, которая, какъ по своему объему, такъ и по предметамъ, бываетъ весьма различна, предается крестьянинъ съ большою охотою, по мѣрѣ своего знакомства съ ней, и я ни на одну минуту не усомнюсь сказать, *что для русскаго сельскаго хозяйства надобно почитать счастьемъ*, что вслѣдствіе законно установленныхъ отношеній крестьянина къ господину, въ силу которыхъ крестьянинъ долженъ испросить позволеніе у своего барина, прежде нежели повернется спиною къ плугу, *эта склонность простаго человека насильственно можетъ быть сдерживаема внутри извѣстныхъ границъ*. Еслибы крестьянину было предоставлено на волю заниматься земледѣіемъ или другими промыслами, а еще лучше торговлею, то легко могло бы случиться, что при земледѣіи не осталось бы нужныхъ силъ».

«Петцольдъ приводитъ таблицу о числѣ государственныхъ крестьянъ, которые въ 1845 году въ 14-ти губерніяхъ брали паспорта и оставляли земледѣіе. Это число простиралось въ губерніи Тверской до 84,931 челов., при народонаселеніи всей губерніи въ 1,320,700 ч.; въ губерніи Полтавской до 76,224 ч., при народонаселеніи въ 1.783,809 ч.; въ губерніяхъ Воронеж-

своей, Курской, Харьковской, Пермской, Вятской это число меньше, но, однакожъ, и въ нихъ было не менѣе 52,985 чел.; затѣмъ слѣдуютъ губерніи Эстляндская, Лифляндская, Волынская, Могилевская, Минская, Херсонская, Подольская, въ которыхъ самое большое число было 990, а самое меньшее 311. Онъ показываетъ далѣе, какъ русское правительство еще особеннымъ образомъ поддерживаетъ эту наклонность крестьянъ къ промышленнымъ предприятиямъ всякаго рода, именно дозволеніемъ производить промыслы всякаго рода во всѣхъ мѣстностяхъ обширнаго царства, преимущественно же тѣмъ, что крестьяне могутъ вступать въ цехи, не перемѣняя своего званія, такъ что этимъ совершенно устраняется необходимость изучать промыслъ сообразно съ цеховымъ уставомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняются всякія затрудненія на полученіе права промысла и на открытіе мастерской. Въ Тамбовской губерніи, которую Петцольдъ описываетъ съ особенною подробностью, крестьяне производятъ торговлю многими продуктами, главная же ихъ торговля хлѣбомъ (торговля въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. продажа продуктовъ не собственного только производства, но продуктовъ, купленныхъ именно для продажи съ цѣлью барыша). Мы думаемъ, что не ошибемся, если этому торгово-барышническому духу припишемъ причину того, что въ русскихъ крестьянахъ недостаетъ нѣкоторыхъ свойствъ, характеризующихъ здоровое крестьянское сословіе. Русскому крестьянину, безъ сомнѣнія, справедливо приписывали высокую степень вѣрности и привязанности къ начальству, сильное семейное чувство, привязанность къ религіи и т. п., но своекорыстіе, которое приносить съ собою духъ барышничества, съ теченіемъ времени будетъ несомнѣнно все болѣе и болѣе производить свое вредное вліяніе. Консервативныя наклонности, которымъ и прежде было очень трудно уживаться съ страстью къ бродяжничеству, въ будущемъ, при полной собственности поземельнаго участка съ правомъ отчуждать его, окажутся не довольно сильны для того, чтобы удержать крестьянскіе участки отъ превращенія въ подвижной товаръ. Чтобы въ крестьяннѣ эти консервативныя наклонности утвердились отъ приобрѣтенія собственности, этого ожидать весьма трудно, тѣмъ болѣе, что будучи еще крѣпостнымъ, онъ смотрѣлъ на обрабатываемую имъ и его предками, со времени Годунова, землю, какъ на свою собственность. Крестьянское самоуправленіе (selfgovernment) доселѣ, кажется, еще не такъ благоважно, чтобы оно могло обойтись безъ высшаго строгаго присмотра. Какъ крестьянинъ способенъ дѣйствовать противъ собственныхъ своихъ однообше-

ствениковъ, когда онъ въ силѣ, примѣръ тому приводитъ Тургеневъ («Russland und die Russen». Grimma 1847). Онъ говоритъ, что иногда болѣе зажиточные крестьяне покупали у какого нибудь мелкаго помѣщика, цѣлымъ обществомъ, имѣніе съ принадлежащими къ нему вѣрными (на имя своего помѣщика), и съ этого имѣнія брали всѣхъ рекрутъ, которыхъ они должны бы были поставить сами. Припомнимъ здѣсь и о такъ называемыхъ мироѣдахъ. Федоръ Верниротъ въ своемъ сочиненіи: «Russland im Lichte und Russland in Schatten. Hamburg, 1852» говорить: «въ основѣ своей природное настроеніе русскаго чело-вѣка доброе и кроткое, и многіе говорятъ, что по сердцу онъ лучше, чѣмъ всѣ другія націи, — но это только до тѣхъ поръ, пока онъ занимается земледѣліемъ и не бывалъ далѣе окрестностей своей деревни. Какъ скоро онъ дѣлается мелочнымъ торговцемъ въ городахъ, или начинаетъ кулачить по деревнямъ, то возвращается и дѣлается самымъ продуваннымъ обманщикомъ. Чѣмъ болѣе проходитъ денегъ чрезъ его руки, и чѣмъ болѣе приобрѣтаетъ онъ вліянія на торговлю и тому подобныя занятія, тѣмъ онъ гнуснѣйшимъ дѣлается мошенникомъ. Склонность къ воровству онъ, кажется, впрочемъ, всасываетъ съ молокомъ материнимъ». Тотъ же писатель находитъ, что виною плачевнаго положенія русскаго крестьянина еще болѣе, чѣмъ рабство, служить легкомысліе, беспечность, лѣность, апатія—качества, пристающія къ нему отъ самого рожденія; онъ есть и останется самымъ плохимъ земледѣльцемъ и можетъ быть побуждаемъ къ труду только значительными оброками своего барина или начальства, или плетью. Въ доказательство этого, Верниротъ указываетъ на свободныхъ русскихъ крестьянъ, которые по своему особенному положенію платятъ только самыя незначительныя оброки и почти также независимы, какъ нѣмецкіе крестьяне, и которыхъ хозяйство однакоже въ высшей степени плохо. Изъ этого же національнаго характера русскихъ онъ объясняетъ тотъ извѣстный фактъ, что въ прежнее время, до уваза Бориса Годунова 1593 года, многія тысячи вольныхъ людей отказывались, чрезъ полюбовную сдѣлку съ помѣщиками, на извѣстное время отъ своей свободы и дѣлались вѣрными.

«Почти точно такимъ же образомъ изображаетъ русскій національный характеръ Головинъ («Russland unter Nicolaus I». Leipzig, 1845). Онъ отличается отъ Вернирота только тѣмъ, что вину дурныхъ сторонъ русскаго крестьянина онъ слагаетъ на правительства. Но не справедливѣ ли, говорить баронъ Гакстаузенъ, думать, что характеръ правительства опредѣляется характеромъ народа».

Изъ такихъ неслышныхъ отзывовъ о русскомъ національномъ характерѣ, можетъ слѣдовать одно заключеніе, что русскому народу для его счастья рѣшено судьбами вѣчное, неисходное рабство.

Такъ дѣйствительно, нисколько не стѣсняясь, и выражаются нѣкоторые изъ писателей крѣпостнаго устоя. «Несмотря на свой практической умъ—говоритъ Федоръ Верниротъ —русскій крестьянинъ съ давнихъ временъ находился всегда въ самомъ жалкомъ положеніи, если не имѣлъ господина; онъ, повидному, *назначенъ для рабства*». Шедоферотти въ своемъ сочиненіи «Etudes sur l'avenir de la Russie» (Berlin. 1857) говоритъ: «il est certain, que la majorité des serfs en Russie est très contente de son sort». Даже Петцольдъ, изслѣдователь весьма серьезный и основательный, выражается такимъ образомъ по поводу русской крестьянской реформы: «я думаю, что уничтоженіе крѣпостнаго права въ концѣ концовъ послужитъ, вѣроятно, въ пользу помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ оно разоритъ огромное число крестьянъ». Въ объясненіе этого мы должны сказать, что Петцольдъ на крѣпостное право въ Россіи смотритъ едва-ли не розовѣе всѣхъ другихъ писателей. Онъ говоритъ, что «слово: *крѣпостной* въ Россіи значило только: *прикрепленный къ землѣ* и что въ понятіи его не было ничего похожего на нѣмецкое: *leibeigen*, что смѣшеніе этихъ разнозначущихъ словъ только подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, которыя были тѣмъ легче, что многіе помѣшцики, живя вдали отъ своихъ имѣній, предоставляли управленіе своимъ довѣреннымъ, что гдѣ наблюдалъ собственный глазъ помѣщика, тамъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ были примѣры жалобъ». На это баронъ Гакстгаузенъ весьма справедливо замѣчаетъ, что жалобы были бы напрасны, когда законъ не принималъ жалобъ, а кромѣ того, въ самой горькой судьбѣ можно притерпѣться. Вообще баронъ Гакстгаузенъ рѣшительно отрицается отъ крайнихъ выводовъ, которыми русскій народъ приговаривается къ вѣчному рабству, хотя и принимаетъ, какъ мы видѣли, тѣ огульныя обвиненія русскаго народа въ лѣности, безпутствѣ, воровствѣ, нерадѣніи о земледѣліи и т. п., на которыхъ основываются подобныя выводы.

Посмотримъ теперь, что по поводу этихъ обвиненій говорятъ *петербургскіи примѣчанія*.

Не опровергая того вышеприведеннаго нами заявленія Петцольда, что изъ многихъ губерній крестьяне въ значительномъ количествѣ отправляются на заработки въ другія губерніи, одно изъ примѣчаній говоритъ, что «числа, приведенныя Петцольдомъ, не только вполнѣ вѣрны, но и вполнѣ резонны. Почему

бы, наприимѣрь, 76,224 рабочимъ изъ Полтавской губерніи не отпраляться на работу въ смежныя губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, когда здѣсь, при совершенномъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, подневная цѣна работы доходила до 1 рубля, между тѣмъ, какъ въ Полтавской губерніи, при существующей тамъ системѣ хозяйства, земли было очень мало и нельзя было найти никакой работы, такъ-какъ помѣщики имѣли вдоволь своей крѣпостной рабочей силы и могли пользоваться ею? Впрочемъ, теперь крестьяне уже свободны, однакожь въ земледѣльческихъ губерніяхъ мы не видимъ мѣстностей, покинутыхъ безъ обработки. Напротивъ, крестьяне обрабатываютъ свои поля теперь гораздо прилежнѣе и тщательнѣе, нежели прежде, и уходятъ изъ мѣстъ своего жительства ни чуть не въ большемъ противу прежняго числѣ».

Обвиненіе Верниротомъ русскаго крестьянина въ склонности къ воровству, другое петербургское примѣчаніе называетъ ложнымъ и легкомысленнымъ. «Какъ можно — говорить оно — толковать объ общей склонности русскаго народа къ воровству, когда наши помѣщичьи дома въ деревняхъ, въ которыхъ хранятся всѣ наши вещи и деньги, изстари и до настоящаго времени стоятъ съ открытыми дверями и окнами и почти не запираются? То, что на взглядъ Вернирота кажется воровствомъ, есть явленіе совершенно другаго рода. Крестьяне дѣйствительно нерѣдко вкрадутъ по нѣскольу штукъ молодыхъ деревьевъ изъ лѣсу помѣщика или плоды изъ его сада, то-есть *исключительно* такіе естественные продукты, которые Богъ даетъ человѣку безъ его труда. Изъ такого совершенно спеціальнаго воровства ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ современнымъ цивилизованнымъ народомъ, а съ народомъ натуральнымъ, которому еще довольно чужда идея дѣленія собственности въ продуктахъ, доставляемыхъ природою, и который воспитанъ, имѣя передъ своими глазами съ одной стороны общинное пользованіе землею и ея произведеніями, а съ другой образъ дѣйствій самого помѣщика, который слишкомъ часто переступалъ границы между своею собственностію и собственностію своихъ крѣпостныхъ. Правда, законъ и не признавалъ никакой разграничительной черты между собственностію крѣпостныхъ и помѣщиковъ, имѣвшихъ на собственность крестьянина полныя права; но за то и крестьянинъ думалъ, что онъ можетъ пользоваться всѣмъ, что производила природа на почвѣ помѣщика, и бралъ или вралъ то, что необходимо было ему для собственнаго его *употребленія*, а не для *продажи*».

«Что касается до лѣности и безопасности крестьянъ — говорить

третье петербургское примѣчаніе, опровергая выводы Вернирота— то онѣ нивагъ не природныя свойства ихъ, а только строго логическія послѣдствія ихъ положенія. Если плоды моего тяжкаго труда будутъ доставаться не мнѣ, а другому, то я естественно сдѣлаюсь лѣнивъ и апатиченъ, и буду работать только изъ страха и изъ-подъ палки. А если этотъ другой можетъ притомъ и отнимать у меня все, что я самъ приобрѣту, такъ что я не имѣю право даже и жаловаться на это, но за то обязанъ, хотя бы то самымъ скуднымъ образомъ пропитывать меня и мое семейство, то я не могу не сдѣлаться и *безпечнымъ*, ибо къ чему мнѣ заботиться, когда я съ одной стороны знаю, что я никогда не буду голоденъ, а съ другой никогда не могу приобрѣсть ничего, что бы признали моею собственностію?»

III.

Утвердившись на той мысли, что русскій крестьянинъ безъ опеки или по крайней-мѣрѣ безъ извѣстнаго руководства, однимъ словомъ вполнѣ на своихъ ногахъ долго еще существовать не можетъ, баронъ Гакстгаузенъ хлопочетъ о томъ, какъ бы устроить въ этомъ отношеніи его счастье.

Прежде всего мысль его останавливается на дворянствѣ. Онъ хвалитъ русское правительство за то, что освободивъ крестьянъ, оно рѣшилось и дальнѣйшее ихъ управление ввѣрить, съ различными видоизмѣненіями, ихъ прежнимъ помѣщикамъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ принципамъ Пруссіи, удерживавшимся отъ 1816—1848 года. «Но въ Пруссіи, говоритъ онъ, это было легче исполнить, патримоніальную расправу тамъ производили не лично помѣщики, а избранный ими одинъ изъ коронныхъ чиновниковъ, испытанный и имѣвшій хорошую репутацію и т. д. Онъ исполнялъ полицейскія обязанности лично по существующимъ полицейскимъ законамъ и обычаямъ, причемъ помогалъ ему назначаемый имъ мѣстный надзиратель. Ландратъ округа (выбранный изъ дворянъ исправникъ) контролировалъ ихъ и имѣлъ надъ ними надзоръ. Въ Россіи дѣло находится въ другомъ положеніи. Здѣсь дворянство большею частію не живетъ въ деревняхъ; доселѣ оно не имѣло никакихъ тутъ экономическихъ заведеній, кромѣ сада и дома, не занималось сельскимъ хозяйствомъ; обрабатывало только по мѣстамъ часть земли для собственныхъ потребъ, но не имѣло для этого ни земледѣльческихъ орудій, ни скота; крестьяне должны были обрабатывать ему поле своимъ скотомъ и доставлять жатву. Самое большее

число дворянъ, находясь въ военной и гражданской службѣ, жило въ городахъ и прѣвзжало въ помѣстья только на короткое время. Однимъ словомъ, Россія, по крайней мѣрѣ, Великобританія, не имѣетъ такого количества сельскихъ дворянъ, какъ Германія, ни поземельной аристократіи, какъ Англія. Это, по нашему мнѣнію, большое зло, въ особенности при послѣдней великой реформѣ, когда въ жизни должно быть насаждено и проведено новое законодательство. Въ Россіи нѣтъ доселѣ средняго сословія, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такого, которое бы новѣйшею цивилизаціею и культурою достаточно было подготовлено къ тому, чтобы правильно понять виды новаго законодательства и содѣйствовать ихъ проведенію. Русское дворянство представляетъ вмѣстѣ и среднее сословіе въ его главныхъ направленіяхъ; оно одно, по своему образованію, способно занимать государственныя должности, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ; оно вмѣстѣ и фабрикантъ — самое большее число фабрикъ частію въ большихъ городахъ, въ особенности въ деревняхъ, основано имъ въ его помѣстьяхъ».

Баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ русскому дворянству благородно и самоотверженно вступить на тотъ новый путь, который указало ему правительство, отчасти въ предоставленіи помѣщикамъ на нѣкоторое время верховнаго надзора надъ бывшими ихъ вѣрными, главнымъ образомъ въ предоставленіи исключительно дворянству должностей мировой институціи.

«Вся эта институція—говоритъ онъ—ввѣрена и передана въ губерніяхъ и округахъ живущему въ своихъ помѣстьяхъ дворянству; если русское дворянство вѣрно и энергически пойдетъ по этому пути, то оно можетъ достигнуть того же положенія, какое имѣютъ англійскіе джентри: *Noblesse oblige!* Положеніе и сила англійской аристократіи состоитъ въ томъ, что она выполняетъ столь высокія обязанности, но не пользуется за это никакими матеріальными выгодами».

Но чтобы достигнуть положенія англійскихъ джентри, русскому дворянству необходимы, по проекту барона Гакстгаузена, двѣ вещи: во первыхъ, переселиться изъ городовъ въ деревни; во вторыхъ, сдѣлаться на столько значительнымъ въ своемъ благосостояніи, чтобы не нуждаться въ матеріальномъ вознагражденіи за исполненіе тѣхъ должностей, которыя оно будетъ нести на пользу общую.

Но само дворянство, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ, одно, безъ пособія правительства, не можетъ достигнуть этихъ цѣлей.

Доселѣ дворянство привлекалось нарочно въ службу военную или гражданскую, сельское дворянство не имѣло никакого зна-

ченія и не получало никакихъ поощреній отъ правительства. Теперь это должно измѣниться. Баронъ Гакстгаузенъ подробно доказываетъ, что настоящая миссія сельскаго дворянства нетолько не ниже, но и выше обязанностей военной и гражданской службы, что поэтому дворянство, проживающее въ помѣстьяхъ, должно считаться если не выше, то по крайней мѣрѣ нисколько не ниже проживающаго въ городахъ и несущаго военную или гражданскую службу. Баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ выдвинуть на первое мѣсто въ каждой губерніи должность предводителя губернскаго дворянства, сдѣлать ее центральнымъ органомъ всего государственнаго управленія губерніи, и затѣмъ при этой высшей дворянской власти организовать твердую дворянскую корпорацію изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, земскихъ выборныхъ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей, и т. д., такъ чтобы эта корпорація держала въ своихъ рукахъ все земское дѣло и служила противовѣсомъ чиновничеству. Озабоченный исполненіемъ этого грандіознаго плана, баронъ Гакстгаузенъ доходитъ въ своихъ хлопотахъ до смѣшнаго. Онъ думаетъ, что русскіе помѣшаны на чиновочитаніи, и что для нихъ титулъ князя или графа ничто, если съ этимъ титуломъ не соединяется крупный чинъ. Потому рекомендуетъ правительству губернскому предводителю дворянства давать непременно чинъ превосходительства, для прочихъ же не жалѣть чиновъ статскаго, коллежскаго и прочихъ совѣтниковъ, весьма искренно и подробно выясняя, что помѣщикъ, имѣющій и ведущій хорошо сельское хозяйство, приноситъ государству пользы ничѣмъ не менѣе какаго нибудь статскаго или коллежскаго совѣтниковъ.

Чтобы дворянство могло имѣть независимое матеріальное положеніе, баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ правительству, кромѣ помощи ему особыми кредитными установленіями, принять мѣры въ такомъ направленіи, чтобы мелкія помѣстья мало-по-малу исчезали, крупныя же, если не увеличивались, то не уменьшались. Онъ склоненъ бы былъ утвердить въ Россіи маоратъ, но такъ-какъ это противно русскимъ обычаямъ, то онъ, по крайней-мѣрѣ, желаетъ установить законъ, чтобы при дѣлежѣ имѣнія, оно доставалось всегда одному, остальные, имѣющие право на имѣніе, получали за свои части денежную плату.

При этомъ и такое сомнѣніе тревожитъ барона Гакстгаузена: если будетъ поддерживаться одно крупное дворянство, мелкопомѣстное же исчезнетъ, то можетъ остаться недостаточное число дворянъ для занятія всѣхъ судебныхъ и административныхъ постовъ надъ 20 милліоновъ освобожденныхъ крестьянъ. Въ виду такой опасности баронъ Гакстгаузенъ пускается въ исчисленія и самымъ точнымъ

счетомъ успокоиваетъ читателя, что и за уничтоженіемъ мелкаго дворянства дворянъ все еще останется достаточно... По исчисленію Кеппена — говоритъ онъ (Ueber Vertheilung der Bewohner Russland nach Ständen) — въ 1846 г. землевладѣльцевъ изъ дворянъ считалось 108,000, изъ нихъ 58,000 имѣло менѣе, чѣмъ по 20 вѣрстныхъ, всѣ вмѣстѣ имѣли только 451,000. Затѣмъ 20,800 дворянъ имѣли болѣе, чѣмъ по 100 вѣрстныхъ (всѣ вмѣстѣ они владѣли почти 9 мил. душъ, то-есть почти девятою десятыхъ вѣрстнаго населенія). Среднимъ числомъ 100 душъ представляютъ имущественную цѣнность отъ 25—30,000 руб. Наконецъ 9,000 дворянъ имѣли болѣе, чѣмъ по 500 душъ, или имущественную цѣнность отъ 120—150,000 руб. Изъ этихъ 25,000 дворянъ легко найдется достаточное число лицъ, способныхъ по губерніямъ завѣдывать разными институціями для крестьянъ.

Читатель видитъ, что баронъ Гакстгаузенъ относительно дворянства стоитъ на средневѣковой кастической точкѣ зрѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ своемъ увлеченіи дворянствомъ, онъ забываетъ, что положеніе дворянства въ каждой странѣ создается многовѣковою исторіею страны, что нельзя вдругъ по требованію обстоятельствъ не только въ Россіи, но и въ какой угодно странѣ народить англійскихъ джентри и создать имъ въ народѣ то именно положеніе, каковымъ они пользуются въ Англии. Но замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ та непослѣдовательность, съ которою баронъ Гакстгаузенъ проводитъ свои дворянскія воззрѣнія. Обезземеленіе крестьянъ баронъ Гакстгаузенъ считаетъ величайшимъ зломъ въ Италіи и угрожаетъ ей даже за это революціей. Но то же самое обезземеленіе крестьянъ въ пользу англійской аристократіи ему не кажется зломъ, мало того, представляется такимъ отраднымъ состояніемъ, которое онъ, со стороны положенія джентри, рекомендуетъ и Россіи. Однакожь, если обезземеленіе крестьянъ въ Италіи можетъ, по его мнѣнію, повести къ революціи, то почему та же самая причина не можетъ повести къ тому же и въ Англии? Далѣе, если англійскіе джентри, люди, по мнѣнію Гакстгаузена, такъ глубоко преданные интересамъ государства, не нашли ничего противнаго пользамъ государства скупить всѣ земли крестьянскія въ свои руки, то почему же знать, что того же не сдѣлали бы и русскіе джентри, еслибы они могли когда-нибудь стать въ положеніе англійскихъ джентри по своему нравственному развитію матеріальному обезпеченію?

Петербургскія примѣчанія держатся въ этомъ случаѣ совершенно противоположныхъ воззрѣній. На ту мысль барона Гакст-

гаузена, что временнымъ предоставленіемъ власти помѣщику надъ бывшими его крѣпостными и мировой институціи дворянству указывается послѣднему путь, которымъ хочетъ идти правительство въ развитіи новаго законодательства, одно примѣчаніе говорить: «Уже половина крестьянскихъ общинъ въ настоящую минуту свободна отъ высшаго надзора помѣщиковъ (потому что крестьяне вступили уже къ разрядъ собственниковъ). Впрочемъ, и въ другой половинѣ помѣщикъ въ настоящее время почти совершенно не вмѣшивается въ дѣла крестьянскихъ общинъ, потому что онъ очень хорошо понялъ, что онъ можетъ быть или помѣщикомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, или только богатымъ, добрымъ сосѣдомъ крестьянской общины. Средняго положенія между этими двумя отношеніями невозможно установить, оно непременно повело бы къ непрестаннымъ столкновеніямъ и было бы вредно для обѣихъ сторонъ. Что касается до мировыхъ посредниковъ, то они теперь уже имѣютъ огромное вліяніе на крестьянскія общины и дѣлаютъ весьма добросовѣстно свое дѣло; но при этомъ не должно забывать, что въ каждомъ уѣздѣ находится не болѣе трехъ или четырехъ мировыхъ посредниковъ (можетъ быть, на сотню помѣщиковъ) и что каждый изъ нихъ имѣетъ власть только въ своемъ мировомъ участіи, гдѣ по нѣскольку дюжинъ крестьянскихъ общинъ подчинены его разбирательству и отчасти управленію».

На ту мысль барона Гагстгаузена, что русское дворянство, преобразовавшись въ англійскихъ джентри, могло бы составить противовѣсъ всемогущему доселѣ чиновничеству, другое петербургское примѣчаніе говорить: «Это справедливо, но для этого нужны не монопольныя привилегіи, не узкая замкнутость касты, но пребываніе дворянства въ своихъ имѣніяхъ, занятіе собственнымъ сельскимъ хозяйствомъ въ большемъ размѣрѣ, образованіе и ревностное исполненіе довольно многочисленныхъ обязанностей, которыя будутъ поручены на будущее время не одной какой-нибудь замкнутой самой въ себѣ кастѣ, но всѣмъ сословіямъ, то-есть представителямъ большой и средней поземельной собственности и крестьянскихъ общинъ. Начало этому дѣйствительно уже и положено новыми земскими учрежденіями, которымъ вѣрено мѣстное самоуправленіе».

Относительно возвышенія и почета должности губернскаго предводителя дворянства, третье петербургское примѣчаніе говорить: «Губернскій предводитель дворянства и безъ того имѣетъ титулъ превосходительства и всѣ привилегіи, присвоенныя чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Постъ губернскаго предводителя дворянства — постъ въ высшей степени почетный,

но его функціи въ государственномъ организмѣ не особенно важны».

Кромѣ дворянства, баронъ Гакстгаузенъ большой поклонникъ крестьянской общины. Въ ней онъ видитъ залогъ не только крестьянскаго, но и всего общественнаго и государственнаго благосостоянія. Когда при началѣ крестьянскаго вопроса въ Петербургѣ появилось мнѣніе о необходимости уничтоженія крестьянской общины, баронъ Гакстгаузенъ написалъ въ защиту ея отдѣльную брошюру; эта брошюра, нѣсколько исправленная, приложена имъ и къ разсматриваемому нами сочиненію. Мы помѣщаемъ ее ниже.

Новое законодательство не тронуло крестьянской общины; но оно не приняло и никакихъ мѣръ къ ея сохраненію. Напротивъ, строго проведенное въ немъ начало собственности мало-по-малу должно вести общину къ разложенію. Нѣтъ сомнѣнія, что съ полнымъ разрѣшеніемъ вопроса, по окончательномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ, если не всѣ, то многія крестьянскія общины захотятъ раздѣлить землю на посемейные участки съ предоставленіемъ владѣнія каждому семейству своимъ участкомъ на правѣ собственности. Тогда участки могутъ свободно переходить изъ рукъ въ руки, даже отчуждаться совершенно изъ крестьянскаго владѣнія. Вотъ это-то именно и боится Гакстгаузенъ и придумываетъ мѣры, какъ бы предупредить такое дѣйствительно страшное для крестьянства бѣдствіе. Великій вопросъ будущаго, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ не должно ли правительство принять мѣры, чтобы поземельные крестьянскіе участки, которые уже выкуплены крестьянами, или которые будутъ выкуплены, были навсегда утверждены за крестьянскимъ сословіемъ и были гарантированы отъ продажи. Доволь русская община остается съ своимъ древнимъ характеромъ, то есть съ правомъ поземельной собственности, и только раздѣльнаго пользованія, дотолѣ въ этомъ, конечно, нѣтъ никакой нужды. Можно бы было даже дозволить цѣлой общинѣ отчуждать весь поземельный участокъ или часть его въ случаѣ, напримѣръ, предпринятаго ею переселенія въ отдаленныя мѣста. Но когда съ теченіемъ времени, какъ это предвидѣло и «Полаженіе», община захочетъ раздѣлить свою землю навсегда между своими членами, тогда образуются частныя усадьбы, вполне самостоятельныя, крестьянскія помѣстья. Не должно ли тогда будетъ правительство принять надъ ними родъ патроната изъ государственныхъ экономическихъ видовъ, чтобы предохранить ихъ отъ раздробленія, могущаго произойти вслѣдствіе продажи и дѣлежа при наслѣдованіи? Мы не считаемъ этого нужнымъ; при наслѣдствахъ это противорѣчило бы русскимъ національнымъ обычаямъ, и если

раздробленіе остается въ предѣлахъ самой общины, то все равно, въ чьихъ бы рукахъ ни находилась поземельная собственность (безъ сомнѣнія, впослѣдствіи богатство и бѣдность въ общинѣ еще чаще будутъ встрѣчаться рядомъ другъ подлѣ друга, чѣмъ доселѣ). Но другое дѣло, когда поземельные участки будутъ отчуждаться внѣ общины, и слѣдовательно выходить изъ нея, тогда они легко присоединятся къ сосѣднимъ большимъ экономіямъ или продадутся городскимъ жителямъ, которые захотятъ обратить свой капиталъ въ поземельную ренту, однимъ словомъ, тогда они отойдутъ отъ крестьянскаго сословія и перейдутъ въ руки другихъ сословій. Въ настоящее время подобной опасности, конечно, не существуетъ, но для будущаго времени законодательство должно имѣть въ виду этотъ вопросъ. Въ Германіи, а именно въ Пруссіи, въ теченіе 40 лѣтъ болѣе четверти поземельной собственности, принадлежащей прежде крестьянамъ-собственникамъ, перешло болшею частью къ сосѣднимъ большимъ экономіямъ, отчасти къ бывшимъ поденщикамъ. Такъ будетъ, по мнѣнію Гакстгаузена, и съ Россіей, въ случаѣ, если крестьяне получатъ право отчуждать свои участки внѣ общины. «Пройдетъ только два поколѣнія, и крестьянинъ останется безъ земли. Поземельная собственность опять скупится изъ его рукъ, и социальное состояніе Россіи будетъ тогда гораздо хуже, опаснѣе, безотраднѣе, чѣмъ во время существованія крѣпостнаго права».

Мы исполнѣ раздѣляемъ опасеніе барона Гакстгаузена и совершенно согласны съ нимъ, что законодательство должно принять мѣры, чтобы подобная бѣда не постигла русскаго крестьянства. Но мы идемъ дальше и думаемъ, что право отчуждать крестьянскіе участки даже внутри крестьянскихъ только общинъ, будетъ великимъ зломъ. Совсѣмъ не все равно, кто бы ни владѣлъ участкомъ внутри общины, какъ выражается баронъ Гакстгаузенъ, только бы земля не выходила изъ владѣнія общины. Если будетъ дозволено продавать поземельные участки внутри общины, то мало-по-малу вся общинная земля перейдетъ въ руки нѣсколькихъ кулаковъ въ общинѣ и все остальное населеніе общины поступитъ къ нимъ въ вѣчное рабство. Это рабство во многихъ отношеніяхъ будетъ тяжелѣе бывшаго рабства крѣпостнаго. Противъ бывшаго барина, болшею частью мало понимавшаго крестьянскій бытъ, а еще менѣе того сельское хозяйство, крестьянинъ могъ защищаться иногда обманомъ, хитростію, плутнею, подкупомъ окружавшихъ его. Противъ кулака изъ крестьянъ, подобная защита немислима. Онъ знаетъ все, весь крестьянскій бытъ, всѣ отношенія, все хозяйство до послѣднихъ

подробностей, и никто не въ состояніи до такихъ подробностей обратить своего собрата, какъ крестьянинъ изъ кулаковъ.

Защещая общину, баронъ Гакстгаузенъ разрушаетъ иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ безхитростно въ простотѣ своего сердца, что съ разрушеніемъ общинъ, переходомъ большей части мелкихъ крестьянскихъ участковъ къ большимъ помѣстьямъ, крестьяне не только ничего не проиграютъ, но и выиграютъ. Ибо земледѣліе будетъ производиться въ этихъ помѣстьяхъ въ обширныхъ размѣрахъ усовершенствованными способами, давать большія прибыли, изъ которыхъ будетъ доставаться не только владѣльцамъ, арендаторамъ земли у нихъ, но даже простымъ работникамъ больше, чѣмъ въ настоящее время получаетъ крестьянинъ въ качествѣ хозяина-собственника съ своего маленькаго поземельнаго участка, обрабатываемаго на ничтожныя средства, кой-какъ по допотопному способу. Баронъ Гакстгаузенъ указываетъ, какъ на поучительный примѣръ, на Ирландію, доказывающій весьма ясно, что «въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣльческая культура сдѣлала быстрые успѣхи, вслѣдствіе новѣйшаго усовершенствованія земледѣлія, бѣдственное положеніе крестьянъ нисколько не улучшилось, и что ихъ состояніе въ тѣхъ странахъ, куда культура и капиталы проникли всего меньше, оказывается сравнительно гораздо лучшимъ. (Sismondi: «Etudes sur l'économie politique» I, 275). Возвышеніе дохода отъ земледѣлія мнѣло своимъ послѣдствіемъ только возвышеніе арендной платы».

Съ тою же основательностію баронъ Гакстгаузенъ разбиваетъ иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ, что если рушится русская община, крестьяне сдѣлаются собственниками, то они будутъ старательнѣе обрабатывать свои поземельные участки и земледѣліе въ Россіи быстро подвинется и процвѣтетъ. Онъ не оспариваетъ того, что крестьянинъ, земля котораго въ общинѣ подвергается передѣламъ,—при сближеніи срока каждаго новаго передѣла, будетъ скупиться на ея удобреніе; но это же самое опасеніе — говорить онъ — замѣчается и въ Европѣ, въ системѣ арендаторства. И какъ здѣсь есть мѣры, которыми предупреждается подобное зло, такъ точно извѣстными мѣрами можно предупредить и нерадивую обработку земли, начинающуюся въ виду общинныхъ передѣловъ. Вообще же Гакстгаузенъ держится того мнѣнія, что въ настоящее время застой русскаго земледѣлія зависитъ не отъ такихъ ничтожныхъ явленій, а отъ причинъ совершенно другаго рода.

Г. Елисейевъ.

ЖИВАЯ ДУША.

Часть третья.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

I.

Терновый венец развитости.

Когда няня возвратилась и доложила Надеждѣ Сергѣевнѣ, что Маша отказалась ѣхать, Надежда Сергѣевна просто остолбенѣла на нѣсколько минутъ, и только устала испуганные глаза на Романа Аркадьевича: этой дерзости она никогда, даже со стороны дерзкой Маши, не могла себѣ ни вообразить, ни представить.

— Успокойтесь, Надежда Сергѣевна, прошу васъ, прежде всего успокойтесь, мягко проговорилъ Романъ Аркадьевичъ.

Несмотря на эту всегдашнюю мягкость и успокоивающій тонъ голоса, можно было замѣтить, что Романъ Аркадьевичъ самъ озадаченъ и нѣсколько встревоженъ.

Слова Романа Аркадьевича помогли Надеждѣ Сергѣевнѣ опомниться и придти въ себя. Она всплеснула руками, вскрикнула: «это превосходить все!» и начала бѣгать по комнатѣ, точно во всѣхъ четырехъ углахъ вдругъ сдѣлался пожаръ.

— Успокойтесь, Надежда Сергѣевна, прошу васъ, прежде всего успокойтесь, повторилъ Романъ Аркадьевичъ.

— Няня! няня! закричала отчаянно Надежда Сергѣевна. — Сюда! Скорѣе!

Няня, послѣ доклада объ отказѣ Маши, невозмутимо удалившаяся и оставившая Надежду Сергѣевну въ оцѣпенѣннн, явилась снова такъ же невозмутима. Она казалась олицетвореніемъ самой строгой исполнительности, но больше ничѣмъ: казалось, ничего другого она не могла ни знать, ни понимать, ни чувствовать.

Надежда Сергѣевна заставила няню повторить всё подробности свиданія и разговора съ Машей, не дослушавши, вдругъ на няню напустилась за ея, панино, всегдашнее потворство «всякимъ гадостямъ», погнала ее опять за Машею, и грозно приказывала привести сейчасъ же, сію же минуту, Машу силою, побѣжала за няней слѣдомъ, и воротила ее, прогнала няню изъ комнаты, хотѣла сама немедленно ѣхать «уличить» Машу, «доказать ей», и «предать суду» мѣщанку Ненилу Самсонову — однимъ словомъ, Надежда Сергѣевна пришла въ какое-то неистовство. Долгое время Романъ Аркадьевичъ напрасно тратилъ всякія убѣдительныя и сочувственныя, и знаменательныя слова, и только Романъ Аркадьевичъ, съ его искусствомъ разомъ схватить всё выгоды и невыгоды положенія, разомъ усмотрѣть всё лазейки, выходы, преграды и непроходимыя пропасти и съ умѣньемъ, наглядно показать ихъ, могъ ее сколько нибудь успокоить въ третьему часу утра.

Наконецъ, Надежда Сергѣевна вняла его совѣтамъ. Рѣшено было ждать Машинаго прихода. Маша сама передавала черезъ няню, что завтра придетъ — по всемъ вѣроятіямъ, она и придетъ завтра. При свиданіи видно будетъ, какъ надо дѣйствовать. До тѣхъ поръ ждать, и никому въ домѣ не показывать, что случилось что либо необычайное. Нянь дѣлать планъ дѣйствій и склонить ее на свою сторону.

— Она вамъ предана, кажется? спросилъ Романъ Аркадьевичъ.

— О, да! отвѣчала Надежда Сергѣевна съ тою непостижимою увѣренностью, съ которою часто отвѣчаютъ господа о слугахъ, прожившихъ у нихъ въ услуженіи нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ будто время, однимъ вѣяньемъ своего крыла, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, обратить всякую горечь въ сласть, зависимость — въ удовольствіе, и все это претворить въ искреннюю и надежную преданность.

Снова призвана была няня, и Надежда Сергѣевна, напомнивши ей о своей всегдашней благосклонности и довѣрїи, объявивши ей о своемъ родившемся намѣренїи, помѣстить ее, няню, даже въ свое духовное завѣщаніе, и кромѣ того, намекнувши на что-то, очень завидное, ожидающее ее, няню, въ очень близкомъ будущемъ, довѣрила ей планъ дѣйствія, и поручила представить остальной прислугѣ исчезновеніе Маши въ благовидныхъ образахъ, искусно припутавши къ дѣлу «недалекую, но добрѣйшую и несчастную старушку-родственницу».

Няня, съ свойственной ей невозмутимостью лица, отвѣтила, что она въ точности исполнить приказанія, и удалась.

Надежда Сергѣевна нѣсколько успокоилась, и съ отрадою слушала Романа Аркадьевича, повѣствовавшаго объ испытаніяхъ челоѣческой жизни; слушая его, она нѣсколько разъ вздохнула, всплакнула и взрыдала, будто говоря: «вотъ я! вотъ я! вотъ это моя рана! вотъ это моя участь!» и въ этомъ примѣненіи видимо находила нѣкоторую утѣху.

Но огорченіе Надежды Сергѣевны смирялось только до тѣхъ поръ, пока Романъ Аркадьевичъ оставался при ней, а какъ началъ онъ собираться домой, она потеряла всякую бодрость и всякую власть надъ собою, и подвела не то что плачь, а голосъбу, и стала причитать и вопить самымъ жалкимъ образомъ.

— Прошу васъ, прошу васъ, преодолѣйте волненіе, убѣждалъ Романъ Аркадьевичъ. — Вспомните, что хладнокровіемъ и терпѣніемъ вы всего достигнете, что поспѣшностью и невыдержанностью вы все потеряете!

— Знаю! знаю! стонала Надежда Сергѣевна: — но это выше моихъ силъ! Это выше силъ моихъ!

— Горничная ваша замѣтитъ ваше разстройство, пойдутъ толки между прислугою, разнесется...

Это простое замѣчаніе очень сильно подѣйствовало на Надежду Сергѣевну. Она отерла слезы и помахала себѣ въ лицо кружевною оборкою носоваго платка.

— Мужайтесь! сказалъ Романъ Аркадьевичъ съ грустною улыбкою, пожалъ ей крѣпко руку, и простился съ нею до завтра, до десяти часовъ утра.

Надежда Сергѣевна провела «ужасную» ночь, и не менѣе ужасно было наступившее утро. Она вышла къ чаю съ тайною надеждою, что Маша уже дома, ждетъ ее по обыкновенію у чайнаго стола, смущена—вѣдь должна же она, наконецъ, послѣ всего случившагося быть смущена! и попросить прощенія — вѣдь должна же она, наконецъ, послѣ всего, что было, попросить прощенія! Она даже тревожно призадумалась, пока Дуня убирала ей голову, о томъ, какъ отвѣчать Машѣ — сначала показнить, а потомъ помиловать, или прямо миловать? и нѣкоторое время не знала, какъ рѣшить. Наконецъ, рѣшила слѣдовать совѣтамъ Романа Аркадьевича и быть сдержанной, хотя магвой и снисходительной, то-есть въ сущности ни казнитъ, ни миловать, и держать до поры до времени подъ поднятою сѣвровою. Съ этимъ рѣшеніемъ Надежда Сергѣевна вышла къ чаю.

У чайнаго стола она нашла только одну тетю Фанни.

Тета Фанни послѣ своихъ печалей, волненій, огорченій и слезъ вся съезжилась и полиняла, какъ дешевая матерія, которую сприсулъ сильный дождикъ.

— Что, она дома? Пришла она? тревожно и быстро спросила Надежда Сергѣевна, забывая, что пока положено все держать въ тайнѣ.

— Кто? Когда? воскликнула тетя Фанни, вдругъ загораясь любопытствомъ, какъ сухое сѣно огнемъ. — Кто? Наденька, мой другъ безцѣнный, кто?

— Да Маша, боже мой! Маша, Маша, Маша, Маша.

— Да гдѣ жъ она, Наденька? Я ее не видала сегодня, мой другъ! Спрашивала я у няни, няня говоритъ, что она гуляетъ...

— Замолчи! проговорила Надежда Сергѣевна, стискивая зубы. — Замолчи! Она ушла изъ дому! Понимаешь ты, она ушла изъ дому!

— Ахъ! взвизгнула тетя Фанни. — Ахъ! Когда же? Съ гѣмъ? Съ гѣмъ, Наденька, съ гѣмъ? Съ Загайнымъ?

— Одна ушла! Одна поселилась въ слободѣ!

— Наденька, мое сокровище, это не правда. Не вѣрь, мой другъ: одна она не могла уйти, онъ ее увезъ!

— Замолчи! опять проговорила Надежда Сергѣевна съ стиснутыми зубами—ее раздражало всякое возраженіе, какъ раздражаетъ всякое новое больное и бесполезное лекарство при зубной боли.—Замолчи! — Она не хочетъ возвращаться ко мнѣ...

— Наденька, единственный мой другъ! не вѣрь ничему! Тутъ тысячи хитростей, тутъ обмановъ миллионы! Надо все разузнать. Поручи мнѣ и будь сповойна, мой другъ, я все...

— О, дура! прошептала Надежда Сергѣевна, выведенная изъ себя. — Я говорю, что...

Въ это время слышались медленные, развалистые шаги Ольги Порфировны и быстрая, живая походка Кати. Надежда Сергѣевна поспѣшно проговорила:

— Никому ни слова и не показывай виду никакого, слышишь?

— Да, Наденька, да мой другъ! Будь покойна, положишься на меня, Наденька, отвѣчала шопотомъ тетя Фанни.

Во всей тетѣ Фанни выражалась какая-то жадность, точно она долгое время голодала и вдругъ видитъ передъ собою самое лакомое и восхитительное блюдо.

Вошла Ольга Порфировна и Катя.

— Прости меня, мама, сказала Катя, подходя въ Надеждѣ Сергѣевнѣ и останавливаясь передъ нею.

Поза ея была почтительна, но не трогательна и тонъ былъ скорѣе дѣловой, чѣмъ раскаянный.

— За что это? спросила Надежда Сергѣевна; въ тревогахъ и мученіяхъ по поводу Маши, она совершенно забыла о вчерашнемъ Катинѣ арестѣ. — За что?

— За то, что ты меня посадила подъ арестъ, отвѣчала Катя.

Надежда Сергѣевна, худо настроенная, приняла эти слова Кати съ величайшимъ гнѣвомъ.

— Негодная дѣвчонка! вскрикнула она:—какъ ты смѣешь такъ говорить съ матерью! Ты знаешь ли, что я съ тобою сдѣлаю, а? Знаешь ли?

— Ты говорила, что ты ни съ кѣмъ «дѣлать» ничего не будешь, отвѣчала Катя, отчетливо помнившая всѣ выраженные въ плу восхищенія свободой правила, обѣты и законы.

— Извольте сѣсть на мѣсто! крикнула Надежда Сергѣевна повелительно и не вникая въ Катини слова: — и знайте, что я съ вами теперь шутить на намѣрена!

Катя сѣла на свое мѣсто безъ огорченія, а только съ достоинствомъ, и занялась чаемъ съ тѣмъ увѣренно и самостоятельно-смирнымъ видомъ, который ясно говорилъ: я смирна, потому что имѣю свои причины быть смирной, но вы меня не трогайте и не теребите: человѣческому терпѣнью есть предѣлы, и разъ какъ переступятся эти предѣлы, я забуду *всякія* причины, потоку прорвется и хлынетъ неудержимо, и завертитъ, и унесетъ всякіе ошлоты такъ же легко, какъ увядшіе цвѣточные листики.

Дѣло въ томъ, что Катя уже сообразила, что случилось что-то необычайное. Когда, ввечеру, возвратившись изъ-подъ аресту, она спросила няню немедленно о Машѣ и въ отвѣтъ получила, что Маши дома нѣтъ, ей ужъ это показалось нечистымъ: Мама въ послѣднее время никуда не выходила и говорила ей, Катѣ, что гораздо лучше дома, въ своей комнатѣ; кромѣ этого чужое Катиню ушко улавливало шопотъ въ гостиной, рыданья и время отъ времени восклицанья, — что-то случилось, сомнѣнья не было!

— Няня, гдѣ Мама? спросила она еще разъ.

— Дома нѣтъ, отвѣчала няня.—Постелька готова, извольте ложиться.

Катя пришла-было въ самое неприятное расположеніе духа, но въ счастію во время вспомнила обѣщаніе, данное Машѣ, быть во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной, вздохнула, поглядѣла на няню мрачно, но мирно, и вротко, какъ голубка, легла въ постельку и уснула. На другой день, проснувшись, первое ея слово было:—гдѣ Мама? и няня опять отвѣтила, что Маши дома нѣтъ, и что Мама проситъ Катю по ней не скучать, ждать ее и какъ можно больше думать о томъ, что она будетъ говорить и дѣлать.

Няня во время еще передала Машину просьбу и тѣмъ отвратила сильную, уже загарающую грозу.

— А мнѣ нельзя сейчасъ знать, что такое случилось? спросила Катя, выслушавши внимательно няню.

— Не могу вамъ ничего доложить, Катерина Ивановна, отвѣчала няня:—вотъ придутъ Марья Григорьевна, такъ сами у нихъ спросите. Марья Григорьевна говорили: «пускай, говорили, Катя не унываетъ и меня ждетъ».

— Не буду унывать, буду ждать, высчитывала Катя озабоченно по пальчикамъ. — Значить, ссориться теперь ни съ кѣмъ не надо, и дразнить никого тоже не надо...

— Полагаю, что теперь лучше со всѣмъ этимъ воздержаться, Катерина Ивановна, отвѣчала няня.

— Не унывать, ждать, не ссориться, не дразнить, снова высчитывала Катя по пальчикамъ, и такъ озабоченно, точно это были четыре новые закона, которые должны быть немедленно написаны и изданы для предотвращения какихъ-то необыкновенныхъ народныхъ бѣдствій.

Съ такимъ рѣшеніемъ Катя вошла въ чайную и доблестно выдержала испытаніе, встрѣтившее ее на первомъ же шагу.

Но ее ждали другія.

Другъ, при звукѣ чайной или столовой посуды, забывавшій всякія на свѣтѣ своя и чужія огорченія и волненія, стремительный и умильный, простившій недавній толчокъ ногою Надежды Сергѣевны, влетѣлъ въ чайную и однимъ легкимъ, восторженнымъ прыжкомъ очутился возлѣ сливочника. Его пылкій привѣтъ былъ встрѣченъ самымъ жестокимъ образомъ.

— Жадный, свѣрный котъ! вскрикнула Надежда Сергѣевна, со всего размаха опрокидывая Друга на полъ.—Разъ навсегда выгнать его изъ дому!

Катя вспыхнула, и глаза ея метнули двѣ-три молвіи.

— Вонъ его! Вонъ! кричала Надежда Сергѣевна.—Дуня, вытащи его изъ-подъ дивана! Сейчасъ его вонъ!

— Мамà, сказала Катя, какимъ-то адвокатскимъ тономъ:—за что ты гонишь Друга? Онъ всегда любилъ сливки, ты знаешь, и теперь, сегодня тоже...

— Замолчите! я съ вами не хочу разсуждать! гнѣвно провѣчала Надежда Сергѣевна.—Какъ вы смѣете обращаться ко мнѣ съ вашими глупыми разсужденіями?

— Ты сама говорила, что разсуждать...

— Молчать! крикнула Надежда Сергѣевна на всю комнату.

Неизвестно, къ какимъ послѣдствіямъ повелъ бы подобный разговоръ, но въ эту минуту раздался звонокъ въ передней и Надежда Сергѣевна выбѣжала туда, едва не опрокинувъ чайнаго

стола и совершенно забывши наставленія Романа Аркадьевича на счет хладнокровія и сдержанности.

Тѣтя Фанни кинулась-было за Надеждой Сергѣевною, но Надежда Сергѣевна оттолкнула ее отъ дверей назадъ къ чайному столу, крикнувъ: нѣтъ! и тѣтя Фанни очень оторопѣла и, оторопѣлая, осталась на мѣстѣ.

Въ то же самое мгновеніе Катя съ быстротою мысли схватила сливочникъ, опрокинула его въ Другову тарелочку, поймала Друга и ткнула его туда мордочкой, находя что это объясненіе пути самое понятное и скорое. Другъ сейчасъ же понялъ сущность дѣла, понялъ тоже, что время дорого, что терять его нечего и принялся ревностно за работу.

— Катенька! вскрикнула Ольга Порфировна укорительно.

— Боже мой! вскрикнула тѣтя Фанни, со дна живыхъ картинъ не обращавшаяся уже къ Катѣ, а только по поводу ея къ Богу.

— Стыдитесь, Катенька! продолжала Ольга Порфировна.

— Стыдиться? спросила Катя.—Чего мнѣ стыдиться? Мнѣ нечего стыдиться!

— Зачѣмъ вы отдали сливки? Матап...

— Матап сердита, такъ Другу сливокъ не надо? А еслибъ кто-нибудь таковой былъ, что разсердился бы, да матап сливокъ не далъ?

Ольга Порфировна страдальчески поглядѣла на Катю и повторила:

— Стыдитесь, Катенька!

— Боже! Боже! прошептала тѣтя Фанни, словно теряясь при видѣ такого несказаннаго врожденнаго беззаконія и закоснѣлости.

Но главная часть души тѣти Фанни витала уже въ гостиной, откуда доносился вдохновенный шопотъ Надежды Сергѣевны, ея неровная и смятенная походка и другіе шаги, едва касающіеся пола, не производящіе никакого стука, а только легкій скрипъ. Тѣтя Фанни не утерѣла и скользнула въ гостиную.

— Какъ ваше здоровье, Фанни Сергѣевна? раздался мягкій голосъ Романа Аркадьевича.

— Чтѣ тебѣ надо, Фанни? раздраженно воскликнула Надежда Сергѣевна.

— Ахъ, Наденька, я полагаю... я думала... меня очень удивляетъ... писливо, смущенно, но все-таки настоятельно возразила тѣтя Фанни.

— Прошу тебя, оставь насъ, Фанни! еще раздраженнѣе вскрикнула Надежда Сергѣевна.

Т. СЛХХVII. — Отд. I.

13

Тётя Фанни возвратилась въ чайную вся красная, обиженная и возмущенная.

— Другу мамѣ не дала сливокъ, а тётѣ Фанни не дала гостей! замѣтила Катя шопотомъ вѣрнаго и безпристрастнаго лѣтописца.

— Ольга Порфировна! проговорила тётя Фанни, задыхаясь отъ волненія: — сдѣлайте одолженіе, внушите ей...

— Я сама себѣ внушу, ты не огорчайся, сказала Катя успокоительно.

— Катенька, прошу васъ, ведите себя прилично! страдальчески протянула Ольга Порфировна.

— Я удивляюсь, бормотала негодующая тётя Фанни: — я удивляюсь, какъ не внушено...

— Внушено, отвѣчала Катя: — я буду молчать.

Она поймала Друга, и замѣтивши ему, что надо «внушиться» и молчать, положила его къ себѣ на колѣни и стала гладить.

Другъ послѣ сливокъ находился въ наипрѣятнѣйшемъ состояніи; онъ слегка жмурился, слегка мурлыкалъ, слегка позѣвывалъ и время отъ времени вытягивалъ лапы и весь извивался змѣею, точно подъ вліяніемъ воспоминанія о невыразимомъ наслажденіи, послѣ котораго не осталось ни пресыщенія, ни раскаянія.

Изъ гостиной все доносился шопотъ и тётя Фанни, подобно мотыльку, десять разъ опалившему фырляя и все-таки летящему на огонь, вскочила опять съ мѣста и опять скользнула въ гостиную.

— Я тебя просила оставить насъ! раздался раздраженный голосъ Надежды Сергѣевны.

— Ахъ, Наденька, я имѣю тебѣ передать очень важныя вещи, мой другъ. Романъ Аркадьевичъ, будьте вы сами судьей, пожалуйста... вы понимаете... я въ такомъ грустномъ положеніи...

— Какія важныя вещи? Какія? Все навѣрно пустяки! вскрикиваетъ Надежда Сергѣевна.

— Успокойтесь, Надежда Сергѣевна, выслушайте, звучитъ голосъ Романа Аркадьевича.

— Ну, говори! нетерпѣливо рѣшаетъ Надежда Сергѣевна. — Ну, говори!

Тётя Фанни начинаетъ говорить «важныя вещи».

Отъ этого говора въ чайную долетаютъ отрывочныя фразы, изъ которыхъ ничего нельзя понять, нетерпѣливыя восклицанія Надежды Сергѣевны и явственнѣе, полнѣе всего гармоническая интонація Романа Аркадьевича.

— Противный! вдругъ объявляетъ Катя.

— Кто противный? спрашиваетъ Ольга Порфировна.

— Квацъ противный, отвѣчаетъ Катя.

— Катенька! что вы говорите!

— Говорю, что противный, повторяет Катя.— Всегда ммм, ммм! Катя как-то особенно приторно промывчала и самую приторную состроила рожицу.

— Онь добръ со всѣми, Катенька! говорить Ольга Порфировна наставительно и съ чувствомъ, и съ укоромъ.

— Зачѣмъ со всѣми?

— Какъ, зачѣмъ со всѣми? Со всѣми должно быть добрымъ.

— Нѣтъ, не должно, отвѣчаетъ спокойно Катя.

Ольга Порфировна глядитъ на нее почти съ ненавистью.

— Пойдемте учиться, Катенька, говоритъ она, давая знать, что считаетъ дальнѣйшій разговоръ для себя унизительнымъ.

Катя встала, подняла Друга и обратилась къ нему, какъ къ болѣе толковому собесѣднику.

— Другъ голубчикъ, ты вѣдь царпка? Ну и будь царпка! Слышишь?

Другъ потянулся и такъ умильно промурлыкалъ, точно хотѣлъ сказать: «ахъ, я теперь не такъ настроенъ! я теперь всякому лизну ручку!» за что сейчасъ же получилъ отъ Кати сильнѣйшей шелчокъ по лбу, слугнувшій всю мечтательность и возвратившій его къ чувству долга.

— Смѣй ты у меня потагиваться! проговорила грозно Катя.— Только смѣй!

— Катенька, пойдемте учиться! произнесла Ольга Порфировна съ горечью. — Я долго буду васъ объ этомъ просить?

— Я готова, отвѣтила Катя.

Между тѣмъ тѣтя Фанни предлагала Надеждѣ Сергѣевнѣ и Роману Аркадьевичу какіе-то несообразные планы, куда входила игуменья Н—скаго монастыря, губернаторъ, найденное ею начало Машиннаго письма къ Михаилу Яковлевичу, родные Загайнаго и не вѣсть что.

Романъ Аркадьевичъ слушалъ ее терпѣливо и ласково. Онь не сводилъ съ нея пристального взгляда, но очевидно думалъ совсѣмъ о другомъ и соображалъ свое. Это былъ тотъ пристальный взглядъ, которымъ смотрять обыкновенно люди на своихъ влохенькихъ собратій, когда не дадутъ даже труда быть непроницаемыми: плохо собратъ, будетъ съ него и этого пристального, снисходительнаго взгляда, а въ случаѣ, что и мало, такъ бѣда не велика, замѣчай и толкуй онь себѣ какъ угодно.

Но Надежда Сергѣевна слушала тѣтю Фанни очень нетерпѣливо и раздражительно. Она сама, хотя еще не признаваясь себѣ, чувствовала, что губернаторъ, родные, игуменья и «законная строгость» были бы ей гораздо надежнѣйшими помощниками

*

въ дѣлѣ Маши, чѣмъ «личныя права», «свобода мысли» и тому подобныя неудобныя въ барской жизни вещи. Она была въ положеніи человѣка, который самъ, своими руками безумно и легкомысленно разбилъ и уничтожилъ всё укрѣпленія и остался среди обломковъ въ открытомъ полѣ беззащитенъ, а тутъ ему безтолковный и навязчивый доброжелатель указываетъ на обломки укрѣпленій и пристаетъ: «защищайся ими!»

Надежда Сергѣевна недолго выдержала расужденія тѣти Фанни.

— Ахъ, какіе пустяки ты городишь! вскрикнула она гнѣвно:— пожалуйста, не мѣшайся ни во что, пожалуйста оставь...

— Мнѣ очень странно, Наденька, перебила тѣтя Фанни, запнулась и попунцовѣла.

— Надежда Сергѣевна, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ:— мнѣ вѣжется, что участіе Фанни Сергѣевны можетъ быть очень полезно.

Кромѣ необыкновенной мягкости, въ тонѣ Романа Аркадьевича было что-то такое, что заставило Надежду Сергѣевну поглядѣть на него вопросительно.

— Романъ Аркадьевичъ, пролепетала тѣтя Фанни, съ слезинками признательности на голубоватыхъ глазахъ:—я знаю, что вы... ахъ, вы все понимаете... и знаете... и я... и я... но Наденька ко мнѣ несправедлива...

— Успокойтесь, Фанни Сергѣевна, сказалъ Романъ Аркадьевичъ съ тою ласковою снисходительностію, съ которою безпечный гость выдаетъ развизжавшейся собачкѣ какой-нибудь кусочекъ; собачка ничѣмъ этого кусочка не заслужила кромѣ жалобнаго визга, но гость все-таки выдаетъ ей во имя этого визга, потому что онъ гармонически самъ настроенъ.

— Я терпѣлива, Романъ Аркадьевичъ, лепетала тѣтя Фанни.— Я терпѣлива и надѣюсь на Бога, въ этомъ мірѣ для меня...

— Романъ Аркадьевичъ, вы что-то хотѣли сказать? перебила ее Надежда Сергѣевна такъ же безцеремонно, какъ согнала бы муху съ куска пирожнаго, который захотѣла взять.

— Мнѣ вѣжется, продолжалъ Романъ Аркадьевичъ:—что участіе Фанни Сергѣевны можетъ быть очень полезно, хотя я и не могу согласиться съ ней въ томъ, что надо употребить насиліе, то есть сильныя мѣры. Я вообще считаю сильныя мѣры незаконными. Да въ наше время это и немислимо. Мнѣ вѣжется, надо стараться *убьидити* Марью Григорьевну, показать ей всю неосновательность ея поступка, всю ея жестокость въ отношеніи васъ, Надежда Сергѣевна, и весь вредъ въ отношеніи себя самой, всей своей будущности. Да. Мнѣ вѣжется, что это будетъ самое на-

дежное и самое лучшее. И тутъ участіе Фанни Сергѣевны можетъ быть вамъ очень полезно.

— Чѣмъ же? спросила Надежда Сергѣевна.

Тѣтя Фанни глядѣла на Романа Аркадѣевича и опять пунцовѣла.

Тѣтя Фанни пунцовѣла и отъ огорченія, и отъ радости; отъ огорченія и отъ радости у нея выступали и слезинки на глазахъ; разница была только въ томъ, что при огорченіи все ея личико опускалось внизъ, а при радости вздергивалось вверхъ.

— Вы теперь разстроены, больны, вы не можете обойтись безъ помощницы, продолжалъ Романъ Аркадѣевичъ, обращая многозначительный взглядъ на Надежду Сергѣевну. — Кто знаетъ, сколько времени продлится это тяжелое положеніе вещей, и кто знаетъ, кто напередъ можетъ рѣшить и предвидѣть, какихъ хлопотъ и распоряженій потребуеетъ это дѣло? Вамъ самимъ не всегда удобно, не всегда *возможно* дѣйствовать лично (*удобно и возможно* оиъ произнесъ съ удареніемъ), и въ такія минуты Фанни Сергѣевна не откажется помочь вамъ.

— О, конечно! О, конечно! воскликнула тѣтя Фанни. — Я все готова сдѣлать... Ахъ, я все... ей-богу... увѣряю... и все отлично... отлично... Наденька напрасно сомнѣвается... Я сейчасъ, сейчасъ! вдругъ выкрикнула она, вскакивая съ мѣста: — я отправлюсь...

— Надо подождать, промолвилъ Романъ Аркадѣевичъ, задумчиво устремляя глаза въ стѣну и какъ будто самъ еще не рѣшая, почему именно подождать надо.

— Ахъ, зачѣмъ же ждать! писливо вскрикнула тѣтя Фанни, точно ее больно прищемили.

— Необходимо, Фанни Сергѣевна; по моему необходимо. Я конечно здѣсь все-таки посторонній челолюбъ... преданный, неизмѣнный, но посторонній... Надежда Сергѣевна, вы какъ думаете?

— Надо подождать, отвѣтила Надежда Сергѣевна уныло. — Нечего дѣлать!

— Лучше скорѣй дѣйствовать... начала-было неотвязная тѣтя Фанни умоляющимъ голосомъ.

— Фанни, теперь оставь насъ, рѣшительно приказала Надежда Сергѣевна.

— Ахъ, Боже мой, Наденька! Я вѣдь, надѣюсь, не чужая... не мѣшаю...

— Въ ожиданіи прихода Марьи Григорьевны, будемъ говорить о постороннихъ предметахъ, сказалъ Романъ Аркадѣевичъ примиряющимъ тономъ. — Не почитать ли намъ, Надежда Сергѣевна?

— Хорошо, отвѣтила Надежда Сергѣевна со стономъ.

— Ахъ, прекрасно! вскрикнула тѣтя Фанни.

Романъ Аркадьевичъ началъ читать вслухъ и его пѣвучій голосъ такъ же мягко переливался, какъ и въ самыя мирныя и пріятныя времена.

Но слушательницы были невнимательны. Надежду Сергѣевну бросало то въ жаръ, то въ холодъ при малѣйшемъ звукѣ. Бросало въ дрожь и тѣтю Фанни отъ нетерпѣнья «дѣйствовать» и отъ боязни, чтобы «дѣйствіе» какъ нибудь не выскользнуло у нея изъ рукъ.

Надо сказать, что и самъ чтецъ не былъ совершенно спокоенъ. Его какъ-то коробило, когда онъ ясно припоминалъ ожадаемое спокойное и неупугливое женское лицо.

Время отъ времени чтеніе прерывалось отчаянными замѣчаніями Надежды Сергѣевны, что «она не идетъ! это превосходитъ все!» или вздохомъ тѣти Фанни, что «это ужасно!» или успокоеньемъ Романа Аркадьевича, что «все устроится». Они всё чувствовали себя неладно, и вслѣдствіе этого все больше и больше возмущались противъ «ничтожной молодой дѣвушки», какъ назвала ее тѣтя Фанни, задающей имъ, не ничтожнымъ людямъ, столько тревоги и безпокойства.

— Что за человѣкъ! какая неумолная, строгая прямота и послѣдовательность! сказалъ Романъ Аркадьевичъ, прерывая чтеніе, словно подавленный восторгомъ.—Какое мужество! Какое самоотверженіе! Да, чтобы рѣшиться писать такъ, надо высоко стоять надъ толпою! Высоко — высоко!

Онъ тихо, медленно откидывалъ голову на спинку кресла, полузакрывая глаза, какъ человѣкъ, который, закрывая глаза на окружающее, совершаетъ знакомое, извѣданное блаженное состояніе; какъ человѣкъ, который всю свою жизнь провелъ въ этомъ «высоко» и только во имя того, или другаго «сватаго» дѣла спускался «въ толпу», а кончится—таки тѣмъ, что его вознесетъ туда навсегда.

— А она не идетъ! простонала Надежда Сергѣевна.

— Еще рано, отвѣтилъ Романъ Аркадьевичъ и помолчавъ немного, онъ прибавилъ: — не лучше ли вамъ лечь, успокоиться, Надежда Сергѣевна? Я боюсь за васъ; такія потрясенія...

— Вы думаете, мнѣ лучше не принимать ее? спросила Надежда Сергѣевна.

— Фанни Сергѣевна вѣрно не откажется принять Марью Григорьевну...

— О, нѣтъ! О, нѣтъ! завопила тѣтя Фанни.

— ...и скажете ей, что вы чувствуете себя нехорошо, поговорить о...

— Она? вскрикнула Надежда Сергѣевна.

— О, я внушу ей! я внушу! радостно пролепетала тѣтя Фанни.

— Да, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ знаменательно.—Фанни Сергѣевна скажете, что вы потрясены—этого скрывать не надо; бесполезно; и потомъ, когда первое волненіе уляжется, вы сами примете Марью Григорьевну.

— Да Фанни нагородить! вскрикнула Надежда Сергѣевна.

— Что бы Марья Григорьевна ни сказала, васъ это не касается; ея разговора съ Фанни Сергѣевной вы не слыхали и не знаете...

— Ну, хорошо, сказала Надежда Сергѣевна, начиная понимать, что тутъ дѣло въ «выдержанности». — Ну, хорошо.

И вслѣдъ затѣмъ она вскрикнула съ отчаяніемъ:

— Но она не идетъ! Она не идетъ!

— Позвольте мнѣ проводить васъ въ вашу комнату, Надежда Сергѣевна, сострадательно промолвилъ Романъ Аркадьевичъ, взявъ Надежду Сергѣевну подъ руку.

И онъ повелъ ее изъ гостиной.

Тѣтя Фанни осталась въ радостномъ смятеніи, и земли подъ собою не чула. Когда Романъ Аркадьевичъ возвратился въ гостиную взять книгу, онъ сказалъ ей съ своею благою улыбкою:

— Какъ преобразаетъ васъ, Фанни Сергѣевна, любовь къ правдѣ и добру!

— О, да! отвѣчала тѣтя Фанни.

Тѣтя Фанни и отвѣчала теперь совсѣмъ другимъ голосомъ,—какимъ-то такимъ задорнымъ голосомъ, какимъ кричатъ маленькіе пѣтушки «кувареку».

— Надежда Сергѣевна просить васъ, продолжалъ Романъ Аркадьевичъ:—быть съ Марьей Григорьевной какъ можно...

— О, я ей внушу, Романъ Аркадьевичъ! воскликнула тѣтя Фанни.—О, будьте увѣрены, я ей внушу!

— ...какъ можно снисходительнѣе. Не надо ее ожесточать; не надо ее смущать черезчуръ. Надежда Сергѣевна просить васъ объ этомъ.

— Ахъ, будьте увѣрены, Романъ Аркадьевичъ, я все понимаю, все знаю... все отлично...

— Надежда Сергѣевна просить васъ сказать Марьѣ Григорьевнѣ, что она нездорова, и больше ничего о ней не говорить. Мнѣ кажется, Фанни Сергѣевна, что вамъ лучше всего говорить отъ себя, *только* отъ себя, не мѣшая *никому*. Вы Марьѣ

Григорьевнѣ не чужая, вы ей такая же родня, какъ и Надежда Сергѣевна.

— О, конечно! конечно! вскрикнула тѣтя Фанни, вдругъ проныкаясь надменностью. — О, конечно!

— Вы должны говорить *за себя*, имѣть *свой* голосъ, продолжалъ Романъ Аркадьевичъ. — Говорите такъ, какъ будто бы другіе не существовали и на васъ лежала бы вся обязанность, священная обязанность старшей въ родѣ, главы семейства...

— О, да! конечно! восклицала тѣтя Фанни, виѣ себя отъ восторга.

— Желаю отъ души успѣха! промолвилъ Романъ Аркадьевичъ, удаляясь неслышными шагами въ комнату Надежды Сергѣевны.

Тетя Фанни въ неопisanномъ волненіи проводила время въ гостиной, ожидая прихода Маши.

Но Маша не приходила. Часы летѣли, а Маши все не было. Наступилъ часъ обѣда. Надежда Сергѣевна, понапрасну выдержавшая заключеніе въ своей комнатѣ, вышла къ столу въ сильнѣйшемъ раздраженіи; ее только еще кое какъ поддерживало присутствіе Романа Аркадьевича.

Романъ Аркадьевичъ и самъ сдѣлался замѣтно озабоченъ. Тетя Фанни поперхалась и давилась ежеминутно, чѣмъ развлекала Катю отъ какихъ-то благочестивыхъ мыслей, въ которыя она была погружена. По признанію самой Кати, благочестивыя мысли ея были какъ дикія птицы, запертыя въ клеткѣ: все рвались улетѣть и только удерживала ихъ крѣпкая стѣнка (Катина воля была очень крѣпкая стѣнка), а если и выпархивали, то Катя ловила ихъ и сажала на мѣсто. Такъ она поступала и въ настоящемъ случаѣ, и во все продолженіе обѣда не получила ни одного замѣчанія. Ольга Порфировна сидѣла, какъ плакучая ива, украдкой наблюдая и медленно, туго соображая свои наблюденія.

Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную пить кофе. Надежда Сергѣевна, потерявъ послѣднее терпѣніе, готова уже была возмутиться противъ совѣтовъ и наставленій Романа Аркадьевича. Романъ Аркадьевичъ нѣсколько конвульсивно перелистывалъ книгу съ гравюрами; тетя Фанни вертѣлась по комнатѣ; Ольга Порфировна наконецъ сообразила, что «что-то случилось, Маріе тутъ замѣшана, и со мной никто не подѣлился, меня считаютъ недостойною...»

Всѣ были очень не въ духѣ.

И Смольгольмскій баронъ
Разсерженъ, раздраженъ —

вдругъ продекламировала Катя своимъ звучнымъ голосомъ,

схватилась, что «двѣ птицы» выпорхнули, половила ихъ и убѣжала.

— Ольга Порфировна, не пускайте сюда Катю, сдѣлайте милость! рѣзко сказала Надежда Сергѣевна.

Ольга Порфировна такъ уязвленная, что ввечеру у нея не хватило двухъ страницъ дневника для описанія этого уязвленія, поспѣшно удалилась за Катей.

— Она совсѣмъ не придетъ! сказала Надежда Сергѣевна съ отчаяніемъ.

— Она обѣщала придти, возразилъ Романъ Аркадьевичъ. — Мужество и терпѣвіе!

— Да вѣдь уже пять часовъ, Романъ Аркадьевичъ!

Въ это самое время наконецъ раздался колокольчикъ въ передней.

— Не пойдти ли вамъ въ свою комнату, Надежда Сергѣевна? выразительно промолвилъ Романъ Аркадьевичъ.

— О, поди, Наденька, другъ мой! Поди! зашептала тетя Фанни со страстью: — мой ангелъ, поди! Поди! поди!

— Да она ли это? тревожно прошептала Надежда Сергѣевна.

— Это она, я слышу ея голосъ, сказалъ Романъ Аркадьевичъ. — Идите, прибавилъ онъ тихо.

Надежда Сергѣевна, опираясь на его руку, ушла изъ гостиной. Почти въ ту же минуту въ гостиную вошла Маша.

Еремѣй съ необыкновеннымъ оживленіемъ и шумомъ встряхивалъ ея шаль въ передней; голова Дуни высунулась изъ корридора, и глянули любопытные глаза тоже очень оживленно, изъ чего можно было съ достовѣрностью заключить, что легенда о «недалекой, но добрѣйшей и несчастной старушкѣ родственницѣ» не пошла въ ходъ.

Маша была очень блѣдна, и какъ будто измучена очень, и вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ нельзя было назвать ее ни грустною, ни несчастною. Лицо ея, оставаясь блѣднымъ и измученнымъ, озарялось какими-то неуловимыми лучами. Она была и здѣсь, въ гостиной Надежды Сергѣевны, и вмѣстѣ съ тѣмъ гдѣ-то очень далеко. Ея серьезныя и спокойныя глаза, казалось, готовы были засіять невиданнымъ сіяніемъ, ея улыбавшіяся губы, казалось, могутъ вдругъ раскрыться самою блаженною улыбкою. Несмотря на эту блѣдность, на измученное, серьезное, даже нѣсколько строгое выраженіе лица, отъ всего ея существа такъ и вѣяло какою-то тихою, но могучею силою, свободою и счастьемъ.

Она провела весь день у себя дома, и все время продумала о будущемъ; тутъ же являлось и прошедшее, нереживалось и настоящее. Точно три глубокія рѣки нахлынули на нее, и каждая

волыхала и била ее своими сильными волнами. Жизнь, настоящая жизнь для нея началась. Это уже не были мечты, сборы, не былъ тотъ призракный источникъ, къ которому она тнулася въ даль, уповая когда-нибудь утолить жажду; у самыхъ ея усть теперь била свѣжая струя, и она чувствовала ея освѣжающее могущество. Въ этой струѣ не было усыпляющей, разнѣживающей, приторной сладости — это скорѣе была струя горькая, но такая свѣжая и живая, что духъ отъ нея захватывало.

Сомнѣніе и недоумѣніе Ненилы Самсоновны, при свиданіи съ нянею, таинственно и многозначительно спросившей о Машѣ «виновата, аль не виновата?» росло все больше и больше.

— А у насъ въ уѣздѣ святой объявляется, Марья Григорьевна, сказала она, внося Машѣ въ три часа какую-то блѣдно-синюю солонину на обѣдъ.

Извѣстіе о томъ, что въ уѣздѣ объявляется святой, было передано не безъ коварства: «оно должно было припугнуть Машу, навести ее на мысли о собственныхъ грѣхахъ», размягчить ея сердце и, кто знаетъ? уяснить, быть можетъ, вопросъ: виновата, аль не виновата?

— Такой былъ жизни богоугодной; мученикъ былъ, продолжала Ненила Самсоновна, какъ-бы погруженная единственно въ мысли благоговѣйныя, вздыхая послѣ каждаго слова жѣрно и ровно:—мучился сколько времени. А мы-то, грѣшныя, мы все за лакомства гоняемся; намъ все какъ бы въ свою утѣху пожить! Все земное это счастье насъ прельщаетъ! А святые мученики...

— Самые счастливые, должно быть, люди на свѣтѣ, улыбаась, и какъ-бы про себя сказала Маша.

— Что-о? спросила Ненила Самсоновна.

— Самые они счастливые, должно быть, люди на свѣтѣ.

— Мученья-то претерпѣвши?

— Претерпѣвши мученья, утвердительно отвѣтила Маша съ тою же улыбкою.

Она прибавила: если есть за что терпѣть! и вся точно оварилась какимъ-то свѣтомъ: и глаза у нея засіяли, и губы слегка затрепетали, потомъ вдругъ выступили крупныя свержающія слезы на глазахъ, и вдругъ исчезли.

«Виновата аль не виновата?» подумала Ненила Самсоновна съ большимъ, чѣмъ когда-либо недоумѣніемъ.

Войдя въ гостиную, Маша застала тетю Фанни въ самой надменной позѣ посреди комнаты.

— Здравствуйте, тетя Фанни, сказала Маша, сначала не обратившая вниманія на надменную позу.

Тетя Фанни безмолствовала, только еще выше закинула назад свою куриную голову.

Маша поглядѣла на нее и спросила:

— Чтò съ вами?

Тетя Фанни все безмолствовала и глядѣла на Машу, какъ могла строже.

— Чтò съ вами? повторила Маша и, не дождавшись отвѣта, пошла-было во внутреннія комнаты.

Но тетя Фанни кинулась и заступила ей двери.

— Я не позволю! прошептала тетя Фанни.

— Отчего? спросила Маша.

— Ты... твоё поведеніе... я, какъ старшая въ родѣ... и не чужая, я имѣю власть... залепетала тетя Фанни.— Самъ богъ... и тоже люди... наконецъ родные... тоже знакомые... и наконецъ я... мои обязанности...

Тетя Фанни слуталась, видя, что Маша нисколько не поражена, а спокойно стоитъ и спокойно глядитъ на нее.

— Ты чего желаешь, Маша? спросила она теряясь.

— Я желаю видѣть Надежду Сергѣевну и Катю.

— Видѣть Катю! Невозможно! Я не могу этого позволить! Такое вліяніе на невинность ребенка... ты знаешь, горькія обязанности родителей...

— Развѣ Надежда Сергѣевна запретила мнѣ видаться съ Катей?

— Ты пойми, горькія обязанности родителей, лепетала тетя Фанни съ какими-то конвульсивными вздохами, точно она сама была родитель, и ее душили въ эту минуту «горькія обязанности родителей».

— Я пойду къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, сказала Маша.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Наденька лежитъ въ постелѣ безъ движенія, она убита тобою и твоимъ поведеніемъ... Я тоже убита, Маша! Да! Я взяла на себя горькую обязанность внушить тебѣ... и показать весь ужасъ и все... самыя священныя твои обязанности... самый священный долгъ... и дѣвичій стыдъ, и образованіе, и воспитаніе...

Тетя Фанни начала сбиваться, чтò случалось съ нею всегда, если она чувствовала, что слова ея не производятъ эффекта и не произведутъ его.

— Вы слишкомъ взволнованы, сказала Маша:—прекратите этотъ разговоръ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Маша! я хочу тебѣ внушить... Я хочу тебѣ сказать... доказать... пойми...

— Я понимаю, чтò вы хотите сказать мнѣ. Вы хотите ска-

зять, что я не должна была оставлять домъ Надежды Сергѣевны.

— Конечно! Конечно! Вѣдь это просто преступленіе, Маша! проступоуъ... неужели ты со мной не согласна?

— Нѣтъ, несогласна. По моему я должна была это сдѣлать. Я объ этомъ не жалѣю.

Это было сказано свокоино и серьёзно. Тети Фанни оторопѣла.

— Но горькія обязанности родителей и священныя... вѣдь я тебѣ замѣняю родителей, Маша... немного... и Наденька замѣняетъ, и нашъ долгъ самый священный внушить тебѣ... Машенька, ты пойми наконецъ... пойми же... лепетала она и сама не понимала, что она лепечетъ и къ чему, какъ неумѣлый пловецъ, попавшій въ водоворотъ, барахтается и кидается туда и сюда, вырывается и выпрыгиваетъ въ сматеніи, и самъ не знаетъ куда выскочить.

— Надежда Сергѣевна не хочетъ меня видѣть? спросила Маша.

— Какъ ты можешь этого требовать, Машенька! у насъ разбиты сердца... Наденька безъ движенья...

— Прощайте, сказала Маша.—Лучше всего прекратить этотъ разговоръ; онъ васъ только разстроиваетъ.

Она пошла-было къ дверямъ.

— Машенька! Машенька! закричала тети Фанни, догоняя Машу и хватаясь за полу ея платья:—не уходи! Мой другъ, не уходи! Ты пойми, что все это для твоей пользы, изъ любви къ тебѣ... Я тебѣ вѣдь родная... близкая... Я тебя люблю безпредѣльно... И Наденька желаетъ тебя видѣть... Она убита, Машенька... Романъ Аркадьевичъ принимаетъ участіе... благородный человѣкъ... Позволь мнѣ объяснить тебѣ... Я тебѣ объясню вредъ и грѣхъ, и ты сама увидишь... Загайный тебя не любить, другъ мой, онъ нищій... человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего святаго... И потому что за жизнь съ нимъ? Всѣ знакомые презирать будутъ, насмѣхаться...

— Тети Фанни, прошу васъ, не говорите отѣхъ, кого я уважаю, если вы не можете говорить о нихъ почтительно, сказала Маша.

Тети Фанни совсѣмъ какъ-то спала, какъ неудавшійся яблочный пирогъ, и смущенно пробормотала:

— Я тоже, Машенька, уважаю...

Въ это время двери распахнулись и ворвалась Катя, подобная Атиллѣ варвару, низвергая на пути всѣ препятствія и тетю Фанни вмѣстѣ съ ними.

— Маша! моя Маша! закричала она, врывааясь въ Машу.—О, милая! О, милая!

— Однако, Катенька, начала-было тети Фанни, возвращаясь на

свое мѣсто, откуда ее откинуло стремительное вторженіе Катя:—
однако, я не постигаю.

— И не постигай! отвѣтила Катя.

— Однако, Маша, я желала бы съ тобою обсудить, вскрикнула тета Фанни, краснѣя какъ пюнь.

— Мнѣ кажется, это лишнее и васъ только разсронить, отвѣчала Маша.—Мы съ вами несогласны и не можемъ согласиться.

— Какъ! вскрикнула тета Фанни:—ты не хочешь выслушать меня! Ты отрекаешься отъ священныхъ чувствъ, отъ священнаго родства! Ахъ, я этого не переживу! Это неслыханное варварство!

— Если вы непременно желаете, то будемъ говорить, сказала Маша.

И держа Катю на волѣняхъ, она приготовилась слушать.

Тета Фанни отвашлялась разъ, отвашлялась другой, третій, и вдругъ почувствовала, что она говорить не можетъ. Не было у ней ни начала, ни конца, какъ въ спутанномъ моткѣ нитокъ. Сначала ей показалось, что начало «священный долгъ», потомъ, что начало «горькія родительскія обязанности», потомъ ей показавлось, что все это не начало, а конецъ, а что начало «вредъ и грѣхъ» и «общественное мнѣніе» и «счастье всей жизни»; и все это было какъ-то несоединимо вмѣстѣ, а стояло у нея въ умѣ какими-то столбиками и съ одного на другой она не находила рѣшительно никакихъ средствъ перепрыгнуть; а потомъ уже совсѣмъ все прахомъ пошло: все перемѣшалось, спуталось, «грѣхъ» вошелъ въ «священный долгъ», «вредъ» въ «горькія обязанности родителей», «счастье всей жизни» въ «жестокую ошибку». Тета Фанни была теперь совершенно въ томъ же положеніи, какъ прошлымъ лѣтомъ, когда по несчастію смѣшала вмѣстѣ три разныхъ сиропа съ горячимъ укусомъ, вскипяченнымъ для солений, въ смятеніи винулась раздѣлять ихъ ложкою и пережгла себѣ руки и волѣни. Сиропы тогда пропали. И рѣчи теперь пропали.

— Я пойду скажу Наденькѣ, бормочетъ тета Фанни и въ безсиальной ярости летитъ къ Надеждѣ Сергѣевнѣ въ комнату.

— Милая? спросила Катя, оставшись съ Машею и прижимаясь къ ней.

— Ничего худаго нѣтъ, Катя, отвѣчала Маша:—но я не буду жить здѣсь.

Катя поблѣднѣла.

— Гдѣ будешь жить? спросила она.

— Я буду жить одна, у себя, продолжала Маша, прижимая къ себѣ дѣвочку.—Мы будемъ часто съ тобою видаться.

Катя горько начала плакать.

— Катя, развѣ мы съ тобой не говорили, что сдѣлаемъ все, что надо? А это надо. Я тебѣ расскажу, и сама ты увидишь, что надо.

— Ахъ жалко! прорыдала Катя.

— Что жъ что жалко? Лучше жалко, чѣмъ плохо. Вѣдь лучше, скажи, Катя?

— Лучше! прорыдала Катя.

— Такъ слезы не помѣшаютъ, Катя?

— Не помѣшаютъ! отвѣтила Катя, встряхивая головой и вдругъ обращая къ Машѣ личико, уже дышащее отвагою, хотя еще залитое слезами, и сверкая своими черными, смѣлыми глазами. Потому она горячо и крѣпко поцаловала Машу, и на минуту умолкла и призадумалась.

— Милая, сказала она подумавши: — Расскажи мнѣ все, все до капли, до самой капли. И я все пойму, прибавила она увѣренно.

— Я хочу жить одна, хочу сама работать; хочу быть сама себѣ госпожа; хочу говорить и дѣлать все, что мнѣ кажется надо, хорошо — понимаешь?

— Понимаю, отвѣчала Катя, и по тому, какъ сверкнули ея черные глаза, видно было, что все это очень ей хорошо понятно.

— До сихъ поръ я жила у твоей матери, она меня поила и кормила, одѣвала и обувала...

— И тебя обижала! прервала Катя съ негодованіемъ.

— И я ее обижала тоже, Катя, только ты этого не замѣчала. Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что, кто живетъ безъ дѣла въ чужомъ домѣ, тотъ ничего не значить; и слово его, что онъ ни говори, тоже ничего не значать. Твоя мать, напримѣръ, на меня сердита, или я на нее, мы не можемъ разговаривать между собою: она не обращаетъ вниманія на то, что я говорю, и только обижается, что я ей за всѣ подарки грублю, а у меня съ ума нейдетъ, что я за все добро ее огорчаю. Понимаешь?

Катя кивнула головой.

— Мать твоя всегда сердится на меня, если я не такъ думаю, какъ она, не такъ говорю, какъ она, и знаешь, это потому, что она не вѣрить мнѣ, считаетъ, что я только по грубости не соглашаюсь съ ней, по неблагодарности, потому что, когда одинъ человѣкъ очень несогласенъ съ другимъ человѣкомъ, такъ онъ не станеть съ нимъ жить вмѣстѣ...

— Понимаю, сказала Катя. — Это какъ съ Ниночкой Меще-

ривой, помнишь? «Если по моему прыгать не хочешь, зачѣмъ мой прыжокъ съѣла?» Какъ она мнѣ это сказала! Какъ она мнѣ сказала это! продолжала Катя, все болѣе и болѣе воспламеняясь: — я хотѣла себѣ языкъ откусить, хотѣла себя всю съѣсть сама своими зубами! О, этотъ прыжокъ! Знаешь, такъ что-то и заплясало во мнѣ, такъ и запрыгало! О!

Кажется, отъ одного воспоминанія въ Катѣ снова что-то «заплясало» и «запрыгало».

— Такъ понимаешь, Катя?

— Иди жить одна! отвѣчала Катя рѣшительно и стойко.

Онѣ умоляли. Катя, обхвативши Машу за шею руками и прильнувши къ груди головою, была тиха и смирна, какъ тихи и смиренны бываютъ терпѣливые раненые.

— Охъ, жалко! вдругъ проговорила она.

— Мнѣ тоже жалко отъ васъ уходить. Ты знаешь, когда я была еще маленькая, умерла моя мать и я осталась совсѣмъ одна. Тогда твоя мать взяла меня въ себѣ и я до сихъ поръ жила у нея. Я помню, я была разъ больна, она очень плакала и спать не могла по ночамъ, такъ обо мнѣ беспокоилась. И очень часто она меня ласкала и жалѣла. Теперь она огорчена очень тѣмъ, что я ухожу отъ нея и мнѣ очень это тяжело самой.

Катя прижалась въ ней еще сильнѣе, крѣпче и нѣжнѣе.

— Нечего дѣлать. Какъ ни жалко, какъ ни больно, а еще жалче и больнѣй, какъ не сдѣлаешь что надо.

— Да, отвѣчала Катя, вздыхая отъ нестерпимой боли, но въ то же время гордо отвергая всякую уступку и блистающими глазами и сжатыми губами.

Онѣ опять умоляли и опять Катя также тихо и смиренно сидѣла у Маши на волѣняхъ, прижавшись крѣпко и нѣжно къ ея груди.

Между тѣмъ тетя Фанни нарисовала Надеждѣ Сергѣевнѣ и Роману Аркадьевичу самыя трагическія картины, плакала, истерически взвизгивала и была наконецъ прогнана Надеждою Сергѣевною изъ комнаты. Романъ Аркадьевичъ, сохранившій все время свою благую улыбку и благую мягкость взора, не могъ однакоже скрыть своего удовольствія при ея изгнаніи, и когда ея вошли затихли въ отдаленіи, сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто ему отпустили туго повязанный галстухъ.

— Ну что же? спросила Надежда Сергѣевна:—что дѣлать теперь?

— Позвольте мнѣ видти къ Марьѣ Григорьевнѣ, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ.—Я увижу, что тамъ такое. Разговоръ съ Фанни Сергѣевной ничему не могъ помѣшать: Марья Григорьевна знаетъ

ея.... восторженный характеръ. Я скажу, что вы нездоровы, узнали о ея приходѣ, и если ей угодно можете принять ее.

Надежда Сергѣевна только кивнула головой въ знакъ согласія. Она была въ величайшемъ волненіи.

Романъ Аркадьевичъ отправился въ гостиную.

Онъ отправился туда съ очень смѣшанными чувствами. На первомъ планѣ было артистическое удовольствіе посмотрѣть на эту дѣвушку, всегда казавшуюся ему очень привлекательной, въ новомъ видѣ, самому показаться ей съ другой, очень выгодной стороны, внушить ей къ себѣ удивленіе и благодарность, навести ее на ту дорогу, на которой онъ желалъ ее видѣть, быть, можетъ современемъ, кто знаетъ? самому сдѣлаться ея сопутникомъ на этой дорогѣ. Но всѣ эти пріятныя чувства точно пронизывало чувство очень странное, чувство боязни какой-то, похожей на ту боязнь, какую можетъ испытывать отлично вооруженный человѣкъ, вступая въ незнакомый ему край и смутно разглядывая такія очертанія горъ и утесовъ, среди которыхъ все его превосходное оружіе можетъ оказаться ни къ чему не пригоднымъ.

Онъ тихо подошелъ къ дверямъ гостиной, поднялъ портьеру и пріостановился, какъ будто пораженный прелестью представившейся ему группы; потомъ, какъ будто преодолевая свое восхищеніе, онъ вошелъ въ комнату, и кланаясь Машѣ, и протягивая ей руку самымъ почтительнымъ образомъ, онъ проговорилъ какимъ-то переловчатымъ голосомъ, что Надежда Сергѣевна послала его узнать, точно ли желаетъ Марья Григорьевна ее видѣть, и потому онъ явился.

— Я желала бы видѣть Надежду Сергѣевну, отвѣчала Маша.— Она нездорова?

Машу очень сильно огорчило и смутило, когда тетя Фанни сказала ей о нездоровьи Надежды Сергѣевны. Она не могла сомнѣваться, что ея уходъ изъ дому былъ причиною этого нездоровья.

Вывраться изъ деспотическихъ, грубо-ломающихъ васъ рукъ не составляетъ особой трудности для мало-мальски сильнаго человѣка, но вырваться изъ деспотическихъ любящихъ рукъ очень трудно. Когда вамъ явно и безжалостно завидываютъ арканъ на шею, вы, явно и не стѣсняясь, стараетесь сбросить его, но когда, прижимая къ сердцу и обливая васъ слезами любви и нѣжности, затачиваютъ этотъ арканъ, то вы, и задыхаясь, все еще колеблетесь, какъ это разорвать петлю, затянутую рукою родною?

— Д-да, медленно проговорилъ Романъ Аркадьевичъ, понижая голосъ, какъ будто это извѣстіе было необходимымъ ударомъ, ко-

торный надо было нанести, и который онъ старался по возможности нанести какъ можно легче.

— Она очень нездорова?

— О, не тревожьтесь такъ, Марья Григорьевна, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ, самъ весь проникаясь страданьемъ, какъ губка теплою водою:—о, не тревожьтесь!

— Скажите мнѣ, прошу васъ, все прямо; прошу васъ, не скрывайте отъ меня ничего, сказала Маша.—Она очень нездорова?

— Да, она нездорова, но больше она... разстроена. Вы знаете, какая она впечатлительная; вы знаете, какъ она способна падать духомъ...

Онъ говорилъ все это такъ медленно и осторожно, точно вода въ ее около пропастей, и весь его видъ выражалъ при этомъ съ какою готовностью, съ какимъ самопожертвованіемъ онъ радъ оградить ее отъ всякой пропасти своими мягкими руками.

Машѣ не по душѣ было это участіе и ей становилось какъ-то душно отъ него — такъ, какъ бываетъ душно отъ непрощеннаго участія чужаго, принадлежащаго къ иному стану человѣка. А Катя такъ поглядывала на него очень мрачно и въ ней, кажется, ужъ начинало понемногу «плясать» и «прыгать».

— О, Марья Григорьевна, въ жизни столько трудныхъ сплетеній, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ.—Иногда и умъ насъ обманываетъ и уступаетъ дорогу сердцу; а если сердце отзывается...

Другъ, усѣвшійся на заднихъ лапкахъ около разговаривающихъ, какъ разъ напротивъ Романа Аркадьевича, умильно поглядывавшій и время отъ времени мурлыкавшій, какъ-бы желая сказать: ахъ, какъ мнѣ пріятно быть знакомымъ съ такимъ и мягкимъ, и сладкимъ человѣкомъ, при этихъ словахъ Романа Аркадьевича «а если сердце отзывается», вдругъ получилъ сильнѣйшій щелчокъ отъ Кати и преврительное наименованье «Медовый». Другъ былъ такъ этимъ щелчкомъ ошеломленъ, что даже не бросился подъ диванъ, а только присѣлъ на мѣстѣ и остался въ такомъ положеніи съ минуту; потомъ онъ принялъ болѣе достойную позу и видимо сообразилъ, что спокойное и даже нѣсколько суровое отношеніе ко всему и ко всѣмъ въ мірѣ возвышаетъ всего болѣе всякую божью тварь.

— ... на все доброе, на все великодушное, то много, много страданій ждетъ впереди. Вы молоды, продолжалъ онъ, глядя на нее, какъ на ранній дорогой персикъ глядятъ жадные лаколки:— вы такъ неопытны и чисты, такъ святы...

— Вы меня совсѣмъ не знаете и не можете обо мнѣ судить, какая я, сказала Маша.

Т. CLXXVII. — Отд. I.

14

Ее вовсе не трогали эти велчаныя, а только душили.

Катя строжайшимъ образомъ поглядѣла на Друга, но Другъ отвѣтилъ ей взглядомъ, исполненнымъ суроваго достоинства; зеленые глаза выразительно говорили, что они составляютъ часть неприступной скалы, о которую могутъ только разбиваться въ дребезги всякія мягкія и сладкія вещи.

— Я не знаю васъ, Марья Григорьевна! тихо воскликнулъ Романъ Аркадьевичъ. — О, какъ я знаю васъ! Какъ глубоко, какъ вполне я васъ понимаю!

— Я этого не думаю, отвѣтила Маша, и прибавила: — могу я пройти къ Надеждѣ Сергѣевнѣ?

Роману Аркадьевичу очень не хотѣлось превращать разговоръ, отъ котораго онъ многого надѣялся, однако онъ отвѣтилъ, что Надежду Сергѣевну можно видѣть, онъ только просилъ «не слѣшать».

Маша опустила Катю съ колѣнъ и встала.

— Я боюсь, что это свиданіе на васъ сильно подѣйствуетъ, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ, вдругъ схватывая Машу за руку, какъ-бы въ порывѣ непобѣдимаго участія.

Маша не привыкла, чтобы чужія руки такъ дружески ея касались. Она сама не расточала ни рукопожатій, ни поцалуевъ первому встрѣчному доброму человѣку; у нея это было выраженіемъ истиннаго расположенія и пріязни; она первая никогда не протягивала руки, если человѣкъ былъ ей чуждъ. Прикосновеніе мягкой, бѣлой, теплой руки Романа Аркадьевича очень неприятно на нее подѣйствовало.

— Пустите мою руку, Романъ Аркадьевичъ, сказала она, освобождая свою руку изъ его руки. — Не беспокойтесь обо мнѣ.

— Я понимаю ваше чувство при видѣ ея огорченья, пробормоталъ Романъ Аркадьевичъ, выпуская ея руку и проворно подбирая свою: — и потому я желалъ бы облегчить вамъ...

— Какое бы ни было огорченье, лучше если я сама увижу...

— Но вы будете страдать!

— Мнѣ тяжело не видя что тамъ, придумывать что можетъ быть, увѣряю васъ. Позвольте мнѣ пройти.

Романъ Аркадьевичъ отсторонился отъ дверей и Маша пошла въ комнату Надежды Сергѣевны. Катя пошла слѣдомъ за Машею. Романъ Аркадьевичъ нѣсколько времени постоялъ на мѣстѣ, очевидно недовольный, потомъ онъ догналъ ихъ.

— Катя, ты не ходи туда, сказала Маша.

Катя, какъ самый исполнительный воинъ, повернулась и исчезла въ дѣтской.

Маша и Романъ Аркадьевичъ вошли въ комнату Надежды Сергѣевны.

На прекрасной спальнѣ Надежды Сергѣевны лежитъ отпечатокъ огорченія хозяйки. На окнахъ спущены шторы и занавѣски; въ полутьмѣ блеститъ на коврѣ въ углу комнаты дорогой браслетъ; у кушетки брошена золотобрѣзная книга; пахнетъ престонскими солями, гофманскими каплями, мятными каплями, разными укусами и спиртами; цѣлый столикъ уставленъ флакончиками и пузырьками; Надежда Сергѣевна лежитъ на кушеткѣ съ закрытыми глазами, и какъ-то медленно и страдальчески дышетъ; вошедшихъ повидимому не замѣчаетъ.

У Маши мучительно сжалось сердце. Она уже входила сюда внутренно очень смущенная и огорченная мыслью о причиненныхъ ею страданьяхъ, но теперь, когда она взглянула на Надежду Сергѣевну, у нея стала голова кружиться и сердце застучало, какъ молотокъ. Она не знала для себя ничего хуже на свѣтѣ, какъ причинить комунибудь страданіе и боль, быть можетъ потому, что сама, если ей случалось терпѣть и болѣть, терпѣла и болѣла очень жгуче, сильно и глубоко.

Они стоятъ, Надежда Сергѣевна лежитъ съ закрытыми глазами, время идетъ.

Маша, вся поглощенная жалостью, желаньемъ успокоить и отыскиваньемъ средствъ помочь общему горю, не замѣчала этого проходящаго времени, но Роману Аркадьевичу стоянье у порога показалось черезчуръ долго. Онъ приближается къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, и тихо, точно въ пушинкѣ, которая можетъ улетѣть при неосторожномъ движеніи, прикасается къ ея руцѣ.

Надежда Сергѣевна открываетъ глаза и безжизненно глядитъ ими очень долго на Романа Аркадьевича.

— Марья Григорьевна здѣсь, говоритъ Романъ Аркадьевичъ тихимъ голосомъ.

Маша подошла ближе. Сердце у нея ныло и болѣло, и она была очень блѣдна.

Надежда Сергѣевна переводитъ глаза съ Романа Аркадьевича на Машу, и также безжизненно смотритъ на нее въ упоръ.

Романъ Аркадьевичъ придвигаетъ Машѣ кресло и проситъ ее сѣсть; придвигаетъ другое кресло для себя, и помѣщается около Маши.

Молчаніе. Надежда Сергѣевна смотритъ на Машу въ упоръ безжизненнымъ взоромъ; Романъ Аркадьевичъ глядитъ на обѣихъ мягко, ласково и благородно.

Машѣ было очень тяжело, очень трудно, очень больно.

— Я думаю, что всѣ недоразумѣнія окончены! начинается Ро-

манъ Аркадьевичъ (голосъ его нѣсколько дрожить отъ сочувствія). Это молчаніе высказало краснорѣчивѣе самыхъ долгихъ рѣчей...

Надежда Сергѣевна слегка стонетъ и мученически улыбается.

Маша обратила глаза на Романа Аркадьевича и ждала, что онъ дальше скажетъ.

— Не правда ли, Марья Григорьевна? спрашиваетъ Романъ Аркадьевичъ. — Вы это тоже чувствуете?

— Я не знаю, что вы хотите сказать, отвѣтила ему Маша.

Надежда Сергѣевна мученически улыбается и стонетъ.

— Я хочу сказать, что недоразумѣнія теперь покончены и никогда не возобновятся. Жизнь опять пойдетъ свѣтло, и задушевными отношеніями...

— Я не совсѣмъ понимаю ваши слова, Романъ Аркадьевичъ, сказала Маша. — Недоразумѣній и не было. Я поступила такъ, какъ...

Надежда Сергѣевна стонетъ и мученически улыбается, и протягиваетъ Машѣ руку, будто желая сказать: на руку, Богъ съ тобою! не смущайся такъ!

Маша взяла протянутую ей руку и крѣпко ее сжала въ своихъ. Она не знала, что бы сдѣлать для этой женщины, столько лѣтъ заботившейся о ней. И все готова она была сдѣлать, все, кромѣ одного.

— Я хотѣла бы, чтобъ вы знали, хорошо знали, какъ я благодарю васъ; чтобъ вы не думали, что я легко остав...

— Я все прощаю, все! наконецъ произноситъ Надежда Сергѣевна. — Забудемъ все это! Не будемъ больше говорить о прошломъ. Лучше не поднимать такихъ вещей...

— Почему вы думаете лучше? сказала Маша, искренно желая разъяснить все и разъясненіемъ успокоить. — Лучше переговорить обо всемъ; тогда мы разстанемся спокойнѣе...

— Какъ разстанемся? вскрикиваетъ Надежда Сергѣевна, подпрыгивая на кушеткѣ; она мгновенно теряетъ безжизненный взоръ, страдальческое дыханье, и клокочетъ гнѣвомъ и негодованьемъ.

— Я очень хорошо обдумала, что я дѣлаю, когда укорила отъ васъ, сказала Маша. — Я хочу жить одна и не возвращусь къ вамъ, что бы ни было. Мнѣ самой очень тяжело съ вами прощаться, но иначе невозможно, потому что...

Съ Надеждой Сергѣевной дѣлается истерика; Романъ Аркадьевичъ поддерживаетъ ее, и даетъ ей нюхать спиртъ.

— А! вскрикиваетъ Надежда Сергѣевна: — ты хочешь одна жить! Я понимаю, чьи это штуки! Понимаю, понимаю, что все

это значить! Для свиданій съ Загайнымъ, съ этимъ него-
длемъ...

— Я ухожу, сказала Маша Роману Аркадьевичу. — Прислать сюда когонибудь? Позвать доктора?

Она была блѣдна, какъ платокъ, и говорила очень медленно, какъ говорятъ иногда глубоко-взволнованные люди, которыхъ никакое волненіе, однако, не пошатнеть въ сторону.

— Но, Марья Григорьевна... проговорилъ Романъ Аркадьевичъ: — но мнѣ кажется, лучше объясниться.

— Объясняться нельзя, отвѣчала Маша такъ же тихо, и пошла изъ комнаты.

— Не ходи! Не ходи! закричала Надежда Сергѣевна, вскакивая и вырываясь отъ Романа Аркадьевича, и опрокидывая столы съ флаконами и стелянками. — Я не позволю! Не смѣй! Ты не смѣешь! Я буду жаловаться...

— Надежда Сергѣевна, вы все погубите, очень рѣзко прошепталъ ей Романъ Аркадьевичъ, и энергически стиснулъ ей руку, повторяя сострадательныхъ тономъ: — успокойтесь, успокойтесь, ради-бога! Лягте! Понюхайте соли!

— Я не позволю этого безумія! Глупости! Гадости! кричала Надежда Сергѣевна, не внимая увѣщаніямъ Романа Аркадьевича, и бросаась за Машей изъ спальни.

Романъ Аркадьевичъ схватилъ ее въ охапку, и силою оттащилъ отъ дверей.

— Надежда Сергѣевна, сказалъ онъ очень неласково и ударя на каждое слово: — вы все погубите, и если вы не хотите слушать меня, то вы позволите мнѣ удалиться.

— Воротите, воротите ее! Умоляю васъ! кричитъ Надежда Сергѣевна.

Романъ Аркадьевичъ бѣжитъ за Машею.

— Марья Григорьевна, воротитесь!

— Зачѣмъ?

— Она умоляетъ васъ; простите ей рѣзкость... она желаетъ сказать вамъ.

Маша возвратилась.

— Умоляю тебя, кричитъ Надежда Сергѣевна:—пощади меня! Вспомни! Не губи себя!

— Я не могу исполнить этого.

— Не можешь? Такъ я заставлю тебя силою!

— Еслибы вы могли заставить меня силою жить у васъ, вы скоро сами бы увидали, что это ни къ чему не приведетъ, кромѣ дурнаго.

— Да вѣдь я умоляю тебя! Умоляю, понимаешь? кричить Надежда Сергѣевна, рыдая и ломая руки.

— Я не могу ничего измѣнить.

Съ Надеждой Сергѣевной дѣлается истерика.

Маша вышла отъ нея съ самымъ тяжелымъ чувствомъ. Въ коридорѣ Катя бросилась къ ней и обняла ее.

— Идешь? спросила она.

— Иду, Катя.

Онѣ обнялись вѣско, нѣжно и довѣрчиво, тѣмъ хорошимъ объятіемъ, послѣ котораго уже нѣтъ мѣста слезливости.

— Старайся успокоить Надежду Сергѣевну, сказала Маша. — Она нездорова.

Катя кивнула головою, показывая, что она того же мнѣнія, и что все будетъ исполнено.

Онѣ еще разъ обнялись.

Еремѣй подаль Машѣ шаль, какъ знамя побѣды, и проговорилъ такимъ добрымъ голосомъ: «прощайте, Марья Григорьевна», какимъ можетъ отроду никому не говаривалъ; Дуня выбѣжала, какъ обожженная, и взволнованно вскрикнула: «ахъ, Марья Григорьевна», заплакала и закрыла лицо фартукомъ; вышла няня невозмутима, но нѣсколько блѣдна, и тоже проводила Машу.

Изъ спальни слышались то рыданья, то вскрикиванья Надежды Сергѣевны; слышался голосъ Романа Аркадьевича, успокоивающій и убѣждающій. Тѣтя Фанни, какъ разъ согнанная съ лакомаго блюда муха, влетѣла съ пущею жадностью и стремительностію, бросилась-было къ Машѣ, восклицая: «ты уходишь? Ты уходишь? и когда Маша отвѣтила «ухожу» и ушла, она бросилась въ спальню Надежды Сергѣевны. Ольга Порфировна, исполненная возвышенныхъ, но своевременныхъ чувствъ, показала въ внутреннихъ комнатъ, когда уже всѣ расходились и спросила:

— Катенька, папача больна?

— Вы сами вѣдь все знаете, зачѣмъ же спрашиваете? отвѣтила Катя болѣе грустно, чѣмъ враждебно.

II.

Карающіе и милующіе.

Время шло, но Надежда Сергѣевна никакъ не могла привыкнуть къ тому, что Маша ушла, что Маша живетъ у мѣщанки Ненилы Самсоновны, что Машу нельзя оттуда никакимъ образомъ вырвать, что Маша не воротится, отдѣлилась, оторвалась, отрѣзана навсегда отъ ея дома. Надежда Сергѣевна съ утра до

вечера ужасно волновалась, не спала ночей, а если и заспала, то сны у нея бывали самые смятенные и тревожные, вся ея жизнь была только тѣмъ и наполнена, что она придумывала разные средства и способы для уловленія Маши въ свои сѣти. То она къ Машѣ послала тѣтю Фанни, то Ольгу Порфировну съ извѣстіемъ о градусахъ своихъ страданій, съ разнообразными записками. Эти записки то были ископаны слезами, исполнены грусти и кроткаго милосердія, то были перепачканы чернильными пятнами, дышали негодованіемъ и угрозами. Она ѣдила къ Машѣ и сама, и эти свиданія служили чѣмъ-то въ родѣ драматическихъ представленій для любознательной Ненны Самсоновны, которая все еще не могла окончательно рѣшить вопроса: «виновата, аль не виновата?» Улавливая чуткимъ ухомъ то жалобы, то угрозы Надежды Сергѣевны, то укоры въ чемъ-то «преступномъ, несмыканномъ», то предсказанія «близкой пагубы», «обмана» и вслѣдъ затѣмъ «раскаиванья въ упорствѣ», она находилась въ прежнему недоумѣніи и сомнѣніи, что чрезвычайно помогало интересу драматическихъ представленій.

Что касается до Романа Аркадьевича, то онъ отказался принимать дальнѣйшее дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ на другой же день послѣ того, какъ Маша приходила къ Надеждѣ Сергѣевнѣ.

— Надежда Сергѣевна, проговорилъ онъ грустнымъ голосомъ, помѣщаясь противъ нея на креслѣ въ грустной и благородной позѣ: — я возвращаюсь отъ Марьи Григорьевны, и ничего не имѣю сказать вамъ утѣшительнаго.

Онъ пришелъ поздно вечеромъ, и засталъ Надежду Сергѣевну въ самомъ взволнованномъ состояніи.

— Что такое? Что?

— Марья Григорьевна ничего не хочетъ слушать.

— А! а! а! не то захотала, не то зарыдала Надежда Сергѣевна.

— Прошу васъ, Надежда Сергѣевна, выслушайте меня. Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ.

— Какой совѣтъ?

— Прекратите на нѣкоторое время всѣ попытки, оставьте Марью Григорьевну въ покоѣ...

— Не могу! Не могу!

— Но подумайте: изъ этого ничего не выйдетъ, кромѣ худаго, тогда какъ...

— Не могу! Не могу!

— Въ такомъ случаѣ, я съ своей стороны долженъ отказаться отъ всякаго дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Надежда Сергѣевна донельзя чувствительно была поражена

этими словами. Она упрекнула Романа Аркадьевича въ недостаткѣ характера, выразила сомнѣніе въ прочности и постоянствѣ его дружбы, выставила ему на видъ свое безотрадное одиночество, ужасный, неожиданный ударъ, сразившій ее — но Романъ Аркадьевичъ отвѣчалъ на всѣ жалобы и доводы тѣмъ, что время покажетъ, какого рода его расположеніе и преданность, и что онъ умѣетъ отрѣшиться отъ собственныхъ чувствъ, когда дѣло идетъ о пользѣ и благѣ близкихъ ему по душѣ людей.

— Да всѣ вѣдь будутъ увѣрены, что вы со мной разошлись! вскрикнула Надежда Сергѣевна. — Поднимутся тысячи толковъ, сплетенъ... всѣ... сочтутъ за разрывъ...

— Что намъ до *сплетъ*? возразилъ Романъ Аркадьевичъ тѣмъ благороднымъ тономъ, каковымъ говорятъ о *сплетѣ*, не называя никого по имени и ничѣмъ не обозначая. — Люди развитые, *маши* этого не сочтутъ за разрывъ.

Говоря это, онъ очень хорошо зналъ, что *маши* сочтутъ за разрывъ, и что это, въ самомъ дѣлѣ, будетъ нѣкотораго рода разрывъ.

Надежда Сергѣевна тоже это знала, и, сдѣлавшись теперь въ высшей степени чувствительна къ каждому самоналѣйшему облачку, она всѣми силами старалась расчистить небо и помѣстять себя въ голубую лазурь. Уходъ Маши изъ ея дома, жестоко подорвавшій самыя блестящія и самыя задушевные планы, могущій понизить нѣсколько въ общемъ мнѣніи, не силенъ былъ, однакоже, затемнить эту лазурь: Надежда Сергѣевна могла выступить на самомъ голубомъ фонѣ, увѣчанная мученическимъ вѣщаньемъ; постоянное присутствіе Романа Аркадьевича, совпадающее съ уходомъ Маши, неизбѣжно должно было озарить фонъ такимъ яркимъ сіяніемъ, въ глазахъ всѣхъ развитыхъ людей, которое прогоняло всякія тѣни. Поэтому непреклонность Романа Аркадьевича чрезвычайно ее раздражала.

— И вы можете меня оставить въ такую минуту! вскрикивала она съ горькими слезами. — И вы можете!

— Я не оставляю васъ, Надежда Сергѣевна, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ: — я только не буду принимать дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ... Я буду вамъ помогать издали, какъ самый преданный другъ.

— Зачѣмъ же издали? Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что иначе я не могу. Вы слишкомъ оприметчивы, слишкомъ увлекаетесь; вы, такъ-сказать, выдаете меня головою, а Марья Григорьевна можетъ жаловаться на мое вмѣшатель-

ство въ ея отношеніи съ вами. Я удалюсь, но я останусь тѣмъ же преданнымъ вамъ другомъ, Надежда Сергѣевна.

Но Надежда Сергѣевна была изъ тѣхъ женщинъ, которыми очень мало утѣхи въ скрытомъ отъ всѣхъ чувствѣ дружбы, любви или преданности, какъ бы велики и надежны эти чувства ни были; ей непремѣнно надо было ихъ имѣть подъ руками, чтобы всякому при удобномъ случаѣ показать: «вотъ что у меня есть!» Кромѣ того, лишаясь Романа Аркадьевича, она лишалась пріятнаго, развитаго, сочувствующаго собесѣдника, который обладалъ удивительнымъ умѣньемъ обставятъ всякія дѣла совершенно прилично и даже трогательно, чего сама Надежда Сергѣевна, по живости и юркости характера, почти никогда не достигала.

— Я буду терпѣлива! я буду хладнокровна! говорила она. — Вы увидите, какъ я буду тверда!

Но все было напрасно: Романъ Аркадьевичъ остался непреклоненъ, и она разсталась съ нимъ съ большимъ нескрываемымъ огорченіемъ и съ сильнымъ, худо скрытымъ гнѣвомъ.

Дѣло въ томъ, что Романъ Аркадьевичъ имѣлъ уважительныя причины умыть руки и прекратить «дѣятельное» участіе. На другой день послѣ того, какъ Маша была у Надежды Сергѣевны, онъ отправился въ слободку, сказавши Надеждѣ Сергѣевнѣ, что онъ постарается выбрать время побывать у Марьи Григорьевны, хотя и не ручается, что это ему удастся. Надежда Сергѣевна обрадовалась и общала сидѣть дома и ждать его возвращенія.

Идя къ Машѣ, Романъ Аркадьевичъ не рѣшилъ заранѣе, явится ли онъ къ ней, какъ знакомый, просто навѣстить ее, или отъ лица Надежды Сергѣевны, какъ чрезвычайный посланный.

Онъ шелъ къ Машѣ съ волненіемъ и тревогою; онъ на многое надѣялся, но ни въ чемъ не былъ увѣренъ и это раздражало его, его, чьи бѣлыя и мягкія руки играли уже на столькихъ прекрасныхъ и драгоценныхъ инструментахъ. Неужели здѣсь онъ не тронетъ ни одной струны, не заставитъ зазвучать ни одной вѣжной нотки? Ида легкимъ и тихимъ шагомъ, съ полуулыбкою на широкихъ губахъ, на видъ безмятеженъ и благороденъ, какъ развитой созерцатель природы, онъ самъ удивлялся, какъ волнуется и занимаетъ его судьба этой «безумной» дѣвушки и какъ желанье по своему повернуть ея жизнь все больше и больше начинаетъ забирать его въ руки. Къ ненюбъдимому желанію смирить и укротить эту дѣвушку, и господствовать надъ ней, у него еще примѣшивалось чувство особой, не то чтобы боязни, а чего-то очень похожаго на боязнь, пустить въ свѣтъ такую ненадежную и сомнительную силу. Ему очень этого не хотѣ-

лось, какъ не хочется, напрямѣръ, благоразумному человѣку допустить горящую головешку упасть въ овинѣ даже къ далекому сосѣду, потому что кто его знаетъ? случается, что огонь перекидываетъ Богъ-вѣсть черезъ какия пространства.

— Дома Марья Григорьевна? спросилъ онъ у Ненны Самсоновны, вышедшей ему на встрѣчу при стукѣ калитки.

— Дома, отвѣчала Ненна Самсоновна, и очень обрадовалась посѣтителю, какъ новому средству, могущему ей уяснить: виновата, аль не виновата?—Пожалуйте.

Она провела его въ комнату Маши и изъ-за тоненькой стѣнки стала слушать въ оба.

При видѣ Романа Аркадьевича, у Маши замерло сердце: она подумала, что Надеждѣ Сергѣевнѣ сдѣлалось хуже, быть можетъ, очень худо.

— Надеждѣ Сергѣевнѣ хуже? спросила она, и пристально глядѣла на него, стараясь по лицу узнать, какия онъ принесъ вѣсти.

Она не замѣтила ни его благородной, трогательной позы, ни его грустнаго взгляда—такъ вся она была поглощена одною этою заботою.

— Ей не лучше, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ тихимъ голосомъ.

— Вы прямо теперь отъ нея?

— Да.

— Вы имѣете во мнѣ порученіе?

— Д-да, отвѣтилъ онъ и остановился, и глядѣлъ на нее грустными и сладкими глазами.

— Какое же порученіе? спросила Маша.

— Марья Григорьевна, быть можетъ, вамъ неприятно слышать...

— Прошу васъ, говорите.

— Надежда Сергѣевна проситъ васъ возвратиться, проситъ васъ забыть неприятныя слова, вырвавшіяся у нея въ минуту отчаянія; она очень жалѣетъ, что произнесла ихъ. Это не фразы, а самъ былъ свидѣтелемъ ея слезъ. Она проситъ васъ примириться съ нею. Ссора эта ее...

— Тутъ дѣло не въ ссорѣ, и ссоры даже особенной не было. Я на нее не сержусь, а я хочу иной жизни. Мнѣ тяжело, что она отъ этого терпитъ...

— Да, она въ самомъ дѣлѣ очень терпитъ, и, я думаю, будетъ терпѣть до конца жизни. Эти многолѣтнія привязанности срастаются съ людьми, и вырвать ихъ ничѣмъ нельзя, ничѣмъ нельзя замянуть. Она въ эти сутки такъ измѣнилась, что ее

трудно узнать. Она васъ очень любитъ. Такъ любитъ, какъ вы, быть можетъ, и не предполагаете. Ея натура несравненно глубже, чѣмъ я думалъ, несравненно...

— Я ничего не могу уступить, ничего не могу измѣнить, и прошу васъ передать это Надеждѣ Сергѣевнѣ, отвѣчала Маша.— Прочу васъ, передайте ей это и успокойте ее. Вы съ нею очень хороши и можете это сдѣлать лучше, чѣмъ я.

— Ваше рѣшеніе неизмѣнно?

— Незмѣнно.

— Марья Григорьевна, вамъ, быть можетъ, неприятно мое вмѣнательство? О, скажите мнѣ! Быть можетъ, вы объясняете его...

— Я его объясняю тѣмъ, что вы очень преданы Надеждѣ Сергѣевнѣ; вы, вѣроятно, вмѣшались потому, что думали устроить все, успокоить ее. Это понятно.

— Мое посредничество не оскорбило васъ? Не оскорбитъ въ будущемъ?

— Да оно въ будущемъ мнѣ кажется невозможно. Зачѣмъ же повторять тѣ же вопросы и отвѣты?

Эти слова какъ-то придавили его, какъ ледяная гора, и онъ только вздохнулъ.

— Марья Григорьевна, я не только по порученью Надежды Сергѣевны, не только во имя ея, я самъ желалъ васъ видѣть, желалъ съ вами говорить.

— Чтѣ вы желали мнѣ сказать? спросила Маша.

Несмотря на все свое умѣніе владѣть собою, Романъ Аркадьевичъ немножко оторопѣлъ и заикнулся. И было отчего: какъ богатый купецъ, увѣренный, что поведетъ блистательный торгъ, онъ навезъ съ собою цѣлые обозы прекрасныхъ товаровъ, и вдругъ видитъ, что здѣсь этихъ прекрасныхъ товаровъ не покупаютъ.

Однако онъ быстро оправился.

— Простите меня, Марья Григорьевна, умоляю васъ! заговорилъ онъ. — Я такъ боюсь, чтобы грубо не коснуться... чтобы неловко не притронуться... О, напередъ прошу, простите меня! Помните, что я думаю только о вашемъ благѣ, желаю только вашего счастья. О, помните это! Не примите моихъ словъ въ худую сторону, не оскорбитесь...

— Прочу васъ, Романъ Аркадьевичъ, говорите, чтѣ вы хотѣли мнѣ сказать.

— Хорошо вы обдумали вашъ разрывъ съ Надеждой Сергѣевной?

— Я хорошо обдумала, отвѣчала Маша и посмотрѣла на него, будто спрашивая: какимъ образомъ это можетъ касаться васъ?

— Марья Григорьевна, вы вѣдь еще дитя, великодушнѣйшее, благороднѣйшее дитя...

— По крайней мѣрѣ вы такъ полагали, когда задумали со мной говорить. Я знаю, что вы хотите сказать, и думаю, что это только напрасная трата словъ. Благодарю васъ за участіе. Я, увѣряю васъ, знаю, что я дѣлаю.

Онъ хотѣлъ-таки говорить, доказывать, убѣждать, но языкъ у него не поворачивался. Что онъ ни начиналъ, все выходило какъ-то безцвѣтно, неубѣдительно, плохо. Онъ пробовалъ говорить взглядами, выраженіемъ лица, но самъ чувствовалъ, какъ его грустный взоръ переходитъ въ жалкій, а страдающая, мягкая улыбка — въ приторную, и какъ ему неловко становится встрѣчаться съ этими непугливими глазами, и какъ его уничтожаетъ это женское, простое, не театральное лицо.

— Но если Надеждѣ Сергѣевнѣ сдѣлается хуже? проговорилъ онъ, тереясь.

Маша замѣтно поблѣднѣла, и отвѣтила:

— Это было бы большое для меня несчастіе, потому что я не могу ничего измѣнить и не могу ничего уступить.

— Позвольте мнѣ вѣрить, что еще не все кончено, позвольте мнѣ еще говорить съ вами объ этомъ!

— Мнѣ кажется, объ этомъ могъ только быть одинъ разъ разговоръ между вами и мною, отвѣчала Маша.

Опять онъ смутился.

— Васъ оскорбить мое дальнѣйшее виѣшательство?

— Мнѣ, кажется, такое виѣшательство возможно только одинъ разъ, когда еще люди не объяснились. Мы съ вами теперь объяснились.

— Вамъ непріятно мое участіе? сказалъ онъ грустно и покорно.

— Мнѣ оно было бы тягостно, потому что мы съ вами разное смотримъ на вещи.

— Какая бы ни была разница въ нашихъ взглядахъ на вещи, участіе мое такъ глубоко...

— Благодарю васъ за него, но оно мнѣ тягостно; оно не можетъ повести къ дружбѣ, потому что мы несогласны въ главномъ.

Онъ простился съ нею и ушелъ. Ушелъ съ тѣмъ чувствомъ тревоги, что горящая головешка полетѣла куда-то, и что пожаръ гдѣ-то будетъ.

Что-то въ родѣ вражды, въ родѣ желанья отмстить ей, родилось у него въ ту минуту, когда Ненила Самсоновна затворила за нимъ калитку, и онъ пошелъ назадъ ни съ чѣмъ. У него

даже премельнуло въ умѣ нѣсколько мыслей (конечно, въ благочестивомъ видѣ вопроса: «что, если ей придется выдержать?»), какими въ наши времена возможно пытатъ женщину. Сюда вошли голодъ и холодъ, всеобщее отчужденіе и преслѣдованье и тому подобное. Но даже это поможетъ ли? Онъ съ враждою вспомнилъ ее — вся ея стройная, но мощная фигура, темное платье, роскошные волосы, свѣжія губы, безстрашные, глубокіе глаза, широкій бѣлый лобъ — все это пронеслось передъ его глазами, и онъ подумалъ со злостью: «Пока останется хоть одинъ осколокъ этой свѣтлой головы, онъ будетъ пропитанъ тѣмъ же!»

Онъ послѣ долго помнилъ этотъ вечеръ, и свой разговоръ съ нею, и всю ея фигуру.

Когда прошло первое впечатлѣніе и улеглось первое непріятное чувство обманутаго ожиданія, онъ рѣшилъ перемѣнить совершенно планъ дѣйствій, и идти къ достиженію цѣли инымъ путемъ.

Между тѣмъ, время текло своимъ порядкомъ, и происшествіе разнеслось по городу не только по знакомымъ, но даже по незнакомымъ людямъ.

— Ну, что, мой другъ, теперь ты, я надѣюсь, убѣдилась, что за особа Марья Григорьевна? говорила Анна Петровна Подколотная, сидя съ дочерью и мужемъ за чайнымъ столомъ поутру.

— О, мама! я никогда этого не ожидала... не могла никогда вообразить! отвѣтила Поленька жалобнымъ голосомъ.

— Никогда не могла вообразить? Никогда не ожидала? повторила Анна Петровна, устремля на нее свои благочестивые взоры.

— О, вѣтъ! это вѣдь ужасно! О, я... не ожидала...

Поленька чувствовала, что у нея со страху ноги холодѣютъ: когда-то въ минуты печали она повѣряла Машѣ и Агнесѣ Алексѣевнѣ свои отчаянные замыслы бѣжать изъ дому, скрываться гдѣ-нибудь въ лѣсахъ, пробраться куда-нибудь въ сестры милосердія и т. д., и теперь ее вдругъ поразила мысль, не повѣдала ли какъ-нибудь мать объ этомъ.

— «Я никогда не ожидала» — это, мой другъ, вѣчная отговорка у людей, когда они, наконецъ, сознають свою ошибку; къ сожалѣнію, это сознанье не искупаетъ перенесенныхъ страданій!

Ефимъ Юрьевичъ Подколотный, безмолвно и смиренно пившій чай, при словахъ «перенесенныя страданія», встрепенулса, какъ при видѣ орудія давно знакомой, испытанной пытки.

— Вамъ тоже, кажется, очень нравилась Марья Григорьевна? спросила его жена.

— О, вѣтъ! солгалъ онъ, съ поспѣшностью и отвращеніемъ, какъ проглатываютъ противное лекарство. — Вовсе вѣтъ!

— Вы забыли. Вы даже спорили со мной по поводу ея; и не разъ спорили.

— Неужели? Быть можетъ, мы не поняли другъ друга. Я не могу сочувствовать дѣвушкамъ, которая... отъ которой нельзя ожидать самоотверженія и служенія семьѣ... Прозваніе женщины я понимаю...

Онъ говорилъ съ тою же поспѣшностью и отвращеніемъ, но каждый новый глотокъ противнаго лекарства видимо былъ ему все нестерпимѣе и нестерпимѣе, и уже можно было ожидать, что прійми онъ еще два-три глотка, онъ не выдержитъ, и станетъ плевать.

Анна Петровна, вмѣсто отвѣта, поглядѣла на него съ безотрадною грустью и вздохнула.

— Я не думаю, чтобы она рѣшилась явиться къ намъ, начала Анна Петровна послѣ краткаго молчанія, какъ будто отрываясь отъ заботъ и горестей высшихъ для заботъ и горестей низшихъ:— но я на всякій случай приказала не принимать ее. Если ты съ нею какъ-нибудь встрѣтишься на улицѣ, Поленька, то я надѣюсь, ты не узнаешь ее? Надѣюсь, у насъ не будетъ тутъ несогласій?

— О, нѣтъ! О, нѣтъ! отвѣчала Поленька, трусливо спѣша отклонить всякое сомнѣніе.

Любочка, смиренно сидѣвшая все время съ опущенными глазами, при этихъ восклицаніяхъ взглянула на сестру.

— Ты что-то хочешь сказать, Любочка? спросила Анна Петровна, отъ которой ничто не ускользало.

— Нѣтъ, маманъ, я ничего не хотѣла сказать, отвѣчала Любочка.

— Вы тоже, надѣюсь, не имѣете противъ этого возраженій, Ефимъ Юрьевичъ? спросила Анна Петровна.

— Вы совершенно справедливы; я съ вами вполне согласенъ, началъ было Подколодный, но новый глотокъ былъ ему уже черезчуръ противенъ, и онъ не выдержалъ. — Однако, вскрикнулъ онъ, вдругъ давая волю затаенному негодованію: — однако... бѣдная дѣвушка! бѣдная дѣвушка!

Онъ вскочилъ изъ-за чайнаго стола, и быстро скрылся въ своемъ кабинетѣ.

Анна Петровна перемѣнилась въ лицѣ, но окончила разливанье чаю. Потомъ она отправилась въ кабинетъ, и оттуда стали доноситься ея горестный шопотъ и слова утраченного Ефима Юрьевича, то рѣзкія, то отчаянныя, то жалобныя.

Поленька, отдѣлавшись благополучно, пришла въ бодрое и пріятное расположеніе духа. Видя, что Любочка задумчиво и не весело стоитъ у окна, она подошла къ ней и съ словами: «о

чемъ это моя сестрица раздумываетъ?» хотѣла обнять ее, но Любочка очень энергично оттолкнула ее, и отошла на другой конецъ комнаты.

— Чтѣ съ тобою? спросила удивленная Поленька, подходя къ ней и лова ее за руку.

— Оставь меня! отвѣчала Любочка.

— Да чтѣ съ тобою?

Но Любочка не дала ей никакого объясненія.

Поленька чрезвычайно оскорбилась и разсердилась.

— Увидимъ! сказала она съ такой злобой, какой никакъ нельзя было ожидать, видя ее свѣженькое, кроткое личико, добрые глаза и нѣжную улыбку. — Увидимъ, кто въ комъ будетъ нуждаться!

На это Любочка не отвѣчала нетолько словомъ, но даже взглядомъ, раскрыла учебникъ и начала учить урокъ.

— Увидимъ! Увидимъ! проговорила Поленька угрожающимъ голосомъ.

— Чтѣ такое у васъ? спросила Анна Петровна, появляясь въ дверяхъ.

— Ничего, маман, отвѣчала Поленька, смутившись.

— Неправда! Я требую, чтобы ты сказала, слышишь?

— Да вотъ, маман, Любочка на меня за чтѣ-то сердится... Я хотѣла ее поцаловать, а она меня оттолкнула...

— Любочка, чтѣ это значить?

Любочка молчала.

— Любочка, чтѣ это значить, я спрашиваю?

— Я не хочу цаловать, отвѣчала Любочка.

— Почему это?

— Такъ, мнѣ не хочется.

— Что это за капризы! Сейчасъ же поцалуй сестру!

Любочка подошла къ сестрѣ и стала; Поленька наклонилась и поцаловала ее. Холодныя губки отвѣтили только трепетаньемъ.

— Поцалуй еще разъ сестру, сказала Анна Петровна. — Любочка, слышишь?

Ея поблѣднѣвшее личико поднялось къ свѣженькому лицу Поленьки, и холодныя, дрожащія губки прикоснулись къ теплымъ, розовымъ губамъ.

Она взяла свой учебникъ и хотѣла уйти.

— Положи книгу, сказала Анна Петровна, взявъ ее за руку: — пойдѣмъ со мною.

И она повела ее съ собою.

— Маман! робко вскрикнула Поленька. — О, маман!

— Что такое, мой другъ? спросила Анна Петровна медленно и съ наставительнымъ удивленіемъ.

— Мамап, не сердитесь на Любочку! она такъ...

— Мой другъ, не учи меня, кротко перебила Анна Петровна, и увела Любочку съ собою.

— Слышала, Агинька? спрашивала Настасья Львовна.

— Да, мамап, слышала.

— Я думаю, Надежда Сергѣевна на стѣну теперь лѣзеть, а? Агнеса Алексѣевна улыбнулась.

— Да, вѣрно теперь тамъ хаосъ, сказала она.

— Что она съ Бурнашовымъ, ты думаешь, бѣжала?

— Бурнашовъ въ деревнѣ, и у нихъ давно все кончено — вѣроятно, съ Загайнымъ. — Не понимаю, что она могла въ немъ найти!

— Э! что могла найти! Въ такихъ *находятъ*, въ комъ бы, кажется, и искать не стоило! проговорила Настасья Львовна съ раздраженіемъ.

— Я, быть можетъ, черезчуръ требовательна, сказала Агнеса Алексѣевна: — но я не могу...

— Вовсе ты не такъ требовательна, Агинька, какъ говоришь! Вовсе не такъ, душа моя! Ну, что такое привлекательное въ этомъ Амосовѣ? А вѣдь онъ тебѣ какъ было-понравился... да и теперь, кто знаетъ...

— Мамап, вы меня вѣчно подозреваете, возразила Агнеса Алексѣевна, улыбаясь.

— Имѣю причины подозревать, Агинька! Развѣ я слѣпа была, какъ вы переглядывались? И всѣ эти книги, и всѣ эти тетрадки... вѣдь я не слѣпа! И кто тебя знаетъ? Я и теперь боюсь, хотя бы, кажется, чего бояться? Только что глаза черносливинами, да поводить ими, какъ безумный, а больше-то вѣдь ничѣмъ не вяжѣ. Такъ, черкесь какой-то. Я въ первый разъ какъ увидела, такъ думала, сейчасъ вынетъ, покажетъ пояса и браслеты съ чернью... Ты несогласна со мной? Конечно, несогласна? Какъ же можно!

— Я не спорю, мамап, право, не спорю, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, улыбаясь. — За что вы на меня нападаете?

Ея улыбка и шуточный тонъ привели Настасью Львовну въ очень хорошее расположеніе духа.

— Какъ не нападать, сказала она, развеселилась: — въ этомъ мое «назначеніе». Такъ что ли вы говорите?

Въ комнату вбѣжалъ запыхавшійся Алексѣй Алексѣевичъ.

— Знаете? знаете? кричалъ онъ.

— Ты тоже слышалъ, Алеша? спросила Агнеса Алексѣевна.

— Да, сейчасъ. Я ушамъ не вѣрять! Надежда Сергѣевна въ отчаяніи, убита, но старается скрыть, подавить... благородная натура! Я думаю, она не переживетъ...

— Пережить-то переживетъ, сказала Настасья Львовна: — не безпокойся: не такія вещи, да переживаются. Чтѣ же она съ Загайнымъ бѣжала, что ли? Какъ говорятъ?

— Еслибы вы послушали все, чтѣ говорятъ! вскрикнуть съ одушевленіемъ Алексѣй Алексѣвичъ. — Одни увѣряютъ, что она бѣжала съ Загайнымъ, другіе — что ее увезъ Бурнашовъ, что она у него въ деревнѣ спрятана; наконецъ, что она бѣжала отъ Надежды Сергѣевны потому... потому что вынуждена была своимъ положеніемъ... Что Михаилъ Яковлевичъ все разорвалъ съ нею изъ ревности къ Загайному... что Загайный жениться на ней тоже не хочетъ... выѣхалъ поспѣшно изъ города...

— Да ты былъ у Надежды Сергѣевны?

— Былъ четыре раза, не принимаетъ — больна. Она, говорить, въ самомъ ужасномъ положеніи. И понятно...

— Не съѣздить ли мнѣ къ ней, шамап? спросила Агнеса Алексѣевна. — Я очень желала бы узнать, чтѣ тамъ такое.

— Съѣзди, Агненька, узнай.

— И я съ тобой, Агнеса, и я! крикнулъ Алексѣй Алексѣвичъ.

— Хорошо, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, уходя съ тою, нѣсколько лихорадочною медленностью, какую можно замѣтить у людей, когда они неожиданно успѣли въ началѣ своего замысла и боятся неосторожною торопливостью дать это замѣтить и помѣшать такимъ образомъ благополучному окончанію.

— Правда, нельзя было этого ожидать, шамап? сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ.

— Чего?

— Да вотъ Марья Григорьевна...

— Отчего же нельзя?

— Я не ожидалъ...

— Ну, ты еще угадчикъ не великій! (Это было Алексѣю Алексѣвичу неприятно слышать). А по моему отъ нея всего можно было ожидать: она, кажется, живетъ своимъ умомъ и непугливая.

— Чтѣ съ нею теперь будетъ? Пропадетъ...

— Вѣроятно, пропадетъ. Мнѣ ее жалко вчужѣ. Вѣдь теперь ее заклюютъ. Всѣ напустятся, кто во что гораздъ; черезъ мѣсяцъ окажется, что ей въ ссылкѣ мало мѣста.

— Ахъ, ужасно напустятся! Да ужъ теперь всѣ кричатъ такъ,

что... кого ни встрѣтишь, спросишь: слышали? Слышали, какъ же! и начнетъ, и начнетъ, ужась! подхватилъ Алексѣй Алексѣвичъ, вдругъ начиная воспламениться самымъ благороднымъ негодованіемъ.

— Если ее обманули въ самомъ дѣлѣ, продолжала Настасья Львовна, не обращая никакого вниманія на болтовню Алексѣя Алексѣвича, а разсуждая сама съ собою: — она привыкла къ этому въ долгіе одинокіе вечера, когда то раздраженная, то смиренная, она рисовала себѣ картины чужаго веселья и вызывала къ отвѣту равнодушныхъ къ ней людей,—то, значитъ, она проста была, честна, не подозрѣвала обмана и попала въ ловушку. Хитрячку какую-нибудь такъ не проведешь. Тутъ больше несчастье, чѣмъ вина... даже вины никакой, можетъ, и не было. Бѣдная дѣвушка! теперь, можетъ, она всѣ глаза проплакала! Можетъ, она хоть и пала, да лучше этихъ неправшихъ, чтó каменья въ нее бросаютъ. Свѣтъ неумолимъ и жестокъ...

— Ужасно! ужасно! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣвичъ, совсѣмъ воспламененный благороднымъ негодованіемъ.

Вошла Агнеса Алексѣвна, готовая ѣхать и въ такомъ блескѣ, что Настасья Львовна, при первомъ на нее взглядѣ, омрачилась.

— Ты только къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, Агинья? спросила она.

— Да, татап, отвѣчала Агнеса Алексѣвна, цапая у нея руку. — Ну, Алеша, ѣдемъ.

— Ёдемъ, ёдемъ, Агнеса! воскликнулъ Алексѣй Алексѣвичъ, скватывая шляпу.

— Скоро воротитесь? спросила Настасья Львовна нѣсколько мрачно.

— Скоро, татап, отвѣчала Агнеса Алексѣвна.

— Скоро, скоро, татап, очень скоро, сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ, торопливо уходя за сестрою.

— И зачѣмъ я, старая дура, спрашиваю, скоро ли? съ горечью проговорила Настасья Львовна, оставшись одна.

Помолчавъ немного и повязавъ свою синюю косынку, она вдругъ гнѣвно вскрикнула:

— Голову готова провалядывать, что она увидитъ Амосова! О, старая дура! Ну, что-жъ, пора, кажется, къ этому привыкнуть, не въ первый разъ и не въ послѣдній! Пускай! Не на стѣну же лѣзть оттого, что провели.

Она продолжала вязать, но руки у нея такъ дрожали отъ внутренняго волненія, въ глазахъ такъ рябило, что она скоро должна была оставить вязанье, позвонила и велѣла вошедшей дѣвушкѣ подать себѣ холодной воды и лавро-вишневыхъ капель.

— Вѣдь теперь ее просто заклюютъ, Агнеса! говорилъ Алексѣй Алексѣевичъ сестрѣ, ватась съ нею по городу въ крытой пролеткѣ, на парѣ гнѣдыхъ лошадей. — Просто заклюютъ! Вѣдная дѣвушка! Не правда ли, Агнеса?

— Еще бы! отвѣчала Агнеса Алексѣевна разсѣянно.

Агнеса Алексѣевна видимо была поглощена чѣмъ-то болѣе близкимъ ей, и потому даже къ такому интересному происшествію оставалась сравнительно очень равнодушна въ эту минуту.

— Смотри, Агнеса, смотри! Вѣдь это Павелъ Ивановичъ! Онъ! Стой! Стой! (кучеру) Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ! (проходящему по тротуару Павлу Ивановичу). Ну, что, слышали? Слышали вы?

— О чемъ? спросилъ подошедшій Павелъ Ивановичъ; онъ былъ замѣтно чѣмъ-то взволнованъ.

— Слышали о Марѣ Григорьевнѣ?

— Слышалъ, но я полагаю, что все это клевета.

— Какое клевета! Она ушла! Надежда Сергѣевна, говорятъ, въ самомъ ужасномъ положеніи! Въ самомъ ужасномъ!

— Такъ это вѣрно?

— Вѣрно! Вѣдная дѣвушка, вѣдь ее теперь заклюютъ! Знаете, «какая бѣ ны была вина, ужасно было наказанье!»

— Алеша, ты задерживаешь Павла Ивановича, проговорила Агнеса Алексѣевна.

— Прощайте, Павелъ Ивановичъ; мы спѣшимъ къ Надеждѣ Сергѣевнѣ. А вы къ ней не придете?

— Я тоже къ ней иду, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ:— до свиданья.

— До свиданья! До свиданья!

Павелъ Ивановичъ опять перешелъ на тротуаръ, а пролетка покатила по улицѣ.

— Принимаетъ! радостно прошепталъ Алексѣй Алексѣевичъ, увидя карету у подъѣзда Рославлевой.

Точно, Надежда Сергѣевна принимала, и они вошли въ гостиную, гдѣ застали одну, очень важную обитательницу города N, строгую, гордую, очень рѣдко посѣщавшую Надежду Сергѣевну и теперь, вѣроятно, привлеченную сюда слухами о постигшемъ «несчастіи». При входѣ Камышевыхъ важная обитательница уже прощалась и тотчасъ же уѣхала.

— Надежда Сергѣевна, пробормоталъ Алексѣй Алексѣевичъ:— Надежда Сергѣевна... Надежда Сергѣевна...

Онъ жалъ ей руку, враспѣлъ и пыхтѣлъ.

Агнеса Алексѣевна отстранила его, тихо взяла Надежду Сергѣевну за руку, тихо сжала ей руку, но съ такимъ сочувствіемъ

ея горю, что Надежда Сергѣевна отвѣчала ей объятіемъ и слезами.

— Вамъ тяжело говорить — не говорите, промолвила Агнеса Алексѣевна, какимъ-то небеснымъ голосомъ, садясь около нея на диванѣ.

— О, я понимаю! началъ Алексѣй Алексѣевичъ, придвигаясь къ нимъ ближе: — такой ударъ!...

— Не спрашивайте, какъ я это перенесла! прошептала Надежда Сергѣевна. — И дай Богъ, чтобы вы никогда, во всю вашу жизнь, не извѣдали ничего подобнаго!

Дѣло получило уже такую гласность, что всѣ попытки, всѣ старанія скрыть, или хоть прикрыть, были теперь совершенно бесполезны и даже смѣшны. Надеждѣ Сергѣевнѣ оставалась теперь одна отрада: отводить душу въ разговорахъ, и она отводила душу, сколько только могла. Правда, сначала она не хотѣла словами высказывать своего горя и передъ всѣми являлась страдающая, но благородно затаившая страданія въ тайникахъ души, но она этого долго не выдержала. Впервыхъ, потому не выдержала, что многіе принимали эту благородную затаенность страданья не только за смущенье, но даже за виновность, такъ что, между прочимъ, сталъ носиться слухъ, что «Надежда Сергѣевна сама что-то смущена» и «кто знаетъ, одна ли Маша виновата?» а вовторыхъ, не выдержала потому, что, конечно, такое величіе горести имѣло свою огромную привлекательность, но выдерживать его долгое время было очень трудно, потому что эта выдержка необходимо отдаляла отъ всѣхъ, а Надежда Сергѣевна любила общество до страсти.

— Гдѣ она теперь? спросила Агнеса Алексѣевна такъ тихо и бережно, точно прикасалась къ ранѣ, желая врачевать и боясь разбередить.

— Поселилась въ слободѣ, вообразите!

— Въ слободѣ! вскринулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Вы видѣлись съ нею? спросила Агнеса Алексѣевна еще тише и бережнѣе.

— Да, нѣсколько разъ. Она была у меня.

— Была у васъ! вскринулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Я къ ней тоже ѣздилъ...

— Вы къ ней ѣздили! вскринулъ Алексѣй Алексѣевичъ. —

О, какъ вы великодушны!

Агнеса Алексѣевна безъ словъ сжала ей руку.

— Я была у нея нѣсколько разъ, проговорила Надежда Сергѣевна, словно нечаянно развертывая во всю ширину и длину свое великодушіе.

— И что же? спросила Агнеса Алексѣевна, снова еще крѣпче сжимая ей руку.

— Какое великодушіе! выривнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Ахъ, тяжело вспомнить! Она совсѣмъ обессумѣла!

— Но кто имѣлъ вліяніе?...

— Загайный. Онъ сбиль ее съ толку!

— Но вѣдь Загайный уѣхалъ?... Она одна?

— Да, она одна! Совершенно одна!

— Что же она думаетъ дѣлать дальше?

— Говорить, буду работать. Безуміе! Мечты! Развѣ она можетъ работать? И какая эта работа? Гдѣ она у насъ въ N.? Вѣдь не улицы же мести! Что ждетъ ее? Нужда, униженіе...

— Да ей вѣрно и теперь уже нелегко, сказала Агнеса Алексѣевна. — Мнѣ ее очень жаль. Я думаю, что она сама скоро пойметъ...

— О, она скоро пойметъ, что поступила... что жестоко поступила... что нельзя... вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Я не допущу ее до нужды, а уже на этотъ счетъ все устроила. Я устроила... но это не интересно, впрочемъ, сказала Надежда Сергѣевна, какъ-бы спохватившись и запахивая красоту своихъ добродѣтелей. — Она не будетъ знать нужды.

— Но Загайный? спросила Агнеса Алексѣевна и прибавила: — я дѣлаю этотъ вопросъ не изъ любопытства, я люблю Машу и боюсь за нее, за ея счастье.

— Загайный уѣхалъ.

— Развѣ между ними все кончено?

— Да онъ ничего не зналъ объ этомъ! Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ прощаться, непременно хотѣлъ видѣть ее; я насилу его выжила!

— Это очень странно, проговорила Агнеса Алексѣевна. — Вы увѣрены, что тутъ нѣтъ...

— О, увѣрена совершенно! Они даже не видались.

— А говорятъ Богъ-знаетъ что такое! воскликнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Что же говорятъ? Не бойтесь меня огорчить, скажите. Ну, скажите! Пожалуйста!

— Говорятъ, что онъ увезъ Марью Григорьевну, началъ Алексѣй Алексѣевичъ нервнѣе.

— Вы не будете огорчаться глупыми толками? сказала Агнеса Алексѣевна. — Вы стойте выше этого.

— Ахъ, я ко всему уже привыкла! отвѣчала Надежда Сергѣевна съ такимъ видомъ, точно она была уже разъ двадцать пять распята на крестѣ. — Я ко всему привыкла!

— Что же Михаилъ Яковлевичъ? спросила Агнеса Алексѣевна. — Вѣдь онъ любилъ ее. Зачѣмъ онъ вдругъ пропалъ? Что съ нимъ?

— Онъ любитъ ее до безумія, сватался за нее — она отказала!

— Отказала! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Хотя пылкій, прогрессивный и мало соображающій, онъ былъ, однако, на столько наученъ окружающею жизнью, что отказъ богатѣйшему жениху въ губернии поразилъ его, какъ невѣроятное диво.

— И все между ними теперь кончено? спросила Агнеса Алексѣевна.

— Она не хочетъ слышать о немъ, а онъ все молить... Вотъ еще недавно, два дня тому назадъ, я получила отъ него письмо: видно по каждому слову, что онъ съ ума сходитъ отъ отчаянія! Вотъ это письмо здѣсь, вѣжета.

Надежда Сергѣевна открыла стоявшій на столигѣ малахитовый ящичекъ, вынула оттуда письмо и, вздыхая, пробѣжала его. Камышевымъ бросилось въ глаза: «я все надѣюсь», «другаго счастья не знаю» и т. п.

Надеждѣ Сергѣевнѣ, несмотря на «ударъ» отъ Маши, все-таки пріятно было показать, какой богатый женихъ есть у ея родственницы. Кромѣ того, Надеждѣ Сергѣевнѣ хотѣлось Михаиломъ Яковлевичемъ отвести всѣмъ глаза отъ Загайнаго: въ душѣ она сама подозрѣвала, что Маша обманываетъ ее заодно съ Загайнымъ, и пуще всего боялась, чтобы подобныя слухи не дошли до Михаила Яковлевича. Она все еще уповала на оранжерей съ розовыми камеліями и на карету съ матовою обивкою, если не скоро, то въ далекомъ будущемъ.

Пришелъ Павелъ Ивановичъ. Онъ пристально и тревожно поглядѣлъ на Надежду Сергѣевну. Она отвѣтила ему томнымъ, угасшимъ взоромъ и подала руку съ тою улыбкою, которая говорила: вы не безпокойтесь за меня, я крѣпка, я могу даже улыбаться, когда самыя жестокія страданія раздираютъ мою душу.

— Что вы читаете? спросилъ Павелъ Ивановичъ, очевидно теперь нисколько незаботившійся о томъ, что кто читаетъ.

— Да я теперь ничего не читаю, отвѣчала Надежда Сергѣевна: — не могу!

Онъ помолчалъ, подавляя волненіе, потомъ сказалъ, что недавно вышла новая, очень замѣчательная книга, и что надо бы достать эту книгу.

— Какаа? Какаа? вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ: — вы гдѣ

думаете достать? Какъ достать? Я бы тоже желалъ... А что это за книга? Чья? Какія мысли...

Павелъ Ивановичъ сталъ ему рассказывать о книгѣ. Надежда Сергѣевна и Агнеса Алексѣевна не вмѣшивались въ ихъ разговоръ. Время отъ времени Агнеса Алексѣевна врачевала Надежду Сергѣевну какимъ-нибудь тихимъ словомъ; самыя простыя это были слова, а имѣли какую-то волшебную силу возвышать Надежду Сергѣевну въ собственномъ мнѣніи, и проливать цѣлительный бальзамъ на ея свѣжія раны. Агнеса Алексѣевна тоже взглядывала на бронзовыя часы въ углубленіи гостиной, и чѣмъ ближе подходило время въ пяти часамъ, тѣмъ алѣе стала выступать у нея краска на лицѣ, при каждомъ шумѣ въ передней.

Въ три четверти пятого, она предложила Надеждѣ Сергѣевнѣ потереть виски одеколономъ, съ несвойственною ей угодливостью сама принесла флаконъ изъ спальни, и уже больше не садилась на диванъ около Надежды Сергѣевны, а ходила по комнатѣ, стояла у окна, у стола, вообще держалась такъ, что могла, въ случаѣ нужды, перейти въ залу или въ диванную, никому не бросаясь въ глаза.

Павелъ Ивановичъ толковалъ о книгѣ, и голосъ его съ каждой минутой становился рѣзче, неровнѣй; Алексѣй Алексѣевичъ наслаждался, Надежда Сергѣевна нюхала платокъ, смоченный одеколономъ, и угасшими взорами встрѣчала милые взгляды Агнесы Алексѣевны, и тревожные, нетерпѣливыя взгляды Павла Ивановича.

Въ пять часовъ пріѣхалъ Амосовъ.

Онъ тоже уже слышалъ о «бѣгствѣ» Маши, но должнаго вниманья онъ теперь ни на что не обращалъ; онъ весь былъ поглощенъ своей любовью. Алексѣй Алексѣевичъ бросился на него какъ маленькій пѣтушокъ на большое пшеничное зерно, и зачастилъ о новой книгѣ. Павелъ Ивановичъ воспользовался этимъ и тихо спросилъ Надежду Сергѣевну:

— Правда? Ради-бога, скажите мнѣ все! Я...

Если онъ хотѣлъ сказать, что принимаетъ участіе, то это и безъ словъ было ясно, очень ясно видно. Онъ вдругъ какъ-то похудѣлъ и осунулся.

— Не спрашивайте, какъ я это перенесла, отвѣчала Надежда Сергѣевна: — и дай Богъ, чтобы вы никогда, во всю вашу жизнь, не извѣдали ничего подобнаго!

— Но гдѣ Марья Григорьевна? что съ нею?

— Послалась въ слободѣ, совсѣмъ обезумѣла! Что ее ждетъ. Нужда, униженіе! Конечно, я не допущу, чтобы она нуждалась, я уже устроила... Впрочемъ, это не интересно, какъ я устроила...

— Она выходит замуж? За Загайного?

— Вовсе нѣтъ! Загайный давно уѣхалъ... это все смелти, самыя гнусныя, самыя черныя...

— Но что же это все значить?

— Безуміе!

— Но что за безуміе? Какое?

Надежда Сергѣевна начала рассказывать.

Сдѣлавъ знакъ Надеждѣ Сергѣевнѣ, что не желаетъ мѣшать ей разговору съ Павломъ Ивановичемъ, Агнеса Алексѣевна перешла въ залу, и перевела туда брата и Амосова.

— Вы слышали? спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Слышала, отвѣчалъ Амосовъ, впиваясь глазами въ Агнесу Алексѣевну.

— Ужасно вѣдь! Вѣдь ее теперь заклютъ! Всеобщее презрѣніе... бѣдная дѣвушка! Надежда Сергѣевна увѣряетъ, что она ушла одна, просто потому только, что обезумѣла... что хочетъ работать, жить своимъ трудомъ; но кто жь этому можетъ вѣрить? Я голову дамъ на отсѣченье, что она съ Загайнымъ...

— И я не осуждаю ее! сказала Агнеса Алексѣевна: — я уважаю ее за рѣшимость пожертвовать всѣмъ любимому человѣку!

Голова ея нѣсколько откинулась назадъ, и лицо дышало энергіею и благородствомъ.

— О, да! Безъ сомнѣнія! Безъ сомнѣнія! подхватилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Вамъ понятна такая безграничная любовь? спросилъ Амосовъ, блестя глазами, кигъ фейерверкомъ.

— Мнѣ непонятна другая, отвѣтила она со страстію.

— Я тоже иной любви не понимаю, твердилъ Алексѣй Алексѣевичъ. Я — тоже не понимаю!

Скоро Алексѣю Алексѣевичу подана была сестрой богатая мысль, сказать и спросить, нѣтъ ли знаменитой новой книги въ книжномъ магазинѣ братьевъ Кузовыхъ, гдѣ никакихъ новыхъ книгъ никогда не бывало, и гдѣ почему-то Агнеса Алексѣевна предполагала, произошло теперь счастливое преобразование.

Алексѣй Алексѣевичъ поскакалъ къ братьямъ Кузовымъ.

— Наконецъ я васъ вижу! прошептавъ Амосовъ.

{ Она взглянула на него грустно и нѣжно, и такъ была прелестна въ эту минуту, что онъ чуть не вскрикнулъ отъ восхищенія.

— Вы видите, я сдержала слово, я здѣсь, проговорила она.

— Благодарю! О, благодарю!

— Теперь мы надолго простимся, сказала она, и сказала

такъ мягко, такъ мягко, что даже каменное сердце, и то тронулось бы и забилось.

— Надолго? О, нѣтъ! Нѣтъ!

— Надолго! повторила она опять, и такъ тихо, что онъ больше угадалъ, чѣмъ разслушалъ.

— Но зачѣмъ? За что? О, скажите, объясните мнѣ! молилъ онъ. — Скажите!

Она молчала, какъ будто чувство и долгъ боролись въ ея душѣ, опустила глаза и сдвинула брови.

— О, ради всего святого! ради всего, что вамъ дорого! молилъ онъ: — скажите мнѣ! скажите!

— Да, вамъ я все могу сказать, все могу довѣрить, вдругъ проговорила она, поднимая на него сверкающіе глаза; она откинула назадъ волосы граціознымъ и энергическимъ движеніемъ, лицо ея дышало рѣшимостью и страстью, ноздри расширились, губы сжались. — Дома... Вы вѣдь знаете, что у меня нѣтъ никого близкихъ кромѣ брата, что я живу въ чужомъ домѣ? Мнѣ запрещены свиданья и разговоры съ вами, и всякій разъ, какъ я съ вами вижу и говорю, я за это плачу дорого... очень дорого! Я плачу за это униженіемъ! Я должна выслушивать упреки, жалобы... отъ чужой женщины, которая изъ милости насъ съ братомъ пріютила и воспитала!... Я ничего не могу отвѣчать ей, я беззащитна противъ ея оскорбленій! Я ей всѣмъ обязана, я ѣмъ ея хлѣбъ, живу въ ея домѣ! Чтобы видѣться съ вами, я должна лгать. Лгать! Знаете ли вы, что это такое, когда человѣкъ вынужденъ лгать? Знаете ли вы, что это такое бояться сдѣлать шагъ, бояться слово сказать, даже бояться взглянуть? Знаете ли вы, что я сегодня вытерпѣла прежде, чѣмъ я сюда попала? Я съ самаго утра должна была сидѣть съ ней и развлекать ее, и забавлять — развлекать и забавлять, когда я задыхалась отъ... отъ тоски! И все это для того, чтобы выбрать минуту, когда можно рѣшиться сказать: позвольте мнѣ поѣхать къ Рославлевой! Теперь она подозрѣваетъ, что мы... дружны съ вами и ежеминутно слѣдитъ за мной. Ваша послѣдняя записка чуть не была перехвачена. Она васъ возненавидѣла — быть можетъ потому, что видитъ, какъ я съ вами сошлась... какъ мы съ вами схожи въ понятіяхъ, въ стремленіяхъ... Я не могу долше выносить этой жизни! Не могу и не хочу! Я рѣшилась искать мѣста гувернантки, няньки, горничной — все равно! Лишь бы вырваться изъ этого ада!

Она проговорила это быстро, не переводя духу, не спуская съ него своихъ сверкающихъ звѣздо-подобныхъ глазъ.

— Вы гувернантка! вскрикнулъ онъ съ ужасомъ.

— Другаго выхода нѣтъ! Я съумѣю все выдержать; силы у меня на все станеть! проговорила она съ мрачною страстною энергіею.

— О, ради Бога! О, не дѣлайте этого! Я васъ люблю... больше жизни... больше... а вы? а ты? любинь?

— И ты еще спрашиваешь! Люблю-люблю-люблю...

— Вообрази Агнеса! Вообразите, Амосовъ! Книжки нѣтъ, и даже они не слыхали о ней! кричалъ запыхавшійся Алексѣй Алексѣевичъ, отыскивавшій ихъ уже въ саду, въ бесѣдкѣ.—А каково вамъ это покажется? Мы, говорятъ, новыхъ не выпишемъ, а только держимъ извѣстныхъ, а! Каково? Вѣдь это возмутительно! Такое равнодушіе къ... къ мысли!... Такія книги...

— Богъ съ ними теперь, со всѣми книгами на свѣтѣ! сказала Агнеса Алексѣевна.

Алексѣй Алексѣевичъ отпрянулъ и вытаращилъ глаза на сестру и на Амосова. При всей своей непроницательности онъ былъ пораженъ ихъ счастливыми лицами.

— Чтò съ тобою? Чтò съ вами? вскрикнулъ онъ.

— А вотъ мнѣ женихъ нашелся, и я уже просватаная невѣста, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, граціознѣйшимъ движеніемъ головы указывая на блаженнѣйшаго Амосова.

— Неужели? вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ съ восторгомъ.— Неужели?

И ринулся цаловаться и обниматься.

Когда они возвратились въ гостиную, Павла Ивановича уже не было; Надежду Сергѣевну окружало нѣсколько дамъ съ тѣмъ хищнымъ выраженіемъ глазъ, какое можно замѣчать у нихъ, когда дѣло идетъ о вывѣдываньи подробностей интересной текущей новости.

Прощаясь, Надежда Сергѣевна обняла Агнесу Алексѣевну и проговорила:

— Я не умѣла до сихъ поръ цѣнить васъ, теперь я цѣнить васъ умѣю!

На это Агнеса Алексѣевна отвѣчала ей милою и кроткою улыбкою.

Амосовъ откланялся и вышелъ вмѣстѣ съ Камышевными.

— А какъ Надежда Сергѣевна убита, а? сказала Алексѣй Алексѣевичъ.

— Несносная, пустая женщина! отвѣчала Агнеса Алексѣевна.— Во имя твое, я выдержала сегодня почти двухчасовую пытку! обратилась она къ Амосову, улыбаясь и лаская его взглядомъ.— До завтра!

— До завтра, повторилъ онъ, сажая ее въ пролетку.

— До свиданья!

— До завтра! повторилъ онъ опять, но руки ея не выпускалъ.

Она, нѣжно улыбаясь, тихонько освободила свою руку и прощентала ему:

— Не до завтра, а сегодня вечером, въ восемь часовъ.

Онъ такъ былъ этимъ осчастливленъ, что даже не могъ выговорить слово и остался у крыльца Надежды Сергѣевны, слѣдя глазами за уѣзжавшею пролеткою.

— Агнеса! какъ я радъ! говорилъ Алексѣй Алексѣевичъ.—Ты будешь такъ счастлива! Ахъ, какъ я радъ! Заживемъ отлично! Знаешь, можно тоже устроить вечера у тебя...

Онъ началъ строить разные планы будущаго благополучія: выписывать книги самыя рѣдкія, устраивать чтенія самыя интересныя, собирать сборища самыя прогрессивныя.

Когда они подъѣзжали къ дому, онъ опомнился.

— Ахъ, Боже мой! Не замѣтилъ, какъ мы доѣхали! Я думаю, она не въ духѣ, мы очень оповдали. Такъ и упадетъ...

— А мы бабу по шапкѣ, отвѣчала Агнеса Алексѣевна.

Она, развеселившись, любила употреблять такъ-называемыя народныя выраженія, и именно выраженія безцеремонныя.

Алексѣй Алексѣевичъ расхохотался.

— А какъ ты, сейчасъ ей скажешь, Агнеса?

— Нѣтъ. Андрей поѣдетъ прежде въ имѣнье, все устроитъ—тогда и скажемъ. До тѣхъ поръ ни слова. Пожалуйста, ты не проговорись, Алеша. Помни, что навличешь этимъ Богъ-знаетъ какія непріятности.

— О, нѣтъ, я не проговорюсь! Знаешь, она ужасно теперь стала раздражительна, зла... Я вотъ цѣлую недѣлю не могу рѣшиться попросить у нея денегъ, а мнѣ деньги до зарѣзу нужны! До зарѣзу! И не знаю, чего я такъ боюсь, она мнѣ никогда не отказываетъ, а все-таки я не могу рѣшиться. Ужасно она сдѣлалась несносна! Правда?

— Когда жъ она была особенно мила?

— А какъ ты думаешь, Агнеса, согласится она на твою свадьбу?

— Объ этомъ думать не стоитъ. Не согласится, такъ я и безъ ея согласія выйду.

— Конечно! подхватилъ Алексѣй Алексѣевичъ.—Конечно!

Маша побывала во всѣхъ Н—скихъ пансіонахъ, предлагая давать уроки, но безъ всякаго успѣха. Вездѣ ее принимали свысока, мѣрзя глазами, очень неучтиво, а во многихъ пансіонахъ, куда уже проникла вѣсть объ ея уходѣ изъ дому Надежды Сергѣевны, ее только что не выталкивали, когда она произносила

свое имя. Въ нѣкоторыхъ знакомыхъ ей по слуху семействахъ, она знала, искали учительницу, она ходила всюду, нигдѣ ее не приняли.

Она ходила ко всѣмъ и моднымъ, и малознавымъ Н—скимъ швейамъ, предлагая свои услуги, но вездѣ мѣста были заняты и работы ей даже въ будущемъ не предвидѣлось. Въ одномъ только магазинѣ ей велѣли навѣдаться черезъ два мѣсяца.

Она разспросила всевѣдущую Ненилу Самсоновну, какія есть швен безъ вышѣсокъ и разыскала ихъ. Тутъ ее встрѣтили съ великою враждою, какъ соперницу, которая могла отбить хлѣбъ.

По указанію той же Ненилы Самсоновны Маша ходила искать работы въ купеческіе дома, и тоже безъ успѣха.

Надѣли за двѣ до ея ухода изъ дому Надежды Сергѣевны, у нихъ была одна знакомая уѣздная помѣщица и жаловалась, что не можетъ отыскать, кто бы взялся учить ея маленькаго сына-калѣву, а главное присматривать за нимъ. Маша написала ей, что согласна принять это мѣсто.

Изъ всѣхъ занятій поступленіе въ помѣщичій домъ было для нея менѣе всего привлекательно, но теперь не время было разбирать. Она такъ дорожила своей независимостью, такъ заботилась о ея неприкосновенности, что заглядывала далеко въ будущее.

Отправивши письмо къ уѣздной помѣщицѣ, она долго гуляла за городомъ. Она была немного опечалена, но на душѣ у нея было свѣтло и спокойно. Она ходила по лѣсу, гдѣ въ тепломъ, мягкомъ воздухѣ уже носилось осеннее увяданье, съ особеннымъ наслажденіемъ, какъ-бы прислушиваясь къ самой себѣ и чуя, что какъ бы жизнь ни скрутила, какъ бы ни сдавила ее, какими бы радостями и удачами ни надѣлила, всегда, вездѣ неизмѣнно живо, глубоко и непобѣдимо ничѣмъ, будетъ въ ней любовь и преданность къ тому, что она теперь выбрала.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда она воротилась домой. Подходя, она увидала, что ея окно освѣщено. Сердце у нея сильно забилось. Не потому, чтобы ей пришло въ голову, что ждетъ ее тотъ, кто теперь былъ ей дороже всѣхъ другихъ людей на свѣтѣ, а только потому, что ей пришло въ голову: такъ же свѣтилось бы окно, еслибы онъ ждалъ меня.

Это вѣрно Надежда Сергѣевна или кто нибудь отъ нея, подумала Маша.

— Васъ давно ждетъ какой-то мужчина, сказала ей Ненила Самсоновна.— Прибѣжалъ это рысью, шляпа на бокъ, какъ кинется на меня: Марья Григорьевна дома? Извините, говорю, нѣту дома. Гдѣ жъ она? Гдѣ жъ она? Не знаю, говорю, не знаю;

никогда мнѣ не сказываетъ, куда идетъ. Думала бить будетъ, ей-богу! Однакожъ, Богъ миловалъ, стала курить. Изъ вашей комнаты такъ дымъ столбомъ и шибаетъ; пожалуйста, до внезапной смерти можете закуритесь!

Маша вошла въ свою комнату и увидела Павла Ивановича въ облакѣ сигарочнаго дыма.

Ей было неприятно и тягостно его посѣщеніе, но онъ казался такимъ разстроеннымъ и несчастнымъ, что она сочла за лучшее не отталкивать его, а разъ на всегда переговорить съ нимъ и объясниться, если онъ того пожелаетъ.

Онъ бросился къ ней на встрѣчу, и почти крикнулъ:

— Что все это значить? Объясните мнѣ ради всего святаго! Гдѣ вы были? что значить вашъ разрывъ съ Надеждой Сергѣевной? Объясните мнѣ ради всего...

Голось у него оборвался, и онъ только глядѣлъ на нее и ждалъ.

Маша ему стала объяснять. Онъ слушалъ эти объясненія съ величайшимъ волненіемъ и изумленіемъ.

— Не можетъ быть! проговорилъ онъ нѣсколько разъ: — не можетъ быть!

— Чего не можетъ быть? спросила Маша.

— Не можетъ быть, чтобы одно стремленіе къ независимости... къ работѣ... Вѣроятно, рядъ оскорбленій заставилъ васъ рѣшиться... и кромѣ того, быть можетъ, есть другія причины... Надежда Сергѣевна оскорбила васъ... Есть оскорбленія, которыя такъ глубоко уязвляютъ...

— Дѣло не въ оскорбленіяхъ, а въ томъ, что я хочу иной жизни, я вѣдь вамъ это сказала.

Онъ совсѣмъ ей не могъ повѣрить, и посмотрѣлъ на нее мрачно и подозрительно.

— Почему вы мнѣ не вѣрите? спросила Маша. — Я сдѣлала только то, о чемъ вы такъ часто говорили: надо! надо!

— Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть! твердилъ онъ, не вникая въ слова Маши и вовсе не соображая, какъ онъ своимъ невѣріемъ подрываетъ вѣру въ свои собственные громкія и красивые слова.

Маша не сочла нужнымъ наводить его на эти соображенія или уличать его; ей сдѣлалось жаль его и вмѣстѣ совѣстно за него; ей представился другой человекъ, и отъ одной мысли, что другой тотъ существуетъ на свѣтѣ, она вдругъ себя почувствовала такою счастливою, что вся содрогнулась и заалѣлась, какъ при внезапной неожиданной радости.

— Не можетъ, не можетъ быть! повторялъ онъ, устремляя на нея пристальный, тревожный, подозрительный взглядъ.

— Увѣрю васъ, что это такъ, отвѣчала Маша.

— Я люблю васъ, сказалъ онъ, глядя на нее тѣмъ же пристальнымъ, тревожнымъ, подозрительнымъ взглядомъ:—я не могу вамъ предложить веселой, роскошной жизни, я вамъ предлагаю жизнь трудную, бѣдную (при этомъ онъ невольно вспомнилъ, что у него денегъ въ настоящую минуту совсѣмъ нѣтъ, что онъ не знаетъ и становится въ тупикъ, гдѣ достать ихъ и что уже больше году онъ со дня на день перебивается въ долгъ. Онъ быстро отогналъ это воспоминаанье утѣшительнымъ упованьемъ: «все поправится, все пойдетъ хорошо» и даже не занулся въ словахъ) жизнь, исполненную невзгодъ, но имѣющую свою обаятельность. Я для васъ всѣмъ готовъ жертвовать, всѣмъ! Меня не пугаетъ нужда, не страшитъ всеобщее отчужденіе, если вы будете со мною!

— Я васъ не люблю и потому не могу быть вашей женой, отвѣтила Маша.

— А! Вы любите другаго?

— Такия вещи повѣряютъ только очень близкимъ людямъ, сказала Маша, краснѣя, какъ при прикосновеніи грубой и дерзкой посторонней руки.

— Мнѣ надо это знать! Я хочу это знать! Я это узнаю!

— Если вы находите, что вамъ необходимо это знать, то я скажу вамъ, что люблю другаго.

— А! Загайнаго?

Она не отвѣчала и нѣсколько поблѣднѣла.

— Вы любите Загайнаго? Я въ этомъ былъ увѣренъ! Чѣмъ онъ плѣнилъ васъ? Или я ошибаюсь? Вы любите Бурманова? Что моя мучительная, всезабывающая любовь! На что она надобна! Ну, Марья Григорьевна, кто жъ вами избранъ?

Она не отвѣчала и была теперь очень блѣдна.

— Вы не отвѣчаете? Не хотите?

— Я не буду отвѣчать на вопросы, которые вы не должны бы были мнѣ задавать.

— Вы хотите дать мнѣ понять, что я оскорбилъ святенну...

— Я хочу васъ просить прекратить бесполезный и тягостный разговоръ.

— А! вы хотите выгнать меня! Выговяйте; это прибавитъ не богъ-знаетъ какой глотокъ къ той чашѣ, отъ которой я не отрываю усть вотъ уже третій годъ...

— Прошу васъ, уйдите, Павелъ Ивановичъ. Вы очень разстроены и мы теперь не можемъ разговаривать. Кромѣ того, я

считаю всякіе разговоры излишними, послѣ того, какъ я вамъ объяснила все, что могла. Прощайте.

Она съ горечью усмѣхнулась, низко ей поклонилась не говоря ни слова, и ушла.

III.

ПЕРВЫЯ РАБОТЫ.

Прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ Маша ушла изъ дома Надежды Сергѣевны и поселилась у Ненилы Самсоновны.

Отъ уѣздной помѣщицы она не получила никакого отвѣта на свое письмо. Въ городѣ нигдѣ работы ей не находилось.

Когда, чрезъ посредничество Ненилы Самсоновны, она получила отъ одной сосѣдки-торговки заказъ шить ея мальчику розовую ситцевую рубашечку, она шила ее дрожащими отъ удовольствія руками, удовольствія такого глубокаго, какаго она отроду не испытывала, и полученныя за работу пятнадцать копѣекъ были ей такъ пріятны, что она сама улыбнулась.

Кто не испыталъ самъ, что значить желать и ждать работы, болтъ такъ-сказать по работѣ, тому очень трудно понять жгучую жажду дѣла, овладѣвающую тогда человѣкомъ; кому незнакома мучительная, томительная дрожь, пробѣгающая по всему тѣлу, которое кажется тяжелою съ каждымъ, праздно проведеннымъ днемъ, и круженье головы отъ неотступной мысли: когда же?—тотъ никогда вполнѣ не пойметъ муки этого состоянія.

Иногда, послѣ цѣлаго дня напрасныхъ исканій, Маша, усталая и какъ будто разбитая, садилась ввечеру отдыхать въ своей комнатѣ и подолгу плакала.

Въ своихъ исканьяхъ работы, она очень часто встрѣчала насмѣшки; всегда недовѣріе, подозрѣніе и равнодушіе, но ее это не огорчало, не пугало, даже не волновало: она вся была поглощена одною мыслию найти работу, и это одно ее мучило и заботило.

У нея бывали горькіе, очень горькіе часы, но и въ эти очень-очень горькіе часы ни разу, никогда, ни на одинъ мигъ не явилось у нея ни раскаянья, ни сожалѣнья. Заливаясь слезами въ своей комнатѣ по цѣлымъ ночамъ отъ тоски празднои жизни, она въ утѣшенье себѣ повторяла, что все-таки начало положено, путь найденъ, и какъ ни была измучена и опечалена, вдругъ успокаивалась, и на утро выходила опять на поиски спокойна, смѣла и терпѣлива, или, что случалось гораздо чаще и что было несравненно труднѣе, цѣлые дни просиживала въ своей комнатѣ не предаваясь унынію и не теряя бодрости.

Когда некуда было идти по дѣлу, она въ погожіе дни уходила, на цѣлый день въ лѣсъ, или къ рѣкѣ, гдѣ медь свободкою было такое безлюдье, что сюда только шурша доносились голоса рабочихъ изъ города и что тутъ, въ прибрежномъ тростникѣ, водились дикія утки.

Не находя никакой работы, Маша разочла, что лучше всего употребить сколько она можетъ денегъ на покупку книгъ, и пока нѣтъ никакого занятія, которое кормило бы ее, читать и учиться такъ, чтобы въ будущемъ это пошло въ прокъ. Она такъ и сдѣлала.

Кромѣ удовольствія быть на свѣжемъ воздухѣ, она сначала уходила изъ дому еще и потому, чтобы избавиться отъ посѣщеній тети Фанни (Надежда Сергѣевна вдругъ перестала ее посѣщать, даже перестала писать къ ней; по словамъ тети Фанни она могла проклясть Машу и лишить ее тѣмъ всякаго счастья въ жизни), но скоро ей показалось трусливостью и малодушіемъ бѣгать отъ нея изъ своей комнаты, и въ то же время не имѣть духу прямо дѣйствовать. Въ первый же разъ, какъ явилась тети Фанни, она попросила ее не прѣзжать больше съ бесполезными совѣтами и увѣщаніями. Тетя Фанни ужасно разгнѣвалась, нагородила три короба несообразностей, объявила что предастъ Машу суду божію, вычеркиваетъ изъ своего духовнаго завѣщанія и на вѣкъ удаляется.

Однако удалась только до слѣдующаго утра.

У тети Фанни не было теперь лучшаго развлеченія, какъ нарядиться въ какое нибудь сизое, шумящее платье, увѣнчаться необыкновенною наколкою и въ такомъ видѣ подѣхать въ каретѣ къ домику Ненилы Самсоновны, или подобити надменною походкою и произвести впечатлѣніе на всю улицу. На улицу она производила впечатлѣніе; изъ всѣхъ оконъ высовывались головы, многіе выбѣгали за ворота, хотя Ненила Самсоновна, смотрѣвшая на тетю Фанни съ презрительной точки, давно конфиденціально объявила всѣмъ сосѣдамъ, что это ничего болѣе какъ «умовредная» старушка.

На слѣдующее утро тетя Фанни явилась, но нашла дверь Машиной комнаты запертою.

— Чтò это значитъ? вскрикнула она, потрясая дверь безсильною рукою. — Чтò это значитъ?

— Извините меня, отвѣчалъ ей голосъ Машы:—я очень занята и не могу сегодня принять васъ.

— Какъ? не мож....

Тетя Фанни даже не могла выговорить такихъ незаконныхъ

словъ, и захлебнулась ими, какъ горькой, соленой волной морского.

— Отвори! вскрикнула она:—отвори мнѣ сейчас! Я понимаю, что это значить! Я понимаю, почему заперта дверь отъ меня! А! вотъ до чего дошло! Прекрасно! Отвори! Отвори!

И опять потрясала дверь.

— Я не могу васъ сегодня принять, потому что я занята, отвѣчала Маша.

Тета Фанни въ безмолвной и безсиьной ярости все-таки потрясала дверь, отчего за перегородкой у Ненилы Самсоновны начала прыгать и звенѣть чайная посуда на полочкѣ, и что дало Ненилѣ Самсоновнѣ приятное право высунуть голову изъ своей комнаты и сказать доброжелательно:

— Не извольте понапрасну ручекъ трудить, сударыня: только вы мои чашечки погубите, а удовольствія никакого не получите, потому двери эти крѣпчайшія.

Съ этого дня тета Фанни перестала являться. Маша была разъ у Надежды Сергѣевны, ей хотѣлось видѣть Катю и самой убѣдиться, въ какомъ положеніи Надежда Сергѣевна, но ее запрещено было принимать.

— Запретили, строго запретили, шепталь Еремѣй:—но вы извольте идти, Марья Григорьевна.— Это ничего не значить. Извольте идти.

— Нѣтъ, если запретили, такъ я не пойду, отвѣчала Маша.

— Ужь не извольте сомнѣваться, Марья Григорьевна, не вы въ отвѣтѣ будете, а я. Пожалуйте.

И Еремѣй настѣжъ растворилъ двери въ залу.

— Нѣтъ, я не пойду. Спасибо вамъ за расположенье. А все-таки, по справедливости говоря, вы не должны бы пускать меня, прибавила она съ улыбкою.

— Чтобы это я васъ не пустил? спросилъ Еремѣй негодуя.

— Да ужь разъ какъ Надежда Сергѣевна рассчитываетъ, что вы исполните ее волю, то и надо исполнять.

— Это чтобы я исполнял? спросилъ Еремѣй, негодуя еще сильнѣе.

— А какъ же иначе. Или надо совсѣмъ отказаться, или ужь исполнять въ точности.

— Такъ нельзя жить, увѣренно отвѣтилъ Еремѣй.—Войдите, Марья Григорьевна!

Но Маша не вошла, а просила его передать Надеждѣ Сергѣевнѣ, что она была, что желала видѣть ее и Катю, и что просить увѣдомить, когда могутъ ее принять.

Увѣдомленія никакого не было, и у Маши прекратилось бы

всякое сообщеніе съ прежнимъ миромъ, еслиби ее не провѣдывали няня: разъ въ недѣлю няня ужъ непремѣнно приходила.

Приходи, няня каждый разъ устремляла на Машу испуганный нѣсколько тревожный взглядъ, какъ-бы опасаясь, что блестящіе золотомъ червонцы обратились въ простые, ничего не стоющіе угольки, и великій разъ уходила съ тѣмъ нѣсколько озабоченнымъ и довольнымъ видомъ, какой бываетъ у старикъ людей, когда они много пережили, много видѣли, полагали невозможнымъ встрѣтить что-нибудь новое и незнакомое, и вдругъ встрѣчаютъ совершенно ими невзсгѣдованное, невиданное, даже совершенно неподозрѣваемое.

— Марья Григорьевна, сказала разъ няня войдя и усномовившись, что червонцы не обратились въ угольки: — Катерина Ивановна очень скучаетъ.

— Что съ нею, няня?

— Да ужъ больно тихи онѣ и богоугодны стали: смирнѣй всякой монашенки. Повѣрите, глядѣть жалко. Ни одной провазы, ни одной шалости; походка другая, голосотъ другой. Съ маленькой почтительны и услужливы, ни на какія обиды не отвѣчаютъ... теперь всѣми угнетены.

— Какъ угнетена?

— Да Надежда Сергѣевна очень теперь гнѣвны и ничѣмъ имъ не угодишь, такъ нападаютъ на Катерину Ивановну не въ мѣру. Ну, вида это, и Фанни Сергѣевна тоже пускаются, и Ольга Перфириевна... Они-то, пожалуй, еще пуще самой Надежды Сергѣевны наругаются. Ужъ извѣстно заяцъ трусь, а охотиться пуще льва любить. А Катерина Ивановна, должно быть, теперь положила себѣ все переносить съ кротостью, и все переносить, только губку закусать, слова не скажутъ. Это вредно; у нихъ даже тѣлце похудѣло, и какъ съ вечера заснуть, посмотришь—шорны рѣсницы и лежать такъ раскинутся, словно говорятъ: «жизнь мнѣ не мила!»

— Я завтра же приду, няня, и буду стараться, чтобы мнѣ позволили ее увидетьъ.

— Вы придите пораньше, Марья Григорьевна, объ ту пору, какъ чай кушаютъ.

Въ эту пору на другой день Маша и пришла. Еремѣй встрѣтилъ ее, какъ человекъ уже получившій должныя наставленія, и при первомъ словѣ Маши «пожалуйста доложите», кивнулъ головою и отправился въ чайную. Маша слышала, какъ онъ громко и отчетливо доложилъ:

— Марья Григорьевна пришли и просятъ видѣться съ вами и съ Катериной Ивановной.

Маша елизила; какъ Катя радостно вскрикнула, какъ загремѣлъ двинутый стулъ, какъ затопали быстрыя ножки, какъ раздался голосъ Надежды Сергѣевны: «не пускайте ее!», какъ поднялась суматоха, какъ Катя опять вскрикнула, но уже иначе, и какъ поднялась еще ббольшая суматоха. Еремѣй возвратился и сказалъ ирчино:

— Не велѣно пускать; а вы, Марья Григорьевна, пожалуйста сами угадно.

— Чтб съ Катей?

— Грянулись на полъ, какъ прострѣленные; подняли и на рукахъ понесли въ дѣтскую. Пожалуйте, Марья Григорьевна.

— Нѣтъ; силою вриваться хуже будетъ. Прощайте.

— Эхъ, жизни! проговорилъ Еремѣй съ ирчыннмъ негодовашиемъ, затворя за Машею дверь.

Въ тотъ же день Маша получила записку отъ Кати, принесенную какимъ-то неизвѣстнымъ бблоголовнымъ мальчикомъ. Это была записка, написанная видимо дрожавшею ручкою.

«Милая Маша, я тебя люблю и всегда буду любить, всегда, всегда, всегда. Милая, милая, милая, милая моя!»

— Получили записку, Марья Григорьевна? спросила няня, навѣстившая Машу въ тотъ же вечеръ.

— Получила, няня. Что Катя?

— Да теперъ поспокойнѣй. Какъ васъ не пустили, такъ онѣ такъ и покатались безъ чувствъ на полъ. Ну, потомъ, какъ отощалъ немножко ихъ чувства, стали просить Надежду Сергѣевну, очень просили! Надежда Сергѣевна ни подъ какимъ видомъ не согласилась. Я даже не надѣялась, что у нихъ такое сердце. Нѣтъ, нѣтъ, да и нѣтъ. Ну, Катерина Ивановна и перестали просить, отощали, а потомъ написали вамъ записку, велѣли Еремѣю отправить, а сами стали передъ Надеждой Сергѣевной, да и говорить: «я написала Машѣ, что я ее люблю и всегда буду любить». Надежда Сергѣевна страхъ какъ на нихъ за это накнулись, а онѣ все молчали. А потомъ, какъ пришелъ вашъ отвѣтъ, онѣ его прочитали, поцаловали и сейчасъ обзввали Надеждѣ Сергѣевнѣ, что отвѣтъ отъ васъ имѣють. Надежда Сергѣевна кричить: «дай его сюда!» и онѣ подали. Надежда Сергѣевна схватили, прочитали и изорвали въ клочки; Катерина Ивановна ничего не сказали на это, только тихонько въ дѣтской пошалаки. Вы чтб имъ писали, Марья Григорьевна?

— Писала, что тоже люблю ее, и буду всегда помнить.

— Утѣшились онѣ этимъ очень. Стали послѣ того не въ примѣръ спокойнѣе. Вы не сокрушайтесь, Марья Григорьевна, онѣ вѣдь тоже характерныя, и вромѣ того я соблюдать ихъ буду.

Все это горе минетъ, повѣрьте мнѣ. Надежда Сергѣевна испыты-
ваетъ теперь васъ, ушавать, что вы соскучитесь въ одиноче-
ствѣ и при бѣдности, и воротитесь къ нимъ. Для того онѣ всѣ
эти виды и показываютъ.

— Я напишу Надеждѣ Сергѣевнѣ.

— Это объ Катеринѣ Ивановнѣ-то? Не пишете, Марья Гри-
горьевна: какъ увидать, что вы къ этому очень чувствительны,
то пуще ихъ донимать стануть; я это не по легкомыслию говорю,
повѣрьте мнѣ.

Мама подумала и рѣшила, что, въ самомъ дѣлѣ, будетъ хуже,
если она напишетъ, и не написала.

Разъ поутру Мама сѣдѣла въ своей комнатѣ подѣ окномъ и
читала; вдругъ скринула и пріотворилась дверь, и просунулась
голова Ненилы Самсоновны.

— Марья Григорьевна, вы говорили, гарусомъ умѣете вы-
шивать?

— Умѣю, отвѣчала Мама.

— Такъ вотъ работа находится — возьмете?

— Я очень буду рада, Ненила Самсоновна, отвѣчала Мама,
и сердце у ней такъ радостно забилося, какъ давно уже не
случалось ему биться.

— Такъ покажите, матушка, сказала Ненила Самсоновна, и
впустила къ Машѣ молодую, черноглазую женщину, со сверт-
комъ канвы и шерстей въ рукахъ, съ бѣлой тюлевой косы-
ночкой на головѣ, но съ нечесаною головою, въ розовомъ сит-
цевомъ, измятомъ и испятнанномъ платьѣ, но со множествомъ
колець на всѣхъ пальцахъ, въ золотыхъ серьгахъ, въ золотой
цѣпочкѣ и въ янтарномъ ожерельѣ.

— Здравствуйте, сказала черноглазая женщина покровитель-
ственнымъ тономъ, и критически оглядывая Машу съ головы
до ногъ.

— Супруга отца Владиміра, пояснила Ненила Самсоновна
Машѣ. — Желаютъ картину гарусами вышить.

— Вы можете картину вышить? спросила супруга отца Вла-
диміра.

— Могу, отвѣчала Мама.

— А какъ это скоро можете? Мнѣ бы поскорѣе надо.

— Я постараюсь какъ можно скорѣе. Потрудитесь показать
узоръ.

Супруга отца Владиміра развернула свертокъ и показала узоръ—
въ раковинѣ сѣдѣло три амура, обвитые цвѣточными гирлян-
дами.

— Я могу вышить это въ двѣ недѣли, сказала Мама.

Супруга отца Владимира недоверчиво на нее поглядѣла.

— Вы хорошо ли вышиваете-то? спросила она.

— Вот посмотрите, я при васъ начну.

— Да нѣтъ, какъ же это! Мы еще въ цѣнѣ не сговорились...

— Я только немного вышью — это въ счетъ не идетъ. Если вамъ не понравится, то вы и не отдадите мнѣ работу.

Маша взяла канву и начала вышивать. Она работала быстро и хорошо; супруга отца Владимира была очень довольна.

— Гдѣ это вы, матушка, такой узорчикъ достали? спросила Ненила Самсоновна.

— И не говори, Ненила Самсоновна! Всѣ лавки обѣгала; все искала, знаешь, чегонибудь божественнаго — нѣтъ ничего, да и только! Все охотники съ ружьемъ, да турки съ винжалами, да дѣвушки съ снопами — не идетъ это все моимъ старикамъ: у нихъ въ домѣ все божественное — просто я отчаялась! Ну, думаю, коли ужъ я у Герасимова не найду, такъ и искать не стану, закажу одѣло выстегать, да и подарю; а у Герасимова-то и нашла! Какъ я сказала, что божественнаго надо, онъ сейчасъ мнѣ этихъ ангелочковъ и подаль: «вотъ, говорить, какъ нарочно для васъ». Такъ я обрадовалась, что и сказать тебѣ не могу! Ты посмотри-ка, какъ сдѣланы — приложиться хочется!

— Чтò это они веселые какіе, сказала Ненила Самсоновна, глядя на узоръ. — Никогда я такихъ веселыхъ ангелочковъ не видала.

— Радуются, Господа хвалить, отвѣчала супруга отца Владимира.

— Это не ангелы, сказала Маша.

— Какъ не ангелы? спросила супруга отца Владимира.

— Это — амуры.

— Какіе это такіе амуры?

— Языческіе божки.

— У язычниковъ только кумиры, да идолы, больше ничего нѣту.

— И амуры тоже языческіе...

Супруга отца Владимира даже не удостоила Машу отвѣтомъ, и обратилась къ Ненилѣ Самсоновнѣ.

— Это ангелы — видишь, крылышки-то?

— Въ какой же это они скорлупѣ сидятъ? спросила недоверчивая Ненила Самсоновна. — И по водѣ плывутъ.

— А это послѣ потопа вода, и они вотъ плыть могутъ даже въ скорлупѣ; всякія чудеса являютъ.

— И цвѣтами какъ обсыпаны!

— И дѣти около нихъ произрастають. Это всегда такъ; тоже чудеса.

Маша хотѣла-было еще возражать, но супруга отца Владимира съ видимымъ неудовольствіемъ перебила ее на первомъ словѣ:

— Ужъ вы меня не учите! Ужъ мнѣ-то лучше знать!

— Я потому хотѣла сказать, чтобы послѣ вы не жалѣли, что вышнели не то, что думали.

— Ужъ вы, пожалуйста, меня не учите! съ пуцимъ неудовольствіемъ перебила супруга отца Владимира.—Ужъ вышивайте, что приказываютъ, а не то, чтобы судить... Что же, возьметесь вышить въ двѣ недѣли?

— Возьмусь, только...

— Да ужъ не учите! Будеть готово?

— Будеть.

— Безъ обману?

— Безъ обману.

— А цѣна какая? Теперь цѣны на это невисокія. Вотъ мнѣ вышивали очень дешево.

— Сколько вы платили?

— Да я отдавала въ монастырь — ну, тамъ извѣстно дороже платится, а такъ, если простымъ отдавать — такъ больше рубля съ четвертью положить нельзя. Коли вы согласны...

— Я согласна.

— Да вы смотрите, гарусь-то ужъ блюдите, пожалуйста. Подлиннѣй ниточки берите, такъ меньше концовъ будетъ и меньше тратится.

— Хорошо, отвѣчала Маша.

— Ну, я заѣду на дняхъ поглядѣть. Прощайте.

Супруга отца Владимира ушла обиженная Машиними возраженіями противъ подлинности ангеловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень довольная, что отдала работу въ искусныя руки.

— Какая она заносчивая! Обо всемъ судить! сказала она Ненилѣ Самсоновнѣ, провожавшей ее до калитки.

— Да вѣдь она изъ богатаго дома, изъ барскаго, отвѣчала Ненила Самсоновна какъ-бы въ оправданіе.—Посмотрѣли бы вы, въ какихъ каретахъ къ ней родня приѣзжаетъ!

— Что богатства мірскія? Вошь Лазарь-то какой былъ, весь въ рубищахъ, въ ранахъ, да въ рай сподобился, а богачъ въ адъ ввергнуть, въ горячую смолу!

— Оно конечно! отвѣчала Ненила Самсоновна съ благочестивымъ вздохомъ.

— А вы дешево взяли за работу, Марья Григорьевна, сказала

Ненила Самсоновна, проводивъ супругу отца Владиміра и возвращаясь къ Машѣ.

— Я не знала здѣшнихъ цѣнъ, отвѣчала Маша.

— Да на что жъ вамъ цѣны знать? Ужъ коли дадутъ рубль, то всегда значить стоитъ два.

— А если невпопадъ...

— Ну, гдѣ невпопадъ! Ужъ извѣстно, всяка сестра себѣ несла, а всякъ братъ, себѣ радъ! сказала Ненила Самсоновна. На лицѣ ея промелькнуло выраженіе, будто говорящее: «да ни въ чемъ она кажись не виновата!» и она поглядѣла на Машу съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

— Ненила Самсоновна, вы скажите супругѣ отца Владиміра, что это не ангелы.

— Ну, на что ее понапрасну тревожить, Марья Григорьевна? Я ее съизмальства знаю: ужъ у нея такой нравъ, что какую чепуху ни сгородить, а чтобъ ея верхъ былъ. Да и какая тутъ бѣда, гдѣ? Гляньте вы сами: тѣ же крылышки, та же невинность.

Супруга отца Владиміра не могла простить Машѣ сомнѣній насчетъ узора. Неудовольствіе ея было такъ велико, что она не постояла за деньги и отдала вышивать «воздухи» какой-то черничкѣ, несмотря на всѣ увѣщанья Ненилы Самсоновны.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила супруга отца Владиміра:—коли такимъ потачку давать, такъ вѣдь это никакого уваженія на свѣтѣ не будетъ, а только одна дерзость.

Однако вышитую Машею картину многіе приходили смотрѣть; по всему переулку разнеслось, что Маша искусная рукодѣльница, и это принесло хорошіе плоды: чиновница, жившая по сосѣдству, заказала ей связать одѣяло.

Это была старая вдовствующая, бездѣтная чиновница, большая, лысая, кривая и подозрительная. Она давала Машѣ шерсть и бумагу маленькими клубочками, и когда эти клубочки извязывались и Маша приходила за новымъ матеріаломъ, она сначала долго смотрѣла на нее своимъ подозрительнымъ зеленымъ глазомъ, а потомъ говорила:

— Чудное дѣло, какъ это много выходитъ! Никогда у меня такъ много не выходило! Вы, милая, не потеряли ли одного клубочка?

— Нѣтъ, отвѣчала Маша, а всѣ извязала.

— Чудное дѣло ей-богу!

Когда это повторилось раза три или четыре, Маша сказала ей:

— Мнѣ непріятно, что вы всякій разъ удивляетесь и предполагаете, что я теряю шерсть; не угодно ли вамъ, я буду ходить

къ вамъ работать? Вы своими глазами будете видѣть, сколько вы-ходить и будете спокойны.

Чиновница на это согласилась, и Маша стала ходить работать къ ней.

Она приходила рано поутру, всегда въ то время, когда ку-кушка въ залѣ или начинала куковать семь часовъ, или проку-ковавши ихъ, захлопывала за собою дверцу, когда въ домѣ пахло кофеемъ, и чиновница являлась изъ спальни въ ночной кофтѣ со сборками и въ малиновыхъ кожаныхъ туфляхъ, съ потускнѣв-шими золотыми разводами. Маша садилась къ окну и принималась за работу. За работою она просиживала цѣлыя дни, усердно выв-зывая по бѣлому полю голубые виноградные листья, летая мыслію, гдѣ угодно, все вызывая прошлое, все заглядывая въ будущее; настоящее переживалось спокойно, но каждый проходящій день отсчитывался, какъ пройденная верста трудной, однако не сваливающей съ ногъ, не убивающей дороги. Заботливо и зор-ко, терпѣливо и неутомимо смотрѣла она себѣ подъ ноги, по сторонамъ и впередъ, и безъ колебаній, сомнѣній и страховъ бодро шла.

И все доставалось ей вовсе не такъ трудно и не такъ больно, какъ она себѣ воображала. Она часто теперь сама удивлялась, какъ все то легко ею принимается, что прежде пред-ставлялось ужаснымъ, невыносимымъ. Удачъ особенныхъ ей до сихъ поръ не было, и ничто пока не обѣщало ихъ въ будущемъ, но она чувствовала себя глубоко спокойною, исполненною силы и крѣ-пости. Это состояніе можно сравнить съ чувствомъ приближенія весны: вездѣ еще пусто и холодно, ни одинъ еще теплый лучъ не блеснулъ и не пригрѣлъ, а ужъ весна сказывается всему существу, и вмѣстѣ съ жгучей тоской настоящаго холода и пустоты, вдругъ нахлынетъ живой приливъ радости, какъ-бы предвкушеніе ско-раго свѣта и тепла и все въ немъ совершенно потонетъ и про-падетъ.

Кривая и подозрительная чиновница была вмѣстѣ съ тѣмъ очень общительна и словоохотлива. Въ первый же день, какъ Маша пришла къ ней работать на домъ, она, сидя на высокомъ диванчикѣ у столика и раскладывая пасьянсъ двѣнадцать спя-щихъ дѣвъ, очень добродушно и настойчиво принялась разспра-шивать Машу о ея дѣлахъ.

— Что же это, обидѣли васъ, что ли, родные? За что вы съ ними поссорились? Наслѣдство, что ли, какое спорное было? За-чѣмъ вы отъ нихъ ушли? Они, говорятъ, богатые люди.

— Да вѣдь нельзя же вѣкъ оставаться на чужихъ рукахъ. Я не калѣка, здорова и могу сама себя прокормить.

— Вот то-то, вѣтренность ваша дѣвичья! Кабы вы съ родными-то ладили, такъ жили бы себѣ припѣваячи на всемъ на годовомъ. Можетъ, они такъ бы васъ по смерти своей наградили, что вы бы цѣлныи своей вѣкъ потомъ и палець объ палець не ударили.

— Лучше всего, какъ самъ себѣ заработаешь; тогда самъ себѣ господинъ.

— Ну, ужь это вы отъ огорченія такъ говорите. Ужь какая тамъ сласть, какъ приходится на пропитаніе души своей зарабатывать! Жизнь станеть не мила! Тому только на свѣтъ и живется, кто можетъ славши ручки сидѣть.

— Я думаю другое.

— Ну, что вы тамъ думаете! Все тутъ думать нечего. Расскажите-ка вы мнѣ, какъ у васъ все это вышло?

— Да мнѣ рассказывать нечего и я рассказывать не люблю.

— Вотъ какъ! Что, грѣшки у васъ, что ль, какіе водятся?

— Почему жь вы полагаете, что у меня грѣшки водятся?

— Да ужь такъ я полагаю!

— Безъ причины нельзя, а то вдругъ я ни съ того ни съ сего начну предполагать, что у васъ водятся грѣшки, и буду развѣ права?

Зеленый глазъ поглядѣлъ на Машу пристально и озадаченно; онъ неподвижно остановился, какъ внезапно зацѣпившееся колесо, и началъ какъ-то переливаться разными зелеными цвѣтами, переходя отъ блѣднаго въ темный и изъ темнаго опять въ блѣдный.

— Да вы какъ же это смѣли! проговорила чиновница, приходя въ себя, и вдругъ такъ разозлившись, что даже лысины на головѣ у нея побагровѣли.—Да вы какъ же это смѣли! Я вамъ покажу, какъ надо мной насмѣшки дѣлать!

— Какія же насмѣшки? сказала Маша. — Вы не хорошо поняли мои слова.

— Очень я умѣю ихъ понимать!

— Что жь вы находите въ нихъ обиднаго? Вы не знаете меня, а говорите, что у меня водятся грѣхи, а я говорю, что и я такъ, значитъ, могу о васъ думать, какъ вы обо мнѣ. Вы мнѣ первыи это сказали и я не обижаюсь, я вамъ только отвѣтила, и вамъ не слѣдуетъ обижаться.

— Такъ это вы себя ко мнѣ приравниваете? спросила чиновница съ презрительнымъ хохотомъ. — Со мной равняться хотите? Ужь очень вы высоко залетаете, какъ бы вамъ крылья не подсѣвали! Ужь очень вы о себѣ мнѣнія большаго! Много о себѣ думаете!

— Почему жь вы полагаете, что я о себѣ много думаю? спросила Маша.

Чиновница нѣсколько разъ гнѣвно плюнула.

Она была чрезвычайно разсержена и чрезвычайно удивлена. Это удивленіе мѣшало ей развернуться и связывало ее, какъ пленки.

— Есть такіа твари, что ихъ въ благородный домъ пускать нельзя, проговорила она, силясь распеенаться:— такіа твари, что...

Она не договорила и вышла изъ комнаты.

Она скоро возвратилась такая же раздраженная, но уже видимо составивши планъ дѣйствія; она собиралась сказать что-то, судя по усмѣшкѣ, искривившей ее ротъ, очень язвительное, но это язвительное замерло на губахъ, когда она увидала, что Маша стоитъ съ накинутымъ бѣлымъ кисейнымъ платкомъ на головѣ, а работа лежитъ свернутая на столѣ передъ диваномъ.

— Я отказываюсь отъ вашей работы, сказала ей Маша.

— Да вы не смѣете отказываться, коли взялись! вскрикнула чиновница. — Я вамъ ни копѣйки не заплачу! Я могу вамъ не заплатить, потому вы бросаете работу...

— Я знаю, что можете не заплатить, и не требую съ васъ денегъ.

— Да это почему жь вы отказываетесь?

— Потому, что мнѣ не нравится ваше обращеніе.

— Какое это мое обращеніе? Слава Богу до сихъ поръ никто еще на меня не жаловался! Съ генеральскими, съ княжескими домами была знакома... На что жь это похоже? Взались за работу, а потомъ отказываетесь! Да кабы я напередъ это знала, такъ я бы и не отдавала! Вотъ такъ-то всегда: сдѣлай благодѣянье, такъ въ отплату неблагодарность! Хотѣла помочь, что ѣсть, знаю, нечего, а вотъ... Погодите! погодите! Чтѣ это вы, шутите, что ли?

— Я вовсе не шучу, отвѣтила Маша и ушла.

Три дня не было о чиновницѣ никакого слуху; на четвертый день Ненила Самсоновна явилась отъ ея лица, и стала уговаривать Машу, чтобы она выкинула «все это» изъ головы, и ходила бы попрежнему къ чиновницѣ.

— Съ такою гордостью, Марья Григорьевна, надо разстаться, говорила Ненила Самсоновна наставительнымъ тономъ.— Ужъ извѣстно, коли кому работу заказываютъ, такъ надъ тѣмъ любить за всегда покуражиться, — ужъ это споконъ вѣку такъ водится, ужъ такой законъ. Ужъ кто работать хочетъ, тотъ смирился и покорился! Какъ прослывете вы гордичкою, такъ всѣ

обидятся и работы не дасть никто, — ни за боже мой не дасть!

Слова Ненилы Самсоновны были очень справедливы: не позволяя никому «покуражиться», можно было потерять работу, а потерять работу значило остаться безъ всякихъ средствъ существованія.

«Надобно это переждать», подумала Маша и отвѣтила Ненилѣ Самсоновнѣ, что если чиновница зоветъ ее, то она пойдетъ, и накинувъ на голову свой бѣлый висейный платокъ она пошла.

Чиновница встрѣтила ее чрезвычайно высококомѣрно, но въ этомъ высококомѣрїи проглядывалось маленькое смущеніе.

— Вы прислали звать меня, сказала Маша.

— Эта бестолковая Ненила Самсоновна всегда напутаетъ! сказала чиновница, возвышая голосъ почти до крику, и лысины ея при этомъ всё побагровѣли. — Я кланяться никому не стану, не то что вамъ...

— Такъ вы не прислали за мной?

— Я еще не такъ нуждаюсь, слава богу! Я еще не такъ интересуюсь, говорила чиновница, не давая прямого отвѣта.

— Такъ извините, сказала Маша и пошла къ дверямъ.

— Куда жь вы? вскрикнула чиновница. — Садитесь, работайте!! Или вамъ въ ноги кланяться надо!

Маша сняла платокъ и сѣла за работу. Чиновница поглядѣла на нее, будто желала ее разорвать, и вышла, проговоривъ угрожающимъ тономъ:

— Взвѣсивъ за работу, бросать ее не позволять! Благородными людьми помыкать нельзя!

Все остальное время, пока Маша работала у нея, чиновница очень придиралась: если Маша открывала окна, она вскрикивала, что въ ея домѣ распорядиться нельзя; если Маша входила за шерстью, она заставляла ее стоять передъ собою по полу-часу, раскладывая пасьянсъ двѣнадцать спящихъ дѣвъ; находила въ работѣ несовершенства разныя, безпрестанно выражала удивленіе, что такъ много матеріалу выходитъ, и при этомъ всегда прибавляла, что есть такіе на свѣтѣ «фокусники», которые могутъ глаза отводить. Однако, все это говорилось съ нѣкоторою осмотрительностію, и взглянувъ на Машу, чиновница очень часто спохватывалась въ самой срединѣ колкой рѣчи и уходила, или заглаживала колкость своей рѣчи скромною просьбою: «Марья Григорьевна, потрудитесь, положите вотъ кусочекъ сахару канарейкѣ», или прерывала вопросомъ, что это вы нынче блѣдныя такія — нездоровы, что ли?

Маша несла сахаръ канарейкѣ, или отвѣчала, что она здорова, и ея спокойный видъ и спокойный тонъ снова выводилъ

чиновнику изъ себя и снова вмѣстѣ съ тѣмъ внушали ей какое-то невольное чувство почтенія.

— Держить себя, словно она въ невѣстѣ какихъ важныхъ чинахъ, говорила она Ненилѣ Самсоновѣ съ огорченіемъ, и еще съ бѣльшимъ огорченіемъ чувствовала, что у Маши точно какой-то чинъ есть, чинъ, которому она, надворная совѣтница, подчиняется, вопреки всѣмъ своимъ усиліямъ и стараніямъ.

Въ это время Машѣ нашлась еще работа. Однимъ утромъ, въ воскресенье, Ненила Самсоновна вошла къ ней въ комнату и, по обыкновенію, поглядѣла на нее испытующимъ взглядомъ: что, все еще не оплошала? Прочитавши на Машиномъ лицѣ, что все еще не оплошала, Ненила Самсоновна улыбнулась и промолвила:

— А у меня вотъ новость есть, Марья Григорьевна.

Это было сказано тѣмъ голосомъ, какимъ говорятъ дѣтямъ: «а у меня пряникъ есть въ карманѣ; сдѣлай ручкой—будеть твой!»

— Какая же это новость, Ненила Самсоновна? спросила Маша, не дѣлая ручкой.

— Коли скажу, то развеселю васъ. Сказать, что ли?

— Я очень буду рада слышать.

— Такъ говорить, аль не говорить? а?

— Я очень рада буду слышать.

Ненила Самсоновна сбиралась-было немножко по ея собственному выраженію «покуражиться», но это не выходило и она нѣсколько омрачилась.

— Что жъ я буду рассказывать, по васъ вѣдь хоть трава не рости! сказала она съ нѣкоторою досадою, но отъ природы справедливая, сейчасъ же почувствовала, что неправа сама, повеселѣла и веселымъ голосомъ продолжала:

— Ей-богу, новость хорошая. Ученье вамъ находится.

— Какое ученье, Ненила Самсоновна?

— А вотъ Куликовыхъ дочерей учить грамотѣ. Хочу, говорить Куликова, дочерей грамотѣ учить, потому, можетъ, Богъ пошлетъ офицеровъ, а офицеры завсегда желаютъ, чтобы жены умныя были и книжки читали.

— А гдѣ жъ эти Куликовы живутъ?

— Да близехонько. Вонъ ихъ домъ — видите, каменный желтый — вонъ.

Ненила Самсоновна показала изъ окна каменный грязновато-желтый, двухэтажный домъ, въ которомъ, Маша видала, по ночамъ теплились лампадки, а по утрамъ выбрасывалось изъ оконъ неизмовѣрное множество арбузныхъ и дынныхъ корокъ, орѣховой скорлупы, рыбьихъ костей, всевозможной шелухи и всякаго сору.

— Когда жь къ нимъ лучше пойдти?

— Да хоть сейчасъ. Пойдемте, я провожу васъ и познакомлю.

— Кто они такіе? спросила Маша, навидывая на голову свой бѣлый кисейный платокъ.

— Тоже мѣщане, только богатые; теперь приписываются въ купцы.

— Они торгуютъ чѣмъ-нибудь?

— Торгуютъ да не шибко. Гдѣ имъ торговать! Онъ-то еще ничего — купецъ умный, а она простая такая, что ее телта, встрѣтивши на улицѣ, лажуть. Старикъ, его отецъ, хорошо торговалъ и много денегъ оставилъ.

— А дѣвочки умныя?

— И! тамъ вся женская семья одна только глупость!

Онѣ перешли улицу, повернули въ тѣсный переулочекъ и очутились передъ домомъ Кулизовыхъ. Ненила Самсоновна отворила калитку, погладила бросившуюся къ ней радостно собаку, проговоривши: «си собаки-то у нихъ глупыя» и ввела Машу по нечистой деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, въ комнату, гдѣ вахло жаренныя гусемъ.

— Хозяйка дома? спросила Ненила Самсоновна у громадной женщины въ синемъ сарафанѣ и съ густыми бровями колесомъ. — Пошличъ ее, Дарьюшка.

— Лисавета Акимовна! гаркнула Дарьюшка, какъ Соловей-разбойникъ. — Ненила Самсоновна пришла.

Изъ внутреннихъ комнатъ вышла хозяйка, Лисавета Акимовна Куликова, полная, бѣлокурая купчиха, съ большими голубыми глазами на выкатѣ, съ кругленькимъ носикомъ пуговкою и съ такимъ крошечнымъ ротикомъ, точно его провертѣли буравчикомъ, да и то съ великимъ трудомъ. Она была въ шерстяномъ, голубомъ платьѣ, въ бирюзовыхъ подвѣскахъ и повязана темнымъ платочкомъ.

— Вотъ я вамъ барышню привела, Лисавета Акимовна, сказала Ненила Самсоновна, указывая на Машу.

— Милости просимъ, отвѣчала Лисавета Акимовна. — Садитесь.

Всѣ онѣ разсѣлись по кресламъ краснаго дерева подъ ситцевою обивкою, съ длиннохвостыми желтыми птицами по красному полю и съ ручками, выгнутыми фертомъ.

— Какъ имя-отчество? спросила Лисавета Акимовна у Маши.

— Марья Григорьевна.

— А откуда родомъ?

— Издалека.

— А гдѣ проживали?

- Здѣсь, въ городѣ.
 — Это у родныхъ?
 — У родныхъ.
 — А по какимъ причинамъ и случаямъ родныхъ оставила?
 — Были свои причины.
 — Какія?
 — Свои. Для постороннихъ не любопытныя.

Лисавета Акимовна вовсе не ожидала встрѣтить такую учительницу, и посмотрѣла на Ненилу Самсоновну, какъ-бы укоряя: чтожь вы это мнѣ такое неповытное приводите?

Ненила Самсоновна прислушивалась къ ихъ разговору молча и наблюдала за Машей съ тайной надеждой: авось оплошаетъ? Она притворилась, что не замѣтила взгляда Лисаветы Акимовны.

— Вы грамотѣ можете обучать? спросила Лисавета Акимовна, покашлявъ и покраснѣвъшись отъ смущенія.

— Могу, отвѣчала Маша.

— А какая цѣна ваша?

Маша сказала обыкновенную городскую цѣну уроковъ. Лисавета Акимовна ахнула, будто передъ нею воровскаго льва выпустили.

— Я возьму дешевле, сказала Маша. — Я только что начинаю учить, такъ я вдвое дешевле возьму.

Лисавета Акимовна опять ахнула, какъ будто новый левъ вышелъ.

— Вамъ кажется дорого? спросила Маша, краснѣя.

Ненила Самсоновна улыбнулась глазами. На лицѣ ея выразилось: — а вотъ ты сейчасъ смиришься! вотъ взглянешь на меня: помоги, Ненила Самсоновна!

— Такъ дорого, что приступу нѣту, отвѣчала Лисавета Акимовна вадыхая. Вздохъ какъ-то особенно, увенчанъ струйкою, выходилъ изъ ея ротика.

— Скажите, что вы можете дать.

— Да я думала такъ рубликъ или два въ мѣсяць, потому вѣдь эта работа не потная, сказала Лисавета Акимовна, принимая какой-то благочестивый и набожный видъ.

— Я согласна, сказала Маша.

Ненила Самсоновна толкнула ее ногой бокъ, и подхватила скороговоркою:

— Согласны за три рубля? Что жъ, соглашайтесь Марья Григорьевна. Они люди хорошіе, обижать васъ не стануть, ей-богу! Верите три, Марья Григорьевна, берите! Ну, что!

— Да, согласье дали за два, проговорила Лисавета Акимовна, и видъ у нея сдѣлался еще благочестивѣй и набожнѣй.

— Я согласна за два, сказала Маша.

— Ну! сказала лицо Ненилы Самсоновны:—ума я не приложу, что это за дѣвушка! Не то проста, не то святая!

Сверное согласіе Машы озадачило Лисавету Акимовну и она подумала съ тревогою: я, можетъ, сколько линку передала!

— Я еще съ хозяиномъ посовѣтуюсь, сказала она: — я въ этихъ дѣлахъ незнающая, пусть онъ самъ рассудитъ.

— Да что жъ ему рассудитъ? сказала Ненила Самсоновна.— Дѣло ужъ рѣшеное.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ же безъ хозяина! Нельзя безъ хозяина рѣшать.

— А гдѣ жъ хозяинъ?

— Да отдыхаетъ.

— Тамъ я послѣ приду, сказала Маша. — Назначьте мнѣ время, когда придти.

— И, нѣтъ! Вы погодите! воскликнула Лисавета Акимовна, испугавшись, что упуститъ изъ рукъ выгодную учительницу.— Посидите, хозяинъ сію минуточку встанетъ. Посидите!

— Хорошо, отвѣчала Маша.

Нѣсколько минутъ посидѣли въ молчаніи.

— Какъ у насъ теперь въ церкви прекрасно, сказала Лисавета Акимовна. — Воздухи новыи и ферувими такіе... Три тысячи поправка стоила.

— Скажите! сочувственно воскликнула Ненила Самсоновна.

— Теперь пѣсенники какіе-то за рѣкой поютъ по вечерамъ, заслушаться надо — такъ поютъ!

— Люблю хорошія пѣсни! нѣсколько восторженно сказала Ненила Самсоновна. — А вы, Марья Григорьевна, любите?

— Очень люблю, отвѣчала Маша. — Я слышала, какъ за рѣкой поютъ, и мнѣ очень понравилось.

За дверями въ сосѣдней комнатѣ слышались возня и сдержанный смѣхъ.

— Позвали бы вы дочку, Лисавета Акимовна, мы бы на нихъ поглядѣли, сказала Ненила Самсоновна.

— Ахъ, вотъ въ голову не пришло! проговорила Лисавета Акимовна, улыбаясь и вздыхая, и нискливо крикнула:

— Феничка! Капочка! идите сюда!

На ея зовъ вошли двѣ маленькія, румяныя дѣвочки съ большими тугими животиками, въ розовыхъ ситцевыхъ блузочкахъ, съ лоснящимися, будто покраженными лакомъ головками, двѣ Лисаветы Акимовны въ миниатюрѣ: такіе же носики пуговкой, ротки, съ трудомъ просверленные буравчиками и глаза на выкатѣ. При входѣ ихъ сильно запахло масломъ и разными масами.

Онѣ вошли очень церемонно, парю, сложивъ крестомъ грязноватя ручки на своихъ тугихъ животикахъ.

— Онѣ вѣдь маленько ужъ умѣютъ читать, сказала Лисавета Акимовна.— Ихъ училъ отецъ дяконъ. И книжки у нихъ есть. Вы принесите свои книжки, обратилась она къ дочерамъ.

Дѣвочки повернулись и вышли парю, какъ вошли. Опять за дверями послышался подавленный смѣхъ, шепотъ, возня; потомъ опять дѣвочки появились церемонною парю съ книжками въ рукахъ, и положили эти книжки передъ Машею на столѣ.

Эти книги были не только испачканы, не только насквозь пропитаны, а казалось были нѣсколько разъ поджарены поперемѣнно то въ постномъ, то въ скоромномъ маслѣ.

— Ну-ка почитай, Капочка, сказала Лисавета Акимовна старшей дочери.

Капочка открыла священную исторію и начала читать какъ-то необшиновенно разѣвая ротикъ: «въ раю было прекрасное древо».

Лисавета Акимовна блаженно улыбалась; Ненила Самсоновна недовѣрчиво прислушивалась.

Маша вдругъ закрыла страницу, гдѣ говорилось о «древѣ», и развернула книгу на другой, изъ середины.

— Прочтите это, сказала она.

Капочка выпрямилась, и глаза и животикъ у нея вдругъ увеличились чуть не вдвое отъ недоумѣнія. Она оставалась вѣма, какъ оунь.

— Что жъ не читаешь? спросила Лисавета Акимовна въ свою очередь, начиная вся округляться.

— Я только «древо въ раю»... проговорила Капочка.

— Ну, ничего! Выучишься и другое читать, успокоительно сказала Лисавета Акимовна:— ничего, не тревожься!

И она сама успокоилась и опала. Капочка тоже успокоилась, и тоже опала.

Феничка даже «древо въ раю» не сумѣла прочесть. Она только быстро заморгала, фырнула, весело попытѣла, какъ полный жару самоварчикъ, и стала неясвѣстно чему радостно смѣяться.

— Ну, ничего, сказала Лисавета Акимовна.— Это она ужъ застыдилась очень, а то она умѣла.

Откуда-то изъ внутреннихъ комнатъ послышался кашель, тотъ особенный хозяйскій кашель, который всѣмъ въ домѣ говорить: я вовсе не отъ простуды, я вовсе не отъ слабости груди, нечего меня и смѣшивать съ тѣми кашлями, я просто хозяйскій, внушительный кашель, и только повѣщаю, что хозяинъ проснулся.

— Вотъ хозяинъ пробудился, сказала Лисавета Акимовна, и быстро ушла во внутреннія комнаты.

— Ахъ, Марья Григорьевна! гдѣ жъ ваша мудрость-то? сказала Ненила Самсоновна, когда хозяйка скрылась.

— А что? спросила Маша.

— Да за что жъ вы сами себѣ лиходѣйкою стали? Вѣдь она бы три дала! Или вы не сообразили?

— Да, это могло быть, но могло быть и то, что я потеряла бы работу. А мнѣ больше всего хотѣлось поскорѣе имѣть занятіе.

Ненила Самсоновна покачала головою, и лицо ея опять выразило недоумѣніе: что жъ это, и все соображаетъ и ничего не умѣетъ въ свою выгоду устроить.

— Ну, что жъ вы, умныя дѣвицы? обратилась она къ Капочкѣ и Феничкѣ, стоявшимъ парю у стола: — поговорите съ нами, мы послушать вашихъ рѣчей желаемъ.

Капочка и Феничка фыркнули и покраснѣли.

— Ишь, животинки-то какіе тугіе — пулю не прострѣлишь! продолжала Ненила Самсоновна: — вы это въ себѣ уничтожайте, а то не красиво, офицеры замужъ не возьмутъ.

— Вы желаете учиться? спросила Маша у Капочки.

— Желая-съ, прошптала Капочка, и сейчасъ же и глаза у нея, и животикъ непомѣрно увеличились.

— На что жъ это желаешь ты учиться? спросила Ненила Самсоновна.

Капочка онѣмѣла.

— Утѣшать родителей, проговорила Феничка за сестру, вся вспыхнула, и радостно показала всѣ свои зубы. Она, очевидно, была памятливѣй и живѣй сестры, взбалмошная и веселая.

— Ишь ты, утѣшительница! сказала Ненила Самсоновна.

Послышались тяжелые шаги; хозяинъ вошелъ развалистой походкой, и раскланялся во всѣ стороны. Это былъ смуглый, краснощекій, крупній человекъ; казалось, онъ былъ очень доволенъ собою и мало былъ расположенъ церемониться съ своими ближними. За нимъ быстро вшла Лисавета Акимовна и, показывая на Машу, сказала:

— Вотъ, Федотъ Андренчъ, нашихъ дѣтей берутся учить.

— Пріятное дѣло-съ, и повсегда вамъ будемъ благодарны, сказалъ Федотъ Андренчъ тѣмъ выработанно-крикливымъ голосомъ, какой бываетъ у свѣдѣльцевъ, заглаживающихъ покушниковъ, и окидывая Машу проницательнымъ, всеобхватывающимъ купеческимъ взглядомъ. — Ненила Самсоновна, мое вамъ почтеніе;

какъ Богъ грѣхамъ вашимъ терпѣть? обратился онъ къ Ненилѣ Самсоновнѣ снисходительно-фамиллярно.

— Ничего, терпѣть пока, отвѣчала Ненила Самсоновна: — такъ само, какъ и вашимъ.

— А извольте-ка почитать на пробу, обратился Фодоть Андреичъ къ Машѣ.

— Что прикажете? спросила Маша.

— А вотъ эту книжку (онъ взялъ священную исторію, поджаренную въ масле). Гдѣ разверну, такъ это чтобъ и читать.

Онъ развернулъ на исторіи Іакова, и Маша прочла исторію Іакова вслухъ. Всѣ, даже Ненила Самсоновна, были тронуты.

— Ирядно читаете, барышня, сказалъ Фодоть Андреичъ, не отступавшій никогда отъ торговаго правила товара не захваливать: — ирядно. Учите нашихъ дѣвочекъ, я согласенъ, прибавилъ онъ великодушно. — Цѣна-то кака?

— Два рубля въ мѣсяцъ.

— Ну, ладно, два рубля, такъ и два рубля. Не постонимъ и за два рубля.

— Когда же начнать уроки? спросила Маша.

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше въ этихъ дѣлахъ, отвѣчалъ Фодоть Андреичъ.

— Я завтра приду, сказала Маша. — Въ которомъ часу мнѣ придти?

— Да завтра понедѣльникъ, съ укоромъ возразила Лисавета Акимовна. — Кто же въ понедѣльникъ почпнаеть!

— Отчего же въ понедѣльникъ не начать? спросила Маша.

— Ахъ, Боже мой! тяжелый день, всякому ужъ это извѣстно! испуганно проговорила Лисавета Акимовна, и вся округлилась.

— Молода еще барышня, сказала Ненила Самсоновна, какъ-бы желая извинить Машу. — Ничего еще не дознала на дѣлѣ, а только слыкала, да издали видала.

— Нѣтъ, возразила Маша: — я сама сколько разъ начинала разныя работы въ понедѣльникъ, и кончала ихъ такъ благополучно, какъ дай Богъ всегда кончать.

Лисавета Акимовна совсѣмъ округлилась отъ изумленія. Ненила Самсоновна глядѣла на Машу съ нѣкоторою досадою, что «ишь какъ она всякіе наши законы по боку!», и съ нѣкоторою въ то же время забавою, что «ишь удалая голова! битой дороги не спрашиваетъ, свои пути прокладываетъ!» Даже Фодоть Андреичъ съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ, прищурясь на дѣвушку, которая не вѣрила въ пагубную силу понедѣльника.

— Нѣтъ, я ужъ несогласна, чтобъ въ понедѣльникъ начинать, сказала Лисавета Акимовна.

— Когда же придти? спросила Маша.

— Да въ четвергъ. Четвергъ — легкій день. Всѣ въ четвергъ починають.

— Я приду въ четвергъ поутру. Прощайте.

— Да чайку бы напились, Марья Григорьевна! Ненила Самсоновна! напейтесь чайку, стала просить Лисавета Акимовна.

— Милости просимъ, откушайте, сказалъ Ѳедотъ Андреичъ благосклонно.

Ненилу Самсоновну оставили чай пить, но Маша не осталась, и ушла домой.

Съ четверга начались уроки.

Лисавета Акимовна напрасно говорила, что эта работа не «потная»: съ ученьемъ Каночки и Фенички можно было такъ умяться, какъ съ перетаскиваньемъ камней на плечахъ.

Какъ рано Маша ни приходила на урокъ, она уже заставляла ихъ съ такими тугими животиками, что, по выраженію Ненилы Самсоновны, пулей не прострѣлишь, и отъ нихъ уже такъ пахло мясомъ, точно онѣ ночь провели не въ постеляхъ, а въ какомъ нибудь бараньемъ бокѣ съ кашей или въ душевой свининѣ, или въ чиненомъ гусѣ; по средамъ и пятницамъ гуся, свинину и бараній бокъ замѣняли осетры, щуки, леши въ постномъ маслѣ, пироги съ снѣтками, заливной окунь; глаза у нихъ соловѣли, ротъ полуотрывался, какъ только онѣ садились около Маши; сонливо и тупо онѣ слушали, ничего не брали въ толкъ, вздыхали, сопѣли, чесались и зѣвали съ какимъ-то проницательнымъ воемъ. Единственное средство ихъ расшевелить было повести ихъ гулять, но тутъ ожидала другая напасть: пробѣгавшись, онѣ начинали снова неотступно требовать бока съ кашей, или пирога со снѣтками; если требованіе не удовлетворялось, онѣ начинали стонать и вопить; Маша положила на нихъ много времени и труда, пока ввучилась ладить съ ними, и приобрѣла все-какое вліяніе и силу. Но ученье все-таки шло чрезвычайно медленно и туго. Надо было выбивать очень упорныя вѣрованія и убѣжденія, или лучше сказать привычки, потому что эти вѣрованія и убѣжденія переняты были отъ предковъ, какъ перенято было соленье огурцовъ, головная повязка, ворожба на бобахъ. Конечно, Лисавета Акимовна никогда не думала и не разсуждала во всю свою жизнь; Ѳедотъ Андреичъ думалъ и разсуждалъ только о торговыхъ дѣлахъ, десятилѣтняя Феничка и одиннадцатилѣтняя Каночка слыхали только: вотъ за это Богъ накажетъ, а вотъ за это я выскчу; вотъ за это въ рай будешь принята, а вотъ за это въ кипящую смолу попадешь. Онѣ отроду не произнесли словъ: зачѣмъ, на что, къ чему? и эти слова отроду не прихо-

длила имъ въ голову. Послѣ двухчасовыхъ увѣреній, что земля не на китахъ, Капочка и Феничка только хихикали, какъ будто Маша ихъ легонько шекотала для забавы, а вошедшая Лисавета Акимовна даже съ нѣкоторою строгостью сказала Машѣ:

— Вы дѣвочекъ съ толку не сбивайте! Земля на китахъ!

— Извините, Лисавета Акимовна: — это невѣрно.

— Это вѣрно. Земля на китахъ!

— А киты на чемъ?

— А киты на водѣ.

— А вода?

— А вода на землѣ.

— Вы разсудите...

— Разсудить тутъ нечего. Все это воля Божія.

Маша имѣла кое-какую надежду на Федота Андрейча: онъ отъ всей семьи отличался смышленнымъ и бойкимъ видомъ; она предложила на его разсмотрѣніе вопросъ о китахъ, но Федотъ Андрейчъ выслушалъ обѣ теоріи о землѣ, пожимая плечами и съ улыбкою, какъ будто ему показывали два разные, очень чудные фокуса — послушать было занятно, но къ торговымъ оборотамъ это не относилось и серьезнаго значенія въ жизни купеческой не имѣло.

— Курьёзно! курьёзно! проговорилъ онъ, усмѣхаясь.

На вопросъ, какъ же онъ думаетъ? Федотъ Андрейчъ отвѣчалъ, что онъ полагаетъ, киты будутъ вѣрнѣе, а, что, впрочемъ, все чудеса Божія и человѣческому уму недоступныя.

Подобныя «киты» иногда не давали Машѣ по ночамъ спать.

Она давно слыхала и знала, что «киты» не павлиное перышко, что ихъ двинуть съ разу невозможно, но мы часто по слуху издали знаемъ, что то или другое невозможно, и это намъ очень горько кажется, однако подходимъ бодро и самонадѣянно, но когда лицомъ къ лицу станешь съ «китомъ», горечь вдругъ такъ разыграется и закипитъ, что станетъ свѣтъ постыль. Тогда обыкновенно большая часть людей отходитъ прочь, отчаянно или покорно говоря: ничего не подѣлаешь! Гораздо меньшая часть отъ отчаянія и нетерпѣнія разбиваетъ себѣ голову или такъ или иначе каѣчнитъ себя; еще гораздо меньшая часть остается на видъ скромна и терпѣлива, но все свое отчаяніе, горе, страсть обращаетъ на дѣло, во всю свою жизнь кладетъ на то, чтобы безустанно толкать, потрясать, подкапывать безобразное и страшное чудовище. Первая, большая часть конечно всего «киту» пріятнѣе, вторая очень ему вредна, а третья еще вреднѣе.

Маша по характеру своему принадлежала къ послѣдней кате-

горя, и ей приходилось иногда очень, очень трудно. Люди этой категории обыкновенно видят очень ясно, не обольщаются иллюзиями, не обманывают себя. Кончая бесполезный, томительный день, они смѣло и прямо говорят себѣ: день пропалъ даромъ, по всѣмъ вѣроятіямъ пропадетъ даромъ и завтрашній, но я не отступлю и дождусь своего—не отступаютъ и ждутъ своего. Но иногда имъ куда какъ горько чувствовать, что долгое время силы тратятся, жизнь, трудъ понапрасну, что нельзя идти прямо по дорогѣ даже тому, кто своихъ ногъ не жалѣетъ, а надо или подкрадываться воровски, или умѣть пользоваться счастливымъ случаемъ, что ничего здѣсь нѣтъ, на что бы можно было рассчитывать человѣку.

Конечно, никогда и въ мысли не было у мирно и крѣпко почивавшихъ Куликовыхъ, что ихъ смиренная и спокойная учительница лишается сна потому, что они вѣрують въ «кита»; да и многіе, очень многіе люди удивились бы, какъ сказаніе о «китахъ» могло наводить молодую дѣвушку на такіа безотрадныхъ размышленія, что она, прижавшись лицомъ къ подушкѣ, тоскуетъ и плачетъ какъ отъ дѣйствительнаго, житейскаго горя.

Но въ минуты самыя горькія, самыя трудныя, Маша не падала духомъ, не унывала. Въ ней всегда было живо одушевляющее и освѣжающее чувство, что начало положено, что путь найденъ, что она на дорогѣ.

СЪ РАБОТЫ.

— Здравствуй, хозяйшка! здравствуйте, дѣтки!
Выпить бы. Эки стоять холода!
«Инь ты забыль, что намѣдни послѣдни
Выпилъ съ десятникомъ?...»

— Ну — не бѣда!
И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный,
Ты обряди-ка савраску, жена —
Поголодалъ онъ весною, сердечный,
Какъ подобрались сѣна.

— Экъ я умаялся!... Чтѣ, обрядила?
Дай-ка горяченькихъ щець.
«Печъ я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровецы!»

— Ну, и безъ щей поспѣдаю я, грѣшный.
Ты овсеца бы савраскѣ дала,
Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,
Пашни четыре тягла!

Трудно и съ бревнами нынче намъ было,
Портится путь... Инь, и хлѣбушка нѣтъ?...
«Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,
Завра сулили чѣмъ свѣты!»

— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный.
Кинь подъ савраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
Триста четыре бревна!...

У.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО.

(ПО МИЛЛЮ).

Справедливо говорить, что всего труднѣе понять то, что насъ окружаетъ. Въ то время, какъ вопросы высшей математики, астрономіи и другихъ мудреныхъ наукъ легко рѣшаются самыми обыкновенными умами, вопросы морали, существеннѣйшія задачи человѣческой жизни требуютъ для своего рѣшенія усилій весьма глубокаго и оригинальнаго ума. Мало того: вопросы, уже давно рѣшенные, истинны, давно доказанныя, въ теченіе многихъ вѣковъ остаются безъ всякаго вліянія на жизнь, совершенно забываются, и, чтобы напомнить о нихъ людямъ, необходимо слово высоко-даровитаго человѣка.

Назадъ томъ около десяти лѣтъ, замѣчательнѣйшій мыслитель нашего времени, Джонъ-Стюартъ Милль издалъ небольшую книгу (*), въ которой изложилъ свои мысли по поводу вопроса: гдѣ предѣлы власти общества надъ отдѣльною личностію? Вопросъ этотъ далеко не имѣетъ интереса новости: его рѣшаютъ теоретически и практически съ тѣхъ поръ, какъ возникли на землѣ первыя общества и государства, но тѣмъ не менѣе, и донинѣ онъ возбуждаетъ безконечныя споры. Книга Милля обратила на себя вниманіе всей мыслящей европейской публики, принята съ восторгомъ, но незамѣтно, чтобы истинны, ею доказываемыя, были примѣняемы къ жизни, на сколько это было бы желательно.

Большая часть сочиненій Милля уже переведена на русскій языкъ; литература и публика, хотя неполнивъ, оцѣнили этого въ высшей степени добросовѣстнаго и глубокомысленнаго изслѣдователя самыхъ важныхъ, существенныхъ вопросовъ въ области человѣческой мысли и жизни. Если слышались иногда голоса, упрекавшіе Милля въ крайнемъ пристрастіи къ системѣ Мальтуса, въ пренебреженіи интересовъ рабочаго класса, то упреки эти происходили, большею частію, отъ точки зрѣнія, съ которой

(*) John St. Mill: On Liberty.

противники Милля смотрѣли на рѣшаемыя имъ задачи. Спокойное, философское отношеніе этого писателя къ вопросамъ жизни, на которую онъ большею частію смотритъ безъ гнѣва и страсти, подало поводъ нѣкоторымъ публицистамъ обвинять Милля въ крайней приверженности къ существующимъ формамъ общественнаго быта, въ безжалостномъ консерватизмѣ. Но достаточно прочесть только начало второй книги «Принциповъ политическаго экономіи» Милля и послѣднія ея главы (напримѣръ двѣнадцатую), чтобы совершенно убѣдиться въ противномъ. Если въ какомъ нибудь писателѣ, безпристрастное отношеніе къ изучаемому предмету, глубина и многосторонность теоретическихъ воззрѣній соединялись съ горячимъ сочувствіемъ къ ближнему, съ возвышеннымъ взглядомъ на будущее возможное усовершенствованіе каждой отдѣльной личности и всего человѣчества, съ вѣрнымъ взглядомъ на средства достигнуть этого идеала, основаннымъ на ясномъ пониманіи дѣйствительности, — то это конечно въ Джонѣ-Стюартѣ Миллѣ.

Упомянутая нами книга, въ которой говорится объ отношеніяхъ личности къ обществу, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ трудамъ этого писателя. На русскій языкъ она не переведена еще (по крайней мѣрѣ въ печати нѣтъ перевода), литература наша весьма мало говорила о ней, а потому считаю нелишнимъ изложить ея содержаніе.

Милль доказываетъ, что для отдѣльной личности и для всего человѣчества весьма было бы полезно, еслибы каждый изъ людей могъ думать своей головой и дѣйствовать по собственному влеченію, а не по требованіямъ всемогущаго нынѣ обычая, что оригинальность въ мысли и жизни не только желательна, но даже необходима, если только европейское общество хочетъ выйти изъ нынѣшняго, весьма печальнаго положенія.

Но неужели такіе давно рѣшенные вопросы, какъ вопросъ о свободѣ совѣсти нужно еще рѣшать снова? Да, конечно, ибо какъ ни много сдѣлано въ послѣдніе четыре вѣка въ пользу принципа свободы совѣсти, онъ далеко еще не исполнѣнъ въ жизни. Это-то и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, почему Европа нашего времени представляетъ лишь слабую тѣнь того, чѣмъ она могла бы быть, владая такимъ богатымъ умственнымъ наслѣдіемъ минувшихъ вѣговъ и дѣлая такіе громадные и быстрые успѣхи въ техническихъ знаніяхъ.

Наслѣдство дѣйствительно богатое. Судя по тому, чего при небольшихъ средствахъ достигали древніе народы, современныя общества давно должны были бы достигнуть самаго высокаго благосостоянія и умственнаго развитія. Мы наслѣдовали отъ древнихъ всѣ богатые плоды ихъ умственной жизни: ихъ науку, философію, искусства; въ нашу личную жизнь и въ общественныя учрежденія вошло христіанское ученіе, долженствовавшее

смягчать и смягчающее всегда нравы людей, возвышавшее нравственное значеніе личности. По гуманнѣмъ воззрѣніямъ современнаго общества нѣтъ такого погибшаго или заблуждающагося человѣка, объ исправленіи или нравственной поддержкѣ котораго общество не имѣло бы обязанности позаботиться. Милліоны людей, ни въ чемъ неповинныхъ, стонали нѣкогда подъ игомъ рабства; теперь же, подъ вліяніемъ гуманнаго законодательства, самыхъ преступниковъ общество не считаетъ совершенно безправными людьми, а меньшими нашими братьями, которыхъ должно исправить, обновить для жизни лучшей. Словомъ, превозглашенъ тотъ великій принципъ, что идеаль, къ которому должно стремиться общество, есть полное умственное и нравственное развитіе *каждой личности*, каждой человѣческой души. Не хоронить въ землю таланты, природныя дарованія всѣхъ и каждаго, а напротивъ развивать ихъ до возможно высокой степени—вотъ задача современныхъ народовъ.

Не остались безплодными для человѣчества и историческіе опыты времени, слѣдовавшихъ за установленіемъ христіанства въ Европѣ. Религіозный энтузіазмъ средневѣковыхъ обществъ, блестящая, столь много способствовавшая развитію личности, пора великихъ изобрѣтеній, открытій и возрожденія науки въ XV и XVI вѣкахъ, успѣхи точныхъ наукъ со времени Коперника, Галилея, Ньютона; распространеніе естествонаучныхъ знаній въ XVIII и XIX вѣкахъ — все это не осталось безъ благодѣтельнаго вліянія на жизнь европейскихъ обществъ и даетъ ей громадныя преимущества предъ древностію. Но соответствуетъ ли этимъ преимуществамъ современное положеніе народовъ Европы? На сколько они ближе древнихъ къ истинно-человѣческому идеалу? Отвѣтъ на эти вопросы долженъ быть весьма печальнаго свойства. Несмотря на громадныя успѣхи техническихъ знаній, благодаря которымъ значительно облегченъ трудъ человѣка, благодаря которымъ сотни милліоновъ неодушевленныхъ работниковъ, неизвѣстныхъ древнему человѣку, за насъ ткутъ, прядутъ, поднимаютъ тяжести, приводятъ въ движеніе хитрыя паровыя и всякаго рода машины, милліоны людей* находятся въ самой безпомощной бѣдности, на самой низкой степени умственнаго развитія; все рабочее населеніе, за весьма немногими исключеніями, находится, по словамъ Милля, въ такомъ зависящемъ положеніи, что мень-

* Факты этого рода слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться, но желающій узнаю на статистическую таблицу Отто Гюбнера за 1867-й годъ, извлеченіе изъ которой помѣщено на стр. 204 приложенія къ «Отечественнымъ Запискамъ» (№ 2 февр.); изъ нея, между прочимъ, видно, что есть въ Европѣ страны, гдѣ шестая, даже четвертая часть народонаселенія должна иногда прибѣгать къ официальной благотворительности, и много такихъ, гдѣ къ ней прибѣгаетъ болѣе, чѣмъ десятая часть жителей. См. то же Прилож. къ «Отеч. Запискамъ» № 1, стр. 8 и слѣд.

шею свободою оно могло бы пользоваться развѣ только при полномъ рабствѣ. Теорія Мальтуса, проповѣдующая, что трудъ есть единственный источникъ благосостоянія и богатства, но въ то же время утверждающая, что на пиру жизни мѣста такъ мало, что бѣдняки, особенно очень плодovitые, должны поскорѣе съ него убираться; что умноженіе семейства для большинства людей и размноженіе народонаселенія въ цѣломъ государствѣ—не благословеніе божіе, какъ, большею частію, думали древніе, а великое зло—эта теорія получила развитіе въ недавнее время; всѣ основныя ея положенія и выводы основаны на фактахъ весьма близкаго къ намъ по времени и современнаго намъ общественнаго быта.

Но всего этого мало. Несмотря на смягчающіе нравы, гуманное законодательство, число обнаруживающихся ежегодно преступленій и проступковъ очень велико, и въ нѣкоторыхъ странахъ еще увеличивается ¹. Даже въ отношеніяхъ цѣльныхъ государствъ, которыми, повидимому, легче жить между собою дружно, чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, существуютъ такія недружескія отношенія, что для поддержанія мира, народонаселеніе Европы должно содержать постоянно до четырехъ милліоновъ войска, и тратить на него болѣе восьмисотъ милліоновъ рублей серебромъ ².

Факты статистики просвѣщенія также весьма печальны: они свидѣтельствуютъ о весьма низкомъ уровнѣ развитія массъ и о ничтожности средствъ, которыми каждая отдѣльная личность можетъ пользоваться для своего умственнаго усовершенствованія ³.

Словомъ, между всѣми предметами, которые современная цивилизація должна усовершенствовать и украшать, самымъ послѣднимъ, самымъ заброшеннымъ, оказывается самъ человѣкъ, по крайней-мѣрѣ, большинство людей.

О средствахъ поднять умственный и нравственный уровень современнаго человѣческаго общества, о средствахъ дать каждой отдѣльной личности возможность сохранить, умножить таланты, дарованные ей отъ Бога, разсуждаетъ Милль въ своей книгѣ «О Свободѣ». Думаемъ, что познакомиться съ нею не безполезно.

¹ См. того же Приложенія стр. 68, 69, 36, 37 и др.

² См. стр. 199 и 200 Приложенія въ «Отч. Запискамъ» № 2-й.

³ Тамъ же, стр. 104.

I.

«Напрасно думать — говорить Мидль — что народъ, выработавшій конституціонныя учрежденія, уже все сдѣлалъ для защиты личности отъ произвола и насилія, что тамъ, гдѣ верховная власть и народъ составляютъ одно цѣлое, гдѣ интересы ихъ тождественны, отдѣльной личности уже нечего желать болѣе. Есть страны, гдѣ народъ управляется самъ собою, гдѣ органы власти суть представители желаній и интересовъ народныхъ, и гдѣ, несмотря на то, личность находится подъ игомъ въ высшей степени тяжкимъ. Иго это — тираннія большинства надъ меньшинствомъ.

Народное самоуправленіе, о которомъ такъ много говорятъ, не есть власть каждаго надъ самимъ собою, но власть всѣхъ надъ каждымъ. Воля народа, на практикѣ, есть не что иное, какъ воля многочислѣннѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа, той части, которая умѣетъ выдать себя за большинство. Это-то большинство и можетъ стѣснять свободу отдѣльныхъ личностей, и такое стѣсненіе, такая тираннія есть одно изъ величайшихъ золъ, которыхъ должно избѣгать человѣчество.

Тираннія большинства считается опасною только тогда, когда дѣйствуетъ посредствомъ органовъ государственной власти; но это несправедливо: въ его рукахъ весьма много средствъ покарать нелюбимую личность, и не прибѣгая къ правительству. Конечно, теперь уже не сожигаютъ на кострахъ людей, рѣзко противорѣчащихъ обществу въ нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ жизни, но за то подвергаютъ ихъ опалѣ общественнаго мнѣнія, отнимаютъ у нихъ средства трудиться, зарабатывать насущный хлѣбъ. Только богатство, высокое общественное положеніе, громкое имя, избавляютъ человѣка отъ совершеннаго подчиненія общепринятому обычаю.

Нѣтъ сомнѣнія, что общество имѣетъ право требовать отъ личности многихъ жертвъ. Да и сама она, сознавая выгоды общественной жизни, готова приносить ихъ. Чѣмъ болѣе развитъ человѣкъ умственно и нравственно, тѣмъ ближе ему общественные интересы. Но въ жизни каждаго есть такія стороны, которыхъ общество не должно касаться. Отдавъ все должное обществу, отдѣльная личность имѣетъ право по своему заботиться объ умственномъ и нравственномъ своемъ усовершенствованіи, по своему искать себѣ личнаго счастья. И только тогда общество имѣетъ право остановить личность на этомъ пути, когда она начинаетъ вредить другимъ.

На дѣлѣ мы видимъ не то. Общество до такой степени убѣ-

ждено въ справедливости общепринятыхъ мнѣній и въ разумности общепринятыхъ обычаевъ, что старается, чтобы каждая отдѣльная личность держалась этихъ мнѣній и обычаевъ, и преслѣдуетъ всѣхъ, которые уклоняются отъ нихъ; оно, по мѣрѣ силы, препятствуетъ развитію и образованію всякой оригинальности мнѣній и характеровъ, требуетъ, чтобы всѣ мнѣнія и характеры формировались по одному образцу. Такія требованія и стремленія общества несправедливы, вредны какъ для личности, такъ и для него самого.

Исторія можетъ служить лучшимъ доказательствомъ погрѣшности общества. Каждый вѣкъ и каждый народъ имѣли свой взглядъ на то, какъ долженъ думать и жить человѣкъ, и мнѣніе людей одного вѣка нерѣдко казалось страннымъ и нелѣпнымъ людямъ другаго. Но ни одинъ вѣкъ и ни одинъ народъ не видѣлъ въ этомъ обстоятельстве препятствія считать свои мнѣнія справедливыми и обычай—разумными. Это почти всеобщее заблужденіе есть одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ магическаго дѣйствія привычки, которую можно назвать не второю, а первою натурой.

Привычка, мѣшающая намъ усомниться въ разумности общепринятыхъ мнѣній и обычаевъ, до такой степени сильна, что мы не считаемъ нужнымъ давать себѣ и другимъ отчетъ, почему мы ихъ держимся. Если же захотимъ дать себѣ въ этомъ отчетъ, то увидимъ, что всѣ общепринятые мнѣнія и обычай приобрѣли господство надъ умами не по причинѣ своей разумности, а потому, что тѣ люди, которымъ они нравятся, сумѣли приобрѣсти въ обществѣ перевѣсъ, составить большинство, или выдать себя за большинство.

Вотъ причина, почему мнѣнія людей о томъ, какой образъ жизни достоинъ похвалы и какой порицанія, такъ измѣнчивы: эти мнѣнія зависятъ отъ личныхъ вкусовъ и симпатій, и все, что вліяетъ на наши вкусы и симпатіи, вліяетъ и на наши нравственныя воззрѣнія. Иногда на желанія наши вліяетъ разумъ, иногда предразсудки; часто любовь и сочувствіе къ ближнему, но нерѣдко и противоположныя стремленія, какъ напр. зависть, жадность, надменность, презрѣніе къ стоящему ниже насъ ближнему. Но чаще всего мы руководимся своимъ личнымъ интересомъ, законнымъ или незаконнымъ. Всюду, гдѣ одинъ классъ общества господствуетъ надъ всѣми другими, почти весь нравственный кодексъ общества основанъ на интересахъ этого господствующаго класса, на убѣжденіи въ его превосходствѣ надъ другими. Въ древней Спартѣ, вся мораль основывалась на интересахъ спартіатовъ, въ рабовладѣльческой Америкѣ—на инте-

ресакъ плантаторовъ, въ средневѣковой Европѣ—на интересахъ высшихъ сословій. И въ наше время весьма замѣтно, что кодексъ нравственности, котораго держится общественное мнѣніе, обращаетъ большее вниманіе на интересы капиталиста, чѣмъ работника, мужчины—чѣмъ женщины и т. д. Съ другой стороны, всюду, гдѣ господствовавшій нѣкогда классъ общества потерялъ прежнюю власть, или гдѣ власть эта непопулярна, моральныя воззрѣнія народа носятъ на себѣ отпечатокъ непреодолимаго отвращенія къ этому классу.

Кромѣ всѣхъ, только что упомянутыхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на наши моральныя воззрѣнія, есть и другія, дѣйствующія на благороднѣйшія стороны нашей природы: это созваніе интересовъ дѣлага общества. Но эти интересы вліяютъ на установленіе нашего моральнаго кодекса не по своему внутреннему значенію, а потому, на сколько они могутъ возбудить въ себѣ наше сочувствіе.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что мнѣнія и правила, которыми руководится большинство и которыя оно желало бы сдѣлать обязательными для всѣхъ и каждаго, которыя оно освящаетъ закономъ и общественнымъ одобреніемъ, основываются на вкусахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ общества или нѣкоторой части его, пріобрѣтшей силу и вліяніе на остальныхъ.

Личности, стоявшія выше обыкновеннаго уровня, не находили, чтобы такое положеніе дѣлъ было ненормально, по крайней-мѣрѣ въ принципѣ; онѣ возставали только противъ нѣкоторыхъ его частей. Онѣ старались дознаться, что общество должно любить и что ненавидѣть, но не считали нужнымъ допытываться, дѣйствительно ли каждая отдѣльная личность должна любить то, что любить общество, и не любить того же, чего оно не любить. Онѣ старались измѣнить воззрѣнія общества на то, въ чемъ сами отклонялись отъ общепринятыхъ мнѣній, вмѣсто того, чтобы отстаивать свободу мысли заодно со всѣми, въ чемъ бы то ни было несогласными съ обществомъ личностями.

Только въ сферѣ религіозной протестующее меньшинство успѣло почти вездѣ пріобрѣсти прочное положеніе. Правда, протестанты, требовавшіе для себя терпимости отъ католической церкви, сами не были сначала расположены терпѣть разногласія въ своей средѣ; но когда борьба потеряла уже свой ожесточенный характеръ, и ни одна изъ партій не одержала полной побѣды, когда каждая изъ протестантскихъ церквей и сектъ должна была ограничить свои надежды сохраненіемъ уже пріобрѣтеннаго положенія, партіи, чувствовавшія себя въ меньшинствѣ, должны были ограничиться требованіемъ для себя религіозной свободы

отъ тѣхъ, которыхъ не могли обратитъ. Только на этой, на релігіозной почвѣ признаны, по крайней-мѣрѣ въ принципѣ, права личности, свобода совѣсти. Великіе писатели, которыми міръ обязанъ установленіемъ релігіозной свободы, провозгласили и доказали, что свобода совѣсти есть неотъемлемое право человѣка.

Но нетерпимость до того свойственна роду человѣческому, что провозглашенная въ теоріи, свобода совѣсти не признана нигдѣ, кромѣ странъ, гдѣ ей способствуетъ распространенный въ обществѣ релігіозный индиферентизмъ.

Даже въ странахъ, отличающихся наибольшою релігіозною терпимостію, принципъ релігіозной свободы принимается вѣрующими людьми съ нѣкоторыми ограниченіями. Иные готовы дозволить диссидентамъ свободно говорить противъ господствующихъ церковныхъ учрежденій, но не противъ догматовъ; иные готовы оказывать терпимость всѣмъ иновѣрцамъ, кромѣ наннстовъ и униатовъ; иные согласны терпѣть въ обществѣ всѣхъ вѣрующихъ въ откровеніе; немногіе, наконецъ, наиболѣе великодушные, признають право на релігіозную свободу только для вѣрующихъ въ Бога и въ будущую жизнь.

Въ своемъ трактатѣ Милль старается доказать слѣдующую истину: люди единично или коллективно имѣють право только тогда нарушать свободу дѣйствій своего ближняго, когда имъ необходимо защититъ отъ него самихъ себя. Единственная законная причина, основываясь на которой общество можетъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ одного изъ своихъ членовъ, есть необходимость воспрепятствовать ему вредитъ другимъ. Стѣснять личность для ея же физическаго или моральнаго блага, нѣтъ достаточнаго основанія.

Человѣкъ не можетъ быть по справедливости принуждаемъ поступать такъ, а не иначе только потому, что такой образъ дѣйствій, по мнѣнію большинства, принесетъ ему пользу, сдѣлаетъ его счастливѣе, что такой образъ дѣйствій разумнѣе и справедливѣе. Этихъ основаній достаточно для того, чтобы дать нашему ближнему совѣтъ, сдѣлать ему внушеніе, обсудить съ нимъ его дѣло, упросить его поступать по нашему; но этихъ основаній недостаточно, чтобы причинить ему какое либо лишеніе, какой либо вредъ, въ случаѣ, если онъ не будетъ внимать нашимъ увѣщаніямъ. Только тогда общество имѣетъ право стѣснять отдѣльную личность, когда она вредитъ другимъ. Во всемъ же, что касается только ея, она независима. Надъ собою, человѣкъ полный господинъ.

Конечно, этими правами можетъ пользоваться только человѣкъ, достигшій полной зрѣлости. Дѣти, несовершеннолѣтніе

обонхъ волювъ, должны быть предохранены отъ вредныхъ для нихъ самихъ послѣдствій ихъ собственныхъ дѣйствій точно также, какъ отъ вреда, наносимаго имъ извнѣ. То же можно сказать о зарождающихся обществахъ, о цѣлхъ племенахъ, которыя нельзя назвать совершеннолѣтними. Первые трудности на пути прогресса такъ велики, что между средствами для преодоленія ихъ иногда бываетъ невозможно дѣлать выборъ. Въ такихъ случаяхъ государь, стоящій выше умственнаго уровня своихъ подданныхъ, вполне убѣжденный, что и его народу необходимо воспользоваться плодами цивилизаціи, имѣетъ право пользоваться всѣми (?) средствами для достиженія своей цѣли; ибѣ въ противномъ случаѣ цѣль можетъ быть недостижута. Въ странахъ варварскихъ деспотизмъ можно считать законный образъ правленія, если только цѣль его—развитіе гражданственности, и если средства дѣйствительно достигаютъ этой цѣли. Принципъ свободы непримѣнимъ къ народамъ, находящимся на такой низкой степенн умственнаго развитія, когда они еще неспособны усвоивать свободу путемъ свободного обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни. До тѣхъ поръ, пока народъ не въ состояніи идти путемъ самостоятельнаго развитія, онъ обязанъ слѣпо повиноваться личности, подобной Агбару, Карлу-Великому, если на его счастье такая личность появится въ его средѣ. Но какъ скоро народъ достигаетъ такой степенн развитія, когда онъ способенъ уже развиваться и просвѣщаться путемъ мирнаго умственнаго процесса, всякое принужденіе, прямое или косвенное, есть весьма дурное средство дѣлать добро людямъ: оно можетъ быть оправдано лишь какъ средство къ охраненію безопасности общества и отдѣльныхъ лицъ*.

До сихъ поръ мы рѣшали вопросъ о самостоятельности личности съ точки зрѣнія права, взятаго отвлеченно, независимо отъ волеи. Но можно доказать, что не только справедливо, а и полезно предоставить личности полную свободу во всемъ, что касается лишь ея одной.

Если человекъ совершаетъ дѣяніе, вредное для другихъ, то его преслѣдуетъ законъ или,—если законны наказанія непри-

* Признать справедливымъ мнѣніе Милля, что относительно варваровъ энергичная личность, подобная Карлу Великому, можетъ преступать предѣлы строгой справедливости, едва-ли возможно. Въ рукахъ такой личности всегда есть средства, болѣе гуманныя, чѣмъ, наприкѣръ, средства, употребленныя Карломъ Великимъ для обращенія савсовъ въ христіанство. Несправедливость иногда и видѣ не приноситъ людямъ существенной пользы. Впрочемъ, Милль считаетъ всѣ современные народы Европы уже вышедшими изъ младенчества.

мѣнами къ его проступку,—судъ общественнаго мнѣнія. Есть множество полезныхъ дѣйствій, которыя, по справедливости, обязательны для каждаго изъ насъ, такъ, напримѣръ, быть свидѣтелемъ на судѣ, принимать должное участіе какъ въ защитѣ общества отъ враговъ, такъ и во всякомъ дѣлѣ, которое необходимо совершить цѣлому обществу, подъ покровительствомъ котораго мы живемъ. Мало того, мы, по справедливости, должны отвѣчать предъ нимъ, если не совершаемъ нѣкоторыхъ дѣлъ личной благотворительности, обязательныхъ для каждаго: не спасаемъ погибающаго, не защищаемъ слабого отъ притѣсненій сильного. Человѣкъ можетъ вредить ближнимъ не только своими дѣйствіями, но иногда и своимъ бездѣйствіемъ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ отвѣчаетъ передъ ними за причиненный имъ вредъ.

Конечно, въ послѣднемъ случаѣ, принудительныя мѣры должны быть примѣняемы гораздо осторожнѣе, чѣмъ въ первомъ. Возложить на личность отвѣтственность за зло, причиняемое ею другимъ — вотъ правило; возложить на нее отвѣтственность за зло, отъ котораго она не гарантируетъ другихъ — исключеніе. Но есть весьма важные случаи, въ которыхъ примѣненіе этого исключенія необходимо, и необходимость этого примѣненія очевидна. Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, личность de jure отвѣтственна передъ тѣми, интересы которыхъ находятся въ зависимости отъ этихъ отношеній, и если это нужно, предъ цѣлымъ обществомъ. Но часто бывають такіе случаи, въ которыхъ общество имѣетъ достаточно основаній не возлагать на личность такой отвѣтственности: бывають случаи, когда личность, предоставленная сама себѣ, своимъ собственнымъ влеченіямъ, по всей вѣроятности, поступитъ лучше, чѣмъ будучи подчинена какому бы то ни было контролю, или когда всякая попытка контроля можетъ надѣлать больше вреда, чѣмъ тѣ бѣдствія, которыя мы желаемъ предотвратить. Если въ силу такихъ соображеній съ личности слагается принудительная отвѣтственность, то она должна сама заступитъ мѣсто отсутствующаго судьи для того, чтобы защитить интересы ближняго, немѣющаго виѣшней защиты, и тѣмъ строже она должна судить себя.

Но у каждаго изъ насъ есть сфера дѣятельности, въ которой общество, разсматриваемое отдѣльно отъ личности, заинтересовано не прямо, а лишь косвенно, или даже не заинтересовано вовсе. Мы говоримъ о тѣхъ нашихъ дѣяніяхъ, которыя касаются лишь насъ самихъ, а если и другихъ, то съ ихъ согласія, и совершаются при ихъ добровольномъ и разумномъ согласіи. Говоря о томъ, что касается лишь одного лица, я разумѣю такіа

дѣянiя, которыя касаются его непосредственно (все, что затрогиваетъ его интересы, можетъ чрезъ него интересоваться и другихъ, но объ этомъ рѣчь впереди); они-то должны быть совершенно свободны и подлежать суду собственной совѣсти каждаго. Совѣсть должна быть свободна въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: человѣкъ долженъ пользоваться свободой мысли и склонностей, полною свободой мнѣнiй обо всякомъ вопросѣ практическомъ, умозрительномъ, научномъ, моральномъ, богословскомъ. Право свободно выражать и обнародовать свои мнѣнiя, повидимому, должно быть ограничено, ибо оно принадлежитъ къ той сферѣ дѣятельности человѣка, которая касается не только его одного, но и его ближнихъ; не такъ-какъ право высказывать мнѣнiя такъ же важно, какъ и право мыслить, такъ-какъ и то и другое основываются болѣею частiю на однихъ и тѣхъ же началахъ, то на практикѣ они нераздѣльны. Гдѣ есть одно, тамъ необходимо и другое.

Изъ того же принципа самостоятельности отдѣльнаго лица вытекаетъ, что касается лишь его одного, вытекаетъ и свобода вкусовъ, и занятiй, право устроить жизнь нашу сообразно нашему характеру, поступать, какъ намъ нравится, быть свободными отъ всякихъ стѣсненiй (до тѣхъ поръ, пока мы не вредимъ другимъ), даже и тогда, когда другiе найдутъ нашъ образъ дѣйствiй нелѣпнымъ, дурнымъ, неправильнымъ.

Изъ того же принципа вытекаетъ право ассоциаций: каждое отдѣльное лицо имѣетъ право соединяться съ другими для безобиднаго для другихъ дѣла, если только всѣ соединяющiяся лица въ совершенныхъ лѣтахъ, и не вовлечены въ союзъ ни обманомъ, ни насилiемъ.

Народъ не можетъ назваться свободнымъ, какова бы ни была у него форма правленiя, если всѣ эти права личности не уважаются; и ни одинъ народъ не свободенъ вполне, если личность въ немъ не пользуется этими правами безусловно.

Единственная свобода, достойная этого имени, есть право каждаго изъ насъ по своему искать нашихъ собственныхъ выгодъ до тѣхъ поръ, пока мы не мѣшаемъ другимъ стремиться къ той же цѣли. Каждый изъ насъ есть естественный хранитель собственнаго здоровья какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Родъ человѣческiй болѣе выиграетъ, когда каждому дастъ право жить по своему собственному усмотрѣнiю, нежели когда станеть требовать, чтобы каждый жилъ такъ, какъ нравится всѣмъ остальнымъ.

Хотя это ученiе вовсе ново, и нѣкоторые назовутъ его страннымъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ ученiя, которое болѣе противостоитъ.

рѣшило бы существующимъ мнѣніямъ и обычаямъ. Общество употребило столько же усилій для того, чтобы обязать людей слѣдовать общепринятымъ мнѣніямъ въ частной жизни, сколько для того, чтобы принудить ихъ слѣдовать общепринятымъ идеямъ въ жизни общественной. Древнія республики считали себя вправѣ (и философы древности поддерживали эту претензію) предписывать, черезъ представителей верховной власти, каждому отдѣльному лицу извѣстный образъ жизни подъ тѣмъ предлогомъ, что упражненіе и укрѣпленіе физическихъ и моральныхъ силъ каждаго гражданина для государства — дѣло великой важности. Такой взглядъ могъ составиться въ небольшихъ республикахъ, окруженныхъ могущественными государствами, находившихся въ постоянной опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Для такихъ республикъ было бы бѣдствіемъ, еслибы энергія гражданъ и власть каждаго изъ нихъ надъ собою на минуту ослабѣли: имъ некогда было бы ждать спасительныхъ, но медленныхъ дѣйствій свободы. Въ мірѣ новомъ увеличеніе силы государствъ, и еще болѣе отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской (благодаря которому власть надъ совѣстью перешла отъ свѣтскихъ правителей въ другія руки) способствовали ослабленію вмѣшательства закона въ подробности частной жизни; но, правду сказать, личность отъ этого выиграла немного: духовная власть, усилившись, стала вникать въ подробности частной жизни отдѣльныхъ лицъ, на которыя перестала обращать вниманіе власть свѣтская*. Многіе изъ новѣйшихъ реформаторовъ не остались въ этомъ отношеніи назади основателей сеутъ. Такъ О. Контъ въ своемъ сочиненіи: «Положительная философія», полагаетъ основанія такого деспотизма общества надъ отдѣльною личностію, который превосходитъ все то, что могли представить себѣ самыя строгіе философы древности.

И въ самомъ обществѣ нашего времени существуетъ сильная и постоянно усиливающаяся наклонность расширять до крайнихъ предѣловъ власть общества надъ личностію, какъ усиленіемъ общественнаго мнѣнія, такъ и путемъ законодательнымъ. Но такъ-какъ всѣ совершающіяся въ наше время въ мірѣ перемѣны имѣютъ слѣдствіемъ уменьшеніе власти личности, то это вторженіе общества въ сферу свободной дѣятельности частнаго лица не есть одно изъ тѣхъ золъ, которыя исчезаютъ сами собою; напротивъ, оно становится все болѣе и болѣе страшнымъ. Наклонность людей навязывать свои собственныя мнѣнія и вкусы въ

* Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить суровыя мѣры пуританъ во время ихъ господства въ Англіи въ половинѣ XVII вѣка.

руководство другимъ до такой степени поддерживается въ некоторыи темными стремленіями человѣческой природы, что сдерживается эта наклонность только недостаткомъ власти. Но такъ какъ власть большинства, имѣющаго эту наклонность, не уменьшается и грозитъ увеличиться, то должно ожидать (если только зло не встрѣтитъ сильнаго сопротивленія въ сознаніи людей), что стремленіе большинства поработить личность усилится.

II.

Предположимъ, что въ данной странѣ правительство составляетъ съ народомъ одно цѣлое, что оно принимаетъ принудительныя мѣры противъ мнѣній отдѣльныхъ личностей только когда ихъ требуетъ голосъ народа. Спрашивается, имѣетъ ли право народъ самъ или чрезъ свое правительство прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ противъ мысли и слова? Нѣтъ, не имѣетъ. Самое лучшее правительство въ этомъ отношеніи не имѣетъ преимуществъ предъ худшимъ; власть, употребленная въ этомъ случаѣ правительствомъ, приноситъ вредъ, и этотъ вредъ значительнѣе, когда правительство дѣйствуетъ заодно съ общественнымъ мнѣніемъ, нежели, когда правительство идетъ наперекоръ ему. Еслибы весь родъ человѣческій, безъ одного человѣка, держался одного мнѣнія, и этотъ одинъ только держался мнѣнія противнаго, то и тогда родъ человѣческій, заставляя молчать одну личность, былъ бы такъ же неправъ, какъ была бы неправа эта послѣдняя, еслибы заставила молчать все человѣчество. Еслибы мнѣніе личности было только ея достояніемъ, имѣющимъ значеніе только для нея, то была бы нѣкоторая разница между стѣсненіемъ свободы слова, сдѣланнымъ одному лицу, и стѣсненіемъ, испытаннымъ многими. Но отъ стѣсненія свободы слова происходитъ зло особаго рода, вредъ для всего рода человѣческаго, какъ живущаго, такъ имѣющаго жить на землѣ. Если преслѣдуемое мнѣніе справедливо, то человѣчество лишается возможности оставить заблужденіе и обратиться къ истинѣ; если преслѣдуемое мнѣніе ложно, то люди теряютъ почти такъ же много: лишаются возможности ясно понять истину и получить отъ нея живое, сильное впечатлѣніе, производимое истиною въ томъ случаѣ, когда она борется съ заблужденіемъ и побѣждаетъ его.

Необходимо рассмотреть эти гипотезы отдѣльно и доказать, что мнѣніе, которое мы преслѣдуемъ, можетъ быть справедливо; если же оно ложно, то и въ такомъ случаѣ преслѣдовать его, стирать съ лица земли — вредно для человѣчества.

*

1) Мнѣніе, которое намъ не нравится и которое мы преслѣдуемъ посредствомъ органовъ власти, можетъ быть справедливо. Мы, желающіе стереть его съ лица земли, конечно, оспариваемъ его справедливость; но развѣ мы непогрѣшны? Мы не имѣемъ права рѣшить данный вопросъ за все человѣчество и отказать всѣмъ, кромѣ самихъ себя, въ возможности обсудить его. Не давая другимъ средствъ узнавать то или другое мнѣніе, потому что увѣрены въ его несправедливости, мы этимъ самымъ утверждаемъ свою непогрѣшимость. Всякое насильственное прекращеніе спора есть притязаніе на непогрѣшимость.

Къ несчастію для здраваго смысла людей, факту своей погрѣшимости они не придаютъ на дѣлѣ того значенія, которое признаютъ за нимъ въ теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ вполне убѣжденъ въ своей погрѣшимости, а между тѣмъ, весьма немногіе изъ насъ находятъ нужнымъ принимать мѣры противъ таковаго нашего недостатка, или предположить, что мнѣніе, въ справедливости котораго мы увѣрены, можетъ оказаться заблужденіемъ.

Люди, непривыкшіе встрѣчать себѣ сопротивленія и слышать противорѣчія своимъ мнѣніямъ, обыкновенно доходятъ до полнѣйшей увѣренности въ справедливости всѣхъ своихъ сужденій. Личности, пользующіяся счастливымъ общественнымъ положеніемъ, и слышашія иногда противорѣчія своимъ мнѣніямъ, и не совсѣмъ лишенная возможности быть обращенными на путь истинный, въ случаѣ уклоненія отъ него, безгранично вѣрятъ въ справедливость тѣхъ своихъ мнѣній, которыя раздѣляются окружающими ихъ людьми, пользующимися ихъ уваженіемъ: чѣмъ менѣе отдѣльная личность довѣряетъ своему собственному, единичному мнѣнію, тѣмъ болѣе полагается она на непогрѣшимость всѣхъ вообще. Но представленіе, соединяемое нами съ словомъ «всѣ», бываетъ весьма различно. По воззрѣніямъ каждой отдѣльной личности, мнѣніе «всѣхъ» есть не что иное, какъ мнѣніе той части общества, съ которою она находится въ соприкосновеніи: партіи, къ которой личность принадлежитъ, секты, сословія, весьма рѣдко—цѣлаго народа или цѣлаго вѣка. Довѣріе людей къ этому собирательному авторитету нисколько не потрясается тѣмъ убѣжденіемъ, что другіе вѣка и другіе народы, другія секты думали и думаютъ совершенно иначе. Очевидно, что убѣжденія цѣлаго народа, цѣлаго столѣтія могутъ быть ошибочны, что каждый вѣкъ держался таковыхъ убѣжденій, которыя отвергнуты въ вѣка послѣдующіе. Очевидно, что многія общепринятія мнѣнія будутъ отвергнуты слѣдующими вѣками, какъ

въ настоящее время отвергнуты многія мнѣнія, прежде общепринятыя.

Можно возразить на это: «законная власть имѣетъ право препятствовать распространенію заблужденій, и оставляя за собой это право, она не имѣетъ нужды основывать это право на непогрѣшимости. Людямъ данъ здравый смыслъ, чтобы имъ пользоваться, и изъ того, что имъ иногда злоупотребляютъ, нельзя заключить, что онъ совершенно не можетъ руководить насъ. Запрещая то, что кажется вреднымъ, правительство не заявляетъ притязанія на непогрѣшимость, но исполняетъ свою священную обязанность, если только дѣйствуетъ по своему глубокому и искреннему убѣжденію.

Еслибы мы никогда не должны были дѣйствовать сообразно нашимъ мнѣніямъ потому только, что они могутъ оказаться ошибочными, то намъ слѣдовало бы пренебречь всѣми нашими интересами, прекратить исполненіе всѣхъ нашихъ обязанностей. Какъ правительства, такъ и отдѣльныя личности должны, конечно, выработать возможно вѣрныя убѣжденія и никогда не навязывать ихъ другимъ, не имѣя увѣренности, что эти убѣжденія истинны. Но когда мы увѣрены въ томъ, что на нашей сторонѣ истина, то было бы трусостью не дѣйствовать на основаніи собственныхъ убѣжденій и допускать, чтобы свободно распространялись ученія, которыя, по нашему крайнему разумнію, опасны для людей и только потому терпѣть ихъ, что другіе народы, въ цѣлыя, менѣ просвѣщенные времена, преслѣдовали мнѣнія, считающіяся справедливыми въ настоящее время.

Правительства и народы дѣлали ошибки въ тѣхъ сферахъ своей дѣятельности, въ которыхъ никто не оспариваетъ ихъ правъ. Народы и правительства нерѣдко взымали съ отдѣльныхъ личностей несправедливые налоги, нерѣдко вели несправедливыя войны. Слѣдуетъ ли изъ этого, что налоги совсѣмъ не должны взыматься, что войны ни въ какомъ случаѣ не должны быть предпринимаемы? Конечно, нѣтъ. Отдѣльныя лица и правительства должны дѣйствовать по своему крайнему разумнію. Безусловно-истиннаго мнѣнія мы не можемъ имѣть ни о чемъ, но есть истины, достаточно надежныя для того, чтобы намъ руководиться ими въ жизни. Мы можемъ и должны утверждать, что выработанное нами убѣжденіе справедливо на столько, что мы можемъ руководиться имъ въ нашихъ поступкахъ; только это, а не нашу непогрѣшимость заявляемъ мы, когда препятствуемъ распространенію такихъ идей, которыя кажутся опасными, губельными для общества».

Такъ говорятъ противники свободы слова; но Милль утверж-

даетъ, что они далеко не чужды притязанія на непогрѣшимость. Считать извѣстное мнѣніе вѣрнымъ потому, что при всѣхъ шансахъ быть опровергнутымъ, оно опровергнуто не было — не все равно, что утверждать справедливость этого мнѣнія, не допуская противъ него возраженій. Полная свобода противорѣчить извѣстнымъ мнѣніямъ и опровергать ихъ есть необходимое и единственное средство убѣдиться въ ихъ справедливости и пригодности для жизни.

Когда мы взглянемъ на исторію мнѣній и на обыкновенное теченіе человѣческой жизни, то увидимъ, что преобладають иногда мнѣнія здравыя, уважаются дѣйствія разумныя. Чему приписать это? Конечно, не силѣ, присущей уму каждаго, ибо относительно всякаго вопроса, рѣшеніе котораго не очевидно само собою, девяносто-девять человѣкъ изъ ста не въ состояніи произнести вѣрнаго сужденія. Мало того, умственные силы меньшинства мыслящихъ личностей велики лишь относительно; большая часть передовыхъ людей каждаго отжившаго поколѣнія держалась многихъ мнѣній, которыя считаются ошибочными, и одобряла такіа дѣйствія, которыхъ никто не оправдываетъ теперь.

И такъ, чему же приписать преобладаніе въ человѣчествѣ здравыхъ мнѣній и разумныхъ поступковъ? Если только это преобладаніе существуетъ на самомъ дѣлѣ (предположить, что его нѣтъ, можно только въ обществѣ, положеніе котораго безнадежно дурно), то виною этому драгоценное качество человѣческаго ума, сознающаго исправимость своихъ ошибокъ. Умъ человѣческій способенъ поправлять свои ошибки путемъ преній и опыта. Опыта одного мало: необходимо преніе, необходима борьба мнѣній, чтобы люди могли знать, какъ слѣдуетъ пользоваться опытомъ.

Ложныя мнѣнія и неразумныя обычаи постепенно исчезаютъ предъ очевидностью факта и доказательствъ; но для того, чтобы факты и доказательства могли произвести какое-нибудь впечатлѣніе на нашъ умъ, нужно, чтобы они были обнаружены предъ нимъ въ полномъ свѣтѣ. Очень мало такихъ фактовъ, которые сами могутъ рассказать свою исторію, не нуждаясь въ комментаріяхъ, которые бы объясняли ихъ смыслъ. Вся сила и все достоинство человѣческаго ума основывается на его способности, въ случаѣ отклоненія отъ истиннаго пути, снова на него возвращаться; и довѣрять ему можно только тогда, когда ему предоставлены всѣ средства исправить свои ошибки, отказаться отъ своихъ заблужденій.

Какъ поступаетъ человѣкъ, желающій, чтобы его сужденія были основательны и внушали къ нему довѣріе? Онъ обращаетъ

вниманіе на всё возраженіа противъ своихъ сужденій и своего образа дѣяствій, выслушиваетъ все, что говорится противъ него, пользуется этими возраженіями, когда находитъ ихъ справедливыми, старается и себѣ вполне уяснить, и другимъ, при случаѣ, сообщить, какъ много ошибался онъ прежде. Онъ убѣдился, что единственное средство основательно узнать какой-нибудь предметъ, это—выслушать все, что можно сказать о немъ за и противъ, выслушать все, что могутъ о немъ сказать люди всевозможныхъ мнѣній. Никогда ни одинъ мудрецъ не достигалъ своей мудрости иначе, и не въ природѣ человѣка достигать ея инымъ путемъ. Постоянная привычка поправлять и дополнять свои воззрѣнія, сравнивая ихъ съ воззрѣніями другихъ, есть для насъ единственное вѣрное средство пріобрѣсти и внушить довѣріе.

Въ самомъ дѣлѣ, мудрый человѣкъ, знающій все, что, по всей вѣроятности, можно сказать противъ него, обезпечившій свое положеніе противъ всякаго противника, не избѣгавшій возраженій своимъ мнѣніямъ и трудностей при рѣшеніи важныхъ для него вопросовъ, но искавшій ихъ—такой человѣкъ имѣетъ право думать, что его убѣжденія имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ чьи бы то ни было, выработанныя инымъ путемъ.

Общество, состоящее всегда изъ немногихъ мудрыхъ и многихъ весьма обыкновенныхъ людей, должно подчиниться тѣмъ же условіямъ, которымъ подчиняются и мудрѣйшіе люди, когда хотятъ имѣть и внушать довѣріе къ своимъ идеямъ. Римско-католическая церковь, не отличающаяся особенною терпимостію, только тогда канонизируетъ какого-либо святаго, когда извѣстно и обсуждено все, что можетъ быть высказано противъ него.

Еслибы не было дозволено подвергать сомнѣнію систему Коперника, или философію Ньютона, то родъ человѣческій не могъ бы считать истины, возвѣщенныя міру этими мыслителями, за доказанныя. То же можно сказать о всякихъ мнѣніяхъ, вѣрованіяхъ, ученіяхъ. Только тѣ вѣрованія надежны, которыя могутъ устоять противъ всякихъ нападокъ, которыя не погибаютъ, несмотря на полную свободу, предоставленную каждому опровергать ихъ. Если вызова никто не принимаетъ, или опроверженія неудачны, то мы хотя и далеки отъ полной достовѣрности, но тѣмъ не менѣе спокойны, ибо сдѣлали все, что было возможно при современномъ состояніи человѣческихъ знаній, ничѣмъ не пренебрегли, чтобы имѣть возможно больше средствъ узнать истину. Если мы еще не узнали ея, или пониманіе наше неполно, односторонне, то при свободѣ преній, при свободѣ устнаго и печатнаго слова, можно надѣяться, что настанетъ время, когда умъ человѣческій будетъ въ состояніи дойти до

полнаго обладанія искомыми истинами. Въ ожиданіи же такой поры, мы можемъ быть увѣрены, что приблизились къ истинѣ, насколько это возможно въ настоящее время. Вотъ степень достовѣрности, которой мы можемъ достигнуть, вотъ единственный путь къ ея достиженію.

Намъ возразятъ: есть такія истины, которыя никогда не могутъ оказаться заблужденіемъ — это истины божественнаго откровенія. Неужели возможно допустить, чтобы и онѣ свободно были оспориваемы, какъ обыкновенныя мнѣнія? Да, конечно, ибо чѣмъ выше, чѣмъ чище и нравственнѣе ученіе, тѣмъ побѣдоноснѣе выйдетъ оно изъ всякой борьбы, тѣмъ могущественнѣе будетъ его вліяніе на умы и сердца людей. Восемнадцатъ слишкомъ вѣковъ существованія христіанской религіи ясно доказываютъ это. Христіанство выдержало борьбу съ весьма сильными противниками, и побѣда осталась на его сторонѣ. Нетолько послѣдователи, но и враги его ничего не знаютъ выше идеала христіанской любви къ ближнему, полной самоотверженія. Благодаря свободѣ преній о высшихъ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ, возвышенныя истины христіанской религіи могутъ только лучше уясниться, сильнѣе напечатлѣться въ умѣ и сердцѣ каждаго. При отсутствіи же свободы преній, пониманіе самыхъ великихъ и важныхъ истинъ слабѣетъ, люди дѣлаются равнодушнѣе къ нимъ. Въ первые вѣка нашей эры христіанскіе апологеты охотно выслушивали мнѣнія своихъ противниковъ и терпѣливо возражали на нихъ, и христіанство отъ того ничего не терпало, а много выигрывало. Христіане первыхъ вѣковъ отличались такою нравственной чистотою, что проповѣдники нашего времени, по справедливости, ставятъ ихъ намъ въ примѣръ.

Странно видѣть, что въ нашъ вѣкъ, отличающійся маловѣріемъ, но страшащійся скептицизма, всего чаще раздаются голоса противъ свободы слова въ сферѣ морали и религіи. Странно въ особенности то, что такія мнѣнія прихотится нерѣдко слышать отъ людей совершенно равнодушныхъ къ возвышеннымъ истинамъ религіи и весьма мало примѣняющихъ ихъ къ жизни. Они и не стараются доказать несомнѣнность этихъ истинъ, а указываютъ лишь на важность ихъ для общества. Есть, говорятъ они, полезныя, даже необходимыя для нашего благосостоянія вѣрованія, поддерживать которыя правительство обязано точно такъ же, какъ и защищать всякіе другіе интересы общества. Въ виду такой необходимости правительство, вовсе не претендуя на непогрѣшимость, можетъ дѣйствовать въ защиту полезныхъ ученій согласно своему убѣжденію, поддѣржилаемому согласіемъ всего человѣчества. Говорятъ, и весьма часто: нити, развѣ

только какой-нибудь порочный человекъ, не пожелаетъ колебать полезныя, счастельныя вѣрованія, и нѣтъ ничего дурнаго въ стѣсненіи свободы такнхъ людей, въ запрещеніи имъ говорить, что только имъ можетъ прійти въ голову. Разсуждая такъ, противныя слова думаютъ избѣжать упрека въ притязаніи на непогрѣшимость. Но они забываютъ, что вопросъ: полезно ли данное ученіе, такъ же трудно рѣшить, какъ и вопросъ — истинно ли оно. Рѣшить первый изъ этихъ вопросовъ за все человѣчество, не давъ ему возможности обсудить его обстоятельно, не значить ли заявлять свою непогрѣшимость? Точно такая же непослѣдовательность — дозволать диссидентамъ доказывать безвредность своихъ мнѣній, запрещая имъ въ то же время доказывать ихъ истинность. Истинность какого бы то ни было мнѣнія составляетъ часть его полезности. Какъ скоро мы хотимъ знать, желательно или нѣтъ, чтобы люди вѣрили тому или другому ученію или мнѣнію, возможно ли намъ не разсуждать о томъ: справедливо оно или нѣтъ?

Чтобы нагляднѣе показать все зло, которое можетъ произойти, когда мы откажемся выслушать мнѣнія, заранѣе осужденныя нами, возьмемъ какой-нибудь частный случай. Изберемъ именно такой, въ которомъ доводъ противъ свободы слова, основанный на истинности господствующихъ мнѣній, считается весьма сильнымъ.

Предположимъ, что оспаривается вѣрованіе въ безсмертіе души или какое-нибудь другое моральное ученіе, всѣми принятое. Истинны эти для насъ очевидны, признаніе ихъ въ мѣстней степени полезно для общества; но при всемъ томъ, мы не можемъ — если только не считаемъ себя непогрѣшимыми — не имѣемъ права рѣшать вопросъ о несомнѣнности ихъ за всѣхъ людей, не позволивъ имъ выслушать все, что можетъ быть сказано въ опроверженіе этихъ истинъ.

Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, показывающихъ, до какихъ печальныхъ результатовъ доводило людей притязаніе ихъ на непогрѣшимость, преслѣдованіе людей, несогласныхъ съ большинствомъ относительно важнѣйшихъ вопросовъ морали. Лучшіе люди, благороднѣйшія ученія, подвергались самому жестокому преслѣдованію. Провозвѣстники гонимыхъ ученій гибли, идеи же ихъ переживали гонителей, иногда достигали полного торжества надъ умами, верѣдео для того, чтобы служить опорой подобной же нетерпимости къ несогласнымъ съ ними ученіямъ.

Одинъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ такого рода представляетъ намъ жизнь Сократа. Этотъ великій мыслитель родился въ странѣ, замѣчательной высокимъ умственнымъ раз-

внѣмъ отдѣльныхъ личностей, и при томъ, въ вѣгъ ея процвѣтанія, и память о немъ сохранилась до насъ, какъ о добродѣтельнѣйшей личности своего времени, какъ о вождѣ и прототипѣ всѣхъ великихъ учителей добродѣтели, явившихся послѣ него, какъ о вдохновителѣ восторженнаго идеалиста Платона, и глумовомысленнаго утилитариста Аристотеля, этихъ творцовъ нравственной философіи и всякой другой. Учитель великихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ, человекъ, котораго слава затмѣваетъ собою громкую извѣстность людей, прославившихъ его родной городъ, былъ своими соотечественниками обреченъ на смерть, по судебному обвиненію въ нечестіи и безнравственности: въ нечестіи— за то, что отрицалъ боговъ, признанныхъ государствомъ (обвинитель утверждалъ, что Сократъ не вѣрилъ ни въ какихъ боговъ), въ безнравственности — за то, что развращалъ юношество своимъ ученіемъ. Можно смѣло сказать, что судьи произнесли приговоръ противъ Сократа по внутреннему и искреннему убѣжденію, что они лучшаго изъ людей своего времени по совѣсти признали виновнымъ въ названныхъ преступленіяхъ.

Перейдемъ къ другому, несравненно болѣе замѣчательному примѣру судебной несправедливости: мы хотимъ напомнить читателю о событіи, случившемся назадъ тому болѣе осьмнадцать вѣковъ — объ осужденіи Того, кто пришелъ на землю спасти всѣхъ людей. Люди, за исключеніемъ весьма немногихъ, не только не узнали въ немъ своего благодѣтеля и Спасителя, но даже осудили Его на смерть за богохульство. А между тѣмъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ весьма многіе изъ Его преслѣдователей были представителями тогдашнихъ религіозныхъ, моральныхъ и патріотическихъ стремленій, и дѣйствовали сообразно идеямъ вѣка своего и своей страны. Нѣкоторые изъ нихъ считались достойными общаго довѣрія и занимали общественныя должности. Когда первосвященникъ раздралъ свои одежды, въ негодованіи на слова, которыя, по идеямъ ето вѣка, были самымъ чернымъ преступленіемъ, его негодованіе было, вѣроятно, такъ же непритворно, какъ моральныя и религіозныя чувства, заявляемыя въ наше время людьми благочестивыми и почтенными. И многіе изъ тѣхъ, кои содрогаются при воспоминаніи о роли, которую принялъ на себя во всемъ этомъ дѣлѣ первосвященникъ, дѣйствовали бы точно такъ же, еслибъ жили въ то время между іудеями. Христіане, полагающіе, что люди, побивавшіе первыхъ мучениковъ камнями, были похуже ихъ, пусть вспомнятъ, что въ числѣ этихъ гонителей христіанства былъ и Савлъ, впоследствии великій апостолъ.

Укажемъ еще на одинъ примѣръ, на самый разительный при-

мѣръ нетерпимости, если только ошибка тѣмъ болѣе должна возбуждать наше удивленіе, чѣмъ разумнѣе и добродѣтельнѣе личность, впавшая въ эту ошибку. Если когда-нибудь государь могъ считать себя лучше и просвѣщеннѣе всѣхъ своихъ современниковъ, то это былъ, конечно, императоръ Маркъ Аврелій, самодержавный владыка цѣлаго міра; онъ въ продолженіе всей своей жизни хранилъ не только самую чистую справедливость, но — чего менѣе можно было бы ожидать отъ стоика — и самое вѣжное сердце. Немногія, приписываемыя ему несправедливости, происходили отъ крайней его снисходительности къ людямъ; сочиненія же Марка Аврелія, по своему глубокому нравственному смыслу, по своей возвышенности, превосходятъ все, что только произвела въ этомъ отношеніи классическая древность и весьма во многомъ сходны съ ученіемъ христіанскимъ. И этотъ государь (лучшій христіанинъ во всѣхъ отношеніяхъ, не признававшій лишь догматовъ новаго ученія) преслѣдовалъ религію Христову. Усвоивъ себѣ всё умственное приобрѣтенія тогдашняго человѣчества, одаренный яснымъ и либеральнымъ умомъ и характеромъ, способнымъ осуществить христіанскій идеалъ, онъ не могъ понять, что новое ученіе, проповѣдывавшее столь понятныя ему правила нравственности, правила, которымъ самъ онъ слѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни, есть благо, а не зло для міра. Онъ зналъ, что современное ему общество находилось въ печальномъ состояніи, но думалъ, что оно пало бы еще глубже, еслибы не было поддерживаемо вѣрой въ признанныхъ боговъ. Какъ государь, онъ считалъ своимъ долгомъ не допускать общество до разложенія, и не видалъ, какими средствами можно было бы поддержать его, еслибы узы, въ то время его связывавшія, были порваны. Христіанская религія открыто стремилась порвать эти узы, и Маркъ Аврелій долженъ былъ выбирать одно изъ двухъ: или принять новую религію, или бороться съ ней. Не понявъ божественнаго происхожденія христіанства, не предвидя, что ученію, основанному на вѣрѣ въ распятаго и воскресшаго Бога, суждено обновить міръ, гуманнѣйшій изъ философовъ и государей, руководимый сознаніемъ долга, долженъ былъ дозволить преслѣдованіе христіанства.

Это одинъ изъ наиболѣе печальныхъ фактовъ всемірной исторіи.

Еслибы христіанская религія была провозглашена господствующею Маркомъ Авреліемъ, а не Константиномъ-Великимъ, судьба ея была бы совершенно иная. Но было бы несправедливостію и большою ошибкой утверждать, что Маркъ Аврелій, препятствуя распространенію христіанства, не могъ привести въ свою пользу всѣхъ тѣхъ доводовъ, которые приводятся нынѣ противъ свободы

слова. Въ христіанствѣ, отвергавшемъ всю господствовавшую религію, всѣхъ ея боговъ, Маркъ Аврелій видѣлъ заблужденіе, которое могло привести имперію на край гибели; а между тѣмъ, онъ-то, повидимому, и могъ бы всѣхъ лучше оцѣнить всю возвышенность и глубину христіанскаго ученія.

Итакъ, пусть противники свободы слова не думаютъ, что они и большинство, съ ними согласное, непогрѣшимы, если только не считаютъ себя мудрѣе и добродѣтельнѣе Марка Аврелія, добросовѣстнѣе его въ изслѣдованіи истины, и искреннѣе въ любви къ ней.

Чтобы быть послѣдовательными, противники религіозной свободы прибѣгаютъ иногда къ такому смѣшному заключенію: они — вмѣстѣ съ докторомъ Джонсономъ—говорятъ, что гонители христіанства были правы, что гоненіе есть испытаніе, которое должна выдержать и выдерживаетъ съ успѣхомъ истина, что присуждаемая закономъ наказанія безсильны передъ нею, хотя иногда и съ пользою служатъ для искорененія заблужденій. Такой способъ защищать нетерпимость весьма оригиналенъ; остановимся на немъ.

Теорія, утверждающая, что гонители истины правы, ибо гоненіе не вредитъ ей, не можетъ быть заподозрѣна во враждебныхъ чувствахъ къ новымъ истинамъ, въ нежеланіи распространенія ихъ; нельзя лишь похвалить ея великодушныхъ чувствъ къ людямъ, которымъ человѣчество обязано открытіемъ этихъ истинъ. Открыть людямъ что либо весьма важное для нихъ и прежде неизвѣстное, доказать человѣчеству, что оно ошибалось относительно какого-нибудь изъ самыхъ существенныхъ своихъ интересовъ (временныхъ или вѣчныхъ)—вотъ важнѣйшая заслуга, какую только можетъ оказать человѣкъ своимъ ближнимъ, и въ извѣстныхъ случаяхъ драгоцѣннѣйшій даръ, какой только можно принести человѣчеству. Такимъ драгоцѣннѣйшимъ даромъ было возвышенное ученіе первыхъ христіанъ—сами послѣдователи Джонсона согласны съ этимъ. И вотъ, на основаніи этой великодушной теоріи, поступать съ людьми, оказавшими человѣчеству столько благодѣяній, какъ съ уголовными преступниками, награждать ихъ за услуги мученическимъ вѣнцомъ—дѣло совершенно естественное, а не заблужденіе, не бѣдствіе, о которомъ человѣчество должно душевно сокрушаться, не преступленіе, въ которомъ оно должно раскаиваться. У локрійцевъ существовалъ такой обычай: гражданинъ, намѣревавшійся предложить народу какой-нибудь новый законъ, долженъ былъ явиться въ народное собраніе не иначе, какъ съ веревкою на шеѣ, и если собраніе, услышавъ всѣ доводы въ пользу предлагаемаго закона, тотчасъ же

не приметъ его, веревка затягивалась. Такой опасности должны, по теоріи Джонсона, подвергаться люди, предлагающіе міру какую-нибудь новую истину. Нельзя думать, чтобы тѣ, которые защищаютъ подобное обращеніе человѣчества съ своими благодѣтелями, придавали много цѣны самому благодѣванію. Я думаю, что такъ смотрѣть на вещи только тѣ люди, которые убѣждены, что новыя истины, дѣйствительно, нужны были когда-то, но что теперь у насъ ихъ довольно.

Говорятъ: истина всегда торжествуетъ надъ своими преслѣдователями. Правда ли это? По нашему мнѣнію, это одно изъ тѣхъ пріятныхъ заблужденій, которое, въ качествѣ доказанной истины, люди сообщаютъ другъ другу, пока оно не сдѣлается общимъ мѣстомъ. Исторія говоритъ совершенно противное: провозвѣстниковъ истины весьма часто принуждали молчать, и преслѣдованіе если не навсегда, то по крайней-мѣрѣ на многіе вѣка отдаляло распространеніе многихъ истинъ. Гоненія замедлили распространеніе христіанства и еще болѣе препятствовали бы его успѣхамъ, еслибы не имѣли случайнаго и мѣстнаго характера и не были отдѣлены продолжительными промежутками почти свободной пропаганды*. Еще далеко не доказано, что истина, какъ таковая, обладаетъ силой противустоять гонителямъ: люди, свидѣтельствующіе истину, нерѣдко, въ случаѣ гоненія, отказываются отъ своихъ убѣжденій; люди, фанатически увлеченные заблужденіемъ, нерѣдко идутъ на костеръ, претерпѣваютъ тяжкія пытки ради своихъ, кажущихся имъ истинами, мнѣній. Строгія карательныя мѣры могутъ остановить распространеніе какъ истинъ, такъ и заблужденій. Выгода же истины заключается въ томъ, что какъ ни подавляютъ, какъ ни искореняютъ ее, она всякій разъ обнаруживается снова и наконецъ появленіе ея совпадаетъ съ эпохою, въ которую она можетъ взбѣжать преслѣдованія или устоять предъ нимъ.

Говорятъ: въ наше время уже не убиваютъ людей, проповѣдующихъ новыя ученія, не казнятъ смертію еретиковъ (ихъ такъ много, что истребить ихъ было бы невозможно никакими бѣрами, допускаемыми въ настоящее время противъ самыхъ гнусныхъ мнѣній). Но не будемъ обольщаться увѣренностію, что уже миновала пора легальныхъ преслѣдованій за религію. Въ большей части государствъ Европы они допускаются и законодательствомъ

* Потребность преобразованій въ католической церкви чувствовалась задолго до XVI вѣка и много разъ была заявлена, но безуспѣшно. Арнольдъ Брешіа, Фра-Дольчино, Савонарола должны были замолчать; альбигойцы, вальденсы, колларды, гусситы были истреблены.

и общественнымъ мнѣніемъ. Допускаются они и въ Англіи, и Милль приводитъ нѣсколько случаевъ судебного преслѣдованія за религію. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Въ 1857 году, въ Корнуэльсѣ одинъ бѣдный работникъ, по имени Поoley (Pooley), человекъ трудолюбивый, честный, трезвый, пользовавшійся уваженіемъ сосѣдей, былъ заключенъ на двадцать-одинъ мѣсяць въ тюрьму за то, что произнесъ и на одной двери написалъ слова, оскорбительныя для христіанства. Бокль въ своей брошюрѣ о Миллѣ рассказываетъ всѣ подробности этого дѣла. Томасъ Поoley всегда отличался странностями и причудами, такъ что его считали слабоумнымъ; но года за два до заключенія въ тюрьму съ нимъ случилось несчастье, которое сильно подѣйствовало на его умъ. Тѣмъ не менѣе онъ оставался не только безвреднымъ, но даже весьма полезнымъ членомъ общества, былъ уважаемъ сосѣдами, любимъ семьей, для которой работалъ съ рѣдкимъ усердіемъ. Часто задумываясь, Томасъ дошелъ до многихъ ошибочныхъ представлений; между прочимъ онъ вообразилъ, что земля—живое существо и, копая колодцы (это была его специальность), онъ боялся слишкомъ далеко проникать вглубь земли, чтобъ не причинить ей боли; онъ думалъ также, что болѣзнь картофеля можетъ пройти, когда по картофельному полю развѣнъ будетъ пепель сожженной библии. Этотъ-то странный человекъ написалъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, выразившихъ его мнѣніе о средствѣхъ противъ болѣзни картофеля, и нѣсколько словъ, выразившихъ его ненависть къ христіанству. Объ этомъ и о глупыхъ рѣчахъ Томаса, которыхъ впрочемъ никто не обязанъ былъ слушать, одно духовное лицо донесло суду; по предварительномъ дознаніи, Томасъ былъ арестованъ и въ ближайшіе ассизы призванъ на судъ. Защитника не было; обвинителемъ явился сынъ судьи. Несмотря на явные признаки умственного разстройства, Томасъ былъ обвиненъ и приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на 21 мѣсяць. Черезъ 14 дней умственное разстройство перешло въ полное сумасшествіе, и больного принуждены были помѣстить въ домъ умалишенныхъ. Во время пребыванія его тамъ, нѣкоторыя великодушныя личности рѣшились войти въ положеніе страдальца и семьи его, оставшейся безъ средствъ, и хлопотать о помилованіи. Сначала попытка не удалась. Высшія инстанціи поддерживали судью и объявили просителямъ, что въ случаѣ выздоровленія, Томасъ долженъ быть препровожденъ опять въ тюрьму, чтобы досидѣть въ ней остальное время. Но неудача не охладила защитниковъ; они привали на помощь общественное мнѣніе, и тогда судебныя власти должны были уступить. Черезъ пять мѣ-

сѣцевъ послѣ произнесенія приговора Томасъ Поoley былъ помилованъ.

Въ августѣ того же года, двѣ личности въ двухъ различныхъ случаяхъ не были приняты въ присяжные и были жестоко осмѣяны судьей и однимъ изъ засѣдателей за то, что не держались никакого религіознаго вѣрованія. Въ томъ же мѣсяцѣ, въ томъ же году и на томъ же основаніи судъ не защитилъ одного иностранца противъ вора на томъ основаніи, что человѣкъ, невѣрующій въ Бога, не можетъ быть принятъ свидѣтелемъ на судѣ; другими словами, эти лица находятся внѣ покровительства законовъ, и что ихъ не только можно обокрасть безнаказанно (въ случаѣ если у нихъ нѣтъ свидѣтелей кромѣ людей одинаковыхъ съ ними мнѣній), но что и всякаго можно обокрасть, и всякому можно нанести обиду, если только доказательство зависить отъ ихъ свидѣтельства. Все это основывается на томъ предположеніи, что нельзя вѣрить человѣку, непризнающему основныхъ догматовъ христіанства; но исторія знаетъ между невѣрующими весьма много замѣчательно честныхъ и чистыхъ людей.

Обычай, не давая вѣры свидѣтельству людей, открыто сознающихся въ своихъ сомнѣніяхъ, допускаетъ свидѣтельство лицъ невѣрующихъ, но рѣшающихся скрывать свои убѣжденія, глать. Этотъ обычай одинаково оскорбительнъ какъ для христіанъ, такъ и для невѣрующихъ, ибо основаніемъ ему служить то предположеніе, что только страхъ загробныхъ мученій останавливаетъ людей отъ лжи.

Во многихъ странахъ Европы существуютъ еще обычай, нѣсколько напоминающіе средневѣковую нетерпимость. Даже въ Англіи еще нѣтъ полной религіозной свободы. Судебная власть поддерживаетъ общественное мнѣніе, и строгость этого послѣдняго такъ велика, что въ Англіи гораздо рѣже проповѣдуются ученія, осужденныя общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ въ другихъ странахъ теоріи, за которыя личность подвергается судебному преслѣдованію. Для всѣхъ лицъ, неимѣющихъ независимаго состоянія, преслѣдованіе общественнаго мнѣнія такъ же страшно, какъ и преслѣдованіе закона, ибо лишеніе средствъ въ существованію для нихъ равносильно заключенію въ тюрьму. Люди, обезпеченные въ средствахъ къ жизни, ненуждающіеся въ благоволеніи сильныхъ міра сего и публики, не подвергаются никакой опасности, высказывая свое убѣжденіе; самое тяжкое, что только можетъ ихъ постигнуть, это неодобреніе нѣкоторыхъ личностей, иногда даже и невысказываемое. Конечно, не требуется особеннаго героизма, чтобы пренебречь такою опасностію. Независимо поставленныя личности не нуждаются въ защитѣ. Го-

равдо болѣе неприятностей терпятъ личности, у которыхъ, кромѣ твердыхъ убѣжденій, нѣтъ никакого богатства.

Но отъ нетерпимости общественнаго мнѣнія само общество терпитъ всего болѣе, особенно въ наше время. Сократъ былъ осужденъ на смерть, но философія его не умерла, а воссияла какъ солнце на всея умственномъ горизонтѣ міра. Христіанъ бросали на растерзаніе львамъ, но христіанская церковь выросла въ величественное дерево, заглушившее другія болѣе древнія, но менѣе могучія дерева своею тѣнью. Наша нетерпимость имѣетъ чисто-соціальныи характеръ: она никого не убиваетъ, не искореняетъ никакого мнѣнія, но принуждаетъ людей скрывать свои мнѣнія или удерживаться отъ всякаго энергическаго усилія распространять ихъ. Въ наше время убѣжденія, противорѣчающія понятіямъ большинства, ни усиливаются, ни ослабляются съ теченіемъ времени, но иногда и не блистаютъ яркимъ свѣтомъ, а оставаясь постоянно скрытыми въ тѣсномъ кругу ученыхъ и мыслителей, не бросаютъ свѣта, ни истиннаго, ни ложнаго на дѣла человѣчества. Такимъ-то образомъ поддерживается положеніе вещей, очень удовлетворительное для нѣкоторыхъ умовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ положеніи вещей, всѣмъ, повидимому, хорошо: преобладающія въ обществѣ мнѣнія пользуются кажущимся синовоіствіемъ, и для поддержанія этого синовоіствія никого не штрафуютъ, не сажаютъ въ тюрьму за убѣжденія, между тѣмъ, какъ люди, несогласные со «всѣми», зараженные болѣзненною страстію мыслить, не совершенно лишены права пользоваться умственными силами; все идетъ, повидимому, мирно въ области мысли. Но это умиротвореніе достигается дорогою цѣною. Состояніе общества, при которомъ болѣшая часть дѣятельныхъ и пытливыхъ людей находятъ полезнымъ таить про себя мотивы своихъ убѣжденій и, говоря съ публикой, поддѣлываться подъ ея складъ мыслей, наружно одобрять мнѣнія, отвергаемыя въ глубинѣ души — такое состояніе общества не можетъ способствовать выработкѣ открытыхъ, смѣлыхъ характеровъ, умовъ крѣпкихъ и логичныхъ, какіе когда-то были красотою мыслящаго міра; при немъ могутъ процвѣтать только такія личности, которыя рабски подчиняются общепринятымъ мнѣніямъ, такіе боязливые и осторожные служители истины, доводы которыхъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ соразмѣрены съ аудиторіей, съ публикой, имъ внимающей. Люди, нежелающіе на подчиниться общепринятымъ мнѣніямъ, ни хитрять съ публикой, ограничиваютъ свою мысль и свои интересы предметами, о которыхъ можно говорить, не касаясь принциповъ.

Люди, въ глазахъ которыхъ такое молчаніе диссидентовъ не

есть зло, должны обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Благодаря такому принудительному молчанію, мнѣнія, неодобряемы обществомъ, никогда не обсуждаются вполне добросовѣстно и основательно, а потому тѣ изъ нихъ, которыя не могли бы выдержать критики, не исчезаютъ, и даже иногда распространяются, какъ лакомый запретный плодъ.

Но не дессидентамъ вредитъ болѣе всего такое стѣсненіе свободы слова; всего болѣе терпятъ отъ него «здравомыслищіе» люди, принадлежащіе къ «благоразумному» большинству: ихъ развитіе умственное затруднено, ихъ разумъ подавленъ боязнію увлечься непринятыми мнѣніями. Кто можетъ всчислать, какое множество людей съ прекраснымъ, восприимчивымъ умомъ, но съ боязливымъ характеромъ, не въ силахъ мыслить смѣло, независимо, не боясь дойти до какаго нибудь непринятаго, опаснаго мнѣнія, до вывода, который нѣкоторые считаютъ безнравственнымъ? Кто можетъ вычислать всю потерю общества отъ такого раболѣпія мысли?

Никто не можетъ сдѣлаться великимъ мыслителемъ, если не считаетъ своею первою обязанностію слѣдовать за своимъ разумомъ всюду, куда бы тотъ ни повелъ его. Общество больше выигрываетъ отъ *ошибокъ* чловѣка, который, много поучившись, думаетъ своею головою, чѣмъ отъ *справедливыхъ* мнѣній тѣхъ людей, которые, не желая, не смѣя или не умѣя мыслить самостоятельно, признали на слово чужое убѣжденіе, случайно оказавшееся вѣрнымъ.

Свобода мнѣній необходима не только для образованія великихъ мыслителей. Напротивъ, она столько же, и даже болѣе необходима, чтобы самыхъ обыкновенныхъ людей сдѣлать способными достигнуть той умственной высоты, которая доступна имъ. Могутъ быть, и были великіе мыслители въ атмосферѣ умственнаго рабства; но никогда не было, и не будетъ въ атмосферѣ этой дѣлаго народа умственно-дѣятельнаго. Всюду, гдѣ только народъ выходилъ на время изъ апатическаго состоянія, и отличался энергіею, впріюмъ этому было исчезновеніе боязни непринятыхъ взглядовъ и. Тамъ, гдѣ установлено, чтобы принципы не были предметомъ спора, тамъ, гдѣ обсужденіе величайшихъ вопросовъ, какіе только могутъ интересовать чловѣчество, считается окончениымъ, нельзя ожидать той высокой степени умственной дѣятельности, какою достигали нѣкоторыя эпохи въ исторіи чловѣчества, тѣ достопамятныя эпохи, когда умственное движеніе охватывало всю массу народа, когда самыя обыкновенныя люди возвышались до степени мыслящихъ существъ. Европа пережила нѣсколько такихъ блестящихъ эпохъ: первая непосред-

ственно слѣдовала за реформацией, вторая — эпоха спекулятивного, умозрительнаго движенія — совпадаетъ со второю половиною восемнадцатаго вѣка, третья — время умственнаго движенія Германіи при Гёте и Фихте. Эти три эпохи рѣзко отличаются одна отъ другой господствовавшими мнѣніями, но имѣли между собою сходство въ томъ, что признавали свободу мысли отъ авторитета. Умственное движеніе, или вызванное, сдѣлало Европу тѣмъ, что она есть въ настоящее время. Но, повидимому, движеніе прекратилось, и возобновленіе его возможно лишь тогда, когда провозглашена будетъ свобода мысли.

До сихъ поръ мы доказывали необходимость свободы мысли и слова, имѣя въ виду, что общепринятія мнѣнія могутъ быть ложны. Мы видѣли, что въ этомъ случаѣ свобода мысли и слова даетъ обществу возможность избавиться отъ своихъ заблужденій, обратиться на путь истинный.

2) Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ нашей задачи, предположимъ, что *общепринятія мнѣнія истинны*. Размыслимъ, полезна ли въ такомъ случаѣ для общества, и необходима ли свобода мысли и слова.

Есть люди (къ счастью, ихъ теперь меньше, чѣмъ прежде), которые совершенно довольны, когда другіе держатся ихъ мнѣнія, но въ то же время сами нерѣдко вовсе не проверили основъ, на которыя опирается это мнѣніе, и не имѣютъ силъ отстоять его противъ самыхъ поверхностныхъ возраженій. Когда такіе люди получаютъ свои убѣжденія извнѣ отъ какаго нибудь авторитета, то думаютъ, что полная свобода оспаривать ихъ можетъ повести только къ дурнымъ послѣдствіямъ. Всюду, гдѣ такія личности имѣютъ преобладающее вліяніе, онѣ почти все не допускаютъ разумнаго и добросовѣстнаго протеста противъ нихъ, но не могутъ воспрепятствовать неразумному, невѣжественному протесту (ибо уничтожить всякую возможность противорѣчія общепринятымъ мнѣніямъ никто не въ силахъ). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ личности, мнѣнія которыхъ хотя и справедливы, но не основаны на тщательномъ изслѣдованіи и глубокомъ размышленіи, легко могутъ быть сбиты съ толку самымъ ничтожнымъ возраженіемъ или доводомъ. Если даже люди, слѣдующіе общепринятому справедливому мнѣнію, услѣбятъ воспрепятствовать какому бы то ни было протесту противъ него, если это справедливое мнѣніе останется въ умахъ этихъ людей неопровергнутою, но и не проверенною, непродуманною истиною, то мало отъ нея пользы человечеству. Истина, такимъ образомъ проповѣдуемая и принимаемая, есть суевѣріе, случайно выраженное словами, обыкновенно выражающими истину.

Если разумъ человѣческій долженъ быть развиваемъ, то лучшее средство для его развитія заключается въ размышленіи о предметахъ, наиболѣе интересующихъ человѣка. Наши умственныя силы могутъ всего полнѣе развиваться, когда мы стараемся узнать основанія нашихъ собственныхъ мнѣній. Всѣ наши мнѣнія о такихъ предметахъ, о которыхъ въ высшей степени важно мыслить справедливо, мы должны умѣть отстаивать, по крайней-мѣрѣ, отъ самыхъ обыкновенныхъ возраженій. Но намъ, можетъ быть, скажутъ: «Нѣтъ надобности отдѣльнымъ личностямъ самимъ доискиваться основаній, мотивовъ собственныхъ мнѣній. Изучающіе геометрію, заучиваютъ теоремы, узнаютъ, какими способами можно ихъ доказывать, и было бы нелѣпо утверждать, что они не знаютъ основаній геометрическихъ истинъ на томъ лишь основаніи, что они никогда не слышали ни опроверженія этихъ истинъ, ни возраженій противъ нихъ». Безъ всякаго сомнѣнія, такое изученіе совершенно достаточно для математическихъ наукъ, всѣ истины которыхъ такъ очевидны. Математическія истины имѣютъ ту особенность, что доводы могутъ быть приводимы только въ пользу ихъ, что двухъ мнѣній ни объ одной изъ нихъ нельзя составить. Но чтобы ясно понятая была истина, о которой возможны различныя мнѣнія, необходимо соблюденіе равновѣсія между двумя системами противоположныхъ доводовъ. Даже въ естественныхъ наукахъ существуютъ различныя объясненія однихъ и тѣхъ же фактовъ, различныя гипотезы, теоріи относительно однихъ и тѣхъ же предметовъ, и чтобы имѣть право держаться одной какой нибудь теоріи или гипотезы, необходимо умѣть доказать, почему всѣ другія неосновательны. Если же мы обратимся къ фактамъ и явленіямъ, безконечно болѣе сложнымъ, къ области морали, религіи, политики, общественныхъ отношеній, житейскихъ дѣлъ, то увидимъ, что тамъ по крайней-мѣрѣ три четверти доводовъ за каждое мнѣніе заключаются въ опроверженіи аргументовъ, повидимому говорящихъ въ пользу противнаго мнѣнія. Говорятъ, что второй ораторъ древности, Цицеронъ, всегда вникалъ въ сущность доводовъ своего противника съ такимъ же (если не съ болѣшимъ) вниманіемъ, какъ и въ свои собственные. То, что дѣлалъ Цицеронъ для достиженія успѣховъ на каеедрѣ, должно служить примѣромъ для всѣхъ, желающихъ изучить какую либо истину. Человѣкъ, знающій только свое мнѣніе, знаетъ очень мало. Наши взгляды могутъ быть вѣрны, основательны и, можетъ быть, никто не въ состояніи ихъ опровергнуть; но если мы не въ состояніи опровергнуть доводы нашего противника и даже не знаемъ ихъ, то не имѣемъ основанія

предпочитать то или другое мнѣніе. Единственный разумный исходъ для насъ въ такомъ случаѣ — отложить произнесеніе рѣшительнаго сужденія; если же не хотимъ довольствоваться такою индифферентною ролью — то ухватиться за какойнибудь авторитетъ или стать въ ряды той партіи, въ которой чувствуемъ наиболѣе симпатіи. Недостаточно, чтобы мы слышали доводы противника изъ устъ своихъ наставниковъ и руководителей, въ ихъ собственной переработкѣ, съ ихъ комментаріями и опроверженіями. Нужно слышать доводы противника изъ устъ его самого, представленныя въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, изложенныя самымъ убѣдительнымъ образомъ; нужно знать, нужно прочувствовать всѣ препятствія, затрудняющія уясненіе изучаемаго предмета. Иначе никогда мы не будемъ обладать тою стороною предмета, уяснивъ которую, можно отстоять наше мнѣніе о немъ отъ всякихъ опроверженій.

Въ нашемъ образованномъ обществѣ на сто человѣкъ найдется по крайней-мѣрѣ девятисто-девятъ такихъ, которые находятся въ весьма странномъ положеніи. Ихъ мнѣнія могутъ быть справедливы, могутъ быть и ложны безъ вѣдома ихъ: они никогда не ставятъ себя въ положеніе людей, думающихъ иначе, никогда не задаютъ себѣ вопроса: что могутъ эти противники сказать противъ нихъ. Они не знаютъ тѣхъ сторонъ собственного своего мнѣнія, которыя объясняютъ и оправдываютъ все остальное, не подозрѣваютъ, что два факта, повиданому противоположныя другъ другу, можно примирить, что изъ двухъ весьма сильныхъ доводовъ, одинъ долженъ быть предпочтенъ другому. Такие люди совершенно незнакомы съ тою стороною истины, которая въ глазахъ человѣка, вполнѣ просвѣщеннаго, даетъ ей перевѣсъ предъ противнымъ мнѣніемъ. Только тѣ изъ насъ и знаютъ какою либо истину, конъ безпристрастно выслушали обѣ стороны и изслѣдовали доводы обѣихъ сторонъ въ самомъ полномъ и ясномъ изложеніи. Если даже и нѣтъ у насъ противниковъ, отрицающихъ всѣ важнѣйшія для насъ истины, то мы должны мысленно представить ихъ себѣ и этимъ воображаемымъ противникамъ вложить въ уста самыя сильныя доказательства, какія только можетъ привести самый опытный адвокатъ противъ насъ.

Намъ возражать: все вообще человѣчество не имѣетъ надобности знать и понимать все, что можетъ быть сказано противъ его мнѣній философовъ. Обыкновеннымъ людямъ нѣтъ надобности умѣть излагать всѣ заблужденія и софизмы искуснаго противника. Достаточно, чтобы былъ ктонибудь одинъ, или чтобы было немного такихъ людей, которые сумѣли бы отвѣ-

тять на всѣ возраженія, могущія сбить съ толку людей, лишенныхъ образованія. Обыкновенные, должные умы, зная самыя главныя основанія истинъ, ими исповѣдуемыхъ, во всемъ остальномъ могутъ довѣряться тому или другому авторитету; они хорошо знаютъ, что у нихъ нѣтъ необходимаго запаса умственныхъ силъ, чтобы опровергнуть всѣ возраженія на признанныя ими ученія, но для ихъ спокойствія совершенно достаточно увѣренности, что спеціалисты могутъ преодолѣть всѣ эти трудности.

Итакъ, сами противники свободы слова утверждаютъ, что человечество должно имѣть разумную увѣренность въ томъ, что всѣ возраженія на господствующія мнѣнія уже отражены. Но какимъ образомъ могутъ быть отражены эти возраженія, если ихъ нельзя высказывать? Какимъ образомъ можно убѣдиться, что отвѣтъ, данный на эти возраженія, удовлетворителенъ, если возражавшіе не имѣли право сказать: нѣтъ, неудовлетворителенъ. Если не публика, то философы, отстаивающіе господствующую систему мнѣній о вопросахъ жизни, должны слышать и знать все, что можетъ быть сказано противъ этой системы; возраженія должны быть высказаны со всею ясностію и полнотою, въ самомъ выгодномъ для протестующихъ свѣтѣ. А для этого личности, протестующія противъ принятыхъ обществомъ мнѣній, должны имѣть право излагать свои убѣжденія свободно, представлять ихъ обществу въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ.

Церковь римско-католическая по своему рѣшаетъ этотъ затруднительный вопросъ. Она ставитъ рѣзкую черту между тѣми, кои должны принять ея ученіе на вѣру, и тѣми, кои могутъ принять его по убѣжденію. Въ сущности, она не допускаетъ свободнаго выбора, но духовенство, тамъ, по крайней-мѣрѣ, гдѣ оно заслужило ея довѣріе, имѣетъ полное право знакомиться съ доводами противниковъ католичества, чтобы имѣть возможность отвѣчать имъ; имъ дозволено читать книги, противныя духу католицизма, міряне же не имѣютъ на это права безъ особаго дозволенія, которое трудно получить. Итакъ, католическая церковь даетъ немногимъ избранныкамъ больше, нежели всей остальной массѣ общества, если не свободы, то средствъ для умственнаго развитія. Такимъ путемъ эти избранныки успѣваютъ пріобрѣсти превосходство надъ массой, необходимое для ихъ цѣлей: ибо хотя образованіе ума безъ свободы не можетъ дать ему широкаго и либеральнаго развитія, но все же оно даетъ ему возможность быть сносимымъ адвокатомъ своего дѣла. Въ наше время впрочемъ невозможно, чтобы сочиненія, читаемыя учеными людьми, были неизвѣстны остальной публикѣ.

Мы видѣли, что въ томъ случаѣ, когда общепринятая мнѣ-

нія справедливы, отсутствие свободы слова оставляет людей въ невѣдѣніи относительно основъ, на которыхъ видятся эти мнѣнія. Но печальныя послѣдствія отсутствія свободы слова этимъ не ограничиваются; оно способствуетъ забвенію не только принциповъ, но очень часто и самаго смысла извѣстнаго ученія. Выраженія, въ которыхъ облечено это ученіе, лишаются прежняго глубокаго смысла и вызываютъ въ умѣ нашемъ лишь немногія изъ тѣхъ идей, которыя передавались ими когда-то. вмѣсто глубокаго, твердаго пониманія, вмѣсто живой вѣры, у насъ остается лишь нѣсколько фразъ, удержанныхъ привычкой; если же остается пониманіе смысла ученія, то весьма слабое. Замѣчательный фактъ, наполняющій собою исторію человѣчества и достойный самаго глубокаго и всесторонняго изученія!

Съ этимъ фактомъ мы встрѣчаемся въ исторіи всѣхъ религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ ученій. Въ устахъ основателей и первыхъ послѣдователей ихъ эти ученія и вѣрованія полны глубокаго смысла, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока длится борьба, доставляющая наконецъ новому ученію прочное положеніе. Но когда борьба оканчивалась, необходимости постоянно защищаться отъ возраженій противниковъ не оказывалось, энергія послѣдователей новаго ученія ослабѣвала.

Часто мы слышимъ отъ проповѣдниковъ религіи жалобы на трудность поддержать въ умахъ вѣрующихъ живое пониманіе признанной ими истины, такое пониманіе, которое бы могло вліять на ихъ чувство и на ихъ образъ жизни. Но такихъ жалобъ не слышно въ то время, когда вѣрованіе еще завоевываетъ себѣ положеніе. Въ то время самые слабосильные борцы знаютъ и чувствуютъ, за чтѣ они ратуютъ и сознаютъ разницу между ихъ ученіемъ и другими. Такимъ образомъ въ эту эпоху существованія всякаго вѣрованія можно найти много такихъ личностей, которыя осуществляютъ основныя принципы его на дѣлѣ, которые ихъ уяснили во всѣхъ отношеніяхъ и испытали все вліяніе, какое только можетъ оно имѣть на умъ и характеръ. Но когда данное нравственное ученіе принимается пассивно, а не активно, когда умъ уже не долженъ сосредоточить на истинахъ его всѣ свои способности, является постоянное стремленіе удержатъ только форму ученія или отнестись къ нему недѣлательно, равнодушно.

До какой степени высоко-нравственныя ученія, могущія имѣть сильное дѣйствіе на умъ и сердце, могутъ оставаться безжизненными доктринами, неувоенными умомъ и сердцемъ, видно изъ того, какъ большинство современныхъ вѣрующихъ осуществляютъ въ жизни своей идеалы христіанства. Всѣ христіане съ

благоговѣннѣе относится къ заповѣдямъ и совѣтамъ евангелія, но едва-ли одинъ изъ тысячи исполняетъ ихъ въ точности. Каждый устроиваетъ свою жизнь руководясь обычаями народа, сословія или кружка, къ которому принадлежитъ. У современныхъ христіанъ съ одной стороны закономъ служить нравственное евангельское ученіе, съ другой — сужденія и обычаи, изъ коихъ нѣкоторые согласуются съ внушеніями христіанства, другіе же прямо противорѣчаютъ ему, нѣкоторые же представляютъ собою какъ-бы компромиссъ между христіанскими вѣрованіями и внушеніями свѣтской жизни. Къ евангельскому ученію христіанинъ нашего времени относится съ благоговѣннѣе, свѣтскимъ же правиламъ вполне подчиняется.

Всѣ христіане вѣрують, что бѣднѣе, смиреннѣе, обиженнѣе свѣтомъ блаженнѣе, что верблюду легче пройти севозъ игольныя уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе, что мы не должны осуждать, чтобъ не быть осужденными, что должны любить ближняго какъ самихъ себя, отдать ему и верхнюю одежду, если онъ возьметъ у насъ рубашку, что для достиженія возможнаго на землѣ совершенства необходимо полное самоотверженіе, полное забвеніе себя для блага ближнихъ — и не лгутъ утверждающіе свою вѣру въ эти истины. Мы вѣруемъ въ нихъ какъ въ такія истины, которыя всегда были одобряемы, и никогда не были оспариваемы. Но это — въ большей части современныхъ христіанъ — не та живая вѣра, которая могла бы дать направленіе всей нашей жизни. Еслибы кто нибудь напомнилъ намъ, что всѣ эти возвышенныя ученія требуютъ множества такихъ дѣлъ, подвиговъ такого высокаго самоотверженія, о которыхъ мы никогда и не думаемъ, то непремѣнно былъ бы сочтенъ за одну изъ тѣхъ непопулярныхъ личностей, которыя желаютъ казаться лучше другихъ. Возвышенныя нравственныя ученія не имѣютъ почти никакой власти надъ обыкновенными людьми: они имѣютъ обычное уваженіе къ словамъ, выражающимъ эти ученія, но не углубляются въ смыслъ ихъ, и потому не руководятся ими въ жизни.

Первые христіане, безспорно, совершенно иначе понимали нравственное ученіе своей религіи: еслибы они такъ же мало любили другъ друга, еслибы у нихъ такъ же мало было самоотверженія, какъ въ современномъ обществѣ, Христова вѣра не распространилась бы такъ быстро. Когда враги ихъ говорили: «посмотрите, какъ христіане любятъ другъ друга!», то говорили истину.

Все, сейчасъ сказанное, можно примѣнить ко всякому ученію, передаваемому по преданію. Во всѣхъ языкахъ и во всѣхъ лите-

ратурахъ есть множество глубокомысленныхъ изрѣченій о томъ, какъ возможно лучше устроить жизнь. Каждый повторяетъ, каждый выслушиваетъ ихъ, пока они не сдѣлаются общимъ мѣстомъ, а настоящій смыслъ ихъ не понимается до тѣхъ поръ, пока опытъ не превратитъ ихъ въ дѣйствительность. Сколько разъ, испытывая горе или неудачу, мы вспоминаемъ о какой-нибудь пословицѣ, поговоркѣ, которая могла бы предохранить насъ отъ бѣды, еслибы мы лучше понимали смыслъ ея. Конечно, непониманіе этого смысла зависить не отъ одного отсутствія преній, но и отъ того, что онѣ лучше познаются собственнымъ опытомъ важдого: но смыслъ и такихъ истинъ былъ бы для насъ ясиѣе, еслибы люди привыкли выслушивать доводы за и противъ нихъ отъ лицъ, знающихъ по опыту то, о чемъ говорить. Рововая тенденція человѣка не думать о тѣхъ истинахъ, въ которыхъ уже нѣтъ сомнѣній, была причиною половины людскихъ бѣдствій.

Намъ скажутъ: неужели же отсутствіе единодушія есть единственное условіе истиннаго знанія? неужели необходимо, чтобы половина человѣчества оставалась покрытою мракомъ заблужденія, для того, чтобы другая половина могла понять истину? Развѣ вѣрованіе перестаетъ быть истиннымъ, какъ скоро дѣлается всеобщимъ? развѣ истина не можетъ быть понята и прочувствована, если въ ней никто не сомнѣвается? Напротивъ, согласіе людей относительно важныхъ истинъ всегда считалось самою возвышенною и великою цѣлію человѣческаго развитія.

Дѣйствительно, по мѣрѣ того какъ человѣчество идетъ впередъ, число ученій, несоставляющихъ предмета споровъ, увеличивается и благосостояніе человѣчества можетъ быть измѣряемо числомъ важныхъ истинъ, сдѣлавшихся безспорными. Но хотя это постепенное уменьшеніе разнообразія въ мнѣніяхъ неизбежно и необходимо, тѣмъ не менѣе не всѣ слѣдствія такого уменьшенія благоприятны для людей.

Необходимость постоянно уяснять и защищать истину отъ ея противниковъ до такой степени помогаетъ самой истинѣ, что выгода отъ разнообразія мнѣній почти равняется выгодѣ отъ принятія всѣми одного вѣрнаго мнѣнія.

Если нѣтъ противниковъ, которыхъ могла бы побороть истина, то ихъ слѣдуетъ какъ нибудь замѣнить. Наставники рода человѣческаго должны найти средства, какъ бы можно было намъ представить всѣ трудности интересующаго насъ вопроса съ такою же ясностію, съ какою изложилъ бы ихъ искусный противникъ, желающій убѣдить насъ въ справедливости своихъ мнѣній.

Но вмѣсто того, чтобы искать, такихъ средствъ, они потеряли

и тѣ, которыя были когда-то употребительны. Однимъ изъ этихъ средствъ была діалектика Сократа. Превосходные примѣры примѣненія этой діалектики въ изслѣдованію великихъ философскихъ и житейскихъ вопросовъ, заключаются въ діалогахъ Платона. Въ этихъ діалогахъ, путемъ отрицанія важнѣйшихъ истинъ, всуепо спориваемыхъ, человѣку, поверхностно усвоившему истину, доказывается, что онъ не понимаетъ ея существеннаго смысла и что необходимо стараться приобрести твердыя убѣжденія, основанныя на ясномъ, отчетливомъ пониманіи дѣла.

Въ средневѣковыхъ школахъ существовалъ обычай, чтобы ученики вели между собою диспуты, имѣвшіе почти такую же цѣль. Посредствомъ этихъ диспутовъ наставники старались убѣдиться, что ученикъ понимаетъ в собственное мнѣніе и мнѣніе противника, и что онъ могъ доказать первое и опровергнуть послѣднее. Единственный недостатокъ этихъ диспутовъ, уменьшавшій ихъ образовательное значеніе, тотъ, что опорой спорившихъ сторонъ были авторитеты (напр. Аристотеля), а не разумъ. Въ новѣйшихъ школахъ нѣтъ ничего подобнаго ни сократическимъ бесѣдамъ, ни этому средневѣковому обычаю, что достойно сожалѣнія. До тѣхъ поръ, пока снова отрицательная логика не войдетъ въ свои права, будетъ мало великихъ мыслителей, и средній уровень умственнаго развитія будетъ низокъ всюду, кромѣ области науки естественныхъ и математическихъ. Во всякой другой области мысли мнѣнія человѣка заслуживаютъ названія знаній только тогда, когда онъ слѣдовалъ діалектическимъ путемъ.

И такъ, если нѣтъ противниковъ истинѣ, необходимо ихъ представлять въ собственномъ умѣ. Если же существуютъ въ дѣйствительности люди, оспаривающіе общепринятые мнѣнія, или такіе, которые будутъ ихъ оспаривать, какъ скоро допустить это законъ — поблагодаримъ ихъ, послушаемъ ихъ, возрадуемся, что добрые люди сдѣлали за насъ то, что съ гораздо большимъ трудомъ мы должны бы были дѣлать для себя сами.

Остается сказать еще объ одной причинѣ, почему разнообразіе мнѣній выгодно для человѣчества. Мы разсмотрѣли до сихъ поръ два возможныхъ случая: 1) общепринятое мнѣніе можетъ быть ложно, 2) оно можетъ быть справедливо. Но случается, что 3) противоположныя ученія оба не вполне истинны и не вполне ложны. Въ такомъ случаѣ большинству необходимо выслушать мнѣніе протестующаго меньшинства, чтобы дойти до полнаго пониманія истины. Въ возрѣніяхъ диссидентовъ всегда есть нѣкоторыя истины, подавленные, униженные; и онѣ-то, сбросивъ съ себя оковы, или стараются примириться съ господствующимъ мнѣніемъ, или смѣло возстаютъ противъ него, становясь также

нетерпимыми и исключительными. Последнее до сихъ поръ случилось чаще, ибо чаще встрѣчаются умы исключительные, чѣмъ либеральные. Отсюда происходитъ, что при смѣнѣ одного мнѣнія другимъ, приобретаетъ господство одна сторона истины, между тѣмъ какъ затемняется другая. Прогрессъ общества часто заключается лишь въ томъ, что одно неполное и одностороннее ученіе смѣняется другимъ, такимъ же одностороннимъ. Улучшеніе въ такомъ случаѣ заключается въ томъ, что новое ученіе нужнѣе, примѣнимѣе для общества въ данный моментъ. Если же господствующее заключаетъ въ себѣ только часть истины, то всякое другое, заключающее въ себѣ хотя малѣйшую частичку ея, должно цѣнить, къ какому бы ни примѣшивалось оно заблужденіямъ. И не слѣдуетъ негодовать на то, что противники общепринятыхъ мнѣній пренебрегаютъ истинами, въ этихъ послѣднихъ заключающимися и отличаются часто такою же нетерпимостію и исключительностію, какъ и приверженцы господствующаго мнѣнія. Напротивъ желательно, чтобы непопулярныя мнѣнія были провозглашаемы проповѣдниками такими же исключительными, какъ и проповѣдники господствующаго мнѣнія; ибо они-то обыкновенно отличаются наибольшею энергіей и наиболѣе способны обратить общее вниманіе на ту часть или сторону истины, которую, по своей односторонности, они выдаютъ за всю истину.

Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка парадоксы Руссо произвели самое спасительное дѣйствіе на общество, мѣлвшее отъ восторга при видѣ чудесъ новой науки, философіи, литературы, словомъ, цивилизаціи, и ставившее себя во всемъ выше древнихъ.

Руссо оказалъ великую услугу обществу не потому, что общепринятія въ то время мнѣнія были ложны. Напротивъ, они были гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ идеи Руссо; но оригинальность взгляда его на цивилизацію заставила общество провѣрить собственныя мнѣнія. Въ ученіи Руссо, впрочемъ, заключалось много истинъ и онѣ весьма пригодились людямъ: со времени появленія въ свѣтъ, его разсужденія о вредѣ цивилизаціи, преимущества простой, безъискусственной жизни надъ искусственною, расслабляющее и деморализирующее вліяніе лицемерія и лжи въ общественныхъ нравахъ — все это никогда не забывалось людьми просвѣщенными. Идеи Руссо еще не принесли человѣчеству всей пользы, которую могли бы; но имъ предстоитъ еще быть оцѣненными по достоинству; для этого нужно, чтобы онѣ были провозглашены громче, чѣмъ въ первый разъ, и при томъ, не словомъ, а дѣломъ.

Сказанное можно примѣнить и къ области политическ. Въ государствѣ существуютъ двѣ необходимыя партіи: консервативная

и прогрессивная (и будут существовать до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ достигнетъ такого интеллектуальнаго совершенства, что будетъ вмѣстѣ и партією порядка и партією прогресса, и всегда будетъ умѣть отличить, что слѣдуетъ сохранять, и что разрушать). Каждая изъ этихъ партій основываетъ свою пользу на недостаткахъ другой; но только благодаря взаимному сопротивленію, онѣ остаются въ предѣлахъ здраваго разума и справедливости.

На томъ же основаніи необходимо, чтобы всякій могъ выражать свое мнѣніе о всѣхъ практическихъ вопросахъ, раздѣляющихъ часто цѣлое общество на два лагеря: мнѣнія, благопріятныя демократіи, должны быть такъ же терпимы, какъ и тѣ, кои служатъ интересамъ аристократіи; собственность и равенство, сотрудничество и соперничество, роскошь и воздержаніе, государство и личность, свобода и порядокъ — все это должно быть обсуждаемо совершенно свободно. Конечно, не можетъ быть соблюдено равновѣсія между мнѣніями обо всѣхъ этихъ предметахъ; но всѣ они должны быть терпимы, и если слѣдуетъ поддерживать какое-нибудь изъ нихъ, то, конечно, самое слабое: когда есть личности, нераздѣляющія общепринятыхъ, повидимому, мнѣній, то, вѣроятно, эти диссиденты могутъ сообщить обществу нѣчто, заслуживающее вниманія, и истина будетъ въ прогнѣшѣ, если имъ не дозволено будетъ говорить.

Намъ возразятъ: «есть общепринятые ученія, которыя не могутъ считаться истинами только вполнину. Такъ, напримѣръ, христіанское ученіе о нравственности содержитъ въ себѣ все, что можно сказать объ этомъ предметѣ, и всякій, проповѣдующій вную мораль—заблуждается».

Но на это можно возразить, что сознавая возвышенность христіанскаго ученія, христіане первыхъ вѣковъ не стѣснялись посылать сыновей своихъ слушать лекціи языческихъ философовъ, ораторовъ и ученыхъ, что первые знаменитѣйшіе отцы церкви получили въ языческихъ школахъ свое образованіе и не пренебрегали греческою наукою и поэзіею. Въ болѣе новыя времена возрожденіе классической древности не принесло существеннаго вреда христіанству. Сравненіе христіанскаго ученія съ другими можетъ только способствовать уясненію перваго.

Оланчивая разсужденіе о свободѣ слова, бесполезно обращать вниманіе на слѣдующее мнѣніе, высказываемое весьма часто: «Можно дозволить выражать свободно всякое мнѣніе, но съ условіемъ, чтобы оно выражалось умѣренно, не преступая предѣла добросовѣстнаго спора». Но гдѣ эти предѣлы? Найти ихъ весьма трудно. Говорятъ: спорящимъ сторонамъ не слѣ-

дует оскорблять другъ друга. Конечно, оскорбленіе словомъ подлежитъ вѣденію судебныхъ мѣстъ, но во время борьбы мнѣній часто случается, что та сторона, которая не въ силахъ сдѣлать возраженій на сильныя доводы противной стороны, только потому считаетъ себя обиженною.

Случается, что одна изъ ратующихъ сторонъ недобросовѣстно обращается съ своимъ предметомъ: вскажываетъ фактъ, уничтожаетъ документы, представляетъ въ ложномъ свѣтѣ мнѣнія противниковъ. Конечно, поступать такъ, значить обижать противниковъ; но люди, увлеченные полемикой, прибѣгаютъ къ такимъ уловкамъ иногда безъ всякаго злаго умысла, особенно когда они твердо, даже фанатически убѣждены въ своей правотѣ.

Спорящіе могутъ слишкомъ рѣзко выражаться, прибѣгать къ брани, сарказмамъ и пр.; въ этомъ отношеніи чаще бываютъ виноваты приверженцы идей общепринятыхъ. Само собою разумѣется, что всякія оскорбительныя выраженія въ спорѣ неумѣстны, и общественное мнѣніе должно запретить ихъ. Но опять-таки несомнѣнно, что оскорбленія всякаго рода, брань, сарказмы, инсинуаціи гораздо неумѣстнѣе со стороны сильнаго, чѣмъ со стороны слабаго, со стороны приверженцевъ общепринятаго мнѣнія, чѣмъ со стороны небольшого числа лицъ, несогласныхъ съ нимъ.

Достоинъ осужденія общественнаго мнѣнія всякій недобросовѣстный и нетерпимый спорщикъ. Но не слѣдуетъ приписывать эти качества нашимъ противникамъ только потому, что они противники; а слѣдуетъ уважать человѣка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который имѣетъ достаточно честности, чтобы признать сильныя какъ и слабыя стороны своихъ противниковъ, который не преувеличиваетъ того, что можетъ имъ вредить, не скрываетъ того, что служитъ имъ въ пользу. Вотъ истинная мораль публичныхъ устныхъ и печатныхъ преній, и весьма многіе въ наше время осуществляютъ ее на дѣлѣ.

III.

Мы видѣли, какую пользу приноситъ обществу свобода слова. Посмотримъ, не убѣдятъ ли насъ тѣ же доводы въ томъ, что люди должны быть свободны и въ своей жизни, что они не должны быть стѣсняемы въ своихъ дѣйствіяхъ до тѣхъ поръ, пока каждый отвѣчаетъ только за себя. Последнее условіе необходимо, ибо никто не станетъ утверждать, что дѣйствія людей должны быть такъ же свободны, какъ слова. Мало того: самыя слова могутъ подвергаться человѣка тяжелой отвѣтственности, если они

сказаны съ цѣлью подстрекательства къ вреднымъ дѣйствіямъ. Когда-то бывшая въ ходу мысль, что голодъ происходитъ отъ недобросовѣстности хлѣбныхъ торговцевъ, или высказанный Прудономъ парадоксъ, что собственность есть кража, могутъ въ спокойное время быть высказываемы печатно.

Но въ смутное время, когда массы томятся голодомъ, когда лица, имѣющія запасы, подвергаются нападеніямъ толпы, подобная мысль можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ, и потому преслѣдуется. Дѣйствія, вредящія обществу и ничѣмъ неизвинимыя, могутъ и должны быть преслѣдуемы общественнымъ мнѣніемъ или верховною властію. И такъ свобода личности должна быть ограничена; личность не должна вредить другимъ. Но если, не вредя другимъ, человекъ слѣдуетъ своимъ склонностямъ и своему крайнему разумнію, то мы должны допустить для него примѣненіе убѣжденій къ жизни.

Родъ человѣческій не непогрѣшимъ; мнѣнія, имъ признанныя, большею частію истинны лишь на половину; единство мнѣній желательно только тогда, когда оно есть слѣдствіе самаго свободного и полнаго сравненія противоположныхъ мнѣній. Различіе взглядовъ людей не есть зло, но благо до тѣхъ поръ, пока человѣчество не будетъ болѣе, чѣмъ теперь, способно къ пониманію всѣхъ различныхъ сторонъ истины. Вотъ принципы, однаково приложимыя къ дѣйствіямъ людей, какъ и къ ихъ мнѣніямъ. Полезно, чтобы существовала разница въ мнѣніяхъ, но не менѣе полезно, чтобы существовала притомъ и разница въ образѣ жизни людей, чтобы каждый собственнымъ опытомъ могъ доходить до заключенія, какой образъ жизни лучше и для него удобнѣе. Полезно дать полный просторъ людямъ различныхъ характеровъ, лишь бы только они не вредили другъ другу. Тамъ, гдѣ человекъ живетъ и дѣйствуетъ не сообразно своему характеру, а руководясь обычаями и мнѣніями другихъ, тамъ недостаетъ одного изъ главныхъ элементовъ человѣческаго благополучія и нѣтъ единственной основы индивидуальнаго и общественного прогресса.

Еслибы свободное развитіе индивидуальности считалось необходимымъ условіемъ развитія цивилизаціи, то свобода личности была бы оцѣнена по справедливости, и не было бы трудности провести раздѣльную черту между ею и контролемъ общества. Но, къ несчастію, люди савшомъ мало придаютъ значенія личной самостоятельности.

Большинство довольно существующими обычаями человѣчества (ибо обычай эти большинству обязаны своимъ происхожденіемъ), и потому не можетъ понять, почему бы имъ не быть пригодными

для всѣхъ. Даже въ планы большинства реформаторовъ, мечтавшихъ и мечтающихъ преобразовать нравственную сторону и общественный бытъ человѣчества, почти не входитъ принципъ самостоятельности отдѣльной личности. Мало людей понимаютъ смыслъ истины, высказанной въ одномъ замѣчательномъ трудѣ Вильгельма Гумбольдта: назначеніе человѣка, указываемое не мимолетными и неопредѣленными его желаніями, а вѣчными и неизмѣнными законами разума, самое стройное развитіе всѣхъ способностей человѣка въ одно могучее цѣлое. Слѣдовательно цѣль, къ которой должны стремиться всѣ и каждый, особенно же тѣ личности, которыя желаютъ имѣть вліяніе на подобныхъ себѣ, есть индивидуальность силы и развитія. Для достиженія этой цѣли необходимы два условія: свобода и разнообразіе положеній. Соединеніе этихъ двухъ условій даетъ отдѣльной личности мощь, а обществу — разнообразіе. Плодомъ такого соединенія благоприятныхъ условій является оригинальность (Вильгельмъ Гумбольдтъ—о сферѣ дѣятельности правительства и его обязанностяхъ, стр. 11 и 13).

Какъ ни ново и какъ ни странно на видъ это ученіе, придающее столько значенія индивидуальности, вопросъ заключается лишь въ степени ея развитія. Никто не думаетъ, что общество можетъ назваться совершеннымъ, если въ немъ всѣ копируютъ другъ друга. Никто не утверждаетъ, что сужденіе и характеръ каждаго не должны сколько-нибудь обусловливать его образъ жизни. Съ другой стороны было бы нецѣлостью утверждать, что люди должны жить такъ, какъ будто до появленія ихъ на свѣтъ не существовало никакихъ знаній, никакого опыта, что опытъ еще не показалъ превосходства того или другого образа жизни. Никто не станетъ отрицать, что, воспитывая юношество, необходимо научить его пользоваться плодами опыта людей, прежде жившихъ. Но мыслящія существа, достигшія умственной зрѣлости, имѣютъ ту особенность и то преимущество предъ другими существами, что они толкуютъ опытъ каждое по-своему. Личность имѣетъ полное право рѣшить, что въ опытѣ другихъ примѣнимо къ ея характеру и положенію. Преданія и привычки другихъ личностей суть до известной степени свидѣтельства того, чему научилъ ихъ опытъ, и къ этимъ свидѣтельствамъ тѣ взрослые мыслящія существа, о которыхъ шла сію минуту рѣчь, должны относиться съ уваженіемъ. Но эти другія личности изъ собственнаго опыта могли сдѣлать одностороннее, ложное заключеніе; если даже это заключеніе и справедливо, то оно можетъ оказаться непримѣнимымъ ко всякой данной личности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Обычаи существуют для обыкновенных характеров и положений; но характер и положеніе данной личности может не принадлежать къ числу обыкновенныхъ. Если даже эти обычаи хороши сами по себѣ и соотвѣтствуютъ данной личности, то и въ такомъ случаѣ человѣкъ, соображающійся съ обычаемъ потому только, что это обычай, а не по внутреннему, глубокому убѣжденію, не поддерживааетъ и не развиваетъ въ себѣ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ отличительную черту мыслящаго существа. Способности человѣка, заключающіяся въ умѣнн различить правду отъ неправды, добро отъ зла, упражняются только тогда, когда человѣкъ дѣлаетъ выборъ. Тотъ, кто всегда дѣйствуетъ на основаніи обычая и не дѣлаетъ самъ выбора, не научается отличать хорошее отъ дурного: умственная и нравственная сила, какъ и сила мускуловъ, развивается вслѣдствіе упражненія. Способности наши не развиваются, когда мы дѣлаемъ чтонибудь единственно потому, что другіе такъ дѣлаютъ. Если ктонибудь изъ насъ приметъ какое-либо мнѣніе, не убѣдившись вполне въ его состоятельности, то его разумъ отъ этого не укрѣпится, а напротивъ, ослабѣетъ; точно также, если ктонибудь изъ насъ совершаетъ дѣло, несогласное съ его внутреннимъ убѣжденіемъ, то онъ лишь ослабляетъ этимъ свой характеръ и умственные силы.

Человѣкъ, за котораго свѣтъ рѣшаетъ, какъ слѣдуетъ жить, нуждается лишь въ способностяхъ обезьяны; кто же самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, долженъ пользоваться всѣми своими человѣческими способностями. Онъ долженъ имѣть наблюдательность, чтобы видѣть, умъ—чтобы предвидѣть, энергію—чтобы собрать матеріалъ для рѣшенія занимающаго его вопроса, разсудительность—чтобы рѣшить его; а когда вопросъ рѣшенъ—твердость и самообладаніе, чтобы держаться принятаго рѣшенія. И чѣмъ болѣе желаетъ онъ быть самостоятельнымъ, тѣмъ необходимѣе для него всѣ эти качества.

Человѣкъ, конечно, можетъ быть поддерживаемъ на хорошемъ пути и предохраняемъ отъ дурныхъ вліяній, и не имѣя всѣхъ этихъ качествъ. Но въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, выразится его человѣческое достоинство? Не то важно, что человѣкъ дѣлаетъ, но то, каковъ онъ. Изъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые жизнь должна усовершенствовать и украшать, самый важный есть, безспорно, самъ человѣкъ. Еслибы строить дома, сѣять хлѣбъ, давать сраженія, рѣшать судебныя дѣла, воздвигать храмы, произносить молитвы могли автоматы въ человѣческомъ образѣ, то на эти куклы, конечно, нельзя было бы промѣнять людей, живущихъ нынѣ въ наиболѣе цивилизованныхъ

странахъ міра, хотя и эти люди далеки еще отъ того, что природа можетъ произвести на свѣтъ и произведетъ современемъ. Натура человѣческая не машина, которую можно составить по извѣстному образцу; она подобна дереву, которое имѣетъ потребность рости, всесторонне развиваться, сообразно стремленію своихъ внутреннихъ живыхъ, органическихъ силъ.

Безъ сомнѣнія желательно, чтобы люди развивали свой умъ, чтобы обычаю слѣдовали они разумно, а не съ слѣпымъ довѣріемъ, чтобы, въ случаѣ надобности, они даже отдалялись отъ обычая. До извѣстной степени всѣ согласны, что умъ нашъ долженъ намъ принадлежать, но не такъ легко допускаютъ, что намъ же должны принадлежать наши желанія и влеченія. Говорятъ, опасно имѣть сильныя влеченія и желанія, но это не всегда справедливо. Они опасны только въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ теряетъ моральное равновѣсіе, когда одни влеченія и желанія развиваются на счетъ другихъ, остающихся слабыми, мертвыми. Не потому люди поступаютъ дурно, что желанія ихъ сильны, но потому, что слаба въ нихъ совѣсть, нравственное чувство. Въ человѣкѣ съ сильными влеченіями и желаніями можетъ соединяться, и весьма нерѣдко соединяется высокое нравственное чувство. Сказать, что въ такомъ-то желаніи и чувства живѣе, чѣмъ въ другихъ, значитъ сказать, что этотъ человѣкъ способенъ, можетъ быть, сдѣлать больше зла, но за то и больше добра, чѣмъ другіе. Сильныя влеченія — это энергія подъ другимъ именемъ; энергичная натура можетъ сдѣлать больше добра, чѣмъ вялая, апатичная натура. Горячая чувствительность, благодаря которой влеченія личности живы и сильны, бываетъ источникомъ самыхъ гуманнѣхъ стремленій, самой пламенной любви къ добру, самаго строгаго самообладанія. Развивая эту чувствительность, общество исполняетъ свою священную обязанность, защищаетъ свои существенныя интересы. Существо, неимѣющее собственныхъ желаній и влеченій, не имѣетъ характера болѣе, чѣмъ паровая машина. Если они сильны и подчинены могучей волѣ, то мы говоримъ: эта личность имѣетъ энергичный характеръ. Тотъ, кто думаетъ, что не слѣдуетъ поощрять развитіе сильныхъ влеченій, долженъ доказать, что общество не имѣетъ нужды въ сильныхъ натурахъ, что средній уровень людей не имѣетъ нужды въ значительной энергіи.

Въ зарождающихся обществахъ власть и общественное мнѣніе иногда не въ силахъ сдерживать энергію отдѣльныхъ личностей и направить ее къ добру. Было время, когда элементъ индивидуальности и самобытности преобладалъ надъ элементомъ

порядка и общественности, и общество, въ своихъ интересахъ, должно было вести съ первымъ изъ нихъ упорную борьбу.

Трудность заключалась въ томъ, чтобы людей, сильныхъ физически и морально, подчинить правиламъ, которыя сдерживали бы ихъ влеченія. Чтобы преодолѣть эту трудность, законъ и общественная власть провозглашали свою власть надъ человѣкомъ, присвоивали себѣ право контролировать его характеръ, который общество не имѣло возможности сдерживать. Современное общество, напротивъ, нуждается въ развитіи индивидуальности. Положеніе дѣлъ намѣнилось съ тѣхъ поръ, когда люди энергичные, страстные, могущественные по своему положенію или по личнымъ качествамъ, постоянно возмущались противъ законныхъ требованій власти, когда ихъ должно было сдерживать, для того, чтобы все окружающее ихъ челоѣчество могло наслаждаться нѣкоторою безопасностью. Въ наше время всякій челоѣкъ, отъ перваго до послѣдняго, живетъ подъ надзоромъ враждебной и строгой цензуры. Нетолько въ той дѣятельности, которая касается моихъ ближнихъ, но даже и во всемъ, что касается меня одного, я не задаю себѣ такихъ вопросовъ: что бы предпочесть мнѣ? что было бы согласнѣе съ моимъ характеромъ и моими наклонностями? при какихъ условіяхъ могутъ развиваться лучше мои способности? Но я спрашиваю себя: что прилично моему положенію? что дѣлаютъ люди съ моимъ капиталомъ? или что дѣлаютъ, какъ живутъ люди, стоящіе выше меня по богатству и общественному положенію? Мнѣ не приходитъ и въ голову, чтобы кому-нибудь могло нравиться что-либо, не принятое обычаемъ. Такимъ образомъ, самый умъ челоѣка находится подъ игромъ; даже въ удовольствіяхъ своихъ мы прежде всего задаемъ себѣ вопросъ: «да принято ли это?» Мы думаемъ цѣлой массой; мы избегаемъ, какъ преступленія, всякой особенности вкуса, всякой оригинальности въ образѣ жизни; такъ что, постоянно стараюсь не слѣдовать своимъ природнымъ влеченіямъ, мы, наконецъ, перестаемъ чувствовать и сознавать ихъ, способности наши иссушаются, обращаются въ ничто; челоѣкъ дѣлается неспособнымъ сильно желать и чувствовать. Спрашивается: возможно ли такой порядокъ вещей считать нормальнымъ?

Всеблагое существо одарило челоѣка многообразными способностями для того, чтобы онъ развивалъ ихъ и усовершенствовалъ, а не ослаблялъ и не уничтожалъ ихъ: въ стремленіи къ умственному и нравственному усовершенствованію, къ счастью, не заключается ничего, кромѣ добра. Цѣли же этого стремленія легче достигнуть не подавленіемъ въ себѣ желаній и увлеченій, а направленіемъ ихъ къ добру. На этомъ основаніи

чрезмѣрно строгимъ кажется ученіе Кальвина, по которому величайшее зло для человѣка имѣть независимую волю, по которому все добро заключается въ повиновеніи. Для насъ, говорить это ученіе, нѣтъ выбора, и все, что не есть долгъ, есть грѣхъ. Такъ-какъ природа человѣка совершенно испорчена, то для него нѣтъ спасенія, пока онъ не умертвитъ въ себѣ человѣческую природу. Нельзя согласиться со всѣми выводами такого ученія *.

Не уничтожая индивидуальности, но развивая ее, люди дѣлаются высоконравственными и разумными, и жизнь ихъ счастливою, богатою, разностороннею. Развитие индивидуальных способностей и влеченій оживляетъ и поддерживаетъ въ людяхъ возвышенныя мысли, укрѣпляетъ связь, соединяющую личность съ его расой, даетъ болѣе значенія и самой расѣ. Чѣмъ больше развиты въ обществѣ индивидуальныя стремленія, тѣмъ болѣе важная личность возвышается въ собственныхъ глазахъ, и слѣдовательно болѣе способна возвыситься въ мнѣніи другихъ. Жизнь ея полнѣе, а когда больше жизни въ отдѣльной личности, больше ея и въ массѣ, которая состоитъ изъ личностей.

Бываютъ случаи, когда необходимо стѣснить свободу наиболее энергичныхъ личностей, чтобы онѣ не нарушали чужихъ нравъ; но въ такомъ стѣсненіи нѣтъ вреда: подчиненіе строгимъ правиламъ справедливости ослабляетъ въ людяхъ эгоистическія наклонности, и развиваетъ въ нихъ чувстваванія и способности, которыя могутъ служить на пользу и отдѣльнымъ личностямъ, и всему обществу. Но стѣсненіе личной свободы въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не затрагиваетъ чужихъ интересовъ, развиваетъ въ немъ только силу характера, упражняющуюся чрезъ сопротивленіе. Если же онъ подчиняется, то это стѣсненіе только ослабляетъ его нравственную силу. Чтобы каждый имѣлъ возможность достигнуть развитія, сообразнаго его характеру, необходимо, чтобы различныя личности могли вести различный образъ жизни. Вѣка, въ которые было больше такого разнообразія и индивидуальной самостоятельности, всего памятнѣе въ исторіи человѣчества **.

* Аскетическіе подвиги требуются не отъ всѣхъ людей, а отъ тѣхъ, которые въ силахъ совершать ихъ и совершаютъ ихъ свободно, по внутреннему влеченію. Истинно христіанскій идеалъ несомнѣтенъ съ поработеніемъ духа. Можно «положить душу свою за други своя», можно отказаться отъ всѣхъ матеріальныхъ выгодъ и удобствъ, и въ то же время сохранить и развить въ себѣ всю умственную и нравственную силу, всю свободу духовную.

** Таковы, напримѣръ, вѣкъ персидскихъ войнъ и Перикла въ аѳонской исторіи, вѣкъ возрожденія наукъ и реформаціи. Уже въ древности принципъ самостоятельности и оригинальности въ мысли и жизни былъ до известной сте-

Чтобы еще болѣе уяснить важность самостоятельнаго и оригинальнаго развитія личности, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Вездѣ и всегда есть потребность въ людяхъ, которые бы могли открыть міру новыя истины и обозначить моментъ, съ котораго то, что прежде было истиною, перестаетъ быть ею, или могли бы дать людямъ примѣръ лучшаго, просвѣщеннѣйшаго образа жизни. Въ существованіи такой потребности не станеть сомнѣваться никто, развѣ только тотъ, кому кажется, что міръ достигъ уже совершенства въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Услугу, о которой мы только что говорили, могутъ оказывать человѣчеству не всѣ люди безъ различія. Только немногія (сравнительно со всѣмъ человѣчествомъ) личности могутъ своею жизнію дать такой примѣръ, слѣдуя которому оно можетъ усовершенствоваться свои обычаи. Но эти немногія — соль земли; безъ нихъ жизнь человѣческая сдѣлалась бы гнилымъ болотомъ.

Еслибы человѣчество и не нуждалось ни въ какихъ нововведеніяхъ, то развѣ въ такомъ случаѣ разумъ человѣческій пересталь бы уже быть нужнымъ? Чтобы высокое, нравственное ученіе, чтобы гуманныя обычаи не потеряли всего своего значенія, не превратились въ мертвую букву и непонятный обрядъ, необходимы оригинальныя личности, которыя бы не давали обществу власть въ апатію. Правда, такія оригинальныя личности, вѣроятно, всегда будутъ составлять меньшинство, но чтобы имѣть ихъ, слѣдуетъ сохранить почву, на которой онѣ могутъ развиваться. Геній можетъ дышать только въ атмосферѣ свободы. Люди геніальныя оригинальнѣе другихъ, слѣдовательно не такъ способны быть вылитыми, безъ вреда для себя, въ одну изъ тѣхъ формъ, которыя готовитъ общество своимъ членамъ для того, чтобы они не трудились сами выработывать свой характеръ.

зени признаваемъ весьма многими и осуществлялся на практикѣ. Исторія Аѳинъ представляетъ намъ лучшее доказательство этому. Нигдѣ, въ древности, такъ не цѣнилась личность, нигдѣ не развилось столько оригинальныхъ личностей, какъ въ Аѳинахъ. Фукидидъ, въ рѣчи, вложенной имъ въ уста Периклу, весьма мѣтко характеризуетъ въ этомъ отношеніи свою родную республику. Онъ всего болѣе обращаетъ вниманіе на терпимость аѳинскаго общества и правительства. «У насъ — говоритъ онъ — вскій думаетъ и дѣйствуетъ, какъ велитъ ему его внутреннее убѣжденіе; ни правительство, ни общество не подсматриваетъ за каждымъ гражданиномъ, не предписываетъ ему излишнихъ, обременительныхъ правилъ; но несмотря на все это, мы гораздо болѣе любимъ отечество, каждый изъ насъ готовъ жертвовать для него гораздо болѣе, чѣмъ спартанцы, у которыхъ самостоятельность личности такъ стѣснена».

Тяжело видѣть, какъ равнодушно человѣчество къ гениальнымъ натурамъ. Люди смотрятъ на гений, какъ на нѣчто весьма хорошее, если одаренный имъ человѣкъ можетъ написать вдохновенную поэму, или нарисовать картину. Но гений въ истинномъ смыслѣ этого слова, то-есть оригинальность въ мысли и дѣйствіяхъ, многіе считаютъ чѣмъ-то совершенно лишнимъ. И это весьма естественно: польза оригинальности непостижима для неоригинальныхъ людей.

Первая услуга, которую можетъ оказать оригинальность обыкновеннымъ людямъ — это открыть имъ глаза, напомнить имъ, что ничего не было сдѣлано на свѣтѣ, въ чемъ бы кто-нибудь первый не показалъ примѣра, что все существующее хорошее есть плодъ оригинальности, что мы должны имѣть скромность не считать нашего общественнаго строя вполне совершеннымъ, и что, наконецъ, чѣмъ менѣе мы чувствуемъ потребность въ оригинальности, тѣмъ она намъ необходимѣе.

Конечно, въ наше время оригинальность пользуется нѣкоторымъ наружнымъ уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе замѣчается въ человѣчествѣ стремленіе дать преобладаніе посредственности.

Въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ продолжительное переходное время между эпохою феодализма и новѣйшею цивилизаціей, личность была силою сама по себѣ, и если она обладала большими талантами или занимала высокое общественное положеніе, то эта сила была значительна. Въ настоящее время личности затеряны въ толпѣ. Въ политикѣ, какъ извѣстно, господствуетъ общественное мнѣніе; точно то же господство замѣчается въ моральныхъ и социальныхъ отношеніяхъ частной и общественной жизни. Но то, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, не всегда есть мнѣніе одного и того же рода публики: въ Америкѣ, напримѣръ, это все бѣлое населеніе, въ Англии — только средній классъ. Но это всегда масса, слѣдовательно, собирательная посредственность.

Масса заимствуетъ свои мнѣнія уже не отъ духовныхъ и не отъ свѣтскихъ владыкъ, а отъ людей того же среднего уровня, которые посредствомъ журналовъ обращаются къ ней и толкуютъ отъ ея имени о вопросахъ дня.

Все это естественно, и совершенно соотвѣтствуетъ невысокому уровню умственнаго развитія современнаго общества.

Но это не мѣшаетъ владычеству посредственности быть владычествомъ посредственнаго качества. Тамъ, гдѣ господствуетъ многочисленная демократія или аристократія, правительство не возвышалось надъ посредственностію, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно руководимо было совѣтами или находилось подъ влія-

нѣмъ мыслящаго и даровитаго меньшинства, или отдѣльной личности. Починъ во всякомъ благоразумномъ и благородномъ дѣлѣ принадлежитъ, и долженъ принадлежать отдѣльнымъ личностямъ.

Честь и слава обыкновеннымъ смертнымъ, если они могутъ слѣдовать этой инициативѣ, понимать толкъ во всемъ разумномъ и благородномъ, и идти за своими руководителями съ открытыми глазами.

Независимость въ образѣ жизни и въ дѣятельности, пренебреженіе къ обычаю не есть исключительное право однихъ гениальныхъ личностей. Нѣтъ причины, почему бы всѣ человѣческія существованія были построены по одному образцу или по небольшому числу образцовъ. Если известная личность обладаетъ достаточною дозою здраваго смысла и опытности, то сама она можетъ устроить свое существованіе наилучшимъ, по крайней-мѣрѣ для себя, образомъ. Общество людей — не стадо барановъ; но и бараны не такъ похожи одинъ на другаго, чтобы нельзя было распознать ихъ. Человѣкъ не выберетъ пары башмаковъ или платья, не порывшись въ цѣломъ магазинѣ, или не заказавъ ихъ именно для себя. Неужели указать человѣку, какъ жить легче, чѣмъ выбрать для него платье? неужели человѣческія существа имѣютъ между собою такое же физическое и моральное сходство, какъ форма ихъ ногъ? Люди имѣютъ различныя вкусы, но, кромѣ того, умственное и нравственное развитіе каждаго требуетъ особенныхъ условій. То, что помогаетъ развитію одного, можетъ быть препятствіемъ для другого.

Тотъ образъ жизни, который для одного служитъ спасительнымъ средствомъ поддержать въ себѣ способность трудиться и испытывать наслажденія, для другого — ужасное бремя, мученье, отъ котораго разрушается вся его внутренняя жизнь. Какъ различны потребности и свойства людей, такъ неодинаковъ долженъ быть и ихъ образъ жизни, если только они хотятъ пользоваться всѣмъ тѣмъ счастьемъ, которое можетъ выпасть на ихъ долю, и достигнуть умственной, нравственной и эстетической высоты, которая доступна ихъ натурѣ.

Въ настоящее время терпимость существуетъ только для тѣхъ вкусовъ и привычекъ, которые имѣетъ большинство. Я могу, не подвергаясь порицанію, курить сигару, заниматься музыкой, играть въ шашки, занимать математикою, потому что люди, раздѣляющихъ мои вкусы, слишкомъ много, чтобы запретить имъ все это дѣлать. Но человѣкъ *, держащій дѣлать то, чего

* Это относится особенно къ женщинамъ.

нието не дѣлаетъ, или не дѣлать того, что всё дѣлаетъ, подвергается сильному порицанію. Нужно, чтобъ человѣкъ пользовался особенно высокимъ положеніемъ въ обществѣ, чтобы такая эксцентричность сходила ему съ рукъ.

Въ настоящее время общественное мнѣніе особенно нетерпимо ко всякому явному протесту индивидуальности. Вообще люди имѣютъ не только пониманіе умѣренное, но такія же умѣренныя склонности, такія же скромные идеалы. Энергическіе характеры, личности, одаренныя оригинальнымъ умомъ, стали большою рѣдкостью. Въ наше время въ Англіи энергія больше всего расточается въ дѣлахъ, соединенныхъ съ денежными выгодами. Небольшой остатокъ ея употребляется на какое-нибудь дѣло моды, полезное, филантропическое дѣло, но все же неважное. Величіе Англіи въ настоящее время коллективное; индивидуально слабые, мы можемъ предпринять что либо великое только посредствомъ ассоціаціи: и такимъ-то положеніемъ дѣль наши филантропы совершенно довольны! Но другаго завала были люди, которые сдѣлали Англію тѣмъ, что она теперь, и инаго завала нужны будутъ люди, чтобы воспрепятствовать ея упадку.

Деспотизмъ обычая всегда и всюду былъ постояннымъ препятствіемъ умственному движенію человѣчества, ибо онъ ведетъ постоянную борьбу съ стремленіемъ людей думать и жить лучше, чѣмъ думаютъ и живутъ обыкновенно, съ стремленіемъ, которое именуется, смотря по обстоятельствамъ, то духомъ свободы, то духомъ прогресса. Стремленіе къ прогрессу не всегда есть стремленіе къ свободѣ, ибо прогрессисты нерѣдко вводятъ свои преобразованія насильственно, принуждаютъ къ принатію ихъ людей, ни мало не заинтересованныхъ; приверженцы свободы, сопротивляясь такимъ насильственнымъ мѣрамъ, могутъ быть на время врагами прогресса: но тѣмъ не менѣе единственный вѣчный, неистощимый источникъ прогресса есть свобода, ибо, благодаря ей, можетъ образоваться столько независимыхъ центровъ прогресса, сколько есть личностей.

Принципъ прогресса можетъ иногда расходиться съ принципомъ свободы, но это исключеніе; въ сущности же, онъ не враждебенъ свободѣ, но враждебенъ владчеству обычая. Борьба этихъ враждебныхъ началъ составляетъ главный интересъ исторіи человѣчества. На Востокѣ — «обычай деспотъ межъ людей»: всѣ отношенія частной и общественной жизни подчинены ему; юстиція, право, тамъ въ переводѣ означаютъ — согласіе съ обычаемъ. И мы видимъ результаты такого порядка вещей. Восточные народы когда-нибудь были богаты оригинальными личностями: не възъ земли же вышли они съ своею богатою литературой, съ

своими глубокими свѣдѣніями во многихъ вопросахъ жизни; они сами выработали себѣ развитіе, благодаря которому когда-то были передовыми народами міра. Чтò же случилось съ ними теперь? Они находятся въ зависимости отъ племенъ, предки которыхъ блуждали въ лѣсахъ въ то время, какъ ихъ предки имѣли великолѣпные дворцы и пышные храмы. Но надъ этими варварами обычай владычествовалъ только на половину: вмѣстѣ съ нимъ царствовали свобода и прогрессъ.

Повидимому, народъ можетъ въ теченіе извѣстнаго періода времени идти впередъ и потомъ останавливаться. Когда это бываетъ? — Когда въ немъ останавливается развитіе личности. Еслибъ перемѣна, совершившаяся въ быту восточныхъ народовъ, должна была совершиться и въ жизни народовъ Европы, то она приняла бы другія формы. Деспотизмъ обычая грозитъ имъ несовершенною неподвижностію; онъ требуетъ однообразія, и не противится перемѣнамъ, если только все измѣняется сразу. Мы кончили съ неизмѣннымъ покроемъ одежды, съ которымъ не хотѣли разстаться наши предки. Нужно одѣваться, какъ «всѣ», но самая мода можетъ измѣниться раза два въ годъ. Мы имѣемъ моду чисто по любви къ перемѣнамъ, а не вслѣдствіе того, что нашли что-либо болѣе удобное и красивое; не можетъ же быть, чтобы одно и то же вдругъ оказалось всѣмъ и удобнымъ и красивымъ. И такъ, нашъ обычай не такъ неподвиженъ, какъ обычай восточныхъ народовъ. Мало того, онъ прогрессивенъ. Мы изобрѣтаемъ новыя механическія орудія, и пользуемся ими до тѣхъ поръ, пока не изобрѣтемъ новыя. Мы готовы на всякія улучшенія въ политикѣ, въ воспитаніи, даже въ нравахъ, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи все улучшеніе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей такими же хорошими, какъ и мы сами — хотять или не хотять они этого, все равно. Не съ прогрессомъ мы ратуемъ, нѣтъ! но съ индивидуальностію.

До какой степени опасна такая вражда къ индивидуальности, разительный примѣръ представляетъ намъ Китай. Китайскій народъ, даровитый въ высокой степени, весьма давно выработалъ весьма удовлетворительную систему обычаевъ, происхожденіемъ своимъ обязанную мудрецамъ и философамъ.

Эти обычая требуютъ, чтобы самыя лучшія истины и правила жизни впечатлѣвались въ китайскихъ умахъ съ самаго ранняго возраста, и чтобы тѣ, которые наиболѣе проникнуты ими, занимали самыя почетныя должности. Подумаешь, что народъ, выработавшій все это, открылъ секретъ усовершенствованія человечества, и идетъ во главѣ прогресса. Но нѣтъ, китайцы остановились; уже тысячи лѣтъ они находятся въ томъ состояніи, въ

которомъ видимъ мы ихъ теперь, и если возможно улучшение въ ихъ быту, оно будетъ заимствовано ими извнѣ. Они достигли того, о чемъ англійскіе филантропы такъ хлопочутъ: въ Китаѣ всѣ весьма похожи другъ на друга; всѣ подчиняютъ свои мысли и свой образъ жизни однимъ и тѣмъ же правиламъ; но хорошо ли живется китайцамъ? Современное состояніе общественнаго мнѣнія есть — въ неустроенномъ видѣ — то же, чтоъ китайская система воспитанія и китайская политика въ организованной формѣ; и если только личность не отстоитъ своихъ правъ, Европа, несмотря на свое блистательное прошлое, несмотря на исповѣдуемое ею христіанство, можетъ сдѣлаться вторымъ Китаемъ.

Что же до сихъ поръ предохраняло Европу отъ такой участи? Замѣчательное разнообразіе элементовъ ея культуры. Въ Европѣ личности, классы общества, народы были въ высшей степени разнообразны, всѣ эти элементы развивались каждый своимъ путемъ; въ этой борьбѣ, въ соперничествѣ развивалась личность, приобретала оригинальность. Въ настоящее время народы Европы обладаютъ этой выгодой въ меньшей степени и рѣшительно приближаются къ китайскому идеалу однообразія. Токвиль въ своемъ послѣднемъ твореніи замѣчаетъ, что французы нашего времени больше похожи другъ на друга, чѣмъ французы прежняго времени. То же можно, и еще съ бѣльшимъ правомъ, сказать объ англичанахъ.

Два условія, по словамъ Вильгельма Гумбольдта, необходимы для человѣческаго развитія: свобода и разнообразіе положеній; послѣднее изъ этихъ условій теряется въ Англии съ каждымъ днемъ. Прежде, различныя званія, различныя мастерства и профессіи жили, такъ-сказать, въ различныхъ мірахъ; теперь всѣ они живутъ почти въ одномъ мірѣ, почти при однихъ условіяхъ. Теперь, говоря сравнительно, они одно и то же читаютъ, одно и то же видятъ и слышатъ, одни и тѣ же мѣста посѣщаютъ; надежды и опасенія ихъ направлены на одни и тѣ же предметы; у нихъ одни и тѣ же права и вольности и тѣ же средства отстаивать ихъ. Разница есть въ положеніи различныхъ классовъ общества, но далеко не та, что была въ прежнее время. Ассимиляція идетъ непрерывно, и всѣ успѣхи нашего времени свособствуютъ ей. Политическія реформы способствуютъ уравниванію условій, улучшение народныхъ школъ — увеличенію сродства въ умственномъ развитіи, пути сообщенія — обмѣну идей. Но всего болѣе способствуетъ этой ассимиляціи усиленіе въ государствѣ общественнаго мнѣнія.

Личности во всей Европѣ предстоитъ упорная борьба со всѣми этими препятствіями; но успѣхъ возможенъ, если только мыслящая часть европейскаго общества, сознавъ всю необходимость самостоятельнаго развитія личности, приметъ ее подъ свою защиту. Но чѣмъ больше будетъ она медлить и предоставлять обычаю все болѣе и болѣе нарушать самыя священныя ея права, тѣмъ меньше вѣроятности успѣха.

В. Покровский.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

1.

Въ Ледовитомъ океанѣ
Лодка утлая плыветь,
Молодой, пригожей Танѣ
Парень пѣсенку поеть :
«Мы пришли на островъ дикой,
Гдѣ ни церкви, ни поповъ,
Зимовать въ нуждѣ великой
Здѣсь привыченъ звѣроловъ;
Такъ съ тобой, моей голубкой,
Неужли намъ розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согрѣвать!»
Хорошо поеть, собака,
Убѣдительно поеть!
Но вѣдь это противъ брака,—
Не нажать бы намъ хлопоть?
Оправдаться есть возможность
Да не спросать — вотъ бѣда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!...

2.

У солиднаго папаши
Либералка вышла дочь

(Говорятъ, журналы наши
 Все читала день и ночь),
 Жениху съ хорошимъ чиномъ
 Отказала, осердись,
 И съ какимъ-то армяниномъ
 Обвѣнчалась, не спросась.
 Въ свѣтъ это сплошь бываетъ,
 Это тиснуть мы могли бѣ,
 Но вѣдь это посягаетъ
 На родительскій принципъ!
 За подобную оплошность
 Не постигла бѣ насъ бѣда?
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

3.

Нашъ помѣщикъ Пантелѣевъ
 Вѣкъ игралъ, моталъ и пилъ,
 А крестьянинъ Федосѣевъ
 Вѣкъ трудился и копилъ—
 И по улицамъ столицы
 Пантелѣевъ ходитъ голъ,
 А дворянскія земли
 Федосѣевъ приобрѣлъ.
 Въ свѣтъ это все бываетъ,
 Много есть такихъ дворянъ,
 Но вѣдь это означаетъ
 Оскорблять дворянскій санъ.
 Тисни, тисни! есть возможность, —
 А потомъ дрожи суда...
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

4.

Чтó народъ ни добываетъ
 Все не впрокъ ему идетъ,
 И подрядчикъ нажимаетъ,
 И торгашъ съ него деретъ.

Ужь таковъ теперь обычай —
 Стонуть, воють бѣдняки...
 Ну — а классъ-то ростовщичій?
 Сгубить насъ ростовщики!
 Я желалъ бы ихъ проклятыхъ
 Хорошеньчко пробрать,
 Но вѣдь это на богатыхъ
 Значить бѣдныхъ натравлять.
 Ну какая же возможность
 Такъ рискнуть? кругомъ бѣда!
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

5.

Крестный ходъ въ селѣ Остожѣ.
 Вдругъ «пожаръ!» вричатъ народъ.
 «Не бросать же дѣло Божье —
 Кончимъ прежде крестный ходъ».
 И покудова съ иконой
 Обходили все село,
 Искрой, вѣтромъ занесенной,
 И другой посадъ загло.
 Погорѣли! Въ этомъ много
 Правды горькой и простой,
 Но вѣдь это противъ Бога,
 Противъ вѣры... ой! ой! ой!
 Тутъ полнѣйшая возможность
 Къ обвиненью безъ суда...
 Ради Бога, осторожность,
 Осторожность, господа!

1866, декабрь.

3/6

РУССКОМУ ДИТЯТИ.

«Natto a Roma, morto a Venezia»
Эпитафія.

Не наши русскіе морозы
Тебѣ готовили привѣтъ—
Декабрскія дышали ровы,
Когда явился ты на свѣтъ;

И средиземные приливы
Ласкали ногъ твоихъ слѣды;
Ты видѣлъ лавры и оливы
И апельсинные сады.

Не шелъ ты въ голую аллею
Смотрѣть штывки, да бивера—
Ты мячъ кидалъ по Колизею,
Шалилъ подъ куполомъ Петра.

И вотъ, на островѣ, согрѣтомъ
У Адриатики въ рукахъ,
Лежишь ты маленькимъ скелетомъ
Въ плющахъ и розовыхъ кустахъ...

И пусть на сѣверѣ морозы—
Вокругъ тебя, дитя, весна,
И льетъ лазоревыя слезы
На врѣсть твой теплая волна...

II. КОВАЛЕВСКІЙ.

— Воровскіе ваши глаза! сказалъ мой отецъ, встряхивая меня за плечо. — Вы украли эту полкрану, и гуляли на нее все это время.

— Да и я такъ думаю, Джимъ; только не мое дѣло было говорить этого раньше васъ, сказала низкая тварь:—и хоть мнѣ больно такъ совѣтовать, а коли хотите меня послушать, такъ надо ему задать горячую баню, Джимъ. Помните, что и въ писаніи сказано: «кто палку жалѣетъ, тотъ губить ребенка!»

И она стояла тутъ же, когда мой отецъ билъ меня толстымъ кожанымъ ремнемъ, пока потекла кровь. На сколько было возможно, на сколько позволяли мнѣ мои страданія, я прокричалъ ему всю исторію, пока продолжалось сѣченье, но онъ не слушалъ ни одного моего слова и билъ до тѣхъ поръ, пока у него утомилась рука. Моя злоба противъ нея не знала границъ. По окончаніи сѣченья, меня заперли въ задней комнатѣ и оставили тамъ въ темнотѣ до того времени, когда надо было ложиться спать; мистрисъ Бѣръкъ вошла въ эту комнату за какою-то вещью. Она сказала достаточно громко, чтобы мой отецъ могъ слышать:

— Эта науза, надѣюсь, пойдетъ вамъ въ прокъ, мой дружокъ:— какъ будете спать ложиться, вы не забудьте прочесть молитвы объ отпущеніи грѣховъ.

— Будь вы прокляты, повѣшены, я васъ ненавижу! закричалъ я на нее бѣшено; и затѣмъ, постаравшись припомнить самую обидную брань, какую я когда-либо слышалъ, я крикнулъ ей вслѣдъ, когда она хихикая выходила за дверь:— Иуда! Иуда! Въ Турцію васъ надо сослать!

Но эти слова повидимому нисколько ее не задѣли за живое. Она только повернулась съ тою же гнусною усмѣшкою на губахъ и сказала мнѣ, что она надѣется, что въ будущемъ я постараюсь воздерживаться отъ воровства и отъ лганья.

— Чтѣ такое онъ сказалъ? послушался вопросъ моего отца, вопросъ, сдѣланный такимъ тономъ, какъ будто бы его гнѣвъ внезапно опалъ.

— Онъ говоритъ, что ненавидитъ меня. Не обращайтесь вниманія, Джимъ; современемъ онъ умнѣе будетъ, сказала мистрисъ Бѣръкъ ублажающимъ тономъ.

— Да въ чему онъ припелъ Иуду?

— Развѣ жъ онъ это говорилъ? Я не слышала, отвѣтила мистрисъ Бѣръкъ безпечно.—Я думаю, Джимъ, въ немъ такіе черти сидятъ, что онъ самъ не знаетъ, чтѣ говорить.

Мистрисъ Бѣръкъ утверждала совершенно основательно, что во мнѣ сидѣли черти. Моя ярость была такъ велика, что

Исторія оборвыша.

жили на шеѣ у меня раздулись и глаза горѣли, какъ въ огнѣ. Въ то время я не чувствовалъ никакой боли отъ кровавыхъ рубцовъ, избороздившихъ мое тѣло. Одинъ дьяволъ могъ навалить мою дѣтскую голову такими ужасными желаніями. Я желалъ, чтобы она умерла. Я желалъ, чтобы смерть — мое воплощеніе смерти, грозная безглазая птица съ острыми иглами—ночью забралась въ ея постель и колола, и рвала ее до тѣхъ поръ, пока бы она была рада убѣжать и спрятаться въ могильную яму.

Но ничего подобнаго не случилось. На слѣдующее утро она появилась весела и проворна по обыкновенію, и такъ точно было въ теченіе многихъ слѣдующихъ дней, пока наконецъ наступилъ тотъ день, когда мой отецъ съ ней перевѣнчался.

Свадьба была очень тихая. Ни одинъ человѣкъ во всемъ округѣ ничего не зналъ объ этомъ, и даже я ничего не подозрѣвалъ о томъ, что готовится такое важное событіе. Но въ одинъ вечеръ они, мой отецъ и мистрисъ Бёркъ, воротились домой вмѣстѣ (я зналъ, что она надѣла свое лучшее платье и ушла со двора утромъ, но это былъ случай нерѣдкій и поэтому онъ не возбуждалъ моего любопытства). Они привели съ собою молодаго человѣка, пріятеля моего отца; онъ, кажется, обязательно согласился покараулить тележку отца, пока тотъ съ мистрисъ Бёркъ отправился въ церковь. Когда они воротились домой, я былъ съ ребѣнкомъ на улицѣ; меня позвали въ комнату и послали за пинтою рома.

Когда явился ромъ, молодой гость наполнилъ стаканъ.

— Ну, сказалъ онъ:—Господи благослови всякую счастливую чету! Живите долго и умрите счастливые оба. За ваше здоровье, мамы!

Мистрисъ Бёркъ отблагодарила за пожеланіе, выпивъ за здоровье молодаго человѣка и съ улыбкою наклонивъ голову; молодой человѣкъ съ своей стороны также наклонилъ голову съ улыбкою и выпилъ половину своего рома.

— Пью я также и за ваше здоровье, Джимъ, продолжалъ онъ, схватывая моего отца за руку. — Если вы будете ей такимъ же хорошимъ мужемъ, какой вы хорошій товарищъ, ей не на что будетъ пожаловаться.

Мой отецъ ласково кивнулъ головою, и когда молодой человѣкъ опорожнилъ стаканъ, мой отецъ взялъ его и наполнилъ снова.

— Вотъ вамъ моя рѣчь, сказалъ онъ (вообще онъ былъ очень скупъ на слова), и затѣмъ залпомъ выпилъ ромъ, причемъ мистрисъ Бёркъ добросовѣстно послѣдовала его примѣру.

Она опять сдала ребенка мнѣ на руки, и такъ-какъ меня ни-

сколько не интересовалъ разговоръ, завязавшійся послѣ поглощенія рома, то я уже пошелъ вонъ изъ комнаты, но мой отецъ воротилъ меня.

— Подите сюда, Джинъ; видите, кто это сидитъ на стулѣ? Онъ указалъ на ирландку.

— Разумѣется вижу, отвѣтилъ я, и засмѣялся тому, что онъ предлагаетъ мнѣ такой простой вопросъ.

— Ну, кто же это? сказалъ онъ совершенно серьезно.

— Да мистрисъ Бёркъ.

— Скажите еще разъ. Подумайте, что вы хотите сказать и говорите не торопясь.

— Мистрисъ Бёркъ.

— Очень хорошо. Теперь слушайте. Чтобы это было въ послѣдній разъ: больше не произносите этого имени, оно невѣрно. Ея имя теперь уже не Бёркъ, также точно, какъ не Гринъ и не Томкинсъ.

— Не Бёркъ? А какъ же, отецъ?

— Ея имя *мать*; вотъ какъ ее надо звать. Вамъ долго никого не приходилось звать матерью, и теперь вы можете опять весело приняться за это, понимаете? Вы должны называть ее матерью, и вести себя съ нею какъ съ матерью. Коли будетъ что-нибудь не такъ, васъ попочуютъ такимъ кушаньемъ, которое вамъ не по вкусу придется. Вотъ вамъ мой сказъ.

По поводу послѣдняго замѣчанія моего отца нечего было много плакать, но какъ-то случилось такъ, что вмѣсто всякаго отвѣта, я тотчасъ же заплакалъ. Меня не могло особенно огорчить извѣстие о его бракѣ, потому что какую же существенную перемену это событіе могло произвести въ моей участи? Что оно давало мистрисъ Бёркъ больше власти надо мной, это было вѣрно съ юридической точки зрѣнія; но если только ея злость и ея мускулы не получали отъ этого событія никакого новаго приращенія, то я не могъ остаться въ наглядѣ отъ случившейся перемены.

— Ну, что скажете? продолжалъ мой отецъ угрюмо.—Вы и на столько не смyslите, чтобы спасибо сказать? Развѣ жь вы не рады тому, что у васъ теперь новая мать?

Я не отвѣчалъ. Не знаю, потому ли это было, что онъ такъ усиленно повторялъ слово «мать», но только я отъ слезъ не могъ произнести ни слова.

— Скажите пожалуйста, о чемъ этотъ негодяй хнычетъ? бѣшено кринулъ мой отецъ.

И обращаясь къ мистрисъ Бёркъ, онъ продолжалъ:

— Лопни мои глаза! мнѣ еще чего добраго надо спрашивать его совѣта, какъ, и что мнѣ надо дѣлать!

— Не обращайтесь на него вниманія, мой милый, сказала его новая жена.—Онъ упрямъ, какъ дьяволъ. Я это много разъ испытала сама, къ великому своему огорченію, хотя я и не такая женщина, Джимъ, чтобы тревожить васъ моими жалобами. Хуже того вамъ не скажешь, что вы сами о немъ знаете!

Я зналъ, что она намекаетъ на скандальную исторію съ полкровою (она постоянно пользовалась этимъ намекомъ, какъ средствомъ обратить ярость моего отца на меня, когда ей это было угодно); у меня уже вертѣлся на языкѣ хлесткій отвѣтъ. Я полагаю, что посторонній молодой человѣкъ угадалъ мое намѣреніе; онъ добродушно мигнулъ мнѣ, чтобы я подержалъ языкъ за зубами и притянулъ меня къ себѣ.

— Полно, не нападайте такъ на этого мальчика, сказалъ онъ.— Вѣдь не всякій оттого плачетъ, что ему больно; можетъ, онъ оттого заплакалъ, что очень обрадовался новой матери. Сколько ему лѣтъ, Джимъ?

— Я не знаю. Сколько бишь, Китти? спросилъ мой отецъ у мистрисъ Бѣргъ.

— Скоро седьмой пойдетъ.

— А вѣдь пожалуй ему скоро пора самому хлѣбъ себѣ добывать, Джимъ.

— Давно вора, быстро затараторила моя мачиха.—Вонъ какой выросъ! Скоро, скоро надо будетъ приняться за работу!

— Да вѣдь онъ кажется ужъ и работаетъ? сказалъ мой отецъ, слегка нахмурившись и давая такимъ образомъ замѣтить своей женѣ, если прежде она этого не замѣчала, какого онъ ненадежнаго и неровнаго характера.

— Любопытно было бы знать, какимъ это образомъ, усмѣхнулась она.

— Какимъ образомъ! Да вѣдь онъ же нянчится съ Поли в утромъ, и вечеромъ, и ночью. Вотъ какимъ образомъ! Вы, можетъ, думаете, что это не работа?

— Ну, ужъ работа! Подлинно! Сидитъ на мѣстѣ съ таковой крошкой на рукахъ, да еще и играетъ съ ребятишками сплошь да рядомъ, какъ ни въ чемъ не бывало!

— Вы какъ думаете, Джекъ? спросилъ мой отецъ у гостя.

Гость отвѣчалъ выразительно, что чѣмъ нянчить ребенка, онъ лучше согласится съ утра до ночи вскрывать устрицы.

— Разумѣется, согласитесь! Я хорошо помню, какъ вы вознились съ ребенкомъ (этимъ объясняется вѣроятно симпатія гостя

не мнѣ). Работа, могу сказать! Этимъ нянченьемъ хуже всякой работы намоволишь себя синну!

— Я знаю, что я съ большимъ удовольствіемъ бросилъ эту работу, какъ только увидалъ выходъ, хоть мнѣ и пришлось тогда просто приняться за «лазанье».

Сдѣлавъ это послѣднее замѣчаніе, добродушный гость тихонько положилъ мнѣ въ руку пенни, и такъ-какъ во мнѣ родилось тревожное желаніе поскорѣе уйти истратить эти деньги, то остальная часть разговора для меня пропала.

Впрочемъ, слова, сказанныя молодымъ гостемъ, глубоко запали въ мой умъ; онъ сказалъ, что съ превеликимъ удовольствіемъ бросилъ это дѣло и пошелъ въ «лаятель». Ну, вотъ и я бы тоже съ большимъ удовольствіемъ бросилъ нянченье и сдѣлался «лаятелемъ».

Но чтѣ же это за «лазанье»? Я долго обдумывалъ этотъ вопросъ и самымъ правдоподобнымъ заключеніемъ казалось мнѣ то, что «лаятель» — мальчижъ, помощникъ пастуха, и что онъ помогаетъ ему гнать стадо, подражая лаанью собаки. Такъ-какъ мы жили недалеко отъ Смитфильдскаго базара, то мнѣ часто случалось встрѣчать гурты овецъ и я не разъ видалъ мальчишковъ, занятыхъ тѣмъ дѣломъ, на которое, какъ мнѣ казалось, намекалъ гость. Мнѣ даже случалось, отдѣлавшись на полчаса отъ ребенка, также присоединиться въ мальчишкамъ, гнавшимъ овецъ, и мнѣ очень нравилось это занятіе. Я, однако, далеко не былъ такъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ, какъ нѣкоторые знакомые мнѣ мальчишки; тѣ не только умѣли лаять пособачьи, но даже подражали визжанью собаки, когда ее бьютъ палкой, и обманывали своимъ искусствомъ самыхъ чуткихъ овецъ, когда либо пригонявшихся въ Смитфильдъ.

Но я никогда не слышалъ, чтобы это была такая работа, которою можно было бы правильнымъ образомъ добывать насущное пропитаніе, и я не могъ не сдѣлать про себя замѣчанія, что на этомъ поприщѣ немного заработаешь денегъ. Было ясно, что цѣль пастуха, нанимающаго мальчика вмѣсто собаки, должна была состоять въ соблюденіи экономической выгоды, и если мальчижъ работалъ для него за меньшую плату, чѣмъ цѣна ежедневнаго корма для собаки, то можно утверждать, по крайней мѣрѣ, что мальчижку мудрено было разжирѣть.

Однако, гость утверждалъ и мой отецъ согласился съ его словами, что «лаять» пріятнѣе, чѣмъ нянчить ребенка, и я имѣлъ основаніе думать, что они предполагаютъ самни обыкновенныя условія, то-есть, родную мать, которая заботится о васъ и дастъ вамъ трепку только тогда, когда вы ее заслужили.

На сколько же долженъ былъ я предпочитать «лазанье», когда у меня не было родной матери, когда мой отецъ заботился обо мнѣ меньше, чѣмъ о кружкѣ пива, и когда меня держали постоянно въ проголодь! Нянченье ребенка было для меня каторгой и каждый день это нго становилось тяжелѣе, и не только потому, что Полли становилась больше и сильнѣе: тутъ были и другія причины, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА X.

О ПИСАНІЕ МОИХЪ НОЧНЫХЪ МУЧЕНІЙ СЪ ПОЛЛИ. Я ДОВЕДЕНЪ ДО НЕВОЗМОЖНОСТИ СДѢЛАТЬ НАПАДЕНІЕ НА МОЮ МАЧИХУ И ВЪЗЯТЬ ИЗЪ ДОМУ.

Мое предположеніе, что женитьба моего отца на мистрисъ Беркъ не могла ухудшить моей участи, оказалось совершенно невѣрнымъ.

До этого интересаго событія, какъ я ни мыкался днемъ, все-таки вечеромъ наступалъ для меня отдыхъ. Мистрисъ Беркъ избавляла меня отъ ребенка и съ наступленіемъ ночи я могъ спать безъ просыпу, такъ что къ утру я вставалъ совершенно освѣженный. Но теперь дѣло поведи иначе. Моя мачиха была того мнѣнія, и отецъ съ нею согласился, что маленькая Полли можетъ спать въ моей постели.

И еслибы она *спала*, это распоряженіе нисколько бы меня не затруднило. Кънижъ, стоявшій въ комнатѣ мистрисъ Беркъ, былъ достаточно широкъ для насъ обоихъ, и такъ-какъ я любилъ ее очень сильно, то мнѣ бы даже было пріятно спать съ нею вмѣстѣ, но она *не* спала. Должно быть, ее, бѣднажку, мучили зубы; но она въ самомъ дѣлѣ была невнимосно безпокойна. Ее клали въ мою постель рано вечеромъ и, укладываясь спать съ величайшею осторожностію, я, обыкновенно, успѣвалъ помѣститься не разбудивъ ее. Такимъ образомъ я обезпечивалъ себѣ часа три или четыре спокойнаго сна. Но во второмъ часу ночи она неизбежно просыпалась и начинала кричать во все горло; ее ничѣмъ нельзя было успокоить, надо было непременно дать ей тотчасъ большое количество пищи и питья. Чтобы удовлетворить ея требованіямъ, всегда клали возлѣ постели небольшой запасъ хлѣба съ масломъ и ставили горшечекъ молока съ водою; пока этотъ запасъ выдерживалъ ея нападенія, все шло довольно хорошо. Хуже всего было то, что этого запаса никогда не хватало на достаточно долгое время. Ея полночный апетитъ былъ

изумителенъ. Кусокъ за кускомъ исчезали, корка вмѣстѣ съ макишемъ, и когда она видѣла, что все истреблено, тогда она опять начинала завывать. Всякое баюканье и укачиванье, всякія ласки и колыбельныя пѣсни отвергались ею съ пронзительнымъ крикомъ. Ничто не могло ее успокоить. «Мамми! Мамми! Мамми!» Ее можно было слышать на противоположномъ концѣ проулка.

То количество изобрѣтательности, которое я тратилъ на успокоеніе этого ребенка, могло бы, при надлежащемъ примѣненіи къ дѣлу, оказаться достаточнымъ для изобрѣтенія паровой машины или электрическаго телеграфа. «Не хочетъ ли Полли погулять съ своимъ Джимми?» Иногда, особенно въ лунную ночь, она соглашалась. Само собою разумѣется, что тутъ шло дѣло только о мнимой прогулкѣ, но она этого не соображала. Намъ надо было одѣваться, какъ-будто мы въ самомъ дѣлѣ собирались выйти на улицу. За дверью висѣла обыкновенно старая, черная креповая шляпка мистрисъ Бѣркъ, и я навязывалъ ее Полли на голову, а вмѣсто навики я надѣвалъ на нее свою куртку. Мой костюмъ для гулянья состоялъ просто изъ старой мѣховою шапки отца, припасенной на такіе случаи и хранившейся между тюфякомъ и конникомъ. Въ холодныя ночи было очень непріятно бродить такимъ образомъ по голому полу, но нечего было дѣлать: надѣвая панталоны, я могъ бы помѣшать успѣху всего предпріятія. Когда мы были одѣты и готовы въ путь, воображаемая мистрисъ Бѣркъ обращалась ко мнѣ изъ-за двери, прося меня пойдти «сдѣлать съ милымъ ребенкомъ пріятную прогулку и показать Полли ту лавку, въ которой продавались такіе прекрасные леденцы», и на это я отвѣчалъ съ достодолжною почтительностью, что я совсѣмъ готовъ и хочу отправиться немедленно. Затѣмъ, мы пускались въ путь, но ни за что на свѣтѣ не могли найти комнатной двери. Этотъ стратегическій маневръ былъ душою всей штуки. Мы не могли найти двери, сколько ни старались. Намъ надо было выйти на улицу купить этотъ леденецъ и мы не могли, потому что проклятая дверь куда-то спряталась. Большая креповая шляпка была неопѣнена для выполненія этого маневра; ея черныя стѣнки возвышались, какъ ограда, по обѣимъ сторонамъ ея лица и исправляли должность наглазниковъ, такъ что она могла видѣть только прямо передъ собою, а взглядывать по сторонамъ ей было невозможно. Успѣхъ, которымъ сопровождался этотъ маневръ, бывалъ трехъ сортовъ. Въ первомъ случаѣ она черезъ полчаса или около того, засыпала у меня на рукахъ и оставалась въ такомъ положеніи, когда я тихонько прокрадывался съ

невъ въ постель (въ надеждѣ на этотъ результатъ, я не надѣ-
вала панталонъ, когда мы вставали на гулянье). Если мое
счастье было средняго сорта, то ей становилось холодно и, уто-
мившись, она начинала сама проситься въ постель, или она
поддавалась моему внушенію, что лучше всего намъ обонимъ
лечь и смотрѣть въ окно, пока гадкая дверь не вернется назадъ.
Невыгода этой комбинаціи состояла въ томъ, что часто она
соглашалась лежать спокойно только до тѣхъ поръ, пока мы
оба согрѣвались и отдыхали, а потомъ она опять требовала,
чтобы мы шли гулять. Но всего хуже было то, когда она со-
всѣмъ не хотѣла идти гулять съ своимъ Джимми; когда она
не внимала никакимъ обѣщаніямъ леденцовъ на завтрашній
день, когда всѣ мои подражанія кошкѣ и собакамъ, ослабъ и
бѣшеннымъ бѣгамъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать ея безмолв-
ное удивленіе и восхищеніе, нагоняли на нее паническій страхъ
и она требовала себѣ новыхъ запасовъ «баръ». Баръ было ея
слово, которымъ она называла хлѣбъ съ масломъ и, баръ! баръ!
баръ! было ея единственнымъ отвѣтомъ на все, что я могъ ей
сказать.

Въ такихъ случаяхъ моя мачиха начинала колотить палкою
въ стѣну.

— Что вы, дьяволенокъ, дѣлаете тамъ съ бѣдною крошкой?

— Она проситъ «баръ».

— А вамъ небось трудно встать и подать ей, дрянной леже-
бокы!

— Что я ей подамъ? Ничего нѣтъ.

— Какъ ничего нѣтъ?

— Она все съѣла. Развѣ вы не слышите, какъ она кричитъ.

— Все съѣла? Ахъ, вы лгунишка! А! такъ вы опять приня-
лись за ваши свинскія штуки? Опять все выиграли у бѣдной ма-
лютки? Совѣтую вамъ успокоить ее. Вы знаете, что вамъ до-
станется, если вы меня выведете изъ терпѣнія.

Она говорила правду. Я зналъ, «что мнѣ достанется», потому
что это доставалось мнѣ часто, и когда дѣло доходило до по-
добныхъ переговоровъ, я со слезами на глазахъ начиналъ упра-
шивать Поли, чтобы она притихла. Не тутъ-то было. Она
заслышала голосъ «мамми» и начинала бушевать пуще прежнего.
Цѣпенія отъ ужаса, я слышалъ тогда шаги изъ сосѣдней ком-
наты, шарканье торопливыхъ ногъ, скрипъ дверной ручки и,
яростная, какъ разсвирѣпѣвшая кошка, моя мачиха врывается
въ комнату въ одной рубашкѣ и измятомъ ночномъ чепцѣ. Не
говоря ни слова, она бросалась на меня и безъ милосердія на-
чинала колотить мое обнаженное тѣло; она пригибала мнѣ го-

лову къ постели и мала мнѣ бока своими костлявыми кулаками такъ, что у меня захватывало дыханье и я не могъ вскрикнуть. Мой отецъ никогда не зналъ размѣровъ того наказанія, которое я выносилъ въ этихъ случаяхъ, потому что все время, пока она меня колотила, она кричала во все горло не о томъ, что она мнѣ *задавала*, а о томъ, что она мнѣ *задастъ*, если я еще разъ осмѣлюсь съѣсть кушанье ребенка.

— Да вы не страшайте попусту, вы ему покажите на дѣлѣ, жадному мальчишкѣ, кричалъ мой отецъ, слыша изъ своей постели всѣ эти угрозы и не видя ихъ исполненія. — Онъ слиш-комъ легко отдѣлывается, оттого онъ и не ставитъ васъ въ грошъ.

— Да ужъ и мое терпѣнїе скоро лопнетъ! Такъ вы у меня, голубчикъ, смотрите!

И затѣмъ она возвращалась въ свою комнату и говорила отцу:

— Вѣдь это можно разсуждать, Джимъ, что надо бить его, но самое лучшее обойтись безъ битья, могу васъ увѣрить. Коли нельзя съ нимъ справиться кротостью, такъ ужъ совсѣмъ нельзя справиться! Станете вы бить да бить, выбьете изъ него одного дьявола, а на мѣсто того засядутъ два другихъ.

Удивительно то, что какъ только мнѣ была задана потасовка и мистрисъ Бѣргъ возвращалась въ свою комнату, Полли обыкновенно свертывалась въ клубочекъ, становилась совсѣмъ доброю и начинала засыпать, какъ ни въ чемъ не бывало. Само по себѣ, конечно, это было очень хорошо, но дурно было то, что это заставляло думать, будто я, когда захочу, въ самомъ дѣлѣ могу ее успокоивать. Дѣйствительно, когда я, наконецъ, собрался съ духомъ и сталъ жаловаться моему отцу, онъ мнѣ именно такъ и сказалъ.

— Нисколько я васъ не жалѣю, сказалъ онъ. — Такого упрямаго негодяя еще не такъ надо проучивать.

— Ну, отвѣчалъ я (это было утро, послѣ ночнаго побоища, когда ребра у меня болѣли какъ будто совсѣмъ ободранныя)—ужъ недолго она будетъ надо мной тѣшиться!

— Недолго? Вотъ какъ! презрительно отвѣчалъ мой отецъ. — Отчего же это недолго?

— Когда я вырасту побольше, я ей покажу! отвѣчалъ я со злобою.

Отецъ посмотрѣлъ на меня и засмѣялся.

— Кабы я былъ побольше, продолжалъ я, ободренный его смѣхомъ:—я бы ей носъ расшибъ! Я бы ей такъ переломалъ ноги, что ей стоять было бы не на чемъ. Я ее ненавижу!

Отецъ опять засмѣялся; ему повидному было довольно трудно придать своему лицу надлежащее выраженіе строгой мрачности.

— Будетъ, не болтайте мнѣ такихъ глупостей, я вамъ говорю; совсѣмъ это не мое дѣло стоять и слушать вашу болтовню, сказалъ онъ.

— Она вамъ все лжётъ — на каждомъ шагу лжётъ, продолжалъ я; тутъ мнѣ пришло въ голову, что онъ говорилъ о трудности нанять ребенка, и я подумалъ, что могу извлечь изъ этого выгоду. — Мнѣ никогда не удастся поиграть, сказалъ я. — Какъ встану, я все на работѣ, пока спать пойду, а она все не оставляетъ меня въ покоѣ.

— Это на какой же работѣ?

— Да вотъ таскаюсь съ Полли и...

— Ну, присматриваете вы за дѣвочкой, что-жъ изъ этого? перебилъ онъ. — Вѣдь не можетъ дѣвочка сама о себѣ заботиться, безсовѣстный вы мальчишка! Вамъ небось хочется баблунничать да сидѣть на шеѣ у меня съ матерью? Я бы на вашемъ мѣстѣ посовѣстился.

— Мнѣ бы хотѣлось найти себѣ какую нибудь работу, сказалъ я серьезно.

— Вамъ бы хотѣлось! усмѣхнулся онъ. — Работа не стучится къ людямъ въ двери, не упрасиваетъ ихъ, чтобы они ее сдѣлали. Кабы вамъ хотѣлось работы, вы бы пошли да поискали.

— Гдѣ, отецъ? спросилъ я съ жаромъ.

— Гдѣ? ну гдѣ нибудь, отвѣтилъ онъ, воодушевляясь этимъ разговоромъ. — Базары подъ бовомъ. Когда я хожу въ Геть или въ Гарденъ часа въ четыре или въ пять, какъ вы еще храните въ постелѣ, мнѣ попадаются мальчики вдвое поменьше васъ; высматриваютъ, ищутъ какъ бы раздобыть пенни, а у самихъ капли во рту еще не было. Раздобудутъ пенни, такъ хорошо — достанется глотокъ кофе, а нѣтъ, такъ и нѣтъ.

— Да у меня нѣтъ ни сапоговъ, ни чулокъ, сказалъ я. — И шапки даже нѣту.

— Ну и у нихъ тоже нѣту. Да и рубашка на тѣлѣ не у всякаго. Вамъ небось хочется, чтобы васъ разрядили, прежде чѣмъ вы пойдете на заработокъ? Можетъ, вамъ хотѣлось бы синій сюртукъ съ фигурными пуговицами и круглую шляпу столбомъ?

Я что-то сказалъ на счетъ того, что надо имѣть презентабельный видъ.

— Тѣфу! воскликнулъ онъ съ отвращеніемъ. — Не говорите вы мнѣ о презентабельности! Не думайте вы, что презентабельность дастъ вамъ кусокъ хлѣба; коли вы такъ думаете, вы ошибаетесь. Тѣ мальчики, о которыхъ я упоминаю, носятъ рыбу, корзинны съ

картофель, присматриваютъ за тележками и за лотками; такъ развѣ-жъ вы не понимаете, что коли вы пойдете на такую работу въ латковныхъ перчаткахъ и въ бѣлыхъ воротничкахъ, такъ вы всѣ эти прелести испортите. Хорошо вы гусь, толкуете о томъ, чѣмъ вы собираетесь быть и чего вамъ надо!

И съ возрастающимъ отвращеніемъ онъ нахлобучилъ свою мѣховую шапку, закурилъ свою короткую трубку и ушелъ.

Въ то время, когда у меня происходилъ этотъ разговоръ съ отцомъ, мистрисъ Вѣркъ уже около шести мѣсяцевъ была моею мачихою и мнѣ было почти семь лѣтъ. Когда я говорилъ отцу, что не хочу долѣе подчиняться жестокости мистрисъ Вѣркъ, я такъ и думалъ. Съ каждымъ днемъ ея обращеніе становилось болѣе и болѣе невыносимо, въ особенности съ той ночи, когда мой отецъ, придя домой, нашелъ ее мертвецки пьяною; она лежала посреди комнаты и онъ далъ ей хорошаго тумака по головѣ, чтобы протрезвить ее. До этого времени она постоянно при немъ соблюдала нѣкотораго рода приличіе, но теперь все это пошло за бортъ и при отцѣ она стала обращаться со мной почти такъ же дурно, какъ и въ его отсутствіи. Часто мнѣ бы приходилось оставаться совсѣмъ голоднымъ, еслибы меня не выручала доброта мистрисъ Уинкшипъ, о которой я упомянулъ въ самомъ началѣ этого разсказа. Мистрисъ Уинкшипъ много лѣтъ знала мою мать и постоянно говорила о ней, какъ «о добрѣйшей душѣ, какая когда-либо жила на свѣтѣ». «Она была слишкомъ добра для вашего отца», говорила она часто: «такъ точно, какъ онъ слишкомъ добръ для этой толстоюсою, двуличной ирландской потаскушки, которая загнула на него удочку и наловила его». Ея знакомство съ моею мачихою было такое же давнее, какъ и знакомство съ матерью. Я сказалъ мистрисъ Уинкшипъ о тѣхъ прекрасныхъ туфляхъ, которыя ирландка подарила моему отцу, говоря ему, что онѣ принадлежали покойному мастеру Вѣркъ. Я думалъ, мистрисъ Уинкшипъ никогда не перестанетъ смѣяться.

— Туфли! Чудесно! говорила она. — Да бѣдному малому надо было всю недѣлю таскать съ собою свое воскресное платье въ корзинкѣ съ инструментами; онъ зналъ навѣрное, что коли оставить платье дома, она его заложитъ, чтобы выпить джину. Джинъ ее когда-нибудь распознаетъ и тогда задастъ ей трезвону!

Я обыкновенно повѣрялъ мистрисъ Уинкшипъ всѣ мои огорченія. Она всегда забывала меня къ себѣ въ кухню и давала мнѣ по кусочку отъ всего, чтѣ у нея оставалось послѣ обѣда. Много-много разъ она брала и нянчила Полли часокъ-другой, куда я шелъ погрѣть.

Я спросилъ у мистрисъ Уиндшигъ, что такое «сладель» и она мнѣ сказала. Я ошибался, думая, что это занятіе находится въ какой-то связи съ пастушескимъ дѣломъ. Сладелемъ, объяснила она мнѣ, называется мальчикъ, нанятый разнощикомъ; этотъ мальчикъ везетъ тележку на базаръ, присматриваетъ за нею, пока хозяинъ закупаютъ свой товаръ, тащитъ закупленный грузъ домой и затѣмъ идетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ къ его «обходы», помогая ему выкрикивать то, что онъ продаетъ.

Мнѣ не хотѣлось вводить мистрисъ Уиндшигъ въ тайну моихъ помысловъ на счетъ «сладеля», но мнѣ надо было выспросить у нее все, что она знала объ этомъ дѣлѣ.

— А какъ великъ былъ самый маленькій «сладель», какого вамъ случалось видѣть, мамъ? спросилъ я у нея.

— Какъ великъ? Да я видала такихъ, что придутся вамъ по плечо, отвѣтила она. — Да и къ чему тутъ нуженъ ростъ, милый вы мой; тутъ нуженъ крикъ, голосъ, вы понимаете? Вотъ въ чемъ все дѣло. Будь вы ростомъ съ Голиава и прожили вы на свѣтѣ вѣка Маусала, а коли нѣтъ у васъ настоящаго голоса, такъ вы себѣ и на соль не заработаете.

Находясь въ болтливомъ настроеніи, что обыкновенно случалось съ нею послѣ обѣда, когда третій «пріемъ» рему былъ поглощенъ, она начала говорить именно такъ, какъ я того желалъ. Она сказала мнѣ, что знала на своемъ вѣку многихъ разнощиковъ, умѣвшихъ хорошо купить и хорошо продать, а между тѣмъ, постоянно остававшихся на заднемъ планѣ только потому, что у нихъ былъ хриплый или слабый или глухой голосъ.

— Разумѣется, говорила она: — есть такія вещи, простыя вещи, картофель, лукъ, капуста — тѣ всегда сойдутъ, какинъ голосомъ ни кричи, лишь бы былъ у разнощика свой правильннй обходъ, потому что люди ужъ знаютъ его время и поджидаютъ его; ну, а съ такимъ товаромъ, безъ чего можно обойтись, что надо выхвалять да навязывать, тутъ дѣло другое. Возьмемъ мы теперь рыбу. Завтра можетъ быть рыба, а можетъ и не быть. Даже купцы на базарѣ, и тѣ не могутъ сказать навѣрное. Опять и то, можетъ она быть дешева, можетъ быть и дорога. Положимъ, дешева. Возьмемъ камбалу; положимъ, вы купили себѣ партію камбалы. Что-жъ вы думаете, много вы продадите, коли потащитесь съ нею по улицамъ и станете гудѣть: «вотъ камбала! хорошая камбала!» такимъ голосомъ, какинъ кричатъ рѣпу или картофель? Вамъ просто не на что будетъ купить масла, въ чемъ изжарить собственный ужинъ. Вы тутъ всю душу свою положить должны, чтобы и самого себя увѣрять, какъ удивительно дешева ваша камбала; такъ должны стараться,

чтобы въ ночь васъ бросило изъ-за этой камбалы. Вы вдругъ проворно выходите изъ-за угла и въ ту же самую минуту взвигиваете: «дурская камбала! прелестная камбала! богатая камбала! невиданная камбала! И вся живая! вся живая! вся живая!» И такъ вы продолжаете, быстро ѣдете дальше и не понижаете голоса. Вдругъ вы взглядываете на вашу камбалу и видите пару, такую крупную пару, такую отъѣвную, что вы поневолѣ останавливаетесь, и это такъ же быстро, какъ вы завернули быстро за уголъ. «О, подлюбуйтесь», говорите вы, понижая тонъ и переходя къ разговорной рѣчи, «вотъ красавцы! Пронади я, если въ цѣломъ морѣ вы найдете что лучше! Глядите сюда, леди! вотъ вамъ пара камбалы, три пенса!»

— Вотъ какъ надо продавать камбалу! захотела мистрисъ Уинкшипъ, складывая свои жирныя руки съ торжествующимъ видомъ и наглядно изображая, какимъ образомъ надо показать пару въ ту самую минуту, когда объявляется ея цѣна. То же и съ фруктами.—Есть, дружокъ мой, такія манеры кричать фрукты, что у всякаго, кто услышитъ, слюнки потекутъ. Особенно такіе фрукты, что повѣжиѣ. Какъ я была молодою дѣвушкою, продолжала мистрисъ Уинкшипъ: — я была чудо какъ ловка на ренклоды; я и въ чемъ другомъ за себя могла постоять, а ужъ на ренклоды я была лучше всѣхъ. Все дѣло было тутъ въ голосѣ и потому надо было знать, на какихъ словахъ приударить: «сочные ренклоды! самые свѣжіе ренклоды! лучшіе ренклоды и кушать и въ прокъ беречь!» Часто, въ жаркій лѣтній вечеръ, мнѣ случалось набивать себѣ полный карманъ денегъ, а всего-то у меня было только шелковый платочекъ на плечахъ, да полрѣшета ренклодовъ подъ мышкой.

Былъ ли у меня музыкальный голосъ? Я не спрашивалъ объ этомъ мистрисъ Уинкшипъ въ то время, когда происходилъ вышеприведенный разговоръ, но эта идея съ тѣхъ поръ постоянно занимала мой умъ. Моя матица считалась хорошею пѣвицею и я зналъ навзвустъ многіе изъ ея мотивовъ, и часто пѣвалъ ихъ Полли по ночамъ; но изъ того обстоятельства, что я зналъ и могъ пропѣть, выдѣлывая всѣ трели и удовлетворяя, по крайней мѣрѣ, всѣмъ своимъ собственнымъ требованіямъ, пѣсни «Юной Рилли» и «Смѣлаго Солдата», еще нельзя было выводить то заключеніе, что у меня окажется хорошій голосъ для выхваиванья дурской камбалы или свѣжихъ ренклодовъ.

Хорошъ ли мой голосъ? Этотъ вопросъ никогда не представлялся мнѣ такъ неотвязно и настойчиво, какъ въ то утро, когда я выразилъ моему отцу рѣшимость не подчиняться долѣе колодушкамъ матицы. Хуже всего было то, что повидимому един-

ственнымъ средствомъ избавленія было для меня неприще «лятеля», а по словамъ мистрисъ Уиннишъ, на которую я возлагалъ всю мою надежду, безъ сильного и музыкальнаго голоса невозможно было сдѣлаться «лятелемъ». Попробовать голосъ было нелегко. Я нѣсколько разъ пытался пѣть про себя, и это мнѣ удавалось; но можно ли было на такихъ недостаточныхъ основаніяхъ рѣшиться на тотъ важный шагъ, который я замыслилъ? Эти мысли до такой степени сосредоточивали на себѣ все мое вниманіе, когда я разъ сидѣлъ на ступеняхъ лѣстницы съ сестрою Полли на рукахъ, что она вдругъ какъ-то вывернулась у меня изъ рукъ и со ступомъ и съ крикомъ повалилась по каменнымъ ступенямъ.

Мистрисъ Вѣркъ налетѣла на меня, какъ громовая стрѣла. Не слушая никакихъ объясненій и даже не позаботившись поднять Полли, она схватила меня за волосы и нѣсколько разъ стукнула меня головою о притолку. Она хотѣла схватить меня за ухо, но такъ-какъ я увернулся, то она до крови расцарапала мнѣ щеку ногтями. Она стала бить меня кулаками, какъ записной боецъ бьетъ своею противника.

— Я исковыряю вамъ вашу скверную морду, грязный вы поросенокъ! сказала она и защемила мой носъ между суставами указательнаго и средняго пальцевъ. Боль привела меня въ бѣшенство. Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ взбѣялся; я вывернулся изъ ея жестокой руки и изо всѣхъ силъ запустилъ зубы въ ея большой палецъ. Ей должно быть было очень больно, если судить по тому, какъ она взвыла. Она выпустила меня изъ рукъ и въ ту же минуту я выскользнулъ и пустился бѣжать по проулку такъ быстро, какъ только несли меня ноги.

ГЛАВА XI,

въ которой я провожу вечеръ на Смитфильдскомъ базарѣ и чуть-чуть не попадаюсь снова въ когти мистрисъ Бѣркъ.

Преслѣдовала ли меня мистрисъ Вѣркъ (я буду попрежнему называть ее этимъ именемъ, если читатель не находитъ этого для себя неудобнымъ) — я рѣшительно не знаю.

Выбѣжавъ изъ проулка Фрайингленъ, я уже не поворачивалъ назадъ и даже не оглядывался. Я пробѣжалъ мимо доброй мистрисъ Уиннишъ, сидѣвшей на своей коксовой мѣркѣ, и она, судя по моему перепуганному лицу, что я бѣгу отъ опасности, крикнула мнѣ: «бѣгите. Джимми, бѣгите! Всякой вамъ удача!»

Добѣжавъ до выхода изъ проулка, я встрѣтился съ мальчигомъ, несшимъ въ проулокъ трехпенсовую порцію горячаго рому; чтобы не столкнуться съ нимъ, я повернулъ налѣво и усердно послѣдовалъ доброму совѣту мистрисъ Уинншипъ.

Когда я былъ за тысячу миль отъ Англіи, мнѣ часто приходила въ голову мысль о томъ, какъ сложилась бы моя жизнь, еслибы со мною не встрѣтился этотъ мальчикъ съ ромомъ и еслибы я повернулъ не налѣво, а направо? Еслибы я поступилъ такимъ образомъ и продолжалъ бѣжать все прямо, я бы очутился скоро, сначала въ паркахъ, потомъ въ поляхъ, потомъ за городомъ въ деревнѣ. Тогда я могъ бы сдѣлаться пахаремъ, полевымъ работникомъ; носилъ бы я балахонъ, поярковую шапку и выпачканные землею сапоги; я бы могъ... но къ чему распространяться о разныхъ «еслибы», да «но», да «могло бы быть»? Поворотъ случился налѣво. Внизъ по улицѣ Тёрнвилль, черезъ Кау-Кроссъ и прямо впередъ вплоть до Смитфильдскаго базара.

Если для меня и не было счастья то, что я побѣжалъ въ этомъ направленіи, по крайней-мѣрѣ въ то время я положительно видѣлъ въ этомъ свое спасеніе. Еслибы мистрисъ Бёркъ погналась за мною, то я недалеко убѣжалъ бы отъ нея въ открытомъ мѣстѣ; но на Смитфильдскомъ базарѣ выгоды были на моей сторонѣ. Я освоился вполне съ тамошними «загонами», потому что проводилъ тамъ, играя съ своими сверстниками, рѣдко выдававшихся свободные часы; и если мистрисъ Бёркъ не была такъ же искусна въ скаканьи и перепрыгиваньи, какъ въ кулачныхъ упражненіяхъ, то ей мудрено было угнаться за мною.

День былъ не базарный и площадь была сповойна и пуста, какъ она обыкновенно бываетъ въ такіе дни. Когда я очутился среди «загоновъ», инстинктъ самосохраненія побудилъ меня поторопиться къ тому мѣсту базара, гдѣ продавались свиньи. Я слышалъ, что знакомые мнѣ мальчики говорили: «о, не будемъ играть въ свиной части! тамъ ужасно скользко!» Такъ оно и было, въ особенности для непривычныхъ людей.

Я взлѣзъ на одну изъ верхнихъ перекладинъ въ свиномъ ряду и боязливо осмотрѣлся кругомъ; скоро я убѣдился, что мистрисъ Бёркъ, хотя быть можетъ и погналась сначала за мною, но потомъ потеряла меня изъ виду, или же запыхавшись принуждена была отдыхать. Моя позиція была чрезвычайно удобна для осмотра вѣстности; мнѣ все кругомъ было видно на значительное расстояние. Однако всѣ тѣ, кого я могъ замѣтить, были мнѣ совершенно незнакомы, и даже никто не смотрѣлъ въ мою сторону. Это было очень хорошо, что на меня не обращали внима-

нiя, а то остановился бы одинъ человекъ, потомъ другой, наконецъ собралась бы гдѣлая толпа и полицменъ явился бы освѣдомиться о причинахъ сборища.

Соображая то плачевное положенiе, въ которомъ я находился, я даже удивляюсь тому, что никто не обратилъ на меня вниманiя. Конечно, въ этой части города было не мало оборванныхъ и безпрiютныхъ мальчиковъ, но моя наружность была въдесятеро хуже внѣшняго вида обыкновенныхъ брошенныхъ оборвышей. Конечно, я заплакалъ, когда мистрисъ Бёркъ начала наезывать меня съ такою дьявольскою жестокостию. Я плакалъ все время, какъ бѣжалъ и продолжалъ плакать сидя на перекладнѣ. Я запыхался отъ долгаго бѣга, я рыдалъ отъ ярости, и отъ боли и отъ бессильной злости; мои слезы смѣшивались съ кровью изъ тѣхъ ранъ, которыя ногти мистрисъ Бёркъ оставили у меня на щекахъ и на носу; волосы были у меня всѣ всклочены; шапки на мнѣ не было; мои босыя ноги были всѣ въ грязи, куртка вся взорвана и покрыта заплатами; и въ такомъ видѣ я сидѣлъ на перекладнѣ въ свиномъ яру, въ среду вечеромъ въ веселое майское время.

Такая картина представляется мнѣ, когда я оглядываюсь назадъ на это несчастное прошлое. Но когда совершались эти событiя, я не обращалъ вниманiя на ея подробности. Съ самой смерти моей матери, то-есть въ теченiе года и трехъ мѣсяцевъ, у меня была всего одна пара сапогъ; и та фуражка съ большимъ козырькомъ, въ богорой я шелъ за гробомъ на клеркенуэльское кладбище, была послѣднимъ моимъ головнымъ уборомъ. Что касается до моихъ слезъ, то онѣ были мнѣ гораздо болѣе привычны, чѣмъ улыбки; а о какомъ-нибудь лишнемъ снискѣ или свѣжей царапинѣ, право, не стоило заботиться, благодаря щедрости ирландки.

Уши, глаза, мысли мои были устремлены только на одинъ предметъ — на ожидаемое появленiе преслѣдующей меня мистрисъ Бёркъ. Зная, что это за женщина, я тѣмъ болѣе боялся. Хотя она могла прямо и открыто догнать и поймать меня, но я зналъ, что она предпочтетъ пританяться гдѣ нибудь сзади и потомъ вдругъ броситься. Чтобы уберечься отъ такого ужаснаго бѣдствiя, я долженъ былъ держать ухо востро. Только тогда, когда на церковныхъ часахъ пробило четыре, я началъ серьезно обдумывать, что мнѣ дѣлать.

Идти ли мнѣ домой? Какъ я осмѣлюсь? Она убьетъ меня. Она опять будетъ бить меня головою объ стѣну и терзать меня своими костлявыми руками. Уже не разъ она грозила вырѣзать у меня печенку. Само собою разумѣется, что у нея хватить на

это жестокости, а хуже всего то, что у нея есть теперь достаточные резоны; что бы она со мною ни сдѣлала, ей довольно будетъ показать свой укушенный налечь, и отецъ принужденъ будетъ согласиться, что мнѣ досталось подѣломъ. Что могъ я сказать отцу въ оправданіе моего дикаго поступка? (я пришелъ къ тому заключенію, что поступокъ мой былъ дикій). Я уронилъ ребѣнка. Отъ меня требовалось только, чтобы я сдѣлалъ смиренно и держалъ дѣвочку крѣпко, а я выпустилъ ее изъ рукъ и зашибъ ее, неизвѣстно какъ сильно. Это обстоятельство дѣла до сихъ поръ совершенно ускользало отъ меня — какъ сильно ушиблась Полли? Она упала съ ужаснымъ стукомъ и закричала самымъ раздражительнымъ образомъ. Можетъ быть, у нея переломаны кости! Можетъ быть, это и есть разгадка того необъяснимаго обстоятельства, что моя мачиха не погналась за мною по пятамъ. Ясно, что нечего было и думать о возвращеніи домой.

Куда же мнѣ однако пойти? Въ это время уже стемнѣло; начали зажигать фонари и свиной рынокъ сдѣлался очень непріятнымъ мѣстопробываніемъ. Я пробрался между загонами, дошелъ до передняго ряда, находящагося на одной линіи съ проходомъ Лонгъ-Ленъ, и тутъ я еще разъ присѣлъ для дальнѣйшихъ размышленій.

Я просидѣлъ тутъ — на второй перекладнѣ, болтая ногами по направленію къ дорогѣ, держась тѣломъ внутри ограды и опираясь руками на верхнюю жердь — съ полчаса или больше, стараясь серьезно обдумать мой дѣла и совершенно устранивъ изъ вопроса мысль о возвращеніи домой; но никакого толку не вышло; чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ больше мнѣ хотѣлось ѣсть. Я замѣтилъ, что я все больше и больше вдумываюсь въ то, что можетъ случиться со мною, если я вернусь домой. Я припомнилъ самую лютую потасовку, кабая когда-либо мнѣ доставалась, припомнилъ на сколько мнѣ было тогда больно и предположивъ, что въ этомъ случаѣ я получу двойную дозу (это было самое меньшее, на что я могъ рассчитывать), я старался сообразить, смогу ли я выдержать эту казнь. Я, право, думаю, что мнѣ удалось убѣдить себя въ возможности выдержать, но вдругъ я почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ моей рукѣ, и поднявъ глаза я увидѣлъ передъ собою джентльмена, державшаго между большимъ и указательнымъ пальцами два пенса.

— Вотъ, бѣдный замарашка, сказалъ онъ:—возьмите себѣ и купите хлѣба.

И прежде чѣмъ я опомнился отъ изумленія, онъ прошелъ мимо и потерялся въ темнотѣ. Я даже не сказалъ ему спасибо и я не зналъ, огорчаться ли мнѣ, или радоваться по этому случаю.

Исторія оборвыша.

чаю. Такие странные были эти два пенса. Я ихъ не заслужилъ. Я изъ-за нихъ не работалъ. Я ихъ не ожидалъ. Онъ добровольно подаль ихъ мнѣ. Другіе люди много разъ давали мнѣ по полупенсу, и я тратилъ эти деньги, задумываясь предварительно только о томъ, что мнѣ на нихъ купить. Но мнѣ было какъ-то неловко тратить таимъ же образомъ два пенса незнакомаго джентльмена.

Провалился его два пенса! Коли хотѣлось ему дать мальчику два пенса, пускай бы онъ сказалъ: «вотъ вамъ два пенса», и дѣло съ концомъ! Правда, я точно бѣдный замарашка и, сколько я помню, я не чувствовалъ себя особенно оскорбленнымъ, когда меня такъ называли; собственно то, что онъ наказалъ мнѣ купить хлѣба на его деньги, собственно это уподобляло его два пенса деньгамъ, поданнымъ нищему. Его слова звучали въ моихъ ушахъ и производили въ нихъ что-то въ родѣ того звона, который я чувствовалъ обыкновенно послѣ побоевъ мистрисъ Бёркъ; я посмотрѣлъ вдоль по улицѣ въ обѣ стороны и почувствовалъ значительное облегченіе, убѣдившись въ томъ, что никто не видалъ этой маленькой сцены. Успокоившись на этотъ счетъ я, чтобы спасти свое оскорбленное достоинство, крикнулъ громко и задорнымъ голосомъ въ ту сторону, куда отправился сострадательный человѣкъ:

— Чтобъ вамъ лопнуть! Чтò вы за прикащпкъ? Не буду я покупать хлѣба; куплю чтò хочу!

Такъ я и сдѣлалъ. Чувствуя, что этотъ незнакомецъ мой врагъ, котораго желанія я нарушу съ большимъ удовольствіемъ, я отправился, по направленію къ Бербивену, рѣшительно отвертываясь отъ булочныхъ (при моемъ возрастающемъ голодѣ это было нелегко), и обращая свои мысли къ предметамъ роскоши. Въ то время на Бербивенѣ была маленькая старомодная лавочка, въ которой продавались разныя желе и варенья. Тамъ была оптовая продажа и варенье было сложено въ большія галлонныя банки; на каждой банкѣ была особая надпись, съ обозначеніемъ цѣны ея содержанія. Одна изъ этихъ банокъ въ особенности овладѣла моимъ вниманіемъ; на ней было написано «ренклоды» и ея края были соблазнительно замазаны вареньемъ. Цѣна была назначена по восемнадцати пенсовъ за фунтъ, и, произведя по пальцамъ продолжительное и трудное вычисленіе, я открылъ, что двѣ унціи этого варенья будутъ стоить два пенса одинъ фартингъ. То было непобѣдимое затрудненіе. Правда, я могъ войти и просить себѣ на два пенса. Два пенса деньги хорошия. Это не то, что войти и попросить на полпенса. «На два пенса ренклодоваго варенья, прошу васъ». И послѣ этой короткой репе-

тищн, я твердым шагом пошелъ къ дверямъ лавки; но едва я ступилъ на порогъ, какъ получилъ по уху ударъ, отбросившій меня назадъ на улицу.

— Убирайтесь прочь! крикнула старуха, распорядившаяся въ лавкѣ и повидимому непривыкшая своего покупателя. — Я за вами ужъ минутъ десять присматриваю, дрянной ворюшка!

И съ этими словами, она рѣзко захлопнула дверь и заперла ее на задвижку.

Какъ ни былъ я раздраженъ тогда этою неудачею, но теперь я не сомнѣваюсь въ томъ, что старуха оказала мнѣ настоящую услугу. На что мнѣ было нужно ренклодовое варенье? Я хотѣлъ купить это варенье просто изъ желанія сдѣлать на зло моему благодѣтелю; меня во время остановили и вмѣстѣ съ тѣмъ наказали. Но тогда не такія мысли шевелились въ моей головѣ; къ стыду своему я долженъ сознаться, что пылая жаждою мщенія, я бросился на улицу за хорошимъ булжнникомъ, которымъ мнѣ хотѣлось пустить въ окно противной лавочки; но въ это самое время меня поразилъ такой заманчивый запахъ, что гнѣвъ мой мгновенно схлынулъ.

Запахъ выходилъ изъ сосѣдней кухмистерской. Гороховый пуддингъ и сдобныя «кудри» были только что вынуты изъ печи и меня ошеломили ихъ ароматъ, дѣйствительно способный довести до изступленія прозябшаго и голоднаго мальчика. Представьте себѣ, каковы были бы мои чувства, еслибы я истратилъ свои два пенса на эту жалкую каплю варенья и потомъ подошелъ бы къ кухмистерской!

Не колеблясь ни минуты, я вошелъ и купилъ себѣ ужинъ — одну штуку «кудрей» (мнѣ было больно то, что за немѣнѣемъ посуды я былъ принужденъ отказаться отъ ложки жиру, великодушно предлагавшейся съ каждою штукою) на большомъ капустномъ листѣ, кусокъ гороховаго пуддинга въ полпенса и на полпенса печенаго картофеля. Мнѣ хотѣлось тотчасъ же приняться за ужинъ, но я слыхалъ, что есть такія безнравственныя каналы, которыя подстерегаютъ беззащитныхъ дѣтей и отбираютъ у нихъ ихъ добро; поэтому я завернулъ свой ужинъ въ капустный листъ, спряталъ его за пазуху куртки, скорыми шагами пошелъ назадъ къ свиному рынку и тамъ, въ укромномъ уголкѣ, съѣлъ все съ величайшимъ наслажденіемъ.

Я не скажу, чтобы я не могъ съѣсть больше — напротивъ, я увѣренъ, что съѣлъ бы втрое — однако же послѣ ужина я почувствовалъ себя гораздо лучше. Я чувствовалъ себя лучше во всѣхъ отношеніяхъ; достоинство ужина смягчило мое сердце и утолило голодь. Каково было маленькой Полли? Я думалъ объ

ней больше, чѣмъ объ отцѣ, о домѣ, о чемъ бы то ни было; и неудивительно. Безъ сомнѣнія, она днемъ какъ тяжелая гира сковывала мою свободу, а по ночамъ самымъ мучительнымъ образомъ лишала меня сна, но она была много маленькое существо. Она не могла говорить со мною, но ей были невыносимы мои слезы; и много, много разъ, послѣ того какъ мистрисъ Вёртъ била меня и когда мнѣ было такъ горько, что я не зналъ куда дѣваться, бѣдная Полли обвиняла свои крошечныя ручки вокругъ моей шеи и прикладывала губы къ моей щецѣ и целовала меня. Она была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ и я думаю, что я также былъ единственнымъ утѣшеніемъ этого бѣднаго ребѣнка.

Эти и сотни другихъ, такихъ же мрачныхъ размышленій прошли черезъ мою голову, пока я сидѣлъ въ свиномъ ряду; наконецъ, это сдѣлалось для меня невыносимымъ, и я рѣшился напропалую, пойдти домой и поразспросить, чтѣ тамъ дѣлается, или по крайней-мѣрѣ, подойти къ нашему проулку, и бродить около, пока увижу кого-нибудь изъ тамошнихъ обитателей, къ кому я могъ бы обратиться съ разспросами.

Въ это время было уже совсѣмъ темно, и по дорогѣ отъ Смитфильда къ нашему проулку было мало прохожихъ; при всемъ томъ, я подвигался впередъ съ величайшей осторожностію, и притаивался въ подворотнѣ чуть только замѣчалъ кого-нибудь, кто издали былъ хоть немного похожъ на моего отца, или на мистрисъ Вёртъ. Однако, я не встрѣтилъ ни одного знакомаго человѣка, и въ полной безопасности дошелъ до улицы Тёрнмилль. Мнѣ такъ посчастливилось, что не доходя двадцати ярдовъ до проулка Фрайингпенъ, я наткнулся не на кого другого, какъ на моего стараго пріятеля Джерри Пепса.

Я сказалъ, что я наткнулся на него, но точнѣе было бы сказать, что онъ наткнулся на меня. Онъ бѣжалъ прямо на меня черезъ улицу, и обнялъ меня обѣими руками, какъ будто такъ былъ радъ меня видѣть, что не могъ совладать съ своимъ восторгомъ.

— Чтѣ, Джимъ? Чтѣ, милый старый другъ? Куда вы идете? сказалъ мастеръ Пепъ, продолжая обнимать меня самымъ нѣжнымъ образомъ.

— Самъ не знаю, куда иду, Джерри! отвѣтилъ я, пожимая руку доброму парню. — Я думалъ пойдти домой посмотреть...

— Такъ вы не были дома? спросилъ Джерри съ жаромъ.

— Нѣтъ.

— Не были дома съ утра? Съ тѣхъ жоръ какъ убѣжали?

Голосъ Джерри дрожалъ отъ волненія, когда онъ предложилъ мнѣ этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я. — Я цѣлый день пробылъ на улицѣ. Что она всѣ, Джерри? Видѣли вы маленькую Полли нынче послѣ обѣда?

Мастеръ Пепъ не отвѣчалъ на мой вопросъ.

— Коли вы не были дома, такъ идите жъ домой теперь, сказалъ онъ, схватывая меня за воротникъ куртки съ воодушевленіемъ болѣе порывистымъ, чѣмъ дружеская радость; онъ даже толкнулъ меня въ томъ направленіи, куда онъ совѣтовалъ мнѣ идти.—Пойдемъ. Вѣдь вы жъ домой хотѣли идти, сами говорили.

Поведеніе Джерри вдругъ пробудило во мнѣ сильнѣйшее подозрѣніе.

— Я тогда домой пойду, когда мнѣ будетъ угодно, сказала я, и сѣлъ на мостовую.

Гнусный предатель, повидимому, вдругъ замѣтилъ опрометчивость своей тактики.

— Вы не идете домой? сказалъ онъ съ притворнымъ изумленіемъ, отнимая въ то же время руку отъ моего воротника.—Какой же вы чудакъ! Вы жъ сейчасъ сказали, что идете домой.

— Я могу идти безъ вашего подталкиванья, Джерри Пепъ. — Съ какой стати вы меня толкаете?

— Я васъ толкаю? Зачѣмъ мнѣ васъ толкать, Джими? Очень мнѣ нужно васъ толкать! Стану я вамъ въ другой разъ дѣлать одолженіе! Не дождетесь, молодой человѣкъ!

— Какое одолженіе, Джерри?

— Какое! Да она всѣ тамъ реветъ о васъ въ проулкѣ...

— Кто реветъ?

— Кто! Да вашъ отецъ, и ваша мать, и маленькая Полли, и вся тамошняя арава. Просто моего терпѣнья не стало. Вотъ и подумалъ я: тутъ они объ немъ убиваются, и ужинать безъ него не хотятъ, хоть у нихъ тамъ нынче удивительный мясной пуддингъ съ горячимъ картофелемъ, а онъ въ это время, должно быть, шатается гдѣ-нибудь по улицамъ, и не смѣетъ придти домой, бонится потасовки. Джимъ знаетъ меня, думаю я про себя. Я никому не скажу ни слова, а только выйду изъ дому и дамъ ему знать, какъ дѣла. Такъ я и сдѣлалъ. И вотъ вы здѣсь и валаетесь по мостовой, и готовы назвать меня лгуномъ!

Недалеко отъ насъ былъ газовый фонарь, и когда Джерри говорилъ, то легко было замѣтить, что у него каждое слово прочувствовано и что мои подозрѣнія, касательно его искренности, глубоко оскорбляютъ его преданное сердце. Мнѣ трудно было ему не повѣрить, а между тѣмъ, его рассказъ былъ чересчуръ

изумителемъ. Всѣ обо мнѣ плачуть, и мясной пуддингъ стынеть по случаю моего отсутствія! Я весь переполнился угрызениями совѣсти и сочувствіе къ моимъ плачущимъ друзьямъ вызвало слезы на мои глаза.

— Точно ли вы увѣрены, Джерри? спросилъ я, поднимаясь на ноги и съ признательностію схватывая его дружескую руку. — Вы точно увѣрены, что тутъ нѣтъ ошибки? Потому вы знаете, Джерри, вѣдь мнѣ очень плохо придется, коли вы ошибаетесь. Вамъ вѣдь извѣстно, Джерри, какъ она меня бьетъ и таскаетъ за волосы!

— На счетъ чего ошибаюсь? спросилъ предатель уклончиво.

— Да вотъ что плачуть и все такое...

— Ужъ это вѣрно, я вамъ говорю. Всѣ такъ воють объ васъ, точно домъ горить!

— И отецъ, Джерри?

— Отецъ пуще всѣхъ остальныхъ, отвѣтилъ мастеръ Пепъ съ жаромъ. — Да вы не вѣрьте мнѣ на слово; подите въ проулокъ, прислушайтесь сами: вы еще отъ дома Унншипъ услышите, какъ онъ воетъ. Онъ на себя руки наложитъ, тѣмъ все дѣло и кончится!

— А маленькая Полли? Чтò она здорова, Джерри?

— Совсѣмъ здорова. Никогда еще не видалъ ее бодрѣе и свѣжѣе.

— Не сломала она себѣ какой-нибудь кости, какъ я уромилъ ее на лѣстницѣ сегодня поутру? Не разбила она носъ въ кровь? Не вскочила у нея шишка на головѣ, Джерри?

— О, вотъ чего вы боитесь! сказалъ Джерри весело. — Чтò ей дѣлается! Какъ они ее подняли, она такъ хохотала; что чуть не надорвалась. Когда ее понесли къ доктору...

— Какъ? Понесли къ доктору? Зачѣмъ же, Джерри? Вѣдь вы же сказали, что она совсѣмъ не ушиблась, что она даже смѣялась!

— Развѣ я сказалъ чтò объ докторѣ? Я что-то не помню, отвѣтилъ Джерри Пепъ, отвертываясь отъ меня, чтобы скрыть свое замѣшательство.

— Сказали, сказали, Джерри! Вы сказали, что ее понесли къ доктору!

— Ну, а сказалъ я вамъ, зачѣмъ ее понесли? спросилъ Джерри снова, оборачиваясь ко мнѣ, и съ его безстыднаго лица исчезла послѣдняя тѣнь замѣшательства.

— Нѣтъ; скажите пожалуйста, Джерри.

— Не сказалъ я вамъ, что когда ее подняли, она каталась со смѣху?

— Да, это вы сказали, но...

— Очень хорошо. Этому смѣху и конца не было. Коли ужъ надо вамъ все сказать, она такъ хохотала, что они думали, съ ней сдѣлаются конвульси. Вотъ для этого-то ее я повесилъ къ доктору.

Совершенно успокоенный и утѣшенный этимъ правдоподобнымъ объясненіемъ, я пустился веселою рысью къ проулку Фрайнинг-пень, а Джерри держался рядомъ со мною и болталъ самымъ дружескимъ образомъ. Мы уже были на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ проулка, когда вдругъ мнѣ открылось его жестокое коварство.

Мы проходили мимо проулка Розы, одинъ мальчигъ — тоже изъ моихъ знакомыхъ, ростомъ съ Джерри Пепъ — вдругъ выскочилъ, и схватилъ меня такъ точно, какъ это сдѣлалъ Джерри при первой встрѣчѣ.

— Поймали, Джерри! Пополамъ, такъ вѣдь? кривнулъ мальчигъ съ азартомъ.

— Пополамъ! чтобъ вамъ подавиться! заревѣлъ Джерри, схватывая меня за другую руку. — Съ какой это стати пополамъ? Я за нимъ гонюсь съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ домой пришелъ! Вѣдь я жъ первый его поймалъ!

— Говорятъ вамъ, пополамъ! сказалъ мальчигъ, вѣрнѣе ухватывая меня за руку и давая мнѣ толчокъ. — Я жъ за вами присматривалъ съ тѣхъ поръ, какъ вы съ нимъ встрѣтились; безъ меня вы бы ни за что не привели его домой. Нечего болтать, Джерри Пепъ. Ведите его.

— Не поведу! Джимъ Баллизетъ чтò сказалъ? Вѣдь онъ сказалъ: кто первый его поймаетъ и приведетъ домой, тому я дамъ шиллингъ. А о второмъ, кто поймаетъ, онъ ничего не сказалъ.

— Не болтать, говорю вамъ, сказалъ другой мальчигъ; онъ былъ сильнѣе Джерри Пепы. — Идемъ. (Это было сказано мнѣ; при этомъ онъ меня дернулъ такъ, что у меня хрустнуло плечо). Съ вами, мой тюльпанчикъ, я бы не желалъ дѣлиться пополамъ. Васъ, надо полагать, до полусмерти изобьютъ, когда вы попадетесь въ руки къ отцу.

Еще разъ не помня себя отъ страха, я выскользнулъ у нихъ изъ рукъ и припалъ къ мостовой, крича во все горло, что я скорѣе умру, чѣмъ сдѣлаю еще шагъ къ проулку. Такъ-какъ на мнѣ не было башмаковъ, то я не могъ лягаться слишкомъ больно, но по мѣрѣ силъ, я отражалъ ихъ обидныхъ ударамъ ногъ, какъ только они хотѣли меня схватить.

Оба мальчижа были въ отчаяніи. Джерри Пепъ, низкій измѣнникъ, уже рассчитывавшій на цѣну моей крови, видѣлъ теперь, что деньги ускользаютъ изъ его рукъ и совсѣмъ побѣлѣлъ отъ

злости. На него нашелъ внезапный порывъ отчаянной храбрости (онъ былъ извѣстенъ, какъ позорный трусъ), онъ вдругъ повернулся къ своему противнику, и со всего размаху ударилъ его кулакомъ по лицу.

— Вотъ вамъ! сказалъ Джерри. — Кабы вы не сунули сюда своего носа, онъ бы у меня былъ уже дома.

То было со стороны Джерри опрометчивое движеніе. Мальчикъ получилъ предназначенный ему ударъ, но къ несчастію для мастера Пепы, этотъ мальчикъ былъ изъ породы тѣхъ твердоголовыхъ субъектовъ, на которыхъ ударъ не дѣйствуетъ, если онъ сразу не сшибаетъ ихъ съ ногъ. На секунду твердоголовый мальчикъ остановился, отирая свой зашибенный носъ обшлагомъ куртки и глядя пристально на Джерри. Потомъ онъ кинулся на него, какъ такса кидается на крысу. Въ одно мгновеніе онъ ударилъ его о землю и тутъ прпнялся тузить негодяя такъ, что мое сердце радовалось. Мнѣ это до такой степени было пріятно, что я, забывая объ опасности, залюбовался на эту сцену. Однако, съ быстротою молніи въ головѣ моей мельнула мысль: теперь мнѣ пора убраться!

И съ поспѣшностью, почти равною быстротѣ моей мысли, я вскочилъ и побѣжалъ, оставивъ среди улицы сражающихся въ грязи противниковъ.

ГЛАВА XII,

ВЪ КОТОРОЙ Я СТАРАЮСЬ ПРИСТРОИТЬСЯ КЪ «СЛАЯНЬЮ»
И ПРИОБРѢТАЮ НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ ЗНАКОМСТВЪ.

Я побѣжалъ назадъ, въ ту сторону, откуда пришелъ, и быстро очутился снова въ Смитфильдѣ, и въ той самой части рынка, въ которой я провелъ большую часть дня. Никто не преслѣдовалъ меня и на базарѣ было еще темнѣе и тише, чѣмъ полчаса тому назадъ, когда я ушелъ оттуда.

Моя рекогносцировка сопровождалась немалыми опасностями и добытые ею результаты были далеко неудовлетворительны. Впрочемъ, одинъ пунктъ былъ дознанъ достоверно: возвратиться домой было бы съ моей стороны почти безумно. Это значило бы помогать мнѣмъ палачамъ и собственными руками устроить себѣ погибель. Какъ могъ я, послѣ выслушаннаго мною разговора между коварнымъ Джерри Пепомъ и его товарищемъ, сомнѣваться въ томъ, что мой отецъ, не говоря уже о мистрисъ Бэргъ, былъ внѣ себя отъ ярости противъ меня? Въ самомъ дѣлѣ, мой отецъ не могъ даже сдержать свое бѣшенство до

той минуты, когда я самъ вернусь домой; его бѣшенство хлопотало и било черезъ край и онъ чувствовалъ такую непреодолимую потребность излить его на меня, что предложилъ за мою поимку значительную сумму — цѣлый шиллингъ. Для него это составляло значительную сумму. Таская тяжести, требовавшая лошадиной силы, онъ долженъ былъ потратить четвертую часть дня на добыванье этихъ денегъ. На шиллингъ онъ могъ купить себѣ три кружки пива.

Такъ-какъ возвращеніе домой совершенно исключалось изъ вопроса, то что же надо было дѣлать? Гдѣ же я буду спать? Этотъ вопросъ представился мнѣ вдругъ и это было совершенно естественно, потому что до сихъ поръ я никогда въ жизни не проводилъ ночи иначе, какъ въ болѣе или менѣе комфортабельной постели. Что же мнѣ заснуть на томъ мѣстѣ, гдѣ я сижу? Пожалуй, отчего же, Я съѣлъ хорошій ужинъ и ночи не были *черезчуръ* холодны. Одна такая ночь не повредитъ мнѣ, конечно, одна только; я свернусь въ уголѣ и постараюсь устроиться поудобнѣй. Свѣтаетъ рано, и тогда...

А! и тогда! Я въ теченіе всего вечера думалъ о завтрашнемъ днѣ, видя его въ какомъ-то неопредѣленномъ и мистическомъ свѣтѣ; но теперь завтрашній день выросъ передо мною такъ внезапно, какъ будто передо мною поднялась каменная стѣна. Съ завтрашнимъ днемъ шутки плохи. Гдѣ бы я ни спалъ, стоило только закрыть глаза и открыть ихъ снова, и вотъ уже настанетъ новый день — тотъ день, когда я долженъ буду съ одними голыми руками пуститься въ итійское море и добывать себѣ насущное пропитаніе. Разумѣется я, какъ говорится, стою уже на своихъ ногахъ съ самаго утра; но такимъ образомъ я провелъ все-таки только лоскутокъ дня. Я всталъ въ это утро дома; я тамъ позавтракалъ, я убѣжалъ, и воротился, и опять убѣжалъ. Я приобрѣлъ себѣ ужинъ независимо отъ дому, но какимъ способомъ? Невозможно такимъ путемъ начать и довести до конца новый день. Прежде чѣмъ я улягусь спать, я долженъ сообразить, къ какой работѣ мнѣ пристроиться и какъ только я проснусь, мнѣ надо пойдти искать этихъ занятій.

Къ чему же пристроишься? Разумѣется, къ «славию». Разсвѣтаетъ рано утромъ, и я пойду на какойнибудь базаръ—въ Ковентъ-Гарденъ или въ Биллингсгетъ все равно,—высмотрю изъ разношниковъ когонибудь подобрѣе, и предложу ему мои услуги. Если онъ у меня спроситъ, сколько мнѣ нужно въ день, я скажу ему...

Фью! Оно хорошо разсуждать, что вотъ пойду на базаръ и высмотрю себѣ хозяина; а положимъ такъ, что я и хозяинъ нашелъ,

уговорился съ нимъ, а къ работѣ-то этой неспособенъ! Положимъ, напримѣръ, что въ голосѣ моемъ нѣтъ той силы и звучности, которая требуется для «лаанья»! Конечно, я не зналъ, каковы въ этомъ отношеніи мои способности; но какой же я былъ глупый мальчишкѣ, что пропустилъ все время послѣ обѣда и весь вечеръ не удостовѣрившись въ этомъ! Мнѣ одному принадлежалъ, такъ-сказать, весь базаръ въ теченіе многихъ часовъ, а я только безъ всякаго дѣла шлялся по этому базару изъ конца въ конецъ, какъ будто у меня было сто фунтовъ годоваго дохода.

Надо было тотчасъ приняться за дѣло. Было еще непоздно—десятый часъ въ началѣ—и мнѣ было всего удобнѣе удалиться въ центръ свинаго ряда и начать практическія упражненія.

Къ какому базару мнѣ готовиться?

Въ обыкновенное время, я бы затруднился выборомъ; но холодные, скользкіе, избитые камни, на которыхъ я стоялъ и рѣзкій ночной воздухъ обнаружили свое вліаніе и я безъ колебаній предпочелъ Ковентъ-Гарденъ Виллингсгету. Когда этотъ первый вопросъ былъ рѣшенъ, тогда надо было сообразить, какіе цвѣты или растенія обыкновенно продаются въ это время года. Какіе цвѣты? Посмотримъ; ну, разумѣется желтофіолы; ихъ всего больше собираютъ и покупаютъ.

Гмъ!

— Желто-фіолы! свѣжіе, душистые желто-фіолы!

На счетъ голоса все было какъ нельзя лучше, но для моихъ собственныхъ ушей было совершенно ясно, что я не уловилъ должной интонаціи; ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало отрѣзывать такъ коротко первое «желтофіолы». Попробуемъ еще разъ; тутъ я приложилъ руку къ одной сторонѣ рта, чтобы звукъ разносился дальше.

— Желто-фіолы! Свѣжіе, душистые желто-фіолы!

Такъ было гораздо лучше. Я ходилъ взадъ и впередъ по темному ряду, и въ теченіе четверти часа производилъ громогласную торговлю по части желтофіолей, кричалъ «го!» воображаемому ослу и почтительно обращался къ воображаемому хозяину за мелочью на шиллингъ и шесть пенсовъ, какъ будто все это происходило въ дѣйствительности.

Отшлифовавъ желтофіолы къ полному моему удовольствію, я сталъ искать какихъ нибудь плодовъ, соответствующихъ времени года, и остановился на клубникѣ. Я приступилъ къ ней съ самоувѣренностью, основанною на моемъ первомъ успѣхѣ, но скоро пришелъ къ тому заключенію, что для неопытнаго «сладителя» клубника положительно составляетъ камень преткновенія. Надо было говорить такую фразу, и слова въ ней не ронявали:

— Клубника! Четыре пенса базарный горшокъ! О, мальчики! Выходило нечисто. Встрѣчалась какая-то неуклюжая зацѣвка между слогами «ба» и «зар». Можетъ быть, если переимѣнить цѣну, то будетъ иначе.

— Пять пенсовъ базарный горшокъ!

Нѣтъ!

— Три пенса базарный горшокъ!

То же, что и пять пенсовъ!

— Шесть пенсовъ базар.....

Было ясно, что цѣна тутъ ни при чемъ. Слово «базарный» портило все дѣло; кабы его выпустить, фраза вышла бы довольно гладко. Но, разумѣется, выпустить было невозможно, по какой бы цѣнѣ его ни продавать, по четыре ли пенса, или по шести. Хоть я и былъ совершенно неопытенъ въ торговыхъ дѣлахъ, однако я зналъ, что потребители разнощичьихъ фруктовъ не будутъ брать клубники, если ее не продавать по базарной мѣрѣ, такъ точно какъ не покупать они «дамасскихъ» или какогонибудь другого сорта мелкихъ сливъ, если ихъ не продаютъ по портерной мѣрѣ.

Непоколебимая настойчивость и десятки повтореній довели наконецъ провозглашеніе клубники до приличной звучности и гладкости. Надо было просто сраживать въ словѣ «базарный» первое «а», такъ что получалось слово «бзарный».

Репетиція шла довольно успѣшно, когда сидя на перекладнѣ одного изъ вагоновъ, я вдругъ замѣтилъ, что сзади меня притаились два мальчика. Моею первою ужасною мыслью было то, что Джерри Пецъ и его противникъ, окончивъ свое сраженіе, заключили между собою сдѣлку, и условились дѣйствовать противъ меня заодно. Это показалось мнѣ тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что въ ту минуту, когда я повернулся къ нимъ и сталъ смотрѣть въ ихъ сторону, одинъ изъ нихъ выскочилъ изъ засады и сильно ухватилъ меня за волосы.

— Го, мальчики! Го, мальчики! закричалъ онъ, передразнивая мое провозглашеніе клубники и жестоко дергая меня за волосы при каждомъ «го». — Самое время теперь кричать «го, мальчики!» Бродяга вы этакой, съ чего вы взяли поднимать тутъ на базарѣ такой гвалтъ, когда вамъ давно пора бить въ постелѣ, — ге, серъ?

Онъ подражалъ голосу и жестамъ разъяреннаго полицмена и размахивалъ кулакомъ, какъ будто у него въ рукѣ была полицменская палочка.

Несмотря на то, что онъ очень больно таскалъ меня за волосы, моимъ первымъ чувствомъ, когда я повернулся къ нему, было чувство радостной признательности. Эти два мальчика не были

Джерри Пенъ и его спутникъ. Они были съ ними почти одного роста, или быть можетъ немного побольше, но совершенно мнѣ незнакомы.

— Слышите, серъ, продолжалъ лжеполисменъ съ гнѣвомъ, отыскивая въ своихъ карманахъ пару ручныхъ колодокъ:—угодно вамъ будетъ двинуться съ мѣста, или мнѣ отправить васъ туда, гдѣ я завтра утромъ буду имѣть удовольствіе васъ найти? Лучше бы вамъ было идти домой подобру-поздорову. Я не приму за васъ никакого поручительства, вы такъ это и знайте, коли я разъ отведу васъ въ полицію!

— Идите домой сами, отвѣтилъ я, вырываясь изъ его рукъ и спрыгивая съ перекладкины. — Чего вы сами не идете домой? Чтѣ вы ко мнѣ пристади?

— Мы и то идемъ домой, замѣтилъ другой мальчикъ, хохотавшій надъ продѣлкою лжеполисмена такъ, что принужденъ былъ прислониться къ забору. — Мы были въ театрѣ въ Шордичѣ и теперь идемъ домой.

Затѣмъ, обращаясь къ своему спутнику, онъ сказалъ:

— Пойдемъ, Моульди! Мы къ ночи не доберемса до Вестминстера.

Я нѣсколько разъ бывалъ въ Ковент-Гарденѣ съ отцомъ и зналъ, что этотъ рынокъ въ самомъ Вестминстерѣ или близко отъ него; но я всегда ѣздилъ туда въ тележкѣ, прямо изъ дому. Съ того мѣста, гдѣ я находился теперь, я не зналъ дороги къ рынку; и услышавъ отъ мальчика, что онъ знаетъ Вестминстера, я подумалъ, что мнѣ будетъ очень удобно получить отъ него кое-какія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

— Въ какой части Вестминстера вы живете? спросилъ я у мальчика, сказавшаго послѣднія слова; волосы у него были такого же цвѣта, какъ у мистрисъ Бѣргъ, чтѣ было ясно видно сквозь прорѣхи его шапки.

— Въ какой части? Въ самой почтенной части. Развѣ не правда, Рипстонъ? отвѣтилъ мальчикъ, котораго звали Моульди.

— Я думаю, замѣтилъ Рипстонъ:—онъ и не спрашивая могъ бы догадаться по нашему виду.

— Близко отъ васъ Ковент-Гарденъ? спросилъ я.

— Чтѣ? Театръ Коммон-Гарденъ? спросилъ Моульди, забывая кверху шапку и закручивая себѣ виски кольцами, въ подражаніе манерамъ аристократіи.—О, да! Въ нашей коляскѣ минута ѣзди отъ нашего дома до театра и мы съ Рипстономъ ѣдимъ въ отдѣльную ложу. Правда, Рипстонъ?

— Охота жъ тебѣ говорить такіе пустяки! засмѣялся Рипстонъ. — Живемъ мы точно воезѣ Коммон-Гардена, воезѣ базара

и возлѣ театра. Живемъ мы въ «Дельфахъ». Вотъ мы гдѣ живемъ. А вы, молодой человѣкъ, гдѣ живете?

Дѣло было не въ томъ, гдѣ я жилъ. Безъ сомнѣнія, мнѣ удастся найти мѣсто возлѣ базара, можетъ быть, и въ самомъ базарѣ, гдѣ я проведу ночь такъ же удобно, какъ и въ Смит-фильдѣ, не говоря уже о томъ удобствѣ, что мнѣ покажутъ дорогу и что я буду на мѣстѣ утромъ во время. Безъ дальнѣйшихъ колебаній я соскочилъ съ загороди на ту дорогу, гдѣ стояли оба мальчика.

— Пойдемъ, сказалъ я. — Становится поздно.

— Куда жъ вы идете? спросилъ Моульди съ изумленіемъ.

— Съ вами, отвѣтилъ я смѣло.

— Да вѣдь мы же идемъ въ «Дельфы», я вамъ сказалъ, замѣтилъ Моульди.

— И я туда же.

Моульди свиснулъ и съ удивленіемъ взглянулъ на Риштона.

— Какъ? Развѣ ваша квартира не ближе «Арогъ»? спросилъ Риштонъ.

— Вы сказали «Дельфы», вы ничего не говорили объ «Аркахъ», сказалъ я.

— Ну «Дельфы» это «Арки», а «Арки» — «Дельфы», развѣ не такъ? замѣтилъ Риштонъ.

— Вотъ какъ! Ну, я не зналъ. Да и какъ мнѣ знать? Я никогда тамъ не бывалъ.

— Никогда не бывалъ? Да вѣдь вы же сказали, что вы тамъ живете.

— Ну, сказалъ я: — коли ужъ вамъ надо все знать, у меня теперь нѣтъ квартирн.

— То-есть нѣтъ правильной квартирн, вы хотите сказать?

— Совсѣмъ нѣтъ квартирн, отвѣтилъ я:—только здѣсь.

И я взглянулъ вкругомъ на загороди.

— Ну, это ужъ дудки! сказалъ Моульди.—У всякаго человѣка есть квартира. Что вы сдѣлали съ своимъ старымъ жильемъ?

Что я съ нимъ сдѣлалъ? Это былъ вопросъ на сколько грубый, на столько же и неожиданный; и по тому, какъ оба мальчика смотрѣли на меня и другъ на друга, было ясно, что они замѣтили мое смущеніе. Моульди продолжалъ свои разспросы.

— Коли нѣтъ у васъ жилья, сказалъ онъ:—гдѣ же вы кормитесь?

— И куда же вы ходите по воскресеньямъ? вмѣшался Риштонъ.

Я хотѣлъ, на первое время по крайней-мѣрѣ, совершенно скрыть свои дѣла отъ новыхъ моихъ пріятелей; а тутъ, въ одну

мнуну, я очутился, какъ прижатый въ уголъ и не имѣлъ возможности увернуться. А впрочемъ, гдѣ жъ тутъ была опасность? Повидимому эти мальчики сами добывали себѣ пропитаніе и заботились о себѣ, не подчиняясь ничьему контролю. Быть можетъ, мнѣ даже будетъ выгодно разсказать имъ приблизительно мое положеніе; быть можетъ, они меня научатъ, какъ пристроиться къ работѣ.

— Коли я вамъ все скажу, такъ вы обѣщаетесь, что не выйдете? спросилъ я.

Оба мальчика торжественно завѣрили меня, что они скорѣе пойдутъ на смерть, чѣмъ рѣшатся на такую низость.

— Ну, сказалъ я:—такъ я жилъ дома. Я тамъ и спалъ прошлую ночь.

— Это значить съ отцомъ и съ матерью, и все такое? спросилъ Рипстонъ.

— Да.

— И вы убѣжали? И не хотите ворочаться?

— Я никогда не ворочусь, отвѣтилъ я съ величайшею искренностью:—я не смѣю воротиться.

— Понимаю! сказалъ Моульди, проникательно кивая головой.—Вы чтѣ такое стибрили?

— Стибрилъ?

— Ну да, стащили. Понимаете? Поймали они васъ на этомъ? Или вы ушли благополучно?

— Чтѣ вы говорите? На чемъ меня поймали?

— Вотъ это прекрасно! засмѣялся Моульди.—Почемъ же я знаю, чтѣ вы тамъ украли! Развѣ жъ я тамъ былъ?

— Да я ничего не укралъ. Я оттого убѣжалъ, что меня тамъ были.

Мальчики поглядѣли другъ на друга недовѣрчиво; Моульди предложилъ указательный палецъ къ носу и выразительно мигнулъ.

— Такъ это вы оттого только убѣжали, что васъ были, а? спросилъ Рипстонъ.

— Только! Кабы вамъ задавали такого звону, вы бы не стали говорить «только!»

— Да вѣдь давали же вамъ всегда ѣду и все такое?

— Ну, конечно.

— И настоящая постель была? Съ простынями, съ одеялами, съ подушкой?

— Разумѣется, отвѣтилъ я.

— Какое «разумѣется!» захихикалъ Рипстонъ.—И вы думаете, мы вамъ такъ и повѣримъ, что вы все это бросили—и ѣду, и

постель съ простынами—и убѣжали, и боятесь воротиться домой только потому, что васъ били? Отмѣнный вы агунъ, вотъ вы чтѣ такое!

— Или набитый дуракъ, а это еще того хуже, сказалъ Моульди рѣшительно.

— Васъ никто не заставляетъ вѣрить мнѣ, только я вамъ сказалъ чистую правду, промолвилъ я.

— Что жъ, иной разъ случаются удивительныя вещи; можетъ, оно и такъ, сказалъ Рипстонъ.—Только я вамъ вотъ чтѣ скажу: кто бѣжить отъ хорошей ѣды и отъ сносной квартиры только потому, что его бьютъ, такъ того и стоитъ оставить безъ ѣды и безъ квартиры, пока онъ узнаетъ имъ настоящую цѣну.

— Пусть бы меня съ утра до вечера кто-нибудь тузилъ и толкъ, замѣтилъ Моульди:—только бы за это давалъ настоящую квартиру!

— Немного бы имъ было отъ васъ пользы, Моульди, разсмѣлся его товарищъ.—Да только вы не бойтесь; онъ сдѣлалъ что нибудь похуже, да не хочетъ признаться; думаетъ, мы выдадимъ; оно и понятно.

Рипстонъ былъ моложе Моульди, года на два моложе по крайней-мѣрѣ, но пзъ его хватокъ и изъ его разговоровъ было видно, что его житейская опытность очень обширна.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, мы шли на столько быстро, на сколько позволяли намъ широкіе сапоги Моульди, поминутно соскальзывавшіе съ его съ ногъ; мы прошли по улицѣ Ольдъ-Бели и мимо Ньюгета; тутъ мои товарищи спросили у меня, извѣстно ли мнѣ, черезъ какія ворота выводить людей на висѣлицу, и когда я имъ отвѣтилъ, что неизвѣстно, то они обязательно остановились на минуту и просвѣтили меня этимъ свѣдѣніемъ; мы вышли въ улицу Ледгетъ, перешли черезъ нее и потомъ стали странствовать по такимъ темнымъ и извилистымъ проулкамъ, какихъ я еще отроду не видывалъ. Еслибы дѣло было днемъ, то и тогда блужданіе по такимъ узкимъ и мрачнымъ проходамъ и дворамъ не могло бы подѣйствовать ободряющимъ образомъ на мою душу; но было темно, хоть глаза выколи; я чувствовалъ, что каждый мой шагъ все дальше и дальше отводитъ меня отъ дому; а этотъ домъ, какъ ни была горька и мучительна моя тамошняя жизнь, все-таки по приговору моихъ товарищей, вполне компетентныхъ судей въ этихъ дѣлахъ, былъ на столько хорошъ, что я, оставивъ его, оказывался набитымъ дуракомъ; я началъ чувствовать сильнѣйшее раскаяніе и слезы выступили у меня на глазахъ. Еслибы я принужденъ былъ говорить, то мое волненіе непременно обнаружилось бы, но къ сча-

стію или къ несчастію, мои товарищи примолкли; на нихъ по-дѣйствовала наша быстрая ходьба, они съ трудомъ переводили духъ и имъ было не до разговоровъ. Такъ мы шли дальше; я держался немного позади, и наконецъ мы вдругъ вышли изъ темныхъ проулковъ въ широкую освѣщенную газомъ улицу.

ГЛАВА XIII.

Темныя арміи и ихъ обитатели. Я присутствую при фокусѣ, совершенномъ туземцами. Моя первая по-чевка въ фургонъ.

Было уже поздно, около одиннадцати часовъ, но на улицѣ было много шума и толкотни, и такая толпа народу, что насъ на каждомъ шагу чуть не сбивали съ ногъ и мы едва могли пробираться такъ, чтобы намъ не отдавили пальцевъ.

— Идемъ, сказалъ Рипстонъ, взглядывая на меня черезъ плечо. — Теперь мы близко.

Это замѣчаніе сильно меня обрадовало. Съ тѣхъ поръ, какъ мы поворотили въ широкую и свѣтлую улицу, я думалъ о томъ, въ какой прекрасной части города жили Моульди и другой мальчикъ, и съ какимъ удовольствіемъ я поселился бы тамъ же; но затѣмъ послѣдовала тревожная мысль, что мои спутники идутъ домой — домой, въ свое жилие. Они мнѣ такъ сказали. Они не приглашали меня идти съ ними; я присоединился къ нимъ добровольно, и могъ ожидать только того, что они теперь войдутъ въ тотъ домъ, гдѣ они живутъ, а мнѣ предоста-вить устроиваться, какъ мнѣ самому будетъ угодно. Но Рип-стонъ сказалъ: «идемъ; теперь мы близко». Разумѣется, близко къ ихъ жилию, и я былъ, значитъ, приглашенъ войти.

Я немножко отсталъ отъ нихъ, отчасти потому, что очень утомился, а отчасти потому, что какой-то человекъ только что отдавалъ мнѣ лѣвую пятку; однако, я отвѣтилъ самымъ друже-любивымъ тономъ на приглашеніе Рипстона, и, на сколько хватилъ силъ, ускорилъ шаги.

Но вдругъ я потерялъ ихъ обонхъ изъ виду; они исчезли такъ, какъ будто бы растаяли.

Куда жъ они дѣвались? Можетъ, я пробѣжалъ мимо нихъ. Это было неправдоподобно, потому что я все время тщательно слѣдилъ за ними глазами; но другого объясненія это таинствен-ное событіе не допускало.

Я поворотилъ назадъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, называя

ихъ по именамъ, но никто не отвѣчалъ. Я пробѣжалъ ярдовъ двадцать впередъ, и изво всѣхъ силъ крикнулъ:

— Рипстонъ!

Опять никакого отвѣта, и отъ нихъ не осталось никакого слѣда.

Тяжелое уныніе, напавшее на меня тогда, когда мы проходили черезъ дворы и проулки, и разсѣявшееся подъ вліяніемъ блеска и многолюдства большой улицы, теперь овладѣло мною еще съ большею силою. Моимъ печальнымъ убѣжденіемъ было то, что мальчики умышленно сыграли со мной эту штуку. Имъ не нравилось мое общество, и, находясь близко отъ своего жилья, они рѣшились отдѣлаться отъ меня такимъ безцеремоннымъ образомъ. Быть можетъ, они вообще издѣвались надо мною, говоря, что мы будемъ проходить близко отъ Ковент-Гарденскаго базара; по всѣмъ моимъ соображеніямъ, Ковент-Гарденъ долженъ былъ находиться совсѣмъ въ другой сторонѣ; можетъ быть, я теперь на богъ-вѣсть сколько миль дальше, чѣмъ былъ тогда, когда тронулся съ мѣста!

Это послѣднее размышленіе имѣло такой подавляющій характеръ, что я не могъ долѣе совладать съ своимъ горемъ. Я остановился и посмотрѣлъ безнадежно вверхъ и внизъ по длинной улицѣ, которой, повидимому, не было конца; потому я прислонился къ фонарному столбу и началъ изливать свое отчаяніе такимъ тономъ, который, безъ сомнѣнія, еслибы я протянулъ его подольше, скорѣ бы собралъ вокругъ меня цѣлую толпу.

Но вдругъ, къ великой моей радости, хорошо запавшій въ память голосъ поразилъ мой слухъ:

— Смитфильдъ, гдѣ вы?

Меня не звали Смитфильдомъ, но то было мѣсто, гдѣ мои два пріятеля встрѣтили меня, и, безъ сомнѣнія, они давали мнѣ это имя, потому что не знали другого. Кромѣ того, то былъ голосъ Моульди, безъ всякаго сомнѣнія.

— Я здѣсь, отвѣтилъ я. — Вы гдѣ?

— Здѣсь, вы развѣ не видите!

Я не видалъ. Голосъ выходилъ, повидимому, изъ какого-то прохода, рядомъ съ тѣми лавками, противъ которыхъ я стоялъ въ эту минуту, но изъ котораго прохода — этого бы я не могъ распознать ни за что на свѣтѣ. Кромѣ того, мнѣ и въ голову не могло придти искать ихъ тутъ; я нивалъ не могъ себѣ представить, чтобы мои друзья были достаточно респектабельны для обитанія въ такихъ роскошныхъ жилищахъ.

Въ эту минуту, однако, мальчикъ высочелъ изъ одного про-

Исторія оворыша.

хода — такъ оно, по крайней-мѣрѣ, казалось — и скватилъ меня за руку.

— Это вы, Моульди? спросилъ я.

— Разумѣется, я, отвѣтилъ онъ нетерпѣливо, и давая мнѣ толчокъ впередъ.—Идите, коли идти!

Я скоро увидалъ, что Моульди вводитъ меня не въ частный домъ, а въ какой-то низкій и узкій проходъ, вымощенный булыжникомъ такъ точно, какъ проулокъ Фрайингпенъ. Воздухъ этого мѣста дунулъ мнѣ въ лицо сырой и смертельно-холодный; темно было такъ, что на футъ впереди ничего нельзя было рассмотреть. Пройдя нѣсколько ярдовъ въ этомъ ужасномъ проходѣ, я почувствовалъ такой страхъ, что принужденъ былъ остановиться.

— Это здѣсь — это вы здѣсь живете, Моульди? спросилъ я.

— Здѣсь внизу, отвѣтилъ онъ. — Надо еще порядкомъ спуститься внизъ. Идемъ; вы чего испугались?

— Такъ темно, Моульди!

— Я думаю, такимъ господамъ, что получаютъ акуратно всякую ѣду и жгутъ восковыя свѣчи у себя въ спальнѣ! Мы на этотъ счетъ не такъ разборчивы. Идемъ, или пустите мою руку и не задерживайте меня.

Я всѣми силами прицѣпился къ его рукѣ; я не зналъ, что дѣлать. Моульди, должно быть, почувствовалъ, что рука моя дрожить.

— Господи! нечего тутъ бояться, молокососъ! сказалъ онъ почти ласковымъ голосомъ. — Коли мы поторопимся, такъ найдемъ фургонъ или телегу, и охапку сухой соломы — будетъ на чемъ прилечь. Этимъ, знаете, не надо брезгать въ холодную ночь.

Ободренный такимъ образомъ, я пошелъ съ нимъ дальше въ темный, сырой проходъ; этотъ проходъ такъ круто спускался внизъ, и былъ до такой степени скользокъ отъ сырости, что еслибы на мнѣ были башмаки, я бы навѣрное упалъ тутъ разъ двѣнадцать. Что хотѣлъ сказать Моульди своими намеками на телеги и фургоны, и сухую солому — этого я совсѣмъ не понималъ. Если такія вещи, дѣйствительно, можно найти въ глубинѣ того ужаснаго прохода, по которому мы спускались внизъ, то, разумѣется, ими не долженъ былъ брезгать бѣдный мальчикъ, нуждавшійся въ жильѣ, а я, безъ сомнѣнія, въ этомъ нуждаюся. Кромѣ того, со стороны Моульди было очень мило предлагать мнѣ, безъ всякой просьбы съ моей стороны, часть своей постели, какъ бы ни была она скромна; и съ моей стороны было бы до крайности не деликатно отклонить это предложеніе. По-

догрѣвая такимъ образомъ на ходу свое мужество, и шель рука объ руку съ Моульди. Все ниже и ниже, и съ каждой минутой вѣтеръ, дувшій намъ въ лицо, становился холоднѣе и зловоннѣе. Наконецъ, мы догнали Рипстона, и онъ началъ ворчать, зачѣмъ мы долго замѣшались, и сталъ предсказывать, что теперь всѣ фургоны и телеги будутъ биткомъ набиты.

Камни подъ нашими ногами становились все холоднѣе и грязнѣе, и воздухъ съ каждымъ шагомъ дѣлался болѣе тяжелымъ.

— Вотъ тебѣ разъ! сказалъ Рипстонъ въ темнотѣ. — По моему пахнетъ весеннимъ приливомъ!

— Подите вы, безтолочи! отвѣтилъ Моульди. — Весенніе приливы въ нынѣшнемъ году уже кончились. Что вы не умѣете распознать по запаху низкую воду отъ высокой? Пора бы, кажется, принаровиться!

— Ахъ, да! Это, должно быть, вломъ и пахнетъ, сказалъ Рипстонъ.

— Куда мы идемъ? спросилъ я. — Куда эта дорога?

— Въ рѣку, коли пойдемъ прямо, отвѣтилъ Рипстонъ со смѣхомъ.

— Въ рѣку!

— Чего вы его пугаете, добродушно вмѣшался Моульди. — Да, Смитфильдъ, дорога ведетъ въ рѣку, коли идти по ней прямо впередъ; но мы не пойдемъ прямо, мы теперь свернемъ въ сторону.

Я не помнилъ себя отъ страха, и теперь позволялъ только вести себя дальше, потому что еслибы я повернулъ назадъ, я ни за что не нашелъ бы дороги. Кромѣ того, было такъ ужасно темно, и я остался бы одинъ, еслибы вадумалъ воротиться. Моульди попрежнему держалъ меня за руку, а Рипстонъ шель свади, напѣвая куплетъ изъ водевиля, который, вѣроятно, онъ видѣлъ въ эту ночь въ Шордичи; онъ былъ такъ веселъ и безпеченъ, какъ будто шель по самому чистому и пріятному пути. Мы свернули въ сторону и сошли внизъ по лѣстницѣ; дойдя до самага низу, Моульди сказалъ:

— Вотъ мы здѣсь. Теперь, Рипъ, возьмите вы его за другую руку, а то онъ наткнется на что-нибудь и переломаегъ себѣ ноги.

— Поднимайте ноги, Смитфильдъ, сказалъ Рипстонъ: — коли наступите на что-нибудь теплое и мягкое, не останавливайтесь поднимать эту штуку и не принимайте ее за муфту, или за что-нибудь въ этомъ родѣ; а то, коли тронете, укусятъ.

— Чтѣ такое укусятъ? спросилъ я самими серьезнымъ тономъ,

отъ всей души рассказываясь въ томъ, что не остался на всю ночь въ свиномъ ряду.

— Что? Крыса! отвѣтилъ Рипстонъ, лукаво наслаждаясь моимъ страхомъ. — Тутъ крысы бѣгаютъ такіа—съ хорошую кошку — правда, Моульди?

— Вы ему не вѣрьте, Смитфильдъ, сказалъ его пріятель. — Разумѣется, тутъ есть крысы, но онѣ ради убраться съ дороги, чуть только завидятъ васъ.

— Да, славно онѣ убираются съ дороги, нечего сказать! Такіа учтивыя; остановится и присѣдаетъ, и раскланивается, какъ встрѣтится съ вами; чудеса да и только! зубоскалилъ Рипстонъ. — Ну, а какъ же онѣ полъ старухи-то съѣли прошлую ночь; а, Моульди? Съ нею онѣ не очень чинились.

— Ну, будетъ вамъ брехать! Знайте свое дѣло — видите, а то я вамъ покажу науку, сказалъ Моульди угрожающимъ тономъ.

И мастеръ Рипстонъ, принявъ къ свѣдѣнію это рѣшеніе, замолчалъ.

Мы были въ ужасномъ мѣстѣ. На сколько оно было просторно—нельзя было угадать; но что отъ кирпичныхъ стѣнъ валилъ густой паръ — это можно было ясно видѣть при свѣтѣ немногихъ мерцающихъ сальныхъ огарковъ, разсѣянныхъ тамъ и самъ. Эти скудные свѣчные огари составляли все освѣщеніе, и каждый изъ нихъ былъ, очевидно, частною собственностью; каждый былъ поставленъ для удобства своихъ владѣтелей, лѣниво расположившихся возлѣ этихъ свѣтящихся точекъ.

Ярдахъ въ двадцати отъ того мѣста, гдѣ мы вошли, одинъ изъ этихъ огарковъ былъ прилаженъ къ стѣнѣ на старомъ ножѣ съ штопоромъ; штопоръ былъ воткнутъ между зелеными, сырными кирпичами, а сломанное лезвие ножа исправляло должность подсвѣчника. Свѣтъ находился на высотѣ трехъ футовъ отъ земли и подъ его лучами сидѣлъ скрючившись оборванный и грязный старикъ, чинившій сапогъ. Онъ сидѣлъ на крышкѣ рыбной корзины, а его рабочимъ инструментомъ были старая столовая вилка и кусокъ бичевки; провертѣвъ дырку, старикъ заострялъ губами конецъ бичевки и держалъ развалившійся сапогъ поближе къ огарку, чтобы лучше разглядѣть, куда продернуть бичевку. У него на носу были очки, по крайней-мѣрѣ была мѣдная оправка съ однимъ стекломъ; фигура старика была очень комична; губы у него были точно собраны на сморчокъ, голова на сторону и онъ старался какъ можно лучше приоровиться къ своему одинокому стеклышку; рука его постоянно такъ дрожала, что даже высмотрѣвъ дырку, въ которую надо было пропустить бичевку, онъ съ полминуты возился надъ тѣмъ,

чтобы попасть ей, какъ слѣдуетъ. Огарокъ, освѣщавшій старика, бросалъ также свой свѣтъ на колесо и на одну сторону телеги, находившейся недалеко отъ него. Вся масса телеги скрывалась въ темнотѣ, но изъ нея слышались смѣхъ и возня; въ ней было нѣсколько мальчиковъ, забавлявшихся тѣмъ, что кидали грязью въ свѣчу старика.

— Это кажется старикъ дядя Ридль, замѣтилъ Рипстонъ, когда мы остановились на минуту, чтобы полюбоваться на вогъху.

— Да, старикъ бродяга! отвѣтилъ Моульди.— По дѣломъ ему. Ха! ха! ха! Смотрите, Смитфильды! (Моульди засмѣялся тому, что комокъ грязи попалъ старикку въ лобъ). Вѣдь славная штука?

— Отчего подѣломъ ему? Что онъ имъ сдѣлалъ? спросилъ я.

— Что сдѣлалъ? О, онъ скрага! отвѣтилъ Моульди съ сильнѣйшимъ отвращеніемъ. Говорать, всѣ его деньги — сотни и тысячи, все золотомъ, спрятаны подъ камнемъ, гдѣ-то подъ этими сводами. Вотъ кабы намъ Богъ послалъ напасть на этотъ камень — а, Рипъ?

Но Рипстонъ былъ поглощенъ другими интересами и не могъ отвѣчать. Мѣтко пущенный комокъ грязи вышибъ сапогъ изъ рукъ скраги въ ту самую минуту, когда ему удалось продернуть бичевку въ проверченную дырку, и теперь онъ ползалъ на четверенькахъ и шупалъ руками въ темнотѣ, стараясь отыскать свой старикъ сапогъ. Съ той телеги, гдѣ сидѣли мальчики, раздались такіе взрывы хохота, отъ которыхъ загудѣло подъ сводами; Рипстонъ хохоталъ не тише другихъ.

— Будьте жъ добрыми ребятами, дайте мнѣ кончить работу! воскликнулъ старикъ, отыскавъ свою собственность.— Коли вы только не будете бросать, пока я сдѣлаю еще съ полдюжины стежковъ, я вамъ отдамъ свѣчку, можете тогда въ орлянку играть, либо въ карты, какъ вамъ угодно.

— Ладно, дядя; пропойте намъ еще пѣсню и мы будемъ нѣмы, какъ устрицы, крикнулъ кто-то съ телеги.

— Хорошо, хорошо. Что жъ мнѣ вамъ спѣть?

— «Красный носъ», «Горячія печенныя яблоки», «Закопдованнаго пьяницу».

Однако, «Горячія печенныя яблоки» были въ большинствѣ; и старикъ своимъ высокимъ, надтреснутымъ, дрожащимъ голосомъ затанулъ пѣсню, стараясь въ то же время воспользоваться какъ можно лучше наступившимъ перемиріемъ и окончить свое кропанье. Когда онъ пронѣлъ первый куплетъ и дошелъ до припѣва, мальчики подхватили хоромъ и какъ разъ тогда, когда старикъ всего менѣе ожидалъ нападенія, ловко пущенный во-

можь грязя совершенно залѣпилъ одинокое стеклышко очковъ, а другой комокъ погасилъ свѣчу, приплюснулъ ее объ стѣну и свалилъ ее на полъ; веселье въ телегѣ проявилось еще шумнѣе прежняго.

— Идемъ! сказалъ Моульди: — нечего тутъ больше мѣшкать. Нашъ фургоны тамъ, въ дальнемъ концѣ.

Крѣпко придерживаясь за фалду Моульди, я пошелъ за нимъ по указанному направленію.

Очевидно, онъ и другъ его Рипстонъ были привычны къ этому мѣсту; они шли впередъ очень развязно; я же не могъ ступить шагу, не скользя на иловатомъ полу или не натываясь на оглобли телегъ и на цѣпи постромокъ, которыя, при тускломъ свѣтѣ немногихъ свѣчей, не выдѣлялись достаточно ясно среди густаго мрака. Кромѣ того, только свѣча стараго «скряги», чинившаго сапоги (онъ былъ, какъ я впоследствии узналъ, бѣднѣйшій, старшій, отставной паяцъ), могла сколько нибудь освѣщать это мѣсто; всѣ остальные свѣчи были окружены толпами мальчиговъ и молодыхъ людей, которые, присѣвъ на сыромъ полу или на влочкахъ соломы, играли въ карты или въ орлянку. Передъ нѣкоторыми изъ этихъ игроковъ стояла бутылка; всѣ курили короткія трубки, всѣ ругались и хохотали сильнѣйшимъ образомъ.

Наконецъ мы остановились.

— Стойте, Смитфильдъ, вотъ нашъ фургоны! сказалъ Моульди.

И тотчасъ же я услышалъ, хотя и не могъ разглядѣть, какъ онъ карабкался по спицамъ колеса.

— Какъ тамъ дѣла, а? спросилъ Рипстонъ.

— Все какъ слѣдуетъ, отвѣтилъ Моульди съ фургона.

— Такъ пользуйте, сказалъ мнѣ Рипстонъ. — Вотъ становитесь ногою на спицы, а я васъ подсажу.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Онъ подсадилъ меня такъ сильно, что я упалъ на четвереньки на дно телеги.

Когда полѣзъ Рипстонъ, было слышно, какъ онъ громко чмыкнулъ.

— Я думаю, вы говорите все, какъ слѣдуетъ? сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ, обращаясь къ Моульди. — Соломы-то у васъ тутъ нѣту! Ставлю фартингъ, что нѣту!

— Ни крошки! отвѣтилъ Моульди.

— Я такъ и зналъ, продолжалъ Рипстонъ. — Я носомъ почувалъ, какъ только ступилъ на колесо. Эва! думаю, нынче уголья вобили. Непремѣнно уголья.

И мальчиговъ сердито кинулся въ фургоны.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, Рипъ, сдѣлалъ замѣчаніе, насмѣш-

лѣво проговорилъ Моульди.—Я бы написалъ къ этому фургонщику, пускай броситъ возить уголья, пускай возить только мебель, чтобы всегда оставалась въ фургонѣ хорошая охапка соломѣ, а то вы пережвѣните квартиру.

— Это еще ничего, что соломѣ нѣтъ, съ досадою возразилъ Рипстонъ:—тутъ эта проклятая угольная пыль лѣзетъ къ вамъ въ носъ, чуть только вѣтерокъ потянетъ снизу въ трещины. Что скажете, Смитфильдъ?

— Это мы *здесь* ляжемъ спать?

— Вотъ наша берлога, милости просимъ, будьте какъ дома! гостеприимно отвѣтилъ Моульди.

— Да гдѣ же постель? спросилъ я.

— Гдѣ *что?* переспросилъ Моульди.

— Постель. Вѣдь есть же тутъ постель?

— О, да! Еще бы! цѣлая перина биткомъ набита лучшимъ гусинымъ пухомъ и цѣлая куча подушекъ и простынь и все такое. Это все гдѣ-то тутъ!

И Моульди обшарилъ ногами весь фургонъ.

— Гдѣ жъ это постель, Рипъ? продолжалъ онъ.—Что жъ это я никакъ не могу найдти ее?

Рипстонъ, отлично оцѣнившій шутку своего друга, смѣялся не говоря ни слова.

— Ахъ, да! Теперь я припоминаю, Смитфильдъ, сказалъ Моульди серьезно.—Ее наемни захватили перевушники вмѣстѣ съ остальною нашею мебелью. Подите вы! пришелъ сюда дразнить насъ своими толками о постелѣ! Слушайте! *Вотъ* наша постель, и онъ ступнулъ каблукомъ въ стѣнку фургона:—а коли вамъ тутъ жестко, полѣзайте внизъ—тамъ вамъ грязи хватить по щиколку.

— Не обращайтесь на него вниманія, замѣтилъ Рипстонъ, который вообще, когда ему удавалось насмѣяться въ волю, былъ мягкосердечнѣе своего товарища.—Нынче хуже чѣмъ въ другіе дни, Смитфильдъ,—соломы нѣту. А иной разъ столько въ этомъ фургонѣ соломы, что можно набить—ну, хоть и не цѣлый мѣшокъ, а около того. Тогда, знаете, отлично! Представьте себѣ приходите вы въ такую холодную ночь, думаете, какой вы несчастный человекъ и какъ у васъ опять будутъ всѣ кости болѣть отъ досокъ! Думаете вы это, и лѣзете вы въ темнотѣ въ фургонъ и вдругъ тамъ цѣлый ворохъ соломы—да сухой соломы вы это помните—такъ что вамъ остается только сгрести ее въ кучу и зарыться въ нее съ головою! О!

И одно воспоминаніе объ этой роскоши заставило Рипстона втянуть въ себя воздухъ съ такимъ звукомъ, какъ будто онъ склебывалъ съ ложки горячій и отменно вкусный супъ.

— А вамъ не холодно, когда вы раздѣваетесь? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣтила коротко Рипстонъ.—Никогда не пробоваъ.

— Никогда не пробовали раздѣваться, когда ложились спать?

— Я раздѣвался въ послѣдній разъ—то-есть, знаете совсѣмъ раздѣвался—сказалъ Рипстонъ, да—въ прошломъ августѣ, если не ошибаюсь. Это было тогда, когда поспѣли сливы. Вы помните это время, Моульди? Это было въ послѣдній разъ, какъ мы пошли въ Серпентейнъ. Безмозглая вы голова, Смитфильдъ! Кабы мы раздѣвались да пролягались, въ которомъ же мы часу встали бы утромъ? Вѣдь намъ тоже надо кормиться, какъ вы думаете?

— Мы и то встанемъ завтра поздно, коли будемъ болтать, зѣвая сказалъ Моульди:—теперь, должно быть, скоро двѣнадцать. Будеть, пора спать, а то завтра нигуда не попадемъ.

— Я готовъ, отвѣтилъ Рипстонъ.—Постойте, кто-жъ будетъ подушкой?

Я не имѣлъ понятія о томъ, что хочетъ сказать Рипстонъ, и поэтому не обратилъ вниманія на его вопросъ.

— Когда нѣтъ соломы, тогда никому не хочется быть подушкой, усмѣхнулся Рипстонъ.

— Хотите быть подушкой, Смитфильдъ? спросилъ Моульди.

Я чувствовалъ себя до такой степени несчастнымъ, что ужъ мнѣ было все равно чѣмъ ни быть; я согласился.

— Ладно. Мы не будемъ очень налегать на васъ, замѣтилъ Моульди.—Насъ теперь трое, дѣло можно вести безобидно. Вамъ неважнѣе быть подушкой, коли вы не хотите.

— Это все смотря какой у васъ вкусъ, сказалъ Рипстонъ.—Инымъ холодъ ни почемъ, лишь бы было имъ мягко, а другимъ совсѣмъ напротивъ: имъ бы хоть и въ кирпичной печи спать, такъ и то въ пору. Вы какъ на счетъ этого, Смитфильдъ?

— Я люблю, чтобы мнѣ было тепло и мягко спать, отвѣтилъ я со слезами.

— Вотъ какъ! И те и другое! усмѣхнулся Моульди.—Честъ имѣю желать вамъ того и другаго. Ну, коли хотите быть подушкой, пролѣзайте сюда, а не хотите, такъ и сважите, и пускайте другаго. Намъ тутъ въ фургонѣ вашего хныгання не нужно, вотъ я вамъ что скажу, глупый вы плакса! Мнѣ досадно, что мы сдѣлали такую глупость, взяли васъ съ собой.

Я поторопился, насколько у меня хватало силъ, повеснить Моульди, что я плачу, потому что не могу удержаться, а не потому, что хочу ему сдѣлать непріятность. Я завѣрилъ его, что я готовъ употребить всѣ усилія, чтобы устроить наше положеніе

какъ можно удобнѣе, и что если онъ мнѣ покажетъ, какъ быть подушкой, я тотчасъ же все сдѣлаю.

— Тутъ нечего показывать, отвѣтилъ Моульди, немного смягчавшись. — Подушка—тотъ, кто ложится внизъ, такъ что другіе кладутъ на него голову. Проще этого быть ничего не можетъ. Другимъ мягко лежать на немъ, а ему тепло отъ другихъ. Такъ устроиться всего удобнѣе, развѣ не правда?

— Ну, прочь съ дороги! крикнулъ Рипстонъ и легъ, въ то же время, въ одномъ концѣ фургона.—Я подушка. Ложитесь.

— Ну, вы теперь по моему, Смитфильдъ, свазалъ Моульди, устраниваясь на ночь.

Но подражать его примѣру не было возможности. Онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ захватилъ въ свою пользу все туловище Рипстона, такъ что для моей головы не осталось другой подушки кромѣ Рипстоновыхъ ногъ. Но ворчать было бесполезно и я также прилегъ.

— Клонить васъ ко сну, Рипъ? спросилъ Моульди, помолчавъ нѣсколько минутъ.

— Разумѣется клонить. Я было уже совсѣмъ заснулъ, какъ вы заговорили. А васъ не клонить, Моульди?

— Мнѣ никогда не спится послѣ такихъ сраженій. Лопни мои глаза! Представьте себѣ, что на вашъ корабль насаживается трое молодцовъ, и на васъ только рубашка, да панталоны, да два ножа—вотъ и вся ваша защита.

— Да, славныя они штуки играютъ на этомъ Шордичскомъ театрѣ, отвѣтилъ Рипстонъ соннымъ голосомъ.—Покойной ночи!

— Покойной ночи!

Наступило другое, непродолжительное молчаніе; потомъ Моульди заговорилъ снова.

— Спите, Рипъ?

Отвѣта не было.

— Не слышите? Спите, старый Рипъ?

— Будь я повѣшенъ! Въ другой разъ не заманите меня въ подушки, коли не уйметесь съ разговорами! отозвался Рипстонъ свирѣпо.—Ну, въ чемъ дѣло?

— Что вы за чудакъ! Совсѣмъ вы не любите лежать и разговаривать о томъ, что видѣли, свазалъ Моульди примирительнымъ тономъ.

— Такъ это вы разбудили человѣка, чтобы говорить ему такой вздоръ? свазалъ Рипстонъ съ возрастающею свирѣпостью.

— Я только хотѣлъ задать вамъ одинъ вопросъ, Рипъ. Какъ вы думаете, что разбойники бросили въ колодезь настоящее тѣло?

— Навѣрное. Я в руку видѣлъ сквозь дыру въ мѣшкѣ, отвѣтилъ Рипстонъ, издѣваясь надъ своимъ товарищемъ.

— И вы думаете, тамъ былъ настоящій колодезь, Рипъ? настоящій какъ есть колодезь, прямо «въ нѣдрахъ земли» какъ свазалъ серъ Гасперъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣтилъ Рипстонъ.

— А я не слыхалъ, какъ всплеснула вода, настаивалъ Моульди.

— Мало прислушивались, свазалъ Рипстонъ.— Колодезь-то вѣдь очень глубокъ, ну вы и не могли тотчасъ услышать. Я услышалъ всплескъ минуты три спустя.

Моульди дышалъ очень тяжело, но не отвѣчалъ. Онъ довольно долго продолжалъ дышать тяжело, какъ будто-бы у него была на умѣ какая-то мысль. Потомъ онъ еще разъ тихонько поклонялъ Рипстона, но тотъ мгновенно началъ храпѣть такъ громко, что не овазалося никакой возможности разбудить его безъ настоящаго насильственнаго нападенія, а на это Моульди, конечно, не могъ рѣшиться. Послѣ вторичной попытки, онъ оставилъ его въ покоѣ, и наклонивъ голову ко мнѣ, прошепталъ мое имя. Но мнѣ не хотѣлось разговаривать; я также сдѣлалъ видъ что сплю, и не далъ ему отвѣта.

Но мнѣ совсѣмъ не спалось. Прижавшись моврою отъ слезъ щекою къ колѣнамъ Рипстона, я не засыпая раздумывалъ о своемъ прошедшемъ, о сдѣланномъ мною безумномъ поступкѣ и о томъ, что меня ожидаетъ. Какъ бы иначе все было въ это время, еслибы у меня только достало мужества выдержать ту потасовку, которую дала мнѣ мистрисъ Бѣръ такъ, какъ я выдерживалъ уже десятки разъ побои, хотя я не такіе сильные! На сколько было бы лучше, еслибы я пошелъ домой даже тогда, когда Джерри Пепъ схватилъ меня, и еслибы я еще разъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ моимъ отцомъ и съ его ужаснымъ ремнемъ! Теперь по крайней мѣрѣ все было бы уже кончено и я лежалъ бы въ своей теплой постелѣ, въ задней комнатѣ—лежалъ бы въ постелѣ и баякалъ маленькую Полли. Безъ сомнѣнія, боль отъ наказанія еще не унялась бы; но въ эту минуту трудно было бы показать мнѣ такое мученіе, котораго бы я не принялъ и не выдержалъ съ радостью, лишь бы только въ награду за него меня немедленно перенесли въ проулокъ Фрайингпенъ и привали бы въ № 19, противъ мнѣ всѣ мои беззаконія.

Вѣдная маленькая Полли! Мысль о ней мнѣ была невыносима, а между тѣмъ она не выходила у меня изъ головы. Я увѣренъ, что панталоны Рипстона насивозъ пропитались моими слезами; я плакалъ особенно сильно, когда припоминалъ ея милые приемы—какая она была преместная, когда я одѣвалъ ее ночью, увѣряя ее,

что мы пойдём гулять; и какъ она прижималась ко мнѣ, и цаловала меня послѣ того, какъ мистрисъ Бёркъ, войдя въ комнату съ хлѣбомъ и масломъ для нея, понапрасну била меня за то, что я будто бы съѣлъ первую порцію.

Гдѣ-то теперь Полли? Чтѣ она теперь дѣлаеть? Спать ли она теперь здоровымъ своимъ—спаси ее Богъ!—въ передней комнатѣ, или же она въ эту самую минуту лежитъ, не засыная въ моей постелѣ и ждётъ меня?

Точно ли она здорова, какъ увѣрялъ меня Джерри Пепъ? Но развѣ жъ можно вѣрить Джерри? Вѣдь онъ же оказался вѣроломною канальею. Можетъ быть, вмѣсто того, чтобы быть бодрѣе и веселѣе чѣмъ когда либо, какъ увѣрялъ Джерри, она лежитъ больная! Можетъ быть, свалившись съ лѣстницы, она переломила себѣ руки или ноги и эти изувѣченные члены перевязаны у нея тряпками и вставлены въ дубки, такъ какъ¹ я это замѣтилъ у людей, входившихъ и уходившихъ черезъ госпитальныя ворота, въ то время, когда я еще засвѣтло сидѣлъ на перевладинѣ въ Свиномъ ряду.

Можетъ быть, Полли умерла. Если такъ, то ярость моего отца и безразсудное предложеніе шиллинга за мою повмку становятся поватными. Теперь я припомнилъ, что Джерри Пепъ обнаруживалъ значительное смущеніе, когда я спросилъ его на счетъ моей маленькой сестры. Можетъ быть, Полли умерла и Джерри зналъ это. Можетъ быть, ее убило паденіе на каменныя ступени, и она лежитъ одна въ комнатѣ безъ движенія, мертвая, какъ снигирь Джо Дженкинса.

Это послѣднее размышленіе было такъ ужасно, что оно оставило мои слезы, и направило мои мысли въ другую сторону; мысли эти были очень печальны: я припомнилъ мою мать со всѣми странными и ужасными обстоятельствами, сопровождавшими ея похороны. Такъ я лежалъ безъ сна, въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока Моульди заснулъ и захрапѣлъ не хуже Рипстона; мальчики, игравшіе въ карты и въ орланку, были прерваны среди своихъ ссоръ, ругательствъ и проклятій приближеніемъ тяжелыхъ шаговъ; всѣ они поползли и ползали въ фургоны и телеги, крича другъ другу:

— Тушите свѣчу! Сюда идутъ *крючки*!

Что «крючкомъ» называли полисмена—это я зналъ хорошо, и боясь что мистрисъ Бёркъ передала свое дѣло въ руки полиціи, я вдругъ переполнился такимъ страхомъ, который положилъ конецъ всѣмъ моимъ вѣжнымъ мыслямъ и выдвинулъ на первый планъ весь запасъ моей эгонистической заботливости о собственной личной безопасности. Когда правильный звукъ шаговъ сталь

все болѣе и болѣе приближаться, на меня напалъ такой страхъ, что мнѣ пришло сильное желаніе украдкою выскочить изъ фургона и спрятаться покуда пройдетъ полиція. Какъ я жалѣлъ о томъ, что не воспользовался предложеніемъ моихъ друзей и не сдѣлался подушкою! Тогда бы они лежали на мнѣ и закрывали меня! Топъ-топъ! И не одинъ «крючокъ», а по крайней мѣрѣ трое и прямо къ нашему фургону! Такъ прямо, что у меня задрожали всѣ члены и лицо мое сдѣлалось влажнымъ не отъ слезъ, а отъ поту; и вотъ передовой «крючокъ» становится ногою на постромочную цѣпь и освѣщаетъ фургонъ яркимъ свѣтомъ своего фонаря.

Но къ невыразимому моему облегченію, онъ соскакиваетъ внизъ не говоря ни слова и полиціемены идутъ дальше, разговаривая о своихъ собственныхъ дѣлахъ; звуки ихъ шаговъ становятся все слабѣе и слабѣе и наконецъ зампраютъ въ отдаленіи; зампраютъ всѣ звуки кромѣ храпѣнія спящихъ и писка крысъ; затѣмъ совершенно неожиданно я впадаю въ забытѣе.

ГЛАВА XIV,

въ которой я вступаю въ товарищество съ мистерами Рипстономъ и Моульди, и соглашаюсь дѣлать такъ, какъ они дѣлаютъ.

Я еще спалъ крѣпкимъ сномъ, когда «подушка» вывернулась изъ-подъ меня, и моя тяжелая голова съ рѣзкимъ стукомъ ударилась о дно телеги.

Я протеръ глаза и замѣтилъ, что Моульди уже всталъ. Въ полумракѣ я смутно различалъ его; онъ сидѣлъ на боковой стѣнѣ фургона, зѣвалъ и жестоко скребъ ногтями свою большую копну рыжихъ волосъ. На нѣсколько минутъ я совсѣмъ ошалѣлъ. Мнѣ вазалось, что полиціемень освѣтилъ насъ своимъ фонаремъ всего минутъ пять тому назадъ. Кромѣ того, я чувствовалъ себя усталымъ и измученнымъ, какъ будто бы я совсѣмъ не спалъ. Не пускаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія, я опять свернулся въ углу и подложилъ себѣ руки подъ голову.

— Ну, Смифильдъ! воскликнулъ Рипстонъ, у котораго, безъ сомнѣнія, были всѣ кости, достаточно оправдывая такимъ образомъ его угрюмое настроеніе. — Поворачивайтесь! Не цѣлый же день вамъ тутъ сидѣть!

— Да теперь еще не день, проворчалъ я. — Какой же теперь день, когда еще совсѣмъ темно!

— О, не говорите вы мнѣ вашихъ глупостей. Вставайте и

смотрите, какъ свѣтло. Ужь и солнце взошло. Лѣзьте сюда, глядите!

Съ этими словами Рипстонъ влѣзъ туда, гдѣ сидѣлъ Моульди, и, послѣ нѣкотораго колебанія, я тоже взобрался туда къ нимъ.

— Ну, гдѣ же солнце-то?

— Гдѣ! Вонъ, на рѣкѣ, тамъ внизу. Глядите!

Кругомъ насъ все было темно и мрачно; но въ томъ направленіи, куда указывалъ Рипстонъ, можно было на первый взглядъ различить чтò-то въ родѣ блестящаго серебрянаго шара. Если же приглядѣться, можно было замѣтить, что тамъ было просто круглое отверстіе, въ которое врывались солнечные лучи. Зрѣлище было великолѣпное — лучше всѣхъ паворамъ, какія мнѣ случалось видѣть. Глядя въ это свѣтлое отверстіе, вы могли видѣть, какъ вода рѣки вся подергивалась рябью и сверкала подъ лучами солнца; видѣнъ былъ вѣлокъ голубаго неба, и барка, нагруженная сѣномъ, медленно плыла внизъ по теченію.

— Идемъ, сказалъ я, перекидывая ногу за стѣнку фургона.

— Идемъ куда? спросилъ Моульди.

— Идемъ туда, гдѣ солнце свѣтитъ; все лучше, чѣмъ тутъ въ темнотѣ сидѣть.

— Кому нравится, тому туда и дорога, отвѣтилъ Моульди брюзгливо. — Коли вамъ нравится, вы туда и идите.

— А вы съ Рипстономъ развѣ не пойдете?

— Мы туда пойдёмъ, куда всегда ходимъ, замѣтилъ Рипстонъ.

— Это куда же?

— Куда? Въ Коммон-Гарденъ, разумѣется! Какая польза идти къ рѣкѣ?

— Можеть, у васъ важное дѣло тамъ какое есть? вставилъ Моульди.

— Можеть, онъ идетъ собирать кости, сказалъ Рипстонъ.

— На здоровье ему! По фартингу за фунтъ, коли найдетъ, да еще барочники въ шею наладутъ; они думаютъ, что по берегу гулять пойдетъ, непременно уголья воровать собираются. Вы за костями, что ли, Смифальдъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я. — Я этого дѣла не знаю.

— Такъ вы за чтò же хотите прнваться?

— Мнѣ все равно. Мнѣ надо только чѣмъ нибудь заработать себѣ хлѣбъ. Я думалъ взяться за «лаянье». Этимъ, вѣдь недурно себѣ зарабатывать хлѣбъ — такъ, что ли?

Моульди взглянулъ на Рипстона, и оба мальчика засмѣялись.

— Вы «лаяньемъ» хотѣли заняться, о! сказала Моульди. — Съ чего вы себѣ забрали въ голову «лаянье», Смифильдъ?

— Да вотъ мой отецъ...

— Вашъ отецъ, стало быть, разнощикъ?

— Нѣтъ, мой отецъ... Онъ не разнощикъ.

— Вы у когонибудь «лаяли»?

— О, нѣтъ! Меня надоумилъ одинъ пріятель моего отца. Я никогда ни у кого не «лаялъ». Хочу попробовать.

— Почему вы знаете, что вы можете «лаять»? спросилъ Рипстонъ.

— Да я пробовалъ..

— Ну, ужъ подлинно вы настоящій лгунъ! Сами же вы говорили, что никогда ни у кого не «лаяли»!

— Да и не «лаялъ», а пробовать — пробовалъ. Я учился «лаять» прошлую ночь на базарѣ, какъ вы подошли ко мнѣ сзади.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ Моульди. — Вы развѣ не помните, Рипъ? О, да! у васъ точно славный голосъ для «лаянья», Смифильдъ; ужъ это вы мнѣ повѣрите!

Я былъ очень радъ слышать отъ него этотъ отзывъ.

— Такъ вы думаете, Моульди, что мнѣ это удастся?

— То-есть что удастся?

— Да вотъ понравлюсь какомунибудь хозяину — хлѣбъ себѣ заработаю.

— Хозяину-то вы, можете быть, и понравитесь, а ужъ насчетъ хлѣба...

И Моульди закончилъ свое замѣчаніе такимъ жестомъ, котораго невозможно было не понять.

— Инымъ оно и нравится, продолжалъ онъ: — а мнѣ нѣтъ. Рипстону тоже не понравилось.

— Такъ вы пробовали? спросилъ я, приходя въ уныніе.

— Разумѣется, пробовали. Да и чего мы только не пробовали — ге, Рипстонъ? Да, было и это, и цѣлая ватага знакомыхъ намъ ребятъ тоже брались за «лаянье»; и всѣ говорятъ то же, что и мы: говорятъ, что ужъ на этомъ не поддѣнете. Да! Лучше я соглашусь быть у доктора на побѣгушкахъ, носить пластырную ливрею и пилюльные пуговицы. А по вашему какъ, Рипъ?

— Да почти такъ, отвѣтилъ Рипстонъ. — Вотъ такъ жизнь! Встаете вы утромъ, еще темно, в первое дѣло везете тележку на базаръ, а хозяинъ идетъ-себѣ по тротуару, потомъ присматриваете за тележкой, пока хозяинъ расхаживаетъ и покупаетъ, и нагружаетъ, потомъ опять домой тащить, и коли тутъ овощи,

надо ихъ мнѣ и раскладывать, а потомъ шляться цѣлый день и кричать по улицамъ.

— Да это еще не все, сказалъ Моульди. — Положимъ, выдался дурной день, а товаръ такой укладистый, что весь влѣзетъ въ корзинку: луковки или огурчики, или редиски — вечеромъ вы опять выходите одни, бѣгаете и кричите, и орете, пока не погаснутъ всѣ огни въ домахъ, и ужъ нечего рассчитывать на продажу. И за все, про все что жь вы получите? Только что покормятъ. Правду я говорю, Рипстонъ?

— Только вотъ насчетъ корму; кормятъ-то не всегда.

Это было далеко неспокойно. Я съ самаго начала рѣшилъ въ душѣ сдѣлаться «лаятелемъ»; и эта рѣшимость, и то мнѣнїе, что выполнить это намѣренїе будетъ очень легко, если только у меня окажется музикальный голосъ, поддерживал во мнѣ желанїе ковнуть отцовскїй домъ. Мои опыты въ Смитфильдѣ, въ Свиномъ Рынкѣ убѣдили меня въ музыкальности моего голоса, и именно это убѣжденїе заставило меня идти вмѣстѣ съ Моульди и съ Рипстономъ, какъ только я узналъ, что они отправляются къ Ковент-Гардену. Однакоже, никто мнѣ не говорилъ, что жизнь «лаятеля» прїятна. Молодой человѣкъ, присутствовавшїй при женитьбѣ моего отца на мистрисъ Бѣркъ, упомянулъ только, что онъ ввязался за «лаянья», убѣгая отъ такой обузы, которая, по его мнѣнїю, тяжеле вскрыванья устриць; да и мистрисъ Уинкшипъ, въ общемъ итогѣ, сказала немного въ похвалу «лаянья». Правда, она нарисовала очень свѣтлыми красками свой собственный портретъ, какъ она, съ шолковыми платочкомъ на плечахъ, безъ шляпки, съ неполнымъ рѣшетомъ сплѣтыхъ ренклодовъ подъ мышкою, собирала въ лѣтнїй вечеръ полный карманъ денегъ; правда, что она вставила эту картинку въ описанїе «лаятельскаго» промысла; но на самомъ дѣлѣ эта вставка имѣла такъ же мало связи съ «лаяньемъ», какъ, напримѣръ, съ дѣланьемъ кирпичей. И вотъ теперь я вижу, что двое мальчишковъ пробовали заниматься «лаяньемъ», и бросили его съ отвращенїемъ. Они нашли себѣ дѣло получше. Что же это за дѣло?

— Чѣмъ же вы, ребята, себѣ хлѣбъ добываете? спросилъ я.

— Чѣмъ добываемъ? О, разными разностями! отвѣтилъ Моульди неопредѣленно.

Въ это время мы трое, выбравшись изъ фургона, шли по той дорогѣ, по которой мы входили прошлую ночь.

— Какія жь это разные разности? спросилъ я.

— Да хватаемъ что попало, объяснилъ Рипстонъ. — Мы смотримъ въ оба и какъ увидимъ случай, такъ сейчасъ и хватаемъ.

— Такъ у васъ нѣтъ ничего положеннаго, заведеннаго?

— О, у насъ все положено и заведено, отвѣтилъ Моульди со смѣхомъ.— Нельзя, знаете, быть разборчивымъ; надо такъ дѣлать, чтобы добыть корку хлѣба. Все работа случайная. Иной разъ такъ хорошо, что до жареной свинины доходить — сидишь на мѣстѣ и ѣшь, вы понимаете? не то чтобы на ходу жевать — а въ другой разъ куска хлѣба не достанешь съ самого утра, какъ выдешь, до поздней ночи, какъ вернешься. Все дѣло счастья.

— Ахъ! а самое лучшее, что никогда вы не знаете, когда счастье повернется, вставилъ Рипстонъ.— Это вотъ и поддержи вааетъ бодрость! Вы думаете, счастье ваше совсѣмъ вымерло и ужъ нечего ждать, чтобы оно когда нибудь вернулось; заворачиваете вы за уголь — глядь! Такъ и окунулись въ счастье по самую шею. Да не дальше какъ вчера вечеромъ! Цѣлый день ни пища; первое дѣло, ни вапли кофе; ни завтрака, ни обѣда, ничего; только какія-то кочерыжки изъ сорныхъ кучъ! Моульди ужъ рукой махнулъ на свое счастье — вы таки скоро унываете, Моульди — и говорить: чего намъ тутъ таскаться, Рипъ? Лучше ужъ пойдемъ назадъ въ «Дельфы», тамъ теплѣй, чѣмъ тутъ на улицѣ. Попробуемъ еще немного, я говорю, обойдемъ три раза и коли ничего не будетъ, пойдемъ домой. Не успѣлъ я это сказать, вдругъ кто-то кричить: Ге! видимъ, это джентльменъ стоитъ подъ колоннами, требуетъ себѣ кебъ. Моульди побѣжалъ, привелъ кебъ, и досталось ему шесть пенсовъ отъ джентльмена да пенни отъ извозчика — и того семь пенсовъ. Такъ вотъ какъ повернулось дѣло. Въмѣсто того, чтобы идти назадъ въ «Аргн», ничего не ѣвши, да ждать тутъ часа три или четыре, повуда приѣдетъ нашъ фургонъ — мы пять пенсовъ на харчи, а дѣла на представленіе, вотъ откуда мы шли, какъ встрѣтились съ вами прошлую ночь. Мы часто ходимъ въ представленіе, правда вѣдь, Моульди?

— Коли удастся обдѣлать дѣла, такъ мы завтра вечеромъ поидемъ на бенефисъ, отвѣтилъ Моульди.

— Удивительная пьеса! сказалъ Рипстонъ: — «Капитанъ Вампиръ» или «Пиратъ Пустыни». По крайней-мѣрѣ, должна быть удивительная пьеса: ужъ такое названіе!

— Названіе ничего не значить, замѣтилъ Моульди.— Возьмите, напримѣръ, «Блирей-кровопійца»; пошли мы туда — ничего не ѣли цѣлый день пошли смотрѣть; и что же вышло? Вдругъ «Блирей» совсѣмъ не «кровопійца»; просто онъ давалъ только деньги въ займы, разорялъ молодыхъ господъ и доводилъ ихъ до рабочаго дома. Чортъ ихъ возьми, такія пьесы!

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А С С О Ц І А Ц І И,

КАКЪ ПОДПОРЪЕ ДЛЯ ПРОГРЕССА И РАСПРОСТРАНЕНІЯ НАУЧНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Въ статьѣ нашей по поводу перваго сѣзда русскихъ естествоиспытателей, помѣщенной въ прошедшей книгѣ «Отечественныхъ Записокъ», мы имѣли случай коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ о современныхъ требованіяхъ сознательной части русскаго общества, по отношенію къ наукѣ вообще и преимущественно къ естествознанію. Мы очень хорошо понимаемъ, что такія требованія могли показаться нѣкоторымъ изъ читателей нашихъ слишкомъ строгами, а сторонникамъ узкой доктрины «науки для науки», — даже, якобы и несоотвѣтственными высокому достоинству самой науки. Лица послѣдняго рода, конечно, не прибѣгая даже къ цѣлому арсеналу доводовъ и опроверженій, сохраняющихся ad hoc въ лѣтописяхъ научной схоластики, могли бы насъ поразить хотя бы тѣмъ стихомъ Шиллера, въ которомъ онъ рекомендуетъ не смотрѣть на науку, какъ на дойную корову... Но увы! какъ ни антиэстетиченъ образъ коровы, какъ эмблемы науки, однако, мы полагаемъ, что человѣчество только въ выигрышѣ отъ того, что наука, подобно коровѣ, способна давать въ изобиліи тотъ доброкачественный питательный матеріалъ, которымъ воспоены человѣческое достоинство и самосознаніе. Прінявъ же во вниманіе, что удой науки неистощимъ, людямъ приходится только сокрушаться, что не все молоко идетъ прямо на питаніе возможно большаго количества людей, а поступаетъ въ молочные скоты, охраняемые учеными скупцами, гдѣ оно ссѣдаетъ и прокисаетъ въ ущербъ общечеловѣческому хозяйству. Кромѣ того было бы весьма не хитро доказать, что именно тѣ люди, которые никакъ не могутъ понять, что какъ бы ни были отвлечены научныя изслѣдованія и построенія, основной ихъ смыслъ въ концѣ концовъ все-таки только потому и дорогъ для человѣка, что сулитъ ему въ будущемъ сознательное счастье, а слѣдовательно и пользу, если не для него самаго, то для рода, представителемъ котораго онъ состоитъ на землѣ, и

что ничто, не относящееся сколько нибудь къ самому человѣку и его судьбамъ, не можетъ имѣть для него никакого интереса, такъ что, никакой науки не для жизни слѣдовательно не можетъ даже и существовать — при всей утонченности своего воззрѣнія, смотреть на науку также какъ на корову, но обращаютъ свое преимущественное вниманіе не на продуктъ, доставляемый ею, а предаются сладострастному восхищенію отъ звуковъ ея мычанья, сокровенный смыслъ котораго навсегда будетъ непонятенъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что самими методами своего мышленія эти господа уподобляются сему же почтенному раздѣльно-копытному, такъ-какъ своими теоріями они только отрыгаютъ жвачку—предразсудочности темныхъ временъ незнанія и схоластическихъ бредней эмбриональной ступени развитія научнаго самосознанія человѣка. Бесѣдовать съ тѣмъ либо взъ лицъ этой категоріи мы даже и не желаемъ, ибо хорошо сознаемъ, что никакіе наши доводы и убѣжденія не могутъ для нихъ быть ни существенны, ни доказательны, такъ-какъ ихъ міросозерцаніе обуславливается нѣкоторыми особенностями самаго устройства ихъ мозговой ткани.

Другое дѣло—лица, которыя нашли бы въ нашихъ взглядахъ излишнюю строгость требованій; мы бы сочли себя весьма счастливыми, еслибы могли доказать съ достоюжною ясностью, что всѣ наши сѣтованія на современное состояніе науки на русской почвѣ основываются не на нелѣпомъ желаніи отрицать что бы то ни было во имя одного отрицанія, а требованія, которыя мы позволяли себѣ выразить, не измыслены нами, а законны и необходимы, такъ-какъ сознательный путь для научной дѣятельности есть именно тотъ путь, какимъ европейская наука шла у себя дома, никакихъ же національно-научныхъ путей не существуетъ, и наука можетъ называться національной только по качеству изслѣдуемаго ею матеріала. На этомъ-то основномъ воззрѣніи мы и расходимся съ тѣми исключительными патриотами, которые, не отвергая въ принципѣ, что дважды два составляютъ обязательныя четыре для людей всѣхъ странъ міра, въ частныхъ своихъ построеніяхъ утверждаютъ, что то или другое хорошо и рационально для Европы, но не годится для насъ, и предполагая для нашего развитія какіе-то особенныя законы, безпрестанно доказываютъ, что для насъ дважды два могутъ быть на практикѣ и семью и восемнадцатью, и чѣмъ только это ни покажется необходимымъ въ данную минуту, для того или другаго газетчика. Разумѣется, что и наше научное убожество, само по себѣ составляющее явленіе весьма печальное, тѣмъ именно и досаднѣе, что рядомъ съ нимъ западная наука у себя дома пустила такіе глубокіе корни въ общественную жизнь и сознаніе, что весьма недалекого времени, когда она можетъ принести на практикѣ такіе блестящіе результаты, о какихъ мы не имѣемъ даже возможности и мечтать. Еслибы рядомъ съ прошлымъ нашимъ очеркомъ о наукѣ у насъ, мы имѣли бы возможность нарисовать подробную картину жизни за-

надной науки у себя дома, то разумѣется даже одно поверхностное сравненіе этихъ состояній вполне убѣдило бы нашихъ читателей въ необходимости неотложнаго усиленія научной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. Изъ нѣкоторыхъ признаковъ новаго времени, для великаго нѣкоторой прозорливости наблюдателя, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что съ каждымъ часомъ для Европы приближается уже та пора, когда степень могущества различныхъ государствъ будетъ находиться въ непосредственномъ подчиненіи и зависимости не отъ количества штатовъ, какими въ данную минуту располагаетъ то или другое государство, но отъ количества и качества просвѣщенія, разлитаго въ государства, отъ степени образованности народовъ и обилія и энергіи научныхъ силъ, какими государство можетъ во всякое время располагать для достиженія своихъ многообразныхъ цѣлей. Кому неизвѣстно, какъ энергически взглянуть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, на народное образование англійскій парламентъ? Кто изъ слѣдящихъ за европейскою политическою дѣятельностью не обратилъ вниманія на цѣлый рядъ реформъ этого рода въ Австріи, Пруссіи и Баваріи? Само собою ясно, что для Россіи, которой приходится въ области науки и народнаго образованія догонять еще другія страны, въ минуты пробужденія въ нихъ усиленной энергіи, тоже не слѣдуетъ предаваться апатіи, такъ-какъ даже каждый учащійся въ школахъ знаетъ изъ извѣстной элементарной ариѳметической задачи о двухъ курьерахъ, выѣхавшихъ изъ одного мѣста въ разное время, что послѣднему для того, чтобы настичь перваго, слѣдуетъ въ опредѣленный промежутокъ времени проѣхать большее количество верстъ, и что, слѣдовательно, если первый курьеръ усилитъ скорость своей ѣзды, то и второму звать уже не полагается...

Ради всѣхъ подобныхъ соображеній, мы и хотѣли, въ видѣ дополненія къ первой нашей статьѣ, представить нашимъ читателямъ очеркъ состоянія современной европейской науки у себя дома; но когда обдумали, какая масса матеріаловъ должна была бы войти въ нее для того, чтобы съ достодолжною полнотою выразить все многообразіе основныхъ задачъ, ставимыхъ жизнью наукѣ, и все обиліе средствъ и способовъ, какими эти задачи подвигаются въ наши дни къ своему разрѣшенію, то увидали, что по этому поводу, чтобы изложеніе было вполне доказательно и ясно для всѣхъ, пришлось бы написать не журнальную статью, а цѣлый томъ, для чего мы, разумѣется, не имѣемъ, прежде всего, достаточно времени. Допустивъ же для такой статьи сжатость и краткость, пришлось бы написать такъ-сказать баталическую картину, что было бы, по нашему мнѣнію, совершенно бесполезно, такъ-какъ даже и въ искусствѣ, гдѣ этотъ родъ живописи признанъ, произведенія его не достигаютъ своей цѣли — производить на зрителя цѣльное и опредѣленное впечатлѣніе, а, напротивъ, обиліемъ эпизодическихъ подробностей разсѣиваютъ, а не сосредоточиваютъ его вниманіе. Поэтому мы разсудили для до-

стиженія высказанной уже нами цѣли, лучше останавливаться, время отъ времени, въ отдѣльныхъ очеркахъ, на той или другой сторонѣ жизни европейской науки, какая выдвигается въ то или другое время обстоятельствами. Такъ, въ настоящее время, мы имѣемъ подъ рукою статью нѣкоего Шарля Мартенса о тридцать-седьмой сесіи британской ассоціаціи для научнаго прогресса, происходившей въ сентябрѣ 1867 года въ шотландскомъ городѣ Дунди *. Статья эта, неособенно обильная фактами и страдающая даже отсутствіемъ опредѣленнаго научнаго взгляда, представляетъ однако нѣсколько данныхъ о зароженіи, дѣятельности и вліяніи этой ассоціаціи на науку, британское правительство и общество. Ознакомить со всѣмъ этимъ мы считаемъ русскую читающую публику неизлишнимъ особенно потому, что зывая на словахъ постоянно о необходимости общественной инициативы или участія для усовершенствованія той или другой стороны нашего быта, мы на дѣлѣ остаемся до сихъ поръ весьма индеферентными во всякой дѣятельности этого рода. Между тѣмъ, при искреннемъ желаніи, мы съ небольшими усиліями могли бы при рациональной организаціи совмѣстной нашей дѣятельности, достигать весьма точенныхъ результатовъ на практикѣ. Наука и научное усовершенствованіе, напримѣръ, могли бы у насъ значительно подвинуться, еслибы мы, не ожидая всего отъ одного правительства (у котораго даже при предположеніи въ немъ въ избыткѣ всяческой доброй воли, не хватить ни времени, ни возможности все подчинять своей регламентаціи и опекаѣ), сами составляли бы небольшія ассоціаціи съ опредѣленными научными цѣлями по той или другой отрасли человѣческихъ знаній. Такого рода ассоціаціи разрѣшаются всѣми европейскими правительствами, и ихъ весьма много въ Пруссіи, Англии и Швейцаріи. Какое значеніе имъ придаютъ въ Европѣ ученые, читатели наши уже знаютъ изъ миѣнія Вархова, приведеннаго нами въ прошедшей нашей статьѣ. Какимъ образомъ такіа ассоціаціи, задумываемыя обыкновенно въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ ихъ учредителями, разрастаются до первостепеннаго общественнаго значенія, читатели увидятъ далѣе изъ исторіи «Британской ассоціаціи для научнаго прогресса», представляющей въ наши дни весьма сильную и полезную организацію. Почему бы и у насъ не составлялись подобныя ассоціаціи? Съѣздъ естествоиспытателей былъ у насъ сованъ по инициативѣ правительства. Мы, конечно, желаемъ ему всевозможнаго успѣха и процвѣтанія, но почему бы нашимъ естествоиспытателямъ, рядомъ съ этимъ научнымъ предпріятіемъ въ большихъ размѣрахъ, въ виду незавиднаго у насъ состоянія естествознанія, не устроить и независимыхъ ассоціацій, съ точно и рационально опредѣленною програмою дѣятельности?

* La ville de Dundee et la trente-septième réunion de l'Association britannique pour l'avancement des sciences, par M. Ch. Martins. «Revue de deux Mondes» 1868, T. 78, 1-re livraison.

Такая конкуренція, конечно, никому и ничему не принесла бы ущерба и конечно могла бы имѣть и свою долю значенія въ рациональной разработкѣ естественно-историческихъ знаній, въ сообщеніи правльннго направленія направленія одиночнымъ трудамъ членовъ такихъ ассоціаціи, въ разубненіи основныхъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ въ обществѣ и народѣ и т. д. Единственнымъ препятствіемъ къ введенію въ нашу научную жизнь такого рода ассоціаціи можетъ служить наша трусость за слабость нашихъ силъ, также какъ за недостаточность матеріальныхъ средствъ нашихъ молодыхъ ученыхъ для такого серьезнаго дѣла. Но и то и другое опасеніе напрасны. Тотъ, кто обладаетъ солиднымъ знаніемъ, не долженъ опасаться за недостаточность своихъ силъ, при бездѣвствіи даже невозможно и опредѣлить ихъ интензивности, но едва такая сила переходитъ, подобно теплороду, изъ скрытнаго состояніе въ дѣятельное, какъ тотчасъ она проявляетъ и такіа стороны, какихъ въ ней нельзя было даже и подозревать: ростъ силы обусловливается ея дѣятельнымъ состояніемъ. Въ отношеніи же матеріальныхъ средствъ и опасенія за ихъ скудость для начала дѣла, намъ стоитъ только забыть завѣщанный намъ нашимъ старымъ, тщеславнымъ и чваннымъ барствомъ предразсудочный обычай — начинать всякое дѣло въ широкихъ размѣрахъ и на широкую ногу. Кому неизвѣстно, что этотъ нашъ, чисто русскій расчетъ предварительнаго обезпеченія предпріятія въ матеріальномъ отношеніи, въ ущербъ его внутренняго значенія, на практикѣ почти постоянно лопался? Между тѣмъ, какъ въ Европѣ большая часть предпріятій, удивляющихъ насъ своимъ процвѣтаніемъ и громадностью, начинались обыкновенно на самыхъ скромныхъ средствахъ, мы наоборотъ всякое дѣло начинали широко, старались придавать нашимъ начинаніямъ всевозможный блескъ и обыкновенно съ гордостью потирали руки, когда въ газетахъ описывалось торжественное открытіе заведеннаго нами учрежденія и уже мысленно услаждались успѣхомъ, привода въ подтвержденіе своихъ надеждъ извѣстное наше изрѣченіе: хорошее начало — полдѣла откачалось. Но, какъ всякій знаетъ, большая часть нашихъ дѣлъ и оканчивалась на этомъ половинномъ откачиваніи, которое и бывало обыкновенно началомъ конца — всякаго предпріятія. Самый недавній нашъ съѣздъ — также подтверждаетъ эту мысль. Правительство, принявъ на себя всѣ его расходы и предоставивъ ему право испрашивать для своихъ цѣлей нужныя суммы, очевидно, давало ему возможность принести естественнаго, даже и въ матеріальномъ отношеніи, довольно значительную матеріальную помощь; но мы знаемъ, какъ комвтетъ съѣзда воспользовался такимъ правомъ и много ли онъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ. Между тѣмъ ассоціація и есть именно такая форма совмѣстной общественной дѣятельности, при учрежденіи которыхъ не требуется особенныхъ затратъ, и успѣхъ которыхъ нисколько не подчиненъ количеству употребленнаго на ея осуществленіе капитала. Существенный ея эле-

ментъ—знаніе и умственный трудъ, а всякое дѣло, куда входятъ два эти агента, дѣлается само собою центромъ притяженія даже и для матеріальныхъ богатствъ. Такъ, какъ подробнѣе мы увидимъ далѣе, «Британская ассоціація», начавшая дѣйствовать при небольшихъ взносахъ небольшого числа лицъ, можетъ уже нѣсколько лѣтъ сряду удѣлять на научное процвѣтаніе своей страны довольно значительныя суммы. За помощью къ правительству она никогда не обращалась, и если съ 1852 года не отказалась отъ ежегодныхъ взносовъ правительства въ свои кассы ничтожной для британскаго правительства суммы въ 25 тысячъ франковъ, то только потому, что ей самой именно такую сумму приходится расходовать ежегодно на такія изслѣдованія, въ которыхъ нуждается преимущественно не общество, а правительство, и ассоціація не считаетъ себя въ правѣ отнимать у своихъ членовъ время отъ другихъ занятій, не вознаграждая ихъ за эти экстренныя занятія для цѣлей правительства.

Желая ознакомить читателей какъ можно подробнѣе съ «Британской ассоціаціей для научнаго прогресса», мы извлекли изъ статьи Мартенса весь фактической ея матеріалъ, не исключая даже и тѣхъ, слишкомъ короткихъ его замѣчаній о томъ или другомъ изъ специальныхъ сообщеній, на которыя онъ обратилъ особенное свое вниманіе, хотя для насъ и очевидно, что онъ, какъ довольно исключительный специалистъ, проглядѣлъ на собраніяхъ, на которыхъ присутствовалъ, весьма многое, а пожалуй, и весьма существенное. Но мы оставляемъ это безъ особеннаго вниманія, такъ-какъ, по нашему мнѣнію, даже и значительно неполный отчетъ о послѣднемъ засѣданіи Британской ассоціаціи даетъ приблизительное понятіе о сущности этого общества, а для нашей цѣли — показать, какимъ важнымъ подспорьемъ для науки и посредникомъ между нею и жизнью можетъ быть независимая ассоціація, подъ условіемъ, разумѣется, сознательной и опредѣленной организаціи труда, составляющихъ ее членовъ — служить и довольно вѣснымъ, доказательнымъ аргументомъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ, наибольшую научную дѣятельностью выдаются Англія и Германія, а въ отношеніи естествознанія можно сказать положительно, что обѣ эти страны—два главнѣйшихъ центра, въ которыхъ до настоящаго времени излязался весь свѣтъ, сообщаемый этими науками на пониманіе природы во всю остальную Европу. Но, какъ это всѣмъ извѣстно, несмотря на то, что въ средѣ дѣятелей европейской науки проявлялось не мало свѣтилъ первой величины, и что стремленіе къ научной популяризаціи охватило въ недавнее время всю Германію, естествознаніе въ Англіи носитъ несравненно болѣе практической характеръ, и въ этомъ отношеніи Англія опередила

даже и Германію, оставалась вѣрною традиціи опытнаго метода, насажденнаго въ ней Вѣономъ. Естественно-историческія изслѣдованія въ ней, обыкновенно производимыя со всевозможною тщательностію, всегда носятъ характеръ полнѣйшей практичности, и какъ недавно говорилъ г. Шуровскій *: «обладая не слѣшкомъ обширнымъ пространствомъ земли и притомъ чрезвычайно удобнымъ для изслѣдованія, страна эта успѣла уже *изучить себя*, и для повѣрки добытыхъ ею результатовъ снова обратиться къ изученію другихъ странъ, слѣдствіемъ чего естественно-историческія изслѣдованія Англіи, какъ возникшія на родной почвѣ, со всею широтою легли тамъ въ основаніе народнаго образованія».

Но это не всегда было такъ. Весь прогрессъ естествознанія въ Англіи — дѣло четырехъ послѣднихъ десятилѣтій, и, какъ увидятъ наши читатели, результатъ вліянія различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, и преимущественно «Британской ассоціаціи» какъ на правительство, такъ и на общество. Къ концу двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, въ Англіи, промышленное и торговое процвѣтаніе которой проявилось въ это время особенно ярко, господствовало то узкое и меркантильное настроеніе, которое, вида значительность накопленія богатствъ въ этой странѣ и возможность осуществленія самыхъ громадныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, видѣло въ этихъ «чудесахъ новаго времени» чуть ли не окончательную разгадку соціально-жизненныхъ задачъ. Такое ослѣпленіе цѣлой націи было, конечно, понятно, такъ-какъ самая Европа не пережила еще въ то время того ряда катастрофъ, которыя на страницахъ новѣйшей политической исторіи континента помѣчены 1830 и 1848 годами, а только эти катастрофы вызвали наружу тѣ общественные элементы, которые служатъ важнѣйшими основаніями для современной, развитой мысли. Но для насъ менѣе понятно, что, пользуясь чрезвычайно важными результатами научнаго знанія, служившими основой для высокой степени своего торгово-промышленнаго развитія, Англія того времени совершенно забывала ту связь между научными данными и своимъ промышленнымъ процвѣтаніемъ, которая, казалось, не могла не быть очевидной если не для дѣятельныхъ промышленниковъ, которымъ не было расчета тратить свои *дешви-время* на спекулятивное въ научномъ смыслѣ обсуживаніе значенія современной дѣйствительности, то для ученыхъ мыслителей, въ которыхъ, какъ извѣстно, въ Соединенномъ Королевствѣ никогда не было недостатка. Однако, ло 1830 года никто изъ англійскихъ писателей, по крайней-мѣрѣ, изъ первостепенныхъ, не разглядѣлъ этого явленія, и только въ этомъ году знаменитый химикъ Гумфри Деви издалъ свою громовую брошюру: «О научномъ упадкѣ въ Англіи». Но одного

* Объ общедоступности или популяризаціи естественныхъ наукъ. Рѣчь г. Шуровскаго на сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Январь 1868 года).

этого было уже довольно, чтобы смѣтливые умы соотечественниковъ памфлетиста увидали сразу, что протестъ глубокаго аналитическаго ума не былъ «металломъ звѣнящимъ и кимваломъ бряцающимъ».

Не знаемъ, сколько ушатовъ помой было вылито газетчиками того времени на голову смѣлаго обличителя, но онъ могъ утѣшиться тѣмъ, что немедленно по появленіи своей брошюры, къ его смѣлому протесту применили весьма сильныя научныя дѣятели, въ лицѣ математика Баббеджа и физика—Давида Браустера. Такимъ образомъ голосъ Деви съ самаго начала не былъ одинокимъ, и не сдѣлался «гласомъ вопіющаго въ пустынь»: усилія трехъ ученыхъ, проповѣдывавшихъ одновременно одну и ту же новую мысль, не могли быть уже заглушены ничѣмъ недоброжелательнымъ противодѣйствіемъ, и представляли солидную гарантію авторитетности этой мысли. Но этого мало. Энергическій Браустеръ не ограничился однимъ только теоретическимъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, по предмету, важность котораго для блага Англіи была имъ глубоко сознаана, но тотчасъ же рѣшился осуществить мысли Деви на дѣлѣ. Появившіеся незадолго до того въ Германіи съѣзды естествоиспытателей, организованные по мысли Овена, показали Браустеру весьма годною практическою формою для поднятія въ его отечествѣ уровня положительныхъ знаній, и вотъ онъ въ началѣ 1831 года уже обратился къ Филиппу, бывшему въ то время секретаремъ «Йоркскаго философскаго общества», съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ учредить общими усиліями независимую ассоціацію, на подобіе уже существовавшихъ въ Германіи. Мѣстомъ перваго засѣданія этой ассоціаціи предполагался городъ Йоркъ, который, по своему центральному положенію въ Великобританіи, представлялъ для этого преимущественныя удобства. Въ отвѣтъ на письмо это, разумѣется, послѣдовало согласіе философскаго общества, и муниципалитетъ города Йорка предложилъ натуралистамъ безвозмездное пользованіе залами, какія существовали въ немъ для публичныхъ собраний. Къ мысли Браустера немедленно применили нѣсколько ученыхъ (Робинзонъ Форбсъ и Джонсонъ изъ Единбурга, и Мурчисонъ—изъ Лондона) и одно духовное лицо—Вернонъ Гаркуръ, который и взялъ на себя составленіе программы для будущей ассоціаціи. Цѣль такой ассоціаціи, по словамъ этой программы, должна была состоять «въ установленіи прочныхъ сношеній между представителями математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ возбужденіи между ними ученаго соревнованія, въ организаціи ихъ разнообразныхъ трудовъ для дружной разработки важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ научныхъ проблемъ, въ доставленіи для всякаго, желавшаго быть членомъ этого общества, всякихъ средствъ для плодотворныхъ и дѣятельныхъ занятій въ опредѣленномъ направленіи, и, наконецъ, въ возможно-большемъ разобненіи научныхъ знаній въ самой средѣ публики». Шестъ лицъ, пере-

численнихъ нами, сдѣлались учредителями общества; всѣ другія лица, пожелавшія въ него вступать, обязывались или внести одновременно сумму въ 250 франковъ, и тогда они дѣлались членами пожизненными, или, внося 25 франковъ, считались дѣйствительными участниками съѣздовъ общества, которые было рѣшено собирать ежегодно. Для того, чтобы общество могло немедленно начать дѣйствовать, учредители полагали необходимымъ имѣть около ста членовъ, но едва проектъ ассоціаціи сдѣлался извѣстнымъ въ публикѣ, какъ въ члены записалось около 200 человекъ, въ числѣ которыхъ блистали знаменитѣйшія имена научныхъ свѣтилъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Такъ въ числѣ астрономовъ на первомъ собраніи ассоціаціи появились Гершель и Айри, между физиками—Браустеръ, Фарэде, Баббеджъ, Уевелль и Форбсъ; между геологами—Бувландъ, Мурчисонъ, Лайелль, Филипсъ, Добени, Седжвикъ, Ковинберъ и Эджертоуъ. Въ средѣ ботаниковъ явились Робертъ Броунъ, Линдлей и Генслоуъ, между географами-ислѣдователями—Сабинъ и Соресби. Изъ государственныхъ людей членами ассоціаціи добровольно сдѣлались сэръ Робертъ Пиль и лордъ Бругамъ. Первое собраніе открыло свои засѣданія 27-го сентября 1831 года въ амфитеатрѣ Йоркскаго музея естественной исторіи.

Изъ членскихъ взносовъ, за покрытіемъ издержекъ на засѣданія, вся сумма назначалась на поощреніе научныхъ открытій и доставленіе средствъ для желающихъ производить научныя изслѣдованія. Ассоціація съ самаго своего начала и до нашихъ дней существовала и процвѣтала на свои собственные средства, безо всякаго правительственнаго содѣйствія, но въ 1852 году правительство, безо всякаго домогательства со стороны ассоціаціи, предложило ей ежегодную субсидію въ 25 тысячъ франковъ, въ вознагражденіе тѣхъ затратъ, какія производились обществомъ для изслѣдованій, особенно важныхъ для правительства. Ежегодные доходы общества простираются до 65 тысячъ съ нѣсколькими сотнями франковъ, изъ нихъ на научныя предпріятія расходуются ежегодно довольно значительныя суммы, и со времени основанія ассоціаціи на распространеніе знаній затраченъ ею капиталъ въ 750,000 франковъ!

Но эти денежныя затраты составляютъ самую ничтожную часть пользы, какую принесла наукѣ и обществу ассоціація. Важнѣйшее ея значеніе заключается въ томъ вліяніи, котораго она сумѣла достигнуть на британское правительство при посредствѣ всемогущаго въ Соединенномъ Королевствѣ общественнаго мнѣнія. Можно смѣло сказать, что всѣ колоссальныя научныя предпріятія, осуществляемыя британскимъ правительствомъ въ наши дни, всѣ громадныя ученныя экспедиціи, которыя затѣвила Великобританія за послѣднее время, къ чести и славѣ своей націи, были осуществлены желаній и стремленій «ассоціаціи». Ея наше время обязано учрежденіемъ магнетическихъ обсерваторій во всѣхъ странахъ міра,

основаніемъ центральной и постоянной метеорологической обсерваторіи въ Кью, близъ Лондона, снаряженіемъ экспедиціи Джемса Росса къ южному полюсу, экспедиціями Гранта и Слива и доставленіемъ средствъ Буртону — для его путешествія во внутреннюю Африку. По ея же инициативѣ снаряжена была извѣстная экспедиція для розысканія слѣдовъ Фравклина и короче — весь рядъ тѣхъ ученыхъ предпріятій, которыя такъ сильно способствовали развитію географіи и навигаціи въ водахъ арктическихъ. Диспуты и заявленія секціи механики и политической экономіи, послужили поводомъ къ измѣненію самаго законодательства Великобританіи, по отношенію къ таможенной системѣ и привилегіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ассоціація удалось пробудить такое сочувствіе къ своимъ цѣлямъ въ средѣ общества, такъ сильно поднять во всѣхъ классахъ сознание необходимости научныхъ знаній, что въ настоящее время въ Соединенномъ Королевствѣ считаются тысячами лица, обратившіяся изъ праздныхъ людей въ добросовѣстныхъ и усидчивыхъ труженниковъ и воздѣлывателей науки. Замѣчательно, что для достиженія послѣдняго результата ассоціація надлежало прежде чѣмъ побѣдять, достаточно таки побороться съ общественнымъ несочувствіемъ, которымъ было встрѣчено ея возникновеніе со стороны промышленныхъ классовъ населеній. Такъ напримѣръ, знаменитая «Times», эта вѣрная выразительница мѣщанскаго самодовольства и узкаго міросозерданія англійской буржуазіи, встрѣчала и проводила первыя сессіи новой ассоціаціи постоенно плоскими выходками и лавочнымъ скептицизмомъ. Но ассоціація, прочно утвердившаяся уже съ перваго своего шага, все росла и росла и въ настоящее время насчитываетъ уже двѣ тысячи членовъ: сорокъ четыре члена, въ числѣ которыхъ *семьсотъ семьдесятъ одна женщина!*

Засѣданія ассоціаціи происходятъ ежегодно въ различныхъ городахъ. Мѣсто будущаго засѣданія, какъ это принято во всѣхъ обществахъ этого рода, равно какъ и будущій предсѣдатель (разумѣется для того, чтобы онъ имѣлъ возможность придать будущей сессіи опредѣленный характеръ) назначаются за годъ впередъ. Въ прошломъ году собраніе происходило въ Дунди (третьей городъ по своему значенію въ Шотландіи, о которомъ почему-то не упоминается почти ни въ одномъ изъ русскихъ географическихъ учебниковъ); въ настоящемъ году оно будетъ происходить въ Норвичѣ (въ графствѣ Суффолькскомъ). Въ теченіе почти сорокалѣтняго существованія общества, засѣданія его уже происходили почти во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе значительныхъ въ научномъ отношеніи (какъ Эдинбургъ, Дублинъ, Оксфордъ, Кембриджъ) или въ торговомъ и промышленномъ (Манчестеръ, Бирмингамъ, Ливерпуль) сессіи его были уже по нѣскольку разъ, и будутъ еще вѣроятно не однажды; другіе города иногда весьма долго добиваются чести посѣщенія ассоціаціи, результаты котораго всегда въ значительной мѣрѣ благоприятны для мѣстныхъ населеній.

Городъ Дунди, наприѣръ, добивался такой чести съ 1862 году, но четыре года сряду, предпочтеніе ассоціаціи въ ущербъ Дунди было оказано послѣдовательно Нью-Кестлю, Вату, Бирмингаму и Поттингаму, и только въ 1866 году, благодаря настояніямъ сэра Родерика Мурчисона, положено было, что сессія 1867 года соберется въ Дунди.

Отчету объ этомъ съѣздѣ посвящена почти вся статья, изъ которой мы приводимъ наше извлеченіе; но прежде описанія самой сессіи, мы считаемъ не лишнимъ упомянуть о другомъ, весьма оригинальномъ обществѣ въ Англіи, имѣющемъ близкую связь съ «Британскою ассоціаціею», и на одномъ изъ фантастическихъ засѣданій котораго Шарль Мартенсъ лично присутствовалъ. Эта побочная вѣтвь «Британской ассоціаціи» до того оригинальна и своеобразна, что едва-ли въ какой либо другой странѣ, кромѣ Англіи, да развѣ Америкѣ, возможно существованіе чего либо подобнаго. Эта веселая и свободная ассоціація, говоритъ Мартенсъ, составляетъ какъ-бы сестру «Британской ассоціаціи»; но если первая представляетъ науку настоящаго времени, науку признанную и торжествующую, то другое общество, служить представителемъ науки будущаго, науки надежды и упованій. Учедителемъ этого общества былъ Эдвардъ Форбэсъ, умершій, какъ извѣстно, въ молодыхъ лѣтахъ, но уже успѣвшій прославиться, какъ одинъ изъ первыхъ натуралистовъ современной эпохи. Съ начала, общество почти исключительно состояло изъ молодыхъ людей, отличавшихся высокою степенью развитія и чуждыхъ всякой педантической рутины и научныхъ предразсудковъ. Для нихъ также равнодушна была и робкая санція нерѣшительныхъ столповъ науки, какъ и слѣзная вражда профессоровъ: дорожили они одною только истиною. Сессіи начинались за табельдотомъ, продолжались далеко за полночь и фирма гостиницы, въ которой учредители собрались въ первый разъ, опредѣлила названіе этой весело-научной ассоціаціи. Она назвалась клубомъ красныхъ львовъ (Red Lion Club). Все молодое поколѣніе физиковъ, химиковъ и натуралистовъ сдѣлалось членами этого клуба. Всякая торжественность и натянутасть выгнаны на всегда за порогъ этого клуба, самое названіе котораго даетъ пищу юмористическому настроенію молодыхъ научныхъ знаменитостей Соединеннаго Королевства. Тагъ предсѣдатель обыкновенно называется отцомъ львовъ (father lion), члены—братьями-львами (brother lions), и вмѣсто аплодисментовъ — выраженіе удовольствія и одобренія производится дружнымъ и продолжительнымъ *рычаніемъ*. Самые сложные и серізные научные вопросы и сообщенія обсуждаются и передаются въ самыхъ причудливыхъ формахъ: то въ видѣ тоста, то подъ покровомъ прихотливой импровизаціи, то въ звучныхъ юмористическихъ стихахъ. Я былъ на одномъ изъ этихъ собраній. Дарвинизмъ или перерожденіе видовъ служилъ основаніемъ для большей части сообщеній. Я слышалъ протестъ раба на то, что ему хотять несправедливо навязать въ прародители скорлупяка

или тролобита. Я слышалъ удивленіе рыбы изъ пласта краснаго песчаника, существовавшей еще до періода отложенія каменнаго угля, о томъ, какъ сильно началось на поверхности земли развитіе животной жизни; я слышалъ, какъ происхожденіе языковъ подвдилось подъ анализъ фонетическихъ способностей сорокъ и по-пугаевъ. При мнѣ художникъ-натуралистъ раздавалъ направо и налево свои рисунки, на которыхъ въ самыхъ смѣшныхъ очертаніяхъ были изображены всевозможныя превращенія животныхъ, о какихъ только могло мечтать смѣлое воображеніе зоологовъ. Всякая новая идея, всякая смѣлая гипотеза, всякая оригинальная научная концепція, принимались всѣмъ обществомъ съ единодушнымъ энтузіазмомъ. Казалось, самъ духъ науки и само будущее говорили въ причудливыхъ образахъ устами собесѣдниковъ. Откровенность и чистосердечіе въ мнѣніяхъ были полныя, но прошедшему не приносилось провлатій, также какъ оно и не осмѣивалось. Такая терпимость и сдержанность составляетъ основную черту той націи, государственнымъ и религіознымъ учрежденія которой покоятся на прочномъ основаніи признанной всѣми критики свободнаго разума.

Городъ Дунди, расположенный въ графствѣ Форфаксъ, у восточнаго побережья Шотландіи, и принимавшій въ 1867 году ученыхъ гостей, заслуживаетъ во многихъ отношеніяхъ вниманія (новѣйшія свѣдѣнія о немъ почерпнуты Мартенсомъ изъ сообщенія статистика Вредена, на статистической секціи послѣдняго собранія Британской ассоціаціи). По преданію, это городъ чрезвычайно древній, и построенъ во время крестовыхъ походовъ. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ оплотовъ католицизма и въ 1309 году въ немъ даже происходилъ одинъ изъ католическихъ соборовъ, но въ немъ же и протестантизмъ нашелъ себѣ самыхъ ревностныхъ поборниковъ.

Религіознымъ реформаторомъ былъ здѣсь Вискартъ, сожженный на кострѣ въ 1548 году; но съ его казнью протестантизмъ здѣсь не искоренился. Приверженцы Вискарта съ такимъ героизмомъ переносили всякія гоненія католиковъ, что Дунди того времени заслужилъ отъ протестантовъ всего міра названія *второй Женевы*, а въ 1550 году общее собраніе протестантскихъ священниковъ торжественно объявило господство католицизма низвергнутымъ. До окончательнаго присоединенія своего вмѣстѣ со всей Шотландіей къ Соединенному Королевству, Дунди нѣсколько разъ подпадалъ господству англичанъ и нѣсколько разъ дѣлался независимымъ. Традиція либеральнаго духа издавна сохраняется горожанами Дунда. Такъ въ іюнѣ 1790-го года, клубъ виговъ этого города отпривилъ поздравительный адресъ французскому національному собранію съ заявленіемъ сочувствія великодушнымъ мѣропріятіямъ, декретированнымъ этимъ собраніемъ. Съ окончательнымъ подчиненіемъ Дунди великобританскому правительству, политическое его значеніе закончилось, но началось промышленное. Въ XVII столѣтіи тамъ существовала только льняная промышленность, съ половины XVIII-го

тамъ (одновременно съ паденіемъ остатковъ феодализма въ учрежденіяхъ) стали возникать холщевыя фабрики, которыя, благодаря покровительственной системѣ, быстро развивались, хотя населеніе еще въ 1801 году не превосходило 26,000 человекъ. Въ 1806 г. Джемсъ Броунъ завелъ тамъ первую паровую ткацкую фабрику, и съ тѣхъ поръ населеніе стало такъ быстро подниматься, что скоро Дунди насчитывалъ уже 45,355 жителей, но промышленное благосостояніе Дунди сдѣлалось несравненно болѣе значительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Томасъ Нашъ и Джемсъ Уаттъ акклиматизировали тамъ особенный видъ бенгальской конопли (рода *Cochorus*), листья которой даютъ упругія и шелковистыя нити, пригодныя для приготовления изъ нихъ самыхъ разнообразныхъ тканей. Въ 1866 году таковыхъ нитей вошло въ мѣстные фабрикатъ 62 милліона киллограммовъ. Вообще фабрики Дунди и окрестностей произвели въ этомъ году фабрикатовъ на 118 милліоновъ франковъ (весьма значительное количество льна впрочемъ ввозится въ Дунди изъ Россіи), а постоянное населеніе Дунди дошло до 100,000 человекъ, то-есть учетверилось въ теченіе 60 лѣтъ. Кромѣ этой главной промышленности, въ Дунди существуютъ еще нѣсколько второстепенныхъ промысловъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій китоловный, для чего мѣстные negocianty снаряжаютъ ежегодно по двѣ экспедиціи на сѣверъ. Первая экспедиція, весенняя, обыкновенно ограничивается довьюю тюленей, которыхъ эти мореплаватели среднимъ числомъ убиваютъ для жира по 3,000, но иногда имъ удается привозить съ собою до 260,000 киллограммовъ этого жира (для чего надобно убить до 20,000 тюленей). Вторая — весенняя идетъ обыкновенно къ восточнымъ берегамъ Гренландіи и среднимъ числомъ убиваетъ отъ 4 до 5 китовъ. Кромѣ того жители занимаются въ большихъ размѣрахъ дубленіемъ кожъ, для чего, для добыванія танина, акклиматизировали у себя нѣсколько экзотическихъ деревьевъ, богатыхъ имъ (*Rhus coriaria*, *Quercus agrifolia* и т. д.) Сверхъ того Дунди снабжаетъ всю Великобританію и Америку особенными конфектами, чрезвычайно ароматическими, которыхъ въ этомъ городѣ готовятъ милліонъ киллограммовъ, подъ названіемъ *Dunde marmelade*.

Сообразно своему промышленному значенію, Дунди представляетъ большой городъ (третій въ Шотландіи, послѣ Эдинбурга и Глазгова), расположенный на протяженіи 9 киллометровъ, на сѣверной сторонѣ Тэйской бухты: обширный портъ его обруженъ широкими набережными и имѣетъ четыре дока. Самый городъ расположенъ амфитеатромъ на одной изъ терассъ, происшедшихъ отъ поднятія шотландскихъ береговъ во время ледяного періода. Въ городѣ широкія улицы, нѣсколько церквей, замѣчательныхъ по своей архитектурѣ, и на шестнадцати гектарахъ расположенъ (по рисунку Пакстона) чрезвычайный паркъ, устройство котораго его основателю стоило болѣе милліона франковъ. Въ числѣ учебныхъ заведеній въ Дунди существуетъ высшее училище

(high school) и Morgan Hospital — огромное учреждение для призрѣнія и воспитанія сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей. Кромѣ того тамъ нѣсколько банковъ, New royal Infirmary — лучшій госпиталь во всей Шотландіи, Albert Institut — зданіе, построенное на добровольныя приношенія горожанъ и предназначенное для публичной библиотеки, съ большимъ заломъ, для публичныхъ курсовъ и чтеній, и Kinnaird Hall — особенное зало для общественныхъ собраній, названное по имени лорда Кайнаирда, по инициативѣ котораго оно построено, и могущее вмѣстить въ себѣ около двухъ тысячъ человѣкъ.

Собранія, митинги, конгрессы и всякія сходки до такой степени въ нравахъ британцевъ, и играютъ такую видную роль въ социальной и политической жизни Англии, что тамъ всякія общества организуются быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и практично. Въ Дунди нетолько городское управленіе, но и всѣ горожане передъ устройствомъ научнаго праздника объявили, что ихъ дома и помѣщенія къ услугамъ дорогихъ гостей. Во всѣхъ классахъ общества появилось соревнованіе, чтобы, какъ, съ одной стороны, облегчить всѣми возможными способами работы и занятія членовъ ассоціаціи, такъ съ другой стороны — сдѣлать пребываніе ихъ въ Дунди на сколько возможно пріятнымъ. Биржа (Royal Exchange) предложила свое зало (reception room) въ полное распоряженіе ассоціаціи, и въ ней было устроено нѣсколько временныхъ конторъ, въ которыхъ пріѣзжіи могли получать всѣ необходимыя для себя свѣдѣнія. Въ одной изъ нихъ составлялись списки всѣхъ членовъ ассоціаціи, ихъ адреса и отмѣчались всѣ лица, пріѣзжавшія на сессію въ Дунди; въ другой — желающіе могли вносить свое имя въ число постоянныхъ или временныхъ членовъ ассоціаціи; въ третьей — выдавались билеты дамамъ, желавшимъ присутствовать въ засѣданіяхъ; въ четвертой — находились всѣ дѣла учредительнаго комитета; въ пятой — находились газеты и печатныя заявленія, относившіяся въ сессіи; въ шестой наконецъ, всѣ свѣдѣнія о предположенныхъ экскурсіяхъ. Кромѣ того въ той же залѣ находилось временное отдѣленіе почты, куда привозились изъ почтамта всѣ письма и посылки, адресованныя на имя членовъ сессіи; тутъ же были разставлены столы со всѣми канцелярскими принадлежностями, чтобы каждое лицо, получающее письмо, требующее отвѣта, могло, не теряя ни минуты, тотчасъ же на него отвѣчать. Кромѣ того, тутъ же находилась контора, извѣщавшая о свободныхъ квартирахъ, предлагаемыхъ жителями для помѣщенія пріѣзжихъ; каждый домъ, каждое семейство напередъ предлагали свое гостепрійство ученымъ гостямъ. Со времени открытія сессіи (продолжавшейся 8 дней), ежедневно рано утромъ появлялась печатная программа, въ которой перечислялись, какъ общія собранія, такъ и частныя, долженствовавшія происходить въ тотъ день, также какъ и музыкальныя и танцевальныя вечера, на которыя приглашались жителями члены ассоціаціи. Въ той же

программъ означалось, въ какомъ мѣстѣ должноствовало происходить то или другое секціонное собраніе, описывались проекты 12 экскурсій въ окрестности города, организованныхъ жителями для того, чтобы соединять въ этихъ совмѣстныхъ прогулкахъ научную пользу и общее удовольствіе. Въ ней же описывались важнѣйшія городскія достопримѣчательности, историческіе памятники города и важнѣйшія изъ промышленныхъ заведеній, на случай, еслибы кто-нибудь изъ гостей захотѣлъ осмотрѣть что-либо изъ нихъ. Кромѣ того, всѣмъ членамъ сессіи каждое утро раздавалась другая программа, въ которой находились указанія на тѣ заявленія и рѣчи, которыя предполагались въ теченіе дня прочитывать въ томъ или другомъ отдѣленіи сессіи.

Почетное предсѣдательство сессіи было предложено одному изъ почетнѣйшихъ мѣстныхъ жителей — герцогу Булейгъ-Кинсбюри.

Два общія засѣданія, которыя были открыты рѣчью предсѣдателя и отчетомъ казначея ассоціаціи, были посвящены обсужденію вопросовъ, касавшихся общихъ интересовъ всѣхъ секцій^{*}; потомъ общество раздѣлилось на семь секцій (секція физики и математики, химіи, геологіи, естественныхъ наукъ и физиологіи, политической экономіи и статистики, и механики). Мартенсъ сожалѣетъ, что онъ даже кратко не можетъ перечислить всѣхъ заявленій и диспутовъ, къ которымъ они подавали поводъ на секціонныхъ собраніяхъ, такъ-какъ для этого надобно бы было написать цѣлый томъ. «Въ Дунди, говоритъ онъ, собралось 465 членовъ ассоціаціи, и почти каждый изъ нихъ что-либо сообщилъ на засѣданіяхъ той или другой секціи: почти всѣ ученые работы, совершенныя въ теченіе года въ Англій, такъ-сказать, искали для себя санціи ассоціаціи». Членовъ-иностранцевъ на сессіи было немного: три француза, одинъ нѣмецъ, одинъ русскій, одинъ голландецъ и одинъ американецъ.

Болѣе всего многолюдны были секціи географіи и этнографіи. Предсѣдательствовалъ ими извѣстный Саммуэль Беккеръ, пропавшій незадолго до того вмѣстѣ съ своей неустрашимой женой въ центральную Африку, гдѣ ему удалось открыть, между прочимъ, озеро Альберта, самый обширный резервуаръ воды, протекающей въ Нилъ. Вышность этого человѣка вполне соотвѣтствуетъ его неустрашимости, и глядя на него можно легко отгадать, какъ сильно могло быть его вліяніе на дикарей. Онъ высокаго роста, съ мужественнымъ лицомъ, черты котораго выражаютъ энергію, и съ рыжею по поясъ бородою. При этомъ у него очень сильный органъ голоса. Рѣчь его объ его интересныхъ странствованіяхъ очень понравилась публикѣ, и громъ рукоплесканій покрылъ его слова, когда онъ, говоря о погибающихъ въ неизвѣстныхъ странахъ исследователяхъ, сказалъ, что въ минуты смертной

* Къ сожалѣнію, Мартенсъ не говоритъ, обсужденію какихъ именно вопросовъ были они посвящены.

аговіи ихъ поддерживаетъ мысль, что «Англія разсчитываетъ, что каждый ея гражданинъ исполняетъ долгъ свой»—выраженіе Нельсона, передъ битвою при Трафальгарѣ. Вслѣдъ за Беккеромъ говорилъ Оливеръ, о различныхъ путяхъ, которые проектированы черезъ Панамскій перешеекъ. Кромѣ того, особенное вниманіе публики обратилъ на себя отчетъ объ естественно-научномъ изученіи Палестины, на что соединенными усиліями Лондонскаго королевскаго общества, Географическаго общества и миссъ Бурдетъ Кутсъ составленъ былъ недавно весьма значительный капиталъ Palestine exploration fond. Огромная географическая карта Палестины почти уже окончена и специалистамъ-наблюдателямъ розданы метеорологическіе инструменты, при пособіи которыхъ климатъ Святой Земли можетъ быть хорошо изученъ. Это изученіе представитъ значительный интересъ въ отношеніи исторической климатологіи, такъ-какъ сравнивая свидѣтельства Страбона, Плинія и т. д. съ тѣмъ, что теперь видятъ наблюдатели, необходимо придти къ заключенію, что климатъ этой страны значительно измѣнился. Лѣто стало холоднѣе и короче (финиковая пальма, цвѣтшая такъ нѣкогда въ изобиліи, нынѣ не вырѣвается), зима же потеряла свой суровый характеръ. На секціи геологіи, по свидѣтельству Мартенса, были особенно интересны сообщенія (гг. Джона Кравфурда, Джона Любока, д-ра Гунта, и многихъ другихъ) и пренія о древности человѣка. Мартенсъ приводитъ объ нихъ довольно подробный отчетъ, который мы опускаемъ, такъ-какъ цѣль нашей статьи вовсе не ученая. Замѣтимъ только, что почти всѣ важнѣйшія работы, предпринимавшіяся Англіею за послѣднее время въ этомъ направленіи, происходили по инициативѣ ассоціаціи и при ея пособіяхъ. Не можемъ также не упомянуть, что одинъ изъ новѣйшихъ англійскихъ изслѣдователей пещерныхъ находокъ Вивьянъ, на основаніи толщи сталагмитнаго слоя, покрывающаго кремневые ножи, и прибывающаго на 2,5 милиметра въ годъ, вычислилъ, что такой слой, представляющій толщю въ 91 сантиметръ, долженъ былъ образоваться въ 364,000 лѣтъ и что, слѣдовательно, должно предполагать, что древность людей, употреблявшихъ каменные орудія, несравненно значительнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ предполагали самыя смѣлныя палеонтологи. Вотъ что Мартенсъ говоритъ вообще объ успѣхахъ геологіи въ Англіи за послѣднее время: ни одна наука не обособлена въ Англіи въ той степени, какъ геологія. Изученію ея предаются со всеусердіемъ не только инженеры и геологи по профессіи, но несмѣтная толпа любителей, разсѣянныхъ по всему протяженію Соединеннаго Королевства. Особенною ревностію въ этомъ отношеніи отличается духовенство; священники и вакаріи чуть не все свободное время, остающееся имъ отъ исполненія ихъ обязанностей, посвящаютъ изслѣдованіямъ мѣстностей, служащихъ имъ мѣстомъ жительства, и ихъ окрестностей. Каждое исполненіе требъ, каждое посѣщеніе большихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, стано-

виступа для духовних лицъ какъ-би геологической экскурсіей. Эта армія мирныхъ волонтеровъ положительно покорила себѣ Великобританскую территорію, каждый уголокъ которой изслѣдованъ самымъ тщательнымъ и подробнымъ образомъ. Матеріаловъ этого рода не перечесть, и всѣ они собраны знающими и опытными руками. Благодаря этимъ матеріаламъ, естественныя умы, при помощи опыта и размышленія, дошли до заключенія, что геологическія условія острова Великобритавіи и континента одни и тѣ же, что бассейнъ Лондона аналогиченъ бассейну Парижа, и что сравненіе скалъ Булони и Фолькестона доказываетъ, что Англія, отдѣленная въ настоящее время отъ Франціи широкимъ, но неглубокимъ каналомъ, составляла нѣкогда продолженіе материка Франціи, и что, сравнительно, такое измѣненіе произошло не особенно давно. Духовенство Англіи такъ дорожитъ успѣхами геологій, что позволило геологической секціи въ одной изъ большихъ улицъ (Ramping-Street) развѣсить геологическіе рисунки. Въ глубинѣ канала поставлена была эстрада, на которой заняли мѣста: предсѣдатель секціи, члены комитета и ораторъ, а громадная занавѣсъ изъ зеленого холста служила плоскостью прерѣвленія огромныхъ размѣровъ геологическихъ рисунковъ и акварелей. Такіе рисунки употребляются въ Англіи при геологическихъ чтеніяхъ для нагляднаго ознакомленія слушателей съ особенностями различныхъ мѣстностей, и обыкновенно, когда ораторъ вздумаетъ описывать геологію той или другой части страны, то на первомъ рисункѣ представляется пейзажъ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, для того, чтобы въ воображеніи зрителей запечатлѣлись сначала видныя ея особенности. Второй рисунокъ обыкновенно представляетъ ту же мѣстность, но уже въ геологическомъ смыслѣ, такъ-какъ различныя напластованія въ немъ намѣчены различными красками. Третій рисунокъ затѣмъ уже представляетъ разрѣзъ мѣстности или внутреннюю, геологическую структуру почвы. Осажденности и ископаемыя раковины, встрѣчающіяся въ пластахъ, свойственныя геологическому строенію изслѣдуемой мѣстности, изображаются въ особыхъ рисункахъ въ значительно увеличенномъ видѣ, такъ, чтобы ихъ со всѣми мельчайшими подробностями ихъ строенія можно было ясно отличить отовсюду въ залѣ. Такая метода, значительно облегчающая изученіе геологій, начала вводитьъ и во Францію — на публичныя лекціи.

Въ числѣ заявленій на геологической секціи было также весьма интересно предложеніе англійскаго ученаго Анстеда, который считаетъ необходимымъ осушить дно одной лагуны въ Корсики, существующей около двухъ тысячъ лѣтъ, и вредными испареніями заражающую Вастію и ея окрестности. Онъ совѣтуетъ корсиканцамъ такъ же распорядиться съ этою лагуною, вода въ которую приносится различными источниками, какъ недавно голландцы распорядились съ Гарлемскимъ озеромъ, разливы котораго

угрожали опасностью Амстердаму, — спровадивши воду этого озера въ океанъ.

На секціяхъ естественныхъ наукъ собственно, по словамъ Мартенса, и въ безчисленныхъ сообщеніяхъ, были затронуты «всѣ главнѣйшіе вопросы ботаники, зоологіи, сравнительной анатоміи и физиологіи». Онъ, однакоже, не говоритъ ни объ чемъ, кромѣ зоологическихъ изслѣдованій морскаго дна, окружающаго британскіе острова, предпринятыхъ по инициативѣ ассоціаціи гг. Эдвардомъ Форбэсомъ (нынѣ умершимъ), Гвиномъ Жефрейсомъ, Мерлемъ Норманомъ и другими. Такія изслѣдованія особенно важны для зоологической географіи, физиологіи низшихъ животныхъ и геологіи. Такъ, наприимѣръ, Форбэсъ доказалъ, что извѣстные виды морскихъ животныхъ водятся всегда на опредѣленной глубинѣ отъ поверхности моря, совершенно подобно тому, какъ птицы летаютъ только въ опредѣленныхъ слояхъ воздушной атмосферы. Главный трудъ о моллюскахъ — результатъ изслѣдованій этого рода у береговъ Великобританіи принадлежитъ Гвину Жефрейсу (4 тома in-8°); дополненіемъ его будутъ еще ненапечатанные труды Мерла Нормана, который производилъ свои изысканія у Шотландскихъ острововъ, мѣстонахожденіе которыхъ способствуетъ, какъ нельзя болѣе, работамъ этого рода, такъ-какъ острова эти находятся какъ-бы на границѣ Ледовитаго и Атлантическаго Океановъ, и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчаются полярныя теченія Ледовитаго Океана, несущія на югъ, въ низшіе и холодные слои Атлантическаго, воды, водящіяся близъ Исландіи и Гренландіи, съ теплымъ поверхностнымъ теченіемъ Атлантическаго Океана (gulf-stream), приносящимъ въ западныхъ берегамъ этихъ острововъ воды, водящіяся въ водѣ умеренной температуры Атлантическаго Океана.

Кромѣ того Мартенсъ упоминаетъ вскользь объ открытіи Раа Ланкастера, присутствія у нѣкоторыхъ двустворчатыхъ моллюсковъ особаго отдѣленія, содержащаго нѣкоторый процентъ свободной сѣрной кислоты, благодаря которому они могутъ, на подобіе нѣкоторыхъ червей (наприимѣръ, вольчецовъ) и брюхоножныхъ (какъ Бочечка, *Doleus-galea*), растворять известковыя соединенія, все равно представляются ли послѣднія мягкими, рыхлыми или твердыми, чѣмъ отчасти объясняется, отчего эти моллюски любятъ помѣщаться въ отверстіяхъ скалъ, производимыхъ ими нарочно ad hoc. При остротѣ и твердости ихъ зубовъ и при крѣпости ихъ раковинъ, въ своемъ кислотѣ совѣ они находятъ весьма полезное для себя подспорье для прорытія въ твердыхъ скалахъ себѣ убѣжищъ. Для отчета о сообщеніяхъ по секціямъ математики, физики, химіи, механики и статистики и политической экономіи, Мартенсъ не признаетъ себя компетентнымъ, почему и ограничивается только заявленіемъ, что онъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ передать о сообщеніяхъ гг. Вильямсона, Андерсона, Оллинга, Максвелла Симсона, Гладстона, Каттога и Кроокса — по химіи, Браустера, Вильяма Томсона и Уатсона — по физикѣ, Равина,

Стокса, Армстронга, Батемана, Файрбайрна, Томаса Стевенсона и Ольдгама—по механикѣ, Джона Боуринга Грантъ-Дуфа и Леоне-Левни—по статистикѣ, такъ-какъ вѣроятно всѣ эти сообщенія не требуютъ для своего уясненія особенныхъ специальныхъ знаній отъ читателей, но все-таки для такого изложенія ихъ, которое было бы для публики небезполезно, требовалось бы войти въ такія подробности, которыя значительно растянул бы его статью. Но, личные занятія автора метеорологіей позволяютъ ему хотя вкратцѣ коснуться до главнѣйшихъ сообщеній, имѣвшихъ цѣлью придать массѣ метеорологическихъ наблюденій наибольшую степень практичности. Для достиженія такой цѣли Англія обладаетъ чрезвычайно важнымъ пособіемъ, котораго лишены другія страны. Въ ней существуетъ *центральная метеорологическая обсерваторія*, устроенная только для наблюденій метеорологическихъ, и неимѣющая ничего общаго съ обсерваторіями астрономическими. Обсерваторія эта находится вблизи Лондона въ Кью, гдѣ находится также знаменитѣйшій въ Европѣ ботаническій садъ. Эта обсерваторія отчасти поддерживается средствами ассоціаціи. Завѣдуетъ ею Стевартъ и она обладаетъ тончайшими аппаратами и снарядами, какіе только существуютъ въ мірѣ для облегченія метеорологическихъ наблюденій. Большая часть изъ нихъ устроена такимъ образомъ, что всякія измѣненія барометрическаго давленія, температуры, силы и направленія вѣтра и отклоненія магнитной стрѣлки, при ихъ пособіи ежеминутно заносятся на фотографическую бумагу въ видѣ кривыхъ линій, выражающихъ всѣ суточные колебанія. Кромѣ того, особые инструменты устроены для непосредственнаго наблюденія влажности воздуха, количества выпадающаго дождя и интенсивности солнечнаго свѣта. Эта обсерваторія сносится со всѣми метеорологическими станціями группы британскихъ острововъ и англійскихъ колоній. Особые регулирующіе снаряды, устроенные самымъ совершеннымъ образомъ, даютъ возможность провѣрять, какъ снаряды метеорологическихъ станцій, такъ и тѣ, какими обсерваторія снабжаетъ путешествующихъ наблюдателей. Благодаря этому, всѣ производящіяся наблюденія могутъ быть легко сравнимаемы и свѣряемы. Такимъ образомъ въ 1867 году съ регуляторами обсерваторіи были свѣрены 89 барометровъ и 608 термометровъ. Въ настоящее время ассоціація поручила нѣсколькимъ ученымъ рассмотретьъ всѣ накопившіяся путемъ такого наблюденія таблицы всякихъ метеорологическихъ измѣненій, чтобы изъ сравненія вывести общіе ихъ законы. Само собою понятно, сколько изъ такого свода явится драгоценныхъ выводовъ, которые могутъ быть по своей точности съ успѣхомъ приложены къ рациональному земледѣлію, къ мореплаванію, къ общественной гигиенѣ и къ политической экономіи. Затраты Англіи на устройство и поддержку обсерваторіи и метеорологическихъ станцій вознаграждаются съ окупаніемъ этого труда, конечно, сторицею.

Глешеръ, одинъ изъ метеорологовъ, наиболѣе извѣстный въ

Европѣ по своимъ воздухоплаваніямъ, наставлялъ въ засѣданіи на значительной важности сравнительныхъ плевіометрическихъ наблюдений. По его словамъ, въ Англіи въ настоящее время дѣйствуютъ 250 плевіометровъ, такъ что, благодаря этому, скоро получится возможность узнать степень вліянія, какое имѣютъ высота мѣстности, приморское ея положеніе, близость къ ней горъ, рѣкъ и озеръ и т. д. на количество выпадающаго на различныхъ страны дожди и законы, управляющіе распредѣленіемъ количества падающей воды въ различныя времена года. Г. Мельдрумъ, директоръ обсерваторіи острова Святого Маврікія, представилъ множество картъ и чертежей, для нагляднаго объясненія направленій и системы коловращеній урагановъ, свирѣствующихъ въ Индійскомъ Океанѣ, и происходящихъ отъ встрѣчи сѣверо-западнаго муссона съ юго-восточными пассатами. До сихъ поръ, обыкновеннымъ правиломъ мореплавателей, суда которыхъ попадали въ эти циклоны, было ставить послѣднія по направленію къ юго-западу; но Мельдрумъ доказывалъ, что гораздо рациональнѣе приводить ихъ носомъ прямо къ югу, чтобы такимъ манеромъ выдти изъ площади направленія обихъ вѣтровъ, обуславливающихъ круговоротъ.

Почти цѣлое засѣданіе было посвящено вопросу, казавшемуся нѣкогда немислимымъ Араго, о предсказаніи погоды въ видахъ предупрежденія моряковъ, находящихся въ плаваніи, отъ случайностей быстрыхъ и неожиданныхъ атмосферическихъ перемѣнъ. Хотя этотъ вопросъ, имѣющій для Англіи, какъ морской державы, первостепенное значеніе, далеко еще не рѣшенъ, но онъ весьма тщательно изучается. Англійское адмиралтейство, министеръ торговли и брит. ассоціація, даютъ всевозможныя средства для лицъ, посвящающихъ себя изученію этого вопроса. Конечно, метеорологическія станціи англійскихъ портовъ, значеніе которыхъ, благодаря адмиралу Фицъ-Рой, постоянно усиливается, и въ которыхъ командиры судовъ могутъ получать всевозможныя для себя свѣдѣнія о вѣроятности приближающейся опасности, отчасти уже имѣютъ предотвращающій аваріи характеръ; но все-таки этотъ вопросъ подлежитъ еще продолжительному изученію. Поэтому, на секціонномъ диспутѣ, семь человекъ ученыхъ, и между прочимъ герцогъ Букейгъ, высказывали цѣлый рядъ остроумныхъ соображеній, при помощи которыхъ можно бы было достигнуть возможно-скорѣйшаго и благопріятнѣйшаго для мореплаванія разрѣшенія.

Когда всѣ поднятые вопросы на секціонныхъ собраніяхъ были разрѣшены, назначено было заключительное общее собраніе, происходившее въ Kennaired Hall'ъ. На немъ секретарь сессіи прочелъ отчетъ о состояніи ассоціаціи и о распредѣленіи суммъ (55,000 франковъ), назначенной въ 1867 году отъ ассоціаціи на пособія для различныхъ ученыхъ работъ. Потомъ послѣдовали заключительныя рѣчи предсѣдателя сессіи, герцога Букейга, парламентскаго представителя города Дунди, сэра Джона Огилви,

вице-президента сесіи Родерика Мурчисона и т. д. и т. д. Хо-злева, конечно, благодарили гостей за посѣщеніе, гости—всѣхъ жителей города, способствовавшихъ успѣшности сесіи, и между прочимъ, редакторъ «Dundee-Advertiser», изданія, которое каждое утро давало отчетъ о происходившемъ наканунѣ, съ такою точностью и подробностями, что ея статьи сдѣлали почти ненужнымъ опубликованіе ассоціаціей обычнаго годового отчета. Впрочемъ, и отчетъ этотъ не заставлялъ долго ждать своего появленія остальныхъ жителей Великобританіи, интересующихся успѣхами и ходомъ ассоціаціи.

Одновременно съ секціонными собраніями, происходили и чтенія публичныхъ лекцій. Два изъ этихъ чтеній были вообще для публики, третье предназначалось исключительно для рабочихъ города Дунди. Первая лекція была посвящена геологическому описанію Шотландіи, и была прочитана г. Арчибалдомъ Гейки, геологомъ, которому было поручено ассоціаціей составленіе геологической карты Шотландіи. Чтеніе происходило въ залѣ Kennaird-Hall, и пониманіе его было облегчено для публики множествомъ чертежей, огромныхъ размѣровъ, изображавшихъ разрывъ различныхъ мѣстностей, множествомъ изображеній наиболѣе рельефныхъ по своему вѣдшему характеру особенностей шотландской природы и т. д. Вторая лекція, прочитанная симонъ и внукомъ знаменитыхъ астрономовъ, Александромъ Гершелемъ, была посвящена изложенію новѣйшихъ теорій падающихъ звѣздъ, которое тоже было объяснено наглядно множествомъ чертежей и рисунковъ, и высказано въ блестяще-популярной формѣ. Но главнѣйшій интересъ представляла собою третья лекція — лекція Джона Тиндала для городскихъ работниковъ. Смыслъ этой лекціи представлялъ смѣлую попытку познакомить совершенно не подготовленныхъ слушателей, въ одно чтеніе, съ дѣлимъ рядомъ основныхъ вопросовъ физическихъ наукъ, показать ихъ дѣли и стремленія, и возбудить въ рабочихъ любовательность въ узнанію тѣхъ причинъ, которыя обусловливаютъ собою тѣ физическія явленія, какія наблюдательности людей представляются ежедневно и на каждомъ шагу. Лекція Тиндала носила названіе: «Матерія и движеніе» и въ самыхъ ясныхъ словахъ излагала, что всѣ феномены видимаго міра, какъ притяженіе, теплота, электричество и магнетизмъ суть не что иное, какъ различныя формы выраженія движенія, и переходятъ постоянно одні въ другія. На этой лекціи предсѣдательствовалъ герцогъ Вуллейгъ, и слушателей-рабочихъ было болѣе двухъ тысячъ. Такъ-какъ вопросъ о переходѣ силъ не имѣетъ, конечно, утилитарнаго значенія, то, для предупрежденія извѣстнаго вопроса: къ чему же ведетъ все это?—Тиндалъ началъ свое чтеніе вступленіемъ, въ которомъ показавъ права науки на чисто-спекулятивныя изслѣдованія, клонящіяся въ концѣ концовъ все-таки въ пользу человѣка: «Ничто не станетъ — говорить оаъ — отвергать пользу науъ въ ихъ многообразныхъ

приложеніяхъ въ промышленности. Безъ ихъ помощи самыя промышленныя учрежденія Дунди не могли бы представлять той степени процвѣтанія, на которой они находятся, но, по большей части, великіе изслѣдователи природы и свѣтила науки не имѣли при своихъ занятіяхъ въ виду прямо утилитарныхъ цѣлей, хотя открытія ихъ и носили такой характеръ. Величайшій физикъ, недавняя утрата котораго еще долго будетъ чувствоваться въ наукѣ — Фаредъ, принесшій своими трудами болѣе пользы для практическаго прогреса Англїи, нежели всѣ остальные англійскіе ученые практики вмѣстѣ, никогда, при своихъ изслѣдованіяхъ, не имѣлъ въ виду узко-практическихъ цѣлей. Побуждающими факторами для его испытующаго духа служили любовь къ наукѣ вмѣстѣ съ жгучею жаждою познанія съ возможною глубиною всѣхъ явленій физической природы». Послѣ такого вступленія Тиндаль цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ и наглядныхъ опытовъ показалъ изумленному собранію въ очью всѣ извѣстные переходы силъ. Вотъ еще отрывки изъ его рѣчи, приведенные Мартенсомъ: «Матеріальныя частицы (молекулы) движутся, какъ говоритъ Эмерсонъ, въ стройномъ порядкѣ, подчиняясь гармонически законамъ природы, и всякое, самое простое вещество, въ глазахъ мыслящаго наблюдателя, представляется верховъ совершенства. Наука — откровеніе тѣхъ чудесъ и тайнъ, какими окружаетъ насъ природа. Снѣжинки, располагающіяся на нашихъ замерзшихъ окнахъ въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ, напоминающихъ самыя причудливыя формы листьевъ папоротниковъ — даютъ самый сподручный опытъ и составляютъ самое ясное доказательство справедливости ученія о переходѣ силъ одной въ другія, а именно теплоты въ движеніе. Дохните на гнѣзную, ледяную пленку замерзшаго стекла раньше, нежели въ комнатѣ вашей будетъ разведенъ огонь, и вы замѣтите, что лѣдяная инкрустація станетъ таять и потомъ снова замерзаетъ. Возьмите увеличительное стекло (лупу), и вы будете свидѣтелями чрезвычайнаго движенія, предшествующаго новому замерзанію: все оживлено во вновь образовавшейся жидкости, каждая частица кажется живою и стремится занять свое мѣсто въ опредѣленномъ направленіи очертаній, чтобы возстановить нарушенныя формы сочетаній, повидимому, исчезнувшихъ въ нѣсколько мгновеній, отъ теплоты вашего дыханія».

Въ заключеніе своей ясной, горячей и доказательной лекціи, Тиндаль сказалъ между прочимъ: «Задача вселенной превышаетъ нашу познавательную способность. Наша умственная способность, подобно музыкальному инструменту, издаетъ только опредѣленное количество звуковъ. За предѣлами такого регистра мы не въ состояніи ничего — ни понять, ни представить себѣ. За нимъ для насъ только тайна и молчаніе. Феномены матерїи и движенія заключены въ нашемъ регистрѣ, и мы поэтому самымъ устройствомъ нашихъ способностей обязываемся углубиться возможно болѣе въ ихъ изученіе, но внѣ ихъ, за ними и

—вокруг нас—великая тайна міроуданія остається на вѣкъ неразъясненною. Пусть каждый концентрируетъ эту тайну по своему: это сво дѣло и я до этого не касаюсь. Я хотѣлъ бы только, чтобы ваши отвлеченныя представленія о строеніи міра были его достойны и чтобы ваше воображеніе надбѣляло его самыя высочайшыя атрибутами, но... не претендуйте на знаніе того, знаніе чего невозможно для человѣка. Главнѣе же всег о остерегайтесь заблужденія видѣть во всѣхъ физическихъ явленіяхъ міра какин-то мелочныя выраженія гнѣва или сочувствія высшаго существа... Не раздѣляйте слабоумныхъ мнѣній тѣхъ, которые не различаютъ простыхъ и физическихъ причинъ, такихъ чисто-физическихъ факторовъ, какъ эпидемія, неурожай, скотскіе падежи!... Самыи конецъ этой рѣчи, пропускаясь нами, могъ быть пронесенъ публично, конечно, только въ такихъ относительно свободныхъ странахъ, какъ Англія и Америка. Но вся эта рѣчь глубоко подѣйствовала на слушателей, что, конечно, не можемъ пропастъ безслѣдно для науки. «Кто знаетъ—говорить Мартенсъ — не было ли въ числѣ слушателей рѣчи Тиндала високо способныхъ людей, недоувѣряющихъ еще своимъ силамъ, и что могучее слово Тиндала не пало благотворнымъ зерномъ въ иную молодую и способную голову?» и поэтому кстаи вспоминаеть, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія знаменитый Гумфри-Девн читалъ лекцію химіи, въ средѣ подобной же аудиторіи. Его слушалъ, между прочимъ, затерянный въ толпѣ мальчикъ, нашедшійся въ ученьи у переплетчика. Лекція Гумфри-Девн такъ на него подѣйствовала, что онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ наукѣ, и сталъ просить у профессора, какъ милости, права посѣщать его лабораторію. Сначала войдя въ эту лабораторію, онъ, только ничтожный помощникъ работающихъ въ ней, моеть реторты и колбы, подаетъ ту или другую банку... но мало по малу, вглядываясь въ производство работъ и изслѣдованій, началъ читать книги химическаго содержанія, усердно занимаюсь, учась безъ устали, онъ просить у профессора позволенія и самому дѣлать нѣкоторые опыты и работы. Работы его тонки и отчетливы, въ нихъ ясно проявляется талантъ, на него обращается вниманіе, и вотъ изъ рукъ молодого экспериментатора являются одно за другимъ многоразличныя открытія и черезъ нѣсколько лѣтъ ученикъ переплетчика преобразовываетъ цѣлую отрасль физики—ученіе объ электричествѣ. Нужно ли говорить, кто былъ этотъ бывшій переплетчикъ, кто былъ «лучшимъ открытіемъ Гумфри-Девн», по лэвнтельному выраженію одного академика? Читатели наши, конечно, знаютъ, что это исторія Фареда...

Мартенсъ посвящаетъ цѣлую главу своей статьи описанію экскурсіи, которая была предпринята членами ассоціаци, во мы не считаемъ важнымъ останавливаться на ихъ подробномъ описаніи. Скажемъ только, что онѣ сопровождалась цѣлымъ рядомъ офіціальныи обѣдовъ, музыкальныхъ вечеровъ, баловъ и кон-

церковъ. Всѣ эти экскурсіи были, по словамъ Мартенса, организованы такъ, что представляли значительный интересъ для ученыхъ натуралистовъ и антикваріевъ, онѣ одновременно представляли чрезвычайно приятныя развлечения для публики. Всѣ корпораціи окрестныхъ городовъ и университетовъ, также какъ и богатѣйшіе изъ окрестныхъ землевладѣльцевъ напередѣхъ приглашали къ себѣ ученыхъ гостей. Стоило только тому или другому прїѣзжему заявить свое желаніе участвовать въ той или другой экскурсіи, стоило ему только внести свое имя въ длинныя списки, заключавшіе въ себѣ по сту и по полтора ста именъ, и къ его услугамъ тотчасъ появлялись экипажи, проводники, приглашенія на завтраки и обѣды. Между прочимъ одна изъ экскурсій была въ древній городъ Сент-Андрю, находящійся вблизи отъ Дунди. Городъ этотъ—Монпелье Шотландіи и преимущественно ученый; въ немъ не существуетъ никакой промышленности. Университетъ въ Сент-Андрю существуетъ съ 1411 года, и вмѣстѣ съ нимъ въ городѣ находится множество учебныхъ заведеній и публичныхъ училищъ, между которыми особенно замѣчательна мадрасская коллегія, устроенная въ 1831 году на иждивеніи одного изъ питомцевъ сент-андрюскаго университета, Андрю Белли, который, обогатившись торговыми оборотами въ Индіи, пожертвовалъ на учрежденіе этой коллегіи 1.500,000 франковъ. Въ коллегіи этой 800 молодыхъ людей получаютъ полное образованіе, вполне даровое или въ исключительныхъ случаяхъ, за весьма ничтожную годовую плату. Другое весьма значительное учебное заведеніе, изъ цѣлаго ряда ихъ въ Сент-Андрю носитъ названіе коллегіи Сан-Сальвадора.

Кромѣ всего, о чемъ мы уже говорили, муниципалитетъ города Дунди озабочился открытіемъ къ началу сессіи двухъ выставокъ: сельско-промышленной и цвѣточной. Количество и красота цвѣтовъ, плодовъ, растений и овощей, собранныхъ въ Baster Park'ъ было, по словамъ Мартенса, просто изумительно, особенно, если принять во вниманіе, что Дунди лежитъ подъ 56° сѣверной широты, и что время жатвы наступаетъ тамъ только въ сентябрѣ, что небо рѣдко проясняется надъ страней, а сами лучи солнца какъ-бы лишены въ значительной степени своего свѣта и теплоты. Свольше труда и искусства необходимо было, чтобы все это выростить! Положимъ, богатые землевладѣльцы многое вырастили и въ своихъ теплицахъ, гдѣ стекла защищали все это презыбательное богатство отъ суровыхъ вліяній воздуха, а каменный уголь доставлялъ ему то количество тепла, въ которомъ ему отказывало солнце, но рядомъ съ общедоступною находилась выставка исключительно произведеній, вырощенныхъ рабочими, на которой встрѣчалось весьма не мало замѣчательныхъ растительныхъ экземпляровъ, особенно между фукусіями, спажнинами и семействомъ папоротниковыхъ растений.

Заванчивая свое описаніе научнаго праздника въ Дунди, Мартенсъ говоритъ: «Не знаю, достигъ ли я того, что мое описаніе одного изъ ежегодно новоряющихся торжественныхъ научныхъ

собраній, даде вѣрнѣе объ нихъ вѣдомъ французскимъ читателямъ? Но, еслибн у насъ знали, до какой степени эти собранія воучительны и блестящи, то вліяніе ихъ должно было бы отразиться и на насъ. Для тѣхъ, кто, чуждый предрассудковъ уваженію и исключительнаго патриотизма, смотритъ на науку, какъ на творческое дѣло всего человѣчества, а на ея успѣхи и открытія, какъ на важнѣйшія явленія исторіи, присутствовать, и такъ-сказать, принимать участіе въ дѣлѣ умственной работы великой націи представляетъ несравненно большій интересъ, нежели наблюденіе политическихъ событій чужаго народа, слѣдъ вторыхъ весьма часто такъ быстро исчезаетъ. Благодѣянія, оказываемыя человѣчеству наукою, отличаются прочнымъ и устойчивымъ характеромъ, завоеванія ея — вѣчны. Время не уничтожаетъ ихъ, а освѣщаетъ. Кто измѣнилъ видъ земли и человѣческую участь? Конечно, небольшая группа людей, безвременно и вѣнающихся, которыхъ называютъ обыкновенно мыслителями и научными дѣятелями. Труды этой-то группы, накопаясь отъ начала вѣковъ, подчинили силы природы дѣламъ человѣка, и разогнали грозные признаки, окружавшіе его колыбель. Благодаря этой традиціи ученаго труда, этой непрерывающей мыслящей работѣ, родъ человѣческій, освобождаясь постоянно отъ того безсильнаго ничтожества, въ какомъ онъ явился въ міръ, съ тѣмъ вмѣстѣ и прогрессивно преобразуется, возвышаетъ все болѣе и болѣе свое человѣческое достоинство и хотя и медленно, но вѣрно стремится къ тому умственному и нравственному идеалу, каковымъ проявится онъ въ то еще отдаленное отъ насъ время общаго, мира и счастья — время, самая мысль о которомъ представляется намъ пока еще въ смутныхъ и тусклыхъ очертаніяхъ, такъ-какъ обращааясь въ нашей сумрачной и жалкой дѣятельности, мы просто лишены способностей для яснаго различенія желательнаго будущаго».

Научная почва, прибавимъ мы отъ себя, есть та почва, на которой человѣкъ, слабый самъ по себѣ, становится сильнымъ и могучимъ, особенно, если онъ дѣйствуетъ совмѣстно съ другими и трудъ его направленъ къ высшей человѣческой дѣли — возможно скорому достиженію возможно большаго блага возможно большаго числа людей. Жалокъ народъ, неимѣющій ни средствъ, ни досуга для своего просвѣщенія; еще жалче такой, который, обладая для этого всякими средствами, не умѣетъ съ ними совладать. Въ обоихъ случаяхъ невѣжественный народъ бессознательно отнимаетъ у самаго себя всякую счастливую будущность; но какъ назвать преступленія тѣхъ частныхъ людей и отдѣльныхъ личностей, которые, сознавая всю необходимость и пользу для своего народа, въ средѣ котораго сами они вышли и составляютъ, такъ-сказать, плоть отъ плоти его и кости отъ кости его, обладая порою, вслѣдствіе исключительно-счастливыхъ для себя лично обстоятельствъ, возможностью поднимать уровень народнаго образованія, вмѣсто того тормозятъ всякіе

пути, благодаря «вторичитъ только» и возможно прощиваніе въ самые темные закоулки міра — тьмаго и яснаго свѣта знаній и истины; главнѣйшій смыслъ вторыхъ — полнѣйшее освобожденіе человѣка?

Н. Кинъ.

О НАШИХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ И ХУДОЖНИКАХЪ.

Покуда годовая стрѣлка обходила свой кругъ на часахъ общественной жизни и мы спѣшили какъ можно больше надѣлать всякаго важнаго и пустаго дѣла — спорили, волновались, теряли надежды и опять ихъ ловили, получали чины и предостереженія, брали въ лоттерей билеты и не брали изъ лоттерей выигрышей; покуда мы умилались зрѣлищемъ всемірнаго міра на парижской выставкѣ, знаками почетнаго легіона на фракахъ родныхъ экспонентовъ и отечественнымъ поросенкомъ въ трактирѣ Корещенни... покуда ружья Шаспѣ «чудотворно» очищали эту спертую атмосферу спокойствія и тишины, — пока все это совершалось — что дѣлали наши искусства? Живы ли они были, и если живы, то чѣмъ питались и дышали? Искусства, какъ извѣстно, составляютъ цвѣтъ жизни. Посмотримъ же, какіе соки для этихъ цвѣтовъ дала жизнь въ послѣднее время...

Была пора, когда на академической выставкѣ, какъ на макарьевской ярмаркѣ, каждый годъ производились художественные обороты въ огромныхъ размѣрахъ; когда филантропическій откупъ и не менѣе благодѣтельный бумажникъ одного чиновнаго мецената золотымъ и депозитнымъ дождемъ проходили надъ нивой нашихъ искусствъ, возвращая картинны и портреты, изваянія и рисунки; когда цѣлыя поколѣнія художниковъ притупляли свои карандаши и рѣзцы и истирали висти, торопясь удовлетворить нетерпѣливыхъ заказчиковъ: каждому, разбогатѣвшему на водкѣ баряну, требовалась галерея, а такъ-какъ этотъ животворный источникъ Ипокрены обладалъ свойствомъ дѣлать свои чудеса съ быстротою выстрѣловъ чудотворныхъ ружей, то оставалось спѣшить и загребать деньги, загребать деньги и спѣшить...

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой!

Со смертью вдохновительнаго откупа и народженіемъ холоднаго акциза, обывъ произведеній искусства началъ уменьшаться и выставки картинъ, почти безъ всякой надежды на вниманіе потребителей, разсыпались и разбрелись по заламъ общества «мошенствъ» (хорошо поощреніе безъ откупа!) художниковъ, по ко-

знатамъ артистическаго клуба, магазина Бегрова и увм! всего болѣе по мастерскимъ самимъ «шоопремихъ» художников!... Спрось рѣшительно не соотвѣтствуетъ болѣе предложенію...

Слоняюсь я по студіямъ столичнымъ —
Художникамъ извѣстнымъ и отличнымъ,
И, находи рядъ цѣлый галлерей
У каждаго, отъ оконъ до дверей,
Прискорбное я постигаю чувство
Поборниковъ искусства для искусства!

Картины по старому есть, но ихъ не покупаютъ по старому. Даже «Князю Тараканову» — лучшее произведеніе послѣдняго десятилѣтія русской живописи, купилъ только недавно московскій купецъ, и то уже по смерти Флавицкаго, напрасно ожидавшаго великодушной руки, которая вынесла бы этотъ памятникъ его славы изъ мастерской и оставила пачку ассигнацій, чтобы переселить въ южное тепло разлагавшіяся въ петербургскихъ туманахъ легкія... Художникъ долженъ былъ малевать иконы, чтобы жить...

Я самъ видѣлъ образъ на желтомъ фонѣ, надъ которыми онъ сидѣлъ согнувшись, блѣдный и исхудалый, въ своей студіи, а изъ угла глядѣла, заломивъ руки, погибающая и уже никому ненужная Тараканова... И пускай бы еще хоть обезпечивали эти работы матеріальною жизнью, какъ тѣ подряды, которые розданы на извѣстный московскій храмъ «заслуженнымъ профессорамъ» академіи! Такъ вѣтъ! Здѣсь — сухой хлѣбъ, а тамъ — цѣлыя состоянія, десятки тысячъ! и даже не за *свои* труды, но за одно право на трудъ. Это современное примѣненіе концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ къ искусству довольно остроумно, и я не могу не подѣлиться одною изъ легендъ, ходящихъ по этому поводу въ стѣнахъ академіи, по художественнымъ кружкамъ — всюду, гдѣ еще говорятъ объ искусствѣ... Я даже предлагаю ее, какъ сюжетъ для драматическаго представленія, въ 125-ти картинахъ, и такъ-какъ пьеса должна быть, для большей художественности, написана стихами, то вотъ, между прочимъ, какая бы въ ней могла быть, по моему мнѣнію, картина:

«Не сошлись въ цѣбѣ, или голь на выдумки хитра».

Театръ представляетъ комнату «заслуженнаго профессора» Баритоновъ. Ему предстоитъ поставить 125 фигуръ по подряду и въ срокъ, обезпеченный контрактомъ. Преклонный контрагентъ сидитъ погруженный въ задумчивость и ерошитъ своей вариетъ. Столовые часы чикають.

БАРИТОНОВЪ.

Благодаря профессіи,
Хоть и забылъ писать,
Добился я концессіи —
Фигуръ сто двадцать пять

Одинъ намалевать.
 Дѣта мои промонны —
 Безъ вѣрныа, какъ тутъ быть?
 Выханни отъ Мадонны я
 Не въ сажакъ отнчнть.
 Но семидесятъ выаччѣйшихъ
 Мнѣ тысячъ надо взять!
 За третъ могу отличѣйшихъ
 Ребятъ я приналтъ,
 И, получнть квантанцію,
 Уиру спокойно... Чтѣ жъ,
 И Рафазль-Савцю
 Писала молодѣнь!

Входитъ Филь (молодой художникъ 40 лѣтъ).

БАРИТОНОВЪ.

А, очень радъ! Садитесь.
 Скажите, какъ бы намъ —
 Въ цѣнѣ...

Филь.

Все пополамъ.

БАРИТОНОВЪ.

Ай, проша! стидитесь!
 Съ фигури сто рублей.

Филь.

По двѣсти.

БАРИТОНОВЪ.

Ей же, сѣ,
 Себѣ дороже — съ теомолъ...

Филь.

Пронайте! вашъ съ пономомъ.

БАРИТОНОВЪ (*удерживаетъ его за фалды*).

Берете полтораста?

Филь.

Нѣтъ!

БАРИТОНОВЪ (*отпускаетъ фалды*).

Такъ пронайте! баста!

(Расходятся въ разные стороны, потрясая руками).

Зритель пребываетъ въ неизвѣстности: сойдутся ли они, или сойдется съ нѣмъ другимъ новый Рафазль... Сказываютъ, однако, будто молва донесла пассажъ до кого-то повыше и надѣются, что авось-либо работа раздается по частямъ и за половинную цѣну, къ общему благополучію работниковъ и заказчика... Опасаются одного, что такъ-какъ старческія слезы сильны, а сердце не камень, то могутъ еще и разжалобить...

Молодѣе, между тѣмъ, не бросаетъ кистей, и, по слову нѣдѣ, «хоть денегъ ни гроша, да слава хороша», идетъ-себѣ подѣ сѣрой нецогодой до прямой и доброй дорогѣ. Бытовны картины (жанры) и виды (пейзажи) все больше и замѣтнѣе выбираются на путь положительной правды и простоты. Народная жизнь, съ ея будничными дырявыми горемъ, не пугаетъ *оноее нехудожественностию* даже академію, и вотъ уже смерть короля — трагическій по-своему эпизодъ этой жизни, допущенъ на послѣдней академической выставкѣ. Жаль только, что взялась за него рука неопытная, и не только отчаяніе крестьянской семьи, окружившей въ хлѣбѣ свою дорогую издыхающую бурѣнушку, выражено карикатурно, но и самая героиня трагедіи вышла неудачно. Больничная сцена, другого художника, съ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ только-что обонченной операци, достигаетъ болѣе своей цѣли... У третьяго — беззубый чтець, у котораго на лицѣ, по выраженію Гоголя, черти горожъ молотыли, собирается освѣжить свой одурманенный вычитываньемъ мозгъ понюшкою табаку, а съ губъ такъ и сыпятся мелко и часто бросаема безъ передышки слова... Это совсѣмъ живой человекъ. Далѣе, расольникъ, въ чистой и хорошо-обставленной набѣ, спорить съ священникомъ... А тамъ идетъ изъ бани запарившаяся до апоплексіи семья мелкаго чиновника, съ вѣниками подѣ мышкой и предчувствіемъ цѣлаго самовара жиденькаго чаю впереди. Вотъ мглистое, холодное, осеннее утро надѣ Москвою-рѣкою; на берегу лежитъ вытасенное изъ воды тѣло утопленницы, съ зацѣпившемъ его осолою и тиной; вороны слачуть и лакомо садятся подѣ, а полицейскій солдатъ, въ сѣрой шинели въ накидку, на бревнѣ покуриваетъ изъ короткой трубочки, и смотритъ, какъ на казенное добро, которое ему приказано стеречь, на этотъ безотрадный трупъ... Наконецъ, еще драма, хотя и не столь отчаянная, изображена мастерски въ одной фигурѣ: старикъ, учитель рисованья, идетъ начала урока. Въ богатой комнатѣ, на столѣ, онъ разставилъ свои носы и глаза, выточилъ и разложилъ карандаши... бархатное кресло придвинуто къ столу — все готово, недостаетъ только ученика, а можетъ быть и ученицы. Старикъ идетъ, и судя по напряженно-сосредоточеннымъ губамъ и по взгляду, устремленному съ укоризною на дверь, идетъ нестерпимо долго... рука его упирается рейсфедеромъ на столъ, и во всей фигурѣ видна тяжелая внутренняя борьба — борьба между нуждою и оскорбленнымъ чувствомъ. Эта, какъ и двѣ предыдущія картины — произведенія кисти того Перова, который такъ знаменательно началъ въсколко лѣтъ назадъ «первымъ чиновомъ сына дьячка», продолжалъ «похоронами крестьянина», и къ величайшему недоумѣнію въ ихъ ожидающихъ отъ него большого бытового художника, вдругъ, внезапно по какой странной прихоти, выставилъ теперь, рядомъ съ названными превосходными работами — «Мадонну у моря житейскаго». Еслибъ миѣ не было положительно извѣстно, что г. Перовъ сохранялъ въ совершенной цѣлости

свое зрѣніе, то я готовъ былъ бы подумать, что онъ ослабѣлъ, выставивъ столь жалкую, нелѣпую композицію: тутъ и брунневскій цыганскій типъ Мадонны, безъ черепа, и ребѣнокъ, непохожій ни на что, и змѣя, обвивающая ноги, и влочки подобія мутной и вникуда негодной воды; словомъ, тутъ все, кромѣ искусства, самообитности — кромѣ г. Перова! И неужели это не случайная, болѣзненная прихоть художника, отъ которой онъ самъ покраснѣеть? неужто найдется хоть одна недоброжелательная рука, способная толкать по этой ложной и мертвой дорогѣ такое здоровое, правдивое дарованіе и потопить еще одинъ русскій талантъ во мракѣ мистинизма? Потеря Перова для нашего *мыслищаго* искусства была бы очень ошутительна: оно только-что начинаетъ приобретать права гражданства въ ряду академическихъ его регламентацій, и положительныя таланты ему особенно необходимы...

Извѣстный художникъ быта, въ другомъ проявленіи, Соколовъ (И. И.), присылалъ изъ Малороссіи, гдѣ поселился, нѣсколько прелестныхъ картинокъ: 'собиранье вишенъ дворовыми дѣвушками; ребятинки, пойманные въ кражѣ гороха и проч. Сколько во всемъ этомъ солнца, прозрачнаго воздуха и свѣжести въ фигурахъ и группахъ! Точь въ точь въ очеркахъ Тургенева! Къ тому же разряду освѣжающей легкой живописи надо отнести и счастливую деревенскую сцену г. Попова: дѣти, ловящія бабочекъ въ полѣ. Милыя фигурки ихъ такъ и дѣлятся на золотистомъ фонѣ лѣтнаго полудня и нивы.

«— Вотъ такъ искусно сдѣлано! слышалъ я отъ мужичковъ, оставившихся передъ картинкою (она выставлена въ окнѣ магазина Бегрова). Не даромъ и деньги большія берутъ: какъ есть въ житѣ ребятинки балуютъ!

Преобладаніе быта не устранило, однакоже, и появленія картинъ историческихъ (какъ ихъ принято называть). Обходя равныя притчи о вѣлблудѣ и богачѣ, похожемъ на г. Саріотти въ оперѣ г. Стрѣва, о Пилатѣ, раздирающемъ ризы такъ точно, какъ ихъ раздираютъ актеры на александринскомъ театрѣ, о Святославѣ, трижды жалимомъ змѣею (три программы на заданную тему), укажу на лучшія картины по этой части: одну г. Худякова — «Кандіоты, ожидающіе въ пещерѣ прихода Архидіона», и другую г. Бронникова — «Венеціанскіе мозаисты передъ судомъ совѣта трехъ». Вѣроятно, пришлось бы упомянуть еще и о третьей — «Первые провозвѣстники воскресенія», г. Гэ, еслибы, по какимъ-то таинственнымъ причинамъ, картина эта не была неожиданно скрыта отъ нечестивыхъ глазъ Петербурга, какъ плодъ запретный, и еще неожиданнѣе не была, вслѣдъ за тѣмъ, открыта для благовѣрныхъ очей московскихъ... Но на открытіе картины г. Гэ не было ни экстренныхъ приглашеній, ни поводовъ съ угощеніями, и потому петербургскіе жители ея не видѣли. Правда, появилась фотографія ея въ окнѣ у Бегрова, но она мнѣ показалась такою странною, что я не берусь судить по ней о картинѣ. Могу сказать одно, что сочиненіе весьма

эксцентрично, и расположеніе въ эффектности, проявившеся фигурой Іуды въ знаменитой «Тайной вечери» того же художника, бросается еще болѣе въ глаза въ фигурѣ Магдалины, которая идетъ уже до того стремительно, что почти летитъ по картинѣ; а распушенные покровы и волосы даже дѣлаютъ ее нѣсколько похожую на летучую мышь... по крайней мѣрѣ, на фотографіи.

Многіе упрекали и картину г. Худикова въ аффектаціи: движенія группы и выраженія лицъ показались преувеличенными; но это едва-ли такъ. Кто знаетъ ближе югъ, съ его чрезмѣрнымъ, на наши глаза, блескомъ неба и жаромъ солнца, съ естественною живостью и картинностью позъ, театральностью жестовъ, тотъ не найдетъ тутъ ничего невѣрнаго. Прибавьте къ этому необыкновенную напряженность ожиданія — въ глухой пещерѣ, безъ пищи и почти безъ надежды на спасеніе, и вы поймете, почему эти растрепанные, полунагія женщины, эти оборванные старики и дѣти ринулись такимъ потокомъ въ выходу на свѣтъ, завидѣвъ спасительный дымъ и плывущую точку «Аркадіона». Священникъ съ высоко поднятымъ крестомъ въ рукѣ — единственнымъ средствомъ, какое у него было, чтобы поддерживать надавшія силы несчастныхъ — первый завидѣлъ спасителя и, полный почти безумнаго вдохновенія, указываетъ на него народу: «я вамъ говорилъ, кажется, произносить онъ: — что Богъ насъ не оставитъ!» Теплый дневной свѣтъ льется въ пещеру и вдали таетъ синее море...

«Мозаисти» г. Бронникова горадо безотраднѣе. Въ мрачномъ залѣ, мрачныя фигуры трехъ верховныхъ судей, только что совершившихъ казнь надъ однимъ изъ братій мозаистовъ, заводозрѣвннхъ въ вольнодумствѣ, велеть палачу въ маскѣ открыть передъ глазами приведенныхъ на судъ изломанный на колесѣ трупъ ихъ товарища: «то же будетъ и съ вами!» говорятъ ихъ неумолимыя лица. Зрѣлище это дѣйствуетъ различно на присутствующихъ: юноша со страхомъ и невольнымъ омерзѣніемъ, отскакиваетъ назадъ, зрѣлый мужъ мрачно и мстительно смотритъ передъ собою, старикъ — почти равнодушно: «не все ли равно, какъ ни умереть!» Выраженія (экспрессіи) не оставляютъ ничего желать; исполненіе (письмо) мастерское, а вся декоративная часть — обстановка судилища, одежда и всѣ подробности, облачаютъ добросовѣстное и глубокое изученіе предмета на мѣстѣ. Отъ всего этого такъ и дышитъ Венецію, тою Венецію, которая до сихъ поръ глядитъ своею гровою республикою и совѣтами своихъ «десяти» и «трезъ» съ завѣтныхъ стѣнъ и въ темныхъ переходахъ палаццо Дожей... Г. Бронниковъ представляетъ собою рѣдкій образецъ художника, предавагося искусству для искусства: онъ живетъ постоянно въ Италіи, роется въ ея памятникахъ и преданіяхъ, и хотя всѣ лучшія имъ написанныя картины: «Помпейскія бани», «Гораціи, читающіи свои оды у Мецената» и «Мозаисти» навѣрное никакъ не будутъ куплены — онъ не бьдается за сюжеты въ сиротѣ... Такое самоотверженіе равно аскетизму,

особенно когда средствъ матеріальныхъ едва хватаетъ на существованіе...

Портретная живопись, обитая фотографіей, почти совсемъ выпродвлася въ залахъ академіи, которыя прежде сильнѣе заростали ею, какъ бурьяномъ... Теперь этихъ господъ, замурованныхъ трубы, купцовъ съ полуудовыми медалями на шеѣ и офицеровъ, заирающихъ на горы Кавказа, съ рукомъ на шапкѣ—уже не найдете: ихъ изображаетъ солдце, а краскамъ предоставлены лишь немногіе и скромные оригиналы. Благодаря этому, портретъ начинаетъ выбираться опять на путь художественнаго произведенія, и костюмскія произведенія г. Тютрюмова уступаютъ мѣсто мастерской живописи г. Калера. Молодой художникъ зрѣетъ, въ глазахъ истинныхъ знатоковъ и цѣнителей, уже нѣсколько лѣтъ назадъ обѣщалъ сдѣлаться у насъ лучшимъ портретистомъ, безъ пособія бархатныхъ платьевъ и бобровыхъ воротничковъ — портретистомъ людей, не съ одиными особенностями ихъ наружныхъ чертъ, но и характеровъ, какамъ, наконецъ, явился на судъ публики въ портретѣ кн. Горчакова. Портретъ этотъ, писанный во весь ростъ — истинно-замѣчательное произведеніе: по разительному сходству — онъ превосходная копія подлинника, а по глубокому выраженію и осмысленности лица, по сочиненію позы, всѣхъ подробностей фона и по изящѣйшему, мягкому и сочному письму — отличная картина. Князь изображенъ стоя, въ черномъ фракѣ, у стола, опираясь на свой дѣловой портфель — поматый и послужившій (изумительно реально, но какъ бы мимоходомъ переданный художникомъ); онъ смотритъ прямо (фасомъ) и собирается говорить.

Женскіе портреты, вѣрнѣе — дамскіе, послѣ извѣстной петербургскому прекрасному полу своею любезностью кисти г. Мазаева, нашли себѣ не менѣе любезнаго, но болѣе добросовѣстнаго ревнителя въ дарованіи г. Маковскаго; и, несмотря на то, что у него некрасивыхъ дамъ также не встрѣчается — работы его гораздо вѣрнѣе натурѣ, а по колориту и оконченности неизмѣримо выше блѣднѣхъ и плоскихъ подмалевковъ моднаго его предшественника. Русская природа не уступаетъ своего права русской жизни, и художники вдовѣ (нейзащити) отдадутъ ея стрѣнной, плоской, но своеобразно-изыскательной красотѣ, и свои изученія, и свои краски. Родныя поля, нивы, бережисты и болота, скученныя деревушки, съ стоячею водою и утлами, замеченныя сибиромъ дороги, съ обозами и почтовыми тройками, все это находитъ для себя холсты и является на всѣхъ выставкахъ живописи. Правда и добросовѣтность нерѣдко соединяются въ этихъ произведеніяхъ съ поэзіею, и тогда эти русскія картины выходятъ такъ же замѣчательны и оригинальны, какъ въ лучшихъ произведеніяхъ нашей изящной литературы. Довольно будетъ указывать на образцовый видъ бар. Кюхта: плоская даль, взгорье, водичка сбоку — и тамъ за этою невысокою, русскою, широко разлегшеюся горой, багровая полоса заката, отъ которой

горить еще весь багровый верхъ холма... Этотъ свѣтъ такъ силенъ, что глаза, долго устремленные на него, переносятъ потомъ съ собою темное пятно на окружающіе предметы, какъ это бываетъ, когда поглядишь прямо на солнце. И для достиженія такого эффекта не пожертвовано правдою ни въ одной части картины, чѣмъ постоянно злоупотребляетъ г. Айвазовскій. У того свѣтъ — самая сильная сторона картинъ, но только не добрайтесь, какими неправдами онъ достигается: отъ золотыхъ закатовъ въ Малороссіи, деревьямъ приходится окрашиваться зеленою яръ-медяною, какой никогда въ природѣ не бываетъ! изъ-за солнечнаго, точно ослѣпительнаго, блеска стѣны зданія (гдѣ-нибудь въ Сорренто), горы обрекаются на крошечный мракъ и т. п. Я не говорю уже о картинахъ просто непозволительныхъ, какъ «Взрывъ монастыря Аркадіона», гдѣ зарево исполинскаго пожара нисколько не мѣшаетъ ночи оставаться совершенно голубою на самомъ близкомъ разстояніи, между тѣмъ, какъ она стала бы для глазъ черною; не говорю объ этой человѣческой лапшѣ, призванной изображать сѣчу... Фигуры, да еще многочисленныя, и въ сильныхъ движеніяхъ, недалеко ушли здѣсь отъ тѣхъ «устриць», какими ихъ окрестилъ Брюлловъ на первыхъ произведеніяхъ начинавшаго еще мариниста.

Съ вѣкоторыхъ поръ, г. Айвазовскій довольно часто пишетъ зиму, и это ему почти всегда удается. Изображеніе какой-нибудь одной стихіи, и притомъ въ опредѣленномъ, такъ-сказать, однотонномъ проявленіи, какъ нельзя болѣе ему свойственно: бушующее ли то море, или тихая сонная гладь воды, ровное ли пространство золотой степи, или пустырь, убыленный снѣгомъ... На академической выставкѣ, большой зимній видъ съ бѣгущими тройками и взметаемою копытами снѣжною вьюгой, которая остановилась въ тихомъ и ясномъ морозномъ воздухѣ, очень цѣлевъ и безъ всякой фальши. Жаль только, художникъ уже черезчуръ не послушался этими тройками и выпустилъ ихъ такое множество, что онѣ копытаются и мечутся во всѣ стороны какъ муравьи, и того и гляди столкнутся лбами. Станный турниръ этотъ, словно вызванъ воспоминавіемъ о прославившемся въ свое время стихотвореніи г. Случевского, тѣмъ, что въ немъ жуки тоже сталкивались лбами...

Но если г. Айвазовскому остается оканчивать свое художественное странствованіе, или тоже сталкиваться поминутно съ самимъ собою, то преемнику его, г. Боголюбову, повидному, еще предстоитъ много пути, и притомъ въ разныя стороны. Такъ, между прочимъ, искусство передачи фигуръ, послѣ настоячивыхъ усилій, далось въ значительной степени этому трудолюбивому ученику А. Ахенбаха, и легко-исчерпываемыя море и небо, когда они ничѣмъ не населяются на картинѣ, надолго могутъ послужить фономъ для разнообразныхъ произведеній его кисти. Скудная и неблагодарная въ художественномъ отношеніи задача — передать

морскія баталіи Петра 1-го, разрѣшена г. Боголюбовымъ небезъинтересно, благодаря единственно оживленію фигурами. Вообще нельзя не сознаться, что примѣръ и руководство передовыхъ европейскихъ художниковъ служатъ гораздо лучшею школою для нашихъ живописцевъ, чѣмъ официальныя образцы родной академіи, будь она не тѣмъ помянута. Къ счастью, искусство наше пошло своею собственною, такъ-сказать, частною дорогою, а казенный трактъ академическій только выводитъ его до дверей этого храма золотыхъ медалей и званій всякаго рода; затѣмъ его объѣзжаютъ такъ же точно, какъ провалившееся шоссе...

P. S. Пишущему эти строки сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія и о нашихъ русскихъ художникахъ въ Римѣ—лицомъ, недавно посѣтившимъ ихъ мастерскія. Нельзя сказать, чтобы положеніе этихъ затворниковъ римскихъ студій показалось посѣтителю блестящимъ: нетолько до классическаго кутежа давно мнущихъ лѣтъ, когда широкія славянскія натуры совершали публичныя купанья среди бѣла дня на площади въ фонтанѣ Треви, имъ даже не до утѣхъ отъ посѣщенія заѣзжихъ соотечественниковъ. Послѣдніе если и удостоиваютъ заходить въ ихъ невѣдомые углы, то чаще всего дѣлаютъ это такъ, чтобы удостоиваемый это чувствовалъ. И въ самомъ дѣлѣ, рѣдкому художнику не удастся «почувствовать» ихъ одолженій: одному забазанный и невзятый, *по внезапному отъѣзду*, портретъ постоянно шевелитъ привзательность въ сердцѣ, другому — группа, картина, тоже заданная на тѣму и тоже *нечаянно позабытая* въ мастерской... Только англичане — эти чудакъ, неразличающіе именъ, берутъ за чистыя деньги, что есть получше во всѣхъ студіяхъ, не исключая и нашихъ... Но съ нѣкоторыхъ поръ деньги и англичане вездѣ переводятся, стало быть, и на эту поддержку слишкомъ разсчитывать не надо. Безъ общества, почти безъ покровительства законовъ, въ городѣ, въ которомъ даже нѣтъ русскаго посольства, русскому артисту мнѣшескимъ представляется въ Римѣ то невѣроятное время, когда о немъ неслись попечители, а пещись имъ помогали помощники, когда былъ цѣлый посольскій штатъ, предполагалось даже купить палатку Барберини и превратить въ римскую русскійскую академію на манеръ той, какую французы завели въ палаццо Медичисъ. Тогда ли было не брать общественныхъ ваннъ въ фонтанѣ Треви, и теперь ли помышлять о нихъ!...

Стѣсненное положеніе не отнимаетъ, однако, по словамъ очевидца, бодрости у горсти русскихъ, посвятившихъ себя усовершенствованію въ искусствѣ: въ ихъ мастерскихъ онъ нашелъ немало работъ, начатыхъ, окончиваемыхъ и обонченныхъ... не считая оставленныхъ на память — чтобы, значить, чувствовали. Табъ, напримѣръ, у г. Верещагина онъ видѣлъ: большую картину — «Ночь послѣ распятія»; и его особенно удивляло пейзажъ: «Посѣщеніе заключеннаго его семействомъ»,

гдѣ задумчивое и сосредоточенное выраженіе лица и положеніе всей фигуры семьянина, окруженнаго женаю и дѣтьми, производятъ трогательное впечатлѣніе... Тутъ же, въ сторонѣ, двое закоренѣлыхъ преступниковъ спокойно и весело играютъ съ котенкомъ. Кромѣ того, г. Верещагиннымъ написаны: помпейка, уличная сцена (двѣ римскія дѣвочки), заготовленъ эскизъ всемірнаго потопа и нарисовано множество прекрасныхъ акварелей. О дѣятельности и дарованіи этого художника посѣтитель отзывается съ большою похвалою.

Извѣстный живописецъ нашъ Якоби (авторъ «Смерти Робеспьера», «Пересыльныхъ» и проч.) написалъ опять потрясающую сцену, и на этотъ разъ изъ жизни русскихъ госпиталей: фельдшеръ хлопочетъ около арестанта, какъ видно только-что подвергшагося тяжкому тѣлесному наказанію; а грубая и жестокая фигура въ военномъ платьѣ, можетъ быть, распорядитель экзекуціи, стоитъ тутъ же; въ сторонѣ — блѣдный, безжизненный, но исполненный мысли обликъ человѣка на койкѣ; къ нему подходитъ священникъ, которому онъ машетъ отрицательно рукою... На стѣнѣ — официальный портретъ того времени, къ которому еще относятся тѣлесныя наказанія...

Г. Частиковъ пишетъ огромныхъ размѣровъ (не менѣе послѣдняго дня Помпей) и со множествомъ фигуръ, «Смерть Мессалины». Книга Кудравцева «Женщины по Тациту» служила, между прочимъ, однимъ изъ источниковъ, руководившихъ художника въ его трудѣ.

Молодой ваятель Лаврецовъ сдѣлалъ группу мальчика и дѣвочки, съ замѣчательнымъ искусствомъ и съ необыкновенной простотой и граціей. Не обошелся и онъ безъ «памяти»: какой-то отечественный марсъ украсилъ навсегда своимъ бюстомъ и его мастерскую...

Выходитъ, что галереи русскихъ художниковъ простираются отъ Невы до Тибра и грозятъ задавить своими размѣрами — въ ихъ виновниковъ своего происхожденія! Не устремляйте же, господа, такъ самоотверженно вашихъ дарованій на непроезжую дѣятельность по части художествъ, когда такъ легко и прибыльно можно производить по разнымъ другимъ частямъ — безъ малѣйшаго самоотверженія и вовсе безъ всякихъ дарованій!

ПЕТЕРБУРТСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

КРИТИКА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ И КНИГА УЗВЕЛЯ.

(«Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго до настоящаго времени», сочиненіе *Вильяма Узвеля*, въ трехъ томахъ. Переводъ съ англійскаго изданія *М. А. Антоновича* и *А. Н. Пыпина* съ примѣчаніями и біографическими приложеніями, составленными по нѣмецкому изданію *Литтрова*. Томъ I. II. Т. III-го I-й выпускъ).

Появленіе въ переводѣ столь замѣчательнаго произведенія, какъ «Исторія индуктивныхъ наукъ» Узвеля*, не можетъ быть оставлено безъ вниманія, и мы считаемъ необходимымъ при этомъ указать читателямъ, какъ общее значеніе предмета, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ и мѣсто, занимаемое недавно умершимъ авторомъ въ ряду писателей по этому предмету.

Во вторую четверть XIX вѣка взглядъ на исторію и на ея задачи существенно измѣнился: войны и церковныя событія, дворцовыя интриги и дипломатическія комбинаціи, исчерпывавшія почти все содержаніе исторіи до того времени, стали терять свое значеніе для историковъ, которые видѣли около себя богатую и вліятельную буржуазію, были современниками или ближайшими преемниками значительныхъ національныхъ движеній, и чувствовали на себѣ и на всемъ окружающемъ, что скромная или публицистическая статья иногда важнѣе оффиціального закона, что за формами признанныхъ ученій и обрядовъ волнуется общественная мысль съ ея знаніями, вѣрованіями и предрасудками, что подъ однообразіемъ администраціи остается нетронутымъ разнообразіе расъ, языковъ, образа жизни, обычаевъ и нравичекъ. Появились исторіи цивилизаціи, исторіи культуры, исторіи философіи и т. д. Старались доискаться подъ пестрою наружностью событій настоящей струи исторіи человечества. Конечно, при этомъ обратились преимущественно къ литературѣ. Оно было естественно, потому что писали ученые, горожане, болѣе или менѣе удаленные отъ народа, кабинетные

* Или это пишется и выговаривается весьма разнообразно. У насъ во многихъ трудахъ принято передавать его такъ, какъ сдѣлали и переводчики, но другіе находятъ, что *Whewele* будетъ вѣрнѣе Юмъ.

труженики, проведеніе большую часть своей жизни между книгами, и для которыхъ жизнь внѣ литературы представляла мало интереса. Время еще не пришло тогда, какъ оно еще не пришло повидимому и теперь, писать исторію всего человѣчества, обращать вниманіе на огромное большинство, безграмотное, погруженное въ предрасудки, заваленное безысходнымъ трудомъ и нуждою, чуждое дипломатіи и государственныхъ соображеній, непонимающее ни богословскихъ, ни метафизическихъ тонкостей, незнающее ни любимой трагедіи, ни знаменитой картины. Эту толпу оставили пока въ сторонѣ, отмѣчая по временамъ періоды голода, разоренія, эпидемій, увеличеніе нищеты или взрывы массъ, скоро раздавленныхъ; такъ поступали средневѣковые писатели, такъ поступали и новые историки первой половины XIX вѣка. Захотѣли писать исторію цивилизованнаго меньшинства, и это уже былъ значительный шагъ впередъ противъ прежней исторіи Людовиковъ, Иннокентіевъ, Фердинандовъ и Лютеровъ.

Естественно представлялся вопросъ: въ чемъ же существенно заключается исторія цивилизованной части общества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ взятъ былъ историками первой половины XIX вѣка изъ ихъ современности. Это была эпоха поэзіи и философіи. Въ Германіи Гёте и Шиллеръ были какими-то лучезарными божествами, которымъ можно было только поклоняться и развѣ допускалось колебаніе относительно того: кто изъ нихъ выше, божественнѣе? Подъ ними копошился цѣлый міръ полубоговъ: лириковъ, эпиковъ, драматурговъ, при чемъ романтики школы Тика и Ламоть-Фука изъ кожи лѣзли, чтобы поставить своихъ божковъ-титановъ хоть поближе къ божествамъ перваго разряда. Во Франціи титаны завоевали Олимпъ: древніе боги псевдо-классической эпохи были низвергнуты; лирика Гюго и Ламартина была знаменитостью дня; публика толпилась въ театрахъ посматрѣть Трибуэ и Антони; французскій романъ завоевалъ Европу съ меньшимъ сопротивленіемъ, чѣмъ оружіе Наполеона. Въ Англіи кончалась эпоха Байрона, Мура, Вальтеръ-Скота, Уордсворта. Понятно, что историки, видѣвшіе около себя такое значеніе изящной литературы, придали ей особенное значеніе и во всѣ періоды. Но изящная литература имѣетъ свои особенности, которыя дѣлаютъ ея возвышеніе или паденіе несомнѣннѣмъ вѣрнымъ признакомъ возвышенія или паденія цивилизаціи. Оцѣнка ея значенія невозможна отъ оцѣнки красоты формы, и самый компетентный писатель, если его произведенія не отличаются красотой формы, не можетъ занять высокое мѣсто въ глазахъ безпристрастнаго историка изящной литературы; точно также какъ за самыми безнравственными флюгерями въ области убѣжденій приходится этому историку признавать иногда немаловажное значеніе. Развитіе чуткости къ красотѣ формы и способности воплотить схваченное впечатлѣніе въ патетическую рѣчь не зависитъ ни отъ умственнаго развитія, ни отъ гражданской доблести. Мы видѣли и видимъ примѣры, что самыя дражныя во всѣхъ отношеніяхъ личности

могутъ быть замѣчательными художниками слова, кисти, рѣзца или мелодіи. Причины, развивающія въ отдѣльной личности эту особенность, составляютъ еще нерѣшенную психологическую задачу. Тѣмъ менѣе можно рѣшить вопросъ о томъ, почему въ данную эпоху являлись разомъ нѣсколько оригинальныхъ личностей, обладающихъ этою особенностью. Замѣтите, я не говорю о массѣ подражателей, вызываемыхъ на свѣтъ Божій привычкою читать чужія произведенія, и восхищаться ими. Но почему одновременно жили Виргилій, Гораций, Тибулль, Овидій? Почему Гёте, Шиллеръ, Байронъ были современниками? Эти вопросы можно рѣшить лишь путемъ предположеній, которыя здѣсь во всякомъ случаѣ были бы неумѣстны.—Но идемъ далѣе. Если великія эпохи художественнаго творчества намъ неясны, какъ *судствія*, то можно ли ихъ признать за важныя историческія *причины* послѣдующаго развитія?—Едва-ли. Вычеркните изъ всеобщихъ исторій (во многихъ это и не упоминается до сихъ поръ) страницы о великихъ поэтахъ временъ Октавія-Августа и спросите себя, многія ли изъ послѣдующихъ явленій въ исторіи человѣчества сдѣлаются вамъ отъ этого неясными? Разберите современную жизнь въ ея главныхъ проявленіяхъ и скажите, сколько элементовъ ея восходятъ къ поэтамъ начала нынѣшняго вѣка?—Главное и незамѣнимое вліяніе художниковъ окажется въ томъ, что они воплощаютъ расплывающіяся стремленія и отвлеченныя мысли въ безсмертныя личности, понятныя большинству, и такимъ образомъ ставятъ современные вопросы на болѣе опредѣленную почву, помогая и потомству легче разгадать ихъ эпоху помощью небольшого поэтическаго произведенія, чѣмъ при посредствѣ многочисленныхъ трактатовъ. Но, дѣлаясь однимъ изъ лучшихъ историческихъ *материаловъ* (и въ этомъ отношеніи только *замѣчательные* художники и даютъ *хорошій* материалъ), искусство отъ этого не приобретаетъ болѣе историческаго *вліянія*. Это вліяніе существуетъ, не спору, потому что воплощеніе нравственнаго идеала, или отвлеченной идеи въ художественный идеалъ усиливаетъ дѣйствіе первыхъ на общество. Но степень вліянія искусства на исторію такъ неопредѣленна, что придать ему преобладающее значеніе въ развитіи цивилизаціи невозможно. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ вопросѣ, но достаточно, если читатель выведетъ изъ предыдущаго заключеніе, что періоды процвѣтанія изящной литературы, то-есть одновременное появленіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ художниковъ слова, не могутъ быть рачіонально приняты за главныя эпохи исторіи человѣческой цивилизаціи, что прекрасная *форма* можетъ быть лишь названа цвѣтомъ этой цивилизаціи, но исторіку приходится обратить особенное вниманіе на *содержаніе*.

Новая школа историковъ начала нынѣшняго вѣка прекрасно поняла это и не затруднилась надъ вопросомъ, въ чемъ именно должно искать содержанія литературы. Конечно, въ филосо-

фин. Это была эпоха, когда во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ самыя многочисленныя слушатели толпились около кафедръ Шеллинга, Гегеля, ихъ учениковъ и противниковъ. Это было время, когда Кузенъ, Жюффруа, Мэнъ-де-Брианъ создавали французскій психологическій эклектизмъ. Не мудрено, что философія вошла самымъ важнымъ элементомъ въ исторію цивилизаціи. Подъ формами культа, подъ формулой догмата, подъ постановленіемъ юриста, въ мнѣіи, въ загадкѣ, въ обычаѣ, въ государственномъ переворотѣ стали искать *идею*.

Но затѣмъ представился вопросъ: откуда явилась та или другая идея въ ея многообразныхъ формахъ въ данную эпоху? Какъ рождаются, перерождаются и умираютъ идеи? Какое ихъ преемство?—На это должна была отвѣчать и отвѣчала исторія философіи. Германія и Франція дали цѣлую литературу весьма замѣчательныхъ произведеній въ этой области, и она сдѣлалась единственною живою областью философіи съ того времени, когда рухнулъ авторитетъ нѣмецкаго идеализма, а французскій эклектизмъ поддерживался лишь вліаніемъ административной централизаціи преподаванія въ рукахъ *одного* университета. Но мало по малу развивается сознаніе, что въ этой замѣчательной литературѣ есть важный недостатокъ: она односторонняя. Возьмите исторію философіи Гегеля, Кузена или Риттера, замѣчательныя исторіи философіи Целлера или Брандиса, исторію новой философіи Куно-Фишера, исторію неоплатонизма Вотрѣ или Симона, исторію схоластики Горб (Haugenau) или Русслю—вездѣ вы найдете одинъ характеръ: философы разнаго времени являются какъ-то уединенными мыслителями, принимающими одинъ отъ другаго традицію метафизическихъ системъ, живущими лишь со своею мыслию, незнающими почти ничего о современной имъ жизни, о ея вопросахъ, о ея борьбѣ, о ея предразсудкахъ. Это какой-то выдѣленный изо всего остальнаго міръ. Но если философія имѣла *только* такое развитіе, то она должна имѣть столь же мало мѣста въ исторіи человѣчества, какъ исторія аскетовъ, передающихъ одинъ другому свою келью въ уединенной кинновіи, и размышляющихъ о тщетѣ всего мірскаго. Лишь то вліяетъ на жизнь, что воспринимаетъ жизнь и въ ней участвуетъ. Если въ обычаѣ и въ учрежденіи, въ сказкѣ и въ догматѣ, въ дѣйствіяхъ личностей и въ переворотахъ государствъ проявилась *идея*, то эта идея не была лишь традиціею, передававшюся отъ одного мыслителя другому, а имѣла свои корни въ общественной жизни; системы же философовъ были лишь наиболѣе яркими воплощеніями ея. Имѣя замѣчательныя исторіи *философскихъ системъ*, мы еще имѣли только часть дѣла, нужнаго для исторіи цивилизаціи. *Преемство идей* осталось неоткрытымъ. Мы имѣемъ ихъ выраженіе, систематическое соглашеніе, но мы не имѣемъ ихъ развитія изъ ихъ истинныхъ началъ, изъ жизни общества. Мы не имѣемъ исторіи *философіи*.

Посмотрѣвъ внимательно на то, что входило въ составъ ны-

нѣшнихъ исторій этого предмета, дѣйствительно можно усомниться въ томъ, можно ли допустить какое либо значеніе въ исторіи человѣчества этому содержанію. Атомы Демокрита и омеомеріи Анаксагора, получеловѣченныя идеи Платона, демоническій міръ неоплатониковъ, споръ реалистовъ и номиналистовъ, предугадаваемая гармонія Лейбница, *я и не я* или безусловное новыхъ идеалистовъ — всѣ эти метафизическія созданія *безспорно* великихъ умовъ представляются такою дикою фантазією, если ихъ взять самихъ въ себѣ, такими чуждыми для жизни отвлеченностями, что всякому свѣжему человѣку невольно представится вопросъ: допустивъ даже, что это весьма интересные продукты мышленія, допустивъ, что они представляютъ *между собою* генетическую связь, что за связь существуетъ между этими абстрактами и человѣческой исторією? Не могла ли бы послѣдняя развиваться совершенно такъ же, какъ она развилась, еслибы даже вовсе не существовало этихъ почтенныхъ мыслителей? Неужели всего существеннѣе въ цивилизаціи именно то, что доступно нѣсколько особенно развитымъ единицамъ, разсѣяннымъ на пространствахъ нѣсколькихъ тысячелѣтій? Если философія заключается *только* въ этомъ, то за что ей давать въ разумной исторіи человѣчества болѣе мѣста, чѣмъ подвигамъ завоевателей или хитростямъ дипломатовъ?

Конечно, философія заключается не только въ этомъ. Метафизическія созданія суть лишь удобнѣйшія формы, въ которыхъ концентрируются и передаются міросозерцанія, живущія въ обществѣ, переплетенныя со всѣми его отправлениями, составляющія нераздѣльный съ жизнію общества элементъ этой жизни. Въ философскихъ системахъ эти міросозерцанія получаютъ свое завершеніе: цѣльную, стройную форму, согласованную во всѣхъ своихъ частяхъ и формулированную въ правильное ученіе. Лишь въ этой формѣ они проявляютъ болѣе полное вліяніе на жизнь, но форма *философскихъ системъ* есть лишь *орудіе* этого вліянія, причина же вліянія лежитъ въ *содержаніи міросозерцанія*. Это содержаніе иногда долго бродитъ въ отрывочныхъ чертахъ въ разныхъ проявленіяхъ жизни, по частямъ округляется различными *мыслителями*, пока оно попадетъ въ голову *философа*, способнаго облечь его въ систему. Исторія философіи должна заключать исторію развитія и перерожденія міросозерцаній какъ въ ихъ содержаніи, такъ и въ формѣ, и въ эту исторію философіи (еще принадлежащую будущему) философскія системы съ ихъ преемствомъ войдутъ лишь какъ элементъ. Будемъ благодарны историкамъ философіи послѣдняго времени, что они работали *этотъ* элементъ для нѣкоторыхъ періодовъ въ высшей степени добросовѣстно и полно, но не забудемъ, что задача будущаго другая, что для исторіи цивилизаціи человѣчества важнѣе содержаніе міросозерцаній, чѣмъ ихъ форма. Она принадлежитъ единицамъ, содержаніе же составляетъ важнѣйшее достоинство общества; въ немъ выражается, на сколько общество въ дан

ную эпоху *понимает* природу и жизнь, а не только бессознательно ими пользуется.

Въ чемъ же состоитъ содержаніе общественныхъ міросозерцаній? Это самый важный вопросъ для исторіи цивилизаціи, и онъ долженъ быть рѣшенъ прежде, чѣмъ можетъ быть построена эта исторія надлежащимъ образомъ. Матеріаль этого содержанія долженъ быть для этого собранъ и возможно тщательно обработанъ въ специальномъ историческомъ развитіи прежде, чѣмъ исторія идей можетъ получить свою окончательную форму.

Въ міросозерцаніе человѣка входятъ два элемента: представленія и понятія, полученные по преданію или вслѣдствіе вліянія окружающей среды и *не проверенныя* критикою, а также представленія и понятія, проверенныя критикою, доказанныя, *продуманныя*. Первые составляютъ область привычекъ, обычаевъ, вѣрованій; вторыя — область знаній и теоретическихъ взглядовъ. Теоретическіе взгляды сводятся на болѣе или менѣе ловкое и стройное соглашеніе прочихъ областей точно также, какъ обычаи разлагаются при внимательномъ изслѣдованіи на привычки и на вѣрованія. Затѣмъ эти три элемента: привычки, вѣрованія и знанія и остаются, какъ основное содержаніе человѣческихъ міросозерцаній, коренящееся въ человѣческихъ *потребностяхъ*, развивающееся въ самыя разнообразныя формы человѣческой культуры и человѣческой мысли: въ дѣятельность государственнаго человѣка, какъ въ мечтанія аскета; въ промышленное предпріятіе, какъ въ лирическую пѣснь; въ жизнь островитянина Отаити, какъ въ систему философа.

Итакъ, въ основу исторіи цивилизаціи должны лечь: исторія привычекъ, исторія вѣрованій, исторія знаній. Для первыхъ двухъ представляется матеріаль еще въ сложномъ видѣ, какъ исторія культуры, исторія костюма, исторія религій и т. п. Въ этомъ сложномъ видѣ построеніе исторіи почти невозможно и на всѣ попытки на этомъ пути можно смотрѣть лишь какъ на весьма почтенные труды, подготавливающіе будущія работы, но весьма далекіе отъ того, чѣмъ должны быть эти работы въ послѣдующее время. Недостатокъ сохранившагося матеріала, можетъ быть, и никогда не дозволить въ этихъ областяхъ сколько нибудь стройной исторіи, развѣ успѣхи психологіи дадутъ возможность приложить здѣсь выводной методъ въ такой мѣрѣ, которая теперь была бы совершенно ненаучна. Нѣсколько легче обработка исторіи знаній, тѣмъ болѣе, что издавна матеріаль этой области собирался спеціалистами и представляется частью въ видѣ литературныхъ произведеній, частью, какъ основа ремесленныхъ производствъ, продукты которыхъ или остались подлежащими прямому наблюденію, или засвидѣтельствованы исторически. Третьмъ мыслителямъ принадлежитъ заслуга сближенія философскаго построенія съ современнымъ состояніемъ знаній: Аристотелю, Франсиу Бэкону и Огюсту Конту. Только первому это удалось исполнѣ, потому что онъ былъ для своего времени оди-

наково самымъ всестороннимъ ученымъ и самымъ глубокимъ философомъ. Бэконъ стоялъ, въ отношеніи знаній, ниже уровня замѣчательнѣйшихъ своихъ современниковъ и могъ только построить методику теоріи знанія; за то онъ указалъ на важность исторической обработки литературы. Конту недоставало философскаго взгляда, но онъ первый рѣзко и опредѣлительно выставилъ философское значеніе исторіи науки и попытался создать эту исторію на философскихъ началахъ.

Различеніе знанія отъ науки есть вопросъ терминологическаго опредѣленія и въ рѣшеніи его далеко не всѣ согласны, но, кажется, вѣрнѣе всего разсматривать науку, какъ *позитивное* знаніе, какъ сумму отвѣтовъ на *опредѣленно* поставленные вопросы. Всѣ наши дѣйствія основаны на нѣкоторыхъ знаніяхъ; едва-ли ихъ можно отрицать въ нѣкоторой степени у животныхъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ; они необходимы дикому, стоящему на низшей ступени человѣческаго развитія; они входятъ въ кругъ представленій самаго невѣжественнаго ремесленника. Наука начинается съ той минуты, когда мы *понимаемъ* основу нашихъ дѣйствій, когда между элементами техническаго процесса и его результатомъ въ умѣ нашемъ образовалась раціональная связь. Поэтому исторія науки основывается преимущественно на литературныхъ памятникахъ; она также не имѣетъ нужды обращаться къ весьма глубокой древности, такъ-какъ лишь опредѣленная степень цивилизаціи обуславливаетъ возможность *научнаго* пониманія явленій. Ограниченіе программы дѣлаетъ составленіе исторіи науки легче, чѣмъ исторіи знаній и, слѣдовательно, болѣе удобнымъ подготовленіемъ къ послѣдней. Большее затрудненіе здѣсь представляется лишь въ томъ отношеніи, что исторія науки требуетъ строгаго отдѣленія послѣдней, какъ отъ области отрывочныхъ знаній, такъ и отъ области философскихъ построеній.

До сихъ поръ исторія науки почти вовсе не имѣла мѣста во всеобщей исторіи, между тѣмъ уже давно чувствовали, что послѣдней недостаётъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чего-то для раціональной связи предъидущихъ событій съ послѣдующими. Для краткости укажу только на два пункта.

Издавна во всеобщихъ исторіяхъ и въ исторіяхъ среднихъ вѣковъ входилъ отдѣлъ, подъ названіемъ «вліяніе крестовыхъ походовъ». Онъ былъ болѣе или менѣе обширенъ, смотря по остроумію и многословію писателей, но вообще неудовлетворителенъ. Потребность его являлась изъ очевидной разницы въ жизни Западной Европы XIII-го вѣка отъ жизни той же Европы въ XI-мъ. Умозаключеніе было просто: измѣненіе произошло; современно ему совершался рядъ событій, о которыхъ много писано въ хроникахъ, романахъ и стихотвореніяхъ; должно быть — такъ заключали — измѣненіе было слѣдствіемъ *этого* ряда событій. Остается только узнать, какъ эта связь обуславливалась въ частности. Но тутъ всѣ остроумныя соображенія

оказывались недостаточными; они объясняли одну часть происшедшаго измѣненія, но оставляли нетронутыми много другихъ сторонъ его. Знакомство съ мусульманскимъ міромъ, какъ мы его знаемъ *теперь*, не могло имѣть цивилизующаго вліянія. Мусульманскій міръ былъ тогда иной, говорятъ намъ: владычество арабовъ было владычествомъ цивилизованнаго народа. Но крестоносцы, какъ оказывается, встрѣтили уже не арабовъ, а сельджуковъ, слѣдовательно, объясненіе не подходитъ. Правда, говорятъ объяснители, но арабы вліяли чрезъ испанскіе калифаты, и ихъ сочиненія, переводимыя въ многочисленныхъ еврейскихъ школахъ, послужили для пробужденія Европы. Оказывается, что крестовныя походы были сами по себѣ, а рядомъ съ ними шло другое, весьма сильное вліяніе, о которомъ мало писали, но которое оказалось очень значительнымъ, а въ отношеніи цивилизаціи преобладающимъ. Но посмотримъ, что же дали Европѣ арабы? Отвѣчаютъ: переводъ древнихъ авторовъ, которыхъ перевели сами съ сирійскаго языка. Конечно, гимназистъ, а пожалуй, и студентъ, прочитавъ, или выслушавъ, подобное общее изрѣченіе, немедленно представитъ себѣ Энеиду, и Илиаду, Метаморфозы Овидія и Идилліи Феокрита, драмы Софокла и комедіи Теренція въ многочисленныхъ переводахъ съ греческаго и латинскаго на сирійскій, съ сирійскаго на арабскій, и такъ далѣе до латинскаго. При этомъ гимназистъ или студентъ сообразитъ то, что онъ слышалъ о дурной латини среднихъ вѣковъ (съ которой его, замѣтимъ, никогда не знакомили), и заключитъ, что у средневѣковыхъ читателей былъ весьма чуткій вкусъ къ изящному, когда они были въ состояніи чувствовать красоты подлиннаго сквозь рядъ переводовъ, по всей вѣроятности, крайне плохихъ. Такъ-какъ объ этомъ, вообще говоря, исторія не распространяется, то избранный нами гимназистъ или студентъ такъ-таки и останется при этомъ убѣжденіи: для него *вся* древняя литература, стоящая вниманія, заключается въ поэзіи и исторіи. Если у него есть пріятель по медицинскому факультету, тотъ замѣтитъ ему, пожалуй, о Гиппократѣ и Галенѣ, да едва-ли; потому что современнымъ медикамъ столько дѣла съ современными Кэлликерами и Фирховами, что для нихъ почти потеря времени знакомиться съ Гиппократами и Галенами. Но если упомянутый гимназистъ услышитъ эти имена, то, болѣею частью, окажется, что они ему чужды, и онъ тутъ только замѣтитъ, что внѣ поэзіи и исторіи въ древней литературѣ было еще кое-что. Допустимъ (совершенно невѣроятное предположеніе), что онъ заинтересовался вопросомъ и захотѣлъ справиться въ иностранныхъ книжкахъ, переводили ли арабы этихъ новыхъ для него знаменитостей. Онъ откроетъ тогда, что арабы *вовсе* не переводили и не сообщали Европѣ *ни одного* древняго поэта, что ихъ знакомство съ древнимъ міромъ ограничивалось все такими же знаменитыми незнакомцами (для него, гимназиста), какими-то Аристотелями, Евкли-

дѣми, Архимедами, Гиппархами, Птолемеями. Когда же жили эти господа? Конечно, въ вѣкъ Перикла или въ вѣкъ Августа: на сколько помнитъ ученигъ, другихъ славныхъ вѣковъ древней литературы не было. Увы, ни тотъ, ни другой *славный* вѣкъ не дали ни одного изъ этихъ учителей арабовъ и средневѣковой Европы. Они жили позже Перикла: одни въ вѣкъ презрѣнныхъ діадоховъ, другіе во второй періодъ имперіи. Лишь имя Аристотеля, учителя Александра-Великаго (только этимъ, большею частію, извѣстнаго), звучитъ знакомѣе: гимназистъ, пожалуй, слышалъ, что Аристотель *сочинилъ* силлогизмы (за что не разъ подвергался проклятіямъ юнаго поколения). Студентъ даже знаетъ болѣе: что реалисты и номиналисты, въ своихъ спорахъ ссылались на Аристотеля, какъ метафизика. Но тутъ является противорѣчіе. Какъ же это? Первое, и самое знаменитое столкновение номиналистовъ съ реалистами, это столкновение Ансельма съ Росцелиномъ, а оно предшествовало знакомству Европы съ арабскими писателями. И опять, при внимательномъ разсмотрѣніи; оказывается, что арабы ознакомили Европу не съ логическимъ и метафизическимъ ученіемъ Аристотеля (съ нимъ были знакомы плохо, но все-таки были знакомы прежде), а съ его трудами по *наукамъ*. И всѣ авторы, которыхъ узнала Европа при посредствѣ арабовъ, были *ученые*. И замѣчательное измѣненіе въ образѣ мыслей средневѣковаго цивилизованнаго общества въ XIII-мъ вѣкѣ должно быть приписано распространенію древней *науки* путемъ арабовъ, такъ что не худо бы историкамъ замѣнить параграфъ: «вліяніе крестовыхъ походовъ» болѣе широкимъ заголовкомъ. Измѣненіе средневѣковой жизни въ упомянутый періодъ останется совершенно неяснымъ и непонятнымъ ученнику, если ему не будетъ указано хотя въ главныхъ чертахъ: 1) что вліяніе арабской цивилизаціи на европейскую заключалось самымъ существеннымъ образомъ во вліяніи *научномъ*, и что *только* въ этомъ отношеніи арабы были посредниками между древнимъ и новымъ міромъ; 2) что калифаты можно считать цивилизованными и дать имъ видное мѣсто въ исторіи человѣчества, не потому въ особенности, что въ нихъ строились великолѣпные дворцы и мечети, а потому, что въ нихъ были первостепенныя для своего времени *школы*, и что въ нихъ была развита *наука* въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ; 3) что въ древнемъ мірѣ, кромѣ поэзіи, исторіи и метафизики, мысль работала еще на другомъ полѣ, и труды ея на этомъ полѣ были *самыми плодотворными* для послѣдующей цивилизаціи, что это поле была *наука*, и что безъ пониманія древней науки мы будемъ имѣть совершенно ложное понятіе о древней Греціи и о древнемъ Римѣ, въ особенности же о ихъ вліяніи на послѣдующее развитіе человѣчества. И такъ разсмотрѣніе *одной* эпохи исторіи привело насъ къ необходимости внести разсмотрѣніе исторіи науки въ три разные періода жизни человѣчества.

Но перейдемъ къ болѣе новому времени. Между средневѣковой жизнью и второю половиною XVII-го вѣка ничего почти не осталось схожаго. Это не только измѣненіе; это основной переворотъ (конечно, я все говорю о цивилизованномъ меньшинствѣ). Историкамъ приходится образовать здѣсь отдѣлъ столь же крупный, какъ тотъ, который заключается между древнимъ и новымъ міромъ. Но гдѣ поставить предѣлъ? Какое событіе здѣсь особенно замѣтно? Какое, если и маловажное само по себѣ, характеризуетъ всего ярче происшедшій переломъ? Ромуль-Августулъ самъ по себѣ ничто, но онъ *послѣдній* реальный слѣдъ древняго всемірнаго преобладанія Рима, и потому 476-й годъ остается почти общепризнанною точкою раздѣла: онъ заключаетъ событіе, *символизирующее* собою существеннѣйшее явленіе періода: замѣну древняго міра средневѣковымъ. Но какое событіе играло подобную роль въ слѣдующій переломъ исторіи? Конечно, не паденіе Византіи, остававшейся уже давно въ сторонѣ отъ общечеловѣческой исторіи. Да и не походъ Карла VIII въ Италію—событіе, еще недавно столь любимое поклонниками политическаго равновѣсія: союзы, военныя соперничества и стремленіе къ завоеваніямъ составляютъ весьма сходную черту въ дѣяніяхъ всѣхъ завоевателей и въ исторіи всѣхъ государствъ Востока и Запада; союзы становятся обширнѣе и вѣрнѣе, войны измѣняютъ характеръ вслѣдствіе увеличенія удобствъ въ международныхъ сношеніяхъ, и въ смѣшеніи національностей; слѣдовательно, новый характеръ политическихъ союзовъ съ конца XV-го вѣка надо искать не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что увеличило удобство сношеній между европейскими государствами и сблизило членовъ европейскаго общества между собою. Идея политическаго равновѣсія есть одно изъ многочисленныхъ явленій, происшедшихъ вслѣдствіе сближенія европейскихъ націй, но лишь тотъ историкъ можетъ придавать этому явленію преобладающій символизмъ, для котораго политическія сношенія кабинетовъ составляютъ самый важный элементъ исторіи. Эта точка зрѣнія, кажется, принадлежитъ минувшему.

Историки, придающіе большее значеніе цивилизаціи, замѣчаютъ, что переворотъ совершился преимущественно въ области мысли. Авторитетъ папъ и римскаго ученія, составляющій главный предметъ мысли и главный центръ дѣйствія въ средніе вѣка для приверженцевъ, какъ и для ихъ противниковъ, какъ-бы внезапно теряетъ этотъ характеръ. Этотъ авторитетъ стараются *обойти*, оставить въ сторонѣ, предоставляя ему, какъ Византіи въ средніе вѣка, жить пока живетъ, но давая ему все менѣе и менѣе мѣста въ жизненныхъ интересахъ. Какое же явленіе наиболѣе символизируетъ это измѣненіе? «Конечно—говорятъ нѣмцы—реформація. Это былъ взрывъ новой мысли, пробужденіе новой Европы. Новая Европа создана Лютеромъ и нѣмцами». Что реформація была протестомъ противу папской власти, это безспорно, но на сколько она характеризовала *новую Европу*—

вопросъ весьма сомнительный. Разбирать его подробно здѣсь не мѣсто, но укажу на немногія обстоятельства. Реформаціонное движеніе дало обширную литературу, но пусть современный критикъ сравнитъ ее съ одной стороны съ современною *руководящею* литературою, съ другой — съ произведеніями Оомы Аквіната, Жерсона и другихъ средневѣковыхъ учителей послѣдняго періода, и пусть добросовѣстно сознается, не есть ли это скорѣе возрожденная схоластика, чѣмъ предшественница мысли нашего времени? Остался ли хотя *одинъ* живой вопросъ изъ этой полемики, или вся она перешла на столько же въ невозвратно минувшее, на сколько въ него ушли вопросы, раздѣлявшіе Абелара и Бернара Клервуйскаго и, еще далѣе, Августина и Пелагія? Сказать, что этотъ *второй* переворотъ мысли совершился въ позднѣйшій періодъ. Въ такомъ случаѣ и реформація была только предшественницею новаго времени, а не символизируетъ его. Да и посмотрите, какъ недолго жила она настоящей жизнью: не прошло ста лѣтъ послѣ смерти Лютера, какъ католическій кардиналъ заключалъ союзъ съ протестантскимъ королемъ противъ католическаго императора въ войнѣ, имѣвшей мотивомъ религію. Прочтите литературу, такъ-называемыхъ, *симплициссимусовъ*, то-есть литературу пройдохъ времени тридцатилѣтней войны, перебѣгавшихъ изъ лагера въ лагерь, и спросите себя: много ли роли религіозное движеніе играло въ этой литературѣ, весьма распространенной? Вы иногда остаетесь въ недоумѣніи, и авторъ и герой принадлежать къ какому исповѣданію, но во всякомъ случаѣ паходите въ нихъ совершеннѣйшій индифферентизмъ относительно папскихъ буллъ или мнѣній Лютера. Реформація была послѣднею попыткою возрожденія средневѣковаго міра, послѣднимъ яркимъ явленіемъ кончающейся исторіи, какъ нѣкоторые римскіе императоры II-го и III-го вѣка или какъ римскіе юристы и неоплатоникъ были представителями послѣдней борьбы древняго міра съ средневѣковымъ; и они вносили безсознательно въ свою дѣятельность новые элементы, неумолимо-разрушавшіе старое, но боролись за *старое*. И реформація проникалась все болѣе и болѣе новою жизнью, и она способствовала паденію предшествовавшаго ей строя, но она имѣла въ виду *поддержать* и *возродить* этотъ строй въ его существенныхъ основаніяхъ. Она боролась за *старое*.

Историки романскихъ народовъ придаютъ особенное значеніе эпохѣ, такъ-называемаго, *возрожденія*, то-есть ближайшаго знакомства съ греческими оригиналами въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, и поклоненія, почти религіознаго, древнему міру. Безспорно, и это было очень видное явленіе протеста противу авторитета среднихъ вѣковъ, для которыхъ древній міръ, какъ міръ язычскій, былъ предметомъ осужденія. Особенно ярко же высказался этотъ протестъ потому, что онъ высказался прежде и громче всего въ Италіи, около папскаго престола, и даже нашелъ сочувствіе въ личностяхъ нѣкоторыхъ папъ. Но и поклоненіе

древности не было особенно характеристическимъ отличіемъ новѣйшаго міра отъ средневѣковаго. Всякому извѣстно, каково было значеніе въ схоластикѣ не говорю уже Аристотеля или Платона, а какихъ-нибудь дрянныхъ остатковъ древней мысли: сограшеній, извлеченій и т. д. Чтò было на лицо въ монастыряхъ XI-го или XII-го вѣка, то читалось со страстью, изучалось до галлюцинаціи, переписывалась на сколько было возможно. Да было-то въ этихъ монастыряхъ черезчуръ мало древнихъ порядочныхъ авторовъ. И на сколько уваженіе къ древнему міру осталось непобѣдимо въ средніе вѣка подѣ грудю проклятій, которыми осыпали этотъ побѣжденный міръ, видно изъ того обстоятельства, что легенда о *четвертомъ* учителѣ западной церкви, Григоріи Великомъ, говорила, что онъ вымолилъ изъ чистилища душу Траяна, тогда какъ въ бретонской легендѣ св. Кадокъ молится о душѣ Виргилія. Жажда изучать древній міръ даже была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе его знали. Тамъ предполагали мудрость неисчерпаемую, знаніе всеобъемлющее. Эпоха возрожденія была лишь *продолженіемъ стараго*. Внезапно могло быть удовлетворено страстное желаніе прочесть греческихъ учителей и тѣмъ легче, что незадолго передъ тѣмъ изобрѣтенное книгопечатаніе позволяло размножать и распространять эти предполагаемыя сокровища мысли съ чрезвычайнымъ удобствомъ. Вся цивилизованная Европа бросилась на этотъ источникъ — и разочаровалась. Даже для главнаго учителя средних вѣковъ, для Аристотеля наступила пора забвенія: послѣ Казабона (1590) и Дювала (1619), въ продолженіе 172 лѣтъ, до Бѣлэ (1791) его сочиненія не имѣли ни одного изданія.

И въ самомъ дѣлѣ, новая Европа почувствовала, что ея жизненные вопросы совершенно отличны отъ вопросовъ древняго міра. Его остатки вошли въ новую жизнь или такъ, какъ обломки древнихъ храмовъ и дворцовъ входили въ средніе вѣка въ постройку римскихъ католическихъ церквей, или какъ пища входитъ въ составъ живого организма. *Цѣльнаго* изъ него ничего не осталось. Юристы все изучаютъ римское право (въ его самой жизненной формѣ, въ формѣ истиниановскихъ сводовъ), но государственный строй передовыхъ народовъ Европы гораздо болѣе восходитъ къ варварскимъ виттенагемотамъ и судамъ перовъ, чѣмъ къ постановленіямъ преторовъ, а еще болѣе опирается на теоріи естественнаго права и на факты политической экономіи, совершенно неизвѣстные древнимъ. Профессора философіи все возводятъ свое ученіе къ знаменитымъ именамъ Платона и Аристотеля, какъ профессора литературы все превозносятъ неподражаемыя красоты гомерическихъ поэмъ, аенскихъ драмъ, римской лэрики; но лишь съ нѣкоторымъ напряженіемъ можно въ ученіяхъ XIX вѣка найти связь съ древнею академіею и древнимъ лицеемъ: Гегель и Кантъ, Кантъ и Локкъ, самое дальнее — Декартъ и Бэконъ — вотъ *безспорная* генеалогія для большинства мыслителей; далѣе уже

идуть очень тонкія соображенія полумистическаго свойства. Что касается до преемства нашей изящной литературы отъ Одиссея, Эдипа, Лагушекъ или оды Меценату... то, признаюсь, самая мысль о подобномъ преемствѣ мнѣ непонятна въ области *оригинальнаго* искусства, развѣ такъ, какъ нашъ органическій міръ состоитъ изъ частицъ, входившихъ во флору и фауну времени Аристофана. Замѣчу еще, что наши медики (впрочемъ, не во всей Европѣ) сохранили обычай писать рецепты на языкѣ учениковъ Галена, но каждый медикъ совершенно явно разсмѣялся бы надъ невѣждою, который бы серьезно спросилъ: на сколько современная медицина сохранила традицію древнихъ медиковъ; то, что и сохранилось въ ней отъ ихъ времени, прошло чрезъ критерій *новой* критики, и вошло въ новую науку на основаніи *новыхъ* наблюдений, какъ бы оно никогда и не заключалось въ древнихъ сочиненіяхъ.

Возрожденіе и реформація *не составляютъ* первой эпохи новаго времени; и то и другое принадлежитъ *старому*. Средневѣковыя формы были невыносимы для мыслящихъ людей; имъ представился случай возстановить довольно полно традицію древняго міра; они съ жаромъ бросились на этотъ путь: онъ скоро оказался совершенно непроходимымъ. Попробовали вернуться къ традиціи первыхъ вѣковъ нашей эры, до Августина и Афанасія, какъ это требовали многочисленные сектаторы среднихъ вѣковъ: оказалось, что ни человекъ, ни народъ, ни человечество не можетъ еще разъ пережить свое прошлое. Новое время не отвернулось отъ этого прошлаго, которое хотѣли возстановить періоды возрожденія и реформаціи; оно, даже, все съ большимъ уваженіемъ относится къ своему прошлому, но оно не *поклоняется* прошлому, не пытается уже *вернуться* къ нему и *научиться* отъ него; оно его *изучаетъ* для *своихъ* цѣлей, со *своей* точки зрѣнія.

Есть еще группа событій, на которую указываютъ историки, какъ на грань между средневѣковымъ и новымъ міромъ; это открытіе Колумба, Васко де-Гама и ихъ сподвижниковъ. Тутъ, безспорно, мы имѣемъ нѣчто новое; но спросимъ себя, въ чемъ оказался особенный слѣдъ этихъ событій? Въ государственномъ мірѣ все продолжало идти по старому. Колоніальные вопросы и расширеніе круга государственной дѣятельности увеличили преобладавіе большихъ державъ надъ малыми. Голландія и Англія замѣнили въ торговомъ отношеніи Венецію, Геную и Ганзу. Колоніальныя компаніи замѣнили евреевъ и фуггеровъ. Но начала политики и международныхъ отношеній въ XVII и XVIII вѣкахъ весьма мало разнятся отъ средневѣковыхъ: тотъ же грабежъ слабого сильнымъ, то же возвеличеніе подвиговъ завоеванія, та же хищность въ политическихъ привычкахъ; даже почти тѣ же приемы дипломатіи: чѣмъ размѣнъ городовъ и провинцій на вестфальскомъ мирѣ или переходъ итальянскихъ владѣній въ XVIII вѣкѣ отъ членовъ австрійскаго дома къ бургонскому и обратно,

чѣмъ все это разнится отъ семейнаго дѣлажа городовъ между сыновьями Клотара I въ VI-мъ вѣкѣ? Формы нѣсколько поутонченнѣе, а сущность все та же.

Не считаю нужнымъ даже развивать мысль, что *прямою* вліяніемъ на изящную литературу, на богословскія ученія, на философскія теоріи или на историческіе взгляды не имѣли вовсе великія открытія XV-го вѣка.

Но они подѣйствовали косвенно и на государственннй строй и на всѣ тѣ элементы цивилизаціи, которые я только-что упомянулъ, и на которые почти исключительно обращено вниманіе историковъ цивилизаціи. Прослѣдить это дѣйствіе можно только взявъ въ соображеніе элементъ, до сихъ поръ оставленный почти въ сторонѣ историками.

Открытіе дальнихъ странъ подѣйствовало сильнѣе другихъ событій, но и многія другія, менѣе замѣтныя явленія дѣйствовали равнѣ его или вмѣстѣ съ нимъ. Возбудились новыя *потребности*, и оказалось, что ихъ *нельзя* удовлетворить ни путемъ прибрѣтенныхъ *привычекъ*, ни путемъ унаслѣдованныхъ *травматъ*. Оставался только путь *знаній*. И долго цивилизованная Европа билась, отыскивая этотъ путь: она искала *знанія* въ мистическихъ заклинаніяхъ магіи, въ лабораторіяхъ алхимиковъ, въ расчетахъ астрологовъ, въ Аристотелѣ и его комментаторахъ, на соборахъ, требовавшихъ преобразования католичества, въ нищенствующихъ орденахъ, въ проповѣди катаровъ, вальдецевъ, Виллефа, Гюсса, Лютера, въ кабалѣ евреевъ и въ Тимѣ Платона. Но все это не дало ей знанія; все это оказывалось пережеваннымъ старьемъ; все это не *жило*, не удовлетворило потребности новаго. Лучшіе умы возвращались снова и снова къ задачѣ о знаніи, толкались во всѣ двери, проводя годы въ заключеніи, умирая на кострахъ или окруженные галлюцинаціями. Привычки и преданія все заставляли рыться въ тѣхъ же книгахъ, возвращали къ тѣмъ же приемамъ. Но вотъ возникъ изъ океана новый міръ, котораго не знало ни одно преданіе, о которомъ не говорилъ ни одинъ авторитетъ древности ни поеврейски, ни погречески, ни полатыни. Тщетно старались отыскать этотъ міръ въ преданія: въ половинѣ XVI-го вѣка, европейская мысль привыкла къ предположенію, что она можетъ знать нѣчто *новое*, что она должна употреблять для этого *свои* средства, и что во многихъ случаяхъ всѣ авторитеты древности и среднихъ вѣковъ ей не помогутъ. Одною выступилъ скромный начовникъ съ доказательствомъ, что Птолемей (великій Птолемей!) ошибался, что земля движется. Болѣе смѣло сказалъ медикъ Карла V и Филиппа II, что Галенъ (непогрѣшимый Галенъ!) зналъ строеніе человѣка хуже, чѣмъ мы можемъ узнать это посредствомъ прямого наблюденія. И вотъ въ началѣ XVII-го вѣка путь знанія *найденъ*. Италия, Германія, Англія, Франція одновременно выдвигаютъ могучія личности, которыя не оспариваютъ существующаго авторитета, существующаго порядка жизни, не хитрятъ, какъ итальянскіе отрицатели XVI

вѣка, не полемизируютъ, какъ севтаторы, но отмежевываютъ человеческой мысли огромную область, гдѣ авторитеты игнорируются, область, которая обходится *безъ авторитетовъ*. И рядомъ съ Галилеемъ, Бэкономъ, Кеплеромъ, Декартомъ (я упоминаю самыя крупныя имена) выступаютъ изъ самыхъ различныхъ политическихъ партій Гроцій, Мильтонъ, Гоббсъ, сходящіеся на одномъ пунктѣ: на томъ, что они возводятъ теорію права или теорію государства не къ авторитету, а къ *изученію* человеческой природы, требуя не ссылокъ, а *критики и собственной* изслѣдованія. Это люди *новаго* міра, предшественники современности, къ которымъ не трудно возвести генеалогію самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, насъ окружающей.

Въ самомъ дѣлѣ, вдумываясь внимательно, едва-ли найдемъ какую-нибудь особенность современной Европы, которая бы не коренилась въ научныхъ приобрѣтеніяхъ, и особенно въ строѣ мысли, унаслѣдованномъ отъ начала XVII-го вѣка. Огромное экономическое развитіе, создавшее современную промышленность и торговлю, банки и акціонерныя общества, выдвинувшее буржуазію въ первые ряды государственныхъ силъ Европы, и заставившее министровъ прислушиваться къ измѣненіямъ биржевыхъ цѣнъ, опирается на успѣхи механики, физики, химіи, политической экономіи, на критику, приложенную ко всѣмъ явленіямъ природы и общества. Философскія ученія первой половины XIX-го вѣка, хотя они и увѣрили, что представляютъ развитие чистой мысли, мистическаго безусловнаго, но были обусловлены во всѣхъ своихъ частяхъ успѣхами естествознанія, языкованія и общественныхъ наукъ. Для рѣшенія вопроса о неграхъ въ Америкѣ, какъ для обсужденія проекта желѣзной дороги, мы должны начать съ наблюдений, какъ дѣлалъ Галилей, съ безусловнаго сомнѣнія, какъ требовалъ Декартъ, съ борьбы противъ *идоловъ* нашей мысли, какъ выражался Бэконъ. Въ какой бы то ни было области *настоящей* жизни, ссылка на авторитетъ теперь не можетъ считаться доказательствомъ, и эта привычка восходить къ великимъ двигателямъ науки начала XVII-го вѣка. Съ него началась *новая* Европа и вся ея исторія, весь ея современный бытъ останется непонятнымъ безъ объясненія того значенія, которое имѣло въ эту эпоху *научное* движеніе.

Можетъ быть, я нѣсколько долго остановился на этихъ при-
мѣрахъ, но мнѣ хотѣлось выставить помощью ихъ яснѣе на видѣ необходимость исторіи науки не столько для спеціалистовъ (эти спеціалисты, можетъ быть, всего менѣе нуждаются въ исторіи своей науки), какъ для историковъ *вообще*, и для людей, желающихъ *понимать* исторію. Нетолько исторія умственнаго движенія немислима безъ развитія исторіи науки, нетолько всякая исторія цивилизація должна заключать въ себѣ исторію науки. Но и разумная исторія политическихъ и экономическихъ явленій въ жизни человечества неизбѣжно обязана обратиться къ этому источнику, если хочетъ остаться разумною.

Посмотримъ же, что сдѣлано въ XIX-мъ вѣкѣ для исторіи науки вообще.

Огюсть Контъ не только пытался внести историческій элементъ научнаго развитія въ свою позитивную философію, отождествляя историческое развитіе наукъ съ раціональнымъ развитіемъ научныхъ идей. Онъ посвящалъ этому развитію послѣдніе два тома своего курса (1841, 1842), но уже въ общемъ планѣ сочиненія, изложенномъ во второй лекціи перваго тома (1830) писалъ: «мы конечно совершенно увѣрены, что знаніе исторіи наукъ въ высшей степени важно... Поэтому мы рассмотримъ съ большимъ вниманіемъ дѣйствительную исторію основныхъ наукъ, которыя составятъ предметъ нашего обсужденія; но мы это сдѣлаемъ лишь въ послѣдней части этого курса... разбирая общее развитіе человечества, развитіе, въ которомъ исторія наукъ составляетъ самую важную часть, хотя всего болѣе пренебреженную» (изд. 1864, I, 65). Въ 1832 году онъ предложилъ Гизо, тогда министру общаго образованія, основать во французской коллежѣ кафедрѣ общей исторіи наукъ физическихъ и математическихъ, высказывая въ своей запискѣ отъ 29-го октября, что при современномъ состояніи мысли, «наука человѣческая въ ея положительныхъ элементахъ, можетъ быть разсматриваема, какъ единая, и слѣдовательно исторія ея можетъ быть понята». Далѣе Контъ говорилъ: «точное наблюденіе пути, часто не раціональнаго по видимому, которымъ шелъ послѣдовательно рядъ гениальныхъ людей съ цѣлю пріобрѣсти небольшое число точныхъ и вѣчныхъ знаній, составляющихъ область нашей современной науки, должно имѣть большую привлекательность для всѣхъ возвышенныхъ умовъ... Наконецъ, изученіе философской исторіи наукъ представляется необходимымъ элементомъ въ совокупности историческихъ изслѣдованій, представляющихъ теперь въ этомъ отношеніи основной проблѣмъ... Чтобы надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать своему назначенію и принести пользу, которую онъ способенъ принести, подобный курсъ долженъ по необходимости обнимать совокупность всѣхъ основныхъ наукъ, такъ какъ въ сущности математика, астрономія, физика, химія и науки физиологическія развились всѣ вмѣстѣ и подъ взаимнымъ вліяніемъ; поэтому невозможно излагать настоящую исторію, то-есть доказывать настоящую вѣрность ихъ успѣховъ, наблюдая исключительно нѣкоторую часть ихъ. Безъ этого пониманія совокупности, курсъ научной исторіи стремится неизбежно къ вырожденію въ простую библиографію или въ родъ біографическихъ замѣтокъ». При этомъ Контъ указываетъ на недостатки курса Кювье объ исторіи физическихъ наукъ, недостатки, обусловленные тѣмъ, что знаменитый натуралистъ не включилъ въ свой курсъ исторію математики и астрономіи. Вліятельный министръ-доктринеръ оставилъ безъ вниманія записку и письмо Конта, и отиѣчая въ своихъ мемуарахъ внослѣдствіи свое свиданіе съ профессоромъ позитивизма, выразился съ пренебреженіемъ: «Еслибы

я и нашелъ нужнымъ основать ее (кафедру исторіи наукъ), я, конечно, ни на минуту не подумалъ бы ее предоставлять ему» («Memoires» III, 125).

Программы Конта еще не выполнили собственно никто, но по частямъ исторію наукъ разработывали многіе, болѣею частью ограничиваясь довольно краткимъ очеркомъ. Такова диссертация Плейфайра (умершаго 1819 года) объ успѣхахъ физическихъ и математическихъ наукъ, начиная съ эпохи возрожденія, помѣщенной въ британской энциклопедіи. Таково предисловіе д'Орбиньи къ словарю естественныхъ наукъ (1842), исключающее математику. Таковъ и прекрасный очеркъ Александра Гумбольдта во II томѣ Космоса (1847), обнимающій 265 страницъ. Нѣсколько обширнѣе трудъ Пууэля (1834) объ исторіи физическихъ и математическихъ наукъ, составляющій одинъ томъ Ларднеровской энциклопедіи; но Пууэль исключилъ всѣ науки организмовъ и, кромѣ того, собственно заключилъ свое изложеніе Ньютономъ; все послѣдующее вмѣщено у него въ 28 страницъ. Несравненно замѣчательнѣе книга Апелъта: «Эпохи исторіи человечества» (1845, 46), первый томъ которой былъ впрочемъ Александромъ Гумбольдтомъ, какъ онъ писалъ автору, въ «первыя же 40 часовъ по его полученіи, не пропуская ни строчки»; но это уже не исторія науки, а попытка построить исторію цивилизаціи на исторіи науки, попытка, повторенная въ наше время довольно несовершенно, неполно и не критически Дрэнеромъ, въ его исторіи интеллектуальнаго развитія Европы. Курсъ Кювье, о которомъ говорилъ Контъ въ своей запискѣ, представляетъ самую обширную обработку предмета, но не заключаетъ математическихъ наукъ, и, кромѣ того, знаменитый авторъ не успѣлъ его просмотрѣть, провѣрить критически подробности, а изданіе Мадленъ де-Сентъ-Ажи далеко не замѣнило этого невознаградимаго недостатка. Жалкая компиляція Фигье о жизни знаменитыхъ ученыхъ, которой вышло уже два тома, едва заслуживаетъ упоминанія. Въ послѣдніе годы въ Мюнхенѣ возмѣли странную идею издать рядъ специальныхъ исторій всѣхъ наукъ въ Германіи за послѣдніе три вѣка, какъ будто современная наука у одного народа можетъ быть выдѣлена изъ явленій той же области у всѣхъ прочихъ. Все это лишь матеріалъ для будущей исторіи науки. Не считаю нужнымъ упоминать труды, находящіеся еще въ самомъ началѣ, или спеціальныя исторіи различныхъ наукъ, гдѣ, конечно, встрѣтимъ самыя важныя и замѣчательныя труды.

Вотъ приблизительно вся литература по исторіи наукъ вообще въ наше время и мнѣ остается лишь указать на трудъ Уэвеля и на его отношеніе къ этой литературѣ, въ которой онъ представляетъ, конечно, самое замѣчательное явленіе.

Недавно умершій Уильямъ Уэвель прожилъ за 70 лѣтъ профессоромъ въ Кембриджѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, когда онъ отказался отъ своего мѣста, чтобы заматся химіею. Это былъ человекъ, обладавшій самыми разносторонними свѣдѣніями

и въ то же время чисто англійскаго строя ума. Онъ былъ строгій ученикъ; его учебники по математикѣ и механикѣ произвели переворотъ въ англійскомъ преподаваніи этихъ предметовъ; и въ то же время онъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ преподавателей соглашенія науки и религіи. Его сочиненіе объ отношеніяхъ астрономіи и физики къ естественной теологіи (1837) въ этомъ отношеніи пользуется большою извѣстностью. Противникомъ школы Локка и Юма, защитникомъ англійскаго преданія, является онъ и въ своихъ нравственно-философскихъ произведеніяхъ, связанныхъ съ его преподаваніемъ нравственной философіи, которой касседру онъ занималъ около 18 лѣтъ. Его философскій взглядъ есть примиреніе Бэкона, Канта и англійскаго преданія. Дуализмъ идей и фактовъ, какъ совершенно различныхъ началъ, принадлежащихъ двумъ разнымъ мірамъ, но равно важныхъ, составлялъ основу его теоріи знанія. Переводчики доказали свое совершенное безпристрастіе и свой чисто-научный взглядъ на предметъ, избравъ для перевода сочиненіе автора, философскія теоріи котораго, на сколько намъ извѣстно, расходятся диаметрально съ ихъ воззрѣніями.

Главная заслуга Уэвеля, конечно, заключается въ двухъ его главныхъ сочиненіяхъ: «Исторія индуктивныхъ наукъ», появившагося въ 1837 году, и «Философія индуктивныхъ наукъ, основанной на ихъ исторіи», появившагося въ 1840 г. Последнее сочиненіе въ 3-мъ изданіи распадается на двѣ половины: «Исторія научныхъ идей» и «Обновленный новый органонъ». Оба сочиненія Уэвеля находятся въ самой тѣсной связи одно съ другимъ, такъ-какъ онъ самъ говорить о первомъ изъ нихъ въ предисловіи къ третьему изданію, что оно представляетъ не рассказъ фактовъ исторіи науки, но основаніе для философіи науки; онъ подтверждаетъ въ введеніи къ первому тому, что оба сочиненія получены изъ изученія тѣхъ же писателей и могутъ служить другъ другу дополненіемъ. Второе сочиненіе заключаетъ исторію наукъ, на сколько эта исторія зависитъ отъ идей, первое—исторію наукъ, на сколько она зависитъ отъ наблюденій. Во второе сочиненіе, какъ элементъ его, Уэвель помѣстилъ и очерки исторіи математическихъ наукъ. Конечно, для всякаго, неотнесающаго, подобно Уэвелю, идеи и факты къ двумъ различнымъ мірамъ, исторія науки цѣльна лишь тогда, когда указывается, какъ идеи рождались изъ предшествовавшихъ фактовъ, и какъ факты открывались вслѣдствіе наблюденія, руководимаго развившеюся заранѣе идеею. Поэтому, полагаю, переводчики едва-ли не будутъ поставлены въ необходимость, для пользы своего труда, перевести и «Исторію научныхъ идей» Уэвеля. «Обновленный новый органонъ» менѣе важенъ въ этомъ отношеніи. Уэвель назвалъ свою книгу исторіею *индуктивныхъ наукъ*, но читатели, знакомые со взглядомъ Милля на индуктивный методъ, замѣтятъ, что у Уэвеля понятіе объ индукціи, ея опредѣленіе, ея предѣлы совсѣмъ иные, чѣмъ у Милля: это люди, принадлежащіе разнымъ

лагерямъ не только въ этомъ отношеніи, но почти во всѣхъ. Вслѣдствіе своей понятія объ индуктивной методѣ, Уэвель весьма послѣдовательно исключилъ изъ своей исторіи математическія науки, но не былъ послѣдователенъ въ томъ отношеніи, что не ввелъ психологію, политическую экономію и т. д. Онъ сознается въ этомъ въ введеніи къ первому тому, и признаетъ, что вѣрнѣе было бы назвать его сочиненіе: Исторією главныхъ наукъ, до сихъ поръ основанныхъ на наведеніи.

Его взглядъ на исторію наукъ, какъ на введеніе къ философіи наукъ, объясняетъ и огромную неравномѣрность отдѣловъ, посвященныхъ авторомъ различнымъ наукамъ: науки неорганическаго міра занимаютъ у него почти въ шесть разъ большее мѣсто, чѣмъ науки міра органическаго, и одна группа астрономіи съ физикою болѣе чѣмъ вдвое обширнѣе всего остальнаго. Это само собою истекало изъ основной мысли автора, который на физическихъ наукахъ имѣлъ болѣе возможности объяснить приложеніи метода индуктивныхъ наукъ въ его послѣдовательныхъ ступеняхъ въ исторіи, чѣмъ онъ могъ это сдѣлать въ наукахъ организмовъ. Конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что Уэвель наиболѣе знакомъ съ науками неорганическаго міра.

Приемъ автора таковъ: онъ пишетъ исторію каждой главной науки отдѣльно, группируя эту исторію около нѣсколькихъ эпохъ, когда совершились важнѣйшія открытія. Менѣе важные періоды онъ собираетъ около этихъ эпохъ въ видѣ *прелюдій* и *слѣдствій* къ разсматриваемымъ эпохамъ. Это приемъ очень ловкій. Едва ли не менѣе удобно для читателя, что авторъ разбиваетъ часто исторію науки на исторію ея вопросовъ, такъ что ему иногда приходится возвращаться назадъ и трудн одного ученаго разбираются на многія главы.

Уэвель, конечно, не зналъ плана Огюста Конта, да если бы и зналъ, то цѣль его была совсѣмъ иная. Не развитіе научной мысли въ исторіи человечества, не развитіе науки какъ *единой* имѣлъ онъ въ виду, но историческій матеріалъ для индуктивной философіи наукъ. Это и долженъ помнить читатель при оцѣнкѣ его сочиненія. Не включая въ свою исторію развитіе математики, Уэвель не могъ уяснить ни появленіе Архимеда, ни появленіе Гиппарха, а слѣдовательно древняя наука остается у него крайне отрывочною. Чрезвычайная строгость Уэвеля къ Аристотелю есть преданіе школы Бэкона, и далеко несправедлива. Очеркъ науки въ средніе вѣка вовсе не уясняетъ причинъ и связи явленій, даже главныхъ періодовъ въ исторіи мысли этого времени: это понятно, потому что Уэвель не имѣлъ въ виду возстановить эту исторію, а хотѣлъ только указать недостатки въ разсматриваемый періодъ тѣхъ приемовъ, которые создали новую науку и которые должны были войти въ его философію наукъ. Точно также открытія конца XVII вѣка остаются несовсѣмъ ясными,

такъ-какъ успѣхи математики въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ не указаны. Вообще же раздробленіе *одной* исторіи на множество исторій различныхъ наукъ, дѣлаетъ почти невозможнымъ для читателя составленіе общей картины научнаго развитія человѣчества. Но это не укоръ Уэвелю, такъ-какъ онъ составилъ себѣ планъ и остался послѣдователемъ въ его выполненіи. Читатель можетъ пожалѣть, что авторъ не поступилъ иначе, но не имѣетъ права порицать автора, если послѣдній хорошо исполнилъ свое дѣло.

А Уэвелъ исполнилъ свое дѣло крайне добросовѣстно и хорошо. Если и есть недостатки въ изложеніи періодовъ, наименѣе важныхъ для его цѣли, именно въ изложеніи перваго періода греческой мысли и въ изложеніи развитія средних вѣковъ, то во всемъ остальномъ онъ далъ трудъ, который чрезвычайно полезенъ и основателенъ. На его хронологическія и библиографическія данныя можно, вообще говоря, положиться. Его оцѣнка ученыхъ и значеніе ихъ работъ для ихъ науки вообще вѣрна, и его книга представляетъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ матеріаловъ для исторіи науки.

Конечно, это матеріалъ, не болѣе, и имъ въ особенности можетъ пользоваться ученый спеціалистъ или человѣкъ, изучающій научную методикку. Собственно историкку или человѣку, желающему повнѣе развитіе научной мысли въ человѣчествѣ, нужно совсѣмъ иную группировку фактовъ, совсѣмъ иное построеніе предмета, и дополненіе его тѣми областями, которыя оставлены Уэвелемъ въ сторонѣ. Повторяемъ: программа Огюста Конта еще не выполнена никѣмъ и настоящая исторія *единой* науки еще не написана. А безъ этого и всеобщая исторія еще заключаетъ весьма важныя пробѣлы, весьма многіе непонятные періоды.

Мы должны быть крайне благодарны переводчикамъ, что они взяли ознакомиться нашу публику съ столь замѣчательнымъ трудомъ, на важность перевода котораго было уже указано въ примѣчаніи къ переводу «Логикѣ» Милля (I, 66). Весьма хорошо и то, что они дополняютъ свое изданіе примѣчаніями Литтрова. Но всего болѣе мы должны будемъ ихъ поблагодарить, когда они выдадутъ обѣщанный ими четвертый, дополнительный томъ, уже не переводный, а оригинальный, и заключающій развитіе наукъ за послѣдніе 10 лѣтъ. Конечно, если этотъ томъ, по точности данныхъ и по вѣрности оцѣнки научныхъ явленій, станетъ въ уровень съ книгой Уэвеля, то онъ найдетъ себѣ переводчиковъ и въ Англіи и въ Германіи.

НОВЫЯ КНИГИ.

Дневникъ **Іоанна-Георга Корба**, секретаря посольства отъ императора Леопольда I-го къ царю Петру I-му въ 1698—1699 г. Переводъ съ латинскаго Женева и Семевскаго. Съ приложеніемъ точнѣйшихъ фотолитографическихкихъ снимковъ съ рисунковъ, находящихся въ Дневникѣ Корба. Изданіе Импер. общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1868.

Имя г. Семевского, одного изъ переводчиковъ названной книги, не безъизвѣстно русской публикѣ, которая встрѣчалась съ нимъ довольно часто на страницахъ русскихъ журналовъ за послѣдніе 7—8 лѣтъ. Извѣстностью этой, впрочемъ, незавиднаго и даже крайне двумисленнаго свойства, г. Семевскій обязанъ, конечно, не своимъ талантамъ, но тѣмъ исключительнымъ условіямъ, при которыхъ стали появляться въ печати его первые литературные опыты. Съ половины пятидесятихъ годовъ въ русской литературѣ началось, какъ извѣстно, нѣкоторое оживленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ обличительныхъ статей, очерковъ, повѣстей и даже романовъ. «Разрѣшено» было изобличать низшіе ранги административныхъ дѣятелей, и ободренные писатели широко воспользовались этимъ правомъ, перебравъ и пересудивъ почти всѣхъ станovýchъ и исправниковъ всероссійской земли, издавна прославленной по своей «великости и обилію», но не по «порядку», господствующему въ ней. Вадрогнули исправники, пооблѣдѣли городничіе, не привыкшіе къ подобному деревенскому обращенію...

Да еслибъ и канальство
Зашло въ мои дѣлашки,
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

завоили они въ отвѣтъ на литературныя обличенія. Испугъ ихъ былъ, разумѣется, непродолжителенъ, ибо, говоря словами русской пословицы, чортъ не такъ страшенъ, какъ его рисуютъ. Кто былъ посильнѣе, тотъ презрѣлъ благочестивые завѣты прессы, найдя ниже своего достоинства подчиниться требованіямъ «мальчишекъ», а кто былъ послабѣе, тотъ не замедлилъ усвоить себѣ, при непривыкновенности старыхъ привычекъ и образа мыслей, новый и либеральный способъ выраженія. На томъ

дѣло и порѣшили. Но обличительное направлевіе выразилось не въ одной беллетристичѣ и газетныхъ статьяхъ: оно проникло и въ солидную науку «исторіографовъ и столповъ», которые творили самымъ дѣломъ, а затѣмъ писали (точнѣе сказать: сочиняли) отечественную исторію. Въ томъ самомъ храмѣ науки, гдѣ прежде съ таинственною важностью совершались умленные кажденія предъ лицами почившихъ дѣтелей, гдѣ отъ этого благоговѣнія куреній кружилась голова и начинало тошнить — тамъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, раздалися гамъ, пискъ и нечестивыя сваканія ворвавшихся въ храмъ новыхъ подвижниковъ науки. Святныя науки нѣсколько скандализировалась этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ; но потомъ, всматриваясь въ лица пришельцевъ, замѣтила, что они, въ сущности, тоже хорошіе люди, «свои, Пафнутьевы», и блудятъ больше по рѣзости своего характера, чѣмъ по ехидству и зловредности своихъ убѣжденій. Наука рѣшила примириться съ фактомъ, справедливо полагая, что отъ этого взмыганія, отъ этихъ криковъ, задѣвающихъ мелочныя стороны прежняго быта, нимало не страдаютъ принципы порядка. Къ тому же отрадному убѣженію пришли, какъ мы видѣли, становые и исправники. Дѣйствительно, новые подвижники, угомонившись, присѣли въ уголку того же храма, съ подобострастіемъ начала смотрѣть на жертвенныя отправления, совершаемыя исторіографами-столпами, а своихъ прежнихъ шалостей устыдился, какъ устыжаются взрослые дѣти забавъ и игръ первыхъ невинныхъ лѣтъ. Значить, и тутъ дѣло окончилось въ обоюдному согласію.

Въ это-то время составилъ себѣ г. Семеновскій ту крошечную славу, какою пользуется доселѣ, благо никто изъ серьезныхъ людей не отнеслся со вниманіемъ къ его дѣятельности. Подъ шумокъ онъ приобрѣлъ себѣ даже послѣдователей, которые, забравшись въ архивы, откапывали съ трудолюбіемъ, достойнымъ лучшей дѣли, не тѣ факты, которые имѣли дѣйствительный интересъ для исторіи нашего развитія, но игривыя казусы и пестрые скандалы, какъ можно позабористѣе и чуднѣе. Статьи эти читались и забывались достойнымъ образомъ, забывались до того, что намъ нигдѣ и никогда не случилось встрѣчать печатной ссылки на мнѣнія г. Семеновскаго; но авторъ «Марьи Гамилтъонъ» приобрѣлъ мнѣнію извѣстность, какъ неутомимый изобличитель Петра I-го. Савлъ, Савлъ! что ты меня гонещи? Нѣкоторые факты, сообщенные г. Семеновскимъ, полезны, какъ факты и могутъ быть приняты въ соображеніе при общей оцѣнкѣ духа времени; но они всегда сгруппированы у него одностороннимъ, пристрастнымъ образомъ, а, главное, всегда разбавлены лирическими тирадами, которыя свидѣлствуютъ только о благородствѣ чувствъ самаго автора, равно какъ и о знакомствѣ его съ моральными сентенціями, помѣщаемыми обыкновенно въ пропискахъ. Нынѣ г. Семеновскій, ревнуя о славѣ Петра I-го, задумалъ выступить противъ него не съ оригинальною статьейю,

но съ книгою иностраннаго путешественника, завесеннаго судьбою въ Московію именно въ то время, когда страшная борьба—борьба на жизнь и смерть между старимъ и новымъ порядкомъ, сопровождалась всѣми кровавыми атрибутами революціи въ полудинкой странѣ. Какъ сотрудникъ г. Каткова и, слѣдовательно, классикъ, г. Семевскій не затруднился справиться съ неуклюжими латинскими періодами Корба и передать ихъ (столько же, впрочемъ, неуклюжею) русскою рѣчью. Конечно, бывали случаи, что наши стихотворцы «пѣвали пѣсни еврейскія, по еврейски не зная ни слова»; но мы не имѣемъ никакого основанія думать это про г. Семевского. Вѣдь онъ же, повторяемъ, сотрудничалъ и сотрудничаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», хотя въ этомъ журналѣ печатались отрывки изъ дневника Корба въ переводѣ г. Смирнова, а не г. Семевского... Переводъ Корба, и притомъ цѣликомъ, а не въ отрывкахъ, есть заслуга паче писанія оригинальныхъ статей; но нельзя не замѣтить, что подобныя книги полезно было бы сопровождать руководящими статьями, которыя давали бы читателямъ настоящую точку зрѣнія на предметъ. О жестокостяхъ Петра такъ много писалось въ послѣднее время, что за ними стали блѣднѣть дѣйствительно великія стороны государственнаго переворота, произведеннаго этимъ крутымъ, неутомимымъ и безстрашнымъ реформаторомъ.

Иоганнъ-Георгъ Корбъ, секретарь цесарскаго посла, Игнатія-Христофора де-Гваріента и Ралля, отправленнаго императоромъ Леопольдомъ I-мъ въ московское государство къ царю Петру Алексѣевичу, пробылъ въ этомъ путешествіи съ 10-го января (нов. стила) 1698 г. по 27-е сентября 1699 года и велъ на латинскомъ языкѣ дневникъ, въ который тщательно заносилъ всѣ свои впечатлѣнія и замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ. Къ своему дневнику Корбъ присоединилъ «Краткое описаніе опаснаго мятежа стрѣльцовъ въ Московіи» и очеркъ внутренней жизни и государственнаго управленія видѣнной имъ страны. По возвращеніи своемъ въ Вѣну, Корбъ не замедлилъ напечатать свой трудъ въ концѣ 1700 или въ началѣ 1701 года съ чертежами и картинами, на которыхъ изображены, между прочимъ, затѣйливыя казни стрѣльцовъ. Но московское правительство, оскорбленное нѣкоторыми отзывами и рассказами Корба, вылопотало у правительства австрійскаго запрещеніе этой книги, такъ что она, въ скоромъ времени, сдѣлалась библиографическою рѣдкостью. Время, описанное Корбомъ, было самою фатальною минутою въ царствованіи Петра; тутъ рѣшался вопросъ: оставаться ли Россіи азіатскимъ государствомъ, услаждающимся соверщеніемъ своихъ собственныхъ нравственныхъ болячекъ, или примкнуть къ европейскимъ державамъ и подчиниться, въ большей или меньшей степени, общему ходу европейской цивилизаціи, не отрещиваясь и не отплывываясь отъ басурманскихъ прелестей. «Сознаніе экономической несостоятельности — справедливо говорить г. Соловьевъ — веднее необходимо къ повороту

въ исторіи, было тѣсно соединено съ сознаниемъ нравственной несостоятельности. Русскій народъ не могъ оставаться въ китайскомъ созерцаіи собственныхъ совершенствъ, въ китайской увѣренности, что онъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ уже по самому географическому положенію своей страны: океаны не отдѣляли его отъ западныхъ европейскихъ народовъ. Побуждаемый силою обстоятельствъ, онъ долженъ былъ сначала уходить съ запада на востокъ; но какъ скоро успѣлъ здѣсь усилиться, заложить государство, такъ долженъ былъ необходимо столкнуться съ западными сосѣдями, и столкновение это было очень поучительно... Стало очевидно, что во сколько восточные сосѣди слабѣе Россіи, во столько западные сильнѣе. Это убѣжденіе, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы оказались своимъ знаніемъ, искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться. Отсюда, съ царствованія Іоанна IV-го, именно, съ того царствованія, когда надъ востокѣмъ было получено окончательное торжество, когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обративъ свое оружіе на западъ, потерпѣлъ страшныя неудачи, съ этого самаго времени мысль о необходимости сближенія съ западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у поморскихъ народовъ, становится господствующею мыслью правительства и лучшихъ русскихъ людей». Всѣхъ глубже сознавалъ эту экономическую и нравственную несостоятельность своего народа, всѣхъ горячѣе и страстнѣе ненавидѣлъ заскорузлую китайщину, выдающую себя за непреложный авторитетъ — молодой царевичъ, насмотрѣвшійся съ юныхъ лѣтъ на всѣ безобразныя возненія невѣжественной массы. У этого царевича сосредоточилась въ рукахъ громадная власть, которой перуны ковались на Руси въ продолженіе дѣльных столѣтій, начиная съ Іоанна Калиты; въ душѣ его загорѣлось желаніе покончить, такъ или иначе, добромъ или худомъ, съ азіатскимъ бытомъ, замкнутымъ въ себѣ, отчужденнымъ отъ міра европейскихъ понятій, и здѣсь-то кроется зародышъ неудержимаго рвенія къ Европѣ съ одной стороны и упрамаго сопротивленія съ другой. Народная толпа, уже утратившая давно свою самостоятельность и свои вѣчныя права, покорялась тупо и пассивно новымъ порядкамъ; но у доброй старины нашлись защитники, которые могли отстаивать ее огнемъ и мечомъ. Защитники эти были стрѣльцы, которыхъ Корбъ очень вѣрно уподобляетъ турецкимъ янычарамъ. Пользуясь отсутствіемъ царя, который совершилъ неслыханное преступленіе противъ завѣтовъ старины — отправившись за границу, въ гости къ нечестивымъ еретикамъ, стрѣльцы подняли вооруженное возстаніе, съ дѣлюю возвратитъ Россію на прежній путь благочестія и китайскаго самодовольства. Кровавая борьба началась и кончилась

довольно быстро, благодаря тому, что на сторонѣ Петра сила матеріальная и авторитетъ власти соединилась съ силой умственной; но тѣмъ не менѣе, Корбъ насмотрѣлся-таки власть на всѣхъ перипетіи отвратительной драмы съ плахами, дыбами, вѣшлыми, пытаньемъ на огнѣ и съ прочими атрибутами, за-вѣшанными Петру его суровыми предками...

Какъ только нѣмецкое посольство появилось въ Москвѣ, начались у него пререванія съ московскими привязными, которые требовали къ себѣ паспортъ посланника, а посланникъ не отдавалъ, ссылаясь на исконные обычаи своего двора. Вскорѣ послѣ того Корбъ имѣлъ случай полюбоваться на народное празднество. «День свѣтлаго Христова Воскресенья — пишетъ онъ — былъ отпразднованъ не только русскими, но изъ приличія и всѣми нѣмцами. Смотритель занимаемаго нами дома прислалъ къ намъ съ царскими воннами, поставленными у насъ для стражи, четыре блюда: одно съ хлѣбомъ, другое съ коровьимъ масломъ, третье съ яйцами и четвертое съ жаренымъ гусемъ. Такой подарокъ объясняли намъ обычаемъ пасхальнымъ, но все-таки мы не получили надлежащаго разъясненія. Къ подобнаго рода обыновеніямъ должно отнести слѣдующее явленіе: какой-то пошл, войдя неожиданно въ покой господина посла и мѣшая въ таинственномъ пѣніи разные предметы, подавъ, какъ господину послу, такъ и всѣмъ окружающимъ его, поцаловать крестъ. Благодаря тонкому обонянію, особенно развѣшившемуся послѣ поста, мы легко почувствовали сильнѣйшій запахъ воды и невыносимую вонь отъ рѣши (рѣшки? присовокупляютъ переводчики), изъ чего заключили, что посѣтитель нашъ успѣлъ уже, по обычаю русскихъ, плотно позавтракать». О самомъ великомъ постѣ мы встрѣчаемъ, въ приложеніи къ дневнику, слѣдующій отзывъ: «Этотъ постъ самый строгій; его зовутъ великимъ, такъ-какъ онъ долѣе прочихъ продолжается. Въ постъ не дозволяется употреблять въ пищу ни яицъ, ни коровьяго масла, ни сыра; отъ этого не дѣлается отступленія ни ради возраста, ни ради слабости здоровья. Русскіе считаютъ дѣломъ болѣе богоугоднымъ умереть, сохраняя постъ, нежели, подрѣшивъ свои силы употребленіемъ въ пищу яицъ или мяса, спасти свою жизнь. По этой причинѣ даже врачи, прежде чѣмъ получить позволеніе заниматься практикой, подъ присягою должны дать обязательство, что въ постъ не будутъ давать больнымъ москвитянамъ такого лекарства, для составленія котораго надо употребить яйца, мясо, молоко или коровье масло, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно увидятъ, что больной, безъ употребленія и прописанія такого лекарства, долженъ умереть въ самомъ скорѣйшемъ времени». Почти въ то же время заноситъ Корбъ въ свой дневникъ случаи грабежей, дракъ и убійствъ, происходившихъ на его глазахъ. При разбирательствѣ ссоры, происшедшей между москвичемъ и слугою посла обнаружилось лживое показаніе перваго. «Мы не можемъ вполне надѣяться — замѣчаетъ Корбъ — всей

испорченности нравовъ русскаго народа: ложь и клятвopеступленіе безнаказанны въ этомъ краѣ. Среди русскихъ всегда и вездѣ найдешь людей, готовыхъ лжесвидѣтельствовать: понятія москвитянъ тамъ и сямъ до того извращены, что искусство обманывать считается у нихъ признакомъ высокихъ умственныхъ способностей». Въ приложеніи къ своей книгѣ Корбъ также говоритъ объ этой же выдающейся чертѣ народныхъ нравовъ: «Таки-ваки москвитяне лишены всякихъ хорошихъ правилъ (выше говорится, что въ Россіи нѣтъ ни научнаго образованія, ни даже тѣни политической вольности, отъ которыхъ смягчаются нравы и улучшаются понятія), то, по ихъ мнѣнію, обманъ служилъ доказательствомъ ума. Лжи, обнаруженнаго плутовства они вовсе не стыдятся. До такой степени чужды этой странѣ сѣмена истинной добродѣтели, что самый даже пороки славится у нихъ, какъ достоинство. Но не думайте, однакожь, что я желаю внушить вамъ то убѣжденіе, что всѣ жители этого царства, но ихъ невѣжеству и гордости, имѣютъ такое понятіе о добродѣтели. Между толпыми количествомъ негодной травы растутъ также и полезныя растенія, и между этимъ наличествомъ вонючаго лука алѣютъ розы съ прекраснымъ запахомъ: *въ этихъ людяхъ процвѣтаютъ только большія добродѣтели, чьимъ трудомъ мѣла развитія была тяжелее*. Но мало такихъ, которыхъ или ввѣданный полюбилъ Зевесъ, или вознесла блестящая добродѣтель въ эфирныя области, гдѣ эти рѣдкія свѣтила кроются предъ взглядомъ прочихъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ и порокахъ. Прочіе необразованы, слабы и тупы умомъ: они иногда, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, съ такимъ любопытствомъ глядятъ на иностранцевъ, что даже себя не помнятъ отъ удивленія. Однакожь, къ числу сихъ невѣждъ не принадлежатъ люди, образовавшіеся государственными или дѣловыми занятіями, равно какъ и тѣ, *которымъ недавнее путешествіе показало, что не въ одной только Московіи свѣтитъ солнце*». Однако, и между этими государственными дѣятелями, витавшими въ высшихъ сферахъ и даже не лишенными образованія, Корбъ указываетъ замѣчательные случаи проявленія самодурства, взяточничества и т. п. доблестей. Въ дневникѣ разсказывается довольно подробно объѣдъ у князя Бориса Алексѣевича Голицына, намѣстника казанскаго и астраханскаго, который не чуждался иностранцевъ и даже самъ зналъ латинскій языкъ, подобно г. Самевскому. За этимъ объѣдомъ присутствовалъ учитель дѣтей князя Голицына и чѣмъ-то разгнѣвалъ хозяина. «Всѣхъ насъ привелъ въ ужасъ — пишетъ изумленный секретарь нѣмецкаго посольства — сильный гнѣвъ князя Голицына на воспитателя, соединенный съ жестокими ругательствами и угрозами: «Какъ ты смѣешь, измѣнившій мнѣ и моему роду, открывать тайны моего дома и нарушать свою клятву — хранить молчаніе? Развѣ ты не знаешь Голицына, который можетъ тебя повѣсить и вотъ такъ (стиснувъ руки) раздавить?». Другой государственный дѣятель, набогатѣй-

шій изъ московскихъ князей, начальникъ Царства Сибирскаго, первородный въ семействѣ Черкасскихъ, былъ обличенъ, по донесенію думнаго дѣла Виніуса, во взяточничествѣ. «Царь назначилъ этого князя начальникомъ всей Сибири, въ увѣренности, что человекъ, имѣющій собственный достатокъ для жизни, какъ говорится, въ свое удовольствіе, не будетъ жадать чужаго и не ставить себя за честь безпорочное управленіе дѣлами государя. Но чѣмъ болѣе пьешь, тѣмъ болѣе жаднешь. Никто не являлъ себя болѣе жаднымъ грабителемъ, какъ этотъ человекъ, хотя онъ и проявлялъ эти свойства своей природы осторожно, чтобы невозможно было уличить его въ явномъ лихоимствѣ. Самъ не требуя ничего отъ купцовъ, князь Черкасскій возлагалъ заботы о вытѣкахъ на своихъ слугъ. Они же, подобно гарпіямъ, не оставляли ничего неприкосновеннымъ. Толпа челядинцевъ князя принуждала купцовъ, съ большой для нихъ потерей, оставлять въ Сибири бесплатно все, что только они везли съ собою навболѣе дорогаго, рѣднаго или красиваго. А если находилось между товарами что-либо такое, что на бѣду купцовъ особенно нравилось воеводѣ, то купцовъ задерживали; доступъ же къ воеводѣ и пріемъ были воспрещены. Хотя воевода и притворялся, что онъ обо всемъ этомъ ничего не знаетъ, но на самомъ дѣлѣ былъ всему виновникомъ и изучалъ, какъ пускать въ ходъ новыя способы вымогательства». Другъ съ другомъ эти государственные дѣятели обращались тоже недурно. «Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій и Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ сошлись въ одномъ домѣ. Ромодановскій, по привычкѣ необразованныхъ людей, сперва обругалъ Апраксина; потомъ, замахнувшись на него палкой, хотѣлъ-было его ударить. Апраксинъ, человекъ благороднѣйшихъ свойствъ, оскорблясь такимъ неприличнымъ и грубымъ обращеніемъ, обважилъ саблю и грозилъ нанести своему противнику смертельныя раны. Ромодановскій, испуганный его рѣшимостью, сталъ обнимать его колѣна (в это былъ князь-кесарь, носившій титулъ его величества) и просить прощенія, умоляя вспомнить, что онъ ему братъ и другъ, а не врагъ. Таковъ этотъ человекъ; сколько жестокъ съ несчастными, столько трусливъ съ благородными». Немудрено, что испорченный подобною обстановкою Петръ не стѣснялся въ жестахъ съ своими приближенными: такъ, напримѣръ, одинъ разъ онъ далъ такую пощечину своему любимцу *Алексаикъ* (то-есть Меншикову), что тотъ упалъ замертво у его ногъ. Такъ же точно обращался Петръ и съ тѣми изъ иностранцевъ, которые, не сознавая собственного достоинства, унижались и низкопоклонствовали передъ нимъ. Корбъ рассказываетъ, что «одинъ посланникъ сѣвернаго государства» до того рабѣдствовалъ передъ царемъ, что онъ, желая осмѣять его окончателно, заставилъ пройтись въ пляскѣ съ шутомъ, служившимъ посмѣшникомъ цѣлаго двора. «Лишь только пустился министръ въ пляскъ съ своимъ товарищемъ, какъ раздался всеобщій смѣхъ; но онъ не понималъ, какъ жестоко осрамилъ себя,

подавая поводъ къ такимъ обиднымъ для себя толкамъ, и продолжалъ плясать, нова, наконецъ, императорскій посолъ, совѣтъ котораго онъ всегда уважалъ, не нашелъ удобнаго случая напомнить ему, чрезъ одного изъ своихъ приближенныхъ, о до-
 стовствѣ его званія. Эта же особа получала, въ видѣ шутокъ, царскія вощечныя, принимая ихъ отъ священной руки, какъ знакъ особенной милости». Корбъ не называетъ этого посланника по имени; но кажется, что это былъ польскій посланникъ, баронъ Ланге, который, по увѣренію Нейгебауэра, учителя царевича Алексѣя Петровича (см. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I-мъ), «былъ пожалованъ отъ цари собственноручно ударами». Иначе относился Петръ къ генералу Лефорту, который игралъ въ его развитіи приблизительно такую же роль, какъ Лагарпъ въ развитіи Александра I-го; крѣпкая привязанность къ нему Петра обнаружилась во всей своей силѣ по смерти образованнаго и честнаго швейцарца. «Генералъ Лефортъ — говорить о немъ Корбъ — судя по слухамъ, не оставилъ послѣ себя столько ниущества, чтобы здѣшній народъ имѣлъ поводъ завидовать ему или его наслѣдникамъ. Даже самъ его родственникъ, прося князя Голицына о пособіи, палъ ницъ передъ княземъ, увѣряя, что ему не на что купить даже приличной траурной одежды» (Лагарпъ тоже, по окончаніи воспитанія Александра, получилъ въ награду такую сумму, какую, по его словамъ, могли бы заплатить ему въ богатомъ купеческомъ семействѣ). Честность Лефорта показалаcя столь подозрительною россиянамъ, что двѣнадцать человекъ изъ нихъ собирались ограбить его мощну, полагая вѣроятно, что покойникъ унесъ съ собой въ могилу нажитыя деньги. И въ самомъ дѣлѣ странно: ближайшій другъ цари, котораго онъ любилъ и уважалъ болѣе всѣхъ, умеръ почти нищимъ, тогда какъ Алексашка, частенько битый за свои продѣлки, не жалъ, что называется, охули на свои лапы! Какъ не заподозрить этого человека, который могъ бы, даже не особенно кривя своей совѣстью, важить себѣ препорядочное состояніе и, по крайней мѣрѣ, не умереть такимъ же честнымъ бѣднякомъ, какимъ пріѣхалъ въ чужую, варварскую страну? Получивъ извѣстіе о смерти Лефорта, царь немедленно возвратился изъ Воронежа въ Москву, чтобы лично вредить землѣ это дорогое ему тѣло. Всѣ представители иностранныхъ державъ получили приглашеніе участвовать въ погребеніи покойнаго. Когда пришло время выносить гробъ, царю живѣе представилось все то, чѣмъ онъ обязанъ Лефорту, и глаза, не плававшіе при видѣ жестокой казни стрѣльцовъ, наполнились слезами. Но насколько царь любилъ Лефорта, настолько же бояре, а въ особенности стрѣльцы, ненавидѣли просвѣщеннаго и благороднаго иностранца. На похоронахъ Лефорта царь гнѣвно счазалъ главнѣйшимъ боярамъ: быть можетъ, вы радуетесь его смерти? Его кончина большому привнесла вамъ пользу? Почему расходитесь? (Бояре поторопились пойти домой, а царь внезапно вернулся и прочелъ имъ эту нотацию). Статься

можетъ потому, что отъ большой радости не въ состояніи долге притворно морщить лица и принимать печальный видъ? Стрѣльцы, въ случаѣ успѣха, взывали бы Лефорта однимъ изъ первыхъ.

Когда Корбъ пріѣхалъ въ Москву, царь былъ еще заграницею, но вскорѣ вернулся на страхъ недовольнымъ изувѣрамъ. «Бояре и московская знать поспѣшно явились туда, гдѣ отдыхалъ царь. Стеченіе поздравляющихъ было большое... *Всѣхъ тѣхъ, которые по здѣшнему обычаю, для изъясненія почтенія, падали предъ государемъ ницъ, царь ласково и поспѣшно приподнималъ и целовалъ ихъ, какъ самыхъ короткихъ своихъ друзей*. Въ тотъ же день началъ Петръ европеизировать по своему бояръ, а вмѣсто остригъ и обрвалъ имъ бороды. Добирался онъ и до бороды патриарха, но тотъ сохранилъ-таки ее, уважавъ на святость своего сана и на обычай православной церкви. Такое же почтеніе оказано было князю Черкасскому и боярину Стрѣльцеву; всѣ же прочіе должны были предлониться предъ иностранными правами, утѣшая себя тѣмъ, что священныи долгъ повелѣваетъ повиноваться государю. По пріѣздѣ государя, Лефортъ устроилъ въ честь его обѣдъ, и здѣсь обнаружилось, какъ быстро утрачиваются въ полуднякой сторонѣ черты европейскаго общежитія. Въ первый день пріѣзда царь не допускалъ своихъ приближенныхъ падать передъ нимъ ницъ; на обѣдѣ же, вѣроятно разгоряченный виномъ и не чувствуя дома надъ собой никакого сдерживающаго вліянія, онъ нагналъ на нихъ такой страхъ, что одинъ бояринъ чуть было не полатился своею головою. «Еще не кончился обѣдъ — рассказываетъ Корбъ — какъ его царское величество, послѣ весьма оживленнаго спора съ воеводой Шеннымъ, вышелъ въ ярости изъ за-стола. Сначала никто не звалъ причины удаленія государя, но потомъ оказалось, что онъ справлялся у солдатъ, сколько надѣлалъ Шеннъ полковниковъ и прочихъ офицеровъ не по заслугамъ, а за одни лишь деньги. Слусть нѣсколько времени, онъ вернулся и въ страшномъ гнѣвѣ, предъ глазами воеводы Шенна, ударилъ обнаженнымъ мечомъ по столу и вскричалъ: «Такъ истреблю я твой полкъ». Въ справедливымъ негодованіи царь подошелъ затѣмъ къ князю Ромодановскому и къ думному дьяку, Никитѣ Моисеевичу (Зотову); замѣтивъ, что однако они оправдываютъ воеводу, *до того разгорячился, что, махая обнаженнымъ мечомъ во все стороны, привелъ тутъ всѣхъ присутствующихъ въ ужасъ*. Князь Ромодановскій легко раненъ въ палецъ, другой въ голову, а Никита Моисеевичъ, желая отворотить отъ себя царскаго меча, поравналъ себѣ руку. Воеводѣ готовился было далеко опаснѣе ударъ, и онъ безъ сомнѣнія палъ бы отъ царской десницы, обливаясь своею кровью, есдлбы только генералъ Лефортъ (второму одному лишь это дозволялось) не сказалъ его въ объятіяхъ и не отклонилъ руки отъ удара». Съ трудомъ Меньшиковъ «успѣлъ смягчить сердце царя», и послѣ этого царь опять развеселился и съ удовольствіемъ присутствовалъ при пляскѣ. Въ октябрѣ 1698 г. были

совершенны, въ восемь приёмовъ, дотя казни надъ стрѣльцами и ихъ помощниками и богомольцами — раскольничьими попами. Еще за границей, узнавъ о бунтѣ стрѣльцовъ, Петръ связалъ Лефорту: «Францъ Яковлевичъ! Постарайся, чтобы я могъ какъ можно скорѣе, самой кратчайшей дорогой, приѣхать въ Москву и монахъ подданныхъ наказать за измѣну ихъ казнями вполне достойными! Пощады никому не будетъ. Вокругъ моего царскаго града, который они хотѣли безбожно ограбить, между его валами и стѣнами, велю поставить позорныя висѣлицы и орудія казни, чтобы жестокой смертью истребить всѣхъ вмѣстѣ и каждаго особо». Не нужно забывать, что жестокая казнь, почти неуступавшія по своей мучительности нашимъ уголовнымъ наказаніямъ, господствовали тогда во всей Европѣ, и только много позже знаменитый Беккариа возсталъ противъ этого безчеловѣчія, за что, впрочемъ, книга его была осуждена во Франціи. Къ тому же и въ наукѣ держалась еще въ полной силѣ теорія государственнаго деспотизма, по которой государство облакалось неограниченной властью надъ личностью гражданъ, и Петръ, какъ глава государства, могъ считать себя въ правѣ прибѣгнуть, въ крайнемъ случаѣ, къ самымъ крайнимъ же мѣрамъ. Если вспомнить при этомъ личныя впечатлѣнія Петра отъ прежнихъ стрѣлецкихъ бунтовъ, его вспыльчивый, раздражительный характеръ и русскій нравъ вообще, то мы поймемъ, какой мстительный, улашающій характеръ должны были получить казни надъ стрѣльцами.

«Бояре, находившіеся въ совѣтѣ, на которомъ рѣшена борьба съ матежниками—пишетъ Корбъ въ своемъ дневникѣ — приглашены были сегодня (27 октября) составить новое судилище: предъ каждымъ изъ нихъ поставили по одному преступнику; каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести свой приговоръ стоявшему передъ нимъ преступнику и послѣ исполнить оный собственно-ручно. Князь Ромодановскій, бывшій начальникомъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, до возмущенія ихъ, принуждаемый его величествомъ, собственной рукой умертвилъ четырехъ стрѣльцовъ. Болѣе жестокимъ явился Алексашка (Меншиковъ), хвастаясь тѣмъ, что отрубилъ двадцать головъ. Голицынъ былъ столь несчастливъ, что неловкими ударами значительно увеличилъ страданія осужденнаго. 330 человекъ, приведенныхъ въ одно время подъ страшную сѣкуру, обагрили обширную площадь кровію гражданъ, но гражданъ преступныхъ. Генераль Лефортъ и баронъ фон-Блюмбергъ были также приглашаемы царемъ взять на себя обязанность палачей, но они отговорились тѣмъ, что въ ихъ странѣ это не принято. Самъ царь, садя верхомъ на лошади, сухимъ глазомъ, глядѣлъ на всю эту трагедію и на столь ужасную рѣзню такого множества людей; одно только сердило его, что у болѣе части бояръ, не привыкшихъ къ должности, которую на нихъ возложилъ онъ, тряслись руки, когда они принимались за это дѣло». Въ особомъ приложеніи къ дневнику описываются подробно всѣ эти истязанія. Седьмая казнь

была предназначена (28 октября) исключительно для поповъ, которые служили молебень за стрѣльцкое дѣло. «Обширнѣйшая площадь въ городѣ предъ церковью св. Троицы, самой большой въ Москвѣ, назначена была государемъ служить мѣстомъ казни. Позорный крестъ ожидалъ поповъ, какъ *достойное возмездіе* за то, что они тысячи разъ осѣнялись знаменіемъ креста, молился за отступниковъ отъ своего государя и благословляя ихъ предпріятіе. Такъ-какъ попы не могутъ быть преданы въ руки налачей, то придворный шутъ, въ одеждѣ нопа, исполнялъ дѣло палача, при чемъ одному изъ сихъ несчастныхъ накинулъ на шею веревку. Другому попу какой-то думный отрубилъ голову топоромъ и трупъ взводокъ на позорное колесо... Его величество присутствовалъ при казни поповъ, сидя въ экипажѣ. Сказавъ нѣсколько словъ въ народу, который въ большомъ числѣ стоялъ около этого мѣста, объ измѣнѣ поповъ, государь прибавилъ въ видѣ угрозы слѣдующія слова: «Да впередъ ни одинъ попъ не смѣетъ молиться Богу за удовлетвореніе подобныхъ желаній». По свидѣтельству Корба, Петръ нерѣдко и самъ брался за топоръ: такъ напримѣръ, 10-го октября онъ собственноручно обезглавилъ нѣсколько стрѣльцовъ. Къ описанію Корба прибавлены весьма выразительныя картинны, изображающія въ различныхъ положеніяхъ пытаемыхъ и казнимыхъ стрѣльцовъ: тутъ видишь знаменитые *молоты* (то-есть висѣлицы въ видѣ глаголя), колья, колеса, костры, и плахи, а на одной картинѣ видѣются и зарытыя въ землю живыя женщины; вокругъ разбросаны растерзанные члены казненныхъ. Гейне говорилъ, что когда онъ читалъ описаніе казней во время первой французской революціи, то чувствовалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что его собственная голова сидитъ крѣпко на плечахъ; подобное же ощущение испытываетъ каждый читатель, заглянувъ въ эти страницы дневника Корба. Только это ощущение чувствуется сильнѣе, потому что звѣрство казней уже переноситъ насъ изъ Европы въ Азію—именно въ Бухару, или въ Хиву, гдѣ донинѣ совершаются такіа отвратительныя бойни, и зрители даже не особенно возмущаются ими. Намъ вспомнилось по этому случаю описаніе Вамбери, видѣвшаго одну изъ подобныхъ казней въ Хивѣ: «Дорогой—разсказываетъ этотъ смѣлый путешественникъ—я былъ свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ, которыя едва-ли когда либо изглядятся изъ моей памяти. 800 плѣнныхъ шаударовъ, въ лохмотьяхъ, мучимые нѣсколько дней уже голодомъ и страхомъ смерти, стояли на дворѣ въ двухъ группахъ. Одни, не достигшіе еще сорока лѣтъ, назначены были въ продажу, какъ невольники; другіе же, по своимъ лѣтамъ или положенію считавшіеся старшинами, обречены были на казнь. Первые отправлены были партіями въ 10—15 человекъ, скованными между собою желѣзными ошейниками, а вторые покорно повиновались своей участи; нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили на висѣлицу, а восемь старцевъ, стоявшихъ очень близко отъ меня, по знаку палача

легли совершенно спокойно на стну. Связавъ руки и ноги, па-
лачь выкололъ имъ глаза, обтараъ при этомъ окровавленный
ножь объ ихъ сѣдую бороду. Трудно передать весь ужась
этой сцены, когда ослѣпленные старцы, освобожденные отъ
узъ по окончаніи операціи разводи руками, пытались встать;
при этомъ они сталкивались головами другъ съ другомъ,
и обезсиленные падали снова на землю, издавая жалобныя, глу-
хіе стоны». «Подобнаго рода навазаніе — прибавляетъ Вам-
берн — отнюдь не должно считать исключеніемъ. Въ Хивѣ, какъ
и вообще во всей Средней Азіи, не знаютъ, что такое жесто-
кость; подобное обращеніе считается совершенно естественнымъ,
вполнѣ согласнымъ съ религіей, законами и обычаями». Обычай
побивать женщинъ камнями или просто глыбами земли, за-
рывъ виновныхъ предварительно въ землю по груди, — суще-
ствуетъ до сихъ поръ въ Хивѣ. Невѣжество народа и протста-
кающая отсюда грубость нравовъ, обусловливали у насъ до
Петра систему уголовныхъ навазаній. Стоитъ только прочесть о
пыткахъ, произведенныхъ надъ Стенькою Разиннымъ, чтобы уви-
дѣть, въ какой мѣрѣ притерѣлся нашъ народъ къ ввутамъ,
дыбамъ и даже поджариванью на огнѣ. Петръ нашелъ всѣ эти
казни въ уголовномъ кодексѣ своего отца и не счелъ нужнымъ
смягчить ихъ для своихъ кровныхъ враговъ, уже нѣсколько разъ
покушавшихся на его жизнь. Слабонервный читатель, прочта
рассказъ Корба, не долженъ негодовать свыше мѣры противъ
личности Петра, но долженъ перенести свой гнѣвъ на весь тотъ
азиатскій бытъ, изъ котораго вышли и которымъ поддерживались
подобныя безчеловѣчія. Противная сторона поступила бы точно
такъ же, еслибы взяла верхъ, но разница въ томъ, что казни надъ
нѣмцами и русскими образованными людьми, какъ представите-
лями враждебныхъ старой Руси началъ, подвинули бы Россію не
впередъ, а назадъ на двѣсти лѣтъ. Когда Петръ спросилъ од-
ного стрѣльца (и даже не на пытѣ), что сдѣлали бы они въ
томъ случаѣ, еслибы ихъ предпріятіе удалось, то-есть еслибы
самъ царь или Лефорть попались къ нимъ въ руки, то стрѣ-
лецъ немедля отвѣчалъ: «Зачѣмъ меня объ этомъ спрашиваешь?
Самъ, чай, лучше можешь разсудить, что бы тогда было? Еслибы
счастіе не вмѣнило намъ и мы взяли бы Москву, то оставляя
въ сторонѣ подобныя допросы, какъ ненужныя, вапались бы
боярами (то-есть тѣми, которые были за реформу), да такъ,
что весьма было бы любо». Замѣчательно, что и Корбъ, расска-
завъ о безуспѣшномъ ходатайствѣ патріарха за пытаемыхъ
стрѣльцовъ, прибавляетъ отъ себя: «притворная обрядная набож-
ность не могла имѣть вліянія на точныя взгляды правосудія,
коими царь измѣрлялъ великость таковаго преступленія; *ибо теперь
было такое время, что для блаза всей Московіи не набожность,
но жестокость нужна была, и тотъ бы весьма погрѣшилъ, кто
бы такой способъ принужденія считалъ тиранствомъ, ежели съ
нимъ сопряжена справедливость, въ особенности когда члены*

государственного тѣла до того поражены болѣзнію и подвержены неизлечимому гніенію, что для сохраненія организма ничего не остается, какъ желѣзомъ и огнемъ уничтожить эти члены». Такъ распространено было въ то время въ Европѣ это «*леченіе организма огнемъ и желѣзомъ*» и такъ несомнѣннымъ казалось право государства прибѣгать подѣ часть къ самымъ истребительнымъ мѣрамъ... Вопросъ былъ поставленъ крайне рѣзко: Петръ, или стрѣльцы? застой и смерть или европейское развитіе? и, въ виду такой постановки вопроса, Петръ громилъ враговъ всѣми орудіями своего уголовного арсенала.

23-го іюля 1699 г. цесарское посольство имѣло торжественный выѣздъ изъ Москвы, и дальнѣйшія замѣтки Корба ведены имъ уже на возвратномъ пути въ Вѣну.

Къ дневнику приложенъ переводчиками алфавитный указатель всѣхъ именъ, «о которыхъ упоминается въ сочиненіи Корба» (такъ сказано въ предисловіи). Между этими именами встрѣтили мы имя нѣкоего *Семевскаго*. Какую должность исполнялъ этотъ Семевскій при Петрѣ I — указатель не извѣщаетъ. Не помогая ли онъ Корбу вести дневникъ на латинскомъ языкѣ? Отвѣтитесь, господа переводчики.

Мірѣ мошенниковъ. *Физиологія міра мошенниковъ.* Соч. Л. М. Моро-Кристофа. *Жизнь мошенниковъ — воровство, разбой, убійство. Языкѣ воровъ. Признаки, по которымъ узнаются мошенники: Ласенеръ, Картушъ и т. д.; ихъ кровавая походженія и изумительное хладнокровіе. Умный мошенникъ и воръ-невѣста и. Разряды мошенниковъ. Знаменитые неаполитанскіе каморристы.* Переводъ со втораго французскаго изданія. Л. и Д. М. 1867.

Были ли у первыхъ людей куры? Чтѣ явилось на свѣтъ прежде: курица или яйцо? молотокъ или наковальня? Эти и подобные имъ вопросы сильно интересовали въ былое время людей и доставляли обильную пищу для пререканій и размышленій. И дѣйствительно интересно: съ одной стороны курица могла произойти только изъ яйца, а съ другой — яйцо должно было быть снесено курицей. Но съ теченіемъ времени человечество, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, оставило эти любопытные вопросы и, удовольствовавшись тѣмъ, что курица несетъ яйца, а изъ яицъ рождаются куры, пользуется и тѣмъ и другимъ. Теперь рѣдко уже можно встрѣтить настолько глубокомысленнаго человѣка, чтобы его заботилъ вопросъ о первородствѣ курицы или яйца. Но извѣстно, что рѣдкими встрѣчами наиболѣе дорожать, и потому встрѣча съ книжкой Моро-Кристофа въ русскомъ переводѣ доставляетъ намъ несказанное удовольствіе. По образцово-безобразному русскому изданію, можно бы было думать, что внига Моро-Кристофа должна быть отнесена къ одной категоріи со «снотолкователями бѣлой магіи» и тому подобными книжками, издаваемыми на Толкучѣхъ въ Москвѣ. Но, хотя содержаніемъ своимъ «Мірѣ мошенниковъ» и недалеко ушелъ отъ

этихъ произведеній отечественной прессы, смѣшивать его съ ними нельзя, и именно потому, что онъ не есть продуктъ шарлатанства. Говоря языкомъ юристовъ, авторъ можетъ быть уличенъ только въ добросовѣстной неправдѣ, и, если и можно говорить объ его недобросовѣстности, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ виду своей любимой мысли игнорируетъ тотъ или другой фактъ, о который эта любимая мысль можетъ споткнуться; но и самое это игнорированіе можетъ быть результатомъ не недобросовѣстности, а нѣкоторой нелогичности автора. Надо замѣтить, что Моро-Кристофъ — бывшій главный инспекторъ тюремъ. По порученію правительства онъ ѣздилъ въ Англію, Бельгію, Голландію и Швейцарію съ специальною цѣлью изученія хода юстиціи и тюремныхъ системъ въ этихъ странахъ. Если прибавить къ этому, что онъ двадцать лѣтъ имѣлъ возможность наблюдать и изучать преступниковъ, то изо всѣхъ этихъ данныхъ можетъ быть построено очень величественный пьедесталъ для авторитета. Книга Моро-Кристофа имѣла значительный успѣхъ. Ко второму изданію ея авторъ догадался приложить лестные о ней отзывы Жюль-Жанена и многихъ другихъ представителей французской критики. Такимъ образомъ, не забываяте, читатель, что «Міръ мошенниковъ» отнюдь не долженъ быть смѣшиваемъ съ руководствами бѣлой магіи и сно толкователями. Эта замѣчательная въ своемъ родѣ книга написана въ опроверженіе романа В. Гюго «Les misérables», и первая глава ея, названная: «Преступленіе — отецъ, бѣдность — мать» начинается слѣдующими словами:

«Бѣдность — удивительное и тяжелое испытаніе, изъ котораго сильныя люди выходятъ великими, а слабыя — безчестными». Таковъ тема романа «Несчастные» — романа, шумъ котораго утихъ; но заблужденія проводимой въ немъ доктрины оставили въ умахъ слѣды, которые могли бы долго не изгладиться, еслибы тѣ, которые поняли эти заблужденія, не постарались истребить ихъ или, по крайней мѣрѣ, сгладить ихъ, уменьшить вліяніе ихъ. Во главѣ заблужденій книги В. Гюго стоитъ мнѣніе, по которому бѣдность служитъ почти единственнымъ побужденіемъ къ преступленіямъ.

Такъ-какъ намъ придется дѣлать изъ книги Моро-Кристофа въ русскомъ переводѣ выписки, причѣмъ читатель можетъ быть пораженъ мѣстами совершеннымъ безсмысліемъ цитатъ, то мы скажемъ сперва нѣсколько словъ о переводѣ. Отвратительные этого трудно бы было себѣ что-нибудь представить, еслибы москвовскіе и нѣкоторые петербургскіе издатели не держали насъ на этотъ счетъ въ черномъ тѣлѣ. Мы открываемъ книгу на удачу, на стр. 78-й, и находимъ слѣдующее: «Ликургъ изгонялъ изъ Лакедемона людей, казавшихся вредными для отечества; свое мнѣніе о нихъ основывалъ онъ на блѣдности ихъ лба и на зломъ ихъ характерѣ». Это слова Сен-Жюста, и Моро-Кристофъ приводитъ ихъ въ подтвержденіе своей мысли о зависимости между

нравственнымъ характеромъ челоуѣка и его внѣшними физиономическими, френологическими, хиромантическими и т. п. признаками. Во французскомъ оригиналѣ сказано: «Il est des hommes que Lycurgue eut chassés de Lacédémoine sur le sinistre caractère et la paleur de leur front». Значить, вопервыхъ, Ликургъ собственно даже не выгонялъ людей съ «блѣднымъ лбомъ», а вторыхъ, подъ «злымъ характеромъ» слѣдуетъ разумѣть зловѣщее выраженіе лица. Открываемъ далѣе, стр. 5-ю, и читаемъ: «Здѣсь убѣжище наивности. Всѣ грязности цивилизаціи поглощаются этою ямою истины. Онѣ поглощаются; но не скрываются, а выказываются» и т. д. Что сей сонъ значить? Довольно, однако, тѣмъ болѣе, что было бы даже обидно, еслибы «Миръ мошенниковъ» былъ переведенъ хорошо, какъ и вообще обидно видѣть блестящую отдѣлку безобразной сущности. Теперь мы можемъ думать, что таинственные переводчики, скрывающіеся подъ литерами Л. и Д. — люди безграмотные, и потому пропаганда идей бывшаго главнаго инспектора тюремъ, Моро-Кристофа, не набрасываетъ на нихъ особенно неприличной тѣни: они не вѣдали, что переводили. А переводили они вотъ что:

Моро-Кристофъ прежде всего старается опровергнуть взглядъ В. Гюго на бѣдность, какъ на побудительную причину преступленій. Онъ, собственно говоря, и самъ понимаетъ, что бѣдность, по крайней мѣрѣ иногда, можетъ быть причиною преступленія, главнымъ образомъ воровства, но ему хочется довазвать, что преступленіе старше бѣдности, однимъ словомъ, возобновить споръ о первородствѣ курицы или яйца. Въ русскомъ переводѣ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Когда бѣдный воруетъ, то причина этого не въ бѣдности, а въ испорченности его. «Бѣдность не порокъ» — пословица, которая тогда только перестаетъ быть справедливою, когда бѣдность есть послѣдствіе порока. Тогда бѣдность, дочь порока, дѣлается его матерью въ свою очередь; тогда все, что отъ нея происходитъ, отъ нея заражено; заражено, порочно. Но все-таки не бѣдность рождаетъ пороки, а, напротивъ, порокъ безчеститъ бѣдность; благодаря ему, бѣдность рождаетъ дѣтей, подобныхъ отцу, порочныхъ». Не ясно-ли, что это возродившійся, какъ фениксъ изъ пепла, вопросъ о курицѣ и объ яйцѣ? Простой смертный, не зараженный глубокомысліемъ, видитъ очень опредѣленную связь, существующую между происхожденіемъ курицы и происхожденіемъ яйца, и пользуется этою связью для своихъ практическихъ цѣлей. Для челоуѣка глубокомысленнаго этого мало, но за то, по выраженію нынѣ чествуемаго баснописца нашего И. А. Крылова — «философъ — безъ огурцовъ». Простой смертный и въ вопросѣ о зависимости между бѣдностью и преступленіемъ, довольствуется несомнѣннымъ фактомъ существованія такой зависимости и сообразно съ этимъ располагаетъ, если не дѣйствія свои (потому что руки коротки), то, по крайней-

мѣръ, свои теоретическія настроенія, свои желанія и идеалы. Простой смертный разсуждаетъ такъ: если бѣдность и пороги идутъ всегда рука объ руку (съ чѣмъ согласенъ и Моро-Кристофъ), то всякое измѣненіе въ экономическомъ строѣ должно отразиться и на нравственномъ характерѣ людей; слѣдовательно, если общество не желаетъ уподобиться «философу» и остаться «безъ огурцовъ», то оно должно озаботиться объ измѣненіи въ извѣстномъ смыслѣ нѣкоторыхъ экономическихъ условій, а трактовать о первородствѣ курицы или яйца, значить толочь воду. Это-то плодотворное и поучительное занятіе и избралъ для себя Моро-Кристофъ. Чтобы доказать свою мысль, бывший главный инспекторъ тюремъ обращается, между прочимъ, и къ статистикѣ, при чемъ обнаруживается, впервахъ, незнакомство съ самыми элементарными статистическими приемами, а ввторыхъ, либо крайнюю недалковидность, либо не менѣе крайнюю недобросовѣстность — альтернатива довольно печальнаго свойства. Такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, большинство преступленій противъ собственности совершается отнюдь не бѣдняками, и что намъ это кажется только потому, что бѣдняковъ больше вообще, а слѣдовательно, и абсолютное большинство бѣдняковъ-преступниковъ ничего не доказываетъ. То же самое отношеніе, говоритъ онъ, существуетъ между жителями селъ и городовъ. Первые совершаютъ гораздо больше преступленій, но неужели это происходитъ оттого, что сельскіе жители безнравственнѣе горожанъ? Насколько. Причиною этому то, что они гораздо многочисленнѣе. Но однако, кто же болѣе склоненъ къ преступленію — сельскій житель, или горожанинъ? Моро-Кристофъ, самъ задавшій себѣ этотъ вопросъ, такъ и оставляетъ его безъ отвѣта. Онъ, по-видимому, и не подозреваетъ, что для рѣшенія подобныхъ вопросовъ статистическимъ путемъ, существуетъ очень простой и извѣстный всякому школьнику приемъ. Именно, берется определенное число, напримѣръ, 1,000 горожанъ, и столько же сельскихъ жителей, и на основаніи извѣстныхъ: числа всѣхъ горожанъ и всѣхъ сельскихъ жителей съ одной стороны, и всего континента преступниковъ, даваемого тѣми и другими съ другой — составляется пропорція, дающая въ результатѣ исомый отвѣтъ. Если Моро-Кристофъ пожелалъ прибѣгнуть къ статистикѣ, для рѣшенія занимающаго его вопроса о зависимости между матеріальнымъ благосостояніемъ и степенью преступности, то онъ долженъ бы былъ употребить тотъ же самый приемъ.

Статистическія данныя, выдвигаемыя Моро-Кристофомъ въ качествѣ доказательствъ основной его мысли, сгруппированы весьма немскусно, и всѣ его соображенія по этому поводу представляютъ нѣкоторый карточный домикъ, разсыпавшійся въ прахъ отъ прикосновенія самаго поверхностнаго анализа. Статистическіе выводы вообще требуютъ крайней осторожности, потому что, не говоря уже о молодости статистики и недостаткѣ фактовъ по многимъ ея отдѣламъ, даже и при обиліи данныхъ по какому-

нибудь специальному вопросу, например, по нравственной статистикѣ, легко упустить что-нибудь изъ виду. Въ особенности легко это для человѣка въ родѣ Моро-Кристофа, принимающагося за работу съ предвзвѣтой мыслию. Такъ изъ того факта, что въ наиболѣе богатыхъ департаментахъ совершается наибольшее количество преступленій противъ собственности, онъ выводитъ свое любимое заключеніе, что воровство не есть результатъ бѣдности. При этомъ Моро-Кристофъ забываетъ, что въ самыхъ богатыхъ департаментахъ, вообще въ центрахъ скопленія капитала, богатства, вслѣдствіе существующихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, распределены наименѣе правильно. Лондонъ, кажется, на что богатый городъ, а въ немъ, какъ видно изъ статистики Кольба, 60,000 нищихъ, 80,000 публичныхъ женщинъ, и $\frac{1}{85}$ часть лондонскаго населенія не имѣетъ *никакихъ постоянныхъ средствъ къ существованію*. Кромѣ того наблюдательнаго инспектора тюремъ не хватило на очень незамысловатое наблюденіе: изъ бѣдныхъ странъ люди въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, уходятъ на заработки въ болѣе богатые уголки, и тамъ увеличиваютъ собою массу преступленій противъ собственности, уменьшая ее тѣмъ самымъ у себя на родинѣ, гдѣ остаются главнымъ образомъ старики, дѣти, женщины, менѣе способные къ преступленіямъ. Кстати о способности къ преступленіямъ. Моро-Кристофъ говоритъ: «Наибольшее число преступленій противъ собственности и вообще всякаго рода преступленій совершается въ такомъ возрастѣ, когда преступникъ владѣетъ всѣми силами тѣла, ума и воли; однимъ словомъ, всѣми средствами къ честной жизни, то-есть въ возрастѣ до 30-ти лѣтъ». Это еще болѣе утверждаетъ Моро-Кристофа въ той мысли, что преступленіе есть результатъ единственно безнравственности. Онъ не замѣчаетъ, что эти средства къ честной жизни суть вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ совершенію преступленій. Старикъ, ребѣнокъ, женщина, не пойдутъ грабить уже просто потому, что имъ это не подѣ силу; но если человѣкъ «со всѣми силами тѣла, ума и воли» не найдетъ этимъ силамъ честнаго пристанища, то понятно, что онъ сдѣлается самымъ опаснымъ врагомъ общества. Любопытно также слѣдующее соображеніе Моро-Кристофа: «Въ Лондонѣ — говоритъ онъ — подвергаются кражѣ 43 категорій предметовъ разнаго рода; только въ 13-й категоріи мы встрѣчаемъ съѣстные припасы, служащіе предметомъ воровства, и то только предметы роскоши, а не предметы первой необходимости; а именно: говядину, живности, дичь, ветчину, сосиски, сыръ и проч., потомъ, очень далеко, въ 30-й категоріи встрѣчаемъ сахаръ, чай, кофе, пиво, вино... Хлѣбъ же относится къ 43-й, то-есть къ послѣдней категоріи. «Еслибы — разсуждаетъ Моро-Кристофъ — воръ воровалъ только изъ-за голода, такъ онъ непременно ухватился бы за хлѣбъ, а не за говядину, а такъ-какъ этого нѣтъ, то воръ, значить, не олодный человѣкъ, а чревоугодникъ». Аргументъ неопровержимый;

но, въ сожалѣнію, надо^е признать въ такомъ случаѣ чревоугодниками даже и честныхъ людей, въ родѣ самаго Моро-Кристофа, потому что и онъ, вѣроятно, утоляетъ свой голодъ охотнѣе говядиной, чѣмъ хлѣбомъ. Моро-Кристофу кажется, что въ «мирѣ мошенниковъ» должны существовать не только своеобразныя нравственныя правила, но и совершенно особенная логика, повинувшаяся которой, голодный воръ, если передъ его носомъ и лежитъ кусокъ говядины, долженъ тщательно обойти его и ждать, пока представится случай набѣсть хлѣбомъ...

Мы не будемъ слѣдить за всѣми курьезными частностями книги Моро-Кристофа, хотя тутъ разсыпаны перлы сообразительности, напримѣръ, по вопросу о вредѣ образованія и т. п. Мы взглянемъ на логику Моро-Кристофа только въ общихъ чертахъ, такъ сказать, à vol d'oiseau. Почтенный авторъ любитъ черпать свои доводы изъ статистики — какъ онъ ихъ черпаетъ, мы видѣли. При этомъ надо замѣтить, что въ этой области онъ придерживается того односторонняго и фаталистическаго направленія, которое мѣстами проглядываетъ даже у основателя математической школы Кетле, и получило особенное развитіе у нѣкоторыхъ изъ его неумѣлыхъ послѣдователей. Моро-Кристофъ полагаетъ цифры, выражающія собой количественное и качественное движеніе преступленій, неизмѣнными. «Сама природа—говоритъ онъ—выбѣжала дно для этого моря и запретила разливаться волнамъ его». Слѣдовательно, какихъ ни измышляй пружинъ, — будутъ-ли этими пружинами великія соціальныя реформы, распространеніе просвѣщенія или усиленіе репрессіи — количество преступленій будетъ вѣчно одно и то же. Далѣе, Моро-Кристофъ физиономистъ, френологъ, даже хиромантъ и только что не вѣруеть въ «планяду», слѣдовательно опять-таки фаталистъ. Если у меня сильно развиты шишка воровства, да еще при томъ на бѣду «черные глаза съ голубоватымъ бѣлкомъ, сверкающіе какъ глаза юной женщины» (признаки жадности), такъ ужъ вѣдь я непременно былъ, есть и буду воромъ; «если, вмѣсто того, чтобы быть скрытымъ вначалѣ, между безымяннымъ пальцемъ и мизинцемъ, кольцо Венеры скрывается на коню этого послѣдняго пальца, то этимъ указывается та гибельная страсть, которая для своего насыщенія употребляетъ грубость, ложь, воровство». Словомъ, «провидѣніе наложило на каждое ничтожное существо типъ особенности, не особенно впрочемъ ясный, потому что, напримѣръ, рыжіе волосы означаютъ «чрезвычайную доброту или непомерную злость», но это не бѣда: маленькія неприятели не должны мѣшать большимъ удовольствіямъ. Эти два основныя положенія Моро-Кристофа — о неизмѣнности изъ года въ годъ относительнаго ко всему населенію количества преступленій и о томъ, что судьба внѣшнимъ образомъ отмѣтила «мошенниковъ», наложила на нихъ канновскую печать отверженія — оба эти положенія ведутъ прямымъ путемъ къ безусловной невѣяемости преступленій. Такъ и дѣлаютъ послѣдовательныя статистики-фаталисты и френологи

(хироманты и вѣрующіе въ «планиду» что-то повывелись). Но въ головѣ Моро-Кристофа фатализмъ, какимъ-то неудобопонятнымъ путемъ, связывается съ ненавистью къ такъ-называемымъ «смягчающимъ обстоятельствамъ». Онъ крайне недружелюбно относится къ этому «заблужденію закона» и требуетъ усилена репрессивныхъ мѣръ. Вотъ она гдѣ, своеобразная-то логика...

Рыжіе волосы означаютъ чрезвычайную доброту или непомѣрную злость — таковъ одинъ изъ плодовъ двадцатилѣтнихъ наблюдений и размышлений. Удивленія достойно, какъ при такой массѣ доступныхъ фактовъ Моро-Кристофъ не сумѣлъ сдѣлать рѣшительно ничего. За то книга его пересыпана разными анекдотами, то трагическими, то забавными. Такъ онъ рассказываетъ объ одномъ «обычномъ посѣтителѣ прюта разврата», который однажды въ драгѣ получилъ ударъ палкой по затылку (гдѣ помѣщается органъ плотской любви) и пороки котораго съ этого самаго момента исчезли на всегда. Къ тому же результату привелъ случайный ушибъ затылка одну даму, отличавшуюся до этой катастрофы эротическими наклонностями. Странно, что Моро-Кристофъ, основываясь на этихъ разсказахъ, не сдѣлалъ открытія, которое по истинѣ могло бы облагодѣтельствовать человечество. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ для исправленія безнравственныхъ людей употреблялась главнымъ образомъ палка и не сдѣлала ничего или по крайней мѣрѣ слишкомъ мало. Такая несостоятельность палки обуславливается, безъ всякаго сомнѣнія, отсутствіемъ цѣлесообразности въ ударахъ: слѣдуетъ бить вовсе не по спинѣ и не ниже спины. Та же палка, въ соединеніи съ френологическими познаніями, должна произвести чудеса. Стоитъ только треснуть хорошенько вора по шишкѣ воровства, и онъ мгновенно превратится въ честнѣйшаго человѣка, хотя сейчасъ его сажаи въ главные инспекторы тюремъ, даже безъ жалованья.... Война исчезаетъ. Или вѣрнѣе остается только нѣкоторое пособие ея: враждебныя арміи сходятся, вооруженныя не вгольчатыми ружьями какими-нибудь, а единственно палками и курсами френологіи; солдаты норовятъ бить своихъ противниковъ по шишкѣ храбрости, вслѣдствіе чего всѣ разбѣгаются безъ малѣйшаго кровопролитія... Однимъ словомъ, возвращаются времена Аркадіи. На свѣтѣ нѣтъ никого, кромѣ главныхъ инспекторовъ тюремъ, да и тѣхъ собственно говоря нѣтъ, потому что тюрьмы пусты. И такое-то благодворное открытіе Моро-Кристофъ упустилъ, такъ-сказать, изъ-подъ носу!... Можетъ быть, впрочемъ, онъ беретъ свою собственную голову, на которой по всей вѣроятности френологическія палки должны были бы пробарабанить салютъ въ честь великаго открытія. Опять напоминаемъ, что книга Моро-Кристофа есть плодъ двадцатилѣтнихъ наблюдений и размышлений автора, и что ее отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ руководствами бѣлой магіи отечественной фабрикаціи. Послѣ этого, какъ вы полагаете, читатель, какая шишка особенно развита на головѣ Моро-Кри-

стофа? И почему русскіе переводчики не сдѣлали прибавленія о шибгѣ на носу алжирскаго бея?

Замѣчательные процессы. *Собраніе юридическихъ статей разныхъ иностранныхъ авторовъ. Изданіе книжпродавца М. О. Вольфа. 1868.*

Подобные сборники, если только они не составляютъ спеціального періодическаго изданія, могутъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда процессы подобраны болѣе или менѣе однородные, имѣющіе общія точки въ личности ли преступника, или въ самомъ преступленіи, въ способѣ совершенія его, въ ходѣ дѣла и т. н., или вообще, когда процессы расположены такъ, что для читателя становятся возможными выводы и сравненія. Лежащій передъ нами сборникъ составленъ очевидно совершенно случайно. Въ немъ перепечатаны четыре уголовные процесса изъ покойнаго «Заграничнаго Вѣстника», гдѣ они были совершенно у мѣста, потому что всѣ они болѣе или менѣе интересны. Но, во первыхъ, если издатель и имѣлъ въ виду доставить публикѣ только занимательное чтеніе, то можно бы было найти и болѣе интересные факты изъ европейской уголовной практики; а вторыхъ, интересъ перепечатанныхъ процессовъ до такой степени разнообразенъ, что трудно сообразить — почему они очутились въ одной и той же оберткѣ въ видѣ отдѣльной книги. Австрійскій почтамтскій чиновникъ, Калабъ, укравшій впродолженіе многихъ лѣтъ болѣе 200,000 писемъ; знаменитый Джонъ Браунъ, повѣшенный за дѣло аболіціонизма, можно сказать, наканунѣ полнаго торжества своей идеи; сыновья, истащившіе за убійство отца, и священникъ, нарушившій тайну исповѣди; ость-индскій генерал-губернаторъ Уарренъ Гастингсъ, судившійся за произволь и варварское обращеніе съ индійцами — таковы разнообразныя дѣйствующія лица процессовъ, напечатанныхъ въ сборникѣ.

Гражданская община античнаго міра. *Исслѣдованіе о богослуженіи, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстель де-Куланжа, профессора исторіи въ стразбургскомъ филологическомъ факультетѣ, утънчанное французской академіей. Переводъ Е. Корша, дозволенный авторомъ. Изданіе К. Солдатенкова. М. 1867.*

Библіотека историко-политическихъ наукъ. Древнее общество. *Обзоръ культа, права и учреждений Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстель де-Куланжа, профессора исторіи въ стразбургскомъ университетѣ. Переводъ Н. А. Бабкина. СПб. 1867. Изданіе Н. И. Ламанскаго.*

«Взгляните на учрежденія древнихъ, помимо ихъ вѣрованій: вы найдете ихъ темными, странными, необъяснимыми. Зачѣмъ эти патріци и плебеи, эти патроны и кліенты, эти эвнатриды и сети, и откуда тѣ коренныя, неважными разности, какія мы

встрѣчаемъ у этихъ классовъ? Что значать эти лакедемонскія учрежденія, которыя, кажется, такъ противны природѣ? Какъ объяснить себѣ вопиющія причуды древняго частнаго права: въ Коринѣ, въ Фивахъ, на примѣръ—запрещеніе продавать землю; въ Афинахъ, въ Римѣ—неравенство наслѣдства между братомъ и сестрой? Что разумѣли правовѣды подъ именемъ агнаціи, что подъ именемъ рода (gens)? Отчего произошли эти перевороты въ политикѣ? Что это былъ за странный патріотизмъ, изглаживавшій иногда всѣ естественныя чувства? Что разумѣлось подъ именемъ свободы, о которой толковали на каждомъ шагѣ? Какимъ образомъ могли установиться и долго господствовать учрежденія, столь далекія отъ всего, что постижимо для насъ нынѣ? Какое высшее начало придало имъ власть надъ человѣческимъ умомъ? *Но съ этими учрежденіями и законами сопоставьте вѣрованія—факты тотчасъ выяснятся, и истолкованіе ихъ представится вамъ само собой.*

Подчеркнутыя нами слова составляютъ основную мысль книги Фюстель де-Куланжа. Мысль проведена во всей книгѣ съ замѣчательною послѣдовательностью. Древняя семья, бракъ, неравенство между сыномъ и дочерью, родство, право собственности, право наслѣдства, предѣлы отеческой власти, городское устройство, весь строй, всѣ учрежденія, все частное право классическаго міра,—все это вытекаетъ для автора изъ древнихъ вѣрованій, все объясняется исключительно ими. Но именно это послѣдовательность и составляетъ недостатокъ книги Фюстель де-Куланжа, какъ «учебнаго пособия для преподавателей и учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ», какъ рекомендуетъ ее одинъ изъ русскихъ издателей, г. Ламанскій. Общественный строй находится всегда подъ влияніемъ такого множества и такихъ разнообразныхъ фактовъ, что свести ихъ къ одному какому-нибудь, несмотря на заманчивость такой задачи, есть дѣло буквально невозможное. А между тѣмъ, подобное обобщеніе до такой степени привлекательно вообще и, въ частности, натяжки и объясненія Фюстель де-Куланжа, по болѣе части, такъ удачны, что преподаватели и учащіеся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невольно могутъ увлечься грандіозностью обобщенія. Самыя вѣрованія, которыя Фюстель де-Куланжъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ всего классическаго міра, очевидно обуславливаются извѣстными физическими дѣятелями. Но для Фюстель де-Куланжа почва, климатъ, географическое положеніе Греціи и Рима какъ-бы не существуютъ, онъ не говоритъ объ нихъ ни слова. Поэтому для него вѣрованія и являются первичною причиною, исходною точкою античной жизни. Съ другой стороны, тѣ же физическіе дѣятели, наряду съ вѣрованіями, порождаютъ извѣстныя экономическія условія, которыя также имѣютъ громадную долю вліянія и на которыя Фюстель де-Куланжъ также не обращаетъ никакого вниманія. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы восполь-

зоваться всѣми факторами древней общественной жизни, авторъ совершенно произвольно выбираетъ только одинъ изъ нихъ правда очень сильный. Вслѣдствіе этого взгляды его не могутъ не страдать односторонностью. А такъ-какъ выводы его такъ ясны, именно благодаря этой односторонности, потому что онъ игнорируетъ цѣлыя категоріи фактовъ, то книгой Фюстель де-Куланжа слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью, хотя пользоваться ею и не мѣшается. Впрочемъ, произвольность нѣкоторыхъ выводовъ Фюстельде-Куланжа очевидна. Вотъ, напримеръ, какинъ образомъ объясняетъ онъ происхожденіе класса плебеевъ: «религія не распространилась проповѣдью; родившись въ той или другой семьѣ, она и оставалась въ ней какъ-бы замкнута; надо было каждому семейству создать себѣ свое вѣрованіе, своихъ боговъ, свой культъ. Но мы должны допустить, что въ эти столь далекія отъ насъ времена, было множество такихъ семействъ, у которыхъ не достало духовной силы создать себѣ боговъ, опредѣлить вѣрученіе, установить культъ, взобрѣсть гимны и придумать рѣчь молитвы. Семьи эти естественно остались въ болѣе низкомъ быту сравнительно съ тѣми, у которыхъ была (стройная) религія, и не могли слиться съ ними воедино: онѣ не вошли ни въ курии, ни въ гражданскую общину... Должно было случиться и то, что провинившіеся или слишкомъ разобщенные члены побѣдали иногда семью и отступались отъ ея религіи... Весь этотъ людъ, исключенный изъ религиозныхъ семей и отрѣшенный отъ культа, вступалъ въ классъ бездомныхъ, безогнищныхъ, то-есть именно въ классъ плебеевъ». Такихъ натяжекъ въ книгѣ Фюстель де-Куланжа очень много. Есть также пропуски, которые были бы необъяснимы, еслибы авторъ не специализировалъ своей задачи и тѣмъ не отказался отъ оцѣнки множества явленій древней общественной жизни. Такъ напримеръ, онъ умалчиваетъ о томъ презрѣніи, которое древніе нитали къ промышленности, а вообще о состояніи промышленности въ Греціи и Римѣ, и это тѣмъ болѣе странно, что онъ самъ говорить: «Мы особенно стараемся выставить тѣ коренныя и существенныя разности, какими древніе народы всегда будутъ отличаться отъ новыхъ обществъ». Вопросъ о трудѣ представляетъ именно такой пунктъ, на которомъ особенно рѣзко обозначается отличіе древнихъ обществъ отъ новыхъ, а Фюстель-Куланжъ его-то и обходитъ. Кстати приведемъ здѣсь любопытное мнѣніе Фюстель-Куланжа о классическомъ образованіи: «Благодаря системѣ нашего воспитанія — говорить онъ — переносящей насъ съзвѣдства въ среду грековъ и римлянъ, мы постоянно навикаемъ приравнивать ихъ къ себѣ, судить объ исторіи ихъ по нашей, и объяснять наши перевороты ихними... Свобода новѣйшихъ народовъ подвергалась опасности изъ-за того, что заблуждались насчетъ значенія свободы у древнихъ. Послѣднія восемьдесятъ лѣтъ французской исторіи показали ясно, что одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ прогрессу но-

ваго общества — привычка его всегда имѣть передъ глазами греческую и римскую древность»...

Сила человѣка, за все время исторіи человѣческаго рода, вслѣдствіе разныхъ гнетущихъ условий, еще ни разу не развертывались во всей своей полнотѣ. Общества развивались односторонне въ одномъ какомъ нибудь направленіи, причемъ одна сторона человѣческаго духа развивалась насчетъ другихъ, которыя оставались въ зачаточномъ состояніи; но тѣмъ не менѣе онѣ существовали и оказывали свое вліяніе. Задача историка въ томъ именно и состоитъ, чтобы опредѣлить значеніе этихъ подавленныхъ элементовъ по отношенію къ выдающейся чертѣ той или другой цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія книга Фюстель-Куланжа не представляетъ особенныхъ достоинствъ, но она можетъ быть небезполезна, если читатель будетъ имѣть постоянно въ виду ея односторонность.

Переводъ г. Корша недуренъ, но переводчикъ почему-то не любитъ общеупотребительныхъ словъ, и говорить *новшество* вмѣсто — нововведеніе, *порука* вмѣсто — разрушеніе, *урляжаться* вмѣсто — уставиваться, учреждаться, *изначала* вмѣсто — сначала, *ссора* вмѣсто — ссора, *справа* вмѣсто — управленіе и т. п. Этими же стремленіемъ къ оригинальности объясняется и заглавіе московскаго изданія книги Фюстель-Куланжа. Что же касается до изданія г. Ламанскаго, то оно отличается тѣми же достоинствами, какія указаны въ первой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ», относительно всей пресловутой «библіотеки историко-политическихъ наукъ».

Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ Джона Гершеля. *Перев. съ англійскаго проф. моск. унив. С. Рачинскаго.*

Предметы «Простыхъ бесѣдъ» весьма разнообразны, такъ что ихъ нельзя разсматривать, какъ нѣчто вполне цѣлое; это скорѣе сборникъ статей по разнымъ предметамъ, могущимъ занять умъ образованнаго человѣка. Дѣйствительно, въ числѣ четырнадцати бесѣдъ, составляющихъ содержаніе книги, три первыя: о «землетрясеніяхъ и вулканахъ», о «солицѣ», о «кометахъ», были читаны авторомъ передъ деревенскою публикою, а всѣ остальные были въ разное время читаны въ литературныхъ и ученыхъ обществахъ, или напечатаны въ журналахъ. По самой цѣли, съ какою были составлены нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ, можно судить, что онѣ вполне доступны для читателей и не обладающихъ математическими свѣдѣніями. Но нельзя этого же связать обо всѣхъ, хотя всѣ онѣ и написаны живымъ и образнымъ языкомъ, и принадлежать къ числу тѣхъ истинныхъ популяризацій, гдѣ имѣется въ виду подѣйствовать не на одно воображеніе читателя, а пробудить въ дѣятельности и умъ его, въ чемъ мы лучше убѣдимся изъ частнаго обзора отдѣльныхъ бесѣдъ. Съ тѣми геологическими ачалами и взглядами на образованіе, строеніе и способъ дѣйствія вулкановъ, какіе авторъ проводитъ въ первой бесѣдѣ о

«вулканахъ и землетрасеніяхъ», наши читатели, слѣдшіе за популяризацией по естествознанію, вѣроятно, уже болѣе или менѣе знакомы, такъ-какъ ничего особенно новаго въ нихъ нѣтъ. Здѣсь они найдутъ только лучшее и болѣе простое изложеніе предмета. Главная же цѣль автора этой бесѣды—дать понятіе читателю о той гармоніи, въ которой находится вулканы и землетрасенія съ общимъ хозяйствомъ природы, включая тутъ и человѣка.

Въ бесѣдѣ своей «о солнцѣ» авторъ упоминаетъ о разныхъ теоріяхъ, смѣнявшихъ одна другую, о видѣ, составѣ солнца и происхожденіи теплоты. Читатель, конечно, принужденъ будетъ принять иное на вѣру, но таковъ ужъ предметъ бесѣды, что при краткомъ и популярномъ изложеніи, трудно избѣжать этого. Но вопросъ о солнцахъ столь интересенъ и близокъ къ нашему благосостоянію, что постоянно, такъ или иначе, занималъ и будетъ всегда занимать воображеніе и умъ человѣка, такъ-какъ солнце источникъ всей жизни на землѣ, и съ временнымъ гипотетическимъ исчезновеніемъ его рухнула бы настоящій порядокъ во всемъ планетномъ мірѣ, также какъ съ временнымъ исчезновеніемъ его свѣта замерла бы всякая жизнь на землѣ. Въ послѣднее время, особенно при успѣхѣ спектральнаго анализа, явилось не мало различныхъ теорій по отношенію къ составу и виду солнца. Наша публика знакома отчасти съ ними по статьямъ, печатавшимся въ «Натуралистѣ».

Бесѣда, подъ названіемъ «кометы», представляетъ весьма понятный интересъ, такъ-какъ появленіямъ кометъ даже и до сихъ поръ навязывается невѣжествомъ значеніе какихъ-то грозныхъ предвѣстниковъ общественныхъ бѣдствій, войнъ, эпидемій, а порою даже и разрушенія нашей планеты. Въ возможности послѣднѣго далеко еще не разубѣждены чesма многие, даже изъ числа такъ-называемыхъ людей образованныхъ. Но и самой наукѣ стоило немало труда и времени подведеніе подъ строгіе законы движенія этихъ, повидному, безцѣльно и безъ пути блуждающихъ свѣтилъ. Теперь мы ждемъ появленія ихъ въ заранѣе указанный астрономами день и часъ и даже можемъ совершенно освободиться отъ того страха, въ какомъ была не такъ давно Европа, ожидая столкновенія одной изъ такихъ кометъ съ землею, въ точкѣ пересѣченія ея пути съ земнымъ (эклиптикой). Читатель найдетъ у автора изложеніе въ главныхъ чертахъ историческаго хода вопроса о кометахъ; увидитъ, какъ мало по малу ученые выходили изъ туманной области гаданій и вооруженные болѣе совершенными инструментами и математическими вычисленіями, могли наконецъ предсказывать время ихъ появленія, опредѣлять ихъ пути и отклоненія, какому онѣ подвергались въ томъ и другомъ своемъ положеніи отъ вліянія такихъ планетъ.

Просматривая оглавленіе бесѣды, читатель, вѣроятно, не оставитъ безъ вниманія и бесѣду IV-ю «о погодѣ и ея предвѣстникахъ», но не всякій читатель найдетъ то, что онъ ожидаетъ.

Всякій хочеть знать впередъ о погодѣ и ищетъ въ природѣ признаковъ, которыхъ можно было бы признать за предвѣстниковъ вѣдра или дожда. Но какъ часто обманываютъ наши обыденные предвѣстники, и не потому, чтобы они были въ самомъ дѣлѣ ложны, нѣтъ, а потому только, что выводы наши сдѣланы только на случайныхъ совпаденіяхъ и эти предвѣстники остаются въ нашихъ неумѣлыхъ рукахъ почти сырымъ матеріаломъ. Подвести ихъ болѣе или менѣе подъ точные законы выпало уже на долю науки. Но хотя наука пользовалась въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, тѣмъ же способомъ, какъ и мы: наблюденіями, но она ихъ вела далѣе насъ, въ ея рукахъ ихъ было болѣе, да къ тому жъ она оперлась на многія свѣдѣнія, какія ей могли дать механика, химія, физика. Такимъ образомъ утвердилась наука метеорологія, хотя еще и очень юная. Въ послѣднее время расплодилось много указателей погоды, и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ календарей встрѣчаются предсказанія и вычисленія на цѣлый годъ, но этимъ указаніямъ довѣрять не слѣдуетъ. Читатель въ этой главѣ не найдетъ такихъ календарныхъ указаній, но за то найдетъ умно и понятно изложенную картину того значенія, какое играетъ въ природѣ атмосфера. Здѣсь онъ найдетъ описаніе ея движеній, законовъ послѣднихъ и краткое указаніе на тѣ рациональные способы, какими можно дойти до пониманія, что и въ этой, повидямому, наиболѣе своеобразной средѣ, повсюду царствуетъ законность и порядокъ; найдетъ также указанія, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ довѣряться разнымъ предвѣстникамъ погоды.

Бесѣда «объ измѣреніяхъ и взвѣшеніяхъ» даетъ намъ понятіе о тѣхъ громадныхъ трудахъ и средствахъ, какіе наука прилагала къ изученію области звѣзднаго міра, и даетъ болѣе конкретное понятіе о громадности разстояній и силъ, дѣйствующихъ въ области этого міра. Къ слову «безконечное» человекъ болѣе или менѣе привыкъ, онъ распространилъ его на многія повятія о вещахъ и силахъ, которыхъ онъ не могъ измѣрять, или размѣры которыхъ его поражали; но только встрѣчая въ астрономическихъ вычисленіяхъ билліоны, триліты, онъ осязательно чувствуетъ дѣйствительную громадность міра. Въ этой главѣ читатель вратцѣ познакомится съ способами измѣренія и взвѣшивания въ ихъ историческомъ развитіи, какъ они прилагались къ солнечному и звѣздному мірамъ. Свѣту посвящены авторомъ три бесѣды, сюда же можно причислить XIII-ю бесѣду «о прохожденіи свѣта сквозь окрашенныя срединны». Въ бесѣдѣ «о свѣтѣ» читатель не найдетъ описанія различныхъ свѣтовыхъ фокусовъ, какими нѣкоторые изъ популяризаторовъ думаютъ занять публику, непривыкшую къ серьезному чтенію, а иногда и выдаютъ смѣло свои фантазіи за истинную науку. Нѣтъ здѣсь и описаній «фаты-морганы» и тому подобныхъ *замысловатыхъ* явленій природы, но за то есть простое, послѣдовательное изложеніе основныхъ явленій, на которыхъ мы знакомимся ближе съ такимъ великимъ дѣятелемъ, каковъ свѣтъ, и можемъ строить умозаключе-

ченія для объясненія множества другихъ. Знакомы читателямъ съ отраженіемъ, преломленіемъ, свѣто-разсѣяніемъ, цвѣтностью, поглощеніемъ, облегчая это знакомство аналогіями, хотя по необходимости часто довольно грубыми, но насколько ближе и наглядно разъясняющими описываемое явленіе, авторъ переходитъ затѣмъ къ изложенію теорій свѣта. Онъ излагаетъ подробно, какъ единственно заслуживающія вниманія, только двѣ: теорію истеченія Ньютона и теорію волненія Гюйгенса. Опирается на явленія интерференціи и диффракціи, а затѣмъ въ слѣдующей бесѣдѣ на двойное преломленіе и поляризацию свѣта, прилагая къ этимъ явленіямъ ту и другую теорію, онъ даетъ читателю возможность убѣдиться въ томъ, почему въ настоящее время отдано предпочтеніе теоріи Гюйгенса. Бесѣды о свѣтѣ наиболѣе полны и представляютъ собою стройное цѣлое, а для ищущихъ здороваго чтенія, не засоряющаго голову только массой свѣдѣній, онѣ покажутся весьма интересными и полезными. Читателей, мало привычныхъ къ чтенію сочиненій этого рода, могутъ однакоже затруднить описанія такихъ опытовъ, какъ, напримѣръ, опытъ Фуко, и другіе по недостатку рисунковъ и затѣмъ самое изложеніе явленій двойнаго преломленія и поляризаціи. Не говоря уже о многихъ новыхъ термінахъ, здѣсь представить затрудненіе самая сущность предмета для не видавшаго на опытъ описываемыхъ явленій, хотя бы и внимательно слѣдившаго за изложеніемъ предмета въ предыдущихъ бесѣдахъ. Въ бесѣдѣ «о поглощенія свѣта окрашенными средами» сдѣлано наиболѣе ясное и наглядное сближеніе теоріи волненія свѣта съ таковою же теоріей звука. Въ бесѣдѣ «о субъективномъ зрѣніи» рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ глазу, являющихся нашему вниманію, повидимому, безъ всякой причины. Таково помянутое разныхъ узоровъ, давно забытыхъ образовъ, лицъ и ландшафтовъ. Факты эти, повидимому, указываютъ на точки соприкосновенія между нашею умственною и тѣлесною организаціею, но ни попытки физиологій объяснить ихъ вліяніемъ притока крови къ свѣтчатой оболочкѣ, ни попытки психологій — путемъ ассоціаціи идей не разъяснили намъ еще характера этихъ явленій и упомянутой связи.

Бесѣда «о ярдѣ, маатникѣ и метрѣ» написана авторомъ по поводу предложенія въ парламентъ ввести французскія мѣры въ общее употребленіе, что сдѣлано и у насъ, хотя еще не законодательнымъ порядкомъ, а только частно предложено на недавнемъ сѣздѣ натуралистовъ. Авторъ дѣлаетъ оцѣнку всѣмъ тѣмъ всемирнымъ мѣрамъ, какія мы въ настоящее время могли бы избрать въ случаѣ, еслибы мы утратили образцы принятыхъ нами мѣръ, или нашли бы нужнымъ ихъ исправить, довести до идеальнаго совершенства. Основываясь на новѣйшихъ научныхъ соображеніяхъ, онъ въ этомъ случаѣ отдаетъ предпочтеніе полярной оси передъ маятниковомъ. На основаніи же вычисленій и новѣйшихъ поправокъ въ опредѣленіи длины этой оси, также

какъ эллиптичности меридіана, сдѣланныхъ Шубергомъ, записка котораго была помѣщена въ «Запискахъ» нашей академіи наукъ, и еще болѣе точныхъ вычисленій капитана Клерка, авторъ вычисляетъ, что французская единица — метръ, короче истинной на 208 долю дюйма. Признавъ полярную систему за лучшую изъ системъ, а ось за лучшую единицу мѣры и десятичную, авторъ находитъ, что способъ рѣшенія вопроса: какую десятичную часть земной оси представляетъ какая нибудь длина англійской мѣры, гораздо проще и скорѣе, чѣмъ при такомъ же опредѣленіи французской мѣры. На основаніи этого, онъ считаетъ за лучшее не вводить новыхъ мѣръ, но увеличить казенный ярдъ (конечно, и всѣ его доли и кратныя) на одну тысячную долю настоящей ихъ длины. Онъ полагаетъ, что этому примѣру послѣдовали бы Америка и Россія, какъ такія страны, гдѣ принять англійскій футъ. Единственную причину, недонускающую этого въ Англіи, онъ находитъ въ несообразности и запутанности прежней системы мѣръ въ вѣсахъ и ѣмкостяхъ. По этимъ послѣднимъ недостаткомъ страдаемъ и мы; сверхъ того, у насъ не можетъ быть такихъ большихъ затрудненій въ практикѣ, на какія указываетъ Гершель для Англіи, на томъ основаніи, что для насъ десятичная система не новость. Въ бесѣдѣ объ «атомахъ» помѣщенъ разговоръ между «Гермогеномъ» и «Герміономъ», бывший уже у насъ въ печати. Въ бесѣдѣ о «происхожденіи силъ» дѣло идетъ о цѣломъ рядѣ, весьма интересныхъ для науки, но далеко еще нерѣшенныхъ вопросовъ: какъ относится сила къ матеріи, какъ согласовать причинность и послѣдовательность явленій и взглядъ на всѣ явленія, какъ на переходъ одного рода движеній въ другой, съ проявленіями въ чловѣкѣ воли, и т. д. Послѣдняя бесѣда, «объ оцѣнкѣ искусства въ стрѣльбѣ арбалетомъ», представляетъ изложеніе приложенія теоріи вѣроятности къ частному случаю и разъясненіе причинъ ошибокъ въ результатахъ, встѣвавшихъ изъ самаго способа приложенія теоріи. Здѣсь уже авторъ приводитъ математическія формулы, такъ что эта бесѣда будетъ не для всѣхъ доступна.

Чудеса древней страны пирамидъ. *Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта въ періодъ его процвѣтанія и упадка.* Сочин. доктора Карла Оппеля. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 2-ю исправленную изданія, Н. Страхова. Съ 160 рисунками, помѣщенными въ текстъ, 8 литографическими и 2 хромолитографическими картинами, картою долины Ніломъ и планомъ съ нѣмъ же повета египетскихъ памятниковъ въ Нильской долинѣ. Въ 3 частяхъ. С.-Петербургъ. Изданіе книжпродвица Д. Ф. Огудерова. 1868 г.

Оппель говоритъ, что цѣль его книги — «обратить вниманіе читателей на тотъ замѣчательный народъ, отъ котораго всѣ другіе народы около Средиземнаго моря получали болшую часть

своей культуры и который такимъ образомъ имѣлъ существенное вліяніе и на нашу новѣйшую цивилизацію».

Авторъ путешествовалъ въ 1867 или 1866 году. Онъ описываетъ то, что онъ видѣлъ и всякій можетъ видѣть въ Египтѣ въ настоящее время. Но Египетъ настоящаго времени представляеть изъ себя странную картину развалина, запустѣнія и бѣдности. Есть еще тамъ не мало остатковъ и прожитаго величія страны, но эти остатки только самымъ образомъ говорятъ объ ея разореніи и запустѣніи. Все вводитъ тамъ на мысль о томъ, какъ, должно быть, величественна и могущественна была эта страна когда-то прежде. При взглядѣ на развалины огромнѣйшихъ храмовъ, дворцовъ, сфинксовъ, обелисковъ, почти сплошномъ массомъ покрывающихъ весь Египетъ на пространствѣ 750 квад. миль, въ воображеніи каждаго путешественника невольно должна рисоваться картина древняго Египта, во времена его процвѣтанія. И вотъ ученій нѣмецкій путешественникъ, при помощи воображенія, сказаній древнихъ греческихъ писателей и новѣйшихъ ученыхъ открытій, раскопокъ и изслѣдованій, сдѣланныхъ на мѣстѣ, пытается нарисовать предъ читателемъ эту картину. И надобно отдать ему справедливость, картина выходитъ очень живая и довольно полная. Намъ кажется особенно удачною мысль автора, и это свое описаніе древняго Египта вести тамъ, какъ онъ началъ и ведетъ описаніе Египта новаго— въ формѣ описанія путешествія. Несмотря на тяжелый переводъ, картина древняго Египта выходитъ все еще до того живая, что читатель невольно забываетъ о теперешнемъ Египтѣ, съ его развалинами и невообразимой глѣзною жителей, и совершенно переносится мыслью въ тотъ Египетъ, который былъ тщательно обработанъ, покрытъ великолѣпною растительностію, прорѣзанъ множествомъ каналовъ, застроенъ величественными зданіями и заселенъ густою массою людей дѣятельныхъ, образованныхъ и гордыхъ сознаніемъ своего политическаго могущества и умственнаго и нравственнаго превосходства предъ сосѣдями.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ авторъ древній Оивы:

«Оивы нѣсколько главныхъ городовъ изъ всѣхъ городовъ Египта, но важнѣе всѣхъ городовъ своего времени. На эту мысль наводитъ насъ все, что мы видимъ: роскошь гульбищъ, пріятельными гуляньи въ пальмовыхъ лѣсахъ, торешность нимомудшихъ, жизнь на рѣкѣ и появленіе богатыхъ праздношатающихся. Тутъ одинъ, пока онъ спокойно спитъ, даетъ себя слугамъ нести на прогулку въ качалкѣ; тамъ другой гребетъ въ раззолоченной маленькой лодкѣ; вотъ по ту сторону третій старался убить ужевельт. Рыби вынесли ему на березгъ сѣдланце съ великолѣпными подушками, положили ему коверъ подъ ноги, и своди его одинъ слуга стоялъ съ зонтомъ отъ солнца, а другой съ омахомъ отъ мухъ».

При этомъ авторъ очень встати замѣчаетъ:

«И въ Египтѣ также, какъ повсюду на свѣтѣ: кто вполне хорошо употребилъ бы время, у того его нѣтъ; а у кого оно есть, тотъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Теперь пройдемъ въ столицу между первыми домами. Тотчасъ на право у

насъ — старый квартал гавани. Что за дѣятельная жизнь! Что за неистота занятій! Тамъ стоятъ торговныя суда съ горшечнымъ товаромъ изъ Атбо и съ тканями изъ Сна, съ предметами роскоши изъ Мемфиса и съ винами изъ различныхъ странъ. Здѣсь цѣлый день продаютъ и покупаютъ. На берегу разбитъ огромный рядъ лавокъ и въ сумазбродной толпотѣ люди перенатываются какъ волки... Тутъ два матроса играютъ въ вернь, тамъ повознается плесунъ на канатѣ, тамъ звучитъ громкое пѣніе изъ нитейнаго дома. И что только за занятія на рѣкѣ! Сотни грузовыхъ судовъ стоятъ на якорѣ, или приходятъ и отходятъ, и еще гораздо больше члено гондолъ, служащихъ для переправы съ одного берега на другой, или для увеселительныхъ поѣздокъ. У судовщиковъ въ Оявахъ занятіе прибыльное; на разстояніи двухъ часовъ, люди постоянно ѣздятъ взадъ и впередъ, и это съ раннего утра до поздней ночи».

Или вотъ описаніе народнаго религіознаго праздника:

«Смотри, какаѣ тѣснота и дѣятельность! Тысячами поднимается по високимъ гѣстинцамъ (къ храму) и бродятъ между ногами колоссовъ (статуй передъ входомъ въ храмъ) какъ варяки. Здѣсь расположилась группа; тамъ въ дверяхъ взадъ и впередъ тѣснится и колыхается масса, тутъ встрѣтились старыя друзья; вонъ идетъ цѣлая процессія съ игрой (?) на свирѣляхъ и флейтахъ; тамъ жители какого-нибудь дальняго мѣста уже готовятся въ отъѣздъ. И что за жизнь, за разнообразіе представляетъ рѣка у нашихъ ногъ! Какія массы людей всякаго рода! Здѣсь одна съ лебединой шеей; тамъ носъ другой въ видѣ змѣи; на третьей онъ совсѣмъ въ родѣ трубы! И эти великолѣпные багдаханы!... Оглядитесь туда! Здѣсь только что началась гонка. Эге! какъ барки стремлюжъ плывутъ по водѣ! А тамъ по той сторонѣ видишь ты багренье рыбы! Неужлиже (?) Вонъ поплывъ одинъ въ воду, товарищъ вытаскиваетъ его теперь изъ неѣ. Музыка и веселое ликованье со всѣхъ сторонъ! Веселье и радость на всѣхъ лицахъ!...»

Въ этомъ родѣ пишетъ авторъ почти всю книгу. Мы рекомендовали бы ее особенно юнымъ читателямъ (для которыхъ она и написана), и затѣмъ преподавателямъ исторіи — авось они, по прочтеніи этой книги, внесли бы въ свои лекціи объ Египтѣ болѣе жизни и картинности, чѣмъ они это обыкновенно дѣлаютъ.

Оправданные, осужденные и удержанные отъ суда.
Замѣчательнѣйшіе уголовные процессы изъ практики новыхъ судовъ, съ критическимъ разборомъ предварительныхъ слѣдствій по этимъ процессамъ. В. Н. Леонтьева. Спб. 1868.

Книга г. Леонтьева составлена съ благимъ намѣреніемъ ознакомить людей, мало понимающихъ сущность и духъ гласнаго судопроизводства, вводимаго въ наше время въ Россіи, съ тѣми выгодами и гарантіями, какия эта реформа представляетъ для чести и неприкосновенности права личности людей, вмѣющихъ несчастье подпадать подъ слѣдствіе и судъ, сравнительно съ недавней системой уголовного судопроизводства, господствовавшей въ нашемъ отечествѣ. Важнѣйшимъ условіемъ для достиженія на практикѣ благотворныхъ результатовъ новой системы, г. Леонтьевъ ставитъ пониманіе сущности ея всѣми лицами, которымъ выпадаетъ на долю производство предварительныхъ слѣдствій, дознаній, розысковъ и т. д., то-есть судебными чиновниками, полицейскими агентами и сельскими властями, и для этихъ-то лицъ книга его преимущественно и составлена. «На основаніи

собранныхъ слѣдствіяхъ матеріаловъ — говорить составитель книги въ своемъ къ ней предисловіи — обвинительная власть приходитъ къ заключенію, существуютъ ли въ достаточномъ количествѣ данныя для составленія обвинительнаго акта противъ лицъ, привлеченныхъ слѣдствіемъ, какъ подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія. Подвергнувъ эти матеріалы строгому анализу, обвинительная власть выбираетъ изъ нихъ, для окончательнаго разъясненія судебнымъ слѣдствіемъ, все, что можетъ служить къ обличенію подсудимаго. Такое же точно значеніе имѣютъ эти матеріалы и для защиты въ интересахъ подсудимаго. Присяжные, въ свою очередь, провозносятъ приговоръ по убѣжденію ихъ совѣсти; но для того, чтобы сложилось извѣстное убѣжденіе, необходимы данныя, изъ которыхъ бы оно могло сложиться; и естественно, что чѣмъ больше данныхъ, провѣренныхъ критикою обвинителя и защитника, тѣмъ правильнѣе и тверже будетъ убѣжденіе присяжныхъ, провозносящихъ, на основаніи этого убѣжденія, свое: «да» или «нѣтъ». Все дѣло, слѣдовательно, въ предварительномъ слѣдствіи, вспомошествоуемою дознаніями и розысками. Отъ умѣнья или неумѣнья, отъ желанья или нежеланья раскрыть истину со стороны тѣхъ, кто производитъ слѣдствія, дознанія и розыски, зависятъ успѣхъ или неуспѣхъ въ отправленіи правосудія и все происходящія отъ того для общества послѣдствія. Принимая все это въ соображеніе, не слѣдуетъ ли искать причинъ для объясненія нѣкоторыхъ рѣшеній, произнесенныхъ (у насъ со времени введенія въ дѣйствіе судебной реформы) присяжными засѣдателями, въ недостаткахъ и промахахъ предварительныхъ слѣдствій? Исполнѣ ли наши слѣдователи отрѣшились отъ старыхъ обычаевъ и приемовъ, вытекавшихъ прямо изъ требованій стараго уголовного процесса?»

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ составитель книги подвергаетъ критическому разсмотрѣнію важнѣйшіе судебные процессы послѣдняго времени (Дѣло о Верентиновѣ, Горловѣ, Иванѣ Ивановѣ и т. д.), и, какъ и слѣдовало ожидать, находитъ обильный матеріалъ для подтвержденія того, что на предварительныхъ слѣдствіяхъ по этимъ дѣламъ у насъ бывали случаи и небрежности, и неумѣлости, и рутинны, и непониманія, и ни одно изъ нихъ (выбранныхъ г. В. Леонтьевымъ) не обходилось безъ такихъ вольныхъ или невольныхъ промаховъ и упущеній со стороны лицъ, производившихъ слѣдствія. Все это дѣлаетъ книгу его, конечно, весьма полевною, но... въ основныхъ своихъ взглядахъ г. В. Леонтьевъ является такимъ же фанатикомъ юстиціи *quand-même*, какъ и большинство ревнителей абстрактной юридической справедливости, хотя бы она была даже въ ущербъ дѣйствительнымъ интересамъ общества, какъ массы живыхъ людей, до которыхъ доктринерствующимъ юристамъ въ сущности нѣтъ никакого дѣла. Возможность оправданія виновнаго кажется г. В. Леонтьеву одинаково страшною, какъ и ошибкою, обуславливающія гибель невинныхъ; страшный призракъ *несмы-*

нелюбви составляет для него какъ-бы *bête noire*, и отвращенные интересы обвиненія для него на столько же дороги, какъ и живые интересы защиты, хотя онъ въ своихъ сужденіяхъ и не доходитъ, какъ, напримѣръ, Море-Кристофъ, до такихъ крайностей, во имя которыхъ всякія *смычкія обстоятельствова* считаются только досаднымъ препятствіемъ для водворенія въ міръ полнѣйшей справедливости въ практическо-юридическомъ смыслѣ этого слова, то-есть возможнаго распространенія карающей силы законовъ, даже не смотря на то, соотвѣтствуетъ ли степень кары, налагаемой на преступленія существующими законодательствами, духу времени и требованіямъ гуманности (слово, отъ котораго такъ претить и коробить нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ и дѣателей недавняго времени). Такимъ образомъ судебныя иренія, по мысли г. В. Леонтьева, должны представлять какой-то отвлеченно-логическій турниръ «въ интересахъ истины». «Борьба между обвиненіемъ и защитой — говоритъ онъ — должна состоять только въ томъ, чтобы силою имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ съ одной стороны ослабить силу и значеніе данныхъ, приводимыхъ другою, и строго-логическими выводами разрушить группировку фактовъ и выводы противной стороны. Личность обвиняемаго можетъ служить обвѣмъ сторонамъ лишь на столько, на сколько извѣстные факты могутъ быть объяснены или подвѣржены, а другіе опровергнуты или ослаблены психическимъ состояніемъ обвиняемаго и различнаго рода отношеніями его къ жертвамъ преступленія, или связями съ ними, если это, разумѣется, разъяснено предварительнымъ или судебнымъ слѣдствіемъ. Прошедшая жизнь обвиняемаго, несвязанная непосредственно съ преступленіемъ, въ которомъ онъ обвиняется, матеріальное положеніе его, среда, въ которой онъ вращался, степень его умственнаго и нравственнаго развитія и т. п. могутъ служить защитнику только какъ аргументы для убѣжденія присяжныхъ и судей въ необходимости признать для подсудимаго облегчающія вину обстоятельства, въ случаѣ, если онъ будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи вводимаго на него преступленія. Но ни обвиненіе, ни защита не должны вооружаться этими же аргументами, для убѣжденія присяжныхъ въ виновности или невинности подсудимаго. Прибѣгая къ этимъ аргументамъ, съ цѣлью построить на нихъ или *подкрепить ими обвиненіе или защиту*, обѣ стороны выходятъ изъ предѣловъ дѣйствительности и становятся на почву идеальную; говорятъ не въ пользу дозавательства или опроверженія факта и отношеній къ нему обвиняемаго, а занимаются словопреніями о вѣроятности или невѣроятности преступленій. При этомъ *сторона обвиняющая всегда останется въ нахладѣ*; нападая на прошедшую жизнь обвиняемаго, она помогаетъ сторожѣ защищающей, которая, опираясь на прошедшую жизнь преступника, анализируя ее, *всегда почти найдетъ аргументы для дозавательства, нежелательности*, разумѣется, теоретическіе; но и

этого достаточно *иниода*, чтобы поколебать совѣсть присяжныхъ и ослабить обвиненіе, опирающееся болѣе на декламаторствѣ, чѣмъ на фактахъ».

Мы нарочно выписали всю эту тираду, чтобы читатели наши сами могли увидѣть, какъ обыкновенно у поборниковъ отвлеченной справедливости (впрочемъ, только тогда, когда дѣло касается до судебныхъ разбирательствъ въ существующихъ и признанныхъ для этого правительствами учрежденіяхъ), севозь всю ихъ аргументацію, постоянно севозить болынь какаго-либо ущерба для обвинительной власти, какъ, не имѣя достаточныхъ доводовъ отрицать возможности примѣненія невмѣняемости ко множеству случаевъ, когда такое ея примѣненіе было бы весьма неизлишнимъ, все, клонящееся къ интересу обвиняемаго они готовы называть теоретическимъ, и считать идеальнымъ всякое живое отношеніе къ защитѣ подсудимыхъ, какъ будто въ этихъ случаяхъ дѣло шло не о существахъ съ плотью и кровью, лишенихъ *идеальной* стороны, а только о законѣ—нибудь неодушевленномъ *corpus delicti* и т. д. Ну, а еслибы, напримѣръ, главный фактъ, служащій къ обвиненію подсудимаго, былъ бы такъ ловко поставленъ обвинительною властью, пристрастной, напримѣръ, къ усиленно-логическимъ построєніямъ, что защитникъ, уступая въ то же время обвинителю въ діалектическихъ способностяхъ, не могъ бы логическимъ путемъ показать его несостоятельности, а подсудимый—то въ то же время былъ бы невиненъ? Неужели такой случай невозможенъ? а если притомъ предположить, что дѣло идетъ о преступленіи, весьма тяжело наказываемомъ существующими законами, неужели и тогда защитникъ не имѣлъ бы права настаивать не на томъ, чтобы примѣнить къ обвиняемому облегчающія обстоятельства, такъ—какъ этихъ самымъ онъ показывалъ бы, что и самъ раздѣляетъ внутренне убѣжденіе въ его виновности, а прямо на невинности обвиняемаго, почерная для этого данныя изъ всей прошлой его жизни, степени его образованія и т. д. и т. д.?

Но доктринерствующіе юристы, къ числу которыхъ принадлежатъ и составитель разбираемой нами книги, обыкновенно не останавливаются надъ тѣми соображеніями, какия могутъ быть вызваны хотя бы приведеннымъ нами случаемъ (а подобныхъ привести можно и не одинъ), но за то обыкновенно изложениє ихъ взглядовъ, внѣшнимъ образомъ представляется и строго легальнымъ при всякихъ условіяхъ законодательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ систематически-правосуднымъ и либерально-разсудительнымъ. Всякое другое воззрѣніе, выходящее изъ рутинной колени усвоенныхъ ими взглядовъ, съ ихъ точки зрѣнія, кажется имъ и предосудительно и произвольно и *чуть ли не преступно*, хотя никто изъ нихъ, конечно, и не замѣчаетъ, что ихъ абстрактныя теоріи справедливости суть именно такого рода властическія теоріи, съ которыми въ практикѣ жизни всего удобнѣе уживаются и сдружается всякая неправда и всяческая несправедливость...

Одинъ въ поимѣ не воинъ. Романъ съ двумя томами Фридриха Шпильгагена (пер. съ немецкаго). Изданіе редакціи журнала «Дѣло». Спб. 1867—1868 г.

Передъ нами романъ, серьезная оцѣнка котораго невозможна въ библиографическомъ очеркѣ, и требовала бы цѣлаго ряда критическихъ статей, еслибы условія нашего печатнаго слова не налагали порою на пишущихъ невольнаго объѣта молчанія. Помимо художественной его стороны и весьма драматично-развитой фабулы, героемъ которой, подъ вымышленнымъ именемъ Лео Гутмана, фигурируетъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ западно-европейскихъ, политическихъ и социальныхъ дѣятелей новѣйшаго времени — Фердинандъ Лассаль, мысли и идеи котораго дадутъ содержаніе для теоретическаго обсуждения и практической дѣятельности общественнаго характера въ будущемъ, вѣроятно, еще не на одно десятилѣтіе — самое обиліе современныхъ вопросовъ, олицетворенныхъ въ живые характеристическіе образы въ романѣ, представляетъ столько интереса для мыслящихъ читателей, что каковъ бы ни былъ нашъ личный взглядъ на основную идею этого произведенія, и еслибы онъ даже не былъ въ ея пользу, мы прежде всего, все-таки, считаемъ своей обязанностью рекомендовать его русской читающей публикѣ. Чтеніе такого романа будетъ во всякомъ случаѣ благотворно для читателя, будетъ или нѣтъ онъ согласенъ съ основною его идеей, и даже правильно или неправильно ее понять, такъ-какъ богатство частныхъ, олицетворяющихъ послѣдніе фазисы основной борьбы европейской мысли по самымъ разнообразнымъ и щекотливѣйшимъ вопросамъ социальной науки (отношеніе рабочего вопроса къ современному строю европейской гражданственности, государству, обществу, буржуазіи, капиталу, различнымъ формамъ проявленія либерализма, прогрессивнаго направленія радикализма, также, какъ и ко всѣмъ видамъ реакціи, обскурантизма, ультрамонтанства и т. д.), ни въ какомъ случаѣ не можетъ пройти безслѣдно для читателя и не составитъ для него значительнаго интереса, если онъ только хотя сколько-нибудь способенъ интересоваться предметами, выходящими изъ уровня обычной житейской пошлости. Въ этомъ смыслѣ романъ Шпильгагена такая живая, панорамическая картина современной социальной и политической германской дѣятельности, что намъ даже рѣдко во всѣхъ европейскихъ литературахъ встрѣчалось читать что-либо подобное. Столкновеніе интересовъ всѣхъ сословій современныхъ европейскихъ обществъ, выражающееся многообразными коллизіями и катастрофами, интриги и столкновенія различныхъ партій въ обществѣ и государствахъ, броженіе идей самаго различнаго закала, и всякіе доводы за и противъ той или другой теоріи и системы и т. д. и т. д., все это, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, встрѣчается чуть не на каждой страницѣ романа. Если прибавить къ этому, что въ романѣ разоблачены

в некоторых обстоятельствах недавней политики одного из германских государств, а в главных действующих лицах весьма типично изображены даже и ныне живущие деятели, то нивто не станет удивляться, что произведение Шпильгагена имело громадный успехъ въ Германіи. Мало того, тонкій умъ автора, проглядывающій въ романѣ, и мастерское умѣнье вести запутанную интригу черезъ все произведение — доказываютъ, очевидно, что романъ написанъ не безъ цѣли; но чтобы опредѣлить бесспорно, какова именно эта цѣль, нужно такое подробное знаніе всѣхъ послѣднихъ перипетій вопроса о трудѣ въ Германіи, такихъ частности и тонкостей, на какія мы, конечно, не можемъ даже и претендовать. Ясно одно, что въ политическомъ смыслѣ цѣль Шпильгагена должна быть свойства добропорядочнаго; за это ручается какъ зоркость его ума, такъ и значительная широта взглядовъ, вслѣдствіе которыхъ для публики становится очевидно, что къ дѣятельности Лео Гутмана онъ относится почти во всей книгѣ гораздо съ большимъ уваженіемъ, нежели къ партіи либераловъ Шульце-Деличевскаго загла, не говоря уже о партіяхъ, подобныхъ влержальной или юнкерской. Но, въ то же время, для русскихъ читателей, для которыхъ множество намековъ на современность, разбланныхъ въ романѣ, конечно совершенно преидають, трудно понять, почему Шпильгагену понадобилось придумывать различные вымышленныя событія, и сочинять вымышленныя личности, которыя окружаютъ его героя, тогда какъ жизнь Лассала сама по себѣ исполнена въ избыткѣ романическаго элемента: для того ли, чтобы въ такихъ искусственныхъ и придуманныхъ комбинаціяхъ рельефнѣе обрисовать эту могучую личность, или только для того, чтобы «не дравнить гусей», такъ-какъ весьма многіе изъ участниковъ жизненной драмы Лассала, какъ извѣстно, здравствуютъ и благоденствуютъ еще до сихъ поръ. Точно также для насъ не совсѣмъ ясно, почему Шпильгагенъ останавливается съ такимъ вниманіемъ на неудавшейся попыткѣ Лассала—основанія ассоціаціи Тухгеймскихъ фабричныхъ на началахъ политическаго самоуправленія, и обходитъ молчаніемъ цѣлый рядъ организованныхъ Лассалемъ обществъ рабочихъ въ рейнскихъ провинціяхъ Германіи, устроенныхъ имъ въ противодѣйствіе таковымъ же, основателемъ которыхъ былъ Шульце-Деличъ и общество такъ-называемыхъ «филиальныхъ», которыхъ еще въ 1866 году, несмотря на то, что дѣятельность ихъ, за смертью Лассала, нѣсколько и затруднилась, существовало во Франкфуртѣ на Майнѣ, Солингенѣ, Эльберфельдѣ, Майнцѣ, Дюссальдорфѣ и т. д. еще около сорока, а въ 1863 году депутатами отъ этихъ обществъ былъ устроенъ «нѣмецкій рабочій союзъ», цѣлью котораго было «мирнымъ и легальнымъ путемъ, въ особенности возбужденіемъ всеобщаго убѣжденія, дѣйствовать въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права». Признаемся, намъ не особенно нравится и самое названіе романа: «Одинъ въ полѣ не воинъ»; такимъ названіемъ какъ-бы предсуждается и обрекается неусиѣху

всякая самобитная одиночная дѣятельность человѣка, въ какомъ бы то ни было направленіи, какъ бы ни велико было напряженіе его энергіи, и какъ бы ни высоко было качество его умственныхъ и нравственныхъ силъ. Справедливо, что одинъ человѣкъ даже и съ такимъ закаломъ не можетъ сдѣлать всего; но онъ, бесспорно, можетъ сдѣлать весьма многое, чему неоспоримымъ подтвержденіемъ служитъ даже и дѣятельность самого Лассала, тѣмъ болѣе, что въ жизни вѣдь просто никогда и не бываетъ, чтобы кто-либо могъ дѣйствовать совершенно одинокимъ. Каждый гениальный человѣкъ, помимо того, что минутами онъ двигаетъ цѣлыя толпы, имѣетъ всегда и друзей и сторонниковъ и восторженныхъ поклонниковъ, и Лассаль, какъ свидѣтельствуемъ его біографы, тоже имѣлъ ихъ. Мало того, исторія представляетъ цѣлый рядъ примѣровъ, когда энергія одного человѣка спасала цѣлый народъ. Развѣ Юдифъ не одна спасла евреевъ, Виргинія — римлянъ, Иоанна-д'Аркъ — Францію? Или инициативу, способную, подобно электрической искрѣ, вызвать цѣлый рядъ новыхъ явленій, не должно считать *толпой*, оставляя такое названіе только за механическимъ рядомъ дѣйствій цѣлѣй массъ? Не такъ думаютъ обыкновенно дѣйствительно призванные дѣятели, не такимъ узкимъ пониманіемъ освящены, на примѣръ, бессмертныя произведенія Леопарди, строгая муза котораго воспитала не одного изъ мучениковъ итальянскаго дѣла, или героевъ современнаго намъ ея освобожденія. Вотъ, на примѣръ, что говоритъ этотъ поэтъ, въ своемъ знаменитомъ обращеніи All'Italia, въ которомъ онъ, видя померъ и рабство своей дорогой родины и не видя прежней доблести, одушевлявшей ея сыновъ, находитъ въ душѣ своей таковой откликъ на бессиліе своей страны:

Nessun pugna per te? non ti difende
 Nessun de tuoi? L'armi, qua l'armi: io solo
 Combattero, procombero sol io.
 Dammi, o ciel, che sia foco
 Agl'italici petti il sangue mio.

(Никто за тебя не борется? Никто изъ твоихъ дѣтей не защищаетъ тебя? Оружія, оружія сюда! Я одинъ поднимаюсь за тебя! Я одинъ заставляю враговъ убить меня! Но испроши Боже, чтобы кровь моя—обратилась въ огонь, который обхватилъ бы сердца всѣхъ настоящихъ сыновъ Италіи!)

Не такъ говорятъ и дѣйствуютъ самые герои романа Шпильгагена, энергическій Лео и самоотверженная Сильвія, и, если роману придано авторомъ неудачное заглавіе, только ради того, чтобы вызвать въ средѣ соотечественниковъ автора какъ можно болѣе подражателей Лассала, и сторонниковъ его мысли—такъ какъ старанія послѣдняго будутъ въ состояніи *толпой* воплотиться въ жизнь только тогда, когда идеи его будутъ искренно исповѣдываться многими лицами, то все-таки двусмысленное названіе — ошибка со стороны Шпильгагена.

Но, какъ мы это уже высказали, несмотря на нѣкоторые недостатки, мы все-таки считаемъ произведение Шпильгагена замѣчательно яркимъ и выдающимся произведеніемъ, чтеніе котораго не можетъ не повліять благотворно на сколько-нибудь развитаго читателя, если только его мысль не страдаетъ свѣтлостью, и онъ не лишень способности интересоваться тѣмъ, въ чемъ мысленнее европейское меньшинство находитъ неистощимый матеріалъ для глубокаго обдумыванья. Переводъ романа, особенно второй его части, недуренъ, хотя мѣстами и попадаются промахи противъ русскаго языка. Нѣкоторые въ книгѣ даже черевчуръ бросаются въ глаза и ихъ слѣдовало бы исправить. Такъ напримѣръ, на страницѣ 900-й переводчикъ въ уста короля вставляетъ слѣдующую фразу: «Лучше всего—солнечный свѣтъ, благотворный солнечный свѣтъ, который *хотя и расплоскается на юлосъ насткомныхъ*, все же наполняетъ отрадою сердце бѣднаго юноши». Очевидно, что по русски слѣдовало сказать: второй хотя и расплоскаеть насткомныхъ, кружащихся въ воздухѣ, и обгвѣляющаго голову и т. д., но переводчику почему-то показалось, что король говоритъ именно о такихъ видахъ насткомныхъ, о которыхъ вѣроятно король не имѣеть даже никакого понятія.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.

(«Золотая ривка». Балетъ въ трехъ актахъ и семи картинахъ.» Соч. Сель-Леона. Сюжетъ заимствованъ изъ сказки Пушкина. Музыка Минкуса.)

Я люблю балетъ за его постоянство. Возникають новыя государства; врываются на сцену новыя люди; нарождаются новыя факты; измѣняется цѣлый строй жизни; наука и искусство съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдятъ за этими явленіями, дополняющими и отчасти измѣняющими самое ихъ содержаніе — одинъ балетъ ни о чемъ не слышитъ и не знаетъ; одинъ балетъ съ истинно-трогательнымъ постоянствомъ продолжаетъ восглаголать *vive Henri IV!* въ то время, какъ Наполеониди...

Балетъ консерваторъ по преимуществу, консерваторъ до самозабвенія. Онъ знаетъ, что цвѣтущее его состояніе тѣсно связано съ болѣею или меньшею солидностью тѣхъ красугольныхъ камней, которыми отъ времени до времени бросаетъ въ публику русская публицистика; онъ чтить эти камни, потому что они въ лицахъ присутствуютъ въ первыхъ рядахъ, и охотно посвящаетъ себя на служеніе имъ. «Пускай астрономы доказываютъ, что земля вокругъ солнца обращается», говоритъ онъ, и, вмѣстѣ съ публицистами, убѣждаетъ, что въ балетно-благоустроенномъ мірѣ никакъ подобнаго рода стѣсненій допущено быть не можетъ, ибо здѣсь все зависитъ отъ усмотрѣнія балетмейстера.

Вотъ первый красугольный камень, связующій балетъ съ консерватизмомъ.

Владичествуя за нашобрата въ сферѣ духовъ и видѣній, возвѣвая стихіями, распорядяся свободно теченіемъ небесныхъ свѣтъ, балетъ, съ тѣмъ вѣстѣ, возншаетъ умъ и сердце чловѣка. Это красугольный камень номера втораго. Консерватори любятъ варить духомъ и возносятся сердцемъ при видѣ перхлюющихъ балвернѣ; они любятъ уноситься мыслью въ трансцендентальныя сферы при видѣ коротенькихъ газовыхъ ибочекъ; они любятъ унылаться духомъ при видѣ маленькихъ ножекъ, которыя поднимаются... поднимаются... Съ своей стороны, балетъ очень хорошо сознаетъ благотворное дѣйствіе, производимое имъ на консерваторовъ, и потому усугубляетъ свое служеніе консервативнымъ началамъ до самоотверженія. Въ порывѣ преданности, онъ дѣлается даже либераленъ, и, рискуя проивести въ театрѣ консервативную революцію, неустанно вызываетъ къ корифейкамъ: выше! выше!

Еслибъ было достовѣрно доказано, что «духа долины» не существуетъ—что стало бы съ балетомъ? Еслибъ явился новый Галилей, который, передъ зрителями первыхъ рядовъ большаго театра, выразилъ бы робкое предположеніе, что «пламя любви» есть не болѣе, какъ балетный предразсудокъ—что стало бы съ консерваторами? И балетъ, и консерваторы очень хорошо пенимають, что въ Галилеяхъ заключается ихъ гибель, и потому тѣснятъ и тѣснятъ скрѣпляютъ связующія ихъ узы, давая торжественную клятву не имѣть иной вѣры, кромѣ вѣры въ «пламя любви», и не руководиться иными убѣжденіями, кромѣ убѣжденій «духа долины».

О Галилеи! найдется ли у васъ достаточно силъ, чтобы сокрушить этотъ крѣпкій балетно-консервативный союзъ?!

Но никогда еще единомысліе балета и консервативныхъ началъ не выражалось съ такою яростью, какъ въ балетѣ «Золотая рыбка», поставленномъ прошлую осень на сценѣ петербургскаго большаго театра. Тутъ все, отъ перваго до послѣдняго антраша, съ изумительною послѣдовательностью, поставлено въ явное противорѣчіе не только съ Галилеемъ, но даже съ географіей Арсеньева и исторіей Смарагдава (два авторитета, допускаемые даже консерваторами, конечно, не слишкомъ рьяными). Но потому-то именно этотъ балетъ и получалъ такой необыкновенный успѣхъ. Консерваторы поняли, что онъ не только возншаетъ умъ и сердце, но имѣетъ еще весьма важное воспитательное значеніе, что онъ, убѣждая зрителей неизбежно хранить вѣру въ «духа долины», въ то же время вырываетъ съ корнемъ послѣднее зло, подрывавшее эту вѣру, и смѣлою рукою сводить «Географію» съ ея пьедестала.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое «Географія»? Географія, говоритъ г. Арсеневъ, есть землеописаніе. Несмотря на ощутительную загадочность этого опредѣленія, въ немъ чувствуется

нѣкоторая конкретность. Изъ-за «землеописанія» выглядываютъ знакомыя намъ фюзіонеміи странъ и народовъ, съ ихъ именами и историческими особенностями, а, пожалуй, даже и съ притязаніями. Консерваторскому чувству это претивно. Консерваторское чувство желало бы, чтобы географія была именно просто землеописаніемъ, и чтобы за тѣмъ, перевернувши первую страницу, можно было сказать:—ничего въ волнахъ не видно! Поэтому, консерваторы давно уже подозрѣвали географію въ неблагонамѣренности и измѣнѣ, даже пробовали, при помощи публицистовъ, пускать въ нее краеугольными камнями довольно увѣсистаго свойства, но до сихъ поръ усилія ихъ почему-то не имѣли надлежащаго успѣха. И вотъ, эту безцѣнную услугу, которая оказалась не подъ-силу даже «Московскимъ Вѣдомостямъ», удалось оказать «великой консервативной партіи» скромному балетмейстеру петербургскаго большаго театра, г. Сень-Леону.

Но, чтобы понять всю великость подвига, совершеннаго г. Сень-Леономъ, необходимо разсказать здѣсь вкратцѣ содержаніе измышленнаго имъ балета.

Дѣйствіе отрывается на берегу Днѣпра. Повидимому, такое опредѣленное обозначеніе мѣстности обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторое поползновеніе примирить балетъ съ географіей, но, въ сущности, какъ увидимъ ниже, это съ его стороны только хитрость. Г. Сень-Леонъ, какъ опытный боецъ, знаетъ, что въ сильному врагу слѣдуетъ подходить съ осторожностью, и потому на первыхъ порахъ рѣшается менажировать его. Въ дѣйствительности, декорация представляетъ не Днѣпръ, а рѣку Стисъ, на берегахъ которой, въ противность явному свидѣтельству мѣтодологии, рѣзвятся сказочныя поселяне и поселанки. Эти простодушныя дѣти природы, какъ и водится, препровождаютъ время въ пляскахъ и играхъ. Почему они пляшутъ? Они пляшутъ потому, что налаживаютъ сѣти, они пляшутъ потому, что готовятъ лодку, они пляшутъ потому, что они поселяне, и въ этомъ качествѣ *должны* плясать. Выбѣгаетъ Галя (г-жа Сальвиони) и машетъ руками, въ знакъ того, что у нея есть старшій мужъ, который только спать, а ее, Галю, совсѣмъ не утѣшаетъ. Пользуясь симъ случаемъ, поселяне пляшутъ опять. Этимъ временемъ, Тарась закидываетъ сѣти въ Днѣпръ, и вылавливаетъ золотую рыбку, которая, однакожь, оказывается не рыбкою, а прехорошенькою дѣвочкой. Тарась отпускаетъ «рыбку» на волю, то-есть обратно въ Стисъ и въ благодарность за это получаетъ отъ нея вучу раковинъ. «Лишь бы ты чего захотѣла — говорить иная дѣвица — брось одну раковину въ воду, и желаніе твое многомъ сбудется». Затѣмъ начинается цѣлый рядъ превращеній: сначала является новое корыто, потомъ новая изба, и, наконецъ, боярскія хоромы. Галя дѣлается «боярыней», и приобретаетъ себѣ въ услуженіе пажа, въ образѣ котораго искусно скрывается себѣ тоже золотая рыбка.

Свидѣтельствуясь всѣми историческими и географическими учебниками, принятыми въ руководство и непринятыми (апокрифическими), что въ Днѣпрѣ никогда и нѣмто золотыхъ рыбокъ не ловились, а въ особенности рыбъ, имѣющихъ человѣческой образъ. Ходили, правда, слухи, что рѣка эта населена русалками, а окрестности ея вѣдьмами, но ни Смарагдовъ, ни даже Кайдановъ никогда не признавали за этими слухами никакой достовѣрности. Сверхъ того, никто не въ правѣ игнорировать, что, до распространенія пресвѣщенія, всѣ тѣ дамы давно уже выдержали экзамены на домашнихъ учительницъ, и, оставивъ прежнія неприводительныя занятія, развелись по разнымъ закоулкамъ нашего обширнаго отечества, гдѣ и проживаютъ въ качествѣ гувернантокъ. Г. Сенъ-Леонъ, конечно, знаетъ это, а ежели знаетъ, то ясно, что слово «Днѣпръ» употреблено имъ единственно въ пикъ географіи, и съ злостнымъ намѣреніемъ погубить ея до сихъ поръ незапятнанную репутацію. И дѣйствительно, совершивъ это сокрушительное дѣло, г. Сенъ-Леонъ уже не стѣсняется никакими географическими терминами, и прямо выводитъ зрителя на ровное мѣсто, гдѣ ничего не видно, а видно одну высь поднебесную.

Я нарочно наблюдалъ, въ продолженіе перваго акта, за старичками-консерваторами, сидящими въ первыхъ рядахъ кресель. Сначала, при имени Днѣпра, ихъ фисіономіи хмурились, но потомъ, по мѣрѣ разъясненія дѣла, постепенно разглаживались; когда же золотая рыбка появилась въ образѣ пажа, то уничтоженіе географіи явилось столь несомнѣннымъ, что лица всѣхъ озарились сладкою консервативною улыбкою. Такому удовлетворительному результату немало, впрочемъ, способствовала г-жа Канцирева, игравшая роль золотой рыбки. Старички-консерваторы съ нечеловѣческимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ этого прелестнаго ребенка, и, еслибы не подаяра, то, наивѣрно, улетѣли бы вслѣдъ за нимъ въ то время, какъ онъ исчезаетъ въ вартонныхъ волнахъ псевдо-Днѣпра.

Я совершенно понимаю перныя старичковъ. Госпожа Канцирева очаровательна, и не летѣть за ней невозможно. Но, съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что старички сіи, судя по совершеннымъ ихъ лѣтамъ, занимаютъ, по малой мѣрѣ, мѣста особъ на заставѣ команду имѣющихъ, и 2) что съ отлетомъ ихъ осталась бы неразрѣшаннымъ вопросъ о разныхъ по части заставъ усовершенствованіяхъ, я не могу въ то же время не удивляться прозорливости начальства, которое, вмѣстѣ съ страстными перными, снабдило старичковъ и подаярою.

Второе дѣйствіе застаётъ Галю боярыней. Но этого ей уже мало; въ сердцѣ ея роются нныя желанія. Тутъ, какъ нельзя болѣе кстати, врывается въ комнату лучъ мѣсяца («пускай астрономы доказываютъ! пускай доказываютъ!»), и глаза Гали представляется чудная картина: царица, окруженная блестящимъ дворомъ. Декорация перемѣняется — и Галя царица! Сцена

представляетъ парадные апартаменты во дворцѣ, и передъ изумленными глазами зрителей проходитъ великолѣпнѣйшая процессія. Процессія эта состоитъ исключительно изъ министровъ (по крайней-мѣрѣ, *garde des sceaux* былъ тутъ навѣрное), и ниѣ сдается, что присутствуя тутъ г. де-Персиньи, или г. де-Лавалеттъ, то они несомнѣнно приняли бы эту сцену на свой счетъ. Министры подносятъ Галѣ корону, но она, припоминая изъ Кайданова, что «корона есть бремя», нѣкоторое время колеблется. Тогда, первый министръ употребляетъ рѣшительное средство, чтобы побѣдить эти колебанія; «помилуй! да вѣдь это бумажная корона!» говоритъ онъ, и, къ общей радости остальныхъ министровъ, достигаетъ вождѣлнвной дѣли. На сценѣ начинаются танцы, а за кулисами выкатывается бочка пѣннаго для прочихъ подданныхъ.

Но, увы! Галя не оправдываетъ ни довѣрія, ни надежды своихъ подданныхъ. Она, какъ женщина легкомысленная, сразу пускается въ плясъ, и даже увлеается въ оный четырехъ министровъ. Образуется прелестнѣйшій *pas de cinq* и Галя съ удовольствіемъ усматриваетъ, что ея министры способны всякую реформу вытанцовать въ лучшемъ видѣ, а современемъ, быть можетъ, будутъ въ состояніи и *construire l'édifice*.

Я опять взглянулъ на «старичковъ-консерваторовъ»: на сей разъ они легки за г-жею Сальвіони. Вновь пришлось изумиться предусмотрительности начальства, снабдившаго «старичковъ» податрою; но, съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что въ усовершенствованіяхъ по части заставъ настоятельной надобности не предостытъ, и 2) что за сими, къ безпрятствительному ослепу «старичковъ» за г-жами Канциревой и Сальвіони никакихъ затрудненій не представляется, — а не могъ не сознаться, что даже для самой мудрой предусмотрительности имѣются естественные предѣлы, преступать которые не надлежитъ.

Начинается третій актъ, который есть не что иное, какъ организованныя галлматія, а потому разсказать его содержаніе нѣтъ возможности. Замѣчательнѣе всего въ этомъ актѣ: появленіе «фантастическаго крестьянина» и полетъ г-жи Сальвіони на коврѣ-самолетѣ...

Я въ третій разъ взглянулъ на «старичковъ-консерваторовъ», съ намѣреніемъ въ третій разъ удивиться предусмотрительности начальства, но, сообразивъ обстоятельства сего дѣла, и ниѣ въ виду: 1) что распрѣдѣленіе человѣческихъ немощей ни въ какомъ случаѣ отъ усмотрѣнія начальства зависѣть не можетъ, и 2) что за сими, всякое сужденіе объ этомъ предметѣ, по малой мѣрѣ, предвременно — *опредѣлимъ*: не давалъ ни ближайшаго, ни дальнѣйшаго развитія размышленіямъ о «старичкахъ-консерваторахъ», ония превратить, предоставивъ, впрочемъ, ихъ участь милосердію г-жъ Сальвіони и Канциревой.

Вотъ краткое содержаніе балета «Золотая рыба», привлекавшаго въ большой театрѣ многочисленную публику. Я вполне

понимаю цѣли, руководившія г. Сень-Леонемъ при есчненіи этого балета, и даже безоговорочно одобряю ихъ... Я увѣренъ даже, что еслибъ г. Сень-Леонъ могъ разрѣшить корифеямъ и корифейкамъ говорить, то онъ непременно заставилъ бы ихъ говорить погречески или полатыни, все въ видахъ достиженія тѣхъ же консервативно-миеологическихъ цѣлей... Но я позволяю себѣ усомниться въ одномъ: для чего тутъ необходимо посрамленіе географіи? и дѣйствительно ли усматриваются въ ней такія вредоносныя начала, которыя могутъ серьезно тревожить такъ-называемую «великую консервативную партію»?

Положа руку на сердце, я отвѣчаю: нѣтъ, никакихъ вредоносностей за географіей не водится! Говоря по совѣсти, географія, и въ особенности «сокращенная», есть наука очень и очень полезная. Съ помощью ея, можно во всякое время снаряжать экспедиціи, заключать трактаты, расширять и исправлять границы, руководясь единственно одною удобностью. Въ этомъ смыслѣ пользуются географіей московскіе публицисты безъ всякаго опасенія — и что же? выходитъ хорошо! Потому что, не будь географіи, мы именно блуждали бы, такъ-сказать, въ непрерывномъ ужасѣ. Задумавши снарядить экспедицію, мы не знали бы, куда ее снарядить; задумавши побѣдить — не знали бы, кого побѣдить, задумавши занять денегъ — засовывали бы руки совѣмъ не въ тѣ карманы. Я увѣренъ даже, что не только географія, но и исторія, и арифметика, и самый «Домашній лечебникъ» кн. Енгалычева не суть вредны. Дѣло только въ томъ, чтобы извлекать изъ нихъ полезное, а непотребное отбрасывать и отсѣвать. Такъ наприимѣръ: достоверно извѣстно, что безъ помощи «исторіи» мы не имѣли бы понятія о многихъ полезнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, а безъ твердаго знанія таблички умноженія не могли бы вести правильный счетъ податямъ и повинностямъ. Посему, опасаться географіи нѣтъ основанія; надо только быть твердымъ, а остальное приложится само собою.

Мнѣ всегда казалось, что не тотъ истинный консерваторъ, который фантастически преслѣдуетъ географію, исторію и арифметику, но тотъ, который усматриваетъ въ сихъ «враткихъ руководствахъ» полезныя вспомогательныя науки для сочиненія руководящихъ публицистическихъ статей. Не тотъ истинный консерваторъ, который заставляетъ танцовщицъ поднимать ногу въ видахъ посрамленія арифметики, но тотъ, кто, съ удовольствіемъ взирая на порхающихъ корифеевъ, въ то же время отчетливо сознаеть, что $2 \times 2 = 4$. Я самъ пламенный консерваторъ; я самъ искренно скорбѣлъ, когда вѣрнопостные мои мужички и т. д.; я самъ питаю несокрушимую вѣру въ «духа долины» и въ «дочь Фараона»; но, вывѣтъ съ тѣмъ, я положительно хочу знать, въ Рязани или въ Пензѣ они привитають, и ежели мнѣ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ неудовлетворительно, то мысль моя мучится, и самая вѣра охлаждаетъ:

Вопросъ о примиреніи балета съ консервативно-вспомогатель-

ными науками занималъ меня не малое время. Проникнутый важностью этой задачи, я не дѣвнлся, какъ «рабъ лубавнй», но старался доказать примѣнимость моей мысли на практикѣ, и, въ порывѣ усердія, не мало-таки перепортилъ бумаги. Сначала, я сочинилъ балетъ, подъ названіемъ «Добродушный Гостомыслъ и варяги, или всякое дѣло надо дѣлать подумавши», но сообразилъ, что сюжетъ этотъ несравненно съ болышимъ знаніемъ обрабатывается газетою «Москва». Потомъ сочинилъ балетъ, подъ названіемъ: «Административный Пирогъ, или Безпримѣрное объяденіе»; но одинъ отставной цензоръ завѣрилъ меня, что постановка такого балета будетъ едва-ли не преждевременна. Наконецъ, я остановился на третьемъ сюжетѣ, который, по мнѣнію моему, долженъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Лъшу себя надеждою, что представители санктпетербургскихъ театраль-ныхъ искусствъ оцѣнятъ мои усилія, и поставятъ на сцену балетъ моего сочиненія съ великолѣпіемъ, вполне соответствующимъ его достоинству.

Вотъ моя программа.

МНИМЫЕ ВРАГИ

или

ВРИ И НЕ ОНАСАЙСЯ.

Современно-отечественно-фантастическій балетъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 4-хъ картинахъ. Соч. сотрудника «Отечественныхъ Записокъ».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Отечественно-консервативная сила, скрывающаяся подъ именемъ
Ивана Ивановича Давилова.

Овираловъ. { наперсники и друзья Давилова.
Давитость. }

Отечественный либерализмъ, скрывающійся подъ именемъ Хлеста-кова. Паспнокъ Давилова.

Госпожа Взятка, женщина уже въ лѣтахъ, но вѣчно юна; напрасно полагаетъ себя вдовою.

Аниета Поступинна, молодая женщина; напрасно полагаетъ себя дѣвцею.

Лганъ.

Вранъ.

Издѣлиныя лъвознательность.

Ченуха.

} Отечественно-анагреонтическія фи-
гурмы.

Мужики. Полицейскіе солдаты. Внутреннія стража.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА I.

Обширная комната въ городѣ Глуловѣ. (По срединѣ стоятъ столъ, покрытый сукномъ. На столѣ беспорядочно валяются кн-пы бумагъ.)

I.

Толпа обывателей, оболо которыхъ суетятся и исполняютъ свое дѣло Обираловъ и Дантистъ. Обыватели съ радостью развязываютъ кошельки и подставляютъ шеп. Давиловъ сидитъ у стола, погруженный въ чтеніе бумагъ. Онъ думаетъ: «сегодня придетъ моя милая Взятка и мы соединимся съ нею на вѣки!»

II:

Внезапно чернильница, стоящая на столѣ, разбивается въ дребзги, и изъ нея вылетаетъ Аннета Постепенная. Она стоитъ нѣкоторое время на одной ногѣ, потомъ съ очаровательною граціей ударяетъ Давилова пальчикомъ по лиснѣ. Давиловъ въ изумленіи простираетъ руки, какъ-бы желая поймать чародѣйку. «Кто ты, странное существо, и какое зло сдѣлала тебѣ эта бѣдная чернильница, за которое ты такъ безжалостно разбила ее?» Но Аннета смотритъ на него съ грустною и въ то же время кокетливою улыбкою. «Пойми!» говоритъ она, и исчезаетъ тѣмъ же путемъ, какимъ появилась. Чернильница возрождается на столѣ въ прежнемъ видѣ. Давиловъ хочетъ устремиться за очаровательницею, но вмѣсто того попадаетъ пальцемъ въ чернильницу. «Пойми!» повторяетъ онъ въ раздумьи: «что хотѣла она сказать этимъ «пойми»?»

III.

Между тѣмъ, Обираловъ уже выпотрошилъ мужиковъ, а Дантистъ обратилъ въ пепелъ множество зубовъ. Обираловъ легкимъ прикосновеніемъ руки выводитъ Давилова изъ раздумья. Но Давиловъ долго еще не можетъ прийти въ себя, и безпрестанно повторяя: «пойми!», устремляется къ тому мѣсту, гдѣ скрылась очаровательница, но снова попадаетъ пальцемъ въ чернильницу. Въ это время изъ рукъ Обиралова внезапно выпархиваетъ Взятка, и разомъ овладѣваетъ всѣми помыслами Давилова. Происходить:

танецъ Взятки.

Взятка порхаетъ по сценѣ и легкими, граціозными скачками даетъ понять, что сдѣлаетъ счастливымъ того, кто будетъ ея обладателемъ. Она почти не одѣта, но это придаетъ еще болѣе

прелести ея соблазнительнымъ движеніямъ. Давиловъ совершенно забываетъ о недавней незнакомкѣ, и съ вношескою страстью устремляется къ новой очаровательницѣ. Онъ старается уловить ея; движенія его порывисты и торопливы; ловкость по истинѣ изумительна. Но взятка кокетничаетъ и не дается; вотъ вотъ онъ прикасается уже къ ея талии, — какъ она ловко выскользаетъ изъ его рукъ, и вновь быстро кружится въ бѣшеной пляскѣ. Наконецъ, утомленная и тронутая мольбами своего любовника, она постепенно ослабѣваетъ... ослабѣваетъ... и тихо исчезаетъ въ карманѣ Давилова. Обираловъ и Дантистъ, умиленные, стоятъ въ почти-тельномъ отдаленіи и слегка подтанцовываютъ.

IV.

Мужики, видя, что сердца начальниковъ радуются, сами начинаютъ приходить въ восторгъ и выражаютъ его благодарными тѣлодвиженіями, которыя постепенно переходятъ въ

ВОЛЬШОЙ ТАНЕЦЪ ЛАНТЕЙ.

Въ танцѣ этомъ принимаютъ участіе: Давиловъ, Обираловъ и Дантистъ, въ качествѣ корифеевъ.

V.

«Спасибо, друзья!» говоритъ Давиловъ мужикамъ и общается имъ дать на водку, когда будутъ деньги. Затѣмъ обращается къ Обиралову и Дантисту и говоритъ: «друзья! вы лихо поработали сегодня! Теперь пойдете въ трактиръ и тамъ славно закусимъ и выпьемъ!» Онъ уже застегиваетъ вицъ-мундиръ и хочетъ взяться за шляпу, какъ чернильница вновь разлетается въ дребезги и на столѣ опять появляется Аннета Постепенная. Она, попрежнему, стоитъ на одной ногѣ, но видъ ея строгъ. «Слушай», говоритъ она Давилону: «я предупреждала тебя, но ты не вниль словамъ моимъ и продолжаешь безобразничать съ паскудною Взяткою. И такъ, буду ясна: вызови немедленно изъ заточенія твоего пасника, Хлестакова, или... ты погибнешь». Сказавши это, Аннета исчезаетъ, оставляя всѣхъ присутствующихъ въ ужасѣ и стоящими на одной ногѣ. Картина.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА П.

Пустынное мѣстоположеніе, отданное въ надѣлъ крестьянамъ. Болото, по коему произрастаютъ тощія сосны. Въ глубинѣ сцены секретная хижина. На соснахъ заливаются публицисты:

Сироты дн мы, ахъ, сиротушки!
 Забубеваня мн, ахъ, головушки!
 А и нѣтъ у насъ отца съ матушкой!
 А и есть у насъ только дѣтушки!
 А и первый-есть сынъ несмысленочекъ,
 А второй-есть сынъ да дурашливый,
 А и треть-есть сынъ — хуже перваго,
 А четвертой сынъ — хуже третьаго,
 А и пятой сынъ — самый жалковнѣй,
 Самый жалковнѣй, вовсе глусеньнѣй,
 И проч., и проч.

I.

Изъ самой глубины трясины появляются три отечественно-анакреонтическія фигуры: Лганье, Вранье и Излишняя любознательность. Нѣкоторое время онѣ какъ-бы не узнаютъ другъ друга, но черезъ минуту недоразумѣніе исчезаетъ и друзья палятся. Начинается совѣщаніе: — Я буду лгать умышленно! говоритъ Лганье. — А я буду врать, что попало! говоритъ Вранье. — А я буду подслушивать, скромно отзывается Излишняя любознательность. Лганье и Вранье останавливаются, пораженные находчивостью своей подруги, и съ нѣкоторою завистью смотреть на нее. — Вы будете мнѣ помогать, будете, такъ-сказать, популяризировать меня, еще скромнѣе прибавляетъ Излишняя любознательность, и эту привѣтливостью возвращаетъ на лица собеседницъ безпечное выраженіе. — Не станцовать ли намъ что-нибудь, покуда не пришелъ нашъ добрый другъ и начальникъ Хлестаковъ? предлагаетъ Вранье. — Пожалуй, соглашается Лганье, но гдѣ онъ такъ долго пропадаетъ, бѣдненькій? — Внимайте! я повѣдаю вамъ ужасную тайну, отвѣчаетъ Излишняя любознательность. Начинается:

II.

СЕКРЕТНЫЙ ТАНЕЦЪ ИЗЛИШНЕЙ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ.

«Прошлую ночь», такъ танцуетъ она: «я, по обыкновенію своему, тихо-тихо, скромно-скромно, чутко-чутко послѣдовала за нимъ. Все покровительствовало мнѣ: и испаренія, поднимавшіяся отъ нашей трясины, и отсутствіе луны, и тихое, уснвляющее щебетаніе публицистовъ. Однако, я шла и озиралась; что, думала я, если меня поймають! Что сдѣлають со мной? закатають ли до смерти, или просто ограничатся однимъ шлепкомъ?»

«Однако, я шла, готовая вынести побой и даже самую смерть... и что же? На верху неприступной скалы я увидала чертогъ, весь залитый свѣтомъ! Тихо-тихо, скромно-скромно, чутко-чутко приложила я глаза и уши къ сважинѣ... и что же? Я увидѣла Хлестакова, который, вмѣсто того, чтобы стоять на стражѣ, покоился въ объятіяхъ дѣвицы Постепенной!»

III.

Протанцовавъ все вышензложенное, Излишняя любовзательность вдругъ останавливается. Она догадывается, что сдѣлала дѣло совершенно бесполезное и даже глупое, что Хлестаковъ ея другъ и руководитель, и что, слѣдовательно, подсматривать за нимъ нѣтъ никакой надобности. «Зачѣмъ я подслушивала! зачѣмъ поглядывала!» говоритъ она, и въ негодованіи на свой собственный поступокъ высоко поднимаетъ ногу.

IV.

«Теперь слушайте же и меня!» говоритъ Лганье и начинать:

Танецъ Лганья.

«Я тоже внимательно слѣдило за нашимъ другомъ и покровителемъ Хлестаковымъ, и вида его грустнымъ, отъ всей души соболѣзновало. Однажды, узнвъ его гуляющимъ на берегу нашей трасины, я не вытерпѣло и подошло къ нему. «Покровитель! свазало я, отчего такъ грустенъ твой видъ?» — Мой вѣрний слуга! отвѣчалъ онъ мнѣ, я грущу, потому что не знаю, какое сдѣлать употребленіе изъ прекрасныхъ способностей, которыми наградила меня природа!.. Тогда я предложило ему мой проектъ всеобщаго оболганія, и...»

V.

Но здѣсь Лганье останавливается, съ непритворной грустью спрашиваетъ себя: «Зачѣмъ лгать? кого обманывать?» и, въ замлчненіе, поднимаетъ одну ногу.

VI.

«Нѣтъ, послушайте-ка вы меня!» вступаетъ, въ свою очередь, Вранье и, вслѣдъ за тѣмъ, начинать:

танецъ Вранья.

«На дняхъ я встрѣтило нашего милаго Хлестакова въ самомъ оригинальномъ положеніи:

«Онъ лежалъ, животомъ къ верху, на берегу нашей трасины и грѣлся на солнцѣ. «Что ты, мой cher, тутъ дѣлаешь? спросило я его (вѣдь вы знаете я съ нимъ на ты) — и что означаетъ эта оригинальная поза?» — Молчи! отвѣчалъ онъ мнѣ: — я сочиняю либеральныя измышления! Ты знаешь, продолжалъ онъ, послѣ краткаго молчанія, отеревъ слезы, струившіяся изъ его глазъ: — ты знаешь, другъ, что я сдѣлался руководителемъ по части отечественной благонамѣренности... и... и... Тутъ онъ вновь залился слезами, и сквозь всхлипыванья я могло разобрать только слѣ-

дующее: «до тѣхъ поръ не успокоюсь, покуда не переломаю всѣ ребра!»

VII.

Протанцовавъ это, Вранье намѣревается сдѣлать антраша; но такъ-какъ для всякаго ясно, что все рассказанное имъ есть не что иное, какъ сплошной вздоръ, то и Вранье не можетъ выдержаться отъ горькаго вопроса: «зачѣмъ я врало?» Въ негодованіи на себя, оно высоко поднимаетъ одну ногу.

VIII.

Такимъ образомъ, всѣ трое стоятъ нѣкоторое время, каждый съ одной поднятой ногой. Въ глубинѣ сцены является Чепуха. Выстрѣмъ и смѣлымъ скачкомъ она перелетаетъ всю сцену и становится между упомянутыми тремя анакреонтическими фигурами. «Вы совершили множество ненужныхъ подвиговъ», говорить она: «потому что съ вами была я!» Начинается:

Большой танецъ чепухи.

«До тѣхъ поръ», танцуетъ она: «покуда я буду съ вами, вы не будете имѣть возможности ни подслушивать, ни лгать, ни врать безнаказанно. Всѣ ваши усилія въ этомъ смыслѣ будутъ напрасны, потому что всякій, даже не учившійся въ семинаріи, разгадаетъ ихъ! Вы будете подслушивать, лгать и врать безъ системы, единственно для препровожденія времени. Всякій, встрѣтившійся съ вами, скажетъ себѣ: будемъ осторожны, ибо вотъ это — излишняя любознательность, вотъ это — постыдное лганье, а это — безмозглое вранье! Вы думали, что уже эмансипировались отъ меня — и горько ошиблись, потому что владычество мое далеко не кончилось! Вы не уйдете отъ меня ни гдѣ, не скроетесь даже въ эту трясицу; вездѣ я застигну васъ, и буду руководящимъ началомъ всѣхъ вашихъ дѣйствій! Вы спросите, быть можетъ, зачѣмъ я это дѣлаю?»...

IX.

Чепуха останавливается, и въ недоумѣніи спрашиваетъ себя: «зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она такъ дѣлаетъ?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, она высоко поднимаетъ ногу. Начинается

Танецъ четырехъ поднятыхъ ногъ,
который прерывается

Чрезвычайнымъ полетомъ публицистовъ, какъ-бы возвѣщающимъ прибытіе нѣкоторыхъ важныхъ незнакомцевъ. Незнакомцы эти суть не кто иные, какъ Давиловъ и Хлестаковъ. Они проходятъ съ понижшими головами черезъ сцену и скрываются въ секретную хитину. Публицисты свищутъ: «вотъ они! вотъ наши благодѣтели!»

КАРТИНА III.

Внутренность секретной жизни.

I.

Давиловъ и Хлестаковъ предаются воспоминаніямъ. Оба растроганы. «Сколько лѣтъ я томился въ изгнаніи! говорятъ Хлестаковъ: — оторванный жестокииъ вотчимомъ отъ чрева любимой матери, я скитался по этимъ пустыннымъ мѣстамъ, но и среди уединенія посвящалъ свои досуги любезному отечеству!» — Прости меня, мой другъ! отвѣчаетъ Давиловъ: — вѣдь я думалъ, что ты либераль! — Какъ «либераль»? но теперь, въ сію минуту, развѣ я не либераль? Кхе-кхе! дѣлаетъ Давиловъ. — Такъ позвольте вамъ сазать, милый палецъ, что вы не понимаете, что такое либерализмъ! Сказавши эти слова, Хлестаковъ даетъ знать музыкѣ умолкнуть, а публицистамъ приказываетъ свистать. Начинается

Большой танецъ отечественнаго либерализма.

«Что такое либерализмъ? Это нѣчто тонкое, легкое, неуловимое, какъ то па, которое я выдѣлываю. Это шалунья-нимфа, на которую можно смотрѣть издали, какъ она купается въ струяхъ журчащаго ручейка, но изловить которую невозможно. Это волшебный букетъ цвѣтовъ, который удаляется отъ вашего носа по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь, чтобы понюхать его. Это милая мечта, которая сулитъ впереди множество самыхъ разнообразныхъ яствъ, въ дѣйствительности же кормитъ одною постепенностью. Это тотъ самый вукишъ, котораго присутствіе вы чувствуете между вторымъ и третьимъ пальцами вашей руки, но который уловить ни подъ какимъ видомъ не можете! Поймите, какава это умная и подходящая штука! Какъ она угодна нашимъ правамъ, и какъ мы должны гордиться ею! Мы ничего не выдумали — даже пороха! — но выдумали «либерализмъ», и сразу стяжали вѣчное право на безсмертіе! Жгучій и пламенный съ виду, онъ не жжетъ никого, но многимъ позволяетъ грѣтъ около себя руки. Грозный съ виду, онъ никого не устрашаетъ, но многимъ подаетъ утѣшеніе. Всякій ждетъ, всякій заранѣе проливаетъ слезы умиленія... И опять все-таки ждетъ, и опять проливаетъ слезы умиленія, ибо ждать и проливать слезы—есть удѣлъ человѣка въ сей юдоли плача!»

Хлестаковъ падаетъ въ изнеможеніи на полъ.

Большая трель публицистовъ.

II.

— Гм... я убѣждаюсь, что ты совершеннѣйшая... то-есть, что ты благороднѣйшій юноша! хотѣлъ я сказать! говоритъ Дави-

ловъ: — и потому, вотъ что я придумалъ: забудемъ прошлое, и заключимъ союзъ! — Съ охотою, но предварительно я долженъ предложить тебѣ нѣсколько условій, безъ соблюденія которыхъ никакой союзъ между нами невозможенъ. — Слушаю тебя съ величайшимъ вниманіемъ. — Вопервыхъ, ты долженъ прекратить пагубныя сношенія съ Взяткою (отрицательное движеніе со стороны Давилова)... не опасайся! я вовсе не требую, чтобъ ты отказался отъ секретнаго съ нею обхожденія, но ради самаго Создателя, ради всего, что тебѣ дорого, не показывайся съ нею въ публичныхъ мѣстахъ, и дѣлай видъ, что она тебѣ незнакома! Ты не знаешь... нѣтъ, ты не знаешь, сколько вреда приносятъ откровенное обращеніе съ Взяткою! Это бросается въ глаза всякому; самый малоумный человѣкъ — и тотъ понимаетъ подъ Взяткою что-то нехорошее, несовмѣстное съ либерализмомъ. Всякій, встрѣтившись съ тобою на дорогѣ, говоритъ: вотъ взятчикъ, и никто не скажетъ: вотъ либераль! До сихъ поръ ты бралъ взятки и давилъ... продолжай и на будущее время! но дѣлай такъ, чтобъ никто не смѣлъ называть тебя ни взятчикомъ, ни Давиловымъ! — Стало бытъ потихоньку можно? робко спрашиваетъ Давиловъ. — Потихоньку... можно; (съ жаромъ) все потихоньку можно! — Ну-съ... второе условіе? — Второе условіе — удали изъ числа твоихъ приближенныхъ Чепуху! — Эту за что жь? — Другъ! Чепуха опаснѣе даже Взятки. Если Взятка мараетъ отдѣльнаго человѣка, то Чепуха кладетъ свое клеймо на цѣлыя группы людей, на цѣлый порядокъ, на цѣлую систему! Отъ Взятки мы можемъ отдѣлаться секретнымъ съ ней обхожденіемъ; отъ Чепухи — никогда и ничѣмъ. Она сопровождаетъ насъ всюду; она отравляетъ всѣ наши дѣйствія... она дѣлаетъ невозможною систему! Наконецъ, сознаюсь ли тебѣ? Я самъ, самъ, какъ ты меня видишь... самъ несвободенъ до нѣкоторой степени отъ Чепухи! — Но вѣдь Чепуха сколько разъ спасала меня, выручала изъ бѣды? — Это нужды нѣтъ: отнынѣ, вмѣсто Чепухи, теби должна спасать Неуклонность...

Начинается

Большой танецъ Неуклонности,

который отличается тѣмъ, что его танцуютъ, не сгибая ногъ, и держа голову на оборотъ.

III.

Друзья задумываются и полчаса молчатъ. Въ это время публицисты чистятъ носы, какъ-бы приготовляясь зацѣть по первому требованію. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ этотъ наступаетъ. Хлестаковъ выходитъ изъ задумчивости и говоритъ: третье условіе — ты долженъ умѣть танцевать «танецъ честности».

Начинается

Большой тавецъ чвстности,

во время котораго публицисти поють:

Ахъ, когда же съ поля чести
Русскій воинъ удалой...

Но «танецъ чвстности» рѣшительно не витанцовывается. Напрасно понуждаетъ Хлестаковъ свои ноги; напрасно публицисти то ускоряютъ, то замедляютъ темпъ, съ цѣлю прити въ соотвѣтствіе съ ихъ покровителями—ничто не помогаетъ. Опечаленный неудачей, но въ то же время скрываая оную, Хлестаковъ развязно говоритъ: все равно, будемъ, вмѣсто этого, танцовать

Большой тавецъ Благонамѣренности,

который и танцуетъ, подъ свистъ публицистовъ поющихъ:

По улицѣ мостовой...

IV.

— Это все? спрашиваетъ Давыловъ. — Покажѣте все, и ежели ты согласенъ, то мы можемъ приступить къ написанію взаимнаго оборонительно-наступательнаго трактата. — Согласенъ! — Въ такомъ случаѣ идемъ въ секретную комнату... Открывается трапцъ, и друзья исчезаютъ. Публицисти поють:

Тихо всюду! глухо всюду!
Быть тутъ чуду! быть тутъ чуду!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА IV.

Прелестное мѣстоположеніе; въ глубинѣ сцены храмъ славы. Содержаніе этой картины составляетъ процессъ Чепухи съ Изящною Любознательностью, Лганьемъ и Враньемъ. Судьи: Хлестаковъ и Давыловъ; ассесоръ: Обираловъ; протоколистъ: Дантистъ. Чепуха доказываетъ свои права, и опирается преимущественно на то, что она одна въ состояніи смилчить слишкомъ суровую послѣдовательность прочихъ анакреонтическихъ фигуръ. Послѣдніе, однакожъ, оправдываются, и говорятъ, что малый ихъ успѣхъ происходитъ единственно отъ участія Чепухи. Хлестаковъ колеблется; но Давыловъ явно склоняется на сторону подсудимой. Выходитъ рѣшеніе: «подсудимую Чепуху учинить отъ слѣдствія и суда свободною и допустить, попрежнему, въ число анакреонтическихъ фигуръ». Въ народѣ раздаются клики восторженной радости; сами судьи взволнованы. Затѣмъ происходитъ:

ШЕСТВИЕ ВЪ ХРАМЪ СЛАВЫ.

Дошедши до порога храма славы, Хлестаковъ и Давиловъ, «какъ-бы волшебствомъ какимъ», сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое, и принимаютъ двойную фамилію Хлестакова-Давилова. Съ своей стороны, Взятва и Аннета Постепенная тоже сливаются въ нераздѣльное цѣлое, и принимаютъ двойную фамилію Взятки-Постепенной. Начинается:

АПОТЕОЗЪ.

Хлестаковъ-Давиловъ стоитъ на возвышеніи, освѣщаемый молніей. По сторонамъ народъ, публицисты, фотографы и стража. Передъ Хлестаковимъ-Давиловимъ, на колѣняхъ, Взятва-Потихоньку-Постепенная на бархатной подушкѣ преподноситъ кованый изъ золота гербъ рода Хлестаковыхъ-Давиловыхъ —

РИМСКІЙ ОГУРЕЦЪ.

Народъ въ упоеніи пляшетъ; но порядокъ не нарушается, ибо изъ-за кулисъ выглядываютъ будочники.

Занавѣсъ падаетъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Какъ изъ полукопеекъ дѣлаются тысячи? — Что дѣлаетъ «нашъ народъ»? — Что дѣлается въ Петербургѣ для просвѣщенія народа? — Общественныя увеселенія за прошедшій мѣсяцъ. — Народный театръ Берга. — Японцы. — Годовой отчетъ литературнаго фонда. — Общество «Вережливость». — «Наука жить хорошо». — Профессоры московскаго университета. — Права преподавателей. — Поправка.

Несмотря даже и на свой лишній, добавочный день, прошедшій мѣсяцъ все-таки не ознаменовалъ себя ничѣмъ особеннымъ! Никакого общественнаго движенія по поводу чего-нибудь или въ пользу кого-нибудь, никакой «исторіи», никакого громкаго процесса, замѣчательнаго произведенія наукъ, литературы или искусствъ, даже никакой замѣчательной глупости—ничего нѣтъ!

Но такъ это и подобаетъ настоящимъ днямъ поста и воздержанія,—ежели постъ, такъ уже постъ во всемъ! А чтобы постъ этотъ былъ чувствителенъ и для Петербурга, здѣшніе купцы еще нѣсколько надбавили цѣну на хлѣбъ,—такъ немножко, всего по полукопеечкѣ на фунтъ (на бѣлый по копейкѣ)! Вслѣдствіе чего они надбавили по полкопейки, и почему только по полкопейки, а не больше и не меньше, я не знаю; но во всякомъ случаѣ, едва-ли вслѣдствіе того, что запасъ прежняго хлѣ-

ба въ Петербургѣ на исходѣ, а новаго подвоза въ скорости не предвидится; потому что если это и такъ, то вѣдь наличный хлѣбъ въ Петербургѣ, купленный купцами по прежней цѣнѣ, не могъ стать для нихъ дороже только оттого, что его стало мало. Я думаю, что петербургскіе хлѣботорговцы хотятъ этимъ обратитъ здѣшнихъ жителей на путь воздержанія и умѣренности, хотятъ принудить ихъ ѣсть хлѣба меньше, — чтобы его хватило на болѣе продолжительное время. Или, можетъ быть, они желаютъ возвратитъ тѣ сотни и даже тысячи рублей, которыя они такъ щедро пожертвовали-было въ пользу голодающихъ? По полукопейки на каждый изъ 100,000 (это самое меньшее) фунтовъ хлѣба, ежедневно потребляемаго въ Петербургѣ, это составитъ 500 руб. въ день, въ недѣлю — 3,500 руб., въ мѣсяцъ 15,000 руб. Къ Пасхѣ (ровно чрезъ мѣсяцъ) можно будетъ не только возвратитъ мѣсяцъ тому назадъ пожертвованные 1000 руб., но, пожалуй, и еще 1000 руб. пожертвовать — въ пользу бѣдныхъ архангельскихъ и смоленскихъ мужиковъ; можно и всѣмъ петербургскимъ нищимъ подать въ Свѣтлое Христово Воскресенье по цѣлому трехкопеечнику (хотя бы этихъ нищихъ было и цѣлмхъ 100,000 человекъ), а въ «с.-петербургское благотворительное общество снабженія бѣдныхъ пищей» и въ общество «для раздачи хлѣба бѣднымъ жителямъ Литейной части» можно пожертвовать даже по 10 пудовъ хлѣба, — и все-таки отъ полукопеечной надбавки на фунтъ хлѣба останется къ Пасхѣ 5 — 7 тысячъ руб. чистаго барыша! Курочка по зернушку клюеть... или съ міра по ниткѣ, а собиравшему эти нитки — рубашка! — Но пусть петербургскіе хлѣботорговцы не обижаются на меня за этотъ расчетъ, — я нисколько не желаю ихъ оскорбить. Я это такъ вообще философствую. Таковъ уже законъ природы, что сколько какая-нибудь одна единица ни жертвуй въ пользу тысячъ единицъ, все-таки она никогда не дастъ столько, сколько эти тысячи единицъ дадутъ въ ея пользу. Но тысячи единицъ даютъ по самой малости, по копейкѣ, или по рублю; оттого ихъ пожертвованія и незамѣтны и въ лѣтописи исторіи не записываются и благодарностей потомства не удостоиваются, а подвиги и дѣла благотворенія, совершаемыя привилегированными единицами, собравшими копейкою дань съ тысячи единицъ, бывають громки и велики и всѣмъ въ глаза бросаются. Только какъ бы эти пожертвованія привилегированныхъ единицъ велики ни были, никогда они не достигаютъ такого размѣра, чтобы сравняться съ суммою пожертвованій тысячей единицъ!

Впрочемъ, къ чему все же это говорить! Это значитъ только оскорблять, раздражать, подрывать и т. д., а въ концѣ концовъ, напрасно слова тратить. Никого вѣдь этимъ ни къ чему не побудишь, и никого не передѣлаешь. Всѣ наши воззванія и вопли о бѣдности, нуждѣ, скорой и достаточной помощи и проч. — все это только самая общія, общія мѣта!

Притомъ же и такая ли, въ самомъ дѣлѣ, нужда и бѣдность

у насъ, какъ это многіе увѣряють? Говорять, что у насъ во многіхъ мѣстностяхъ господствуетъ теперь голодъ; народъ страдаетъ и умираетъ съ голоду или отъ различныхъ болѣзней, появившихся вслѣдствіе голода. Такъ говорятъ — и говорятъ, какъ это извѣстно всѣмъ, совершенно справедливо — но вотъ одна газета увѣряетъ, что ей пишутъ не то. «Намъ пишутъ — говорить она — передовая статья (ваша) такъ и вызываетъ на чувствительный отвѣтъ. Да, нашъ народъ пьетъ не «на животь, а на смерть». Пьютъ старики, взрослые, юноши и даже дѣти; пьютъ старшины, старосты, сотскіе и волостные писаря; пьютъ и женщины, — но болѣе *самыя молодыя*. Среднихъ лѣтъ и старухи, непривыкшія пить съ молоду, но крайней-мѣрѣ, открыто, стыдятся наиваться, но молодыя идутъ смѣло въ кабаки и даже устраиваютъ тамъ ширухи. Не стыдятся нисколько, идетъ въ кабаки и молодая крестьянская дѣвка лѣтъ 14 или 15 (въ 16 лѣтъ она уже у насъ обыкновенно выходитъ замужъ) и покупаетъ на «сладчину» косушку и распиваетъ хозяйственныя произведенія, часто и одежду; бабы пропиваютъ холстъ, сукно и себя. Рядомъ съ пьянствомъ идетъ другое зло: *орлянка*; ею преимущественно занимается *молодое поколѣніе* — мальчики отъ 10 лѣтъ и далѣе, руководимые кѣмъ нибудь постарше. Часто мальчикъ подсматривъ, гдѣ отецъ или мать положить деньги, украдетъ ихъ и проигрываетъ въ орлянку. Недавно сынъ зажиточнаго крестьянина, 12-лѣтній мальчикъ, подмѣтивъ, гдѣ мать спрятала 12 р. с. двугривенными — стащилъ ихъ и проигралъ; и это не одинъ примѣръ подобной врани. На игру въ орлянку должна бы обращать вниманіе полиція, и ближайшее къ сельскому населенію полицейское лицо — сотскій: но онъ этой обязанности и не можетъ сознать, потому что и становой и исправникъ за смѣются вамъ въ глаза, если вы захотите обратить на это ихъ вниманіе, и прибавятъ: «какой вы безпокойный человекъ! Что вы къ этому придираетесь? Чтò вамъ за дѣло? пусть забавляются». А тѣ забавляются и дѣлаются ворами и готовятъ себя въ каторжники. Благодѣтелемъ *русскаго человечества* (?) будетъ тотъ, кто найдетъ средство остановить это страшное, безобразное пьянство».

Вотъ чтò «намъ пишутъ» и вотъ чтò, будто бы, дѣлаетъ теперь «нашъ народъ» (!) И замѣтите, это пишутъ не въ «Вѣсть», а совсѣмъ въ другую газету, старающуюся казаться народолюбивою. Увидитъ какой-нибудь господинъ, возвращающійся съ благотворительнаго бала или съ прощальнаго обѣда въ честь его превосходительства, двонхъ-троихъ или даже хоть бы десятерыхъ пьяныхъ мужиковъ, и сейчасъ же за перо — благо, что грамотенъ — пишетъ корреспонденцію или статью и возглашаетъ: «нашъ народъ» пьетъ, пьетъ поголовно! Или услышитъ, что какой-нибудь крестьянскій мальчишка укралъ у отца 10 рублей; и сейчасъ же предастъ это гласности и рѣшаетъ, что «нашъ народъ» совсѣмъ проворовался. Счастье наше, господа, что «нашъ народъ» не

грамотенъ, а то онъ, можетъ быть, началъ бы писать совсѣмъ другія статьи и корреспонденціи.

Пьянство, лѣнь, воровство и т. п. пороки народа—нашъ любимый конекъ для обличеній и благонамѣренныхъ жалобъ и вадоховъ. А спрашивается, что предпринимается у насъ для того, чтобы народъ не пилъ и вообще былъ болѣе человѣченъ? Вотъ теперь въ модѣ желать для него народныхъ театровъ и жаловаться, что у насъ такихъ театровъ нѣтъ и что закрыты на время поста даже и обыкновенные, не народные театры. Это очень жаль—конечно; и совершенно справедливо, что и простой, безграмотный народъ любитъ театръ, въ свободное время и при маленькихъ лишннихъ денежныхъ средствахъ охотно посѣщаетъ его и, по всей вѣроятности, извлекаетъ для себя изъ этого кое-какую пользу, даже несмотря на всю негѣдность многихъ изъ нашихъ театральнхъ пьесъ. Но, вѣдь еще полезнѣе и поучительнѣе были бы для него школы. Почему же, напримѣръ, въ Петербургѣ нѣтъ ни одной воскресной школы и ни одной вечерней школы? Почему нѣтъ и въ поминѣ какихъ-нибудь популярнхъ чтеній для народа? Да, кстати, почему нѣтъ ихъ и для образованнаго общества, и во всю настоящую зиму, со включеніемъ осени, были только двѣ публичныя лекціи—г. Арсеньева? Почему также картинная галлерей академіи художествъ закрыта почти круглый годъ, а кунст-камера открыта только по поведѣльникамъ? Почему всѣми нашими общественными кабинетами, музеями, собраніями и т. п., открытыми и закрытыми хранилищами рѣдкостей и разныхъ болѣе или менѣе поучительныхъ предметовъ, любуются только одни приставленные къ нимъ сторожа, а простой народъ въ нихъ почти рѣшительно никогда не бываетъ?

Чтобы у «нашего народа» не было любовательности и охоты посѣщать общественныя галлерей и кабинеты, утверждать это, я думаю, довольно трудно; я, напримѣръ, только дня три назадъ тому слышалъ, какъ одинъ солдатъ, указывая на академію художествъ, объяснялъ шедшему съ нимъ мужику, что вотъ въ этомъ домѣ чего только не насмотришься, да теперь нельзя, заперто. Поучительнаго для народа въ нашей академіи художествъ—въ будничные дни ея существованія, конечно, не особенно много; но все-таки, то время, которое этотъ мужикъ провелъ бы въ ней, еслибы она была открыта круглый годъ, навѣрное не пропало бы для него совершенно безслѣдно. Но въ академіи художествъ, въ кунст-камерѣ, въ залахъ вольно-экономическаго общества и т. д. полы паркетныя, а «нашъ народъ» не знаетъ еще употребленія валашъ... Болѣе серьезныхъ препятствій для того, чтобы въ эти учрежденія былъ открытъ свободный доступъ для народа, мнѣ кажется, не имѣется. Сторожа, все равно, со скуки умираютъ.

Что причиною тому, что у насъ нѣтъ популярнхъ чтеній для народа, я не знаю, и предположить даже не могу; во всякомъ

случаѣ, едва ли отсутствіе охотниковъ читать и способныхъ для этого людей. Относительно воскресныхъ школъ такихъ недоумѣній быть не можетъ; тамъ... извѣстно что — какъ разъ начнутъ проповѣдывать, что не земля стоитъ неподвижно, а солнце.

По всѣмъ сямъ основаніямъ, если желаете сдѣлаться «благодѣтелемъ русскаго человѣчества», какъ остроумно говоритъ оный корреспондентъ, то поищите какое-нибудь другое средство «оставить это страшное, безобразное пьянство», а народные театры, школы, популярныя чтенія, общественныя музеи — все это, по той или другой причинѣ, не подходяще.

А что если я укажу на это средство, хотя оно и не мной изобрѣтено?... Это, прежде всего, дать теперь хлѣба тѣмъ, которые не имѣютъ его, чтобы они не умерли съ голоду; а потомъ, на будущее время... «не придираться» къ нашему народу, — какъ совѣтуютъ въ оной корреспонденціи становой съ исправникомъ, хотя они сами, конечно, и не придерживаются этого правила — «не придираться я», то-есть, поменьше заботиться объ всѣхъ, поменьше опекаеть его, но только не относительно одного пьянства или одной орлянки, а во всѣхъ отношеніяхъ. Попробуйте-ка то средство—

Но довольно о мужикахъ и о хлѣбѣ.

Какъ встрѣтило и проводить постъ наше образованное общество? Ахъ, оно сучаетъ и вздыхаетъ по Луккѣ, Гранцовой и Марио! Ибо театры закрыты, а Лукка совсѣмъ уѣхала; баловъ и танцевальныхъ вечеровъ въ клубахъ и собраніяхъ тоже нѣтъ. Остались только концерты, живыя картины, циркъ Гинне, народный театръ Берга и японцы. Но концерты однообразны, посредственны и скучны; циркъ Гинне тоже однообразенъ и хорошихъ наѣздицъ въ немъ мало; живыя картины... Впрочемъ, живыя картины ничего еще, сносны; инныя даже милы и очень милы; особенно, знаете, какъ этакъ какая-нибудь m-lle Деверіа переходитъ по дощечкѣ чрезъ воображаемый ручеекъ и приподнимаетъ, à la m-lle Деверіа, свое платье, чтобы оно не замочилось въ воображаемой водѣ, а сзади нея лакей, для той же самой цѣли и тоже à la m-lle Деверіа, придерживаетъ шлейфъ платья! Картина выходитъ очень живописная и даетъ много пищи для воображенія. Большая часть живыхъ картинъ все въ этомъ родѣ, все рассчитываютъ на возбужденіе фантазіи. А въ театрѣ Берга — такъ тамъ для дѣятельности воображенія уже ничего не остается, такъ все пластично и реально до послѣдней степени! У Берга, впрочемъ, не одиѣ только живыя картины. Тамъ и танцуютъ, и декламируютъ, и діалоги разные ведутъ, и пантомимы разыгрываютъ; словомъ, даютъ чуть-чуть не настоящія театральныя представленія. Но театръ Берга почему-то не пользуется особеннымъ вниманіемъ публики. По крайней мѣрѣ, въ тотъ день, какъ я былъ въ немъ — а я былъ всего только одинъ разъ — онъ былъ почти совершенно пустъ. Это немножко странно, потому что театръ Берга вовсе не такой

простонародный, т.-е. мужицкій театръ, какъ это можно думать по его названію. Онъ называется народнымъ, но народнаго, т.-е. русско-народнаго, въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего. Даже господствующій языкъ тамъ не русскій, а смѣсь русскаго съ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ. Пѣсни поютъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ, разсказываютъ и діалоги ведутъ на французскомъ и нѣмецкомъ, а декламируютъ на русскомъ. Для пониманія всего этого мало даже и гимназическаго аттестата. Русскому же «народу» дѣлать здѣсь, очевидно, нечего. Еще болѣе нечего ему дѣлать здѣсь потому, что почти все, происходящее на сценѣ... пошловато — языка пѣсенъ или діалоговъ можно не понимать, но за то мимика и движенія, сопровождающія пѣніе и діалоги, слишкомъ выразительны, а они вовсе не поучительнаго характера; о танцахъ и говорить нечего. Тѣмъ не менѣе, въ театрѣ видѣлись, на заднихъ свамьяхъ, и чисто-русскія лица. Бѣдныя эти лица! для нихъ, въ настоящее время, единственное развлеченіе — этотъ русско-нѣмецко-французско-англійскій «народный» театръ! Но еще болѣе достойно сожалѣнія то, что многіе папаши и мамыши — не знаю какихъ національностей — приводятъ сюда своихъ 7-ми — 8-ми лѣтнихъ дѣтей! Впрочемъ, при другомъ репертуарѣ (?) театръ этотъ могъ бы быть очень милымъ. Внутренность его опрятная, декорации свѣжія. Въ этомъ отношеніи онъ, пожалуй, можетъ поспорить даже съ александринскимъ театромъ! Театръ Берга — простая деревенская изба, только что отстроенная, чистая и опрятная, а александринскій театръ — огромный барскій домъ, старый, заброшенный и потертый временемъ и людьми. Еслибы г. Бергъ имѣлъ право давать обыкновенныя театральныя пьесы, то, для привлеченія къ себѣ дѣйствительнаго народа, онъ, по всей вѣроятности, незамедлялъ бы удалить со сцены и многоязычіе и канканъ, потому что онъ, кажется, изъ всѣхъ силъ старается угодить своей публикѣ и привлечь ее въ возможно болѣе многочисленствѣ.

По части общественныхъ удовольствій и развлеченій остаются еще представленія японцевъ. Но хотя видѣвшаяся японцами разныя невѣроятныя и невообразимыя куштыки и достойны всякаго удивленія, но ихъ довольно посмотрѣть разъ, много два, и затѣмъ больше ими не заниматься. Петербургъ такъ, кажется, и сдѣлалъ — на второй недѣлѣ поста только о японцахъ и рѣчь была; но въ настоящее время ими, кажется, уже никто не интересуется. Здѣсь слишкомъ мало пищи для ума и воображенія. Можно только удивляться тому, что люди могутъ, — вѣроятно послѣ очень продолжительныхъ упражненій, — достигать таковой невѣроятной гибкости въ станомъ хребтѣ и силы въ ножныхъ мускулахъ. Можно также удивляться презрѣнію японцевъ къ жизни человѣка, когда ихъ маленькія дѣти, съ огромными ножами или саблями въ зубахъ, куврыгаются черезъ голову. Но это способно скорѣе возбудить ужасъ и даже отвращеніе, чѣмъ удивленіе.

По поводу этихъ изумительныхъ дѣтей я могъ бы рассказать здѣсь одну сцену у одного петербургскаго мирового судьи. Сцена эта, вѣроятно, у многихъ отбила бы охоту любоваться акробатическими подвигами дѣтей, и показала бы имъ, послѣ какихъ побоевъ и истязаній маленькіе акробаты приобрѣтають ловкость и гибкость своихъ членовъ. Но я отлагаю это до другаго раза; тѣмъ болѣе, что дѣло это еще не кончено, а передано въ уголовный судъ. Дѣйствующія лица: одинъ изъ акробатовъ или гимнастовъ театра Берга и его 7-ми или 8-ми лѣтній ученикъ — русскій мальчикъ, отданный ему въ «обученіе».

Кромѣ увеселеній, или, пожалуй, отсутствія ихъ и толковъ о нѣкоторыхъ назначеніяхъ въ высшемъ административномъ мірѣ, не было болѣе въ прошедшемъ мѣсяцѣ ничего такого, чѣмъ бы равно интересовалось все петербургское общество. Но за то было нѣсколько такихъ явленій или событій, которыми заинтересованы были нѣкоторыя отдѣльныя части или кружки здѣшняго общества.

Здѣсь на первомъ планѣ должно стоять годовое собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ — впрочемъ, не столько потому, чтобы этимъ собраніемъ были особенно заняты наши литературные кружки или общество литераторовъ, сколько по важности самаго дѣла. Что учрежденіе этого общества есть дѣло очень серьезное, въ этомъ, конечно, никто не будетъ сомнѣваться и всего меньше сами литераторы. Между тѣмъ, настоящее положеніе этого общества самое незавидное. Оно имѣетъ 687 членовъ, но въ годовомъ собраніи его было только 35 членовъ; каждый изъ этихъ 687 членовъ обязанъ былъ представить въ кассу общества, въ теченіе года, извѣстный членскій взносъ, но взносы эти представлены были только 95 членами! Съ своей стороны и общество, въ виду такого равнодушія членовъ къ своимъ обязанностямъ, рѣшило, что ему *ничего другаго не остается дѣлать, какъ усердно увеличивать свои капиталы!* Вотъ вамъ и общество для пособія! Оно обращается въ какое-то общество накопленія богатства. Но для чего же и для кого нужно это богатство? Люди будутъ нуждаться въ пособіи, люди будутъ, можетъ быть, умирать отъ нужды — какъ два раза это уже и было, — а специально для этого существующее общество будетъ отдавать свои деньги въ проценты и накоплять капиталы «чтобы заручиться средствами на будущее время!» Это что-то непонятное, невѣроятное. И гдѣ же тотъ предѣлъ, на которомъ общество остановится въ накопленіи своихъ капиталовъ? Можетъ быть, общество считаетъ этимъ предѣломъ такую сумму, процентомъ съ которой можно будетъ удовлетворять всѣ требующія пособія? Но, вопервыхъ, самая величина пособій зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія распорядителей выдачами; вовторыхъ, число лицъ, нуждающихся въ пособіи, въ одно время съ увеличеніемъ основнаго капитала общества, можетъ также увеличиваться — и это, по нѣкоторымъ соображе-

нимъ, очень вѣроятно, — размѣръ требуемыхъ пособій можетъ также, противу настоящаго времени, увеличиться. Очевидно, этому увеличиванію капитала нельзя положить даже и приблизительныхъ границъ. Пособій не будутъ давать, и если иногда и будутъ, то «волей — неволей, дѣлая вычеты изъ нихъ, и притомъ очень значительныя». И въ томъ и въ другомъ случаѣ, нуждающимся въ пособіи, ради благоденствія ихъ внуковъ, или правнуковъ, придется, можетъ быть, умирать съ голоду. — Конечно, общество или, вѣрнѣе, составители этого отчета и сами, вѣроятно, предвидѣли эти замѣчанія, потому что странность принятаго ими рѣшенія сама собою бросается въ глаза. Отчетъ говорятъ: «мы только тогда будемъ въ правѣ назвать наше положеніе хорошимъ, когда общество станетъ увеличивать свой капиталъ, выполнивъ напередъ цѣль, для которой утверждено и существуетъ, то-есть, дѣйствительно удовлетворивъ нуждамъ просителей, которые къ нему обращаются за помощью. Но можемъ ли мы утѣшать себя мыслью, что эта цѣль уже достигнута, хотя приблизительно? Съ прискорбіемъ надобно сознаться, что нѣтъ!... Строго ограничиваясь только тѣми просителями, которые имѣютъ право на пособіе изъ литературнаго фонда, мы съ горестью должны признать, что число тѣхъ, кому выдали сколько имъ дѣйствительно было необходимо — очень невелико. Правда, мы не отказали ни одному изъ просителей, которые, по нашему убѣжденію, заслуживали помощи; но тяжело вспомнить, что эта помощь, въ большинствѣ случаевъ, была мала въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ насъ просили и что слѣдовало дать! Мы вѣрѣдко умаляли очень скромныя требованія вдвое, иногда даже втрое, отсрочивая, а не отвращая нужду...

«Но если такъ, скажутъ намъ, зачѣмъ же увеличивать капиталы общества несоразмѣрно съ средствами? Пусть всѣ доходы идутъ на вспомошествованія.

«И мы такъ думали въ началѣ (отвѣчаетъ отчетъ), когда разовалось общество; тогда предполагалось весь годовой доходъ раздавать съ благотворительною цѣлью, не капитализируя ничего; но въ первый же годъ огромная недоимка на членахъ раскрыла намъ глаза, и мы поняли, что если не увеличивать всѣми мѣрами (?) капитала общества, то постоянные его доходы могутъ истощиться».

Такъ. Но, послѣ настоящаго заявленія общества, что оно впредь будетъ только «усердно» увеличивать свои капиталы, его прямыя доходы могутъ еще больше уменьшиться, — во-первыхъ, потому, что, по всей вѣроятности, многіе дѣлаются членами этого общества и вообще дѣлаютъ денежные пожертвованія въ него не для отдаленныхъ цѣлей, а для ближайшихъ, — чтобы помочь сегодня-завтра нуждающимся, а не тѣмъ, которые будутъ нуждаться чрезъ 5—10 лѣтъ; во-вторыхъ, зная, что изъ ихъ денегъ не будетъ сдѣлано тотчасъ же прямого употребленія, жертвователи не будутъ спѣшить своими взносами и будутъ откладывать ихъ до

того времени, когда въ нихъ нужда окажется, то-есть, совсѣмъ ничего не внесутъ, потому что чрезъ 5—10 лѣтъ сумма взноса окажется слишкомъ большою. Отчетъ говоритъ, что общество «всѣми мѣрами» увеличиваетъ свой капиталъ, но составители отчета, я думаю, и сами очень хорошо знаютъ, что они далеко еще не употребили для этого всѣхъ возможныхъ мѣръ. Между прочимъ, едва-ли было бы бесполезно чаще обращаться къ членамъ общества и вообще къ публикѣ съ напоминаніями о состояніи денежныхъ дѣлъ общества и объ обязанностяхъ къ нему его членовъ. Правда, въ газетахъ довольно часто появляются отчеты о занятіяхъ комитета общества. Но отчеты эти, какъ извѣстно это вѣроятно и самому обществу, немногими читаются, нерѣдко даже тѣми не читаются, которые просматриваютъ въ газетѣ каждую строку. Почему это такъ — спросите кого-нибудь изъ нечитающихъ этихъ отчетовъ. Вотъ настоящий отчетъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и его не мѣшаетъ прочитать всѣмъ, интересующимся состояніемъ общества.

Въ срединѣ февраля было обыкновенное общее собраніе членовъ общества потребителей «Бережливость». Дѣла этого общества идутъ довольно успѣшно, повидимому, даже блестятельно. Начавъ свое существованіе весной 1866 г. съ небольшимъ числомъ членовъ (кажется менѣе 40) и только однимъ поставщикомъ, общество имѣло ко дню послѣдняго общаго собранія уже около 470 членовъ, 60 поставщиковъ и свой собственный магазинъ (складъ) первыхъ жизненныхъ потребностей; кромѣ того, наняло помѣщеніе еще для двухъ такихъ же магазиновъ. Въ концѣ прошедшаго года оно соединилось съ другимъ такимъ же обществомъ (нѣмецкимъ), составляющимъ часть или отдѣлъ общества «Пальмы». Такъ-какъ нѣмецкій элементъ въ немъ будетъ теперь, вѣроятно, преобладать, то можно надѣяться, что дѣла его пойдутъ еще лучше. Но я все-таки сомнѣваюсь, чтобы дѣла эти когда нибудь достигли дѣйствительно солидныхъ размѣровъ и приносили своимъ членамъ ту выгоду, которую должны бы приносить, потому что не въ русскомъ духѣ наблюдать копеечные интересы, особенно не въ духѣ это большей части тѣхъ петербургскихъ жителей, которые могли бы вступить въ это общество и дѣйствительно вступаютъ. Надобно покупать все только въ извѣстныхъ лавкахъ у своихъ поставщиковъ, каждый разъ, даже на самую мелочную покупку, хотя бы копейку въ 5—10, брать отъ продавца квитанцію, и потомъ квитанцію эту представлять, въ извѣстные сроки, въ правленіе общества... Все это хоть и пустяка, но очень многимъ можетъ показаться стѣснительнымъ, и они, и записавшись въ члены общества «Бережливость», будутъ продолжать брать товары или у прежнихъ своихъ знакомыхъ торговцевъ или въ первыхъ ближайшихъ лавкахъ. Такъ это, какъ я знаю, многіе члены «Бережливости» и дѣлаютъ. Это, конечно, очень жаль; но это такъ и будетъ до

тѣхъ поръ, пока не узнаютъ о существованіи этого общества и не вступятъ въ него тѣ петербургскіе жители, которымъ дѣйствительно дорога каждая копейка. А имъ вступить въ него довольно трудно, потому что хотя членскій взносъ и невеликъ (отъ 1—10 руб.), но здѣсь надобно все покупать на наличныя деньги.

По поводу общества «Бережливость» я могу указать на проектъ другаго, нѣсколько подобнаго ему общества, но только гораздо болѣе оригинальнаго. У меня подъ руками лежитъ книжка въ 49 печатныхъ страницъ, въ 16 долю листа, съ заглавіемъ такого рода: «Наука жить хорошо, и даже разжиться, не имѣя къ тому ничего, кромѣ небольшого получаемаго жадованья».

Что вы думаете объ этой книжкѣ? Конечно—куръезное, должно быть, произведеніе, о которомъ и говорить не стоитъ. Я думалъ то же самое, и — очень ошибся! Книжка оказывается не только съ претензіями на серьезность и солидность, но и дѣйствительно солидная, хотя написана немножко и безграмотно. Но здѣсь на это не слѣдуетъ обращать вниманія.—Какъ же это можно жить хорошо и даже разжиться, не имѣя къ тому ничего, кромѣ небольшого дохода? «Возьмемъ — говорить авторъ — напримѣръ, семейство чиновника, состоящее изъ восьми членовъ, напримѣръ: мужа, жены, дѣтей, всевозможныхъ племянницъ и свояченицъ. Положимъ, подобное семейство получаетъ пятьдесятъ рублей содержанія въ мѣсяцъ; слѣдовательно, оно можетъ расходовать на себя только пятьдесятъ рублей, а этого, какъ извѣстно, весьма недостаточно; такъ, что подобное семейство принуждено помѣщаться въ дурной, тѣсной, сырой, подвальной квартирѣ — дешевой, разумѣется, имѣть скудный столъ, терпѣть холодъ и темноту отъ недостатка средствъ, заставляющихъ экономить дрова и свѣчи, которыя такъ дороги; это семейство часто имѣетъ весьма дрянную прислугу — дешевую, конечно.

«Кромѣ того, отъ вышеназложенныхъ причинъ здоровье разрушается, члены семейства хвораютъ, лечится нечѣмъ, а черезъ это здоровье запускается и разстраивается, въ особенности при помощи различныхъ, часто очень вредныхъ домашнихъ средствъ.

«Людей эти семейства рѣдко видятъ, ихъ мало кто посѣщаетъ: онѣ дичають, дѣти остаются безъ образованія.

«Какъ хотите, но, по моему, хуже этого ничего быть не можетъ, а слѣдовательно, ежели бы вы перемѣнили описанный мною образъ жизни на иной, то, *такъ-какъ важъ уже нечего терять, быть можетъ, вы и выиграли бы.* Многие разсчитываютъ, и весьма не разсчетливо на пенсію, а легко ли ее заслужить?

«Слѣдуйте же моему совѣту; онъ вамъ дастъ хорошую, чистую, сухую, свѣтлую и теплую квартиру, вкусный и сытный столъ, дастъ вамъ общество, веселыя и даже лишнія средства, все за тѣ же пятьдесятъ рублей, и главное, вы обезпечите на будущее время ваше семейство. Для этого возьмемъ десять семействъ, получающихъ по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ жалованья; семейства живутъ отдѣльно, ведутъ скверную, какъ я описалъ выше, жизнь; чтобы выйти изъ нея, я вижу одинъ исходъ, для улучшенія ихъ быта настоящаго и будущаго, который заключается въ томъ, чтобы эти десять семействъ соединились вмѣстѣ, то-есть составили бы одно цѣлое общество, какъ-бы одно семейство; то-есть жить въ одной общей квартирѣ, имѣть общій столъ, прислугу, квартиру и вообще всѣ необходимыя расходы; отъ этого, конечно, онѣ перемѣнили бы свою худую жизнь на лучшую. А почему?»...

«Для десяти семействъ, живущихъ отдѣльно, требуется десять квартиръ; считая по самой меньшей мѣрѣ квартиру для семейства, состоящаго изъ восьми членовъ, въ двѣ комнаты и кухню, то для десяти семействъ потребуется такимъ образомъ двадцать комнатъ и десять кухонь; положивъ за такую квартиру плату по десяти рублей въ мѣсяцъ, то за десять квартиръ придется заплатить сто рублей въ мѣсяцъ; при всемъ томъ, семейства помѣщаться будутъ весьма тѣсно.

«Если же эти семейства соединятся вмѣстѣ и наймутъ одну общую квартиру за эту же самую цѣну, то они будутъ имѣть по двѣ комнаты на каждое семейство; при этомъ, эти двѣ комнаты будутъ несравненно обширнѣе тѣхъ, въ которыхъ они живутъ въ настоящее время; притомъ, такъ-какъ у нихъ будетъ одна общая большая кухня для всѣхъ семействъ, то вмѣсто остающихся девяти кухонь онѣ могутъ взять девять комнатъ, да в за сто рублей въ мѣсяцъ можно получить еще и больше этого (?); слѣдовательно, прежде семейства помѣщались въ двухъ комнатахъ, теперь же они будутъ имѣть тѣ же двѣ комнаты, только лучше прежнихъ, да притомъ еще девять комнатъ лишнихъ, назначеніе которыхъ я выпишу далѣе—и это все за тѣ же десять рублей съ каждаго въ мѣсяцъ.

«Вотъ мы выигрываемъ уже въ квартирѣ.

«Пойдемъ далѣе.

«Для десяти семействъ, живущихъ отдѣльно, потребно десять кухонь, слѣдовательно, десять печей, десять кухарокъ, десять охапокъ дровъ въ день на русскую печь — положимъ по сажени въ мѣсяцъ, то это составитъ для десяти семействъ десять сажень дровъ въ мѣсяцъ.» Вмѣстѣ со столомъ кухаркамъ, платою водовозу в расходами на разныя мелочи по кухнѣ — это будетъ, по расчету автора, стоить для десяти такихъ семействъ 120 рублей въ мѣсяцъ.

«Ежели же эти семейства будутъ жить вмѣстѣ и имѣть общую кухню, одного повара, двухъ горничныхъ и двухъ кухарокъ для грязной работы, этого весьма достаточно, то экономія выйдетъ слѣдующая :

Повару жалованья	15 руб.
Двумъ горничнымъ по 4 руб.	8 »
Двумъ кухаркамъ по 3 руб.	6 »
Дровъ двѣ сажени	6 »
Водовозу	5 »
Свѣчи и мелочи	3 »
Итого	43 руб.

«Прислугѣ, конечно, столъ при такомъ громадномъ семействѣ ничего не будетъ стоить, тѣмъ болѣе ихъ только пять человекъ.

«Слѣдовательно, экономію мы имѣемъ отъ одной кухни до восьмидесяти рублей и болѣе; да при этомъ, вмѣсто дрянной кухарки—хорошаго повара, а черезъ это вкусный, сытный и чисто приготовленный столъ.»

Такой же расчетъ дѣлаетъ далѣе авторъ и для другихъ хозяйственныхъ расходовъ и заключаетъ, что выгода отъ такой жизни обществомъ будетъ простирается, для каждаго отдѣльнаго семейства, до 23 руб. въ мѣсяцъ, или 276 руб. въ годъ. Затѣмъ описывается распределение комнатъ. «На каждое семейство по двѣ комнаты или же если взять квартиру не въ тридцать комнатъ, а меньше, что гораздо выгоднѣе, то по одной большой комнатѣ, раздѣленной легкою перегородкою на двѣ, на каждое семейство; эти комнаты назначить для спальни.... Я знаю, вы сейчасъ уже начинаете меня критиковать, что это тѣсно, неудобно; погодите, читайте далѣе, и вы убѣдитесь, что это не будетъ нисколько не тѣснѣе того, какъ вы теперь живете,—вы вѣдь помѣщаетесь же теперь въ двухъ комнатахъ; а мои двѣ комнаты я называю спальнями, слѣдовательно назначеніе ихъ—гдѣ бы было возможно выспаться...

«И такъ, мы имѣемъ по двѣ комнаты на семейство, остальные девять, ну положимъ семь, мы распредѣлимъ такъ:

«Одну изъ нихъ, или двѣ самыхъ большихъ, какія окажутся, назначить для зала, т.-е. для увеселеній; полно намъ жить безсмысленнымъ дѣдовскимъ обычаемъ, — каждая комната должна имѣть свой смыслъ. И такъ залу и должно быть имъ, въ которомъ по вечерамъ могла бы собираться молодежь, прыгать, веселиться, играть, хохотать, шутить, концерты задавать и разыгрывать домашніе спектакли; однимъ словомъ, для молодаго веселья, которое и пріятно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образовываетъ ихъ; а такъ-какъ оно любитъ просторъ, то и отвести ему большую комнату, одну или двѣ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, тѣмъ будетъ

веселѣ молодежи: а коли она будетъ веселиться, то будетъ весело и всѣмъ...

«Остается еще пять комнатъ; одну изъ нихъ назначить для пожилыхъ и назвать гостиной; эту комнату слѣдуетъ устроить красиво, удобно и тепло, т.-е. устлать коврами, уставить мягкой мебелью, устроить въ ней, ежели возможно, каминъ, а нѣтъ такъ теплую печь и устроить хорошенечки съ абажурами лампы; гостиную назначить для игръ въ вистъ, преферансъ, шахматы, шашки, для разговора, однимъ словомъ обратить ее въ мѣсто пріятнаго препровожденія времени вечера

«Затѣмъ остаются еще четыре. Первую назначить подъ столовую, вторую для дѣтей, третью для библіотеки, въ которую каждый членъ семейства помѣстилъ бы свои книги; послѣднюю для купенія и для сбора мужчинъ...

«Теперь взглянемъ на самую жизнь.

«Послѣ службы, вы обѣдаете; потомъ всѣ отправляются куда куда хочеть — въ гостиную, залу, кабинетъ; въ этихъ мѣстахъ собираются кружки по вусу; здѣсь вы найдете и пульку и вистъ, и веселье, и музыку, и политику, и серьезныя занятія, и шутки, и смѣхъ, отдыхаете отъ службы» (Боже мой, да какая это пріятная жизнь!).

Авторъ просить подвергнуть его книжку критическому разбору, чтобы онъ могъ видѣть недостатки и ошибки ея. Я, съ своей стороны, не нахожу ничего возразить на весь этотъ проектъ—съ теоретической точки зрѣнія. Что люди должны жить обществомъ и что это для нихъ выгодно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Жить большимъ или маленькимъ обществомъ, въ одномъ домѣ—тоже хорошо. Предосудительнаго въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ; слишкомъ идеальнаго, несбыточнаго—тоже. Тѣмъ болѣе, какъ говоритъ это и составитель проекта, что за границей люди давно живутъ уже такъ, или почти такъ. Живутъ люди почти точно такъ же и въ Россіи — въ отеляхъ и гостиницахъ, и не дерутся, не ссорятся и не сплетничаютъ. Но практическое осуществленіе мысли автора—въ томъ видѣ, какъ описываетъ онъ въ своемъ проектѣ, едва-ли такъ легко. Помимо всякихъ внѣшнихъ препятствій, главнымъ здѣсь будетъ, мнѣ кажется, именно то, что авторъ такъ хвалить въ русскомъ человѣкѣ—его уживчивость, т.-е. необычная склонность къ скороспѣлой дружбѣ и самымъ интимнымъ пріятельскимъ отношеніямъ. Каждый семейный человѣкъ дорожитъ своимъ семейнымъ бытомъ, кажется, главнымъ образомъ, только потому, что онъ здѣсь самъ себѣ господинъ—дѣлаетъ что хочеть, какъ и когда хочеть; отъ не стѣсняется никѣмъ и ничѣмъ, и никто не имѣеть права вмѣшиваться въ его домашній бытъ. Самый близкій посторонній человѣкъ бываетъ пріятель здѣсь только до тѣхъ поръ, пока онъ остается гостемъ, т.-е. оставляетъ надежду, что онъ когда-нибудь уйдетъ. Въ квартирѣ, проектируемой авторомъ, для

каждаго семейства остается, собственно говоря, своя особая квартира, т.-е. то же самое, что номеръ въ отелѣ или въ *Chambres garnis*. Если жильцы такой квартиры будутъ держать себя въ отношеніи другъ къ другу такъ же, какъ они держали бы себя, еслибы жили въ какомъ-нибудь отелѣ—хотя и постоянно выда-ась, обращаясь другъ съ другомъ даже дружески и имѣя много общихъ интересовъ—но все-таки какъ чужіе, то эта жизнь не будетъ имъ въ тягость. Но если они будутъ держать себя по отношенію другъ къ другу какъ члены одной большой семьи—съ фамиліною интимностію и съ нѣмыми правами односемейности, то несходство многихъ характеровъ тотчасъ же скажется и частные интересы и, можетъ быть, даже матеріальныя выгоды нарушатся. А вотъ это-то, при нашемъ дружелюбіи, и можетъ очень легко случиться. Дружелюбіе это—свойство, конечно, прекрасное; но надобно быть слишкомъ хорошо образованнымъ и имѣть много особеннаго такта, чтобы не злоупотреблять этимъ превосходнымъ свойствомъ нашего характера. Въ настоящемъ случаѣ общество должно составиться только вслѣдствіе денежныхъ побужденій, поэтому только матеріальными отношеніями своихъ членовъ оно и должно ограничиться. Всѣ члены должны имѣть это постоянно въ виду, даже и послѣ того, какъ между вѣкоторыми семействами возникнутъ, можетъ быть, болѣе возвышенныя и братскія отношенія. Добавлю для почтеннаго автора, что это не мои только мысли, но и нѣсколькихъ почтенныхъ отцовъ семействъ—чиновниковъ, для которыхъ эта книжка преимущественно и написана и которымъ я рекомендовалъ ее принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Да, связать узамъ дружбы такую большую семью трудно! Печальный примѣръ этого мы видимъ теперь на одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ семей—московской университетской! Ужъ тамъ ли, кажется, не дружба господствовала! Одинъ изъ членовъ семьи, даже и разсорившись съ своими собратьями, все еще восхваляетъ, въ своемъ печатномъ заявленіи, обращенномъ къ публикѣ: «Я не могу безъ грусти вспомнить объ этомъ времени, когда, казалось, единодушіе во имя добра соединяло всѣхъ членовъ университета». А вотъ разсорились же и даже начальству другъ на друга жаловались, а теперь все публикѣ жалуются!

Старшіе сыновья московской *almae mater*, т.-е. преподаватели, поссорились между собою уже давно, еще въ 1866 году, но слухи объ этомъ стали носиться только въ прошедшемъ году. Въ началѣ этого года шесть профессоровъ подали въ отставку; въ маѣ—когда, какъ извѣстно, все цвѣтетъ и благоухаетъ и привыкаетъ къ миру и согласію—послѣдовало-было примиреніе или, по крайней мѣрѣ, перемиріе, и прошенія взяты были назадъ; но къ концу года двое изъ профессоровъ подали уже окончательныя прошенія объ увольненіи и не успѣли взять своихъ прошеній назадъ, какъ дѣйствительно были уволены. Теперь

спорящія стороны бомбардируютъ публику своими огромнѣйшими полемическими и историко-документальными статьями. Посторонніе, невольные зрители этой семейной вражды приглашаются въ нихъ произнести свое сужденіе о томъ, кто правъ и кто виновать.

Что касается меня, то я затрудняюсь произнести объ этомъ свое сужденіе, и нѣкоторымъ образомъ даже не дерзаю, ибо спорять—то такія авторитетныя лица! До сихъ поръ наука, особенно московская, не ставила вѣдь литературныхъ журналовъ и газетъ ни въ грошъ, а теперь вотъ изволь разсудить ея представителей! Когда я читаю печатныя объясненія, оправданія и обвиненія одной стороны, то мнѣ кажется, что права именно эта сторона, а другая во всемъ виновата—присвоиваетъ себѣ небывалыя права и стремится къ угнетенію и тиранин; но когда, черезъ день или два, встрѣчаю въ газетахъ объясненія, оправданія и обвиненія другой стороны, то мнѣ начинаетъ казаться, что вотъ эта сторона права, а попирала священныя права, возжигала въ семьѣ вражду и проч. та, первая! Случаю объясненія, оправданія и обвиненія обѣихъ сторонъ, обращаю вниманіе на нѣкоторые темныя намеки и замѣчанія, дѣлаемые въ этихъ объясненіяхъ какъ-бы мимоходомъ, и мнѣ начинаетъ думаться, что обѣ стороны правы, и въ то же время обѣ неправы. Просто, поссорились люди—и только, и еслибы начальство не успѣшило удовлетворить просьбу особенно разсердившихся, то, можетъ быть, они и не вышли бы изъ университета и помирились бы.

Но если смотрѣть на всю эту исторію совершенно со стороны и не обращать вниманія на нѣкоторые намеки о неудовлетворенномъ и оскорбленномъ самолюбіи — въ чемъ, кажется, особенно обвиняются профессора, вышедшіе въ отставку—то сущность фактической стороны дѣла окажется не въ пользу тѣхъ, которые, новидимому, побѣдили.

Разсказывать эту исторію подробно—было бы слишкомъ долго, а дѣлая еще при этомъ сводъ разсказамъ и объясненіямъ обѣихъ сторонъ, пришлось бы написать не одинъ печатный листъ. Сущность дѣла, какъ видно изъ газетъ, заключается въ слѣдующемъ. Въ совѣтѣ московскаго университета производились выборы на занятіе одной университетской должности. Выборы эти не состоялись, потому что ни одно изъ балотировавшихся лицъ не получило законнаго числа голосовъ. Но вскорѣ затѣмъ возникъ вопросъ о правильности балотировки — именно, о томъ, справедливо ли былъ устраненъ отъ участія въ подачѣ голосовъ еще одинъ профессоръ. Вопросъ этотъ посланъ былъ на разрѣшеніе въ министру народнаго просвѣщенія. Министръ (бывшій) рѣшилъ, что небалотировавшій профессоръ былъ устраненъ отъ выборовъ неправильно, что онъ имѣлъ право подать свой голосъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ также, что одинъ изъ невыбранныхъ

профессоровъ долженъ считаться выбраннымъ, то-есть, тотъ голосъ, который не былъ поданъ ни *за*, ни *противъ*, онъ считался какъ-бы поданнымъ *за*, прямѣ говоря, министръ самъ назначилъ профессора. Совѣтъ университета принять это рѣшеніе «съ свѣдѣнію и исполненію». Но по новому университетскому уставу профессора не назначаются министромъ, а выбираются самими университетами, въ совѣтъ профессоровъ. Поэтому одинъ изъ членовъ совѣта (профессоръ Дмитріевъ) «выразилъ, что считаетъ рѣшеніе министра незаконнымъ и предложилъ совѣту протестовать противъ сего незаконнаго распоряженія министра на основаніи 78-й статьи основныхъ Россійской Имперіи законовъ, дозволяющей каждому подчиненному начальству, получившему противное законамъ распоряженіе министра, сдѣлать ему о томъ представленіе, а въ случаѣ подтвержденія возвести дѣло въ сенатъ». Но мнѣніе это не только не было принято во вниманіе, но и не было выслушано и въ протоколъ не записано. По поводу этого въ совѣтъ произошло что-то такое, вслѣдствіе чего еще другой профессоръ — Чичеринъ — подалъ въ совѣтъ протестъ или мнѣніе и предлагалъ просить у высшаго начальства разъясненія правъ предсѣдателя совѣта (ректора университета) и членовъ. Этотъ протестъ или мнѣніе возвращенъ былъ профессору Чичерину обратно, съ такою оригинальною резолюціею отъ имени членовъ совѣта (24 противъ 5): «выразить довѣріе ректору университета (точно какому нибудь англійскому министру!), а бумагу, зачитанную (?) профессоромъ Чичериннымъ, какъ явно несправедливую и оскорбительную для ректора и совѣта, возвратить Чичерину, съ надписью на оной сей резолюціи» (Какъ тонко!).

За тѣмъ дѣло пошло по начальству. Поданы были жалобы; писались отвѣты на запросы начальства; совѣтъ университета получилъ (за непослушаніе) замѣчаніе — «первое со времени основанія университета», восклицаютъ съ горечью получившіе замѣчаніе! Но новаго отъ этого не прибавилось къ дѣлу ничего и оно окончилось такою резолюціею настоящаго министра народнаго просвѣщенія: «считать это дѣло совершенно оконченнымъ». Т.-е., рѣшенія и опредѣленія совѣта университета не были ни отвергнуты, ни признаны неправильными. А рѣшенія эти г. Дмитріевъ резюмируетъ такъ: «совѣтъ признавалъ: 1) право контроля ректора надъ мнѣніями членовъ; 2) право возвращать мнѣнія, которыя большинству кажутся неправильными; 3) устранять протесты, безъ занесенія ихъ въ протоколъ; 4) (право ректора) дѣлать членамъ выговоры и замѣчанія за ихъ мнѣнія; 5) право исключать членовъ изъ университета, не за нерадѣніе ихъ, какъ преподавателей, а за всякое дѣйствіе, которое большинство найдетъ неправильнымъ. Съ другой стороны (совѣтъ) уступалъ нѣкоторныя изъ законныхъ правъ своихъ — начальству: 1) онъ допускалъ назначеніе профессоровъ министромъ, помимо избранія, хотя права министра въ этомъ случаѣ ограничены уставомъ; 2) онъ находилъ незаконными протесты противъ распо-

раженій начальства, хотя бы они были подкрѣплены ссылкой на законъ».

По полученіи министерской резолюціи, шесть профессоровъ (Бабсть, Капустинъ, Соловьевъ, Рачинскій, Чичеринъ и Дмитріевъ) тотчасъ же подали въ отставку; но первые четверо послѣ передумали и остались въ университетѣ, а гг. Чичеринъ и Дмитріевъ, тоже было взявшіе свои прошенія назадъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ вышли.

Теперь предоставляю читателю рѣшить самому—на чьей сторонѣ право и законность и кто присвоиваетъ себѣ не существующія права, стремится къ угнетенію и раболѣпству. Впрочемъ, совѣтую повременить сужденіемъ, пока не будутъ разрѣшены судомъ три слѣдующіе, подобные этому, вопросы: 1) имѣлъ ли товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда г. Арсеньевъ право выслать присяжнаго повѣреннаго кн. Урусова изъ залы засѣданія? 2) имѣлъ ли право товарищъ предсѣдателя того же окружнаго суда г. Дейеръ поступить точно такъ же съ ходатаемъ по дѣламъ г. Розенбергомъ? и, наконецъ, 3) имѣлъ ли право предсѣдатель какого-то и гдѣ-то (суда по корреспонденіи, должно быть, во Владимірской губерніи) земскаго собранія, въ отвѣтъ на какое-то предложеніе одного изъ гласныхъ — показать ему.... куеишь и сказать при этомъ: не хочешь ли вотъ чего?

Прецеденты опасная вещь, прецедентомъ для всѣхъ этихъ исторій послужилъ московскій университетъ! Въ предположеніи о томъ, что могло заставить тѣхъ профессоровъ университета, которые составляли большинство въ совѣтѣ, такъ поступиться своими правами, я не буду вдаваться. Говорятъ о какихъ-то матеріальныхъ выгодахъ смиренія и уступчивости — квартирахъ, командировкахъ, назначеніяхъ, повышеніяхъ, порученіяхъ и т. п.; но это было ужъ слишкомъ прозвично и ни сколько несообразно съ характеромъ лицъ, для которыхъ наука, право, наконецъ честь университета — который въ сто лѣтъ получилъ только одно замѣчаніе — выше всего на свѣтѣ!

NB. Меня просятъ указать на двѣ неточности, оказавшіяся въ статьѣ «Обозрѣніе 1867 г.» (Отвч. Зап. № 1). Журналъ г. Сѣрова: «Музыка и Театръ», запоздавшій выходомъ послѣднихъ №№ 1867 г., былъ отнесенъ къ числу прекратившихся. Но онъ продолжаетъ выходить и въ настоящемъ году.

Журналъ: «Русскій Ремесленникъ», прекратившійся въ прошедшемъ году, началъ выходить не въ томъ же году, а нѣсколькими годами прежде.

ПИСЬМО ПРОВИНЦІАЛА О ЗАДАЧАХЪ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ*.

Я живу въ провинціи и все, совершающееся въ столицахъ, до меня доходитъ лишь въ своихъ окончательныхъ результатахъ, тогда-какъ весь механизмъ подготовки, съ его личными дразгами, съ его мелочными, но тѣмъ не менѣе крайне-чувствительными затрудненіями, остается для меня за кулисами. Поэтому можетъ случиться, что я придаю болѣе значенія, чѣмъ слѣдуетъ, иному явленію крайне-обыденному; конечно, случится, что и не обращаю вниманіе на другое явленіе, по сущности своей, весьма значительное. При нынѣшнемъ состояніи сообщеній между столицей и дальними губерніями, и при нынѣшней прессѣ это почти неизбежно. Я и не считаю моею оцѣнку явленій безусловно вѣрною, но хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями мыслями, которыя эти явленія во мнѣ возбуждаютъ, предоставляя редакторамъ журнала судить, на сколько моя оцѣнка подходитъ къ направленію ихъ журнала, и на сколько она можетъ найти мѣсто на страницахъ ихъ изданія.

1868 годъ обѣщаетъ внести нѣкоторое движеніе въ нашу журналистику. Всѣ живыя силы, считавшія для себя невозможнымъ стать подъ знамена слишкомъ исключительныхъ литературныхъ партій, и еще болѣе невозможнымъ идти въ другихъ органахъ прессы рядомъ съ позорными дѣятелями послѣдняго времени, могутъ применить теперь къ одному изъ новыхъ органовъ, которые, если и не выяснили вполне свою программу, то обѣщаютъ по крайней-мѣрѣ, судя преимущественно по именамъ участниковъ, оберегаться отъ грязи, наплывающей въ нашу литературу съ разныхъ сторонъ, и помнитъ элементарныя понятія, входящія въ требованія современной цивилизаціи. Желаю, чтобы ни одно изъ новорожденныхъ или преобразованныхъ изданій не обмануло этихъ надеждъ, какъ онѣ ни скромны. Желаю, чтобы эти изданія умѣли просуществовать, обойдя многочисленныя опасности, имъ грозящія. Желаю, чтобы они своимъ достоинствомъ возвратили слову *литераторъ* его честное значеніе, потерянное въ

* Соглашаясь съ основными принципами этой статьи, мы съ удовольствіемъ даемъ ей мѣсто въ нашемъ журналѣ, хотя имѣемъ свои причины смотрѣть нѣсколько иначе на разныя частныя явленія нашей журналистики, разсматриваемыя почтеннымъ авторомъ.
Ред.

глазахъ читателей. Желаю, чтобъ они возвратили публикѣ ту охоту къ чтенію журналовъ, которая значительно ослабѣла. Желаю, чтобы ихъ главные дѣятели, несмотря на разницу направленій въ ихъ отъѣнкахъ, поддержали въ читателяхъ уваженіе къ критикѣ и понали ея требованія въ настоящую минуту.

Вотъ объ этихъ-то послѣднихъ требованіяхъ мнѣ бы и хотѣлось потолковать.

Слова имѣютъ свою судьбу, говоритъ древняя поговорка, и слово «критика», въ его двухъ главныхъ значеніяхъ, связало собою два понятія весьма различныя по области ихъ проявленія, но реально родственныя.

Критика, какъ дѣятельность человѣческаго духа, сплелась нераздѣльно со всѣмъ тѣмъ, что заслужило названіе науки; легла въ основу всего, что можно считать разсудительной дѣятельностью въ жизни. Критика выводитъ человѣка изъ безусловнаго поклоненія авторитетамъ и пробуждаетъ въ немъ самостоятельность. Критика освобождаетъ его отъ бесплоднаго сомнѣнія въ теоріи, отъ унижительнаго индифферентизма на практикѣ, вноситъ перспективу въ его міросозерцаніе и устанавливаетъ его взглядъ на его обязанности. Критика сдѣлала древнихъ эллиновъ первыми учителями человѣчества, Критика дозволила Европѣ не заглухнуть въ тяжелое тысячелѣтіе среднихъ вѣговъ. Критика Канта была послѣднимъ завѣтомъ XVIII вѣка XIX-му и однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ его даровъ. Когда же германскіе наслѣдники Канта развили въ особенности идеальную сторону его трудовъ, когда Гегель провозгласилъ вѣчно мирное, вѣчно разумное царство безусловнаго духа, то вслѣдъ за его смертью самые живые его послѣдователи перевели его слова на требованіе безусловной критики, вѣчной борьбы развивающагося съ развившимся, прогресса съ консерватизмомъ. Прогрессъ сталъ синонимомъ историческаго процесса—и Прудонъ заявилъ, что всѣ его сочиненія клонились къ одному: къ отрицанію безусловнаго въ чемъ бы то ни было, къ утверженію прогресса повсюду, то-есть къ самой безусловной критикѣ, которую проповѣдывали издатели «Лѣтописей Гаселе».

Общее употребленіе назвало также критикою ту часть литературы, которая имѣетъ цѣлью—оцѣнку литературныхъ произведеній, а въ болѣе обширномъ смыслѣ—и разборъ произведеній искусства вообще. Съ перваго взгляда это—весьма скромное значеніе слова, сравнительно съ его первымъ смысломъ, но, въ сущности, это болѣе или менѣе ясное сознаніе того важнаго факта, что оцѣнка литературнаго произведенія или произведенія искусства имѣетъ смыслъ лишь на столько, на сколько она опирается на тѣ самыя основы человѣческаго духа, которыя создаютъ науку и разсудительную жизненную дѣятельность; на сколько эта оцѣнка угадываетъ мѣсто разбираемаго произведенія въ вѣчной борьбѣ новаго со старымъ, въ историческомъ прогрессѣ

общественной жизни. При достаточно-здоровомъ состояніи общества, литература отражаетъ въ себѣ всѣ фазисы народной жизни, и критикъ въ тѣсномъ значеніи этого слова прилагаетъ предъ глазами читателей къ каждому литературному произведенію результаты науки и требованія жизни чтобы опредѣлить въ немъ содержаніе элементовъ прогрессивнаго и консервативнаго, разглядѣть въ немъ зародышъ будущаго или бросить его въ клѣмъ отжившаго.

Противъ предыдущаго, можетъ быть, вооружатся приверженцы такъ-называемой эстетической критики художественныхъ произведеній; но тѣмъ самымъ они бы доказали, что считаютъ область художественной красоты не прогрессивною. Къ ней прилагается все предыдущее. Наука не исключаетъ изъ своей области ни одного явленія духа, какъ жизнь вмѣщаетъ въ себѣ всѣ его процессы. Тѣмъ хуже для эстетиковъ, если они научныхъ основаній въ своей сферѣ еще не нашли: пусть ищутъ; только найдя эти основанія, они откроютъ неизмѣнные законы художественнаго творчества, а слѣдовательно и данныя для строгой критики. Точно также надо быть слѣпымъ и глухимъ въ исторіи, чтобы не замѣтить, что патетическое дѣйствіе художественныхъ произведеній зависитъ отъ требованій жизни и эти-то требованія опредѣляютъ значеніе произведенія для современниковъ. Требованія жизни измѣняются и слава художника меркнетъ, пока новый періодъ исторіи, еще разъ измѣнивъ эти требованія, не вызоветъ иногда полузабытаго художника къ новой извѣстности, при чемъ случается, что новое время восхищается въ произведеніи тѣмъ, что не дѣйствовало да и не могло дѣйствовать на его современниковъ. Критика, которая бы оцѣнила произведеніе безъ всякаго отношенія къ его патетическому дѣйствию, была бы, я думаю, довольно жалкою критикою, а оцѣнка патетическаго дѣйствія невозможна внѣ жизненныхъ требованій, нераздѣльныхъ отъ общественнаго прогресса. Такимъ образомъ всѣ художественныя произведенія заключаютъ въ себѣ элементы прогрессивный и консервативный, не только по содержанію, вносимому въ произведеніе умственнымъ, нравственнымъ и гражданскимъ развитіемъ художника, но и попатетическому дѣйствию на публику, по участию разсматриваемаго произведенія въ борьбѣ художественныхъ школъ съ точки зрѣнія приѣмовъ, композицій, техники и т. д.

Если литературная критика обязана вмѣрять осуществленіе требованій науки и жизни въ данномъ произведеніи и его мѣсто въ борьбѣ за прогрессъ, то эта самая обязанность предполагаетъ въ литераторѣ, посвящающемъ себя критикѣ, прежде всего искреннее стремленіе понять упомянутыя требованія, а за тѣмъ еще правительское умѣнье убѣдить читателя, что кодексъ, принятый критикомъ, разуменъ, и что приговоръ, произнесенный во имя этого кодекса, правленъ.

О первомъ условіи и говорить не буду: оно такъ ясно и на-

рушеніе его такъ неизбежно вызываетъ за собою въ весьма скоромъ времени презрѣніе къ критику, что развивать это условіе—пустая трата словъ. Но совсѣмъ иное дѣло—отношеніе критика къ читающей публикѣ. Здѣсь, при различныхъ фазахъ развитія общественнаго сознанія, присмы критики должны быть очень различны; иначе она рискуетъ произносить свои приговоры безъ всякой возможности ихъ практическаго исполненія. Въ такомъ случаѣ она переходитъ изъ общественной сѣры въ выраженіе личнаго взгляда того или другаго писателя, получаетъ чисто биографическій интересъ и теряетъ историческое значеніе. Но при этомъ она не только практически лишается своего вліянія: она и теоретически нарушаетъ одну часть своей программы. Критика совершенно отвлеченная, пренебрегающая вліяніемъ на общество, можетъ быть *научна*, но она забываетъ требованія *жизни*. Произнося судъ во имя вѣчныхъ началъ истины, человѣческаго достоинства и справедливости, она формируетъ свои приговоры на языкѣ непонятномъ для тѣхъ самыхъ, которымъ слѣдуетъ знать эти приговоры. Она забываетъ, что истина, человѣческое достоинство и справедливость, при всей неизмѣнности своихъ началъ, воплощаются въ формы постоянно мѣняющіяся, что онѣ доступны къ осуществленію въ каждый моментъ жизни человѣчества *только* въ формахъ, обусловливаемыхъ жизнью этого момента, и что самыя стройныя формы ихъ могутъ отживать или являться слишкомъ рано, становясь въ обоихъ случаяхъ *негодными* для даннаго общества. Если общество переживаетъ болѣзненный, глухой періодъ, то критика можетъ лишь *подготовлять* другое лучшее время, но ей приходится дѣйствовать на общество *такъ, какъ оно есть* въ данную минуту и тѣми средствами, которыя находятся *налицо* въ эту минуту; иначе она и подготовитъ ничего не можетъ.

Не стану входить въ подробный разборъ всѣхъ случаевъ, которые при этомъ могутъ представиться, но укажу на нѣкоторые изъ нихъ.

Мнѣ кажется, что достаточно будетъ рассмотретьъ четыре самыя крупныя фазиса общественнаго развитія: 1) критика можетъ имѣть въ виду публику, еще совсѣмъ не мыслящую серьезно и не пробудившуюся даже къ сознанію критическихъ требованій—науки и жизни; 2) общество, утомленное долгою недѣятельностью мысли, можетъ быть приготовлено для воспріятія этихъ критическихъ требованій, хотя не сознаетъ еще, въ чемъ они состоятъ; 3) въ обществѣ можетъ существовать болѣе или менѣе ясное сознаніе его раздѣленія на различныя оттѣнки прогрессивной и консервативной партіи съ опредѣленными жизненными требованіями; 4) наконецъ историческія случайности могутъ привести общество къ періоду умственнаго утомленія и нравственнаго индифферентизма, когда вѣтъ охоты уяснить себѣ требованія науки, а требованія жизни спутываются въ смутный хаосъ пред-

ставленій, изъ которыхъ каждое уравновѣшивается другимъ, ему прямо противоположнымъ, и самыя несходныя представленія сталкиваются въ уродливыхъ смѣшеніяхъ. Попробую рассмотреть задачу критика во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ. Конечно, я предполагаю, что самъ критикъ составилъ себѣ ясное и твердое убѣжденіе относительно требованій науки и жизни, относительно прогрессивныхъ и стѣснѣвающихъ началъ въ обществѣ, а также что онъ искренно желаетъ дѣйствовать на современниковъ въ смыслѣ прогрессивномъ.

Общество, еще не пробужденное къ критической мысли, представляется критику какъ тупой и невнимательный ученикъ учителю. Вопросъ не въ томъ еще, чтобы давать ему строгую, систематическую истину; вопросъ не въ томъ, какъ направить его умственную дѣятельность. Надо еще *возбудить* эту дѣятельность. Надо *заинтересовать* ученика. Остроумная загадка, красивая картинка, фантастическая сказка здѣсь могутъ быть полезнѣе самыхъ точныхъ истинъ, самыхъ строгихъ пріемовъ анализа. Критика имѣетъ передъ собою свѣжую, неразработанную почву, которую обрабатывать пожалуй и трудно, но за то, гдѣ *всякая* обработка представляетъ успѣхъ, отвоевываетъ кусокъ пустыни въ пользу цивилизаціи. Лишь бы критикъ не сѣялъ нарочно плевелъ, все идетъ на пользу читателю. Заохотите ли вы его читать восхваляя чувствительные стихи, приводя гремучія тирады романовъ и драмъ, или разсыпая насмѣшки и остроуміе, истраченные на мелочи, все это не имѣетъ особой важности, лишь бы вы достигли цѣли — побудили общество ввести въ кругъ своихъ пошлыхъ и безсодержательныхъ забавъ чтеніе статей, подвергающихъ суду читателя явленія литературы и искусства; лишь бы оно усвоило мысль, что произведенія литературы и искусства недостаточно прочесть, посмотреть, послушать и потомъ забыть; но что ихъ слѣдуетъ *судить*, разбирать, оцѣнивать, приводя для оцѣнки нѣкоторые основанія. Большею частію этотъ періодъ продолжается весьма долго въ обществѣ, и много нужно самоотверженія мыслящему критику, чтобы отказать отъ истинной проповѣди научныхъ и жизненныхъ началъ, съ цѣлью забавлять публику, пріучать ее къ чтенію, формировать читателей для своихъ наслѣдниковъ и замѣчать, что чувствительные или смѣхотворные пустяки болѣе дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ, чѣмъ серьезная мысль; что жизненной потребности въ послѣдней еще не оказалось. Положеніе критики въ этомъ отношеніи было бы совершенно невыносимое, еслибы, по счастью, и сами критики при подобномъ положеніи дѣлъ не стояли весьма невысоко надъ уровнемъ своихъ читателей.

Но вотъ настаетъ минута для общества, когда охота къ чтенію разборовъ и сужденій привалась, когда образовался (какъ обыкновенно между молодѣжью) кругъ читателей, жадныхъ до умственной пищи. Они со старшимъ поколѣніемъ восхищаются

громкими и чувствительными словами, смѣются надъ комическими хватками литературныхъ клоуновъ, но ихъ восхищеніе и ихъ смѣхъ уже не такъ искренни. Имъ хочется побольше содержанія въ восторгахъ и въ насмѣшкѣ; но какое нужно содержаніе, чего именно имъ хочется, они сами не знаютъ. Пора ученикамъ съѣсть за правильный учебникъ, прислушаться къ строгой лекціи профессора. Тогда для честнаго и даровитаго критика самое лучшее время. Его появленіе — электрическая искра, зажигающая сотни умовъ. Его статьи — проповѣди, которыя повторяются, пересказываются, комментируются въ разныхъ углахъ. Противъ него одни драхле попуая напускныхъ восторговъ и пустые забавники. За него все живое, все мыслящее. Тогда критикъ пора выставитъ основную свою аксіому, съ которой начинается серьезная оцѣнка литературы и искусства: «Литература и искусство имѣютъ значеніе не сами по себѣ, но какъ выраженіе общественной мысли, научныхъ и жизненныхъ требованій; подъ каждымъ вопросомъ литературнымъ скрывается вопросъ общественный». Какъ только аксіома поставлена, она вызываетъ необходимость установленія научныхъ и жизненныхъ требованій и переоцѣнки всего, чѣмъ восхищались и чему смѣялись, во имя этихъ требованій. Тутъ происходитъ великое переимѣненіе литературныхъ вѣнцовъ, первая попытка *помыть* исторію литературы. Поколѣніе, на долю котораго приходится пережить такую эпоху, сознаетъ свое умственное превосходство надъ предыдущими и гордится тѣмъ, что оно осмыслило грубый матеріалъ, переданный ему предками. Имя критика, начавшаго подобное движеніе, остается навсегда знаменитымъ для мыслящаго потомка. Съ нимъ исторія связываетъ первый сознательный прогрессъ общественной мысли.

Но начало никогда не можетъ быть завершеніемъ. Требованія науки и жизни не могутъ сразу установиться съ полною определенностью въ умѣ самаго даровитаго критика, а тѣмъ менѣе, въ обществѣ, когда еще очень немногія поколѣнія отдѣляютъ его отъ времени восторговъ пустяками. Большинство увлекается новостью литературнаго движенія, не уясняя себѣ точнаго смысла тѣхъ словъ, которыя оно повторяетъ за понимающимъ меньшинствомъ. Уясненіе этихъ словъ происходитъ лишь мало-по-малу; а съ уясненіемъ ихъ оказывается, что многимъ изъ участниковъ движенія приходится отъ него отречься или увѣрить, что другіе исказили это движеніе, что они одни хранители истинной традиціи литературной и общественной критики, а ихъ прежніе единомышленники — невольные или злонамѣренные фальсификаторы этой традиціи. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство: какъ только литературная критика перешла въ область общественныхъ вопросовъ и требованій жизни, то само собою возбуждается желаніе, чтобы эти требованія осуществились и въ *своей* сферѣ, то-есть въ самой жизни, и конечно, прежде всего, въ жизни тѣхъ личностей, которыя объявляли себя приверженцами новаго критическаго направленія. Но нечего, кажется, до-

казывать, что критическая борьба за прогресс вызывает въ жизни еще больше неприятностей и неудобствъ, чѣмъ въ печати (и безъ послѣднихъ не обходится), а потому, ко всеобщему удивленію, большинство послѣдователей критическаго направленія оказывается въ жизни шаткимъ, несостоятельнымъ относительно тѣхъ требованій, которыя выставлены были самими лицами, принадлежащими къ большинству. Требования жизни, проводимыя въ литературѣ, расходятся съ требованіями, осуществляемыми въ самой жизни. Это все обазывается довольно скоро, и потому этотъ второй періодъ жизни общества и отношеній его къ критикѣ крайне-непродолжителенъ.

Вчерашніе друзья и товарищи разошлись. Они различно понимаютъ научныя требованія. Критика раздѣлилась на партіи. Общество привыкаетъ къ различнымъ знаменамъ. Кромѣ того, между борющимися партіями образовалась колеблющаяся масса тѣхъ, которые вовсе не намѣрены стоять въ жизни на какія бы то ни было убѣжденія (потому что таковыхъ не выработали), но смотря по тому, въ какую сторону повернуть случайности исторіи, эти лица готовы десять разъ перемѣнить свои мнѣнія, защищать того, кто сильнѣе, служить тому, кому выгоды. Положеніе критики въ этомъ случаѣ довольно просто. Если она понимаетъ и уважаетъ свое дѣло, она выставляетъ возможно яснѣе и опредѣлительнѣе свое знамя, и направляетъ всѣ свои силы на уменьшеніе той колеблющейся массы, о которой я только что говорилъ, такъ-какъ эта масса составляетъ самый вредный элементъ въ обществѣ, на который никто рассчитывать не можетъ, и который своими колебаніями доставитъ сегодня каждую силу партіи, въ сущности довольно малочисленной. Враговъ слѣдуетъ ослаблять и разбивать на сколько можно, но въ нихъ всегда слѣдуетъ уважать человѣческое достоинство и искренность убѣжденія. Безжалостнаго литературнаго бичеванія достойны лишь нравственные индифферентисты, люди безъ убѣжденій, готовые служить всякой торжествующей силѣ, готовые примкнуть ко всякому успѣху.

Но къ этому раціональному отношенію между партіями и самихъ опредѣлившихся партій къ массѣ индифферентистовъ приходитъ критика нескорю, и то при достаточномъ огражденіи свободы слова закономъ. Если же законодательство стѣсняетъ эту свободу, то люди безъ убѣжденій ограждены отъ всесторонняго нападенія неизбежною неясностью программъ многихъ партій. Эта же самая неясность программъ усиливаетъ озлобленіе партій, имѣющихъ основаніе ко взаимнымъ подозрѣніямъ въ неискренности. Тогда борьба партій получаетъ болѣе и болѣе желчный характеръ. Партія, рассчитывающая на сочувствіе большинства читателей (иногда довольно ошибочно), потому что сознаетъ себя представительницею прогресса, вооружается неумолимою насмѣшкою противъ своихъ противниковъ. Однакоже таятлн-

вны и честные противники борются оружіемъ литературы; менѣе талантливые и менѣе совѣстливые прибѣгаютъ къ оружію политическихъ инсинуаций или прямыхъ доносовъ. Раздражительность литературныхъ споровъ дѣлаетъ врагами людей весьма близкихъ по сущности своей критики, вноситъ въ литературные кружки крайнюю исключительность, уменьшаетъ силы каждой партіи и раздробляетъ основной бой прогресистовъ съ представителями отживающаго начала на множество частныхъ поединковъ безъ особеннаго смысла. Ходъ борьбы получаетъ характеръ случайности.

Если историческія обстоятельства благопріятны и политическіе дѣятели желаютъ развитія общественной мысли, то ослабленіе законовъ, стѣсняющихъ слово, и полное безпристрастіе правительства въ борьбѣ литературныхъ партій должно привести къ ослабленію желчной и безцѣльной борьбы личностей, къ опредѣленности въ раздѣленіяхъ партій, къ уясненію ихъ программъ, слѣдовательно, къ рациональному развитію критики во имя разнаго пониманія научныхъ и различной постановки жизненныхъ требованій, наконецъ къ уменьшенію числа людей безъ убѣжденія.

Однако, исторія иногда идетъ и инымъ путемъ. Неблагопріятный для общественнаго развитія исходъ борьбы литературныхъ партій производитъ въ обществѣ охлажденіе къ критической работѣ мысли вообще. Общество считаетъ себя выше литературы, раздавленной обстоятельствами, загрязненной его же мелкими страстями и жалкою трусостью. Общество не хочетъ себя узнавать въ образѣ, который представляетъ ему невольное его зеркало. Въ литераторѣ общество видитъ пустаго болтуна, высказывающаго мысли, имъ самимъ придуманныя, или разсчитливаго лавочника, продающаго товаръ, хотя и недоброкачественный, но соответствующій инстинктамъ массы. Слово *литераторъ* дѣлается чуть не браннымъ. Въ самихъ литераторахъ чувство собственнаго достоинства и сознание своей обязанности понижается. Одни гордятся не тѣмъ, что ихъ мысль истинна, что ихъ стремленіе человѣчно, а тѣмъ, что ихъ дѣянія выходяи вызываютъ неистовые аплодисменты райка; что громъ этихъ аплодисментовъ скрываетъ молчаніе и негодованіе настоящихъ судей ихъ дѣла; что ихъ подписчики считаются десятками тысячъ; что они—сила, грозная даже министрамъ: она и ихъ приверженцы перестали стыдиться источниковъ и опоръ этой силы. Другіе, сломенныя общественною бурей, преклонились передъ силою, и, стыдясь самихъ себя, пошли служить ей своимъ перомъ и талантомъ. Третьи опустили руки въ уныніи, преувеличили въ своемъ воображеніи свое безсиліе, сами ослабили себя мелочными раздорами и злятся, что прежнее оружіе бесполезно въ новыхъ обстоятельствахъ, или совсѣмъ отказались отъ дѣятельности на общество, предоставляя заразъ разливать безпрепятственно. Мудрено ли, что это все роняетъ ниже и ниже значеніе лите-

ратуры и критики въ глазахъ общества, что масса индифферентистовъ растеть, преобладаетъ, подавляетъ собою все, и, смѣясь надъ жалкою литературою, съ гордостью указываетъ на косаки симпатичныя явленія въ общественномъ строѣ, развившіяся внѣ литературы. Хвалители ихъ не хотять сознать, что эти симпатичныя явленія имѣють еще крайне слабую опору, и что еслибы взмахъ пера унесъ ихъ завтра, то послѣ-завтра они бы подверглись тѣмъ же насмѣшкамъ и опасеніямъ, которыя теперь обрушиваются на литературу.

Положеніе критики труднѣе въ четвертомъ періодѣ, чѣмъ въ первомъ. Общество, на которое она должна дѣйствовать, не спитъ, а одурѣло. Оно страдаетъ не отсутствіемъ мысли, а боязнью мыслить, отвращеніемъ отъ мысли. Критическіе приемы ему знакомы, но оно потеряло пониманіе началъ, во имя которыхъ эти приемы могутъ быть приложены со смысломъ. Понатія истиннаго и ложнаго, честнаго и безчестнаго, справедливаго и несправедливаго, полезнаго и вреднаго въ немъ спутались до совершенной невозможности различить одно отъ другаго.

Критика, обращаясь къ такому обществу, не можетъ уже имѣть въ виду, какъ во второй разсматриваемый періодъ, что читатели жаждутъ истинъ, ея высказываемыхъ. Нѣтъ, она не между свѣжими недоучками, несмывшими еще професорскаго голоса: она между слушателями, которыхъ утомили неумѣные или недобросовѣстные профессора. Недовѣрчиво смотрять читатели на ея приступъ къ дѣлу; недоовѣрчиво отыскивають между строчками что-либо къ чему прицѣпиться, чтобы произнести презрительно: «старье! все это было сказано и опровергнуто; здѣсь подлая радость чужой бѣдѣ; здѣсь бессильное озлобленіе на побѣдителей; читать нечего!» Критикѣ приходится отстаивать свои основныя права, приходится *доказывать*, что она, и она одна можетъ внести въ общество пониманіе истиннаго, честнаго, справедливаго, полезнаго; что она есть не пустое слово, а *дѣло*, безъ котораго всѣ другія *дѣла* обратятся въ пустыя слова; что она, не имѣя приличнаго мѣста въ печати, высказывается въ приговорѣ судьи или присяжнаго, въ рѣчи члена общественнаго собранія, въ неизвѣстномъ трудѣ провинціального выборнаго дѣятеля. Критикѣ приходится, какъ въ первый періодъ, формировать себѣ кругъ читателей; ей приходится повторять азы общественныхъ требованій, возвращаться къ доказательству давно доказаннаго, не предполагать въ своихъ читателяхъ самаго элементарнаго различенія недобросовѣстнаго софизма отъ искренней проповѣди глубокаго убѣжденія.

Еще менѣе удобны для критики четвертаго періода приемы блестящей борьбы третьяго. Тогда она говорила во имя началъ болѣе или менѣе ясныхъ ея приверженцамъ и противникамъ; предлагала къ частнымъ случаямъ научныя и жизненныя требованія, которыя считались установленными. Желчная насмѣшка и

жестокое бичеваніе противника были осмыслены началами, во имя которых насмѣшка и бичеваніе имѣли мѣсто, и которыя признавались правомѣрными и искренними. Слово имѣло или предполагало за собою дѣло. Число индифферентистовъ было еще не такъ громадно, чтобы нельзя было предполагать воплощенія въ научную и жизненную практику тѣхъ требованій, которыя ставила самая смѣлая критика. Можно было представителямъ прогресса презрительно относиться къ представителямъ отживающихъ началъ, такъ-какъ право борьбы за прогрессъ казалось обеспеченнымъ, а въ такомъ случаѣ и торжество прогресистовъ есть лишь дѣло времени, хотя, конечно, торжествуютъ обыкновенно не тѣ формы, за которыя происходила борьба, а другія, новыя, выработанныя въ самой борьбѣ. Въ послѣдній разсматриваемый періодъ отношенія критики къ публикѣ совершенно измѣнились. Начала научныя и жизненныя, въ особенности же послѣднія, стали до того смутны и неясны, что нельзя ихъ считать установленными ни въ глазахъ своихъ противниковъ, ни даже въ глазахъ своихъ приверженцевъ. При малѣйшей неясности противники готовы взвалить на васъ все возможное и невозможное, а приверженцы васъ не понимаютъ. Насмѣшка и бичеваніе потеряли въ глазахъ читателя смыслъ, потому что съ одной стороны ими злоупотребили самые позорные органы литературы для униженія побѣжденныхъ и беззащитныхъ; съ другой стороны недовѣрчивые читатели нетолько отвыкли за ними предполагать правомѣрныя начала, но и какія бы то ни было. За словомъ уже не предполагаютъ дѣла, а напротивъ, самое дѣльное слово предполагаютъ пустымъ. За двумя-тремя мыслящими, но плохо понимающими другъ друга, зашѣвалами, огромный хоръ индифферентистовъ, уже совершенно нежелающихъ понять самихъ себя, вырывается съ увлеченіемъ: дѣла! дѣла! дѣла! и радуется, что онъ-то и оказался самымъ передовымъ, потому что можетъ доказать цифрою настольныхъ регистровъ и росписокъ въ канцелярскихъ книгахъ, сколько дѣлъ онъ сдѣлалъ, если и не окончилъ, и сколько рублей получилъ, если и не заработалъ. Эта дряблая масса индифферентистовъ добровольныхъ и невольныхъ (то-есть просто непонимающихъ) до того господствуетъ въ обществѣ, что возмываетъ литература, имѣющая въ виду только забаву индифферентистовъ и потаваніе имъ, такъ-какъ издательскія предпріятія имѣютъ весьма мало надежды на успѣхъ въ противномъ случаѣ. Самые распространенные органы прессы съ цинизмомъ, едва встрѣчающимся въ глухое время перваго періода, подсказываютъ этой массѣ наудобнѣйшія фразы для оправданія ея неохоты мыслить и стремленія принимать за дѣло свои пошлыя отписки и подыя средства пріобрѣтенія. Общественный прогрессъ нетолько не представляетъ вѣроятности, но въ немъ можно съ большимъ правомъ усомниться, чѣмъ во время чувствительныхъ вѣсенокъ и совершенно невинныхъ забавъ, и только при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи настоящаго,

можно въ немъ замѣтить кое-какіе элементы, обѣщающіе возможность выздоровленія. Презирать противниковъ прогреса въ подобныхъ обстоятельствахъ странно, такъ-какъ это — добровольная слѣпота, полезная, конечно, только для враговъ прогреса, а никакъ не для его защитниковъ. Противники прогреса теперь — сила, хотя и вредная, безнравственная, какъ угаръ, какъ тифъ, какъ проказа. Отрицать подобныя силы и презирать ихъ — нелѣпо. Отворите окна, освѣжайте тѣло тифознаго, боритесь съ вредными гигиеническими условіями, развивающими проказу. Вы спасете не всѣхъ, далеко не всѣхъ, но многіе угорѣлые могутъ отдѣлаться головною болью, многіе тифозные — продолжительною слабостью, и самая проказа черезъ нѣсколько поколѣній исчезнетъ изъ страны. По крайней-мѣрѣ побѣда надъ этими вредными силами возможна *только* при условіи не презирать ихъ, не ругать ихъ, а своёю и серьёзно, во имя науки, бороться противъ нихъ съ энергіею, приличною человѣческому достоинству.

И критикѣ этого періода приходится опираться на поэзу, созданную обстоятельствами. Она должна стать *дѣльною и серьёзною*. Она должна безъ отвращенія анализировать передъ глазами читателя элементы грязной пошлости и реакціи, проникающіе общество. Она должна *на фактахъ* доказать, что именно скрывается подъ маскою ея противниковъ. Не насмѣхаясь и не озлобляясь, она должна изслѣдовать патологическія явленія общества. Она должна принять своимъ девизомъ именно то, чѣмъ злоупотребляютъ ея противники, призывать къ *дѣлу* наравнѣ съ ними, но разобрать во имя требованій науки и жизни, *что имѣютъ право называться дѣломъ*, и что называютъ дѣломъ эти милые индифферентисты съ ихъ жаждою покоя, приобрѣтенія и пошлости, эти мудрые и добродѣтельные проповѣдники отживающихъ принциповъ. Оставляя временно болѣе обширныя и полныя задачи, какъ недоступныя ея современникамъ, критика должна себѣ поставить опредѣлительно задачу *возможнаго* для требованій жизни въ данную эпоху, и программу свою высказать столь ясно, чтобы эта программа не могла встрѣтить непониманія со стороны приверженцевъ и не подверглась черезчуръ легкому извращенію въ рукахъ противниковъ. Критикѣ долженъ направить всѣ усилія сначала на самый трудный фазисъ общественной болѣзни: онъ долженъ излечить недовѣріе къ критикѣ, преврѣніе къ литературѣ. Когда лекарство подѣйствуетъ, тогда будетъ время подумать о новыхъ приемахъ критики, или точнѣе о возвращеніи къ болѣе рациональной критической пищѣ для прогрессивнаго движенія общества.

Мнѣ, пожалуй, замѣтятъ, что я забылъ основное условіе, стѣсняющее критику — недовѣрчивый надзоръ администраціи по дѣлу прессы, который обыкновенно приводитъ литературу и общество къ жалкому состоянію четвертаго разсмотрѣннаго періода и поддерживаетъ продолжительность этого состоянія. Нѣтъ, я не за-

былъ его, и соображеніе этого условія входитъ въ задачу *возможно*, о которой я говорилъ. Изъ трехъ стѣснительныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ свободы слова, по крайней-мѣрѣ двѣ дозволяютъ нѣкоторую оцѣнку возможнаго. При предварительной цензурѣ возможность взмѣряется личностью цензора; при карательной по суду она взмѣряется личностью опытнаго адвоката; только противъ системы предостереженій, соображеніе возможнаго становится очень затруднительно, хотя и тутъ опытная редакция изъ ряда примѣровъ можетъ заключить о томъ, гдѣ приблизительно лежитъ черта, за которою ей грозятъ удары административныхъ предостереженій. Дѣло прогрессивной критики совсѣмъ не переходитъ за эту черту, но приближаться къ ней, если это нужно, на сколько дозволяютъ обстоятельства. Въ большей части случаевъ критикѣ можетъ быть приходится дѣйствовать совсѣмъ въ иномъ направленіи, и только трусливость издателей стѣсняетъ программу критика гораздо болѣе, чѣмъ всѣ мѣры администраціи; но смѣлость есть *всегда* одно изъ условій успѣха.

Не знаю, не сердится ли на меня читатель, что я все вожу его по абстрактнымъ періодамъ жизни общества и задачъ критика, не обращаясь къ предметамъ болѣе близкимъ. Мнѣ этотъ пріемъ казался всего удобнѣе и, можетъ быть, меня скорѣе можно обвинить въ томъ, что рисуя абстрактные періоды, я слишкомъ живо представлялъ себѣ весьма реальныя событія, недавно пережитыя нашею литературою. Конечно, можно, по моему убѣжденію, отыскать аналогическія эпохи во всѣхъ литературахъ, но я не имѣю въ виду расширять на столько программу моего пьесма; даже о прошедшемъ скажу лишь нѣсколько словъ; остановлюсь наиболѣе на настоящемъ.

Немногимъ болѣе четверти вѣка тому назадъ, критика наша должна была бороться со всѣми трудностями перваго періода, которому принадлежали Карамзинны, Полевые, Брамбеусы.

Едва-ли кто-либо изъ читателей усомнится въ томъ, чье имя обозначаетъ короткій, но плодотворный періодъ пробужденія сознанія въ нашей критикѣ; когда молодѣжь знала *одного* учителя, когда критическія статьи разрѣзывались, читались и комментировались прежде всего; когда все мыслящее въ Россіи было одной партией; когда въ Овѣганѣ, Печоринѣ, Чичиковѣ научались видѣть не созданія повтовъ, а отраженіе общественныхъ вопросовъ; когда въ лекціяхъ Грановскаго изъ-за образовъ *минувшаго* вставляли вѣчно-живые *человѣческіе* вопросы, смутныя требованія *настоящаго*. Едва-ли живыя поколѣнія отпразднуютъ юбилей Бѣлинскаго, но наши потомки *будутъ* его праздновать, или русская литература отстанетъ отъ китайской.

Еще при жизни Бѣлинскаго начался третій періодъ. Бѣлинскому пришлось еще читать переписку Гоголя съ друзьями. Если читатель прослѣдитъ мысленно за литературною и жизненною

Письмо провинциала о задач. соврем. критики.

дѣятельностью тѣхъ, которые были *смѣль* поклонниками Бѣлинскаго и Грановскаго, то онъ переживетъ періодъ борьбы и распада, которыя были необходимымъ слѣдствіемъ уясненія жизненныхъ задачъ. Ожесточенно закипѣла борьба между разными направленіями. Блестящіе таланты выступили въ этой борьбѣ при весьма невыгодныхъ условіяхъ. Имъ сочувствовали, ихъ угадывали, ими увлекались, по нимъ учились мыслить. Тогда стало *стыдно* быть индифферентистомъ, и тотъ, кто не выработалъ въ себѣ убѣжденія (конечно, таково было большинство), тотъ надѣвалъ маску чужого мнѣнія. Еслибы дѣла получили болѣе рациональный ходъ, ожесточеніе борьбы ослабло бы, угловатости ея стерлись бы, и слѣдующее поколѣніе не нуждалось бы въ маскахъ: оно выросло бы въ *привычкахъ* убѣжденія.

Но не такова была историческая судьба этого бурнаго періода. Его перипетіи еще слишкомъ свѣжи въ памяти у всѣхъ, чтобы напоминать о нихъ. Имена его дѣятелей еще заставляютъ сильнѣе биться отъ сочувствія или отъ негодованія сердца мыслящихъ русскихъ. Заслуги этихъ дѣятелей въ пользу русской мысли забыть невозможно. Ихъ ошибки... но только безчестный человекъ бросаетъ громкій укоръ за ошибки тѣмъ, кого раздавила исторія своимъ тяжелымъ колесомъ и чья кровь еще не обсохла на ея колесѣ. Что касается до могучихъ, славныхъ, торжествующихъ, то ихъ ошибки наказаны еще строже. Можетъ быть, и нѣкоторые изъ современныхъ блестящихъ литературныхъ дѣятелей краснѣютъ иногда въ тиши своихъ кабинетовъ, вспоминая, чѣмъ они были тому лѣтъ десять, и что такое они теперь; кто *тогда* сочувствовалъ имъ или, по крайней-мѣрѣ, уважалъ ихъ, и что за люди *теперь* солидарны съ ихъ мнѣніями, хотя этихъ послѣднихъ людей, пожалуй, и значительно больше. Мое *можетъ быть* едва-ли вѣроятно для читателя, да не очень вѣроятно и для меня, но я имѣлъ въ виду наказаніе другого рода. Большинство людей, совершая скверныя, но выгодныя для себя дѣла, можетъ надѣяться, что память объ этихъ дѣлахъ исчезнетъ; литераторъ оставляетъ слѣдъ въ своихъ сочиненіяхъ и даетъ потомству для его суда матеріалъ, который не исчезнетъ, еслибы даже того желалъ авторъ. Какъ ни увлеченъ публицистъ сегодняшнимъ дѣломъ, но если онъ уменъ, невольно иногда онъ смотритъ на свою дѣятельность глазами потомковъ и читаетъ въ будущей исторіи цивилизаціи своего отечества свое имя, написанное критикомъ, для котораго наше горячее настоящее обратилось въ давно охладѣвшее былое. Если нынѣшнимъ торжествующимъ мудрецамъ приходятъ такіа минуты прозрѣнія въ будущее, то едва-ли они не блѣднѣютъ отъ позорнаго безсмертія, ихъ ожидающаго. Но если они и заблуждаются сами въ этомъ отношеніи, все равно: судъ потомства совершится неизбежно, и ихъ имя станутъ повторять учебники будущихъ, неродившихся еще поколѣній, въ числѣ замѣтныхъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ переходу русской мысли отъ третьяго періода къ четвертому.

Невольно я перешелъ къ нему и нахожусь въ настоящемъ. Но правъ ли я относительно этого настоящаго? Дѣйствительно ли современная литература и современное общество представляютъ неприглядныя черты, которыя характеризуютъ четвертый разсматрѣнный періодъ? Дѣйствительно ли спутанность понятій, нежеланіе понимать вещи, униженіе достоинства литературы, недовѣрчивость къ критикѣ и возрастаніе индифферентизма составляютъ характеристическія черты русской мысли въ кончившемся 1867 году? Я желалъ бы ошибаться, но не желаю закрывать глаза предъ явными признаками общественной болѣзни: отъ того она не уменьшится. Можно бы фактически доказать присутствіе каждаго изъ этихъ признаковъ въ настоящее время рядомъ данныхъ и выписокъ, но у меня здѣсь въ дальней провинціи нѣтъ подъ руками необходимаго для того матеріала, и потому именно я пишу не длинную статью и не рядъ статей о современномъ состояніи общественной мысли: я пишу только письмо съ нѣкоторыми указаніями. Кто найдетъ полезнымъ, пусть воспользуется; кому не нужно, тотъ немного потеряетъ на это времени. Ограничусь же немногими пунктами.

Тому два съ половиною года одинъ литераторъ говорилъ другому въ общественномъ собраніи, что названіе литератора дѣлается болѣе и болѣе презрительнымъ въ глазахъ публики вслѣдствіе непрочности убѣжденій многихъ литераторовъ, вслѣдствіе измѣны этимъ убѣжденіямъ, вслѣдствіе готовности подавать руку той и другой партіи. Можно ли сказать, что съ тѣхъ поръ большинство литераторовъ стало болѣе уважать собственное достоинство въ этомъ отношеніи и внушило болѣе довѣрія публикѣ? Я не буду говорить о *такихъ писателяхъ*, какъ гг. Бабарыгинъ и Эдельсонъ. Лица, подавшія примѣръ литературнаго восхваленія «Взбаламученнаго моря», помѣстившія на страницахъ своего журнала первый романъ, прославившій нынѣ знаменитаго г. Стебницкаго, могли и могутъ писать подъ какими угодно знаменами, въ чьемъ угодно сообществѣ. Но когда одинъ изъ редакторовъ «Эпохи» помѣщаетъ свой романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — это характеристично. Еще характеристичнѣе были статьи въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» подписанныя именемъ, которое литературная молва связала съ блаженной памяти Кузьмоу Прутковемъ. Я пройду молчаніемъ многое. Я не хочу упоминать о возмутительныхъ противорѣчіяхъ ученій и жизни. Я постараюсь остаться въ области литературы и ограничиваюсь крупными фактами.

Я упомянулъ о первомъ романѣ г. Стебницкаго. Онъ доставилъ этому автору не весьма почетную, но довольно громкую извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ помнится, погубилъ «Библиотеку для Чтенія». Многіе сотрудники ее оставили, многіе подписчики отшатнулись. Въ 1867 году еще болѣе громкую и еще менѣе почетную извѣстность получила повѣсть г. Авенариуса,

вкусная смѣсь Казановы съ Видокомъ. Въ иностранныхъ литературахъ есть подобныя образцы, напримѣръ романы, писанныя отставнымъ нѣмецкимъ шпиономъ подъ псевдонимомъ Рэтклифа, гдѣ оплевываніе побѣжденныхъ партій и соблазнительныя сцены смѣняють друга друга въ самой милой послѣдовательности. Рекомендую эти романы вниманію гг. Хановъ и Богушевичей; ими стѣять воспользоваться, переведа самыя интересныя сцены. Есть тамъ и другія сцены, слишкомъ либеральныя, такъ-какъ нѣмецкій шпионъ еще не совсѣмъ потерялъ стыдъ, но эти сцены легко выбросить. Итакъ, г. Авенариусъ имѣлъ предшественниковъ, но романы Рэтклифа вышли отдѣльно; въ Европѣ ни одинъ журналъ не рѣшился помѣстить ихъ на своихъ страницахъ. Не потому, чтобы не нашлось редакторовъ, согласныхъ на это, но прямой расчетъ имъ говорилъ, что подобное помѣщеніе невыгодно, такъ-какъ имъ пришлось бы помѣщать только статьи подъ стать Рэтклифу, а подобныя сотрудничія уронили бы журналъ; другіе же не стали бы въ немъ писать. Я нисколько не обвиняю гг. Хановъ и Богушевичей, что они печатають статьи г. Авенариуса: вѣрно есть читатели, небрезгающіе подобнымъ чтеніемъ, а для издателя, говорятъ, цифра подписчиковъ — всё. Но вѣдь рядомъ съ ними у тѣхъ же гг. Хановъ и Богушевичей печатають свои статьи и другіе. И между ними встрѣчаемъ имена, еще вчера уважасмыя. Что же? или сообщество г. Стебницкаго, погубившее во время оно «Библіотеку» и усипенное еще г. Авенариусомъ, теперь стало почетнѣе? Или наши лирики и прозаики на столько не чуты къ достоинству своего имени, что перестали имъ дорожить? Неужели потребность въ насущномъ хлѣбѣ заставляеть ихъ, трудясь въ такомъ сообществѣ, ронять ниже и ниже въ глазахъ публики званіе литератора и доказывать ей наглядно пониженіе литературной нравственности?

Возьму другой примѣръ, но не изъ тѣхъ органовъ литературы, гдѣ о достоинствѣ говорить нечего, гдѣ спекуляція руководитъ расчетомъ редактора и перомъ сотрудника, гдѣ грязь и удушливныя испаренья, о которыхъ мы говорили выше, сливаются въ одно послѣдовательное цѣлое. Нѣтъ, мы беремъ наши выписки изъ изданія, на которомъ въ прошломъ году можно было отдохнуть, потому что наибольшая часть его имѣла весьма видное научное значеніе, и въ остальномъ ничто не возмущало читателя оскорбленіемъ основъ человѣческаго достоинства. Мы искренно желаемъ этому изданію успѣха, но это самое заставляеть насъ быть внимательнымъ къ его словамъ. Вотъ они :

«Наше общество прожило эпоху журнальныхъ направленій... Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ. Читатели стали догадываться, что направленіе въ журналахъ есть только «фраза»... Мы очутились въ эпохѣ «повального недоразумѣнія»... Между тѣмъ жизнь наша сама себя другой исходъ, другія школы, и въ числѣ такихъ школъ... явились публичныя суды... Надо всѣмъ

этими раздался голос судьи, который всёми указывал только одно направление и требовалъ «правды», одной правды и ничего другого кромѣ правды! Возникла у насъ въ послѣднее время и другая общественная школа, это—земскія учрежденія, они заставили насъ... выслушать другое требованіе «дѣла, одного дѣла и ничего другого, кромѣ дѣла!» Вотъ новыя направленія нашего времени.... Намъ скажутъ, что правда и дѣло достигаются различными путями... но не будемъ спорить о путяхъ прежде, нежели намъ и нашимъ противникамъ удалось высказать дѣйствительную правду или сдѣлать полезное дѣло. Еще не довольно правды и слишкомъ мало сдѣлано дѣла, чтобы уже отъ избытка силъ, отъ полноты развитія, на досугъ, отложивъ въ сторону и правду и дѣло, мы могли сложиться въ партіи, выражающія извѣстный приѣмъ, и чтобы вопросъ о приѣмѣ для насъ сдѣлался важнѣе самаго дѣла.—Новое требованіе отъ насъ «правды» можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для «дѣла» нужно обогащеніе ума и воспитаніе мысли... Прежде всего, направленіе есть трудъ, дѣло, знаніе!...»

Здѣсь мы встрѣчаемся наглядно съ нѣкоторыми характеристическими девизами новаго времени: съ требованіемъ *дѣла*, съ презрительнымъ отношеніемъ къ *направленіямъ*. Впрочемъ, редакция изданія поняла, что не все то, что называется дѣломъ, есть *настоящее* дѣло: настоящее дѣло требуетъ *правды*, и редакция рисуетъ единственно симпатичный въ наше время образъ судьи, изрекающаго приговоръ во имя «одной правды». Но судья и присяжные выслушиваютъ тяжущихся или ихъ адвокатовъ, выслушиваютъ обвиненіе и оправданіе прежде, чѣмъ могутъ произнести приговоръ *по правдѣ*, и если адвокатовъ нѣтъ, добросовѣстный судья произнести приговоръ *не можетъ*. Редакция хочетъ принять на себя, или требуетъ для критики вообще роль судьи. Это очень почтенно. Но гдѣ же тяжущіеся? гдѣ адвокаты? или редакция довольствуется формальнымъ слѣдствіемъ и находитъ адвокатуру въ литературномъ дѣлѣ излишнею? Или она не хочетъ видѣть, что если журналы примутъ на себя роль присяжныхъ повѣренныхъ, то правильно организованная пренія литературныхъ процессовъ перейдутъ въ личныя препирательства авторскихъ самолюбій? Или она не знаетъ, что достоинство суда въ томъ, что его приговоръ окончательный, а журналъ *никогда* не произноситъ такого приговора: его произноситъ *публика*, и отъ этого приговора журналъ можетъ лишь апеллировать къ приговору новаго поколѣнія, а самъ не въ состояніи ни кассировать, ни утвердить этотъ приговоръ. «Правда» журнала не можетъ и не должна быть правдою судьи; это—правда адвоката, *выбирающаго* себѣ кліента по своимъ убѣжденіямъ и во имя вѣчныхъ началъ истины и справедливости, *разъясняющаго* права своего кліента. Безъ правды адвоката, правда судьи невозможна въ литературномъ процессѣ, какъ и въ юридическомъ. Но адвокатъ въ литературномъ процессѣ не есть только уяснитель пониманія *науч-*

ной истинны; онъ есть еще уяснитель *требованийъ жизни* въ данномъ случаѣ. Весь процессъ ведется изъ-за *различныхъ* требованій жизни, поставленныхъ тяжущимися партіями, на основаніи *одной и той же* научной истинны. Вы говорите: «направленіе есть прежде всего трудъ, дѣло, знаніе». Вѣрнѣе бы связать: направленіе *предполагаетъ* трудъ, дѣло, знаніе, какъ требованія жизни предполагаютъ требованія науки. Ученому достаточно труда и знанія, если онъ хочетъ оставаться *только* ученымъ: найдутся другіе, которые приложатъ его знанія и его трудъ на пользу голодающихъ и страдающихъ братій. Открытіе физиолога подготавливаетъ леченіе медика, міросозерцаніе философа; оно есть *дѣло* въ абстрактной области науки, но еще *не дѣло* въ области жизни. Если ученый хочетъ быть гражданиномъ, *жизненнымъ* дѣвателемъ, то ему мало труда и знанія; ему нужно еще пониманіе *жизненныхъ* требованій, общественныхъ нуждъ. Онъ *выбираетъ* тогда предметы изслѣдованія *въ виду* этихъ требованій, этихъ нуждъ. Вычисленія его отъ этого не менѣе строги, наблюденія не менѣе точны, опыты не менѣе тщательны, результаты не менѣе научны, но его труды уже *не только* научное дѣло, они въ то же время *дѣло* *жизненное*: они имѣютъ *направленіе*. Ученого мы въ чловѣкѣ судимъ по точности его изслѣдованій; гражданина, жизненного дѣвателя судимъ по направленію его трудовъ.

Впрочемъ, ученый вовсе не обязанъ предъ наукою придавать своимъ трудамъ опредѣленное направленіе. Оставивъ микроскопъ, лѣтописи или корнесловіе, онъ можетъ участвовать въ жизни просто какъ чловѣкъ, а не какъ ученый. Дѣятельность гражданина можетъ быть для него совершенно отдѣльна отъ сферы его научныхъ изслѣдованій. Но для журналиста и литератора это быть не можетъ. Его *правда* не можетъ ограничиваться неизмѣнными требованіями научной истинны, научнаго метода. Она неизбѣжно говоритъ современникамъ, что для нихъ *лучше, желательнѣе*, въ какомъ направленіи лежитъ для нихъ *истинное* *жизненное* *дѣло*. Только индиферентистъ смотритъ на все около него совершающееся равнодушно. Историкъ возсоздаетъ безпристрастно *совершившееся*. Аскетъ въ своей кельѣ записываетъ безучастно злодѣйство и великія дѣла, такъ-какъ для него правда не отъ міра сего. Но тотъ, кто вѣритъ въ какую либо *правду въ жизни*, кто *желаетъ* этой правды около себя, для того не все совершающееся безразлично: онъ любить и ненавидитъ, борется, торжествуетъ или гибнетъ. Любить и ненавидѣть, это *выбирать*, и этотъ выборъ совершается не «отъ избытка силъ», не «отложивъ въ сторону правду и дѣло», а потому что лишь въ *выборѣ* того, что мы любимъ и ненавидимъ, есть *жизненная правда*, только въ борьбѣ за такую жизненную правду есть *истинное дѣло*. Въ *этой* дѣла литература не *живетъ*; критика не исполняетъ своей задачи. Въ *этого* можетъ существовать весьма дѣльное научное изслѣдованіе, техническій успѣхъ, правильный отчетъ о событіяхъ, пожалуй «обогащеніе ума», но «развитія общественной

совѣсти», «воспитанія мысли» нѣтъ, пока критика не присоединила къ уясненію научныхъ требованій еще уясненіе требованій *асизненнихъ*.

Оставаясь въ сферѣ жизненныхъ требованій, можно сказать, что споръ о направленіяхъ есть не споръ о *пути* къ правдѣ и дѣлу, но споръ о *проявленіяхъ* правды, о *сущности* дѣла для данной эпохи, слѣдовательно это вовсе не споръ о фразахъ. Въ жизни правда не отвлеченна, она осуществляется въ *дѣйствіи* и, совершая одно дѣйствіе, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ другое какое либо дѣйствіе, т.-е. опредѣляемъ направленіе нашей дѣятельности. Если мы доказываемъ пользу обще-земскихъ учрежденій для края, мы тѣмъ отрицаемъ пользу учреждений исключительно сословныхъ. Если мы говоримъ, что реальныя школы столь же (если не болѣе) полезны, какъ классическія, лишь бы въ нихъ вучивались чему либо, то мы отрицаемъ этимъ исключительную педагогическую пользу древнихъ языковъ. Если мы остановимся на почвѣ науки, мы выбрали направленіе, отрицающее направленіе г. Аскоченскаго. Я желалъ бы, но не умѣю придумать какуюнибудь правду, какоенибудь дѣло въ сферѣ жизни, которое бы могло осуществиться прежде выбора направленія. Эти-то направленія образуютъ партіи, и подобное раздѣленіе едва-ли можно назвать споромъ о «пріемахъ.» Въ чемъ заключается жизненная *правда* въ настоящую минуту? Чтѣ составляетъ истинное *дѣло* для нашихъ современниковъ? Эти вопросы требуютъ отвѣтовъ, и критика обязана дать ихъ. Но отвѣты выходятъ различны и раздѣляютъ литературу на партіи. Приемы могутъ быть при этомъ весьма сходны или весьма различны, но до раздѣленія партій не относятся. Самыя разнообразныя партіи могутъ употреблять для уясненія *своею* пониманія *правды* и *дѣла* насмѣшку, ругательства, спокойный тонъ критическаго разбора, беллетристическую форму повѣсти или драмы, тяжеловѣсную форму ученой диссертациі. Если одинъ смѣется, а другой поучаетъ, это еще не раздѣленіе на партіи и никто не считаетъ это раздѣленіемъ. Если же одинъ говоритъ: «жизненная правда заключается для насъ въ *этомъ*, и борьба за *это* есть истинное дѣло»; а другой отвѣчаетъ: «нѣтъ, *это* совсѣмъ не правда для настоящей минуты и терять силы на *подобную* работу значитъ заниматься не дѣломъ, а бездѣлемъ»—въ подобномъ случаѣ называть подобный споръ споромъ о фразахъ или о пріемахъ по меньшей мѣрѣ странно. Подобный споръ ведется не «отъ избытка» силъ, но на него употребляютъ *всѣ* наличныя силы, каковы бы онѣ ни были, и *слѣдуетъ* употреблять на это *всѣ* свои силы, если подъ словами *правда* и *дѣло* мы подразумеваемъ что либо для насъ дѣйствительно серьезное, а не пустыя словонизверженія; если мы не кричимъ: дѣла! дѣла! дѣла! потому что это модный припѣвъ, какъ въ блыое время слова *идея*.

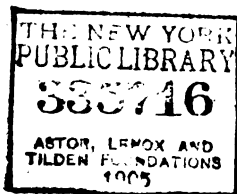
На предвудущихъ страницахъ поводомъ къ моимъ разсужденіямъ послужили слова одной редакціи, но я вовсе не думалъ на-

правлять этого разсужденія именно *противъ нея*. Пусть она сама отказывается отъ всякаго опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: въ чемъ жизненная правда? въ чемъ истинное дѣло? Я готовъ защищать ее противъ нея самой и сказать читателю: «не вѣрьте словамъ; вѣрьте дѣламъ». Исполняя честно и добросовѣстно свое дѣло, редакція не могла, не можетъ, да никогда и не будетъ имѣть возможности остаться безъ направленія. Послѣдніе отдѣлы журнала доказали это уже въ минувшіе годы, и полагаемъ, что литературный отдѣлъ подтвердить это въ будущемъ. Уже теперь есть рядъ мнѣній въ области педагогич., политической экономіи, въ земскомъ вопросѣ, въ иностранной политикѣ, которыя немислимы въ томъ журналѣ. Да и ученый отдѣлъ вовсе не такъ лишенъ жизненнаго смысла, какъ можно бы ожидать по аскетической доктринѣ редакціи. Многія ученые статьи другихъ журналовъ, при всемъ ихъ ученомъ достоинствѣ, невозможны были бы здѣсь. И такъ, по естественному желанію создать *дѣльный* органъ, редакція принуждена была дать ему и *направленіе*, и чѣмъ болѣе она проникается желаніемъ создать *влиятельный* органъ, журналъ, входящій въ *жизнь* общества, тѣмъ живѣе она чувствуетъ необходимость установить *свой* взглядъ на жизненныя требованія общества и тѣмъ опредѣленнѣе станетъ *ея* направленіе. Ея боязнь опредѣленнаго направленія есть модная болѣзнь, одинъ изъ симптомовъ того «повального недоразумѣнія», о которомъ она сама упоминаетъ. Помнится, первый разъ эта свѣтлая идея о журналѣ безъ направленія явилась у г. Бабарыкина въ «Библіотекѣ для чтенія». Тогда надъ ней много смѣялись и провести ее, конечно, не удалось г. Бабарыкину: онъ помѣстилъ сначала статью г. Эдельсона о «Взбаламученномъ морѣ», потомъ «Некуда» и направленіе *явилось* независимо отъ его воли. Я увѣренъ, что гг. Стебниціе, Авенариусы, Ключниковы, Писемскіе невозможны въ журналѣ, вступающемъ нынѣ въ область чистой литературы, а уже *это* есть направленіе. Я не обвиняю редакцію журнала въ неточныхъ словахъ, мною приведенныхъ, потому что при повальной болѣзни остаться здоровымъ — случайность организаціи. Но если подобный журналъ, поставленный въ невыгоднѣйшія обстоятельства по своей обстановкѣ, могъ заравиться господствующею спутанностью понятій, надо признать эту спутанность понятій, боязнь критики, давленіе массъ индеферентистовъ, крайне сильною общественною эпидеміею. Это именно и хотѣлось мнѣ доказать.

Мнѣ осталось прибавить нѣсколько словъ. Если въ самомъ дѣлѣ мы переживаемъ, по волѣ судьбы, нѣчто похожее на четвертый періодъ состоянія общественной мысли, разобранной выше, то къ современной критикѣ относится все то, что тамъ сказано объ обязанности критики, и новые или преобразованные органы, выступающіе теперь въ свѣтъ, должны имѣть это въ виду. Имъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ разогнать ту тяжелую мглу, которая лежитъ на современной мысли, разъяснить требо-

ванія науки и жизни, особенно послѣднія, совершенно затемненныя и до крайности запутанныя. Врагамъ прогресса нѣсть числа и презирать ихъ нельзя. Злитъся и насмѣхаться нечего, потому что болѣзнь охватила большинство, проникла до мозга костей. Надо учить съ азовъ. Въ присутствіи общаго индифферентизма, повальной неохоты мыслить и недовѣрчивой администраціи по дѣламъ печати, надо себѣ опредѣлять *возможное* изъ требованій жизни, отказаться безъ дальней думы отъ *невозможнаго*, отказаться отъ пріемовъ и вопросовъ теперь недостигающихъ цѣли, и затѣмъ смѣло и неуклонно, опираясь на законъ, на чувство человѣческаго достоинства и на вѣрное убѣжденіе, идти въ избранномъ направленіи, осуществляя свою програму, борясь за прогрессъ, за истину, за жизнь.

СТАРАЯ И ЮНАЯ РОССИЯ.

РОМАНЪ.

Часть вторая.

НА СВЪЖЕМЪ ВОЗДУХЪ.

I

Маркисонъ выѣхалъ изъ Петровскаго очень рано, такъ-какъ Петровское было на самомъ концѣ уѣзда, а городъ на другомъ; значить до дому было далеко, а ему хотѣлось поспѣть къ вечеру домой, чтобы въ состояніи быть, отдохнувъ и справивъ все-какія запущенныя казенныя бумаги и дѣла по больницѣ, дня черезъ два пуститься въ Сейминскъ, на что онъ уже и прежде имѣлъ разрѣшеніе отъ своего начальства... (Сейминскъ былъ ихъ губернской городъ). Предстоящее со врачебной управой дѣло, по поводу котораго было теперь припасено у него письмо графа къ «либеральному» губернатору; записка, которую онъ послалъ изъ Петровскаго въ медицинскую газету и которая, какъ рассчитывалъ онъ, хотя и поспѣла бы такимъ путемъ скорѣе въ редакцію, но не могла бы появиться, по всей вѣроятности, въ газетѣ безъ личныхъ переговоровъ съ редакціею — о чемъ онъ и самъ писалъ туда, предупреждая о скоромъ своемъ приѣздѣ; возможность теперь, кромѣ того, лично ее подать губернатору, въ отдѣльной запискѣ, наконецъ, закупки и другія дѣла — все это заставляло его непремѣнно предпринять эту поѣзду.

Веселымъ ѣхалъ онъ теперь домой... Такъ же бойко, какъ и тогда, когда мы въ первый разъ на него наткнулись, бѣжала его тройка, поотдохнувши изрядно въ Петровскомъ... Правая пристяжная, вообще конь норовитый, пошаливала, подтягивая поминутно и порываясь нести, такъ что Маркисонъ, сначала приязывавшій гучеру подстегивать шалуна, теперь крикнулъ,

чтобы тотъ не распускалъ лошадей и держалъ крѣпко на возжахъ.

— Отѣлись, подня... Лафа была, замѣтилъ сквозь зубы кучерь. А лошадей все-таки не сдерживалъ.

Все шло однакожь пока хорошо... Только за версту или даже менѣе до Волковскихъ Выселковъ, откуда Маркинсонъ рассчитывалъ завернуть къ Таврову, чтобы дать лошадямъ минутку перевести духъ, послѣ двадцати-пятнверстаго пути, и захватить кое-какія свои вещи, оставленныя тамъ тогда на пути въ Петровское — только тутъ случилась непріятность, разстроившая расчеты нашего героя: тройка, несдерживаемая кучеромъ, распаллась окончательно, въ узкомъ мѣстѣ испугалась двухъ мальчишекъ, кинувшихся у околицы съ огорода въ плетню, чтобы посмотрѣть проѣзжихъ, бросилась въ сторону, хватила на пень, колесо съ осью остались на мѣстѣ, тарантасъ присѣлъ бокомъ на землю, кучерь полетѣлъ съ козель, одна изъ дрогъ лопнула и Маркинсонъ тоже вылетѣлъ, такъ-какъ фартугъ у тарантаса былъ не застегнутъ, но успѣлъ-таки удержаться на крылѣ, вскопять снова въ тарантасъ и съ трудомъ, съ помощью подоспѣвшихъ съ огорода бабъ и проѣзжаго мужика, загородившаго на счастье узкую дорожку, успѣлъ-таки остановить лошадей.

Никто однакожь не ушибся, слава-Богу, и пришлось отдѣлаться испугомъ...

Пришлось выйдти изъ экипажа, посердиться на кучера, даже обругать мальчишекъ, но тѣмъ не менѣе, по осмотрѣ, признать невозможнымъ ѣхать дальше въ такомъ тарантасѣ: ось была сломана и задъ весь исковерканъ...

Маркинсонъ приказалъ кучеру подвязать какое-нибудь древно подѣ задъ, приладить какъ-нибудь, и ѣхать шагомъ до Волковскихъ Выселковъ, гдѣ рассчитывали найти кузнецовъ, такъ-какъ дорога была проѣзжая. Самъ Маркинсонъ думалъ пока переждать у Таврова, котораго вотчина была всего въ верстѣ за выселкомъ.

Въ Волковскихъ Выселкахъ найденъ былъ кузнецъ, жившій рядомъ съ постоялымъ. Кузнецъ осмотрѣлъ порчу, тоже призналъ дѣло сквернымъ и требующимъ большой починки, посоветовался съ работниками, побоялся, что не возьметъ до того, но все таки заломилъ тройную цѣну, зная, что докторъ не могъ не согласиться, и наконецъ, взялся за дѣло, предупредивъ впрочемъ, что раньше «послѣобѣднншей поры» или вечера дѣла окончить нельзя... Приходилось соглашаться...

Маркинсонъ, оставивъ при тарантасѣ и лошадахъ на постояломъ кучера, отправился пѣшкомъ черезъ деревню къ Таврову.

Кстати, онъ давно съ нимъ не видѣлся: когда онъ, проѣздомъ въ Петровское, заѣзжалъ къ Таврову—это было, если поминуть читатель, въ то достопамятное утро, когда Оглобинъ уходилъ отъ матери—Сергѣй Ивановича не было дома; онъ засталъ только Виктора; старикъ же былъ въ отъѣздѣ по дѣламъ, о которыхъ еще назануяи предупреждалъ сына у Плещеевыхъ.

Таврова онъ засталъ, сверхъ всякихъ ожиданій, еще спящимъ... Безцеремонно, по своему обыкновенію, прикаавъ казачку отворять ставни у барина, Маркинсонъ прошелъ прямо въ спальню.

— Ваше превосход..., ваше пр—ство! будиль онъ, потрахиывая нетерпѣливо хозяина за плечо:—генералъ!

Въ это время стукнулъ болтъ и ставни повешному начала отворяться, слегка повизгивая на ржавой петлѣ. Въ томъ году у нихъ вообще стоялъ чудный май... Въ комнату вдругъ ворвался яркій свѣтъ весенняго утра. Золотой блескъ его заигралъ зайчишками на спинкѣ новенькаго клеенчатого дивана, на образахъ въ вѣткѣ въ углу и на золотой рамкѣ портрета, висѣвшаго надъ диваномъ; орѣховая этажерка, уставленная по полкамъ золотообрѣзными книжками, а на верху заваленная кипами всевозможныхъ газетъ, тоже вся заблестала на солнцѣ, и яркій лучъ его, отразившись отъ зеркала на туалетномъ столкѣ, легъ свѣтлымъ, мигающимъ кружкомъ на потолокѣ. Благодать, счастье и довольство были разлиты теперь по всей этой уютной, щегольской комнатѣ, такъ щедро залитой солнечнымъ блескомъ.

— На чтѣ это похоже! кипятится гость:—десятый часъ! Сони, рохли, байбаки!

Онъ подошелъ къ окну, выходящему въ садикъ, и съ силой толкнулъ. Окно со стукомъ распахнулось и въ комнату ворвалась струя пахучаго утренняго холода.

Сдвигшіи зашевелился.

Онъ повернулъ голову отъ стѣны и, закрываясь рукою отъ свѣта, удивленно посмотрѣлъ черезъ плечо на безцеремоннаго посетителя. Онъ вытаращилъ глаза.

Надъ нимъ стоялъ, наклонившись, Маркинсонъ съ своимъ остренькимъ, птичьимъ носикомъ, угреватымъ, нечистымъ лицомъ и красивыми, нѣсколько еврейскими, съ темною поволокою, выразительными глазенками. Глазенки эти насмѣшливо глядѣли на Сергѣя Ивановича. Видѣлъ Тавровъ и этотъ знакомый ему дохматый сѣренькій пиджакъ, сшитый безъ всякихъ претензій на щегольство, и эти воротнички толстой, видимо домашней работы и еще вдобавокъ помятой рубашки, отложенные небрежно внизъ на широкій галстухъ. Форзенная фуражка шаловливо сдвинута на затылокъ; а вся поза, въ которой онъ стоялъ надъ

просыпавшимся хозяиномъ—подбоченившись и насмѣшливо глядя на лѣнтяя—доказывала, что онъ не намѣренъ былъ и здѣсь стѣсняться...

— Никола! проговорилъ Тавровъ, не то радостнымъ, не то удивленнымъ голосомъ, но ужъ во всякомъ случаѣ фамильярно, какъ позволяется говорить только съ очень близкими знакомыми:—откуда тебя чортъ принесъ?

— Изъ Петровскаго, братъ, изъ Петровскаго, только что вырвался...

— Куда же это?

Маркинсонъ засмѣялся.

— Пока къ тебѣ... Имѣю, братъ, порученіе освидѣтельствовать тебя, и отправить въ сумасшедшій домъ за послѣднюю твою брошюрку.

Тавровъ не рассердился.

— Ты всегда съ глупостями, сказалъ только онъ: — нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Маркинсонъ рассказалъ, какъ онъ всѣ эти дни возился въ Петровскомъ, и что теперь ѣдетъ назадъ въ городъ, да вотъ у него тарантасъ поломался. Тавровъ предложилъ—было ему своихъ лошадей, но Маркинсонъ отказался: они хотъ и были хороши между собою, но онъ обязываться вообще ни передъ кѣмъ не любилъ.

— А пока подожду у тебя, пока починять... Нужно бы скорѣе ѣхать... Эхъ! почесывая затылокъ, сказалъ онъ: — ну, да нечего дѣлать... Кстати, тутъ займусь... Схожу въ вашу волость, у меня дѣло здѣсь есть...

— Сдѣлай милость, располагайся какъ дома, сказалъ радушно Сергѣй Ивановичъ: — подожди, вотъ чаю вмѣстѣ напьемся. Вѣрно, съ дороги хочешь?...

Тавровъ позволилъ и привазалъ поскорѣе давать себѣ одѣваться.

Онъ повнтересовался узнать о ходѣ болѣзни и о внѣшнемъ состояніи здоровья Лизы Забуцкой... Онъ хотя и послалъ тогда сына къ дядѣ, и тотъ рассыпался всегда передъ графомъ по наущенію отпа въ разлчныхъ вѣжлнностяхъ, но самъ Сергѣй Ивановичъ всѣ эти дни не былъ въ Петровскомъ. Онъ только каждые два дня справлялся о здоровьѣ графини черезъ посланных нарочито верховыхъ... Сергѣй Ивановичъ вообще былъ холоденъ съ графомъ съ самой той поры, какъ стало извѣстнымъ поведеніе графа по отношенію въ врестянскому вопросу. Это можно было замѣтить, повнимательнѣе взглядывшись. Онъ даже, не стѣсняясь, называлъ Забугкаго (за глаза, разумѣется) «де-

мократствующимъ аристократомъ»... Но, разумѣется, по наружности, все это было шито-крыто и все шло хорошо: Илья Борисычъ былъ слишкомъ крупная и громкая личность, чтобы Таврозу съ его «принципами» пренебречь родственными связями съ такимъ баричемъ и тузомъ, каковъ былъ графъ... Къ тому же, это могло и сыну повредить въ томъ отношеніи, о которомъ мы уже говорили въ первой части нашего романа.

Сергѣй Ивановичъ вымылся и, разставивъ ноги, пыхта, сталъ вытираться полотенцемъ...

— Ну, что ты, Николай, дѣлалъ все это время? Что новаго? началъ онъ опять, становясь передъ гостемъ: — и въ городъ приѣдешь, тебя не видно, упрекнулъ онъ.

— Что? вотъ лечилъ... Я же тебѣ говорилъ...

— Да, ну, а передъ этимъ? Вѣдь я тебя давно не видѣлъ... Маркинсонъ, который присѣлъ-было въ эту минуту къ окну, повернулъ голову къ хозяину, и просвѣтлѣлъ окончательно...

— Да вотъ, поздравь еще съ чѣмъ-то.

Какое-то смутное предчувствіе шевельнулось съ досадой въ Тавровѣ, и онъ боязливо посмотрѣлъ на гостя.

— Ужь не опять-ли новая каверза?

— Да, каверза, съ легкой обидой произнесъ гость: — ты всегда такъ, консерваторъ!... А я такъ иначе смотрю. И ты угадалъ: вѣрно, новая, согласился гость и весь засіялъ счастьемъ, какъ-бы предвкушая удовольствіе того, что готовился сейчасъ рассказать: — кажется, удастся всю нашу врачебную управу улепъ подъ судъ, прицеливая отъ удовольствія, объяснилъ онъ, и повернулся на каблукахъ: — на четыре тысячи неправильныхъ расходовъ откопалъ. Ура!

Сергѣй Иванычъ улыбнулся.

— И можешь доказать?

— Могу.

Тавровъ задумался.

— Ну, братъ, Никола, ты просто Титъ добродѣтельный. У тебя, кажется, тотъ и день не считается, когда ты чего-нибудь новаго не состроишь съ ними, шутилъ Сергѣй Иванычъ.

Гость съ гордостью улыбнулся.

— Вѣрно... Слабость такая, кашь. И подбоченился: — а какую я, братъ Сергѣй Иванычъ, карриатуру въ «Искрѣ» хватилъ на нашего городского врача за приѣмъ рекрутъ, читалъ?

— Нѣтъ.

— Ну, какъ же!...

И гость торопливо сталъ доставать изъ кармана свѣженный номеръ «Искры».

— Только я тебѣ опять повторю, Николай, вразумительно сказалъ Тавровъ уже серьёзно: — я твой доброжелатель — плети обуха не перешибить.

— Консерваторъ, консерваторъ!

— Положимъ, положимъ, я и не скрываюсь. А только обуха тебѣ не перешибить, все-таки.

— Перешибить, твердо сказалъ гость, въ экстазѣ, подымая вверхъ свой мизерный кулачишко.

— Тутъ, братъ, дѣльный комплотъ, объяснилъ хладнокровно Сергѣй Ивановичъ: — и ты ничего одинъ не сдѣлаешь, говорю впередъ.

— Вотъ у меня чтò, показывая письмо Забудаго, сказалъ онъ, воодушевляясь: — наконецъ, выше пойду...

— А тамъ развѣ не люди?... Это у тебя, братъ, кровь еще не перебурлила, объяснилъ Тавровъ, и не обративъ даже вниманія на письмо: — а ты приучись къ этимъ мерзостямъ и смотри хладнокровнѣе, посовѣтовалъ онъ: — вѣдь тебѣ ужъ за тридцать лѣтъ. Пора бы.

Гость сдѣлалъ какой-то нетерпѣливый жестъ у письменнаго стола, около котораго раскуривалъ теперь потухшую сигару.

— Никогда! И онъ съ досады даже швырнулъ объ землю свичку и зашагалъ по кабинету. — По моему, только пассивно дѣйствовать — это ужъ потакать имъ, это развивать въ нихъ увѣренность въ безнаказанности для нихъ всѣхъ этихъ шгуекъ. Это ужъ преступно! сказалъ онъ горячо.

— Ну, пошелъ свое, шутливо произнесъ Тавровъ: — чужакъ, да чтò ты, Ерусланъ Лазаревичъ, чтò-ли, что будешь одинъ биться? Вѣдь ты видишь, что они всѣ твои донесенія кладутъ подъ сукно?

— А я все-таки буду долбить свое при каждой ревизіи.

Тавровъ еще громче разсмѣлся.

— Не поможетъ.

— Не поможетъ? — въ «Колоколѣ» хвачу. Такъ-таки полныя фамиліи выставляю, и свою выставляю, ей-Богу. Прочтутъ — прикажутъ произвести новое слѣдствіе.

— Достанется, если напечатаешь въ «Колоколѣ», резонно доказывалъ хозяинъ.

— Пусть, пусть...

И онъ весь теперь кипѣлъ увѣренностью, отвагой и готовностью бороться и бороться...

Тавровъ никогда и ни въ чемъ не сходился съ докторомъ, да и не могъ по своимъ понятіямъ раздѣлять его взглядовъ. Это понятно. Но все-таки онъ былъ на столько благородень, по край-

ней-мѣрѣ въ этомъ случаѣ, что не рѣшился закрыть глаза на очевидность. Онъ не могъ не сознавать въ душѣ всей прелести этого жара въ тридцатилѣтнемъ человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сохранить до тридцати лѣтъ юношескій пылъ, вѣру въ силу настойчивости и въ торжество правды — это по истинѣ достойно уваженія! И еще у насъ, среди нашего общества, которое ежедневно приноситъ вамъ однѣ холодныя насмѣшки надъ бессиліемъ единичныхъ попытокъ, клевету и какую-то до горечи обидную, циническую похвальбу — собственною немощностью, убожествомъ и несправимостью своихъ пороковъ.

— Горячая у тебя голова, Николай, вздохнувъ, сказалъ онъ: — и золотое сердце; вѣчно ты кипятишься, вѣчно борешься, а все-таки ты ничего не сдѣлаешь и пропадешь: опять упрутъ куда-нибудь. Жаль мнѣ тебя!

— Пусть, пусть, горячился маленькій Маринсонъ (докторъ ростомъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ крошечный человѣчекъ). — А я все-таки свое. Инспекторъ врачебной управы въ Тывбирскѣ полетѣлъ изъ-за меня — и этимъ будетъ то же, грозилъ онъ, живо бѣгая по комнатѣ своими суетливыми, сердитыми шажками: — городского врача въ Вороновѣ, продолжалъ пересчитывать онъ: — упецъ же я подъ судъ за штуки съ арестантами — зарѣзался изъ-за меня...

Тавровъ поморщился и остановилъ его рукою.

— Ты какъ будто этимъ гордишься? съ упрекомъ замѣтилъ онъ.

— Почти...

И гость объяснилъ, что вырвать дурную траву изъ поля, по его мнѣнію — заслуга.

— Да, согласился Тавровъ: — но такими средствами... довести человѣка до того...

Тотъ комически пожалъ плечами и сталъ объяснять, что это борьба, что на войнѣ всѣ средства позволительны, что нечего сантиментальничать, и что противники употребляютъ гораздо неблаговиднѣйшія средства...

— А ты не слѣдуй имъ.

— Ну, нѣтъ, атанде! Я не такъ глупъ, захохоталъ противникъ: — съ честнымъ бойцомъ я всегда честно борюсь, а съ мерзавцемъ и самъ ножку подставляю. А то онъ навѣрное побѣдитъ.

Тавровъ задумался.

— Ну, этакъ мы сойдемъ, пожалуй, и на то, что цѣль оправдываетъ средство... Полно, значить, объ этомъ... Это твое дѣло, какъ знаешь, сказалъ онъ и замолчалъ.

Онъ уже былъ совершенно одѣтъ и потому они отправились черезъ залъ и гостиную въ комнату Виктора Сергѣича. Старикъ хотѣлъ захватить и сына къ чаю.

Въ гостиной они наткнулись на казачка, сметавшаго пыль съ мебели. Сергѣю Ивановичу хотѣлось переменить разговоръ на что нибудь болѣе веселое и потому онъ пустился шутить.

— Вѣдь вотъ насъ, консерваторовъ, замѣтилъ онъ, останавливаясь у двери, которую мальчикъ бросился отворять (и Тавровъ положилъ дружелюбно руку на плечо казачка): — насъ упрекаютъ, что не любимъ народъ, не печемся объ его образованіи. Погляди-ка. И, обратясь къ мальчику, онъ приказалъ: «Урокъ!»

Мальчикъ засуетился, глотнулъ сперва ужасающимъ образомъ, какъ-бы собираясь съ силами, вытаращилъ испуганно глаза на барина и началъ, переступая съ ноги на ногу, декламировать баку-то басню.

— Видишь ли, сказалъ Тавровъ гостю:—а Богу молился? пересбиваетъ Тавровъ мальчика.

— Молился, отвѣчаетъ тотъ, утирая носъ рукавомъ.

— Его бы прежде учить носъ утирать, ворчитъ Маринсонъ.

— За кого молился? между тѣмъ продолжаетъ Сергѣй Ивановичъ мальчику.

— За царя...

— Хорошо, потомъ?

— За помѣщика, начальниковъ, родителей... и всѣхъ ближнихъ.

— О-го, система, замѣчаетъ Маринсонъ:—родители-то гдѣ—на четвертомъ планѣ!

Сергѣй Ивановичъ немного разсердился за эту насмѣшку, но ему оставалось только махнуть рукою на неугомоннаго чудака-доктора, да, чтобы не позавать подошедшей Власевнѣ, матери казачка, неловкости своего положенія, продолжать обращаться къ мальчику съ шутками:

— Кто жъ твой ближній, соплякъ?

Мальчикъ краснѣлъ, держалъ себя за карманъ, но видимо не могъ отвѣтить на вопросъ.

— Ну, я твой ближній или нѣтъ?

— Нѣтъ, скажи, глупый, наставляешь, нагибаясь къ казачку, мать: — Вы, господа, наши благодѣтели. (Власевна вообще была женщина и хорошая, преданная, но уже до мозга костей проѣденная крѣпостнымъ холопствомъ).

— То же... Вѣте, насмѣшливо ворчитъ Тавровъ: — что же ты, по крайней-мѣрѣ, просилъ у Бога? уже съ другой стороны подступаетъ онъ къ ребенку.

— Отвѣчай же, толкая подъ-бокъ, торопить мать: — скажи: здорovia, баринъ, просиль... Еще, ума, скажи, чтобы научилъ грамотѣ, читать, писать...

— А понимаешь ли ты сама, старая, зачѣмъ нужно знать читать, писать? спрашиваетъ старуху Маркинсонъ... И смѣется.

Власевна не приняла на свой счетъ такой фамиллярности — она всегда играла роль такой степенной — и потому теперь она не стала унижаться, отвѣчать за себя, а обратила этотъ вопросъ на ребенка, какъ бы къ нему это относилось...

— Какъ же-съ, скажи, сударь, отвѣчаетъ она за мальчика и опять нагибается къ ребенку, какъ-бы подсказывая ему:—чтобы конторскія книги, скажи, у господъ умѣть вести...

— Bravo-o-o! кричить какъ сумасшедшій Маркинсонъ и хочеть во всю глотку.

И хозяинъ старается смѣяться...

— А добру, а добру, чтобы научилъ Богъ, просиль? спрашиваетъ онъ, слыша однакожь поправиться и замать неприятный пассажъ, происшедшій по глупости Власевны. — Будешь обкрадывать помѣщика или хозяина, какъ выростишь? шутить онъ:— скажи, буду... И баринъ съ презрѣніемъ слегка хлопнулъ ребенка ладонью по темени и поторопился раскохотаться.— Уродъ! пошутилъ онъ и, въ знакъ особенной милости, даль растерявшемуся мальчику въ шутку затануться сигарой, а потомъ приказалъ показать штуки, какія онъ знаетъ: — на голову стань, приказалъ онъ.

Маркинсона вся эта сцена сначала только смѣшила, теперь ачинала уже возмущать.

— Идемъ, какъ ты съ ними... того, съ негодованіемъ сказалъ онъ и потянулъ хозяина къ двери: — пора бы кинуть.

Хозяинъ старается продолжать смѣяться, какъ-бы сознавая, что позволилъ себѣ сейчасъ шутку самаго невиннаго свойства.

— Возьмите тамъ, Власевна, на столѣ, гривенинкъ ему на пряникъ, великодушно пожертвовалъ баринъ: — ты не думай, объяснилъ онъ гостю, какъ-бы оправдываясь, когда догналъ его уже въ коридорѣ: — я пальцемъ никогда не трону ихъ. Но этого отчего же не позволить себѣ иногда? Вѣдь въ сущности... всѣ они въ самомъ дѣлѣ... скоты, согласись съ этимъ.

Маркинсонъ спокойно улыбнулся.

— Будеть въ «Искрѣ», предупреждаю...

Тавровъ опомнился, сообразилъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и струсилъ.

— Испугалъ, сказалъ онъ, однакожь, и презрительно улыбнулся, чтобы не уронить своего достоинства. А на сердцѣ кошки

сребля! Припомнимъ, что это было время, когда «Искра» навела трепетъ въ провинціи на тѣхъ, кто опасался, какимъ-либо образомъ, попасть подъ ея, тогда еще нелишенный мѣткости карандашъ.

Они вошли въ коридоръ, а оттуда въ комнату молодого Таврова.

II.

Виктора Сергѣича они застали уже давно вставшимъ. Онъ очень любезно ихъ встрѣтилъ... Онъ былъ одѣтъ теперь по утреннему. Сѣренькое военное пальто, шитое какимъ-то кургузымъ пиджакомъ безъ сборокъ сзади, обтягивало тонкую вынутую его поясицу. Это вылазывало еще болѣе стройность Виктора Сергѣича.

Онъ былъ занятъ. Передъ нимъ лежала новая его статья, обѣщанная военной газетѣ. Въ сторонѣ у окна стоялъ длинный столъ, на которомъ были раскинуты карты и громадный нѣмецкій атласъ, развернутый на картѣ Франціи. Поверхъ всего лежалъ дневникъ Ольги, все еще весь непрочитанный Тавровымъ... Карты и атласъ были утыканы булавками съ красивенькими цвѣтными головками изъ стекла (извѣстно, что такими же шпильками и Наполеонъ всегда обозначалъ движеніе своихъ и непріятельскихъ корпусовъ на картахъ).

Старые знакомцы размѣнялись рукопожатіемъ... Маркинсонъ и тутъ сошкольничалъ и раскланялся съ Викторомъ, какъ-то манерно выкрутивъ локти, какъ-бы пародируя кого-то... Викторъ видѣлъ, сколько презрѣнія было всегда въ этихъ шуткахъ...

— Ну, что же, пойдешь чай пить, сказалъ отецъ, какъ будто ничего не замѣчая: — чѣмъ ты это занимаешься? прежде чѣмъ выйдти, спросилъ Сергѣй Ивановичъ, заглядывая въ статью.

Сынъ нехотя сказалъ.

— Вотъ онъ у меня какой! съ гордостью отнесся къ Маркинсону Сергѣй Ивановичъ. И, взявъ за плечо сына, онъ съ любовью прижалъ его къ себѣ: — какая же идея, какая же идея?

Сынъ рассказалъ.

Хотя это было рассказано и вскользь, какъ-то ужъ очень обще, отрывочно, какъ будто онъ не считалъ нужнымъ болѣе подробно распространяться, признавая слушавшихъ профанами, которые все равно не могутъ многого понимать, но все-таки можно было понять, въ чемъ дѣло. Въ статьѣ самымъ просвѣщенѣйшимъ образомъ доказывалась настоятельная необходимость усилить въ

солдатъ грамотность и развитъ вообще его «интелектъ» (такъ «интелектъ» и было названо въ заглавіи статьи).

— Видишь ли, отвесся старикъ къ Маркинсону: — а ты все насъ, аристократовъ, считаешь врагами просвѣщенія. Мы тоже всюду желаемъ просвѣщенія. Гость опять зачесалъ насмѣшливо затылокъ: — ты ужь и тутъ что-то каверзное помыслилъ, съ досадою упрекнулъ Сергѣй Ивановичъ, замѣтивъ усмѣшку.

— Тутъ-то просвѣщеніе при чемъ?

Сергѣй Ивановичъ и руками развелъ отъ ужаса.

— Какъ при чемъ-съ? горячо вмѣшался молодой Тавровъ, когда отецъ не сейчасъ нашелся, что отвѣтить: — нынче въ цѣломъ свѣтѣ признается за аксіому, что тѣ войска способнѣе къ бою, который интелектуально болѣе развиты. Всѣ военные авторитеты рекомендуютъ грамотность въ настоящее время.

Чудакаъ фыркнулъ.

Боги дали человѣку
Воду, чтобы пилъ и мылся,
Онъ же взялъ да утопился
Въ ней...

экспромтомъ сочинилъ гость, поворачиваясь спиною... И онъ невѣжливѣйшимъ образомъ расхохотался.

Молодой Тавровъ сдѣлалъ усміе попрезрительнѣе улыбнуться на такую шутку чудака, а отецъ, повторивъ нѣсколько разъ: «нѣтъ, ты, братъ, Николай Федорычъ, крайній, черезчуръ крайній», поторопился перевести разговоръ на что-нибудь болѣе безобидное.

— Что же это такое у тебя? спросилъ онъ, указывая на шпильки.

— Э, пустьяи, съ сердцемъ отвѣтилъ Викторъ (ему ужь не хотѣлось рассказывать при Маркинсонѣ и припомнился тутъ же почему-то дневникъ Ольги).

— Однако? не унимался отецъ... Сынъ колебался: — отчего же не сказать?

— Варіація на дѣйствія Густафа-Адольфа въ тридцатилѣтнюю войну до сраженія подъ Люденомъ, отчеканилъ сынъ, стараясь, смотрѣть какъ можно разсѣяннѣе.

Гость улыбнулся и тоже нагнулся къ картамъ.

— А это-съ? спросилъ онъ и перешелъ къ атласу.

— Вамъ это опять можетъ показаться смѣшнымъ, предупреждая презрительно Викторъ Сергѣичъ.

— О, нѣтъ-съ! Съ полнымъ нашимъ уваженіемъ.

Молодой Тавровъ замѣтилъ иронию и не хотѣлъ сначала отвѣ-

чать. Но потомъ самъ же упрекнулъ себя въ душѣ за такое малодушіе и сказалъ съ какою-то злою рѣшимостью:

— Тоже-съ вариация, если ужъ вамъ такъ интересно это знать, на галльскій походъ Юлія Цезаря по его собственнымъ *Commentarii de bello Gallico*, да-съ.

Гость ничего не сказалъ, а только поспѣшно посторонился, какъ-то слегка присѣлъ, будто хоронился отъ какого удара. И на лицѣ у него изобразилось: «ухъ, какая премудрость».

— И что же, у васъ тоже бываютъ и раненне? зашутилъ онъ: — могу вамъ служить. Наша вообще профессія, какъ сказалъ одинъ нашъ собратъ *вашему* Наполеону въ Египтѣ — врачевать тѣ раны, которыя вы наносите человѣчеству. Могу у васъ быть за генерал-штабъ доктора... Только чтобъ жалованье хорошее...

Молодой Тавровъ только кривилъ губы презрительно на всѣ эти фамильярности гостя. Обязанности хозяина очень стѣснили его. Не будь этого, онъ «сѣумѣлъ бы осадить этого накала», думалъ онъ.

— Ахъ, ты шутъ записной, фамильярно хлопая Маркинсона по плечу, поторопился вмѣшаться Сергѣй Ивановичъ, опасаясь, чтобъ разговоръ изъ шутокъ не сошелъ на неприятели: онъ ужъ видѣлъ, что сынъ вообще былъ недоволенъ досторскою фамильярностью...

Когда черезъ минуту они входили въ столовую, гдѣ ожидалъ ихъ чай, Викторъ Сергѣичъ пріостановился на порогѣ и, вѣжливо пропустивъ гостя впередъ, обратился интимно къ отцу.

— Чтѣ за санеюлотъ этотъ докторъ... Какъ онъ мнѣ не нравится, рара... У насъ кончится когда-нибудь это большою неприятелию, а чувствую...

Отецъ и руками развелъ, какъ-бы желая пояснить: чтѣ же прикажешь дѣлать...

— А между тѣмъ предобрый и пречестный малый, говоритъ онъ: — да это что, ты бы посмотрѣлъ здѣсь Оглобина, вотъ — кровью такъ и пахнетъ!

— Видѣлъ, сказалъ сухо сынъ, поворачиваясь, чтобъ идти: — одинъ другого стоять...

И они вошли въ столовую.

Послѣ чаю, всѣ опять занялись своими дѣлами... Викторъ отправился въ свою комнату, объявивъ, что намѣренъ вечеромъ опять сѣздить въ Оврусовку... Сергѣй Ивановичъ все утро занимался у себя въ кабинетѣ. Онъ спросилъ, между прочимъ, Успенскаго, отправлена ли исправнику бумага насчетъ Оглобина, которую онъ давно подписалъ. Бумага оказалась давно отправленною, но отвѣта на нее еще не было получено... За то полу-

чено было увѣдомленіе отъ мирового посредника Бальмера, что онъ на дняхъ самъ будетъ въ этой сторонѣ, и тогда дѣло о покосѣ грабянскими мужиками Тавровскаго луга будетъ имъ строго разслѣдовано на мѣстѣ... О землемѣрѣ было что-то также говорено. Тавровъ приказывалъ Успенскому написать, какъ-бы отъ себя, чтобы тотъ еще заѣхалъ переговорить «потождовѣе» о межовкѣ земель, отходящихъ крестьянамъ... Успенскій хоть былъ шутъ и безпутный человѣкъ вообще, но пользовался довѣріемъ предводителя, за преданность и безпретендательность, и черезъ него часто дѣлались важныя дѣла у Таврова. Это былъ несчастный старикашка, прежняго чиновничьяго завала, немного лица, немного пьянчужка и страшный уродъ съ лица. Надъ нимъ вся дворня въ глаза потѣшалась. У него не было ни роду, ни племени. Онъ служилъ поочередно во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ въ городѣ, отовсюду былъ выгнанъ за нетрезвое поведеніе и старость, и принять христа-ради Тавровымъ, который, держа Успенскаго у себя, видѣлъ въ этомъ со своей стороны и христіанскій подвигъ, за который, какъ увѣряла Власьева, онъ получить «мзду на небесѣхъ». Въ скучное время, по вечерамъ, его призывали, и онъ потѣшалъ хозяевъ и гостей разсказнями о прежней своей службѣ, чистосердечно признаваясь въ плутняхъ, боролся съ лакеями, и горничныя, на потѣху господамъ, должны были цаловать его. У Власьевны онъ училъ, по порученію Таврова, сынишку грамотѣ, и за то ему шло оригинальное жалованье: рюмка водки передъ обѣдомъ. Впрочемъ, ему и не за одно это шло. Онъ былъ «виновникъ дней» двухъ чумазныхъ пузырей, игравшихъ постоянно въ пескѣ около кухни — это были дѣти Власьевны отъ него.

Послѣ завтрака Тавровъ повелъ гостя показать ему свое хозяйство и прошелъ съ нимъ въ поле... Дойдя до межи своего имѣнья, онъ приостановился и, снявъ свою красивую соломенную шляпу съ большими полями, сталъ вытирать потъ съ лица батистовымъ платкомъ.

По другую сторону межи пахалъ мужикъ на дрянной лошади-денгѣ... Стали смотрѣть.

— Что, братъ, тяжело? спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Тяжело, бачка...

Мужикъ дотянулъ борозду, завернулъ солу и приостановился на мнуду перевести духъ.

— Бѣдный людъ, въ самомъ дѣлѣ, съ участіемъ сказалъ Сергѣй Иванычъ пофранцузски, обращаясь къ доктору и вздохнулъ искренно: — доля ужъ ваша такая, утѣшалъ онъ бѣдняка.

— Доля, бачка, доля, вздыхая, сказалъ мужикъ.

— Чтѣ дѣлать, чтѣ дѣлать!... На небесахъ за то получите. Мы — здѣсь, вы — тамъ.

Мужикъ шибко зачесалъ затылокъ и глаза его засвѣтились вдругъ какою-то умною насмѣшкой, точно хотѣли сказать: «пошѣнаемся, баринъ»...

Маркинсонъ перебрался черезъ межу и подошелъ къ мужику. Онъ что-то пристально смотрѣлъ.

— А гдѣ у тебя носъ, братъ? огорошилъ онъ вдругъ мужика вопросомъ. Мужикъ былъ въ самомъ дѣлѣ съ провалившимся носомъ.

— Родивши такъ, родивши, баринъ...

— И у отца не было?

— Нѣтъ, у отца былъ, а у матки, точно, не было... не было...

— А самъ женатъ?

— Женатъ, бачка, женатъ... по закону.

— И жена такая же безиосая, какъ ты?

— Точно... Маненько нѣтъ посу...

Маркинсонъ спросилъ, одной ли волости съ нимъ желя.

— Нѣтъ, бачка, желтуховская ..

— А вамъ развѣ не было наказывано, чтобы желтуховскихъ не брать?... Кто вѣнчалъ?...

Мужикъ перетрусилъ сначала очень отъ этихъ разспросовъ, но потомъ сказалъ...

Маркинсонъ спросилъ имя, назвалъ себя уѣзднымъ докторомъ, успокоилъ мужика, что ему ничего не будетъ, но имя все-таки записалъ у себя въ книжкѣ...

— Зачѣмъ тебѣ, Николая? спросилъ Тавровъ.

— Нужно... Подаю на дняхъ губернатору записку... Потомъ узнаешь... Тутъ, братъ, цѣлое наодонаселеніе попорчено...

Сергѣй Иванычъ сталъ спрашивать мужика, грабянской ли онъ, а когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, предводитель замѣтилъ Маркинсону:

— И нравственно-то попорченъ этотъ народъ. Вотъ бѣда: воръ на ворѣ — правда, разорены они сильно помѣщикомъ... Оомичевскіе вѣдь? спросилъ онъ пахаря, желая удостовѣриться, изъ тѣхъ ли это мужиковъ...

Мужикъ нѣсколько ободрился.

— Царемъ теперь, бачка, гордо сказалъ мужикъ: — царевнъ...

Сергѣй Иванычъ даже и въ этомъ прозрѣлъ шишлюку своей помѣщичьей гордости, но промолчалъ пока.

— Да, а были? спросилъ онъ свободно: — оомичевскіе, Михайла Иваныча?

— Олимпчевскіе, олимпческіе, бачка... Михала Ванча, точно...
Постояли еще господа, посмотрѣли, какъ мужикъ опять пошелъ за сохой.

— Да, сказалъ въ раздумьи Тавровъ, поворачиваясь, чтобы идти домой: — я иногда схожусь въ нѣкоторыхъ взглядахъ съ брабннми. Не бѣдности, не бѣдности народа мы хотимъ... И мой идеалъ, чтобы мужикъ былъ сытъ, хорошо одѣтъ, хорошую избу вѣлъ, тогда онъ и оброкъ исправно можетъ платить...

— Эго, я думаю, для тебя главное, засмѣялся докторъ...

— Ты всегда съ глупостями, опять слегка упрекнулъ Сергѣй Ивановичъ и продолжалъ: — это правда, чѣмъ бѣднѣе челоуѣкъ, тѣмъ онъ испорченнѣе, тѣмъ онъ жестче, бесстрадательнѣе... Замѣтилъ, съ какимъ злорадствомъ отвѣтилъ намъ этотъ мужикъ, что онъ теперь цареви?... И воровать онъ скорѣе пойдетъ, чѣмъ богатый мужикъ... Тотъ же Олимпчевъ, ихъ баринъ, еслибы ты видѣлъ, немногимъ отличается отъ этого мужика по развитію, а глупостью можетъ даже и перещеголяеть его, а потому только, что обезпеченъ, что у него есть хоть что нибудь, хоть какіе нибудь двадцать оброчныхъ душъ — онъ не пойдетъ, небось, красть...

— О, ву заве резонъ — сказалъ Соломонъ, сошкольничая опять Маркинсонъ, трепнувъ его по плечу: — не разсчитъ, двадцать дураковъ всегда прокормятъ одного дурака, вѣрно.

Но Тавровъ не слушалъ его и продолжалъ свое:

— Для всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества нѣтъ опаснѣе враговъ, какъ его собственные бѣдные классы, особенно пролетаріатъ... Вотъ казой нибудь таковой Оглобинъ... Это... это...

— Какой Оглобинъ, сынъ Марьи Кирилловны? спросилъ удивленно Маркинсонъ: — что онъ тебя въ пятку укусилъ?

Тавровъ разсказалъ.

— О, чѣтъ для меня антипатичнѣе... этой бездомной, голоштанной мелкоты... Вотъ гдѣ наша ахилова пята, говорилъ онъ нѣсколько торжественно, когда уже входили на крыльцо: — я даже думаю развить это въ новой брошюрѣ, предупредилъ онъ: — *тутъ* наша язва, угрожающая обратиться со временемъ въ гангрену.

Маркинсонъ сейчасъ же пародировалъ его тонъ и поднялъ на смѣхъ.

— О, Назарей, Назарей. Можетъ ли что доброе придти отъ Назарей? произнесъ онъ тѣмъ же тономъ, воздѣвая руки къ небу: — такъ, Сергѣй Ивановичъ?... А отъ Назарей-то и прашло спасеніе. Истинно, истинно говорю тебѣ, старая, братъ, эта пѣсня... Отъ Назарей-то намъ и ждать избавленія...

Тавровъ остановился.

— То-есть, ты оправдываешь, значить, подобныхъ Отлобину?...

— Больше даже.

— Не понимаю...

И онъ пожалъ врасиво плечами.

Остальное время, до обѣда, Маркинсонъ не потерялъ тамъ напрасно... Онъ попросилъ Таврова послать въ двѣ сосѣднія волости за окружными фельдшерами и, не дождавшись, самъ отправился въ ближайшую пѣшкомъ... Тамъ онъ зашелъ и осмотрѣлъ нѣсколькихъ больныхъ старухъ и стариковъ, треснувшихъ по избамъ въ лихорадкѣ. Провисалъ кое-что, посоветовалъ что дѣлать, потомъ въ правленіи съ фельдшеромъ и писаремъ, а потомъ у попа по метрикамъ, долго повѣрялъ какіе-то списки браковъ и числа родившихся и умершихъ дѣтей и давалъ наставленія фельдшеру, какъ ихъ вести на будущее время. (Ему нужно было это, чтобы дополнить еще кое-какими данными записку, о которой онъ сейчасъ говорилъ Таврову и которую хотѣлъ теперь печатать въ медицинской газетѣ. Съ нея-то копію намѣревался онъ формальнымъ образомъ подать губернатору въ бытность въ Сейминскѣ)... Обрато вернулся онъ уже къ обѣду, на возу, съ какимъ-то попутнымъ мужикомъ, возившимъ навозъ на поле, такъ что Тавровъ, завидѣвъ его изъ окна, ужасно расхохотался, обозвалъ сумасшедшимъ и даже вликнулъ поскорѣе Виктора, чтобы и ему показать; а мужикъ очень удивился и растерялся, когда увидѣлъ, что Маркинсонъ, вставая, даетъ ему гривенникъ и особенно, что онъ говоритъ съ предводителемъ, какъ съ равнымъ: Маркинсонъ выдавалъ ему себя всю дорогу въ шутку за лакея тавровскаго, недавно взятаго изъ «губерніи»...

Послѣ обѣда онъ занялся съ другимъ фельдшеромъ уже на дому, а услыжавъ отъ него, что какая-то баба вылечила четырехъ человекъ больныхъ какими-то сыпями и «сухотою», зарывая ихъ въ теплую погоду въ грязь болотистой рѣченки Прорвы, приказалъ фельдшеру доставить ему къ отъѣзду этой грязи двѣ-три банки, а къ слѣдующему его пріѣзду представить и самую эту бабу, а грязь взялъ въ городъ для химическихъ изслѣдованій ея состава.

Совсѣмъ уже вечеромъ, когда Викторъ Сергѣичъ уѣхалъ къ Плещеевымъ, Маркинсонъ отправился пѣшкомъ въ Волковскіе Выселки посмотреть, какъ идетъ работа около тѣрантаса...

Вечерѣло... Сверху уже спускался сѣрымъ покровомъ сумракъ... Солнце уже стояло у горизонта, всего казалось пальца на два. Отъ обширнаго лѣса, облегающаго дорогу, по которой онъ шелъ, уже повѣяло вечернею прохладой, такъ пріят-

но дѣйствующею на человѣка послѣ дневнаго зноя. Въ самой деревнѣ все было оживлено вечернею суетливостью. Даже животныя встрепенулись... Собаки попрыгали свои высунутые цѣлый день языки и начинали вылѣзать изъ-подъ хлѣбовъ и сараевъ; къ колодцу со всѣхъ сторонъ направлялись теперь флегматическія коровы и вѣчно суетливыя овцы; журавль у колодца, гдѣ поили скотъ, то кланялся, то поднимался, немилосердно скрипя; нѣсколько телегъ, нагруженныхъ бабами и бѣловурными ребятишками, возвращаясь съ поля, ухарски скакали по деревнѣ, возбуждая общую радость и взрослой и дѣтской компаніи; у постоялаго толпились народъ и видѣлась карета...

Марьянсонъ все шелъ и шелъ, ближе и ближе становилось. Его очень заинтересовало, чья бы это могла быть карета... Вдругъ ему на встрѣчу медленно идетъ какая-то дама.

Но мы забѣжали впередъ. Намъ нужно вернуться нѣсколько назадъ по времени, часа на полтора.

Впрочемъ, это составитъ содержаніе слѣдующихъ главъ.

III.

Между тѣмъ, часа за полтора, какъ мы сказали, до всего этого, къ той же деревенькѣ спускалась съ крутой горы, по большой дорогѣ, хромаѣ почтовая пара, сдерживаемая съ усиліемъ ямщикомъ: коренникъ почти совсѣмъ садился на заднія ноги — такъ было круто.

Не доѣхавъ до низу еще и цѣлой четверти горы, ямщикъ, видя обращенное на него вниманіе бабьей компаніи, собравшейся у колодца, и не упуская случая порисоваться передъ прекраснымъ поломъ, ударилъ по лошадямъ и онѣ, что есть духу, пустились вскачь. Перескочивъ съ какимъ-то особеннымъ, глухимъ громомъ на живую руку накинутаго изъ жердей мостика черезъ какую-то лужицу, телега со стукомъ и звономъ влетѣла въ деревню и пошла качать во всю прыть. Замѣтно было, что сейчасъ конецъ пути.

— Экъ, чортъ тебя несетъ! Не доѣдемъ развѣ! проговорилъ неодобрительно сидѣвшій въ телегѣ проѣзжіи, когда они остановились: — кто тебя гонять? Вѣдь такъ на полуверстѣ можно испортить лошадей! У тебя и то одна хромаѣ.

— Хозяйскія-сь...

— Такъ и беречь не нужно? За гривенникъ и хозяина можно продать, такъ? презрительно выговорилъ проѣзжіи.

Ямщику досадно стало. Онъ старался — а тутъ «этакіи чудной, подумалось ему, еще недоволенъ». Досада его разобрала.

— Чудной ты, господинъ! Другой сказалъ бы еще: «спасибо тебѣ, господинъ ямщикъ!»—а ты лаяешься! И ямщикъ съ неудовольствіемъ плюнулъ въ сторону и обратился къ парнишкѣ, стоявшему у воротъ: — вашъ народъ дома, парнишко?

— Дома.

— А хозяинъ?

— И хозяинъ дома.

— Клики, молодецъ. Вотъ господину лошадей до Оврусовки надо-тъ.

Парнишко юркнулъ въ ворота.

Минуть черезъ пять, на рѣзномъ крылечкѣ избы показалась фигура «хозяина». Фигура извѣстна. Съ краснымъ, лоснящимся лицомъ, по бородѣ — настоящий Рауль, герой извѣстной сказки, въ красной кумачевой рубахѣ, съ косымъ воротомъ, туго охватывающимъ жирную шею, съ большою связкою громадныхъ ключей у пояса, низко опущеннаго на животъ, «хозяинъ», видно только что проснувшійся, выйдя на крыльцо, зѣвнулъ ужасающимъ образомъ, перекрестилъ рѣть, скрестилъ руки и, заложивъ ладони подъ мышки, принялся чесаться всѣмъ тѣломъ такъ, что воротъ рубашки заходилъ отъ одного плеча до другого. Прочухавшись хорошенько и протерши глаза, онъ спустился съ крылечка и подошелъ къ телегѣ.

— Вамъ до самой Оврусовки лошадей-съ или ближе здѣсь гдѣ либо?

Проѣзжій посмотрѣлъ на него со злостью.

— Ну, понимается, до самой, коли туда нанимають.

— Тэкъ-съ... На тройкѣ или на парѣ?

— Хоть безъ лошадей, вези только.

— Хе, хе, хе-съ!... Тэкъ-съ... заблеялъ опять хозяинъ: — что-жъ, дайте... (Дворникъ покосился на проѣзжаго, дескать, сколько съ него можно слупить: не написано-ли на лбу). Дайте пять рубликовъ.

— Губа у тебя не дура! По расчету, на двѣ лошади. Два рубля дамъ.

— Четыре извольте. Здѣсь не найдете больше лошадей. Я одинъ держу.

Телега тронулась.

— Три рубля, крикнулъ въ догонку дворникъ: — два съ полтиной!

Телега остановилась и проѣзжій согласился дать два съ полтиной.

— Только чтобъ сейчасъ же запрягали, сказалъ онъ.

— Сейчасъ, бачка, сейчасъ. Эй, молодцы! суетился дворникъ,

просунувшись черезъ калитку во дворъ: — парку запрегай живѣй, въ Оврусовку!

У воротъ появилось нѣсколько ямщиковъ.

— Ты что-же, бачка, къ генеральшѣ ѣдешь? спросилъ дворникъ, возвращаясь къ телегѣ.

— Нѣтъ, къ отцу.

Дворникъ сталъ пристально всматриваться въ приѣзжаго.

— Кто-жъ твой тамъ родитель?

— Управляющій.

— У генеральши?

— У генеральши. А впрочемъ, не знаю, генеральша ли она.

У Плещеевой, объяснилъ онъ.

— Знаю, знаю твоего бачку, разглядывая приѣзжаго, говорилъ дворникъ: — мы овесъ у него иной разъ покупаемъ. Какъ въ городъ ѣдетъ, у насъ останавливается. О, у твоего бачки мощна горазда.

— Какъ, богатъ?

— Богатъ, развѣ ты не знаешь? Управляющимъ давно, объяснилъ онъ.

— Путемъ нажилъ, или неправдами какими?

— А Богъ же это знаетъ. Должно быть, не укралъ. Съ крестьянъ больше.

— Ну, это нехорошо, если такъ.

Дворникъ покосился на приѣзжаго.

— Тебѣ же оставить все, замѣтилъ онъ.

— Мнѣ хоть и не нужно.

— А не нужно, все же не хули его—родитель.

— Чтò про чужаго—то и про родителя—можно сказать.

Дворникъ покосился еще разъ на приѣзжаго и замолчалъ, недоумѣвая: чтò бы это былъ за чудной такой?

Приѣзжій, дѣйствительно, глядѣлъ серьезно, говорилъ отрывисто—больше однимъ, двумя словами, точно напрасно не хотѣлъ кидать словъ... Онъ медленно слѣзъ, сбросилъ съ себя заплеченную страшно шинель на повозку, и остался въ одномъ военномъ кителѣ безъ погонѣ. Онъ вынулъ изъ задка телеги что-то завязанное въ замшевый чехоль. Тщательно осмотрѣвъ, все ли цѣло, онъ осторожно переложилъ вынутое на лавочку у воротъ.

— Принесите-ка ножикъ, да какого-нибудь хлѣба, обратился онъ къ ямщикамъ.

— У насъ, бачка, чернѣй, мужицкій.

— Все ѣдимъ, сухо отвѣтилъ приѣзжій.

— Принесите-ка, братцы, тамъ есть початой каравай въ поставцѣ, приказалъ дворникъ.

Одинъ изъ ямщиковъ отправился.

— Вотъ кабы водочки... А я тебя, хозяинъ, за то вотъ этимъ угощу, коли хочешь, уже шуточно предложилъ прїѣзжій, разворачивая что-то завернутое въ бумагу.

— А что-жъ это такое, бачка? уже довольный путливый тономъ прїѣзжаго, спросилъ хозяинъ, заглядывая ему черезъ плечо.

— Вкусная вещь, братецъ. Нѣмецкая колбаса.

— Зачѣмъ же ты ѣшь нѣмецкое яство?

— Затѣмъ, что вкусно. Отчего же его не ѣсть?

— Тѣкъ-съ... А русское ѣшь?

— И русское, чтó вкусно, ѣмъ: борщъ, кашу... блины люблю, объяснилъ онъ, улыбаясь.

Помолчали.

— А чтó, бачка, это всаправду сказываютъ, что обезьяну, звѣря-то, нѣмецъ сдѣлалъ или это только такъ болтають? дурачка валяя (замѣчательна эта слабость въ русскомъ человѣкѣ!), спрашивалъ дворникъ. Онъ и самъ засмѣялся надъ своимъ вопросомъ.

— Такъ только болтають. И обезьяну Богъ сотворилъ, какъ и другихъ животныхъ.

Хлѣбъ, водка и ножикъ принесены.

Прїѣзжій выпилъ, а потомъ, запасшись колбасой и хлѣбомъ, отошелъ въ сторону и усѣлся поотдалъ на ступенькахъ рѣзнаго крыльца:

— А чтó, у нѣмцевъ-то есть нашъ черный хлѣбъ? полюбопытствовалъ еще немного погода хозяинъ, обращаясь къ нему.

Прїѣзжій посмотрѣлъ на дворника медленнымъ взглядомъ.

— Есть, разсѣянно отвѣчалъ онъ.

— Такой же, какъ у насъ?

— Такой же, какъ у насъ. — Да они, кажется, ѣдятъ болѣе просѣянный, да бѣлый.

— Ишь, господа какіе! Видно, оттого русскій человѣкъ и сильнѣе, что ѣсть черный хлѣбъ.

Прїѣзжій улыбнулся.

— Ну, какой нѣмецъ! Есть нѣмцы, что одинъ двухъ нашихъ возьметъ.

— Куда ему, бѣлохлѣбнику!

— Бываетъ...

— Ну, нѣтъ.

— Сильнѣе тотъ, кто болѣе здоровый хлѣбъ да пищу ѣсть. А бѣлый хлѣбъ здоровѣе.

Дворникъ засмѣялся широко, во весь ротъ.

— Отчего же онъ здоровѣе?

— Такъ.

— Отчего такъ?

Пытливый былъ человекъ дворникъ.

— Оттого, что когда ты съѣшь что-нибудь — то оно перейдетъ въ кровь, а изъ крови въ тѣло. — Ну, а не все, что ты съѣлъ, перейдетъ въ кровь. Часть перейдетъ, а часть не перейдетъ. Ну, та пища и лучше, которой больше перейдетъ. А изъ бѣлаго всегда болѣе переходитъ, чѣмъ изъ чернаго...

— Ну, а вотъ господа завсегда бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, съизмальства, а супротивъ мужика, теперь каждый баринъ силою — пастъ! А ты сказываешь, бѣлый хлѣбъ здоровѣе.

— Оттого, что господа бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, да черезчуръ ужъ нѣжничаютъ. А который не нѣжничаетъ, тотъ иному и мужику силой не уступить.

— Ну, это не такъ, бачка. Куда же ему противъ мужика! Ужъ это шалишь!

— Отчего-же, бываетъ...

— Ну, нѣтъ.

— Ты самъ силенъ? спросилъ пріѣзжій, ошупывая геркулесовскіе локти дворника.

— Ничего-съ, не занимать стать этого, самодовольно провизнесъ тотъ.

— Ну, а вотъ я хоть по твоему и баринъ, а вѣрно не слабѣе тебя.

Дворникъ недовѣрчиво какъ-то смѣрилъ смѣльчава съ головы до ногъ, мотнулъ головою въ сторону и засмѣялся:

— Ну, нѣтъ.

Пріѣзжій протянулъ руку съ растопыренными пальцами:

— А ну, кто кого поставитъ на колѣни? въ шутку предложилъ онъ.

— Какъ это-съ?

Пріѣзжій не всталъ даже съ крылечка, а просто вложилъ только пальцы своей руки между пальцевъ заскоруждой руки дворника.

— Ты теперь мою руку ломи на меня, а я твою — на тебя. Кто кого прежде поставитъ на колѣни — тотъ и сильнѣе. Ну!

Пріѣзжій налегъ.

Ямщики обступили борцовъ съ любопытствомъ и смѣхомъ.

— О, баринъ, ты силенъ, сказалъ дворникъ, выдержавъ первый напоръ. Жилы обѣихъ рукъ страшно напряглись. Руки поминутно наклонялись то въ одну, то въ другую сторону.

— А ты думалъ какъ! Чтобы я, бѣлохлѣбникъ, да не взялъ

тебя! смѣлся пріѣзжій. Онъ всталъ со своего мѣста: — ну! держись теперь.

— Охъ, матушки! крикнулъ дворникъ: — ратуйте! Не хочу, не хочу, не хочу! — И грохнулся на колѣни.

— Ха, ха, ха! разразились ямщики: — молодецъ, баринъ, право, молодецъ!

Пріѣзжій посмѣлся и сѣлъ.

— Ну, вась съ богомъ! говорилъ полусмѣяучись дворникъ, подымаясь съ земли и встряхивая рукою отъ боли: — силенъ, бачка, не думалъ я.

— Вотъ-те и выходитъ бѣлый хлѣбъ здоровѣй, подсмѣялся надъ хозяиномъ одинъ изъ ямщиковъ.

— Ну, а вотъ поборешь ли ты Семена, азартничалъ дворникъ: — у насъ есть ящикъ такой, силы преобольшущей, объяснилъ онъ: — и я промежь ихъ силенъ (онъ показалъ рукою на компанію)—Ну, а тотъ богатырь, одно слово. Прежде;кузнецомъ былъ... Семень, а Семень! крикнулъ онъ во дворъ.

Явился Семень—приземистый, сутуловатый мужикъ, съ рябоватымъ лицомъ, сережкой въ ухѣ и кривымъ глѣвымъ глазомъ, выбитымъ у него въ вулачномъ бою на какой-то армаркѣ.

— Поборись съ бариномъ, предложилъ хозяинъ: — онъ даже силенъ.

Пріѣзжій сталъ-было отказываться, но потомъ согласился.

Опять завязалась борьба. Онъ долго выдерживалъ напоръ.

— Силенъ, баринъ, силенъ! то и дѣло приговаривалъ его противникъ.

Наконецъ, рука Теленьева была перегнута на его сторону.

— А на колѣни все-таки не встану, сказалъ онъ.

— Станешь, баринъ, насмѣшливо говорилъ противникъ, ломая его руку. Семень почти выкрутилъ руку противника.

— Не... стану, кусая губы отъ боли, говорилъ Теленьевъ. (Даже слезы у него выступили на глазахъ).

— Ну, ну, Богъ съ тобой! смелостившись, сказалъ великодушно ящикъ и принялъ свою руку.

— Ну, этотъ сильнѣе меня. И говорить нечего, сейчасъ же согласился пріѣзжій.

— Да вѣдь онъ во второй разъ борется, заступился за него одинъ изъ ямщиковъ: — вѣтъ, Семень, дай ему отдохнуть — да тады.

— И терпѣть гораздъ! Молодецъ, бачка, похвалилъ дворникъ.

— Ну, выпьемъ, ласково обратился пріѣзжій къ своему побѣдителю...

— Вотъ тебѣ, бачка, на страженье не страшно идти, резо-

нировалъ еще немного погода хозяинъ: — ты всѣхъ разразишь. Что жь онъ, нѣмецъ противъ тебя, либо его — (онъ показалъ на Семена) силачей — сдѣлаешь? Супротивъ русскаго на войнѣ, сказано, никому не пойти.

— А то, что пока ты дойдешь до него, чтобъ схватиться, онъ тебя изъ ружья повалитъ. Ты силенъ, а медвѣдь еще сильнѣе. А ты за то умнѣе. Ты ружье себѣ сдѣлаешь — да и убьешь его издалека.

— Ну, и у русскаго есть ружье.

— Ружье ружью рознь. Иное беретъ на сто шаговъ, а другое на версту.

— Ооо! есть и такое?

— Есть. Вотъ какъ была война съ французомъ, его ружье было дальше, онъ и перестрѣлялъ нашихъ, пока подошли. Ну, а потомъ, какъ и у насъ такія же ружья сдѣлали, и мы его поколачивали. У кого лучше ружье или пушка, да стрѣляетъ лучше — тотъ и побѣтъ, потому что въ остальномъ всѣ равны: и у нихъ есть сильные, и у насъ, и у нихъ много храбрыхъ — и у насъ. Только неученому народу, противъ ученаго, никогда не устоятъ ни въ чемъ. — Возьми теперь черкесовъ на Кавказѣ. Стрѣлятъ они умѣютъ и храбры, бестія. А нашихъ тысяча побѣтъ ихнихъ пять тысячъ. Отчего? Оттого, что у насъ ружья да обученіе лучше. Теперь васъ тутъ пять, а я одинъ. — Онъ досталъ изъ кармана револьверъ: — а вы меня не возьмете съ палками. Я васъ всѣхъ могу убить, почти за разъ.

— Это что жь, пистоль такой? спрашивалъ хозяинъ, разсматривая револьверъ.

— Пистоль. Все наука, ученіе сдѣлали, объяснилъ Теленевъ.

— Ну ее съ Богомъ, такую науку: людей изводить.

— И такая пока нужна. А коли на тебя звѣрь нападетъ, или недобрый человекъ, или народъ на народъ войной пойдетъ. Мы теперь съ тобой спокойно сидимъ на лавочкѣ, да разговариваемъ и знаемъ, что никто не придетъ, не возьметъ нашего добра. Отчего? Оттого что хорошее войско есть, ружья хорошія есть. Побѣютъ — кто только ступитъ на нашу землю. А не будь этого, пришелъ бы сюда черкесъ, да и пожегъ бы, побралъ все. И эта наука нужна

— Это такъ, сказало нѣсколько ямщиковъ.

— А есть и другія науки, которыя уже прямую пользу человеку приносятъ. Вонъ мужикъ ѣдетъ съ поля. Спроси его, сколько онъ за день опакалъ земли. И полдесятины не опакалъ. А наука сдѣлала такую паровую машину, что въ день больше двухъ десятинъ опашетъ.

— А зачѣмъ мнѣ столько въ день опахивать? Все равно.

— А затѣмъ, что скорѣе опашешь, скорѣе засѣешь, скорѣе вырастетъ, скорѣе соберешь. Есть машина, чтобы и хлѣбъ молотить — скорѣе, чѣмъ цѣпомъ. Одна машина и молотить, одна и вѣсть, одна и въ мѣшки насыпаетъ. И работу мужикъ раньше кончить, можетъ остатокъ дня на другую работу положить.

— Нѣтъ, бачка, не пойдетъ на другую. Пойдетъ въ кабакъ.

— И то лучше. Коли есть время въ кабакъ сидѣть — значить еще денегъ хватаетъ. Ну, а разумный не пойдетъ въ кабакъ, а пойдетъ на другую работу. И будетъ у него еще больше денегъ, чѣмъ у того, что въ кабакъ пошелъ. И купить онъ себѣ лошадь на эти деньги, либо печку въ избѣ поставить, а то видишь какія у васъ курныя, а это вредно здоровью: дышать трудно, глаза ѣсть, раньше слѣпота и старость придетъ, — или женкѣ купить что нибудь, либо сыну азбучку. Вотъ тотъ человекъ и лучше, который на путное деньги тратитъ. Что водка? выпилъ, пошумѣло въ головѣ, да и вышло; а то въ дому прибылъ.

— Это правда, согласилось нѣсколько голосовъ.

— Нѣмецъ тѣмъ и хорошъ, что на кабакъ мало тратитъ, а больше все на обзаводъ въ дому владеть. Да и работаетъ онъ все инструментомъ хорошимъ, либо машиной — оттого больше успѣваетъ сдѣлать. Больше денегъ у него. Оттого ты прійдешь къ нему въ избу, у всякаго полъ досчатый, мебель, все чисто, комнаты выбѣлены. Лошади здоровыя, большія. Упряжь ремянная, а не веревочная. Повозка на желѣзныхъ осяхъ, легкая. Всякій тамъ грамотный, законы самъ можетъ читать. Его въ судѣ не обмануть алтынники, какъ нашъ темный народъ обманываютъ.

— И это хорошо-сь, согласились уже рѣшительно всѣ.

IV.

Можетъ быть, сцена, описанная въ предъидущей главѣ, еще долго продолжалась бы, и нашему, вдругъ ставшему словоохотливымъ, путешественнику еще порядкомъ пришлось бы трудиться, удовлетворяя любопытству, возбужденному его рассказами во всей честной компаніи, собравшейся у постоялаго, еслибы появленіе на сценѣ новыхъ лицъ не прервало на время всей этой болтовни, повидимому, совершенно бесполезной.

Изъ-за угла постоялаго двора выѣхала тележенка. На мѣшкахъ съ мукой сидѣлъ старенькій священникъ въ лстриновомъ подрясникѣ и поярковой, порыжѣлой шляпѣ съ небольшими полями. Онъ усердно подергивалъ веревочными возжами разнузданную, еле тащившуюся пѣгашку. Придерживаясь за края тележ-

ви, ибо она была уже слишкомъ мелка и узка для двухъ сѣдлоковъ, рядомъ со священникомъ, помѣщался юноша, на видъ лѣтъ двадцати не болѣе, одѣтый въ черный затасканный сюртучишко съ распоротымъ локтемъ.

Лошаденка зачастила ногами и, вытягивая шею и напрягая послѣднія силы, стала забирать на горку къ постоялому.

— Калитянской попъ, указалъ кто-то изъ толпы ямщиковъ.

Компанія оставила на время проѣзжаго, такъ убѣдительно рассказывавшаго ей о превосходствѣ нѣмца надъ русскимъ чело-вѣкомъ, и подвинулась на встрѣчу попу.

— Его преподобію, отцу Ивану... привѣтственно крикнулъ хозяинъ постоялаго двора, становясь на дорогѣ колоссомъ родосскимъ, разставивъ ноги. Онъ гладилъ себя довольно по брюху.

Тележка остановилась у крыльца избы и священникъ, передая возжи своему спутнику, началъ слѣзать съ тележки.

— Прохору Дмитричу... наше вамъ-съ, отвѣтилъ священникъ на привѣтствіе дворника и, когда дворникъ протянулъ руку подъ благословіе, онъ зашепталъ, крестя его:

— Господи, Иисусе Христе... Онъ махнулъ по воздуху большою крестъ сложеными перстами, произнесъ *аминь* и далъ подошедшему поцаловать руку. Ямщики снимали шапки и стали подходить подъ благословіе.

— Издалече-ли? спросилъ дворникъ.

— У благочиннаго былъ, объяснилъ священникъ: — ну, и на мельницѣ кстати побывалъ. Должокъ былъ за Буримъ.

— Купили или продавать возили? осведомился дворникъ, кладя руку на мѣшки: — какъ новѣ цѣны въ той сторонѣ?

Священникъ объяснилъ насчетъ цѣнъ. Онъ встряхнулъ пыльный подолъ подрясника, откинулъ на спину заплотшія за воротъ сѣдлы заплетенныя косички и сталъ рукою расчесывать бороду. Долго трудился надъ этимъ отецъ Иванъ, поднимая голову вверхъ.

Навонецъ онъ кончилъ эту операцію и оглядѣлся вокругъ.

— Заѣдете? спросилъ дворникъ.

— Домой нужно.

— Ну, овсеца, либо сѣна, не возьмешь ли, отецъ Иванъ? предложилъ дворникъ.

— Съ собой есть.

— Скупой ты, отецъ Иванъ, для нашего брата, замѣтилъ дворникъ.

Отецъ Иванъ заморгалъ маленькими, красноватыми глазами и засмѣялся.

— Солнце зашло, сказалъ онъ, оглядывая небо вокругъ. Онъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Что жь, заночуйте, предложилъ дворникъ: — чайку напились бы. — А то водочки, отецъ Иванъ, прелюбительная. Давиче графскій конторщикъ завезъ. Крѣпчайшая, на косточкахъ настоенная.

Священникъ согласился, замѣтивъ, что «бычки ходять по небу и къ ночи нужно ожидать дождь».

— Матушка у меня только что-то слаба. Нужно бы ѣхать... Эхъ, слабъ человекъ! вздохнуть, набожно произнесъ онъ, взводи глаза вверхъ.

— Сыночка просите же, напомнилъ дворникъ: — или это чужой?

— Свой, свой, кровный.

— По духовному думаете пустить?

— Какъ Господь уважить. Учится еще въ губерніи... Нѣтъ, не хотеть по родительской стезѣ идти, объяснилъ священникъ: — свѣтскимъ хотеть быть. Нынче дѣтамъ не воспретить... Яша, обратился онъ къ своему спутнику, все еще сидѣвшему на тележкѣ съ опущенными возжами въ рукахъ.

— Что-съ?

— Подѣзжай. Задай кобылкѣ сѣнца.

— Развѣ не поѣдемъ дальше?

— Поворимъ.

— Когда же такъ доѣдемъ? недовольно сказалъ юноша, неохотно поворачивая лошадь въ уголъ крылечка: — каждая двадцать верстъ кормимъ! Вѣдь къ матушкѣ нужно.

Онъ слѣзъ, скинулъ ворохъ сѣна на землю и отвизгалъ у пѣгашки поводокъ у дуги. Лошадка нагнулась и принялась ѣсть.

— Проѣзжій, видно, сказалъ тихо священникъ, указывая глазами на сидѣвшаго поотдалъ Теленьева.

— Проѣзжій, проѣзжій... Оврусовскаго управляющаго сыновъ. Лошадей дожидается, сообщилъ Прохоръ Дмитричъ.

— Алексѣй Осипыча?

— Его-съ.

Отецъ Иванъ закивалъ головою и сталъ пристально всматриваться.

— Слышалъ, слышалъ, ожидаетъ. Офицеръ?

— Офицеръ... Славный баринъ, и красной-и-и, Господи! сказываетъ какъ по писанному. И слязца огромной. — Отецъ Иванъ посмотрѣлъ на него, недоумѣвая: — меня совсѣмъ сгребъ на землю, пояснилъ дворникъ.

Священникъ подошелъ къ Теленьеву.

— Татеньку вашего давно знаю, говорилъ онъ, останавливаясь передъ Теленьевымъ и приподнявъ шляпу: — отецъ Иванъ, со-

сѣдъ и духовникъ вашего папеньки, рекомендовался онъ. Теленевъ всталъ и поклонился: — къ родителю изволите ѣхать? Давно ожидаетъ. Приятно-съ... И маменьку вашу, покойницу, хорошо зналъ. Царство небесное! Прекрасная была дама... Позвольте около сѣсть.

Теленевъ подвинулся и очистилъ около себя мѣсто старику-священнику. Ямщики какъ-то особенно поспѣшно бросились къ нимъ и опять обступили пріѣзжаго. Прохоръ Дмитричъ приказалъ ставить для священника самоваръ. Яша подошелъ, сѣлъ съ краю на лавочку и принялся на колѣняхъ папиросу набивать, а потомъ закурилъ ее у ямщика изъ трубки и, подперши на руки подбородкомъ, просидѣлъ такъ все время со злымъ лицомъ, не вымолвивъ ни слова и только время отъ времени отплеываясь струйкой отъ табачной горечи.

Теленевъ, сперва неохотно отвѣчавшій на вопросы отца Ивана, впоследствии разговорился и разговоръ у нихъ пошелъ довольно оживленный. Онъ спросилъ священника объ отцѣ и нашелъ, что тотъ былъ въ состояннн дать ему на этотъ счетъ довольно обстоятельныя свѣдѣнн.

Прохоръ Дмитричъ довольно скоро сумѣлъ выставить на крылечѣ обѣщанную настойку на косточкахъ, и отецъ Иванъ время отъ времени навѣдывался къ крылечу, что, какъ кажется, не доставляло такого же удовольствн сыну его, который не упускалъ случая, каждый разъ, какъ проходилъ мимо отецъ, поставить это старику въ укоръ, напомнить о необходимости ѣхать поскорѣе домой и даже раза два довольно рѣзко выразиться насчетъ родителя.

Отецъ Иванъ наконецъ рассердился:

— Будешь ты сегодня молчать или нѣтъ?... Оставлю здѣсь, такъ-таки и оставлю. Иди пѣшкомъ, коли чести не знаешь... Непочтителенъ, да!

Сынъ промолчалъ и только съ сердцемъ отодвинулся подальше.

Дворникъ, со свѣтскою любезностью, рѣшился явиться умиротворителемъ. Онъ тотчасъ вмѣшался въ разговоръ и занялъ отца Ивана вопросами такого рода, что они не могли не смягчить старика. Онъ съ участнемъ освѣдомился, благополучно ли у отца Ивана отделилась корова, бывшая тѣльною въ посту, и что онъ намѣренъ сдѣлать съ новорожденнымъ—отпить и продать на убой или выростить; какъ у нихъ овсы въ этомъ году, что за исторн у графа въ Калитанахъ была и что калитанскне мужики намѣрены дѣлать съ волею: думаютъ ли выкупиться, или оставаться на оброгѣ.

Однако видя, что это все мало помогаетъ желаемой цѣли, а можетъ и удовлетворяя только довольно значительной степени

своей любознательности, онъ рѣшился свести разговоръ опять на розказни съ проѣзжимъ офицеромъ о разныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ для него вопросахъ. Раннее появленіе на горизонтѣ вечерней звѣзды, которую онъ тотчасъ же замѣтилъ и на которую первый указалъ всѣмъ присутствующимъ, указало ему исходную точку для этого.

— Ну, а скажи мнѣ теперь, милый человѣкъ, я все къ тебѣ, обратился онъ къ Теленьеву: — извини наши глупые разспросы, досаждаемъ тебѣ. Ахъ, да и хорошо же онъ сказъ-то сказываетъ, обратился онъ къ о. Ивану, указывая на Теленьева: — скажи, правда ли это, народъ болтаетъ, что вотъ есть наука, онъ поднялъ руку къ звѣздѣ—что всѣ звѣзды на небѣ сосчитали?

Теленьевъ, сверхъ всякаго ожиданія, оказался теперь совершенно несловоохотливымъ. Онъ видимо не хотѣлъ при новыхъ людяхъ пускаться въ прежніе розказни. Онъ какъ будто стѣснялся.

— Ты вотъ мнѣ лошадей скорѣе давай, шутилъ онъ. Дворникъ побожился, что лошади скоро будутъ готовы и снова убѣдительно попросилъ разрѣшить его недоумѣніе на счетъ существованія науки о звѣздахъ. Теленьевъ отвѣтилъ утвердительно.

— Ишь ты, до чего умудрился человѣкъ! Ну, а вѣдь не правду сказываютъ, что земля на китѣ-рыбѣ стоитъ?

— Нѣтъ, не правду... А на чемъ же китъ-рыба стоитъ, коли ужъ такъ, я тебя спрошу?

— И я связываю, что неправда.

— Она не стоитъ, а плаваетъ, связываютъ, на океанъ-морѣ, вмѣшался одинъ изъ присутствующихъ.

Проѣзжій съ сожалѣніемъ улыбнулся.

— А океанъ-море вода? обратился онъ къ возражателю.

— Вода, вода.

Теленьевъ объяснилъ, что вода сама должна на чемъ нибудь держаться.

— На чемъ же вода?

— А вода... На чемъ же вода?... Ну, ужъ этого не знаю, бачка, смѣючись, признался допытывающій.

— А я тебѣ скажу, продолжалъ Теленьевъ: — что земля ни на чемъ не стоитъ. Она имѣетъ такой видъ, какъ яблоко, и держится на воздухѣ. Сила такая есть, которая ее держитъ, притягиваетъ къ солнцу, объяснилъ онъ.

— Безъ веревокъ, безъ всего? недовѣрчиво спрашивали ямщики.

— Безъ всего.

— Что ты, что ты, родной! Ты смѣешься надъ нами.

— Истина, истина, маловѣрныя! произнесъ отецъ Иванъ съ крылечка: — говорить вамъ г. офицеръ, слушайте!...

Теленевъ увѣрилъ ямщиковъ, что онъ и не думаетъ шутить, и что можетъ даже наглядно показать такую силу.

— Покажи, повѣримъ, раздалось со всѣхъ сторонъ.

Пріѣзжій медленно оглядѣлся вокругъ, взялъ не торопясь замшевый чехолъ, лежавшій около него на лавочкѣ, и сталъ развязывать. Онъ досталъ оттуда новенькую пенковую трубочку съ янтарнымъ мундштукомъ, натеръ янтарь объ колѣно и приложилъ на ладонь къ бумажкѣ. Бумажку притянуло.

— Да ты намазалъ чѣмъ, она и приклеилась.

Прохоръ Дмитричъ, по предложенію пріѣзжаго, самъ натеръ янтарь и подвелъ осторожно къ бумажкѣ—вышло то же самое.

— Ишь ты, чудеса! говорили ямщики: — сама притянула!

— Вотъ такихъ силъ много въ природѣ, объяснялъ Теленевъ: — вотъ одна изъ нихъ, что вы видѣли. Кусочекъ янтаря малъ — оттого онъ и маленькій кусочекъ бумаги притягиваетъ. Вотъ солнце въ миллионъ разъ больше нашей земли (это оно такимъ маленькимъ кажется оттого, что стоитъ далеко отъ насъ), вотъ оно и можетъ притягивать нашу землю.

— И ты же, бачка, не смѣешься надъ нами? недовѣрчиво спросили слушатели.

— Чего смѣяться, повѣрь слову. Наконецъ, книги такія есть— прочитай самъ. Вотъ спросите у батюшки.

— Вѣрно, вѣрно! отозвался отецъ Иванъ.

— Ыдемте, батюшка, сказалъ сынъ: — вѣдь не близко.

— Молчи, чадо!

— А солнце больше земли, только кажется такимъ махонькимъ? продолжали допытываться у пріѣзжаго ямщики: — Ишь ты!

— Больше. Вонъ мельница, вѣдь большая, куда больше насъ съ тобою, а какой маленькой кажется. Такъ всѣ вещи въ природѣ. Чѣмъ дальше отходятъ — все уменьшаются, то-есть онѣ не уменьшаются, предупредилъ онъ: — а глазу такъ кажется.

— Ооо! Ишь ты! Всю премудрость Господню познали.

— Когда бы на веревкахъ привѣсить землю — такъ и мы съ тобой сдумѣли бы это сдѣлать. А вотъ безъ всего устрой. Это только Богъ можетъ.

— Такъ, такъ! Чудны дѣла твое, Господи! вздохнувъ, наконецъ произнесъ Прохоръ Дмитричъ, снимая шапку и крестясь.

— О величій Его уста глаголетъ, сказалъ съ чувствомъ отецъ

Иванъ, поднимаясь, чтобы снова идти въ крылечку: — что-то поясница даетъ себя знать. Старость. хитрилъ онъ.

Онъ растегнулъ подрясникъ.

Дворникъ посмотрѣвъ ему вслѣдъ и махнулъ рукою.

— А только не грѣхъ же, что человекъ смятса премудрость божью познать своимъ разумомъ? боязно обратился дворникъ опять къ прїѣзжему.

— Нѣтъ, не грѣхъ. На что же человекъ иначе Богъ и разумъ далъ! «Познай премудрость Господа Бога твоего», сказано въ писаніи, заключилъ онъ и... проістановился. Онъ хорошо не помнилъ, сказано ли такъ гдѣ-нибудь въ писаніи: — Текстамъ скорѣе повѣрять, сказалъ онъ, обращаясь къ отцу Ивану.

— Всеконечно...

V.

Вдали, у вѣзда, раздался колокольчикъ.

— Вотъ еще кого-то Богъ даетъ, проговорилъ одинъ изъ ямщиковъ: — Четверкой.... Карета.

— Никакъ Оврусовскіе господа, сказалъ кто-то. Всѣ стали пристально всматриваться.

— Они и есть..... Вонъ и человекъ ихній, Филиппъ, согласились уже всѣ окончательно, когда карета, какого-то пузатого, ковчегообразнаго вида, тяжело нагруженная важами и сундуками, перевалилась за мостокъ, стала потихоньку сворачивать къ постоялому.

Не было болѣе сомнѣнія, что сюда. Яша увелъ старика.

Экипажъ остановился у крылечка. Паръ валилъ отъ лошадей. Прїѣзжій ямщикъ раскланялся съ хозяевами, перевинулъ возжи поперегъ спины лошадямъ, флегматически слѣзъ и сталъ распрягать. Филиппъ въ дубленкѣ, несмотря на лѣтнюю пору, съ портсакомъ черезъ плечо, ловко спрыгнулъ съ козелъ и сталъ здороваться съ Прохоромъ Дмитричемъ. Смазливенькая горничная вылѣзла изъ кареты по другую сторону. Стекло самой кареты опустилось и изъ нея выглянуло лицо молодой женщины. Она подозвала Прохора Дмитрича по имени, поздоровалась съ нимъ, какъ съ давнишнимъ знакомцемъ, и спросила, нѣтъ ли конторщика изъ ея вотчины. Но конторщика не оказалось. Дама полюбопытствовала узнать, давно-ли дворникъ былъ въ Оврусовкѣ и всѣ-ли тамъ здоровы. Дворникъ пояснилъ, что давно въ Оврусовкѣ не былъ, но что недавно дворецкій «оттуда» проѣзжалъ въ городъ, такъ сказывалъ, что всѣ здоровы и все тамъ, благодаря Бога, благополучно.

— А маменька вашу милость, Наталья Юрьевна, не ожидаютъ, замѣтилъ дворникъ: — Приятно будетъ имъ-съ.

— Я и сама не думала быть такъ рано въ этомъ году, сказала разсѣянно проѣзжая. Пріѣзжая попросила дать лошадей, мазать карету и поскорѣе запрагать. Прохоръ Дмитричъ бросился распоряжаться, и дорогой успѣлъ въ третій разъ побожиться сердившемуся Теленьеву, что и ему сейчасъ будутъ лошади и что онъ не допуститъ, чтобы пріѣхавшіе послѣ — раньше уѣхали. А на послѣдяхъ, оно такъ и случилось — что онъ послѣ уѣхалъ.

Пріѣзжая, въ которой читатели вѣроятно уже узнали по сходству имени, которымъ называлъ ее дворникъ, и названію мѣста, о которомъ она разспрашивала, дочь Варвары Михайловна, — пріѣзжая откинулась въ глубь кареты и подняла какую-то желтенькую французскую книжку съ намѣреніемъ продолжать чтеніе. Но на дворѣ темнѣло и въ каретѣ уже нельзя было читать. Она опустила книгу и позвала горничную.

— Маня, принесите стаканъ воды, приказала она слабымъ голосомъ: — пилюли время принять.

Дѣвушка отправилась въ избу и вынесла въ зеленатовомъ, не совсѣмъ чистомъ, стаканчикѣ воду. Путешественница приняла пилюли, вышла изъ кареты и приказала горничной не отходить, такъ-какъ въ каретѣ, на передней скамейкѣ, оказался спящій ребенокъ.

Прохоръ Дмитричъ подошелъ.

— Сейчасъ будутъ мазать, сударня... Давно-ли изъ Москвы? какъ тамъ пути-съ? освѣдомился любознательный хозяинъ.

— Шоссе очень испорчено... Дурная дорога. — Пять сутокъ ѣхали.

И она провела рукою по лицу, и поднимая локоть, слегка потянулась.

— Устали-съ, съ участіемъ замѣтилъ Прохоръ Дмитричъ.

— Нужно поразмяться...

Пріѣзжая улыбулась и, закутавшись платкомъ, стала шибко ходить взадъ и впередъ около кареты. Потомъ пошла медленнѣе и прошла дальше, въ деревню.

Теленьевъ успѣлъ только замѣтить, что она ростомъ — выше средняго, и стройна въ талии; нога нѣсколько и велика, но такая стройная, узкая, въ такихъ щегольскихъ ботинкахъ; голову несетъ такъ высоко, гордо; темные волосы нѣсколько растрепались на вискахъ отъ дороги, и забраны сзади косой въ ночной чепчикъ, прикрытый поверхъ всего красною косынкой; носъ немного горбатенькій, съ большими подвижными ноздрями; у женщины всегда признакъ страстности и, пожалуй, характерности; глаза

большіе, каріе, слегка щурящіеся покошачьп, когда на вась смотрять, точно что-то слугавить съ вами хотять... Но все лицо вообще холодное, теперь видно востомленное чѣмъ-то, и, когда на немъ нѣтъ улыбки, гордое, чѣмъ-то недовольное. «Матрона какая-нибудь губернская, губки надула, кто-то обидѣлъ», подумалъ насмѣшливо Теленевъ, чертя прутикомъ на пескѣ какихъ-то пѣтушковъ: — А красивая, ничего... *Въ Римѣ, можетъ быть, тебѣ бы Цезарь руку подаль»,* вдругъ вспомнилось ему откуда-то.

— Экъ, хвостиче какой носить, замѣтилъ онъ ямщикамъ, показывая съ усмѣшкой на волочившійся по пыли шлейфъ: — вѣдь выдумаютъ же!

Приѣзжая, между тѣмъ, все шла дальше и дальше въ деревню... На встрѣчу ей повказался Маркинсонъ.

Приѣзжая и была та дама, которую Маркинсонъ завидѣлъ, идущей ему на встрѣчу... Съ Натальей Юрьевной Суринской Маркинсонъ былъ уже знакомъ еще съ прошлаго лѣта, когда она приѣзжала гостить, или вѣрнѣе, лечиться морально, въ деревнѣ ея матери... Поэтому, Маркинсонъ встрѣтилъ ее какъ старую знакомую... Его только озадачила неожиданность встрѣчи.

— Мать моя, откуда вы взялись? воскликнулъ онъ, останавливаясь передъ нею.

И Маркинсонъ воздѣлъ руки вверхъ отъ удивленья.

Суринская сейчасъ же засмѣялась шутнику, поздоровалась съ нимъ дружески, и они разговорились... Она стала жаловаться на недоровье, на усталость какую-то, тоску...

— Я и теперь принимаю порошки, объяснила она, когда Маркинсонъ все-таки не повѣрилъ, что она больва.

— Покажите, какіе.

Она вынула голубенькую, плоскую коробочку изъ кармана.

Маркинсонъ прочиталъ сигнатуру.

— Ничѣмъ вы, барыня, не больны, я вамъ скажу. Вамъ это только кажется. И разсмѣялся.

— Вотъ прекрасно!... Миѣ не знать.

— И не знаете... Кипятитесь вѣчно—вотъ и все... Физически вѣдь вы здоровы?

— Да право же, Маркинсонъ, я больна...

— Да полноте, Наталья Юрьевна... Ну, такіе ли бываютъ больные! Чтѣ это нынче за молодѣжь, говорилъ онъ, отступая назадъ, и скрещивая понаполеоновски руки на груди:—вотъ тоже Забуцкую, Лизу, лечилъ... Гренадеръ, не женщина, на пьедесталь, слѣдовало бы ставить — дескать, смотрите, господа, какіе должны быть здоровые люди — а тоже — дунулъ вѣтерокъ, и вообразила что больна, охаетъ... Или хоть вы? Ну, чѣмъ вы

больны? Чѣмъ вы... еще и теперь не *дама пріятная во всякъ отноше- шемъ*? смѣется онъ, оглядывая ее съ ногъ до головы: — что вамъ еще нужно въ жизни?

— Ахъ, Маркинсонъ, засмѣялась Суринская: — вы такой же чудакъ, какъ были, я вижу... Поймите же, что это не шутки.

— И понимать не хочу-сь.

— Вы сами согласитесь со мной, когда увидите... И я васъ хочу даже просить лечить меня здѣсь... куда это вы ѣдете?

Маркинсонъ сказалъ.

— Нѣтъ, вы поѣдете къ намъ, и посмотрите меня хорошенько.

— Да что смотрѣтъ, когда я и теперь вижу, что ничего нѣтъ... Я знаю, вы съ мужемъ за косы все деретесь — вотъ и причина вся.

— Ахъ, Маркинсонъ, какой вы мужикъ, засмѣялась Суринская, покраснѣвъ: — но вы поѣдете. Я васъ не отпущу. И она его взяла за руку.

— И, что это? говорить, смѣясь, въ раздумьи Маркинсонъ: — я, какъ волкъ, попавшій въ заутю: верчусь все въ этихъ мѣстахъ вотъ уже болѣе недѣли, и никакъ домой не могу попасть. Чортъ знаетъ что!

— Ну, какъ хотите... А вы поѣдете въ Оврусовку... Вѣдь вы вѣрно иначе нескоро будете въ нашихъ мѣстахъ.

— Да, не думаю.

— Вотъ видите... Давайте мнѣ вашу руку и идите...

— Ну, ладно. Съ условіемъ, что вы меня не удержите долѣе двѣнадцати часовъ.

— Долѣе завтрашняго утра?

— Нѣтъ, долѣе двѣнадцати часовъ сегодняшняго вечера... Я вернусь съ Тавровымъ молодымъ. Онъ у васъ тамъ...

— Ахъ, онъ тоже здѣсь, у отца?

— Здѣсь... Плѣняется, кажется, неопытныхъ тамъ у васъ, въ Оврусовкѣ. Суринская улыбнулась.

— Не бойтесь... Ту, на которую вы намекаете, труднѣе про- вести, чѣмъ... чѣмъ это съ перваго раза можно подумать.

— Да? задумчиво спросилъ докторъ.

— Да.

Маркинсонъ улыбнулся.

И они повернули назадъ къ постоялому...

А у постоялаго, между тѣмъ, какъ только Суринская ушла, дворникъ опять вернулся къ Теленеву.

— Вотъ, пяте сутки ѣдутъ изъ Москвы, объявилъ онъ, показывая на карету: — слыживаетъ, обратился онъ къ ямщикамъ: — что и тамъ дороги нѣтъ. Шоссу совсѣмъ испортило.

Затѣмъ, онъ согласился съ Теленьевымъ, что при чугункѣ этого не случилось бы, и освѣдомился, правда ли, говорятъ, что отъ Питера до Москвы паромъ ѣздить въ одинъ день. (Вообще въ дворникѣ замѣчалась рѣдкая любознательность. Читатель вѣрно это замѣтилъ). Теленьевъ отвѣтилъ, что правда.

— А много жъ тамъ верстъ?

— Верстъ шестьсотъ.

— Шестьсотъ! Ишь до чего умудрились. Правду говорятъ, что нынче народъ хитрѣй чорта сталъ.

Проѣзжій попрежнему хладнокровно и терпѣливо объяснилъ, что, во первыхъ, чорта нѣтъ, не существуетъ, что это глупый народъ только выдумалъ, а что до того касается, что на такой дорогѣ такъ скоро и удобно ѣздить — такъ это хорошо. Въ дорогѣ ни снѣгъ ни дождь не мочуть. И расчетъ простой правель, что выгодно: денегъ больше остается, за работу раньше можно приниматься.

— А все кому спасибо? — наукѣ. Вотъ отчего и говорится, оживляясь пояснилъ Теленьевъ: — что ученье — прибыль, а не ученье — себѣ убытокъ.

Всѣ и съ этимъ согласились, и только освѣдомились, тоже ли нѣмецъ выдумалъ такую хитрую дорогу. Теленьевъ объяснилъ, что не нѣмецъ выдумалъ такую хитрую дорогу, а англичанинъ.

— Этотъ народъ, сказываютъ, еще хитрѣе нѣмца въ мастерствахъ, высказался хозяинъ.

— Это правда. Первый народъ.

— А какъ же, бачка, сказываютъ, что первый народъ — это российский, глава всѣмъ?

Теленьевъ все также просто, безъ афектацій, толкомъ объяснилъ, что по правдѣ сказать, какой народъ первый — рѣшить трудно, что всѣ народы равны, главнаго нѣтъ.

— Бываетъ такъ, что одинъ ученѣе, богаче, торговлю большую ведетъ, денегъ много. Вотъ тотъ, пожалуй, и главнѣй.

— А нѣмецъ и англичанинъ тоже христіане? допытывался одинъ изъ ямщиковъ: — отчего же іонъ въ нашу церковь не ходять? не унимался онъ, когда проѣзжій отвѣтилъ утвердительно.

— А ты отчего въ ихъ не ходишь? У нихъ свои есть. Они тоже въ Христа вѣрують, какъ и мы.

— А вотъ жидъ — той не вѣрять.

— Нѣтъ, не вѣрять.

Спорщикъ урезонился на счетъ нѣмца и англичанина, и сталъ только на томъ, что такъ-какъ жидъ въ Христа не вѣрять — то, значить, ему на страшномъ судѣ будетъ худо.

— Ну, это, братъ, не намъ судить. Богъ рассудить...

— А отчего же у него душа собачья?

— Тьфу, ты! уже разсердился Теленьевъ: — какъ же можетъ быть у человѣка собачья душа? стыдилъ проѣзжій: — на то она и собачья, чтобъ быть у собаки. А коли она въ человѣкѣ — значить, человѣчья.

Компанія такой простой доводъ проѣзжаго очень понравился, и она искренно расхохоталась и стала подсмѣиваться надъ несообразительностью товарища.

— Не собачья, поправлялся сбитый противникъ: — а поганая душа. Жиды, сказываютъ, и убить не грѣшно.

— А знаешь заповѣди?

— Маненько знаю... неувѣренно проговорилъ ящичекъ и зачесавъ затылокъ.

— И вѣрно не знаешь? И стыдно. Ящичекъ законфузился: — Отчего не знаешь? Неграмотенъ. Вотъ вѣмецъ грамотенъ и знаетъ, потому что безъ того ему причастья не дадутъ. Вотъ, видишь, и въ этомъ грамота хороша. Кто же Богу пріятнѣй — тотъ, который знаетъ, или который не знаетъ?... Опять, въ заповѣди не сказано: не убей христіанина, а другого — жиды, можно. Просто сказано «не убей». Значить, нельзя никакого человѣка убить. А жидъ тоже человѣкъ. Спроси-ка у о. Ивана. Да если ты и убьешь жиды — тебя судить будутъ такъ же, какъ еслибы ты и русскаго утюкалъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, въ раздумьѣ замѣтилъ хозяинъ. — Глушій, обругалъ онъ съ досады сворщика-ящичка.

— А чтобъ у жиды душа была поганая — это тоже глупость. Богъ сотворилъ одного человѣка, Адама, и отъ него пошли всѣ люди, значить, и жиды. Значить, душа Адама перешла и къ намъ и къ жидамъ. Если у жиды поганая душа, значить, и у насъ тоже; значить, Богъ далъ поганую душу Адаму. Этого не можетъ быть, потому что Богъ, говоритъ законъ, всеблагъ, т.-е. онъ творить только хорошее, доброе, а дурнаго, поганнаго не творить никогда.

— Такъ, такъ... ну, да и гораздъ же ты, бачка, спорить! сказалъ дворникъ.

— Позволь, позволь, кричалъ, горячасъ, еще одинъ ящичекъ: — а какъ же ты, бачка, сказалъ давеча, что чорта нѣтъ, что только глушій народъ такъ сказываетъ?

— А, а! съ досадою вмѣшался дворникъ: — ужъ полно вамъ противъ него спорить, сердился онъ: — тоже, курица — на астреба хочеть...

— Нѣтъ, позволь, замѣтилъ ему проѣзжій: — да развѣ ты видѣлъ? обратился онъ къ ящичку.

— Нѣтъ, самъ точно не видѣлъ, а сказывають, отвѣтилъ тотъ.

— Сказывають, передразнилъ Теленьевъ ящичка: — никогда ты не найдешь такого, который бы самъ видѣлъ. А всѣ только говорятъ. Пьянымъ, да трусливымъ мерещится. Это, точно, бываетъ.

— Ну, это точно-съ, согласился и противникъ. — А только вотъ отчего же сказано въ Писаніи, что дьяволъ, сирѣчь чортъ, явился Иисусу Христу соблазнять его?

Аргументъ существованія чорта былъ дѣйствительно силенъ. Не опровергни — все пропало.

— До пришествія Христа, нашелся онъ: — можетъ, и были на землѣ дьяволы и черти. А Иисусъ Христосъ затѣмъ и на землю пришелъ, ты это вѣрно слышалъ, чтобы спасти міръ отъ дьявола, чтобы изгнать дьявола. Ну, и изгналъ. Съ тѣхъ поръ и нѣтъ чертей.

— По писанію такъ! говорилъ между тѣмъ довольный хозяинъ. — Ты, бачка, молодець! И законъ хорошо знаешь. Все знаешь. Куднъ-жъ намъ противъ тебя! Мы люди темные.

Въ это время приблизились Маринсонъ и Суринская и такъ-какъ дорога въ каретѣ была загромождена толпою, незамѣчавшемъ ихъ и неосторожившемся, потому-то имъ и пришлось остановиться невдалекѣ и, такимъ образомъ, сдѣлаться невольными свидѣтелями жаркаго разговора, шедшаго около проѣзжаго.

— И все, все ты знаешь, говорилъ между тѣмъ въ восторгѣ дворникъ этому послѣднему. — Только за нѣмцевъ, да за жидовъ слишкомъ вступаешься, подшутилъ онъ. — Нѣшто ты нѣмецъ?

— Нѣтъ, русскій, какъ и ты. Ты знаешь моего отца... А за нѣмцевъ вступаюсь, потому что они честный, трудолюбивый народъ, объяснялъ онъ: — а за жиды, потому что онъ человекъ. Мало любить своего, да хорошаго. «Любите и враговъ вашихъ, любите ненавидящихъ и клянущихъ васъ», напоминалъ онъ, постукивая вразумительно суставчиками кулака по периламъ крыльца. — Своихъ, да бѣленькихъ всѣ любятъ; а ты полюби чужихъ, да еще черненькихъ — нутка! Вотъ это Богу пріятно. Опять, Христосъ не сказалъ: любите только своихъ, т.-е. русскій — русскаго, нѣмецъ — нѣмца. А сказалъ просто: «любите ближняго своего». А кто твой ближній? — всякій человекъ. Спроси хоть у попа. Онъ мотнулъ головою въ ту сторону, куда ушелъ о. Иванъ.

Прохоръ Дмитричъ вздохнулъ и проговорилъ съ чувствомъ въ раздумьѣ:

— Это у тебя, бачка, отъ природы душа добрая такая, тебѣ и законъ въ провъ пошелъ.

— Хорошее ученье всякаго сдѣлаеть добрымъ. На то и ученье, замѣтилъ разсѣянно проѣзжій.

— А вотъ есть и ученый, а дурной человѣкъ.

— Есть: дурно учили. Настоящая наука и учить хорошему. Хорошо выученный человѣкъ — непременно и добрый человѣкъ и всѣхъ будетъ любить. Онъ дурнаго человѣка не станетъ ругать, не будетъ и ненавидѣть, а просто посторонится. (Разумѣется, своего пальца не нужно чужому человѣку класть въ ротъ!) А всякій хорошій — для него братъ, будь онъ мужикъ, будь баринъ, будь жидъ. Это и по христіанству такъ. Зачастую баринъ хуже мужика бываетъ; иной русскій хуже жиды много... Такой ни съ кѣмъ чваниться не станетъ. Онъ съ тобой, будь онъ хоть князь, хоть графъ, да если ты честный мужикъ, хоть по Питеру подъ ручку пойдетъ.

Марвинсонъ и Суринаская задумчиво улыбнулись и стали пристально всматриваться чрезъ толпу въ говорившаго. (Маленькій Марвинсонъ даже поднялся на цыпочки). Одинъ изъ ямщиковъ громко вздохнулъ, какъ-бы отъ какой-то, глубоко снѣдавшей его, думы.

— Хорошо, кабы всѣ были такіе, какъ ты, бачка, сказалъ онъ.

Теленевъ скромно, даже нѣсколько сконфуженно, — онъ примѣтилъ теперь постороннихъ, доктора и Суринскую, и начиналъ уже стѣсняться — замѣтилъ, что онъ ничего особеннаго не сказалъ, и горячо сталъ увѣрять, что когда-нибудь и будетъ такое время, что всѣ будутъ такъ поступать.

— Когда же, бачка, это будетъ?

— Не скоро, а будетъ... Онъ опять повторилъ что-то въ родѣ того, что нужно, чтобъ народъ больше учился. Что вотъ, дескать, освободили отъ господъ — денегъ больше будетъ оставаться — вотъ, вмѣсто того, чтобъ въ кабакъ весты, пусть народъ дѣтей учить, что если отцамъ было трудно жить, то пусть дѣтямъ будетъ легче, что они же за отцовъ будутъ молиться потомъ и благодарить.

Намекъ Теленева на волю навелъ слушателей на раздумье и вызвалъ съ ихъ стороны новыя предположенія.

— А вотъ барщинѣ теперь конецъ скоро, насмѣшливо замѣтилъ кто-то изъ нихъ.

— Всякому неправому дѣлу бываетъ конецъ, высказался, какъ-бы въ раздумьѣ, проѣзжій...

Прохоръ Дмитричъ вдругъ пришелъ въ полнѣйшій экстазъ.

— Ишь, какой ты правый, бачка! кричалъ онъ въ порывѣ неудержимаго восторга, охватившаго его: — перваго барина вижу,

обратился онъ къ присутствующимъ:—перваго барина вижу, что сказалъ, что это не правое дѣло. Ей-Богу-ну!

— Полно, полно, недовольнымъ голосомъ остановилъ его проѣзжій.

— Ну, а скажи, бачка, не унимался дворникъ:—скажи, по правдѣ: вѣрно теперь господа сердятся, что народъ ослобонили отъ барщины?

Теленъевъ объяснилъ, что и господа разные бываютъ, что есть и такіе, которые сами желали освобожденія.

— Ой-ли? недовѣрчиво произнесъ дворникъ.

— Вѣрно, сами и въ книгахъ писали, что это неправое дѣло.

— Ну, нашъ-то, вѣрно, не изъ таковыхъ былъ, засмѣялся хозяинъ, обращаясь къ прочему народу.

— А кто вашъ?

— Тавровъ... Сергѣй Ивановичъ. Знаешь? (Этотъ выселокъ — тоже былъ Таврова).

Маринсонъ задумчиво улыбнулся.

— Да, говорите послѣ этого, замѣтилъ онъ тихо Натальѣ Юрьевнѣ:—говорите, что у народа нѣтъ чутя къ своимъ врагамъ, что онъ глупъ...

— Не знаю, между тѣмъ, сказалъ скромно Теленъевъ, на послѣднее мнѣніе дворника:—я тутъ никого не знаю... Ну, дай отдохнуть, замучили вы меня! шутиливо произнесъ онъ и всталъ со своего мѣста, чтобы пройтись.

— Извини, извини, бачка. И взаправду замучили мы тебя вашими глупыми разспросами.

Проѣзжій отошелъ въ сторону, снялъ фуражку и сталъ обмахиваться ею.

— Позволь ужъ, бачка, не побрезгай, угостить тебя медкомъ, попросилъ хозяинъ, останавливая Теленъева:—славный ты, я вижу, человекъ. Полюбился намъ очень!

— Изволь, изволь. Чего брезгать! Спасибо за честь.

Дворникъ послалъ къ женѣ за медомъ:—да пусть сама, бестія, принесетъ! хлопая кулакомъ по периламъ крыльца, кричалъ въ экстазѣ дворникъ. Ямщикъ стремглавъ бросился въ калитку.

— Милый ты человекъ, бачка! снова любовно обратился дворникъ къ Теленъеву:—позволь твое имя-отчество узнать? Какъ тебя величать?

— Василій Алексѣичемъ.

Дворникъ назвалъ себя Прохоромъ Дмитричемъ.

— Ну, будемъ знакомы, Прохоръ Дмитричъ, сказалъ добродушно проѣзжій:—узнаешь больше—больше полюбишь.

— Да ужъ на что лучше того, что ты есть! комплиментиро-

валъ дворникъ: — ужъ такого барина я и не видалъ. И все ты знаешь и все какъ по писанному говоришь, расчувствовавшись нѣвѣсялся онъ въ любви:—Далъ тебѣ Богъ великій разумъ.

— Ну, ну, ты опять! упрекнулъ проѣзжій.—Не говори этого.

Суринаская сѣла въ карету и нѣкоторое еще время разговаривала съ Маркинсономъ, стоявшимъ у дверецъ... Она хотѣла пригласить его ѣхать вмѣстѣ съ ней, но мѣста не было—ребенокъ спалъ на передней скамейкѣ и будить было нельзя, да и Маркинсонъ объявилъ, что поѣдетъ отдѣльно...

А у разговаривавшихъ около проѣзжаго послѣдовалъ, между тѣмъ, тотъ перерывъ разговора, то небольшое молчаніе, которое является всегда, послѣ долгаго разговора, признакомъ, что разговаривавшіе наболтались досыта и что теперь послѣдуетъ большая пауза... Ямщики опять засуетились около своего дѣла.

Когда, немного погодя, карета была готова опять пуститься въ путь и ямщикъ уже сидѣлъ на козлахъ, а Маркинсонъ, попрощавшись съ Суриной и обѣщавъ ѣхать вслѣдъ за ней въ Оврусовку, ушелъ въ горницы распорядиться, чтобы Таврову дали знать объ этомъ отъѣздѣ, — проѣзжая тихо подозвала Прохора Дмитрича къ окну кареты.

— Кто это, Прохоръ Дмитричъ? наклонясь, освѣдомилась она, и показала глазами на Теленьева.

— Проѣзжій, сударыня... Тоже въ Оврусовку ѣдетъ. Сыновъ управляющаго вашей маменьки.

У дамы отчего-то дрогнула бровь и передернуло складочку ея тонкихъ, ровныхъ губъ... Но она сейчасъ же совладала съ собой, еще пристальнѣе взглянула на проѣзжаго, ничего незамѣчавшаго и уже опять о чемъ-то весело шутившаго съ народомъ,—потомъ послѣдно выпрямилась, кивнула прощально Прохору Дмитричу и подняла стекло у кареты.

Черезъ минуту у постоялаго осталась только прежняя компанія.

Между выпили, принесеннаго хозяйкою... Еще посмѣялись... Маркинсонъ присталъ, тоже разговорился и познакомился съ Теленьевымъ, а потомъ, узнавъ, что тотъ ѣдетъ въ Оврусовку, даже уговорился вмѣстѣ ѣхать, послѣ того какъ призванный кузнецъ объявилъ, что тарантасъ все еще не готовъ, да и трудно ожидать, чтобы ранѣе утра было все исправлено.

Ворота со скрипомъ отворились и силачъ Семень, стоя на повозкѣ, выѣхалъ на улицу.

— Тутъ кутейничекъ просить подвезти до Калитянъ, доложилъ онъ, обращаясь къ Теленьеву:—почти мимо поѣдемъ.

— Какой кутейничекъ?

— Вот что съ отцомъ Иваномъ прѣхалъ—хоть на облучѣ просить довести...

— Что-жъ, зови.—Синь отца Ивана явился на приглашеніе и, снявъ шапку и конфузясь, попросилъ довести до Калитанъ, объясняя, что нужно торопиться—мать дома больна (онъ показывалъ аптечную склянку):—а отецъ—сами видѣли въ какомъ видѣ, добавилъ онъ, вздохнувъ.

— Перекладывайте, сказалъ Теленевъ.

Деньги заплачены, при чемъ хозяинъ за медь ничего не взялъ, вещи переложены. Теленевъ подошелъ къ новозкѣ, усадилъ новыхъ спутниковъ и самъ сталъ садиться. Ямщики нанерерывъ бросились его подсаживать.

— Прощай, Василій Алексѣичъ. Прощай, милый человекъ, причитывалъ на прощанье Прохоръ Дмитричъ: — заѣзжай какъ назадъ будешь ѣхать. У насъ къ тебѣ дѣло будетъ—потолкуемъ. Не осудишь—вижу, какой ты человекъ. У насъ и горницы хорошія есть, предупреждалъ хозяинъ:—тятенькѣ твоему кланяйся.

— Заѣду и кланяться буду.

— Ты, бачка, съ женушкой возвращайся, шутилъ дворникъ:—тамъ въ Оврусовкѣ, у энеральши, дочка—красивая дѣвка и богатѣйшая. Вотъ посватай. Вотъ и эта ейная дочка, пояснилъ онъ, показывая рукою въ ту сторону, куда уѣхала карета: — право, посватай.

— Непремѣнно, непременно, соглашался въ шутку Теленевъ:—Ну, прощай еще разъ. Онъ дружески протянулъ хозяину руку:—Прощайте, ребята.

Высокія ямщицьи шапки, какъ по командѣ, приподнялись и опустились снова на головы.

— Семень, вези барина что есть духу! Мигомъ доставь! Лошадей не жалѣй! кричалъ еще дворникъ, держась рукой за повозку и провожая нѣкоторое время уѣзжающихъ. Наконецъ онъ отсталъ и, хотя Теленевъ уже не видѣлъ, приподнялъ ему вслѣдъ еще разъ свою шапку.

— Славный баринъ, замѣтилъ кто-то изъ ямщиковъ.

— Гордости ни чуточки, вотъ что, пояснили всѣ.

А Прохоръ Дмитричъ все стоялъ и глядѣлъ вслѣдъ... О чемъ онъ думалъ, какіе планы строилъ, какое у него было дѣло, для котораго онъ приглашалъ Теленева заѣхать — объ этомъ рѣчь еще впереди.

VI.

Наши путешественники отъѣхали съ версту.

— Вы что же, калитянскаго священника сынъ? спрашивалъ Маркинсонъ поповича, трясаясь, съ бутылкою въ рукахъ, на облучевъ.

— Калитянскаго-съ, отвѣтилъ тотъ.

— Самого?

— Самого... Отца Ивана, объяснилъ онъ.

— Что же вы это везете? спрашивалъ докторъ, указывая на слянку.

— Лекарство. Матушка больна. Благочинный далъ.

— Покажите... А чѣмъ больна ваша мать? спросилъ докторъ.

Тотъ сказалъ. Маркинсонъ сталъ разсматривать жидкость на свѣтъ... Потомъ сталъ давать докторскіе совѣты.

— Это вы изъ тѣхъ Калитянъ, что Забудаго? спросилъ онъ, погода немного.

— Изъ тѣхъ-съ.

— Вашъ отецъ только одинъ и есть тамъ священникъ?

— Одинъ-съ.

— Значить, это къ вамъ заходилъ съ недѣлю тому назадъ Оглобинъ, когда я его подвозилъ тогда?...

Оказалось, что къ нимъ и, кромѣ того, къ крайнему удивленію Маркинсона, что Оглобинъ и теперь у нихъ, что онъ живетъ теперь совсѣмъ въ Калитянахъ, а не у матери. Маркинсонъ удивился...

— Онъ съ матерью перессорился, объяснилъ Яша: — не знаю, что-то у нихъ вышло, добавилъ онъ, когда докторъ сталъ живо разспрашивать, отчего Оглобинъ ушелъ отъ матери.

— То-то онъ тогда шелъ такъ по походному, съ ранцемъ, припомнилъ вслухъ докторъ: — я его тогда и спросилъ, да онъ ничего положительнаго не отвѣтилъ: — такъ вотъ оно что, въ раздумьѣ произнесъ Маркинсонъ и смолкъ на минуту.

— Онъ что-то говорилъ о предводителѣ... добавилъ Яша.

— О предводителѣ, о какомъ, о Тавровѣ?

— Да... Они поспорили у его матери чуть не до ножей...

— А-а-а! догадываюсь, произнесъ докторъ. «То-то Тавровъ мнѣ сегодня утромъ объ немъ такъ говорилъ», подумалось ему: — Что же онъ у васъ дѣлаетъ?

— Помогаетъ пока отцу въ полѣ... Просилъ мѣсто постоянное прискаты.

— Какое?

— Въ работници къ намъ хотѣлъ, да отецъ Иванъ побоялся.

— Побоялся, отчего?

— Говорится: если теперь у Оглобина вышли контры съ предводителемъ — да принять его — можетъ быть, Таврову будетъ не-приятно... Опять, неизвестно, какъ нашъ графъ посмотритъ: его имѣние — можетъ, ему будетъ неприятно...

— За графа-то я увѣренъ, сказалъ Маркинсонъ:— какъ жалъ, что я не зналъ... Вѣдь я у васъ въ Калитянахъ теперь дѣлаю недѣлю прожилъ... Какъ бы мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать для Оглобина.

— А у насъ уже работники есть, объяснилъ еще Яша: — нельзя же безъ причины прогнать... Отецъ, впрочемъ, и хотѣлъ, да Миша Оглобинъ самъ не пожелалъ этого... Отчасти затѣмъ и сегодня къ благочинному ѣздили. Думали, нѣтъ ли ему нужды въ работнигѣ.

— Чтѣ же благочинный? нетерпѣливо спросилъ Маркинсонъ.

— Тоже исторія... Мѣсто-то есть, да не рѣшается принять... И батюшкѣ даже выговоръ далъ.

— Выговоръ, за что? уже удивленно спросилъ докторъ.

— Затѣмъ хлопчете за такого, говорить; вообще это дѣло и доброе, христіанское — помочь человѣку — да Богъ же его знаетъ, какъ предводитель да гг. дворяне на это посмотрятъ. И опять — Богъ же его знаетъ, какой онъ человѣкъ, какое у него намѣреніе...

— Какъ, какое намѣреніе?

— Его, говорить нашъ благочинный, я не знаю, онъ вообще нелюдимомъ и у матери-то жилъ. Дурнаго не смѣю сказать, а ужъ если, говорить, просто смотрѣть — такъ ужъ и то не въ его пользу выходить: какой хорошій человѣкъ не поладитъ съ матерью, да еще съ такою доброю, какъ Марья Кириловна, или какой дворянинъ за такое дѣло возьмется, въ работники пойдетъ, его ли это дѣло!... Тутъ что нибудь не то.

— Хе, зло усмѣхнулся Маркинсонъ и хрустнулъ съ досады руками.

— Несчастный человѣкъ, обратился онъ къ Теленеву: — это у насъ здѣсь есть помѣщичій сынъ... Ничему онъ не учеть... Служить, говорить, я не могу, меня претятъ, такъ и хочется плюнуть въ рожу, какъ только увижу начальниче лomanье (ну, чтѣ прикажете дѣлать!); единственное занятіе, къ какому лежитъ сердце, говорить—это хозяйство, простое, мужицкое хозяйство—паханье земли. Тутъ, по крайней-мѣрѣ, говорить, я могу сознавать, что не обязанъ ни одному скоту... И вдругъ, его гонять

отовсюду, нигдѣ не принимаютъ, опредѣлился въ одно мѣсто работникомъ — родные подняли гвалтъ — дескать, какъ, и мы Оглобиня! онъ нашу фамилію носить, насъ срамить — пусть, говорятъ, сниметъ прежде нашу фамилію, а потомъ пусть и дѣлаетъ съ собой что хочетъ. Хотѣли даже въ дворянскомъ собраніи жаловаться въ сессію. Онъ ушелъ къ матери. Теперь опять мать ту же пѣсню поетъ... Опять выгнали... Другіе... вы не знаете вѣрно нашихъ порядковъ, говорилъ онъ Теленьеву: — духовенство, которое особнякомъ стоитъ, боится взять теперь, какъ видите (онъ указалъ на Яшу, какъ-бы ссылаясь на только что имъ рассказанное): — духовенство боится теперь такого принимать... Вѣдь вотъ положеніе человѣка! И замѣтите, смиреннѣйшій и честнѣйшій малый, добавилъ Маринсонъ.

Теленьевъ глядѣлъ томе въ недоумѣніи, какъ-бы также не понимая, изъ-за чего все это случилось.

— Но что же такое собственно произошло у нихъ? спросилъ докторъ поповича: — онъ не говорилъ?

— Теперь-то, Оглобинъ говорить, объяснилъ Яша: — все произошло собственно изъ-за того, что онъ при предводителѣ попрекнулъ мать или намекнулъ, что ли, что отецъ судился за взяточничество...

— Хе, во второй разъ зло усмѣхнулся Маринсонъ: — а нужно замѣтить, поспѣшно добавилъ онъ, обращаясь къ Теленьеву: — нужно замѣтить, что рѣдкій изъ этихъ Оглобинныхъ не выгнать со службы за взятки, да и теперь первые живодеи съ крестьянами въ уѣздѣ... а тутъ, вотъ что!

— Ну, вотъ мать и взбеленилась, продолжалъ говорить Яша: — да еще за то, что разъ позволилъ себѣ подсмѣяться въ шутку надъ нею да надъ сестрою, что ли? что онѣ, понимаете... при громѣ...

— Хе, третій разъ раздалось со стороны доктора. И Маринсонъ, улыбувшись сострадательно, посмотрѣлъ на Теленьева, какъ-бы приглашая и его раздѣлить такое же мнѣніе.

Теленьевъ, однако, медлил почему-то присоединиться къ такому мнѣнію.

— Ну, этого и я не оправдываю, скромно, но твердо вмѣшался онъ потомъ, выходя изъ своего молчаливаго наблюденія.

Тогда Маринсонъ уже совершенно повернулся на повозкѣ къ нему, и взглянулъ на него съ тою же тонкою усмѣшкой, какою награждалъ сейчасъ старуху Оглобину, когда поповичъ рассказывалъ про ея неразвитость.

— Почему-съ? спросилъ онъ. И усмѣшка еще явственнѣе заю-

лила въ уголкахъ его тонкихъ, наспѣшлнвыхъ губъ, а глаза удивленно впнлись въ противника.

— Къ чему это дѣлать при старыхъ людяхъ, да еще при бабахъ? Вы ихъ не передѣлаете. Старое, кривое дерево нельзя уже выпрнмнть, вы только грубо сломаете его... Это невеликодушно, это, ей-богу, даже дѣтство! сказалъ онъ уже съ нѣкоторымъ жаромъ, показывавшимъ, что и онъ начиналъ волноваться.

Теперь ужъ Яша вынелъ изъ положенія пассивнаго зрителя.

— Святъ, святъ-съ... началъ-было онъ, что-то.

— Святъ, перебилъ его живо Теленевъ, хватаясь за его мысль: — ну, и сѣйте на такой почвѣ, которая еще не совсѣмъ истощена... Развѣ оттого перемѣнится истина, что въ нее не повѣрнть какая ннбудь одна старуха?... Это даже, я вамъ скажу, напустился онъ уже на Яшу, какъ болѣе молодаго противника: — это даже безчеловѣчно! Вѣдь многое, чѣмъ они живутъ, обратился онъ опять къ доктору: — положнмъ, только поэтическн иллюзн. Такъ-съ. Но для нихъ, для нихъ, которыхъ дни сосчитаны, которымъ приходится пить уже одну горечь жизни, для нихъ эти иллюзн составляютъ неизъяснимую сладость... Наконецъ, нельзя оспоривать, это самый дѣйствнтельный опнумъ въ роковомъ кризисѣ, котораго имъ ежеминутно приходится ждать и страшиться... Неужели у васъ подымется рука отнять у нихъ и это? Если я вижу молодаго, зубатаго, славнаго мальчишку, который грызетъ камень, воображая что это вкусный орѣхъ, то мнѣ, конечно, жаль, что онъ портнть зубы, и я останавливаю его; но если то же дѣлаетъ беззубая уже старуха — то я и словъ тратить не хочу... Это опять-таки, повторяю, невеликодушно! И потому, по моему, что бы такая старуха при мнѣ не говорила на этотъ счетъ, я слушаю обыкновенно и хлопаю ушами; говори, дескать, матушка, что хочешь...

Онъ замолчалъ.

— Безчеловѣчно, невеликодушно, говорилъ, между тѣмъ, Маркинсонъ съ ироннєю: — какн громкн слова!... Только, какъ это оригинально слышать, когда рѣчь идетъ о борьбѣ...

— Напротивъ, вы, значнть, имѣете оригинальный взглядъ на борьбу, замѣтилъ горячо Теленевъ.

— Да, нѣсколько отличный отъ того, какой *другн* имѣютъ.

— Ну, это ваше дѣло... Но только не станете же вы отвергать того, что у всѣхъ честныхъ людей принято: что лежачаго не бьютъ?

Маркинсонъ сдѣлалъ гримасу губами, какъ будто хотѣлъ сказать: отчего же; а потомъ опять сталъ, подсмѣиваясь, говорить:

— А, да, да, *générosité, générosité...* Великодушiе, честь — эти основы военнаго человѣка — не позволяютъ вамъ поступать, такъ-съ?... Компрене. Похвально, зашутилъ онъ по своему обыкновенiю насмѣшливо: — вы истинный рыцарь!

Теленевъ постарался сдѣлать видъ, что не замѣчаетъ насмѣшки, и продолжалъ хладнокровно говорить:

— Да и потому, наконецъ, что это бесполезно въ подобномъ случаѣ: напрасная трата пороку. Я же вамъ говорилъ.

— Бесполезно, бесполезно, не унимался Маркинсонъ: — да знаете ли вы, г. Теленевъ, началъ онъ горячо: — знаете ли, что другiе никогда не считаютъ бесполезнымъ биться съ предразсудкомъ, съ ложью, что считаютъ это не только не бесполезнымъ, но даже ставить долгомъ всякому честному человѣку...

— Никто не говоритъ, это очень почтенно, но только...

— Что-съ?

Теленевъ видимо колебался...

— Тогда что же вы имѣете противъ этого? нетерпѣливо спросилъ Маркинсонъ: — ну, вотъ одна, я, наприимѣръ, такую мелкую кропотливую работу ставить дѣлю въ жизни; а вы что рекомендуете людямъ, въ солдатки играть?

Онъ видимо сердился.

— Вы сердитесь, хладнокровно сказалъ Теленевъ: — и не зная меня, навязываете мнѣ мнѣнiя, вовсе мнѣ не принадлежащiя... Позвольте вамъ прямо замѣтить...

— Тогда что же вы рекомендуете? уже съ жаромъ произнесъ докторъ.

— Я ничего не рекомендую, послѣшно сказалъ Теленевъ: — пожалуйста, не навязывайте мнѣ того, что не принадлежитъ мнѣ. Опять прошу васъ. Рекомендовать можно, только претендуя учить людей. А я не беру на себя этого права. Я рядовой...

— Однакоже... Къ чему же такая скромность, если на то пошло? Вѣдь вы же не соглашаетесь съ моей системой — значить, вы имѣете возраженiя, значить у васъ есть резоны, есть что-нибудь лучшее...

Теленевъ все-таки колебался.

— Разумѣется, еслибн меня спросили — я первое посовѣтовалъ бы вообще не воевать съ бабами, улыбаясь сказалъ онъ.

— А съ кѣмъ же-съ? спросилъ Маркинсонъ: — наконецъ, въ борьбѣ развѣ можно разбирать, кто подъ руку попадается.

— Другiе (Теленевъ не сказалъ: я, или что онъ рекомендуетъ): — другiе рекомендуютъ бороться только противъ настоящаго, существеннаго зла, биться только противъ... въ самомъ дѣлѣ... великановъ.

— А, а, понимаю, сказалъ гѣсколько насмѣшливо опять, но отчасти уже и серьезно, Маркинсонъ: — они не считаютъ приличнымъ разбѣиваться на мелочи, они не хотятъ желтой, черной работы... Ха-ха!... Только-съ, вотъ что, подигнивай хитро голову, говорилъ онъ: — вѣдь чтобы бороться съ великанами, нужно быть и самому титаномъ, забудьте... Что же, дай Богъ имъ! Кто можетъ — отлично, исполать тому! Овому — одно, овому — другое. Все-таки всё, идущее къ Риму, новутчки и, значить, товарищи... Только какъ универсальный рецептъ — ваше средство негодится. Толпѣ по плечу средняя тяжесть воина. А это и будетъ то, что я рекомендую. А кто можетъ, кто можетъ — опять-таки — исполать тому. (Онъ опять насмѣшливо улыбнулся): — я первый желаю, чтобы и телевокъ, хоть иногда поѣдакъ волка... Да только, къ сожалѣнію, это рѣдко, рѣдко случается. И я уже въ это плохо сталъ вѣрять.

И замолчали на время.

Маркинсонъ сталъ спрашивать Теленъева о постороннихъ вещахъ: о томъ, гдѣ онъ служилъ, гдѣ воспитывался, а также, давно ли онъ не видѣлъ отца.

Версть семь недоѣжая до Оврусовки, телега остановилась, тутъ былъ поворотъ на Калитяны, и поповичъ просилъ высадить его.

— Кланяйтесь Оглобину, сказалъ докторъ Яшѣ, когда тотъ уже уходилъ: — скажите, что отъ доктора Маркинсона... Передайте, что если ужъ ему будетъ не вмоготу (докторъ улыбнулся), и онъ нигдѣ не врищеть мѣста, пусть напишетъ или прямо придѣлать ко мнѣ въ городъ... Я ему отпишу занятіе... Или даже вотъ что, мѣняя мысль, живо заговорилъ Маркинсонъ: — скажите Михайло Александричу, чтобы ожидалъ, я ему завтра изъ Оврусовки... Но вотъ опять бѣда, спохватившись, вспомнилъ онъ что-то: — мнѣ нужно сегодня вернуться съ Тавровымъ... Ну, да ничего, я останусь нарочно для этого у Плачевыхъ... Скажите Оглобину, снова началъ онъ передавать Яшѣ: — что я его буду завтра утромъ ожидать нарочно. Пусть заходитъ въ Оврусовку ко мнѣ. Я ему найду мѣсто. Надѣюсь, скажите ему, что онъ меня достаточно знаетъ и не станетъ церемониться.

Яша попрощался со всѣми, поблагодарилъ Теленъева, что тотъ подвезъ его, взялъ осторожно опять на руки свою бутылку съ лекарьствомъ и отправился...

VII.

.....

VIII.

Совсѣмъ иначе сказывалось то же ожиданіе свиданія на другомъ персонажѣ моего романа, которому, однакожь, предстояло тутъ играть видную роль... Какъ бы удивился простой, безхитростный умъ старика Теленьева, еслибы онъ могъ подслушать разговоръ молодыхъ нашихъ героевъ. Онъ даже многого, вѣроятно, и не понялъ бы вполне или даже заснулъ бы, слушая такую сушь... Понятно, то были люди поколѣнія рефлекса, ума — пытливаго ума, во все старавшагося проникать, все желавшаго разлагать и разнюхивать въ самомъ тайникѣ существа всякой вещи, всякаго мелочнаго даже движенія мысли, чувства, — а онъ, они, ихъ поколѣніе умѣло жить только безхитростнымъ сердцемъ... И какъ въ немъ все это просто проявлялось теперь!

Съ самаго полученія письма, вотъ уже который день, старикъ чувствуетъ себя въ какой-то лихорадкѣ — душевной, конечно. Желаніе поскорѣ увидѣть сына, столько лѣтъ отодвигаемое невозможностью, теперь, по мѣрѣ приближенія къ своему осуществленію, дѣлалось все болѣе и болѣе нетерпѣливымъ и жгучимъ въ старикѣ. Какаа-то странная, полусладкая, полутяжелая разсѣянность посѣтила теперь старика и поселилась непривычною, назойливою гостьей въ его умѣ. Обычныя дѣла откладывались, все какъ-то не клеилось, все что-то ожидалось и все передъ этимъ ожидаемымъ счастьемъ — стиралось теперь, мельчало: старое горе, заботы, даже всѣ прочія чувства и тревоженія. Сколько разъ въ день выходилъ онъ теперь на крыльцо, при малѣйшемъ стукѣ колесъ, и сколько разъ обманывался!... Понятно, поэтому, чтоъ сталося теперь со старикомъ, когда колокольчикъ раздался такъ оглушительно у самыхъ воротъ. Сердце на этотъ разъ не обмануло его и сразу подсказало, кто это. «Это онъ», мелькнуло у него въ умѣ: «это онъ», и старикъ вскочилъ съ постели босикомъ, въ волненіи, въ жару — и сталъ усиленно чиркать спички. Проклятыя, какъ на зло всѣ тухли! Онъ и не замѣчалъ, что это происходило оттого, что у него руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ. «Господи, да что жъ это такое!» произнесъ онъ со слезами на глазахъ.

Нѣсколько минутъ спустя, въ извѣстной уже намъ комнатѣ старика Теленьева, во флигелѣ, происходила слѣдующая сцена:

Обѣ комнаты были ярко освѣщены, несмотря на позднюю пору. Лакей Семень, при помощи тѣски своего — ямщика Семена, втаскивалъ въ комнаты чемоданы, узелки, ружье въ чехлѣ и прочую поклажу приѣзжаго; а самъ старикъ Теленьевъ, въ ха-

латѣ, подпоясанномъ носовымъ платкомъ, въ туфляхъ на босую ногу, еще взволнованный, не успокоившійся отъ волненія, произведеннаго въ немъ первою минутою встрѣчи съ сыномъ (онъ уже успѣлъ однакожъ несчетное число разъ распаловать его и даже всплакнуть отъ радости)—скорыми шагами ходилъ по комнатѣ, нетерпѣливо поджидая чего-то. Посрѣди комнаты стоялъ Василій Алексѣичъ и мокрымъ полотенцемъ поспѣшно вытиралъ запыленное лицо. Когда эта операція была окончена, онъ шутливо произнесъ, обращаясь къ отцу:

— Ну, батюшка, готовъ. Теперь хоть что нибудь можно разглядѣть.

Старикъ улыбнулся на эту шутку, поспѣшно взявъ со стола свѣчу и, ласково положивъ одну руку на плечо сына, а другою держа свѣчу передъ собой, принялся пристально разсматривать его.

Предъ нимъ стоялъ теперь молодой человекъ съ неправильными, пожалуй, но чрезвычайно выразительными чертами лица. Сильно развитыя скулы, напоминавшія что-то монгольское, вздернутый небольшой носъ, толстыя губы и высокій умный лобъ надъ твердымъ, но добрымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ — давали всему лицу какой-то особый характеристическій и, рѣдко встрѣчающійся, отпечатокъ. Русые вьющіеся волосы, густые-прегустые, были откинута назадъ безъ пробора. Какой-то львинный видъ имѣла вся эта косматая, нѣсколько огромная голова. Въ Петербургѣ еще недавно была одна музыкальная знаменитость съ точно такою же головою. Женщинамъ, говорятъ, такія лица очень нравятся...

Старикъ нѣсколько минутъ, съ большимъ вниманіемъ, молча, разсматривалъ эти дорогія ему черты. Потомъ, какъ-бы желая посмотреть на весь ансамбль, онъ опустил свѣчу и отступилъ нѣсколько...

— Ну, что, батюшка? улыбаясь, спросилъ сынъ.

— Ничего, молодецъ, засмѣялся старикъ: — а все-таки ниже меня ростомъ, пошутилъ онъ и вытянулся рядомъ съ сыномъ: — и плечи славныя, говорилъ старикъ, хлопая сына по плечу: — только ужъ не знаю, въ кого ты уродился. Я думалъ, что ты лицомъ будешь на мать похожъ, а нѣтъ.

Онъ поставилъ свѣчу на столъ, взявъ дрожащими руками голову сына и горячо сталъ его цаловать. Потомъ оторвался, взглянулъ опять пристально долго-долго на сына — уже какъ-бы заучивая каждую черту этого столь милого ему лица — и опять жадно, страстно и несчетно поцѣпывали его поцалуи... Двѣ крупные слезинки повисли у него на глазахъ...

— Ну, чѣмъ же, чѣмъ тебя угощать, Вася? спрашивалъ онъ торопливо, стараясь скрыть отъ сына волненіе: — хочешь сигару? Куришь ты?

— Не курю, батюшка: старовѣръ, шутиливо прибавилъ тотъ.

— Ну, что же, что же? Хочешь съ дороги чаю... или кофе... ужинать? Говори. Да гдѣ это люди? куда это они всѣ запропастились! суетился Алексѣй Осиповичъ, бѣгая, какъ въ угарѣ, по комнатамъ: — говори, привазывай, ты теперь нашъ дорогой гость, мы всѣ къ твоимъ услугамъ, говорилъ онъ радушно сыну (и онъ не утерпѣлъ, чтобы, пробѣгая мимо, не обнять сына и не поцаловать его горячо еще разъ): — ну, чего же, чего? хочешь чаю?... Эй, Семенъ, да поворачивайся живѣй, олухъ! (теперь это «олухъ» звучало какъ-то мягко, шутиливо, безобидно): — что это васъ никого не докричишься! кричалъ старикъ, просовываясь въ сѣни: — сейчасъ бѣги, Семенъ, на кухню и прикажи Павлу зажарить...

— Ничего жарить не нужно, чтонибудь холодное, сказалъ сынъ: — и чаю не хочу, батюшка.

— Ну, ну, какъ хочешь! И, просунувшись опять въ сѣни, старикъ кричалъ: — пусть чтонибудь холодное дастъ!

Въ это самое время, въ сѣняхъ, на встрѣчу Теленеву, появилась фигура дворецкаго, который, съ обычнымъ своимъ степенствомъ, доложилъ Алексѣю Осиповичу, что генеральша прислала узнать, не Василій ли Алексѣичъ изволилъ пріѣхать.

— Да, да, Василій Алексѣичъ... сынъ мой, торопливо говорилъ старикъ Теленевъ, въ суетахъ и самъ хватаясь за ручку большого чемодана, который теперь вносили, и принимаясь помогать прислугѣ.

— ...Ихъ пр—ство приказали просить, если съ дороги не устали, продолжалъ дворецкій: — пожаловать ужинать къ нимъ-съ... и Наталья Юрьевна пріѣхали-съ.

— Ну, вотъ и отлично! Ну, вотъ и отлично! Это-то намъ и нужно, хлопая въ ладоши, радостно кричалъ старикъ: — поблагодари ея пр—ство за вниманіе къ моему семейному счастью. Вѣкъ не забуду... Ну, что же, пойдемъ? обратился онъ къ сыну.

Тотъ колебался.

— Я усталъ, да и поздно. Нужно переодѣться, а у меня все запрятано, ухватился онъ за отговорку: — лучше отложить до другаго раза.

Старикъ помялся нѣсколько. Онъ хотѣлъ-было замѣтить сыну, почему слѣдовало бы не отказываться и идти, но вида неохоту того, не сталъ настаивать и обратился къ дворецкому:

— Поблагодари Варвару Михайловну. Скажи, что я глубоко
Т. СЛХХVII. — Отд. I. 24

дѣлю ея вниманіе. Но сынъ усталъ съ дороги. Ему нуженъ покой. Скажи, что ѣди завтра, какъ только время позволитъ, сейчасъ же явится; засвидѣтельствовать генеральшѣ свое почтеніе. Ступай. Попривѣдай отъ меня съ прїѣздомъ Наталью Юрьевну и генеральшу.

Дворецкій вышелъ.

— Прекрасная женщина наша генеральша! Какая любезная, сейчасъ прислала! Ты, вѣрно, полюбишь ихъ семейство, Василья, когда познакомишься.

Сынъ шибко зачесалъ затылокъ на эти слова...

Старикъ замѣтилъ и прищурился на него задумчиво: ему хотѣлось разгадать, что тотъ хотѣлъ сказать этимъ жестомъ. Онъ готовъ былъ бы въ другое время и пожуричь сына за это, но теперь — до того ли ему было? И потому, минутой спустя, проходя мимо, онъ уже ничего не помнилъ, и опять, не утерпѣвъ, взялъ за плечи сына и снова ласково проговорилъ:

— А, ну, дай еще на тебя посмотрѣть.

— Не избалуйте меня, батюшка, пошутить молодой Теленевъ, когда отецъ опять поцаловалъ его страстно въ лобъ: — я вѣдь не привыкъ къ нѣжностямъ... Было, кажется, время отвыкнуть.

— Да, да, проговорилъ старикъ, впадая въ раздумье: — пятнадцать лѣтъ я тебя не видалъ. Много воды утекло... Вотъ уже десять лѣтъ, какъ и матери твоей нѣтъ, вздохнувъ, прибавилъ онъ: — да и самъ я, посмотри, другъ! Онъ нагнулъ свою старую голову и, захвативъ прядь волосъ, показалъ сѣдины: — посмотри. На глазахъ у него навернулись опять слезы: — ну, да ничего. Что дѣлать? хныканьемъ не можешь.

— Это правда, грустно сказалъ сынъ.

Отецъ вытеръ слезы рукавомъ халата.

— Одиночество меня доѣдаетъ, Вася... Ну, да все-таки, я значительно утѣшенъ, что вижу тебя на дорогѣ и такимъ молодцомъ, какъ-бы желая развеселить себя, прибавилъ старикъ. Онъ стоялъ около сына; онъ взялъ его руку и — прежде чѣмъ тотъ успѣлъ понять, въ чемъ дѣло и отдернуть — старикъ поднесъ ее къ губамъ и горячо поцаловалъ ее два раза.

— Что это... батюшка! смѣшавшись, пробормоталъ молодой человекъ.

— Ничего, другъ... (у старика текли по лицу слезы, и онъ едва успѣвалъ ихъ отирать): — на долго же ты къ намъ? спрашивалъ онъ, вытирая заплаканные глаза краснымъ фуляромъ.

— До экзамена... Мѣсяца два удастся пробыть.

— До какого экзамена? удивленно спросилъ старикъ.

Сынъ сказалъ.

— Вотъ какъ! радостно замѣтилъ отецъ: — браво, браво! А я ничего и не зналъ. Ты мнѣ объ этомъ и не писалъ никогда..... Ты, правду сказать, дружечекъ, немного погода, ласково-любяще, осторожно, чтобы не обидѣть — говорилъ старикъ, взявъ за руки сына: — ты очень скритенъ со мной. Посмотри на твои письма. (Не сердись, что я тебѣ это говорю). Посмотри, какъ они сухи. Ты никогда не писалъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, объ образѣ жизни, что ты дѣлаешь, — какъ живешь...

Сынъ замаялся.

— Нельзя, батюшка... послѣ нѣкотораго колебанія замѣтилъ онъ робко.

— Какъ, и отцу-то родному?

— Отцу-то родному и нельзя, стараясь улыбнуться, объяснилъ сынъ. — Мало-ли у каждаго непріятностей, горя... Помочь не помогли бы, а по любви — тревожились бы. Ваше-же здоровье мнѣ дорого. Да у васъ и своего горя вѣрно не мало.

Старикъ опять покосился на сына, какъ будто не хорошо понимая смыслъ того, что имъ сейчасъ было услышано, или какъ-бы не довѣряя, что только эта причина была у сына.

— Ты, дружочекъ мой, странный какой-то, ты на это невѣрно смотришь, стараясь не обидѣть его своимъ замѣчаніемъ, мягко заговорилъ отецъ: — Отцу, матери одинаково близки — какъ твое счастье, такъ и твои.... неудачи, смягчая, объяснилъ онъ: — Незвѣстность тутъ хуже всего, и когда у тебя будутъ свои дѣти, — ты это поймешь. — И онъ слегка взялъ сына за руку, какъ-бы прося извиненія за это маленькое правоученіе. Онъ даже въ этомъ извинился! Велико родительское чувство, должно быть!

Сынъ молчалъ.

Немного погода, явился ямщикъ доложить, что всѣ вещи вынесены, а спросить, можетъ ли онъ ѣхать обратно.

— Переночуй, Семень, что же по ночи тащиться! посоветовалъ ему Василій Алексѣичъ.

— Да, да, поддакнулъ ради его и старикъ: — переночуй, братецъ... переночуй.

— Нельзя, объяснилъ ямщикъ: — покормлю маненько и поѣду.

— Ну, какъ знаешь.

Молодой Теленевъ досталъ кошелекъ и уже готовился вынуть деньги, когда отецъ торопливо спросилъ его: — Можетъ, тебѣ, Вася, нужны мелкія?

Сынъ сказалъ, что у него есть.

— И крупныя есть? шутливо спросилъ старикъ, обвиняя его рукой за плечи.

— Водятся и крупныя, засмѣялся тотъ.

— Ой-ли? недовѣрчиво переспросилъ отецъ.

— Отчего же, есть.

— Ну, молодець!

— Прохору Дмитріевичу поклонись отъ меня, сказалъ ямщику пріѣзжій, давая на чай: — буду ѣхать назадъ — заѣду... Прощай, богатырь.

И, къ крайнему удивленію старика, сынъ, ласково трепнувъ по плечу Семена на прощанье, взялъ его за руку. Опять въ недоумѣніи покосился старикъ на сына...

Но сейчасъ выказанное вниманіе генеральшею къ семейному его счастью никакъ не выходило у Алексѣя Осипыча изъ головы, и потому онъ опять обратился къ разговору объ этомъ...

— Какая, право, добрая эта генеральша, опять повторилъ старикъ: — Какое вниманье. — И онъ остановился передъ сыномъ. — Ты ей, Васинька, непременно сдѣлаешь визитъ... Я, знаешь, чегѣ боюсь? Сынъ вопросительно посмотрѣлъ на старика: — Какъ бы она не была въ претензіи, что мы не сегодня были у ней.

— Вѣдь она же просила въ такомъ только случаѣ, если я не усталъ съ дороги.

— Такъ-то, такъ, да все... Теперь уже онъ зачесалъ затылокъ.

Сынъ замолчалъ, но, при этомъ, уже онъ покосился на отца...

— Къ тому же, мнѣ нужно будетъ заниматься, попробовавъ-было онъ замѣтить: — вообще, батюшка, а этимъ временемъ у васъ хочу воспользоваться. Знакомство съ ними будетъ меня отвлекать...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя, Вася! Она обидится. Она на этотъ счетъ очень взыскательна.

— Тѣмъ болѣе нужно подалше отъ такихъ.

— Нѣтъ, дружокъ, нѣтъ, ты объ этомъ и не думай, заискивающимъ голосомъ, однакожь очень рѣшительно, просилъ старикъ: — Какими глазами тогда она на меня будетъ смотрѣть? И притомъ, ты не думай, что она какаянибудь спѣсивая барыня, аристократка. Она очень добрая, простая женщина. Ты у нихъ пресвесело можешь провести время. Лучшаго я тебѣ здѣсь не могу и предложить... У ней есть очень хорошенькая и умная дочь. Ты у нихъ не будешь скучать. У нихъ и книгъ хорошихъ очень много, если тебѣ понадобятся. У нихъ тутъ бываетъ одинъ сосѣдній помѣщикъ Тавровъ..... Его, кажется, генеральша въ зятя себѣ прочитъ, понизивъ голосъ, сосплетничалъ по добротѣ старикъ: — съ нимъ тоже можно очень весело провести время. Онъ очень начитанный господинъ, заграницей былъ и въ гвардіи

служить, возвышая голосъ, пояснилъ Алексѣй Осипычъ и многозначительно поднялъ брови.

— Даже? И сынъ улыбнулся слегка.

Старикъ замѣтилъ промахъ, и сейчасъ же испуганно поправился и сказалъ:

— Ты не думай, я этому не придаю никакого значенія. — (Какъ онъ лгалъ, ему не хотѣлось только показаться отсталымъ передъ сыномъ!): — Но у него славная карьера впереди.

И, желая послѣднему объясненію о Тавровѣ придать окончательно шутливое значеніе и лучше схитрить передъ сыномъ, старикъ шутя прибавилъ, обращаясь къ нему, и для бѣльшаго куражу, мѣрно хлопая ему по колѣну (они сидѣли въ это время рядомъ): — вотъ, Вася, какъ окончишь курсъ въ Петербургѣ, можно будетъ черезъ него постараться тоже въ гвардію понасть...

— Непремѣнно, непремѣнно...

И старику опять почудилась усмѣшка.

У него слезы подступили къ горлу...

Въ это время опять щельнула дверь и опять явился дворецкій уже съ запискою.

— Отъ генеральши-съ...

«Приведите хоть на пять минутъ вашего сына. Намъ только познакомиться. Бѣльшаго мы пока не требуемъ отъ усталого человѣка. Пусть не церемонится и придетъ какъ есть, по дорожному...» Это стояло въ запискѣ.

Алексѣй Осипычъ нерѣшительно поворожалъ бумажку въ рукавахъ и робко передалъ ее сыну. Тотъ прочиталъ, и подумавъ съ секунду, пошелъ къ чемодану, но отецъ успѣлъ-таки замѣтить, что какая-то неохотная мина опять скользнула по лицу Васи.

— Скажите, что придемъ...

Дворецкій, послѣ минутнаго колебанія, повернулся и вышелъ.

— Тебѣ непріятно идти, Вася, сказалъ Алексѣй Осипычъ, пройдясь по комнатѣ нѣсколько разъ въ сильной ажитаціи: — Тогда не ходи, не нужно...

— Нѣтъ, ничего...

— Нѣтъ, тебѣ почему-то не хочется... Я не знаю, ты почему-то предубѣжденъ противъ нихъ. Они очень хорошіе люди.

— Мало ли на свѣтѣ хорошихъ людей! У насъ съ ними вѣрно нѣтъ ничего общаго.

Отецъ уже испуганно посметрѣлъ на того...

— И опять, зачѣмъ одѣваться, сказалъ онъ немного погодя: — иди такъ, она проситъ попросту придти. Право, такъ и иди, удерживая сына за руки, сказалъ старикъ.

Синъ остановился развязывать чемоданъ.

— Только не надолго, рара... сказалъ онъ.

IX.

Суринская вѣдь раньше пріѣхала.

Тамъ ее, разумѣется, совершенно не ожидали. Всѣ послѣднія письма настойчиво утверждали мать въ предположеніи, что этотъ пріѣздъ послѣдуетъ не раньше, какъ черезъ мѣсяць. А тутъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову...

Варвара Михайловна очень перепугалась, когда ей доложилъ почти вбѣжавшій Григорій о пріѣздѣ Натальи Юрьевны. Съ нею даже въ первую минуту сдѣлалось дурно, и Ольгѣ нужно было прибѣгнуть даже къ одеколону и «солямъ»... Но черезъ секунду, когда она увидѣла входящую дочь почти здоровою, она уже совсѣмъ оправилась и бросилась къ той съ какою-то страстною, не материнскою, не старческою, а молодою, горячею, дружескою радостью... Произошла патетическая сцена... Варвара Михайловна нервно расплакалась отъ радости.

Представивъ Таврова дочери или, вѣрнѣе, только напомнивъ ей о немъ, Варвара Михайловна провела поскорѣе дочь къ себѣ въ комнату, чтобы дать ей съ дороги, а себѣ съ радости, оправиться, дать возможность дочери уложить спавшаго ребенка въ кровать, а главное, чтобы узнать поскорѣе хоть что нибудь о причинахъ столь неожиданнаго ея пріѣзда. При гостѣ нельзя было спрашивать. Чтобы не стѣснять Наташу разговоромъ передъ младшею сестрою, Плещеева выслала даже и Ольгу изъ комнаты подъ предлогомъ, что невѣжливо долго оставлять Таврова одного и нужно же кому нибудь занять его «тамъ», въ гостиной...

Пока отдавались приказанія готовить всѣмъ снова чай и подавать раньше сегодня ужинъ, а также, по пріѣздѣ доктора Маркинсона, тотчасъ просить его прямо въ комнату къ самой Варварѣ Михайловнѣ, Ольга уже вернулась въ гостиную и они остались одни пока съ Тавровымъ.

Они первый разъ видѣлись теперь наединѣ послѣ того, какъ Ольга дала Таврову свой дневникъ, и потому естественно, что ей интересно было знать, какъ отнесся Викторъ къ нему.

Они прошлись въ волненіи по гостиной нѣсколько разъ... Видимо, они одновременно подумали, о чемъ имъ слѣдуетъ заговорить теперь, потому что Ольга вскорѣ спросила, правда нѣсколько робко:

— Вы прочли мой дневникъ?

«Такъ и есть», подумалъ онъ.

— Читаю-съ...

И обонмъ имъ вдругъ вспомнились одновременно одни и тѣ же мѣста въ дневникѣ.

— Вы не сердитесь на меня? немного погодя спросила Ольга послѣ нѣкотораго, недолгаго впрочемъ, колебанія.

— За что-съ?

Онъ отлично зналъ, за что.

— Тамъ есть мѣста... Но я васъ предупреждала, уже твердо сказала она и подняла на него глаза: — вы сами желали...

— Ахъ, Ольга... Какъ можно это думать, сдѣлавъ усиліе, улыбнувшись, сказалъ Викторъ: — вы ошибаетесь тамъ во многомъ, вы увлекаетесь... Есть странность... Я согласенъ-съ... съ (Онъ не договорилъ однако съ кѣмъ. Читатель догадывается): — но это-то и даетъ вамъ всю... всю прелесть... Наконецъ, вы знаете мое... чувство къ вамъ, съ усиліемъ выговорилъ онъ: — вы знаете, что я... И загнулся опять.

Ольгу передернуло.

— Что вы что, что вы что? ободрила она его.

Онъ все-таки не говорилъ.

— Какой ты нерѣшительный всегда... вспыхивая, сказала она и дернула нервно плечикомъ. (Это было первое *ми*, которое Тавровъ услышалъ отъ нея въ жизни, и какую горькою пилулою оно ему досталось).

И странно... вѣдь ему показалось, что Ольга и въ самомъ дѣлѣ разгадала его, что она права, что за нимъ есть-таки этотъ грѣхъ... Обычное его самоуваженіе, достоинство вмигъ разбились совершенно передъ напоромъ рѣшительной природы дѣвушки.

— Что же, сказалъ онъ совсѣмъ уже сконфуженный: — какой есть. Такъ совданъ, значить.

«А еще хочеть быть Наполеономъ», мелькнуло насмѣшливо въ Ольгѣ.

— Это нейдетъ, Викторъ, мужчинѣ... Не сердись, сказала она, замѣтивъ, что онъ покраснѣлъ... И она положила свою руку въ его руки и стала передъ нимъ, смотря ему смѣло въ глаза.

— Что же ты не договорилъ однако тогда, «что ты»?.. Говори, говори!

Нѣжность, съ какою относилась къ нему теперь Ольга, вмѣсто презрѣнія, котораго онъ заслуживалъ по собственному же сознанию — ободрила его. «Добрая какая она» подумалось ему. Онъ постарался сдѣлать усиліе оправиться, собрать себя снова,

такъ-сказать, въ повода, и принять опять свой приличный видъ...

— Тебѣ очень хочется, чтобы я сказалъ... попросту говоря, люблю ли я тебя? улыбнувшись спросилъ онъ уже твердо.

Дѣвушка, теперь, въ свою очередь вспыхнула. Сама вызвала — и сама же переконфузилась. Но она была не изъ тавровскаго десятка. Она не растерялась. Она отвернулась только въ полуоборотъ и кокетливо приложила руку къ уху, какъ-бы показывая видъ, что готовится слушать. Она улыбалась лукаво... Кокетка!

— Ну да, люблю, люблю... сказалъ съ чувствомъ Тавровъ, беря ее за руку.

Онъ покосился на дверь, привлечь ее къ себѣ и жгуче поцаловалъ въ голову. И тутъ-таки сказался!

— Тц, тц! кажется, патап, выриваясь, прошептала она поспѣшно. И уже счастливая, запыхавшаяся отъ волненія и раскраснѣвшаяся въ пурпуръ — она опрометью бросилась въ сторону... И она воображала, что она можетъ его любить! Какая наивность!

Дѣйствительно слышны были шаги... Показалась Варвара Михайловна. Съ ней шелъ Маркинсонъ и что-то ей успокоивающее говорилъ.

— Она совершенно здорова, ей только это воображается, что она больна... Она морально неспокойна... Старайтесь, чтобы меньше задумывалась, да больше развлекалась...

Только это мы и могли бы подслушать.

Варвара Михайловна теперь смотрѣла уже опять совершенно спокойною, даже счастливою. Всѣ, посмѣявшись съ минуту надъ какою-то остротою доктора — который сейчасъ же вступилъ въ свои права потѣшника дѣлаго общества, — всѣ прошли въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ заказанный чай.

Какъ только показались господа въ дверяхъ, изъ противоположной комнаты, у порога которой уже давно стоялъ, въ бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ, съ подносомъ подъ мышкой, красавецъ Григорій, въ столовую вошла Паша, направляясь къ самовару.

Горничныя дежурили по очереди. Дежурная должна была при гостяхъ господамъ разливать чай. Длинный столъ, покрытый бѣлою скатертью, былъ раздѣленъ почти на двѣ равныя половины: одна была заставлена самоваромъ и чайными принадлежностями, другая оставалась совершенно свободною. Здѣсь размѣстились вошедшіе господа, въ ожиданіи пока подадутъ чай.

— Ты, Паша, сегодня дежурная? спросила Варвара Михайловна.

— Я-съ, ваше прев—ство, отвѣтила робко горничная, опуская на время ситечко и поднимая покорные глазки на генеральшу.

— Ну, разливай, разливай.

Генеральша очень хорошо знала, что никто другой, кромѣ дежурной Пашы, не могъ, да и не смѣлъ, разливать; наконецъ, Пашу уже видѣла сегодня генеральша за чаемъ, когда первый разъ пили. Нечего, значить, было и спрашивать. Но Варвара Михайловна очень любила дать чужимъ людямъ косвеннымъ образомъ замѣтить порядокъ въ домѣ и мягкость ея обращенія съ прислугой. Къ тому же Паша была фавориткой хозяйки. Читатели уже знаютъ, что это была высокая, стройная дѣвушка, съ румянымъ лицомъ, густыми, каштановыми волосами, прикрытыми щегольскою голубою сѣткой... Старая женщины, сами бывшія нѣкогда красивыми, вообще любятъ имѣть около себя хорошенъкихъ горничныхъ. Варварѣ Михайловнѣ хотѣлось щегольнуть теперь горничной передъ гостями.

— Не правда-ли, *messieurs*, какая она у меня хорошенькая? обратилась она шуточно пофранцузски къ гостямъ, показывая глазами на Пашу.

— Премиленькая, премиленькая, я самъ на нее вотъ уже давно люблюсь... сказалъ Тавровъ.

Ольга, какъ-бы уколота чѣмъ-то, слегка покраснѣла при этихъ похвалахъ, и стала кусать губы. Она искоса посматривала на Пашу, и она ей, въ самомъ дѣлѣ, показалась теперь хорошенькою; взглянула на Виктора — онъ любовался горничною... Ей стало досадно. Женское самолюбіе сказалось! Оно, какъ извѣстно, не терпитъ даже совсѣмъ неопаснаго соперничества! «О, ревнивая будетъ», могъ бы сказать посторонній.

Хотя весь разговоръ шелъ и пофранцузски, горничная, однакожь, отлично знала, что разговоръ шелъ о ней, потому что господа постоянно смотрѣли на нее, догадывалась даже, что офицеръ что-то похваливалъ въ ней... Но она дѣлала видъ, что ничего не понимаетъ, и продолжала свое дѣло.

Вскорѣ вышла къ чаю Суринаская и, помѣстившись около матери, напомнила ей что-то тихо.

Варвара Михайловна приказала послать дворецкаго.

— Къ управляющему пріѣхалъ сынъ, Василій Алексѣичъ, сказала она, когда дворецкій явился: — узнай, я, если это такъ, то поздравь отъ меня, и попроси безъ церемоніи сюда, ужинать съ нами. Если не усталъ, конечно, Василій Алексѣичъ съ дороги, прибавила генеральша: — скажи, что и Наталья Юрьевна пріѣхала. Отправься.

Дворецкій вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ отвѣтомъ, уже извѣстнымъ читателямъ. Тогда Варвара Михайловна написала записку и послала.

Начали разносить чай.

— Если вечерніе уроки кончились, то попроси пять чай Сергѣя Юрьевича и Владислава Казиміровича, сказала Варвара Михайловна Григорію.

Минутъ черезъ пять въ залѣ слышались живые шаги въ припрыжку бѣжавшаго мальчика, а за ними мѣрные шаги взрослого человѣка: въ комнату торопливо вбѣжалъ, а, увидѣвъ пріѣхавшую сестру, бросился къ ней со всѣхъ ногъ на шею бѣлокурый, очень похожій на Ольгу, мальчикъ, въ щегольской коричневой курткѣ и отложныхъ большихъ воротничкахъ. За нимъ слѣдовалъ спокойно молодой человѣкъ въ потертомъ студенческомъ сюртукѣ съ золотыми пуговицами. Сюртукъ былъ растегнутъ, и подъ нимъ видѣлась, на желтомъ, грязноватомъ, пиджачномъ жилетѣ, толстая стальная цѣпочка. Остренькій подбородокъ его нерусскаго лица былъ отгнѣненъ жиденькою русою эспаньолокою, видно, еще недавно зануценною. Войдя въ комнату, и замѣтивъ присутствіе Таврова, онъ вдругъ слегка пасунился, какъ дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ, когда неожиданно натывается на что-нибудь непріятное. Онъ сухо поклонился гостямъ, только одному доктору протянулъ руку, и, сѣвъ поотдалъ къ столу, не спрашиваясь, взялъ стаканъ чаю съ подноса.

Наталя Юрьевна взяла мальчика къ себѣ, посадила на колѣни, и стала страстно его цаловать и разспрашивать.

А Варвара Михайловна съ безпокойствомъ взглянула на пасмурное лицо гувернера и, предполагая что онъ нездоровъ, ласково спросила:

— Здоровы ли вы сегодня, Владиславъ Казиміровичъ?

— Покорнѣйше благодарю. Совершенно здоровъ, — и даже не «здоровъ», а «здрѣвъ» — отвѣтилъ тотъ польскимъ акцентомъ, не подымая глазъ на генеральшу и продолжая мѣшать ложечкою чай.

Плещеева помолчала немного, а Тавровъ саркастически улыбнулся, при этомъ отвѣтъ студента, и посмотрѣлъ съ усмѣшкой на Ольгу.

— Что же вы такъ невеселы? смѣясь, спросила хозяйка.

— Не знаю, чего-съ... Юсталь, должно быть.

Гость опять улыбнулся слегка, при этомъ выраженіи полажа.

Варвара Михайловна оставила студента, и обратилась пофранцузски къ сыну:

— Я тебя прошу всегда слушаться, не шалить и учиться хорошо; вѣрно, ты не приготовилъ сегодня урока?

— Ну, мама, вы напрасно обижаете Сережу, сказала Сурицкая съ упрекомъ. И пересадила его между матерью и Тавровымъ. И Тавровъ заступился за мальчика.

— Этого не можетъ быть... Мсье Плещеевъ такъ уменъ, что понимаетъ, какъ необходимо учиться, и какъ нехорошо шалить.

Мальчикъ сдѣлалъ кислую мину, какъ-бы удерживаясь оттого, чтобы не заплакать.

— Non, non, il est un bon garçon, покровительственно сказалъ Тавровъ, кладя руку на плечо мальчика и склоняясь къ нему: — неправда ли, Serge, вы хороший мальчикъ — вы понимаете, что нужно учиться, вы всегда будете хорошо учиться? Вы любите маман? Вы ее не огорчаете? Неправда ли?

— Сережа ничего тутъ не виноватъ, замѣтилъ опять Владиславъ Казимировичъ: — онъ хорошо учится и не шалить.

— Ну, видите, замѣтилъ Тавровъ, и, желая окончательно придать разговору болѣе веселый оборотъ, онъ шутливо прибавилъ, обращаясь опять къ мальчику: — я видѣлъ сегодня, какъ онъ славно верхомъ ѣздитъ!... Чѣмъ вы, Serge, будете: кавалергардомъ или гусаромъ?

— Онъ у меня умникъ: онъ у меня будетъ носить синенькій, студенческій воротничокъ, шутливо замѣтила мать.

— Ну, да, онъ сначала будетъ студентомъ — это еще лучше, а потомъ, если хорошо окончитъ курсъ въ университетѣ, то поступитъ въ гусары.

Въ свою очередь, студентъ ѣдко улыбнулся.

— Ну, это, кажется, можно и безъ этого условія, замѣтилъ онъ вполголоса, разглядывая по сторонамъ. (Мы не передаемъ болѣе полонизмовъ его рѣчи).

Маркисонъ довольно улыбнулся, а Варвара Михайловна, Ольга и Наташа испуганно и удивленно посмотрѣли на студента. Но все обошлось благополучно. Тавровъ закусилъ-было губы, но сейчасъ же оправился, сдѣлалъ усиліе улыбнуться, и, какъ-бы не слышавъ замѣчанія, обратился опять къ тому же разговору.

— Посмотрите на эти плечи, онъ потрепалъ Сережу по плечу: — онъ рожденъ быть военнымъ! Сабля, штыль золотомъ мундиръ... Всѣ обращаютъ на тебя вниманіе! Правда, что недурно? щекотя за галстухомъ, допрашивалъ онъ Сережу: — проситесь у маман быть пажомъ, продолжая шутить, какъ-бы на ухо совѣтовалъ Тавровъ.

— Портите, портите мнѣ мальчика, смѣясь, замѣтила Плещеева. Тавровъ рассмѣялся: — нѣтъ, онъ у меня умникъ, повто-

рила мать: — онъ у меня пойдетъ по гражданской, будетъ ученый какой нибудь, какимъ былъ въ Москвѣ Грановскій. N'est ce pas, Serge? Или пойдетъ по гражданской, камергеромъ будетъ, какъ рара, мундиръ весь шитый золотомъ, шляпа съ плюмажемъ, въ рукахъ Сводъ Законовъ, какъ Сперанскаго рисуютъ. Правда, мой другъ? спрашивала Плещеева, съ любовью взявъ за подбородокъ сына.

Въ передней раздалась топотня, потомъ въ загѣ отдались чья-то шагн, лакей посторонился въ дверяхъ, и на порогѣ появилась фигура управляющаго... Робкою поступью, теперь нѣсколько согбенно, униженно но со счастливымъ, улыбающимся лицомъ подошелъ онъ теперь къ ручкѣ генеральши. Онъ велъ за руку сына, слѣдовавшаго за нимъ нѣсколько позади.

Отрекомендовавъ его хозяйкѣ, которая дружески протянула молодому Теленеву руку и сказала нѣсколько пріветственныхъ словъ, старикъ подвелъ сына такимъ же образомъ и къ дочерямъ Варвары Михайловны. Всѣмъ сынъ былъ отрекомендованъ (Наталью Юрьевну старикъ Теленевъ, между прочимъ, услѣлъ еще и поздравить съ пріѣздомъ), и новыя гости стали, по приглашенію хозяйки, размѣщаться около стола.

Молодому Теленеву Варвара Михайловна любезно предложила мѣсто между собою и дочерью, а старикъ помѣстился сбоку, какъ-то немного сзади, чтобы удобнѣе было продолжать наблюдать и урядкомъ любоваться сыномъ. Все еще не могъ онъ насмотрѣться на него.

Варвара Михайловна замигала послѣшно Пашѣ, указывая глазами на чашки.

Стали подносить вновь прибывшимъ чай

Хозяйка, несмотря на свою свѣтскость, не знала, однако, о чемъ бы заговорить съ новымъ гостемъ. (Она понимала всю глупость, избитость въ подобныхъ случаяхъ разспросовъ о дорогѣ, объ усталости или о чемъ нибудь подобномъ, чѣмъ обыкновенно угощаютъ въ такихъ случаяхъ). Гости тоже молчали. Послѣдовала тяжелая пауза...

— Сынъ извиняется, ваше превосходительство, что явился въ такомъ костюмѣ... подорожному, замѣтилъ старикъ, обращаясь къ Варварѣ Михайловнѣ.

— О, помиуйте, сказала любезно хозяйка, въ сущности, особенно довольная тѣмъ, что старикъ выгораживалъ ее изъ затруднительнаго положенія и давалъ возможность хоть на этомъ заговорить.

Но разговоръ на томъ и оборвался.

Тутъ ужъ москья *Вубу*, любимецъ хозяйки, выручила. Она

помѣщалась у Варвары Михайловны на колѣняхъ и теперь, поворчавъ сердито на пришедшихъ и получивъ за то удара два по головѣ со стороны своей госпожи, и приказаніе замолчать — валяла безъ церемоніи передними ногами на столъ, чтобы обозрѣть все общество своими слезливыми, противными глазами. Она стала сладко зѣвать, вытягивая языкъ кривкомъ, и потягиваться.

— Преуморительная рожа, неправда ли? обратилась хозяйка въ сторону Теленевыхъ, глаза своего любимца и желая поддержать замолишій разговоръ.

Молодой Теленевъ не бросился возражать или спорить, что моська не уморительная, но и не отвѣтилъ на это ничего, какъ будто не считая такой сюжетъ стоящимъ того, чтобы по поводу его можно было разговаривать. Но старикъ, понимая условія вѣжливости совсѣмъ иначе и своеобразнѣе, побоялся не отозваться и счелъ долгомъ поскорѣе согласиться съ генеральшей, и вставить в свое мнѣніе о моськѣ.

— Уморительная-съ, уморительная-съ, ваше превосходительство, повторилъ онъ нѣсколько разъ (онъ зналъ, что *Бубу* былъ слабостью хозяйки). — Рѣдко забавнѣе и, главное, добрѣе можно найти существо, ваше превосходительство, произнесъ онъ сладко, не замѣчая ѣдкой усмѣшки на его счетъ Маринсона. И въ самомъ дѣлѣ, старикъ хвалилъ, а самъ въ душѣ такъ и боялся, чтобы та не цапнула его за руку. (Презлая была собачонка!). Снѣгъ, сиди вблизи, видѣлъ, какъ тряслась у старика рука, когда онъ подносилъ ее къ моськѣ и тоже нѣсколько въ душѣ не могъ не улыбнуться.

Между тѣмъ, гости и все остальное общество все-таки оставались не занятыми никакимъ разговоромъ. Всѣ только продолжали мѣрять новое лицо — молодаго Теленева, пытливымъ разглядываніемъ.

Тотъ сидѣлъ спокойно и, не конфузаясь нисколько, переносилъ на себѣ любопытные взгляды всего общества. Ни особеннаго стѣсненія, ни особенной развязности, самоувѣренности не было замѣтно. Одно простое спокойствіе... И намѣренія первымъ заговорить, какъ кажется, не обнаруживалось нисколько — точно онъ и въ самомъ дѣлѣ сознавалъ, что съ нимъ теперь должны заговорить первымъ другіе... Только ужъ какъ-то черезчуръ прямо онъ держался на стулѣ. «Аршинъ проглотилъ», подумалъ Тавровъ; а у Варвары Михайловны, по поводу того же обстоятельства, мелькнула мысль: «не умѣетъ держаться: совсѣмъ не свѣтскій».

Нужно было, однакожъ, какъ-нибудь помочь бѣдѣ... Хозяйка

рѣшилась поддержать хоть тотъ разговоръ, который шелъ до появленія вновь прибывшихъ лицъ.

Она рѣшилась начать съ краткаго резюмированія передъ Теленъевыми уже извѣстнаго намъ разговора о предлагаемой Тавровымъ военной карьерѣ ея сыну, свѣски желая вестн и ихъ въ общую бесѣду.

— Вотъ мы тутъ только что говорили, начала она, обращаясь къ Теленъевымъ: — о будущей карьерѣ моего сына. И она прикрыла рукою плечо ему, а потомъ нѣжно положила его голову къ себѣ на грудь: — вотъ, нѣкоторые совѣтуютъ ему... Она сказала, что ея сыну сейчасъ совѣтовали посторонніе: — что вы на это скажете, мсье Теленъевъ? обратилась она къ Василию Алексѣичу.

Теленъевъ все также сповойно и невозмутимо сдѣлалъ на своемъ стулѣ.

— Вы мое-съ личное мнѣніе желаете знать?

— Да... Это интересно слышать, вы вѣдь сами...

— Кому ничего лучшаго не предстать...

.Хозяйка тонко улыбнулась.

— Ахъ, вы только подъ этимъ условіемъ допускаете, замѣтила Варвара Михайловна: — вотъ, мсье Тавровъ, сказала она шуточно Виктору Сергѣичу: — какое и вамъ неслестное мнѣніе высказывается. Слышите? Тотъ порывисто пожалъ плечами, какъ-бы желая сказать: «что же дѣлать-съ»: — но какъ же... вы вѣдь тоже, значить?

— Вѣроятно-съ, скромно отвѣтилъ Теленъевъ.

— Ахъ, скромничаете, скромничаете... Мы, напротивъ, знаемъ про васъ много такого... Иона покосилась, улыбувшись на Маркинсона и Наташу: — Вы неискренно это говорите. Мы слышали, что вы-то и есть большой служака? И она взглянула, улыбаясь, на отца: — Правда ли это?

— Можеть быть-съ, скромно замѣтилъ Василій Сергѣичъ.

— Ну, такъ какъ же?

— Вѣрно у меня естьosome резоны.

— Какіе же?

— Это ужъ, это мое-съ дѣло, сказалъ онъ, улыбувшись добродушно.

— Ахъ, pardon... Какъ я нескромна, засмѣялась хозяйка: — но вы же любите ваше дѣло горячо: вы, я слышала, влюблены въ него... а тутъ...

— Что же-съ, любовницъ же ине быть? засмѣялся Маркинсонъ, какъ болѣе безцеремонный.

Всѣ засмѣялись.

— Ну, этого я не понимаю... А вы, Викторъ Сергѣичъ, обратилась Варвара Михайловна къ Таврову. — Чтѣ вы скажете въ защиту себя?

— О, не спрашивайте, не спрашивайте его, перебилъ Маркинсонъ, когда хозяйка еще я не договорила (онъ вѣдь всегда считалъ себя вправѣ нестѣсняться): — антропофагъ... Извѣстное дѣло. Онъ намъ сегодня цѣлый рецептъ сообщалъ, какъ лучшимъ способомъ, *патентованнымъ*, такъ сказать, изводить человѣчество. Это гурманъ по части пушечнаго мяса.

Тавровъ старался тоже смѣяться.

— Ну, мы этотъ разговоръ оставимъ, принужденно улыбаясь сказала Варвара Михайловна:—обратитесь, господа, продолжала она:—правда, къ нѣскольکو банальному, избитому уже, но все-таки болѣе интересному вопросу: къ вопросу о любви... Вотъ, вы, мсье Маркинсонъ, давеча выразились: «любовницъ же нѣмѣе быть». Но вѣдь это, если и можно допустить, то въ такихъ только случаяхъ, когда настоящей любви не существуетъ... Вѣдь вы любовь допускаете? спросила она.

— Еще бы, засмѣялся Маркинсонъ: — самое вкусное кушанье на свѣтѣ.

— А вы, мсье Теленевъ?

Теленевъ подумалъ нѣскольکو.

— Допускаю.

— Вы что-то не скоро отвѣтили. Мсье Теленевъ, господа, вмѣстѣ что-нибудь противъ этого чувства, улыбаясь замѣтила хозяйка и обвела глазами все общество.

— Нѣтъ, допускаю, допускаю.

— Нѣтъ, вы чего-то недоговариваете... Вы сами любите когда-нибудь? Извините за такой нескромный вопросъ, оговорила Пещеева.

— Нѣтъ-съ, спокойно отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ будете же когда-нибудь любить?

Теленевъ опять подумалъ.

— Врядъ-ли.

— Вотъ какъ! улыбаясь замѣтила противница: — какъ можно ручаться за будущее! Не ручайтесь...

— Можно-съ... А если я не желаю, чтобы это случилось? капризно спросилъ онъ.

— Ахъ, это напрасно! Mesdames, слышите? Развѣ все дѣлается на свѣтѣ непремѣнно по нашему желанію? обратилась она опять къ оригиналу.

— Все-съ.

Все общество широко улыбнулось.

— Ну, это новость... Для нас по-крайней мѣрѣ, добавила опонента.

— Не ручайтесь по-крайней мѣрѣ, за такія вещи, какова любовь, замѣтили ему всѣ дамы: — тѣмъ болѣе, что еще не любил... сами же говорите.

— Ручаюсь даже и за такія.

— Ну, значить, вы не понимаете тогда этого чувства, замѣчаютъ ему:—это дѣло другое. Вы аскеть... монстръ.

— Нѣтъ, признаю... и признаю даже великимъ благомъ.

— Тогда чтѣ же заставляетъ васъ такъ гнать его отъ себя? Теленьевъ медлилъ отвѣтомъ.

— А вотъ и не можете сказать, вотъ и побѣждены!

— Нисколько... Это-съ просто не входитъ въ мой расчетъ, скромно сказалъ онъ.

Опять всѣ улыбнулись...

— Въ расчетъ, въ расчетъ!!...

— А чтѣ же входитъ въ ваши расчеты? Это не секретъ? спросила Варвара Михайловна, смотря съ любопытствомъ на оригинала.

— Секретъ-съ...

— Ну, такъ я желаю только одного, шуточно сказала хозяйка:—чтобы быть свидѣтельницею когда-нибудь, какъ вы не устояте со всѣмъ вашимъ расчетомъ, со всею вашею теоріею, передъ какою-нибудь женщиною. О, мы, женщины, хитры! Вы молоды и не знаете еще женскихъ чаръ, смѣясь, замѣтила хозяйка, пересмѣиваясь съ дочерями:—не правда ли, mesdames?

Теленьевъ самоувѣренно улыбался.

— Мы, однако, можемъ встать, messieurs et mesdames, пока здѣсь приготовить ужинъ...

И Варвара Михайловна первая поднялась, чтобы идти въ гостиную, не обращая вниманія на то, что Владиславъ Казиміровичъ не допилъ само своего стагана.

— *Parдон*, Владиславъ Казиміровичъ, свѣтски прибавила она, проходя мимо студента. И она трепнула его дружески по плечу.

Теленьевъ сталъ откланываться и отказываться отъ ужина, отговариваясь усталостью...

Хозяйка, видя въ самомъ дѣлѣ, какъ молодой Теленьевъ раза два зѣвнулъ въ руку, не стала задерживать ихъ.

Остальные отправились въ гостиную. Тавровъ на порогѣ приостановился, и, какъ только всѣ скрылись за дверью, онъ быстро повернулъ назадъ и подошелъ къ студенту, остававшемуся еще въ столовой.

— Я васъ буду покорнѣйше просить на будущее время по-придержаться со своими замѣчаніями, когда я говорю, сказалъ

онъ, твердо нагибаясь къ студенту: — я вѣдь слышалъ отлично давшіеся вамъ замѣчаніе. Берегитесь.

Тотъ продолжалъ спокойно мѣшать ложечкою чай.

— Вы мнѣ вообще не нравитесь, такъ предупреждаю васъ объявилъ Тавровъ, и пошелъ къ двери.

— Пхе! раздалась ему вслѣдъ усмѣшка...

Таврова покорило... Но онъ не вернулся.

Послѣ ужина онъ уѣхалъ, а Маргинсонъ остался еще у Плещевыхъ, обѣщавшихъ отправить его утромъ къ Тавровымъ на своихъ лошадяхъ.

IX.

Когда Теленевы возвратились отъ генеральши, старикъ провелъ сына въ ту комнату, которую нѣсколько дней тому назадъ приказывалъ Семену приготовить къ пріѣзду Васеньки. Комната теперь, дѣйствительно, была прибрана съ особымъ тщаніемъ. Желѣзная кровать у окна застлана бѣлымъ, чистымъ байковымъ одѣяломъ; одѣяло было откинута съ бѣлою, свѣжею простынею на половину кровати такъ, какъ отвертывается, когда застилаютъ кровать на ночь; у кровати стоялъ раскрытый ломберный столикъ, на зеленомъ полѣ котораго, на самомъ виду, лежало письмо печатью вверхъ (старикъ ничего нарочно не говорилъ сыну на счетъ его и хотѣлъ сдѣлать этимъ сюрпризъ ему), надъ самой кроватью былъ привѣшенъ маленькій образокъ въ почернѣлой ризѣ... Видно, что чья-то любящая, заботливая рука прошла по всему этому.

Сынъ нагнулся къ образку, чтобы лучше рассмотреть... И у отца вдругъ испуганно забилось сердце...

— Ты вѣдь не будешь въ претензіи? какъ-то глухо, чуть слышно, освѣдомился старикъ, робко заглядывая въ лицо сыну.

На лицѣ у сына ничего однакожъ не было замѣтно.

— Нѣтъ, нѣтъ, отчего же! отвѣтилъ онъ: — пусть виситъ, если вы желаете.

Немногимъ, правда, подарили его, но старикъ уже и этимъ удовольствовался и просіялъ...

— Ну, говорилъ онъ передъ самымъ уже уходомъ. И онъ опять ласково положилъ руки на плечи сыну и опять смѣло посмотрѣлъ ему въ глаза: — если ты мнѣ позволишь быть безъ церемоній... Тутъ онъ опять дрогнулъ, опять смѣлость покинула его и снова заговорилъ онъ какъ-то робко, боязливо, опасаясь, чтобы и этимъ не оскорбить сына какъ нибудь: — если позволишь не церемониться, то я спрошу тебя: можетъ, тебѣ нужны будутъ деньги?

Снѣтъ сказаль, что у него есть деньги.

— То-то, ты не церемонься. Деньги вѣдь главная вещь.

— Вѣроятно не будетъ нужно, спокойно отвѣтилъ снѣтъ: — но если понадобится, то ужь, разумѣется, у васъ... займу. Больше тутъ не у кого...

— Займу, займу?... старикъ въ шутку укорительно покаталъ головою и пригрозилъ пальцемъ: — развѣ такъ отцу говорить? смѣясь, стыдиль онъ: — а больше тебѣ ничего не нужно?

— Вотъ еслибы этого человѣка сюда послать.

— Сейчасъ, сейчасъ... И старикъ со всѣхъ ногъ бросается къ двери: — Семень, Семень! ноги сюда раздѣть барина.

— Не затѣмъ... Что вы, почтеннѣйшій, не имѣете дурной привычки по утрамъ долго спать? шутилъ Василій Алексѣичъ со входящимъ Семеномъ.

— Его главный порокъ—любить за нашимъ прекраснымъ поломъ приударить, весело замѣчаетъ старикъ.

— Ну, въ свое время и это не дурно... А въ которомъ часу встаете?

— Мы рано встаемъ, въ пять часовъ-съ. (Семень солгалъ при управляющемъ: онъ всегда вставалъ въ семь).

— Ну, это позднеенько. Коли не заспитесь, такъ разбудите меня завтра въ четыре часа.

— Да ты куда же это такъ рано? недоумѣвая, спрашиваетъ отецъ.

— Я всегда въ это время встаю.

— Ой-ли?... Ну, ты, значить, не таковъ, какъ прочіе кнѣжніе молодые люди. Тѣ любить повѣжиться по утрамъ.

— Разные бываютъ... А затѣмъ можете идти, обратился онъ къ Семену.

Алексѣй Осиповичъ поговорилъ еще немного съ сыномъ, распросилъ его на-скоро о дядѣ, о дорогѣ, о прежнемъ и теперешнемъ житѣ-бытѣ... Затѣмъ работливо взбѣлъ одну изъ подушекъ на кровати, которая показалась ему недостаточно пухлой, кликнулъ Семена и сильно распеетъ его за то, что воды не оказалось въ графинѣ, даже подъ кровать заглянулъ, поцаловалъ сына горячо на прощанье еще разъ, перекрестилъ и вышелъ на цыпочкахъ...

Какъ только отецъ удалился, молодой Теленьевъ прошелся по комнатѣ, оглядывая ее... Новыя, невѣдомыя до того ощущенія волновали его умъ при взглядѣ на эту комнату: какою-то теплою, искренностью, радушнымъ привѣтомъ, казалось, глядѣла на него каждая, самая пустячная вещичка этого роднаго гнѣзда... И потомъ эта нѣжность отца, эта любовь, это лихорадочное засматри-

ваніе въ глаза, чтобы почти предупредить малѣйшее желаніе, малѣйшую прихоть первое движеніе мысли—на какія раздумья все это навредило молодого Телешева!... Но вотъ, взглядъ его упалъ на письмо, лежавшее на столѣ (онъ только теперь его замѣтилъ). Онъ поспѣшно взглянулъ на адресъ, сломалъ печать и глаза его быстро забѣгали по знакомому почерку. Письмо было написано толстыми, чуть не дюймовыми каракулями. Въ немъ царствовала безусловно та старинная орфографія, которая, казалось, не признавала такихъ барбаризмовъ русскаго языка, какъ *сч*, и писала, напримѣръ, не *счетъ*, а *щеть*, а въ глаголахъ взаимныхъ и возвратныхъ вмѣсто *ся*, на концѣ, по просту ставила *ца*... гражданственности же въ правописаніи буквы *ъ* какъ будто ужъ и совсѣмъ не признавала...

Оно было слѣдующаго содержанія:

«С.-Петербургъ, 10-го мая.

«Получивъ твое послѣднее письмо отъ 15-го апрѣля, мой милый Васюкъ, я сейчасъ же бросился исполнять твои порученія. Вотъ результаты.

«1) Насчетъ уроковъ (мы не передаемъ его орфографіи)—удача. Только прѣзжай скорѣе. Къ осени однимъ моимъ знакомымъ нуженъ будетъ учитель, для приготовленія двухъ мальчиковъ въ пижи. По каждому предмету хотятъ имѣть отдѣльныхъ учителей, ибо богатые люди, «изъ сытыхъ», какъ любишь ты выражаться... Просилъ, чтобы всю математику за тобой оставили. Надѣюсь, что ты не ударишь въ грязь лицомъ. Обѣщали ждать до осени. Прѣзжай.

«2) Имѣю на примѣтѣ для тебя еще одно мѣсто. Одинъ мой старій товарищъ, отставной капитан-лейтенантъ, держитъ частный пансіонъ, приготовляя мальчиковъ для поступленія въ морской корпусъ. Нуженъ учитель ариметики и алгебры. Соглашается тебя взять. Три урока въ недѣлю по вечерамъ. Курсъ начнется съ 10-го сентября. Но ты долженъ подвергнуться частному экзамену у нихъ, чтобы видѣли, можешь ли занимать эту должность. Согласенъ ли? Пиши.

«Ну, вотъ и все съ комиссіями. Загонялъ ты меня, старика, совсѣмъ.

«Ты теперь уже вѣрно у отца. То-то, я думаю, радъ увидѣть старика! Зная твое доброе сердце, воображаю твою радость! Пиши, какъ вамель его.

«Кланяется тебѣ моя квартирная хозяйка — Клара Августовна. Все спрашиваетъ: «скоро ли прѣдетъ dieser starke Russe, Herr Kosak?»

«Отчего она тебя козакомъ прозвала? Отвѣчаю: скоро, скоро.

Останавливайся опять у меня. А те наинни заблаговременно: приниу тебѣ квартиру. Аддіо.

«Жму твою руку. Ожидаю тебѣ съ интереснѣишемъ въ Питеръ.
«Сав. Сахаровъ».

Должно быть, письмо это было благопріятнаго для Теленьева содержанія, потому что онъ весело улыбнулся прочитавъ его, и промѣлся по комнатамъ, съ удовольствіемъ протирая руки.

Черезъ нѣсколько минутъ у него былъ готовъ отвѣтъ слѣдующаго рода:

«Благодарю васъ, дядюшка, за всѣ хлопоты. Большое штегі вамъ.

«1) За доставленіе уроковъ особенно благодарю. Ихъ достать въ Петербургѣ, говорятъ, не легко. Всякія условія принимаю. Буду въ Петербургѣ въ половинѣ августа. Экзаменъ вашего капитан-лейтенанта, лейтенанта, или какой тамъ его рангъ, какъ его величать?—принимаю. Надѣюсь не ударить въ грязь лицомъ.

«2) Не имѣете ли въ виду, а если нѣтъ, то разищите, пожалуйста, въ Петербургѣ, какого-нибудь недорогого серба, который бы, тотчасъ по пріѣздѣ, могъ бы заняться со мной сербскимъ языкомъ. Первое условіе — дешевизна. Понщите въ университетѣ—тамъ всегда бываютъ сербы.

«Вы спрашиваете, какъ нащель отца.

«Сказать многого еще не могу: всего часа два какъ знаю. Постарѣлъ. Впрочемъ, еще бодръ... Кажется, вдѣшнюю генеральшу, нашу помѣщицу, сильно побанваается, да въ протекцію, старикашка, еще вѣрнко вѣрять... Кажется, очень добръ!

«Набалуютъ меня здѣсь, дядюшка, чувствую. Вотъ, я васъ сколько гдѣтъ зналъ, а вы ни разу меня не поцаловали, а тутъ, въ три часа, безсенокъ десять схватили. Да, другъ мой, шутки въ сторону, что ни говори, а должно быть велико ихъ чувство, сильна ихъ любовь къ намъ! Понятно, мы часть ихъ самихъ. Какъ не любить самого себя? Да и то: для подобныхъ стариковъ, итогъ жизни которыхъ почти подведенъ, собственное дитя—это собственная будущность. Какъ не любить, опять-таки, себя? И тепло бываетъ около ихъ сердца, нужно сознаться... Все это такъ сердечно дѣлается, всякій поцалуи такъ искренень, что ужъ одна эта мысль, вы замѣчаете, обезоруживаетъ, рѣшительно обезоруживаетъ васъ...» Сладко думать, что о двуличіи не можетъ быть тутъ и рѣчи. Какіе большіе, повидимому, задатки для счастья обѣихъ сторонъ... Что, если тутъ еще явится и уваженіе? вѣдь эта гармонія можетъ свести съ ума, можетъ сама по себѣ уже составить порядочную дозу счастья

обонь нравъ... Только, знаете, я долженъ признаться, я замѣтилъ... Не вѣтъ, не будемъ пока этого говорить... Я не хочу пока этого провозгласить — странно... Ахъ, зачѣмъ эти грѣшныя, лукавыя сомнѣнья, зачѣмъ эти мнѣнія и глупыя и еще на первыя же шаги, въ первые минуты знакомства, когда такъ искренно (минуту моею чести!) такъ широко хочется любить, уважать, вѣрить?... И притомъ, подумайте, двуличничать — это такъ противно... гадко. Вѣдь какое неприятное, невозможное положеніе можетъ выйдти... Но отгонимъ отъ себя пока эти черныя, недостойныя думы...

«Однако, я зафилософовался! Прощайте. Сильно съ дороги спать хочется. Пишите сюда ко мнѣ... Буду отвѣчать.

«В. Теленъевъ.

«P. S. Буду жить, вѣрно, отдѣльно: нужно будетъ заниматься. Къ тому же, ваша Клара Августовна, кажется, не оставляетъ прежнихъ намѣреній разсказать въ отношеніи меня исторію коварной жены злополучнаго Пентефрія. Клянитесь ей и объявите, что *der starke Russe* по-прежнему холоденъ какъ вашия невскій гранитъ и дѣломудренъ, какъ библейскій Іосифъ. Прощайте, дорогой другъ».

Запечатавъ письмо, Василій Алексѣевичъ проворно раздѣлся и легъ въ постель... Свѣчка погашена... Онъ уже спитъ...

А отецъ въ то же время, въ своей комнатѣ, все еще молится передъ образомъ на колѣняхъ... И благодаритъ старикъ небо за то, что емуна старости лѣтъ еще разъ привалось увидѣть сына, и увидѣть уже человѣкомъ, на хорошей дорогѣ, всѣми любимаго, всѣми безусловно хвалимаго... Горячо онъ молится... Рѣдко неслась къ небу молитва искреннѣе этой... Онъ молится... а тоже... какое-то грѣшное, лукавое сомнѣнье вередитъ, какъ змѣя, самое дно и его помысловъ. Онъ тоже хочетъ отогнать отъ себя «это навожденіе лукаваго» и не можетъ, чувствуетъ, что не можетъ...

И онъ старается еще чаще креститься и чаще дѣлать поклоны...

Что же такое тревожитъ старика? Что волнуетъ сына? Что такое онъ замѣтилъ и не договорилъ, вѣрнѣе, пугался договорить?

XI.

Было еще очень рано, когда проснулся нашъ молодой герой. Сквозь кругленькую прорѣзъ въ ставняхъ можно было видѣть, что на дворѣ ужъ день. Теленъевъ, встревожился — не заспался ли онъ. Онъ торопливо взялъ со стула часы и нажалъ репетиръ. Часы пробили четверть четвертаго. Ни минуты не мѣшкая, и

не иѣхась по обыкновенію многихъ, онъ быстро откинулъ одѣло и началъ одѣваться. Это была всегдашняя его манера. Онъ досталъ изъ чемодана чистое бѣлье, нарусанный китель, надѣлъ его, сувулъ въ карманъ полотенце и мыло, потомъ досталъ изъ чехла двухствольное ружьё, перекинулъ его и сумку черезъ плечо, и, чтобы не разбудить отца, на ципочкахъ сталъ выходить.

На дворѣ было уже совершенно свѣтло. Стояло великолѣпное утро. Въ воздухѣ была еще разлита утренняя свѣжесть, и на травѣ лежала мокрая роса. Солнце начинало всходить... Дворня просыпалась, скотница выгоняла коровъ на деревню, а у кухни проснувшіеся поваренки мылись, плеща изо рта воду на руки, а потомъ всплескивая себѣ ею лицо.

Теленъевъ вышелъ за ворота и остановился на открытомъ мѣстѣ. Онъ что-то искалъ глазами. Завидѣвъ влѣво свѣтлую полосу рѣки, онъ вернулся во дворъ, вошелъ въ садикъ, бывшій позади флигеля и примыкавшій къ глухой части большого сада, и ловко перевалившись, съ помощью рукъ, черезъ довольно-высокій плетень, отдѣлявшій садъ отъ поля, — сталъ, насвистывая что-то, пробираться тропинкою къ рѣкѣ.

Онъ раздѣлся какъ-то особенно скоро. Довольно смѣло вступившись съ обрывистаго берега въ рѣчку (это былъ притокъ большой рѣки, протекавшей подъ плещеевскимъ садомъ), онъ уже успѣлъ два раза переплыть ее поперекъ (опытный взглядъ при этомъ могъ бы замѣтить, что онъ и лхой пловецъ), и уже собирался выходить изъ воды, — когда увидѣлъ Семена, быстро бѣгущаго отъ дому по направленію къ тому мѣсту, гдѣ онъ купался... Мѣдннй, блиставшій на солнцѣ, какъ золото, тазъ, гряда простынь, полотенецъ и прочіе принадлежности затѣливаго помѣщикаго кушанья — видѣлись у него подъ мышкою.

— Что вы, почтеннѣйшій, будить меня спѣшите? шутиливо крикнулъ Теленъевъ записхавшемуся Семену.

Лакей сталъ извиняться, что заспался и не разбудилъ.

— Ну, что же вамъ теперь?

— Да вотъ, батюшка, изволили послать отыскивать вашу милость! На кухнѣ видѣли-сь, какъ вы изволили сюда пойти. Вотъ-сь позвольте, я помогу, любезно прислужился лакей.

Семень развернулъ простыню, и уже подсунулъ тазъ съ водою подъ ноги Теленъева, когда тотъ, къ крайнему удивленію Семена, отказался отъ всѣхъ этихъ прислуживаній.

— Не трудитесь — ничего этого не нужно. И онъ отодвинулъ въ сторону подсунутый тазъ съ водою... — Ну, ужъ чтобы недаромъ было ходить, сказалъ Теленъевъ: — подождите, вотъ я сейчасъ одѣнусь, тазъ возьмете полотенце.

Семень отошелъ въ сторону, съ минуту подумалъ, {сѣсть ли ему при баринѣ или нѣтъ, и—вспомнилъ, что они теперь «вольные», присѣлъ-таки поодаль на травѣ.

Теперь уже онъ былъ одѣтъ не такимъ франтомъ въ рейт-фрактъ, какимъ мы его видѣли прежде. Люстриновыя брюки были очень одрипаны внизу, а холщовый сюртучокъ оказывался украшеннымъ неимоверно-большимъ количествомъ засаленныхъ пятенъ. (Это былъ его утренній костюмъ).

— Чтѣ, батюшка встаетъ?

Семень отвѣтилъ утвердительно, продолжая съ большимъ удивленіемъ поглядывать на то, какъ поспѣшно одѣвался «новый баринъ». Почему-то и ему эта торопливость показалась любопытною.

Теленевъ былъ уже совершенно готовъ, когда обратился къ Семену съ вопросомъ: онъ ли находится постоянно у старика Теленева въ комнатахъ.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ тотъ: — я всегда въ парадныхъ горницахъ, а это теперь только.

— Что же такъ?

— Не могу знать-съ, отвѣтилъ Семень: — исторія тутъ вышла, генеральша прогнѣваться изволили.

— За чтѣ? сухо спросилъ Василій Алексѣевичъ.

Семень отвѣтилъ, что не можетъ знать.

— Какъ не можете знать? Не можетъ быть.

— Точно такъ-съ.

— Въ чемъ нибудь провинился, сказалъ Теленевъ серьезно: — не можетъ же быть, чтобы такъ, съ бухта-баракху, прогнали.

— Изъ-за горничной одной-съ, нерѣшительно объяснилъ лакей.

Теленевъ не отставалъ. Онъ спросилъ, изъ-за какой горничной. Все ему подай, такая натура.

— Тамъ у насъ есть такая, Федосьей прозывается, объяснилъ лакей.

— Чтѣ же, вы курн ей, что ли, строите?

Лакей усмѣхнулся, но ничего не отвѣтилъ. Усмѣшка показывала, однакожь, Теленеву, что онъ угадалъ.

— Такъ вотъ вы каковский, шути говорилъ онъ: — не даромъ батюшка рекомендовалъ васъ вчера волокитю.—Чтѣ-жъ, вы ее любите или только такъ?

Семень помаялся нѣсколько въ нерѣшительности.

— Люблю-съ...

— Ну то-то. Люба можно. А такъ за дѣвками волокитя не годится... Такъ что же, вы теперь въ опалѣ, значить?

Семень какъ-то трахнулъ въ бока головой и подернулъ плечомъ, какъ-бы желая сказать: должно быть, не знаю навѣрно.

— У, значить ваша генеральша строгая по этой части?

— Строгая-съ, отвѣтилъ нерѣшительно лакей:— изъ горницы теперь меня прогнали; разобрать это дѣло приказали Алексѣю Осипычу-съ.

— Ого! шутливо замѣтилъ Теленьевъ:— что-жъ вамъ будетъ?

Семень опять подернулъ правымъ плечомъ и кивнулъ головой какъ-то въ сторону: — не могу-съ знать. Вышутъ-съ... Ихъ воля: господа... объяснилъ онъ и, вздохнувъ, отвернулся.

— Ну, ничего, ободрительно сказалъ Теленьевъ: — какъ-нибудь обдѣлаемъ это дѣло... Я попрошу батюшку. Онъ на радостяхъ теперь сдѣлаетъ это для меня.

Семень немного помолчалъ, потомъ понялъ, что нужно было что-нибудь отвѣтить.

— Мнѣ, собственно, сударь, немного подумавъ, объяснить онъ: — пусть онъ хоть сто розогъ дастъ — ничего-съ, а собственно-съ обидно за нее, потому что, собственно, она — женщина, существо, значить, деликатное... Опять, срамъ на цѣлую дворню.

— Вотъ только не хорошо, что говорите, будто сто розогъ ни почомъ. Развѣ вы дубина какая-нибудь, или не срамъ вамъ?... Ну, да ничего. Я поговорю объ этомъ съ отцомъ. Не бойтесь... Это что же у васъ господская порфира? шутливо спрашивалъ немного погоди Василій Алексѣичъ, осторожно дотрогиваясь рукою до засаленнаго лакейскаго сюртука.

— Господская-съ.

— А много у вашей генеральши душъ?

— Сказываютъ-съ, пятсотъ.

Теленьевъ ухмыльнулся.

— Ну, любезнѣйшій, сказалъ онъ, перекидывая ружье черезъ плечо: — пока я буду здѣсь у отца, вы ужъ прислужите тамъ, когда нужно... не въ службу, а въ дружбу, шутливо добавилъ онъ: — ну, а буду уѣзжать, такъ не оставлю — получите. Я не люблю, чтобъ мнѣ даромъ дѣлали что-нибудь.

— Со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ-съ, сударь, уже самымъ искреннимъ, развязнымъ образомъ отвѣтилъ Семень.

— А теперь, продолжалъ Теленьевъ:— скажите мнѣ, что у васъ тутъ на рѣгѣ водится дичь?

— Есть, есть, сударь! вотъ съ версту только подняться, будетъ болотце-съ: дичи — ужаста.

— Ну, а близко скотъ не ходитъ, или народъ, не опасно будетъ стрѣлять?

— Можно-съ; можно-съ; не опасно.. Тутъ пустырь пойдетъ. Версты четыре до дороги, не ближе.

— Теперь на-те вамъ полотенце и отправляйтесь себѣ съ Богомъ. Скажите батюшкѣ, что я черезъ часъ буду.

Семень, забравши весь купальный скарбъ, отправился домой, а Теленъевъ быстрыми шагами пошелъ вдоль рѣчки. Отсюда съ полверсты и зайдя въ кусты, онъ остановился, продулъ ружье и сталъ его заряжать.

Читатель, также какъ и авторъ, вѣроятно очень удивится, когда узнаетъ, что Теленъевъ зачѣмъ-то сталъ заряжать ружье не дробью, какъ бы слѣдовало ожидать отъ охотника, вышедшаго на дичь, а пулею... нисколько, повидимому, не выказывая желанія, въ самомъ дѣлѣ, пуститься отыскивать настоящую дичь. Нашъ охотникъ вынулъ изъ кармана листъ бумаги съ какими-то расчерченными кругами и, тщательно расправивъ, натянулъ его на кустъ и сталъ отходить, считая шаги. Отмѣривъ шаговъ сто, онъ остановился и, обернувшись къ цѣли, началъ взводить курокъ. Черезъ минуту раздался выстрѣлъ и Теленъевъ, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, свою фуражку, быстрыми шагами пошелъ къ цѣли. Но выстрѣлъ, должно быть, былъ неудаченъ, потому что губы Теленъева нѣсколько надулись когда онъ осмотрѣлъ мишень, и самъ онъ недовольно нахмурился. Отмѣтивъ что-то крестомъ въ записной книжкѣ, онъ поспѣшно возвратился на свое прежнее мѣсто и началъ снова заряжать ружье.

Послѣдовалъ второй, третій, четвертый, и за нимъ пятый выстрѣлъ. Послѣ каждаго выстрѣла онъ подходилъ къ мишени и отмѣчалъ, какъ и первый разъ, что-то въ своей книжкѣ. Должно полагать, что послѣдующіе выстрѣлы были удачнѣе, потому что, когда онъ кончилъ эту операцію и, изорвавъ листъ въ мелкіе клочки, кинулъ въ воду, то лицо его опять прояснилось какимъ-то удовольствіемъ.

Онъ закинулъ ружье за плечо, и пошелъ вдоль рѣчки. Охота ли была неудачна въ этотъ день, или у него не было расположенія сегодня долго охотиться, но только онъ воротился домой раньше того, чѣмъ обѣщалъ.

Отца онъ уже засталъ вставшимъ... Старикъ былъ совершенно одѣтъ и около самовара ожидалъ его возвращенія.

— О, дружокъ мой! говорилъ онъ, ласково обнимая и цалуя сына: — какъ ты рано поднимаешься! Ужъ про насъ, деревеньщину, говорятъ, что мы спозаранку встаемъ, а ты насъ всѣхъ за поясъ заткнулъ. Зачѣмъ же ты не разбудилъ человѣка, и не взялъ съ собой? Берегись, дружокъ. Здѣсь на рѣкѣ есть стрелнинны... Ну, да нужно же, чтобы было кому и помочь одѣться...

Безъ человѣка неловко, заботливо говорилъ отецъ: — я уже распекъ Семена, что онъ проспалъ и не замѣтилъ, какъ ты вынешъ...

— Онъ тутъ, батюшка, не виновать.

— Какъ не виновать? Какимъ образомъ пропустить... Все нерадѣніе къ господамъ, лѣнь. Бѣда теперь съ этимъ народомъ, заключаю я онъ съ негодованіемъ: — да ты и на охотѣ уже побывалъ?

— Да, для моціона! Совсѣмъ не умѣю стрѣлять!... Вотъ какая-то оплошная утва попалась, смѣясь объяснилъ Вася, вынимая изъ ягдташа убитую утку.

— Ну, ну, и то хорошо... Ну, мой Немвродъ нашего времени, шутилъ старикъ, не упуская случая еще разъ поцаловать сына: — садись, будемъ чай пить.

Отецъ самъ разливалъ чай. Онъ выворотилъ сыну въ стаканъ чуть не полсливочника густѣйшихъ сливокъ, въ угожденности такъ пересластитъ чай, что сынъ потомъ еле могъ пить, и подавая второй стаканъ, ласково прибавилъ, обращаясь къ сыну:

— Ну, Васюкъ, допивай, а потомъ начинай снаряжаться. Часа въ два намъ нужно къ генеральнѣмъ будетъ зайти уже съ визитомъ... Вчера это только такъ было.

Молодой Теленевъ сдѣлалъ кислу, смѣшную мину.

— Что? шутиливо спросилъ отецъ, вида его гримасы: — тебѣ опять не хочется, я вижу.

— Правду сказать, не хочется, рара.

— Нельзя, Вася... Нужно. Она можетъ разсердиться! Да и отчего тебѣ не хочется? Я же тебѣ говорилъ, ты видѣлъ наконецъ вчера самъ, она такая добрая...

— Я уже вчера сказалъ вамъ, батюшка, какъ на это смотрю... Мы имъ не пара. Но если вы хотите... покорно произнесъ сынъ: — но только, если можно, не сегодня. Когданибудь потомъ, улыбаясь, объяснилъ онъ: — къ тому же, успѣшно добавилъ онъ: — мнѣ нужно будетъ садиться заниматься. Я вамъ говорилъ.

— Ну, полно, чтó это! Только что пріѣхалъ, Богъ знаетъ черезъ сколько лѣтъ — и въ первый же день заниматься.

— На радостяхъ-то и не слѣдуетъ себя распускать, улыбаясь замѣтилъ сынъ: — тутъ-то и балуется человѣкъ. Нельзя, нужно, батюшка, сказалъ онъ твердо.

Черезъ нѣсколько минутъ чай былъ оконченъ и Теленевы поднялись съ своихъ мѣстъ. Отецъ, чтобы не мѣшать сыну, отправился хлопотать по хозяйству. Сынъ видѣлъ, какъ старикъ

подали бѣговныя дрожки и онъ съѣхалъ со двора. Старикъ отправился въ поле, взглянуть на вой-какія работы.

XII

У нашего героя была какая-то особенная способность дѣлать все торопливо. Онъ всегда спѣшилъ, какъ-бы дорожа каждою минутой, будто ему и жить-то всего оставалось нѣсколько часовъ... Вѣчно кипятился. У него рѣшительно не было того, свойственнаго почти всѣмъ намъ, русскимъ, недостатка, принимаясь за дѣло, долго предварительно собираться и мямлить. Онъ какъ будто былъ застрахованъ противъ этого. Если онъ что-нибудь задумывалъ дѣлать, то тотчасъ принимался за дѣло и, нужно ему отдать справедливость, работа у него почти всегда кипѣла подъ рукой. И смѣлка была огромная. На предварительное обдумываніе всякаго дѣла ему нужно было всегда какихъ-нибудь нѣсколько минутъ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ лихорадочно принимался за дѣло, и уже во время самой работы, всѣ частности ея являлись передъ нимъ какъ-бы сами собою. Едва онъ кончалъ какое-нибудь одно дѣло, какъ тотчасъ же, съ тою же лихорадочною поспѣшностью, хватался за другое; кончалъ это — брался за третье. Одно занятіе смѣнялось у него другимъ. Часовъ шесть или восемь въ сутки отдать для занятія—это уже было настоятельною необходимостью для него, отъ этого онъ нигдѣ не отступалъ, и развѣ только какой-нибудь исключительный случай могъ нарушить регулярность этого порядка. У него это доходило до педантизма, до странности. Регулярность эта была необходимымъ условиемъ, для того, чтобы онъ былъ веселъ весь остальной день, чтобы ѣлъ съ аппетитомъ и былъ разговорчивъ... Нарушался этотъ порядокъ, не сдерживалъ онъ разъ даннаго слова—и уже ему Богъ знаетъ что представлялось: и что онъ хуже всякой бабы, и что у него ни капли воли нѣтъ... И Богъ знаетъ еще что! И будетъ онъ цѣлый день казнитья, будетъ раздражителенъ до смѣшнаго и злой-презлой. Онъ обнаруживалъ при этомъ замѣчательную силу воли. Теперь, напримѣръ, онъ учился. Если онъ зналъ, положимъ, что утромъ ему нужно быть занятимъ съ семи до десяти часовъ, то рѣдкому гостю удавалось въ это время оторвать его отъ занятій. Это даже доходило до невѣжливости: сидитъ гость—а онъ вовсе имъ и не занимается, а дѣлаетъ свое дѣло, «да», «нѣтъ» — только и отвѣта гостю бываетъ, да еще морщится. Ну, гость обидится—и уйдетъ. Даже на вечерѣ, въ гостяхъ, какое бы обстоятельство ни удерживало его, въ какомъ бы пріятномъ обществѣ ни находился онъ и за какимъ бы

веселымъ занятіемъ ни заставлялъ его этотъ урочный часъ, былъ ли это праздничный день или будни — онъ, какъ правовѣрный мусульманинъ, никогда забывающій свершить намазъ въ урочный часъ, все оставлялъ и отправлялся домой. Знвшіе эту причуду, въ подобныхъ случаяхъ даже и не тратились на упрощеніе остаться. Ничто тутъ не помогало. Тутъ педантизмъ доходилъ до смѣшнаго.

И сначала это являлось въ немъ какъ-то рассчитаннымъ, напуганнымъ, но потомъ втнулось въ его натуру и такое жегѣзное самообладаніе, вмѣстѣ съ усмѣшкою въ постороннихъ, вызвало всегда и долю невольнаго уваженія къ нему. И при всемъ томъ, онъ вѣчно былъ еще недоволенъ собою въ душѣ, все ему еще казалось малымъ, все ему мерещилось, что онъ много баблунничаетъ. Я только и зналъ двухъ такихъ замѣчательныхъ субъектовъ въ этомъ родѣ—его, да еще одного поляка. Этотъ послѣдній даже и его перешеголялъ: идетъ, бывало, куда-нибудь по дѣлу, а самъ, чтобы не терять напрасно времени, на ходу долбитъ французскіе неправильные глаголы.

Даже пріѣздъ къ отцу, котораго Теленъ не видѣлъ съ дѣтства, не могъ измѣнить этого обычнаго порядка жизни нашего героя. Все у него сразу же пошло обычной чередой. Какъ только стѣнные часы Александра Осипыча пробили восемь, онъ поспѣшно допилъ свой стаканъ и первый поднялся изъ-за стола.

Войдя въ свою комнату, онъ досталъ изъ порожняго чемодана нѣсколько какихъ-то книгъ и тетрадей, отворилъ окно, выходящее въ садъ, и прісѣлъ къ столу. Черезъ минуту карандашъ его уже бѣгалъ по бумагѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько какихъ-то математическихъ выкладокъ, онъ отложилъ это въ сторону и принялся за нѣмецкій переводъ, который вписывалъ въ толстую тетрадь. Черезъ полчаса и это занятіе было уже отложено въ сторону, и онъ сидѣлъ за какими-то военными планами; а еще черезъ часъ, мы увидѣли бы у него въ рукахъ историческій атласъ и тоненькую Веберовскую всеобщую исторію. Во всемъ этомъ была замѣтна уже сроднившаяся съ его натурою привычка къ подобнаго рода занятіямъ. Онъ этимъ никогда не тяготился и всегда принимался за это съ любовью. Если когда-нибудь и случалось, что онъ чувствовалъ неохоту и потребность понуждать себя, онъ сейчасъ же оставлялъ этого рода занятія и принимался за что-нибудь другое. Онъ зналъ, какъ вредно въ подобныхъ случаяхъ насиловать себя, и потому, надъ какою бы скучною матеріею бы его ни заставляли, въ никогда не увидѣли бы на лицѣ его принужденія или зѣвоты. Мало того, никогда онъ

не развалится во время занятій, какъ дѣлаютъ многіе; напротивъ, онъ и тутъ держится какъ-то особенно прямо. Это ужъ что-то врожденное, фамильное было. Мы видѣли въ началѣ романа въ одномъ мѣстѣ, что и у отца его была та же привычка всегда держаться прямо. Никогда также не увидѣли бы вы его читающимъ лежа. Кровать его никогда не была смята. Какъ ее застилали утромъ, такъ она цѣлый день и оставалась, и онъ подходилъ къ ней только тогда, когда ужъ нужно было вечеромъ ложиться спать. Цѣлый день онъ былъ въ сюртукѣ и, какъ истинный служака, ни одинъ крючокъ, ни одна пуговица, никогда не были растегиваемы на немъ цѣлый день.

Окончивъ свои «сурочныя» занятія въ этотъ разъ на физикѣ, онъ отложилъ все это въ сторону и рѣшился дать себѣ маленький обычный отдыхъ. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

Въ другой комнатѣ слышались голоса. Это значило, что Алексѣй Осипычъ уже вернулся съ поля.

Теленевъ вышелъ къ отцу. Алексѣй Осипычъ разговаривалъ съ кѣмъ-то въ сѣняхъ.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста сюда, говорилъ онъ кому-то, входя въ комнату и снимая свою порыжѣлую фуражку, съ оранжевымъ околышемъ: — пожалуйста сюда.

Сынъ увидѣлъ, что въ комнату вошелъ надутый Семень, а за нимъ какая-то женщина, въ пестромъ, шерстяномъ платкѣ, накинутаго на голову. Это была Феничка.

— Что это такое, папа? спросилъ онъ.

— А вотъ, дружокъ, все съ этимъ народомъ возусь! Ничего дѣлать не хотятъ—глупости только въ головѣ. Полюбуйся, онъ показавъ на дѣвушку: — молодая еще дѣвчонка, а вонъ въ какомъ положеніи.

Дѣвушка тихонько потянула платокъ, стараясь, изъ стыдливости, получше скрыть лицо—и нѣсколько отвернулась въ сторону, къ окну.

— Генеральша приказала подробно разобрать ихъ дѣло и доложить ей. Разумѣется, это имъ не пройдетъ такъ, высказавъ управляющій, желая впередъ уже припугнуть подсудимыхъ: — вѣроятно, прикажетъ взыскать. Ну, сказалъ онъ, обращаясь къ виновнымъ: — рассказывайте подробно, какъ все это дѣло было?

Василій Алексѣичъ тихо отошелъ въ сторону и сѣлъ, ожидая, что изъ всего этого выйдетъ.

— Ну, понуждалъ подсудимыхъ старикъ Теленевъ.

Но и Семень, и дѣвушка продолжали молчать.

— Расскажите мнѣ подробно, какимъ образомъ это случилось, давно ли, и въ какомъ мѣстѣ?

У молодого Теленъева скользнула по губамъ улыбка и онъ сдѣлалъ какое-то нетерпѣливое движеніе на стулѣ.

— Вѣдь это онъ, твой любовникъ? обратился управляющій къ дѣвушкѣ. Василій Алексѣичъ видѣлъ, какъ воробью дѣвушку. (Она сдѣлала еще болѣе замѣтное движеніе закрыть лицо платкомъ и отвернуться въ сторону).

— Ну-съ! Дождусь ли я отъ васъ чего-нибудь? спросилъ строго старикъ Теленъевъ, не дождавшись скорого отвѣта.

— Я-съ, Алексѣй Осипичъ, люблю-съ ее, невѣроятно много говорилъ Семень.

— Такъ что жъ, что любишь? сурово замѣтилъ неумолимиі управляющій. — Такъ и можно, чортъ знаетъ, что тамъ дѣлать изъ дѣвчечъ? Женись.

— Я готовъ жениться, только-съ теперь мнѣ нельзя, потому, значить, что теперь мы, Алексѣй Осипичъ, только что владѣ отъ господъ получили, а отойти еще не можемъ. Извѣстно вамъ.

— Да, да, вотъ объ этомъ вы только и думаете, какъ бы поскорѣй отъ господъ отойти и забыть ихъ благодѣянія, упрекнулъ управляющій.

Старикъ управляющій, вѣроятно, хотѣлъ дать острастку этому вольнодумцу, смѣющему еще думать о волѣ, потому, что прибавилъ строго:

— Ты тутъ, кажется, первый бунтовщикъ. Вотъ я тебя къ становому отправлю!

— Никакъ вѣтъ-съ, Алексѣй Осипичъ, мы не бунтовщики, и власть и милость генеральши, можно сказать, признаемъ и чувствительнѣйше понимаемъ-съ, а только...

— Ну, молчать, безъ всякихъ тутъ философствованій.

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ. Ваша власть-съ. Только я смѣю доложить, что я всѣмъ чувствомъ, можно сказать, люблю-съ Федосью.

— А какъ же ты мнѣ прошлый разъ говорилъ, что это не твоя любовникъ?

Лакей промолчалъ.

— А тебѣ, молодой дѣвчонкѣ, не стыдно такъ рано заниматься такими дѣлами? строго обратился уже къ дѣвушкѣ управляющій: — пріятно тебѣ будетъ, когда я прикажу кою обрѣзать и такъ по деревнѣ провести... Вѣдь за этимъ не станеть. Вы уже думаете, что и власть на васъ теперь вѣтъ?

Дѣвушка вынула крохотный платочекъ изъ кармана, повернулась бокомъ — нагнулась — тихо сморкнулась въ него и вытерла красные, заплаканные глазѣны.

— Изволь мнѣ сейчасъ же подробно рассказать, какъ это

дѣло было, когда и гдѣ вы назначали свиданіе, и что онъ тебѣ говорил? Генеральша приказала все это разузнать и подробно ей доложить... Ну-же! понуваль старикъ робкую на признаніе дѣвушку, теребя ее за плечо.

— Батюшка, рѣшился осторожно вмѣшаться молодой Теленьевъ: — вѣдь это слишкомъ щекотливые для всякаго вопросы...

— Но генеральша хочетъ знать это подробно.

Сынъ усмѣхнулся.

— Странное любопытство!... Надъ этимъ врядъ-ли можно признать власть помѣщика, особенно теперь.

Алексѣй Осипычъ покосился на сына.

— Я, мой другъ, ты не думай, и самъ не радъ, мягко замѣтилъ отецъ:—вѣдь это въ чужомъ пиру похмѣлье. Но ея власть, она приказала. Я подначальный человѣкъ.

— Ну, вы ей объясните. Попросите за нихъ. Вѣдь это и не простое волокитство. Они любятъ другъ друга. Вы его любите? спросилъ онъ дѣвушку, уваживая на Семена. — Молчить. — Любите?

— Люблю-съ... тихо отвѣтила та.

— Ну, а мнѣ извѣстно, что вотъ онъ хочетъ жениться на ней, когда они будутъ совсѣмъ вольные... Попросите за нихъ у генеральши... Ну, я васъ прошу за нихъ, попросилъ онъ, замѣчая колебаніе отца:— для меня сдѣлайте, для моего пріѣзда.

— Да, я ничего, ничего, дружокъ, уже раздобывшись, говорилъ старикъ: — только бы генеральша...

— Ну, вы ей скажите, что и я прошу.

— Постараюсь, постараюсь! лишь бы она простила ихъ, объяснялъ онъ: — ну, ступайте теперь. Я поговорю съ генеральшей.

Подсудимые вышли изъ комнаты.

— Смѣшно жѣ, продолжалъ сынъ уже твердо: — они теперь вольные, и вдругъ обращать вниманіе и взмѣкивать за такіе проступки, которые почти никому не вредятъ, вромѣ ихъ самихъ, и ни до кого не касаются... Да и имѣеть ли еще право помѣщика вмѣшиваться въ такія щекотливыя дѣла, и выискивать, какъ, да гдѣ, да какимъ образомъ... На это никто власти не имѣеть. Это касается ихъ двухъ и никого болѣе. Это ихъ дѣло.

— Да такъ, такъ, говорилъ переконфуженный отецъ: — я тутъ, не думай, ничего не виноватъ. Она помѣщица — приказываетъ, оправдывался онъ.

— Ну, вы попросите и отъ меня.

Все это объясненіе было очень тяжелымъ для старика Теленбева, и потому онъ вознамѣрился теперь шуткою загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на нихъ обоихъ настоящею сценой.

— Ну, а пойдешь со мной сейчасъ къ генеральшѣ? шутливо спросилъ онъ, поймавъ за руку сына.

Сынъ разсмѣялся.

— Э, нѣтъ, и выдернулъ свою руку: — я еще не кончилъ заниматься — успѣемъ, потомъ когданибудь, пообщалъ онъ опять: — ну, я пойду, мнѣ пора. — Онъ вышелъ.

Теперь для занятій послужили уже совсѣмъ другія учебныя книги.

XIII.

Въ одинадцать часовъ управляющему пришлось хотъ одному отправиться къ генеральшѣ.

Варвара Михайловна сидѣла въ своемъ маленькомъ будуарѣ, отдѣленномъ отъ спальни темно-малиновою тяжелою драпиріею. Направо у стѣны стоялъ краснаго дерева туалетный столикъ, на зеркалѣ котораго гнѣздилась порядочная батарея различныхъ склянокъ съ косметическими снадобьями. Налѣво видѣлась маленькая козетка, столикъ и нѣсколько кресель, обитыхъ такою же пунцовой матеріею, какую мы видѣли на мебели въ гостиной. Подъ былъ обитъ зеленымъ сукномъ, а въ углу стояла этажерка съ книгами и статуэтками цалующихся амуровъ. Вообще комната, видимо, претендовала на комфортъ.

Варвара Михайловна была не одна.

Противъ нея, опустившись глубоко въ кресло и кутаясь отъ раскрытаго окна клѣтчатымъ пледомъ, сидѣла Наташа. Бѣлый чепчикъ, и выглядывавшая изъ-подъ пледа свѣженькая юбка доказывали, что это еще утрешнее дезабилье. На лицѣ отгнѣнокъ тревоги. Передъ ней стоялъ на кругленькомъ столикѣ недошитый стаканъ молока.

Сама Варвара Михайловна, въ бѣломъ щегольскомъ пенъюарѣ, сидѣла теперь у окна на желѣзномъ, расквашивающемся креслѣ. Она, по обыкновенію, ковыряла крючкомъ все тотъ же нескончаемый шарфикъ и держала на колѣняхъ маленькую куклу — дѣвочку лѣтъ трехъ, съ кроткими, задумчивыми глазами, одѣтую съ тою тщательностью, какой удостоиваются только баловни-дѣти. На ней было пышно-накрахмаленное платьице, а пунцовая ленточка подхватывала на головкѣ волосы, чтобы они не мѣшали и не падали ей на глаза. Варвара Михайловна, въ

качествѣ бабушки, время отъ времени, отрывалась отъ разговора, который шелъ у ней съ дочерью, и съ особенною нѣжностью зангирывала съ молчаливымъ ребенкомъ, игрившимъ у ней на колѣняхъ колодою картъ. Страстными поцалуями осыпала она ручки и ножки хорошенькой внучки, разглядывала ихъ складъ и дѣлала кое-какія лестныя для будущности дѣвочки прорипцательства.

Давно уже разговаривала Варвара Михайловна съ дочерью. Теперь ужъ онѣ говорили на свободѣ и серьезно. Ея материнское сердце было сильно встревожено всѣмъ, что передала ей дочь. Она и рада была ея прїѣзду, такъ-какъ въ ея любви къ дочери ни на минуту нельзя было сомнѣваться, она и ожидала ее по письмамъ, — но та торопливость, съ которою та прїѣхала теперь, оставивъ въ Москвѣ мужа, — и все, что она передавала теперь, — все это пугало Варвару Михайловну. Какъ уже знаетъ читатель, неблагоприятность отношеній Натальи Юрьевны съ мужемъ, ея «несчастье» съ нимъ, какъ говорятъ въ свѣтѣ, были извѣстны матери, конечно, до мелочей. Но теперь, когда дочь заявляла желаніе сдѣлать рѣшительный шагъ — это пугало робкую Варвару Михайловну... Она попыталась еще разъ убѣдить дочь не рѣшаться на что нибудь окончательное.

Наташа опять задумалась.

— Нѣтъ, сказала она съ оттѣнкомъ грусти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тономъ той твердости, которая заставляетъ предполагать, что у человека уже составилось окончательное мнѣніе, которое онъ и рѣшилъ привести исполненіе: — нѣтъ, ты знаешь, мама, я дѣлала всевозможныя попытки. Это была послѣдняя. Года было достаточно. Я не могу болѣе — это выше моихъ силъ... Еще одинъ такой годъ — и я не переживу. Довольно... Я должна побережечь себя хотя для нея... Она взглянула на дочь, взяла платокъ со стола, еще глубже опустила въ кресло и, закрывъ лицо, тихо заплакала... Это была ужъ очень тяжелая сцена для Варвары Михайловны. Она ужъ болѣе не возражала. Она видѣла, что все напрасно. Къ тому же она горячо любила дочь, она наконецъ не могла не признать въ ея рѣшеніи многого вызваннаго необходимостью, крайностью... Осуждать было тяжело, языкъ не поворачивался, да и здоровье дочери, казалось ей, требовало осторожности.

Тяжело было сердцу Варвары Михайловны видѣть дочь — да еще такую, какою представлялась ей всегда Наташа, почти ея гордость — въ такомъ положеніи: почти больною, можетъ быть, въ будущемъ одинокою и беззащитною, полунесчастною, у которой все зданіе ея будущаго теперь колебалось подъ ногами. Это было сверхъ силъ слабой, но все-таки доброй матери, какова была Варвара Михайловна, и она не могла тоже не прослезиться.

Съ минуту слѣдовала тяжелая для всѣхъ пауза. Обѣ плавали... Варвара Михайловна первая оправилась на столикъ, чтобы быть въ состояніи опять заговорить.

— Что же теперь, Наташа? рѣшилась, не безъ робости, наконецъ, спросить добрая мать.

Наташа Юрьевна отняла платокъ отъ лица, вытерла слезы, положила платокъ опять на столъ и постаралась приободриться. Съ минуту она какъ-бы думала, собиравась съ мыслями.

— Теперь? повторила она: — ничего, разѣдемся. Жить вмѣстѣ — намъ обонимъ было бы тяжело, послѣ прежняго счастья. Вѣроятно, моя пѣсня спѣта. Теперь нужно хоть для Вари приберечь себя. Разумѣется, съ грустью добавила она: — это уже будетъ не жизнь, а только *доживаніе*. Она склонилась на ручку кресла и опять нервно заплакала.

— Пустяки, мой другъ, попробовала утѣшить ее Варвара Михайловна: — къ чему такіа черныя мысли. Богъ милостивъ. Поправившись, будемъ жить вмѣстѣ въ Москвѣ — ты разсѣнешься... Можетъ быть, даже... улыбнувшись, прибавила она, и недосказала, и остановилась... Но сердце Наташи, которое въ эту минуту билось въ одинъ тактъ съ сердцемъ Варвары Михайловны, подсказало ей намекъ матери.

Она горько улыбнулась.

— Нѣтъ, такъ любить другаго, какъ я любила Володю, я вѣрно уже не въ состояніи. Я слишкомъ много отдала этой любви сердца и здоровья. Это была ошибка.

— Но я безъ прежней любви — возможенъ покой. Это тоже не послѣднее дѣло, достаралась сказать бодро мать.

Наташа опять горько улыбнулась.

— Ты знаешь, мама, съ мнѣмъ ли характеромъ, съ моею ли натурой жить, не волнуясь вѣчно, жить безъ того, чтобы не любить, не быть любимой, съ улыбкой тихой грусти сказала Наташа: — ты знаешь эту глупую, *несчастную* способность моего сердца... (На словѣ «несчастную» она сдѣлала самое обидное для себя удареніе).

— Да, но это ужъ не первый день вся эта исторія, мой другъ, съ улыбкой замѣтила Плещеева: — это второй годъ, и ты сама признавалась, что теперь холоднѣе смотришь, какъ сама замѣчала. Время сдѣлаетъ свое.

— Такъ. Но уже эти два года чего мнѣ стояли — вѣдь это нравственная смерть!... Нѣтъ, рѣшительно сказала она, одушевляясь рѣшимостью: — это правда, нужно выкинуть все это изъ головы. Покоя, покоя! Теперь я должна жить только для Варички. Болѣе нѣ для чего, и нѣ для кого. Постараюсь здѣсь

поправиться. Здоровья, здоровья — это главное. Если не поможет, поѣду куда-нибудь на воды, или даже за границу.

— Ну, разумеется, согласилась радостно мать, видя, что дочь успоковлась.

Наташа, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ повеселѣла, или, можетъ быть, она только хотѣла прогнать тоску, таготившую ее. Она протянулась, взяла къ себѣ на руки дочь отъ Варвары Михайловны, и принялась горячо цаловать ребѣнка, нѣжно разглаживать на головкѣ его рѣденькіе волосы, и обдергивать платице. Она даже и сама разсмѣялась, когда та, подъ ея щеколку, раскинулась у ней на колѣняхъ и вдругъ звонко захохотала. Она размочила булку на блюдечкѣ въ молоко, и принялась кормить дѣвочку съ ложечки.

Варвара Михайловна постаралась теперь воспользоваться хорошимъ расположеніемъ духа Наташи.

— Во всякомъ случаѣ, Наташа, я надѣюсь, что только-что высказанное тобою рѣшеніе на счетъ будущихъ вашихъ отношеній съ мужемъ — не есть окончательное? Это слишкомъ важный шагъ. Нужно хорошенько обдумать, вдругъ съ чего-то по-французски заговорила она.

Кто-то стукнулъ ручкою двери. Вошла Паша.

— Алексѣй Осипычъ, доложила дѣвушка.

Такъ-какъ управляющимъ не женировались, считая его за своего, то Варвара Михайловна и рѣшилась его принять у себя.

— Прости, приказала она горничной. Она поспѣшно достала съ этажерки батистовую, обшитую кружевами восмочку, и торопливо прикрыла ею свою шиденъбую косу, оставивъ темя головы нарочно открытымъ.

Алексѣй Осипычъ явился осторожно, какъ и вчера, подошелъ къ ручкѣ сначала къ генеральшѣ, потомъ къ Натальѣ Юрьевнѣ, мимоходомъ чмокнувъ въ ручонку и дѣвочку... Нагнувшись къ Натальѣ, и не выпуская ея руки, старикъ долго поздравлялъ ее опять съ прїѣздомъ, такъ любовно, почти отечески, смотря на молодую женщину... Онъ разспросилъ и о дорогѣ, и о здоровьѣ супруга (вчера этого при чужихъ нельзя было сдѣлать), и чисто-сердечно, повидному, пожалѣлъ, когда на послѣднее получилъ неутѣшительное извѣстіе.

Варвара Михайловна указала ему на кресло.

— Поздравляю васъ еще разъ, Алексѣй Осипычъ, сказала она ласково, когда онъ усѣлся.

Старикъ отдѣлился всѣмъ туловищемъ отъ спинки кресла, и не поднимаясь, покачнулся впередъ, какъ-бы благодаря. Онъ опять уперся въ спинку.

— Я понимаю, какая это радость, видѣть дѣтей... продолжала генеральша: — какой онъ у васъ молодець. Вчера, жаль, мы такъ мало имѣли удовольствія его видѣть... Что же вы его и сегодня не привели съ собой?

— Онъ извиняется, ваше превосходительство, начиная конфузиться, лукавилъ старикъ: — онъ усталъ съ дороги, и отдыхаетъ, солгалъ онъ, краснѣя: — какъ только время позволитъ, онъ сейчасъ же явится засвидѣтельствовать снова вашему превосходительству...

Послѣднія слова Теленьевъ договорилъ какъ-то, видимо, неуверенно.

— Ну, что же, вы довольны? Вѣдь молодець вышелъ, шутила Варвара Михайловна.

— Какъ сказать-съ? — да-съ, нерѣшительно опять отвѣтилъ старикъ: — на мнѣніе родителя, изволите знать, въ этомъ случаѣ, нельзя полагаться, ваше превосходительство, смѣясь, поспѣшно прибавилъ старикъ: — изъ себя, какъ изволили видѣть, такъ-себѣ, молодець.

Съ минуту обѣ стороны молчали.

— Ну, а такъ, какъ вы его нашли?

Варвара Михайловна не объяснила, что значитъ «такъ», но Алексѣй Осипычъ какъ будто бы понялъ и, послѣ нѣвотораго колебанія, съ легкой улыбкой на губахъ, прибавилъ, выражаясь неопредѣленно:

— Немного странный, ваше превосходительство... Вѣроятно и вы изволили замѣтить вчера?..

Генеральша только отчасти поняла, въ какомъ отношеніи находилъ отецъ страннымъ сына, и потому посмотрѣла на Теленьева, какъ-бы ожидая дальнѣйшихъ разъясненій; но видя, что онъ колеблется, рѣшилась сама подстрекнуть его замѣчаніемъ...

— Да, но нынѣшніе молодые люди всѣ странны въ этомъ отношеніи... непочтительность, вдругъ съ чего-то лаянула она.

— Ахъ, нѣтъ, ваше пре—ство, испуганно поправилъ Теленьевъ: — на этотъ счетъ, я ничего не могу сказать. Онъ почти-теленъ. По всему видно, что онъ доброе и умное дитя (для родителей, которые съ дѣтства не видѣли дѣтей, они остаются навсегда ребятами): — Наконецъ, я его мало знаю, прибавилъ онъ: — трудно сказать что-нибудь окончательно... Но нѣкоторыя его выраженія... вы изволили замѣтить вчера? спросилъ онъ: — и манера обращаться съ людьми мнѣ показались странною...

— Напримѣръ? пытливо спросила Варвара Михайловна.

— Напримѣръ-съ... (Онъ нѣсколько колебался, выбирая, что бы привести въ примѣръ): — напримѣръ-съ... онъ усмѣхнулся и за-

думался на минуту:—онъ, дворецкому и Семену, прислугѣ, говорить *сы*.

И Варвара Михайловна слегка улыбнулась.

— Ну, это еще ничего... Ну, да и кромѣ того, есть еще нѣкоторыя странныя понятія, какъ я успѣлъ замѣтить... Вчера я ему сталъ выговаривать, зачѣмъ рѣдко пишетъ ко мнѣ, къ отцу, о своей жизни, а онъ и говорить—что это мнѣ не должно быть интересно, такъ-какъ я его образа жизни не знаю. Извольте знать, этакій неопытный, юношескій еще взглядъ. Молодой еще человѣкъ, поторопился онъ объяснить, желая, по слабости отеческаго, любящаго сердца, сейчасъ же и оправдать въ глазахъ чужихъ сына.

— Да, это общій недостатокъ нынѣшнихъ дѣтей. — Эта холодность къ родителямъ, соглашалась Варвара Михайловна.

Теленевъ хотѣлъ еще что-то рассказать... но опомнился, что не слѣдъ, передъ чужимъ человѣкомъ, выставлять недостатки собственнаго сына, и какъ-бы уже раскаяваясь въ своей болтливости и желая поправиться, прибавилъ поспѣшно:—впрочемъ, у него есть и хорошія странности... Этого нельзя отнять. Все онъ дѣлаетъ самъ, прислуги для него какъ будто совершенно и ненужно... Это пустяки-съ и странно — но въ этомъ я нахожу и хорошую сторону: бѣдняку нужно приучаться... Немножко чуждакъ, юность, усмѣхнувшись, заключилъ старикъ.

— Не изъ *новыхъ* ли? шутливо замѣтила Варвара Михайловна.

Алексѣй Осипычъ тоже улыбнулся и сдѣлалъ плечами движеніе, какъ-бы желая сказать: «не знаю».

Наталья Юрьевна улыбнулась.

— Сынъ вашъ бралъ лошадей въ Волковскихъ поселкахъ? обратилась она къ управляющему.

Управляющій вытаращилъ глаза на нее.

— Бралъ, точно-съ...

Суринаская шире улыбнулась и обратилась къ матери по-французски, зная, что старикъ Теленевъ не понимаетъ этого языка. Такъ для него и осталось загадкой, что Суринаская рассказала про сына...

— Я, ваше превосходительство, призывалъ этихъ, что изволили приказывать: Семена и Феньку, повернулъ вдругъ разговоръ на административна дѣла управляющій: — призывалъ и разбиралъ дѣло... Это Семенъ Трофимовъ виновать... Говорятъ, что любить другъ друга. Чтѣ призжете дѣлать! усмѣхаясь, замѣтилъ Алексѣй Осипычъ: — говорятъ, что хотѣли впоследствии повѣнчаться.

Варвара Михайловна замѣтила, что это не оправданіе и что все-таки нужно вѣнскать, давъ знать посреднику.

— Я осмѣлюсь просить въ этомъ случаѣ за нихъ, робко началъ Теленевъ: — теперь, съ этимъ народомъ нужно будетъ магче обходиться. Если они будутъ вооружены противъ насъ, то ми Богъ-знаетъ какихъ хлопотъ наживемъ при сдѣлкахъ, которыя вскорѣ предстоятъ. Лучше-ужь теперь уступить, ваше превосходительство. Будете смотрѣть жакъ... Онъ растопырилъ у себя передъ глазами пальцы.

Варвара Михайловна задумалась на минуту.

— Ну, я подумаю объ этомъ.

Видя, что сердце генеральши начинаетъ смягчаться, Алексѣй Осипичъ задумалъ воспользоваться этимъ и не унискать благоприятной минуты.

— Это даже, ваше превосходительство, не одна моя просьба за нихъ, но и сына... Онъ случайно былъ при томъ, какъ я разбиралъ это дѣло, и слышалъ все. Разумѣется, юношѣ все вновѣ, и потому ему жалко ихъ стало, объяснилъ сострадательно Теленевъ. — Ну, вотъ и-сталъ-просить, чтобы я за нихъ замолвилъ словомъ у вашего превосходительства.

— Ну, я вамъ говорю, что изъ-этихъ, изъ *моихъ*! оставивъ окончательно прежній меланхолическій тонъ и опять переходя къ веселости, произнесла Варвара Михайловна: — ну, хорошо. Это первый и послѣдній разъ. И то я дѣлаю это для васъ и для вашего сына, улыбаясь, сказала Варвара Михайловна: — скажите этимъ господамъ. Только чтобы все-таки я ихъ не видѣла здѣсь: Оеньку отправьте въ распоряженіе скотницы, пусть она тамъ находится; а Семень Трофимовъ пусть у васъ тамъ будетъ, во флигелѣ, какъ сказано.

— Слушаю-сь...

Дальнѣйшій разговоръ перешелъ на предметы, уже неинтересные для читателя, и потому мы кончаемъ эту главу.

ДМИТРИЙ ГИРОЪ.

* Редакція считаетъ справедливымъ заявить, что въ этой первой половинѣ II части, VII глава не могла явиться въ печати, но совершенно независимымъ отъ автора обстоятельствомъ.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО.

Статья первая.

Странности и противорѣчя. Союзная власть, штаты и личность. Епископальная церковь. Пуритане. Пресвитеріане. Католики. Лютеране и нѣмцы вообще. Свободныя общины въ Америкѣ. Американская религіозность. Общія школы. Заведенія для высшаго образованія. Ихъ недостатки. Сгѣдствія американской системы училищъ. Унитарьянцы въ Европѣ. Чѣннингъ. Унитарьянцы въ Америкѣ. Балтиоты. Тэнкеры. Квамеры. Уэсли и Уайтфилдъ. Методисты въ Англіи и въ Америкѣ. Резизали.

Въ добавочномъ томѣ ученаго богословско-католическаго словаря, изданнаго въ Фрейбургѣ, неизвѣстный авторъ перечисляетъ длинный рядъ американскихъ сектъ, существовавшихъ въ 1854 году, и кончая свой списокъ, говоритъ: «Къ такимъ отвратительнымъ крайностямъ приводитъ свобода изслѣдованій». Конечно, читатель не можетъ смотрѣть иначе, какъ весьма подозрительно на подобный источникъ: католицизмъ, не допуская возможности спасенія, истины и улучшенія внѣ формулъ тридентинскаго собора, дѣлаетъ безпристрастное розысканіе въ своей средѣ почти невозможнымъ. Данныя упомянутой статьи становятся еще болѣе сомнительными, когда специалисты, долго жившіе въ Америкѣ, и посвятившіе ей обширныя труды, сознаются, что они ни разу не слышали, напимѣръ, о Брианнтахъ, добровольно отрѣзывающихъ себя правое ухо; что другія секты, приводимыя ученымъ католическимъ богословомъ, имѣли лишь мимолетное существованіе, ограничивались лишь нѣсколькими личностями; что онъ принялъ за секту Вилеесмитовъ—просто Герингтеровъ городка Вилеесма, за особую секту Табернакулистовъ—посѣтителей религіозныхъ празднествъ въ нью-йоркскомъ Тавернаслѣ и т. п. Увеличивая число американскихъ сектъ, онъ полагалъ сдѣлать болѣе нагляднымъ неизбежное раздробленіе на мелкіе обособленные кружки вѣрующихъ, къ которому стремится всякое исповѣданіе, не подчиняющее мысль вѣрующаго безусловному авторитету. «Если ваша вѣра

распадается на безчисленные подраздѣленія, то она истинна быть не можетъ и вашъ путь отыскивать истину есть путь ложный», говорили въ разныя времена защитники іерархическаго подчиненія тѣмъ, которые допускали хотя немного критики. Этотъ аргументъ едва-ли не лучше другихъ высказалъ еще Боссуэтъ въ своей извѣстной «Histoire des variations des églises protestantes» (1688).

Допустивъ тенденціозность и частныя ошибки въ данныхъ упомянутой статьи, все-таки основныя факты ея остаются безспорными: въ Америкѣ встрѣчаемъ весьма значительное число сектъ, религіозныхъ подраздѣленій, начиная съ главныхъ установившихся исповѣданій Европы (за исключеніемъ, впрочемъ, греко-восточнаго православія ¹) до полного отсутствія сверхъестественныхъ догматовъ; эти американскія *denominations* возникаютъ съ чрезвычайною легкостью, большею частью умираютъ скоро, но нынѣ держатся довольно значительное время, чтобы ихъ отмѣтили и внесли въ тотъ или другой списокъ; наконецъ странности, представляемыя этими сектами, весьма значительны.

Послѣднее не могло не поразить всего болѣе русскихъ читателей въ недавно вышедшей въ переводѣ книгѣ Уильяма Генворса Диксона «Новая Америка» (1867) ², которая по интересу своего содержанія, быстро обратила на себя вниманіе публики. Читая о томъ, какъ мормонскій пророкъ закрѣпляетъ печатью умершихъ живыми и какъ жарко стремится мормонки къ этому таинственному союзу, нельзя не согласиться съ авторомъ, что «за исключеніемъ пламенныхъ стремленій индѣйскихъ женщинъ къ ихъ милому богу, нѣтъ такого страннаго сумасшествія на землѣ, какъ эта эротическая страсть мормонокъ къ умершимъ» (187). Когда мы узнаемъ, что около половины ученыхъ и литераторовъ Америки, членовъ конгресса и законодательныхъ собраній штатовъ, что, наконецъ, *милліоны* поклонниковъ принадлежать къ ученію, замѣчательнѣйшіе представители котораго весьма серьезно рассказываютъ, какъ жители планеты Юпитера ходятъ на четверенькахъ ³ или какъ духи ѣздятъ въ каретахъ и беспокоятся, чтобы лошади не понесли ⁴, то распространеніе подоб-

¹ Есть въ Америкѣ и православные, но о численности ихъ нѣтъ свѣдѣній, и, во всякомъ случаѣ, число ихъ значительно быть не можетъ.

² Въ заглавіи перевода (оригинала мы не видали) авторъ названъ просто Диксономъ, но на стр. 264 изъ обращенія Фредерика слѣдуетъ, что онъ дѣйствительно Генвордъ, то-есть Генворсъ (Herworth).

³ *Andrew Jackson Davis*: «The principles of nature: her divine revelation; and a voice to mankind» (1847). 189.

⁴ *Edmonds*: «Spiritualism». II, 134.

нихъ недѣлныхъ вѣрованій не можетъ не быть тѣмъ болѣе изумительно для насъ, чѣмъ самыя вѣрованія недѣлныя. Наконецъ, восхваленное положеніе американскихъ женщинъ и волненіе, возбужденное тамъ женскимъ вопросомъ, не можетъ не стать подозрительнымъ въ глазахъ инаго читателя, когда онъ отъ Диксона узнаетъ, что все это привело къ депутаціи, требовавшей измѣненія въ обычаяхъ начинать проповѣдь словами: «братья!» (Диксонъ, 305), да къ проповѣди Элизы Форенгамъ, что «оба пола точно также разнятся по своему положенію, какъ и по своимъ способностямъ. Человѣкъ долженъ быть труженникомъ, воздѣлывателемъ земли, а его сестра, воздѣлываемая на одной груди съ нимъ, предназначена быть пророчицей и ясновидящей. Одинъ созданъ грубымъ, сильнымъ, чтобъ онъ могъ бороться съ вѣшнимъ міромъ; другая создана слабой, нѣжной для того, чтобъ она могла вступать въ сношенія съ духовными мірами. Каждый полъ такимъ образомъ имѣетъ свою особую область, которая и ограничиваетъ его долгъ и обязанности. Мужчина долженъ работать, женщина любить. Онъ работаетъ плотью, она — духомъ. Мужъ выработываетъ и наживаетъ, жена раздаетъ и проживаетъ; это дѣлается не изъ капризу, не для шутки, но по волѣ вѣчнаго закона. Мужчина долженъ работать и пахать, женщина расходовать и веселиться; своимъ высшимъ умомъ она заставляетъ его матеріальныя достоинства служить своей пользѣ и красотѣ. Мужчина воздѣлываетъ землю, женщина примирительница. Онъ имѣетъ дѣло съ низшими формами природы, она съ высшими. Человѣкъ побѣждаетъ землю, женщина является посредницей между землей и Богомъ» (Диксонъ, 314 — 315).

Какъ же это возможно? спрашиваетъ удивленный читатель. Неужели Америка, на которую съ такимъ сочувствіемъ и такими надеждами обращались думы замѣчательнѣйшихъ мыслителей Европы, Америка, эта страна свободы, страна будущаго, могла породить подобныя безобразія, дать имъ такое обширное распространеніе и могучее развитіе? Должно быть, одностороннее увлеченіе свободными политическими учрежденіями ослѣпило путешественниковъ и мыслителей. Должно быть, невѣжество, источникъ предразсудковъ и необдуманной мечтательности, несравненно болѣе распространено на материкѣ новаго свѣта, чѣмъ у насъ въ Европѣ. Должно быть, въ Америкѣ нужно ученіе и школы. Но тутъ васъ поражаетъ обстоятельство, что Токвилль сказалъ*: «Сомнѣваюсь, чтобъ въ какой-либо странѣ міра находилось, сравнительно съ населеніемъ, менѣе невѣждъ... чѣмъ въ Аме-

* Al. de-Tocqueville: «De la démocratie en Amérique». I, 91.

ригъ и Бэклъ принялъ это мнѣніе за безспорное. Вы, пожалуй, готовы усомниться и въ ихъ авторитетѣ. Вы обращаетесь къ неразсуждающимъ цифрамъ, къ статистическимъ таблицамъ и узнаете слѣдующее:

Въ 1850 г., въ штатѣ Нью-Гемпширъ считалось 317,796 жителей, въ 1860 г.—526,073, а по отчетамъ 1854—56 годовъ число безграмотныхъ въ возрастѣ отъ 14 до 21 г. тамъ не превышало 1,008 человекъ.

Въ Род-Эйлендѣ, въ 1855 г., число дѣтей *школьнаго возраста* (4—15) было 33,959; число учащихся 26,882.

Въ штатѣ Нью-Йоркѣ въ 1854 г. на 1,224,127 лицъ въ возрастѣ отъ 4 до 21 г. число учащихся было 900,532.

Даже въ Сѣверной Каролинѣ, принадлежащей къ весьма посредственнымъ штатамъ въ этомъ отношеніи, на населеніе въ 869,039 чел. въ 1850 г., и 992,622 чел. въ 1860 г., раздѣленное на 85 учебныхъ округовъ, считалось въ 1855 г. въ 73 округахъ, о которыхъ есть свѣдѣнія, 112,632 чел. посѣщающихъ школы, а всѣхъ дѣтей, въ 70 округахъ, было 189,562 чел.

Прибавимъ, что въ 1850 г. во всѣхъ штатахъ считалось немного болѣе мильона взрослыхъ безграмотныхъ въ числѣ свободного населенія (простравшагося до 20 мильионовъ), при чемъ гораздо болѣе четверти приходилось на иностранцевъ и свободныхъ негровъ. Въ томъ же году штаты имѣли 1,200 публичныхъ библиотекъ, заключавшихъ немногимъ менѣе 1½ мил. томовъ. Вѣра же въ расчетъ библиотеки коллегій, общихъ и воскресныхъ школъ и общинъ, число томовъ доходитъ до 4½ мильионовъ.

Не увеличиваемъ безъ нужды выписокъ, которыя достаточны, полагаемъ, для убѣжденія читателя, что благопріятные отзывы о распространеніи школъ въ Америкѣ суть не фантазіи людей, недовольныхъ европейскимъ политическимъ строемъ, многочисленныхъ *Europamüden*, какъ выражаются нѣмцы; нѣтъ, это дѣйствительность. Но каковы эти школы?

Тутъ вы встрѣчаетесь съ одною рѣзкою особенностью американскихъ школъ, на которую съ горестью и съ досадою указываетъ нѣкоторая партія наблюдателей. Это отсутствіе религіознаго ученія въ многочисленныхъ американскихъ общихъ школахъ (*common schools*). Тутъ весь корень зла! говорить европейскіе и американскіе зелаторы. Ученый католикъ Дэллингеръ приводитъ мнѣніе «*Mercershourg Review*» (V, 41), о «десятикратно безпомощной, уродливой и разорительной системѣ общихъ школъ»; мнѣніе Кольвела: «Исключеніе христіанства изъ общественна-

* *Colwell*: «The positiv of Christianits in the United States» (1854), 98.

го воспитанія есть самоубійственное установленіе; худшій врагъ челоѣчества не придумалъ бы ничего вреднѣе для республиканскихъ учреждений»; упоминаетъ о томъ, что въ пресвитеріанской «*Bibliotheca Sacra*» 1851 г. высказано то же самое и прибавляетъ отъ себя: «Если бы американское сектаторство и не привнесло другаго проклія Америкѣ, какъ подобную систему школъ, приучающихъ туземную молодежь разсматривать какъ двѣ совершенно отдѣльныя и независимыя области, съ одной стороны знаніе и жизнь, съ другой—религію, то и это уже было бы достаточно, чтобы видѣть въ немъ (сектаторствѣ) одно изъ наибольшихъ бѣдствій Новаго Свѣта. Теперь въ Америкѣ научаются горькимъ опытомъ, что воспитаніе, лишенное христіанскаго духа, не только недостаточно, но положительно губительно, что оно даетъ силы съ увѣренностью въ ихъ злоупотребленіи и обращаетъ людей въ расчетливыхъ мошенниковъ».

Иной читатель съ радостью ухватится за это объясненіе, несмотря на то, что европейскія школы, которыя уже вовсе не страдаютъ подобною «губительною» системою воспитанія, производили многочисленныхъ рационалистовъ и матеріалистовъ, а изъ іезуитскихъ и строго-лютеранскихъ коллегій выходило не мало громкихъ именъ противниковъ религіи. Конечно, какъ результатъ всего этого, подобный читатель ожидаетъ, что сѣверо-американцы становятся все болѣе народомъ скептиковъ и матеріалистовъ. Конечно, эти «расчетливые мошенники» Дэллингера смѣются надъ всякимъ сверхъестественнымъ явленіемъ. Вѣрно лавка и биржа—ихъ церкви; храмы въ Америкѣ—малочисленны и пусты, проповѣдники не имѣютъ аудиторій или окружены холодными полусонными слушателями; безъ сомнѣнія, челоѣкъ, вздумавшій проповѣдывать обновленіе христіанской жизни, увѣряющій, что онъ сообщается съ высшимъ міромъ, что онъ имѣетъ даръ пророчества—будетъ осмѣянъ, обмазанъ дегтемъ, обваленъ перьями, избитъ, какъ это часто случается въ средѣ грубыхъ республиканцевъ. Ужь если отсутствіе религіознаго ученія въ школахъ должно имѣть какое либо вредное слѣдствіе въ теоретическомъ мірѣ мысли, то казалось бы, всего естественнѣе развѣваться и индифферентизму и скептицизму изъ «губительною» системы американскихъ *Common schools*.

Но, увь, достаточно заглянуть въ какое либо сочиненіе, гдѣ говорится о религіозномъ состояніи сѣверо-американцевъ, чтобы убѣдиться въ прямо-противоположномъ результатѣ. Съ точностью астрономическаго явленія чрезъ періоды небольшого числа лѣтъ

* *Döllinger*: «Kirche und Kirchen, Papstum und Kirchthum» (1861), 317.

повторяются въ Америкѣ явленія религіознаго *возбужденія*. эти ревнвали (revivals), которые представляютъ для скептика такое странное зрѣлище. Тутъ цѣлое населеніе шекеровъ живетъ безъ брака и любви, окруженное видѣніями мертвецовъ. Тамъ сотни тысячъ свободныхъ республиканцевъ и республикановъ отдають свою душу и свое тѣло въ распоряженіе пророка мормоновъ; земные мужья спокойно смотрять, какъ онъ дастъ ихъ женамъ другаго мужа для небснаго союза; молодые люди, по одному его знаку, бросаютъ домъ и семью и идутъ за море на десятки лѣтъ проповѣдывать мормонизмъ. Въ 1850 г. штаты заключали 38,133 церкви, цѣнностью въ 87.446,371 долларъ (около 116 мил. р. сер.), при чемъ число мѣстъ превосходило половину всего населенія штатовъ. Число проповѣдниковъ считалось вообще по 1 на 1.000 или на 900 жителей; содержаніе доходило до 6,000 долларовъ, а въ 1854 г. сѣверо-американцами было израсходовано на христіанско-религіозныя дѣла, по мнѣнію Бейрда*, не менѣе 25 мил. долларовъ. Для $\frac{1}{10}$ населенія сѣверо-американскихъ штатовъ можно совершенно опредѣленно сказать, что они вѣрующіе члены той или другой религіозной общины, и весьма вѣроятно, что болѣе тщательный разборъ указалъ бы и въ остальной $\frac{1}{10}$ долѣ на очень значительную часть индифферентистовъ, скептиковъ или чистыхъ рационалистовъ.

Оказывается, что система американскихъ общихъ школъ, выдѣляющая религіозное преподаваніе, вовсе не ведетъ къ индифферентизму въ религіи, что странныя явленія, на которыя мы обратили вниманіе въ началѣ, указываютъ скорѣе на слишкомъ большую способность увлекаться религіозными фантазіями; что гораздо болѣе религіозныхъ индифферентистовъ встрѣчаемъ въ Европѣ между людьми, офиціально приписанными къ той или другой церкви, но многіе изъ которыхъ суть не болѣе, какъ «крещенные язычники» по выраженію Шаффа**. Слѣдовательно, надо искать причину подобныхъ противорѣчій въ другихъ областяхъ. Общіе законы психическаго развитія человѣка и историческія обстоятельства должны, конечно, послужить источникомъ этого объясненія. Поверхностный взглядъ на предметъ всегда приводитъ болѣе къ изумленію предъ особенностями предмета, чѣмъ къ пониманію ихъ значенія. Чѣмъ свободнѣе и разнообразнѣе развивается общество, тѣмъ опаснѣе поверхностное наблюденіе, тѣмъ скорѣе частности отвлекають наше вниманіе отъ основныхъ процессовъ, тѣмъ болѣе разнообразныя впечат-

* *Dr. Baird: «State and prospects of Religion in America», 58.*

** *Phil. Schaff: «Nord. Amerika» въ «Herzog's Real-Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche». X, 442.*

лѣнія склоняютъ насъ преувеличить значеніе случайнаго предѣла существеннымъ. Потому Шаффъ предупреждаетъ читателя (448), что «надо съ большою осторожностью пользоваться отчетами англійскихъ и нѣмецкихъ путешественниковъ; весьма часто, останавливаясь на совершенно случайныхъ и мимолетныхъ явленіяхъ, они рѣдко даютъ вѣрную картину религіозной жизни народа».

Книга Диксона, несмотря на ея безспорное достоинство, не избавлена отъ этого недостатка. Какъ главный директоръ извѣстнаго «Atheneum», какъ апологетъ нравственности Фрэнсиса Бэкона*, какъ одинъ изъ дѣятелей въ недавнемъ юбилей Шекспира, онъ заявилъ не разъ и разнообразіе своихъ свѣдѣній, и парадоксальность своихъ мнѣній по нѣкоторымъ вопросамъ, и твердость воззрѣній въ другихъ отношеніяхъ. Кажется, ему принадлежитъ этудь о Пеннѣ, напечатанный еще въ 1851 г.; слѣдовательно онъ не въ первый разъ занимается Америкой. Въ послѣднемъ его сочиненіи можно узвать бистящаго журналиста, налету сближающаго самыя разнообразныя вещи и упоминающаго о людяхъ, странахъ, народахъ, въ которыхъ углубляться онъ не намѣренъ. Онъ не ограничился личными впечатлѣніями путешественника и не написалъ трактата на основаніи источниковъ, собранныхъ для опредѣленной цѣли. Личное свидѣтельство перемеживается у него съ разсужденіями о фактахъ, источникъ которыхъ не указанъ, такъ что лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ его книга представляетъ прочную почву для заключеній. Ярko освѣщая нѣкоторыя явленія жизни великой республики и перехода потомъ къ обобщеніямъ, Диксонъ можетъ оставить читателя въ заблужденіи, что «Новая Америка» представляетъ самыя характеристическія и общія черты цѣлаго общества, и что обобщенія автора основаны на столь же тщательномъ наблюденіи всѣхъ сторонъ американской жизни, какъ и обычаѣ мормонизма, шекеровъ или обитателей Онеидскаго ручья. Но онъ не совсѣмъ такъ. Диксонъ, очевидно, посвятилъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ для проѣзда чрезъ обширный материкъ, останавливаясь въ нѣкоторыхъ пунктахъ, о которыхъ и доставлять весьма интересныя свѣдѣнія, но обобщенія имъ сдѣланы на основаніи наблюденій, которыя достаточны бытъ не могли, и потому должно отнестись съ крайнею осторожностью ко всему, что не составляло результата его специальныхъ изслѣдованій. Конечно, въ большей части случаевъ, онъ оставляетъ читателя въ сомнѣніи о томъ, какъ авторъ смотритъ на представляемые факты;

* W. Herworth Dixon: «Personal history of Lord Bacon» (Leipzig, 1861).

полусочувственно, полунасмѣшливо относится Диксонъ къ вопросамъ, людямъ и событіямъ. Читатели «Athenaeum» привыкли къ этой неопредѣленности отзывовъ въ серьезныхъ вопросахъ, неопредѣленности, сквозь которую проглядываетъ недостатокъ твердыхъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе иногда парадоксальныя мнѣнія высказываются съ поразительною увѣренностью, какъ при теоріи вліянія цивилизаціи краснокожихъ на строй жизни новой республики (39 и слѣд.) и въ мнѣніи о томъ, что американскія женщины не хотятъ имѣть дѣтей (354 и слѣд.). Оба мнѣнія могутъ имѣть и имѣютъ въ себѣ долю правды, но чтобы высказать ихъ такъ категорически, какъ высказалъ Диксонъ, задо было прозвести долговременныя и обширныя наблюденія, на которыя авторъ едва-ли имѣлъ достаточно времени.

Во всякомъ случаѣ, интересъ, возбужденный книгою Диксона, можетъ быть, возбудить въ читателѣ желаніе еще болѣе уяснить себѣ значеніе американскаго септаторства, его отношенія въ общему ходу религіозной и общественной мысли въ Америкѣ, его зависимость отъ прежнихъ подобныхъ явленій въ старомъ свѣтѣ и жизненные вопросы, въ немъ заключающіеся. Желательно, чтобы ему послужили при этомъ хотя нѣкоторымъ пособіемъ слѣдующія страницы. Нелишнее будетъ сказать, что отдаленіе отъ обѣихъ столицъ ограничило число источниковъ, которыми авторъ статьи могъ пользоваться, скромною бібліотекою частнаго человѣка, и не дозволило дать этому очерку въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ той полноты, какаа бы желательна. Такъ большинство численныъ данныхъ относится къ 1855—1856 годамъ, но для цѣли статьи, оно не имѣетъ особой важности, такъ-какъ желательно было указать на *относительныя* величины, а не на безусловныя а періодъ междоусобной войны не могъ содѣйствовать значительному измѣненію чиселъ въ этомъ отношеніи.

Свобода мысли составляетъ одинъ изъ основныхъ законовъ Сѣвер-американскаго союза. Уже въ 1787 г. въ первоначальный проектъ конституціи былъ вписанъ законъ: въ Соединенныхъ Штатахъ не будетъ никогда требоваться никакой религіозной присяги для занятія какой-либо должности или для отправленія общественной обязанности; а въ 1789 г. предложенъ и по утвержденіи штатами въ 1791 г. внесенъ въ конституцію первый дополнительный пунктъ слѣдующаго содержанія: «Конгрессъ не будетъ издавать никакой закона относительно установленія какой-либо религіи или противъ свободнаго ея исповѣданія (exercise); или относительно ограниченія свободы слова, или печати, или

правъ народа мирно собираться и подавать правительству петиціи о прекращеніи стѣсненій» *.

Но правленіе великой заатлантической республики не состоитъ изъ *одного* элемента и никогда не концентрировалось въ одномъ пунктѣ. Каждый штатъ уступалъ власти Союза лишь ту долю самодержавія, которую уступить было неизбежно. Каждая личность, сознающая себя источникомъ самодержавія штатовъ и всего союза, проводила въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ начало: что не запрещено закономъ, то дозволено. Мало того: при всемъ поклоненіи сѣверо-американца предъ закономъ, какъ предъ высшею святинею, нерѣдко въ обществѣ является убѣжденіе въ недостаточности или недѣйствительности какаго-либо закона, и, рядомъ съ легальной агитаціей въ законодательныхъ собраніяхъ, составляются многочисленные ассоціаціи съ опредѣленною цѣлью противодействовать этому закону. Эти ассоціаціи составляютъ какъ-бы государство въ государствѣ, присваиваютъ себѣ естественное право государствъ защищать оружіемъ свои принципы, рѣжуся со своими противниками, весьма далекіе отъ революціонной мысли отвергать законы и государственную связь вообще, но неуклонно держась самодержавнаго права личности, составлять ассоціацію и бороться ея силами противу опредѣленнаго пункта, признаннаго личностью несправедливымъ. Въ этихъ случаяхъ ассоціаціи личностей становятся между собою и съ государственною властью штатовъ или союза въ отношенія международнаго права самодержавныхъ государствъ. Государство наказываетъ, *если можетъ*, личности за преступленія, вытекающія изъ этихъ ассоціацій, какъ враждебныя ассоціаціи оспариваютъ другъ у друга побѣду съ револьверомъ въ рукахъ; но право составлять подобныя самодержавныя ассоціаціи остается за личностью.

Такимъ образомъ, во всякомъ отдѣльномъ вопросѣ жизни сѣверо-американскаго общества надо строго различать три элемента, изъ которыхъ каждый, по праву и по общественному убѣжденію, пользуется своею долей самодержавія: союзная власть, правительство штатовъ и личность, какъ членъ свободной ассоціаціи. Всякая формула, заковывающая собою элементъ жизни, справедлива лишь отчасти; но, съ этимъ ограниченіемъ, можно сказать, что власть штата выражаетъ въ американскомъ обществѣ элементъ приобрѣтенной *культуры*, средний уровень развитія въ томъ или другомъ углу огромной территоріи, при чемъ привычки, преданія, инстинкты обуславливаютъ законодательство въ самомъ обширномъ размѣрѣ. Центральное правленіе выражаетъ болѣе

* «Amendments to the constitution of the United States». Art. I.

выработанный элемент мысли, гдѣ высказывается критика существующей разнообразной культуры и наилучшіе результаты ея переходить въ законъ, какъ только они становятся исторически-возможными. Къ этимъ двумъ элементамъ личность, съ своимъ неограниченнымъ правомъ ассоціаціи, приноситъ элементъ историческаго процесса борьбы, позволяющій въ самое короткое время одѣлать матеріально силу новой мысли и стараго культурнаго преданія, а слѣдовательно, и историческую возможность осуществити новое съ нѣкоторою надеждою на прочность. Мы не имѣемъ въ виду здѣсь долго останавливаться на политической организаціи Сѣверо-американской республики, но замѣтимъ лишь одно. Европейскіе цѣнители, которые, вслѣдствіе своихъ привычекъ, не могутъ безъ ужаса смотрѣть на кровавую, совершенно беззаконную, борьбу ассоціацій — въ томъ или другомъ случаѣ, и выясляютъ, сколько при этомъ гибнетъ невинныхъ жертвъ, забываютъ, нѣ кажется, историческій смыслъ подобныхъ столкновеній. Борьба новой мысли со старѣющимъ культурнымъ преданіемъ происходитъ всюду, и всюду уноситъ огромное число жертвъ, только распространяется на большее или меньшее время, смотря по организаціи общества. Новая мысль высказана. Странно было бы, еслибы законодатели сейчасъ же стали ея осуществлять. Вопервыхъ, она еще можетъ быть несправедлива. Во вторыхъ, она можетъ быть и справедлива, но невозможна по крѣпости прежней культуры: Степень ея справедливости нельзя одѣлать иначе, какъ путемъ свободной полемики. Степень ея возможности опредѣляется могуществомъ ея матеріальной поддержки, то-есть количествомъ энергическихъ личностей, становящихся подъ ея знамя и приносящихъ этому знамени опредѣленную величину физической и нравственной силы (считая сюда капиталъ, образованность, общественное вліяніе, юридическое знаніе, умѣнье владѣть оружіемъ и т. п.). Тамъ, гдѣ свобода слова ограничена, многія личности погибнуть во имя закона или потеряютъ энергію борьбы за мысль, прежде, чѣмъ для нихъ и для общества уяснится надлежащимъ образомъ, справедлива ли мысль, за которую они стоятъ: при этомъ заблужденіе имѣетъ такіе же шансы распространиться, какъ и истина. Но, при самомъ широкомъ правѣ слова, законодатель еще долго сомнѣвается, на сколько мысль, достаточно уясненная, имѣетъ матеріальную опору въ обществѣ. За весьма краснорѣчивыми органами прессы можетъ стоять партія незначительная и по числу лицъ и по энергій, съ которою большинство этихъ лицъ готово бороться за свою мысль, а еще болѣе по силамъ, ими приносимымъ въ эту борьбу. И законодатель предоставляетъ дѣло времени. Непризнанная борьба

идеть своимъ чередомъ и размѣри ея опредѣлить невозможно. Озлобленіе защитниковъ стараго и новаго растетъ. Тислчи живней, капиталовъ, милліонн единицъ работы гибнуть втикомолку, растроченны задаромъ, не доходи до юридическаго разбирательства, и никто ихъ оцѣнить не можетъ. А законодатель все медлитъ. Рядъ преступныхъ дѣйствій прорывается тамъ и здѣсь, какъ заавленіе растущаго озлобленія; но огромное число лицъ-нимъ сочувствующихъ, ихъ нравственныхъ сообщниковъ остается неизмѣримо: у нихъ не хватило рѣшимости дѣйствовать, или, просто, они не подонли подъ законъ. И невозможность оцѣнить величину борющихся партій все-таки поддерживаетъ колебаніе законодателя: какой-нибудь новый билль можетъ быть точно также слишкомъ раннимъ выраженіемъ недовольно сильной мысли, какъ и удержаніе стараго закона можетъ быть гибельнымъ стремленіемъ оставить гнилой членъ въ связи со здоровымъ тѣломъ. Никакая реформа выборовъ не дастъ никогда возможности законодателю оцѣнить, сколько дѣйствительной поддержки представляется въ странѣ той или другой мѣрѣ. Законодатель въ *практ.* колебаться, и колебаться долго. Но весь длинный періодъ колебанія обозначается непрерывною гибелью значительнаго количества труда, капитала и человѣческихъ жизней. Еслибы ихъ можно было бы счесть, то, вѣроятно, оказалось бы, что числоивно-застрѣленныхъ, ограбленныхъ и разоренныхъ въ Америкѣ изъ-за того или другаго вопроса, весьма незначительно сравнительно съ жертвами подобной же болѣе или менѣе скрытой борьбы въ другихъ странахъ (мы уже не считаемъ жертвъ революціонныхъ движеній). Въ Америкѣ, на короткое время, противоположные принципы выставляютъ на повазъ, сколько энергій и матеріальныхъ средствъ готовы внести въ борьбу ихъ защитники. Это дѣлается, конечно, весьма неадекватнымъ и даже возмутительнымъ способомъ. Клевета, подкупъ, грабежъ, убійство-идутъ въ дѣло (какъ въ войнахъ между самостоятельными державами въ остальной части цивилизованнаго міра). Можно счесть всѣ матеріальныя и нравственныя силы обѣихъ партій, точно такъ же, какъ всѣ потери, происходящія отъ борьбы. Законодатель весьма скоро знаетъ очень хорошо всѣ матеріальные элементы вопроса, въ то же время, какъ свободная полемика уясняетъ всѣ теоретическіе его элементы. И вопросъ получаетъ совершенно-основательное легальное рѣшеніе въ кратчайшій періодъ, и едва-ли не съ меньшими потерями и опасностями для общества, чѣмъ при всякомъ другомъ его способѣ рѣшенія! Конечно, нельзя и этотъ способъ признать хорошимъ, но недостатки его могли бы быть устранены лишь путемъ, возможность котораго, какъ

для Америки, такъ и для Европы еще въ далекомъ будущемъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ, и въ виду имѣлось лишь показать, что борьба ассоціацій въ Америкѣ, по важнымъ вопросамъ культуры, при всей своей некрасивости, едва-ли есть что иное, какъ самая сокращенная и всего удобнѣйшая для оцѣнки форма борьбы, всюду имѣющей мѣсто, и всюду уносящей не мало жертвъ.

Согласится ли читатель съ этою точкою зрѣнія или нѣтъ, не знаю, но, во всякомъ случаѣ, совершенно неизбѣжно не упустить изъ виду въ Америкѣ разницу указанныхъ трехъ элементовъ, которые, въ данную историческую эпоху, могутъ весьма различно относиться къ какому либо вопросу, и доля самодержавія, принадлежащая каждому изъ нихъ, позволяетъ имъ и заявить это различіе фактически. Такъ было и съ вопросомъ о религіозной свободѣ. Мы уже сказали, что центральная власть, не колеблясь, сейчасъ послѣ своего осуществленія, стала на точку зрѣнія полной свободы совѣсти. Она никогда впослѣдствіи не сходилась съ этою точкой. Но другіе два элемента относились къ тому же вопросу иначе. Культура различныхъ штатовъ до и послѣ союза оставалась долго весьма различна, а потому и отношеніе ихъ къ свободѣ совѣсти было иное. Иные штаты подали въ этомъ отношеніи примѣръ общей союзной конституціи, но тамъ, гдѣ свобода совѣсти явилась ранѣе, она была гораздо болѣе слѣдствіемъ положенія партій, чѣмъ яснаго убѣжденія въ справедливости той или другой мѣры. Въ иныхъ же штатахъ старое преданіе уступило мысли гораздо позже, чѣмъ въ центральной конституціи. Точно также, при существованіи этой свободы въ общемъ законѣ союза и въ частныхъ законахъ штатовъ, отъ времени до времени она отрицалась какой-либо ассоціаціей личностей для частнаго случая, и нѣкоторые сектаторы должны были отставать оружіемъ право, которое законъ у нихъ не оспаривалъ, или подвергаться гоненіямъ, идти въ изгнаніе, предъ заявленіемъ общественной воли, неоправшейся ни на какое писанное право.

Первымъ изъ всѣхъ нынѣшнихъ религіозныхъ названій (denominations) Сѣверной Америки явилась, конечно, къ берегамъ материка церковь епископальная, и до 1620 г. она была единственною въ англійскихъ колоніяхъ, какъ надолго послѣ того оставалась исключительною въ Виргиніи, первой мѣстности, гдѣ поселились подданные королевы-дѣвы (Virgin-queen). Епископальной церкви принадлежали всѣ участники неудачныхъ экспедицій, которыя съ 1585 по 1590 г. истратили 40,000 ф. стерл. на перевозки въ Виргинію до 300 золотонискателей, нашедшихъ

тамъ, вмѣсто золота, нищету и смерть. Къ этой же церкви принадлежали 2,000 поселенцевъ, заманенныхъ туда же съ подобною же цѣлью, лондонской компаніей съ 1606 по 1609 г. Изъ нихъ оставалось въ живыхъ только 60 человекъ, когда прибылъ въ колонію 1609 г. Делаваръ съ 300 новыми поселенцами и со второю грамотою короля Якова, которая требовала отъ всякаго поселенца безусловнаго подчиненія королю въ духовныхъ дѣлахъ. Съ тѣхъ поръ въ Виргиніи до революціи господствовала епископальная церковь, установленная закономъ и охраняемая правительствомъ. Ея глава былъ лондонскій епископъ; ея проповѣдники посвящались въ Англіи; никакая другая отрасль протестантизма не была терпима въ продолженіе слѣдующаго столѣтія. Первоначальные законы Виргиніи угрожали смертною казнію за непочтительное выраженіе противъ Троицы, за насмѣшку надъ писаніемъ или за оскорбленіе воскресной службы; наказаніемъ плетью за невниманіе къ ученію духовенства. Послѣ реставраціи Стюартовъ назначенъ штрафъ въ 20 ф. табаку за непосѣщеніе церкви, 5,000 ф. за ввозъ квакера, и запрещено пребываніе въ колоніи всѣмъ сектантамъ. Еретикамъ приходилось провозносить свои проповѣди изъ оконъ тюрьмы. Между тѣмъ губернаторъ Берлей совѣтовалъ священникамъ меньше проповѣдывать, радовался отсутствію свободныхъ школъ и говорилъ довольно справедливо: «Ученіе и ученость внесли въ міръ неповиновенія, ереси и сектаторство. Типографіи распространили ихъ». Лорду Эссингену, преемнику Берлею, запрещено было допускать въ Виргинію типографскій станокъ, и только послѣ второй авглійской революціи 1688 г. Виргинія получила порядочныя школы. Подобная же нетерпимость существовала во всѣхъ южныхъ колоніяхъ и въ Нью-Йоркѣ, когда онъ въ 1664 г. перешелъ изъ рукъ голландцевъ въ руки англичанъ.

Съ началомъ революціи, положеніе дѣлъ разомъ измѣнилось. Епископальной церкви пришлось отдѣлиться отъ своего англійскаго центра. Въ 1776 г. непризнанные закономъ диссентеры, тѣмъ не менѣе успѣвшіе распространиться, подали въ общее виргинское собраніе петицію о терпимости. Ихъ поддержалъ Джеферсонъ, ученикъ Вольтера и будущій третій президентъ республики. Рядъ постановленій 1776, 1779, 1785 и слѣдующихъ годовъ, внесъ въ Виргинію свободу совѣсти. Она въ то же время установлена была закономъ и во всѣхъ другихъ штатахъ, гдѣ епископальная церковь оставалась господствующею. Но это не мѣшало ея распространенію, такъ что ея паства возрасла въ болѣею пропорціи, чѣмъ населеніе республики въ настоящемъ вѣкѣ. Въ 1800 г. она заключала 7 епископовъ, 260 проповѣд-

нство, и 16,000 приверженцевъ. Въ 1856 году она дѣлилась на 88 округа, въ ней было 38 епископовъ и 1,714 духовныхъ лицъ, ея паства обнимала 105,350 причастниковъ и до милліона лицъ, въ ней причисляющихся. Число церквей ея доходило до 1,800, цѣнностью въ 11.384,210 долларовъ и съ мѣстами на 644,598 человекъ. Въ 1854 г. воскресныя школы этой церкви заключали до 69,000 учениковъ, и общины вносили на ея потребности 398,650 долларовъ.

Большинство историковъ сѣверо-американской республики видятъ, впрочемъ, начало ея въ той эмиграціи, которая въ 1620 г. привнесла на Мэй-Флоуэръ (Mayflower) «отцовъ пилигримовъ» въ Массачузетъ. Она была представительницей другаго протестантскаго исповѣданія, которое, въ продолженіе столѣтій, осваивало у епископальной церкви ея господство надъ старою Англіею. Споръ пуританъ съ епископальною церковью начался изъ пустяковъ и характеристически называется «споромъ о платѣ». Приверженцы обоихъ мѣній учили одно и то же, обращались къ тѣмъ же кальвинистскимъ авторитетамъ Швейцаріи за рѣшеніемъ вопросовъ, и большинство лучшихъ представителей съ той и другой стороны признавали, что они расходятся въ мелочахъ. Но конвокаціи 1563 г. большинствомъ *одного* голоса отвергла довольно умѣренныя предложенія пуританъ и еще болѣе умѣренный проектъ епископа Сэндиса (Sandys). Королева посмотрѣла на несогласіе пуританъ подчиниться «Акту объ однообразіи» 1559 года, какъ на непокорность. Началось смѣщеніе пасторовъ. Пришлось усилить цензуру по церковной полемикѣ. Кембриджскій университетъ сталъ единственнымъ убѣжищемъ пуританизма благодаря буллѣ знаменитаго Борджіи, Александра VI, дававшей университету право назначенія 12 проповѣдниковъ помимо епископа. Въ 1567 г. треть пасторовъ Лондона была лишена мѣстъ. Пуритане образовали особую церковь и прокляли епископальныхъ идолопоклонниковъ, за ихъ пестрыя платья и церковные органы. Преслѣдованіе усилилось. Робертъ Броунъ (Brown) началъ свою проповѣдь противу господствующей церкви, положившую начало сектѣ индепендентовъ, и ему пришлось 32 раза просидѣть въ тюрьмѣ, но его приверженцы укрѣпились въ Голландіи. Въ 1583 г. прославленная королева Англіи учредила комиссію, которая, по словамъ протестантскихъ писателей, представляетъ единственный примѣръ протестантской инквизиціи. Расколъ совершался и во взглядѣ на организацію церкви. Держась однихъ догматовъ съ епископальною церковью, *до тѣхъ поръ* существовавшей, пуритане усвоили организацію *пресвитеріальную*, подчиняя личность и общину рѣшенію коллегіальныхъ собраній—

синадодъ. Броунисты, принявъ названіе *индепендентовъ*, выставили форму свободныхъ *конгрегацій* личностей, какъ единственную правомѣрную форму церкви, внесли въ свое ученіе начало *свободнаго выбора* конгрегацій и первую попытку терпимости, распространенной на другія формы протестантизма. Въ то же время изъ епископальной церкви выдѣлилась *особая церковь*, проповѣдовавшая съ Банкрафтомъ (1589) божественное установленіе епископства.

Различіе въ организаціи, послѣдовавшее за различіемъ въ востумѣ, вовсе не касалось основныхъ религіозныхъ догматовъ и между тѣмъ оно повело къ ряду гоненій, ко взаимному озлобленію, къ кровопролитной революціи, которая низвергла тронъ Стюартовъ, и къ образованію за океаномъ республики, должествовавшей сдѣлаться соперницею Англии. Когда въ 1620 г., корабль, везшій англичанъ-индепендентовъ изъ Голландіи въ Америку, присталъ для починки къ берегамъ Англии, оны не могъ не обратитъ на себя вниманія. Эти «отцы-паллигримы» несли на берега Массачузета свою глубокую религіозность и начало свободнаго выбора общины. Вслѣдъ за ними, вперёдженіе 15 лѣтъ, 20,000 новыхъ эмигрантовъ двинулось въ Америку, и колоніи Новой Англии противопоставили колоніямъ юга свой строгій характеръ, свое религіозное настроеніе и любовь къ труду. Конечно, и здѣсь терпимость или свобода выбора, лежавшая въ основѣ ученія индепендентовъ, была ограничена самыми тѣсными предѣлами. Пуритане повдвѣвшихъ поселеній, хотя большею частью переходили къ организаціи индепендентовъ и изъ пресвитеріанъ обращались въ конгрегационалистовъ, но сохраняли свою исключительность. «Пуритане — говоритъ Нейманъ — хотѣли ввести, по образцу ветхаго завѣта, строгое еоократическое управленіе. Благочестивые, святые должны управлять по предписаніямъ Моисея, какъ намѣстники Божія на землѣ». Не только католики и люди, вѣсколько отходившіе отъ догмата, были въ [ихъ глазахъ преступники. Уже въ 1630 г. изгнанъ изъ Массачузета баптистъ Роджеръ Уильямсъ, что послужило поводомъ къ основанію Провиденса и къ установленію самыхъ либеральныхъ законовъ въ отношеніи свободы совѣсти. Черезъ 7 лѣтъ послѣ Уильямса, изъ Массачузета изгнана Анна Гэчинсонъ (Hatchinson), проповѣдовавшая противу всякихъ религіозныхъ формъ, и провозглашавшая царство благодати. Когда она погибла подъ ударами краснокожихъ, вмѣстѣ со всѣми членами своей семьи изъ 16 человекъ, то проповѣдники Массачузета

* К. Fr. Neumann: «Geschichte der Vereinigten Staaten von Amerika». I, 68.

зета радовались, что «Провидѣніе призвало индіанцевъ для воздаянія преступной женщины и ея роднѣ». Въ 1638 г. нью-гавенская община получила чисто-церковное основаніе. Могли быть членами правленія, издавать законъ и заниматься дѣлами колоніи лишь члены церкви. Когда же въ 1643 г. возникъ союзъ новозангліискихъ колоній, то однимъ изъ мотивовъ союза постановлено «поддержаніе и охраненіе истины священнаго писанія». Поэтому въ сводѣ законовъ, составленномъ Итономъ (Eaton) и напечатанномъ 1656 г., объявлено, что никто не можетъ пользоваться полными гражданскими правами не принадлежа въ одной изъ дозволенныхъ въ союзѣ церквей. «Католическимъ священникамъ запрещено пребываніе въ колоніи, а квакеры изгоняются подѣ страхомъ смерти. Смертной казни обреченъ тотъ, кто богохульствуетъ противу лицъ Троицы, кто отрицаетъ Бога, созданіе и управленіе міра его волею». Вторая половина XVIII вѣка представляетъ примѣры жестокаго религіознаго преслѣдованія. Квакерамъ отрѣзвали уши, прокалывали языкъ. Ихъ подвергали публично наказанію плетьюми. Наконецъ четверыхъ изъ нихъ (трехъ мужчинъ и одну женщину) повѣсили въ Востонѣ. Преслѣдовали и колдуній: въ три года повѣсили ихъ 19 и одну замучили въ пыткахъ.

Совершенно понятно, что чѣмъ чище и ревностнѣе было въ Новой Англіи религіозное убѣжденіе, тѣмъ долѣе продолжалась религіозная исключительность. Когда общая конституція союза давно уже установила полную религіозную свободу, то въ самодержавныхъ штатахъ Новой Англіи еще держались огражденія религіи гражданскою силою. Приверженцы епископальной церкви соединились съ методистами и баптистами противъ прежнихъ пуританъ и индепендентовъ, усвоившихъ теперь названія пресвитеріанъ и конгрегационалистовъ, но при полномъ преобладаніи послѣдней формы. Постепенно смягчались законы противу диссидентовъ отъ «установленнаго порядка» (Established Order). Наконецъ въ 1816 г. въ Коннектикутѣ, а въ 1833 г. въ Массачузетѣ произошло окончательное отдѣленіе церковнаго вопроса отъ государственнаго и установилась въ Новой Англіи законная свобода религіи.

До 1705 г. пресвитеріанъ вовсе не было въ Америкѣ, такъ какъ уже было сказано, что переселенцы пуритане принимали организацію индепендентовъ. Теперь конгрегационалисты распространялись изъ штатовъ Новой Англіи до Калифорніи, но все-таки они сильнѣе на сѣверо-востокѣ и, при переселеніи, часть ихъ общинъ переходить въ церкви другихъ наименованій. Въ 1856 г. конгрегационалисты имѣли 2,450 церквей, дѣйностью

въ 7.970,195 долларовъ съ мѣстами для 801,835 человѣкъ. Число духовныхъ лицъ ихъ было 2,327; паства состояла изъ 210,000 причастниковъ, но къ ней причислялось до двухъ милліоновъ лицъ. Повидимому школы конгрегационалистовъ нѣсколько ниже другихъ по недостатку концентрирующей организаціи и этой причинѣ приписываютъ выходъ многихъ общинъ изъ этого наименованія.

Пресвитериане, получившіе въ Англіи мимоустанное преобладаніе во время первой революціи, должны были его скоро уступить индепендентамъ, на сторонѣ которыхъ былъ Кромвель. Реставрація Стюартовъ принесла имъ новыя гоненія, и хотя «Актъ терпимости» 1689 г. ограждалъ ихъ законное существованіе, но въ XVIII вѣкѣ они мало-по-малу слабѣли и эта знаменитая нѣкогда секта теперь совершенно ничтожна въ своемъ отечествѣ. Не такъ въ Америкѣ. Изъ перваго пресвитерія, образовавшагося въ 1706 г. изъ 7 проповѣдниковъ, развились многочисленныя названія современныхъ пресвитеріанцевъ, къ которымъ причисляются и нѣмецкіе и голландскіе реформаты. Шесть названій, сюда принадлежащихъ, составляли въ 1856 г. 4 общія собранія или синода, 79 синодовъ, 417 пресвитерій; обладали 8,116 церквами, цѣнностью въ 19.629,049 долларовъ и съ мѣстами на 2.419,474 человѣкъ. Число ихъ проповѣдниковъ было 6,145, число причастниковъ 716,318, членовъ же церкви вообще 3¹/₂ милліона. Подъ надзоромъ этихъ церквей находилось 19 богословскихъ училищъ и 30 коллегій съ числомъ студентовъ, превышавшимъ 5,000. Замѣтимъ, что въ средѣ пресвитеріанъ явился въ первой половинѣ XVIII вѣка Джонатанъ Эдвардсъ, котораго Боуль называетъ единственнымъ великимъ метафизикомъ Америки, хотя въ сущности это былъ только замѣчательный богословъ. Послѣ Декарта, Спинозы и Лейбница, метафизика уже могла имѣть болѣе обширныя требованія. Эдвардсъ занимался обще-философскими вопросами лишь попутно, при богословскихъ работахъ, разошелся со своей общиной изъ-за излишняго ригоризма къ причастникамъ, провелъ восемь послѣднихъ лѣтъ жизни миссіонеромъ среди индіанцевъ, тамъ написалъ многія лекціи изъ главныхъ своихъ трудовъ, и умеръ отъ оспы 1858 г. въ Нью-Джерсеѣ.

Не лишено своего рода значенія, что первое установленіе закона болѣе обширной религіозной терпимости вышло въ Америкѣ отъ приверженцевъ исповѣданія, которое всего менѣе отличалось терпимостью всюду, гдѣ оно появлялось, именно отъ римско-католиковъ. Въ 1632 г. Карлъ I подарилъ католика, лорду Вальтимуру земли, образовавшія Мерилэндъ, и въ 1636 г. тамъ дозволено селиться «всякому вѣрующему въ Иисуса Христа».

Штрафъ налагался на всякаго, кто оскорбляетъ другаго изъ-за его религіи. Въ связи съ послѣднимъ, за непочтительное выраженіе о Пречистой Дѣвѣ и объ апостолахъ, назначенъ тоже штрафъ. Богохульцы наказывались смертью. Конечно, подобная терпимость къ христіанскимъ исковѣданіямъ вообще вовсе не лежала въ сущности ученія католицизма, и служитъ примѣромъ тому, какимъ образомъ начала терпимости устанавливались въ американскомъ обществѣ. Въ средѣ англичанъ-выселенцевъ католики имѣли всѣхъ противъ себя: епископаловъ, пуританъ, еретическія ученія. Чтобы существовать и пополняться новыми единовѣрцами, колонія лорда Бальтимора пришлось обратиться къ принципу, въ которомъ католицизмъ, ненавидимый всѣми, прикрывался общечеловѣческимъ началомъ терпимости всѣхъ христіанъ. Впрочемъ, въ періодъ Кромвеля, это не спасло ни католиковъ, ни епископаловъ. Пуритане праздновали «Паденіе Вавилона въ Мэрилендѣ», и хотя реставрація возвратила права прежнимъ собственникамъ, но католицизмъ потерялъ здѣсь свое численное преобладаніе. Самые Бальтиморы перешли въ протестантизмъ, и Мэрилендъ послѣдовалъ судьбѣ другихъ южныхъ штатовъ въ отношеніи развитія терпимости. Что касается собственно католиковъ, то, съ присоединеніемъ Луизианы (1803) и съ огромнымъ переселеніемъ изъ Ирландіи, число ихъ естественнымъ образомъ возрасло. Уже съ 1783 по 1829 г. переселилось въ Америку до милліона ирландцевъ. Въ шестилѣтній промежутокъ 1849—1854 г. переселеніе изъ Англіи и Ирландіи доходило до $\frac{3}{4}$ милліона, въ которомъ собственно англичане составляли незначительную долю. Противъ этого накопленія кельтическаго и католическаго элемента, какъ лишь онъ сталъ оказывать вліяніе на выборы, образовался рядъ враждебныхъ ассоціацій: туземцевъ (natives), ордена соединенныхъ американцевъ, ничего незнающихъ (know-nothings). Старая вражда пуританъ противъ католицизма проявилась и въ новыхъ поколѣніяхъ. Опять стали проповѣдывать противу «идолопоклонническаго Вавилона». Провѣдники католицизма отвѣчали съ такимъ же озлобленіемъ. Ирландцы разгоняли палками протестантскія сборища. Протестанты напоминали, что было время, когда жгли католическія церкви, и что оно можетъ возвратиться. Въ апрѣлѣ 1854 г. ночью, былъ украденъ и разбитъ на куски мраморъ, присланный папою для памятника Вашингтону. Рѣчи патера Гавацци противу Рима разжигали страсти. Издатель «Крестonosца», журнала, основаннаго Гавацци, подвергся попыткѣ убійства. Когда папскій нунцій Бедини объѣзжалъ въ 1853 г. штаты, то журналы напечатали о возмутительныхъ его дѣйствіяхъ въ Болоньи

во время революціи. Его проѣздъ всюду вызывалъ безпорядки; въ Цинцинати полилась кровь; подъ конецъ самая жизнь Ведини находилась въ опасности. Между самими католиками Америки произошло неудовольствіе и отпаденіе, когда епископы сдѣлали попытку объявить всю церковную собственность католицизма въ Америкѣ своею частною собственностью. Въ этомъ отношеніи самымъ дѣятельнымъ былъ архіепископъ Гэгесъ (Hughes), и многіе епископы стали этимъ путемъ номинальными собственниками огромныхъ состояній. Но противъ этого поднялась повсемѣстно оппозиція, особенно въ Нью-Йоркѣ и Пенсильваніи, такъ что во многихъ штатахъ изданы законы о порученіи всей собственности церковей мірянамъ-попечителямъ, какъ номинальнымъ собственникамъ, на началахъ избранія общиною и легальнаго контроля. Въ еще меньшей степени удалось католической іерархіи отвлечь часть суммъ, назначенныхъ для поддержанія общихъ школъ, на свои школы. Конечно, плотная іерархическая организація католицизма доставляетъ ему здѣсь огромныя преимущества, противъ которыхъ не можетъ бороться никакаго законъ, но въ Америкѣ ему противопоставляется въ свободныхъ энергическихъ ассоціаціяхъ сила, къ которой не приучила исторія ни одинъ народъ Европы, и которая, кромѣ того, имѣетъ на своей сторонѣ все естественное превосходство устойчивости англо-саксонской расы надъ порывчатостью кельтической.

О католицизмѣ въ Америкѣ, можетъ быть, труднѣе имѣть точныя свѣдѣнія, чѣмъ о какомъ-либо другомъ церковномъ «названіи». Іерархія никогда не любитъ публичности, а справедливыхъ отзывовъ трудно ожидать отъ противниковъ, которые, подобно Бэйрду, говорятъ: «Изъ всѣхъ формъ заблужденія, романизмъ самая страшная по числу приверженцевъ, по организаціи, богатству, вліянію, по плотской и безсовѣстной политикѣ его іерархіи» и, въ спискѣ исповѣданій, ставятъ католиковъ между универсалистами (у которыхъ религіозный элементъ доведенъ до минимума) и евреями. А должно замѣтить, что Бэйрдъ съ крайнею мягкостью относится ко всѣмъ прочимъ сектамъ. Поэтому данныя о числѣ католиковъ сомнительны: приливъ ирландцевъ постоянно увеличиваетъ ихъ число, но нигдѣ отпаденіе отъ католицизма не происходитъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Америкѣ. Ирландскій священникъ Мелленъ (Mullen), объѣзжавшій штаты въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, считалъ отпавшихъ до двухъ миліоновъ. Но есть и пріобрѣтенія. Такъ около того же времени обратило на себя вниманіе обращеніе въ католицизмъ Броунсона, извѣстнаго публициста и проповѣдника, который, пройдя чрезъ пресвитерство, дензмъ, методизмъ и уни-

таризмъ (какъ самъ описалъ въ романѣ «Чарльсъ Ильвудъ»), усвоился въ концѣ католицизма. Въ 1856 г. Шаффъ насчитывалъ 1,910 католическихъ церквей, при нихъ 1,780 духовныхъ лицъ (по Вейрду въ 1855 г. 7 архіепископовъ, 33 епископа, 1,704 священника), 2 милліона причастниковъ и вообще 5 милліоновъ членовъ. По Вейрду число католическихъ общинъ доходило въ 1855 г. до 1,824, цѣнность церквей была 9.256,758 долларовъ, а число мѣстъ 675,721. Католики имѣли 26 коллегій съ 2,612 учащимися, 31 богословскую семинарію, съ 500 учениками и 117 женскихъ академій.

Изъ господствующихъ религій Европы намъ осталось еще упомянуть о лютеранахъ, которые позже другихъ явились на почвѣ Сѣверной Америки, именно, какъ организованная церковь, около половины XVIII-го вѣка. Конечно, нѣмецкая эмиграція, постоянно возрастающая, доставляла и доставляетъ наибольшій матеріалъ этой церкви. Въ 1742 г. въ Филадельфію было 4 нѣмецкихъ церкви на 6 англійскихъ и около половины жителей Пенсильваніи, то-есть около 100,000, были нѣмцы. Во всю вторую половину XVIII-го вѣка число нѣмцевъ эмигрантовъ все росло. Съ 1772 по 1776 г. въ одну Филадельфію прибывало ежегодно отъ 20 до 24 судовъ съ эмигрантами-нѣмцами. Въ началѣ французской революціи до паденія Наполеона нѣмецкая эмиграція прекратилась, но въ голодные годы 1817—1818 разомъ достигла до 120,000 чел. Потомъ опять уменьшалась до іюльской революціи. Съ тѣхъ поръ она постепенно возвышалась съ 8,600 человекъ въ 1831 г. Въ промежутокъ 1846—1852 г. считается нѣмецкихъ переселенцевъ до 600,000. Въ 1854 г. нѣмецкая эмиграція достигала до 300,000 приблизительно. Въ концѣ 50-хъ годовъ Лэгеръ (Löher) считалъ въ Америкѣ до 5 милліоновъ нѣмцевъ, сохранившихъ свой языкъ, и гораздо болѣе лицъ чисто-нѣмецкаго происхожденія. Нѣмцы думали одно время сдѣлать свой языкъ официальнымъ языкомъ въ Пенсильваніи, а въ тридцатыхъ годахъ собранія въ Кэрлейлѣ и въ Питсбургѣ обсуживали проектъ основанія чисто-нѣмецкаго штата. Но поглощающая сила американизма никогда не позволяла осуществитъ подобныя мечтанія, и нѣмецкое населеніе Америки въ тѣ поколѣнія, пока оно помнитъ свою національную особенность, ограничивается, пока, лишь тѣмъ, что присоединеніе его къ какой-либо партіи при выборахъ въ президенты, можетъ дать положительный перевѣсъ кандидату этой партіи, какъ оно и было при избраніи Полька (1845). Попытка нѣмецкихъ демократовъ-эмигрантовъ послѣ 1848 г. (въ особенности Гейнце) образовать нѣмецкую партію съ цѣлью внутренняго переворота въ

американской жизни и революціоннаго движенія въ Европѣ, не нашла ни опоры въ американскомъ обществѣ; ни даже сочувствія въ средѣ прежнихъ нѣмецкихъ поселенцевъ.

Впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ думать, что этотъ обширный притокъ нѣмцевъ былъ не только цѣлкомъ, но и въ большой своей части, приращеніемъ лютеранизма, и это легко видѣть изъ численности этого религіознаго «названія». Въ 1856 г. въ немъ считалось около 1,900 церквей, цѣнностью въ 2.854,286 долларовъ съ помѣщеніемъ для 535,180 человекъ. Духовныхъ лицъ было около 1,000, менѣ $\frac{1}{4}$ милліона причастниковъ и не болѣе $\frac{3}{4}$ милліона пасты. Лютеране имѣли 8 богословскихъ школъ, 6 коллегій, отъ 10 до 12 мужскихъ и женскихъ академій, одно педагогическое общество и другое для распространенія общинъ. Они издавали 12 духовныхъ журналовъ, изъ которыхъ 6 на англійскомъ, 5 на нѣмецкомъ и одинъ на норвежскомъ языкѣ.

Изъ послѣднихъ данныхъ видно, что изъ $\frac{3}{4}$ милліона лютеранъ далеко не всѣ нѣмцы, остальное же населеніе нѣмцевъ, дошедшее уже тому двадцать лѣтъ до 4 милліоновъ, стовтъ внѣ лютеранства. Въ немъ-то гнѣздятся главные источники антиврелигіознаго духа въ Америкѣ, въ немъ образуются свободныя общины (Freie Gemeinde), идетъ самая обширная проповѣдь невѣрія и вообще высказывается та критически-раціональная, матеріалистическая и пантеистическая проаганда, которая неудержимо вростаетъ изъ европейской цивилизаціи, но, подавленная государственною организаціей въ Европѣ, переходитъ въ «Свободную Америку». Всѣ духовные писатели Америки жалуются на это. «Въ недавно прибывшей части нѣмецкаго населенія — говоритъ Бэйрдъ — преимущественно поселившейся въ ряду среднихъ штатовъ съ востока до дальняго запада, господствуетъ много невѣрія... привезеннаго изъ отечества и во многихъ случаяхъ смѣшаннаго съ социализмомъ и съ краснымъ республиканизмомъ особеннаго рода». Впрочемъ, всѣ данныя указываютъ, что это мѣстное и временное явленіе вовсе не имѣетъ такого значенія, какое приписываютъ ему духовные писатели.

Едва-ли это не всего замѣтнѣе изъ исторіи свободныхъ общинъ, которыя, начиная съ 1848 г., возникали то тамъ, то здѣсь въ нѣмецкомъ населеніи и находили иногда (напримѣръ, въ 1857 г. въ Филадельфіи) себѣ подражателей среди англо-американскаго населенія. Повидимому, подобныя общины должны были бы процвѣтать въ Америкѣ, гдѣ имъ не угрожало государственное преслѣдованіе, какъ въ Германіи, и гдѣ, судя по словамъ нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, такъ много невѣрующихъ. Между

тѣмъ судьба большей части изъ нихъ была самая печальная. Значительное число не просуществовало и году. Какой-нибудь энергическій проповѣдникъ основалъ общину и, вслѣдъ за его выбитіемъ, она распалась. Нѣсколько страницъ, посвященныхъ Кампе * исторіи сѣверо-американскихъ свободныхъ общинъ съ 1848 по 1858 годъ, въ этомъ отношеніи очень поучительны. Совершенно очевидно, что это были явленія, чужды американской почвѣ, насильно на нее перенесенныя и неимѣющія законной причины существовать на ней. По тому самому и журналы, проводившіе подобныя начала, и которыхъ Кампе (IV, 27) насчитываетъ 12, не имѣли никакого значенія. Продолженіе европейской агитаціи на американской почвѣ оказывалось совершенно непрактичнымъ и люди, думавшіе въ Америкѣ продолжать свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какъ въ Европѣ, скоро теряли тамъ всякое вліяніе.

Въ самомъ дѣлѣ, свободная община въ Америкѣ почти не имѣетъ смысла. Въ Германіи она представляла организацію, заимствованную изъ церковнаго строя лицами, отвергавшими догматы церкви, для того, чтобы придать этимъ личностямъ болѣе силы, болѣе возможности бороться съ крѣпкою организаціею общинъ церковныхъ, среди обществъ, гдѣ церковь связана съ государствомъ множествомъ легальныхъ нитей. Въ виду прѣтвляющей силы, рационалисты Германіи пробовали слотиться и сдѣлаться тоже силою. Но чтѣ можетъ связать членовъ антирелигіозной общины въ Америкѣ? Всякая общинная связь должна имѣть положительное значеніе, а не только отрицательное. Невѣрующій въ Америкѣ такъ же свободенъ, какъ и всѣ, да и нѣкому нѣтъ дѣла до отрицательнаго его отношенія къ чему бы то ни было. Въ странѣ лихорадочной дѣятельности требуютъ *положительныхъ* заявленій. Пусть онъ заявитъ себя теоретическими пріобрѣтеніями въ мірѣ научномъ или практическими на попримѣ общественной дѣятельности, и его станутъ судить по значенію его ученыхъ работъ или практическихъ дѣлея. Но для этого организуются ученые или педагогическія общества, политическія или экономическія асоціаціи, а не общества «свободныхъ людей», «невѣрующихъ» и т. п. Подобныя общества суть естественное порожденіе государственнаго строя тамъ, гдѣ мысль легально стѣснена, а въ то же время традиція высшихъ школъ пріучила развитое меньшинство къ умственной работѣ надъ общими философскими міросозерцаніями. Тамъ самое вступленіе

* *Ferd. Kampe: «Geschichte der religiösen Bewegung der neuern Zeit». IV, 29—27.*

въ подобное общество есть гражданское *дѣло* и, вообще говоря, лишь существованіе подобныхъ общинъ можетъ обезвѣчить независимость мысли. Но американецъ, безпрестанно употребляя принципъ ассоціаціи и злоупотребляя имъ, прибѣгаетъ къ нему лишь съ *положительной* дѣлью. Общество, имѣющее отношеніе къ религіозному вопросу, въ Америкѣ можетъ имѣть только тогда значеніе, когда оно представляетъ *положительное* религіозное содержаніе: определенный догматъ, которому *спруеть*, а не отрицаніе догмата. Кто въ штатахъ не чувствуетъ религіозной потребности, тотъ оставляетъ религію въ сторонѣ, занимается тысячами *практическихъ* вопросовъ. Кто не *вѣруетъ*, тотъ не принадлежитъ *ни* къ какой общинѣ.

Отъ американца не требуется свидѣтельство ни о причастіи, ни о конфирмаціи, ни даже о крещеніи, чтобы быть совершенно полноправнымъ гражданиномъ. Тысячи взрослыхъ тамъ вовсе не крещены, но и изъ этихъ некрещенныхъ многіе суть ревностные члены той или другой религіозной общины и жертвуютъ для нея значительными суммами. Никто не мѣшаетъ всякому выйдти изъ одной общины, перейти въ другую, отказаться отъ всѣхъ, и потому отсутствіе всякаго стѣсненія не возбуждаетъ оппозиціи. Напротивъ, постоянная необходимость быть на стражѣ, чтобы не потерять своей насты, а если возможно, увеличить ее, побуждаетъ духовныя лица къ самой энергической дѣятельности и усиленной пропагандѣ. Благочестиво поучительныя книжки, трактаты, журналы изливаются потокомъ; проповѣди обрабатываются съ особеннымъ стараніемъ. Пресвитеріане и конгрегационалисты преимущественно дѣйствуютъ въ среднемъ классѣ общества и, по вліянію на умы, какъ пишутъ, занимаютъ первое мѣсто. Епископальная церковь распространена въ высшихъ классахъ большихъ городовъ. Въ бѣднѣйшемъ и менѣе образованномъ населеніи всего болѣе дѣйствуютъ методисты и баптисты. Въ 1854 г. 3,335 миссіонеровъ разныхъ протестантскихъ церквей отправлены были внутрь страны для проповѣди и обращенія; расходъ на эти миссіи доходитъ до 728,539 долларовъ. Библейскія общества, начиная съ 1816 г., роздали до 11 милліоновъ экземпляровъ библіи и евангелія. До 1,300 разнощиковъ заняты распространеніемъ книгъ и трактатовъ разныхъ религіозныхъ обществъ протестантизма, причемъ одно общество издало въ *одинъ* годъ болѣе 10 милліоновъ экземпляровъ благочестивыхъ брошюръ, другое напечатало болѣе 26 милліоновъ страницъ.

Изъ основнаго отдѣленія церкви отъ государства въ Америкѣ, о чемъ было сказано выше, само собою слѣдуетъ, что государство не поддерживаетъ никакой церкви. Конгрессъ нанимаетъ

своихъ канцеляровъ и президенты назначаетъ канцеляровъ для арміи и флота, но всѣ церкви поддерживаются добровольными приношеніями вѣрующихъ. Двѣ-три церкви въ Нью-Йоркѣ обладаютъ значительнымъ имуществомъ съ давняго времени, но все остальное лежитъ на общинахъ. Средняя плата духовныхъ лицъ считается до 500 долларовъ, профессора богословія въ 1,000 долларовъ, но есть духовныя лица, получающія до 6,000 содержанія или одновременно подарки въ 10,000 долларовъ для покупки дома. За то въ англо-американскихъ общинахъ платы за требы совсѣмъ не берутъ. Церкви строятся ежегодно въ значительномъ количествѣ, но часто переходятъ отъ одной секты въ другой путемъ продажи или даже получаютъ совсѣмъ мирское назначеніе. Духовнымъ лицамъ приходится заниматься множествомъ денежныхъ дѣлъ для поддержанія внѣшняго значенія своей общины и въ виду собственныхъ интересовъ.

Изъ предъидущаго можно видѣть, что религіозныя учрежденія лежатъ на обществѣ довольно значительнымъ расходомъ. По мнѣнію Вэйрда, сѣверо-американское общество истратило въ 1855 году на свои религіозныя потребности 25 милліоновъ долларовъ, считая сюда и дальнія миссіи, въ которыя было послано болѣе 1,000 человекъ. Но подобныя расходы и возможность, существующая для религіозныхъ обществъ распространять свои книги и брошюры въ милліонахъ экземпляровъ, показываютъ, что система воспитанія въ Америкѣ, отъ которой ожидали такого гибельнаго послѣдствія для религіознаго духа, не мѣшаетъ напротивъ американскому обществу быть весьма ревностнымъ къ религіи. Поэтому американское сектаторство не можетъ быть разсмотрѣваемо какъ результатъ разумнаго индифферентизма и рационализма. Да и трудно обвинять въ религіозномъ индифферентизмѣ общество, гдѣ есть города съ 2,000 или 3,000 жителей, которые на свои средства поддерживаютъ до шести различныхъ сектъ или названій съ ихъ проповѣдниками. Если систему американскихъ школъ можно обвинять, то скорѣе въ томъ, что она недостаточно вооружаетъ личность противу фантастическихъ увлеченій, а нисколько не въ истребленіи въ личностяхъ всякаго религіознаго духа. Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія систему американскихъ школъ.

Заведеніе школъ было съ самаго начала колонизаціи сѣверныхъ штатовъ одною изъ главныхъ заботъ поселенцевъ. «Мы пришли въ эту новую землю—говорили они—чтобы имѣть возможность воспитывать нашихъ дѣтей». При первомъ поселеніи въ Плимутѣ они озаботились о школахъ. Въ 1674 г. въ Массачузетѣ постановлено: «такъ-какъ сатана преимущественно стре-

мится удержатъ челоуѣка отъ пониманія писанія... то постановлено, чтобы каждая община, когда Господь ее увеличитъ до 50 домовъ, должна назначить учителя, чтобы научить всѣхъ дѣтей читать и писать; а когда городъ возрастетъ до 100 домовъ, то должны они основать грамматическую школу». Развитие свободныхъ учреждений возвысило еще значеніе школъ. Самоуправленіе, выборъ лицъ, облеченныхъ властью, участіе въ законодательствѣ, свобода ассоціацій для политическихъ цѣлей—все это могло имѣть полезное значеніе лишь при развитіи образованности въ народѣ. Самый широкій доступъ къ общему образованію и безденежное обученіе народа стали основами законодательства. При раздѣленіи обширныхъ земель, составляющихъ государственное имущество союза, на городскіе участки (township)*, положено отдѣлять $\frac{1}{16}$ долю на содержаніе школъ. Кромѣ того центральное правительство подарило отдѣльнымъ штатамъ до 1849 г. болѣе 11 миліоновъ акровъ (около 4-хъ мил. десятинъ) для народныхъ и высшихъ школъ. На нихъ же отчисляются различныя доходы штатовъ, назначается особый налогъ, который дополняется добровольными взносами въ несравненно большемъ размѣрѣ, чѣмъ назначается. И такимъ образомъ составляется весьма значительный капиталъ, который расходуется учебными комитетами округовъ, подъ контролемъ комитета градскаго участка, обыкновенно находящагося подъ руководствомъ главнаго наблюдателя или суперинтендента публичнаго обученія въ штатѣ. Особенное вниманіе на систематическое и педагогически-раціональное устройство школъ обращено въ Америкѣ съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Во главѣ этого педагогическаго движенія стоитъ Массачузетъ. Конечно, не во всѣхъ штатахъ развитіе школъ и заботливость о нихъ одинакова. Выше всѣхъ стоятъ въ этомъ отношеніи штаты Новой Англій (Массачузетъ, Коннектикутъ, Род-Эйландъ, Нью-Гемпширъ, Вермонтъ, Мэйнъ). Близко къ нимъ подходятъ штаты Нью-Йоркъ, Нью-Джерсей, Пенсильванія, Огіо, Мичигонъ, Индіана, Иллинойсъ, Висконсинъ, Иова. Во всѣхъ другихъ уже положеніе хуже; особенно оно было хуже въ рабовладѣльческихъ штатахъ, при чемъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о положеніи школъ по окончаніи войны. Но если энергія въ стремленіи къ развитію школъ различна, то самое стремленіе это всюду одно и то же. Это развитіе общенароднаго безденежнаго образованія. Система школъ для американской республики—національная забота и предметъ справедливой гордости. «Это самое оригинальное произведеніе

* Это вовсе не то, что городъ, city.

Америку до сихъ норъ», говоритъ знаменитый геологъ Либель въ своемъ путешествіи.

Общественныя, общія или свободныя школы Америки (Public schools, Common s., free s.) называются такимъ образомъ потому, что онѣ содержатся на счетъ государства, даютъ единственное обученіе всѣмъ и, большею частію, даютъ его безденежно*. Въ нихъ, кромѣ чтенія, письма, счета и рисованія преподають элементарный курсъ грамматики, географіи, исторіи и физиологій вмѣстѣ съ правилами бухгалтеріи и письменныхъ сочиненій. Въ большихъ городахъ различныя классы общихъ школъ составляютъ особенныя школы, подъ названіемъ элементарныхъ (primary s.), среднихъ или грамматическихъ (grammar s.) и высшихъ (high s.), при чемъ послѣднія еще подраздѣляются на высшія англійскія (englisch high s.) и высшія латинскія (latin high s.), смотря по тому, преобладаетъ ли въ нихъ математика и естествознаніе или преподають начала древнихъ языковъ.

Особенное вниманіе обращено въ Америкѣ на рациональное устройство школьныхъ домовъ. Съ 1830 г. это составляетъ постоянную заботу специалистовъ. Сочиненіе Алькотта, отчеты Манна, замѣчательное педагогическое сочиненіе Поттера и Эмерсона («The School and the schoolmaster» 1842), наконецъ классическій трудъ Генри Варнарда («School Architecture, 4-е изд. 1850 г.), дали прочныя основы для системы, въ которой здоровье и удобство учениковъ составляетъ предметъ самаго бѣльшаго вниманія; особенно же система вентиляціи весьма замѣчательна. «Школьный домъ — тоже учитель», говорятъ американцы и прибавляютъ: «если въ данномъ округѣ, какой-либо домъ представляетъ, сравнительно съ другими, болѣе пріятное мѣстоположеніе, удобнѣе устроено внутри, лучше топлень, вообще привлекательнѣе по общему виду и производитъ лучшее впечатлѣніе — то именно *этотъ* домъ долженъ быть школьнымъ домомъ».

Въ эти школьные дома, окруженные общественной заботой, идетъ растущее поколѣніе Америки, но рядомъ съ дѣтьми, не стыдятся садиться на скамьи и взрослые, которые, по какимъ-либо причинамъ, не имѣли основательнаго элементарнаго образованія. Въ большихъ городахъ устроены и вечернія школы. Но какъ ни значительны суммы, назначаемыя на школы, иногда онѣ все-таки недостаточны, чтобы покрыть требуемые расходы на

* Иногда, при недостаточности суммъ общественного дохода, назначаютъ (именно въ Род-Эйлендѣ и Мичигонѣ) плату за обученіе съ родителей, имѣющихъ возможность заплатить. Но этого стараются избѣгнуть, и вообще, оно считается вреднымъ.

содержаніе школъ впродолженіе цѣлаго года. Къ тому же во многихъ мѣстахъ семьи нуждаются въ пособіи младшихъ членовъ своихъ и къ этому присоединяется недостатокъ въ учителяхъ, которыхъ, по выраженію Манна, «изъ дерева не выточить и изъ камня не вытешешь». Оттого народныя школы дѣйствуютъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Въ одномъ Бостонѣ школьное время доведено до 11 мѣсяцевъ, среднимъ же числомъ въ самомъ Массачузетѣ—7¹/₂ мѣсяцевъ. Въ другихъ же штатахъ минимумъ большею частію назначенъ закономъ въ три мѣсяца, но бываетъ и менѣе. При этомъ всего болѣе жалуются на недостатокъ учителей. Ему стараются помочь разными средствами. Впервыхъ, учебники американскіе составляются большею частію уже имѣя въ виду, что ими должны пользоваться неопытные педагоги: самостоятельному соображенію учителя и ученика въ различеніи важнаго отъ неважнаго предоставляется возможно менѣе. Все разсчитано болѣе на приобрѣтеніе знаній возможно быстрымъ и простѣйшимъ путемъ, а не на учебное развитіе, такъ какъ американца развиваетъ жизнь, научающая на практикѣ комбинаціямъ, соображеніямъ, быстрымъ выводамъ подъ опасеніемъ смерти. Ученіе въ сущности ограничивается, по словамъ нѣмецкихъ педагоговъ, задаваніемъ и выслушиваніемъ уроковъ, выучиваемыхъ въ самой школѣ, или просмотромъ рѣшенія заранѣе заданныхъ задачъ. Вторыхъ, къ преподаванію въ общихъ школахъ призваны въ самомъ обширномъ размѣрѣ женщины: въ Массачузетѣ на 2,114 учителей въ 1855 году находилось 7,333 учительницы. Впрочемъ, плата имъ значительно менѣе, чѣмъ учителямъ. Въ томъ же году средняя мѣсячная плата учителямъ была въ Массачузетѣ 41,45 долл., въ Висконсинѣ 22,84 долл.; плата же учительницъ въ первомъ штатѣ была среднимъ числомъ 17,29, во второмъ 12,09. Третьихъ, учреждены нормальныя школы (normal s.) для приготовленія учителей, при чемъ въ 1855 г. существовало 4 такіа училища въ одномъ Массачузетѣ и по одному въ семи штатахъ союза. Той же цѣли содѣйствуютъ многочисленныя учительскіе институты, общества учителей, педагогическіе журналы. Тѣмъ же менѣе потребность въ учителяхъ еще не вполне удовлетворена; большинство учителей занимаетъ эти мѣста по необходимости на самыя короткіе сроки, и съ каждымъ новымъ курсомъ, ученики, большею частію, попадаютъ въ руки новаго учителя. Многіе изъ этихъ учителей не приносятъ вовсе педагогической подготовки, но лишь порядочное школьное образованіе или даже ученіе, приобрѣтенное безъ всякаго пособія школы. Многіе суть ученики коллегій (о которыхъ скажемъ ниже), зарабатывающіе себѣ учительствомъ въ школахъ

средства для уплаты за свое учение въ коллегіяхъ. Почти всѣ смотрятъ на занятіе преподаваніемъ въ школахъ какъ на переходъ къ болѣе выгодному дѣлу, или какъ на средство саморазвитія. Конечно, нѣмецкіе педагоги видятъ въ этомъ положеніи дѣла большія неудобства; но слѣдуетъ замѣтить, что подобное преподаваніе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ одно важное достоинство: оно противодѣйствуетъ рутинѣ и равнодушію къ дѣлу, весьма часто развивающимся въ средѣ преподавателей, продолжающихъ одно и то же дѣло цѣлые десятки лѣтъ. Постоянный приливъ живаго молодого поколѣнія придаетъ школамъ живенность и способствуетъ охотѣ къ занятіямъ среди учениковъ. Внушить эту охоту едва-ли не главная задача педагога, и если эта задача рѣшена удовлетворительно, то можно по-смотреть сънисходительно на многіе педагогическіе промахи. Воскресныя школы у насъ, въ короткій періодъ своего процвѣтанія, показали на сколько молодых, хотя неопытныхъ силъ могутъ превзойти по усилію своего педагогическаго дѣйствія разныхъ почтенныхъ учителей свѣтскаго и духовнаго званія, преподаваніе которыхъ распространяетъ между учениками лишь сонливость и отвращеніе отъ урока.

Высшія школы большихъ городовъ составляютъ въ Америкѣ предѣлъ бесплатнаго обученія и на одномъ уровнѣ съ ними находятся многочисленныя частныя заведенія, носящія большою частію громкое имя *академій*. Ихъ считалось въ 1855 г. 6,089 съ 263,089 учениками и 12,230 учителями. Нѣкоторыя изъ академій поддерживаются мѣстными средствами и входятъ въ систему городскихъ учебныхъ заведеній (*incorporated ac.*). Въ одномъ штатѣ Нью-Йоркѣ изъ считается до 200.

Религіозный элементъ въ общихъ школахъ ограничивается молитвою предъ началомъ ученія и чтеніемъ библіи. Въ частныхъ академіяхъ его участіе крайне разнообразно. Въ элементарномъ образованіи различныя секты участвуютъ путемъ воскресныхъ школъ, которыхъ въ 1855 г. считалось въ штатахъ до 35,000, а число учениковъ въ нихъ было не менѣе 2¹/₂ милліоновъ. Кромѣ того надъ общими школами и частными академіями находятся еще коллегіи и спеціальныя школы, почти безъ исключенія основанныя, поддерживаемыя и направляемыя той или другой сектой. Въ 1827 г. *Americal Almanac* показывалъ 123 коллегіи съ 11,447 учениками, при чемъ 74 принадлежали конгрегационалистамъ въ Новой Англіи или пресвитеріанамъ въ другихъ частяхъ союза, остальные же 49 католикамъ, епископаламъ, методистамъ или баптистамъ. Объ отношеніи этихъ заведеній къ религіозному ученію приведемъ слова Бэйрда: «Эти коллегіи не служатъ

сектаторству, но истинной религіи... Они открыты для молодых людей всякаго исповѣданія, и рѣдко слышно, чтобы тамъ стремились пріобрѣтать прозелитовъ для какой-либо особенной церкви, хотя ревностно пріобрѣтаютъ прозелитовъ для евангелія. Когда здѣсь говорится о *всякомъ* исповѣданіи, то ясно, что дѣло идетъ о *протестантскихъ* сектахъ разнаго наименованія. Католицизмъ съ одной стороны, рационализмъ и еретическія секты съ другой находятся внѣ кругозора протестантскихъ духовныхъ писателей. Въ коллегіяхъ проводятъ ученики четыре года какъ въ закрытомъ заведеніи съ опредѣленными подраздѣленіями. Въ первые два курса господствуютъ классическіе языки и математика, въ послѣдніе же два преимущественно математика, естествознаніе, историческія и такъ-называемыя философскія науки. Въ пятидесятыхъ годахъ появились и особыя *народныя коллегіи* (Peoples Colleges) для недостаточныхъ учениковъ, неимѣющихъ возможности оплатить четырехгодовой курсъ. Въ народныхъ коллегіяхъ курсъ продолжается одинъ или два года, двѣ или три зимы. Предметы преподаванія почти тѣ же, что и въ обыкновенныхъ коллегіяхъ, но сюда скодятся слушатели обоого пола, живущіе въ разныхъ пансіонахъ и собирающіеся лишь на лекціи того или другаго предмета (классическіе языки рѣдко составляютъ предметъ преподаванія). Въ одномъ изъ подобныхъ заведеній въ штатѣ Нью-Йоркѣ было въ 1854 г. до 1,200 учениковъ. Бэйрдъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ заведеніяхъ ученики находятся «подъ сильнымъ вліяніемъ религіознымъ и нравственнымъ». Коллегіи имѣютъ право давать званіе бакалавровъ, магистровъ и докторовъ.

Но для спеціальныхъ занятій богословіемъ, правовѣдѣніемъ и медициною существуютъ еще спеціальныя школы, гдѣ опять ученики проходятъ опредѣленный курсъ предметовъ въ 2 или 3 года. Въ 1857 году было въ союзѣ 45 богословскихъ школы, поддерживаемыхъ сектами разныхъ наименованій, 40 медицинскихъ и 15 юридическихъ. Малое количество послѣднихъ не должно удивлять читателей, которые припомнятъ, что въ сѣверо-американской республикѣ весьма значительно число лицъ, посвящающихъ себя юридическимъ занятіямъ. Большинство юристовъ вовсе не проходятъ чрезъ юридическія училища, но приготавлиются практически къ своему дѣлу подъ руководствомъ какого-либо извѣстнаго юриста. Въ Соединенныхъ Штатахъ часто слышится названіе университета, но нѣкоторые изъ нихъ суть не иное что, какъ обычныя коллегіи (напримѣръ, университетъ Сѣверной Каролины въ Чепель-Гиль и виргинскій университетъ въ Чарлотсвиллѣ). Другія заведенія соединяютъ въ себѣ коллегію со спе-

ціальними школами (якь Harvard-University въ Кембриджѣ близь Бостона, или Yale College въ Нью-Гэвенѣ), а потому, по *внѣшнімъ формамъ* какъ-бы болѣе заслуживаютъ названія университета въ европейскомъ смислѣ, но элементы, здѣсь соединенные, не состоятъ ни въ какой органической связи, и единство духа, обуславливающее значеніе европейскихъ университетовъ, здѣсь ограничено единствомъ имени. Джоржъ Вашингтонъ писалъ въ своемъ завѣщаніи: «я имѣлъ горячее желаніе составить либеральный планъ, который бы поставилъ себѣ цѣлью распространеніе систематическихъ представленій во всѣхъ частяхъ этого возрастающаго государства, и устраненіе мѣстныхъ увлеченій и предрасудковъ изъ нашихъ національныхъ совѣщаній, на сколько то позволяетъ, или, вѣрнѣе того, требуетъ, самая природа вещей. Обдумывая съ самымъ живымъ интересомъ осуществленіе столь желательнаго для меня предмета, я не считалъ никакого средства болѣе соотвѣтственнымъ этой цѣли, какъ учрежденіе университета въ центральномъ пунктѣ Соединенныхъ Штатовъ, куда бы можно было посылать достаточныхъ и способныхъ молодыхъ людей изъ всѣхъ частей страны для окончанія ихъ воспитанія по всѣмъ отраслямъ изящной литературы, искусства и науки, для усвоенія началъ политики и хорошихъ учрежденій, и для того, чтобы они, что весьма важно по моему мнѣнію, связывались дружбаю въ молодые годы, развили въ себѣ способность, въ надлежащей степени освободиться отъ мѣстныхъ предрасудковъ и обычной зависти, о которой сказано выше». Вашингтонъ завѣщалъ на этотъ университетъ около 300,000 долларовъ, но ничего, согласнаго его мысли, ничего объединяющаго высшее обученіе въ Сѣверо-американскихъ штатахъ, до сихъ поръ не существуетъ.

Такимъ образомъ, система американскихъ школъ, обезпечивая возможно большому числу лицъ общее образованіе, оставляетъ ученія общихъ школъ на порогѣ этого заведенія. Онъ прибрѣлъ необходимыя знанія для практической жизни, остальное зависитъ отъ него самага. Государство считаетъ свое дѣло сдѣланнымъ. Всѣхъ сдѣлать ученими оно и не можетъ, а для *немногихъ* устроить высшее обученіе не имѣетъ въ виду. Но образованность есть только умѣнье *читать* книги. *Писать* ихъ, проводить идеи, давать обществу направленіе могутъ лишь люди, которые, на основаніи общей образованности, подвинулись далѣе, уяснили себѣ теоретическую и практическую мысль критикою значительнаго числа фактовъ, прежнихъ и современныхъ мнѣній, историческихъ событій, жизненныхъ потребностей. Откуда вырабатывается это двигающее меньшинство? На помощь ему являюся

частные люди съ разнообразными академіями и религіозныя секты со своими коллегіями. При огромной конкуренціи выигрываетъ тотъ, кто сумѣетъ дать возможно болѣе свѣдѣній въ возможно кратчайшее время. Надо быть проповѣдникомъ, медикомъ, адвокатомъ; надо приобрѣсти возможность обсуживать торговые и политическіе интересы мѣстностей и партій въ рѣчахъ и газетныхъ статьяхъ; надо приложить механическіе и химическіе законы на заводѣ, политико-экономическіе законы на различныхъ рынкахъ. Все это надо возможно скорѣе, потому что время — деньги. И вотъ въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ съ такою тщательностью и научностью опредѣляется, какъ слѣдуетъ расположить скамьи въ школьной комнатѣ, какъ устроить топку, чтобы поддержать въ этой комнатѣ температуру и постоянную вентиляцію, въ этомъ самомъ обществѣ воздвигается самое эфемерное зданіе высшаго обученія. Конкуренція личностей заботится лишь о *немедленномъ* успѣхѣ своего преподаванія для жизни. Секты заботятся лишь «о сильномъ вліяніи религіозномъ и нравственномъ». Кто же заботится о развитіи строго-научной мысли, точной критики, опирающейся на тщательномъ собраніи и всестороннемъ обсужденіи фактовъ? Кто заботится о томъ, чтобы явленія природы были сквачены не какъ любопытный фактъ, болѣе или менѣе обобщенный, не какъ источникъ дохода во столько-то и столько-то долларовъ, а какъ связанная система законовъ, охватывающихъ и проникающихъ вселенную съ неизмѣнною послѣдовательностью? Кто заботится о томъ, чтобы исторія была не органомъ партій, не прославленіемъ настоящаго, но представляла въ минувшемъ источникъ настоящаго и предохраняла отъ возвращенія къ явленіямъ первобытной цивилизаціи? Для личностей, конкурирующихъ на поприщѣ практической педагогикі, это слишкомъ неблагоприятная и невыгодная работа. Для сектъ, оплакивающихъ отсутствіе своего вліянія въ общихъ школахъ, это было бы неестественно, потому что значило бы поднимать руку на самихъ себя. Штаты несутъ и безъ того весьма значительные расходы по широкому требованію общеобразовательныхъ заведеній, да, кромѣ того, какъ представители требованій культуры, они едва-ли и могутъ усвоить значеніе неторопливаго, строго-научнаго, философскаго - обобщающаго высшаго обученія. Лишь центральное правительство, такъ часто страдающее избыткомъ доходовъ надъ расходами и состоящее изъ лицъ, которыя болѣе другихъ способны оцѣнить высшія потребности общества, могло бы дать средства на учрежденіе для высшаго, чисто-научнаго обученія. Это учрежденіе стоило бы дорого, а прямаго вывода для личностей не могло бы представить; поэтому оно не могло

бы быть частнымъ предпріятіемъ. Оно должно бы имѣть въ виду лишь интереси науки, слѣдовательно, въ немъ должны бы осуществиться столь же чисто требованія свѣтскаго обученія, какъ въ общихъ школахъ, и всякое вліаніе секты должно быть столь же тщательно устранено. Подобное учрежденіе не привлекло бы много учениковъ и еще менѣе бы выпускало дѣйствительно работающихъ людей съ критическою мыслию. Но эти люди, постепенно увеличиваясь въ числѣ, сдѣлались бы центрами, которые бы могли распространять около себя не только практическое умѣнье и общее образованіе, но и такое *пониманіе* естественныхъ и историческихъ явленій. До сихъ поръ центральное правительство республики не считаетъ подобнаго учрежденія своимъ дѣломъ.

Слѣдствія подобнаго положенія дѣлъ можно бы получить путемъ вывода почти въ той же формѣ, какую дала имъ исторія. Общее распространеніе образованности, какъ мы видѣли, весьма значительно, и ни одно государство міра не исполняетъ въ этомъ отношеніи столь строго своей обязанности предоставить молодому поколѣнію всѣ средства для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ и зарабатывать себѣ, своими знаніями, безбѣдное существованіе. Политическій и экономическій строй штатовъ постоянно требуетъ весьма значительное количество работы и представляетъ всякому способному человѣку возможность значительныхъ барышей. Въ обществѣ практическая дѣятельность дѣлится весьма высоко. Все это имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, что огромное большинство молодаго поколѣнія видитъ въ знаніи лишь средство для быстрой практической дѣятельности, и поощряемое общественнымъ настроеніемъ, стремится возможно скорѣе и полнѣе предаться этой дѣятельности. Это стремленіе составляетъ силу и жизненность американскаго общества. Даже меньшинство, въ которомъ вырабатывается желаніе болѣе работать теоретически, въ областяхъ науки и вѣрованія, скорѣе привлекается къ практическимъ сторонамъ этихъ областей, къ результатамъ, а не къ способу ихъ приобрѣтенія. Всѣ стороны соприкосновенія науки и вѣрованія съ жизнью симпатичнѣе для американскаго ученаго и проповѣдника, чѣмъ критика ихъ основательности, грунировка ихъ въ связанное цѣлое. Если заключеніе совпадаетъ какъ полезный, какъ человѣчески-развивающій выводъ, то мыслитель новаго свѣта готовъ болѣею частью обсуждать весьма легко его основныя послыки.

Для большинства въ области мысли здѣсь результатъ получается тотъ же, что и вездѣ; занятое практическими ежедневными заботами, оно совершенно индифферентно къ теоретическимъ

взглядамъ: оно слѣдуетъ рутинѣ въ наукѣ и въ вѣрованіи. Положенія, разъ принятыя, и ни разу не продуманныя, служатъ ему руководствомъ на всю жизнь. Новый результатъ науки, также какъ догматъ катехизиса, имъ принимается на вѣру и входитъ въ ежедневный обиходъ, поза не служитъ помѣхою: при столкновеніи ихъ съ жизнью, ихъ одинаково обходятъ или одинаково подвергаютъ сомнѣнію. Человѣкъ родился среди людей опредѣленной церкви; онъ не думаетъ выйдти изъ нея потому, что вообще объ ней думаетъ очень мало. Если законъ побуждаетъ его исполнить тотъ или другой обрядъ, онъ его исполнить. Можно обойтись—онъ обходится: не принимаетъ крещенія, не идетъ къ причастію, вовсе не потому, чтобы онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи какаго либо болѣе или менѣе рациональнаго принципа, а потому лишь, что никто его не побуждаетъ къ этому, потому что есть и другіе, которые не ходятъ, потому что ему въ сущности совершенно все равно, и онъ вездѣ оставался бы, при исполненіи или неисполненіи обрядовъ, «крещенымъ язычникомъ». Но къ нему приходитъ сборщикъ пожертвованій для общины, къ которой онъ причисленъ, и онъ охотно платитъ деньги, даже тѣмъ охотнѣе, что съ этою оплатою считаетъ себя какъ-бы исполнившимъ *лаемый* долгъ члена общины; кромѣ того такъ уже принято въ его кружкѣ; оплата же есть и средство выказать, что онъ человѣкъ состоятельный, что онъ умѣетъ зарабатывать деньги. Заплативъ, онъ охотно принимаетъ участіе въ управленіи общиной, въ ея процвѣтаніи, распространеніи, въ богатствѣ ея храма, въ достоинствѣ ея школъ. Это жизненная сторона, близко его интересующая, ему вполне понятная, и онъ въ ней охотно видитъ главное дѣло послѣ внесенія денегъ, къ тому же нераздѣльно связанное со взносомъ: гдѣ его кошелекъ, тамъ его сердце.

Сущность вѣрованія, глубина убѣжденія остаются все-таки для него областью совершенно чуждою. На этой точкѣ стоитъ огромное большинство въ $\frac{9}{10}$ населенія республики, о которыхъ мы говорили выше, что они суть безспорно «вѣрующіе члены той или другой религіозной общины». Здѣсь мы беремъ это слово въ смыслѣ стараго міра, гдѣ точно также большинство *отрующихся* принадлежитъ къ этой категоріи; еще вѣрующіе американской республике имѣютъ преимущество передъ всѣми общинами, гдѣ члены не участвуютъ въ матеріальныхъ заботахъ о церкви, такъ-какъ заботливость о матеріальной сторонѣ послѣдней составляетъ уже сильную связь лица съ общиной, связь, безъ того, остающуюся довольно слабою.

Но если всюду, вслѣдствіе неизбежной жизненной борьбы, большинство представляетъ подобное же отношеніе къ вѣрованіямъ,

каковы бы они ни были, то характеръ самихъ господствующихъ вѣрованій въ каждой странѣ опредѣляется двумя элементами: силою партіи историческаго преданія и силою представителей прогрессивныхъ міросозерцаній. Большинство, занятое почти постоянно жизненными заботами, одинаково удобно можетъ слѣдовать за тѣми и за другими: для него самый мистическій догматъ, точно такъ же какъ самое рационалистическое положеніе — слова, которыя ему понять некогда, и которыя оно повторяетъ потому, что они въ ходу. При численной или теоретической слабости прогрессивной партіи, масса общества будетъ всегда состоять изъ идолопоклонниковъ, строгихъ исполнителей обрядности, изъ почтительныхъ слугъ іерархіи, или ревностныхъ читателей древнихъ книгъ, при чемъ результатъ чтенія будетъ недалеко отходить отъ результата, полученнаго гоголевскимъ Петрушкою. Все это будетъ тѣмъ болѣе характеризовать культуру общества, чѣмъ энергичнѣе и чѣмъ лучше организована партія преданія, но все-таки это будетъ дѣло культуры, а не мысли. Съ усиленіемъ численнымъ или теоретическимъ въ прогрессивной партіи болѣе и болѣе лицъ замѣнять формулою профессора изрѣченіе проповѣдника, цитатой популярнаго журнала цитату стариннаго апологета, чтеніемъ новыхъ писателей — чтеніе книгъ, писанныхъ тому двѣ и три тысячи лѣтъ. Конечно, понимающихъ будетъ болѣе прежняго, уже потому, что ученый вообще понятнѣе мистика, журналисты и современные авторы доступнѣе древнихъ писаній и по кругу мыслей и по способу выраженій; но тѣмъ не менѣе, для большинства и тутъ нельзя ожидать сознательнаго измѣненія міросозерцаній, а лишь привычки къ другому способу выраженій, къ иной культурной формѣ. Вѣчная борьба между идолопоклонствомъ во имя преданія и идолопоклонствомъ во имя новизны, при весьма небольшомъ количествѣ измѣненія числа тупѣющихъ и понимающихъ, опредѣляетъ своими формами преимущественно усиленіе меньшинства двигателей двухъ борющихся партій. Каждая новая личность, появляющаяся въ томъ или другомъ лагерѣ съ болѣшими умственными способностями, съ болѣею энергіею, съ болѣшимъ практическимъ пониманіемъ современности, имѣетъ вліяніе на колебаніе общественной культуры въ ту или другую сторону. Недостатокъ людей съ методически выработанною критикою, недостатокъ уважаемыхъ личностей, которыя своею дѣятельностью распространяли бы пропаганду во имя науки и рациональной философіи, недостатокъ центровъ, изъ которыхъ бы подобная пропаганда въ ея высшемъ значеніи расходилась бы въ обществѣ — все это неизбежно опредѣляетъ собою характеръ общественной культуры въ пользу партіи преданія, даже при невыгодномъ

положеніи этой партіи, т.-е. при отсутствіи ея охраненія путемъ закона. Когда же эта партія пользуется исключительнымъ вліяніемъ на высшее образованіе, имѣеть въ своихъ рукахъ всѣ высшія воспитательныя заведенія, то мы должны ожидать, что встрѣтимъ въ большинствѣ рядомъ съ практическою озобоченностью весьма замѣтныя проявленія религіозно-культурнаго элемента. Элементарное образованіе общества, при самомъ обширномъ своемъ распространеніи и при самомъ строгомъ выдѣленіи изъ него сектаторскаго вліянія, не можетъ въ этомъ случаѣ обусловить общественную культуру. Уже по своему элементарному характеру, оно даетъ лишь матеріалъ для практической дѣятельности массы, но оставляетъ личность безоружною, какъ предъ рутинною преданіемъ, такъ и предъ фантазіями утопистовъ. Но тамъ, гдѣ челоуѣкъ не вооруженъ противъ неумѣстнаго довѣрія и собственныхъ увлеченій, тамъ онъ неизбѣжно будетъ находиться въ опасности забывать безпрестанно о требованіяхъ критики, и слѣдовать обычнымъ формамъ или новымъ фантастическимъ представленіямъ въ ущербъ рациональному мышленію.

Такъ будетъ для большинства, но и единицы съ болѣе широкими способностями, съ болѣе выработанными наклонностями для теоретической дѣятельности, живя въ подобной средѣ, непремѣнно будутъ нести на себѣ отпечатокъ того же характера общественной культуры. Прежде всего людей, разсуждающихъ о научныхъ вопросахъ, будетъ много, но ученыхъ, посвящающихъ жизнь на разработку научныхъ задачъ, на движеніе науки впередъ, будетъ мало. Мы привели выше половинну фразы Токвиля о состояніи американской образованности; теперь выскажемъ ее вполне. «Не думаю — говорить французскій изслѣдователь — чтобы въ какой либо странѣ міра, сравнительно съ ея населеніемъ, было столь мало невѣждъ и столь мало ученыхъ, какъ въ Америкѣ». Но и большинство замѣчательныхъ представителей американской мысли, проявляетъ въ себѣ отсутствіе глубокой критики и готовность удовлетворяться поверхностными, практическими рѣшеніями, что характеризуетъ и все общество. Возьмемъ для примѣра, личность безспорно замѣчательную и вліятельную въ сферѣ религіозной жизни Америки, Чэнинга (Channing), одного изъ либеральныхъ проповѣдниковъ въ средѣ американскаго унитаризма, а въ связи съ его дѣятельностью уважемъ и на развитіе этой болѣе или менѣе рационалистической секты Сѣверной Америки.

Извѣстно, что антитринитаріи появлялись въ средѣ христіанскаго общества съ глубокой древности. Въ концѣ II вѣка мы уже видимъ въ Римѣ представителей обѣихъ главныхъ отраслей

монархіанства, какъ называлось тогда это направленіе, вызывавшее полемику Оригена, Тертуліана и другихъ богослововъ древнѣйшаго періода. Теодотъ и его ученики, въ особенности Артемонъ, становились на точку зрѣнія іудео-христіанскую, напирая преимущественно на человѣческій элементъ въ Іисусѣ Христѣ, причѣмъ Артемонъ утверждалъ противъ римскаго епископа Витора, что его толкованіе текстовъ евангелія есть толкованіе первобытной церкви единственно истинное. Оболо того же времени Праксеасъ видѣлъ въ Іисусѣ Христѣ не воплощеніе второй божественной ипостаси, а воплощеніе единаго божества, въ которомъ отсутствуютъ всякія ипостаси. Бериллъ, епископъ Бостры, Нувтій, наконецъ Сабеллій, продолжали еретическую разработку догмата въ этомъ направленіи, пока іерархическая организація церкви, энергическое противодѣйствіе соборовъ и прямое преслѣдованіе не лишили этой ереси всякой общественной поддержки. Съ начала реформаціи антиринитаріи, подъ именемъ унитаріанцевъ, появляются въ южной Германіи и Швейцаріи часто въ связи съ анабаптизмомъ. Мученикомъ за это направленіе гибнетъ въ 1529 г. въ Базелѣ Конрадъ изъ Гасена. Гетцеръ, Денкъ, Франкъ и др., предають унитаріанскому ученію болѣе или менѣе стройную форму, подвергаясь преслѣдованіямъ прочахъ сектъ. Анабаптистъ-унитаріанецъ Іоррисъ, скрывшійся въ Швейцаріи, подвергся соженію, но, въ его счастьяю, послѣ смерти. Въ 1553 г. вышла книга знаменитаго Сервэ, и въ томъ же году, по доносу и по настоянію Кальвина, предшественникъ Гервея въ физиологій былъ соженъ живымъ въ Женевѣ, гдѣ остановился на проѣздѣ въ Италію. Его ученіе нашло самую лучшую почву въ Италіи, подготовленной гуманистическимъ направленіемъ. Оттуда шли въ Швейцарію и въ Германію Калабресе, Тиціано, Леліо Соддини, Олдино, Бландрата, Альчіати, Джентиле и др., но подозрительная инквизиція кальвинизма ихъ преслѣдовала всгду. Лишь въ Польшѣ унитаріане находили прочное убѣжище. Въ третій разъ славянская страна дѣлалась могучимъ центромъ религіозной проповѣди, которая становилась въ оппозицію съ господствующими ученіями Европы, но привлекала себѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Въ половинѣ среднихъ вѣковъ проповѣдь катаровъ разлилась изъ Болгаріи по всей южной и средней Европѣ, вызвала самыя энергическія и кровавыя мѣры, и погибла лишь вмѣстѣ съ южно-французскою цивилизаціею. За вѣкъ до Лютера Чехія сдѣлалась центромъ пропаганды Гуса. Во второй половинѣ XVI вѣка Польша представила свободную школу проповѣдниковъ ученія, которое привлекало мыслящихъ богослововъ изъ

всѣхъ странъ Европы и противопоставляло мелкимъ спорамъ кальвинистскихъ лютеранскихъ учителей основное догматическое возмѣненіе. Фаусто Социни или Социнь, племянникъ Леліо, былъ организаторомъ этой секты. Изъ Кракова социниане распространились по разнымъ провинціямъ государства, имѣли многочисленныя общины. Раковъ, основанный Сенинскимъ (Sieninski), сдѣлался «сарматскими Аоннами» и изъ его типографій выходили многочисленныя сочиненія, какъ въ его школы шли многочисленные ученики. Рядомъ съ нѣмецкими именами Шмольца, Фэлкеля, Крелля, Шлихтинга, встрѣчаемъ въ числѣ ученыхъ богослововъ социнианъ славянскія имена: Остородта, Гослова, Вайдовскаго, Пржнитовскаго (Przytowski), Вишоватаго (Wisowaty), Любенецкаго, Морсковскаго. Путемъ социнианства славянская мысль могла занять самостоятельное и вліятельное мѣсто въ европейскомъ движеніи умовъ. Но іезуиты получили преобладаніе при дворѣ, въ значительной партіи польскаго дворянства и стали фанатизировать народъ. Въ 1627 г. разорена община люблинская, въ 1638 г. уничтожена знаменитая раковская школа и типографія. Противъ Сенинскаго выставили обвинителемъ его собственнаго сына. Іезуиты умѣли представить Іоанну-Казимиру социнианъ, какъ союзниковъ шведской партіи. Въ 1658 г. на варшавскомъ сеймѣ подняли вопросъ объ изгнаніи социнианъ и вето Свеньскаго было оставлено безъ вниманія. Социниане были осуждены, и въ трехгодовой срокъ (сокращенный потомъ на два года) должны были оставить Польшу. Она связала свою судьбу неразрывно съ судьбою дряхлѣющаго католицизма.

Изгнанныя польскихъ школъ пошли въ Германію, въ Нидерланды, въ Англію. Всюду они подвергались преслѣдованіямъ; даже въ возникающей Пруссіи, подъ покровительствомъ великаго курфюрста, ихъ положеніе было шатко, въ присутствіи фанатическаго недоброжелательства лютеранскихъ пасторовъ, возбуждавшихъ населеніе. Любенецкій, изгнанный отовсюду, несмотря на покровительство датскаго короля, умеръ отравленный въ Гамбургѣ. Въ Англіи при Ствартыхъ антитринитаріевъ возводили на костеръ, и даже революція 1688 г. не принесла имъ облегченія: они были исключены изъ закона о терпимости, изданнаго Вильгельмомъ III. Только XVIII вѣкъ, съ его дестическими стремленіями, призналъ въ унитаріанцахъ своихъ предшественниковъ, и ихъ идеи, несмотря на непризнаніе ихъ закономъ, получили значительное распространеніе. Въ 1771 г. Линдзей и его единомышленники составили петицію парламенту, которая, еслибы была принята, дозволила бы унитаріанцамъ остаться въ средѣ національной церкви. Она была отвергнута,

и въ 1774 г. Линдзей образовалъ въ Лондонѣ (Essex Street, Strand) диссидентскую общину, гдѣ провозгласилъ Бога и со-
 вѣсть единственными авторитетами въ дѣлахъ вѣры. Онъ дока-
 зывалъ *, что замѣчательнѣйшіе богословы и мыслители Англіи
 (между прочимъ Ньютонъ) болѣе или менѣе склонялись къ уни-
 таріанизму, и до 1793 г. оставался во главѣ этой общины.
 Другою ея существенною опорой былъ знаменитый химикъ При-
 стлей, открывшій кислородъ и всю жизнь раздѣлявшій свою дѣя-
 тельность между самыми точными учеными работами и самою
 жаркою и смѣлою богословскою полемикою. Это былъ одинъ
 изъ тѣхъ замѣчательныхъ, странныхъ, но тѣмъ не менѣе не
 очень рѣдко встрѣчающихся умовъ, которые умѣютъ пойти очень
 далеко въ своей критикѣ, и между тѣмъ, сохранить искреннюю
 вѣру въ небольшое число догматовъ, оставляемыхъ внѣ всякой
 критики. Выражая научное сомнѣніе въ безсмертіе и невеще-
 ственность человѣческой души, Пристлей тѣмъ не менѣе счи-
 талъ себя христіаниномъ, видѣлъ въ писаніи прочный религіоз-
 ный авторитетъ, и на основаніи этого убѣжденія при послѣд-
 нихъ минутахъ своихъ высказалъ вѣру въ загробное свиданіе
 со своими близкими и въ вѣчное блаженство. Онъ всегда тре-
 бовалъ терпимости для диссидентовъ, причемъ, къ ужасу всѣхъ
 протестантскихъ сектъ, требовалъ ее и для католиковъ. Смѣ-
 лость и искренность его полемики вызвали противъ него самую
 ожесточенную ненависть признанныхъ церквей. Polemica про-
 тивъ него была лучшимъ средствомъ получить богатія награды,
 даже епископское званіе; Пристлей говорилъ въ насмѣшку, что
 у него въ рукахъ списокъ англійскихъ духовныхъ должностей.
 Враги его старались постоянно вредить ему, даже въ его чи-
 сто-ученой дѣятельности. Въ 1767 году его заставили удалиться
 изъ уарингтонской академіи. Позже, изъ-за его свободомыслія,
 ему не позволяли участвовать во второй экспедиціи Кука. Но
 всего лучше умѣли его противники воспользоваться тѣмъ, что
 Пристлей, пріятель Фрэнклина и всегдашній либераль, выразилъ
 свое сочувствіе французской революціи и возражалъ въ этомъ
 отношеніи Борку. Въ 1791 году толпа народа, фанатизирован-
 наго духовенствомъ и консерваторами, разорила мѣсто собранія
 нѣсколькихъ лицъ, хотѣвшихъ отпраздновать разрушеніе Басти-
 лій, бросилась на домъ отсутствующаго Пристлея, уничтожила
 инструменты, рукописи, бібліотеку и сожгла домъ знаменитаго
 ученаго. Онъ получилъ по суду вознагражденіе въ 2,000 ф. стерл.

* «An historical view of the State of Unitarian doctrine and Worship from the Reformation to our own times» (1783).

и еще болѣе отъ своихъ многочисленныхъ почитателей, но нѣтъ цѣны, которая вознаградила бы ученаго и мыслителя за гибель его рукописей. Пристлей ни однимъ словомъ не высказалъ раздраженія противъ ослѣпленнаго народа, но имя его вошло въ рядъ именъ эмигрантовъ, которые, оставивъ старую Европу, отправились въ Новый Свѣтъ, провозгласившій свободу мысли. Шестидесятилѣтній старикъ поселился въ маленькомъ городкѣ Пенсильваніи, сначала и тутъ преслѣдуемый нетерпимостью религіозной партіи, пока Джеферсонъ не оградилъ послѣдніе годы того, который жилъ и умеръ честнымъ человѣкомъ, вѣрный наукѣ и своимъ убѣжденіямъ. Лишь въ 1813 году въ Англіи отмѣнены старыя законы противъ унитаріанцевъ. Большая часть пуританъ перешла въ это исповѣданіе и въ 1851 году унитаріане имѣли въ Англіи 239 церквей.

Еще ранѣе Пристлея унитаріанизмъ проникъ въ Америку и имѣлъ не мало послѣдователей, но лишь въ началѣ нынѣшняго вѣка онъ образовалъ особенную церковь съ нѣсколькими подразделениями или наименованіями. Въ средѣ этихъ общинъ явился Чэннингъ.

За годъ до смерти Пристлея, въ 1803 г., двадцати-трехлѣтній Чэннингъ вступилъ пасторомъ въ унитаріанскую церковь въ Бостонѣ и въ продолженіе 40 лѣтъ оставался въ этой должности, при чемъ проповѣди и литературные труды составляли единственные событія этой скромной жизни. Несмотря на оппозицію пуританъ, многочисленныхъ въ Массачузетъ, онъ умѣлъ доставить своимъ единомышленникамъ довольно значительное положеніе, и едва-ли не ему обязана секта эта тѣмъ значеніемъ, которымъ она и теперь пользуется. «Если Чэннингъ — говоритъ Ренанъ* — не есть основатель унитаріанизма, то онъ его святой. Слухи, достигающіе до насъ изъ Америки, показываютъ, какъ со дня на день растутъ рассказы о его святости, обращаясь болѣе и болѣе въ легенду».

Онъ вступилъ въ унитаріанскую церковь по выбору, но характеристическая черта его заключалась въ томъ, что, вступивъ въ эту церковь, Чэннингъ тѣмъ не менѣе проповѣдывалъ независимость личности отъ какаго бы то ни было установленнаго догматическаго цикла. Еще въ 1801 г. онъ писалъ: «Установленная церковь мнѣ кажется могилою мысли. Установить постоянное, неизмѣнное вѣрованіе, это возвести стѣны тюрьмы около души». И много разъ онъ высказывался противъ «унизительности однообразія мысли». Въ буквы писанія и традиціи Чэннингъ

* *Etudes d'histoire religieuse* (1857). 860.

искалъ въ непосредственномъ наблюдѣніи и въ непосредственной работѣ мысли то, что для него составляло источникъ божественной истины. «Откровеніе — говорилъ онъ — не есть нашъ первый учитель; человѣкъ рожденъ не только со способностью читать слово Божіе, и не сейчасъ его обращаютъ къ этому путеводителю. Когда его глаза открываются, передъ нимъ другая книга, книга мірозданія. Прежде, чѣмъ онъ можетъ читать библію, онъ смотритъ на землю и небо около себя; онъ читаетъ на лицахъ людей его любящихъ, онъ слышитъ и понимаетъ ихъ голосъ. Мало по малу онъ вглядывается и внутрь себя и получаетъ нѣкоторое понятіе о своей душѣ. Такимъ образомъ, его первая школа есть школа природы и разума». И разумъ остался навсегда для Чэннинга высшею святинею. Считаая себя истиннымъ христіанномъ и относясь съ благоговѣннымъ уваженіемъ къ религіи, онъ тѣмъ не менѣе говорилъ: «Еслибы я могъ быть христіанномъ, лишь отрекаясь отъ моего разсудка, я бы не колебался относительно выбора. Я готовъ пожертвовать для религіи моимъ имуществомъ, моею честью и моею жизнью. Но я не долженъ приносить въ жертву вѣрованію, каково бы оно ни было, то, что возвышаетъ меня надъ животнымъ и дѣлаетъ меня человѣкомъ. Отказаться отъ высшей способности, дарованной намъ Богомъ, это оскорблять святиню, насловать то, что въ насъ всего болѣе божественно».

Поэтому, будучи пасторомъ унитаріанской церкви, Чэннингъ тѣмъ не менѣе проповѣдовалъ или высказывалъ тотъ или другой взглядъ на вещи всегда только отъ себя лично. «Я не общаю вамъ мнѣній какой либо секты — говорить онъ на проповѣдяхъ — но мое мнѣніе. Я одинъ отвѣтственъ за то, что говорю... Я не хочу принадлежать къ какой либо сектѣ, но къ общинѣ свободныхъ умовъ, любящихъ истину, и слѣдующихъ за Христомъ на этой землѣ и въ небѣ. Я желаю выйти изъ тѣсной ограды отдѣльной церкви, чтобы жить подъ открытымъ небомъ, въ полномъ свѣтѣ, смотря вдаль и кругомъ себя; хочу видѣть собственными глазами, слышать собственными ушами и слѣдовать истинѣ смиренно, но рѣшительно, какъ бы ни былъ труденъ или одинокъ путь, къ которому она приводитъ». И эту независимость мысли Чэннингъ хотѣлъ поставить въ основу унитаріанства вообще. Въ 1831 г. онъ писалъ къ де-Жерандо: «Унитаріанизмъ преимущественно характеризуется духомъ свободы и индивидуализма. У насъ нѣтъ ни установленнаго исповѣданія, ни установленнаго символа. Всякій между нами думаетъ по своему и отличается отъ другаго».

Отсюда вытекала для Чэннинга обязанность самой обширной

терпимости, при чемъ, подобно английскимъ унитаріанцамъ, онъ не исключалъ изъ нея и самую ненавистную для всѣхъ протестантовъ секту, именно римскихъ католиковъ. Напротивъ, Ченнингъ съ особенною охотою указывалъ на общность христіанской традиціи, связывающей католицизмъ съ его ученіемъ; католическаго епископа Чевереса (Cheverees) онъ ставилъ въ примѣръ своимъ единомышленникамъ, и Фенелонъ былъ однимъ изъ его любимыхъ писателей. «Ваша главная обязанность относительно вѣрованія, говоритъ онъ, можетъ резюмироваться въ двухъ началахъ: уваженіе къ тѣмъ, кто думаетъ иначе; уваженіе къ самимъ себѣ. Чтите людей разныхъ сектъ. Не воображайте, что вамъ принадлежитъ исключительная привилегія истинны и добра..... уваженіе ко всѣмъ людямъ. Въ то же время уваженіе къ вамъ самимъ. Не допускайте никогда, чтобы къ вашимъ вѣрованіямъ относились съ презрѣніемъ; но, не навязывая ихъ никому, не показывайте, что вы ихъ чтите какъ истину..... Становитесь всегда какъ равны въ отношеніи ко всякой сектѣ». Въ своихъ религіозныхъ трактатахъ онъ говоритъ: «Есть церковь болѣе обширная, чѣмъ всѣ частныя церкви, какъ-бы ни было велико ихъ распространеніе. Это всемірная церковь, распространяющаяся по всей землѣ, и тождественная съ небесною церковью. Въ ту церковь допускается всякій, кто участвуетъ въ духѣ христовомъ. Васъ не спросятъ: кто васъ крестилъ? Чья печать на васъ? Если вы крещены Духомъ Святымъ, для васъ открыты широкія врата этой церкви. Тамъ соединены всѣ тѣ, которыхъ разъединяли или разъединяютъ различныя названія. Тамъ нѣтъ церкви греческой, римской, католической, а есть лишь церковь Христова... Вы можете меня исключить изъ вашей церкви римской, изъ вашей церкви кальвинистской, изъ вашей церкви епископальной за предполагаемые недостатки моего символа или моей секты, и я радъ этому исключенію, но я не хочу быть оторванъ отъ великаго тѣла Христова. Кто же отдѣлитъ меня отъ людей, подобныхъ Фенелону, Паскалю и Борромѳу, отъ архіепископа Лейтона, отъ Джереми Тэйлора, отъ Джона Гоурда? Кто разрушитъ духовную связь, соединяющую меня съ этими людьми? Развѣ я не люблю ихъ? Развѣ духъ, исходящій изъ книгъ и изъ ихъ жизни, не проникъ въ мою душу? Развѣ они не составляютъ часть моего существа? Развѣ я не былъ бы инымъ, еслибы эти великіе умы не дѣйствовали на меня? Въ силахъ ли отдѣлить меня отъ нихъ какой либо синодъ или конклавъ? Я связанъ съ ними мыслью и любовью; развѣ мысль и любовь могутъ быть уничтожены папскою буллою или соборнымъ отлученіемъ? Душа презрительно разру-

шаеѣ эти преграды, разрываетъ эти паутины и присоединяется къ великимъ и добрымъ. Если она обладаетъ ихъ духомъ, то развѣ великіе и добрые, живые и мертвые отбросить ее потому лишь, что она не завербовалась въ ту или другую секту? Чистая душа—гражданка вселенной. Она принадлежитъ церкви, семьѣ чистыхъ душъ всѣхъ міровъ».

Всего болѣе возмущала Чэннинга кальвинистскій догматъ основной испорченности человѣка и вѣчныхъ мукъ для большинства человѣчества, «эта вульгарная и ужасная теологія», какъ онъ называетъ кальвинизмъ. «Если я, и всѣ мои дорогіе друзья и весь нашъ родъ—говоритъ онъ—вышли изъ рукъ Создателя совершенно развращенными, съ неудержимымъ стремленіемъ ко злу и съ ненавистью къ добру, если только часть рода человѣческаго можетъ спастись изъ этого несчастнаго положенія, остальное же осуждено Существомъ, которое дало намъ испорченную и развращенную природу, на безконечныя муки и на вѣчное пламя—тогда остается, какъ мнѣ кажется, лишь стонать въ сердечной скорби: бытіе наше есть проклятiе и я не смѣю выговорить, что такое тогда Создатель». Для Чэннинга зло въ человѣкѣ не было слѣдствіемъ первороднаго грѣха, но слѣдствіемъ злоупотребленія свободной воли, и человѣкъ нуждался не въ сверхъестественномъ искушеніи, а въ обновленіи нравственнаго чувства изъ источниковъ добра, которые всегда хранятся въ сердцѣ человѣка. Съ этимъ ученіемъ онъ соединяетъ многія традиціонныя вѣрованія. «У него мало идей—говоритъ Ренанъ—и идеи весьма простыя. Онъ вѣритъ въ откровеніе, въ сверхъестественное, въ чудеса, въ пророчества, въ библію. Онъ пытается доказать божественность христіанства помощью аргументовъ, ничѣмъ не отличающихся отъ аргументовъ прежней школы. Этотъ пуританинъ, такъ высоко цѣнящій свое убѣжденіе, въ сущности весьма довѣрчивъ въ области исторіи, потому что не привыкъ къ умственной гимнастикѣ, получающейся въ результатѣ долгой привычки къ вопросамъ человѣческой мысли... Если онъ проповѣдуетъ самую полную свободу исповѣданія, то останавливается далеко не доходя до предѣловъ чистой критики. Если онъ энергически возстаеѣтъ противу установленной церкви, то не отказывается отъ надежды найти истинную форму евангельскаго ученія. Если онъ требуетъ, чтобы каждый самъ искалъ истину, то не воображаетъ, чтобы независимое изслѣдованіе могло повести кого-либо внѣ христіанства». Чэннингъ употребляетъ совершенно искренно всю свободу, требуемую имъ для мысли, чтобы придти къ религіозному воззрѣнію. Въ то время, какъ Гегель провозглашалъ въ Германіи вѣчное царство безусловнаго ра-

зума, Чэннингъ провозглашаетъ превосходство христіанства надъ философіей, такъ-какъ она своими средствами не можетъ найти рѣшенія ни для вопроса о безсмертіи души, ни для вопроса о будущности человѣка. «Вообще, Чэннингу недоставало того, чего и до сихъ поръ недостаетъ Америкѣ — высшей обработки ума; онъ не знаетъ, въ общихъ результатахъ, то, что знало его время». Онъ еще стоитъ на точкѣ зрѣнія того здраваго смысла, который воображалъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, что всѣ задачи разрѣшаются очень легко, потому что не разглядывалъ ихъ сложности. Ни историческое развитіе человѣческихъ вѣрованій, ни условія методическаго знанія, ни вопросъ о его возможныхъ предѣлахъ, не вставали предъ американскимъ свободнымъ мыслителемъ, когда всѣ европейскіе университеты комментировали Критику чистаго разума, феноменологію духа и разбирали генезисъ метафизическихъ представленій.

Чэннингъ не имѣетъ никакой склонности къ подобнымъ тонкостямъ. Его неудержимо влекли къ себѣ практическіе вопросы. Нѣмецкіе идеалисты улыгнулись бы бѣдности теологіи, которая ограничивалась изрѣченіемъ: «Богъ благъ», но Фейербахъ узналъ бы въ ней, согласно своей теоріи, неизбѣжную форму религіознаго убѣжденія для того, кто говоритъ о себѣ: «мой умъ ищетъ добро, совершенство и красоту. Я не могу иначе какъ помощью нѣкотораго рода пытки, живо представить, въ моемъ воображеніи, всѣ страданія человѣка вслѣдствіе собственныхъ его преступленій и жестокости его братьевъ». Убѣжденіе Чэннинга доставляло ему внутреннее блаженство и рисовало ему блаженство людей какъ божественную цѣль, но цѣль, достигаемую стараніемъ человѣка. Незадолго до смерти онъ писалъ: «жизнь для насъ — благословеніе. Какъ бы хорошъ былъ нашъ міръ, еслибы я могъ видѣть, что другіе столь же счастливы, какъ мы!»

Но Чэннингъ былъ слишкомъ американецъ, чтобы успокоиться на теоретическомъ представленіи о всемірномъ благополучіи: эта идея переходила для него въ *практическое требованіе дѣятельности*, которая бы вела къ этому благополучію. Онъ самъ оставилъ описаніе тяжелыхъ дней своей молодости, дней «борьбы умственной и нравственной, волненій сердца и ума», дней, о которыхъ онъ говорилъ: «если когда либо я стремился всею душою къ чистотѣ и къ истинѣ, это именно тогда». Но это была борьба не о лучшей системѣ вѣрованій, а о болѣе человѣческой дѣятельности. Современникъ Сен-Симона и Шарля Фурье, Чэннингъ въ молодости поддавался-было тому строгому мысли, который они развивали въ Европѣ, и хотѣлъ даже присоединиться, какъ пасторъ, къ общинѣ эмигрантовъ, имѣвшихъ въ виду

устроиться на основаніяхъ общности имущества. Но, вѣроятно, онъ нашель, что кругъ дѣятельности человѣка, стоящаго на этой точкѣ зрѣнія, будетъ слишкомъ ограниченъ въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе именно поднятіе ремесленного класса, класса пролетаріевъ составляло постоянную заботу всей его жизни. Къ самымъ интереснымъ произведеніямъ Чэннинга принадлежатъ его публичныя чтенія въ Бостонѣ 1838 г. — чтенія, занимающіяся вопросомъ саморазвитія (self-culture) и возвышенія рабочихъ классовъ. «Я стремлюсь ко всеобщему равенству — говорилъ онъ въ 1831 г. — но я желалъ бы выполнить мою миссію возвышенія тѣхъ, которые стоятъ на низшей ступени, вывода рабочей массы изъ его униженія. Всякій общественный строй ошибоченъ, если онъ не стремится возвысить низшій классъ въ уровень съ высшимъ по уму и по чувству». Принципъ, путемъ котораго Чэннингъ думаетъ совершать это возвышеніе, есть нравственное освященіе труда. Трудъ для него есть не проклятіе Адама, но величіе человѣка. Въ неустанной борьбѣ съ природою человѣкъ вырабатываетъ силу ума, безъ которой онъ рабъ всего окружающаго, силу воли, безъ которой нѣтъ личности, энергію характера. Но только въ развитіи личности путемъ возвышающаго труда лежитъ, по мнѣнію Чэннинга, развитіе общества. Формы политическаго строя имѣютъ въ его глазахъ второстепенное значеніе: онъ полагаетъ, что преувеличили вліяніе правительствъ на благополучіе народовъ, и что оно достигается вѣрнѣе въ механизме учреждений. Мы уже сказали выше, что главное средство къ тому Чэннингъ видитъ въ умственномъ возвышеніи рабочихъ. Онъ не хотѣлъ даже допустить, что голодающій рабочий можетъ быть иногда поставленъ въ невозможность имѣть досугъ для умственнаго развитія. «Когда я подумаю — говоритъ Чэннингъ — о могуществѣ духа, я не позволяю себѣ впадать въ отчаяніе отъ возраженія, что работникъ, если его побуждаютъ въ тратѣ времени и силъ на возвышеніе мысли, умретъ съ голода и уменьшитъ богатство страны. Самая большая сила во вселенной — это духъ... Не грубая сила, не матеріальное усиліе доставляютъ человѣку могущество въ мірѣ, но искусство, ловкость, умственная и нравственная энергія. Духъ покорилъ венецъство. Опасатся, что развитіе ума въ народѣ будетъ имѣть слѣдствіемъ его обѣдненіе и голоданіе, это — бояться тѣни. Я думаю, напротивъ, что съ увеличеніемъ умственнаго и нравственнаго могущества народа, увеличится и его производительная сила, промышленность станетъ цѣлесообразнѣе, болѣе разсудительная экономія увеличитъ богатство; въ искусствѣ и въ природѣ откроются источники еще не придуманные. Сила народа

въ его духѣ, и когда этотъ духъ усилится, возрастетъ, то онъ поставитъ природу въ гармонію съ собою и создастъ нужный ему міръ». Для Чэннинга немислимъ былъ прогрессъ въ формѣ утонченнаго развитія аристократіи, отъ которой отдѣлена невѣжественная и грубая масса; онъ признавалъ лишь общее постоянное возвышеніе человѣчества истиннымъ прогрессомъ.

Оттого онъ, религіозный мыслитель, всегда оставался чужокъ къ звуку человѣческой свободы. Когда идеализмъ, далеко превзошедшій Чэннинга въ теоретическомъ развитіи, проповѣдывалъ примиреніе съ существующимъ, подавалъ руку прусскому чиновничеству и ортодоксальной реакціи, и находилъ, что іюльская революція была диссонансомъ въ стройномъ процесѣ осуществленія безусловнаго, въ это самое время Чэннингъ возмущался, что американская молодежь тридцатыхъ годовъ относилась холодно къ парижскимъ событіямъ и объявлялъ себя «всегда молодымъ для свободы». «Еслибы мнѣ нужно было — писалъ онъ — немногими словами очертить государство или страну, которая мнѣ кажется прекраснѣе другихъ, я бы сказалъ, что она тамъ, гдѣ человѣческая природа получаетъ самое свободное и самое совершенное развитіе. Самая счастливая и самая великая страна та, гдѣ учрежденія и общій духъ позволяютъ каждому свободное употребленіе его силъ и влеченій. Самая счастливая страна та, гдѣ наиболѣе ума, наиболѣе свободы мысли, наиболѣе преданности и любви, наиболѣе воображенія и вкуса, наиболѣе индустріи и энергіи, наиболѣе совѣсти и благочестія». И будущее, казалось ему; требуетъ обновленія человѣчества именно въ этомъ смыслѣ. «Новый духъ — писалъ онъ — вѣетъ надъ Европою, повсюду распространяется колебаніе; общество требуетъ новой организаціи; лишь нравственныя силы могутъ поддерживать учрежденія стараго свѣта. Устарѣлыя средства, помощью которыхъ устанавливали порядокъ, именно военная сила, государственныя религіи, блескъ и роскошь дворовъ, потеряли значительную долю своей дѣйствительности, и не отъ временныхъ причинъ, но вслѣдствіе развитія человѣческаго духа... Предразсудки и невѣжество уже неспособны сдерживать массы. Надо поставить на ихъ мѣсто болѣе чистую религію, болѣе возвышенную нравственность, иначе весьма мрачна будущность міра. Безспорно, что правительства ослабѣли; они потеряли довѣріе управляемыхъ; въ народѣ проявилось болѣе ума и единства, и если начала порядка не замѣнятъ вѣдшей силы, если правительства не преобразуются сами преобразуя общество, то мы можемъ считать себя наканунѣ всѣхъ ужасовъ революціонной эпохи. Можетъ быть, эти мысли опираются на недостаточное

знаніе положенія міра, но я не могу усомнитися, что мы переживаемъ время испытанія, изъ котораго съ большою силою возникаетъ истина, что лишь справедливость составляетъ прочность правительства, что процвітаніе народовъ имѣетъ свой источникъ въ нравственномъ улучшеніи, въ чистой и просвѣщенной религіи, въ духѣ любви, который проникаетъ весь народъ и обнимаетъ все человѣчество». Но иногда Чэннингу казалось невозможнымъ обновленіе обществъ безъ сильныхъ потрясеній. «Откуда придетъ намъ спасеніе? — говоритъ онъ — этотъ вопросъ безирестанно возникаетъ въ моемъ умѣ. Отдѣльные ли реформаторы или новыя установленія дадутъ толчокъ міру? Совершится ли работа путемъ безмолвной дѣятельности въ средѣ массъ? или великія потрясенія, долженствующія ниспровергнуть нынѣшній порядокъ вещей, будутъ необходимы, какъ при паденіи римской имперіи, для введенія надлежащаго преобразованія? Иногда я опасюсь, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ послѣдняго средства — до такой степени кажется мнѣ глубокою испорченность церкви и общества».

Мы ограничимся этими выписками. Представленіе мысли Чэннинга съ нѣкоторою подробностью считали необходимымъ, потому что въ этой замѣчательной личности лучше разглядѣть черты, которыя характеристичны для строя американской мысли вообще. Здѣсь мы видимъ, при сильномъ умѣ и неуловной искренности, крайнюю непривычку въ теоретической критикѣ, крайнюю неохоту останавливаться на теоретическихъ, нѣсколько сложныхъ вопросахъ и углубляться въ нихъ, но не по трусости мысли, не изъ опасенія результатовъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ старомъ мірѣ при той же точкѣ зрѣнія. Американскій мыслитель не опасается никакихъ результатовъ; онъ смѣло отрекается отъ всякаго авторитета, ставитъ свою мысль критеріемъ таинствъ религіи и объявляетъ свое *право* на это, объявляетъ своею *обязанностью* самостоятельность мысли. Но эту обязанность онъ исполняетъ не строго, потому что ему *некогда* остановиться на теоретическихъ, психологическихъ, историческихъ вопросахъ. Другая, высшая обязанность склоняетъ предъ нимъ требованіе многосторонней критики теоретическихъ убѣжденій; это обязанность *жизни*, практической дѣятельности. Когда Чэннингъ проповѣдуетъ всемірную терпимость и провозглашаетъ себя братомъ въ единой Христовой церкви съ Паскалемъ и Фенеломомъ, предъ практическимъ началомъ терпимости и общечеловѣческаго единства для него исчезаютъ вопросы: на сколько именно *христианско* элемента въ томъ, что на него подѣйствовало изъ сочиненій знаменитыхъ мыслителей католицизма?

не создаетъ ли онъ себѣ небывалаго Фенелона и небывалаго Паскала изъ отрывковъ, подходящихъ къ его взглядамъ, а дѣйствительные Фенелонъ и Пискаль, въ ихъ реальной цѣлостности, можетъ быть, были бы совершенно невозможными для него братьями? Не войдетъ ли во всемірную церковь лишь тотъ, кто въ сущности стоитъ на точкѣ зрѣнія обожанія челоуѣчества, прикрываясь лишь священными именами прежнихъ вѣрованій, и слѣдовательно не останутся ли всѣ *истинно-отрующіе* различныхъ сектъ христіанства неизбѣжно *оно* этого общаго храма, въ который *вмѣстѣ* войти не могутъ, пока *дѣйствительно* вѣрують въ свои *особенные* догматы и понимаютъ ясно свою вѣру? Далъ ли бы самъ Чэннингъ въ этой церкви мѣсто поклонникамъ безусловнаго духа, сознающаго себя *только* въ челоуѣчествѣ? Далъ ли бы онъ мѣсто поклонникамъ механической силы, вращающей міръ, размножающей клѣточки бѣлковины, и вырабатывающей науку въ мозгу челоуѣка? Далъ ли бы онъ мѣсто скентикамъ, атеистамъ, Гольбаху и Фейербаху, Фихте и Шлегелю? Если нѣтъ, то гдѣ его всемірная церковь? Если да, то какое право онъ имѣетъ надписать на ней имя Христа, имя личнаго, благаго божества? Чэннингу не нужны были всѣ эти затруднительные вопросы: онъ сознавалъ, что терпимость есть челоуѣческая обязанность; онъ сознавалъ, что истинный челоуѣкъ сознаетъ свое единство съ челоуѣчествомъ. Это практическое начало было для него всѣмъ, и надъ логическими противорѣчіями своей всемірной церкви онъ не задумывался.

Точно также, проповѣдуя свободу мысли и уважительность однообразія мнѣній, онъ никогда не остановился на вопросахъ: какой же смыслъ имѣетъ религіозная *община* людей съ различными мнѣніями? Если они сошлись для цѣлей научныхъ, экономическихъ, педагогическихъ, то имѣютъ ли они право считать себя *религіозною* общиною? Если же ихъ сближаютъ не эти цѣли, то почему они составляютъ общину, церковь? чтѣ въ нихъ общаго? почему личное вѣрованіе унитаріанъ не есть совершенно *частное* дѣло, отрицающее, по самому своему смыслу, всякую организацію, всякое церковное соединеніе? Въ сущности Чэннингъ требовалъ *гражданской* ассоціаціи, которая бы имѣла цѣлью *заставить* уважать свободу личнаго мнѣнія и содѣйствовала бы соединенными силами возвышенію рабочаго класса. Это практическое начало было единственною связью, придававшю *смыслъ* унитаріанской церкви, какъ онъ ее понималъ, и *религіозная* община для него не существовала.

Но въ его личныхъ взглядахъ, которые, конечно, вслѣдствіе его вліянія, сдѣлались и *догматами* его послѣдователей, вызывая

въ нихъ то «унизительное однообразіе мнѣній», котораго онъ такъ боялся — въ его личныхъ взглядахъ стоитъ обратить вниманіе на слѣдующіе пункты: вѣрованіе во всеобщее спасеніе, въ оппозицію къ кальвинистскому догмату, поставленіе всеобщаго блаженства, какъ божественной цѣли, въ оппозицію традиціонному міру, какъ долины скорби и страданій; освященіе и религиозное облагороженіе труда, въ оппозицію мистическому удаленію отъ міра. Всѣ эти догматы мы увидимъ ниже, какъ основы новыхъ, эксцентрическихъ религиозныхъ сектъ въ Америкѣ.

Уже при жизни Ченнинга унитаріанизмъ получилъ такое значеніе, что ортодоксальныя секты не рѣшились его терпѣть внутри себя. Въ 1815 году журналъ «The raporlist» обратилъ вниманіе на распространеніе «унитаріанскихъ заблужденій» и требовалъ исключенія изъ церковнаго общенія лицъ, раздѣляющихъ эти заблужденія. Споры, отсюда возникшіе, привели къ выдѣленію унитаріанизма въ Америкѣ изъ прочихъ церквей и къ составленію изъ него особенной церкви. Само собою разумѣется, унитаріанизмъ имѣлъ болѣе всѣхъ другихъ названій склонность распасться на секты, какъ только широкое начало всемірной церкви и всеобщей терпимости съ практической точки зрѣнія сошло на теоретическую полемику. Выдѣлились универсалисты; выдѣлились просто христіане; выдѣлились унитаріанцы—квакеры. Остальныя распались на два главныя направленія, изъ которыхъ одно осталось на точкѣ зрѣнія Социна и раковскаго катехизиса; другое же отвергло авторитетъ писанія и сблизилось съ точкою зрѣнія нѣмецкихъ рационалистовъ новаго времени. Главнымъ представителемъ этого направленія былъ Теодоръ Паркеръ (Parker), съ 1842 по 1860 г. (годъ его смерти) стоявшій во главѣ особой общины и защищавшій свои начала на каедрѣ и съ перомъ въ рукахъ. Особенно энергически проповѣдовалъ онъ противъ рабства, которое и въ Ченнингѣ имѣло, по самому строю его мысли, сильнаго противника. Къ ученію этой отрасли унитаріанцевъ причисляетъ себя и замѣчательнѣйшій мыслитель современной Америки, Ральфъ-Уолдо Эмерсонъ. Эта отрасль рационалистическихъ унитаріевъ обратила вниманіе на вопросы о воспитаніи и изъ ея среды вышло одно изъ замѣчательнѣйшихъ американскихъ педагогическихъ сочиненій «The School and the Scholmuster» Поттера и Эмерсона.

Съ 1825 г. главный центръ унитаріевъ составляетъ бостонская американская ассоціація унитаріевъ (American unitarian association). Ихъ главный органъ «Christian Examiner». Въ небольшомъ числѣ ихъ общинъ, доходящихъ до трехсотъ (въ 1855 году 260 съ 35,000 членовъ) и находящихся преимущественно

въ Массачузетъ, концентрируются самыя замѣтныя умственныя и литературныя силы Америки, а также немаловажныя капиталы; поэтому вліяніе унитаріанцевъ довольно значительно. Универсалистовъ считали въ 1855 году 822 общины и до 50.000 членовъ; унитаріанскихъ христіанъ (Christ-ians) 600 общинъ (вообще небольшихъ) съ 30.000 или 35.000 членовъ. Всѣ эти названія, вмѣстѣ съ сведенборгіанцами, обладали церквами цѣнностью около 6 милліоновъ долларовъ съ числомъ мѣстъ на 66.000 съ небольшимъ. Подъ вліяніемъ унитаріевъ находится Гервердскій университетъ въ Кембриджѣ (заключавшій въ 1856 г. 365 учениковъ), лучшее изъ высшихъ учебныхъ заведеній Сѣверныхъ Штатовъ. Еще богословскую школу имѣютъ унитаріанцы въ Мидвилі (Meadwille) въ Пенсильваніи. Замѣтимъ, что среди унитаріанцевъ есть и проповѣдники (напримѣръ, Гэнтингдонъ, редакторъ «Monthly religious Magazine»), которые, по своимъ мнѣніямъ, едва-ли правильно могутъ быть названы антитринитаріями, а слѣдовательно, скорѣе относятся къ одной изъ сектъ евангелическаго протестантизма. Вообще довольно правдоподобно ожиданіе Бэйрда, что унитаріане, какъ религіозная секта, окончательно распадутся, при чемъ одни перейдутъ въ другія наименованія, болѣе строго держащіяся преданій, другіе же поймутъ, что въ нихъ давно уже нѣтъ *религіознаго* элемента.

Мы видѣли изъ предыдущаго, что огромное большинство гражданъ сѣверо-американской республики принадлежитъ къ господствующимъ исповѣданіямъ стараго свѣта. Затѣмъ, мы обратились къ представителямъ рационалистическаго мышленія. Мы и тутъ встрѣтили съ одной стороны нѣмецкихъ эмигрантовъ, переносившихъ на почву Америки пропаганду нѣмецкихъ школъ съ весьма незначительнымъ успѣхомъ. Съ другой стороны, мы нашли довольно значительную секту, которая, по догматической разработкѣ, даже въ своемъ замѣчательнѣйшемъ представителѣ стоитъ нисколько не выше европейскихъ богослововъ конца прошлаго вѣка, неидетъ въ своихъ самыхъ смѣлыхъ органахъ далѣе возрѣвнѣй, весьма обыкновенныхъ въ Европѣ, а въ другихъ отступаетъ до совершенной безцвѣтности. И такъ, большинство американцевъ, можно сказать, живетъ тѣми религіозными представленіями, которыя выработались въ Европѣ. Но это справедливо въ несравненно болѣе значительномъ размѣрѣ, чѣмъ мы до сихъ поръ это указали. И для остальной части населенія, къ которой намъ предстоитъ обратиться, можно сказать почти то же. Большинство сектъ, которыя мы рассмотримъ, получило свое начало въ Европѣ, и если преобразовалось подъ вліяніемъ американской среды, то, тѣмъ не менѣе, преобразовалась согласно

теоретическимъ началамъ, вынесеннымъ изъ стараго свѣта. Наконецъ, въ самыхъ эксцентрическихъ произведеніяхъ американскаго религіознаго сектаторства, мы встрѣтимъ не что-либо существенно-новое, но лишь новую форму отвѣтовъ на вопросы, давно уже поставленные въ Европѣ, или новую форму осуществленія представленій, которыя въ старомъ мірѣ высказывались въ продолженіе тысячелѣтій. Американскія религіозныя секты, поражающія наше [воображеніе своимъ разнообразіемъ и своимъ странными формами, въ сущности, совсѣмъ не американскія оригинальными произведенія. Онѣ всѣ — порожденіе европейской цивилизаціи, европейскихъ вѣрованій и предрасудковъ. Только въ старомъ свѣтѣ, встрѣчаясь болѣею частію съ нетерпимостью закона и съ нетерпимостью общества, всѣ эти свѣты, и еще многія другія, оставались тайною тѣсныхъ кружковъ вѣрующихъ, и старательно скрывались отъ глазъ сличномъ внимательныхъ наблюдателей. Старый свѣтъ представлялъ столько же, если не болѣе, разнообразія и уродливости въ этомъ отношеніи, но это разнообразіе остается неизвѣстно, и мы узнаемъ изъ него лишь то, что вызвало преслѣдованія. Америка предоставляла всѣмъ отгнѣкамъ вѣрованій стараго свѣта полную возможность развиваться и выводить всевозможные результаты, совершенно гласно и безбоязненно. Все, что пряталось съ одной стороны океана, выходило съ другой стороны на свѣтъ божій. Отсюда пестрое разнообразіе явленій. Если въ обществѣ, гдѣ долго большинство преступленій и проступковъ оставалось канцелярскою тайною, начинаютъ предавать ихъ гласности, то поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что число преступленій и проступковъ разомъ увеличилось, и что общественная нравственность ухудшилась, тогда какъ измѣнилось лишь число проступковъ, *известныхъ* публикѣ. Точно также насъ поражаютъ въ Америкѣ направленія, которыя въ Европѣ только остаются устраненными отъ нашего наблюденія. Поэтому, американское сектаторство получаетъ для изслѣдователя новый интересъ, какъ *явный* указатель тѣхъ стремленій, заблужденій и требованій, которыя, не высказываясь, или высказываясь въ болѣе неясныхъ формахъ, развились въ цивилизаціи Европы.

Но, конечно, американскій общественный строй, по его своеобразію, не могъ не наложить на нихъ печать своей особенности, и не только позволялъ развиваться европейскимъ сѣменамъ съ полною свободою, но измѣнилъ характеръ духовной растительности, сообразно свойству почвы. Обратимъ вниманіе на три элемента, которые здѣсь, повидимому, всего важнѣе взять въ соображеніе. Обширѣйшее, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ,

развитіе элементарной образованности позволяеть въ Америкѣ большому числу лицъ принять участіе во всякомъ сектаторскомъ движеніи, тогда какъ въ другихъ странахъ низкое состояніе умственнаго развитія массъ порождаетъ въ нихъ болѣе склонности слѣдовать рутинѣ, и дѣлаеть для нихъ менѣе доступною и интересною проповѣдь сектаторства. Стремленіе къ практической дѣятельности и лихорадочная торопливость въ этомъ отношеніи развиваетъ въ американцѣ впечатлительность къ новизнѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ жителѣ иной страны, и скорѣе вызываетъ, во-первыхъ, осуществленіе сектаторской общины, даже неизмѣющей надежды на долговѣчность, а, во-вторыхъ, связываетъ почти всѣ теоретическія вѣрованія, желающія имѣть надежду на успѣхъ, съ какимъ-либо практическимъ вопросомъ, живо интересующимъ современность и специально-американское общество. Наконецъ, недостатокъ привычки къ научной критикѣ и охоты останавливаться на теоретическихъ вопросахъ для ихъ разносторонняго рассмотрѣнія, на столько уменьшаетъ въ Америкѣ противодѣйствіе всякому, даже совершенно нецѣльному, вѣрованію, что оно почти всегда можетъ найти тамъ себѣ приверженцевъ и даже въ ихъ число легко попадаютъ люди, которые, повидимому, по своему уму и образованію, были бы обезпечены отъ подобныхъ увлеченій.

Поэтому, въ американскихъ сектахъ насъ поражаетъ быстрое ихъ формированіе, возрастаніе, привлеченіе въ свою среду личностей довольно замѣтныхъ и огромное значеніе практической стороны, отличающейся, болѣею частію, весьма искусною разработкою, тогда какъ теоретическая сторона, болѣею частью, очень слаба. Если въ этой теоретической сторонѣ мы почти всегда найдемъ отголосокъ стараго свѣта съ весьма незначительными измѣненіями или прибавленіями, то практическая сторона новыхъ сектъ почти всегда носитъ на себѣ слѣдъ развитія, заботу и требованія современнаго американскаго общества.

Посмотримъ сперва на секты, имѣвшія свое начало въ Европѣ, но въ Америкѣ получившія особенно значительное развитіе и видоизмѣнившія свой характеръ подъ вліяніемъ американской общественной среды.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Америкѣ сектаторскихъ группъ, есть группа многочисленныхъ наименованій, носящихъ общее названіе баптистовъ. Въ догматахъ они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ протестантскихъ сектъ, при чемъ тѣ же различія въ ученіи (напримѣръ, о благодати и свободной волѣ), которые вызвали раздѣленіе въ кальвинизмѣ, раздѣляютъ и ихъ. Но существенное отличіе ихъ отъ всѣхъ прочихъ евангеличе-

скихъ севтъ составляетъ иной взглядъ на обрядъ крещенія, именно убѣжденіе въ необходимости принимать крещеніе лишь взрослыми. Споры объ этомъ вопросѣ восходили въ глубокую древность. Такъ-какъ крещеніе было существеннымъ признакомъ вступленія челоуѣка въ христіанство, то понятно, что съ первыхъ временъ христіанства, оно получило огромное значеніе. Въ первые вѣка христіанства были споры о томъ, когда слѣдуетъ крестить новыхъ христіанъ, и на сколько дѣйствительно крещеніе, совершенное лицомъ, принадлежащимъ къ севтѣ, непризнанной господствующей церковью. Многіе богословы были противъ крещенія младенцевъ; весьма многіе требовали, чтобы крещеніе совершалось въ годы, когда челоуѣкъ можетъ самъ отвѣчать за свои убѣжденія и за свои дѣйствія. Но тѣмъ не менѣе, установилось мнѣніе, что крещеніе сближаетъ всѣ секты, всѣ исповѣданія христіанскія, и не допускаетъ ни въ какомъ случаѣ повторенія. Ученіе о вѣчномъ осужденіи некрещенныхъ младенцевъ укрѣпило мнѣніе о необходимости крещенія въ первые же дни существованія младенца, и церковь установила это правиломъ. Въ XVI вѣкѣ этотъ вопросъ внезапно получилъ большую важность. Баптисты Англіи увѣрили, что унаслѣдовали свой обычай крестить лишь взрослыхъ и погружать крещаемыхъ въ воду, а не обливать ихъ, отъ первоначальной британской церкви, въ которой, будто бы, это преданіе хранилось въ тайнѣ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Менно Симонъ въ Голландіи установилъ для своихъ приверженцевъ крещеніе взрослыхъ, не дозволяя въ то же время ни присяги, ни употребленія оружія. Большинство первыхъ реформаторовъ Германіи склонялось въ пользу крещенія взрослыхъ, и самъ Лютеръ сначала колебался. Они окончательно отвергли его лишь когда въ Швейцаріи началось движеніе анабаптистовъ или перекрещенцевъ, которое, по фанатизму своихъ послѣдователей, вызвало немедленно казни и преслѣдованія всюду, гдѣ оно появилось. Особенно могущественно было проявленіе анабаптизма въ Страсбургѣ и потомъ въ Мюнстерѣ, гдѣ желѣзныя клѣтки на башнѣ Ламберта до сихъ поръ напоминаютъ путешественникамъ о замученномъ въ 1539 году царь-пророкъ и о его религиозныхъ оргіяхъ продолженіе года. Ненависть и ужасъ, возбужденные анабаптистами, отозвались всего тяжелѣе на другихъ приверженцахъ крещенія взрослыхъ, на меннонитахъ Нидерландовъ и на баптистахъ Англіи. Различіе въ формѣ обряда болѣе возмущало общество, чѣмъ различіе въ догматѣ, а отказъ меннонитовъ отъ присяги и отъ употребленія оружія, ставилъ ихъ въ оппозицію съ общимъ государственнымъ строемъ. Кромя того, строгій педантизмъ въ

отношеніи самыхъ мелочныхъ постановленій произвелъ въ этомъ исповѣданіи болѣе раздробленія на мелкія секты, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ, тѣмъ болѣе, что меннониты, какъ наслѣдство отъ своего основателя, приняли весьма неумѣренное употребленіе отлученія. Относительно самаго догмата, какъ уже сказано, баптисты всѣхъ наименованій не внесли въ богословіе, собственно, ничего новаго, но дробились и вслѣдствіе всѣхъ раздѣленій кальвинизма. При жизни Менно уже началось распаденіе, и Гуго Гротъ писалъ въ 1616 г., что ихъ секта невозможно и сосчитать. Такую же нетерпимость и такое же разъединеніе встрѣчаемъ между англійскими баптистами. Конечно, всѣ эти раздѣленія перенесены были эмигрантами и на почву Сѣверной Америки и, въ этомъ случаѣ, число сектъ увеличиться не могло. Но на этой почвѣ, именно въ сектѣ баптистовъ проявилось самое широкое заявленіе требованія свободы совѣсти. Его представителемъ былъ Роджеръ Уильямсъ, изгнанный 1630 г. изъ Массачузета, за свои баптистическія убѣжденія, и основавшій общину единомышленниковъ въ Провиденсѣ въ Род-Эйлендѣ. Конечно, католикъ лордъ Балтиморъ, какъ мы видѣли выше, далъ первый примѣръ этому, и совершенно естественно, что подобный примѣръ могъ быть поданъ, и могъ найти подражаніе въ самыхъ гонимыхъ сектахъ, но интересно, что строй образующейся американской жизни побудилъ къ этого рода взглядамъ именно то старое и новое ученіе, гдѣ исключительность и партикуляризмъ доходили до наибольшей крайности.

Конечно, нельзя отвергнуть и того, что личное развитіе Роджера Уильямса не осталось безъ вліянія на этотъ фактъ. Уже въ Массачузетѣ онъ проповѣдывалъ начала, въ политическомъ и религіозномъ отношеніи, шедшія довольно далеко. Нейманъ высказываетъ ихъ такъ *: «Поселенцы—говорилъ онъ—не имѣютъ, во имя королевскаго дара, никакого права на свои земли. Король Яковъ такъ же мало имѣетъ права распоряжаться ими, какъ индійскіе начальники распоряжаться его государствомъ. Надо войти въ сношеніе съ туземцами, купить у нихъ землю. Въ отношеніи религіи Уильямсъ училъ, что каждый можетъ вѣрить и учить какъ угодно». Призванный къ отвѣту предъ духовенство Массачузета Уильямсъ выставилъ обычный аргументъ, что правда должна восторжествовать въ полемигѣ: «Если правда не можетъ устоять противъ заблужденія, то сатана сильнѣе Бога,

* К. Fr. Neumann: «Gesch. d. Verein. Staaten v. Amerika» I, (1868) 57 и слѣд.

чего я не думаю». Онъ выставилъ эмигрантамъ противорѣчіе ихъ требованій съ ихъ же дѣйствіями: «Вы не могли вѣрить тому, чему приказываетъ вамъ вѣрить Лоудъ, и оставили землю вашихъ отцовъ. И теперь я предъ вами въ опасности, потому лишь, что не могу вѣрить тому, чему вы вѣрите». Но, какъ всегда, подобные аргументы не подѣйствовали, и Уильямъ былъ изгнанъ. Теперь лишь начинался для него серьезный вопросъ о терпимости, когда, основывая въ Провиденсѣ *свою* общину, онъ долженъ былъ указать свое отношеніе къ иновѣрцамъ. Роджеру Уильямсу принадлежитъ честь, что онъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и послѣдующіе установители свободы совѣсти въ Америкѣ могутъ видѣть въ скромномъ баптистѣ одного изъ самыхъ лучшихъ своихъ представителей. Учрежденіе «Поселеній Провиденса» было демократическое съ самаго начала: законы устанавливались всѣми жителями или большинствомъ ихъ, и этимъ законамъ долженъ былъ подчиняться всякій, но «только въ гражданскихъ дѣлахъ». Англійскіе законы признавались въ колоніи лишь на столько, на сколько они были согласны съ конституціею, установленною самими жителями. Въ то время, какъ Германію разоряла тридцатилѣтняя война, когда во всѣхъ углахъ Европы жгли еретиковъ и колдуній, Роджеръ Уильямсъ высказывалъ и проводилъ въ общественную критику слѣдующія положенія: «Человѣческіе законы въ дѣлахъ вѣры составляютъ нарушеніе правъ Божіихъ; они ничтожны; никто не обязанъ имъ слѣдовать... По естественному и гражданскому праву каждый можетъ вѣрить тому, чему хочетъ. Распространять и поддерживать религію силою — противорѣчить ея природѣ. Она должна быть принята свободно, а не насильственно... Я не требую для себя никакой свободы, которую не готовъ предоставить другимъ. Паписты, евреи, мусульмане и атеисты могутъ оставаться въ отношеніи ихъ совѣсти столь же неприкосновенными, какъ и я; пусть они, какимъ образомъ имъ угодно, отправляютъ свое богослуженіе, принимаютъ и поддерживаютъ своихъ духовныхъ». Конечно, и въ Европѣ были личности, въ разныя времена высказывавшія начала самой широкой терпимости, но онъ оставался одиноки и почва стараго свѣта долго не давала возможности осуществиться ихъ принципамъ. Конечно, Роджеръ Уильямсъ обязанъ своимъ свѣтлымъ пониманіемъ правъ человѣческой совѣсти не какому либо мистическому дѣйствію почвы Новаго свѣта, но лишь при общественномъ стрѣбѣ Америки это пониманіе могло найти немедленное практическое осуществленіе, выказать свое благотворительное дѣйствіе въ довольно обширныхъ размѣрахъ, преобразовать въ самую терпимую секту тѣхъ, которые вынесли изъ

Европы самый мелочной партикуляризмъ, и сдѣлаться закономъ одного изъ обширѣйшихъ государствъ міра.

Возрастаніе числа баптистскихъ обществъ въ Америкѣ было немовѣрно быстро, даже при обычной быстротѣ общественнаго роста въ Америкѣ. Въ 1707 г. тамъ было 17 баптистическихъ обществъ, въ 1792 г. 1,150. Въ 1856 г. число обществъ превосходило 5,000; они имѣли 8,116 церквей, цѣнностью до 11 мил. долларовъ и съ мѣстами болѣе, чѣмъ на 3 милліона человекъ. Причастниковъ считалось болѣе, чѣмъ 1.800,000, а всего баптистовъ до 5 милліоновъ. Баптисты долгое время отличались и въ Европѣ, и въ Америкѣ особенною нелюбовью къ наукѣ и необразованностью своихъ проповѣдниковъ, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ этотъ взглядъ и въ ихъ сектѣ измѣнился, такъ что теперь считаютъ до 1,000 учениковъ въ 10 богословскихъ школахъ, ими поддерживаемыхъ въ Америкѣ; кромѣ того, они содержали въ 1855 г. 25 коллегій. Они учредили и особенное библейское общество (American and Foreign Bible society). Баптисты вмѣстѣ съ методистами наиболѣе дѣйствуютъ на бѣдное населеніе штатовъ.

Число сектъ въ группѣ, носящей общее названіе баптистовъ, по самому историческому происхожденію ея, весьма велико. Различіе всѣхъ этихъ Regular baptists, Free-will baptists, General baptists, Seventh-day baptists, Campbellistes, Tunkers и др. весьма мало интересно и мы на немъ не остановимся. Укажемъ только на послѣднюю названную секту, потому что она, съ одной стороны, представляетъ интересное сближеніе въ практическихъ вопросахъ съ другими сектами совершенно иного происхожденія, а, съ другой, книга Диксона даетъ намъ нѣкоторыя частныя подробности о ихъ жизни въ новѣйшее время, на основаніи личныхъ наблюденій автора.

Тенкеры (tunkers) составляютъ секту меннонитовъ, отдѣлившуюся еще въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе настаиванія на погруженіи крещаемого въ воду вмѣсто обливанія, принятаго меннонитами. Тогда ихъ звали Dampelaers. Въ 1720 г. небольшая община изъ Шварценгау, слѣдовавшая столь же ригористическимъ началамъ, каковымъ отличались дампелеры Нидерландовъ, даже при общемъ ригоризмѣ меннонитовъ, выслала эмигрантовъ въ Америку; съ ними соединились и дампелеры, и эта эмиграція положила основаніе въ Пенсильваніи сѣверо-американскимъ тенкерамъ, братьямъ или безвреднымъ людямъ, какъ ихъ называютъ. Они вынесли въ свое новое отечество мечтательный аскетизмъ, мистическое благочестіе, враждебное отношеніе къ браку и вообще къ плотскимъ наслажденіямъ; право участія каждаго члена общины въ бого-

служенія, общее женщинамъ и мужчинамъ; обрядъ крещенія, совершаемый надъ взрослымъ такъ, что онъ становится на колѣна въ текучей водѣ, и погружается въ нее троекратно; длинныя бороды и круглыя одежды безъ пуговицъ (почему меннонитовъ въ Германіи и Фрисландіи называли *бородатями*) и догматъ всеобщаго спасенія, вовсе непринявшійся въ Европѣ. Въ Америкѣ въ послѣднее время, какъ мы увидимъ ниже, именно этотъ догматъ получилъ большое распространеніе, а склонность къ нему мы замѣчаемъ и у Чэннинга. Безбрачіе и устраненіе частной собственности было для нихъ добродѣтелью, хотя не безусловною обязанностью. Послѣднее начало, повидимому, не удержалось, по крайней-мѣрѣ, Диксонъ ничего не говоритъ объ этомъ, но упоминаетъ, что многіе изъ нихъ занимаются отдачею денегъ въ ростъ, что прежде было запрещено. Число ихъ въ 1854 г. было менѣе 30,000 съ 40 проповѣдниками и склонилось къ уменьшенію. Диксонъ рисуеъ ихъ бытъ и нѣкоторые особенности слѣдующимъ образомъ:

«Тэнкеры живутъ маленькими селеніями или группами фермъ, но не отдѣльными общинами... Они пребываютъ въ свѣтѣ и повинуются законамъ... Они вѣрятъ, что всѣ люди будутъ спасены—догматъ, общій почти всѣмъ новымъ сектамъ Соединенныхъ Штатовъ; однако, нѣкоторые изъ нихъ отрицаютъ, чтобы принципъ всеобщаго спасенія былъ обязательнымъ для каждаго исповѣдующаго ихъ вѣру. Они одѣваются очень просто и говорятъ самымъ простымъ обыкновеннымъ языкомъ. Они никогда не присягаютъ, не клянутся. Они не дѣлаютъ никакихъ комплиментовъ. Они ни за что не пойдутъ на войну. Они носятъ длинныя бороды и никогда не тагаются въ судахъ. Богослуженіе ихъ совершаютъ священники, получающіе вознагражденія. Мужчины и женщины считаются равными и оба пола имѣютъ право духовное званіе. Каждый человѣкъ въ приходѣ имѣетъ право встать (какъ въ еврейскихъ синагогахъ) и толковать текстъ священнаго писанія. Человѣкъ, который оказывается способнѣе всѣхъ поучать и проповѣдывать, помѣщается на священническое мѣсто; но прихожане платятъ ему за служеніе Богу уваженіемъ, а не долларами. Подобно святымъ Петру и Павлу, во время своихъ путешествій, тэнкерскіе апостолы останавливаются на ночлегъ у своихъ братьевъ и берутъ отъ нихъ даромъ нищю и даже подарки, но какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, они не принимаютъ никакой платы, даже когда они бѣдны и не могутъ оставить своего собственнаго поля на мѣсяцъ или на недѣлю безъ большой для себя потери. Эти бесплатные проповѣдники посѣщаютъ больныхъ, утѣшаютъ умирающихъ и хоронятъ мерт-

внѣхъ. Они также женятъ молодыхъ мужьянъ и молодыхъ дѣвушекъ, но немногихъ, только тѣхъ, которые отличаются болѣе плотскимъ настроеніемъ...

«Тэнкеры имѣютъ особый взглядъ на святость безбрачной жизни; они чрезвычайно уважаютъ такую жизнь и говорятъ, что очень немногіе достойны безбрачной жизни или готовы для нея. Они не отказываются соединить узамъ брака брата и сестру, которые желаютъ этого; но безцеремонно указываютъ имъ въ длинной и краснорѣчивой рѣчи, что гораздо добродѣтельнѣе вести одинокую жизнь. Проповѣдникъ не говоритъ, что бракъ — преступленіе, онъ только выражаетъ глубокое презрѣніе къ нему, считая его однимъ изъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ онъ желалъ бы предохранить свою паству.

«Когда братъ и сестра, придя къ проповѣднику, выражаютъ ему свое желаніе сдѣлаться одною плотью, онъ смотритъ на нихъ какъ на грѣшниковъ, которыхъ надо подвергнуть допросу и испытанію относительно ихъ тайныхъ мыслей и, если можно, освободить благодатью отъ страшныхъ сѣтей, разставленныхъ имъ врагомъ рода человѣческаго. Онъ пугаетъ ихъ своими инквизиціонными разспросами, онъ даетъ имъ почувствовать, что, желая жениться, они стремглавъ летятъ въ адъ».

Вмѣстѣ съ баптистами слѣдуетъ упомянуть, какъ ревностныхъ пропагандистовъ свободы совѣсти, именно ту секту, которая изъ всѣхъ порожденій протестантизма вытерпѣла наиболѣе преслѣдованія, и имѣла мучениковъ даже въ Америкѣ. Мы говоримъ о квакерахъ. Фанатическая преданность своимъ убѣжденіямъ, неутомимое вызваніе преслѣдованій и нелюбовь къ официальному званію отличали этихъ крайнихъ проповѣдниковъ личнаго религіознаго вдохновенія съ самаго начала, когда Джоржъ Фоксъ въ 1649 г. выступилъ съ проповѣдью: надо возвратитъ человѣчество къ его первобытной чистотѣ; всѣ религіозныя церемонія и упражненія принадлежатъ язычеству; присага преступна; уплата десятины духовенству — изобрѣтеніе дьявола; учителя религіи и богословія не понимаютъ писанія; правило для жизни и для вѣрн не въ писаніи, а во внутреннемъ откровеніи, въ божественномъ освященіи, совершаемомъ тѣмъ самымъ духомъ, который далъ писаніе; надо закрыть академіи, школы лжи; онъ — Фоксъ — призванъ Богомъ, чтобы обличить ложь и лицемеріе, прекратить раздоры и войну, каждому говорить *ты* и никому не кланяться. Известно, какія тяжелыя преслѣдованія легли на квакеровъ во время республики и при реставраціи Стюартовъ; они терпѣли все, и, воодушевленные примѣромъ и проповѣдью Фокса, продолжали свою пропаганду. Большинство пуританскихъ штатовъ,

какъ имъ видѣли выше, подвергло ихъ всей строгости законовъ и на висѣлидѣ Массачузета мужчанин и женщины фанатической секты свидѣтельствовали объ искренности своего убѣжденія. Ланъ Род-Эйландъ отерпѣлъ имъ убѣжище, пока повнѣй, болѣе искусный ихъ защитникъ, Уильямъ Пеннъ, не купилъ въ 1681 г. у Карла II, въ уплату долга, слѣдовавшаго его отку, штата Пенсильваніи, который сдѣлался собственно землею квакеровъ; но Пеннъ послѣдовалъ примѣру Род-Эйланда, допуская самую широкую терпимость. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ взялъ квакеровъ подъ свою защиту и въ Англіи. Съ переселеніемъ большинства квакеровъ въ Америку, которое совпало съ улучшеніемъ ихъ положенія въ Англіи, кончилась героическій періодъ ихъ исторіи и началась болѣе мирная дѣятельность, при чемъ особенно энергически дѣйствовали квакеры въ Америкѣ въ пользу освобожденія негровъ, слѣдуя примѣру Пенна, подъ вліяніемъ котораго Пенсильванія была первымъ штатомъ, запретившимъ въ своихъ предѣлахъ рабство негровъ.

Послѣднія замѣтныя движенія въ средѣ квакерства имѣли также главнымъ своимъ непріемъ Америку. Когда Анна Барнардъ (Barnard) отвергла пятинникіе, чудеса и сверхъестественное рожденіе Христа, она должна была удалиться въ Америку. Тамъ же выступилъ Ілія Гивсъ въ 1822 г., провозглашая деизмъ и отвергая всѣ догматы ортодоксальной христологіи. Онъ и его послѣдователи были отлучены отъ церкви, какъ отступники и еретики, квакерскими синодами въ Филадельфіи и въ Лондонѣ, и въ оппозицію этому деистическому движенію, котораго въ средѣ квакерства опасался еще Пеннъ, квакерскіе синоды издали замѣненіе, гдѣ они по возможности ближе подходятъ къ вѣрованіямъ другихъ протестантскихъ сектъ, по крайней-мѣрѣ въ основныхъ догматахъ о лицѣхъ Троицы. Въ Америкѣ считается квакеровъ около 150,000, изъ которыхъ 10,000 послѣдователи Гивса. Впрочемъ, едва-ли эти числа не малы, такъ-какъ въ 1800 г. они имѣли церквей цѣлостью болѣе 1.700,000 долларовъ съ мѣстами на 287,000 человекъ.

Самая обширная группа сектъ въ Америкѣ есть группа названій, причисляющихъ себя къ методизму. Это — наследники того могущественнаго религіознаго движенія, которое развилось въ Англіи съ необычайною силою въ то самое время, когда англійская рационалистическая мысль, перейдя на материкъ, вызвала во Франціи періодъ энциклопедизма. Нельзя не удивляться энергій нѣсколькихъ оксфордскихъ студентовъ, которые задумали въ скромной кельѣ своего полу-монастырскаго университета, обновить религіозную жизнь Англіи и, безъ поддержки, безъ капи-

таловъ, безъ особой увѣренности, несмотря на всевозможныя преслѣдованія, неудачи, мелочныя дрязги и весьма крупныя опасности, организовали секту, которая считала уже при жизни Джона Уэслей своихъ послѣдователей сотнями тысячъ, а теперь считаетъ ихъ мильонами. Конечно, не безъ нѣкоторой улыбки приходили Вокингброуъ и Честерфильдъ въ благочестивый салонъ графини Гентингдонъ слушать проповѣдь ея канцеллана, Джоржа Уайтфильда, назначенную специально *для дворянства*, тогда какъ для бѣдныхъ отъ проповѣдника другую проповѣдь въ служительской. Между тѣмъ, этимъ тонкимъ мыслителямъ не могъ не быть интересенъ человекъ, который умѣлъ около своей кассидры собирать болѣе 50.000 слушателей *, вызывалъ въ нихъ, своимъ пламеннымъ словомъ, эпилептическія припадки, произнесъ въ своей жизни 18.000 проповѣдей, не истощивъ увлекательности своей рѣчи, и въ послѣдній день своей жизни, пораженный многолѣтнею астмою, говорилъ еще 2 часа предъ огромнымъ сборищемъ народа. Это былъ достойный товарищъ, а потомъ соперникъ основателя и *наша* методизма, Джона Уэслей, который, до своего 88-го года, сохранилъ безконтрольное господство надъ сотнями тысячъ приверженцевъ методизма, поставивъ своимъ девизомъ: «Мое призваніе — спасать души, мой приходъ — весь міръ»; извѣдывалъ для достиженія своихъ цѣлей до 200.000 англійскихъ миль (болѣе 300.000 верстъ), и произнесъ до 40.000 проповѣдей, между прочимъ одну, которую не прервалъ, когда долженъ былъ постоянно обтирать кровь изъ раны отъ камня, брошеннаго ему прямо въ лобъ. Какъ въ XIII вѣкѣ католицизмъ выслалъ армію нищенствующихъ монаховъ-проповѣдниковъ, чтобы противодѣйствовать ереси, и организовалъ надзоръ инквизиціи надъ умами, ускользавшими изъ-подъ его вліянія, такъ Уэслей создалъ могучую проповѣдь мирянъ, странствующихъ священниковъ, не связанныхъ ни съ какою мѣтностью, ни съ какою общиною, но назначающихъ себя для *внутренней миссіи* противъ религіознаго невѣжества, индифферентизма и невѣрія. Это воинство методизма направилось во все концы страны, чтобы завоевывать души; а въ то же время, чтобы удержать завоеванное, все члены секты были раздѣлены на классы изъ 12 человекъ, или около того, которые собирались еженедѣльно около назначеннаго имъ руководителя (class leader) для провѣрки состоянія своей души и своей непоколебимости въ догматахъ, т.-е.

* «Die Zahl der Zuhörer betrug gewöhnlich 20—30,000 und stieg einige Male bis auf 60—80,000». Schöll въ *Hersag's* «Realencyklopädie».

для вневѣдн въ болѣе уточненной формѣ. Тѣмъ образомъ, свѣтская часть сѣтн была призвана въ одной энергической дѣятельности въ пользу распространѣнн общины и огради са ученн, и въ те же время ннравс были совершенно исключены Уэслемъ отъ всякаго влннн на весь строй сѣтн. Это влннн Джонъ Уэслей до конца жизни удержалъ нераздѣльно въ своихъ рукахъ, а послѣ смерти передалъ съ такою же полнотою конференцнн нъ ста настоятель, беззастѣнливо руководящнмъ всѣмъ вѣрующнмъ: они называли новыхъ настоятель, удаляли ихъ отъ должности, исключали недостойныхъ изъ общины и распускались съ негогрѣшностью нами или вселенскаго собора. Еще при жизни основателей сѣтн (двухъ Уэслемъ и Уайтфильда) произошли расколн. Уайтфильдъ разошелся съ Уэслемн; радъ общннѣ отпасть частнк потому, что Джонъ Уэслей сдерживалъ фантастическнн порывн сочленовъ, частню потому, что безусловная власть его возмущала умн, нежелавннн встрѣчать въ протестантнннн такое же иерархическое подчиненнн ннравъ духовенству, которое составляло самую ненавистную особенность католицизма. Ни Уэслей, ни Уайтфильдъ не желали выходить изъ общеннн съ господствующею церковью. Уэслей, шагъ за шагомъ, принуждаемый къ тому прнѣсненннми епископалнстовъ, отдалился отъ нихъ и даже, поставнвъ свои церкви подъ покровительство закона о диссентерахъ, старался удержатъ для методннма какое-то среднее положеннн между епископалами и отпадшнми отъ нихъ сѣталами. Уайтфильдъ не чуждался ни епископовъ, ни пресвитернннн, ни пуританъ и готовъ былъ всегда дѣйствовать заодно съ ннми, такъ что даже его дѣятельность въ Америкѣ, какъ пишуть, оставила болѣе слѣдовъ въ средѣ пресвитернннн и пуританъ, чѣмъ собственно методннстовъ. Проповѣданнн методннзма болъшею частью ннѣли (да и теперь еще ннѣють) мало богословскаго и общаго образованнн, даже часто смотрятъ вравдбно на богословскнн учебннн заведеннн и тонкости воспитаннн. Самъ Джонъ Уэслей видѣлъ, что школа, устроенная по его мысли, была ннкуда не годна. Но отъ проповѣднннновъ методннма требовалось и требуется неутомимое рвеннн, энергическнн духъ мнсснонерства, практическнн умъ и умѣннн дѣйствовать рѣчью на массы слушателей. Всѣ эти достоинства и недостатки, стремленнн къ практической дѣятельности, вмѣстѣ съ пренебреженннмъ къ догматической разннцѣ, дѣлали методннзмъ, особенно въ его первоначальной формѣ, весьма подходящнмъ къ строю американской жизни. Уэслей и Уайтфильдъ дали методннзму это направлннн, и пока эти личности, съ своей желѣзной энергнн и огромннмъ проповѣдннческимъ талантомъ, стояли во главѣ дѣла, оно одинаково удач-

но шло въ Англіи и Америкѣ *, во послѣ ихъ смерти рѣзко выказалось вліяніе разницы общественнаго строя въ двухъ одноязычныхъ странахъ стараго и новаго свѣта.

Исторія методизма въ Англіи со смерти Джона Уэслея, это непрерывный рядъ борьбы за лучшее устройство секты, постоянные споры объ участіи мирянъ въ управленіи, объ ограниченіи власти всемогущей конференціи, о томъ или другомъ догматѣ; вообще болѣе споры о теоретической сторонѣ или о формѣ религіознаго строя. Въ Америкѣ мы, конечно, видимъ всѣ тѣ же подраздѣленія методизма, но ихъ полемика совершенно незначительна. Большинство методистовъ Америки не имѣютъ ни малѣйшей претензіи на ограниченіе господства конференціи и на вѣшательство мирянъ въ ея дѣла. Тогда какъ въ Англіи споръ изъ-за этого между 1850 и 1855 годами выдѣлялъ изъ основной церкви методизма до 100,000 причастниковъ (немногимъ мѣнѣ трети всего числа), въ Америкѣ число приверженцевъ епископальнаго методизма почти въ шесть разъ превосходило число приверженцевъ прочихъ наименованій, а и между остальными есть секты, отличающіяся отъ первыхъ не организаціею, а догматами. За то епископальный методизмъ въ Америкѣ распался въ 1844 году на двѣ секты по совершенно практическому и специально-американскому вопросу. Не различаясь ни догматами, ни организаціею, южная церковь епископальныхъ методистовъ отдѣлилась отъ сѣверной потому, что пожелала удержать «особенное учрежденіе» юга, рабство негровъ, тогда какъ церковь епископальныхъ методистовъ, неприбавляющая наименованія южной, постоянно проповѣдуетъ противъ рабства. Разница устройства американской конференціи отъ англійской заключается лишь въ томъ, что послѣдняя, въ началѣ избранная самимъ Джономъ Уэслеемъ, сама дополняетъ себя новыми членами при убыли путемъ смерти, отбытія или исключенія; первая же состоитъ изъ делегатовъ отъ ежегодныхъ окружныхъ конференцій методистскаго духовенства, при чемъ эти делегаты собираются разъ въ четыре года въ общую конференцію (general

* Диссонъ точно выражается (283): «Джонъ Веслей сдѣлалъ попытку въ Америкѣ, но не имѣлъ успѣха; Витфильдъ послѣдовалъ за нимъ и имѣлъ успѣхъ, ибо время тогда болѣе благоприятствовало его труду». Уэслей пробылъ въ Америкѣ весьма недолго, въ началѣ своего проповѣдническаго поприща, и тогда еще его взгляды на надлежащую форму дѣятельности не установились, даже до своего знаменитаго обращенія 24 мая 1788 г.. Уайтфильдъ могъ послатъ Америкѣ значительную часть своей дѣятельности. Онъ прибылъ во второй разъ въ Америку (въ первый, онъ пробылъ тамъ всего нѣсколько мѣсяцевъ), предшествуемый славою своихъ проповѣдей въ полѣ предъ десятками тысячъ слушателей.

conference), высшую религиозную инсталцию американскаго методизма.

Но различіе англійскаго отъ американскаго методизма особенно замѣтно въ оригинальныхъ явленіяхъ *revivals* (revivals of religion, религиозныхъ возрожденій, оживленій), которые со времени Уэслея и Уайтфильда почти исчезли въ Европѣ или пойдутъ весьма рѣдко, какъ-бы переносенные эпидемически изъ Америки; тогда какъ въ послѣдней они сдѣлались хроническимъ явленіемъ, повторяющимся съ точностію естественныхъ процессовъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени съ большемъ или меньшимъ силою; они тогда охватываютъ значительное пространство страны и немалое число лицъ; они переходятъ отъ одного религиознаго наименованія на другое и вообще составляютъ припадки, какъ-бы эпидемическіе. Методистамъ они всего привычѣе и методистскіе проповѣдники употребляютъ для возбужденія релівалей особенныя приемы, называемыя «новыми приемами», именито лагерныя собранія (camp meetings), скамью покаянія (awfuls bench) и т. п. Мы нѣсколько остановимся на этихъ явленіяхъ, какъ потому, что они показываютъ и въ этихъ экцентрискихъ формахъ традицію Европы, получившую въ Америкѣ лишь болѣе широкое развитіе, такъ и потому, что читателю, знакомому съ данными психіатріи, эти явленія, какъ современныя, могутъ служить уясненіемъ другихъ фактовъ въ области еще болѣе странныхъ свѣтъ, а также и подобныхъ же историческихъ событій прежняго времени.

Уэслей самъ отмѣтилъ день и часть своего возрожденія, то есть эпоху, когда въ немъ пробудилось ясное сознаніе, что грѣхи его искуплены Христомъ. Это было въ $\frac{3}{4}$ девятаго часа 24-го мая 1738 г. Мы знаемъ, что онъ считалъ себя призваннымъ для спасенія душъ. Онъ надѣялся это сдѣлать путемъ проповѣди, которая возбуждала бы въ слушателяхъ чувство ихъ грѣховности и оживляла ихъ душу, умершую для Бога къ новой жизни. Впрочемъ, не онъ началъ эпидемію методистскихъ релівалей, какъ не онъ первый началъ проповѣдывать подъ открытымъ небомъ. Всѣ самыя сильныя шаги въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Уайтфильдъ. О его проповѣдяхъ всѣ современники отзываются съ восторгомъ. Говорятъ, что «онъ приковывалъ къ своему слову необразованныхъ людей наравнѣ съ образованными, насмѣшниковъ наравнѣ съ вѣрующими», что «когда онъ въ вдохновенной рѣчи рисовалъ величіе царствія Божія, то дѣйствительный міръ какъ-бы исчезалъ и міръ вѣчный, казался, появлялся». Онъ-то 17-го февраля 1739 г. «проломалъ ледъ», какъ онъ выразился, произнеся первую проповѣдь въ полѣ пе-

редъ сотнями двумя угольщиками, и заставилъ ихъ плавать. Подъ вліаніемъ его рѣчи впервые стали падать слушатели на землю въ судорожныхъ потрясеніяхъ тѣла и съ громкими воплями о спасеніи отъ тяготящаго грѣха. Какъ только это произошло разъ, оно стало повторяться какъ на проповѣдяхъ Уайтфильда, такъ и на проповѣдяхъ Уэслей. Дѣти и старики падали на землю въ конвульсіяхъ, мужчины и женщины испускали громкій ревъ или пронзительные крики; одни лежали точно мертвые, другіе тихо рыдали. Потомъ шумъ переставалъ и тяжелое дыханіе смѣняло крики, конвульсіи и каталенсію. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи было дѣйствіе проповѣди Уайтфильда въ Америкѣ при проѣздѣ изъ Нью-Йорка въ Саванну 1739 г. «Это было триумфальное шествіе. Сблизивъ и надалека шли тысячи его слушать. Его проповѣдь сопровождалась тѣми же необычными явленіями, которыя совершались и въ Англии. Тысячи слушателей громко вскрикивали, ломали себѣ руки, и падали какъ-бы мертвые на землю; другіе плавали навзрыдъ. Даже на обратномъ пути (отъ мѣста проповѣди) не прекращались волны отчаянья и прерывались лишь громкими молитвами отдѣльныхъ группъ. Стоны и крики дѣтей продолжались однажды всю ночь и часть слѣдующаго дня». Дѣйствіе, произведенное проповѣдью Уайтфильда, и эпидемическое распространеніе подобныхъ, явно-патологическихъ явленій, вызвало тогда же вниманіе и неудовольствіе многихъ въ Америкѣ и богослову-пресвитеріанину Эдварду, о которомъ сказано выше, пришлось писать какъ въ защиту своего пріятеля Уайтфильда, такъ и въ предостереженіе отъ крайностей методистскихъ ревнивадей. Вообще проповѣдь методистовъ имѣетъ въ виду не поученіе для обычной жизни, и всего менѣе ученіе теоретическое или практическое какого либо догмата. Она имѣетъ въ виду сильное дѣйствіе на чувство и воображеніе, сильное потрясеніе слушателя, быстрое пробужденіе въ немъ сознанія грѣховности, «поверженіе его въ прахъ». Для подвижной и впечатлительной натуры американца, эта быстрая, ослѣпляющая смѣна сильныхъ впечатлѣній особенно доступна: она не требуетъ ни долгаго обдумыванія, ни погруженія въ свою внутреннюю жизнь, а тѣмъ менѣе спокойной критики. Подобно нестрымъ процессіямъ и обрядамъ католицизма, ревнивыя охватываютъ человѣка внѣшними впечатлѣніями, и хотя они дѣйствуютъ чисто внѣшнимъ образомъ, но присутствіе проповѣдника, форма слова, въ которую облечено орудіе дѣйствія, все это какъ будто оставляетъ слушателя совершенно свободнымъ, а въ сущности отравляетъ его мозгъ привычкою поддаваться фантастическимъ представленіямъ и нерв-

нимъ принадлежатъ. За то, по мнѣнiю этого энциклопедическаго появленiя религiозности, большинство какъ послѣ оргiя, возвращается охотно къ практической обшденной жизни; меньшинство же, глубже пораженное, ищетъ некуда въ сектахъ болѣе мистическаго свойства. Иногда же рензвали и дѣйствительно получаютъ характеръ оргiя.

Мы не имѣемъ вѣдъ ругами описанiя американскаго рензвали въ болѣе разительной его формѣ, но воспользуемся нѣкоторыми чертами подобнаго явленiя, перенесеннаго въ Ирландiю въ 1859 г. Почти тѣ же частности повторяются здѣсь и тамъ. Мы заимствуемъ эти черты изъ описанiя личнаго свидѣтеля Русселя *. Онъ описываетъ собранiе передъ церковью въ Бельфастѣ. «Огромная толпа собралась. На сосновый столъ передъ церковью влѣзавтъ, одинъ за другимъ, проповѣдники: старики, пасторы, ремесленники, дѣвочки. Толпа такъ велика, что другой проповѣдникъ говорить, въ то же время, на другомъ концѣ собранiя, такъ что я, хотя могу слушать лишь одну проповѣдь, слышу ихъ двѣ. Въ то же самое время какъ проповѣдуютъ, справа и слева, вѣдъ церкви, я слышу, какъ другая толпа поетъ внутри. Это не все: за мною, у дверей дома пастора, лежатъ какъ бы въ агонiи два ново-обращенныхъ. Чтобы ихъ успокоить, окружающiе начинаютъ громко пѣть псаломъ и скоро уносятъ больныхъ. У двери церкви падаетъ, крича, женщина. Ее поднимаютъ и уносятъ. Подобныя же сцены повторяются здѣсь и тамъ, и никто не удивляется. Продолжаютъ слушать проповѣдниковъ. Только ближайшiе сосѣди къ «проникнутымъ чувствомъ грѣха (*convaincus du péché*)» распространять ихъ на землю, поддерживаютъ имъ голову, становятся въ кружокъ около нихъ, громко поютъ псалмы, приносятъ молитвы, уговариваютъ *моразенныхъ*, и все это совершенно серьезно.

«Мы входили въ церковь. Она была оставлена для новообращенныхъ... Я вижу полтораэта человѣкъ разнаго возраста—разсѣянныхъ на скамьяхъ, въ болѣе или менѣе многочисленныхъ группахъ. Здѣсь громко молятся, тамъ кричатъ и мечутся, въ другомъ мѣстѣ поютъ; и хотя всѣ заняты, пасторъ громко читаетъ молитву. Я прошу читателя проникнуться мислiю, что все здѣсь совершается совершенно серьезно. Я вду отъ груины къ груинѣ; дѣти молятся, дѣти наставляются; шестнадцатилѣтнiй мальчикъ говоритъ товарищу, лежащему почти въ обморокѣ и имѣющему лишь столько силы чтобы кричать: «молюсь, молюсь, милнiй другъ; вчера я былъ подобенъ тебѣ; сегодня я радъ, а

* Le reveil irlandais, par *Napoleon Roussel*, témoin oculaire (1859).

свасены!» Чего нельзя описать—это одновременное занятіе сотни челоѣкъ тѣмъ же самымъ въ разныхъ группахъ.

«Наковонецъ я перекожу въ садъ, и тамъ во всякомъ углу, подъ всякой кустомъ, нахожу группу, которая молится, поетъ, уговариваетъ, близъ женщины, мужчины или ребѣнка, вытнутыхъ въ опѣшеніи, или кричащихъ, размахивающихъ безъ усталости руками и ногами».

Руссель описываетъ многихъ больныхъ, разбитыхъ, отупѣлыхъ, произносящихъ несвязныя слова или вовсе неговорящихъ, или говорящихъ о своихъ грѣхахъ, о величіи божіемъ, о видѣніяхъ; онъ описываетъ больныхъ, которымъ кажется, «что у нихъ одна половина тѣла хочетъ одного, другая половина — другого». Онъ описываетъ бѣдную мать, молящуюся, чтобы Богъ ее избавилъ отъ *пораженія*, потому что ей некогда: надо заботиться о хозяйствѣ, кормить дѣтей. Конечно, уже самое опасеніе быть *пораженною*, вызываетъ пораженіе. Онъ описываетъ пастора, проповѣдующаго дѣтямъ «что они вѣтви, отдѣленныя отъ ствола, бесплодныя и безсильныя, высохшія и назначенныя на соженіе». Описываетъ общину, молящуюся въ церкви «съ такимъ порывомъ въ голосъ, съ такою энергіею, съ такою настойчивостію, что, кажется, молится несчастный среди пламени пожара, которому осталась лишь одна минута, и онъ зоветъ на помощь».

Прибавимъ къ этому замѣчаніе пастора Мура изъ Веллингтона (Wellington), который видѣлъ ревиваль въ своей общинѣ и слѣдилъ, какъ онъ, начавшись съ одного челоѣка, сталъ распространяться на другихъ. Сказавъ о чувствѣ грѣха, о прославленіи имени Христа, о развитіи въ пораженныхъ разныхъ добродѣтелей, онъ, между прочимъ, описываетъ физическое состояніе пораженныхъ такъ: «челоѣкъ, проходящій черезъ него (черезъ кризисъ), не можетъ ни стоять ни садѣть: онъ падаетъ на колѣни или ложится. Часто паденіе внезапно и сопровождается крикомъ ужаса. Большая часть кричитъ: «Господи Исусе! смилуйся надъ моею душою». Все тѣло дрожитъ какъ листъ; нестерпимая тяжесть давитъ на сердце, и облегченіе слѣдуетъ лишь за ревностною молитвою». Потомъ, «взглядъ, голосъ, движеніе, внезапно измѣняются. Ужасъ и отчаяніе смѣняются благодарностію, торжествомъ, обожаніемъ. Испарина покрываетъ тѣло. Иныя личности проходятъ нѣсколько разъ черезъ подобный кризисъ. Другія остаются нѣсколько дней безъ пищи и безъ сна, хотя съ закрытыми глазами. Одна дѣвушка была нѣма цѣлыя сутки. Но симптомы этого кризиса слишкомъ разнообразны, чтобы можно было описать ихъ». Муръ замѣчаетъ также чрезвычайное оживленіе памяти: «давно забытыя проступки живо припоминаются...

Тексты библіи, изученные въ молодости, или просто случайно слышанные, представляются съ удивительною силою, точностію и многочисленностію». Одну пациентку онъ описываетъ такъ: «я видѣлъ мать на колѣнахъ, съ поднятыми взорами, со сложенными руками; она часто улыбалась, но въ продолженіе часу не говорила. Двухлѣтній ребѣнокъ ея вошелъ въ комнату, и, увидѣвъ мать, пронзительно вскрикнулъ. Взглядъ ея блестѣлъ, мѣшцы лица оставались неподвижны. Она стояла какъ статуя, вся погружена въ предметъ своего обожанія».

Эти черты достаточны, чтобы читатель могъ нарисовать себѣ болѣе или менѣе полное положеніе большинства пациентокъ, нахъ которыми проповѣдники производятъ свои опыты. Эти явленія повторяются при каждомъ ревивалѣ. Большое возбужденіе людей, вниманіе, обращенное на лицъ, подверженныхъ «скамѣ новоявія», ожиданіе чудесныхъ дѣйствій, о которыхъ они слышали, которыя видѣли или испытали — все это вызываетъ и въ другое время подобное же явленіе на лагерныхъ собраніяхъ методистовъ, хотя въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Диксону не удалось видѣть настоящаго ревивала, но онъ сообщаетъ слѣдующее описаніе лагернаго собранія (283—285):

«Народный «лагерный» митингъ, на чистомъ воздухѣ, подобный тому, который я видѣлъ дважды на днѣхъ равнинъ Огіо и Индіаны, заслуживаетъ полнаго вниманія по своему глубокому интересу; въ такомъ зрѣлищѣ есть много трогательнаго и возмрастнаго, много такого, что вызываетъ улыбку и слезы. Представьте себѣ тихій октябрьскій день, пять часовъ пополудни; мириады желтыхъ цвѣтовъ и красноватый мохъ усѣиваютъ зеленую мураву; дубы, чинары и клены покрыты красноватою и зеленобурою листвою. Между дуплами и корнями старыхъ деревьевъ, посреди жужжащихъ насѣкомыхъ и щебечущихъ птицъ, возвышается множество шалашей и палатокъ, которые, несмотря на свой странный видъ, имѣютъ въ себѣ что-то напоминающее домашній очагъ; ибо хотя этотъ лагерь энтузіастовъ не имѣетъ ничего общаго съ жилищами арабскаго племени, индѣйской націи или какаго бы то ни было пастушескаго народа, — въ немъ есть много чертъ, напоминающихъ вашему глазу и уху англійскую армарку или ирландскій храмовой праздникъ. Ипсомъ, въ день дербійскихъ скачекъ, совсѣмъ не такъ далеко отъ лагера американскихъ энтузіастовъ, какъ можно бы было предположить. Телеги и фургоны стоятъ отложенныя; лошади и волю лежатъ на землѣ или бродятъ отыскивая траву. Въ подлужнѣ большихъ шалашей мужчины пьютъ, ѣдятъ, молятся. Молодежь занята играми; нѣкоторые лѣниво лежатъ на травѣ, другіе разводятъ огни, третья стрипають кушанье. Тутъ мальчишки рубятъ дрова, тамъ дѣвушки идутъ за водою на ручей. Посреди лагера, блѣдный апостолъ «пробужденія», стоя на старомъ полѣ, громовымъ голосомъ произноситъ пламенную рѣчь къ толпѣ столь же пламенныхъ, какъ онъ, слушателей, болѣею частію фермеровъ и ихъ женъ. Тутъ видѣются

и нѣсколько непрерывъ въ ихъ грязныхъ шалахъ, и нѣсколько краснокожихъ съ верьями на головахъ; вся эта толпа пылаетъ таинимъ же огнемъ, какъ и самъ ораторъ, вполне раздѣляетъ его ревность и еще болѣе разжигаетъ его пылъ. Его огненные фразы прерываются восклицаніями и вскрикиваніями; его отчаянные жесты сопровождаются дикими криками и словами. Не останавливаясь, не переводя духа, безъ удержу, продолжаетъ онъ свою рѣчь, забрасываетъ слушателей цѣлымъ потокомъ словъ и восклицаній; окружающіе его мужчины сидятъ, блѣдые, неподвижные, съ скатыми губами, скрестивъ руки на груди и съ отчаяннымъ выраженіемъ лица, ясно говорящимъ, что имъ нѣтъ спасенія отъ грѣха; женщины же дико мечутся по лагерю, размахивая руками, громко во всеуслышаніе клясь въ своихъ грѣхахъ, и часто бросаюсь на землю съ пѣной у рта, катаются въ истерическихъ судорогахъ; трезвые индѣйцы смотрятъ съ презрѣніемъ на эти имъ непонятныя продѣлки; а негры отъ времени до времени съ криками и вскрикиваніями судорожно вьются:

— Слава! слава! аллилуйя!

«Многіе въ лагерѣ заболѣваютъ, многіе умираютъ. Въ этой борьбѣ противъ силъ грѣха и боязни смерти, говорятъ, всѣ страсти разнуздываются и человекъ блуждаетъ безъ руководителя, безъ уды. «Я люблю слышать, что гдѣ-нибудь открылось религиозное движеніе, говорилъ мнѣ одинъ адвокатъ въ Индианополисѣ, — оно всегда ведетъ за собою множество процессовъ». Въ лагерѣ религиозныхъ энтузіастовъ люди ссорятся, дерутся и ухаживаютъ за женами своихъ ближнихъ. Одинъ методистскій проповѣдникъ, проведшій 25 лѣтъ, сначала въ Новой Англіи, потомъ въ пограничныхъ штатахъ, и наконецъ, на поляхъ битвы, въ Виргиніи, говорилъ мнѣ: «Религиозная страсть совмѣщаетъ въ себѣ всѣ остальные страсти; вы не можете возбудить ее, не возбудивъ и остальныхъ. Въ нашей церкви мы знаемъ зло и должны остерегаться его, какъ умбемъ. Молочные люди, возбуждающіе религиозныя движенія, слушать всегда предметомъ доверія для ихъ старѣйшинъ; многіе, почти одинъ изъ двадцати, кончаютъ дурно; а гораздо большее число подвергаетъ церковь позору своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ въ этихъ лагеряхъ энтузіастовъ.

«Черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, быть можетъ, пылъ религиозной ревности ослабѣваетъ и мало по малу совершенно исчезаетъ. Начинаются ссоры, ножи выступаютъ на сцену. Цивили сбиты, гладнопровные удаляются. Лошадей заврываютъ, фургоны нагружаются багажемъ и женщинами, набатчики и трактарщики снимаютъ свои палатки и отправляются искать новаго поля дѣйствія. Ссорящіеся или добиваютъ другъ друга до смерти или исчезаютъ одинъ за другимъ; наконецъ, самъ авостолъ религиознаго движенія умоляетъ отъ местного презрѣнія въ своимъ слушателямъ. Тогда сдѣлается послѣдняя лошадь, закладывается послѣдняя телега и вскорѣ не остается никакихъ слѣдовъ отъ

шумного лагера, промѣ нѣсколькихъ срубленныхъ деревьевъ, потоптанной травы и двухъ или трехъ стѣжковъ могола».

Методистовъ считалось въ Америкѣ въ 1856 году до 5¹/₂ милліоновъ или даже до 6¹/₂. Они имѣли немногимъ менѣе 9.000 поставленныхъ священниковъ, но вмѣстѣ съ проповѣдниками-мирянами, число всѣхъ проповѣдниковъ было болѣе 23.000. Церквей у нихъ было до 14.000, цѣнностей до 15 мил. долларовъ, при чемъ число мѣстъ доходило до 4¹/₂ милліоновъ. Мы говорили выше, что методисты въ прошлое время, какъ и баптисты, пренебрегали богословскимъ ученіемъ. Позже они увидѣли, что въ борьбѣ съ нѣтъ необходимо идти тоже путемъ расширенія образованности. Въ 1854 году они содержали 24 коллегіи съ 99 профессорами и 1.779 учащимися; 189 женскихъ семинарій и коллегій съ 11.678 ученицами; 19.146 воскресныхъ школъ, гдѣ было 129.885 учителей и 691.700 учениковъ. Библіотеки коллегій заключали 61,270 томовъ, а бібліотеки воскресныхъ школъ 1.959,628 томовъ. Они издавали 10 трехмѣсячныхъ и мѣсячныхъ журналовъ и 24 газеты. Изъ журналовъ «Methodist Quarterly Review», подъ редакцію Джона М'Клинтона, считался однимъ изъ лучшихъ ученыхъ изданій Америки, а одна изъ нихъ нью-Йоркскихъ газетъ («Christian Advocate») имѣла до 90,000 подписчиковъ. Но своему своему историческому развитію, и по крѣпости своей церковной организаціи, методисты особенно направляли свою дѣятельность на внутреннюю и внѣшнюю миссію. Въ 1854 г. они израсходовали на проповѣдниковъ, миссіи, воскресныя школы и т. п. болѣе 7¹/₂ милліоновъ долларовъ. Методисты завели свои общины и между нѣмцами переселенцами. Почти всѣ негры — епископальныя методисты. Подобно баптистамъ и согласно традиціи самаго Уэслея, методисты особенно дѣйствуютъ на низшія сословія.

Перейдемъ теперь къ сектамъ болѣе эксцентрическимъ, имѣвшимъ свое начало въ самой Америкѣ, а оттуда дѣйствовавшимъ на старій міръ. Мы остановимся особенно на шиверахъ, мормонахъ и спиритистахъ по болѣе обширному ихъ распространенію и вліянію. Объ остальныхъ скажемъ лишь вскользь, касаясь вопросовъ, относящихся къ первымъ упомянутымъ сектамъ. Однако и эти, хотя созданы въ Америкѣ, по идеямъ, въ нихъ развившимся, опять приводятъ насъ въ старій свѣтъ. Чтобы ясно понять значеніе этихъ сектъ, надо прослѣдить традицію нѣсколькихъ идей, лежащихъ глубоко въ исторіи европейскаго человечества. Къ этимъ весьма стариннымъ представленіямъ прибавляются новыя задачи и требованія, частью общечеловѣческія, частью спеціально-американскія, и изъ этихъ-то комбинацій стараго и новаго, при данныхъ, существующихъ въ общественной средѣ Сѣверной Америки, возникаютъ формы сектъ, поражающихъ насъ своею странностію, но въ сущности обусловленныхъ преданіями минувшаго и стремленіями настоящаго.

Б У Д К А.

ОЧЕРКЪ.

На углу двухъ, весьма глухихъ и бѣдныхъ переулковъ уѣзднаго города, стояла будка; фязіономія ея походила на тѣ бесѣдки съ колоннами и куполомъ, которыя встрѣчаются на лубочныхъ изображеніяхъ иностранныхъ выгъ, при чемъ спереди, въ водѣ, плаваютъ два лебеди другъ противъ друга, сзади видны деревья, а по дорожкамъ прогуливаются господа въ шляпахъ на бекренъ, въ черныхъ фракахъ, дѣти съ обручами и дамы съ зонтиками на плечѣ; выходила она также на тѣ храмы музъ, которые обыкновенно изображаютъ на заставкахъ провинціаль-ныхъ театровъ; такому сходству весьма способствовала старинная архитектура будки; она дѣйствительно была съ колоннами и куполомъ, а ваменныя, ободранныя стѣны ея были круглы; но нѣкоторыя, новидимому весьма ничтожныя вещи, какъ, напри-мѣръ, замазанная дверь съ клокми истерзанной рогожи и вой-лова, привѣсистая черная труба, вѣнчавшая вершину купола, и въ особенности жесткая алебарда, видѣвшаяся всегда у колоннъ, весьма краснорѣчиво доказывали наблюдателю, что видимое имъ зданіе не есть храмъ музъ, но есть кутузья, или сибиря; тѣмъ болѣе, что громадная колоша будочника Мырцова, постоянно торчавшія передъ будкой, на улицѣ, ни въ какомъ случаѣ не могли напоминать лебедей, плавающихъ передъ иностранною вылою.

На тоненькихъ почернѣвшихъ колоннахъ будки всегда трепетали по вѣтру какіе-то писанные и печатныя доскутки, на кото-рыхъ значилось, что тако-го-то числа, военные и гражданскіе чиновники приглашаются пожаловать въ парадной формѣ... Что того же числа въ мѣщанской управѣ будетъ происходить торгъ и переторжка на имущество мѣщанинъ Степаниды, состоящее изъ утюга и проваты, одѣянныхъ въ тридцать копеекъ... Что въ залѣ дворянскаго собранія имѣетъ быть балъ, почему благово-лѣтъ надѣть бѣлые жилеты тѣ, кон и т. д. Но страна, гдѣ стояла будка, не имѣла ни парадной формы, ни тридцати копеекъ,

чтобы овладѣть обольстительнымъ имуществомъ Степаниды, ни наконецъ бѣлыхъ жилетовъ, и поэтому-то пропаганда будочника Мырцова по исчисленнымъ вопросамъ была совершенно ничтожна; закутавшись въ казенную шубу, онъ, правда, постоянно торчалъ около той или другой колонны, и повидимому сторожилъ эти писанные и печатные доскутки, но въ сущности, смыслъ и содержаніе ихъ были ему извѣстны ровно столько же, сколько и жестяной алебардѣ, которая тоже постоянно торчала рядомъ съ Мырцовымъ, только у другой колонны... Оба они пропагандировали нѣчто другое, и слѣдовательно, недаромъ мерзли на вѣтру...

Будочникъ Мырцовъ принадлежалъ къ числу «неспособныхъ», то-есть людей совершенно негодныхъ въ войскѣ. Эти неспособные большаю частію происходятъ или изъ обдѣленныхъ природою бѣлоруссовъ или изъ русачковъ сѣверныхъ безхлѣбныхъ и холодныхъ губерній. Мачиха-природа, и лебеда поволамъ съ древесной ворой, летающая ихъ, загода, со дня рожденія обрекаетъ ихъ быть влотами и Богомъ убитыми людьми; она надѣлаетъ ихъ непостоянкою умственною неоворотливостію (которую обыкновенно лечили сворачиваніемъ на сторону skulls), и воѣ неузнѣнныя желанія сводитъ на каждую водни, которую они поглощаютъ въ громадныхъ размѣрахъ; они умѣютъ наливаться поскотски, молча, не произнося ни единого слова; молча дерутся въ кровь и валяясь гдѣ-нибудь въ глухомъ и безлюдномъ переулкѣ, почти въ безпамятствѣ, умѣютъ бормотать только одно: «виновать... виновать», ни на минуту не выпуская изъ сѣуднаго и запуганнаго воображенія образъ грознаго начальства. Начальство вообще психически дѣйствуетъ на нихъ; при видѣ его несчастные неспособные вытягиваются въ струнку, замираютъ и задыхаются въ воротничкѣ, стянутаго туго на туго; виски, намазаные для праздника свинымъ саломъ, начинаютъ потѣть, а глаза получаютъ способность пускать слезы. Кромѣ мачихи-природы, послѣдніе признаки человѣческаго существа вообще изъ нихъ выколачиваетъ военная муштровка; въ древнія времена результаты ея отдавались у неспособныхъ на скулахъ, подъ скулами, на спинѣ и т. д. Муштра комкала ихъ, переламывала въ нѣсколькохъ направленіяхъ, какъ какую-нибудь палку или доску, и оставивъ въ живыхъ только косицы, намазаные свинымъ саломъ, сдавала въ провинціи на равныя должности — въ хожалые, пожарные и проч. Войны эти, вступая на новыя посты, непремѣнно имѣли разныя увѣчья и вывихи — разорванную въ драгѣ губу, выломанное ребро, ухабы и колдобины въ головѣ и спинѣ; соединивъ эти благопріобрѣтенія съ тѣмъ наслѣдіемъ природы,

о которомъ уже упомянуто, они представлялись субъектами самаго страннаго свойства; никто никогда не могъ вдолбить имъ въ голову чего-нибудь неотнотсцагаго до ихъ пожарной специальности и въ свою очередь тоже и отъ нихъ нельзя было добиться чего-нибудь. Самый краткій разговоръ съ такимъ существомъ всегда оканчивался тѣмъ, что начавшій разговаривать — плевалъ съ глубокимъ ожесточеніемъ и говорилъ субъекту:

— Да что ты? Ты оглохъ, что ли?...

Но субъектъ не оглохъ, онъ просто былъ «неспособный».

Будочникъ Мырцевъ обладалъ всѣми упомянутыми увѣчьями въ совершенствѣ; всѣ эти вывихи, переломы имѣлись у него даже въ сверхкомплектномъ количествѣ, дѣлая изъ него угрюмую неповоротливую фигуру, весьма походившую на корень дерева, глубоко сидѣвшій въ землѣ и вывернутый оттуда силою бури; видно было, что тутъ происходило и упорство съ одной стороны, и сокрушительная сила съ другой; корень вывернуть изъ земли изувѣченный и бездушный. Несмотря на то, изувѣченность и умственное оскудѣніе были главною причиною того блистательнаго успѣха, съ которымъ Мырцевъ занималъ предназначенный ему постъ; можно даже сказать навѣрное, что успѣхъ этотъ могъ увеличиваться и возрастать по мѣрѣ того, какъ теченіе времени и драгъ, — будетъ выхватывать у него новыя ребра и дѣлать новыя колдобины въ головѣ. Только при такихъ условіяхъ раскраденный умственный капиталъ его, не развлекаясь никакими посторонними интересами, могъ сосредоточиться и даже впитаться въ главныя его обязанности; обязанности эти состояли въ томъ, чтобы вопервыхъ «тащить», а вовторыхъ «не пущать»; тащилъ онъ обыкновенно туда, куда рѣшительно не желали попасть, а не пускалъ туда, куда этого смертельно желали. Словомъ, гдѣ только человѣкъ находился въ положеніи, опредѣляемомъ фразою «ни на задъ ни въ передъ», тамъ навѣрное Мырцевъ принималъ живѣйшее участіе; говорятъ, что съ теченіемъ времени Мырцевъ до того въѣлся въ это тасканіе, что въ людяхъ началъ замѣчать только шивороты, и этимъ отличалъ людей отъ безсловесныхъ животныхъ и неодушевленныхъ предметов; поэтому-то, Мырцевъ и жестяная алебарда были представителями шиворотной пропаганды и слѣдовательно не даромъ мерзали на вѣтру.

Забота о шиворотахъ поглотила все его существо, такъ-что въ ней, какъ въ бездонной пропасти, почти безслѣдно исчезла послѣдовательная нить его философіи, и свойства его, какъ землянина; о семейныхъ отношеніяхъ его къ супругѣ можно сказать, что онъ и жена жили не такъ, какъ живутъ

кошка съ собакой, потому что несходныя качества этихъ животныхъ совмѣщались въ одной супругѣ, и Мырцову оставалась роль безчувственнаго пня, на который могутъ брехать собаки и царапать лапами кошки, не надѣясь получить въ отвѣтъ ничего, кромѣ мертвaго равнодушiя и поплевыванiй въ уголь, и то вслѣдствiе прiятнаго ощущенiя, доставляемаго махоркой. Гробовое молчанiе и угрюмость рѣшительно не давали возможности разглядѣть въ подробности всѣ личныя особенности Мырцова; несокроженнымъ было тѣ, что онъ очень любилъ тютюнъ, услаждавшiй его въ минуты отдыха, и что три денежки въ сутки, да коврижки казеннаго хлѣба съ нумерами на верхней коржѣ, написанными мѣломъ, поддерживали его изувѣченное существованiе на славу множества шиворотовъ, и только; мракъ угрюмости и молчанiя непроглядною пеленою покрывалъ тайну происхожденiя его другихъ желанiй и убѣжденiй. Такъ намъ уже извѣстно, что онъ умѣлъ, въ качествѣ илота, напиваться молча; по праздничнымъ днямъ онъ угрюмо шатался изъ двора во дворъ и вездѣ лилъ въ себя водку, не зная рѣшительно границъ этому литью и не подозревая, что желудокъ его не бездонная пропасть. Цѣлыя недѣли послѣ этого онъ мучился грудью, поясницей, головой, но на слѣдующiй праздникъ исторiя повторялась въ томъ же порядкѣ. Объясненiе этого пьянства, хранившееся въ раздробленномъ мозгу Мырцова, было совершенно новое и имѣло необъяснимое происхожденiе; онъ былъ глубоко убѣжденъ, что пить и напиваться строжайше приказано отъ начальства, въ особой бумагѣ. «Ежели же, писало начальство, да не будутъ храбрѣе воины наши вина пить, то легче мы во Францiю уйдемъ командовать!.. Пропадай наша Россiя!» Откуда и когда получены эти свѣдѣнiя, неизвѣстно ни Мырцову, ни тѣмъ не менѣе намъ, но вѣра въ нихъ нашего героя подтверждается тѣмъ, что во время одной ревизiи онъ не задумался объяснить начальству неповоротливость собственного языка именно этимъ приказомъ. Такою же таинственностью покрыта его страсть копить серебряныя пятачки; почему онъ съ лихорадочною жадностию заворачиваетъ тихомолкомъ каждый пятачокъ въ тысячу тряпокъ, зачѣмъ такъ далеко прячетъ ихъ въ шерстяной чулокъ и засовываетъ потомъ подъ крыльцо? Неужели онъ думаетъ нажить богатства и сокровища? Неужели объ этихъ сокровищахъ онъ такъ усердно молить Бога, оставшись вечеркомъ одинъ, не спускаетъ съ крошечнаго образочка свои глаза, падаетъ на колѣни и такъ крѣпко-крѣпко бьетъ себя кулакомъ въ грудь?.. Мырцовъ объясняетъ эти молитвы и собиранiе пятачковъ тѣмъ, что скоро-скоро онъ пойдетъ въ свою сторону, онъ дожидается

пока перестануть у него нить кости, руки и ноги... Онъ ждетъ, пока у него стодетъ хрипота въ груди, мѣняющая ему свободно дышать, и тогда онъ непремѣнно уйдетъ въ своимъ, въ свою сторону, среди молитвъ ему уже мерещится дерево въ родной сторонѣ и на немъ грачъ, громко-громко возвѣщающій весну... Неожиданн эти дѣтскія мысли въ человѣкѣ, который слишкомъ хорошо, слишкомъ неотразимо знаетъ, что вѣдь никогда не видать ему своей стороны!..

Вообще таинственныя свойства души Мимрецова совершенно необъяснимы и мы, не имѣя права умазаключать о нихъ, прямо переходимъ къ его дѣятельности.

Дѣятельность эта, т.-е. тасваніе и хватаніе за шивороты, не прекращалась у Мимрецова ни на одну минуту; утромъ онъ обыкновенно отправлялся въ часть и рапортовалъ начальству о своихъ успѣхахъ, излагая рѣчь сообразно съ своею изувѣченностью и искалеченностью.

— Ну, спрашивалъ его квартальный, перелестивая какія-то бумаги: — ты что же это тамъ съ бабами-то воюешь?

— Помилуйте, вашскобродіе, я только что отпихнулъ ее отъ себя.

— Кого?

— Эту самую даму... Смоленскую...

— Какую Смоленскую?

— Да которая, напригѣрь, шельма самая... Гордѣиха приказываетъ ее узять, а она говоритъ: «я, говоритъ, съ эстой дрянью не пойду». Она, вашскобродіе, меня дрянью назвала...

— Ну?

— Ну, я ее отпихнулъ... Говорю: «ты мнѣ не нужна». А разодравши они были прежде... Я подбѣгъ, они ужъ разодравши были... и ужъ глазъ разшибли... въ томъ числѣ...

— Въ какомъ числѣ?

— Въ числѣ драки-съ.

— Чортъ тебя знаетъ, что ты городишь! Посадишь?

— Помилуйте!

— Стукай!

Обыкновенно дѣла шли такимъ образомъ, что Мимрецовъ не успѣвалъ возвратиться домой, какъ гдѣ-нибудь на пути къ будкѣ ему навертывалась практика; но иногда прямо изъ части онъ приходилъ въ будку, растегивалъ шинель и сладостно по-плевывая курить тютюнь. Въ эти минуты онъ не слыжалъ, какъ жена его, орудовавшая у печи, востила его по какому-то слу-

чаю и запахивалась на него хватомъ: утрюмо и босмалвно наслаждался онъ махоркой; но когда махорка выгорела въ трубкѣ и Мырцову предстояла необходимость ограничиться соверщаніемъ возносимикъ надъ его головой хватомъ, ему вдругъ дѣлалось скучно и тоскливо; выйдя на крыльцо, онъ тревожно поглядывалъ въ одну и въ другую сторону, ница поживы, зануспалъ камнемъ въ собаку, снова возвращался въ будку и начиналъ чувствовать, что у него болятъ руки, ноги, неютъ кости... Ему непремѣнно нужно было куда-нибудь торопиться, ловить что-нибудь или кого-нибудь. Судьба, обыкновенно, недолго держала его въ такомъ томительномъ состояніи. Вотъ открылась дверь, въ будку понесло холодомъ и, вслѣдъ за тѣмъ, появилась фигура женщины, въ истертой синей шубейкѣ, съ лицомъ, облитымъ слезами и покрытымъ темными, словно чернильными пятнами. Слезъ и пятенъ достаточно Мырцову, чтобы увидѣть подъ ними шиворотъ. Онъ начинаетъ торопливо застегивать шинель и говорить:

— Гдѣ? намекая тѣмъ на мѣстопребываніе шиворота. Ему не нужно знать почему? и что? онъ давно убѣдился, что въ этихъ слезахъ и пятнахъ ничего не разберетъ самъ чортъ.

— Охъ, да недалечно, родной, говорить старуха. — Тутъ-отъ-ко вотъ... къ полю... Ужъ и наказалъ господь... О-охъ!

— Потому, намъ нельзя допускать дебошу, торопливо говорить Мырцовъ, надѣвая шапку. — Гдѣ тесаекъ?

— Сократи ты его! Сдѣлай твою милость...

— Палка гдѣ? Потому мы не допускаемъ коли ежели шумъ на примѣръ... Намъ этого нельзя!...

Палка найдена и Мырцовъ исчезаетъ, куда призываетъ его долгъ, а будочница, отъ нечего дѣлать, занимается изслѣдованіемъ причины слезовъ и слезъ; она знаетъ все, что ни дѣлается въ округности.

— Сынотъ ай нѣтъ? спрашиваетъ она старуху.

— Охъ нѣтъ, родная, не сынъ! Нѣту сыновьевъ-то! зять!

— Зять?. А то вотъ тоже у сосѣдей поноховщина идетъ, ну тамъ сыновья...

— Зять, зять, родная... Кровную дѣтищу отдала, — загубила. И ровно врагъ меня, обшолъ какъ отдавала-то я... За вдовца отдавала-то, конокрадъ, родная!.. Которые родные въ то время случились, что ты, говорить, дѣлаешь? Что ты въ гробъ-то ее заживо кладешь?... Дочку-то... Нѣтъ! Отдала... Прельщеніе отъ него ужъ очень большое было: «Вѣкъ говорить, кормить буду... до смерти...» Искусилась, да вотъ и вою... Только что Госноди благослови повѣнчали ихъ, анъ глажу ухъ онъ ее.

При этомъ старуха сдѣлала руками такой жестъ, какъ будто хотѣла представить, какъ полощутъ бѣлье...

— Опослѣ этого-то, онъ ее недолго помучилъ, — въ солдаты уходить, охотой... Въ тѣ поры мы съ дочкою-то, все Бога молили, чтобъ ему голову-бы снесли прочь... Все бывало черкесовъ да кизильбашей этихъ поминали въ молитвахъ—не утаю, родимая! Остались мы съ дочкой да ребенокъ,—троечкою; дочка-то пошла по протомойной части, а я такъ, на старости съ рабенкомъ... Сама знаешь, косатка, протомойную-то часть... Теперь возьми зимнее время,—безперечь на рѣчкѣ, у проруби руки и ноги стынутъ; да опять цѣлый божій день согнувшись — легко-ли дѣло! Ужъ она бывало придетъ домой въ чемъ душа... въ чемъ только душенька... А тамъ глядишь, въ ногу вступило, тамъ въ груди не пускаетъ... Трудно, трудно было! Ну, все жили... Пять годовъ этакъ-то мы мучились, и въ теперешнее время Бога-бы благодарить надо: ходимъ не отрепанныя, дитѣ, внучекъ мой тоже не безъ призору, чай пьемъ важный божій день, а по праздникамъ иной разъ и въ накладу бываетъ разворемся. Помаленечку! Только-было вискреблись, анъ Господь и прогнѣвался... Кровапійца-то нашъ, Пилать-то, пришолъ вѣдь! Эдакая образина—царица небесная!... Глянула я на него; какъ онъ ночью-то къ намъ ввалился,—такъ меня ровно-бы трясъ какой схватилъ... Трясусь вся! И дочка-та, тоже въ трасеніе вошла... Трясемся мы, что сдѣлаешь-то! Стало это я его подчивать (сама знаешь, голубка, не для зята собака, для милаго дитяти...) а сама такъ вотъ и взлетъ вою... Хочу-хочу чашку ему подать, а руки-то къ верху, а сама-то я въ сторону... Порхаемъ съ дочкою ровно перепелки... И слова-то выговорить не могу: тра-ла-ла—только всего; хотъ возьми вотъ топоръ, да отсѣки языкъ—все то жъ самое! А Пилать-то нашъ, запримѣтилъ это.—«Что это, говорить, родственники мои, не вижу я въ разговорахъ вашихъ настоящаго порядку... Чѣмъ вамъ этакъ-то другъ друга съ ногъ сшибать, лучше же ты теща предоставь намъ штофъ вина...» Я было ему: «На что вамъ, Максимъ Петровичъ, эдакую прорву вина? (вѣжливо стараюсь...) Вы, говорю, неравно съ эстаквой машины въ дребезги насъ тогда жевщинъ...» «Намѣреніе, говорить, мое такое, чтобы штофъ...» Пошла я; горюшко мое; принесла... Пьетъ онъ вино то, и дочку мою подчуетъ. Никогда вина въ ротъ небравши, очень ее растомило... «Сѣмъ, говорить, Максимъ Петровичъ, я прилягу, растомило меня...» Лягъ она да и засни. Какъ онъ, сударушка моя, увидалъ ея тихій сонъ, туюжъ минутою хватъ ее и давай... «Ты, говорить, меня не любишь... Мужъ пришолъ, шить лѣтъ не выдался, а она только притенулась къ постели и захра-

пѣла... Я бросилась разнимать, говорю: что вы, что вы, Максимъ Петровичъ! вы эдакъ посуду перебьете... (вѣжливо съ нимъ стараюсь...) тутъ, говорю, на десять цѣлковыхъ добра, — а онъ-то се...»

Старуха опять повторила жестъ полосканія бѣлыя и замолкла всклипывая.

— На утро, родимунка, умелъ онъ въ деревню, къ своимъ... Черезъ недѣлю приходитъ. Поцаловались они, честь честию; думала я, на добро этотъ поцалуи, анъ вонъ что вышло... Съѣлъ онъ на кровать и говорить:

— Я, говорить, супруга моя, беру васъ въ деревню... съ собою жить, чтобы по мужицкому положенію.

— Нѣтъ, говорить дочь моя, невозможно этого сдѣлать; потому у меня свое хозяйство... Каковъ говорить есть на семь свѣтъ грошъ, — и того я отъ васъ, Максимъ Петровичъ, не видала; кровными трудами конила, мнѣ этого не бросать.

— А ежели, говорить, я носковнаго масла набилъ на пять цѣлковыхъ и картофелю запасилъ, — это какъ? Могу я бросить или нѣтъ?

— Воля ваша! отвѣчаемъ: — у насъ посуда... теперь ежели се продать, что за нее дадутъ? Окромѣ того мы отъ роду не ѣдали вашего свиного кушанья... Будте такъ добры!

— Ну, а ежели, напримѣръ я, набилъ носковнаго масла?

— Воля ваша... У насъ тоже утюги, тарелки...

— Не бросать же мнѣ! говорить.

— И намъ тоже не бросать...

«Тутъ мы и стали: онъ говорить: «у меня то, другое—масло, веревки... А мы говоримъ: и у насъ тоже, батюшка, вилы, ложки... Онъ опять значить: картошки, дрова, сбруя... А мы своимъ чередомъ—утюги, мыло, доски...

— Не бросать же мнѣ?

— Да и намъ тоже не изчего бросать!..

— Ну а ежели, говорить, я возьму да посвойски поступлю, напримѣръ?

— Воля ваша — у насъ посуда!..

— А ежели я возьму да изувѣчу васъ?

— Не бросать же намъ...

«Тутъ, милія моя, онъ поднялся и сдѣлалъ съ нами съ женщицами шумъ... Ахъ, и очень большой шумъ сдѣлалъ!

Въ это время на улицѣ раздался крикъ и плачь; рассказчица выбѣжала на крыльцо будки и увидѣла слѣдующее: посреди дороги шелъ Мырцовъ и увлекалъ за собою прачку, дочь рассказчицы; Понтійскій Пилать, то-есть солдатъ шелъ сзади жены и подталкивая говорилъ:

— Нѣтъ, ты свинова кушанья не ѣдала, — отвѣдай! Опробуй его, матушка...

— Дитю-то! дитю-то у него отымите! вопіяла прачка.

— За что-жь дочку-то? дочку мою за что? не понимая какъ все это случилось кричала рассказчица...

— Разговаривать! отвѣчалъ на всѣ эти вопросы и просьбы Мырцовъ, зацѣпившій прачку потому, что она первая подвернулась ему подъ руки; онъ должно-быть зналъ, что у каждаго изъ нихъ своя посуда и слѣдовательно кого ни схватить изъ нихъ, — все одно и то же.

Совершивъ этотъ подвигъ, Мырцовъ направился-было въ будку, чтобы озаботиться насчетъ тютюну, но едва онъ отворилъ туда дверь, какъ тотчасъ же получилъ новый адресъ шивороты и торопливо отправился за нимъ; будочница выслушивала уже новую исторію; рассказывала ее какая-то весьма полная дама; подъ ковровымъ платкомъ, покрывавшимъ ея плечи, казалась, поконилъ какой-то бѣлкомъ набитый чемоданъ; но въ сущности чемодана тамъ не было никакого, а была массивная грудь дамы; волосы ея были причесаны именно такъ, какъ чешется дворничка Дарья, желающая быть дамою и Дарьею Андреевною: прядь волосъ съ середины лба загибалась къ затылку, гдѣ торчала коса величиной съ пуговицу; по бокамъ этой пряди волосы падали на виски и уши на подобіе какихъ-то блиновъ или ушей лягавой собаки; въ такой рамкѣ заключалась конусообразная фізіономія съ маленькимъ носомъ и окороками вмѣсто щекъ. Дама эта имѣла собственное заведеніе и хозяйство, и такъ-какъ дѣятельность ея совершалась преимущественно въ области дракъ и буйствъ, то она была коротко знакома съ будочницей и иногда дѣлала ей сюрпризы. На этотъ разъ дама принесла кусокъ сахару и щепотку чаю, завернутые въ бумагу. Обрадованная вниманіемъ дамы, будочница опростелью суетилась около самовара, который нарыгалъ клубы дыма, и въ то же время слушала исторію, которую не спѣша рассказывала дама. Дѣло въ томъ, что дама очень оскорблена отсутствіемъ въ людяхъ совѣсти; одна изъ двушекъ, которыми держится хозяйство дамы, несмотря на ея благодѣнія, въ родѣ чая въ накладку, никакъ не хотѣла оцѣнить всей глубокой доброжелательности своей опекуни; она не слушала ни одного ея совѣта; если напр. дама доказывала что, «чѣмъ сидѣть сложа руки или улизнуть куда нибудь на извозикѣ, — лучше отправиться съ салазками на рѣчку и перестирать собственное бѣлье» — то неблагодарная словно и не слыхала этихъ словъ и болѣе ста-

ралась ударить хоть въ ближній кабакъ, только-бъ не спокойно сидѣть среди хозяйства дамы. Непокорность и дебошъ этой женщины достигъ наконецъ того, что она совершенно исчезла отъ дамы, и вотъ уже почти двѣ недѣли скрывается въ жилищѣ горькаго пьяницы портнаго Данилка.

Во время этихъ разсказовъ обѣ дамы не переставали ни на минуту валивать себѣ кипяткомъ, обливались ручьями пота, обтирали мокрныя и толстыя шеи какими-то тряпками и говорили:

— Ну и гдѣ же, позвольте васъ спросить, говорила дама:— гдѣ же теперича у людей эта совѣсть?

— Степанида Петровна! съ глубокимъ сочувствіемъ отвѣтствовала будочница, захлебнувшаяся даренымъ чаемъ:— красавица ты моя! Ну гдѣ же, напримѣръ, скажите мнѣ на милость, это совѣсть у людей, я все думаю?..

А между тѣмъ во имя этой исчезнувшей совѣсти дѣйствовала та неблагодарная женщина, которая покинула благотворительную даму и пріютилась у портнаго Данилка. Это было двѣ недѣли тому назадъ; въ одну темную ночь Данилка, урѣзавшій сверхестественную муху, шатался по пустыннымъ и соннымъ улицамъ съ какой-то, крайне убогой женщиной подъ-ручку и вмѣстѣ съ нею оглашала спящій городъ самыми удалыми пѣснями. Въ пѣсняхъ этихъ главнымъ образомъ преобладалъ элементъ самаго скорого отъѣзда изъ здѣшней грустной жизни,—куда-то... «Мы найдемъ себѣ вуньерскихъ, развадчайныхъ лошадей», пѣли гуляки, темною ночью и шатались по темнымъ улицамъ..

Наутро Данилка открылъ глаза, увидалъ свою убогую каморку и еще болѣе убогую подругу. Узналъ онъ также, что вмѣсто головы у него на плечахъ пудовая гиря и что опохмѣлиться нѣтъ никакой возможности. Все это заставило его съ грубостью огнестись въ пріятельницѣ.

— Это почему такое здѣсь? Ко дворамъ-бы пора...

— Чутьочку только погрѣюсь, Данилъ Гордѣичъ... Уйду-съ...

— То-то поспѣшать-бы...

— Уйду, уйду-съ! Растоплю печи и побѣгу...

— Ну и болѣ ничего, съ Богомъ... только всего...

Два полѣна, выглядывавшія изъ печи и покрытыя снѣгомъ, скоро затрещали; въ конурѣ Данилки запахло дымомъ, пробивавшимся сквозъ дырявую печь. Подруга сидѣла на полу и грѣлась ѣжась плечами.

— Сію минуту уйду-съ, шептала она. Но побезпокою... Озябла, призываться, бѣгала... Вамъ, Данило Гордѣичъ, опохмѣлиться-бы хорошо теперича...

Данила Гордѣичъ, убѣжденный что опохмѣлится нечѣмъ, сурово смотрѣлъ на подругу.

— Это мое дѣло... Болѣ ничего...

— Право-съ... Я признаться сбѣгала... Не угодно ли?... Это вамъ для просвѣженія...

Оборванная женщина подѣла къ нему и поднесла ставанъ вина.

— Это ты гдѣ же деньги-ты взяла? не измѣняя суровости сказалъ Данило:—ты, гляди, по карманамъ гдѣ не напарила ли...

— Я признаться точно что... ну нѣту у васъ по карманамъ ничего... Да вы не бойтесь. Я чужаго отроду не бирала... Вотъ щеколду у васъ въ желетѣхъ нашла,—вотъ она... Извольте. Это вы не безпокойтесь. Кушайте.

— То-то... Вы мастера по мужскимъ карманамъ напаривать...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Гдѣ ужъ намъ, голубчикъ, на чужое льститься... На свои, признаться, двѣнадцать копѣекъ сбѣгала... Кушайте.. Оно освѣжаетъ...

— Вы это мастера облущить кавалера, сказалъ Данило Гордѣичъ, и выпилъ. Выпилъ онъ, почувствовалъ просвѣженіе и продолжалъ молча смотрѣть на подругу.—«Все то разворовано, раскрадено, говорила она шопотомъ, прибирая какіе-то гвозди и палки:—ишь натекло съ окошка-то!.. Ахъ это у васъ некому стѣну-то заткнуть, ишь несетъ оттуда, ровно изъ погреба...» Такъ шептала она, изрѣдка прибавляя: «сейчасъ, сейчасъ, батюшка, уйду»,—и Данило Гордѣичъ почувствовалъ, что въ этомъ прибираниѣ, въ этой заботѣ о просвѣженіи нѣту никакого желанія напарить въ карманахъ и обокрасть... Думалъ, думалъ онъ, молчалъ, соображалъ, но въ головѣ давно окостенѣвшей, ничего путнаго не происходило; не являлось ничего такого, чтѣ было ему очень нужно теперь, чтѣ ему именно теперь хотѣлось узнать... Но зато въ груди его что-то поднималось и буровило...

— Ну, покорнѣйше васъ благодарю, обогрѣлась... теперь...

При этихъ словахъ грудь портнаго съ боковъ сдавила какая-то сила.

— Ты! крикнулъ онъ весьма громко.

— Что, голубчикъ?..

— Оставайся!

Женщина изумленно посмотрѣла на него.

— Не ходить?

— Совсѣмъ оставайся... Не пушу!... Болѣ ничего!

Данило Гордѣичъ повернулся-было спиной къ своей уходившей подругѣ, но тотчасъ же вскочилъ и заговорилъ:

— Да что тамъ? вотъ разговаривать!... Бѣги-ко за водою!... полштофъ!...

— Не прогонишь? чуть не рыдая говорила женщина.—Голубчикъ!

— Я говорю: бѣги!.. Х-хе!.. Да я ихъ чертей... Ну-вотъ вотъ эту штуку захвати въ кабакъ-то оставить.

— Чужая вѣдь! Данилъ Гордѣвичъ,—заказная..

— Расшевеливайся! Заказная! Я ихъ погоди... Да съѣмъ-ко я съ тобой... Что тамъ!

Съ этихъ поръ настало новое пьянство; пропивалась заказная работа, пѣлись пѣсни, постоянно слышались слова: «чортъ изъ возьми!» «погоди!» «я ихъ!» и т. д.

Пьянство это дышало какою-то надеждою и не носило того тл-гостнаго оттѣнка, съ которымъ Данилка пьянствовалъ до сего времени. Новые чувства, расшевелившіяся въ немъ, выражались какъ-то странно. Иной разъ онъ вдругъ задумаетъ что илбудь открыть своей подругѣ, попытается что-то сообщить и скажетъ: «Чуешь, ая нѣтъ, что я говорю?» Потомъ схватитъ ее за руку, сожметъ ее крѣпко на-крѣпко, скажетъ: «такъ ая нѣтъ?» хлопнетъ со всего розмаха своей ладонью по ладонѣ приятельницы, словно барышникъ на Конной, потомъ опять начнетъ ломать ея пальцы въ своей рукѣ, и заоретъ: «спон-ни-маешь, ая нѣтъ!»

— Понимаю, Данилъ Гордѣвичъ, понимаю-съ!

— Ну, и болѣ ничего! Такъ я говорю?

— Такъ, такъ...

— Ну и шабашъ!... Только всего!

Пропиваніе чужаго добра шло довольно долго. Подруга Данилки, знавшая, что остановить этого пропиванія невозможно, заботилась только о томъ, чтобы другъ ея не разбилъ себѣ головы: остальное все наживется...

Къ концу двухъ недѣль послѣ первой встрѣчи, настала въ конурѣ Данилки тишина и трудъ...

— Что за шумъ! заговорилъ Мырцовъ, появляясь въ одну изъ такихъ необыкновенно тихихъ минутъ.—По какому случаю дебошъ?

Мырцову не могло даже представиться, чтобы не было буйства тамъ, гдѣ появлялся онъ.

— Потому, мы не допускаемъ чтобы напимѣръ дебошъ! продолжалъ онъ, хватая Данилку.

— Кузмичь, другъ! завопылъ портной:—что ты?

— Не бунтуй, бунту не заводи! И теперича женскій полъ ежеле...

— Женюсь, женюсь, братъ! въ законъ беру, ая ты очумѣлъ. За что-жъ въ часть-то? въ законъ! хоть сейчасъ нодъ вѣнецъ.

Мырцовъ выпустилъ шиворотъ Данилки и остался среди конуры въ большемъ недоумѣніи.

— Что ты? продолжалъ Данилка укоризненно.—А я было въ намѣреніи мосеъ на бракъ мой тебя хотѣлъ потребовать, но нежели ты меня въ поволочку...

Долго Данилка укорялъ Кузича въ несправедливости его желаній и развивалъ планы на счетъ будущаго супружескаго счастья съ Аленой Андревной, которой онъ задумалъ передать на руки все свое добро и хозяйство нажитое. Рѣчи его были до того сильны, что Мымрецовъ не осмѣлился снова посягнуть на свободу Данилки, а только прибавилъ:

— А все, Данило, надо бы тебѣ по дѣламъ-то, хоть бездѣлицу въ частн высидѣть... Потому дебошъ оченно большой ты затѣялъ... Оченно большой шумъ!

Надо сказать правду, что случаи, подобные вышеприведенному, когда шиворотъ, попавшій уже въ руки Мымрецова, неожиданно исчезалъ изъ нихъ, бывали съ нашимъ героемъ довольно часто. Въ такія минуты онъ рѣшительно не могъ ничего сообразить и предавался глубокому унынію.—«У насъ этого нельзя, бормоталъ онъ, возвращаясь домой напр. отъ Данилки:—мы не дозволяемъ этого чтобы вырваться... Такъ-то». Теченіе времени, конечно, успокоивало его, но бывали моменты до того потрясающіе, что потомъ нужно было много удачныхъ тасканій, чтобы привести Мымрецова въ нормальное состояніе.

Вотъ, напримѣръ, однажды темнымъ зимнимъ вечеромъ, въ будку просунулась голова сыщика.

— Живо! Собирайся! крикнулъ онъ Мымрецову и снова захлопнулъ дверь, чтобы совать еще двухъ подчасковъ: сыщикъ торопился по случаю одного важнаго дѣла, въ которомъ принимали участіе многіе уѣздные саковники: вечеромъ того же дня, у почтовой гостиницы сзади одного дѣрмеза былъ отрѣзанъ вахмѣнъ-то воромъ чемоданъ. Надо было розыскать вора.

Мымрецовъ скоро былъ готовъ и вышелъ изъ будки, чуя поживу; на улицѣ его ожидалъ сыщикъ, сидѣвшій въ саняхъ, и два солдата.

— Куда-жь намъ натрафить? спросилъ сыщикъ.

— Теперь, ввашескобродіе, надо бы намъ въ ночлежные дома утрафлять, сказалъ солдатъ.

— Да застанемъ ли кого? Прохоровъ! Есть тамъ кто, какъ ты думаешь?

— Надо быть, ввашескобродіе, отвѣчалъ Прохоровъ.—Потому къ полночи тамъ этихъ мошенниковъ самая гущина собирается...

— Главная причина намъ на слѣдъ-то попасть...

— Такъ точно, вашескобродіе, потому намъ требуется его оглушить, присвокупилъ Прохоровъ.

Войнство двинулось въ путь; ночь была вѣтряная, оголенные деревья стучали сучьями, между которыми свисталъ вѣтеръ. Ночлежный домъ, куда вошли спящій и солдаты, представлялъ ужасное зрѣлище. Это былъ длинный старый домъ, въ которомъ когда-то жили господа-бояре или богатые кунцы; теперь домъ этотъ сгнилъ, обвалился; вмѣсто воротъ стояли одніе притоки; освѣтная посрединѣ крыша выперла полукругомъ всю стѣну, смотрѣвшую на улицу; ставни днемъ и ночью были заколочены и сквозъ щели въ нихъ видѣлись гнилыя рѣшотки рамъ безъ стеколъ, или стекла, напоминавшія торговую баню; внутренность этого жилища была неменѣе ужасна; повсюду, въ полу видѣлись глубокія ямы; въ разныхъ мѣстахъ подпорки подпирали нависшіе къ низу потолоки; ободраннныя стѣпы были голы и урпашались только гирляндами павли, торчавшей между бревень. Черный ночникъ, накопившій на стѣнѣ длинную черную полосу, загибавшуюся на потолокъ, колебался отъ вѣтра, дувшаго отовсюду, и едва-едва освѣщалъ массу храпѣвшихъ и охавшихъ людей; всѣ они лежали въ повалку, на полу; тутъ видѣлись солдатскія шинели и деревянныя ноги вмѣсто настоящихъ; мелькали узлы богомолокъ, перевязанные постромками, видѣлись мѣшки плотниковъ, тряпье, лохмотья. Появленіе будочниковъ произвело нѣкоторое волненіе; все законопилося и вдвойнѣ захомяо. Нѣсколько солдатскихъ шинелей исчезло, укатилось въ сосѣднія, еще болѣе холодныя и темныя комнаты. Среди ночлежниковъ не всѣ, если не большинство,—были люди вовсе не подоврительныя; такъ называемыхъ «пѣшковыхъ» не пускаютъ по ночамъ на постоянные дворы и этимъ безвыходнымъ положеніемъ пользуются ловкіе люди: они нанимаютъ за безцѣнокъ какуи-нибудь развалюгу и загоняютъ туда одинокихъ скитальцевъ, собирая съ нихъ деньги за ночлегъ. Несмотря на это, будочники безцеремонно отсились къ каждому изъ этой оборванной и одинокой толпы.

— Разговаривай! кричалъ Прохоровъ, самый опытный въ сысныхъ дѣлахъ. — Это что за узель?

— Сухарики, отецъ, сухарики, батюшко... хотъ всеѣ обыщи...

— Сухарики! Ну-го, ну... куда суеть-то?

— Куда мнѣ соваты! угодники аримаеѣисіе!

— Говорю, подай! Это откуда платокъ? Э-э братъ! Да ты это такаа?...

— Страница, батюшка... сентаюсь яко тварь...

— Покажи-ко видъ... Э-ге-е! Возьми ее... эй!

— Голубчии!

- Покрѣйче приструни!... Слышишы! Это что?
- Соль, соль, отецъ родной!
- Повернись... Ну-ко, встань, поворачивайся!... Ты кто та-кой? Видь есть?
- Плотникъ, рабочій.
- Видь покажи...
- Ды онъ у меня видь-то...
- Эй! Привяжи его къ богомолкѣ... тамъ разберемъ...

Все населеніе ночлежнаго дома встало съ своихъ мѣстъ, за-вопошилось, перетрахиывало тряпки, лохмотья, охало... Повсюду слышались слова: «хоть всеё обыщи... Господи...» и тутъ же раздавалось: «Эй, ты! Ну-ко, повернись... Отставно-ой? Нѣтъ, братъ, п т. д.»

— Что зарылся-то! у меня, братъ, прижукнуться мудрено! произнесъ Прохоровъ, останавливаясь около одного спавшаго человѣка. Это былъ дряхлый старикъ, почти раздѣтый и сѣдой какъ лунь; изъ-подъ дыряваго кафтанишва, которымъ накрылся онъ, виднѣлись двѣ маленькія шаршавыя дѣтскія головки.

— Господи помилуй!... зашепталъ старикъ, поднимаясь.

— Чешись! перебилъ Прохоровъ:—разговаривай!... Видь покажи...

— Есть, есть... Пашпортъ есть! кротно и торопливо шепталъ старикъ, ощупывая свое логово.—Есть!

— Это чьи дѣти? Покажи-ко узель...

— Внуки, внуки... батюшва... Погорѣли! Было все, стало — нѣту ничего! Дочернени дѣти-то!

— Узель чей?

— Чужой узелокъ... чужой! Нѣту узловъ... Ни узловъ ни-и... ничего нѣту... Побираемся... идѣ узламъ бытъ, постелеться нечѣмъ... Нѣту...

— Пашпортъ!

— Есть, есть... Это есть!... Ужъ гдѣ разутымъ раздѣтымъ...

— Онъ пьяница, раздалось вдругъ изъ толпы ночлежниковъ... Вы ему, ваше благородіе, не вѣрьте... Ему добрые люди помогаютъ, и то онъ не имѣетъ своихъ правилъ...

— Помогаютъ, батюшко, помогаютъ!... также кротно отвѣчалъ на это старикъ.—Слѣпыми полушками помочь оказываютъ...

— А тебѣ мало! слышалось въ толпѣ.—Твоего внука-то на медян барпнѣ одѣлъ, а ты снялъ съ него одѣжу-то... гдѣ она? Пронялъ!

— Проѣлъ я одѣжу, кормилецъ, — не пронялъ! Дай Богъ барину — точно, наградишь... И франтовитымъ одѣяніемъ даже наградишь... Ну, проѣлъ я его! Да... Нѣту ничего...

— Нѣтъ, вы бы его, ваше благородіе, въ частный домъ... Потому смущеніе отъ него большое... Вы бы его, вашескобродіе, съспали бы...

— Нельзя, голубчикъ, нельзя!... вротко продолжалъ старикъ, глядя въ землю... Невозможно этого... Не за что сподать-то!... И шиворота-то у меня настоящаго нѣту... Не уймѣшь!...

— Вы ему, вашескобродіе, не вѣрьте! прибавлялъ голосъ изъ толпы...

Но нельзя было не вѣрить старику: у него дѣйствительно не было порядочнаго шиворота... Мырцецовъ, высвободившій руку изъ праваго рукава, чтобы соколомъ налетѣть на пьяницу, — при послѣднихъ словахъ старика, совсѣмъ остолбѣнѣлъ и потерялъ сознаніе. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію шиворота, старикъ остался нетронутымъ съ своимъ логовомъ, съ своими дочерними дѣтками, съ холодомъ, голодомъ и правомъ на побиршество.

Бывали подобныя промешествія съ Мырцецовымъ. Почему это онъ не торопится и не суетится, какъ обыкновенно, — а не спѣша, вяло, нехоти идетъ на призывъ? Это вѣрный знакъ, что нѣтъ мѣста его теоріи въ предлагаемомъ дѣлѣ. Вотъ его пригласили на пивоваренный заводъ, гдѣ одинъ рабочій, испуганный репутачной, бросился въ котель съ киняткомъ и обжогся. Мырцецовъ молча и угрюмо смотритъ на охающаго и распухаго мужика и ясно видитъ, что некуда его тащить. Желая успокоиться, онъ даетъ такой оборотъ своимъ мыслямъ: «нельзя ли его по крайней мѣрѣ не пущать?» Но и это оказывается невозможнымъ. Чтобы окончательно не скомпрометировать себя передъ толпой народа, Мырцецовъ наконецъ рѣшается объявить свое сужденіе.

— Ну, чтожъ зѣвать-то?... По какому случаю шумъ?... Ужъ ежели ты, къ примѣру влетѣлъ, въ котель, слѣдственно ты здоровъ, напримѣръ, обжогся... Будемъ такъ говорить... Чего-жъ зѣвать-то?...

Затѣмъ онъ ушелъ, а умирающій продолжалъ лежать и охать...

Бывали такіе случаи. Въ доказательство того, что судьба вознаградила Мырцецова за эти страданія, — вернемся къ сыщику.

— Теперь намъ надо, вашескобродіе, посиѣзгать, говорилъ ему Прохоровъ, выбравшись изъ ночлежнаго дома. — Попусту много промѣшгали... Надѣйте намъ потарапливаться, а то воръ-то подико, гдѣ ужъ щелкаетъ...

Но воръ, впрочемъ, недалеко ушелъ отъ нихъ. Онъ притаился въ лачужкѣ, на концѣ города въ оврагѣ; здѣсь жила его жена съ ребенкомъ и какой-то старшій солдатъ-важѣка. Чемоданъ былъ давно распаяванъ; въ немъ оказалось роскошное дѣтское бѣлье и разныя туалетныя вещи.

Мало было поживи вору отъ этого добра. Роскошь его слишкомъ примѣтна для того, чтобы не наткнуться въ этой бѣдной сторонѣ на вопросъ: «гдѣ ты взялъ этакое?» Тѣмъ не менѣе похититель кое-чѣмъ воспользовался и успѣлъ спустить. При разборѣ чемодана старшій солдатъ получилъ въ подарокъ ножикъ изъ слоновой кости и коробку пудры съ золотыми украшениями. Когда сищикъ съ солдатами подобрался къ лачугѣ, внутренность ея была ярко освѣщена; на полу, около развороченнаго чемодана, спалъ закрывшись человекъ — это былъ воръ. Солдатъ сидѣлъ на лавкѣ и поворачивалъ въ рукахъ то ножикъ, то коробку, ухмылялся и бормоталъ:

— И духовитая, провалиться ей... Поиду въ свою сторону — снесу... Надумаю же... Эва, ножикъ-отъ, тупой... Ни то имъ рѣзать, ни то, шуть ее разбереть... Песокъ не песокъ, а поди ченись укупить...

Старшій нухалъ коробку, качалъ головой и ухмылялся.

Прямо противъ окна стояла женщина высокая и красивая; на рукахъ ея былъ мальчикъ не больше году отъ рожденія; на немъ была надѣта одна изъ роскошнѣйшихъ краденыхъ рубашечекъ, незакрывавшая, впрочемъ, ни грязныхъ рукъ и ногъ, ни чумарзаго дѣтскаго личика. Мать подбрасывала его къ потолку, тормошила и слегка щекоча ему грудь говорила:

— Ну, чѣмъ не графскій барчонокъ, ну чѣмъ ты только не красавчикъ, чѣмъ не ангелочикъ?

— Отворяй! загремѣвъ кулакомъ въ окно, гаркнулъ Прохоровъ.

Въ лачугѣ заметались; солдатъ началъ торопливо прятать пудру въ сапогъ; спавшій человекъ вскочилъ, бросился въ дверь — но его встрѣтилъ Мырцевъ

— Вотъ онъ — ты! сказалъ будочникъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ... безсознательно бормоталъ воръ, остановившись.

Скоро Мырцевъ былъ удовлетворенъ...

Теперь необходимо обратить вниманіе на самую будку, такъ какъ дѣятельность Мырцева, несмотря на довольно большое однообразіе, въ сущности рѣшительно нескучнаема; всякій шиворотъ непременно совмѣщаетъ въ себѣ дѣльную драму, а пересчитать эти драмы — нѣтъ физической возможности. Поэтому-то мы и обратимся къ нравамъ самой будки. Кромя Мырцева, его жены и случайныхъ посѣтителей, иногда проводившихъ здѣсь тигостную ночь, въ будкѣ были еще почти постоянные жильцы; это были бѣдняки, немѣвшіе мѣста, гдѣ бы прелю-

нить голову. Если у нихъ было что перекусить и выпить, они дѣлились этимъ съ будочниковой супругой и старались не запруживать будку своими нищими тѣлами; въ минуты безденежья и безхлѣбья, они прямо шли въ будку и говорили будочницѣ:

— Авдотья! Мы къ тебѣ...

— И когда только это провалъ васъ возьметъ! гнѣвно отзывалась будочница, но не гнала ихъ, вопервыхъ, потому, что добры сердца бывають и въ хранинахъ, и въ хижинахъ, а вторыхъ, потому, что отъ жильцовъ частѣхонько перепали на ея долю довольно вкусные и жирные куски пироговъ. Жильцы ея принадлежали къ артистическому кружку въ области буйствъ, и составляли захолустный оркестръ. Составъ и свойства этого оркестра довольно новы; чтобы познакомиться со всѣмъ этимъ повороче, мы должны зайти въ будку въ одинъ изъ дней зимняго мѣсяца.

Въ печѣ трещать дрова; въ теплоѣ и гниломъ воздухѣ виситъ полоса дыма, и слышится довольно плотный букетъ махорки; будочница орудуетъ ухватомъ, Мырецовъ занятъ отдыхомъ и молча пошевеливаетъ въ уголь. Въ это время въ будку входитъ старичокъ-мѣщанинъ; сначала онъ крестится, потомъ кланяется хозяевамъ и, страхнувъ съ рукава и воротника снѣгъ, говоритъ будочницѣ:

— Чтѣ, любезная, здѣсь Иванъ музыкантъ проживаетъ?

— Это который на скрипку?

— Тотъ.

— Здѣсь... Да шутъ ихъ знаетъ—шатуны этакіе... ихъ полн съ собаками не сыщешь...

При этомъ будочница подняла ухватъ къ верху и постучала имъ въ потолокъ.

— «Сейчасъ!» глухо отозвались съ потолка.

— Аль они у васъ подъ крышей зимуютъ? спросилъ мѣщанинъ.

— А то гдѣ же? Тутъ, чай, самъ видишь, негдѣ повернуться двоимъ... А иной разъ пьяницъ наволокутъ — хоть возьми, завяжи глаза, да бѣги вонъ.

— Такъ, такъ! подтвердилъ мѣщанинъ.

— А чтѣ жъ ты думаешь подъ крышей? продолжала будочница. — Тамъ имъ, поглядиво-сь, какое тепло-то!... Труба горячая, чтѣ твоя лежанка...

— Такъ, такъ. Мѣсто духовитое... Труба даетъ теплый духъ...

— Тамъ имъ за первый долгъ валяться-то!...

— Это справедливо; мѣсто хорошее... мѣсто миловидное... Мѣщанинъ сѣлъ на лавку, погладилъ свои сѣдые волосы и оглядѣлся.

— Мѣшкаютъ они что-то, сказалъ мѣщанинъ, помолчавъ.

— Товарищей скликаетъ... Чтѣ вы свадьбу, что ль, затѣваете? спросила будочница.

— Да чтѣ будешь дѣлать, матушка!

— Кто такіе?

— Кушаковы, мѣщане... Здѣшніе жители. Вотъ внучку про сватать за кондитера Ваньку..

— Это хромой-то?

— Хромъ, матушка, точно что хромъ... Ну, дохтора обѣщались оттянуть эту хромоту-то... Безпремѣнно, говорятъ, оттянемъ въ другое мѣсто... И примочу дали, дай Богъ здоровья... Примачивайте, говорятъ, черезъ два часа по столовой ложкѣ...

— Ну, дай Богъ!

— Ужъ мы и сами Бога молимъ... Къ спинѣ бы ее, хромоту-то...

— Въ спину? спросилъ Мырецовъ, неожиданно услышавъ слово, такъ близко подходящее къ шивороту.

— Къ спинѣ, къ спинѣ, другъ! Потому надо такъ сказать, которая это нога кондитерова — то она болѣ двадцати годовъ пзувѣчена; ну, мы имѣемъ упованіе на Господа...

— Пьетъ-то онъ дуже! съ соболѣзнованіемъ проговорила будочница. — А ужъ и дѣвочка.

— Дѣвочка, одно слово! Рукодѣлью обучена...

— Первая по здѣшнимъ мѣстамъ дѣвушка!... Ужъ и мастеровкы!... ахъ!

— Ну, да вѣдь гдѣ, матушка, непьянаго-то возьмешь? Кто не пьяница-то по нѣшнему времени?

Мѣщанинъ вздохнулъ.

— И тѣжка же наша женская часть! заговорила будочница, смотря въ печку. — Живетъ дѣвушка невинная, чувствуетъ про себя всякую любовь, а намѣсто того — хватъ! да за пьянцу... На увѣчья, да на ваторгу...

— Роднаа! грустно сказалъ мѣщанинъ. — Нѣту непьяницъ-то, нѣту ихъ! У кондитера у Ваньки, по крайности, сейчасъ пятьдесятъ цѣлковыхъ есть! Да платьѣ, погляди-ко-сь, какое невѣстѣ подарилъ! Только что подъ мышками маленько тронуту, а то все чистое, можно сказать — муре! Такъ-то-са!... Санта-дубовое обѣщался — случай есть... Вотъ и гляди на него! каковъ онъ кондитеръ-то...

При этихъ словахъ будочница замолла. Мырецовъ, слушая эти разговоры, началъ какъ-то таинственно покряхтывать, пошевеливаться, и будка неожиданно услыхала слѣдующую рѣчь:

— Ну, и тоже, не спѣша началъ Мырецовъ:—и мужская часть черезъ женскую часть не то, чтобы очень благополучно хлѣбъ свой ѣла...

Тутъ онъ остановился, тряхнулъ головой къ низу, завернулъ лицо въ сторону и продолжалъ.

— Тоже и нашему брату, само собой по башкѣ отъ дамскаго полу влетаетъ...

Съ этими словами онъ вдругъ направился къ двери.

— Да какъ васъ не бить-то? какъ васъ кровопийцевъ нашихъ не бить? загорачилась будочница.

— Да, братъ! влѣтаетъ препорядочно-хорошо! заключилъ Мырецовъ и скрылся на улицу.

Въ это время въ будку вошелъ человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ доброй, но какъ будто заспанной, отекавшей физиономіей. Онъ былъ въ сѣромъ армякѣ, съ широкимъ квадратнымъ воротникомъ, лежавшимъ на спинѣ; на шеѣ видѣлся ситцевый платокъ, туго завязанный крошечнымъ узломъ. Армякъ былъ подпоясанъ кушакомъ; походилъ онъ на дьява. Человѣкъ этотъ былъ застѣнчивъ и робокъ; добрые глаза мигали часто, словно стыдились чего. За нимъ вошло еще двое.

— Добраго здоровья! сказалъ армякъ мѣщанину, мягкимъ и заискивающимъ голосомъ.

— Здравствуй, другъ! Ты Иванъ-то?

— Мы-съ... Музыка требуется?

— Да, братъ. Вотъ свадьбу затѣяли...

— Дѣло доброе!... Дай Богъ часъ!... Конечно... Вамъ одинъ инструментъ требуется?

— Да хоть и поболѣ — все одно. Что ужь...

— Да на чтѣ вамъ поболѣ-то-съ? Конечно, что звону болѣе — ну, настоящаго увеселенія не будетъ-съ... Повѣрьте такъ! Намъ это дѣло вотъ какъ извѣстно... Тепериче, напимѣрь, труба, или опять генералбасъ — черезъ нихъ только ревъ поднимается на балу, ну къ танцу онъ не трафитъ; танецъ требуетъ аккурату; чтобы нога дѣйствовала въ существѣ, но не то, что ежели мы забарабанимъ очерта голову! Въ то время можетъ произойти драка!...

— Это такъ! подтвердилъ мѣщанинъ.

— Повѣрьте такъ! Мы на своемъ вѣку поработали довольно... Мы знаемъ-съ. Нѣтъ лучше, какъ скрипка; тихо, чудесно... А за цѣной ми не стоимъ...

— А за цѣной мы не погонимся! прибавили два другія лица.

Костюмы этихъ лицъ не отличались добродѣтельными. Одинъ изъ нихъ, худенькій и сухой человекъ, лѣтъ сорока, былъ въ чуйкѣ, старался быть гордымъ и держать себя въ порядкѣ. Другой былъ въ сюртукѣ, воротникъ котораго терлся въ вакихъ-то тряпкахъ, намотанныхъ на шею. Сюртукъ былъ засаленъ и застегнутъ на верхнюю и нижнюю пуговицу; боковой карманъ отдувался. Человекъ въ сюртукѣ имѣлъ широкое рябое лицо, выражавшее равнодушіе и весьма покойное состояніе духа; лицо это очень походило на тарелку съ кашей, густо намазанной масломъ.

— Чтò же, спросилъ мѣщанинъ: — и эти молодцы по музыкальному мастерству?

— Н-нѣтъ-съ! умилно отвѣчалъ армякъ. — Нѣтъ-съ, они этому неучены...

— Мы неучены...

— Мы только-что вмѣстѣ ходимъ-съ! продолжалъ армякъ. — У насъ, значитъ, общее, собственно по бѣдности. Такъ-какъ оставши безъ куска хлѣба — куда я дѣнусь? вторые были по оркестру товарищи, еще при баринѣ — тоже разбрелись... Струменту не было... съ рукой тоже не хотѣлось, а кормиться надобно... Ну, вотъ попался добрый человекъ — Петръ Филатичъ; дай Богъ имъ здоровья — инструментъ свой доверяють...

— Это точно, что справедливо онъ говоритъ! подавшись впередъ произнесъ человекъ въ сюртукѣ. — Потому, эту скрипку мнѣ одинъ помѣщикъ подарилъ, какъ, значитъ, изъ послушниковъ монастырскихъ выбылъ я...

— Какимъ же манеромъ въ монастырь-то угодилъ?

— Да собственно такимъ манеромъ, что ружье у одного пріятеля моего было... спокойно объяснялъ сюртукъ... Разъ онъ, пріятель-то, баловался-баловался этимъ ружьемъ—«эй, говоритъ, берегись, застрѣлю!» Шутилъ. Я думаю, ты шути-шути, а тоже пулю какую двинешь, не очень, чтобъ превосходно будетъ. Взялъ да и заслонился рукой. А онъ какъ брякнетъ! Да два пальца мнѣ и отшибъ... Извольте посмотрѣть! Ну, судить. Чтò, чтò такое? Ну, выгнали насъ, исключили... Въ училищѣ духовномъ былъ я въ ту пору... Входилъ я съ прошеніемъ, такъ и доступа мнѣ не было... Начальникъ случился робкій, увидалъ это рукуто напримѣръ въ крови—«уведите его, говоритъ, онъ меня убьетъ!» Такъ я и пошелъ за разбойника... Безрукій человекъ, куда ему? Думалъ, думалъ, и вступилъ въ обитель.

— Да, да, да!... Ну, а изъ монастыря-то отбылъ?

— А изъ монастыря я по искушенію отбылъ... Мысли разныя смущали.

— Вѣсы! таинственно шепнулъ армякъ и кашланулъ.

— Ну ихъ... Чтожь! неохотно произнесъ раскшигъ.—Гласы были: «Что ты, говоритъ, измождаешься... Лучше же ты утрафь отсюда... Птицы небесныя и тѣ напримѣръ»... Ну, я и того... Искусился да и ушолъ. Черезъ соблазъ. А оттуда, Богъ даль, въ помѣщнику одному мелкопомѣстному, дѣтей учить: читать, писать... Только помѣщикъ-то этотъ очень пилъ. Придерживался. Капиталу настоящаго не было: душъ всего шесть, да сабака борзая, а дѣтей куча да и вино это самое... Я въ то время ничего этого еще не одобрялъ, да и посейчасъ не люблю; такъ балуюсь. Ну, а тогда въ компаніи-то съ хозяиномъ и началъ... Помаленьку да помаленьку... Бывало, жена-то воетъ-воетъ, а ми знай свое... Въ полночь рыбу затѣмъ ловить или въ галогъ изъ окошка стрѣлять, это у насъ во всякое время коротко и ясно. Сголько разъ тонули, чуть дѣтей не перестрѣляли—все сходило; а тутъ вдругъ и случись бѣда... Напились мы съ нимъ, съ помѣщикомъ-то, снова да и поѣхали виѣсть. Дорогой начнись у насъ споръ; слово-за-слово, я разсердчалъ да какъ цанну ба-рина-то по головѣ.

— За что?

— Да это мнѣ тепериче неизвѣстно... Цапнулъ я его, а онъ и покатысь; покатылся, да и померъ... Ну, дѣло затѣялось, меня въ тюрьму... Послѣ этого, какъ, значить, я себя на отдѣлку замаралъ — нѣту мнѣ пропитанія: никто не беретъ, боится: «онъ, говорятъ, убьетъ!» Некуда мнѣ дѣться; ввѣлся я за скрипку, думаю: обучусь... Жена помѣщикова еще и скрипку-то не отдавала: «ты, говоритъ, мужа убилъ... Намъ самимъ ѣсть нечего... Намъ самимъ скрипка нужна...» Не отдаетъ! Ну, кое-какъ я ее отбилъ, да вотъ и пускаю въ прокатъ... Скрипка хорошая...

— Скрипка хорошая! подтвердилъ сѣрый армякъ:—только что щелочка...

— Ну что тамъ щелочка? возразилъ сюртувъ.—Авось я знаю? Кажется, своими руками ее заклеилъ.

— Съ этими щелками, да скрипками, прибавила будочница:—вы у меня черти этакіе цѣлое полотнище изъ юбки выдрали!... Охъ, музыканты.

— Щелочки той и помину нѣтъ, что ты? продолжалъ сюртувъ.

— Да что жъ я? робко зашепталъ армякъ... Али я чтонибудь?

— Это, братъ, скрипка итальянская, ты не очень...

— Я говорю скрипка превосходная, что вы Павелъ Филатычъ?...

Такъ вотъ-съ, обратился армякъ къ мѣщанину:—скрипка ихняя, в струны Иванъ Ларивоничъ отъ себя держуть.

— Моя часть струна! сказалъ сулой в сериатый по виду человѣкъ... Мы, милосивый государь, струну держимъ дорогою, но не вакую нибудь собачью жилу, позвольте вамъ замѣнить... Потому, намъ вельзя какъ-нибудь!... Ежели я только что и дышу струною, такъ ужъ я долженъ, чтобы она въ полномъ звукѣ была... Такъ или нѣтъ-съ? Положимъ, что я теперь въ временной нуждѣ; потому, мнѣ надо господина Приготовова дожидаться, я у него сейчасъ буду тыщу рублей получать... Я его на рукахъ своихъ выношу, онъ не забудетъ старика, потому, это противъ Бога... А что съ этими пьяницами мнѣ долго не возяться, это я вамъ вѣрно говорю...

Старикъ съ гордостью и даже съ ожесточеніемъ произнесилъ свою рѣчь, презрительно поглядывая на своихъ товарищей.

— Съ этими пьяницами не нажить мнѣ долго... Я этого не люблю... Я знаю порядокъ... Я этимъ не нуждаюсь...

Гордость и презрѣніе, слышавшіяся въ этихъ словахъ, почти обидѣли мѣщанина, тоже съ гордостью приготовлявшагося уст, онъ трагическую свадьбу съ музыкой... Среди раздраженной рѣчи поставивша струну, мѣщанинъ поднялся и сказалъ:

— Ну, такъ какъ же?

— Да какъ прикажете! своа заговорилъ армякъ. — Сейчасъ, сейчасъ готовы, завтра, завтра. Какъ угодно!

— Ну, тамъ скажемся. Ладно. Только, чтобы ужъ авуратно было... свадьба хорошая...

— Само собой!... Такъ мы трое, значить, и прибдемъ-съ... Я для музыки, собственно для искусства, ну, а они, такъ... Цирюжка тамъ, чего-нибудь...

— Мы д я пританія! прибавилъ сюртукъ.

Мѣщанинъ сторгозался и ушелъ.

Спустя нѣсколько времени происходила свадьба.

Въ запотѣлыя стекла любопытные зрители могли видѣть внутренность лачуги, биткомъ набитую гостями. Среди всеобщаго молчанія суетились бѣлыя-то женщины, поднося водку и поминутно раскланиваясь; въ отдаленіи слышались звуки настраиваемой скрипки и мелькала фигура ея владѣльца съ ирогомъ въ рукѣ и за щекой. Видно было также, какъ полупьяный кандитеръ, сидя на диванѣ, притягивалъ къ себѣ молодую жену, старавшуюся удрти отъ него; упругій ставъ ея неохотно покорялся его

ласковымъ объятіемъ и грустное лицо чуть не плавало, но все-таки улыбалось. Невѣста, наконецъ, вышла въ другую комнату и залилась слезами; нѣсколько пожилыхъ женщинъ принались ее утѣшать.

— Чтѣ ты? чтѣ ты, родимая? Ты подумай, какой человекъ... Одно — кандитеръ...

— Больной!... И нога и ухо... Увѣчный!...

— Ухо-о? Ахъ ты косатка моя! да этакого-то уха поискать, да поискать. Всеё, кажется, подвселенную изойди...

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну, а ежели и болить, эка бѣда какая... Ужъ уху и заболѣть нельзя! Скажите-на-нилость!... Ты бы и не думала объ этомъ... А ужъ ежели не нравится, возьми, да отвернись...

— Отвернись!...

— Ни-ни-ни! Ни Боже мой!... Не такой человекъ! Просто-напросто попроси у него позволенья, тихо, благородно: «позвольте, молъ, Иванъ Капитоничъ, съ краю мнѣ... Ужъ знаю, молъ, что это не порядокъ, ну, что будешь дѣлать пріучена!... И сама, молъ, не рада, ну, не могу!...» Ни-ни-ни!... Слова не скажеть! Чтѣ ты? Ухо! Вѣдь ишь ты что... Ахъ ты голубка моя! ужъ и смѣхъ же съ вами съ дѣвушками...

Въ это время сѣрый армякъ съ отчаянною быстротою заигралъ какую-то нѣсу. Скрипка и струны были не особенно звучны, онѣ напоминали не звучащее и не стройное, но визгливое и раздражающее душу причитанье старухи.

Общество расшевелилось и зашумѣло.

— Эй, бабы-ы! кричалъ подгулявшій кандитеръ. — Жену чтобъ сюда... Супругу... Это почему такое?..

Прислушиваясь въ свадебному бушеванью, Мырецовъ стоялъ на крыльцѣ будки, рядомъ съ алебардой, и, должно быть, ей повѣрялъ свои одинокіе разговоры.

— По какому случаю шумъ? бормоталъ онъ. — Мы не допускаемъ, ежели, напримѣръ...

Но мы уже знаемъ, чтѣ «не допускаетъ» Мырецовъ и не будемъ, поэтому, досказывать исторію свадьбы, которая и женихомъ, и невѣстой, и драматическими солистами оркестра, кажется, судить ему большую поживу въ самомъ скоромъ времени.

Глѣбъ Успенскій.

НОВАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ЛАБУЛЕ.

XVI.

На другой день послѣ блистательной побѣды при Неседадѣ, Гіацинтъ отправился въ походныя лазареты осматривать и утѣшать раненныхъ. Въ одной палатѣ онъ увидалъ Нардисса, въ то время, какъ изъ него вырѣзывали шестую пулю. Гіацинтъ подошелъ къ нему, и ободрилъ его, напомнивъ ему о Жирофле, и обѣщавъ ему крестъ за храбрость. Тутъ же онъ увидѣлъ сержанта Лафлёра, назвалъ его по имени, и обратился къ нему съ такими милостивыми словами, что старикъ чуть не захлебнулся отъ радости.

Воротившись на главную квартиру, король засталъ тамъ графа Тушъ-а-Ту и кавалера Пиборня, который, прочитавъ въ официальной газетѣ извѣстіе о своей болѣзни, сейчасъ побѣжалъ въ своему всемогущему сослуживцу, поговорилъ съ нимъ минутъ десять, и оказался совершенно исцѣленнымъ.

Графъ пріѣхалъ въ лагерь для важныхъ дѣловыхъ совѣщаній. Надо было установить условія мира, и графъ утверждалъ, что слѣдуетъ присоединить къ королевству Ротозѣевъ четыре смежныя Остолопскія провинціи. «Правда, жители этихъ земель не имѣли ничего общаго съ побѣдителями и даже ненавидѣли ихъ издавна. Не было единства ни въ языкѣ, ни въ религіи, ни въ нравахъ; но это было не важно. Политива не останавливается на такихъ пустякахъ. Хорошими гарнизонами и солидною администраціею побѣждаютъ такія антипатіи. Достаточно принести въ жертву два или три поколѣнія. Философы составляютъ себѣ смѣшныя теоріи о расахъ и національностяхъ: опытъ говоритъ совсѣмъ другое. Народы — мягкій воскъ, все зависитъ отъ той руки, которая вдавлиываетъ печать.

Король отвѣтилъ графу, что ужасы войны ему противны, и что онъ не хочетъ никакихъ завоеваній.

— Государь, заговорилъ первый министр: — я понимаю, и, осмѣлюсь вамъ сказать, раздѣляю ваши чувства. Поле сраженія представляетъ ужасное зрѣлище. Къ такимъ зрѣлищамъ человѣкъ привыкаетъ не съ разу. Но великій король протѣвится этой слабости своихъ чувствъ, онъ имѣетъ въ виду прежде всего величіе своего дома. Пока будутъ на свѣтѣ различныя правительства и различныя народы, до тѣхъ поръ будутъ ссоры, драки, сраженія. Война — болѣзнь, согласенъ, но болѣзнь необходимая. Человѣческая мудрость можетъ только уменьшить число ея поводовъ, и чтобы достигнуть этой цѣли, самое лучшее средство — раздавить врага и довести его до безспія.

— Графъ, отвѣтилъ Гиацинтъ: — вы забываете исторію. Мы уже въ теченіе пяти вѣковъ деремся съ нашими сосѣдями; мы избіяли миллионы людей. Подвинулись ли мы впередъ съ перваго дня? Нѣтъ. Война перъ ждаетъ ненависть; ненависть, въ свою очередь, порождаетъ войну. Пора отказаться отъ этой старой и ложной политики. Я хочу мира.

— Государь, воскликнулъ торжественнымъ голосомъ кавалеръ Пиборнъ, поднимаясь съ мѣста: — не могу сдержать порывовъ моего восторга при видѣ умѣренности вашего величества; но пусть король дозволитъ своему вѣрному слугѣ говорить съ полною откровенностью: дѣло трудное и опасное — разрывать связь съ тѣми древними традиціями, на которыхъ зиждется величіе Тюльпанской династіи. Мудрость вашихъ предковъ, государь...

— Кавалеръ, перебилъ Гиацинтъ: — вы уже говорили мнѣ эту рѣчь: постарайтесь опровергнуть ее въ слѣдующемъ засѣданіи.

«Гм!...» подумалъ Пиборнъ: «графъ совсѣмъ не такъ вѣрлокъ, какъ я думалъ».

И онъ преспокойно усѣлся.

Наступило молчаніе. Потомъ Тушъ-а-Ту заговорилъ снова:

— Государь, прежде чѣмъ ваше величество изволите принять такое важное рѣшеніе, умоляю васъ еще разъ выслушать человѣка, состарѣвшагося на государственной службѣ. Вся система покоится на двухъ столпахъ — на администраціи и на арміи; ослабить одно изъ двухъ, значитъ разрушить все. Когда миръ утвердится навсегда, будетъ ли ваше величество держать подъ ружьемъ армію въ пятьсотъ тысячъ человѣкъ? Что тогда дѣлать съ недовольными офицерами и съ праздыми солдатами? Долго ли страна будетъ переносить бремя столь же тяжкое, сколько и бесполезное?

— Мы разошлемъ по деревнямъ триста тысячъ пахарей, отвѣтъ въ король. — Всѣ останутся въ барышахъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ графъ:—преобразования не ограничатся одною арміею. Надо будетъ перестроить заново администрацію, систему налоговъ, все правительство. На будущее время намъ придется жить исключительно трудомъ и бережливостью, подобно мелкимъ безвѣстнымъ народцамъ у нашихъ границъ.

— Какое горе! сказалъ Гіацинтъ.

— Да, государь, горе будетъ великое. Тотъ день, когда ваше величество распустите вашу армію, будетъ послѣднимъ днемъ нашей старой и славной монархіи. Король молодъ; онъ еще не успѣлъ объять въ ея совокупности изумительную организацію его державы; иначе онъ не сталъ бы разбивать съ такою легкостью орудіе, немѣющее себѣ подобныхъ. Изучите вашу чудотворную централизацию, государь; вы увидите, какъ все пригнуто къ той цѣли, чтобы всѣ силы, всѣ деньги, всѣ средства страны сосредоточивались въ рукахъ короля. У народа нѣтъ ничего своего. Его золото, его кровь, его сыны — все принадлежатъ королю. Администрация держитъ въ зависимости величайшаго и малѣйшаго изъ подданныхъ; она приучаетъ каждаго Ротозѣя къ труду, къ послушанію, къ податямъ, къ военной службѣ, и этимъ основательнымъ воспитаніемъ она выдѣлываетъ изъ него перваго солдата въ мірѣ. Слава государства, могущество короля — вотъ единственная цѣль вашего правительства! Упраздните войну, уничтожьте армію — къ чему тогда эта громадная машина? Народу пахарей и работниковъ ни на что не нужна административная опека; всякій живетъ на свой страхъ, и думаетъ только о себѣ. Для такой толпы достаточно одной свободы, чтобы вести мѣщанскимъ манеромъ общественныя дѣла. Централизация, армія, война, исторгаютъ отдѣльную личность изъ этой узкой жизни, и замѣняютъ любовь къ благосостоянію и зговамъ домашняго очага тѣмъ патріотизмомъ, благодаря которому дѣлаетъ народъ живетъ мыслью одного человѣка. Можетъ ли быть что-либо благороднѣе націи, вдушей на закланіе ради величія своего государя?

«Вотъ, государь, что мое усердіе вынуждаетъ меня доложить вашему величеству. Въ теоріи нѣтъ ничего прекраснѣе всеобщаго мира; на дѣлѣ это — рожденіе новаго общества, это гибель старой системы. Верхомъ на конѣ и съ мечомъ въ рукѣ, ваши предки основали свою державу; они войною поддерживали и расширяли свое господство, какъ внутри государства, такъ и за его предѣлами. Изъ дѣла довершено; ваше величество не

можете его уничтожить; осмѣлюсь даже сказать, не имѣете на то права. Армія — правая рука монарха; король силенъ только мечомъ; если онъ себя обезоруживаетъ, онъ отрывается отъ престола.

— Любезный графъ, отвѣтилъ Гіацинтъ рѣшительнымъ тономъ: — я цѣню ваше усердіе и вашу преданность. Дня три тому назадъ, ваши слова могли бы меня ослѣпить; видъ этого окровавленнаго поля раскрылъ мнѣ глаза. Меня страшитъ, а не плѣняетъ то могущество, которымъ я располагаю. Если старая правительственная машина должна пасть вмѣстѣ съ арміей, пусть падетъ, какъ можно скорѣе. На что мнѣ централизація? Это просто общее порабоженіе, отъ котораго король страдаетъ вмѣстѣ съ подданными. Будь, что будетъ, я рѣшился. Я предпочитаю быть первымъ должностнымъ лицомъ свободнаго народа, чѣмъ далай-ламою администраціи.

— Государь, закричалъ Пиборнь: — позвольте мнѣ заимствовать у вашего величества эти высокія слова, и рѣчь моя готова. Палата моя! Долой эту отжившую систему, которая отдаетъ цѣлый народъ на жертву пагубнымъ страстямъ, преступнымъ прихотямъ и припадкамъ плачевнаго безразсудства. Прошло время суровой централизаціи. Новый день встаетъ надъ лучшимъ міромъ. Уже не силой и молчаніемъ правятъ государи, а разумомъ и преданностью. Будемъ гордиться тѣмъ, что надъ нами господствуетъ король, у котораго мудрость опережаетъ года, который понимаетъ требованія цивилизаціи, и который (заимствую у него самаго эти незабвенныя слова) предпочитаетъ быть первымъ должностнымъ лицомъ свободнаго народа, чѣмъ далай-ламою администраціи.

— Кавалеръ, сказалъ Тушъ-а-Ту: — вы забываете вашу горловую болѣзнь. Вы опять занеможете.

— Благодарю васъ за ваше участіе къ моему здоровью, отвѣчалъ невинный Пиборнь:—но мнѣ кажется, любезный мой товарищъ, что въ настоящую минуту мнѣ полезно говорить.

Графъ бросилъ на него презрительный взглядъ, и обратился къ Гіацинту.

— Государь, сказалъ онъ:—позвольте мнѣ высказать послѣднее размышленіе. Затѣмъ я затворюсь въ почтительномъ молчаніи. Чтобы составить счастье вашего народа, вашему величеству угодно великодушно отречься отъ славнаго наслѣдія, завѣщаннаго вамъ вашими предками. Я восхищаюсь благородствомъ такого самоотверженія, я сомнѣваюсь въ его полезности. Я боюсь, что опытъ поважетъ королю, какимъ образомъ слабость администраціи оказывается еще болѣе гибельною для блага подданныхъ, чѣмъ

для величія государя. Есть націи, созданныя для самоуправленія; у нихъ духъ, нравы, привычки—все приворовлено къ свободѣ. Другія націи созданы, чтобы ими управляли, и эти націи тѣмъ не менѣе занимають въ мірѣ видныя мѣста. Ротозѣи— не народъ; это армія; у нихъ всѣ добродѣтели и всѣ пороки солдата. Храбрые, великодушные, сообразительные, но подвижные, насмѣшливые и тщеславные, они никогда не помиряетъ съ однообразіемъ правильной жизни. Имъ нравится опасность, рискъ, счастье, завоеванное въ одинъ день чудесами храбрости, ума или низости. Герои-солдаты, нигуда негодные граждане, мятежники или лавен, такіе люди могутъ быть только безпорядочною толпою, если желѣзная рука не дисциплинируетъ ихъ, и не ведетъ ихъ, при звукахъ военной музыки, къ славной цѣли. Съ энергическимъ вождемъ, эта нація способна на все; предоставленная самой себѣ, она подвергнется разложенію. Для Ротозѣевъ, свобода просто бѣшеный разгулъ всѣхъ страстей, царство наглости и корыстолюбія; ея послѣднее слово—анархія.

— Любезный графъ, сказалъ король—вы жестоки къ моему бѣдному народу; я объ немъ лучшаго мнѣнія; я думаю, что я и народъ, мы оба были дурно воспитаны; мы вмѣстѣ передѣлаемъ наше воспитаніе; я буду съ нимъ довѣрчивъ, и я надѣюсь, что онъ воздастъ мнѣ любовью за любовь.

— Нѣтъ, государь, я его знаю, онъ приметъ вашу доброту за слабость, онъ отвѣтитъ дерзостью и презрѣніемъ. Эта поровистая лошадь начинаетъ бить, какъ только ей отпускають поводья.

— Государь, сказалъ Пиборнь, изучавшій лицо юнаго монарха:—позвольте мнѣ протестовать противъ этого обвиненія. Не такъ мы суетны, и не такъ неблагодарны, какъ про насъ славу пускають. Нами управляли всегда посредствомъ нашихъ недостатковъ; нашимъ порокамъ льстили, что бы ихъ эксплуатировать; пусть попробуютъ управлять нами, дѣйствуя на наши достоинства; тогда видно будетъ, на что способенъ этотъ народъ, легкомысленный только потому, что съ нимъ обращаются, какъ съ ребенкомъ. Дайте ему свободу, онъ привяжется къ труду, будетъ любить своего государя, и, какъ онъ былъ первымъ на войнѣ, такъ онъ будетъ первымъ въ мирѣ.

— Ужъ не отрывокъ ли это изъ вашей будущей рѣчи? спросилъ Тушъ-а-Ту:—вамъ какъ будто подложили совсѣмъ не ваши бумаги.

Пиборнь лукаво посмотрѣлъ на графа и ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ такимъ великимъ адвокатомъ, что въ случаѣ необходимости умѣлъ даже молчать.

Послѣ непродолжительной паузы, графъ развязно поднялъ голову.

— Государь, сказалъ ояъ:—я ѣду черезъ часъ готовить возвращеніе вашего величества въ ваши владѣнія. Вотъ списокъ почесенныхъ нами потерь. Три тысячи убитыхъ, двѣнадцать тысячъ раненыхъ. Какую цифру поставить въ *Официальной истинѣ*?

— А почему же *Официальная истина* не можетъ просто сказать правду? спросилъ Гіаццигъ, взумленный этимъ вопросомъ.

— Такъ никогда не дѣлалось, государь. Вотъ еще эта новость тоже всѣхъ перепугаетъ. Принято вчетверо уменьшать наши потери, и учетверять урокъ непріятеля. Ротозѣи привели къ этой арметикѣ. Скажете имъ правду—они не повѣрятъ.

— Въ этомъ отношеніи тоже надо передѣлать воспитаніе, сказалъ король.—Начнемъ съ нынѣшняго дня.

— Прежде чѣмъ я откланяюсь вашему величеству, снова заговорилъ графъ:—я попрошу васъ подписать эту бумагу. Это заемъ въ двѣсти милліоновъ для покрытія экстраординарныхъ расходовъ достопамятнаго Неседадскаго дѣла.

— Пятнадцать тысячъ человекъ вонъ изъ строя! Двѣсти милліоновъ брошено на вѣтеръ! воскликнулъ Гіаццигъ.

— Государь, сказалъ Тушъ-а-Ту:—что же это въ сравненіи съ тою славою, которую стяжало ваше величество?

— Увы, промолвилъ король:—что такое слава въ виду такой громадной траты крови и золота! Дайте, графъ, я подпишу. Да вѣдь вы говорили двѣсти милліоновъ, а тутъ, я вижу, заемъ въ двѣсти двадцать.

— Да, государь, десять милліоновъ банкнотъ, и десять милліоновъ на тѣ праздники, которыми Ротозѣи будутъ встрѣчать и привѣтствовать своего побѣдоноснаго короля. Это ихъ доля славы, съ ними въ этомъ нельзя торговаться.

— Упаси Боже, чтобъ я сталъ мѣшать радости моего народа! Я буду гордиться тѣми знаками сочувствія, которые достанутся на долю нашимъ храбрымъ солдатамъ. Но мнѣ кажется, нашимъ подданнымъ было бы пріятнѣе самимъ организовать тѣ праздники, которыми насъ будутъ чествовать. Развѣ-жъ они неспособны сами расходовать свои деньги?

— Само собою разумѣется, государь, отвѣтилъ графъ.—Уже вѣва прошли съ тѣхъ поръ, какъ Ротозѣи вручили правительству заботы о своихъ удовольствіяхъ и печаляхъ. Общественная радость или общественное горе—все устроивается административнымъ порядкомъ. Что случилось бы съ властью, еслибы своенравный народъ отказывался горевать или веселиться, когда государство облекается въ трауръ или ликуетъ? На что могутъ по-

жаловаться Ретозѣп? Они платятъ и ни о чемъ не тревожатся; размеченія и праздники достаются имъ готовыя. Можно ли вообразить себѣ болѣе счастливое положеніе? Точно король среди своихъ управляющихъ.

Гіацинтъ со вздохомъ подвскалъ и вышелъ изъ комнаты. Пиборнъ пошелъ за нимъ и сталъ ему доказывать въ длинной рѣчи, что для новой политики требуются новыя люди, что царство свободны есть господство краснорѣчія, и что первымъ министромъ конституціоннаго короля непременно долженъ быть адвокатъ. Король не перебывалъ и не слушалъ его; онъ думалъ о мертвыхъ, о раненыхъ и, сказавъ по правдѣ, думалъ также болѣе чѣмъ ему самому хотѣлось о томъ удовольствіи, съ которымъ онъ увидитъ прелестную Тамарису.

Тушъ-а-Ту былъ разъяренъ; слабость короля его тревожила, вѣроломство Пиборна приводило его въ негодованіе. Какъ! Это вѣковое зданіе, которое онъ съ своей стороны поддерживалъ тридцатилѣтнимъ трудомъ, должно было рухнуть отъ дыханія ребенка! Наслѣдіе перваго министра должно было повастъ въ руки болтуна, вгравшаго словами! Нѣтъ, это было невозможно.

«Насъ не знаютъ», думалъ онъ въ дорогѣ: «не знаютъ, что такое администраціи. Она нашла возможность обходиться безъ народа, съумѣетъ со временемъ обходиться и безъ королей».

XVII.

Гіацинту, по дорогѣ отъ границы королевства до дворца, въ теченіе двухнедѣльнаго путешествія, пришлось встрѣтить безчисленное множество депутаціи, проѣхать подъ ста-двадцатью триумфальными арками, получить полтора ста вѣнковъ и шесть тысячъ букетовъ, позать сорокъ-пять тысячъ рукъ, кланяться дамамъ, целовать молодыхъ дѣвушекъ, всѣмъ улыбаться и выслушать не зѣвая триста рѣчей и двѣсти комплиментовъ; къ этому надо еще прибавить музыку, колокола, балы и обѣды.

Сначала все шло хорошо; Гіацинтъ наслаждался своей популярностью; но уже на четвертый день своего триумфальнаго шествія, фиміамъ довелъ его до одурѣнія; къ концу недѣли онъ стремился къ спокойствію и къ одиночеству; на девятый день только хорошее воспитаніе мѣшало ему выбросить въ окошко людей, произносившихъ рѣчи; на десятый онъ чувствовалъ свирѣпое и постоянно возрастающее желаніе надѣлать депутаціямъ всевозможныя неприятели.

Къ счастью для Гіацинта, при немъ находились неотлучно веселый Пиборнъ, когорный постоянно то взглядомъ, то жестомъ,

то словомъ такъ хорошо ободрялъ ораторовъ, что они большею частью становились въ тупикъ, къ немалому удовольствію короля. Но наконецъ Гіацинту надѣло даже и смѣяться надъ депутаціями и ихъ предводителями.

Однако, юный король остался до конца вѣрнень требованіямъ этикета, и вступленіе въ столицу, въ милый городъ Утѣху-на-Золотѣ, совершилось со всею подобающею торжественностью.

Обнявъ свою мать со слезами сивновой радости, Гіацинтъ побѣждалъ переодѣться, надѣлъ самый изящный изъ своихъ мундировъ и собрался идти къ Тамарисѣ предлагать ей руку и сердце.

Въ ту минуту, когда онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлся въ зеркало, камергеръ доложилъ ему, что его ожидаютъ сто-двѣ депутаціи. Гіацинтъ вышелъ къ нимъ, проклиная ихъ въ душѣ, и предводитель первой депутаціи, баронъ Плераръ, началъ воинственную рѣчь.

Гіацинтъ не далъ ему договорить и перебилъ его тѣмъ рѣшительно высказаннымъ заявленіемъ, что онъ, король, на будущее время желаетъ для своего добраго народа только мира, спокойствія и успѣшнаго труда.

Эти миролюбивыя слова поставили всѣхъ ораторовъ въ затруднительное положеніе, потому что у всѣхъ были приготовлены самыя воинственныя рѣчи. Одни, подгадавше, запыли экспромтомъ болѣе или менѣе однообразныя гимны въ честь мира; другіе, неспособные импровизировать, улыбаясь, прочитали свои дифирамбы, выпуская слишкомъ кровожадныя выходки, или смягчая ихъ пріятными интонаціями голоса. Но одинъ изъ ораторовъ, синдикъ цеха шапочниковъ, совсѣмъ не принялъ къ свѣдѣнію словъ короля и заговорилъ съ яростнымъ воодушевленіемъ стараго солдата.

«Государь — сказалъ онъ — мы, простые добрые люди, ничего не смыслимъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ. Есть у насъ нашъ здравый смыслъ, да надъ нимъ, жаль, смѣются ученые умники. По нашему такъ: коли оса жужжить, надо ее раздавить, а какъ волкъ завоюетъ, ему сейчасъ четыре пули въ брюхо. Мы уже пятьсотъ лѣтъ деремся съ Остолопами, пора покончить съ этими гадами. Дѣло давно было бы сдѣлано, кабы не слушали газетныхъ писаекъ и адвокатовъ. Государь, довершите святое дѣло. Даруйте намъ прочный миръ, истребите послѣдняго изъ нашихъ враговъ. Мы непобѣдимы. Когда насъ били, значить—была измѣна. Нынче намъ нечего бояться: средства наши неисчислимы, солдаты загалены, чего же мы медлимъ? Эти презрѣнные Остолопы смѣютъ говорить, что изъ нихъ одинъ справится съ шестерыми Ротозѣями; исторія обличаетъ бевсмысленность этого хвастовства: одинъ

Ротозѣй глотаетъ за разъ по десяти Остолоповъ — это всякому извѣстно. Впередъ, государь! разверните знамя побѣды; видно будетъ, найдетъ ли страхъ»...

Аудіенція происходила въ той комнатѣ, гдѣ жили Гіацинтовы собаки; одинъ изъ бульдоговъ, присутствовавшихъ при этомъ приѣмѣ депутацій, принялъ на свой счетъ яростные жесты послѣдняго оратора, и когда дѣло дошло до страха и до его доступа въ сердца Ротозѣевъ, онъ вдругъ съ неистовымъ лаемъ бросился на бушующаго сивдика, который, совершенно растерявшись отъ ужаса, опрокинулся навзничь на руки стоявшихъ за нимъ депутатовъ. Примѣръ бульдога подѣйствовалъ заразительно: вся стая вскочила на ноги и оглушила всѣхъ присутствующихъ лаемъ и воемъ.

Когда придворные съ трудомъ уговорили собакъ, такъ неожиданно заступившихся за Остолоповъ, Гіацинтъ любезно извинился передъ депутаціями и дружески пожалъ руку обиженному оратору, который, забывъ правила этикета, бросился въ объятія юнаго короля и расплакался отъ радостнаго волненія.

«Господа — сказалъ Гіацинтъ — я гордъ и счастливъ вашимъ довѣріемъ. Продолжайте помогать мнѣ вашими совѣтами и указаціями. Еслибы свобода слова была изгнанницею на землѣ, то она здѣсь нашла бы себѣ убѣжище. Первая потребность, первое право государя — знать правду. Первая обязанность подданныхъ высказывать ее безъ заносчивости и безъ робости. Прощайте».

Въ тотъ же вечеръ газеты напечатали крупнымъ шрифтомъ эти достопамятные слова. Но *Официальной истинѣ* эти слова показались предосудительными и опасными для общественнаго спокойствія, и она не признала возможнымъ сообщить ихъ своимъ читателямъ.

XVIII.

Когда окончился приѣмъ ста-двухъ депутацій, обер-каммергеръ доложилъ о сто-третьей, составленной изъ директоровъ и профессоровъ нормальной школы. Терпѣніе Гіацинта было истощено, и онъ поручилъ кавалеру Пиборню принять депутацію такъ, чтобы на будущее время отнять у нея охоту въ вѣрноподданническимъ манифестаціямъ.

Посѣтителей ввели въ залъ. Во главѣ профессоровъ шелъ директоръ училища, любезный и остроумный Паяцусъ. То былъ утонченный эпикуреецъ, сомнѣвавшійся во всемъ, невосхищавшійся никѣмъ, и считавшій себя одного умнымъ человекомъ. Измсканный писатель, художественныхъ дѣлъ мастеръ, *arbiter*

elegantiarum, онъ обработывалъ легко самыя серьезныя отрасли литературы. Онъ отдавалъ Тацита, какъ проказника, и доказывалъ въ двухъ толстыхъ томахъ, что Августъ спасъ республику, основавъ имперію, что Калигула былъ даровитымъ финансистомъ, Клавдій — глубокомысленнымъ антиваріетомъ, Неронъ — слишкомъ чувствительнымъ сыномъ и непризнаннымъ великимъ художникомъ. Его особа была не менѣе изящна, чѣмъ его литературныя произведенія; онъ былъ раздушонъ, какъ римлянинъ времени упадка; его можно было бы принять за юнаго патриція, еслибы онъ не носилъ золотыхъ очковъ, чернаго фрака и лакированныхъ башмаковъ.

Онъ держалъ въ рукахъ бумагу и искалъ глазами короля, когда Пиборнъ сказалъ ему торжественно:

— Милостивый государь, извольте читать вашу рѣчь. Нынче наговорили столько бессмыслицъ, что признано было необходимымъ установить цензуру, дабы на будущее время его величеству представлялась только привѣтствія, достойныя его августѣйшаго вниманія.

— Развѣ его величество сомнѣвается въ нашихъ чувствахъ? воскликнулъ Паяцусъ.

— Боже сохрани! отвѣтилъ адвокатъ.—Его величество знаетъ, что его вѣрная нормальная школа всегда оставалась неизмѣнною; профессора преданы правительству, ученики занимаются оппозиціей; одни гоняются за крестикомъ, другіе — за свободою; это въ порядкѣ вещей. Начипайте.

Паяцусъ подумалъ, не смѣются ли надъ нимъ; но, когда говорить министръ, поневолѣ надо слушаться. Онъ развернулъ свою бумагу, и началъ твердить голосомъ:

«Государь!

«Чтобы прославить достойнымъ образомъ этотъ великій день, требуется болѣе авторитетный голосъ. За отсутствіемъ дарованія, да будетъ намъ дозволено принести сюда наше умѣренное восхищеніе и вашъ сдержанный энтузіазмъ»...

— Гм! гм! промолвилъ Пиборнъ: — *умѣренное* восхищеніе! *сдержанный* энтузіазмъ! это отзывается оппозиціею. Во времена плѣнительнаго Нерона на этихъ словахъ построили бы премиленькое обвиненіе въ оскорбленіи величества. Кто вамъ позволялъ умѣрять ваше восхищеніе? Какъ вы осмѣливаетесь сдерживать вашъ энтузіазмъ? Прошу васъ объясниться.

— Ваше превосходительство, эти слова отличаются безукоризненною неванностью. Смысль ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ настоящее время все *умѣренно*; это прилагательное теперь въ модѣ. У насъ *умѣренная* наука, *умѣренная* строгость, *умѣ-*

реальная жизнь. Собственно говоря, намъ надо было вмѣсто слова скромный поставить новое, блестящее выраженіе, которое ослѣпило бы слушателя. Вотъ мы и поставили въ одномъ мѣстѣ умѣренный, а въ другомъ, для разнообразія — сдержанный.

— Понимаю; вамъ надо такое слово, чтобы никто его съ разу въ толкъ не взялъ. Это очень замысловато.

— Войдите въ наше положеніе, ваше превосходительство. Чтобы обновить обветшалый языкъ, мы придумали новые обороты, необычныя формы. Мы превращаемъ существительныя въ глаголы, глаголы — въ прилагательныя; прилагательныя — въ существительныя, и посредствомъ этихъ, искусно придуманныхъ, смѣлостей мы претворяемъ грубости просторѣчія въ утонченный и таинственный языкъ. Читая насъ, всакой говорить: «вотъ слогъ нормальной школы! Только тамъ и умѣютъ писать такими образомъ».

— Продолжайте!

— Когда говорятъ дѣла, продолжалъ Паяцусъ: — тогда прилично молчать...

— Это вы къ чему же клоните? спросилъ министръ.

— Тутъ, ваше превосходительство, подготавливается маленькая, заключительная стрѣлка. Мы начинаемъ всегда величественною, стройно-размѣренной фразою, въ которой тѣснятся яркіе, уравновѣшенные образы и красныя, гармонически-согласенныя слова, потому, какъ древній персавинъ, мы пускаемъ стрѣлу, которая проникаетъ въ тѣло, и заставляетъ его вздрогнуть.

— Это — ясно. Побольше словъ, поменьше мыслей. Дальше.

Паяцусъ поднялъ и округлилъ руку:

— Кто сей отрокъ, потрепавшій мечомъ? Въ Сипросѣ ли мы? Сынъ ли то бѣлокурой Фетиды, пылкій Ахиллесъ, еще разъ прельщенный любимцемъ Аепны, хитроумнымъ Одиссеемъ? Нѣтъ, то крестьянкъ фей, очаровательный Гиацинтъ, надѣленный всѣми дарами. У него сила, у него слава, у него пламя...

— Помилосердуйте, перебилъ Пиборнь. — Вы, кажется, по-арабски заговорили. Какое пламя? Что за пламя? Къ чему тутъ пламя, и гдѣ тутъ смыслъ?

— Ваше превосходительство, пламя по нашему, значитъ геніальность. Теперь подошелъ большой періодъ моей рѣчи, и я осмѣляюсь просить ваше превосходительство не перебивать, потому что здѣсь вся прелесть таится въ гармоническомъ движеніи словъ, въ измѣнчивой и бѣглой граціи переливовъ. «Родиться отъ царственнаго древа, славнаго и прекраснаго среди всѣхъ земныхъ династій, явиться вѣнчающимъ оное цвѣткомъ и плодомъ, его украшающимъ, вырасти на глазахъ у ро-

дательницы, имѣющей всё нѣжности и всё великодушія Корнелий, пренебречь съ колибели мягкими нѣгами царственныхъ досуговъ, мечтать о всѣхъ славахъ, стремиться ко всѣмъ великимъ начинаніямъ...

— Извините, сказалъ адвокатъ, вздыхая. — Сколько у васъ тамъ еще осталось неопредѣленныхъ наклоненій?

— Двадцать-два, господинъ министръ, не считая заключительной стрѣлки.

— А что, весело сказалъ адвокатъ: — кабы мы теперь же сразу да за стрѣлку.

— Ваше превосходительство, развѣ же такъ поощряютъ литературу?

— Господинъ Паяцусъ, отвѣтилъ министръ серьезно: — мы немедленно покажемъ вамъ, какъ глубоко мы интересуемся здоровою литературою. Эй, пригласите сюда одну изъ собакъ его величества.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Красивая болонка вошла въ залъ и обвела собраніе своими умными глазами.

— Господинъ Паяцусъ, сказалъ Пиборнъ: — сдѣлайте одолженіе, погладьте это благородное животное. Видите, какъ она на васъ смотритъ, и какимъ радостнымъ ворчаніемъ она отвѣчаетъ на вашу ласку. Прекрасно. Теперь поднимите собаку за кожу; она рычитъ — не бѣда. Поставьте ее на полъ, дерните ее за хвостъ. Да вы не бойтесь — не укусятъ.

— Я полагаю, милостивый государь, что намъ пора удалиться, сказалъ Паяцусъ, краснѣя до ушей.

— Нѣтъ, милостивый государь, сначала выведемъ правоученіе изъ этой небольшой сцены. Вы слышали рѣчи этой болонки: *ya, ya, yak?* Одно слово съ тремя различными удареніями выражаетъ у нея все. Горе, удовольствіе, радость, боль, любовь, сожалѣніе, благодарность, ярость — она все выражаетъ видоизмѣненіями одного звука. А вы, располагая сотками тысячами словъ языка — вы бѣдны среди этого богатства. Чтобы выразить самую простую мысль, вамъ надо коверкать глаголь, уродовать прилагательное, припрягать по два эпитета къ каждому существительному. Говорите, какъ всё говорятъ, милостивый государь, и не считайте себя великимъ человѣкомъ, потому что ставите во множественномъ числѣ слово, которому слѣдуетъ оставаться въ единственномъ. Вся ваша трескотня выставляетъ только на видъ нищенскую бѣдность вашей рѣчи, или вашихъ рѣчей. Вы старайтесь, чтобы у васъ были мысли, а слова придутъ сами собой, и чѣмъ они будутъ проще, тѣмъ лучше. Правда какъ статуя: чѣмъ она меньше прикрыта, тѣмъ

болѣе она прекрасна. Покрывать ее украшеніями — значить, обращаться съ нею, какъ съ продажною женщиною, значить, безчестить ее.

— Аристотель все это давно намъ объявилъ, дерзкимъ тономъ отвѣчалъ Паяцусъ. — Мы не виноваты, коли языкъ обветшалъ. Слова, износившіяся отъ времени, сдѣлались какъ-бы стертими медалями...

— Все-таки не резонъ замѣнять ихъ фальшивою монетою. Прощайте, господинъ Паяцусъ, я дарю эту прекрасную болонку подвѣдомственному вамъ училищу. Назначьте ее репетиторомъ по части языка и словесности. Она можетъ на этомъ мѣстѣ принести существенную пользу.

Паяцусъ удался съ яростью въ душѣ. Къ довершенію его отчаянія, болонку въ тотъ же день вечеромъ перевезли въ училище, и она съ тѣхъ поръ стала величественно прогуливаться по корридорамъ и аудиторіямъ, къ немалому удовольствію студентовъ, которымъ, конечно, вся исторія приѣма депутаціи тотчасъ сдѣлалась извѣстною во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ.

XIX.

Поручивъ Пиборню принять и спроводить профессоровъ нормальной школы, Гіацинтъ быстро пошелъ въ тотъ флигель дворца, гдѣ помѣщалось министерство и квартира графа Тушь-а-Ту. Онъ былъ уже въ гостиной, онъ уже слышалъ за дверью шорохъ шелкового платья, онъ узнавалъ легкую и смѣлую походку Тамарисы, какъ вдругъ совершилось еще разъ ужасное превращеніе: блестящій юноша сдѣлался прекраснымъ бѣлымъ пуделемъ.

Онъ пустился бѣжать, сунулся въ первую попавшуюся отворенную дверь, очутился въ будуарѣ Тамарисы, и забился подъ диванъ.

Вошла Тамариса, заговорила съ своею любимою горничною Жонкиль, и Гіацинтъ узналъ изъ ея словъ, что Тамариса, не чувствуя къ нему ни малѣйшей нѣжности, хладнокровно собирается вскружить ему голову, чтобы сдѣлаться королевой.

Левретка Жонкили, Мирза, также находившаяся въ будуарѣ, скоро открыла присутствие незнакомца, и отпрáвившись къ нему подъ диванъ, стала на него рычать. Гіацинтъ, боясь непріятной огласки, и угадывая, что за рычаніемъ послѣдуетъ громкій лай, кинулся на Мирзу и схватилъ ее зубами за горло, стараясь и надѣясь сразу задушить ее. Это ему не удалось. Мирза вся въ крови съ воемъ выскочила изъ-подъ дивана. Женщины пере-

веленіицъ. Въ эту минуту вошелъ графъ Тушъ-а-Ту, и дочь тотчасъ сдѣлала ему выговоръ за то, что онъ не сумѣлъ провести декретъ объ уничтоженіи бродячихъ собакъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ возможнымъ несчастіе, обрушившееся на Мирзу, и огорчившее Жонивъ.

— Выходи замужъ за вора, отвѣтилъ Тушъ-а-Ту: — все пойдетъ иначе. Я самъ по себѣ сумѣлъ заставить его объявить войну противъ его вѣли, а съ твоею помощью дѣло, разумѣется, на этомъ не остановится: ругайся тебѣ, что онъ во всемъ будетъ дѣлать по нашему.

Затѣмъ, узнавъ, что Мирза укушена тутъ же въ булуарѣ, графъ обнажилъ шпагу, сталъ шарить ея подъ диваномъ, приткнулъ Гіацинта къ стѣнѣ, и прakoлoлъ его.

— Однѣмъ изъ пріятелей короля! сказала Тушъ-а-Ту, нанося ему ударъ.—Я бы съ удовольствіемъ докопалъ бы точно также и покровителя этой дрянной собаки.

Жестокъ равнѣмъ, Гіацинтъ выскочилъ въ окно, и безъ чувствъ упалъ на мостовую.

XX.

Истекая кровью, пудель очнулся на колѣняхъ у Жирофле, и увидѣлъ возлѣ себя Арлекина, который, найдя его на улицѣ, притащилъ его къ себѣ на дворъ. Тутъ Гіацинтъ неважъ, что доброта дороже всего на свѣтѣ, и, появивъ это, въ ту же минуту превратился снова въ человѣка. Явилась фея дня, брызнула въ него водою, мгновенно залечила его раны, объявила ему, что всытанія его теперь окончились, и предложила ему тотчасъ слѣзть во дворецъ. Гіацинтъ захотѣлъ взять съ собою Арлекина, и сталъ сулить ему чины, мѣста, богатство и всякія почести.

— Спасибо, молодчикъ, отвѣтилъ Арлекинъ, которому фея позволила на минуту говорить человѣческимъ языкомъ: — у тебя доброо сердце, это мнѣ пріятно; благодарю васъ, сударыня фея, вамъ жалко стараго бродягу; оно и видно, что вы не простая женщина. Только мнѣ ничего не нужно; ничего я не хочу. Собакой я родился, собакой хочу умереть. Мнѣ сдѣлаться человѣкомъ? Быть злымъ, лживымъ, коварнымъ, своекорыстнымъ, какъ это подлое отродье? Никогда.

— Такъ ты меня не любишь? печально спросилъ Гіацинтъ.

— Малютка, отвѣтилъ бульдогъ:—ты слишкомъ молодъ, чтобы поппмать меня. Кто старъ, какъ я, кого обманывали, какъ меня, тотъ еще способенъ любить, но неспособенъ вѣрять любви дру-

гаго. Тебѣ шестнадцать лѣтъ, ты красивъ, ты добръ, свѣтъ тебѣ принадлежитъ, иди, куда зоветъ тебя судьба. Мнѣ больше нечего ни желать, ни бояться, я видѣлъ самую суть жизни, мнѣ остается только умереть. Мнѣ и на собакъ надоѣло лаять; что-жъ бы это было, кабы надо было лаять и на людей? Не старайся отнимать у меня спокойствіе и свободу, въ нихъ все мое достоиніе.

Послѣ напрасныхъ усилій переубѣдить Арлезина, Гиацинтъ отправился вмѣстѣ съ феей во дворецъ. Тотчасъ послѣ ихъ ухода, пришелъ отецъ Жирофле, а вслѣдъ за нимъ Лелу. Жирофле объявила имъ обоимъ, что она выходитъ замужъ за Нарциса, и что ихъ счастье упрочено, благодаря тому пуделю, который спрятался отъ преслѣдованій Лелу подъ нарцисову будку. Они ей не повѣрили и сѣли ужинать. Во время ужина вѣривалъ курьеръ изъ дворца и привезъ отцу Жирофле письмо отъ короля, а самой Жирофле богатый денежный подарокъ отъ королевы. Изъ письма кузнецъ Лапуэнтъ узналъ, что онъ назначенъ швейцаромъ во дворецъ, и что король проситъ руки его дочери для Нарциса, получившаго мѣсто секретаря при вѣдомствѣ прошеній.

Со стороны Лапуэнта воспослѣдовало немедленное согласіе.

XXI.

Воротившись во дворецъ, Гиацинтъ вмѣстѣ съ вдовствующею королевою явился въ балный залъ, гдѣ уже было въ полномъ сборѣ лучшее общество Ротозѣйской столицы. Тамариса сначала попробовала подѣйствовать на молодого короля взглядами и улыбками; потомъ, когда эти маневры остались безсильными, сама первая подошла къ нему, и заговорила о радости скромной вѣрно-подданной. Король не сказалъ ни слова, а королева отвѣчала милостиво, но холодно. Тамариса стала кокетничать съ однимъ богатымъ маркизомъ, чтобы возбудить ревность Гиацинта, но и это не подѣйствовало. Тогда она ушла къ себѣ домой, и съ досады разбранила своего отца.

Проводивъ раздраженную дочь, Тушъ-а-Ту воротился въ балный залъ, и отыскалъ глазами своего друга Пиборня.

— Любезный товарищъ, сказалъ онъ ему: — можете вы удѣлить мнѣ минуточку вниманія?

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ адвокатъ: — но, между вами будь сказано, любезный другъ, вы ужъ чересчуръ ретивы на общественныя дѣла. Хлопоты и безъ того скоро придутъ. Отчего не наслаждаться жизнью, когда она праздникъ, вотъ какъ сегодня вечеромъ.

Графъ не отвѣчалъ. Онъ привелъ адвоката въ отдаленную комнату, заперъ дверь на ключъ, и посмотрѣвъ Пиборню прямо въ глаза:

— Помните ли вы, спросилъ онъ:—ваше обѣщаніе, всего мѣсяцъ тому назадъ, когда король уѣхалъ на войну?

— Это вопросъ, сказалъ адвокатъ.—Въ чемъ меня обвиняютъ?

— Отвѣчайте серьезно, прошу васъ, сказалъ Тушъ-а-Ту.—Дѣло идетъ о вашей карьерѣ и о моей.

— Будто? отвѣтилъ Пиборнь.—Ну, милѣйшій мой судья, я помню совершенно отчетливо, что, желая сохранить мое мѣсто, находившееся въ вашихъ рукахъ, я обѣщала вамъ во всемъ и вездѣ съ вами соглашаться.

— И вы сдержали слово?

— Еще-бы.

— Какими же это судьбами я васъ встрѣчаю всегда заодно съ королемъ противъ меня?

— Позвольте, сказалъ Пиборнь:—когда я вамъ обѣщала всегда съ вами соглашаться, это значило, что я обязывалась васъ поддерживать противъ всѣхъ министровъ въ настоящемъ и въ будущемъ. Мы съ вами заключили наступательный и оборонительный союзъ. Но я никогда не соглашалась дѣйствовать съ вами заодно противъ короля. Это былъ бы не только договоръ, не имѣющій самъ по себѣ никакой обязательной силы, а тутъ была бы просто государственная измѣна.

— Да, сказалъ графъ:—у вашего брата адвокатовъ всегда подъ руками такіе законы, по милости которыхъ можно нарушать требованія чести.

— Ужъ и браниться? спокойно возразилъ Пиборнь.—Оъ какой стати? Говорите, что вамъ нужно. Выкладывайте карты на столъ.

— Я хотѣлъ напомнить вамъ ваше обѣщаніе, сказалъ Тушъ-а-Ту:—разъ какъ вы отъ него отрекаетесь, мнѣ больше не о чемъ съ вами разговаривать. Завтра я попрошу короля выбрать одно изъ двухъ: вашу политику или мою.

— Вы хотите сказать, вашу политику или его! воскликнулъ Пиборнь.—Вѣдь я, вы знаете, не имѣю ни малѣйшей претензіи править государствомъ. Я защищаю идеи короля: въ этомъ все мое честолюбіе и вся моя заслуга.

— Прекрасно, милостивый государь, сухо сказалъ графъ:—продолжайте вашу доблестную службу. Сегодня называйте во всеуслышаніе бѣлое чернымъ; завтра, при измѣнившихся обстоятельствахъ, говорите другимъ языкомъ, и представляйте черное бѣлымъ. Пока вы будете въ силѣ, у васъ всегда найдутся под-

купные хлопальщики; но, когда вы извратите народный умъ, когда вы уничтожите всякую любовь къ истинѣ, всякое чувство справедливости — наступитъ день возмездія, и вы узнаете, къ вашему стыду и горю, что нельзя безнаказанно глумиться надъ человѣческой совѣстью. Этотъ народъ, котораго вы не уважали, въ свою очередь будетъ васъ презирать. Его истиннѣе скажетъ ему, что ниже продажной женщины надаетъ тотъ, кто prostituiруетъ свою душу, и превращаетъ ложь въ ремесло.

— Могу сказать! Славную вы мнѣ проповѣдь читаете! закричалъ адвокатъ, красный, какъ ракъ.—И съ какого права вы мною принимаете такой тонъ, когда именно вы растлвваете и притупляете этотъ народъ? Когда я говорю,—я вызываю отвѣтъ, я не увертываюсь отъ сраженія; все происходитъ среди бѣлаго дня, при равномъ оружїи. Но вы съ вашими агентами, вы крадетесь въ потемкахъ, гасите всякій свѣтъ, душите всякій голосъ, разливаете кругомъ себя молчаніе и смерть. Краснорѣчіе ваше подозрительно, талантъ васъ стѣсняетъ, самостоятельности вы боитесь. Противъ васъ всѣ просвѣщенные умы, всѣ честные характеры. Это вы знаете, и ваша политика свѣдится на удушеніе. Чтобы успокоить вашу посредственность, жизнь должна остановиться, и все должно замерзнуть на вѣкъ въ узкихъ рамкахъ вашего невѣжества и вашихъ предрасудковъ. Монастырь или казарма—вотъ вашъ идеалъ! И благо бы вы еще умѣли отдавать себѣ справедливость! Но съ узкостью вашихъ замысловъ сопряжена самая смѣшная изъ претензій,—претензія неподвижности. Все предвидѣть, все знать, все устанавливать—вотъ скромныя стремленія этой непогрѣшимой церкви, которая не терпитъ возраженій. Люди, неспособные выростить колосья ржи, присваиваютъ себѣ право завѣдывать умомъ, совѣстью, дѣятельностью, имуществомъ, жизнью цѣлаго народа. Ничего не дѣлать и все-му мѣшать—это ихъ назначеніе; должно признаться, имъ это удается слишкомъ хорошо. Дайте имъ націю подвижную и дѣйствительную,—меньше чѣмъ въ столѣтіе они ее забавляютъ, усыпятъ и задушатъ. Славное завоеваніе! И какъ вамъ пристало оскорблять тѣхъ, кто говоритъ, вамъ, евнухамъ серала!

— Милостивый государь, закричалъ графъ:—знаете ли вы, что говорить нахаламъ?

— Нѣтъ, милостивый государь, но я знаю, чѣмъ имъ отвѣчать.

— Хорошо, милостивый государь, завтра вы мнѣ дадите отчетъ въ вашихъ словахъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, любезный мой товарищъ, отвѣтилъ Пиборнъ, пожимая плечами. — Если вы находите, что имъ

еще недостаточно смѣшны, будемъ драться; но вы знайте то, что адвоката легче убить, чѣмъ заставить молчать. За смѣхъ, мое амъ почтение.

На другой день, этотъ разговоръ, происходившій безъ свидѣтелей, былъ баснею всего города. Ротозѣи утверждаютъ, что женщины болтливы; но, по мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, они сочинили эту клевету, чтобы распусть славу о своей собственной сдержанности. На дѣлѣ бываетъ такъ, что когда Ротозѣи довѣряютъ государственную тайну сослуживцу или сосѣду, то послѣдній считаетъ своимъ священнѣйшимъ и самымъ неотложнымъ долгомъ сообщить эту великую тайну своимъ друзьямъ и знакомымъ, настоятельно упрасивая ихъ никому не говорить ни слова, вслѣдствіе чего извѣстіе въ тотъ же вечеръ появляется во всѣхъ газетахъ.

Слухи не ограничились подробностями ссоры, возгорѣвшейся между обоими министрами. Къ этому прибавляли, что въ присутствіи короля распря вспыхнула съ новою силою; король былъ принужденъ наложить печать молчанія на уста своихъ совѣтниковъ, забывавшихся въ его присутствіи. Естественнымъ образомъ публика ожидала офіціального опроверженія, которымъ подтвердилась бы вѣрность этихъ слуховъ; но, ко всеобщему изумленію, въ правительственной газетѣ появилось извѣстіе, что графъ Тушь-а-Ту подалъ въ отставку, и что кавалеръ Пиборнъ получаетъ новое назначеніе. Тутъ мудрецы стали качать головами, и заговорили, что приближается свѣтопреставленіе; честолюбцы забѣгали по салонамъ, тунеядцы заболтали, биржевые игроки потеряли головы.

Невозможно было ошибиться. Приблизилась великая политическая смѣна актеровъ и декорацій.

XXII.

Волшебный фонарь.

Выйди изъ совѣта, въ которомъ Тушь-а-Ту и Пиборнъ взаимно упрекали другъ друга въ томъ, что они ведутъ въ безднѣ короля и монархію, Гиацинтъ, очень озабоченный, поспѣшно пригласилъ съ себѣ на помощь фею дня. Чуть только онъ ее завидѣлъ —

— Благодарствуйница, закричалъ онъ:—спасите меня, спасите мой народъ! Составьте намъ конституцію.

— Дитя мое, сказала фея:—это для меня тарбарская грамота. Мы, фея, живемъ въ старомодномъ мірѣ, наше дѣло беречь

маленькихъ принцевъ, да выдавать замужъ молодыхъ принцессъ. Что я смѣлю въ полѣткѣ? Я стараюсь только доставить людямъ побольше счастья.

— Покровительница, если я не найду такую конституцію, которая ошастливитъ мой народъ, я погнѣбъ.

— Дитя мое, хочешь, я тебя поведу въ царство попугаевъ, гдѣ всѣ говорятъ, чтобъ ничего не сказать? Или въ царство гусей, гдѣ каждый чванится своимъ умомъ? Или въ царство чижей, гдѣ всякій гордится тѣмъ, что онъ чижеъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка, не того мнѣ надо.

— Попробуемъ какъ-нибудь иначе, милый. Посмотримъ, что бы намъ придумать.

Фея отворила окно и позвала ласточку, гонявшуюся за мошками.

— Милая, спросила она:—счастлива ли ты?

— Да, весело чиркнула ласточка.

— Почему ты счастлива?

— Потому что свободна, отвѣтила птичка.

И умчалась вихремъ.

Фея еще разъ выглянула изъ окошка, и подозвала пчелу, суетившуюся на вѣткѣ жимолости.

— Милая, спросила она:—счастлива ли ты?

— Да, прожужжала крошка.

— Почему ты счастлива?

— Потому что работаю съ утра до вечера.

— Кто направляетъ твою работу? спросилъ Гіацинтъ.

— Сама, отвѣтила пчела.—Все дѣлаю по своему, такъ на что же мнѣ начальство?

Съ этими словами она улетѣла.

— Дай мнѣ руку, сказала фея Гіацинту.

Въ одно мгновеніе они очутились средн полей.

Тамъ было стадо барановъ. Пастухъ спалъ. Собака сторожила.

— Ты счастливъ? спросила фея у толстаго барана, усердно щипавшаго траву.

— Какъ же я буду счастливъ? отвѣтилъ баранъ. — Цѣлый Божій день то кусаютъ, то бьютъ. Завтра будутъ стричь, либо отошлютъ на бойню. Чтобы быть счастливымъ, надо самому себѣ господиномъ быть.

— Однако, сказалъ Гіацинтъ: — вѣдь вотъ ты же ѣшь, жрѣешь, спишь?

— Моя такая судьба, сказалъ баранъ:—что меня съѣдятъ либо волки, либо люди. Всего умнѣе объ этомъ не думать.

Онъ забилъ голову въ траву, и сталъ жевать еще усерднѣе, чтобы наверстать потерянное время.

— Дитя мое, сказала фея:—наше дѣло какъ будто подвигается. Быть свободнымъ, работать, быть самому себѣ господиномъ — это счастье. Ты поставь это у себя въ конституціи.

— Матушка, сказалъ Гіацинтъ:—свобода доставляетъ счастье скотамъ. Отъ людей такъ дешево не отдѣлаешься. У нихъ разумъ есть.

— Значитъ, возразила фея:—они со всѣмъ своимъ разумомъ глупѣе скотовъ.

— Матушка, сказалъ Гіацинтъ:—мнѣ бы посоветоваться съ какимъ-нибудь древнимъ мудрецомъ. Ахъ! кабы мнѣ Аристотелемъ повидать!

— Мой кумъ Аристотель не откажется придти, сказала фея, очерчивая въ воздухѣ круги.—Я съ нимъ давно знакома. И шашни его всѣ намъ доподлинно извѣстны.

— Матушка, вѣдь онъ философъ!

— Ничего, что философъ, дитя мое. Все такой же человѣкъ. Философы-то иной разъ еще хуже чудятъ.

Пока она говорила, изъ земли выходилъ паръ, который постепенно принималъ человѣческій образъ. Гіацинтъ вдругъ увидѣлъ передъ собою рослаго мужчину съ пріятнымъ лицомъ, въ изящной греческой мантии.

— Здравствуйте, любезная сестра, сказалъ философъ, цалу руку феи.—Я былъ за сто миль отсюда, подшучивалъ надъ красавцемъ Платономъ. Все такой же мечтатель! Я услышалъ вашъ призывъ и явился. Чѣмъ могу служить?

— Любезный кумъ, вотъ молодой король проситъ у васъ конституцію для своего народа.

— Къ чему? сказалъ Аристотель.—Коли онъ всѣхъ красивѣе, всѣхъ сильнѣе, всѣхъ ученѣе, всѣхъ умнѣе и всѣхъ искуснѣе, коли онъ всегда правъ, коли онъ никогда не ошибается — пусть правитъ одинъ. По этимъ вѣрнымъ примѣтамъ, вслѣдствіе признаетъ его вѣждомъ и царемъ. Въ протѣвномъ случаѣ, пусть предоставитъ своимъ подданнымъ управляться какъ они сами хотятъ, и пусть не назависаетъ въ руководители тѣмъ, кто лучше и умнѣе его самого.

— Господинъ Аристотель, сказалъ Гіацинтъ:—задача не такъ проста, какъ вы полагаете. Мои подданные хотятъ, чтобы я ихъ осячастливилъ, а я не знаю, какъ за это взяться.

— Они варвары или греки? спросилъ философъ.

— Ни варвары, ни греки, отвѣтилъ король.—Они Ротозыи.

— Юноша, ты меня не понимаешь, сказалъ Аристотель. — На

свѣтъ существуютъ только двѣ политическія расы. Одна призвана повиноваться — это варвары. Другая способна къ самоуправленію — это греки, или, другими словами, цивилизованные народы.

— Какъ же ихъ распознають? спросила фея.

— У варваровъ, сказалъ философъ:—повелѣваетъ человекъ, у цивилизованныхъ народовъ—законъ. Первые покорны, какъ рабы, прихоти господина; вторые повинуются законамъ, которые сами они установили.

— Увы! вздохнулъ Гіацинтъ. — Я крѣпко боюсь, чтобы Ротозѣи не оказались варварами. Не подлежитъ сомнѣнію, что они не сами управляютъ собою, и что у нихъ люди сильнѣе законовъ.

— Всякій гражданинъ у нихъ воинъ? спросилъ Аристотель.

— Нѣтъ, есть постоянная армія.

— Это варвары, сказалъ философъ. — Они назначаютъ своихъ правителей путемъ народныхъ выборовъ и на опредѣленное время?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Гіацинтъ.

— Дважды варвары, сказалъ философъ. — Сами судятъ уголовныя дѣла?

— Нѣтъ, промолвилъ Гіацинтъ.

— Трижды варвары, продолжалъ философъ. — Собираются свободно для занятій общественными дѣлами? Имѣютъ право каждое утро критиковать дѣйствія всѣхъ своихъ правителей?

— Не всегда, сказалъ Гіацинтъ.

— Четырежды варвары, продолжалъ философъ. — Есть общее образованіе, сглаживающее всякое различіе въ состояніи и въ ражденіи?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Гіацинтъ.

— Такъ изъ-за чего же ты меня тревожилъ, юноша? сказалъ мудрецъ, нахмуривая брови. — Управляй на подобіе великаго царя персидскаго; веди подъ посохомъ твоимъ это стадо барановъ; строй дворцы, веди войны, предавайся во всемъ страстямъ твоего сердца, но не задумывайся надъ тѣмъ, какъ управлять людьми: ихъ нѣтъ въ твоей державѣ.

Съ этими словами онъ исчезъ, какъ дымъ, разнесенный вѣтромъ.

— Матушка, сказалъ король:—напрасно я васъ просилъ звывать этого грека; онъ понятія не имѣетъ объ условіяхъ новой жизни. Мнѣ теперь еще тяжело, чѣмъ было до разговора съ нимъ.

— Постой, крестьянкъ, сказала фея. — Вотъ тамъ я вижу стараго знакомаго. Съ нимъ лучше столкуемся. Эй, крикнула она, госпо-

день Агасверъ, подите-ко сюда. Намъ требуются ваша опытность и ваши совѣты.

На призывъ феи подбѣжалъ старикъ въ локотьяхъ съ большою палкою въ рукѣ. Его костюмъ не принадлежалъ никакой странѣ. Его пожелтѣвшее лицо было изборозжено глубокими морщинами, бѣлая борода покрывала ему грудь, глаза у него горѣли, какъ раскаленные угли. То былъ вѣчный жидъ. Гіацинтъ тотчасъ узналъ эту знаменитую личность, которой портреты разсѣяны повсюду.

— Идемъ, сказалъ странникъ: — я не могу останавливаться; будемъ говорить на ходу. Вамъ чего надо?

— Господинъ Агасверъ, сказалъ Гіацинтъ: — вы столько видали; скажите мнѣ, какіе народы всѣхъ счастливѣе?

— Не знаю, отвѣтилъ старикъ. — Такому несчастному, какъ я, что мнѣ за дѣло до чужаго счастья? Впрочемъ, коли хочешь, я тебѣ, пожалуй, скажу, какъ народы живутъ и какъ умираютъ. Ихъ столько родилось, выросло и сгнбло на моихъ глазахъ!

— Говорите, дѣдушка, я васъ слушаю.

— Сынъ мой, началъ Агасверъ: — одна вещь составляетъ величіе народовъ — свобода; одна вещь ихъ губить — опека. Слушай и запомни мои наставленія.

«Когда я вышелъ изъ Іерусалима, осужденный на казнь вѣчнаго снѣтанія, я оставилъ за собою горсть евреевъ, учениковъ того, надъ кѣмъ, въ безуміи моемъ, я поглумился. То была вся христіанская церковь. Я побѣжалъ въ Римъ, владку міра; я дивился тамъ величію языческихъ императоровъ, державшихъ землю въ рукахъ своихъ. Все имъ принадлежало — пространство и время; ни одного не было римлянина, кто не былъ бы увѣренъ въ вѣчности римскаго могущества; побѣжденные думали то же, что и побѣдители.

«Во время царствованія Коммода я воротился въ Вѣчный Городъ. Какая переиѣна совершилась въ полтора вѣка! Траянъ, Адрианъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій, эти великіе администраторы, эти отцы-государы, покрыли міръ дорогами и памятниками. Они ускорили только паденіе. Имперія разрушалась вслѣдствіе самихъ совершенствъ своего нравительственнаго механизма; управлявшіе и получавшіе плату превзошли числомъ управляемыхъ и платившихъ. Народъ повсемѣстно былъ голоденъ, заморенъ, при последнемъ издыханіи. Жили только гонимые христіане, усилившіеся дѣйствиємъ свободы. Жили также тѣ прирейнскія племена, которыхъ долго презирали, и которыя теперь бросались на имперію, какъ стая собакъ на затравленнаго оленя.

«Захотѣлось мнѣ взглянуть на этихъ варваровъ. Расписан-

ные, голые или едва прикрытые звѣринными кожами, они были ужасны; они съ утра до вечера пьянствовали, играли или спали въ своихъ дымныхъ берлогахъ, отъ нихъ воняло чеснокомъ и саломъ; но у этихъ дикарей не было господъ; каждая семья управлялась сама собою, каждая шайва сама выбирала себѣ вождя, каждый германецъ дрался за свое племя,—этого было достаточно, чтобы сдѣлать этихъ людей непобѣдимыми. Римъ напрасно выдвигалъ противъ нихъ свое золото и своихъ наемниковъ; они сожрали имперію кусокъ за кускомъ.

«Я убѣждалъ на востокъ, пришелъ въ Китай, увидѣлъ, какъ отеческое правительство превращаетъ народъ въ стадо. Душить всякую общественную жизнь, уничтожать всякій коллективный интересъ, поощрять всѣ похоти, потавать эгоизму—вотъ китайская политика; она произвела народъ безъ отчизны и имперію безъ гражданъ. Мнѣ опротивѣла эта выродившаяся цивилизація, я перешелъ въ Америку, задолго до того времени, когда какой либо европеецъ имѣлъ понятіе о существованіи этого обширнаго материка. Въ Мексикѣ, въ Перу, я нашелъ большія монархіи и порабощенные народы; то былъ Китай подъ другимъ названіемъ.

«Судьба привела меня въ Европу послѣ крестовыхъ походовъ; христіане и германцы свершили свое дѣло. Земля была раздѣлена на множество самостоятельныхъ владѣній. Города, обнесенные стѣнами, управлялись и защищались сами. Церковь, университетъ, составляли сильныя и уважаемыя корпораціи. На поверхности не было ничего, кромѣ неравенства и неурядицы; но подъ этою оболочкою, несмотря на безчисленное множество насилій и преступленій, свобода дѣйствовала какъ могучій ферментъ: народы жили. Генуя и Венеція покрывали море своими кораблями и строили свои дворцы, галереи, церкви; Флоренція воскрешала Аенны; Фландрія воздвигала свои башни, а Нормандія свои соборы. Парижскій университетъ былъ центромъ просвѣщенія. Вся Европа стекалась слушать этихъ профессоровъ, которыхъ смѣлость ничѣмъ не стѣснялась; церковь, всегда на бреши, говорила, писала, учила. Она защищала народъ противъ тираніи вельможъ. Вездѣ искусство, поэзія, наука, богатство, рождались вмѣстѣ съ свободой. Я подивился этому расцвѣтанію новаго міра, и потомъ неумолимая рука отправила меня въ Индію. Тутъ я снова нашелъ вѣчную драхлость восточныхъ народовъ, осужденныхъ раболѣпствовать и мечтать подъ гнетомъ наследственнаго деспотизма.

«Людвигъ XIV стоялъ на вершинѣ своего могущества, когда меня снова забросило въ Европу. Вездѣ утвердились великія мо-

нарки, обширная администрація. Я увидѣлъ кругомъ себя тотъ же востокъ. Обманутые государи, дерзкіе губернаторы, нѣмные народы, большія общественныя работы, тяжелые налоги, многочисленныя арміи — все то же, на что я недавно смотрѣлъ въ Азіи. Вездѣ роскошь дворовъ и бѣдность деревень, вездѣ насильственно созданное молчаніе и преслѣдованіе мысли. Заснувшая Германія, умирающая Италия, мертвая Испанія, истощенная Франція! Жили только двѣ націи: Англія, только что прогнанная своего короля; Голландія, открывшая среди своихъ болотъ убежище изгнанникамъ всѣхъ церквей и всѣхъ странъ. Полвѣка бродилъ я по Европѣ; потомъ судьба направила меня въ дѣса Сѣверной Америки. Тамъ я увидѣлъ опять свѣжую жизнь. Изгнанники, добровольные переселенцы, забытые или презрѣнные метрополією, основали въ дѣсахъ маленькія общества, управлявшіяся сами собою, безъ короля, безъ духовенства, безъ дворянства. Каждый гражданинъ былъ тамъ то судьей, то солдатомъ, то правителемъ. Тутъ расцвѣтала новая цивилизація — я не могъ въ этомъ ошибиться.

«Такова, сынъ мой, исторія міра. Свободою растутъ народы, опекою кончаются. Сначала, они отличаются всею пылкостью, всею неуязвимостью, но также и всѣми великодушными влеченіями и всею живучестью молодости. Потомъ они становятся трусливы, разсчитливы и эгоистичны, какъ старіи. Всякого шума они боятся, даже шума мысли. Всякое движеніе ихъ пугаетъ, холодъ овладѣваетъ ими, приближается смерть. Случись война, ихъ держава разрушается, господство ускользаетъ изъ ихъ рукъ, и переходятъ къ тѣмъ, кто вѣритъ въ будущее.

«Прощай, мой сынъ, ты знаешь мою тайну, примѣни ее къ дѣлу».

Не дожидаясь благодарности, жидъ удалился большими шагами. Гіацинтъ обернулся за совѣтомъ къ феѣ; та зѣвала во весь ротъ.

— Наконецъ-то, вскрикнула она: — этотъ старій дуракъ покончилъ свое вранье. Очень нужно было такъ долго доказывать, что у людей мозга не больше, чѣмъ у жаворонковъ, и что однимъ и тѣмъ же зеркаломъ ловятъ и самыхъ глупыхъ и самыхъ хитрыхъ! Дай руку, дитя мое, у меня назначено свиданіе съ сестрами въ Лунныхъ горахъ. Я тебя возьму съ собой.

Въ одну минуту деревья, дома, горы въ глазахъ Гіацинта ушли далеко внизъ, затѣмъ онъ понесся по воздуху, и наконецъ громадная площадь Африки какъ будто выплыла изъ океана.

— Постой, сказала фея, опускаясь на землю, недалеко отъ

миса Пальмоваго:—ты любишь политическіе опыты, такъ оставайся здѣсь, на возвратномъ пути я тебя захвачу.

Съ этими словами фея улетѣла, оставивъ озадаченнаго Гиацинта. Король оглядѣлся. Онъ былъ въ маленькомъ, правильно востроенномъ городѣ, съ широкими улицами. Всѣ жители были черные. Его чужеземная фигура привлекала на него всѣ глаза; женщины показывали на него пальцами, дѣти отъ него бѣгали, собаки на него лаяли.

Гиацинтъ подошелъ къ курчавому негру, уставившему бочонки съ масломъ въ большомъ магазинѣ, и спросилъ у него, гдѣ онъ. До нѣкоторой степени удивленный этимъ вопросомъ, купецъ отвѣтилъ однако вѣжливо и на хорошемъ англійскомъ языкѣ, что городъ называется Монровією, и что онъ столица государства Либеріи.

— Вотъ какъ вы насъ видите, прибавилъ онъ:—мы всѣ бывшіе рабы, пріѣхали сюда изъ Соединенныхъ Штатовъ жить на свободѣ. Мы надѣемся основать республику, которая числомъ и богатствомъ своихъ жителей затмитъ современемъ Европу и Америку. Бѣлая раса давно владѣетъ міромъ; теперь черная требуетъ себѣ своей доли наслѣдства. Она ее получитъ: Африка принадлежитъ ей.

— Вашъ народъ великъ? спросилъ Гиацинтъ.

— Насъ всего двадцать-пять тысячъ *цивилизованныхъ*, отвѣтилъ негръ:—но мы несемъ съ собою талисманъ, который позволить намъ мирнымъ путемъ завоевать всю Африку и поднять ее въ уровень съ Европой.

— Это что же за талисманъ?

— Американская свобода, сказалъ негръ.

— Отчего вы не скажете: просто свобода?

— Есть два сорта свободы, отвѣтилъ черный купецъ:—одна—слово, другая—дѣло. Первая—крикъ войны и революціи, опустошающій старый континентъ; вторая—совокупность учрежденій, составляющихъ величіе личности и счастье націй. Эту свободу мы привезли съ собой изъ Америки, это сѣмя мы посадили; ему дѣти наши будутъ обязаны богатствомъ и благополучіемъ.

— Какія же это учрежденія?

— Ихъ семь: свободная церковь, свободная школа, свободная печать, свободный банкъ, свободная община, миллія и судъ присяжныхъ. Какъ только приходитъ корабль, эмигрантамъ даютъ выбрать землю, какаю имъ нравится; разъ прикрѣпившись

къ почвъ, они въ первый же годъ заводятъ школы учить своихъ дѣтей, церкви, чтобы молиться Богу, газеты, чтобы просвѣщать міръ, банки, чтобы облегчить трудъ и обихъ. Вотъ ужъ зерно образовалось, община существуетъ; это—республика, законченная сама въ себѣ; она управляется свободно, при участіи всѣхъ гражданъ, и если какая нибудь опасность грозитъ ей извнѣ или внутри, каждый изъ насъ присяжный, чтобы защищать ее, воинъ, чтобы сражаться за нее. Вотъ наша свобода, иностранецъ. Такъ ее понимаютъ въ вашей землѣ?

— Вы, я вижу, Аристотеля знаете, сказалъ Гіацинтъ.

— Аристотеля? переспросилъ негръ, вращая свои большіе бѣлки и почесывая себѣ лобъ. — Это ния неизвѣстно въ нашемъ городѣ. Это, должно быть, какой-нибудь новый торговый домъ, безъ большаго кредита.

— Другъ мой, отвѣтилъ король, краснѣя за такое невѣжество:—Аристотель великій греческій философъ; онъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ сказалъ, что гражданинъ долженъ быть и воинъ, и присяжный, и администраторомъ, и что свобода слова и общее образованіе составляютъ два существенныя условія свободы и цивилизаціи.

— По моему, сказалъ африканецъ: — не надо быть великимъ философомъ, чтобы видѣть вещи, ясныя, какъ божій день. Пробудьте недѣлю въ Монровии, и вамъ каждый мальчишка въ нашихъ школахъ скажетъ то же самое, не хуже вашего грека.

— И вы надѣетесь, заговорилъ Гіацинтъ: — что это американское сѣмя, чистѣйшій продуктъ самой развитой гражданственности, взойдетъ среди вашего варварства?

— Дѣло сдѣлано, отвѣтилъ негръ.

— Позвольте мнѣ въ этомъ усомниться; свобода зависитъ отъ расы.

— Она зависитъ отъ воспитанія, сказалъ негръ. — Съ тѣхъ поръ, какъ мы, къ нашему черному племени, привили американскій духъ, мы чувствуемъ себя способными къ самоуправленію, такъ точно, какъ тѣ тысячи ирландцевъ и иѣмцевъ, которые, каждый годъ, эмигрируютъ въ Соединенные Штаты и тамъ перерождаются также точно. Въ три поколѣнія, мы овладѣемъ долиною Нигера; остальное — просто вопросъ времени.

— Блестящая мечта, сказалъ Гіацинтъ: — но она слишкомъ прекрасна, чтобы осуществиться.

— Это сомнѣніе показываетъ, что вы съ стараго материка, отвѣтилъ негръ. — Вы, небось, какъ наши сенегальскіе сосѣди:

тѣ воображаютъ, что заводятъ колоніи, когда посылаютъ генераловъ воевать съ неграми, и префектовъ — муштровать и притѣснять бѣлыхъ. Мы не такъ дѣлаемъ. Наши завоевательныя орудія — миръ, свобода и трудъ. У насъ община, какъ полициникъ; вырастая, она производитъ почку, новую общину, которая присоединяется къ первой, продолжая жить своею собственною жизнью. Въ свою очередь, эта почка производитъ новую клеточку, которая будетъ также плодovита. Дѣло не останавливается никогда. Такимъ образомъ, безъ шума, мало по малу, дѣйствіемъ неслышной и неотразимой работы, нашъ народъ растетъ, покрываетъ землю, поглощаетъ и перерабатываетъ варварство. Уже болѣе ста тысячъ негровъ, пришедшихъ изъ внутренней Африки, поступили въ наши школы, и тамъ усваиваютъ наши идеи и нравы. Этыхъ невѣжественныхъ и жестокихъ звѣролововъ мы превратили въ пахарей, въ ремесленниковъ, въ гражданъ. Будущее наше. Община измѣнитъ видъ Африки, и недалеко тотъ день, когда, занявъ мѣсто въ ряду цивилизованныхъ націй, мы всѣ составимъ одинъ народъ и одну республику.

— Если не разобьетесь на тысячи кусковъ, сказалъ Гиацинтъ.

— Еще заблужденіе стараго свѣта, спокойно сказалъ черныи.— У насъ, когда государство есть федерація маленькихъ республикъ, живущихъ каждая своею собственною жизнью, обширность государства является только лишнею гарантіею общаго мира и общей свободы. Гдѣ можетъ произойти разрывъ? Центръ вездѣ, окружность нигдѣ. Америка въ полномъ цвѣтѣ, только что возникшая Австралія, Африка въ своемъ первомъ зародышѣ говорятъ вамъ, что теперь цѣлыя матеріи вступаютъ въ политическую жизнь, и что старая Европа, раздробленная и поработенная, скоро вступить въ исторію, какъ древній Востокъ, и сдѣлается обломкомъ погибшей цивилизаціи.

— Не думаю, сказалъ Гиацинтъ, отчасти взволнованныи этимъ предсказаніемъ.

— Однако такъ будетъ, отвѣтилъ негръ:—если только Европа не заимствуетъ у насъ нашей американской свободы и не измѣнитъ духа своихъ сыновъ. Извините, иностранецъ, прибавилъ онъ:—вотъ солнце опускается, мнѣ надо побывать въ училышномъ комитетѣ, въ военномъ комитетѣ, и въ собраніи банка. Я долженъ съ вами проститься.

— Вы одинъ изъ главныхъ чиновниковъ страны? сказалъ Гиацинтъ.

— Нѣтъ, сказалъ негръ улыбаясь:—я просто мяслиный торговецъ и гражданинъ Либеріи.

Въ ожиданіи фея, Гиацинтъ гулялъ по улицамъ Монровіи; онъ посѣтилъ портъ, магазины; церкви, школы, бібліотеки. Къ великому своему изумленію, онъ замѣтилъ, что негры не Ротозѣи, и что они отъ этого не хуже.

Воротившись во дворецъ, онъ сказалъ феѣ:

— Матушка, я нашелъ свою конституцію, и думаю, что, по вашей милости, я успѣю осчастливить мой народъ.

— Тѣмъ лучше, милое дитя мое, отвѣтила добрая фея.—Теперь обними меня и простимся. Ты меня больше не увидишь. Гдѣ начинается разумъ, тамъ конецъ моему царству. Тебѣ даны на долю умъ, сила и красота. Опытъ научилъ тебя присоединять къ этимъ качествамъ справедливость и доброту: ты теперь мужчина; иди смѣло впередъ; тебѣ придется выдержать не одно испытаніе. Народы, какъ дѣти: кричатъ, когда ихъ умываютъ. Но за тебя будутъ твоя совѣсть и чувство исполненной обязанности; это дороже тѣхъ рукоплесканій, которыя пошлая или подкупленная толпа бросаетъ всѣмъ сильнымъ земли. Отъ тебя одного, на будущее время, зависятъ твое счастье и твоя слава; а тебѣ больше не нужна; прощай.

Гиацинтъ рыдая обнялъ фею, и заперся въ своемъ кабинетѣ. Въ тотъ же вечеръ, онъ написалъ конституцію въ двѣнадцать параграфовъ; то была, — не въ укоръ будь сказано великому законодателю — просто хартія Либеріи. Въ сущности, то было сороковое изданіе конституціи Соединенныхъ Штатовъ.

XXIII.

Печать у Ротозевъ.

Здѣсь ованчивается тысяча сто тридцать-третій томъ *Литонисей Ротозевъ*, обширной ученой коллекціи, которая одна, сама по себѣ, наполняетъ историческое отдѣленіе всѣхъ большихъ бібліотекъ. Чтобы закончить рассказъ, мы должны обратиться къ газетамъ.

Вотъ, вопервыхъ, нѣсколько выписокъ изъ *Умренности*. Это любимая газета Ротозевъ, потому что она составляетъ ожесточенную оппозицію:

«Граждане, берегитесь!

«Положеніе дѣлъ ужасно; измѣна ведетъ страну къ гибели.

При мудромъ и твердомъ правительствѣ графа Тушь-а-Ту, Ротозѣи были ужасомъ своихъ сосѣдей и возбуждали зависть всѣхъ націй въ мірѣ. Межъ тѣмъ, какъ армія наша приводила въ трепетъ вселенную, Ротозѣи жили счастливыи и гордые подъ опекою своего великаго правительства. Искусные министры снимали съ нихъ бремя тѣхъ ежедневныхъ заботъ, которыя ихъ теперь удручаютъ. Нѣтъ больше покоя этому несчастному народу, принужденному постоянно думать о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Национальная гвардія, церковь, школа, община, судъ присяжныхъ, публичныя лекціи, народныя читальни отнимаютъ у насъ всѣ наши досуги. Намъ больше не позволяютъ забавляться; мы рабы свободы.

«Даже женщины, граціозныя созданія, которымъ безвѣчность служить лучшимъ украшеніемъ, превращены и обезобразены тою ужасною системою, которая намъ навязана. Туалеты, катанія по лѣсу, экипажи, опера, скачки, жокеи, маленькіе придворные и городскіе скандалы, тысячи бездѣловъ, составляющихъ приправу элегантнои жизни, не служатъ болѣе предметомъ ихъ любезныхъ разговоровъ. Онѣ разсуждаютъ о религіи, о благотворительности, о школахъ, о политикѣ: точно мужчины. Коли дать имъ волю, прекраснѣйшая половина человѣчества скоро сдѣлается самою скучною и печальною. Неизвѣстно, отчего бы не сдѣлать ихъ избирателями: мы еще къ тому придемъ. Тѣмъ временемъ, роскошь угасаетъ, вкусъ портится, искусства принимаютъ серьезный характеръ: все приходитъ въ упадокъ.

«Вотъ куда насъ привели химерическія фантазіи ребѣнка! Вотъ до чего насъ унизили сервиллизмъ бездарныхъ министровъ, которые, чтобы угодить барину, не боятся разрушать нашу національную администрацію, уничтожать ту колоссальную централизацию, которая составляла славу и радость нашихъ отцовъ. Нынѣ, всякій дѣлаетъ, что хочетъ; индивидуальная тиранія доводится до своихъ крайнихъ предѣловъ. Равнодушіе, безсиліе и низость — вотъ модныя добродѣтели высшихъ сферъ; наши министры — позоръ и отребье цивилизаціи; иностранцы надъ ними смѣются, добрые граждане ихъ ненавидятъ, всѣ честные люди ихъ презираютъ.

«Ахъ! еслибы у насъ была свобода печати! Но, признавая за каждымъ Ротозѣемъ право основать газету, измѣнники знали, что дѣлали. Подъ предлогомъ освобожденія печати, они ее поработили. Въ близое время, простаго извѣстія о нездоровьѣ графа Тушь-а-Ту было достаточно, чтобы взволновать всю страну; нынѣ мы напрасно кричимъ о неспособности и предательствѣ министровъ — никто насъ не слушаетъ. Всякій занятъ своимъ

шволой и своей общиной; никто не заботится о правительствѣ, отъ котораго ему больше нечего ни бояться, ни надѣяться. Погибла великая нація, нѣтъ больше Ротозѣвъ.

«Ад. Кулѣръ».

Въ томъ же номерѣ помѣщено дальше:

«Въ нынѣшнемъ году будетъ значительный избытокъ доходовъ; его опредѣляютъ во сто милліоновъ слишкомъ. Говорятъ, что министры намѣрены употребить эту сумму на уменьшеніе пошлинъ при совершеніи купчихъ и при выписываніи въ реестры. Вотъ что называется гонаться за ложною и презрѣнною популярностію. Въ былое время эту сумму употребили бы на увеличеніе нашей національной арміи; но всѣ традиціи чести пропали, изъ насъ сдѣлали народъ лавочниковъ.

«Безстыдные министры осмѣливаются гордиться такимъ обращеніемъ доходовъ. Это, говорятъ они, доказательство, что богатство растетъ вмѣстѣ съ свободой. Но кого тутъ обманываютъ? Развѣ жъ не всѣмъ извѣстно, что расходы гражданъ увеличиваются въ ужасающей пропорціи съ тѣхъ поръ, какъ государство оставляетъ все на ихъ попеченіи? Утверждаютъ, что въ нынѣшнемъ году они дали добровольно на школы больше двухсотъ милліоновъ; скоро бюджетъ народнаго образованія поднимется выше нашего стараго военнаго бюджета. Когда захотятъ драться, гдѣ возьмутъ денегъ? Явись государственный человекъ у Остолоповъ, явись одинъ изъ тѣхъ великихъ политиковъ, которые ведутъ народы къ побѣдѣ и къ славѣ, что съ нами будетъ? Говорятъ, арсеналы наши полны, и регулярная армія въ двѣсти тысячъ человекъ представляетъ достаточные кадры для помѣщенія нашихъ храбрыхъ національныхъ гвардейцевъ. Твердятъ, что нѣтъ ни одного гражданина, кто не умѣлъ бы владѣть оружіемъ; но, если это годится для защиты страны, которой, впрочемъ, никто и не думаетъ угрожать, то развѣ жъ такимъ образомъ мы можемъ покорить міръ нашимъ идеямъ, и сдѣлать то, чтобы ни одинъ пушечный выстрѣлъ не раздавался на земномъ шарѣ безъ нашего соизволенія. Одно слово характеризуетъ теперешнее положеніе дѣлъ: поруганіе, поруганіе, поруганіе!

«Ад. Кулѣръ».

«*Примѣчаніе.* Два слова для газетъ, живущихъ скандалами. Осмѣливаются утверждать, что имя нашего главнаго редактора не настоящее; подъ этимъ мнимымъ псевдонимомъ скрываются угадать имя одного господина Ла-Дусера, котораго называютъ, не краснѣя, *отставнымъ сторожемъ бѣлыхъ собакъ.* Увѣряютъ, что мы занимаемся оппозицію по порученію одного важнаго лица, желающаго опрокинуть правительство съ тѣхъ поръ, какъ онъ

не стоитъ въ его главѣ. Мы гнушаемся этими плоскими ругательствами и отвѣчаемъ на нихъ однимъ презрѣніемъ. Мы гордимся тѣмъ, что въ качествѣ скромнаго солдата служили подъ административнымъ знаменемъ знаменитаго графа Тушь-а-Ту. Что же касается до честолюбія, приписываемаго этому великому человѣку, то оно ограничивается только страстнымъ желаніемъ извлечь Ротозѣвъ изъ той бездны, въ которую ихъ ввергаетъ безразсудство нѣсколькихъ мечтателей. Удивительно ли, что такой чистый патриотизмъ сдѣлалъ графа Тушь-а-Ту вождемъ оппозиціи?»

Выписка изъ газеты *Консерваторъ*.

«Намъ пишутъ изъ Борневилля:

«Сегодня совершилось погребеніе нашего достойнаго соотечественника, барона Жеронта Плѣрара. Его смерть была внезапная. Медики говорятъ, что его сразилъ апоплексическій ударъ; газеты, для которыхъ вѣтъ ничего святаго, упомянули о разстройствѣ желудка; истина та, что нашъ знаменитый соотечественникъ погибъ отъ болѣзни, которую чужеземный народъ называлъ очень мѣтко *разбитымъ сердцемъ*. Дерзновенныя реформы, производящіяся въ настоящую минуту, приводили въ ужасъ достопочтеннаго барона, и, какъ выразился краснорѣчиво на его могилѣ помощникъ борневильскаго мера, «онъ не могъ видѣть безъ трепета, какъ, отрѣзавъ спасительный якорь, пустили государственныя корабли по безбрежнымъ океанамъ». Всѣ честные люди трепещутъ вмѣстѣ съ нимъ.

«Рожденный въ судейскомъ семействѣ, вскормленный матерью, которая, какъ истая римлянка, умѣла только сидѣть дома за пряжей, баронъ Плѣраръ съ юныхъ лѣтъ проникся тѣми здравыми началами, которыя онъ защищалъ до послѣдняго дня. Онъ остался вѣренъ старому девизу своего дома: *Nova antiqua*—новое есть старое. По примѣру своихъ знаменитыхъ наставниковъ, онъ всегда утверждалъ, что *прогрессъ—есть революція*. Проникнутый здравыми доктринами, онъ любилъ повторять, что при началѣ міра, наши праотцы все знали, ничему не учившись; что, въ теченіе шестидесяти вѣковъ, знаніе и истина постоянно убывали, и что настоящее средство дѣлать успѣхи на пути цивилизаціи, это—вернуться назадъ. «Чѣмъ больше будешь патиться—говорилъ онъ—тѣмъ дальше уйдешь впередъ. Чтобы найдти чистую волну, надо подняться къ источнику, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за рѣкою въ тѣхъ долгихъ извилинахъ, гдѣ она обременяется испорченными и заразительными продуктами разложенія».

Приводимъ еще одну недавно напечатанную статью изъ *Умренности*.

«Мы сейчас были взволнованы въ палатѣ однимъ скандаломъ, который возмутитъ всю страну. Не только учрежденія рушатся, но и манеры извращаются; наша старая вѣжливость, нашъ изысканный вкусъ исчезаютъ.

«Нынче графъ Тушъ-а-Ту превзошелъ самаго себя: онъ произнесъ одну изъ тѣхъ рѣчей, которыя составляютъ эпоху въ жизни націй. Онъ растеръ въ порошокъ тѣ суетные софизмы, которыми обманываютъ слишкомъ легковѣрный народъ. «Ваша свобода — сказалъ онъ — просто ловушка и западня. Вы сами опредѣляете ее, какъ царство закона. Чтѣ такое законъ? Непреклонное правило, прилагаемое неумолимыми исполнителями. И эти-то сложныя отношенія государства и гражданъ вы хотите подчинить мѣрѣ слишкомъ суровой даже для частныхъ интересовъ? Это безуміе. Вы силою вещей приходите такимъ образомъ либо къ тиранин, либо къ анархін.

«Эти слова были покрыты рукоплесканіями на скамьяхъ оппозиціи.

«Чтѣ такое администрація? продолжалъ графъ.—Я принимаю ваше опредѣленіе: Это царство человѣка. Вы развѣ не видите, что чиновники, искусные, просвѣщенные, снисходительные, одни въ состояніи приладывать къ отдѣльнымъ случаямъ мѣры, въ которыхъ нѣтъ ничего неизмѣннаго? Съ ними нѣтъ ничего абсолютнаго; абсолютное неприменимо къ человѣческимъ дѣламъ; но часто обнаруживается благосклонность и всегда справедливость. Для тѣхъ, кто не тѣшитъ себя словами,—развѣ жъ это не настоящая свобода?

«— Прокляните! крикнулъ вдругъ слишкомъ знакомый голосъ.

«При этомъ бранномъ словѣ вся палата поднялась какъ одинъ человѣкъ, и потребовала, чтобы дерзкій былъ призванъ къ порядку. Шумъ продолжался больше четверти часа; затѣмъ, виновный взомель на трибуну. То былъ — мы говоримъ это съ грустью и съ отвращеніемъ — бывшій товарищъ графа Тушъ-а-Ту, адвокатъ Пиборнь.

«Онъ извинился передъ палатой, онъ завѣрилъ, что не хотѣлъ оскорбить представителей страны, и объявилъ, что это несчастное слово у него вырвалось.

«Возьмите его назадъ, возьмите назадъ! закричали ему со всѣхъ сторонъ. Такой образъ дѣйствій былъ бы конечно самый благородный, но есть на свѣтѣ люди, потерявшіе чувство чести. Чтобы оправдаться, адвокатъ Пиборнь счелъ своимъ долгомъ ухудшить свое положеніе.

«Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, шутка графа слишкомъ сильна. Я былъ въ администрація, я знаю, какъ тамъ дѣлаются дѣла.

Воспитанный въ серагѣ, я знаю всѣ его извороты. Когда гражданинъ чего-нибудь требуетъ, у него не спрашиваютъ: *правъ ли онъ?* а спрашиваютъ просто: *кто его протектируетъ?* Все для друзей, ничего для противниковъ—таково правило. Для первыхъ администрація лучше свободы,—это привилегія; для другихъ, — это уродливая тиранія; вездѣ и всегда это неравенство.

«Вы можете мнѣ повѣрить, прибавилъ онъ:—у меня нѣтъ никакого интереса ни защищать правительство, ни нападать на него. Король не обращался къ моей преданности; онъ выбралъ новыхъ людей, чтобы примѣнять новыя мысли; быть можетъ, такъ и слѣдовало поступить. Во всякомъ случаѣ, я на него не въ претензіи; я не ставлю моего честолюбія и тщеславія такъ высоко, чтобы стремиться къ низверженію правительства потому, что я самъ больше не министръ. Воротившись къ адвокатурѣ, гдѣ всѣмъ есть мѣсто, я простылся съ общественными должностями. Но какъ гражданинъ, какъ другъ роднаго края, я позволю себѣ замѣтить, что новая система идетъ лучше, гораздо лучше, чѣмъ я надѣялся. Повсемѣстно трудъ развивается, ассоціаціи множатся, просвѣщеніе распространяется; нація довольна жизнью, гордится своимъ юнымъ королемъ. Ротозѣи начинаютъ интересоваться своими собственными дѣлами. Этотъ народъ, прослившій равнодушнымъ, привязывается къ своимъ учрежденіямъ. Теперь ни одинъ Ротозѣи не согласится промѣнять тиранію закона на административную свободу. Подобные аргументы не серьезны; только ради насмѣшки можно бросать намъ въ лицо эти дерзкіе парадоксы.

«Оппозиція ошибалась жесточайшимъ образомъ этого безсовѣстнаго ренегата, но, краснѣя за нашу родину, мы должны сказать, что нашлось большинство, принявшее благосклонно эти жалкіе софизмы. И это большинство составлено изъ тѣхъ же людей, которые въ прошломъ году съ восторгомъ рукоплескали всѣмъ мѣрамъ, предлагавшимся графомъ Тушъ-а-Ту. Это печальное зрѣлище кажется намъ какимъ-то сновидѣніемъ. Прихоти короля было достаточно, чтобы превратить изъ бѣлаго въ черное всѣ идеи, всѣ убѣжденія, всю политику представителей націи. Мы обращаемся къ избирателямъ. Народъ, мнѣющійся такимъ образомъ, народъ переметныхъ сумъ былъ бы достоинъ только презрѣнія».

Мы читаемъ въ *Мухъ*, маленькой модной газеткѣ:

«Вчера вечеромъ былъ большой раутъ у маркизы Вермилионе-Вермилиони. Въ первый разъ послѣ своего замужества, прелестная дочь графа Тушъ-а-Ту открыла свои салоны. Она принимала своихъ гостей съ неподражаемою граціею. Всѣ друзья бив-

шаго министра собрались въ отель Вермиліоне протестовать противъ скандальнаго поведенія кавалера Пиборни. Собраніе не было многочисленно; было мало депутатовъ. Одно слово маркизы имѣло сильный успѣхъ. Ей говорили о политикѣ, которой слѣдовала молодой король:—о, сказала она, *это ребячество!*

«Это живо разнеслось по городу; въ тотъ же вечеръ его повторили въ одномъ домѣ, гдѣ находился кавалеръ Пиборни, котораго никогда нельзя застать въ врасплохъ. «Новая политика, сказалъ онъ смѣясь, не нравится прекрасной маркизѣ? Что мудренаго? Она не нарумянена».

«Когда же издадутъ законъ, чтобы обуздать языкъ адвокатовъ?

Намъ было бы нетрудно безпредѣльно увеличить число этихъ выписокъ. Въ одномъ городѣ Утѣхъ-на-Золотѣ сто ежедневныхъ газетъ кричатъ каждое утро, что все пропало. Правда, сто другихъ газетъ кричатъ, что все спасено. Но къ чему утомлять читателя? Несомнѣнно одно: революція, которую пророчатъ каждый день, совсѣмъ не такъ близка, какъ бы того желали нинѣшніе люди, если вѣрить кавалеру Пиборни, охарактеризовавшему одну остроумною фразою результаты этого газетнаго нетена:

«Ротозѣи, сказалъ онъ, теперь какъ собака кузнца: пока стучать по наковальнѣ, собака спитъ, а какъ только шумъ превращается, она поднимаетъ голову и открываетъ глаза».

ОБЕАНЪ.

(Изъ Чайльд-Гарольда, Байрона.)

Волнуйся же, глубокий океанъ!
Хотя скользить надъ бездною твоею
Тьмы кораблей и флоты разныхъ странъ,
Но человекъ не властвуетъ надъ нею.
Лишь землю онъ руинами покрылъ,
Но берегъ твой — предѣль его владѣній;
Онъ водъ твоихъ себѣ не покорилъ,
Въ нихъ нѣтъ слѣда его опустошеній,
Лишь самъ порой въ нихъ гибнетъ онъ, когда
На глубинѣ, съ послѣднимъ слабымъ стономъ,
Исчезнетъ вдругъ, какъ капля, безъ слѣда,
Охваченный твоимъ холоднымъ лономъ...

Его слѣдовъ нѣтъ на твоихъ путяхъ,
Твоихъ равнинъ испортить онъ не можетъ;
Его встряхнешь ты на своихъ волнахъ —
И твой порывъ ту силу уничтожить,
Которой онъ владѣть для того,
Чтобъ на землѣ творить опустошенье;
Что жалкое могущество его
И жалкая надежда на спасенье?
У пристани онъ былъ, но къ облевамъ
Подбросилъ ты его волной сердитой
И выкинулъ на берегъ; пусть же тамъ
Корабль его лежитъ, въ куски разбитый.

Империю по берегамъ твоимъ
Могуществомъ двѣли — и разрушались;

Ассирія, и Греція, и Римъ,
 И Карфагенъ... куда они дѣвались?
 Ты видѣлъ ихъ и въ славѣ, и въ цѣпяхъ,
 И омывалъ въ дни блеска и паденья;
 Но та же жизнь кипитъ въ твоихъ волнахъ,
 Все тотъ же ты, каинъ былъ въ день творенья;
 Полетъ временъ всё старитъ на землѣ,
 Онъ превратилъ имперіи въ руины,
 Но на твоёмъ сіяющемъ челѣ
 Онъ ни одной не наложилъ морщины.

О, зеркало, гдѣ отразился Богъ!
 Въ лучахъ зари, подъ сумракомъ тумана,
 Въ спокойствіи, или среди тревогъ,
 Взволнованный набѣгомъ урагана,
 У полюсовъ, въ бронѣ изъ вѣчныхъ льдинъ,
 У тропиковъ подъ атмосферой жгучей —
 О, океанъ! повсюду ты одинъ:
 Великій, безграничный и могучій.
 Ты — вѣчности изображенье, тронъ
 Невримаго, таинственный, глубокій,
 Всѣхъ климатовъ владыка и законъ,
 Невзмѣримый, грозный, одинокій.

И какъ тебя любилъ я съ юныхъ дней,
 И надъ твоей зеленой глубиною
 Какъ пузырьки, скользящіе по ней,
 Любилъ нестись, толкаемый волною.
 Въ младенчествѣ съ тобою я игралъ,
 Твой шумъ, твой плескъ мнѣ были наслажденьемъ;
 И если вдругъ ты волны подымалъ,
 И пѣнился съ грозой и озлобленьемъ,
 Внушая страхъ, то былъ пріятный страхъ,
 Я трепеталъ, и вмѣстѣ любовался:
 Взлетѣянь былъ я на твоихъ волнахъ,
 И имъ всегда безопасно довѣрялся.

Д. Л. Микаловскій.

СВАТЬ И ЖЕНИХЪ.

1.

Нутко! Марья у Зиновья
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!
У Кондратьевны Орина, —
Что ни дѣвка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, ниѣ съ родни
Будеть съ мужемъ — ни-ни-ни!...
— Ай да Марья! Марья — кладъ!
Сватай Марью, Марью, свать!...
Намъ съ лица не воду пить
И съ корявой можно жить
Да чтобъ мужу на порогъ
Не вставала поперегъ!...
Ай да Марья! Марья кладъ!
Сватай Марью, Марью, свать!

2.

Нутко! Вѣра у Даниила,
Палагея у Гаврилы,
Секлетей у Фрола —
Замужъ всѣмъ пора пришла!

У Никиты — Катерина,
 Что ни дѣвка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья знаешь шедровита
 Да работать, ух! сердита!
 Марья костью широка
 Высока, статна, гладка!
 — Ай да Марья! Марья — кладь!
 Сватай Марью, Марью, сваты!
 Намъ съ лица не воду пить
 И съ корявой можно жить
 Да, чтобъ мясо на костяхъ,
 Чтобы силушка въ рукахъ!
 Ай да Марья! Марья — кладь!
 Сватай Марью, Марью, сваты!...

8.

Нутко! Анна у Егора,
 У Антипки Митродора,
 Александра у Петра —
 Всѣ невѣсти, всѣмъ пора!
 У Евстраты — Акулина,
 Что ни дѣвка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья точно шедровита,
 Да хозяйка домовита:
 Все примоешь, приберешь,
 Все до нитки сбережешь!
 — Ай да Марья! Марья — кладь!
 Сватай Марью, Марью — сваты!
 Намъ съ лица не воду пить
 И съ корявой можно жить,
 Да чтобъ по двору прошла
 Всѣхъ бы курочекъ сочла!
 Ай да Марья! Марья — кладь!
 Сватай Марью, Марью, сваты!

Н. НЕКРАСОВЪ.

ДВА ПАМЯТНЫЕ ДНЯ.

I.

Утро было ясное, лѣтнее. Къ одному изъ дорожныхъ петербургскихъ отелей подъѣхала такая щегольская коляска, что на нее обратили вниманіе даже привычные къ роскоши глаза петербургскихъ зѣвакъ. Изъ коляски быстро, какъ-то особенно ловко, рѣшительно и вмѣстѣ величаво вышла дама, быстро скользнула по тротуару и скрылась въ подъѣздѣ, мелькнувъ нарядомъ, котораго хотя никто не успѣлъ рассмотреть, но всякій замѣтилъ что-то особенно свѣжее, изящное и дорогое. Ливрейный лакей слѣдовалъ за нею на лѣстницу, устланную ковромъ, запыленнымъ, какъ всѣ ковры гостиниць. Дама поднималась медленно, оглядывая стѣны, недостойныя принимать такую богиню. На ея лицѣ выражалось что-то въ родѣ безгливости; судя по тому, какъ она поворачивала голову то въ ту, то въ другую сторону, можно было заключить, какъ былъ ей непріятенъ воздухъ, который ее охватывалъ.

— Во второмъ этажѣ? спросила она, приостановясь на площадкѣ.

— Въ третьемъ, отвѣчалъ лакей, схвативъ съ себя шляпу.

Она пошла дальше, видимо утомленная. Это была женщина лѣтъ тридцати и, вѣроятно, больше, но какъ узнать лѣта петербургской модной женщины? Она была мехороша собою, но нарядъ, прическа, забота о свѣжести заставили бы подлѣ нея не замѣтить загорѣлую деревенскую красавицу. Она была высока ростомъ, полна, ступала нѣсколько тяжело, но граціозность женщинъ стала въ послѣднее время такой рѣдкостью, что перестала нравиться большинству публики. Взглянувъ на ступени, модная дама очень неграціозно подхватила шлейфъ своего воздушнаго блѣдно-соломеннаго платья, но выказала этимъ дорогой шелковый чохоль, котораго блескъ изумилъ двухъ другихъ дамъ, спускавшихъ ей на встрѣчу. Въ движеніяхъ и выраженіи лицъ

этих дамъ было тоже очень много рѣшительности, но величавость имъ не удавалась, а при встрѣчѣ съ важной госпожой, какъ будто и вовсе поблекла. Та умѣла какъ-то оглянуть ихъ разомъ, отъ красныхъ помпоновъ на ихъ маковкахъ до каблучковъ ихъ разшивныхъ полусапожекъ, и, между тѣмъ, какъ эти особы стремительно лѣзли на нее, дѣлая видъ, что никого не замѣчаютъ, дама, слегка стѣсняясь, дала имъ дорогу съ видомъ самаго дерзко-учтиваго состраданія. Въ коридорѣ третьяго этажа она остановилась у дверей одного номера и сама дернула звонокъ, нетерпѣливо и сильно, хотя ея рука, стянута перчаткой, и казалось маленькой.

Ей не сейчасъ отворили. Высунулась горничная, старомодная, деревенская горничная въ гребнѣ, безъ криволиня, и спросила, очевидно, съ просонка, полуспуганно, полусердито:

— Чего вамъ?

— Дома? сказала дама, входя, не слушая и слыша утвердительный отвѣтъ, бросая свой бѣлый бурнусъ лакею и въ то же время идя далѣе, въ комнату, изъ которой дверь была полуотворена и гдѣ модная женщина надѣялась найти больше чистаго воздуха.

Въ комнатѣ была другая женщина. Ее не вдругъ можно было увидѣть среди безпорядка мебели, на которой были разбросаны платя, книги, разныя вещи; на полу были чемоданы, дорожныя мѣшки; неубранный чайный приборъ еще оставался на столѣ, неуютно придвинутомъ къ дивану. Хозяйка привстала, отодвинувъ отъ своихъ колѣнъ маленькую, безобразно горбатую дѣвочку. Это была тоже женщина лѣтъ тридцати, можетъ быть, меньше; черты ея лица были замѣчательно прекрасны, но будто застыли въ одномъ выраженіи печальнаго испуга. Она неуверенно, торопливо сдѣлала шагъ на встрѣчу гостей и остановилась сконфуженная.

— Madame Тенцовъ?... сказала гостя, остановясь тоже, любовнымъ и еще болѣе шутивымъ тономъ.

Хозяйка продолжала смотрѣть на нее.

— Я вижу, меня не хотятъ узнавать. Или я такъ перемѣнилась? продолжала гостя, попрежнему шутиливо.

— Варенька!... вскричала та, бросилась къ ней и опять остановилась.

— Ну, да, Варенька, Варенька Лорихова, отвѣчала гостя изящно-чувствительно и вмѣстѣ весело, притянула ее къ себѣ и поцаловала.

Та упала ей на плечо, прижалась, будто одобренная лаской, заплакала и удержалась, будто отвела отъ ласки и отъ слезъ, и поднимая голову, смотрѣла большими глазами въ лицо подруги.

Тутъ только выказалась красота этой мгновенно-оживившейся женщины.

— Душа моя... прошептала она, кѣжно, какъ ребѣнокъ: — Варенька, неужели это ты? Ты меня вспомнила?... Боже мой, неужели еще кто-нибудь меня помнить!...

— Особенно, когда падаете Тенцовъ все дѣлаешь, чтобы ее забыли! отвѣчала гостя весело: — позволяй мнѣ сѣсть, я страшно устала... Какъ, ни слова никогда не написать! Столько лѣтъ! Я отъ постороннихъ узнала о твоей свадьбѣ...

— О, но это такъ давно! почти четырнадцать лѣтъ...

— Да, но я только это и узнала, только одинъ разъ и слышала о тебѣ... раза два имя твоего мужа попадалось въ газетахъ... Какъ не написать?

— Но, что жъ писать?

— Какъ, что?... Но здѣсь, въ Петербургѣ, давно ли ты? У тебя все точно будто сейчасъ съ дороги...

— Извини, сказала хозяйка, оглянувшись на неубранную комнату.

— Я только вчера узнала отъ моего мужа, что ты здѣсь, и такъ удивилась... Нѣсколько дней назадъ я слышала, что Василій Николаевичъ Тенцовъ, н—скій предводитель, отставленъ, прїѣзжалъ сюда объясняться, тотчасъ уѣхалъ назадъ, но, признаюсь откровенно, не беспокоилась узнавать дальше: всѣ эти министерства, департаменты, дѣла, все это мимо меня... Я обязана только знать и принимать къ сердцу дѣла моего мужа... Но вдругъ, вчера, мой мужъ говорить мнѣ: «Тенцовъ уѣхалъ, а Анна Владиміровна здѣсь». Здѣсь, одна? Что это значитъ? Одна, не ѣдетъ ко мнѣ, не даетъ мнѣ знать... Словомъ, я пришла въ ужасъ и вотъ я — передъ тобою!

— Милая моя...

— Куда же уѣхалъ твой мужъ? почему ты одна?

— Мы проѣхали Москву, не зная, что министръ тамъ; мужъ воротился, чтобы его видѣть...

— Только?... Ахъ, слава-Богу! Но ты здѣсь на долго?

— Не знаю... Что жъ это тебя такъ беспокоитъ?

— Какъ, что?... Сколько я прежде знала, сколько помню мосьѣ Тенцова, сколько слышала, откровенно говорю, Анна! онъ никогда не пользовался моею симпатіей; неприятный человѣкъ. И какъ ты могла за него видти? Такъ много старше тебя, вдовецъ; взяла на руки чужаго ребѣнка... Сколько у тебя своихъ дѣтей?

— Одна, отвѣчала Анна Владиміровна, взглянувъ на дѣвочку, которая сидѣла въ углу, прижавшись къ чемодану.

Барвара Алексѣевна взглянула туда же, стараясь не дать замѣтить никакого выраженія на своемъ лицѣ; мать это угадала.

— Послѣ нея были еще трое, хороши, какъ цвѣточки; старшему было пять лѣтъ, и всѣ трое умерли на одной недѣлѣ, сказала она и, схватившись за голову, зарыдала.

Барвара Алексѣевна помолчала.

— Не огорчай же ее, она понимаетъ.

— Она глухонѣмая.

— Ахъ!... прошептала Барвара Алексѣевна, даже зажмурясь.

Дѣвочка глядѣла на нихъ пристально. Анна Владиміровна позволяла ее знакомъ, но она не выходила изъ своей засады. Мать сама подошла къ ней и просила ее подойти къ гостѣмъ. Между ними завязался разговоръ знаками. Дѣвочка отказывалась, потупилась, качала головой, наконецъ, вдругъ схватила зубами руку матери, вскрикнула и, безобразно переваливаясь, убѣжала въ прихожую.

Барвара Алексѣевна глядѣла на все это съ непритворнымъ ужасомъ.

— Чтѣ же это? спросила она.

— Она меня не любитъ, отвѣчала мать отчаянно, но твердо, какъ будто говорила то, чтѣ давно сознала.

— Отчего это съ нею?

— Ея было два года; мы ѣхали съ нею въ деревню, насъ опрокинули. Она была у меня на рукахъ; я упала на камень, проломила себѣ голову, не очнулась, какъ и подняли... А она ушиблась, перепугалась...

— За чтѣ же она тебя не любитъ?

— А почему же я знаю! вскричала съ отчаяніемъ мать. — Говорятъ, будто такое уродство портитъ характеръ... къ тому же, она знаетъ, что я виновата въ ея несчастіи, не удержала ее, выронила...

— Ты сама чуть не убила до смерти.

— Ребенокъ этого не помнить.

— Ему могли бы рассказать, растолковать...

— Кто?

— Ея отецъ.

— Ея отецъ!... повторила Анна Владиміровна, и вдругъ остановилась.

— Ну, видно, разспрашивать нечего, сказала гостѣя, сжавъ губы, будто сдерживая волненіе: — мнѣ многое дѣлается понятно.

— Варенька, вскричала Анна Владиміровна: — мы съ тобой почти половину жизни не видались; разстанемся — не увидимся

опять; притворяться, рисоваться мнѣ для чего; лгать — я отроду не лгала! Я не жалуясь, ни на что не жалуясь! Но вотъ это горе видимое, его не скроешь: мое несчастное дитя меня не любить... Ей было почти семь лѣтъ; отецъ училъ ее... Охъ, какъ же иначе это назвать? Училъ ее завидовать маленькому брату, двумъ другимъ прошкамъ сестрамъ: «они хорошенькіе — мать ихъ любить, а ты безобразна... по ея милости»...

Нѣсколько минутъ, рыдая, она не могла выговорить слова.

— А тамъ умерли дѣти... Скажи мнѣ, какъ это, зачѣмъ это бывають такіа несчастія? за что? За что изъ моей жизни взята послѣдняя радость... о, всякая радость! Ничего нѣтъ! Только ужасъ этотъ, воображать, видѣть во всемъ это личико...

— Есть у тебя ихъ портреты? спросила Варвара Алексѣевна.

— Ничего нѣтъ... Все это вдругъ сдѣлалось, въ пять дней, въ деревнѣ... Портреты, что въ портретахъ? Вѣдь ручекъ не протянуть, не поцалуютъ... И нѣтъ ихъ нигдѣ... Гдѣ они?

— Всегда съ тобой, надъ тобой, сказала наставительно подруга.

Та не слушала, махнувъ рукой. Варвара Алексѣевна какъ будто удивилась такому невниманію, пришла въ недоумѣніе, вознегодовала, воздержалась и промолчала. Все это происходило, или производилось на ея лицѣ совершенно напрасно: единственная зрительница была не въ состояніи ничего замѣчать. Убѣдившись въ этомъ, Варвара Алексѣевна рѣшилась пробудить ее вопросомъ:

— Ее ничему не учили?

— Кого, Лизу? Развѣ это возможно? развѣ я могла ее такъ оставить? возразила Анна Владиміровна. — Повѣрь хоть ты, что она мнѣ мила!... Лиза читаетъ порусски и пофранцузски, пишетъ...

— Конечно, у васъ большія средства, можно выучить. Куда вы ее отдавали?

— Нигуда; она училась дома. Я ее учила, договорила Анна Владиміровна.

— Ты сама? Одна?

— По руководству. Трудно, конечно; еслибы я больше знала...

— Ты, ты одна? Анна, я предъ тобой благоговѣю! вскричала Варвара Алексѣевна.

Стремительное движеніе и сильное восклицаніе заставили, наконецъ, увлажиться ея глаза, о чемъ она давно старалась, и все неудачно.

— О, прости меня, Анна, ты такъ высока! такое мужество! Но говори мнѣ все, позволяй мнѣ спрашивать: неужели твой

мужъ, види твои заботы, твое страданіе, не подумалъ, по крайней-мѣрѣ, чѣмъ нибудь облегчить для тебя этотъ трудъ? Ты учила по руководству; развѣ нельзя было найти кого нибудь?...

— У Лизы гувернантка, сказала Анна Владиміровна.

— А, слава-Богу! Глухонѣмая?

— Нѣтъ...

— Но знающая дѣло такъ, что можетъ помогать тебѣ?

— Нѣтъ... не думаю, отвѣчала Анна Владиміровна, смѣшавшись такъ нечаянно, что не смогла этого сармтъ.

— Какъ «не думаешь»? Развѣ ты еще не испытала ея способностей? Какъ давно она у васъ?

— Три года, отвѣчала Анна Владиміровна, замѣтно неохотно, и покраснѣла.

Барвара Алексѣевна смотрѣла на нее пристально.

— Анна, сказала она, рѣшительно взявъ ее за руку: — ты должна мнѣ все сказать. Говори: она молоденькая?

— Да...

— Недурна собою?

— Да...

— Ее выбиралъ твой мужъ?

Анна Владиміровна не отвѣчала.

— Понимаю, сказала протяжно Барвара Алексѣевна, не сводя съ подруги своего пристального взора. — Гдѣ жъ теперь эта особа? Говори, душа моя; главное я вѣдь ужъ знаю. Гдѣ она? неужели въ Москвѣ, сопровождаетъ москѣ Тенцова?

— Въ деревнѣ...

— Чтѣ дѣлаетъ? хозяйничаетъ? Это мило!... Не отговаривайся: я знаю, что она хозяйничаетъ. И какъ ловокъ, какъ догадливъ москѣ Тенцовъ: понялъ, какъ смотреть общественное мнѣніе на это житье втроемъ, на всѣ эти новыя затѣи, спрятавъ чтѣ нужно подальше, а въ публику явился съ женой, даже съ дочерью — вся семья! И еще какая семья: жена — красавица! дочь — предметъ и заботъ, и гора, съ которыми онъ, отецъ, не могъ и на минуту разлучиться! Какая великолѣпная обстановка! Какъ не заинтересоваться человѣкомъ! О, лицемеръ!... Не возражай мнѣ, Анна, я все вижу насквозь! Какъ ты это допускаешь и выносишь?

— Мнѣ все равно, тихо возразила Анна Владиміровна.

— Какъ, ты, жена...

— Я не ревнива.

— Но твое собственное достоинство... Зачѣмъ ты сюда прѣхала? Чтѣбъ не оставаться тамъ глазъ на глазъ... avec cette créature?

— Я ни съ кѣмъ не глазъ на глазъ, я одна, отвѣчала Анна Владиміровна съ утомленіемъ. — Я привыкла къ своему углу въ деревнѣ. Я, все равно, рѣдко выѣзжала и въ городѣ, только праздничные визиты...

— И въ такой средѣ? нѣсколько лѣтъ? что жъ ты дѣлаешь?

— Читаю, думаю... день за день.

— Теперь понимаю, почему ты пріѣхала; ты не вынесла скуки и вздумала развлечься?

— Мнѣ-то развлеченія? О, Варенька! Но развѣ я молодая дѣвочка?

— Никогда не поздно пожелать отдохнуть. Но ты скрываешь; у тебя, вѣрно, была какая нибудь цѣль пріѣхать.

— Мужъ захотѣлъ, чтобъ я ѣхала, напомнилъ, что у меня въ Петербургѣ есть знакомые родные — вотъ старая графиня Розбергъ...

— Графиня Розбергъ родня тебѣ?

— Да... Но у меня была мысль посоветоваться о Лизѣ. Была надежда, не возможно ли что-нибудь. Я совѣтовалась. Затѣмъ я и осталась, когда мужъ уѣхалъ обратно въ Москву... Мнѣ сказали, что ничего нельзя сдѣлать. Нѣма, глуха, обезображена на всю жизнь!

Варвара Алексѣевна слегка наморщила брови; для нея ужъ было довольно всего, что было переговорено объ этомъ предметѣ.

— Ты видѣлась съ графиней?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Она на дачѣ, далеко.

— Ты могла бы съѣздить къ ней.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Ты меня удивляешь. Твой мужъ самъ тебѣ напомнилъ... Развѣ ты не видишь тутъ расчета? Его дѣло — не просто отставка какого-нибудь чиновника; это дѣло чести, партіи, принципа...

— О, я нѣсколько мѣсяцевъ слушаю объ этомъ! какая скука!

— Ты странная, Анна! Но положеніе твоего мужа — это твое положеніе; интересъ общій, ты должна о немъ позаботиться. Знаешь, какъ много можетъ сдѣлать женщина? а графиня Розбергъ такая повровительница...

— Я не умѣю просить, Варенька.

— Не просить, а объяснить дѣло...

— Мой мужъ объяснится съ министромъ.

— Ахъ, Анна!

- Если дѣло справедливо, никакого покровительства не нужно.
 — А если нѣтъ?
 — Тогда чтѣ жь и просить?
 — Ты меня удивляешь, Анна! Положимъ, твое чувство, какъ чувство гражданки, превосходно...
 — Не говори обо мнѣ такихъ высочихъ вещей: я, просто, ни о чемъ не думаю.
 — Но, другъ мой, твое положеніе въ обществѣ! подумай о немъ, вообрази, какъ ужасно...
 — Я не честолюбива; мнѣ все равно... Общественное положеніе! Право, я рада спрятаться отъ дѣлага свѣта. Такъ все темно кругомъ, темно впереди, такъ жизнь далеко ушла...
 Она захватила руками свои колѣни, глядя передъ собою и замолчала.

Варвара Алексѣевна смотрѣла на нее, смотрѣла долго и, вдругъ, позавидовала.

«Какъ хороша, какъ граціозна!» думала свѣтская дама, между тѣмъ, какъ на сердцѣ у нея все сильнѣе закипало чувство, никому незнакомое такъ хорошо, какъ свѣтскимъ дамамъ. У Варвары Алексѣевны это чувство преобладало надъ всѣми другими: она жила, завидуя. Единственно изъ правдности, изъ любопытства, изъ необходимости новизны или сплетни явилась она по-смотреть на прежнюю подругу-провинціалку, по привычкѣ любезничать была внимательна и оживлена, по привычкѣ рисоваться выказывала чувство и участіе. Переступая порогъ Анны Владиміровны, Варвара Алексѣевна разсчитывала только какъ-нибудь иначе, не по заведенному порядку провести утро; она не ожидала никакихъ впечатлѣній. И вдругъ являлось впечатлѣніе, поднималось чувство мучительное до боли: прежняя подруга была красавица, богата, и ветолю не дорожила, пренебрегала обществомъ, знатными связями...

«Она не можетъ быть такъ глупа», мелькало въ головѣ Варвары Алексѣевны: «она не можетъ не понимать, что и въ провинціи не кланяются поверженнымъ идоламъ; если ея супругъ — ничто, то и она ничто, и ей останется дома любоваться на счастье супруга и гувернантки, а въ обществѣ — разыгрывать печальную фигуру. Невозможно, чтобъ она этого не понимала. Нѣтъ, тутъ что-нибудь другое!»

Варвара Алексѣевна оживилась. Ея сердцу стало легче, когда въ головѣ завертѣлись догадки, нѣкоторыя даже игриваго свойства. Но на чемъ остановиться, когда все неизвѣстно? Нужно вывѣдать...

Печальное настроеніе всего разговора уже утомило Варвару

Алексѣевну, но сойти съ него вдругъ было бы неловко. Къ тому же, всегда прекрасно владѣя собою, Варвара Алексѣевна владѣла и свѣтскимъ тактомъ, который учитъ не запугивать, не толкать, а примѣняться къ людямъ; чтобы ловчѣе забирать ихъ въ свою власть.

— Да, вотъ какъ насъ свела судьба! сказала она, будто подавляя сильно поднимавшееся чувство, а между тѣмъ, желая, чтобы оно какъ-нибудь поднялось и помогло продолжать бесѣду. — Долго ли ты здѣсь пробудешь?... Мы должны видаться, Анна.

Анна Владиміровна сидѣла опустила голову.

— Должны, подтвердила Варвара Алексѣевна рѣшительно, и вдругъ благополучно настроилась. — Въ жизни дается немного. Мы сошлись не даромъ... Ты, можетъ быть, думаешь, ты одна знаешь — что такое слезы? Что въ жалобахъ?...

— Я не жалуясь, тихо возразила Анна Владиміровна: — я... такъ свезалось; ты пришла, вспомнилось прежнее... Такое счастье, встрѣтить близкаго человѣка!

— Да, я пришла; ты видишь, я все та же, я не умѣю мѣняться. Я тебя поняла, но у меня правило: толковать о своемъ горѣ — это только напрасно его тревожить, наскучать себѣ и другимъ. Я никогда не выдамъ, какъ мнѣ тяжело...

Анна Владиміровна подняла на нее глаза.

— Да! много я могла бы тебѣ рассказать! продолжала Варвара Алексѣевна, нервически сжавъ свои руки. — Не всѣ счастливы, кто кажется счастливыми... Я твердо рѣшилась исполнить мой долгъ, но что мнѣ дѣлать съ своимъ сердцемъ? Я десять лѣтъ замужемъ, а что мнѣ улыбнулось въ жизни?...

— Ты несчастна? спросила съ испугомъ Анна Владиміровна.

— Несчастлива?... Нѣтъ. То-есть, нѣтъ того, что принято называть несчастьемъ, грубаго этого, что бросается въ глаза, чему всѣ сострадаютъ, ахаютъ. Ничего подобнаго, что, вотъ, заплакала, и довольно... Это глубже, это точить, это убиваетъ...

Она такъ растрогалась, что двѣ слезы выкатились на ея руки, сіявшія кольцами.

— Варенька! вскрикнула Анна Владиміровна и бросилась къ ней.

— Ты думаешь, я... выговорила Варвара Алексѣевна, вѣрно зажимая себѣ лицо.

Анна Владиміровна отняла и поцаловала ея руки; подъ ними больше не было слезъ. Слегка задыхаясь, Варвара Алексѣевна

обняла пріятельницу, съ великимъ уваженіемъ къ ея воротничку и собственнымъ рукамъ, и подарила въ проборъ.

— Чудесные волосы... сказала она.

— О, Варенька, о милая; повторила Анна Владиміровна.

— Нѣтъ, дай лучше забиться! давай рассказывать другъ кругу сказки, глупости! Давай учиться по чужимъ глупостямъ, какъ быть умнѣе... Мы пропадаемъ оттого, что непрактичны. Ты удивила бы нашихъ госпожъ: графиня Розбергъ тебѣ тѣтка, а ты не пользуешься! Другая на твоемъ мѣстѣ давно бы къ ней слетала, устроила бы дѣла мужа и такъ бы взяла его въ руки, что онъ бы не посмѣлъ и вспомнить свою... какъ ее зовутъ?

— Оттилія.

— Хорошенькое имя... Нѣтъ, ты непрактична, ты неподвижна! Кюсавица—и не живешь!.. Вѣдь наша женская жизнь, обстановка,—вотъ, твоя въ провинціи, моя здѣсь,—это такая пустота, въ ней такъ легко отупѣть. Заведенный, томительный порядокъ, условія... Жаль себя, просто, безпристрастно жаль, какъ постороннюю. За что пропадаешь и умъ и грація, и красота, наше значеніе, наша любовь?.. Минутами... знаешь, Анна, это страшное искушеніе!.. Я слышу, нынче перѣди эти исторіи; какая-нибудь дѣвочка, женщина... Я говорю себѣ: она живетъ, а я не жила! минутами, я готова оставить мужа, дѣтей, всю мою блестящую обстановку, броситься не знаю въ какую драму, лишь бы одинъ день, одинъ часъ... Не смѣйся!

Анна Владиміровна не смѣялась; она вовсе не понимала свою пріятельницу.

— Чего-жь ты хочешь? спросила она.

— А ты чего хочешь? спросила Варвара Алексѣевна, взглянувъ на нее пристально.

— Не знаю... ничего... Отдохнуть, только.

Варвара Алексѣевна сжала губы и отвела свой взглядъ, чтобы не запугивать, или не дать догадаться о дѣлосѣ. У нея зародилась мысль, что подружка ловкая лицеѣрка.

— Ты слишкомъ неподвижна, сказала она послѣ минутнаго молчанія, возвращаясь на свой рѣшительный, наставительный тонъ.—Неподвижность—это смерть. Ты правдиво и физически накладываешь на себя руки, а ты знаешь, что это грѣхъ. Да, грѣхъ. Надѣюсь, ты не отрицаешь? прибавила она строго сдвинувъ брови.—Вѣдь ты вѣруешь? Ты молишься? Часо ли ты молишься?

— О чемъ ж? навпно отвѣчала Анна Владиміровна.

— Какъ, о чемъ? повторила Варвара Алексѣевна, будто пора-

женная:—я никакъ не думала, что найду въ тебѣ... Это, однако, ужасно!.. Ты читаешь что-нибудь?

— Читаю.

— Что? спросила Варвара Алексѣевна, заранѣе съ упрекомъ.

— Что случится.

— Романы?

— Вотъ занятіе!

— За что такое презрѣніе! сказала, улыбаясь, Варвара Алексѣевна:—занятіе невинное, отдохъ, а часто сколько мы находимъ въ нихъ правды, о, какой правды!

— Не знаю, возразила нетерпѣливо Анна Владиміровна:—для меня нѣтъ отдыха въ выдуманномъ.

— Такъ помщи его въ дѣйствительности... Дѣли свою жизнь на двѣ половины: утромъ, поставь себѣ за правило прочесть нѣсколько страницъ, которыя бы тебя возвысили, укрѣпили, молись,—вотъ ты и вооружена, и что бы ни случилось, ты готова... А тамъ—живи!

— Какъ это?

— Тебѣ мало выдумокъ, ты хочешь дѣйствительности... Ну, составь себѣ свой романъ.

— Охъ, Варенька! сказала Анна Владиміровна, засмѣявшись тому, что приняла за шутку.

— Право. Ты такъ хороша; что терять время... Я думала, ужъ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ли романа: ты такъ таинственно сириталась, я едва тебя нашла.

— Милая моя Варенька, какъ я тебѣ благодарна!

— Ты сама по своему вкусу выбрала себѣ убѣжище?

— Нѣтъ; мы, какъ пріѣхали, остановились...

— Ахъ, да! узнаю экономическія привычки москѣ Тенцова! Вѣдное созданіе, ничѣмъ ты не пользуешься на свѣтѣ!... По послушай, возьмемъ хоть нѣсколько дней виѣстѣ. Пріѣзжай ко мнѣ; мы на дачѣ въ Царскомъ. Ты развлечешься. Вѣдь это ужасно чакнуть въ городѣ, въ пыли; на третьемъ этажѣ... Кто тутъ съ тобой? Я видѣла одного цербера женскаго рода, котораго вѣроятно избралъ тебѣ въ стражи самъ твой супругъ...

— Есть такой же и мужскаго рода, сказала Анна Владиміровна.

— Гдѣ же онъ?

— Не знаю.

— Пьянствуетъ, замѣтила свѣтская дама, сжавъ губы.— Оставь все это хравить твои вещи и пріѣзжай ко мнѣ хоть сегодня же пли завтра съ утра. Полчаса по желѣзной дорогѣ.

— Я знаю.

— Если завтра, я тебя встрѣчу въ вокзалѣ. Обѣдаешь вѣдь-
стѣ, у меня будетъ кто нибудь, вечеромъ сѣдѣшь въ
ловскѣ на музыку... Но что жъ я настаиваю? Ты, можетъ быть,
въ самомъ дѣлѣ имѣешь свои причины не показываться...

— Нѣтъ, право, никакихъ.

— Такъ что же? Или ты испугалась общества, провиндала...
затворница?

— Нѣтъ, но вотъ что...

— Если тебя затрудняетъ туалетъ, у меня все къ твоимъ
услугамъ. Впрочемъ, судя по тому, какъ ты одѣта дома (Варвара
Алексѣевна оглянула ее съ головы до ногъ, любовитно и за-
вистливо), вы одѣваетесь въ совершенствѣ, madame Тенцовъ.
Позволь только, я сейчасъ заѣду и выберу тебѣ шляпку, потому
что *этою*, конечно, у тебя не можетъ быть... Тутъ нуженъ
тактъ. Ты видишь мою: очень оригинальна. Ты доврѣшишь мо-
ему вкусу?

Она очень оживилась.

— Нѣтъ, вотъ что, повторила Анна Владиміровна: — Лиза...

— Ахъ, да, сказала Варвара Алексѣевна уже безъ увлеченія: —
что жъ, привези и ее.

— Но мы васъ стѣснимъ...

— О, Боже мой, нѣтъ! между своими! Надѣюсь, ты не ста-
нешь претендовать, а я не буду церемониться. Такъ до завтра.
А я у тебя засидѣлась, прибавила она, взглянувъ на часы и
быстро поднявшись. — Сейчасъ пришлю тебѣ шляпку.

Она вышла въ полутемную прихожую. Лиза была тамъ съ гор-
ничной и ливрейнымъ лакеемъ. Варвара Алексѣевна, будто не
замѣчая непріятной обстановки, наклонилась къ дѣвочкѣ и лов-
ко, будто вѣкъ свой обращалась съ глухонѣмыми, стала объ-
яснять ей, что вотъ завтра Лиза пріѣдетъ къ ней въ вагонѣ, что
тамъ у нея садъ, дѣти и весело.

Дѣвочка обрадовалась, ея большіе впалые глаза засвѣтились.
Она удержала гостью за платье и начала разспрашивать знака-
ми, будутъ ли тамъ плошии и такіе танцы, какъ въ саду дру-
гой гостиницы недалеко, гдѣ вчера горничная и она стояли ве-
черомъ и смотрѣли съвозъ заборъ. Она махала руками и вскри-
кивала отъ восхищенія.

— Ну, тутъ я ужъ ничего не понимаю! сказала, улыбаясь, Вар-
вара Алексѣевна, и протянувъ еще разъ руку ея матери, исчезла
въ корридоръ.

Отвѣчала ли Анна Владиміровна отъ близкой дружеской бесѣ-
ды или просто отвѣчала видѣть людей, но ей казалось, что съ
ней случилось что-то необыкновенное; она была ввзволнована.

Это не было веселое, одушевляющее волненіе, послѣ котораго, если не легче живется, то бываетъ по крайней-мѣрѣ нѣсколько часовъ какой-то отваги беззаботной, дѣтской, когда намъ кажется, будто наши силы воскресли и обновились, когда мерещатся надежды нескладныя, неопредѣленныя, за то безчисленныя. Съ Анной Владиміровной было не то. Ей показалось, что она поступила дурно, дала заглянуть посторонней въ свою жизнь.

«Но моя жизнь вся на лицо», сказала она себѣ чрезъ минуту, съ жалкимъ достоинствомъ забытыхъ людей, привывшихъ къ необходимости оправдываться. «И развѣ Варенька мнѣ чужая? Чрезъ столько лѣтъ, первый разъ встрѣтилась близкая душа, не забыла, любить меня...»

Но ее все еще что-то мучило. Наконецъ, она разобрада что. Ее будто на свѣжій воздухъ потянуло на маленькую возможность удовольствія; ей стало какъ будто любознательно посмотрѣть, какъ люди живутъ не случая, увидѣть что-нибудь новое. Все это промелькнуло у нея по сердцу и ей стало стыдно своего малодушія: она ужъ немолода...

Анна Владиміровна смутно вспомнила на секунду, что Варвара Алексѣевна старше ея. Еще быстрѣе пролетѣла у нея мысль, что Варвара Алексѣевна необыкновенно свѣжа и румяна, будто чѣмъ-то притерта...

«О, какой вздоръ!» прервала сама себя Анна Владиміровна, стыдась и рассказываясь.

Раздался звонокъ; горничная ввела модистку съ картонкой. Модистка объяснила, что сейчасъ мадамъ Лориховъ выбрала, дала адресъ и, вотъ, la fourniture, счетъ, и такъ далѣе.

— C'est bien, mademoiselle, прервала Анна Владиміровна, равнодушно заглянула въ картонку и расплатилась.

Модистка была удивлена, почти обижена такимъ невниманіемъ къ своему произведенію и комедила уходить. Ее вознаградила Лиза. Она выхватила шляпку и вскрикнула.

— Мнѣ? спросила она знакомъ.

— Мнѣ, отвѣчала мать, показавъ на себя.

Лиза оставила шляпку, и схвативъ близко лежавшую свою, свѣженькую и красивую, смила ее подъ ногами. Ея глаза сверкали. Быстрыми жестами, вскрикивая, она объяснила, что мать думаетъ только о себѣ, рада наряжаться, тратить деньги безъ отца; что она, Лиза, все расскажетъ отцу, что въ лохмотьяхъ она въ гости не поѣдетъ. Чтобы лучше доказать, каковы эти лохмотья, Лиза продолжала терзать свою шляпку и начала рвать на себѣ платье. Модистка любовалась на это, какъ на спектакль.

— Пришлите мнѣ сейчасъ дѣтскую шляпку, сказала Анна Владиміровна, чтобы скорѣе отослать эту свидѣтельница.

— Oui, madame, отвѣчала та, откланиваясь.

— А эту, что жъ, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, себѣ берете? спросила горничная, взявъ и вертя новую шляпку, и переноса взгляды съ нея на голову госпожи.

— Беру.

— Куда вамъ къ лицу будетъ. И Василій Николаевичъ будетъ тоже благодаренъ: двадцать цѣлковыхъ отсчитали.

Лиза слѣдила за всякимъ словомъ, все понимая, и раскохоталась. Она начала объяснять, что надъ матерью цѣлій свѣтъ будетъ смѣяться.

— И куда вамъ въ гости, продолжала горничная: — сидѣли-сидѣли, вдругъ знакомства отерлись, во всѣ тяжкія пускаетесь, по дачамъ, да на музыку. Что жъ, намъ тутъ день-деньской безъ васъ комнату сторожить? Часа одного не уснешь, отдохнуть даль бы Богъ. И куда вы дитя съ собой везете? Только въ чужомъ домѣ будутъ насмѣшки...

Анна Владиміровна ушла въ спальню и заперла дверь...

Имѣла ли право эта женщина попросить у судьбы отдыха, пожелать развлечения, хотя бы минутнаго? Могла ли она не отозваться всей душою на первое привѣтливое слово, не разбирая, кѣмъ и зачѣмъ оно сказано?

Анна Владиміровна была единственная дочь богатыхъ отца и матери, любившихъ ее нѣжно и, именно потому, желавшихъ ее лучше «пристроить». Восемнадцати лѣтъ она вышла замужъ за Тенцова, который увѣрялъ ее, что она одна можетъ утѣшить его въ недавней потерѣ первой жены. У него оставался четырехлѣтній сынъ. Анна Владиміровна не чувствовала къ Тенцову ни особенной любви, ни даже увлеченія; любимая, но тихая и покорная утѣшительница своихъ стариковъ, она не мечтала о правахъ и свободѣ замужней женщины; она вообразила, что ей самимъ Богомъ посылается новый, прекрасный долгъ — осчастливить человѣка, взлелѣять ребѣнка — и приняла этотъ долгъ восторженно: ребѣнокъ былъ милъ ей вдвойнѣ, какъ сирота. Она припаялась за его воспитаніе съ мужествомъ и умѣньемъ, которыя внушаются истинной любовью. У нея родилась ея Лиза, но мальчикъ былъ старше, ужъ привязался къ ней, понималъ ее, былъ ей дороже; ея сердце не умѣло дѣлиться на чувства матери и мацки... Но у Тенцова была богача родственница, въ какой-то глуша, бездѣтная, причудливая старуха. Онъ вдругъ вспомнилъ о ней, сообразилъ шансы наслѣдства, съзвездилъ ее навѣстить и устроилъ дѣло: старуха искала себѣ потѣхи въ

видѣ ребѣнка, Тенцовъ предложилъ своего и мальчишка отвезли баловаться.

Это было первое горе Анни Владиміровны. Доводы, послѣ которыхъ мужъ приказалъ ей не наскучать ему больше ни просьбами, ни слезами, заставили ее оглянуться на то, чего въ годъ замужества она еще не разсмотрѣла, занятая стараніями сдѣлать все ему угодное: Тенцовъ былъ скупъ, не такъ, какъ вообще это понимается, въ мелочахъ обывновеннаго быта; онъ бывалъ даже нерасчетливъ на крупныя траты, даже щедръ иногда на подарки, но онъ внутренно, жадно любилъ деньги. Онъ былъ изъ людей, которымъ всего мало, сколько бы у нихъ ни было, которые, издерживая на себя, строго наблюдаютъ, чтобы изъ этой затраты ничего не ушло въ пользу другихъ, а издерживая на другихъ, заранее взвѣшиваютъ выгоды этого пожертвованія. Онъ рассчитывалъ даже за тѣхъ, кому дарилъ и самъ за нихъ наводилъ экономію во всемъ, что приноситъ только одно удовольствіе, не составляя приобрѣтенія вещественнаго; такъ, напримѣръ, вмѣсто букета цвѣтовъ, онъ подносилъ коробку конфетъ. Всѣ его помыслы были заняты дороговизной и дешевизной предметовъ, ихъ примѣняемостью или бесполезностью въ домашнемъ обиходѣ. Его воображеніе и вкусъ были крайне бѣдны, но онъ жилъ богато, потому что роскошное житье есть трата для самого себя и придаетъ человѣку вѣсь въ глазахъ многихъ. Изъ наслажденій искусства, онъ совершенно удовлетворялся веселенькими водевилями и музыкой военныхъ парадовъ, которую ничего не стоить послушать. Онъ признавалъ пользу книгъ, но признавалъ на-вѣру, какъ нѣчто отвлеченное, и смотрѣлъ на книги, какъ на предметъ, употреблѣть который слѣдуетъ умѣренно: онъ не дешевъ, да и для наслажденія имъ нужна дорогая подготовка ума и большая трата чувства. Тенцовъ не допускалъ ни того, ни другаго; точно будто и тутъ сберегая и жадничая, онъ суживалъ всякое свое чувство и примѣнялъ свой умъ единственно къ обдѣлыванію разныхъ житейскихъ сдѣлокъ. Такъ поступилъ онъ и жениась. Онъ не любилъ Анну Владиміровну, но она была богата. Онъ и самъ былъ богатъ, но это было тѣмъ болѣе кстати. Она, кстати, была хороша собою, что, впрочемъ, онъ больше слышалъ отъ другихъ, нежели замѣчалъ самъ: она была для него слишкомъ изящна. Случилось странное дѣло: покуда, въ первый годъ супружества, молодая женщина недосматривала всей этой разницы понятій, этой тупой мелочности, этого безцеремоннаго эгоизма, Тенцовъ первый почувствовалъ стѣсненіе. Ему стало неловко, скучно, тяжело отъ этой кротости, безразсчетности, тонкости вкуса,

серьёзнаго склада ума. Эта женщина была слишкомъ изычна; это была дорогая вещь, не на все годная въ хозяйствѣ. Анна Владиміровна поняла разладъ своей жизни изъ толковъ по поводу разлуки съ пасынкомъ. Но Тенцовъ и не далъ ей толковать много: онъ объявилъ, что это — его сынъ, а остальное не ея дѣло.

Вскорѣ пришло несчастье, которое Тенцовъ называлъ ея дѣломъ: несчастье съ Лизой. Анна Владиміровна скорѣ всѣхъ подумѣла, что трехлѣтняя дѣвочка не слышитъ, забыла говорить, и наставляла, умоляла скорѣ везти ее въ Петербургъ, совѣтоваться, взять какія нибудь мѣры. Тенцовъ отвѣчалъ женѣ, что она ничего не понимаетъ, что она не любитъ дѣвочку (у нихъ тогда родился сынъ), что она ее запугала, не учитъ словамъ, а что Лиза все слышитъ, когда отецъ говоритъ съ нею и потому онъ самъ ею займется. Онъ, конечно, никакъ не занялся; онъ и спорилъ съ женою только изъ противорѣчія, практически сообразивъ, что безобразной дѣвочкѣ все равно быть и глухонѣмой: домашніе ее понимаютъ, съ голоду не умреть. Онъ прямо не выразилъ этого, но когда Анна Владиміровна, въ отчаяніи, стала твердить ему, что горькую долю Лизы можетъ облегчить только образованіе, что у нихъ есть на то всѣ средства, что нужно помѣстить ее въ заведеніе, гдѣ ее выучатъ, въ Петербургѣ или за границей, Тенцовъ сказалъ, что это все выдумки, причуды и хитрости, чтобъ избавиться отъ дѣвочки, которую она ненавидитъ... У Анны Владиміровны было уже трое другихъ, прелестныхъ дѣтей, но ея первое, несчастное дитя своимъ несчастьемъ заняло первое мѣсто въ ея сердцѣ, въ ея заботахъ; она окружилась книгами, руководствами, изучала по цѣлымъ днямъ и ночамъ и твердо, радостно принялась учить Лизу. Дѣвочка была понятлива; мать приняла ея понятливость, какъ благословеніе своему труду, и стала радоваться, что удастся совершать его одной. Въ этомъ чувствѣ было что-то ревниво-оживляющее, счастливое, восторженное... Тенцовъ принялъ, что все это дѣлалось ему на зло; но такъ-какъ запретить не было возможности, то онъ усвоилъ привычку смотрѣть на занятіи жены съ постояннымъ подсмѣиваньемъ. Подсмѣиванье — обыкновенное развлеченіе праздныхъ головъ; люди сначала подсмѣиваются, потомъ устриваютъ себѣ потѣхи; одна изъ самыхъ употребительныхъ потѣхъ — злѣть дѣтей и дразнить уродцевъ. Лиза была и то и другое, да къ тому же, мать, будто въ укоръ отцу, заботится о ней. Тенцовъ принялся злѣть и дразнить Лизу. Забава была подъ рукою и ничего не стоила. Что больше дѣлать въ деревнѣ, въ длинныя лѣтніе дни, въ длинныя осенніе

вечера, когда духъ времени и нѣжныя привычки супруги не позволяютъ держать въ домѣ шутовъ и приживальщиковъ? Всего легче ссорить дѣтой между собою; Тенцовъ выводилъ изъ себя Лизу, заставлялъ ее ревновать, завидовать, ненавидѣть меньшихъ. На жаркіе споры и гнѣвъ Анны Владиміровны, онъ отвѣчалъ хохотомъ, потѣшался и надъ нею, наконецъ, выразился однажды, что не велика бѣда уроду быть злою, и раздражаясь за всѣ правды, которыя ему были высказаны, закричалъ на жену, что ей нечего плакаться, когда она сама во всемъ виновата. Эта женщина давно его тѣснила; его ненависть будто вырвалась на свѣтъ въ этомъ словѣ; онъ самъ ему повѣрилъ; оно его оправдывало: жена погубила, изувѣчила ребенка, а теперь лицемерить, въ укоръ отцу... Когда иные люди принимаются бить по чему-нибудь, то ужъ остановиться не могутъ.

Трое прелестныхъ дѣтей умерли на одной недѣлѣ. Анна Владиміровна слегла въ горячкѣ и не умерла. Возвратясь къ жизни, она нашла переѣмъ: Тенцовъ уже не дразнилъ, но баловалъ Лизу; онъ будто взялъ ее подъ свою защиту отъ матери, которой, говорилъ онъ, были милы только мертвые. Баловство было нелѣпое, подкупъ сластями и потворствомъ. Съ терпѣніемъ, которое можетъ найтись только въ отчаяніи, Анна Владиміровна опять принялась за свое дѣло: ей удалось опять заманить дѣвочку учиться. Тенцовъ попробовалъ возобновить свои насмѣшки, выражаясь Лизѣ, какъ ему жаль, что ее учать, мучаютъ, но Лизѣ вдругъ самой понравилось учиться. Ей было девять лѣтъ. Тенцовъ въ это время вздумалъ служить, и занявшись въ губернскомъ городѣ, не находилъ уже столько свободныхъ часовъ для своихъ потѣхъ... Жизнь въ губернскомъ городѣ располагала къ удовольствіямъ другаго рода; важность занимаемаго мѣста налагала нѣкоторыя стѣсненія; свѣтскій обычай требовалъ, чтобъ при дочери была воспитательница. Тенцовъ соединилъ все это чрезвычайно удобно, и кстатѣ, экономно, пригласивъ въ свой домъ гувернантку, mademoiselle Оттилію.

Анна Владиміровна не ревновала, не возражала ни поступкомъ, ни словомъ. Она только съ ужасомъ увидѣла, что у нея нѣтъ семьи. Ей вздумалось разобрать, что было причиною охлажденія мужа—она еще заблуждалась, предполагала, что когда-нибудь онъ ее любилъ: можетъ быть, она скучна, подурнѣла? Она принимала послѣдствіе за причину, не останавливаясь на мысли, что красота нужна радость, а уму нужна ласка. Печаль семейной жизни убила и любезность свѣтской женщины. Отъ опустѣлыхъ колыбелей похорошенныхъ дѣтей, отъ уроковъ съ злымъ и несчастнымъ ребенкомъ, отъ упрековъ и сценъ за домашнія

дрязги, отъ безцеремонныхъ доказательствъ, что жену замѣнила другая,—какъ бы хладнокровно ни были приняты эти доказательства,—трудно перейти къ разговору о постороннихъ предметахъ, ловко принимать въ своей гостиной, заниматься своею наружностью, талантами и нарядами. Для этого нужно забыть свою любовь къ тѣмъ, кого уже нѣтъ, не думать о будущемъ той, которая растеть себѣ на горе, осмѣять всё свои восторженные мечты исполненія долга, утѣшенія, тихаго счастья у своего очага... А какое счастье? Думать и надѣяться вдвоемъ, радоваться общему радостью, не зная слезъ,—въ любви горя не бываетъ! Счастье звать къ себѣ друзей, чтобы и имъ подлѣ насъ было тепло и радостно; счастье звать чужихъ, съ тайнымъ и тихимъ, простительнымъ лукавствомъ, чтобы они поглядѣли и позавидовали... Этого ничего не стало, ничего нѣтъ. Но чтобы все забыть, махнуть на все рукою и жить, какъ всё—надо быть другою женщиной, и Богъ-вѣсть чего для этого нужно больше, твердости или малодушія... Пусть бы разрѣшилъ кто-нибудь, не малодушіе ли прогнать горе, которое (мы это знаемъ и чувствуемъ) просвѣтляетъ насъ и заставляетъ мыслить, прогнать потому только, что это горе трудное и не даетъ намъ вмѣшиваться въ пестрый хороводъ живущихъ и кружиться съ ними вмѣстѣ, помышляя только о собственномъ удовольствіи.

Губернское общество, въ которомъ извѣдка являлась Анна Владиміровна, не доставляло ей ничего по сердцу; губернская жизнь не доставляетъ и занятій, даже и въ послѣднее время, что бы ни говорили о дѣятельности женщинъ. Чаще всего, женщины берутъ себѣ цѣлью общественное дѣло, благотворительность, воспитаніе, послѣ того, какъ распадется то, что привязывало ихъ къ жизни и поманило радостью, ихъ личное счастье. Дѣло беретъ все ихъ время, до утомленія, втягиваетъ, какъ въ службу. Это то же монашество. То же высокое самоотреченіе, та же крѣпкая вѣра въ идеалъ и то же безрадостное одиночество. Дѣятельность выше всякихъ похвалъ; но не увлекаясь, не рисуясь, не скрывая, какая женщина не признается, что эта дѣятельность не легка и возможна только постоянная, непрерывная, безъ отдыха, безъ оглядокъ, безъ минуты раздумья о собственномъ счастьѣ?... Дѣятельность губернскихъ высшихъ кружковъ—филантропическія затѣи, начинающіяся жарко, съ большою искренностью, съ большимъ нерасчетомъ и еще съ большимъ неуменьемъ. Затѣя вскорѣ принимаетъ оттѣнокъ свѣтскости и наскучаетъ именно тѣмъ патронессамъ, чье положеніе вліятельнѣе и кошелекъ богаче; онѣ отстаютъ, за ними и другія, и дѣло исчезаетъ, преданное забвенію.

Анна Владиміровна, случилось, участвовала въ этихъ затѣяхъ; ее приглашали всегда, какъ жену предводителя, на нее рассчитывали, какъ на особу богатую и щедрую, ею распорядились, какъ особой безъ претензій, ей оставляли всѣ хлопоты упадка дѣла и ей приходилось не одинъ разъ выслушивать отъ мужа, что она не умѣетъ ни за что взяться. Онъ не подавалъ совѣта, какъ взяться, онъ даже не счумѣлъ бы и дать его; но какъ не поумничать и не пошумѣть, когда можно сдѣлать это безнаказанно, по праву? Казалось бы, онъ долженъ былъ понять, что, лишая эту женщину ея правъ хозяйки, оскорбляя ее, какъ мать, ненавистью, которую внушалъ къ ней ихъ единственному ребенку, явно замѣнивъ ее другою въ своей любви, осмѣивая ея занятія, осуждая ея поступки, не довѣряя ея распоряженіямъ, даже ея смыслу, онъ уничтожалъ въ ней сознание собственнаго значенія, это основаніе свободы и силъ. Тенцовъ не задумывался объ этомъ. Онъ былъ доволенъ, что эта женщина, сломенная со всѣмъ, покорилась и замолчала.

Такъ прошелъ годъ, другой. Счастливые люди не запоминаютъ ни впечатлѣній, ни годовщинъ; несчастнымъ все памятно. Счастливыя женщины не старѣются; Анна Владиміровна забыла, молодая ли, хороша ли она. Она одѣвалась изящно, по привычкѣ, вѣрише потому, что мужъ приказывалъ ей наряжаться: такъ слѣдовало женѣ предводителя. Она выѣзжала мало, принимала рѣдко. Въ домѣ, отчужденная и подвластная, она была только нянька Лизы. Она вела безцвѣтную жизнь день за день, отмѣчая счастливыми тѣ дни, въ которые, сверхъ обычной, однообразной скуки, не случилось особенной печали, рабски благодаря Бога, когда ей, униженной, не доводилось вынести еще какого-нибудь новаго униженія... Она не узнавала себя; силы въ ней не стало. Безпокойно ища отдыха, ей хотѣлось высказаться кому-нибудь, попросить совѣта, но у кого? Ея родныхъ ужъ не было на свѣтѣ, но она бы ничего имъ и не сказала: къ чему огорчать ихъ своимъ горемъ?... «Такъ неужели отерпѣть постороннимъ?» спрашивала она себя и съ ужасомъ останавливалась.—«Неужели жаловаться, обвинять, хотя бы и справедливо? Быть правой—часто очень нелегко для сердца!» Потомъ являлся страхъ толковъ, предразсудковъ, не негодование на дерзость, съ которой люди позволяютъ себѣ разбирать чужую жизнь, а что-то бѣдное, жалкое, рабскій ложный стыдъ: она боялась, что покажется смѣшна, требовательна, ревнива, и чтобъ остановить въ себѣ всякое покушение на откровенность, Анна Владиміровна стала отдаляться отъ постороннихъ. Они и сами отъ нея отдалились. Это были не все пустые люди, но не пустые оказывались хуже. Пустые

только не догадывали, что предъ ними было несчастное существо; люди съ смысломъ это видѣли и отошли, отыскавъ себѣ извиненіе, съ вида очень красивое... Всѣ люди на свѣтѣ вообще любятъ праздники, и нѣтъ такого мудреца-затворника и ненавистника бездѣлья, который бы хоть разъ въ жизни не заглядѣлся на освѣщенныя окна дома, гдѣ танцовали, не заслушался далекой музыки. Въ весельи, какъ бы пусто оно ни было, есть что-то притягивающее, а въ людяхъ есть ложный стыдъ, мѣшающій въ этомъ признаться. Изъ того и другаго выходитъ, что печаль отталкиваетъ, а признаться въ этомъ, даже не ложно—стыдно. Оно, однако, такъ есть. Печаль—это домъ съ соломой у подъѣзда, поле въ осеннюю ночь; кому охота стучаться въ запертыя двери, или идти слушать непогоду? И люди со смысломъ, даже не злые, даже признающіе за собой развитіе и способность сочувствія, чувствуютъ себя какъ-то неловко и жутко, не спрашиваютъ себя (хотя и сознаютъ, что слѣдовало бы спросить), не будетъ ли отрадно для другихъ и честно для нихъ самихъ ихъ вмѣшательство, или даже, просто, участіе, и проходить мимо, называясь, что «всякое слово тутъ безсильно», рѣшая, что горе «сворѣе, грѣпче и съ большимъ достоинствомъ оправится, безъ посторонней помощи»...

Аннѣ Владиміровнѣ предоставляли управляться одной. Не разъ говорила она себѣ, что у судьбы уже не найдется для нея новаго несчастія, и затихала, привыкнувъ терпѣть, положивъ всю свою душу въ любовь къ дочери. Но судьба изобрѣтательна и несчастіе нашлось, нашлось тяжелѣе всѣхъ прежнихъ, и Анна Владиміровна будто сама его подготовила... Mademoiselle Оттилія легко сеобразила, что ей выгодаѣ имѣть на своей сторонѣ маленькую глухонѣмую и, подражая Тенцову, стала приманивать ее къ себѣ. У нея нашлась приманка еще дѣйствительнѣе сластей и угожденій: мать выучила дѣвочку читать и понимать по-французски, а у m-lle Оттиліи былъ огромный запасъ романовъ. Лиза бросилась на нихъ съ жадностью; мать читала съ нею только серьезное или классически хорошее. Библиотека m-lle Оттиліи состояла сплошь изъ пошлости и грязи; Тенцовъ, самъ охотникъ до подобныхъ вещей, пополнялъ ее постоянно; это было его единственное чтеніе, хотя изъ какой-то совѣстливости, для Анны Владиміровны оставалось тайною даже существованіе этихъ книгъ въ ея домѣ. Лиза стала проводить цѣлыя часы въ комнатѣ гувернантки; отецъ сердился, бранился, когда мать ее вызывала къ себѣ; онъ говорилъ, что мать хочетъ сдѣлать изъ нея диварку, отдаляетъ ее отъ живыхъ людей. Но Лизу было уже трудно вызвать; она вся отдалась новому развлеченію. Не-

внятно объяснила ей Оттилія, хочоча до упаду и наслаждаясь сама новымъ развлеченіемъ — «просвѣщеніемъ» ребенка. Это дѣлалось такъ просто, такъ забавно, что въ этомъ не было не только злаго умысла, даже размышленія: пошлость давала свое, — и ничего больше. Оттилія даже подѣлилась своей потѣхой съ Тенцовымъ, которому она тоже пришлось по вкусу; врада онъ не видѣлъ въ ней никакого. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Анна Владиміровна замѣтила, что Лиза и Оттилія завели между собою особенные знаки, но, конечно, ей и въ голову не могло придти, что составляло предметъ этихъ оживленныхъ разговоровъ, смѣшавшихъ и ту и другую собесѣдницу. Анна Владиміровна испугалась, будто по предчувствію. Слишкомъ часто слышала она смѣхъ въ комнатѣ гувернантки, въ которую не входила никогда; она рѣшилась подмѣчать, слѣдить и въ одинъ день, когда смѣхъ раздавался особенно громко, Анна Владиміровна вошла неожиданно и застала все веселящееся общество... Отъ нея ничего не скрыли, въ безсовѣстной пошлости думая и се позабавить и тѣмъ оправдаться: виноватые почувствовали свою вину, — но мать не приняла ее такъ легко; она не помнила себя отъ гнѣва, отъ отчаянія; рыдала, выговаривала, упрекала, — не за себя, не за свою загубленную жизнь — несчастная о ней не думала, — а за дочь, испуганную свидѣтельница этой сцены. Възбѣшенный Тенцовъ во всякомъ словѣ жены видѣлъ оскорбленіе гувернантки и не затруднился кого обвинить.

— Ты изувѣчила дочь, ты ее погубила! закричалъ онъ: — убойся съ своей добродѣтелью! Ты изъ человѣка сдѣлала животное; дай ей хоть отдохнуть отъ твоей мудрости!

Онъ вырвалъ изъ рукъ Анны Владиміровны захваченный ею томикъ какихъ-то «Похожденій Ригольбоши» и кинулъ его Лизѣ...

И съ тѣхъ поръ, крики, слезы, злость Лизы стали повторяться всякій разъ, какъ Анна Владиміровна звала ее прочесть что-нибудь дѣльное или поучиться какой-нибудь работы. Лиза убѣгала въ кабинетъ отца или комнату Оттиліи, пряталась въ уголь за шкафы, уносила съ собою свои книжонки, убѣгала въ кухню, отсюда приносила отцу жалобы на прислугу. Люди ее боялись. Анна Владиміровна ничего больше не могла сдѣлать; ея власть окончательно рушилась... Начитавшись о праздности, роскоши и кутежахъ, Лиза страстно полюбила наряды; она вертѣлась по цѣлымъ часамъ передъ зеркаломъ, примѣривая разные бантики и принимая нозы, вычитанныя или перенятые у Оттиліи. Однажды, намученная мать рѣшилась на жестокость — привела, поставила подлѣ Лизы ея ровесницу, хорошенькую дочь дворника, и забываясь въ томъ что дѣлала, грубо повернула

Лизу, заставила ее смотреть и сравнивать эту противоположность красоты и безобразия... но тутъ силы ей измѣнили, она захватила Лизу въ свои объятія и зарыдала надъ нею. Лиза выпрыгивалась и бросалась бить дѣвочку, которую едва у нея отняли... Лиза стала ненавидѣть и завидовать со страстью, какъ взрослая, ненавидѣть взрослыхъ еще больше, чѣмъ своихъ ровесницъ: взрослые были ея соперницы, онѣ ужъ испытывали наслажденія красоты и веселья, о которыхъ она мечтала. Прошлое, о которой она читала и постоянно думала, отняла у нея охоту отъ всякаго размышленія, всю поэзію дѣтства, всю нѣжность чувства и тонкость ощущенія. Для нея не оставалось удовольствій ея возраста. Красота природы для нея не существовала. Ея идеальное веселье былъ—зала оперы съ бѣшеннымъ маскарадомъ, пляски подъ фонарями у *cafés chantants*, кутежи въ ресторанахъ; ей былъ презрительно смѣшонъ деревенскій лугъ съ пестрыми цвѣтами и спящимъ верескомъ, гдѣ стелется вѣтеръ и пробѣгаетъ золотое солнце, гдѣ въ лучахъ и зелени мерещились бѣдной матери розовыя личики когда-то игрившихъ дѣтей... Жажда нравиться и очевидная невозможность, безнадежность раздражали Лизу; черты ея лица, минутомъ, бывали суровы не по дѣтски, ея взглядъ былъ мрачный и страстный. Она слишкомъ много знала, чтобы не понимать отношеній своего отца и Оттиліи; она была на сторонѣ тѣхъ, кто баловалъ ее, кто былъ сильнѣе, съ кѣмъ было выгодно. Бойкая и, благодаря работамъ матери, здоровая, Лиза потѣшала отца выходками въ родѣ ея чтеній, шпионила за матерью для Оттиліи. Послѣдовательная въ своихъ понатіяхъ, она объясняла Оттиліи, что удивляется, какъ она не промѣняетъ ея стараго отца на кого-нибудь помоложе. Однажды, увидя, что мать плачетъ, и догадавшись о чемъ, Лиза привалась хохотать надъ нею; ея вѣднѣ учили, что въ подобныхъ случаяхъ правъ тотъ, кто счастливъ, а оставленные жены—смѣшны ..

Для Аины Владиміровичъ все было кончено: у нея украли душу ея ребенка.

II.

Варвара Алексѣевна Лѣрикова вышпывала, спид на балконѣ своей дачи въ Царскомъ. Балконъ былъ загнугъ парусной, убранъ цвѣтами, застѣленъ мебелью: онъ служилъ продолженіемъ большой и пустой гостиной, гдѣ было «скучно какъ въ городѣ», какъ выражалась хозяйка, по этой причинѣ принимавшая своихъ интимныхъ гостей на балконѣ. Видъ съ этого балкона былъ на цвѣтнцѣ съ красными дорожками и мелкими бустами жимолости.

сти и сирени; были и цвѣты, но все это могло услаждать только петербургскіе глаза. За низенькой рѣшеткой цвѣтника, по дорогѣ, безпрестанно поднималась пыль экипажей, а низенькіе кусты не мѣшали проѣзжающимъ и сидящимъ на балконѣ видѣть другъ друга до послѣдней подробности положенія и наряда. Можетъ быть, это и составляло прелесть балкона. Тамъ были слышимы и шумъ со двора, и стукъ на сосѣдней кухнѣ, но чего не принято слушать, то не беспокоитъ. Дѣти Варвары Алексѣевны, мальчикъ и дѣвочка, бѣгали съ собачкой по цвѣтнику; гувернантка наблюдала за ними съ галлерейки, украшенной колоннами и полускрытой въ зелени; эта молодая особа была въ бѣломъ платьѣ и вышивала на рукахъ. Все выходило очень живописно. Варвара Алексѣевна нѣсколько разъ оглядывалась, желая дать замѣтить эту обстановку своему собесѣднику, господину уже не молодому, но также прекрасно и аккуратно убранному. Петербургская жизнь, не просторная и не привольная, учить пользоваться всякимъ угломъ и всякимъ остаткомъ. Люди, которымъ нѣтъ надобности примѣнять такую экономію къ своей домашней жизни, примѣняютъ ее къ своей особѣ и умѣютъ сохранять и поддержать то, отъ чего неразсчетливая провинція давно бы отступилась: если они были красивы съ молодости, то остаются красивы до конца дней, или со всевозможной заботой скрываютъ все, что можетъ навести на непріятную мысль о конечности всего земнаго. Петербургъ, который для надгробныхъ памятниковъ умѣлъ выдумать допки съ полусвѣтомъ и мягкой мебелью, ради удобства скорбящихъ, или тераски съ цвѣтниками, скамейками и столиками, гдѣ, такъ и кажется, недостаетъ только оркестра и капельмейстера,—Петербургъ умѣетъ прикрасить и своихъ бродящихъ полуживыхъ, и только непривычные провинціальныя глаза находятъ въ этомъ что-то противное... Впрочемъ, собесѣдникъ Варвары Алексѣевны былъ еще не старикъ, а человекъ ея поколѣнія, довольно благообразный, въ интересности не скрывавшій даже небольшой прсѣдл, этой примѣты умственныхъ трудовъ. Его звали Николай Сергѣевичъ Великинъ; онъ десятокъ лѣтъ служилъ въ Петербургѣ довольно замѣтно и очень усердно, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ время читать, любить музыку, бывать постоянно въ обществѣ, въ театрѣ и сильно волочиться за жепщинами. Съ нѣкотораго времени, онъ бывалъ часто у Варвары Алексѣевны, но въ свѣтѣ не обращали на это вниманія; было извѣстно, что Великинъ любить хорошеющихъ.

Варвара Алексѣевна любила, чтобы за ней ухаживали, но требовала, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ и благоговѣли; ей хотѣлось и

жить весело и прославляться какъ совершенство безупречности. Въ ея характерѣ было странное смѣшеніе разгула и канцельности... мудрено замѣнить эти два грубыя слова словами изящнѣе. Она взывала отъ скуки въ своей гостиной, среди любезниковъ осторожныхъ, выложенныхъ, наговорившихся, нохожихъ между собою до пошлости; она завидовала до злобы малѣйшему привяку чувства въ другой женщинѣ и, постоянно рсугаясь и притворяясь, сама уже не могла чувствовать; она отдала бы всю свою роскошь за самое крохотное счастье, и отъ суетности, отъ тщеславія не умѣла ни отыскать, ни взять этого счастья; она проклинала свѣтскія стѣсненія и изъ гордой трусости пряталась въ нихъ сама; еще больше внутренно кляла свой семейный долгъ, свои обязанности, и хвалилась предъ свѣтомъ исполненіемъ этого долга и обязанностей. Отъ всѣхъ этихъ нравственныхъ мукъ она отдыхала то въ нервической сантиментальности, которую называла чувствомъ, то въ исполненіи разныхъ благочестивыхъ обрядовъ, что называла вѣрой и молитвою. Для обрядовъ дѣлались роскошныя туалеты, посѣщенія святыхъ устраивались со всевозможнымъ комфортомъ и въ дорогой обстановкѣ; богомолва получала тамъ въ свою очередь почетъ и поклоненія и, приятно утомленная, возвратясь домой, непременно рассказывала о своихъ впечатлѣніяхъ своимъ свѣтскимъ поклонникамъ. Это былъ случай выказать умиленіе—новый, особенный родъ кокетства,—случай привязаться къ какому-нибудь ничего незначащему слову, принять его за отрицаніе, вообразить себя исповѣдницею, растрогаться, настроиться на вдохновеніе и поспорить за убѣжденія,—«по совѣсти» нисколько и ничѣмъ незадѣтныя... Кокетство наружностью слишкомъ обыкновенно, и притомъ, для него необходимо хотя сколько-нибудь красоты и молодости. Варвара Алексѣевна провела въ началѣ своей свѣтской карьеры много горькихъ лѣтъ, завидуя красавицамъ, пока вдохновилась и изобрѣла нѣчто позамысловатѣе и пооригинальнѣе: кокетство убѣжденіями, добротой, чувствительностью и, главное, строжайшей добродѣтелью. Она увѣрала, что не желаетъ нравиться, а ищетъ «человѣка», и, сначала, производила впечатлѣніе на людей неопытныхъ или непредупрежденныхъ. Ея сантиментальная неприступность была заманчива, пока не объяснялось, что за этой приманкой нѣтъ ничего кромѣ притворства, расчитанно-холодной игры въ любовь, великаго страха предъ свѣтомъ и выставки самой себя въ образѣ женщины обольстительной, искушаемой и твердой предъ искушеніемъ. Разглядѣвъ это, отъ нея отступались, ее оставляли, случалось, даже не съ пріязнью. Для оправданія себя предъ посторонними, для внушенія

большаго уваженія тѣмъ, которые дерзали смѣяться, для утѣшенія самой себя, Варвара Алексѣевна возбуждала себя на выдумку, что «разошлась въ убѣжденіяхъ съ человѣкомъ», то-есть, съ отдалившимся поклонникомъ; она говорила, что потеряла въ немъ «благодатную иллюзію», почти торжествовала эту потерю, какъ доказательство своего собственнаго превосходства, и, нагоняя на себя волненіе, повторяла въ интимныхъ кружкахъ: — «Еще однимъ меньше!...»

Но жажда очаровывать не проходила отъ неудачъ, и Варварѣ Алексѣевнѣ, хотя съ трудомъ, и ужъ по большей части не на долго, еще удавалось устроить себѣ поклоненія. Въ настоящее время на очереди былъ Великинъ. Варварѣ Алексѣевнѣ особенно льстила эта побѣда надъ извѣстнымъ любителемъ красоты. Великинъ держался при ней съ зимы; съ нимъ было переговорено ужъ почти все по части симпатій и добродѣтели. Это было такъ неожиданно долго, что Варвара Алексѣевна начинала даже удивляться, ужасаться, что не приходитъ разочарованіе, и, вслѣдствіе этого, повѣривъ прочности побѣды, стала со дня на день ожидать признанія въ любви. Это ее затрудняло. По духу своей вѣчной роли, и въ особенности предъ Великинымъ, она должна была отвѣтить на признаніе голосомъ вѣрной, почти оскорбленной супруги и тогда, что же? всему конецъ! Это ужасно! Блаженство расцвѣтаетъ затѣмъ, чтобъ погибнуть... Варвара Алексѣевна кляла свое кокетство добродѣтелью, но другаго выдумать не умѣла, да и было ужъ поздно. Со страхомъ и радостью готовясь выслушать признаніе, она стала замедлять его минуту, обдумывала сколько должна выразить при томъ борьбы, высокой, сдержанной грусти, расчитывала что прибавить отъ остатковъ благополучія имѣть влюбленнаго...

Встрѣча съ Анной Владиміровной ее рѣшила. Провинціалка въ свои тридцать-два года осмѣливалась быть хороша собою какъ двадцатипятилѣтняя! Пусть же она придетъ, она, ничтожная даже въ своемъ провинціальномъ обществѣ, и посмотритъ на блестящее свѣтское житье. Но этого мало; надо щегольнуть другимъ, болѣе завиднымъ для сердца: пусть красавица, покинутая даже Тенцовымъ, убѣдится, что у некрасивой Вареньки Лориховой, которая пять лѣтъ ее старше, есть обожатель, больше—человѣкъ, увлеченный всей душою... Какое счастье щеголять искушеніемъ, какое наслажденіе расоваться борьбой и повторять: «я устою», предъ особой, которой, безъ сомнѣнія, такъ хочется искушеній! Жаднымъ людямъ вкуснѣе кусокъ, когда они ѣдятъ, а другіе только облизываются... Конечно, Варвара Алексѣевна и мысленно не дѣлала такого тривіальнаго сравненія, но она рѣ-

шилась. Никогда еще посвященіе Великина не было ей такъ пріятно, какъ теперь. Она рисовалась, вѣжлась въ ожиданіи признанія и сообразила — не быть строго-добродѣтельной съ первыхъ словъ. Послѣ, будь что будетъ, но теперь, пусть госножа Тенцова найдетъ ее въ полномъ торжествѣ...

Великинъ былъ что-то задумчивъ и молчаливъ. Барбара Алексѣевна принимала это за смущеніе влюбленнаго предъ рѣшительной минутой, и, чтобъ ободрить его, старалась быть доступнѣе, игривѣе. Ей это иногда удавалось, но теперь, отъ озабоченности, отъ ожиданія, не выходило ловко, въ разговорѣ не было стройности, и «влюбленный» разсѣянно поглядывалъ по сторонамъ, не уходя потому, что ему покойно сидѣлось. Барбара Алексѣевна была очень далека отъ этой простой истины.

— Гдѣ же, наконецъ, вы будете сегодня вечеромъ? спрашивала она.

— Въ городѣ, дома.

— Рѣшительно?

— Я рѣшился.

— Не завидую такой твердости. Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего вы не хотите провести вечеръ... «въ зелени».

— Въ зелени? Павловскъ—зелень?

— Да... удостойте не улыбаться! Зелень, хотя бы при газовомъ освѣщеніи; все-таки не городъ... Но я хочу узнать, изъ-за чего вы намѣрены запереться. Поневождѣ, за дѣлами?

— Нѣтъ.

— Такъ что же это? Покаяніе?

— Можетъ быть.

— За что?

— За слишкомъ пріятное утро.

— Такъ-какъ это утро проведено вотъ здѣсь, въ этомъ креслѣ, то я имѣю право заключить, что вы слишкомъ строги къ себѣ... Извините, вы на опасной дорогѣ.

— Помилуйте, напротивъ: строгость къ себѣ — путь къ совершенству.

— Прямо къ излишней строгости къ другимъ.

— Она и есть путь къ совершенству; я сдѣлаюсь сначала человѣконенавистникомъ, потомъ отшельникомъ, святымъ... одно слѣдуетъ изъ другаго.

Барбара Алексѣевна покачала головою грустно и наставительно; Великинъ засмѣялся.

— Конечно, такъ, возразилъ онъ: — кто же, любя, оставляетъ свѣтъ, или что-нибудь на свѣтѣ? Надо рассмотреть, разлюбить вещи, чтобъ онѣ стали намъ ненужны.

Барвару Алексѣвну будто что укололо въ этихъ словахъ; она однако засмѣялась и сказала нѣжно, ласково:

— Позвольте, нѣтъ ли тутъ маленькаго, маленькаго задѣтаго самолюбія? «Намъ никого не нужно», или... «Мы сами не нужны»?.. А не самолюбіе, то... такъ сомнѣніе... можетъ быть, ни на чемъ не основанное...

Великинъ посмотрѣлъ на нее пристально.

— Бываетъ и такъ, отвѣчалъ онъ спокойно: — и это еще подтвержденіе, что отшельники не ангелы: они и самолюбивы и расположены сомнѣваться безъ повода. Но я не рискую показаться фатомъ, если скажу, что это ко мнѣ не относится. Я стало быть еще нуженъ, когда меня приглашаютъ не оставлять свѣта, договорилъ онъ съ улыбкой.

— Говорите прямо, вскричала Барвара Алексѣвна: — васъ просить не уходитъ, и та, которая просить—передъ вами!

— Да... Но...

— Любопытно было бы узнать, почему это не было сказано прямо... проговорила она будто замѣтку про себя и опустила глаза на свою работу.

Она помолчала съ минуту, соображая, не удачнѣе ли пойдетъ чувствительность, потому что игривость не ладилась, и вдругъ обратилась къ Великину.

— Что же вы не спросите, для чего я такъ настоятельно просила васъ остаться?

— Я не думалъ, что мнѣ позволять это спросить, сказалъ Великинъ, думая, что ему это рѣшительно все равно.

— А между тѣмъ, это было бы пріятнѣе... лучше! отвѣчала она серьезно и опять будто вскользь.—Я сама скажу. Вы мнѣ нужны на помощь.

— Что прикажете?

— Не спѣшите, это серьезно, отвѣчала Барвара Алексѣвна сдержанно и даже нѣсколько строго.—Я начинала шуткой. Есть вещи, которыя легче начинать шуткой, заговорила она вдругъ скоро, улыбаясь, волнуясь будто отъ сильно-поднимавшагося чувства.—Я вамъ признаюсь: я хотѣла поймать васъ на веселомъ словѣ и этимъ сдѣлать немножко добра. Мнѣ казалось, что это добро сдѣлается удачнѣе, когда вы не будете предупреждены...

Она была уже растрогана.

— Видите ли, я ненавижу сентиментальности. Я нахожу, что напрасный трудъ плакать съ людьми, которые ищутъ только предлога наплакаться. Лучше дать имъ часть забвенія, будто кусокъ хлѣба... Такъ ли?

— Положимъ, такъ, сказалъ онъ.

Барвара Алексѣевна быстро протанула ему руку и крѣпко пожала его руку.

— Видите ли... начала она черезъ минуту, будто насильно заглушая тяжелое, неотвязное чувство.—Хорошій человѣкъ! спасибо вамъ спасибо вамъ за меня!... Видите ли, сегодня у меня будетъ одна знакомая изъ провинціи... Не подумайте, пожалуйста, что я зову васъ забавлять провинціалку; на это у меня достанетъ своего ума, да еще есть Павловскъ съ иллюминаціей. Нѣтъ... Но это женщина огорченная, несчастная...

— Вы дружны съ нею?

— Она — воспоминаніе моей самой ранней молодости, почти дѣтства, когда я еще жила въ N. у родныхъ. Меня увезли учиться, а она выходила замужъ. Но, вотъ, теперь мы встрѣтились и я вижу мой долгъ...

— Понимаю, угѣшительница скорбящихъ.

— О, не шутите! Въ моихъ глазахъ, ея несчастье велико; она оставлена мужемъ, оставлена обществомъ... Я иду противъ мнѣнія многихъ, принимая ее...

— Должно быть, она ужь очень дурна собою! прервалъ Великинъ, засмѣявшись, и спохватился предъ грустно-недоумѣвающимъ взоромъ, который на него обратили. — Какъ зовутъ эту даму?

— Анна Владиміровна Тенцова.

— Тенцова? Неужели она? вскричалъ Великинъ, вскочивъ съ мѣста.

— Вы ее знаете? спросила Барвара Алексѣевна, удержавшись отъ восклицанія, но сильно покраснѣвъ.

— Какъ же не знать! Вѣдь я начиналъ мою службу въ N., я прожилъ тамъ почти годъ! Какъ не знать Анну Владиміровну! Я бывалъ у ея родныхъ, при мнѣ она вышла замужъ... Неужели она здѣсь? И будетъ сегодня у васъ? Я ее не видалъ съ самой ея свадьбы...

— Она пятнадцать лѣтъ замужемъ, замѣтила Барвара Алексѣевна.

— Она не старше васъ! Она красавица. Такая красавица покурить не можетъ! Такъ она здѣсь? На долго ли?

— Не знаю...

— Но какъ же это случилось, что, въ два года знакомства, я ничего отъ васъ о ней не слышалъ? Вы не поминвали ея имени!

— Я потеряла ее изъ вида.

— Это мудрено... Но почему же?

— Тысячи причинъ...

— Вы сказали, она несчастна? врозь съ мужем? Она одна здѣсь?

— Я видѣла ее одну. Кажется, она еще не совсѣмъ разтѣхалась съ мужемъ, но тутъ столько разныхъ исторій...

— Какого рода? можно спросить безъ не скромности?

— Вы ужь спросили... Я ничего не знаю. Я слышала... мелькомъ. Сама я не имѣю привычки спрашивать, чтобы хотя какъ нибудь сохранить къ людямъ сколько нибудь уваженія.

Она нашла нужнымъ оставить минуту молчанія послѣ этой сентенціи и смотрѣла въ свою работу; это не помѣшало ей замѣтить, что Великинъ улыбнулся. Сердце ее закипѣло.

— Что жь это такое? подумала она и, не выдержавъ, спросила: — вы коротко знали Анну Владиміровну?

— Я бывалъ у ея родныхъ до ея свадьбы, а скоро послѣ того, чрезъ мѣсяцъ или два, уѣхалъ изъ N. Она, казалось мнѣ, была счастлива.

— Да, замужество было выгодное, замѣтила Варвара Алексѣвна.

— Я не зналъ Тенцова. Такъ онъ ея не стоялъ?

— Анна Владиміровна имъ довольствовалась, отвѣчала равнодушно Варвара Алексѣвна. — Бываютъ такія невзыскательныя души, принимаютъ вещи, обстоятельства за то, чѣмъ все это имъ кажется, прииравливаются къ людямъ, воображая, что люди къ нимъ прииравливаются...

— Души кроткія и добрыя, сказалъ Великинъ.

— Да, добренькія! сказала она снисходительно-небрежно: — покуда, наконецъ, въ одно прекрасное утро, эти добренькія прозрѣваютъ...

— Прозрѣваютъ? повторилъ онъ: — и тогда?

Она оглянулась съ строгимъ достоинствомъ и промолчала.

— И тогда? Что жь онѣ дѣлаютъ, когда прозрѣваютъ, Варвара Алексѣвна?

— Очень жалѣю о васъ, если вы не понимаете, что жмъ это совершенно неизвѣстно, выговорила она отчетливо.

— Очень понимаю, Варвара Алексѣвна, возразилъ Великинъ, особенно почтительно и серьезно, и даже нагнулъ голову, будто преклоняясь предъ добродѣтелью. — Но жизненный опытъ много значить. Что не испытано, то анализировано, комментировано... и, какъ нельзя отговориться невѣдѣніемъ закона — нельзя отговориться и невѣдѣніемъ человѣческихъ заблужденій.

— Что жь дѣлать, я отговариваюсь! возразила она, пожавъ плечамп.

— Но вы видите же, что дѣлаютъ люди? Я знаю, что вы не закрываете глазъ...

— О, на многое итъ и закрыть невозможно! вскричала Варвара Алексѣевна.

— И вы не все осуждаете, неправда ли? Вотъ, вы сказали сейчасъ, эта бѣдная Анна Владиміровна...

— Эта бѣдная Анна Владиміровна... потрудитесь прочесть, вотъ ея записка; я получила сегодня... Благодарить меня, что я ее отыскала, протянула ей руку... Это, по крайней-мѣрѣ, хоть добросовѣстно, такая благодарность!... Но встрѣча со мной, видите ли, ее оживила. Она рѣшилась погулять, провайтиться... Въ наемной коляскѣ!... На острова, почему я знаю. Въ театрѣ была, въ партерѣ!! лѣтѣ!! Предлогъ: никто ее не знаетъ. Конечно, такъ скорѣе узнаютъ. Комната, которую нанялъ ей мужъ, вдругъ не понравилась: она ее перемѣнила, взяла этажемъ ниже, она на улицу, веселѣе... Вѣроятно, намѣрена принимать, развлекаться— въ гостиницѣ!!..

— Вы сейчасъ говорили о ней снисходительнѣе, сказалъ Великинъ, будто въ раздумьѣ, спокойно и пристально глядя ей въ лицо.

— Есть вещи... О, есть вещи, которыя меня возмущаютъ до глубины души! отвѣчала Варвара Алексѣевна и, спохватившись, будто въ порывѣ чувства, закрыла лицо руками.

Она чувствовала, что на нее продолжаютъ смотрѣть.

— Я не могу... вы меня знаете, я не могу выносить этихъ рѣзкостей. Я прощаю ихъ, Богъ все прощаетъ! Но извинить ихъ не могу... Я заставлю себя поступать противъ общественнаго мнѣнія, заставлю себя принять всякую женщину, я точно протяну ей руку (въ голосѣ Варвары Алексѣевны были слезы), но чтобы внутренно я находила ей какое нибудь оправданіе... Нѣтъ, нѣтъ, во имя самой правды! Во мнѣ оскорбляется какаето святня!

Она открыла лицо и оглянулась на Великина, ожидая дѣйствія своихъ словъ. Великинъ перечитывалъ оставленную ему записку Анны Владиміровны.

— Вы заняты? спросила Варвара Алексѣевна, не выдержавъ.

— Всѣмъ противорѣчіемъ всего, что отъ васъ слышалъ.

— А предметъ богатнѣй! сказала она и наклонилась къ работѣ.

Великинъ наклонился тоже, будто разсматривая эту работу, нецеремонно потянулъ ее ближе и помолчалъ, задумавшись. Варвара Алексѣевна задыхалась отъ волненія, уже непритворнаго.

— Все это мнѣ грустно отъ васъ слышать, сказалъ, наконецъ, тихо Великинъ. — Вы для меня необъяснимы. Вы съ за-

квѣтъ-то упрямымъ хвастовствомъ срываете съ себя ореолъ состраданія, милосердія, настоящій ореолъ женщины, и хотите, чтобъ въ васъ видѣли счастливцу, непонимающую горя, богачку, непонимающую бѣдности, что-то твердое, сіяющее, чистое какъ ледь...

— Миѣ кажется, вы краснорѣчивы? сказала она, улыбаясь, хотя ея лицо вспыхнуло пятнами.

— Можетъ быть; это со мной бываетъ, отвѣчалъ онъ. — Но позвольте жь миѣ воспользоваться наитіемъ краснорѣчія... Для такихъ женщинъ, хотя бы, наконецъ, онѣ соскучились, снизошли и сами пожелали заблужденія — ни заблужденіе, ни даже увлеченіе невозможно, не въ ихъ натурѣ. Такъ что нибудь одно...

Онъ остановился, будто смутясь.

— Что жь, ваше краснорѣчіе?

— Оборвалось на рѣшительномъ словѣ, отвѣчалъ Великинъ, шопотомъ и наклонивъ голову почти къ колѣнямъ. — Договорите сами. Эти вещи рѣшать нелегко. Тутъ многому приходится сказать: кончено!...

Барвара Алексѣевна опустила глаза въ вышиванье; иглка застывала у нея въ пальцахъ, сердце билось... Вотъ она, эта долгожданная, блаженная минута, и какимъ трудомъ она досталась! Какъ она ускользала! Поторопите ее, или еще замедлить... А если прервутъ, дожьшадтъ, если самъ Великинъ какъ-нибудь передумаетъ...

Барвара Алексѣевна вдругъ оглянулась, слегка дотронулась до руки Великина и спросила, едва выговаривая отъ радости:

— Какъ давно вы меня знаете?

— Два года.

— Меньше и... больше. Полгода вы видите меня почти каждый день... И вы не вглядѣлись, не умѣли меня разобрать, не поняли, сколько я должна скриваться, сдерживать всякій порывъ, играть комедію?

— Такъ вы притворяетесь? спросилъ онъ нерѣшительно и тихо.

Она отвѣчала очаровательной улыбкой.

— Какъ же узнать, что вы и теперь не притворяетесь и не играете комедію? спросилъ Великинъ по прежнему тихо, съ разстановкой, и вдругъ громко засмѣялся.

Барвара Алексѣевна взглянула на него, вспыхнула, удержалась и нѣсколько секундъ не могла овладѣть своимъ удивленнымъ, почти испуганнымъ взглядомъ. Великинъ поймалъ ея руку и поцаловалъ, будто прося прощенія и вмѣстѣ шута, какъ шутятъ люди, такъ хорошо понимающіе другъ друга, что для нихъ напрасный и незанимательный трудъ взаимно себя обманывать.

Великинъ еще продолжалъ тихо смѣяться, удержавъ и пожимая руку Варвары Алексѣевны. Но она не сдавалась такъ легко; она собрала всѣ силы своего кокетства, и ея удивленно-испуганный взглядъ постепенно выразилъ оскорбленное достоинство, упрекъ, сдержанное горе, снисходительное состраданіе...

— Я думала, у васъ больше сердца! прошептала она, не отнимая своей руки будто изъ милосердія.

Великинъ, хотя знатокъ подобныѣхъ продѣлокъ, еще съ минуту не рѣшилъ, какъ повернуть сцену, и ужъ досадовалъ на свою не находчивость, когда его выручилъ самый обыкновенный случай. Сынокъ Варвары Алексѣевны закричалъ, что идутъ гости.

Варвара Алексѣевна вынула часы изъ-за пояса, взглянула и встала медленно, будто утомленная. Раздался свистокъ по желѣзной дорогѣ.

— Петербургскій поѣздъ? спросилъ Великинъ.

— Павловскій, отвѣчала она, задумчиво вздыхая, сошла на ступеньку балкона и прислонилась головой къ колонкѣ, обвитой капуцинками.

— Попытаюсь усѣять уѣхать, сказала Великинъ, взявъ шляпу.

— Опоздали, сказала гостя, явившаяся въ цѣвѣткѣ.

Эта дама была баронесса фонъ-Вицъ, лучшій другъ Варвары Алексѣевны; съ ней была ея маленькая дочка, въ сопровожденіи гувернантки, и меньшая сестра, молодая m-me Осоекина. Пришли также дѣти и гувернантка Варвары Алексѣевны. У балкона стало тѣсно отъ пышныхъ платьевъ, пестро отъ яркиѣхъ лентъ, шумно отъ привѣтствій. Все это происходило будто на тротуарѣ; жалкій садикъ съ запыленными кустами глядѣлъ плохо написанной декорацией.

— Если вы спѣшите въ городъ, москѣ Великинъ, продолжала баронесса: — то сейчасъ пройдетъ экстренный поѣздъ. Намъ сказали; мы были тамъ, провожали знакомыѣхъ... Такая толпа, chère madame Лориховъ!

— Такъ, до свиданія, сказалъ Великинъ, подавая руку Варварѣ Алексѣевнѣ: — можетъ быть, до вечера.

Она дала руку, но не отвѣчала и, когда онъ отошелъ, съ минуту смотрѣла ему вслѣдъ, сморщивъ брови.

— Этотъ человекъ произвелъ на меня дѣйствиѣ кошмара, проговорила она, поднимаясь на балконъ.

Обѣ гостя шли за нею.

— О, задыхаюсь... pardon, mesdames, продолжала Варвара Алексѣевна, бросаясь на диванъ. — Pardon! Вы находите меня въ одну изъ такихъ минутъ, которыя переживаются нелегко!

— Чтѣ случилось? спросила баронесса.

— Да ничего! вскричала Варвара Алексѣевна, вдругъ засмѣявшись нервически: — право, ничего! Если вы думаете, mesdames — а вы имѣете полное основаніе подумать, что застаете меня средь объясненія въ любви...

— Какъ, вамъ объясненіе въ любви? вскричала, засмѣявшись, Осокина.

Старшая сестра поспѣшила остановить и заглядить такую наивность.

— Всѣ на столько знаютъ васъ и ваши правила, chère madame Лориховъ...

— Я тоже знаю, возразила Варвара Алексѣевна, сдвинувъ брови, и будто удерживаясь отертыя великую тайну: — я знаю, что обществу было угодно говорить обо мнѣ...

— Увѣрю васъ, никогда, никто ничего не говорилъ! прервала опять Осокина: — вы напрасно тревожитесь, madame Лориховъ; никогда вамъ не приписывали ни одного поклонника...

— Mais, qu'ep savez-vous donc? снова остановила ее сестра: — серьезное чувство всегда осторожно, но злословіе...

— О, я ставлю себя выше злословія, сказала Варвара Алексѣевна: — мнѣ всегда помогала Богъ...

— О, Barbe!... съ чувствомъ проговорила баронесса: — кто же не знаетъ, что вы — примѣръ...

— Только примѣръ твердости, прервала Варвара Алексѣевна: — я не пожертвую моимъ общественнымъ положеніемъ — какой-нибудь безумной всиншѣ.

— О, безъ сомнѣнія! подтвердила баронесса.

— Жаль, мужчины не всегда это понимаютъ... что не дѣлаетъ большой чести ихъ пронизательности! прибавила Варвара Алексѣевна, уже съ прелестной улыбкой. — Они не догадываются, что, только избѣгая скандала, мы не указываемъ имъ двери... Надо назвать его, наконецъ, — вотъ, Великинъ. Не отнимаю у него остроумія, всего, что вамъ угодно; но, не правда ли, исключивъ его изъ моего общества, я бы ничего не потеряла?

— О, безъ сомнѣнія! повторила баронесса.

— А мой мужъ... Служебное вліяніе господина Великина для него не важно; но и мой мужъ не изъ людей, которые составляютъ себѣ карьеру чрезъ покровительство, и я не позволила бы себѣ допустить моего мужа пользоваться вліяніемъ, которое я могла имѣть на Великина...

— Ah, Barbe! воскликнула баронесса съ ужасомъ, послѣ котораго ужъ было невозможно сомнѣваться въ ея высокомъ мнѣніи о добродѣтели Варвары Алексѣевны.

Пріятельницы пожали руки.

— И такъ, продолжала Варвара Алексѣевна, успокоясь послѣ своего добродѣтельнаго волненія и гражданскаго негодованія: — я вамъ признаюсь, mesdames, мнѣ въ этомъ случаѣ измѣнилось мое знаніе людей. Я замѣтила несчастную привязанность Великина; она показала мнѣ искренна, онъ былъ жалокъ... Не считайте меня совсѣмъ неспособною на сердечную тревогу, прибавила она съ кокетливою улыбкой: — была борьба...

— О, теперь вы сами на себя клеветаете! сказала съ нѣжнымъ сочувствіемъ баронесса.

Осокина равнодушно разсматривала столикиъ.

— Увѣрю васъ, я не камень... Но я вотъ что сдѣлала, продолжала Варвара Алексѣевна, снова вдохновляясь: — я захотѣла ослѣпить и вывести на лучшую дорогу его чувство. Изъ этого, какъ мнѣ казалось, симпатичнаго человѣка я надѣялась сдѣлать себѣ друга.

— И успѣли въ этомъ? спросила Осокина.

Варвара Алексѣевна встрепенулась на насмѣшливую ноту, которая прозвучала въ этомъ вопросѣ, но, конечно, не смутилась.

— Не успѣла, наставительно отвѣчала она, обращаясь къ Осокиной: — и главное, обидно то, что только часъ назадъ, я окончательно убѣдилась въ своей неудачѣ... Что жъ дѣлать! Урокъ — не идеальничать, не мѣрять людей по своей собственной мѣрѣ...

— Но какъ же удержаться... заговорила баронесса.

— *Racon, madame* Лориховъ, прервала Осокина: — но я умираю отъ желанія узнать, чѣмъ провинился Великийъ.

— Ah, Marie!... вскричала баронесса, взглянувъ на нее строго: — *quelle indiscretion!*

— О, нѣтъ, возразила Варвара Алексѣевна, которая тоже умирала отъ желанія рассказывать: — это простая исторія. Великинъ продолжалъ бывать у меня. Но онъ самолюбивъ. Онъ бессердеченъ. Онъ воображаетъ, что свисходительность женской дружбы ужъ не имѣетъ границъ. Вотъ, сегодня утромъ, онъ прѣзжаетъ ко мнѣ... Но надо сказать вамъ прежде, что въ Петербургъ прѣехала одна особа, которую я, когда была еще ребѣнкомъ, встрѣчала какъ-то въ провинціи, une certaine madame Тенцовъ. Ея мужъ — человѣкъ партія... но это не касается дѣла. Тутъ важно только, что мой мужъ нашелъ необходимымъ, чтобы я была у нея, и даже пригласила ее къ себѣ. Моя обязанность была сдѣлать то, чего онъ желалъ — и я сдѣлала. Я была у Тенцовой. Ея обстановка показала мнѣ нѣсколько странною: она будто скрывалась, приняла меня неохотно; мужа ея здѣсь нѣтъ, онъ уѣхалъ обратно въ Москву; она одна... Исходящая

приказаніе моего мужа, я пригласила ее къ себѣ; она отговаривалась, не обѣщалась быть... Вдругъ, сегодня утромъ, ко мнѣ является Великинъ. По праву дружбы, рассказываетъ мнѣ, что онъ давно и очень близко знаетъ эту даму, видѣлся съ ней здѣсь, и такъ-какъ ея затворничество уже слишкомъ неловко, бросается въ глаза, — то онъ убѣдилъ ее пріѣхать сегодня ко мнѣ, и надѣялся, что я приглашу его провести съ нею день и вечеръ... я, въ моемъ домѣ!...

— Mais, cela n'a pas de pom! выговорила баронесса.

— Но, что же, замѣтила Осокина: — вы бы только доставили старымъ знакомымъ удовольствіе видѣться.

— Какъ она наивна, эта Marie! прервала баронесса.

Молодая женщина смотрѣла съ удивленіемъ, не то простодушнымъ, не то сыгранымъ. Училась ли она этимъ тонностямъ, или была уже слишкомъ хорошо выучена — этого, у свѣтскихъ дамъ, не разберутъ, въ особенности, сама свѣтскія дамы: онѣ до того увѣрены въ своей общей испорченности, что принимаютъ, просто, за недостатокъ ума всякій явственный протестъ, которому случается (конечно, очень нрѣдка) шевельнуться въ ихъ кружкѣ... На лицѣ Осокиной промелькнуло что-то странное. Она какъ будто догадалась, на что намекали, и нерѣшительно спросила, краснѣя и оживляясь по мѣрѣ того какъ говорила:

— Но, madame Лориховъ, почему же вы могли предположить что-нибудь дурное?

Такого недостатка ума и такта вынести было невозможно. Старшая сестра потерялась бы окончательно, но ее выручила хозяйка.

— Ah, cette chère Marie! вскричала она, засмѣявшись самымъ веселымъ смѣхомъ. — вы совершенно правы! Я ничего не могла предположить, потому что была уверена!

— Увѣрены? повторила молодая женщина.

— Ну, да! Великинъ началъ съ того, что рассказалъ мнѣ всю свою страсть къ madame Тенцовою; этого прекраснаго чувства не побѣдили ни разлука, ни время; вотъ, добрая судьба соединяетъ оныя... Только я не захотѣла играть роль доброй судьбы!

— И вотъ почему онъ такъ торопился уѣхать? спросила баронесса.

— Конечно... Но она, она пріѣдетъ! я должна принять ее; она должна быть съ ней привѣтлива; этого хочетъ мой мужъ... Не могу же я всего рассказать моему мужу; тогда, чѣмъ онъ сочтетъ и Великина, который осмѣлился... Не могу же я сказать... она говорить, что пріѣхала въ Петербургъ консультироваться о

своемъ ребѣнѣ... Не могу же я сказать прямо, какой магнитъ ее привлечь...

— Но, прервала Осокина, запинаясь и краснѣя: — вы сказали, они знакомы давно, эта дама немолода, а Великинъ постоянно живетъ въ Петербургѣ...

Хозяйка и сестра обратили на нее уже совсѣмъ гнѣвные взоры.

— Когда же и какъ могла продолжаться эта связь...

— Кто же слѣдитъ за поѣздками и возвращеніями Великина? прервала баронесса, выведенная изъ себя рѣзкимъ словомъ, и тотчасъ отвернулась къ хозяйкѣ: — у нея ребенокъ?

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Варвара Алексѣевна: — ужасъ! безобразный гномъ о двухъ горбахъ спереди и сзади. И она непремѣнно привезетъ эту дѣвочку съ собою...

Варвара Алексѣевна взглянула на часы. Баронесса поправила завязки шляпки и поднялась. Осокина сдѣлала то же.

— Нѣтъ, нѣтъ, mesdames, ради Бога, вы останетесь! потеряйте день для меня. Эта особа, можетъ быть, вдумаетъ пуститься въ интимности... Не оставляйте меня одну.

— Намъ будетъ чрезвычайно приятно, отвѣчала баронесса.

— Mille fois merci. Вы меня спасаете... Начиная съ того... Пойдите встрѣчать поѣздъ въ воксаль... Она не знаетъ моей дачи.

— Съ удовольствіемъ. Я очень любопытна ее видѣть.

— Мисъ Эми, закричала въ садъ Варвара Алексѣевна: — сбегите дѣтей... Ахъ, Боже! мнѣ надо еще ихъ предупредить. Пьеръ, поди сюда.

Мальчикъ подбѣжалъ.

— Ты пойдешь съ нами въ воксаль; ко мнѣ будетъ гостя съ дочкой... Право, mesdames, я въ затрудненіи; этотъ мальчикъ у меня бѣдовый... Пьеръ, ты долженъ знать, что эта дѣвочка (ее зовутъ Лизой), что она очень безобразна, такъ безобразна... Надо заранѣе напугать воображеніе, прибавила она, обратясь къ гостямъ: — такъ, чтобы ужъ его не поразила дѣйствительность. Потому, Пьеръ, совѣтую тебѣ не насмѣшиваться. Она не ходитъ, а перекачивается по землѣ, какъ шаръ, и у нея горбъ...

— Неприятно, нестройная женщина, замѣтилъ мальчикъ спокойно и серьезно.

— Admirez, mesdames, ce petit qui s'avise de faire l'important! вскричала Варвара Алексѣевна расхохотавшись: — ты, пожалуй, скажешь ей это въ глаза? Она не услышитъ, она глуха.

Баронесса тоже смѣялась.

— Зачѣмъ говорить? возразилъ Пьеръ: — я покажу ей верблюда на картинкѣ и спрошу ея мнѣнія.

— Она нѣма.

— Tiens! Впрочемъ, недурно, чтобы женщины время отъ времени родились нѣмыми...

— Allez, petit méchant! замѣтила мать, хохоча.— Это ртуть, а не мальчикъ. Mesdames, позвольте мнѣ взять шляпку.

Она вышла.

— Эми будетъ еще цѣлый часъ собираться, сказалъ Пьеръ: — я пойду впередъ съ вами. Позвольте быть вашимъ провожатимъ, madame Осокина.

— Избавьте себя отъ этого труда, отвѣчала она, не глядя на него.

— Чтобъ себя избавить, я обошелся бы и безъ вашего разрѣшенія, но все-таки merci, сказалъ мальчикъ, покраснѣвъ и повернувшись на одной ногѣ, убѣжалъ.

— Чтѣ вы всѣмъ этимъ выигрываете, Marie? спросила злобно баронесса.

— Какъ, ужъ и не отогнать негоднаго мальчишки? возразила Осокина: — довольно, что я выношу его маменьку!

— Я непременно скажу твоему мужу... начала баронесса, но возвратилась Варвара Алексѣевна, за ней Пьеръ и всѣ отправились чрезъ балконъ.

III.

Поѣздъ ужъ приближался, когда дамы вошли на террасу воксала; онѣ ждали недолго. Варвара Алексѣевна раскрыла лорнетъ и, не сходя съ мѣста, всматривалась въ прїѣзжихъ. Она и баронесса представляли очень величавую противоположность съ остальной суетой; въ числѣ встрѣчающихъ не было такихъ важныхъ, нарядныхъ и неподвижныхъ дамъ, какъ онѣ. Онѣ рисовались нѣсколько въ отдаленіи отъ прочихъ смертныхъ, равнодушныхъ, какъ богини, и привлекали удивленіе сѣдоковъ, запертыхъ до Павловска, которые пользуются обстановкой, чтобы изъ оконъ вагоновъ окликнуть знакомыхъ или поглазѣть на незнакомыхъ. Къ дамамъ подошли съ привѣтствіемъ два прїѣхавшіе сановника; секретарь одного изъ нихъ съ портфелемъ подъ рукой, въ почтительномъ отдаленіи дождался конца любезностей начальника; другой сановникъ игриво пощипалъ за щеку Пьера и громко произнесъ:

— J'adore les beaux enfants.

— Вотъ, вѣжета, эта особа, сказала баронесса.

Варвара Алексѣевна, развлеченная любезностями сановника, наконецъ простилась съ нимъ и оглянулась.

— Гдѣ? Почему вы ее узнаете?

— По ея ребенку... *Vraiment, quelque chose d'informe...*

Баронесса только повторила то, что кругомъ думали и говорили всѣ. Анна Владиміровна вышла на террасу позднѣе другихъ и вела за руку свою Лизу. Дѣвочка упала, переступая изъ вагона; незнакомый господинъ помогъ поддержать ее, но Лиза, испугавшись и еще больше озлобленная тѣмъ, что обратила на себя вниманіе парадной толпы, кричала, выражая, что хочетъ воротиться, дергала мать за платье и тащила ее назадъ къ вагонамъ; та не знала, что дѣлать. Господинъ не отходилъ.

— Анна Владиміровна, сказалъ онъ:—не узнаете ли вы меня?

Она всматривалась, смущенная вѣщами Лизы.

— Не вспомните? Великинъ...

— Николай Сергѣичъ! сказала она и радостно подала ему обѣ руки.—Это вы?... Какъ вы меня узнали?

— Какъ же васъ не узнать! Дорогая Анна Владиміровна!...

— Ахъ, какъ я рада!... Я недавно здѣсь...

— Все знаю! Вы къ Лориховой? Вонъ она...

— Вы знакомы? Вы тоже къ ней?

— Знакомъ... Нѣтъ, я къ ней не пойду, я сейчасъ ѣду въ Павловскъ. Приѣзжайте въ Павловскъ вечеромъ, увидимся...

— Непремѣнно, неpremѣнно...

— До свиданія!

Онъ бросился въ вагонъ, поѣздъ отошелъ.

Дамы видѣли издали эту встрѣчу.

— Онъ ее дожидался! сказала съ ужасомъ баронесса.

— *Mesdames*, я теряюсь, выговорила Варвара Алексѣевна:—что дѣлать?

— *Mais*,—*bonne mine à mauvais jeu*, отвѣчала, неизобразимо усмѣхнувшись, баронесса, въ восторгѣ, что въ воздухѣ носится скандальная исторія.—Ужъ поздно, она сюда идетъ.

Варвара Алексѣевна приняла видъ покорной рѣшимости.

— Благодарю, что вы рѣшились для меня оставить ваше заторничество, сказала она, подавая руку Аннѣ Владиміровнѣ и говоря пофранцузски, что сглаживало цеременность привѣтствія.—*Bonjour, chère petite*. (Она сдѣлала нѣсколько ласковыхъ жестовъ Лизѣ, подвинувъ къ ней Пьера). *Mesdames*, Анна Владиміровна, Тенцова.—Баронесса фонъ-Вицъ, мой другъ.—*Madame Marie* Осокнинъ.

Дамы размѣнивались поклонами.

— Я сейчас такъ удивилась и обрадовалась, встрѣтила прежняго знакомаго, сказала Анна Владиміровна.

— Пойдете же, mesdames, прервала Варвара Алексѣевна, пропуская впередъ ее и Осокину.

— Ah quel front! прошептала баронесса, оставшаяся назади:— говорить сама...

— Это выше нашихъ понятій и способностей! отвѣчала Варвара Алексѣевна, съ усмѣшкой и пожатіемъ плечъ, и прибавила, ужъ растрогавшись:—и слава Богу!

— Ахъ, слава Богу! повторила баронесса, будто облегчая сердце.

Осокина слышала, что онѣ шептались, и догадывалась о чемъ. Доброе чувство или свѣтская безтактность побудили ее заговорить съ Анной Владиміровной.

— Мы замѣшкали къ вамъ подойти, вы были въ затрудненіи.

— Да, быть одной среди незнакомыхъ людей и въ незнакомомъ мѣстѣ...

— Тѣснота и толпа много отнимаютъ удовольствія у встрѣчи.

— Я это сейчасъ испытала; я не видала Великина такъ давно...

— А, Боже мой, эта Магіе безумная... прошептала баронесса.

— Простите меня... я доставила вамъ эти неприятности, сказала Варвара Алексѣевна и прибавила громко:— Вы ѣздили на острова, m-me Тенцовъ?

— Да, пришло вдругъ желаніе прокатиться.

— А къ m-me Розбергъ?

— О, нѣтъ!.. Нѣтъ, я не поѣду. Я такъ отстала.

— Madame Тенцовъ домождва, продолжала Варвара Алексѣевна, все по-французски:—она любитъ только самый тѣсный, свой кружокъ. Вообразите, mesdames, что она пряталась даже отъ меня.

— Но вѣдь ты такъ добра, Варенька...

Баронесса взглянула на Варвару Алексѣевну; та вспыхнула.

— Чтѣ съ вами? спросила ее Осокина.

— Я ушибла ногу, отвѣчала Варвара Алексѣевна, отплачивая за вопросъ тоже взглядомъ, быстрымъ, какъ молнія.—Мы идемъ немного скоро. Это трудно для Лизы.

Анна Владиміровна и безъ того замѣчала, что медленная походка ея дочери затруднила остальное общество. Пьеръ нарочно это выказывалъ, то дѣлая нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ, то вдругъ останавливаясь.

— Voulez-vous mon bras, mademoiselle? обратился онъ къ Лизѣ, предлагая свой локоть.

Она взглянула на него изподлобья и презрительно улыбнулась; мальчикъ былъ моложе ея.

— Милый мой, отвѣчала Анна Владиміровна: — это скучная гостья; она не слышитъ.

— Тiens... началъ онъ и вдругъ сдѣлалъ печальную мину: — какъ это грустно, madame! Но я постараюсь, чтобъ она не скучала.

— П а le soir bon, замѣтила со вздохомъ Варвара Алексѣевна, между тѣмъ, какъ Пьеръ уводилъ Лизу впередъ, съ вида очень заботливо, а въ самомъ дѣлѣ, заставляя ее на каждомъ шагу спотыкаться.

Варвара Алексѣевна завела общій неизбежный разговоръ о погодѣ, о приятности деревни, о лѣтнихъ путешествіяхъ, о водахъ, о здоровьѣ. Разговаривая, баронесса внимательно оглядывала Анну Владиміровну. Провинціалка была одѣта прекрасно, не совсѣмъ по модѣ, но эти отступленія дѣлали нарядъ изящнѣе, она была очень граціозна, но какъ-то по своему; въ ея легкой походкѣ, въ простыхъ, тихихъ движеніяхъ, былъ свой особенный складъ. Непокоримая сдержанность свѣтскихъ дамъ казалась гримасой предъ этимъ простымъ спокойствіемъ, въ которомъ не было ни равнодушія, ни притворства. Она говорила не тихо, и не громко, какими-то простыми словами, и это выходило ловко, какъ самыя выложенныя фразы. Въ ней было что-то особенно нѣжное... Забывъ учтивость, не сдерживаясь приличіями, баронесса оглядывала ее съ головы до ногъ, прислушивалась къ звуку ея голоса, томилась и, въ утѣшеніе себѣ, рѣшала въ глубинѣ души, что это жеманная кукла и, конечно, безъ всякаго образованія...

Варвара Алексѣевна была внутренно довольна, что возвращались домой такъ медленно; это чѣмъ-нибудь наполняло время. Она даже нарочно, будто ошибкой, повернула на самую дальнюю дорогу и привела своихъ гостей порядочно усталыхъ. Въ двѣтничкѣ ихъ встрѣтили ея дочка, дочка баронессы и обѣ гувернантки, получившія тутъ же выговоръ, что не пришли въ воксалъ. Оправданія этихъ дѣвицъ, знакомство дѣтей, заняли еще съ полчаса. Пришелъ господинъ Дориховъ и съ нимъ еще двое другихъ господъ, такихъ же, какъ онъ, веселыхъ, говорливыхъ и несколько незамѣчательныхъ. Разговоръ шелъ о послѣднихъ новостяхъ, все больше веселаго свойства, объ увеселеніяхъ, съ воспоминаніями не дальше того, что было за недѣлю; рассказывались анекдоты, почти всѣ неостроумные и многіе вовсе не-

изящные; мужским сплетничали не меньше женщинъ. Смыслъ всего этого былъ непонятенъ для Анны Владиміровны; она молчала, заставляя себя вслушиваться, чтобъ не быть окончательно неловкой. Дамы, впрочемъ, и не говорили съ нею; Варвара Алексѣевна казалась слишкомъ занята другими; Осоевна скакала слова два, но баронесса взглянула на нее такъ грозяно, что она, покраснѣвъ, отвернулась смотрѣть фотографіи. Анна Владиміровна, занимаясь тѣмъ же, не замѣтила этого взгляда. Мужчины замѣтили ея красоту, и потому предложили нѣсколько вопросовъ о провинціи, удовлетворились очень короткими отвѣтами и тутъ же обсудили ихъ съ совершенно столичнымъ, безцеремоннымъ незнаемъ провинціи. О литературѣ вообще говорится рѣдко и коротко въ модныхъ кружкахъ; въ этомъ не говорили вовсе. О другихъ общественныхъ или общечеловѣческихъ вопросахъ, эти кружки или разсуждаютъ никогда ничего не рѣшая, или рѣшаютъ прямо, ничего не обсуждая. Но ихъ тоже не касались въ кружкѣ Варвары Алексѣевны, гдѣ все казалось уже рѣшеннымъ и прочно установленнымъ. Всѣмъ этимъ господамъ и дамамъ жилось хорошо, оставалось только жить, обдѣлывая свои дѣлшки и занимаясь своими особами. Собственные несчастія Анны Владиміровны не сдѣлали ее эгоисткой, но на столько отдалили ее отъ «свѣта», что у нея не осталось ни наблюдательности, ни желанія наблюдать. Потому любопытные образчики посредственности, довольной собою и всѣмъ, ее не интересовали. Анна Владиміровна не рѣшилась бы сказать прямо, что ее отталкивала холодность, неискренность, суетность, пошлость, проступавшія въ каждомъ словѣ этого общества; она не разбирала, почему ей такъ затруднительно съ этими людьми и, начиная утомляться, подумала только, что ей было бы покойнѣе дома. Эта мысль замѣнилась другою: невозможно, чтобы на сердцѣ и въ умѣ этихъ людей не было чего-нибудь больше того, что они высказываютъ; вѣдь это люди; такъ жить нельзя. Варвара Алексѣевна утверждала въ этомъ предположеніи: она то задумывалась, то растрогивалась, то будто удивлялась на совсѣмъ незначущія слова и иногда, съ особеннымъ удареніемъ, произносила такія же незначущія слова. Анна Владиміровна помнила, что Варенька жаловалась на скуку жизни, намекала на какое-то страданіе... Кто знаетъ, что тутъ можетъ быть скрыто?... Тѣмъ больше, Аннѣ Владиміровнѣ стало жаль этого потеряннаго дня; она не того ожидала; она думала, что проведетъ его вдвоемъ съ Варенькой, наговорятся; глядя на дѣтей, вспоминать прежнее, начинала съ дѣтства. И Варенька станетъ легче: хорошо хоть день пробыть съ душой, которая насъ любитъ...

Одинъ изъ гостей, въ сторонѣ, тихо спросилъ Лорикова:

— Это жена того Тенцова, что недавно была исторія?

— Да. Онъ хоѣлъ объяснитьсь.

— Да развѣ вы не слышали? Его министръ и не принялъ.

— Неужели? Вотъ какъ!

— А вы не знали?

— Varbel!

Варвара Алексѣевна подошла, оставя баронессу съ другимъ гостемъ. Мужъ передалъ ей извѣстiе.

— Вотъ какія вещи. Она тебѣ не говорила?

— Ни слова. Я не такъ коротко знакома.

— Она, стало быть, сама не знаетъ?

Варвара Алексѣевна пожала плечами.

— Какъ женѣ не знать, возразилъ гость: — вѣроятно, скрываетъ.

— Я думаю, это ее мало тревожить, отвѣчала Варвара Алексѣевна тихо, будто сдерживая и грусть, и негодованiе, и вдругъ сдѣлалась задумчива.

— Какъ вамъ нравится эта дама? спросила баронесса у другаго гостя.

— Не дурна, но недвижима.

— О ней не всѣ говорятъ это.

— Не всѣ?

— Еще бы!... Неподвижность — вывѣска тавихъ особъ.

— Вы давно ее знаете?

— Первый разъ встрѣчаю. О ней можетъ рассказать Великинъ.

— Кстати, спросилъ Лориковъ жену: — почему не остался Великинъ?

Баронесса не знала, на кого смотрѣть — на Анну Владиміровну, или Варвару Алексѣевну; ей было любопытно, какъ выдержитъ себя свѣтская прiятельница, считавшаяся образцомъ ловкости въ подобныхъ затрудненiяхъ.

— Но... не знаю, отвѣчала Варвара Алексѣевна.

— Вѣрно отговорился дѣлами?

— Не знаю, повторила она и прибавила, чрезъ секунду: — онъ уѣхалъ въ Павловскъ.

— Въ Павловскъ? Съ утра? Что за чудакъ! Чтѣ ему тамъ дѣлать? обратился Лориковъ къ мужчинамъ.

— Найдеть занятiе.

— Любитель классической музыки.

— Не съ утра же музыка! Нѣтъ, что-нибудь другое!

— Великинъ любить музыку? спросила Анна Владиміровна.

— Вы не знали у него этого вкуса? подхватила баронесса.

— О, у него вкусы разнообразны! сказалъ, смѣясь, Лориковъ.—Сегодня одно, завтра другое.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Анна Владиміровна.— Это для меня новость.

— Вы считали его постояннѣе? продолжала баронесса.

— И не безъ основанія, прибавила нѣсколько рѣзко Варвара Алексѣевна: — если судить по тому, какъ, сегодня утромъ, онъ говорилъ о своемъ знакомствѣ съ m-me Тенцовой.

— Я у него въ долгу за добрую память, отвѣчала Анна Владиміровна: — я такъ была рада его увидѣть...

— Гдѣ? прервала баронесса.

— Но сейчасъ, въ воксалѣ, отвѣчала Анна Владиміровна съ спокойствіемъ невинности: — вѣроятно Варенька ему говорила...

— Ничего, потому что ничего не знала, возразила Варвара Алексѣевна холодно, и задумчиво прибавила: — но это и не передается. Вѣроятно, вы скоро увидите...

— Конечно! я думаю, даже сегодня вечеромъ...

Баронесса съ ужасомъ раскрыла глаза. Провинціалка и не замѣтила этого переполоха добродѣтели. Варвара Алексѣевна чувствовала, что ей сплетня виситъ на волосѣхъ, погибла, если Анна Владиміровна прибавитъ хотя слово... Сплетню спасъ докладъ, что готово обѣдать.

Обѣдали на галлерейкѣ, зашпегенной зеленью. Тутъ только Анна Владиміровна увидѣла свою Лизу и съ удовольствіемъ замѣтила, что дѣвочка весела и, кажется, въ особенной дружбѣ съ Пьеромъ; она даже пожелала сѣсть съ нимъ рядомъ; изъ этого вышло маленькое затрудненіе и мальчикъ казался не совсемъ доволенъ, но покорился. На жесты Лизы, продолжавшей что-то разсказывать, онъ сдѣлалъ ей какой-то таинственный знакъ; она засмѣялась и притихла.

— Déjà les meilleurs amis du monde, замѣтила съ улыбкой баронесса.

— Сердце этого мальчуга — сокровище, отвѣчала Варвара Алексѣевна со вздохомъ, въ полголоса.

— Какъ онъ скоро выучился ее понимать!

— Да... сказала Варвара Алексѣевна съ нѣжной грустью.

Задумчивость хозяйки сдѣлалась замѣтнѣе, когда всѣ сѣдѣли рядомъ, и еще увеличилась, когда снова заговорили о вечернихъ удовольствіяхъ и о павловскомъ оркестрѣ, а Анна Владиміровна сказала, что ей будетъ пріятно его послушать.

— Вы тоже за классическую музыку? спросила ее баронесса.

— Я давно не слыхала никакой музыки, отвѣчала Анна

Владиміровна, не подозрѣвая, что ей напоминать и наме-
каютъ.

— Michel! выговорила Варвара Алексѣевна съ таинъ усми-
рѣньемъ, что даже покраснѣла: — ты пойдешь сегодня со мной въ
Павловскъ?

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ Дориховъ: — мы вотъ всѣ трое
оговорились ѣхать въ другое мѣсто.

Варвара Алексѣевна закусила губы.

— Это затруднительно... сказала она.

— Можешь ѣхать безъ меня. Васъ, вѣрно, тоже соберется цѣ-
лое общество. Вотъ, и-мъ Тенцова...

Онъ былъ ужъ далеко не такъ любезенъ съ и-мъ Тенцовой,
съ той минутой, какъ узналъ о неудачѣ ея мужа.

Варвара Алексѣевна не возражала. Очень разстроенная, она
помешталась съ баронессой, и, едва встали изъ-за стола, гдѣ
мужчины остались курить, поспѣшно сошла въ двѣтникъ съ прі-
ятельницей и Осониной, оставивъ Анну Владиміровну.

— Mes chères dames, что мнѣ дѣлать? спасите меня! Какую
роль я буду играть? Валентинъ идетъ ее тамъ... Еслибы я могла
сейчасъ все разсказать мужу... Спасите меня!

— Но чтожь намъ дѣлать? спросила Осонина.

— Ахъ, какъ ты недогадлива! возразила съ сердцемъ ея сестра:—
сейчасъ идемъ къ тебѣ и ты позовешь своего мужа проводить
насъ и и-мъ Дориховъ. Я это уже говорила...

— Но если мой мужъ... перебила Осонина.

— Скажите ему, ма bonne Marie, что онъ меня обманетъ без-
конечно. Разскажите ему все, все. Дѣло идетъ о моемъ добромъ
ишени... Кто знаетъ, можетъ быть, придетъ время, и вы сами
будете просить кого-нибудь о такой же услугѣ... живи! велика!
договорила Варвара Алексѣевна, растроганная.

— Не стоитъ толковать ей! возразила баронесса. — Мы сей-
часъ идемъ, я все устрою... Моя дочь останется куда у васъ,
если позволите?

— О, конечно!

— Нечего терять времени... Тѣмъ болѣе, что, вотъ, и эта
дама...

Анна Владиміровна подходила.

— Возвращайтесь скорѣе, mes toutes bonnes, сказала Варвара
Алексѣевна: — я васъ жду нетерпѣливо.

Баронесса удалась поспѣшно, увлекая сестру.

— Что съ тобой, моя душа? спросила Анна Владиміровна,
идущая: — ты разстроена?

— Ничего, отвѣчала Варвара Алексѣевна, нервически сжавъ

свои руи: — не все въ жизни розовое. И ты это лучше всѣхъ знаешь, договорилась она съ очаровательно-томной улыбкой.

— Скажи, что?

— Лучше не спрашивай. Поднимать тину всѣхъ мелочей... Богъ съ ними!... Я рада, что мы, наконецъ, однѣ.

— И я рада, отвѣчала Анна Владиміровна: — такая ты свѣтская особа при гостяхъ; все по-французски. Онѣ совсѣмъ ушли?

— И, нѣтъ, воротятся. У нихъ явилась фантазія тоже отправиться вечеромъ въ Павловскъ. Эта маленькая дура Осокина надѣялась, что поѣдетъ мой мужъ... Я поставила себя за правило, и это знаютъ всѣ, кто меня знаетъ, не являться ни на какое общественное удовольствіе безъ моего мужа. Сегодня мнѣ хотѣлось быть съ тобой и съ нимъ; потому и стало невозможно жалъ, что онъ отказался.

— Но и я бы отказалась очень легко, прервала Анна Владиміровна.

— Въ самомъ дѣлѣ? я этого не подумала... Ты такъ говорила... Все равно; эти дамы навязались раньше. Такъ чтобы Осокина знала—впередъ не навязываться, я предложила ей позвать своего собственного супруга. Такъ-то лучше... Счастливица ты, что далека отъ всего этого! Нужно много твердости и какъ можно меньше чувства... Какая гадкая волежка эта Осокина!...

Онѣ бродили молча между клумбочками.

Анна Владиміровна не понимала послѣдняго восклицанія, но и Варвара Алексѣевна не могла бы объяснить его: такъ, казалось. Осокина была молода и недурна собою. У свѣтскихъ женщинъ бываетъ странное чувство: имъ какъ-то неловко, если среди нихъ является существо еще доброе, еще неспорченное, съ богатствомъ молодыхъ годовъ, ума и красоты; оно заставляетъ совѣститься и стѣсниться передъ собою. Чтобы скорѣе избавиться отъ стѣсненія, надо скорѣе сдѣлать *своемъ* это существо, научить своему разуму этого ребенка, а если онъ по упрямству честности не скоро выкакаетъ въ науку, то чѣмъ-нибудь огорчить его, во что нибудь впутать, загруздить и тѣмъ отуманить молодой смыслъ, еще непривычный дѣйствовать, сбить его съ дороги и довести до проступка. Проступокъ будетъ сначала, можетъ быть, не больше, какъ одно злое слово; но едва молодая женщина выговорила свое первое несправедливо-злое слово, она уже отдалась тѣмъ, которыя до этой минуты ее ненавидѣли, а теперь приняли *своею* и презрѣли, какъ вообще онѣ презираютъ одна другую...

Есть, конечно, и исключенія, но что говорить о нихъ? исключенія, какъ давно извѣстно, только доказываютъ, что есть общее

правило. Варвара Алексѣевна была однимъ изъ самыхъ полныхъ и блестящихъ образцовъ общаго правила. Ее беспокоило какое бы то ни было превосходство, начиная отъ ничтожнаго наряда, до общественнаго положенія. Если она помогала другимъ, подавая совѣтъ, выбирая нарядъ или устроивая общественное положеніе (что она дѣлала и даже нерѣдко), то всегда вознаграждала себя мыслью, что ей обязаны, слѣдовательно, превосходство осталось за нею. Она умѣла дѣлать, что всегда, всѣ знали, все, тѣмъ она услужила или помогла; она нецеремонно это рассказывала и скромность въ этихъ случаяхъ называла лицемеріемъ. Этотъ способъ дѣйствія былъ хорошъ тѣмъ, что облегчалъ благодарность обязанныхъ, которые, немного оглянувшись, догадывались, что Варвара Алексѣевна сама себя ублажила достаточно. Изъ чего слѣдовало, что Варвара Алексѣевна, какъ говорила, «безпрестанно ошибалась въ людяхъ», и не шадла тѣхъ, въ комъ «ошиблась». Это, пожалуй, мелкое мщеніе было хотя на чемъ-нибудь основано, но ей случалось нещадить и безъ всякаго основанія. Ея никогда незаслуживающая ненависть къ превосходству безпрестанно доставляла для этого случаи: у нея ни съ кѣмъ не было дружбы — она ссорила друзей; бѣдно образованная, она осмѣивала знаніе; вѣчно неискренняя, бросала подозрѣніе на всякую искренность, боявая на словахъ — поражала всякое скромное достоинство... Она находила слушателей и сообщницъ, тѣмъ болѣе, что ее боялись. Ей, правда, не всегда вѣрили, но *смыслъ* состоитъ большею частію изъ ей подобныхъ и охотно слѣдуетъ за сильной, которая берется сдѣлать первый шагъ осмѣянія или сплетни; напротивъ, свѣтъ очень рѣдко принимаетъ сторону осуждаемыхъ и вовсе нѣтъ примѣра, чтобы свѣтъ наказалъ осуждающую. Если кто-нибудь, убоясь Бога, отъ нея отступается, его замѣняютъ другіе, съ свѣжими силами и свѣжимъ рвеніемъ... Успѣхъ дѣлалъ Варвару Алексѣевну все смѣлѣе; она дошла уже до клеветы изъ любви къ искусству и достигала способности клеветать отъ нечего дѣлать. Такъ могла бы она объяснить свое восклицаніе о кокетствѣ Осокиной, восклицаніе, вылетѣвшее будто по вдохновенію, между тѣмъ, какъ въ глубинѣ души Варвара Алексѣевна радовалась, что хотя немного, но втнула молодую неопытную женщину въ возню клеветы, которую подняла. Въ одно и то же время, Варвара Алексѣевна развращала Осокину, чернила ее, будто мимоходомъ, и пользовалась ея услугой. И это дѣлалось не въ свободную, спокойную минуту: Варвара Алексѣевна была въ самомъ дѣлѣ озабочена. Присутствіе гостей еще разсѣвало ее, но теперь, оставшись одна съ Анной Владиміровной, она

оглянулась, чего лишилась въ это утро. Гдѣ поклонникъ, которымъ она готовилась похвалиться? Онъ осмѣялъ ее, осмѣялъ въ глаза, и въ какую минуту! Осмѣялъ и будетъ ухаживать за этой особой! И не только должно вынести, должно видѣть ея торжество!... Варварѣ Алексѣевнѣ были необходимыми посторонніе кто-нибудь къ кому бы пріютиться, лишь бы не оставаться третьей между Великимъ и Анной Владиміровной. Какъ держаться съ Великимъ послѣ утренней сцены? А эта чувствительная провинциалка, пожалуй, еще вздумаетъ спросить, чѣмъ разстроена подруга, не случилось ли чегонибудь... А Великий будетъ любезенъ съ нею впрочемъ, на зло... Начнетъ на зло и влюбится, глупый воловита!... А она?... А кто ее знаетъ! Слишкомъ тихо смотреть — лицемѣрка... И какъ хороша! Нестерпимо хороша!...

Анна Владиміровна подняла на нее глаза въ эту минуту. Варвара Алексѣевна отвернулась и окинула бѣглымъ взглядомъ кавальваду, промчавшуюся мимо дачи.

— Скажи мнѣ что-нибудь, Варенька?

— Что?... Какая пыль! уйдемъ отсюда; un tourbillon... Чтѣ жъ тебѣ сказать? продолжала она, входя на балконъ. — О себѣ? Ты видишь, какъ я существую. О тебѣ?

— Обо мнѣ!... повторила Анна Владиміровна и махнула рукой.

— Видишь, ты сама неоткровенна.

— О, нѣтъ!... У меня такъ много было на душѣ, какъ я къ тебѣ собиралась... Вотъ сейчасъ я подумала, какъ мы съ тобой прожили розно, далеко; точно будто стоимъ на разныхъ берегахъ, видимъ, узнаемъ другъ друга, слышимъ слова будто знакомы... но разстояніе между нами велико, слова не связываются въ разговоръ, мимо насъ безпрестанно мелькаютъ чужіе, отвлекаютъ тебя... Всего не скажешь!

— Развѣ тебѣ не понравилось мое общество?

— Не знаю, Варенька, должно быть, я отвыкла отъ общества. Въ головѣ все какъ-то отрывочно; что-то тревожить, что-то утомило. Легче бы, кажется, вынести живую, горячую печаль, нежели эту сонную тяжесть... Какъ-то терзается сознание собственнаго положенія.

— Это мудрено понять.

— Можетъ быть, мнѣ скучно съ людьми потому, что имъ скучно со мною.

— Униженіе хуже гордости, замѣтила, улыбувшись, Варвара Алексѣевна.

— Это не униженіе и не гордость.

— Съ кѣмъ же тебѣ можетъ быть весело?

— Съ людьми близкими, съ своими.

— У тебя есть такіе люди?

Анна Владиміровна вспомнила, что это только одна ее мать, и не отвѣчала.

— По крайней мѣрѣ что-нибудь нецеремоннѣе, проща... сказала она чрезъ минуту. — Ты сама, какъ была у меня, жаловалась на то же, Варенька. Я говорю твои слова.

Варвара Алексѣевна слегка покраснѣла, понимая въ забвѣніи своей собственной лжи.

«Да что она, стоворилась, что ли, съ Великини?» подумала она со злостью и прибавила вслухъ: — когда я говорила?

— Какъ же! Не понимаю, какъ ты могла забыть... Развѣ въ свѣтской разсѣянности? прибавила Анна Владиміровна, лаской и шуткой заглаживая свой выговоръ.

Но ужь было поздно: Варвара Алексѣевна не прощала, когда ее обличали.

— Можеть быть! отвѣчала она задумчиво: — такъ что же? вѣдь оттого не легче... Если ты такъ все помнишь, то припомниай и дальше. Я говорила: мы не умѣемъ жить. Вокругъ насъ живутъ, учатъ насъ примѣрами, а мы... Нечего намъ и осуждать самимъ тѣ немногіе пустяки, которыми мы увлекаемся, хоть что-нибудь наше... Вотъ, ты сама соскучилась же на чердакѣ, окнами во дворъ, побѣжала вататься...

— Что же это!

— Вотъ, поѣдешь въ Павловскъ.

— Ахъ, Варенька!

— Увидишь Великина...

— Это совсѣмъ не то... знаешь, Варенька... Полно шутить, или говорить такъ легко. Я Великина знала давно, пятнадцать лѣтъ назадъ; оба мы были молоды...

— Вы любили другъ друга? прервала Варвара Алексѣевна, всмѣхнувшись, и въ ту же минуту удержалась. — Моя бѣдная Анна! прости меня, я не шучу, я слушаю... Вы любили другъ друга?

— Нѣтъ, душа моя, не любили. То-есть, не были влюблены. Намъ было хорошо вмѣстѣ... Я никого не любила и замужъ вышла безъ любви... а тамъ... было некогда... Великинъ былъ мнѣ точно братъ. Я говорила ему все, что было на душѣ, со-вѣтовалась съ нимъ; онъ тоже. Ты сказала, что онъ меня не-мнѣять. Вотъ что мнѣ дорого! Онъ помнить меня въ мои луч-шіе, счастливые годы. Прежніе знакомые, подруги,—кто далеко, кто забылъ меня; другіе, съ кѣмъ я еще воюсь, живутъ равно-образнѣе, больше заняты, чѣмъ я. Я старуха, а для нихъ ниче-го не значу... Великинъ меня помнить; я рада, что хоть въ на-

мати одного человѣка я осталась человѣкомъ, и чрезъ столько лѣтъ, въ совершенно другомъ, чужомъ обществѣ! Я удивилась, что онъ узналъ меня въ лицо...

— Еще бы! сердце сердцу вѣсть подаетъ! сказала Варвара Алексѣевна, задыхаясь.—Вѣдь и ты его узнала.

— Когда онъ заговорилъ. Конечно, онъ отъ тебя зналъ, что я приѣду... Часто онъ у тебя бываетъ?

Варвара Алексѣевна соображала, что они увидятся и что надо оградить себя заранѣе отъ всего, что можетъ рассказать Владиміръ.

— Часто ли? повторила она. — Не умѣю тебѣ сказать; мнѣ всегда кажется, что я вижу его рѣдко. Это самый симпатичный мнѣ человѣкъ изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. C'est un homme de bien. Человѣкъ честный.

— Слава Богу, не переѣхивайся! сказала съ радостью Анна Владиміровна.

— Онъ безконечно добръ. Онъ, надѣюсь, понимаетъ меня; понимаетъ, чего стоитъ женщицѣ въ моемъ кругу, въ моемъ положеніи—быть самой собою... говорила Варвара Алексѣевна въ задумчивости и вдругъ прибавила со вздохомъ: — только съ нимъ я чувствую себя легко и не стѣсняюсь... Я увѣрена и онъ тоже!

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ, повторила, ласково улыбнувшись, Анна Владиміровна.

— Сердце? Ты думаешь?... Нѣтъ! Я знаю, онъ одинокъ, онъ былъ бы счастливъ... И еслибъ я могла позволить себѣ увлечься, то любовь такого человѣка... Но нѣтъ! я сказала себѣ: мой долгъ...

Она сжала свои руки.

— Мнѣ жаль его... прошептала она:—я бы хотѣла для него привязанности. Это слишкомъ благородное сердце!... Анна, спросила она чрезъ минуту:—понимаешь ли ты, что можно увлекаться? Не бросай камня въ ту, которая уступаетъ, когда не станешь силы бороться!

— Я никогда этого не дѣлала, твердо отвѣчала Анна Владиміровна.

— Такъ ты понимаешь, что бываютъ положенія, въ которыхъ уступить—не преступленіе? У кого есть все, тому увлекаться преступно, но у кого все отнято въ жизни... Богъ проститъ.

Варвара Алексѣевна наклонила голову и закрыла лицо.

— Я думала о тебѣ въ эти дни, заговорила она:—и сегодня

поутру, какъ говорила съ Великимымъ. Твоя участь ужасна. Не давай себѣ упадать духомъ. Неподвижность, говорю тебѣ, это—смерть. Тебѣ умирать рано. Твоя обязанности — оковы, твоя семья — адъ. Ищи любви, счастья, человѣка... и пусть Богъ тебя благословитъ!

— Что ты говоришь, Варенька?

— О, но ты такъ жалка, такъ несчастна! произнесла отчаянно Варвара Алексѣевна:—а онъ такъ одинокъ...

— Кто?

— Великинъ. Полюби Великина... Что ты такъ на меня взглянула?

— Какія странныя вещи ты говоришь.

— Какъ странныя? Ты его ужъ любила.

— И буду любить, до конца жизни, если онъ честный человекъ; такъ можно любить и женщину. Ты говорила не то...

— Ты меня однако поняла. Такъ что же?

— То, что я такъ никого не люблю, отвѣчала, краснѣя, Анна Владиміровна.

— Но ты понимаешь, что увлеченіе—твой единственный исходъ? ты должна искать себѣ счастья...

— Это счастье?.. Ты шутишь!.. Полно, Варенька; развѣ можно отъ нечего дѣлать—приняться любить?

— Должно разбудить себя въ жизни, возразила Варвара Алексѣевна.

— Какая комедія! прервала Анна Владиміровна.

— Не комедія, а жизнь. Направь свое чувство...

— Какъ, притворяться предъ самой собой, себя обманывать? вскричала Анна Владиміровна.—Какъ это пришло тебѣ въ голову? Нѣтъ, ты шутишь, полно!.. Это-то называешь ты увлеченіемъ? Увлеченіе—кто его осудить! Но это холодное, обдуманное, рассчитанное развлеченіе, обманъ самой себя, обманъ другаго человѣка, это ханжество—извиняться передъ Богомъ и передъ собой своими несчастіями, одиночествомъ... Нѣтъ, Варенька, это унижительно! Неужели въ свѣтѣ такъ легко все понимается? Неужели у васъ честные люди не презираютъ притворщицъ?

— Какъ ты восторженна, сказала Варвара Алексѣевна, сжавъ губы:—счастливица! Какое молодое чувство, какая свѣжесть... И не любить!..

Она опять наклонила голову съ глубокой грустью.

— Полно, моя милая Варенька. Прости. Ты добра. Ты не знаешь, чего бы для меня пожелать... Но вообрази только, какъ бы стала хототать Великинъ, еслибъ я вздумала съ нимъ кокет-

ничать! Въ наши-то года, Варенька, вмѣсто призани, вмѣсто уваженія...

— Какихъ глупостей мы наговорили! сказала порывисто Варвара Алексѣевна, проводя рукой по своимъ раскраснѣвшимся глазамъ. — Довольно. Уйдемся обѣ. Поведемъ дѣтей. Всегда, какъ мнѣ приходится въ голову что недоброе, я собираю ихъ, они прогоняютъ злаго духа.

Она сошла на ступеньки и кивнула миссъ Эми.

Конечно, видъ Лизы, тащившейся сзади рѣзвыхъ свѣжихъ дѣтей, не могъ успокоить нервы и душу ея матери, но Варвара Алексѣевна не обращала на это вниманія. Пьеръ однимъ прыжкомъ вскочилъ на рѣшетку балкона, стоя на одной ногѣ, обнялъ мать и соскочилъ также проворно. Это было исполнено не изъ ласки, а чтобы выказать ловкость и успѣхи въ гимнастикѣ; молодой человѣкъ очень серьезно объяснилъ жестами Лизѣ, что можетъ сдѣлать и больше этого. Нарядныя и красивыя дѣти производили на Анну Владиміровну тяжелое впечатлѣніе. Не то, чтобы они живѣе напоминали утрату собственныхъ дѣтей — тому, кто чувствуетъ ежеминутно, напоминанія неужны — не то, чтобы она сравнивала ихъ ловкость, здоровье, красоту съ уродствомъ Лизы, она ужъ къ этому привыкла, — но ей было тяжело смотрѣть на нихъ потому, что, въ первый разъ въ жизни, дѣти показали ей какъ-то слишкомъ, незаслуженно счастливы. Мысль была злая, но неотвязная. Дѣти казались Аннѣ Владиміровнѣ непріятнѣе старшихъ; въ нихъ рѣзче выказывалась пустота и неискренность — у старшихъ ловчѣе скрытыя или незамѣчанныя отъ привычки. Анна Владиміровна, тоже въ первый разъ, увидѣла, что Лиза не скучаетъ съ дѣтьми, даже моложе себя. Слушая ихъ пустое щебетанье, глядя на ихъ натянутыя ласки, на ихъ замканныя, кокетливыя движенія, Анна Владиміровна съ ужасомъ подумала, не эта ли испорченность поправилась ея дѣвочкѣ. Она оглянулась и на гувернантокъ. Гувернантка баронессы казалась очень равнодушной особой, ничѣмъ нескужающей, не отъ терпѣливости или покорности, а такъ. Миссъ Эми, вообще невеселая и молчаливая, въ настоящую минуту была чѣмъ-то разсержена и вмѣстѣ смущена; краснѣя и отворачиваясь, она избѣгала Пьера, который нарочно болталъ и вертѣлся передъ нею. Было сейчасъ замѣтно, что она не смѣетъ дѣлать выговоръ своимъ воспитанникамъ, но что теперь она выведена изъ себя и приняла какое-то твердое намѣреніе. Анна Владиміровна не могла понять, какъ Варвара Алексѣевна такъ спокойно ничего не видитъ. Но Варвара Алексѣевна забавлялась и угощала дѣтей фруктами; гувернантка баронессы была приглашена сама

взять изъ корзины, миссъ Эми получила апельсинъ изъ руки госпожи. Пьеръ передразнилъ ея безмолвный поклонъ и сдѣлалъ знакъ Лизѣ. Та захохотала. Анна Владиміровна, недовольная, повачала головою, но изъ всего, что происходило, Варвара Алексѣевна, казалось, замѣтила только это движеніе и вскричала:

— Ахъ, сдѣлай милость, хоть у меня не дѣлай ей наставленій! Нѣтъ ничего скучнѣе выправленныхъ дѣтей. Замѣчать ихъ маленькія шалости, значить — портить ихъ характеръ...

Въ забавахъ съ дѣтьми прошло время до возвращенія баронессы. Она объявила, что ея сестра съ мужемъ явятся вслѣдъ за нею, чтобы ѣхать въ Павловскъ вмѣстѣ, когда будетъ угодно Варварѣ Алексѣевнѣ. Варвара Алексѣевна пошла дѣлать свой туалетъ. Баронесса тоже была въ другомъ платьѣ и въ очень-вычурной шляпкѣ; она такъ оглянула нарядъ Анны Владиміровны, что та невольно посмотрѣлась въ зеркало: она была одѣта свѣжо и изящно, но ее взяло какое-то недоумѣніе. Баронесса слѣдила за нею наблюдательными глазками и какъ-будто улыбалась.

— Вы обѣщаете себѣ много удовольствія въ Павловскѣ? спросила она, послѣ довольно долгаго молчанія.

— Да, отвѣчала Анна Владиміровна разсѣянно, и смутилась.

Ей казался безконечно длиненъ этотъ день; скука послѣдняго получаса съ дѣтами еще ее раздражила. Баронесса смотрѣла такъ пристально, что она позрасѣла; вопросъ напомнилъ Великина и весь разговоръ съ Варварой Алексѣевной — и все то, что Анна Владиміровна выслушала сгорча и по первому доброму движенію извинилъ, повторилось теперь въ памяти каждымъ словомъ, отчетливо, холодно, оскорбительно...

«Какъ тавія негѣности приходятъ людямъ въ голову», подумала она: «что за понятіе? Вѣдь это были не шутки»...

Она чувствовала, что краснѣетъ все больше и больше. Ей становилось страшно оставаться такъ глазъ-на-глазъ съ баронессой. На нее повѣяло неприязнью... За что? спросила она себя. Не зная за собой вины, она смущалась предъ равнодушнымъ спокойствіемъ «свѣта», виноватаго, оскорбляющаго, несчастливаго, увѣреннаго въ себя. Досадуя на свою робость, она смущалась еще больше отъ сознанія, что привыкла робѣть и молчать...

Варвара Алексѣевна вошла стремительно, застегивая на ходу браслетъ и взволнованная. За портьерой, въ другой комнатѣ мелькнуло лицо миссъ Эми, очень разстроенное.

— Madame Тенцовъ, до котораго часа вы располагаете пробыть въ Павловскѣ?

Анну Владиміровну окончательно смутили; будто неожидан-

ность, и французскій языкъ и церемонность, которую пріятельница будто нарочно выставляла на показъ пріестороннихъ.

— Но... это отъ тебя зависитъ, отвѣчала она.

— Не совѣтъ. Это зависитъ отъ поѣзда, на которомъ вы возвратитесь въ городъ.

— Последній поѣздъ идетъ около одиннадцати, сказала баронесса.

— Такъ-какъ вы хотите слушать музыку, то возвратитесь въ городъ въ двѣнадцать... да, почти въ двѣнадцать, прибавила Варвара Алексѣевна.

— Это поздно...

— Ночи свѣтлыя, замѣтила баронесса.

— Да, но тамъ...

— Вы, можетъ-быть, не распорядились, чтобъ васъ ждалъ экипажъ? спросила Варвара Алексѣевна.

Анна Владиміровна тутъ только объ этомъ вспомнила.

— Какъ же быть? сказала она.

— Васъ кто нибудь проводитъ изъ Павловска, сказала снисходительно баронесса: — въ вагонѣ найдется кто нибудь позвать вамъ дрожи, а нѣтъ, такъ сами... Тамъ всегда есть дрожи, только закричать имъ.

— У меня нѣтъ никого знакомыхъ, возразила Анна Владиміровна, сконфуженная до того, что не замѣтила какъ ей водсмѣивались высканцѣмъ извозчиковъ.

— Но, вотъ, ш-г Великинъ...

— Изъ этого слѣдуетъ, прервала Варвара Алексѣевна, будто вдругъ рѣшаясь: — что вы возвратитесь сюда и у меня ночуете, а завтра утромъ... или когда угодно...

— Я такъ тебѣ благодарна, Варенька...

— Мы ѣдемъ въ маленькой коляскѣ; для одного еще будетъ мѣсто, я хочу взять Пьера. Вы не противъ этого?

— Какъ тебѣ угодно, отвѣчала Анна Владиміровна, умасляясь, что все чѣмъ-то ее стѣсняетъ.

— Я думала, вы захотите взять Лизу. Музыка, я полагаю, не доставляетъ ей большаго наслажденія. Такъ я увезу Пьера.

Вошли дѣти и Лиза. Анна Владиміровна, выходящая надѣтъ шляпку, услышала вопросъ баронесса:

— Какъ же это вы разстроиваете дѣтскую компанію?

— Пришлось разлучать то, что не Богъ соединилъ, отвѣчала сердито Варвара Алексѣевна: — эта горбуны—чудовище.

— Неопровержимо! вскричала, захотавъ, баронесса.

— И развращенное чудовище! Вы не можете вообразить...

Анна Владиміровна похолодѣла. Она рѣшилась бы слушать дальше, но въ комнатуъ быдъ миссъ Эми.

— *Bonsoir, monsieur Осокинъ! merci, madame Осокинъ, merci, ma toute bonne!* раздались восклицанія Варвары Алексѣевны, встрѣчавшей прїѣхавшихъ гостей.

— Васъ просать поторониться, сказалъ Пьеръ, вбѣгая къ Аннѣ Владиміровнѣ: — миссъ Эми, а я все-таки їду!

Гувернантка не отвѣчала. Анна Владиміровна вошла въ гостиную.

— *Вдемте, mesdames. Monsieur Осокинъ, вы меня обяжали выше всякаго выраженія; вы знаете, почему васъ потревожилъ? Вамъ, конечно, рассказала Marie...*

— Я ничего не рассказывала, прервала Осокина очень холодно.

— Но я васъ просила! Я очень стою за то, чтобъ мой просьбы не считались пустыми фантазіями; у меня есть причины... *Ah, excusez-moi, madame Тенцовъ: m-г Осокинъ...*

Это представленіе было сдѣлано уже у калитки сада, гдѣ ждали экипажи. Анна Владиміровна едва успѣла взглянуть на мисоваго, плотнаго, апатичнаго и особенно щегольски одѣтаго молодого господина, который посадилъ ее въ коляску и тотчасъ пошелъ къ своей, гдѣ уже сидѣли его жена и баронесса.

— *Prenez garde à la robe de madame*, строго сказала Варвара Алексѣевна Пьеру, который вертѣлся на передней скамейкѣ.

Сама она, сжавъ губы, сдвинувъ брови и скрестивъ руки подъ шалью, погрузилась въ мрачную задумчивость и не обращала вниманія ни на дорогу, ни на свою спутницу, которой эта короткая дорога показалась очень длинна. Отуманенная всѣмъ, что дѣлалось, Анна Владиміровна видѣла, что прїятельница гнѣвается на Лизу, но за что? Что такое сдѣлала Лиза? Варвара Алексѣевна, стало быть, за наказаніе не взяла ее гулять? И съ какой шуткой! А что она сейчасъ говорила баронессѣ, какъ она называла эту несчастную дѣвочку?

— Но и мнѣ самой она предлагала скорѣе уѣхать! разобрала наконецъ Анна Владиміровна: — только показалось неучтиво прогнать меня въ полночь... Боже мой, да что жъ это такое? Что такое Варонька?

— *Mon Dieu, que de monde!* закричалъ Пьеръ.

Они подѣхали въ вокзалу.

— *Maman, voyez, m-г Великинъ!*

Варвара Алексѣевна взглянула испитующимъ взоромъ въ лицо Великину, который помогъ ей выдти изъ коляски, и хотѣла что-то сказать; онъ остановилъ ее.

— Не трудитесь, Варвара Алексѣевна, позвольте безъ представленій, безъ напрасныхъ комедій. Мы ужъ видѣлись.

Онъ подавъ руку Аннѣ Владиміровнѣ; она оживилась и подала свою поспѣшно и весело.

— Но больше нѣтъ сомнѣній! прошептала баронесса, раскрывъ глаза въ радостномъ ужасѣ и присоединилась къ Варварѣ Алексѣевнѣ.

IV.

— До начала музыки еще есть время пройтись, сказалъ Великинъ, поздоровавшись съ остальнымъ обществомъ и спѣша возвратиться къ Аннѣ Владиміровнѣ.

Но его отвлекли другіе, и чрезъ нѣсколько минутъ она была далеко впереди его. Всѣ шли въ паркъ, не отходя слишкомъ отъ воксала. Тамъ, тоже въ ожиданіи музыки, было множество гуляющихъ, между которыми безпрестанно встрѣчались знакомые; остановкамъ, начаткѣмъ и прерваннымъ разговорамъ не было конца. Варвара Алексѣевна забыла свой гнѣвъ и свои горести, оживилась, вдохновилась и сыпала любезностями, шутками, островами и блестящей злостью на всѣ стороны. Это дѣлалось такъ граціозно, съ такой мастерской увѣренностью, вмѣстѣ такъ дерзко и простодушно, такъ величаво и легко, что знатоки дѣла приходили въ восхищеніе. Она смѣялась немного, проницательно, будто ребенокъ, и чаще всего шуткамъ неудавшимся — за это неудачные остраки привязывались къ ней благодарностью, недалеко-видные люди радовались ея доброму такту, помолвленные удивлялись новой тонкости насмѣшки, а знавшіе ее поближе исполнялись почтительнымъ страхомъ.

— Вы сегодня особенно въ духѣ и въ ударѣ, сказалъ ей тихо Великинъ, подойдя, наконецъ, и пользуясь шумомъ общаго разговора.

— Чтò? спросила она, тоже тихо, и вдругъ перемѣнивъ тонъ на нѣсколько строгій и какъ будто испуганный.

— Вѣдь со мной теперь напрасный трудъ притворяться, возразилъ онъ, глядя ей въ лицо, которое она выиграла задумчивымъ: — вы торжествуете чье-нибудь поражаніе.

— Я васъ не понимаю... сказала она: — такъ же, какъ вы, конечно, не захотите понять, почему послѣ вашихъ словъ я буду еще разговорчивѣе съ этимъ обществомъ... и еще злѣе.

— Извините, у меня достанетъ догадки: вы будете разговорчивы для того, чтобъ я не осмѣлился подумать, что могъ смутить васъ; что же касается до злости...

— Я скажу сама, прервала она тревожно: — потому буду зла,

что единственный не пустой человек этого кружка считает меня пустой женщиной.

— Если комментировать начинается мнѣ, если я этот избранникъ, то, напротивъ, я предъ вами благоговѣю. Вы сдѣлали то, что нелегко дѣлаютъ женщины... ввели въ общество красавицу.

— Да, правда... этого бы не сдѣлали!

— Загадка?

— Можете разгадывать.

— Но гдѣ же м-ше Тенцова?

Барвара Алексѣевна отвернулась, слегка пожавъ плечами, и бросилась въ общій разговоръ. Великинъ пошелъ догонять Анну Владиміровну.

Она шла впереди компаніи, и почти все время молча. Съ ней была Осоевна, также молчаливая, хотя внимательная къ тому, что говорилось кругомъ. Но для Анны Владиміровны, это множество незнакомыхъ лицъ, эта суета, непонятные разговоры казались какъ-то бредомъ, среди котораго только больше чувствовалось свое собственное одиночество. Случайно она оглянулась на Осоевну: та тоже смотрѣла на нее.

— Кажется, вы не очень веселитесь? спросила Осоевна, улыбувшись.

— Неужели такъ всякій день? спросила Анна Владиміровна.

— Всякій день, цѣлое лѣто и каждый годъ, отвѣчала молодая женщина порусски. — Я не припомню, когда я въ первый разъ выбрала эти дорожки; сначала во всякое время дня съ нянькой, съ обручемъ; потомъ, по утрамъ, съ гувернанткой, съ книжкой, съ работою; потомъ вотъ такъ, вечерами... Я знаю, во сколько рядовъ стоять сдameйи, тамъ у воксала. Вотъ, на моемъ вѣку, третій канцельмейстеръ.

— Вы очень стары! сказала Анна Владиміровна.

— А знаете, иногда, безъ шутокъ, мнѣ кажется, я стара, отвѣчала Осоевна. — Вотъ теперь мнѣ скучно, какъ вамъ, и я сержусь каждую минуту. Мнѣ жаль времени, жаль хорошей погоды — это все пропадаетъ даромъ. Мнѣ жаль платья, которое я волоочу по песку. А эти господа и госпожи!... Вотъ кто молодъ—это м-ше Лорикова, прибавила Осоевна, и спохватилась:— вы дружны съ нею?

— Да, были недругами, и разстались.

— Какъ «разстались»?

— Она уѣхала, я вышла замужъ.

— Да! я подумала, что вы разошлись, разсорились.

— Это было бы немножко рано.

— Какъ, рано?

— Въ восемнадцать лѣтъ!

— Чтò же, серьезно возразила молодая женщина: — ато мои лѣта. Неужели женщины вашего поколѣнія... Pardon, madame!

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь.

— Неужели вы не составляли себѣ мнѣній о людяхъ, о вашихъ друзьяхъ?

— Мы не были такъ рано разборчивы, отвѣчала Анна Владиміровна: — мы больше довѣряли, нежели ваше поколѣніе.

Молодая женщина слегка покраснѣла, какъ будто недовольная, но чрезъ минуту опять взглянула на Анну Владиміровну, улыбась.

— Благодарю васъ за урокъ... увѣряю васъ, отъ всего сердца благодарю. Мнѣ это пригодится. А откуда позвольте мнѣ, недовѣрчивой, которая сама не знаетъ, по какому влеченію говорить вамъ все, чтò приходитъ на умъ... позвольте дать вамъ совѣтъ: не довѣряйтесь ш-ше Лориховой.

Анна Владиміровна была такъ изумлена, что остановилась.

— Пойдемте, пойдемте, продолжала Осокина: — могутъ замѣтить, что мы ведемъ слишкомъ серьезные рѣчи. Пересказывать долго и... неловко...

Она вдругъ оробѣла. Доброе чувство натолкнуло ее предостеречь, но въ головѣ ея бродило уже довольно свѣтскаго чада, и, вслѣдъ за честнымъ порывомъ, явилось сомнѣніе: «у мѣста ли этотъ порывъ? Не глупъ ли онъ? Тогда — бѣда; все выйдетъ наружу, спасенія нѣтъ, совѣта и помощи ждать не отъ кого: сестра уморить притѣсненіями и моралью; мужъ...»

Осокина, какъ многіе, весьма высоко и весьма апатично цѣнилъ нравственность, и, не полагаясь на свои собственные способности, поручалъ жену руководству постороннихъ дамъ, за которыми признавалъ особенное благоразуміе и добродѣтели. Такимъ совершенствомъ была въ его глазахъ Варвара Алексѣевна; къ ней онъ нерѣдко обращался за совѣтами, и ежеминутно ставилъ ее въ примѣръ женѣ. И вдругъ онъ узнаетъ, что жена сказала пріѣзжей...

Великинъ подходилъ въ эту минуту.

— А вотъ чтò, вдругъ сказала себѣ Осокина: — послушать, чтò они заговорятъ. Все будетъ съ первыхъ словъ понятно.

— Накопецъ-то мы свидѣлись, дорогая Анна Владиміровна, сказалъ Великинъ. — Дайте еще пожать вамъ руку — право, не вѣрится, что это на яву. Не знаешь, съ чего начать, чтò спросить. Позвольте посмотрѣть на васъ пристальнѣе — все та же!

— Какъ это! возразила она: — столько перемѣнъ...

— Я ничего не знаю. До пинѣшняго дня, какъ Лорехова

сказала, что вы придёте къ ней, я не слыхалъ вашего имени, не зналъ, что она съ вами знакома...

— Какъ, развѣ не вы сами извѣстили Варвару Алексѣевну о приходѣ м-ше Тенцовой? виѣшалась Осокина.

— Конечно, не я, отвѣчалъ небрежно Великинъ. — Анна Владиміровна, позвольте мнѣ вспоминать. Я не отказываюсь отъ прошедшаго, чтобъ спрятать годы въ карманъ. Прежде всего, что ваши родные?

— Ихъ ужъ на свѣтѣ нѣтъ.

— И вы — одна?

— Одна, отвѣчала она, и чрезъ секунду прибавила: — у меня своя семья.

— Большая?

— Одна дочь... вы ее видѣли... Много было горя.

— Я слыхалъ.

— Вамъ говорила Варенька? Мои дѣти...

— Дѣти? Нѣтъ, она говорила другое.

— Другое? Что? спросила она почти съ испугомъ.

— Надолго ли вы въ Петербургѣ, Анна Владиміровна?

— Не знаю; какъ рѣшитъ мой мужъ.

— Вашъ мужъ? переспросилъ съ удивленіемъ Великинъ.

Осокина все поняла и вздохнула легко; ей стало даже весело и смѣшно отъ открытія, какая слетница Варвара Алексѣевна. На что могло быть полезно это открытіе ей самой — Осокина не думала. Ей было больно, стыдно оглянуться на себя; ей хотѣлось броситься на шею этой прелестной, несчастной женщины, выпросить у нея прощеніе за то, что слыхала, какъ на нее клеветали, за то, что сомнѣвалась въ ней одну минуту, хотѣлось увести ее дальше, чтобъ никого кругомъ не было, и сказать ей: «не слушайте никого, рассказывайте только мнѣ»...

Въ эту минуту засвѣтились газовые шары около воксала, и въ кружкахъ гуляющихъ раздались восклицанія:

— Ah, voici, enfin, la musique!... Нужно занять мѣста... Поддите...

— Не смѣйте садиться рядомъ! шепнула баронесса, слѣдившая за сестрою, и отвела ее отъ Анны Владиміровны.

Съ Анной Владиміровной оставался одинъ Великинъ. Варвара Алексѣевна это видѣла, но не воротилась и сказала громко, садясь подлѣ баронессы:

— Пьеръ, прошу не отходить далеко.

Баронесса усадила Осокину подлѣ себя, и для поддержанія надъ нею надзора, на случай если сама развлечется, пригласила сѣсть съ другой стороны надушеннаго и набѣлennaго ста-

ричка, необыкновенного помоннива молодыхъ женщинъ и необыкновеннаго мастера надобѣтъ имъ. Варвару Алексѣевну окружили ея знакомые и поклонники. Не замѣтивъ, чтобы м-ше Дорихова оказывала вниманіе ненавѣстной особѣ, которую привезла гулять, и которую никому не представляла — никто изъ этого кружка и не подумалъ уступить мѣсто Аннѣ Владиміровнѣ. Она сѣла далеко. Великинъ подошелъ къ славней Варвары Алексѣевны и осматривался.

— Чтѣ вы видите? спросила Варвара Алексѣевна.

— Мѣста для м-ше Тенцовой.

— Ей и тамъ очень хорошо, отозвалась баронесса.

— Она одна.

— Сядьте подлѣ нея, сказала Варвара Алексѣевна: — ей будетъ очень пріятно.

— Тамъ болѣе, что она заранѣе восхищалась, что васъ увидитъ, прибавила баронесса.

— Да. Вы оставили ей по себѣ доброе воспоминаніе, сказала Варвара Алексѣевна.

— Это не для того ли говорится, чтобъ передать мнѣ ваше дѣло?

— Какое?

— Вы сами говорили: развлечь, утѣшить. Ваше доброе намѣреніе скоро прошло... а оно было такое искреннее!

— Эта особа не несчастна, какъ я предполагала, и утѣшается очень легко, возразила Варвара Алексѣевна, закусивъ губы.

— Право? Тамъ она оглянулась, прозрѣла... Какъ вы это называете?

Варвара Алексѣевна бросила на него взглядъ, въ которомъ онъ могъ видѣть упрекъ, а другіе — холодное презрѣніе.

— Я этого никакъ не называю, выговорила она съ достоинствомъ. — Знаю, что я напрасно тратила состраданіе...

— Успокойте меня, останьтесь вѣрны себѣ, Варвара Алексѣевна! вскричалъ, хохоча, Великинъ: — скажите, что вы не жалѣете объ этой напрасной издержкѣ!

— Я — эгоистка, и прежде всего жалѣю о себѣ, отвѣчала Варвара Алексѣевна очень тихо и красивыя пятнами. — Я обманулась... чтѣ же!... а вамъ будетъ удача...

Она отвернулась.

— Загада! сказалъ Великинъ и отошелъ.

— Quel front! выговорила баронесса.

Варвара Алексѣевна ничего не сказала, только тяжело вздохнула. Она, въ самомъ дѣлѣ, провела непріятную минуту.

— Кто эта такая красавица, съ которой вы прошли? спросилъ Великинъ одинъ не старей и важный господинъ изъ его знакомыхъ.

— Приѣзжая, Тенцова. Жена N-скаго губернскаго предводителя, договорилъ Великинъ, какъ будто находитъ нужнымъ въ чемъ-то оправдаться.

— А, бывшаго... Какъ порядочно, какъ граціозна! и не изблена. Она премило сдѣлала, что приѣхала: хоть одно хорошенькое лицо; глаза отдохнуть. Вы давно съ ней знакомы?

— Да, отвѣчалъ Великинъ.

Онъ былъ доволенъ. Онъ, конечно, не сознавался, что ему какъ будто разрѣшили заниматься провинціалкой, но тѣло помнилъ, что свѣтскій кружокъ высоко цѣнилъ мнѣніе этого господина о женской красотѣ.

— Осокинъ сейчасъ говорилъ, что она бранила мужа. Правда это?

— Не знаю, отвѣчалъ Великинъ.

— Не скромничайте! Вамъ ли не знать! Это всё толкують. Вы меня ей представьте.

— Дайте срокъ! сказалъ Великинъ, засмѣявшись и отходя къ Аннѣ Владиміровнѣ.

Она оживленно и съ удовольствіемъ слушала пьесу, которую игралъ оркестръ. Великинъ сѣлъ подлѣ нея и съ минуту задумался.

Пятнадцать лѣтъ назадъ, онъ скремно начиналъ свою службу въ губернскомъ городѣ и, неблестящій юноша, не смѣлъ объявлять претензій на вниманіе богатой красавицы. Онъ былъ не глупъ и не хотѣлъ казаться смѣшнымъ; она была не кокетка и не привлекала вдыхателей, лишь бы увеличить ихъ число. Знакомство сложилось въ простую, хорошую пріязнь. Анна Владиміровна была мечтательница, Великинъ ей сочувствовалъ. Онъ тогда вѣровалъ во множество прекрасныхъ чувствъ, отъ которыхъ, конечно, впоследствии и даже очень скоро, образумился, но и въ настоящую пору все еще оставался убѣжденъ, что тогда, въ молодости былъ способенъ на всевозможные прекраснѣйшіе поступки, на великодушіе, самоотверженіе, и тому подобное, представся только случай...

Теперь, много годовъ ушло и представляется другой случай: женщина, которая ему нравилась, передъ нимъ, помнить его и ищетъ развлечения...

Онъ не любилъ баронессу и Варвару Алексѣевну, но по той простой причинѣ, что никого не любилъ. Люди ему были рѣши-

тельно всё равны; онъ называлъ ихъ дурными и свосными, судя ихъ по тому, каковы они были съ нимъ. Оттого, сплетни и злость женщинъ только его смѣшили. Онъ считалъ себя серьезнымъ человекомъ, былъ убѣжденъ, что тратить на болтовню съ женщинами только лишніе часы, но не велъ счета этимъ часамъ и не замѣчалъ какъ сильно интересовался этой болтовней, какъ соображалъ по ней свои чувства и поступки. Теперь, онъ видѣлъ, что на Анну Владиміровну поднялась гроза. Дамы сплетничали, но, можетъ быть, и нѣтъ; а если нѣтъ, почему не воспользоваться тѣмъ, что посылаетъ судьба?... Люди смотреть, хвалить... пусть позавидуютъ.

— Какая славная музика, сказала Анна Владиміровна, когда кончился вальсъ.

— А я именно боялся, что нынѣшній концертъ вамъ не понравится; вся программа—однѣ бальные пьесы.

— На гуляньѣ, когда всё развлечены, мнѣ кажется, бальные пьесы больше у мѣста, чѣмъ серьезныя.

— Въ самомъ дѣлѣ? А знаете ли—это смѣлое мнѣніе?

— Смѣлое?

— Да. Наши дамы—за классическую музыку. Этимъ онѣ протестуютъ противъ того, что происходило здѣсь во времена Штрауса.

— Мнѣ сегодня рассказывала баронесса. Но онѣ запоздали съ своимъ протестомъ. Если имъ не нравилось, зачѣмъ онѣ сюда приходили? Это было бы гораздо проще.

— Вы такъ и сказали баронессѣ?

— Сказала.

— А она?

— Она со мной согласилась.

Великинъ засмѣялся.

— Она здѣсь бывала всякій разъ. А m-me Лорихова всякій разъ подносила Штраусу букеты. Ничего!... Какъ вы объ этомъ думаете?

— О чемъ?

Великинъ опять засмѣялся.

— Конечно, не объ этихъ дамахъ! Объ этихъ удовольствіяхъ.

— Я могу судить только по словамъ другихъ, а они, какъ видно, неискренни.

— Искренность! это такая рѣдкость, что, вотъ, я и бросаюсь за нею къ вамъ, давно ее не видалъ... Такъ какъ же, вы осудите или нѣтъ наши павловскіе восторги?

— Нѣтъ, отвѣчала она: — должно быть, было что-нибудь хорошее, если вы увлеклись.

— Увлекались... повторялъ Великинъ. — А знаете ли, чему я радъ, Анна Владиміровна?

— Тому, что меня видите, отвѣчала она, оживившись его протей веселостью.

— Точно такъ, но еще больше тому, что съ перыхъ словъ вы меня не запугиваете.

— Чѣмъ?

— Какъ вамъ сказать? Вотъ, даже вообще наши дамы, неприступной, благочестивой нравственности. Вы насѣдѣ правн въ томъ, что сейчасъ сказали объ удовольствіяхъ, но вы это мило, кротко сказали. Передъ вами не чувствуете себя какими-то отверженными и не вкладеть въ голову грѣшная мысль, что люди строги, потому что завистливы...

— О, въ этомъ вы ошиблись, прервала она: — я очень завистлива.

— Чему же вы завидуете?

— Счастью... начала она и недоговорила, вздрогнувъ отъ громкаго аккорда, который раздался въ оркестрѣ.

Великинъ принялъ ее недосказанныя слова за досказанныя и, покуда она слушала музыку, подумалъ, что она кокетничаетъ. Не почему же ей и не кокетничать? Лишь бы это выходило ловко, лишь бы она держалась порядочно, а тамъ можно посмотреть, на сколько забавна съ нею будетъ замѣтательна... Когда человѣкъ о чемъ-нибудь сильно задумается, ему иногда кажется, что и самое дѣло подвинулось. Великину казалось, что онъ уже до чего-то договорился съ Анной Владиміровной, и когда она машинально на него оглянулась, онъ принялъ ее взглядъ за вызовъ продолжать разговоръ.

— Она опытна, подумалъ онъ: — знаетъ, что подъ-слушокъ говорить удобнѣе. — Какого же счастья вы хотите? спросилъ онъ, наклонясь къ ней.

— Не знаю... отвѣчала она торопливо и развѣченная.

— Всякаго?

— Всякаго!

— И много? Какъ можно больше? допрашивалъ Великинъ.

Она смутилась, не отъ вопросовъ, тона которыхъ не замѣчала, а отъ своего собственнаго, привычнаго и горькаго чувства, и выговорила, отвѣчая больше самой себя:

— Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много требую.

— Но, по крайней-мѣрѣ, не на долгій срокъ, не на вѣки?

— Что вы такъ шутите, кротко сказала она: — что можно у судьбы выпросить на вѣки? довольно, если пошлетъ хоть на нѣсколько дней, чтобы было что потомъ вспомнить.

— Охъ, эта барыня—*genre sentimental*, подумаль Великинъ и кончилъ вслухъ: — а вы невесело смотрите на жизнь, Анна Владиміровна.

— Но вѣдь я всегда была такая, возразила она: — вы забыли? видно, года сдѣлали свое.

— Ничего я не забылъ, возразилъ Великинъ, пожавъ ея руку, которая встрѣтилась близко. — И ничего не сдѣлали года... къ несчастію. Мнѣ было бы сто разъ легче найти, что вы подурнѣли, довольны собой, безпощадны ко всему молодому, нежели... нежели то, что я нашель... Легче за васъ, поймите меня! я за васъ надѣялся, я думаль... Позвольте мнѣ напомнить, какъ близко я зналъ васъ... Мы были когда-то не чужіе!

— Да! отвѣчала она.

— Самъ я, какъ былъ молодъ тогда и какъ хорошо мечталось! И какъ далеко залетали эти золотыя мечты!.. Право, ихъ сдерживаль не ранній холодъ житейскаго благоразумія, а все та же восторженность... восторженная строгость къ самому себѣ, которая, вопервыхъ, самаго себя ставила ниже своего идеала, не смѣла подумать, чтобы въ самомъ себѣ могло найдтись что-нибудь годное для счастья другихъ, не только ужъ тѣхъ, кому отдавалось все благоговѣніе... Я, бывало, думаль о васъ... Казалось, у цѣлаго свѣта отнял бы все и отдалъ бы вамъ! Вы... сами выбрали себѣ участь...

Она вздрогнула, оглянувшись на него.

— И — ошиблись? договорилъ Великинъ, не то спрашивая, не то утверждая.

Анна Владиміровна хотѣла возразить, но не достало силъ притвориться.

— Вы ошиблись, повторилъ рѣшительно Великинъ. — Это я прочелъ въ первомъ вашемъ взглядѣ, и дальше ничего не спрашиваю. Прожили мы далеко и розно. Если въ прошломъ, моя (онъ усмѣхнулся) рабская преданность и давала мнѣ какія-нибудь права на вашу откровенность, то, за давностью лѣтъ, конецъ и этимъ правамъ. За мной осталось только неотъемлемое право понимать васъ, осталось чувство, котораго никакіе годы не измѣнили... чувство, которое влечетъ меня смотрѣть на васъ... и проклинать судьбу! договорилъ онъ послѣшно, подъ громкіе аккорды.

Онъ усталъ и вздохнулъ, чтобы перевести духъ.

— Вы гнѣваетесь? спросилъ онъ черезъ минуту, потому что Анна Владиміровна не сказала ни слова.

— За что? возразила она, обративъ къ нему свое кроткое

лицо. — Нѣтъ, я раздумалась; мнѣ стало такъ тяжело... Если-бы въ эти годы намъ случалось хоть бы изрѣдка встрѣчаться, хоть бы не на долго, сколько бы вы придали мужества добрымъ словомъ... Я была бы увѣреннѣе въ себѣ...

— Развѣ вы въ чель-нибудь не правы? Развѣ вы можете быть не правы?

— Я боюсь быть несправедлива.

— Вы никогда не рѣшались подумать, что можно и должно, разобравъ себя безпристрастно, какъ постороннее лицо, судить о другихъ людяхъ по ихъ отношеніямъ къ себѣ, какъ къ постороннему лицу?

— Это трудно.

— Но очень полезно. Узнаете цѣну себѣ, цѣну другимъ и не будете раскаяваться въ воображаемыхъ несправедливостяхъ. И откуда пришли къ вамъ эти страхи и раскаянія? Полагаю, въ числѣ вашихъ друзей нѣтъ непогрѣшимыхъ добродѣтелей?

— Что это такое?

— Да вотъ, резонерки, ригористки.

— У меня и вовсе нѣтъ друзей.

— Между женщинами? Это неудивительно...

Онъ спохватился, замѣта, что ей стало какъ будто неприятно, и переѣнилъ тонъ.

— Я не комплиментъ вамъ говорю, Анна Владиміровна. Это ужь фраза изъ фразъ, избитая до нитки, что женщины не дружны между собою изъ тщеславія и зависти. Совсѣмъ не отъ того. Женщины, всѣ, болѣе или менѣе, такъ несчастны, что имъ впору думать каждой о себѣ. Онѣ такъ знаютъ, что слабы и беззащитны, что не надѣются на женскій совѣтъ и женскую помощь. Онѣ такъ запуганы, каждая порознь, вотъ этимъ понятіемъ, что женщина женщиноу неизмѣнно врагъ — что боятся довѣряться, какъ бы отъ этого не было хуже... Вы, mesdames, еще не разобрались между собою! заключилъ Веллевиъ, смѣясь, потому что говорить серъезно ему становилось уже не подъ силу.

Анна Владиміровна тихо улыбнулась тоже.

— Это, можетъ быть, и правда, сказала она.

— У этой правды есть, конечно, и свои исключенія, продолжалъ онъ: — вотъ «добродѣтели», но что о нихъ говорить! развѣ для смѣха... Разсмѣйтесь же, Анна Владиміровна! Неужели вамъ въ цѣлый день не наскучилъ эти образцы непогрѣшимости? Неужели вы надумались подражать имъ? Вы дружны съ м-мъ Лориховой?

— Да... была дружна. Она очень васъ уважаетъ.

— Будто бы?

— Она мнѣ говорила.

— Сегодня? вскричалъ Великинъ и расхохотался.

— Да, сегодня. И она столько же увѣрена въ вашей дружбѣ къ ней.

— Блаженъ, кто вѣруеть... отвѣчалъ Великинъ:— чтобъ быть увѣреннымъ въ другихъ, нужно вѣрить самому себѣ... ну, а Варвара Алексѣевна... Господь съ ней. Отъ такихъ особъ меня подчасъ разбираетъ охота спрятаться въ уголь и напалить... А знаете, что, Анна Владиміровна? прибавилъ онъ, замѣта, что она хотя удивлена, но не досадуеть:— вотъ, мы встрѣтились... спрячемся отъ нея въ уголь!

Онъ засмѣялся, впрочемъ, нисколько не желая смягчить свои слова шуткой. Это сдѣлалось само собою. Анна Владиміровна приняла ихъ за неловкую, но все-таки дружную и необходимую недеремонность.

— Какъ это спрятаться? спросила она съ улыбкой, которую онъ поналъ по своему.

— А вотъ какъ. Вы здѣсь ненадолго?

— Я думаю.

— У васъ нѣтъ старыхъ знакомыхъ?

— Кромѣ Вареньки, никого.

— Прекрасно... Еслибъ вы были намѣрены поселиться въ Петербургѣ прочно, парадно, свѣтской особой, завести кругъ знакомыхъ, принимать — тогда бы, конечно, вамъ бы слѣдовало видѣться съ этими господами, терять съ ними цѣлыя дни, въ родѣ нынѣшняго, слушать ихъ мораль, смотрѣть, какъ онѣ искажаютъ все, что еще имѣетъ образъ человѣческій... вотъ полюбуйтесь на Осокину!... Все это было бы въ порядкѣ вещей, еслибъ вы готовились на вѣчное житье съ ними...

— Нѣтъ, прервала Анна Владиміровна:— а не умѣю жить, но и такъ я жить не хочу.

— И не надо, не надо! Вѣдь вы здѣсь промелькнете и исчезнете...

— Да, сказала она:— но ужасно быть одной. Хоть бы кто-нибудь по душѣ...

— Что вамъ хитрить? возразилъ Великинъ:— не по душѣ вамъ ваша Варенька! Не понять ей васъ во вѣки, а вамъ, при вашемъ прямомъ, свободномъ образѣ, не поклоняться предъ этой сияющей добродѣтелью, или, если угодно, воплощеннымъ лицемѣриемъ. Что у васъ съ ней общаго? Она вотъ устроила себѣ се-

мейную жизнь по звонку, съ сантиментальными искушеніями по мелочи, разбиваетъ свою крошечную душу на гроши, и тѣ фальшивые, собственнаго надѣлія — и довольна. Вы... ваша семейная жизнь тяжела. Если вы виноваты, то передъ собой: вы испортили вашу участь; вы должны ее поправить...

Онъ остановился, увидя, что она поблѣднѣла.

— Или, по крайней мѣрѣ, облегчить ее хоть на время. Поживите здѣсь, отдохните здѣсь и, прежде всего, спрячьтесь отъ этого наблюдательнаго друга, который осмѣетъ, осудитъ всякое ваше законное чувство. Вы хотите отдыха, а она понимаетъ только потѣху...

— Потѣху!... повторила Анна Владиміровна, вспоминая, что говорила пріятельница.

— Отдохните. Чтò вамъ это общество? васъ не знаютъ и вы никого знать не желаете. Да никого и знать не надо. Развлекайтесь однѣ, гуляйте,—лѣто нынче хорошо,—а тамъ затворитесь дома...

— Съ моею бѣдной дѣвочкой! прервала Анна Владиміровна: — да, вы правду говорите. Мнѣ не надо было показываться нигде, никому. Уйду въ свой уголъ, тамъ лучше...

— А меня къ себѣ пустите? спросилъ Великинъ.

— Приходите, вы человѣкъ добрый... своей человѣкъ, отвѣчала она и, вставая, дала ему руку.

Всѣ вставали. Музыка кончилась.

V.

Прощаясь съ баронессой и господиномъ Осокинымъ, Варвара Алексѣевна громко говорила, что столько утомленія — выше ея силъ что она «*toute brisée*». Великинъ скрылся въ минуту ихъ отъѣзда, простясь съ Анной Владиміровной раньше: дамы только поискали его глазами.

Варвара Алексѣевна также сумрачно и безмолвно довезла свою гостью въ Царское; ни слова о вечерѣ, ни вопроса о впечатлѣніяхъ. Варвара Алексѣевна беспокоилась только, чтобы Пьеръ не мялъ платья Анны Владиміровны и, между тѣмъ, вскрикивала отъ ужаса всякій разъ, какъ Пьеръ, подбравъ ноги и дремля, рисковалъ свалиться со скамейки. Анна Владиміровна видѣла, что стоитъ подругѣ большихъ неприятностей и тоже молчала. Она упрекала себя за пустоту этого дня, какъ будто сама была въ ней виновата; упрекала себя, что не могла вполне скрыть отъ Великина свое разочарованіе въ пріятельницѣ... но

что же все скриваться? У нея явилось еще новое недоумѣніе: отпра- вляясь гулять, Варвара Алексѣевна гнѣвалась на Лизу; теперь она какъ будто гнѣвается на самую Анну Владиміровну. За что же? Разспрашивать не время, а говорить о постороннихъ вещахъ Анна Владиміровна была не въ состояніи... Какъ все это больно, Боже мой! Вотъ и встрѣча съ прежней подругой!...

— Я прикажу сдѣлать вамъ чай; или, можетъ быть, вы имѣете привычку ужинать? спросила пофранцузски Варвара Алексѣевна, входя на свое крыльцо.

Анна Владиміровна отказалась; она сдѣлала бы это, еслибы и видѣла какіе-нибудь приготовления къ чаю или ужину, но темная дача, духота комнатъ, усталая прислуга, все отнимало охоту еще продолжать этотъ вечеръ. Узнавъ, что г. Дориховъ еще не воз- вращался, Варвара Алексѣевна какъ-то еще сосредоточеннѣе сжала губы и сказала съ достоинствомъ:

— Я должна еще идти благословить дѣтей. Это возьметъ нѣсколько времени, а потомъ... я такъ устала...

— Доброй ночи, прервала Анна Владиміровна: — не стѣснай- тесь для меня.

Это были ея первыя слова пофранцузски и на см. Она ото- слала горничную у дверей комнаты, гдѣ, ей сказали, уже спала ея дочь.

Но Лиза не спала. У нея горѣла свѣча; должно быть, она за- жгла ее сама, судя по разбросаннымъ спичкамъ. Она читала крошечную книжку, которую при входѣ матери свиртала подъ подушку и дунула на огонь, но не успѣла погасить.

Анна Владиміровна подошла къ ней, показала знаками, что пора спать и спросила, что она читаетъ.

Лиза отвѣчала знаками, что не поздно, потому что мать сама только сейчасъ воротилась, что никто не спитъ, всѣ гуляютъ.

— Что ты читала? повторила мать.

Лиза засмѣялась и отвернулась.

Мать настанвала.

Лиза, смѣясь, указала ей на ея постель и потянулась опять задуть свѣчу.

Анна Владиміровна оставила свѣчу и протянула руку за книжкой.

Лиза схватила ее и припала къ ней грудью. Ея сверкнув- шій взглядъ убѣдилъ Анну Владиміровну, что надо настоять и видѣть эту книжку. Просьбы были напрасны. Дѣвочка сначала хохотала, потомъ оттолкнула мать, и когда той удалось взять книжку, вскочила, вцѣпилась ей въ руки и боролась. Она была необыкновенно цѣпка и сильна, къ тому же Анна Владиміровна

боялась надѣлать шуму. Примѣтивъ этотъ страхъ, Лиза еще съ большей злостью принялась стучать ногами и пронзительно закричала. Анна Владиміровна въ испугѣ выпустила книжку. Лиза всрыгнула съ нею опять на постель, и едва мать сдѣлала къ ней шагъ, закричала снова. Анна Владиміровна остановилась.

Сжавшись въ комокъ, съ включенными волосами, блѣдная, злая, прижавъ къ себѣ книжку, дѣвочка показывала пальцемъ въ свой открытый ротъ, грозя, что вскрикнетъ еще, едва подойдутъ къ ней. Будто любясь отчаяніемъ матери, Лиза хохотала и, показавъ ей стоять дальше, раскрыла книгу на заглавіи.

Анна Владиміровна прочла: «Le Décameron» и въ одну секунду книга была у нея въ рукахъ, но въ ту же секунду въ рукахъ Лизы была свѣча, съ которой она кинулась къ оконнымъ занавѣскамъ.

— Господи!.. вскрикнула Анна Владиміровна, бросая книгу: — возьми!

Лиза подняла ее спокойно, торжествуя, легла, отыскала на чемъ остановилась и принялась читать.

Анна Владиміровна, рыдая, упала передъ ней на колѣни.

Лиза оглянулась, потомъ приподнялась на минуту и хладно-пробно объяснила, что если у нея тронуть книгу или свѣчу, она закричитъ, а если вздумаютъ погасить свѣчу, она будетъ причать всю ночь.

Анна Владиміровна уже слышала, какъ осторожно ходили и останавливались за дверью. Ночныя сцены въ чужомъ домѣ, въ домѣ, гдѣ нѣтъ пріязни, гдѣ ничего не извинять, ничего не разсудать...

— Кто тебѣ это далъ? спросила Анна Владиміровна.

Лиза, не оборачиваясь, оттолкнула ее руку, прикоснувшуюся къ книгѣ, показала на ее постель и продолжала читать.

Аннѣ Владиміровнѣ оставалось отойти. Пока она раздѣвалась, Лиза насмѣшливо выглядывала на нее изъ-за книги; ее занимало уже не столько самое чтеніе, сколько собственное торжество. Анна Владиміровна знала эти взгляды и уже не приступала ни съ просьбой, ни съ лаской. Она тихо легла и глядѣла на эти впалые сверкающіе глаза, на тонкія губы съ недѣтской улыбкой и на ихъ противоположность — маленькое, жалкое, дѣтское тѣло, вздрагивавшее повремениамъ...

— Чтò жь это будетъ?... спрашивала себя Анна Владиміровна въ сотый разъ своей жизни.

Ей тоже хотѣлось кричать отъ отчаянія.

— Чтò жь это я дѣлаю? говорила она себѣ. — Вѣдь это мое дитя, мое единственное. Еслибы она отравлялась въ мою гла-

захъ, я тоже сидѣла бы вотъ такъ, сложа руки, чтобъ не шумѣть въ чужомъ домѣ?.. Или ужъ все равно, одной мерзостью больше или меньше—все равно!.. Боже мой, что жъ это будетъ? Вѣдь она вырастетъ. Для нея нѣтъ впереди ни друзей, ни любви, ни семьи. Къ чему она привяжетъ свою бѣдную душу?..

— А къ чему дали привязаться моей бѣдной душѣ?... почти выговорила Анна Владиміровна, пряча свои рыданія въ подушку: — вотъ сегодня вздумала попросить у людей добраго слова...

Передъ ней завружались ея молодые годы, красота, чистота всякаго помысла, преданность всякой привязанности, вѣра во всякое добро, всѣ эти силы, пропавшія даромъ, безъ отвѣта, безъ счета... Что еще осталось? что еще будетъ?..

Вотъ все тутъ передъ глазами. Вотъ она, и радость, и забота, и подруга будущихъ дней. У нея тоже нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ матери, но именно ее, мать, она ненавидитъ... Съ годами скука, отчужденіе, необходимость заставить ихъ сблизиться; но чѣмъ тогда ее завать, утѣшить, даже просто позабавить? У нихъ нѣтъ двухъ общихъ примычелъ, не только понятій. Ребенокъ ужъ теперь осмѣиваетъ вѣрованія своей матери, наслаждается тѣмъ, отъ чего она отвращается...

— О моя бѣдная дѣвочка, прошептала Анна Владиміровна, въ порывѣ всепрощающей, неуступающей, вѣчно живой любви:— моя милая бѣдная дѣвочка! Я все-таки тебѣ нужна и буду нужна, дитя мое, и когда-нибудь Богъ на меня оглянется...

Она приподнялась. Лиза спала. Мутно-зеленое петербургское утро свозило въ занавѣски, догорающая свѣча мерцала безъ свѣта. Анна Владиміровна взяла «Декамеронъ» изъ слабыхъ рукъ дѣвочки, не осмѣясь поцаловать ихъ, чтобъ не разбудить ее, и улеглась, думая, что надо отдохнуть, что онѣ въ чужомъ домѣ...

Ей не удалось долго отдохнуть. Домъ былъ довольно великъ, но, прислушиваясь, Анна Владиміровна услышала, что на другомъ концѣ его поднялись и суетились. Сначала шумно воротился г. Дориховъ, но ходьба вокругъ его кабинета скоро затихла и началась другая, дальше, около дѣтскихъ. Наконецъ раздался громкій голосъ Варвары Алексѣевны и ея поспѣшныя, рѣшительныя шаги. Она что-то приказывала и торопила. Анна Владиміровна отворила дверь.

— Что случилось, Варенька?

— Ma fille se meurt, отвѣчала, проходя, Варвара Алексѣевна.— Скорѣе, скорѣе, твердила она лакею:— сейчасъ пробѣть семь часовъ, сейчасъ отойдетъ поѣздъ...

Къ Аннѣ Владиміровнѣ являлась горничная, которой она не звала.

— Сейчас изволите ѣхать? спросила она.

— Я думаю, не успѣю, отвѣчала Анна Владиміровна, растерявшись и взглянувъ на спящую Лизу.

— Значить, въ девять часовъ? Я такъ доложу.

Она убѣжала и воротилась съ умивальникомъ, хотя Анна Владиміровна не спрашивала одѣваться. Ею распорядились, ее торопили; впрочемъ, она сѣла и сама, узнать, что случилось съ дочкой пріятельницы. Горничная сказала только, что посылають въ Петербургъ за докторомъ и убѣжала, едва кончила свои услуги. Анна Владиміровна вышла въ гостиную.

— Скажите, что такое произошло? спросила она, встрѣчая тамъ одну миссъ Эми.

Эта молодая особа была уже не разстроена, какъ вчера, но явно и рѣзко разсержена.

— Что произошло со мною? отвѣчала она: — то, чему давно слѣдовало быть: я бѣгу изъ этого дома.

— Вы?

— Да. Жаль, еще такъ рано; нельзя уйти сію минуту.

— Боже мой, но что же это?... Мнѣ сказали, Лиди больна...

— Еще-бы мадамъ Лорихова оставила въ гостиной другую корзину апельсиновъ! Обжорливая дѣвчонка, я не удивлюсь, если у нея холера! Подѣломъ-бы и ей, и маменькѣ!... Я не смѣю ни въ чемъ остановиться. Я четыре мѣсяца это выдерживала—остаться долѣе, значить не уважать себя! А ихъ мальчикъ... Мнѣ рѣшительно все равно, мадамъ, какія ваши отношенія съ м-ше Лориховой, но если вамъ не все равно, каковы друзья вашей дочери...

— Кто далъ ей это? прервала Анна Владиміровна, показывая книгу, которую унесла у Лизы.

— Конечно, Пьеръ, изъ библиотеки своего достойнаго отца. Я вчера пришла въ негодование отъ всего, что онъ объяснилъ вашей дочери, рассказавъ м-ше Лориховой и, натурально, я же осталась виноватой; м-г и м-ше Лориховы забавляются необыкновеннымъ развитіемъ своего сына; васъ, можетъ быть, тоже радуетъ раннее развитіе вашей дочери... Она, сколько я замѣтила, очень сочувствовала всему, что болталъ ей этотъ негодяй. Я считаю обязанностью вамъ это высказать. Здѣсь, и у друзей этого дома, мнѣ терять нечего, и потому я не прошу у васъ и извиненія.

— Напротивъ, я вамъ отъ души благодарна, отвѣчала Анна Владиміровна:—узнать правду такъ трудно...

— Очень легко, горячо возразила Эми:— правда—рѣдкость только между тайными людьми, какъ Лориховы и все ихъ обще-

ство. Я оставляю их навѣки и молчать не буду. Мои слова хоть кому-нибудь пригодятся.

Она взяла шляпку.

— Храни васъ Богъ, милая миссъ Эми, сказала Анна Владиміровна, протянувъ ей руку:—повѣрьте, мое участіе...

— Прощайте, сказала Эми:—а за участіе я васъ не благодарю; это только учтивость, да нервы. У васъ неостанетъ негодованія разорвать связь съ подобными людьми.

Она встрѣтила въ дверяхъ Барвару Алексѣевну, но даже не взглянула на нее. Послышалось, какъ, уходя, она позвонила въ подъѣздѣ.

— La coquine! сказала Барвара Алексѣевна, бросааясь на диванъ. — Нужно терпѣніе съ этими тварями, гувернантками!

У Анны Владиміовны въ эту минуту достало бы негодованія, но положительно не стало смѣлости; она испугалась рѣзкаго голоса пріятельницы.

— Эта дѣвица, конечно, дѣлала тебѣ свои confidences? продолжала Барвара Алексѣевна, нахмурясь.

— Она невниовата, возразила Анна Владиміровна.

Барвара Алексѣевна взглянула на нее, какъ будто она бредитъ.

— Люди больна оттого...

— Я знаю отчего, прервала Барвара Алексѣевна.

— А Пьеръ... Зачѣмъ же оставлять такіа книги на виду у дѣтей?

Барвара Алексѣевна побагровѣла.

— Что же?

— Вчерашнія шалости Пьера.

— Боже мой, какое преступленіе! мальчикъ схватилъ, что попало, его прелестное заглавіе — сказки...

— Такія сказки прччутся дальше.

— Онѣ и были спританы!

— Стало-быть, ребѣногъ зналъ, гдѣ искать и что искать...

— И самое главное — для кого искать! прервала Барвара Алексѣевна съ усмѣшкой, не обращая вниманія, что Анна Владиміровна поблѣднѣла. — Это очень грустно, моя милая Анна, но мы разыгрываемъ пословицу о сорникѣ въ глазу ближняго и лучшая роль не тебѣ досталась. Дѣлать нечего. Я готова все простить. Я не спрашиваю, почему ты не исполнила своей обязанности передъ дочерью, но я должна помнить мои обязанности, я должна оградить моихъ дѣтей...

— Лиза больше никогда здѣсь не будетъ, отвѣчала Анна Владиміровна, идя къ двери.

— Анна, что это за сцена?

— Сцены?... повторила та, останавливаясь. — Но ты же сама сказала, что мы разыгрываемъ сцены!... Только вотъ что, Варенька. Я громкихъ словъ не говорю, дѣлаю для Лизы что могу, справляюсь съ жизнью сколько есть силы... Ты все это знаешь... Такъ нехорошо, несправедливо съ твоей стороны укорять несчастную, будто виноватую... Мою дѣвочку испортила не я, а твои дѣти — въ твоихъ рукахъ...

— Такъ я не дорожу ихъ невинностью? вскричала Варвара Алексѣевна. — Merci, madame Тенцовъ! Мой злѣйшій врагъ... что я говорю? демонъ не найдетъ во мнѣ вины противъ моихъ дѣтей! я отдамъ Богу чистыми ихъ души!... Вы-то несчастны? Такія несчастія на всякомъ перекресткѣ; о нихъ только не рассказываютъ! Вы несчастны!

— Что это такое? спросила Анна Владиміровна.

— Ничего.

— Полагаю, что ничего. Лучше сказать вздоръ, нежели оскорблять или лицемѣрить.

— Лицемѣрить?

— Но кто же вчера... Ахъ, Варенька, такъ ты надо мной смѣялась, когда увѣрала, что понимаешь мое горе, когда искала чѣмъ меня утѣшить...

— И совѣты мои были... уже излишни? прервала Варвара Алексѣевна. — Не знаю, кто лицемѣрить, m-me Тенцовъ! Не несчастье, а грѣшное счастье заставляетъ матерей забывать о дѣтяхъ!

Анна Владиміровна сдѣлала шагъ къ двери и опять остановилась.

— Варенька, сказала она, превозмогая волненіе и слезы, которыя ее душили: — мы не видались съ молодости и, вѣрно, больше не увидимся. Тебѣ все равно, что я ни скажу, но ты когда-нибудь вспомнишь... Нехорошо, Варенька! Смѣхомъ, неправдой жить нельзя. Я встрѣтилась съ тобой, какъ съ родной сестрой, а ты меня осудила... я тебѣ не вѣрю, не вѣрю, Варенька... вотъ, что мнѣ до смерти больно...

Она ушла къ Лизѣ, прича слезы. Лиза сидѣла одна, одѣтая, сердитая, и пила чай. Первымъ жестомъ она спросила, гдѣ книга. Анна Владиміровна отвѣчала, что ее взяла хозяйка и что имъ надо сейчасъ ѣхать. Что-то непривычно твердое и строгое въ обращеніи матери удержало дѣвочку отъ новыхъ слезъ и вопрековъ; она покорилась, удивленная, безпрекословно дала надѣтъ на себя шляпку и пошла за матерью.

До этой минуты Анна Владиміровна, сгорая, поступала рѣшительно, какъ еще ей не случалось никогда; она была готова уй-

ти, не простясь. Проходя мимо дверей гостиной, она остановилась; у нея вдруг упала ее рѣшительность; сначала прошло по сердцу какое-то болѣзненное чувство, горечь ссоры, которая является, хотя бы мы и сознавали себя правыми, сожалѣніе объ утратѣ, хотя бы она была и ожидаемая. За этимъ чувствомъ другое, болѣе свѣтское, сложное и ложное: Аннѣ Владиміровнѣ показалось слишкомъ рѣзко то, что она хотѣла сдѣлать: она въ жизнь свою никогда такъ не дѣлала...

— Je viens vous dire adieu, сказала она, отворивъ дверь, но не входя въ гостиную, гдѣ Варвара Алексѣевна была одна.

Та поспѣшно встала, взглянуть на свои часы.

— Какъ ты спѣшишь! До поѣзда еще долго, а тутъ пять минутъ ходьбы... Впрочемъ, вотъ, она пойдетъ тихо...

Это говорилось такъ спокойно, какъ будто за четверть часа ничего не произошло между ними; это было такое совершенное хладнокровіе, такое забвеніе, какъ будто Варвара Алексѣевна, въ самомъ дѣлѣ, великодушно простила безумную, сознавъ свое превосходство передъ нею.

Анна Владиміровна стояла въ недоумѣніи. Варвара Алексѣевна наклонилась поцаловать Лазу.

Недоумѣніе Анны Владиміровны перешло въ ужасъ. Варвара Алексѣевна, во все время, ловко не встрѣчала ее взгляда, но тутъ они встрѣтились.

— Прощай, Анна, сказала она, и ее брови покраснѣли отъ душевнаго волненія:— моя судьба, что меня не поймутъ во вѣки.

Эти слова и приличіе вызвали на объятія. Анна Владиміровна чувствовала, что если обвинится, то непременно расстрогается своимъ собственнымъ волненіемъ. Ей почти хотѣлось этого: вражда ее томила. Но ей стало стыдно этого желанія; что-то прямое, возбуждающее и злое, спасло ее отъ нервической глупости. Она не обнялась съ пріятельницей, а только положила свою руку въ перчаткѣ въ ее протянутую руку.

— Adieu, Анна, повторила Варвара Алексѣевна, когда дверь затворилась за нею.

Идя мимо садовой рѣшетки, Анна Владиміровна могла видѣть, какъ пріятельница стояла на балконѣ, рисуясь въ зелени и цвѣтахъ своимъ бѣлымъ пеньюаромъ. Варвара Алексѣевна желала показать, что слѣдуетъ до послѣдней минуты и прощаетъ много. Ей тоже очень хотѣлось поскорѣе поговорить съ кѣмъ-нибудь. На ее счастье, баронесса шла сыворожку, гуляла рано и явилась у балкона, едва завидѣла Варвару Алексѣевну.

— Si matinales! сказала она.

— Oh! отвѣчала Варвара Алексѣевна: — j'ai passé une nuit

d'agonie. Дитя больна... Войдите, прошу васъ. Намъ сейчасъ дадутъ застраховать... Я никакъ не ожидала, чтобъ ребенокъ, могъ быть такъ впечатлительнъ! Этотъ уродъ, маленькая Тенцова...

— Я сейчасъ ихъ встрѣтила.

— Уѣзжаютъ, слава Богу!... Безобразіе цѣлый день передъ глазами... Моя малютка еще вчера мнѣ жаловалась... Я была неосторожна; нельзя заставлять дѣтей смотрѣть на такія вещи. Она перепугалась. Нравственное, ужасное потрясеніе. Ночью жаръ, конвульсія... Воображеніе поражено; какой-то суевѣрный ужась... Вы знаете, я далека отъ суевѣрій, но и сама не могу отогнать этого образа,—я выросла! Это гибельно. Теперь жду доктора... А ваша маленькая? Какъ она вынесла?

— Моя?... Нѣтъ, на нее впечатлѣніе слабѣе. Она только нерезраиваетъ эту горбунью.

— Ah, Dieu! съ ужасомъ сказала Варвара Алексѣевна, закрывая глаза: — и эстетическое чувство, и здоровье, и нравственность нашихъ дѣтей...

— Да, правда ваша, это чудовище. А какова маменька?

Дамы занялись завтракомъ и репутаціей Анны Владиміровны. Анна Владиміровна шла къ дебаркадеру и, не зная дороги, раза два спросила проходящихъ. Это затрудненіе размечало ее отъ печали. Ей даже становилось будто легче отъ свѣжаго утренняго воздуха; она съ удовольствіемъ оглядывалась на цвѣтники и убранные балконы, и хотя это однообразное шегольство набоивало свѣтскихъ людей, но цвѣты смотрѣли привѣтливѣе тѣхъ, для кого были насажены.

— Анна Владиміровна, здравствуйте! раздалось вдругъ изъ-за зелени одного садика, распахнулась маленькая калитка, и на порогъ ея позвала Осоккина.— Будьте такъ добры, войдите. Вы вѣрно слѣшите уѣхать, но я, какъ увидѣла васъ издали, извините меня... такъ захотѣлось съ вами поздороваться. Можно безъ церемоній?

Къ большому удивленію Анны Владиміровны, она бросилась ей на шею, цаловала долго и потомъ, такъ же крѣпко расцаловала Лизу.

— Пробудьте у меня минутку... Позвольте только... Ахъ, какъ бы мнѣ это сказать ей! Лизочка, душа моя, видишь, цвѣты? Ты любишь? Нарви себѣ, милочка; вотъ, эти славные, дахнутъ...

Она обрывала клумбу, намочивъ въ росѣ широкіе рукава своего капота. Лиза оглядывала этотъ простенькій каютокъ и всю молодую хозяйку, кругленькую, румяную, не совсѣмъ граціозную, которая безъ моднаго наряда и принужденія была больше по-

хожа на веселую крестьянку, нежели на свѣтскую даму. Съ худыхъ губъ дѣвочки не сходила насмѣшливая улыбка. Лиза наблюдала, какъ осуждающая старшая, и вдругъ, когда Осокнина наклонилась, дерзко потянула ее за прядь ея распустившихся волосъ.

— Ахъ, проказница! вскричала молодая женщина, смѣясь и опять цалуя ее. — Простите меня, Анна Владиміровна; я и не подумала, что не одѣта. Къ счастью, этотъ садикъ такъ закрытъ, что отъ сосѣдей ничего не видно. А вы-то ужъ не осудите! Видите, что. Мужъ уѣхалъ на весь день, я рано поднялась, вышла сюда... Такъ хорошо!... И все думала о васъ... Присядьте; я вамъ сама скажу, когда идти... Я вамъ такъ рада!

— За что же? чѣмъ я заслужила?

— Это ужъ я знаю! Мнѣ вѣжется, еслибы я могла всегда быть съ вами, я была бы счастлива, глядѣла бы, слушала бы, училась бы...

— Чему же?

— Ахъ, какая вы кроткая, добрая... Вамъ, можетъ быть, было бы легче со мною... Вы бы меня научили какъ жить и не слѣдѣться дурнымъ человѣкомъ, какъ выносить горе...

— Къ вамъ оно не придетъ, возразила Анна Владиміровна.

— Сколько вы лучше меня, а вотъ оно пришло! прервала Осокнина, показавъ на Лизу. — Да вы меня ужъ научили; те ерь я знаю, какъ надо любить дѣтей... О, когда у меня будетъ дѣвочка, я уйду съ нею, спрячусь отъ всѣхъ...

Часы въ домѣ что-то пробили.

— Ахъ, вамъ пора идти!... Послушайте, сдѣлайте мнѣ милость!

— Все, что хотите, отвѣчала Анна Владиміровна.

— Душка моя, дорогая, милая, вотъ что. Мужъ уѣхалъ. Сестра моя старшая, вы ее вчера видѣли, уѣдетъ тоже, а мнѣ вѣдно, чтобы не оставаться одной, ѣхать въ Павловскъ, на весь день къ теткѣ. Тетка моя славная стѣруха, мнѣ у нея весело. Меня посылаютъ къ ней за наказаніемъ, а я нарочно грѣшу, что бы чаще наказывали... Такъ вотъ что. Приѣзжайте опять въ Павловскъ вечеромъ. Возьмите Лизу. Тетушка наберетъ еще дѣтей, угоститъ ихъ, поведетъ смотрѣть фейерверки, разныя разности; Лизѣ будетъ весело. А мы съ вами уйдемъ въ лѣсъ, подальше отъ всякаго бомонда. Я буду счастлива, счастлива съ вами, одна. А вы... Въ лѣсу, право, право, хорошо...

— Съ вами? чудесно! отвѣчала Анна Владиміровна.

— Такъ вы приѣдете? Милка, подумайте, что мнѣ это будетъ

въ первый разъ въ жизни — сказать слово съ человѣкомъ по душѣ!

— А мнѣ-то, вы думаете, это не рѣдкость? возразила Анна Владиміровна, обнявъ ее.

— О, моя дорогая! А сколько еще надо сказать вамъ... Такъ пріѣдете?

— Пріѣду.

— Въ семь часовъ, я прибѣгу въ воксалъ, встрѣчать! кричала ей Осокина, въ кашкету.

VI.

Послѣдніе полчаса въ Царскомъ прошли для Анны Владиміровны сѣди совѣтъ неожиданной заботливости. Она не прошла и нѣсколькихъ шаговъ, какъ ее догналъ лакей Осокиной, которому было приказано проводить ее и взять билеты. Посадивъ Лизу въ вагонъ, этотъ человѣкъ сѣрлся, но появился опять въ петербургскомъ воксалѣ, съ довлдомъ, что готова карета, и проводилъ Анну Владиміровну до ея гостиницы и до дверей ея комнаты.

Послѣ многихъ звонковъ, ей, наконецъ, отворили. Прислуга отдыхала; поднялась только горничная, лакей спалъ безпробудно. Анна Владиміровна позволила отпустить чужаго человѣка, предъ которымъ ей было совѣстно всей своей безпорядочной обстановки.

— Извольте сами переодѣть барышню, воли хотите, а я, воли ваша, не могу, сказала горничная, отправляясь опять къ своей постели: — такія манеромъ будете жить, вовсе народъ поморите.

Аннѣ Владиміровнѣ хотѣлось ѣсть, но достать завтрака было невозможно: прислуга слушалась и боялась только Лизы, а Лиза была голодна и грызла леденцы, которые сейчасъ же вынула изъ ящика, запертаго на ключъ.

— Тамъ письмо лежитъ, сказала горничная съвозъ сонъ.

Анна Владиміровна повскала его и нашла въ спальнѣ; письмо было изъ Москвы, отъ мужа.

Не въ первый разъ въ жизни у нея вздрогнули руги, прикасаясь къ листку, исписанному этимъ почеркомъ. Странное дѣло: письма Тенцова были мягче его разговора и обращенія — если только можно назвать мягкостью точное, холодное выраженіе приказаній и самыхъ обыкновенныхъ извѣстій; но, несмотря на это, одно появленіе письма пугало Анну Владиміровну, будто неожиданный приходъ суроваго человѣка, нарушающій и маленькій уютный отдыхъ, и незатѣливую веселость скромнаго быта,

едва успѣвавшего сложиться... Такъ бывало всегда и случилось теперь; къ тому же, письмо не только показалось, но въ самомъ дѣлѣ было непріятно. Тенцовъ писалъ, что представлялся министру, что въ Петербургъ больше не пріѣдетъ и чтобы Анна Владиміровна, сейчасъ по полученіи этого письма, ѣхала въ Москву, отсюда они вмѣстѣ сейчасъ отправятся въ свою деревню. Онъ не поминалъ ничего больше, но и такъ было ясно, что дѣла его кончились дурно. «Сейчасъ въ деревню» значило, что отставленный предводитель ѣдетъ хоронить свое самолюбіе и срывать сердце въ семьѣ, потому что больше не осталось поприща для этого упражненія...

Анну Владиміровну обдало холодомъ. Передъ нею встало темное, безконечное одиночество. Она была равнодушна къ веселью общества, но какъ будто только тутъ вполне поняла, что ей нужны люди, испугалась и смотрѣла въ письмо, не понимая, что читаетъ дальше...

Въ забытій она перевернула письмо. Изъ него выпалъ еще листокъ... Ее вдругъ будто уволело и пробудило другое чувство; ея губы сжалась, вроткіе глаза сверкнули...

Въ письмѣ не было, однако, ничего особеннаго: мужъ приказывалъ ей сдѣлать покупки, а на выпавшемъ листѣ былъ ихъ реэстръ, написанный другимъ, женскимъ почеркомъ. Въ немъ было означено множество разныхъ нарядовъ, разныхъ мелочей, съ величайшими подробностями — до пумеровъ перчатокъ и ботинокъ, до ширины ленточекъ и кружевъ, до всякаго вершка, до адреса магазиновъ, все самыхъ роскошныхъ; заказчица не церемонилась, но она могла бы и больше не церемониться, потому что къ этому, и безъ того дѣльному счету, Тенцовъ приписалъ своею рукою еще нѣсколько дорогихъ покупокъ, вѣроятно желая сдѣлать сюрпризъ и прибавилъ:

— «Выбрать получше; денегъ достанетъ».

Анна Владиміровна усмѣхнулась; ея испугъ прошелъ. Въ этой лаконической припискѣ она совершенно узнавала своего мужа, который, за тысячу верстъ и въ самомъ разгарѣ служебныхъ затрудненій и пораженнаго честолюбія, все-таки велъ счетъ расходамъ жены изъ тѣхъ суммъ, которыя ей оставилъ.

«А чтó, если бы я все прокутила?...» подумала она.

Но вдругъ на ея руки, сжимавшія листокъ, закапали ея горькія, горячія слезы.

— Раба, раба! повторила она: — ни вопроса о дочери, ни слова по-человѣчески!..

Въ отчаяніи она бросилась на постель и рыдала. Горе становилось еще горьче, еще невыносимѣе отъ полной, сознательной увѣ-

ренности, что въ немъ не поможетъ никто, не утѣшитъ никто, что до него никому нѣтъ дѣла...

— Передъ кѣмъ и когда я такъ провинилась, что дѣлenni годами наказана? спрашивала она съ ожесточенiемъ. — Такъ жить нельзя!

Ей входило въ голову не слушаться, заставить мужа ждать себя въ Москвѣ, не ѣхать въ Москву, не возвращаться вовсе, сдѣлать скандалъ... Все равно!... А это, что же? закупать наряды его любовницѣ, дать запереть себя въ тюрьму, опять терпѣть то же, что терпѣла? Чѣмъ лучше другiя, которыя живутъ легко, свободно, у которыхъ есть друзья?... Молчать, терпѣть— изъ какихъ приличiй, изъ какого долга? Развѣ приличiя стоятъ того, чтобы ради ихъ губить жизнь?...

И одну ли свою жизнь? А жизнь дочери?

— Господи, выносить какъ они будутъ развращать ее передъ моими глазами! вскричала Анна Владимiровна, и вскочила: — нѣтъ, довольно! Надо рѣшиться, надо это кончить... Вчера говорили, что надо спрятаться отъ общества... надо совсѣмъ спрятаться...

«Еслибы остаться здѣсь, нанять себѣ уголь, жить одной... жить, чѣмъ Богъ дастъ, давать уроки, распродать, что есть дѣвнаго... наконецъ, вытребовать свое состоянiе...

Эта мысль налетѣла на нее какой-то бурей.

«Вѣдь люди такъ дѣлаютъ, такъ живутъ... Они, можетъ быть, счастливы... О, конечно, это счастье! Любовь дочери, значенiе для дочери, восстановленiе своего достоинства въ собственныхъ глазахъ, трудъ, занятiе, тихiй уголь, люди по сердцу... Богъ не безъ милости, они найдутся, они помогутъ»...

— Надо рѣшиться, повторила она, то плача, то волнуясь, то мечтаая.

Минутами она вставала съ мѣста, бралась за свои вещи и собирала ихъ машинально, будто готовая уйти.

Наконецъ, она сѣла къ столу, взяла бумагу и начала письмо къ мужу. Она разрывала съ нимъ; ужъ было написано нѣсколько строкъ...

У нея не достало силы продолжать не отъ любви, которой ужъ не было, а отъ совѣсливости, отъ стыда... Вѣдь она обѣщала прожить съ нимъ всю жизнь! Кто знаетъ, какъ теперь, въ настоящую минуту, когда у этого человека разстроена его карьера, когда оставили друзья, отвернулись покровители, осмѣяли постороннiе — кто знаетъ, какъ поразитъ его слово вражды отъ жены... потому что разрывъ — вражда! Вѣдь больно лишиться послѣдняго, единственнаго...

«Отъ меня, кажется, еще никому не бывало больно»... подумала Анна Владиміровна.

«Можетъ быть, въ трудное настоящее время онъ оглянется, пойметъ, наконецъ, что его не любить никто, и что нѣтъ у него никого ближе этого забытаго имъ существа...

«Что жь, и полюбить ее? А она-то полюбить ли его, она, никогда нелюбившая и вѣчно преданная, она, чья красота, умъ, кротость добились только пренебреженія — она простить, но оживетъ ли?... И что это будетъ за жизнь?...

«Еслибъ умереть!... А Лиза?»...

Въ полномъ горѣ, какъ въ весельи, забывается время. Только разслыша бой часовъ, Анна Владиміровна вспомнила, что дня прошла уже почти половина. Она поднялась, будто ее влкнули, и вдругъ остановилась.

— Надо что-нибудь дѣлать, сказала она себѣ.

«Что-нибудь»... Но что же?

Еще разъ взяла она письмо и перечтала его хладноврвно, вѣрнѣе въ томъ холодномъ оупленіи, когда кажется, будто смутившее насъ горе гдѣ-то далеко, жизнь будто остановилась, все настоящее неясно передъ глазами, и нѣтъ ни на что ни желанія, ни воли. Въ такія минуты, все, что мы дѣлаемъ, дѣлается машинально, но чинно, въ порядкѣ, и равнодушные, посторонніе не замѣчаютъ никакого разстройства въ человѣкѣ, на самомъ дѣлѣ уничтоженномъ... Анна Владиміровна не помнила, на яву или во снѣ было все, что произошло и передумалось въ послѣдніе два часа.

— Надо пойти купить все это, сказала она себѣ, глядя въ рѣзстръ. — Что бы ни было, я сдѣлаю все, о чемъ меня просить... Не просить, а приказываютъ... Все равно. Я буду права до конца. Это — мелочи. Онѣ переполнили мое терпѣніе, но мелочами я оплачивать не хочу... И къ тому же, это послѣднее!

Она переодѣлась, взяла шляпку, спрятала начатое письмо въ шкатулку и вышла въ приемную комнату. Лиза завтракала и спросила мать, куда идетъ. Анна Владиміровна объяснила ей, взяла кусокъ хлѣба и думала, глядя на дѣвочку, какъ будетъ жить съ ней вдвоемъ. Она забивалась въ этой мысли, еще не опредѣляя асиѣ, какъ ее выполнить. Ей было страшно. Она говорила себѣ, что вѣдь это — совершенная перемѣна ея общественнаго положенія, но такъ лучше, такъ надо. Она думала много: ея рѣшимость часто переходила въ мечтательность...

Ей позвали карету; она отправилась по магазинамъ. Необходимость дѣлать то, за что она взялась, развлекала ее, хотя

каждую минуту, въ душѣ, Анна Владиміровна повторала себѣ, что поступаетъ какъ раба, что унижается. Уставая, она становилась нетерпѣлива; минутами ей хотѣлось накупить чего попало, но или удержавъ себя упрекомъ въ мелочности, или машинально, или будто въ присутствіи взыскательнаго господина—она продолжала повиноваться приказанію, и выбрала усердно. Съ радостью и съ отвращеніемъ отмѣтила она карандашомъ послѣднюю покупку въ реестрѣ.

— Наконецъ!... сказала она и, будто выпущенная на волю, бросилась закупать для Лизы книги, дорогія иллюстрированныя изданія, гравюры, принадлежности рисованья. — Лиза будетъ рисовать. Въ Петербургѣ этому выучиться легко, а для нея какое наслажденіе!

Она приказала везти себя домой. У нея кружилась голова отъ волненія и усталости. Прислонясь къ подушкѣ кареты, Анна Владиміровна чувствовала, что ее влочить сонъ, и это напомнило ей подробности прошедшей безсонной ночи и обѣщаніе быть этимъ вечеромъ въ Павловскѣ. Уступая горькому чувству, Анна Владиміровна сказала себѣ, что не поѣдетъ. «Что тамъ дѣлать? Опять веселые пріатели и пріятельницы этой пріятельницы, которая, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, умѣла только оскорбить; опять пустота, пересуды, лицемеріе... Отъ этихъ людей надо прятаться...»

А Великинъ будто отгадалъ или предсказалъ: она точно спрячется и будетъ жить одна съ своей дѣвочкой... Стало-быть, есть люди способные отгадывать?... Да, люди, которые умѣютъ сочувствовать, которые стараются познать душу другихъ... Слава Богу, вотъ человѣкъ не чужой, еще изъ старыхъ прежнихъ друзей.

Да, вотъ, еще, молоденькая Осокина. Бѣдненькая, и ее одуряютъ въ ея свѣтѣ и она надѣется когда-нибудь уйти съ своей дѣвочкой! Стало-быть, и она понимаетъ, что это счастье...

Конечно, счастье. Конечно, Богъ не безъ милости. Найдутся друзья. Вотъ, Великинъ, Осокина; вѣдь встрѣтились же они. Эту молодую женщину что-то привлекло, привязало съ перваго свиданія; грѣшно не отвѣчать ей тѣмъ же. У нея можно спросить совѣта. Въ молодомъ, простомъ сердцѣ больше мудрости, чѣмъ въ пожившихъ головахъ, которыя привыкли наклоняться предъ приличіями, этими страхами собственнаго изобрѣтенія...

Вотъ, еще Эми, умная, честная дѣвушка... Но это находка! надо найти ее, надо попросить ее жить къ себѣ; вотъ подруга и помощь. Съ ней будетъ хорошо...

Начинать новую жизнь, такъ нужно и новыхъ людей; безъ

людей жить нельзя... Какъ бы скорѣе съ кѣмъ-нибудь поведаться, переговорить, какъ лучше устроиться...

Анна Владиміровна взглянула на свои часы, чтобы разсчитать, успеетъ ли отдохнуть до поѣздки въ Павловскъ. Часы стали. Недалеко отъ своей гостиницы, предъ магазиномъ часовщика, Анна Владиміровна вышла, сказала, что дождетъ одна и велѣла лакею ѣхать домой, выгрузить покупки, видъ которыхъ приводилъ ее въ волненіе, и отпустить карету. Въ дѣтній день, въ обѣденную пору, даже на Невскомъ было немного народа, а повернувъ въ свою улицу, Анна Владиміровна встрѣчала еще меньше проходящихъ. Она шла тихо, задумавшись, и вдругъ была принуждена остановиться. На срединѣ тротуара, загораживая дорогу, стоялъ красивый франтъ, закинувъ голову къверху и заглядывая въ окно второго этажа; оттуда летѣли цвѣты, которые франтъ ловилъ, поднималъ и смѣясь прижималъ къ сердцу. Анна Владиміровна подняла голову тоже и увидѣла окно своей гостиницы, своей комнаты. Лиза сидѣла на подоконникѣ, закинувшись драпировками, которыми прикрывала свою маленькую фигуру, изъ-за нихъ высовывалась только ея голова съ распущенными волосами, раскраснѣвшееся личико съ кокетливой улыбкой и тонкая, красивая ручка, открытая по локоть, украшенная материннымъ золотымъ браслетомъ. Зная, какъ отвратительна ея голосъ, дѣвочка удерживалась отъ восклицанія, даже отъ смѣха. Побросавъ всѣ свои цвѣты, Лиза сдѣлала франту знакъ подождать и скрылась.

Анна Владиміровна успѣшила войти. Лизы не было въ приемной; она была въ спальнѣ и писала. Анна Владиміровна зашла еще въ пору: дѣвочка только что дописала записку, въ которой назначала свиданіе и подписалась именемъ своей матери.

Анна Владиміровна схватила записку. Пораженная, блѣдная, видѣ себя, не зная что дѣлать, сжавъ записку въ руцѣ, она сѣла и смотрѣла на дочь. Лиза стояла передъ нею, вся дрожа и тоже не сводя съ нея глазъ. На секунду, матери показалось ненавистно это существо во всемъ его нравственномъ и физическомъ безобразіи; ей показались отвратительнымъ эти крупныя слезы, нависшія на густыхъ рѣсницахъ, эти блѣдныя губы, которыя дѣвочка закусила отъ ужаса, эти худыя вздрагивающія плечи, худые пальцы, которые торопливо, подѣтски, старалась незамѣтно растегнуть и сбросить браслетъ...

— Испугалась? Стало-быть, ты понимала что дѣлала? Вонъ съ глазъ моихъ! вскричала Анна Владиміровна, забывая, что ее не слышать, — но дѣвочка поняла ея жестъ, горько, жалобно вскрикнула и упала ей въ ноги.

Анна Владиміровна схватила ее, подняла къ себѣ на колѣни, цаловала ее и рыдала, между тѣмъ какъ рыдающая дѣвочка припала къ ее груди.

— О Господи, прости меня! Лиза моя, дитя мое, прости меня! Ты ни въ чемъ не виновата! Ты моя, ты у меня одна!..

Лиза тихонько прижалась губами къ ее рукѣ и замерла на ней. Анна Владиміровна не знала въ жизнь свою минутъ счастливѣе этой. Ея дитя ласкалось къ ней, ея дитя опомнилось! Она еще оживетъ, она еще оживетъ, она еще будетъ ея радостью, и чтó бы ни послалъ Богъ, съ нею все переживется легко. Она не безобразна, не отвратительна... О, какой грѣхъ было это подумать! И чтó въ красотѣ? Вотъ красота жизни — такая любви... Господи, лишь бы освободиться, пожить съ нею одной, для нея одной!..

— Баринъ приходилъ, сказала горничная, входи и подавай карточку.

Это была карточка Великина. Люди Анны Владиміровны отказали ему не по соображенію, что госпожѣ теперь не до гостей, а ради собственнаго спокойствія.

Лиза сидѣла на колѣняхъ у матери; она успокоилась скорѣе матери, убѣдилась въ своей безнаказанности всѣми ласками, которыми ее осыпали, и ужъ почти не считала себя виноватой, по крайней-мѣрѣ, виноватой много. Она посмотрѣла на карточку и пожелала узнать, кто это Великинъ. Анна Владиміровна напомнила ей того господина, чтó встрѣтился съ ними вчера въ Царскомъ и еще помогъ ей, Лизѣ, когда она упала. Она могла бы и не прибавлять послѣдняго, потому что Лизѣ было очень обидно вспомнить свое привлеченіе. Лиза отуманилась. Анна Владиміровна была обрадована этимъ посѣщеніемъ, какъ доказательствомъ пріязни и, думая, что Лиза жалѣетъ, зачѣмъ отказали гостю, увѣрала ее, что она еще его увидитъ, что это прекрасный, благородный человекъ, который очень любитъ ихъ обѣихъ. Потомъ она спросила, хочетъ ли Лиза ѣхать съ нею въ поле, въ лѣсъ, въ Осовиной. Анна Владиміровна хотѣла съ этого же дня начинать свою новую жизнь, и потому рѣшила, что не отпустить Лизу безъ себя ни на фейерверки, ни на нарядное гулянье.

Но Лизу не прельщали ни лѣсъ, ни поле и ей не нравилась Осовина. Она равнодушно покачала головою и отвѣчала, что останется дома.

Это затруднило Анну Владиміровну. Ей казалось необходимо скорѣе переговорить съ кѣмънибудь о своихъ намѣреніяхъ; она робко хваталась за помощь другихъ, не соображая, какъ и чѣмъ.

могутъ помочь ей эти другіе. Но какъ оставить Лизу одну? Конечно, не больше, какъ на два-три часа, почти на столько же, на сколько оставляла ее утромъ... Къ тому же, послѣ того, что сейчасъ произошло, Лизѣ въ голову не войдетъ сдѣлать что-нибудь дурное.

Анна Владиміровна занялась съ нею, смотрѣли новыя книги и гравюры, весело пообщали. Анна Владиміровна отдохнула, одѣлась и въ семь часовъ отправилась на станцію желѣзной дороги одна, приказавъ лакею ирѣхать туда за нею, въ каретѣ, къ десяти часамъ.

VII.

Шумъ, толкотня, незнакомыя лица мѣшали размышленіямъ Анны Владиміровны. Она привыкла отдаваться имъ въ тишинѣ и одна; теперь безпрестанно отвлекалась, она утѣшала себя надеждой, что эта суета какъ-нибудь затихнетъ, или среди нея тихо установится ея собственная, тихая жизнь. Большой городъ пугалъ ее. Въ немъ, однако, надо было устроиться прочно, не на время. Въ житеѣ-бытѣ столько мелочей; мелочи утомляютъ, лишаютъ силы, второй достало бы на крупное дѣло. Эти мелочи всегда приходится на долю женщины и губить ихъ. Если женщина и не желаетъ комфорта для себя, то не можетъ заставить не желать его другихъ, тѣхъ, кто ее окружаетъ, о комъ она взялась заботиться, или кто требуетъ заботы. Анна Владиміровна думала о Лизѣ. Она давно уже не занималась хозяйствомъ и ничѣмъ не распорядилась въ домѣ, и хотя говорила себѣ, что это вовсе не трудно, но съ радостью схватилась за мысль, что все поручить Эми. Она уже рѣшила, что Эми будетъ жить у нея и принялась мечтать о маленькомъ домикѣ въ трѣ окна въ садъ, какъ дачи Царскаго и Павловска; каменный Петербургъ наводилъ на нее тоску. Тамъ будетъ тихо, уютно, свѣтло, далеко отъ злой суеты; двери отворятся только для близкихъ по душѣ; туда не войдетъ и оттуда не выйдетъ никому осужденія; тамъ будетъ миръ, и любовь, и прощеніе всѣмъ... всему... Мужъ не помѣшаетъ, не вступится. Знатные родственники и не узнаютъ. Она выпроситъ у мужа милости — ее не тревожить. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ она ему нужна?... Варенька Лорихова говорила — для какой-то обстановки, для приличія въ глазахъ постороннихъ. Но теперь онъ намѣренъ жить безвыѣздно въ деревнѣ; если посторонніе и спросятъ, гдѣ жена, то такъ легко отвѣчать, что она живетъ въ Петербургѣ для здоровыя дочери... И это такая правда: она точно будетъ жить

только для дочери... И наконецъ, сама она, несчастная, неужели не имѣетъ права на какой-нибудь отдыхъ въ жизни? И великъ ли этотъ отдыхъ?...

Поѣздъ остановился въ Царскомъ; пассажиры выходили и входили. Анна Владиміровна прижалась къ простѣнку: ей показалось, что на терасѣ была Варвара Алексѣевна. Черезъ секунду она смѣялась сама своему дѣтскому страху: она пряталась; только недоставало товарища.

Этотъ товарищъ явился: на скамейку противъ нея сѣдился Великинъ; онъ только-что поговорилъ съ Варварой Алексѣвной, которая, провожая его глазами, увидѣла Анну Владиміровну и будто невольнымъ восклицаніемъ обратила на нее вниманіе своего кружка и г. Лорихова, съ которымъ была подѣ руку.

— Этакой счастливецъ, этотъ Великинъ! сказалъ г. Лориховъ вслѣдъ уходящему поѣзду.

— Ахъ, какъ я рада! невольно вырвалось у Анны Владиміровны прежде, нежели Великинъ оглянулся на нее.

— А, это вы, сказалъ онъ: — въ Павловскъ?

— Да.

— Понравилось?

— Нѣтъ, не то... есть дѣло. Я рада, что васъ вижу... Какъ жаль, что я не могла принять васъ поутру; надо было вамъ много сказать.

— Говорите теперь, сказалъ онъ, замѣтивъ съ удовольствіемъ, что такая нецеремонная встрѣча съ незнакомой и красивой женщиной интересовала окружающихъ.

— Рассказывать долго.

— Но должно бытъ, что нибудь недурное; вы такъ оживлены. И самая поѣздка ужъ доказательство, что вчера вамъ показалось не скучно.

— О, нѣтъ, было не весело. Меня звала Осокина...

— Слышала отъ т-ше Лориховой.

— Почему она знаетъ?

— Она все знаетъ; кто нибудь доложилъ. Богъ съ ней. Но вы меня радуете, ѣдете веселиться.

— Напротивъ, возразила она тихо и вдругъ смущаясь: — я рѣшилась... спрятаться... принять вашъ совѣтъ.

— Вы вчера сказали, что его примете.

— Да, но я еще обдумала... Я хочу поселиться въ Петербургъ одна... Послушайте. Вы вчера сказали... Можетъ быть, Варенька говорила вамъ о моей жизни...

— Нѣсколько словъ, да, отвѣчалъ Великинъ.

— Вы должно быть ихъ хорошо поняли, когда сказали, что

мнѣ надо отдохнуть, продолжала она, поднявъ на него свои кроткіе глаза: — я хочу отдохнуть.

— Здѣсь, въ Петербургѣ?

— Да. Мнѣ не у кого спросить совѣта. Вчера еще я думала, что у меня есть Варенька... Можетъ быть, оттого я и говорю вамъ такъ прямо... Какъ-то не вѣрится, не хочется вѣрить, чтобъ и вы измѣнились.

— Вы знаете, какъ я измѣнился, сказалъ онъ тихо и страстно.

— На свободѣ, мнѣ кажется, люди дѣлаются и смѣлѣе и умнѣе, продолжала она: — не правда ли? Прожить у меня есть чѣмъ; распорядиться я какънибудь съумѣю... Не смѣйтесь же надо мною!

— Я могу только вами восхищаться, прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, скажите мнѣ правду, будьте откровенны по старому. Я не безумно дѣлаю?... Я не могу рассказать вамъ причины, но повѣрьте, я не преувеличиваю, не капризничаю...

— Никакихъ не надо причинъ, прервалъ онъ: — свобода — законное право. Изъ чего связывать себя догмомъ...

— У меня долгъ большой: моя дочь.

Великинъ едва удержался отъ петербургскаго движенія.

«Ну, genre sentimental!» подумалъ онъ: «нельзя безъ комедіи!»

— Вотъ я и ѣду хлопотать для нея; надо гувернантку. Вѣрнѣе мнѣ самой нужна подруга. Я хотѣла поговорить съ Осокиной...

— Вы хотите все это рассказать Осокиной?

— Да.

— Не надо, возразилъ онъ, довольно сурово. — Что за страсть, откровенности! Осокина добренькая, но и только. Вы хотите спрятаться?

— Ну, да.

— Такъ спрячемся ото всѣхъ, договорилъ онъ и прибавилъ съ улыбкой: — меня вѣдь еще вчера вы приглашали въ вашъ уголокъ.

— Зову и теперь, сказала она: — Богъ дастъ, тамъ будетъ хорошо.

— Не говорите Осокиной, повторилъ онъ: — я вамъ найду десятокъ гувернантокъ. Вотъ какъ поживаете, встрѣйте Осокину какънибудь, она поразовьется, а вы вдумаете возобновить знакомство...

— Чему вы смѣетесь? прервала она.

— Мнѣ весело. А знаете ли, что на свободѣ люди хорошеютъ? сказалъ онъ, между тѣмъ, какъ поѣздъ останавливался.

ся.—Вотъ ваша Осокина летаетъ по платформѣ, вась видѣтъ. Прошайте. Не говорите ей, что мы встрѣтились.

— Гдѣ же Лиза? спросила Осокина, едва увидя Анну Владиміровну.

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ поспѣшно и съ такой непритворной добротой, такъ не похоже на вопросы Варвары Алексѣевны, что Аннѣ Владиміровнѣ стало еще веселѣе. Сожалѣя, что нѣтъ Лизы, Осокина рассказывала, сколько разныхъ увеселеній готовила для нее тетушка.

— Ну, за чтѣ вы лишили дѣвочку удовольствія? упрекнула наконецъ Осокина. — Вы, можетъ быть, раздумали и мнѣ сдѣлать удовольствіе, — не захотите въ лѣсъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Напротивъ, уйдемте отсюда скорѣе.

Онѣ взялись подъ руки и шли скоро, опережая чинно-плывущую публику. Нѣкоторые знакомые поклонились Осокиной, она ихъ не замѣчала.

— Какая здѣсь вчера была тоска! сказала она, смѣясь и указывая на аллею. — Уйдемте въ улицы; тамъ будетъ меньше встрѣчь. Намъ идтѣ еще далеко; тетушкина дача уединенная.

Анну Владиміровну веселила и оживляла эта скорая ходьба и простая, искренняя веселость молодой подруги; впечатлѣніе было новое. Онѣ миновали улицы, бульваръ и вышли на дорогу. Въ зелени еще видѣлся балконъ на второмъ этажѣ послѣдней дачи, и верхушки старыхъ сосенъ, достигавшія этого балкона; на немъ собралось общество, слышались голоса и смѣхъ; окна горѣли на солнцѣ. Отъ этой дачи начиналась дорога, и все кругомъ становилось похоже на деревню; было пусто и тихо; впереди по дорогѣ былъ мостъ черезъ оврагъ, а за нимъ лѣсъ и поле.

Анна Владиміровна радостно оглянулась.

— Дайте же я вась раздалую! вскричала Осокина: — здравствуйте!

Онѣ крѣпко обнялись; для обѣихъ это была какая-то хорошая минута.

— Какъ хотѣлось бы пожить здѣсь! сказала Анна Владиміровна.

У нея едва не срывалось признаніе въ своихъ планахъ и мечтаніяхъ.

«Почему это Великинъ думаетъ, что надо молчать?» подумала она, глядя на Осовину.

Та сбросила свою крошечную шляпку и подставила свое круглое доброе лицо подъ солнце и теплый вечерній вѣтеръ; этстъ

вѣтеръ уже успѣлъ взбить ея густые, закинутые волосы; въ ея свѣтлыхъ глазахъ было дѣтское удовольствіе и ласка.

— Вы не устали? спросила она: — такъ еще подождемъ идти въ домъ. Лучше туда, дальше, въ лѣсъ; тамъ глухо, овраги, прелесть!

Анна Владиміровна пошла за нею. Осокина еще немного чинно прошла мимо одной убранной дачи съ нарядными дамами и множествомъ мелкихъ собаченокъ, потомъ мимо какой-то искусственной развалины, гдѣ въ цвѣтникахъ ужъ проросли чернобыльникъ и царскія-свѣчи — и вдругъ повернула на узенькую тропинку, выбитую между вустами; въ воздухъ пахло сосной, сосновыя иглы мягко застилали землю, тропинка становилась все уже, и спускалась круче. Осокина побѣжала впередъ.

— Не правда ли, чудесно? кричала она, поднявшись на другой сторонѣ на полянку. — Осторожнѣе, не берите влѣво, тамъ топки! Петербургская природа — и разбѣжаться-то негдѣ! Счастливица вы, продолжала она, когда Анна Владиміровна подошла къ ней: — у васъ деревня, тепло, лѣто длинное. Я — дитя Петербурга; всего разъ въ жизни видѣла эти прелести; меня возили къ бабушкѣ. Я лучше вотъ этого никогда не имѣла, рада всякой травкѣ, всякой теплой минутѣ, и все-таки здѣсь ни къ чему привыкнуть не могу. Здѣсь ни къ чему нельзя привыкнуть, ни къ чему и ни къ кому.

Анна Владиміровна смотрѣла кругомъ на черныя сосны, зеленоватое небо, желто-бурный папоротникъ, которымъ проросла оврагъ; то, что издали заманивало и казалось красиво, вблизи глядѣло непривѣтливо, болѣзненно, будто морщины сквозь румяны, ложь — сквозь ласку. Отъ высокихъ береговъ оврага и большихъ деревьевъ было темно и сырото. Аннѣ Владиміровнѣ стало вдругъ какъ-то тяжело.

— Куда я васъ завела, сказала Осокина, садясь на срубъ дерева: — вы устали? присядемте, отдохнемъ, а тамъ пойдемъ къ тетушкѣ. У нея собралось общество... не пугайтесь, — дѣтское, тетушка позвала для Лизы, — и не то, что дѣтки падате Лориховой. Дѣти одной госпожи Сетицкой. Ахъ, какая это славная, славная женщина! Вотъ, вы ее увидите. Образована, умна. Она ужъ не очень молода и, должно быть, была очень несчастна, но никогда не говоритъ объ этомъ. Состояніе — почти ничего; живетъ работою, переводить, вышиваетъ. И есть люди, есть языки... Повѣрите ли вы, что эта женщина не бываетъ въ обществѣ нашихъ дамъ?

— Но если ея средства не велики...

— Кто говорить о вечерахъ, о приѣмныхъ дняхъ! Но, чтобы

бывать запросто, у близкихъ, средствъ вовсе не много нужно. Ее не допускають — ее, просто, не принимаютъ. Неприлично. Потому что ее бросилъ мужъ... должно быть, хорошо, когда бросилъ такую женщину!... ей даже нельзя позволить давать уроки въ нашихъ приличныхъ домахъ.

— Что вы говорите?

— Да. Отверженная. Она этому смѣется. Нужно мужество, чтобы смѣяться, такое какъ у нея, или ужъ полнѣйшій разрывъ съ обществомъ...

— Если общество не по душѣ... начала Анна Владиміровна и остановилась: ей стало чего-то страшно.

— Оно многимъ изъ насъ не по душѣ, но кто жъ его оставляетъ? я не знаю примѣровъ. Нѣтъ, трудно, когда люди были свои, и вдругъ дѣлаются чужими!

— Но, вотъ вы, начала опять Анна Владиміровна: — вы не чужая этой дамѣ, вы принимаете въ ней участіе, вы ее любите...

Она чувствовала, что какъ будто сама себя ободряетъ.

— О, полноте, возразила Осокина: — какое это участіе! Мнѣ только стыдно. Я не смѣю позвать къ себѣ Сетвцкую. Она не захочетъ переступить моего порога въ какой-нибудь не положенный часъ, причесать отъ моихъ знакомыхъ, чтобы меня не скомпрометровать, отъ моихъ родныхъ, чтобы не навлечь мнѣ неприятностей — но и я сама не захочу, чтобы она такъ унижалась, а этого не стою. А я сама могу пойти къ ней только тайкомъ — еще униженіе!

— Но ваша тетушка... слабо возразила Анна Владиміровна.

— Моя тетушка — внѣ закона, отвѣчала, смѣясь, Осокина: — madame Лорихова называетъ ее юродивой. Madame Лорихова невсостоимо остроумна. Я знаю, что пропаду по ея милости.

— Пропадете? повторила съ ужасомъ Анна Владиміровна.

— Сплететь что-нибудь, отвѣчала Осокина, продолжая смѣяться: — можетъ быть, ужъ и сплела. Мнѣ не мновать ея измѣчка. Это не значить, чтобы я прдавала себѣ большую важность; Боже мой, нисколько! Я собой не хороша, блестящихъ бесѣдъ вести не умѣю, я ей не соперница. Но она похваляетъ, что я ее повела, и, какъ я ни ничтожна, а ей передо мною неловко. Она мнѣ за это отплатить.

— Но вы можете предвидѣть, избѣжать...

— Невзбѣжно! Противъ такихъ особъ нѣтъ защиты.

— Какъ вы спокойно это говорите! сказала Анна Владиміровна.

— Нѣтъ, вовсе не спокойно, возразила серьезно Осокина. — Страшно подумать, какъ всѣ знакомые и незнакомые стануть

отворачиваться. Въдъ между ними есть люди, стоящіе уваженія; въ ихъ мнѣніи потерять тяжело.

— Вы и не потеряете, сказала Анна Владиміровна, хватаясь за эту омуру.

— Кто знаетъ! возразила молодая женщина. — Сначала, можетъ быть, и не повѣрятъ, потомъ прислушаются... Общественныя отношенія, связи, — кто ими жертвуетъ и для кого? а тамъ — ложный стыдъ, и, все равно, отвернутся и дурные и хорошіе люди. Я не богата, мужъ мой человѣкъ не важный, падить меня не изъ чего. Я на все посмотрѣлась... Въ восемнадцать лѣтъ ми бываемъ не ловки; но, къ счастью или къ несчастью, ужъ все понимаемъ... Но что-жъ я вамъ рассказываю такія извѣстныя вещи. Извините.

— Очень неизвѣстныя вещи, отвѣчала Анна Владиміровна. — Я прожила какъ-то странно, и въ свѣтѣ, и далеко отъ свѣта; до меня ничто не касалось.

— Какъ, ничто?

— Ничто. Меня никому не было нужно.

— Странные же люди были кругомъ васъ. Но вы сами-то видѣли ихъ и знали, чтó у нихъ творится.

— Не знала, отвѣчала Анна Владиміровна. — Меня не занимали ничьи отношенія, но мнѣ ихъ и не рассказывали; я не любила слушать, а чтó слышала случайно, то забывала, или никогда не повторяла другимъ. Эти отношенія всегда близкія, семейныя; до нихъ нельзя касаться.

— А между тѣмъ, это общество, конечно, не было такъ деликатно съ вами. Вы были ему не нужны какъ другъ, какъ его украшеніе, а въ жизни вашей оно копалось со всѣхъ сторонъ?

— Не знаю, повторила Анна Владиміровна.

— Такъ вы не знаете вашихъ враговъ?

— За чтó имъ быть у меня? я никому не мѣшаю.

— А можетъ быть?...

Осокина спросила съ намекомъ, до того не похожимъ на весь искренній тонъ ея разговора, что Анна Владиміровна испугалась.

— Чтó вы хотите сказать?

Осокина задумалась и помолчала съ минуту.

— Дѣлать нечего... сказала она про себя, будто рѣшаась, и прибавила громко: — долго ли еще вы пробудете здѣсь?

— Не знаю... можетъ быть, долго, отвѣчала Анна Владиміровна.

— Будете видаться съ кѣмъ-нибудь?

— Можетъ быть... Вѣроятно.

— Съ madame Лориховой?

T. CLXXVII. — Отд. I.

— Можетъ быть.

Осокина опять задумалась и молчала.

— Вы видѣли сегодня Великина? спросила она.

— Онъ былъ у меня; я не принимала... отвѣчала Анна Владиміровна, смутясь.

— Но... вы будете его принимать?

— Я думаю... отвѣчала Анна Владиміровна, смущаясь еще больше отъ настойчивости вопроса.

Осокина была затруднена не меньше ея.

— Нѣтъ, сказала она вдругъ: — молчать не честно! Очень тяжело васъ огорчать, очень тяжело тратить время, говорить объ этихъ гадостяхъ... но не даромъ же я васъ полюбила!... Вотъ что. Я еще вчера начинала вамъ говорить... Вы меня простите, ради Бога; я повторю то, отъ чего вчера весь день задыхалась отъ злости. Разберите сами: мнѣ нѣтъ никакой надобности ссорить васъ съ м-ше Лориховой; вы съ ней были дружны, вы можете выдать меня ей и только мнѣ же будетъ хуже... Я еще больше рискую: вы, съ перваго дня знакомства, назовете меня клеветницей... ну, а въ восемнадцать лѣтъ это вынести не легко!

Ея большіе, честные глаза засвѣтились и покраснѣли; съ минутой, она не могла продолжать отъ волненія.

— Такъ вотъ что. М-ше Лорихова говорила вчера моей сестрѣ, мнѣ, всѣмъ своимъ знакомымъ на гуляньи... покуда вы сидѣли въ сторонѣ съ Великинымъ... что вы и Великины... ну, что вы влюблены... что это продолжается давно, что вы для него бросаете мужа, или мужъ васъ за него бросилъ... Вы погибли въ этомъ обществѣ, если васъ гдѣ-нибудь увидятъ съ Великинымъ.

— Гдѣ же это «гдѣ-нибудь»? выговорила Анна Владиміровна, похолодѣвъ отъ ужаса, но уколотая этимъ словомъ.

— Гдѣ?... Неужели вы въ моихъ словахъ ищете намековъ? Я знаю, Анна Владиміровна, на свѣтѣ есть много отвратительнаго, но я-то не осмѣлюсь подумать... Боже мой!... Не хорошо вамъ такъ понять меня!... *Гдѣ?* Ну, на гуляньѣ въ толпѣ народа, въ вагонѣ желѣзной дороги, въ вашей собственной гостинной при десяти постороннихъ!

У молодой женщины показались слезы.

— Какъ вы должны быть несчастны! вскричала она: — вы не умѣете разглядѣть, кто васъ любитъ!

— О, что-жъ мнѣ дѣлать! выговорила Анна Владиміровна.

— Презрѣть этихъ людей и уѣхать отсюда.

— А я хотѣла поселиться здѣсь!

— Здѣсь? Одна?

— Одна, съ дочерью.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ оставляете вашего мужа?

Анна Владиміровна опустила голову.

— Да.

— Не смѣю спрашивать, почему вы это дѣлаете, сказала Осокина: — стало быть, вамъ нелегко, когда вы на это рѣшились... Но какъ же вы будете жить?

— Вотъ, какъ ваша знакомая, Сетницкая.

— Это жизнь трудная, исключительная, одинокая. Вы знаете, какъ общество на нее смотритъ.

— Я не буду одинока. Я не оставлю общества.

— Оно васъ осудитъ.

— Вы сказали, что его надо презрѣть.

— Да, но презрѣть и бѣжать. Оставайтесь, надо или быть съ нимъ за одно, или ничѣмъ не выдаваться, вотъ, какъ я... Но что же я? Я ребѣнокъ, я раба! Я презираю, ненавижу, и вмѣстѣ боюсь и покоряюсь...

— Раба... повторила Анна Владиміровна.

— Мы всѣ рабы, насъ такими сдѣлали, насъ съ дѣтства запугали, продолжала Осокина. — Вотъ и вы держитесь за общество, не можете съ нимъ разстаться... А мы! Ни одна изъ насъ не пойдетъ прямо, не выразитъ правды, хотя бы правда и кипѣла на душѣ. Подругу дѣтства... Боже мой!... родную сестру, если она бѣдна, мы запрядемъ въ какую-нибудь дѣвичью отъ постороннихъ, а не посмѣемъ не поклониться даже издали, на кощѣ улицы, женщинѣ, хоть бы она не стояла пыли, которую замечаетъ своимъ тысячнымъ шлейфомъ. Потому что она богата, вліятельна. Мы ее извиняемъ, мы находимъ въ ней добродѣтели. Мы, европѣйки, болтаемъ вздоръ, держимся неприлично, чтобъ она не конфузилась передъ нами. Мы доходимъ до того, что подражаемъ ей, добиваемся раздѣлить съ нею успѣхъ ея наглости... И въ такомъ-то обществѣ вы надѣетесь, что васъ пощадятъ? Что найдутся честные люди? Если и найдутся — бороться съ обществомъ—у нихъ нѣтъ значенія, разорвать съ нимъ—не въ ихъ волѣ... О, чтѣ-жъ и оправдывать,—они и не въ силахъ!... Презирайте ужъ и меня за одно со всѣми, договорилась она, вставая: — я, по крайней-мѣрѣ, просто, прямо признаюсь, что не осмѣлюсь быть дружна съ вами, когда общество нападетъ на васъ, не осмѣлюсь защищать васъ, даже увѣренная, что вы

правы! я буду низко, трусливо набѣгать васъ, чтобъ не краснѣть передъ вами за мою низость и трусость! Вотъ я какова, а я не хуже другихъ, я, по крайней-мѣрѣ, не лицемерю! Бросьте насъ всѣхъ, всѣхъ до послѣдняго человѣка... есть у васъ на это мужество? Знайте заранѣе, какъ васъ будутъ судить и презирайте... есть у васъ на это мужество? И живите однѣ...

— Безъ друзей, безъ людей... выговорила Анна Владиміровна.

— Поищите ихъ.

— Гдѣ? Кого?

— Я не знаю. Я громѣ своего омота ничего не знаю. Вотъ, Сетицкая знаетъ такихъ людей. Съ ними надо бросить всѣ наши понятія, весь нашъ складъ, всѣ привычки. Это другой, обданный, трудовой, темный міръ, о которомъ у насъ рассказываютъ ужасн... Вы слышали? Можете вы жить въ немъ?

Анна Владиміровна закрыла руками лицо и зарыдала.

— О, простите меня, вскричала Осокина:—но вѣдь вы знаете, правду ли я говорю!

— Что же мнѣ дѣлать? повторила въ отчаяніи Анна Владиміровна.

— Но развѣ вамъ такъ необходимо скорѣе рѣшиться?

— Сегодня же.

Осокина смотрѣла на нее не зная что сказать.

— Что мнѣ дѣлать?.. Съ перваго шага прибѣгнуть не къ кому. Вы не знаете, въ чемъ дѣло, простите!.. Боже мой, что дѣлать?... Пойдемте, познакомьте меня съ Сетицкой; я все расскажу ей, вамъ, все, такъ и быть... Вѣдь еще не поздно?

— Ахъ, очень поздно, ужъ темнѣетъ, мы и не замѣтили! вскричала молодая женщина. — Но, милая моя, не тревожьтесь хоть этимъ, не бойтесь, васъ проводить...

— Такъ и быть; пойдемте въ домъ, сказала Анна Владиміровна, забывая, что домъ, куда она шла, и тѣ, кого она тамъ найдетъ—были ей чужіе.

Она схватила подъ-руку свою молодую подругу и шла тревожно и скоро; набѣгавшая темнота какъ-будто еще ее торопила. У нея кружилась голова, стѣснялось дыханіе; ей измученному сердцу казалось, будто его ждетъ что-то, и это *что-то* близко, и сейчасъ совершится переломъ, радостный или ужасный, все равно, но онъ переимѣнитъ невыносимое настоящее... Осокина едва успѣвала за нею; по какой-то, странной понятливости, Анна Владиміровна не сбивалась съ дороги въ незнакомомъ мѣстѣ. Онѣ вышли изъ рощи.

— Вотъ дача тетушки, сказала Осокина, выходи на небольшую площадку и направляясь къ балкону, гдѣ сидѣла какая-то дама:—вотъ и тетушка!

Но на встрѣчу къ нимъ встала баронесса.

— Вотъ вы, наконецъ, Marie! сказала она, не сдерживая рѣзкаго гнѣвнаго голоса, который звонко раздался въ холодныхъ сумеркахъ.

Эти сумерки были довольно свѣтлы, чтобы дать различить и неблизкіе предметы, но баронесса будто и не видѣла Анны Владиміровны, стоявшей передъ нею.

— Я васъ цѣлый часъ жду, продолжала она, обращаясь къ сестрѣ:—воротись изъ города, я узнала, что вы отправились сюда...

— Вы, и уѣзжая въ городъ, знали, что я пробуду день у тетушки, прервала Осокина.

— Но я не знала, что вы устраиваете себѣ разныя parties de plaisir, вскрикнула баронесса:—я бросаюсь въ экипажъ, приѣзжаю сюда, застаю вашу тетунку съ цѣлою компаніей ужъ на порогѣ,—куда-то уходятъ, а о васъ мнѣ говорятъ, что вы ушли съ кѣмъ-то въ лѣсъ...

— Съ m-me Тенцовой, прервала Осокина.

— Вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, сейчасъ поѣдете со мною въ Царское, домой, продолжала баронесса:—вашъ мужъ...

— Вы хотѣли отдохнуть, Анна Владиміровна? прервала Осокина, отворачиваясь отъ сестры:—войдите.

— Но вашей тетушки нѣтъ дома! закричала баронесса.

— Благодарю васъ, я не войду, сказала Анна Владиміровна, не помня себя среди этой сцены.

— Такъ я провожу васъ въ воксалъ, тамъ дождемся поѣзда, отвѣчала Осокина, взявъ ее руку и уводя.

— Marie! вскричала баронесса.

— Можете идти туда же, отозвалась Осокина:—я буду къ вашимъ услугамъ, когда провожу Анну Владиміровну.

Онѣ не прошли и до бульвара, какъ ихъ догнала баронесса и ливрейный прожатый. Длинный переходъ совершался поспѣшно и въ молчаніи. Только свѣтское умѣнье баронессы держаться могло скрыть отъ встрѣчавшихся постороннихъ, что происходило между ею и ея спутницами, а сумерки скрывали гнѣвъ и волненіе Осокиной и блѣдность Анны Владиміровны. Но площадь предъ воксаломъ была освѣщена, оркестръ игралъ послѣднюю пьесу и на запоздавшихъ дамъ обратилось вниманіе публики.

— Проведете дальше, Анна Владиміровна, сказала Осокина. Великинъ былъ близко и слышалъ.

— Что такъ поздно, mesdames?.. И вы здѣсь? обратился онъ къ баронессѣ.

— Я удивилась бы, еслибы васъ не было здѣсь, отвѣчала она, тѣмъ шутливо-добродѣтельнымъ тономъ, за который нельзя вступить какъ за обиду, но въ значеніи котораго тоже нельзя обмануться:—Marie, теперь вы, кажется, можете ѣхать со мною; васъ больше не нужно.

— Уѣжайте, ради Бога, прошептала Анна Владиміровна, отнимая свою руку у Осокиной, и не помня какъ, взошла на ступеньку воксала.

Она чувствовала, что кругомъ нея толпа, что ее тѣснить, что на нее смотрять; ей казалось, что надъ ней хохочуть и въ то же время, всё эти люди, ихъ лица, наряды, голоса слились во что-то неопредѣленное, гдѣ она не могла ничего разглядѣть, ни разслышать. Какъ-то машинально оглянулась она, куда скрылось милое лицо съ честными глазами, молодая подруга, единственная душа, отозвавшаяся на печаль, когда кругомъ все такъ свѣтло и весело... Но кругомъ мелькали все чужіе, чужіе, счастливые, безпощадные...

— Вы поѣдете? спросилъ ее Великинъ.

Она встрепенулась.

— Если вы не почуваете у когонибудь здѣсь, то надо ѣхать, продолжалъ онъ: — взять вамъ билетъ?

Она машинально выгнула головой.

— Подождите меня здѣсь, сказалъ Великинъ, подведя ее къ скамейкѣ, и ушелъ.

Онъ не приходилъ долго; ей показалось долго, хотя она не ждала. Она ничего не чувствовала, не думала. На нее смотрѣли. Два франта, проходя близко, заглянули ей въ лицо. Раздался звонокъ, все засуетилось. Явился и Великинъ; онъ говорилъ съ какими-то знакомыми, весело простился съ ними и спѣшилъ къ Аннѣ Владиміровнѣ.

— Bonne chance! закричалъ ему вслѣдъ знакомый.

— Поидемте, сказалъ Великинъ, уведи ее.

Темнота вагона, послѣ яркаго освѣщенія воксала, сравнительно меньшій шумъ и говоръ дали Аннѣ Владиміровнѣ вздохнуть свободнѣе. Великинъ посадилъ ее далеко отъ фонарей и свѣаъ рждожи. Она молчала, вся дрежа, и отвернулась къ окну, чтобы скрыть слезы.

— Съ вами что нибудь случилось, сказать Великинъ.

Противъ нихъ сдѣлаи два нѣмца и задремали, едва тронутся поѣздъ. Дальше, компаніи были или слишкомъ оживленно заняты между собою, или тоже расположены ко сну. Великинъ осмотрѣлся кругомъ и наклонился въ своей спутницѣ.

— Послушайте. Вчера вы пожалѣли, что не встрѣчали меня столько лѣтъ; вы сказали, что я годился бы поддержать васъ, посоветовать. Вотъ мой совѣтъ теперь: успокойтесь; не выдавайте себя на показъ. Слышите?

Онъ взялъ ее за руку.

— Я говорю серьезно. Перестаньте. Что такое тамъ было?

— Ничего... Вы видѣли?... Что я имъ сдѣлала?

— Кому?

— Баронессѣ... Не знаю кому!

— А, баронессѣ! выговорилъ онъ протяжно и засмѣялся. — Что жъ тутъ и спрашивать! Передъ ней, передъ ш-ше Лориховой вы не съ нинѣшняго дня виноваты. Вѣдь это непогрѣшимыя добродѣтели. Что баронесса бросила васъ въ толпѣ и увела сестрицу? Но неужели вы могли ждать чего нибудь другаго, зная ее, зная себя? Полноте, Анна Владиміровна! Я васъ предупреждалъ не сближаться даже съ этой молоденькой дурочкой, а вы захотѣли вниманія самихъ *grandes dames*! Только-то и всей печали?

— Развѣ мало?

— Ровно ничего. Ну, да, ничего, повторилъ онъ, пожавъ ее руку, которой не выпускалъ. — И какъ взволновалась: рука точно ледъ. Неужели вы не привыкли жить врозь съ обществомъ? Правда, въ провинціи порядки другіе, а вы были высоко поставлены... Да; но вотъ что важнѣе и интереснѣе; я все думалъ съ той минуты, какъ вы мнѣ сказали: вы точно намѣрены поселиться здѣсь?

— Что же? спросила она.

— Одна?

— Что же? повторила Анна Владиміровна.

— То-есть, какъ одна? Совсѣмъ одна?... Вспомните, мы были дружны; вы можете мнѣ сказать, не стѣснясь; я жизнь знаю и понимаю, а вамъ горячо передать... Съ кѣмъ вы будете жить?

— Съ моей дочерью, отвѣчала Анна Владиміровна, пробужденная его настоячивостью и оглянувшись на него въ первый разъ.

Великинъ ждалъ, добивался этого взгляда и невольно потупилъ передъ нимъ глаза.

— Съ вашей дочерью... повторилъ онъ, сбившись съ мысли.

— Я уйду изъ дома, гдѣ я оскорблена какъ жена и мать, сказала Анна Владиміровна съ раздраженіемъ. — Я отдохнуть хочу, жить почеловѣчески... А мнѣ сейчасъ показали... женщины, матери мнѣ сейчасъ показали, что онѣ мнѣ за это готовы!

Она рѣзво отвернулась къ окну.

— Послушайте, сказалъ Великинъ, послѣ долгаго молчанія, давь ей немного утихнутъ: — Анна Владиміровна, послушайте!

— Чтò?

— Какъ вы думаете, на свѣтѣ только и людей, что эти барыни?

— Весь свѣтъ такой!

— Но исключенія-то есть?

— Не знаю.

— Поищемъ ихъ вмѣстѣ.

— Поздно искать! возразила она отчаянно.

— Ничто въ жизни не поздно, возразилъ онъ: — хотя бы чело­вѣку оставался одинъ часъ, чело­вѣкъ все-таки постарается прожить его весело, а не скучно... Полноте плавать; такъ мы те­рѣмъ наши часы... И это встрѣча послѣ столькихъ лѣтъ!

— Правда ваша, сказала она, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобы говорить спокойно и холодно: — послѣ такого промежутка, и въ мои лѣта, я держусь смѣшно, неприлично...

— Это вы когда научились говорить возкости? спросилъ Великинъ: — не вчера ли, у милѣйшей Варвары Алексѣевны? со­всѣмъ ея манера. Но подражаніе вамъ не къ лицу, говорю вамъ это серьезно. Оставьте эти штучки неприступнымъ добродѣ­телямъ. Давайте лучше попросту. Расположены вы мнѣ до­вѣриться? не докучаю я вамъ?

— Чтò вы говорите!

— Какъ, чтò? Я васъ усерднѣйше прошу: прогоните меня, если я надоѣлъ. Навязчивый чело­вѣкъ несносенъ, да еще чужой; потерялъ всякое право, чтобы его помнили, и вдругъ присту­паетъ съ утѣшеніями. Вы, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, лучше осмотритесь одни. Вы же сейчасъ сказали, что поздно искать людей...

— О, конечно, поздно, тихо сказала она:—когда въ столько лѣтъ никого не нашлось!

— Бѣдная! сказалъ Великинъ съ чувствомъ и какимъ-то от­тѣнкомъ шутки, будто говорилъ съ ребенкомъ:—бѣдная, и такъ таки, ровно никого?

— Никого, повторила она.

— Ни утѣшить, ни приголубить?

Она наклонила голову.

— И все обижали? И вступиться кому?

Она вадрогнула, хотѣла сказать что-то и не могла. Великинъ долго и крѣпко сжалъ ея руку, замолчалъ и все смотрѣлъ на нее. Ея лицо разгорѣлось отъ слезъ, волосы немного смались, маленькая небрежность въ нарядѣ ее красила, не бросааясь рѣзко въ глаза. Великинъ заглядывался. У него вертѣлись въ головѣ похвалы этой «неподдѣльной, порядочной» красотѣ, похвалы знатнаго, свѣтскаго авторитета; свои собственныя, ужъ пущенныя въ ходъ, маленькія самодовольныя недомолвки; отчасти насмѣшливыя, а отчасти и завистливыя полупоздравленія знакомыхъ; ему вспомнилось, что у этой женщины есть чѣмъ жить, даже богато, что у нея есть все-таки значительные родственники, а эти люди не имѣютъ обычая выталкивать за порогъ тѣхъ родственникововъ, которые не пѣшкомъ приближаются къ ихъ порогу...

Великинъ посмотрѣлъ на часы. Въ окна понесло духотой отъ близкаго Петербурга, замелькали строея. Въ вагонѣ оживились разговоры. Анна Владиміровна сидѣла неподвижно, ничего не замѣчала.

— Послушайте, сказалъ Великинъ: — отвѣчайте прямо: любите вы кого-нибудь?

Она подняла на него глаза, безъ удивленія, безъ гнѣва, почти безъ выраженія, и отвѣчала тихо:

— Никого.

— А прежде кого-нибудь любили?

— Никого... Кажется, пріѣхали? спросила она, встрепенувшись.

Она тутъ только вспомнила, что велѣла встрѣтить себя двумя часами раньше, и сказала это Великину. Онъ подаль ея руку въ суматохѣ выхода, провелъ въ дебаркадеръ и послалъ звать лакея и экипажъ госпожи Тенцовой. Ни того, ни другаго не оказывалось. Великинъ пошелъ самъ, оставя ожидающую Анну Владиміровну у дверей, гдѣ она снова обратила на себя вниманіе свѣтскихъ дамъ и господъ: никто не пропустилъ оглянуться на нее, сходя съ крыльца. Великинъ возвратился.

— Ничего нѣтъ, сказалъ онъ.—Но все равно, карета готова.

Онъ свелъ Анну Владиміровну съ крыльца, посадилъ въ карету, вскопчалъ туда самъ и закричалъ кучеру адресъ гостиницы.

— Ахъ, что это такое, сказала Анна Владиміровна, измученная, упавъ на свое мѣсто.

— Да ровно ничего; у васъ глухая прислуга, отвѣчалъ, смѣ-

ась, Великий.—Полноте же все брать къ сердцу! Вы отешлете во-своих эту деревенщину и обзаведетесь кримило. Я за это берусь. Если вы точно хотите перемѣнить вашу жизнь...

— Надо перемѣнить ее, надо, надо, повторала она. — Это вздоръ, эта встрѣча,—но вѣдь тамъ моя дочь, мнѣ некому ее поручить! Я для нея бѣгу... они сдѣлали, что я ей чужая, всему чужая... И молчать, унижаться всю жизнь...

— Ну, не волнуйтесь же, дорогая моя, право, довольно. Дрянъ жизнь—ну, развяжитесь съ нею; что твердить одно и то же? Я и знать не хочу, чего вы натерпѣлись. Гора было, ну, это случная вещь и оставимъ ее. Толки страшны — махнемъ на нихъ рукой. Забывать, такъ все забывать разомъ! И какъ вы обновитесь, какъ похорошѣете!... Будете меня слушать...

— О, ради Бога, говорите, научите! Если бы кто-нибудь протянулъ руку...

— Давайте обѣ ваши ручки. Прекрасная, несравненная, продолжалъ онъ, захвативъ ихъ и цалуя: — не отнимайте ихъ у меня! На меня вы можете положиться. Я сдержу, что обѣщаю; если только я вамъ не ненавиственъ...

— Вы-то? Вы? Награди васъ Богъ за доброе слово! Не оставьте меня!

— Не оставлю!

Яркіе фонари у подъѣзда гостинницы сверкнули въ окно кареты. Анна Владиміровна заторопилась снова.

— Отворите скорѣе... Боже мой, и такъ поздно! Эти корридоры... Проводите меня.

Не переводя дыханія, она вбѣжала на лѣстницу. Газъ едва горѣлъ. Достигнувъ своего этажа, въ полумракѣ, она побѣжала къ дверямъ своей комнаты.

— Позвольте, вашъ номеръ запертъ, сказалъ корридорный, догоняя ее со свѣчкой и оглядываясь на ея спутника.

— Запертъ?

— Да-съ. Никого нѣтъ.

— Какъ, никого?

— Никого-съ. Ваша прислуга говорила, что вы приказали приѣхать за собой на петергофскій дебаркадеръ.

— На петергофскій?...

Великий расхохотался. Дакей позволилъ себѣ улыбнуться.

— Такъ точно-съ. Въ десять часовъ поѣхали. Въ каретѣ-съ.

— Но моя дочь?

— Она изволила съ ними уѣхать, отвѣчалъ онъ съ новой улыбкой.

— Ночью? Боже мой!

— А, все это вздоръ, прервалъ съ досадою Великинъ.— Откройте; у васъ ключъ? Сломайте, что ли, этотъ замокъ...

— Ключъ здѣсь.

— Войдите, Анна Владиміровна. Хорошо, ступайте, довольно, продолжалъ Великинъ, когда лакей принялся зажигать свѣчи.

— Лиза! Боже мой, гдѣ Лиза! Пустите меня... Поѣдьте, проводите меня туда, поѣдьте исхать...

— Да успокойтесь же, чего исхать? Опомнитесь. Сейчасъ вернутся. Увидятъ тамъ, что нѣтъ васъ и повернуть назадъ; не пропадутъ...

— Не держите меня!

— Вы развѣдетесь, если поскочите на встрѣчу...

— Я съ ума сойду! вскричала она.

— Милая, полноте! Ну, дайте же мнѣ четверть часа, только четверть часа власти надъ вами! Что это за мученіе!

Онъ посадилъ ее.

— Отдохните. Что вы со мною дѣлаете? за что вы меня мучите? Такая-то встрѣча новой жизни? Такое-то счастье вы мнѣ даете? Милая, такъ не начинаютъ! Богъ съ ней, съ Лизой, со всѣми на свѣтѣ, я очень радъ, что нѣтъ никого. Я полтора часа утѣшаю, добиваюсь; сказали мнѣ: «не оставляйте меня», я и не оставляю...

— Что вы? вскричала Анна Владиміровна, вскочивъ съ мѣста.

— Новая жизнь, такъ новая жизнь! отвѣчалъ Великинъ, схвативъ ее въ объятія.

За его громкимъ погалумъ раздался громкій, безобразный хохотъ. Лиза стояла въ растворенныхъ дверяхъ прихожей и, подпрыгивая, взвизгивая, указывала пальцами на мать старому лакею и старой горничной.

— Вонъ! выговорила Анна Владиміровна, оттолкнувъ Великина и безъ памяти упала на полъ.

На другой день Анна Владиміровна ѣхала въ Москву. Блѣдная, сидѣла она въ углу вагона, не видя, не слушая что дѣлалось кругомъ. Она возвращалась къ своему мужу.

— Такъ ужъ легче... мелькало въ ея измученной душѣ: — такъ ужъ легче; но крайней-мѣрѣ знакомое рабство... Раба!

что жь дѣлать? Гдѣ свобода?... Свобода, для нея нужны силы, а гдѣ онѣ? Свобода, для нея нужны честные люди... А, тамъ ужь легче, въ рабской, въ привычной могилѣ!... Тамъ, можетъ быть, сжалятся, забудутъ, оставить въ покоѣ...

Машинально поднявъ глаза на Лизу, которая сидѣла напротивъ, Анна Владиміровна увидѣла, что она читаетъ какой-то листокъ. Это было письмо, которое Анна Владиміровна наканунѣ начинала писать къ мужу. Лиза унесла его. Машинально Анна Владиміровна протянула за нимъ руку. Лиза только сверкнула глазами и, смѣясь, спрятала его въ карманъ.

«Она везетъ отцу...» подумала Анна Владиміровна, холодѣя и закрывая глаза...

Январь 1868.

В. Крестовскій.

Р И М Ъ.

(Два отрывка изъ Барбье).

I.

То было въ часъ, когда земля подъ солнцемъ мѣеть,
Дорога пыльная едва-едва алѣеть,
Когда въ пустынь поляхъ, блуждая, ведить взоръ,
Какъ стадо улеглось и спить на склонѣ горъ,
И подлѣ бѣлыхъ псовъ съ безпечностью лѣнливой
Раскинулся пастухъ здоровый и красивой.
То былъ коварный часъ, когда смертельна тѣнь
Для путника въ поту кончающаго день;
Когда, склонивъ чело, поклонникъ одинокій
Плетется, опершись на посохъ свой высокій,
И черепъ кипарисъ, и алы небеса,
И Рима средь пустынь дивна еще краса.

На камняхъ рухнувшихъ и прислонясь спиной
Къ остаткамъ древнихъ стѣнъ, лежалъ я. Предо мною
Въ величїи быломъ, народа,— короли
Необозримы тянулись поля,
И сердцу внятно такъ ничто не говорило,
Какъ то безмолвіе, какое въ нихъ царило...
Унынія печать лежала надъ страной,
Которой въ бѣдствїяхъ нѣтъ равной ни одной...

Громаднѣй Коллизей своею тѣнью длинной
Предѣловъ достигалъ окрестности пустынной
И члены дряхлыя въ пространство возносились,

Какъ будто небеса о чемъ нибудь молилъ.
 И небо синее склонялося съ любовью
 Къ чудовищу, людской упитанному кровью.
 Лазурью и огнемъ съюза со всѣхъ сторонъ,
 Оно откосы стѣнъ и стройный лѣсъ колоннъ,
 И своды темные роскошно золотило,
 Какъ вожу спящаго на солнцѣ крокодила.
 Высоко въ сторонѣ, съ нависнувшихъ аркадъ
 Потокомъ падали плющи и виноградъ,
 А шапки темныхъ пиннъ и свѣжіе платаны
 И дубы вѣчные во всѣ пробились раны
 Заглохшихъ безъ слѣда вероновыхъ садовъ.
 Но нима ихъ сберегъ народъ среди вѣковъ...
 Налѣво у стѣны, подъ травами густыми,
 Храмъ мира — исполнѣ со сводами тройными,
 Въ пробоѣ отрывалъ далекій видъ на Римъ,
 Съ пустыней вѣчною простертою за нимъ.
 Врата Северія зарыты поколѣни
 Стоали, и на нихъ деревъ ложились тѣни.
 И посреди, всего на той землѣ святой,
 Близъ Капитолія — слой древней мостовой...

Прощайте, гордые обломки! непробудный
 Вкушайте вѣчно сонъ въ могилѣ вашей чудной!
 День совершилъ свой путь, и разстилаетъ тѣнь
 Покровы черные съ ступени на ступень.
 Попарно буйволы идутъ стада рядами
 Изъ поля знойнаго лѣвивыми стопами,
 И сѣно пастухи везутъ на лошадяхъ,
 Мохнатые, верхомъ, съ большимъ копьемъ въ рукахъ.
 Прошелъ старикъ прелать, монахъ худой и грязный,
 Сандалией своею стуча однообразно...
 Подъ бѣлымъ саваномъ и съ пѣньемъ пронесли
 Носилки инокъ — и скрылися вдали.
 Имъ вслѣдъ идетъ дитя, одо, полунагое...
 Тамъ женщины — въ рукахъ веретено большое —
 Прадуть, спускаясь по зелени холмовъ;
 На смуглыхъ головахъ алѣющій покровъ...
 Работы кончены. Лишь слышенъ ропотъ дальній
 Полей, свистъ пастуха, осленка ревъ печальный;
 Да за поваленнымъ фронтономъ на песокъ,
 Четыре нищѣ, забившись въ уголокъ,

Съ сверканіемъ въ глазахъ, поднявъ персты високо,
Грызутся съ злобою глухой нвъ-за байока...

II.

.....
Напрасно пушекъ громъ съ неизбежной твердыни
Святого-ангела гласить о дняхъ святини,
И всходить въ храмъ Петра рядами ступеней
Великогѣпіе давно-минувшихъ дней.
Зачѣмъ весь этотъ блескъ, и клиры пѣснопѣній,
И тысячи кадилъ съ волнами воскурений,
И вереница ризъ, и пурпуръ на плечахъ,
И патріархъ-король, у римлянъ на синахъ,
Съ ногами драхлыми, въ своей одеждѣ бѣлой,
Благословляющій народъ рукой несмѣлой...
Безъ жизни этотъ шумъ, безъ власти этотъ звонъ:
За Тибръ давнымъ-давно не проникаетъ онъ.
А шестивъ пестрый видъ и праздниковъ богатыхъ
Лишь старцевъ трогаеть да пастуховъ махватыхъ...
Въ тѣхъ пѣсняхъ и слѣда нѣтъ силы не земной:
То одичалый гулъ развалины сѣдой,
То вопли мертвеца, который на мгновенье
Межъ трупами еще стоять въ оцѣпенѣннѣи.

II. КОВАЛЕВСКІЙ.

ПРОПАЛА КНИГА.

I.

Пропала книга! Ужъ была
Совсѣмъ готова — вдругъ пропала!
Богъ съ ней, когда идеѣ зла
Она потворствовать желала!
Читать мараше праздникъ дуръ
И дураковъ мы не досужны.
Не нужно намъ плохихъ брошюръ,
Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны!

Но можетъ быть сна была
Честна... а такъ рѣзка, смѣла...
Двѣ три страницы роковыя...
О, если такъ, ее мнѣ жаль!
И можетъ быть мою печаль
Со мной раздѣлить вся Россія!

II.

Ужъ напечатана—и нѣтъ!...
Не познакомимся мы съ нею;
Дѣвица въ девятнадцать лѣтъ
Не замечается надъ нею;
О ней не будутъ разсуждать
Ни дилетантъ, ни критикъ мрачной,
Студентъ не будетъ поспыпать
Ея листовъ золой табачной.

Пропала! съ ней и трудъ пропаде,
Затраченъ даромъ капиталъ,
Пропали хлопоты большія...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль
И можетъ быть мою печаль
Со мной раздѣлить вся Россія!...

III.

Прощай! горька судьба твоя,
Бѣдняжка! Какъ зима настанеть,
За чайнымъ столикомъ семья
Гурьбой читать тебя не станеть.
Не занесешь ты новыхъ думъ
Въ глухія, темныя селенья,
Гдѣ возникаетъ русскій умъ
Вдали отъ центровъ просвѣщенья!

О, если ты честна была,
Что за бѣда, что ты смѣла?
Такъ рѣдки книги не нутныя...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль
И можетъ быть мою печаль
Со мной раздѣлить вся Россія!...

— Вы когда нибудь видѣли представленіе, Смифильдъ? спросилъ Рипстонъ.

— Только въ балаганѣ, отвѣтилъ я.

— А! Это въ такомъ ридванѣ, что перевозятъ съ мѣста на мѣсто на одной лошади? Плохо же вы знаете, что такое представленіе, Смифильдъ! сказалъ Рипстонъ съ презрительнымъ смѣхомъ.—А куда мы ходимъ, это *настоящій* театръ, знаете, настоящая сцена и дерутся настоящими мечами, и всѣ костюмы какъ слѣдуетъ — все бархатъ, да золото, да брилліанты — и синій огонь, и все такое. Надо вамъ пойти, Смифильдъ, коли вы не бывали.

Въ это время мы вышли на набережную; тамъ было очень тихо; на церковныхъ башняхъ только что пробило пять часовъ. Тутъ Моульди насъ остановилъ.

— Слушайте, сказалъ онъ мнѣ:—прежде чѣмъ намъ идти дальше, надо жъ намъ рѣшить. Что, вы пойдете внизъ къ рѣкѣ, или въ Коммон-Гарденъ со мной и съ Рипстономъ?

— Я бы съ вами пошелъ, коли позволите.

— Позволите! Тутъ нечего позволять. Какъ намъ, такъ и вамъ нѣтъ запрета туда ходить. Дѣло въ томъ, какъ вы за работу приметесь.

— Я понятія не имѣю о работѣ, я одинъ, и не знаю какъ къ ней приступить, отвѣтилъ я. — Поэтому-то я и хочу идти съ вами, чтобы вы меня научили какъ за дѣло взяться.

— Моульди вотъ что говорить, замѣтилъ Рипстонъ:—хотите вы работать сами по себѣ, или къ намъ въ долю пойдете?

Такое предложеніе, при существующихъ обстоятельствахъ, было, разумѣется, въ высшей степени кстати.

— Мнѣ бы хотѣлось къ вамъ въ долю пойти, отвѣтилъ я.— И вы добрые ребята, что такъ предлагаете.

— Такъ ужъ, знаете, постоянно въ долю, шопотомъ сказалъ Рипстонъ.—Вы работаете съ нами, и ѣдите съ нами, и живете съ нами.

— Я понимаю.

— Значить, вы пойдете съ нами и будете дѣлать точь въ точь такъ, какъ мы дѣлаемъ, сказалъ Моульди внушительно.

— Да.

— Что найдете, что получите, что у васъ есть, все будете отдавать, сказалъ Рипстонъ съ величайшею важностію: — ничего не будете утаивать; ничего не будете тратить безъ нашего вѣдома.

— Никогда. Это не годится.

— И когда васъ поймаетъ городской, вы свою кашу сами рас-

хлебывайте и не выдавайте товарищей, хоть бы даже вы, съезавши на нихъ, могли сами вывернуться. На все согласны?

— На все, отвѣтилъ я, хотя, по правдѣ сказать, я не всѣмъ ясно понималъ нѣкоторые изъ условій, предложенныхъ Моульди.

— Такъ вы крѣпко будете за насъ держаться и никогда ни дрогнете, ни измѣните?

— Никогда.

— Такъ ударимъ по рукамъ, сказалъ Моульди. — Теперьжмите руку Рипстону: теперь мы дольщики. Пойдемъ, сейчасъ же примемся за работу.

ГЛАВА XV, .

ВЪ КОТОРОЙ ОБНАРУЖИВАЮТСЯ НАСТОЯЩІЯ СВОЙСТВА ЗАНЯТИЙ НАШЕЙ ФИРМЫ И Я СТАНОВЛЮСЬ ВОРОМЪ ИЗЪ-ЗА КУСКА ГОРЯЧАГО ПУДДИНГА ЦѢНОЮ ВЪ ОДИНЪ ПЕННИ.

Отступать было поздно. Думать о возвращеніи домой послѣ отсутствія, продолжавшагося цѣлый день и цѣлую ночь, было для меня невозможно.

Судьба моя была рѣшена и надо было устроить ее какъ можно удобнѣе. По ихъ собственнымъ словамъ, жизнь Моульди и Рипстона была не особенно тяжела, по крайней-мѣрѣ, не тяжеле и не голоднѣе той, къ которой я давно былъ приученъ. Она была легче моей жизни. Кусокъ хлѣба, который у монахъ товарищей считался такимъ незавиднымъ блюдомъ, составлялъ лучшее мое угощеніе въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ; а жареной свинины мнѣ не доставалось никогда. Они бродили какъ хотѣли, шли куда имъ было угодно; бить ихъ было никому; все, что они добывали, они могли тратить по своему произволу, и они ходили въ представленіе. Соображая все это вмѣстѣ, я начиналъ считать себя очень счастливымъ, что встрѣтился съ парой такихъ славныхъ ребятъ, а еще счастливѣе было то, что они принимали меня такъ добродушно. Жилье было хуже всего. Правда, я попробовалъ его на первый разъ безъ соломы; однако, и такъ, послѣ первой ночи, я только чувствовалъ себя немного помятымъ, а впрочемъ, все было сносно, и мало по малу я могъ совсѣмъ привыкнуть къ новому положенію.

Такого рода мысли занимали меня пока мы дошли до Ковент-Гардена. Здѣсь мы нашли работу въ самомъ разгарѣ, хотя Моульди объявилъ, что мы пришли, по крайней-мѣрѣ, часомъ позднѣе, чѣмъ слѣдовало. Мы не вошли въ брытую часть ба-

зара, но стали бродить по окраинамъ, гдѣ нагружались тележки и тачки. Мы ходили такимъ образомъ такъ долго, что я началъ давиться, когда же мы примемся за работу. Я только что хотѣлъ предложить этотъ вопросъ, когда Рипстонъ кинулся прочь отъ насъ къ одному человѣку, стоявшему съ поднятымъ пальцемъ у груди салата латука.

— Рипстонъ куда пошелъ? спросилъ я.

— Пошелъ на работу. Видѣли вы этого человѣка, что палецъ кверху держалъ? Это значить, работа для мальчика; кабы онъ поднялъ два пальца, это бы значило, что ему нуженъ взрослый работникъ. Вы никогда, Смифильдъ, не идите когда увидите два пальца, а то получите тумана, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вы высматривайте, гдѣ будетъ одинъ палецъ. Рипова работа дастъ намъ теперь на кофе; если мы теперь, покуда онъ работаетъ, сами найдемъ чтонибудь, такъ будетъ булка; и я надѣюсь что найдемъ, а то кофе безъ булки плохой застрагъ. Такъ смотрите въ оба, Смифильдъ.

Такъ и я сдѣлалъ; но никто не поднималъ пальца, по крайней-мѣрѣ, на сколько я могъ видѣть; и Моульди не былъ счастливѣе меня. Минутъ въ двадцать мы прошли къ Бау-стритъ, въ кофейнѣ на базарномъ концѣ улицы; черезъ нѣсколько минутъ явился и Рипстонъ.

— Какъ дѣла, Рипъ? спросилъ Моульди.

— Полтора пенса. А вы какъ?

Моульди, вмѣсто отвѣта, съ досадою пожалъ плечами.

— И Смифильдъ тоже?

— То же самое.

— Такъ пойдемъ. Что жъ намъ теперь пить кофе, или подождать, пока добудемъ чтонибудь на хлѣбъ?

— Надо пить теперь по моему, отвѣтилъ Моульди.—Мнѣ просто хотъ умереть безъ него. А вы что скажете, Смифильдъ?

Я готовъ былъ согласиться съ мнѣніемъ Моульди. Проголодавшись и вставши такъ рано утромъ, я началъ испытывать странное ощущеніе, и вѣроятно, то же самое чувствовалъ и Моульди. Я думаю, еще никогда не чувствовалъ себя такимъ голоднымъ и продрогшимъ.

Итакъ мы вошли въ кофейную и Рипстонъ заказалъ три порціи кофе по полпенни. Намъ ихъ подали въ трехъ отдѣльныхъ чашкахъ; кофе былъ отмѣнно горячій и сладкій, хотя и не очень вѣрвкій. Выпивъ его, мы почувствовали себя гораздо бодрѣе и опять пошли высматривать работу.

Но наше счастье все-таки не служило намъ. Проходилъ часъ за часомъ, а мы все не могли пристроиться. Мы исходили весь

овощный рынокъ вдоль и поперекъ и такъ же точно побывали во всѣхъ закоулкахъ фруктоваго базара. Миѣ бы сдѣлалось стыдно за себя, но у Моульди дѣла шли такъ же дурно, какъ и у меня; и Рипстону также не было удачи, кромѣ того перваго заработка въ полтора пени. Я не принималъ къ сердцу моей неудачи еще и потому, что оба мои товарища, повидимому, нисколько не унывали; они бродили весело, отпуская свои шутки и поглядывая на лавки, какъ будто ихъ хлѣбъ, уже намазанный масломъ, былъ совершенно готовъ къ ихъ услугамъ и только ждалъ, когда имъ прискучить ихъ гулянье.

Часовъ въ десять утра мы оставили базаръ и пошли глухими улицами и задворками къ Дрери-Лену.

— Ну, Смифильдъ, сказалъ Моульди:—какъ вамъ нравится быть съ нами въ долѣ? Какъ вы думаете, приятно вамъ будетъ остаться съ нами?

— Миѣ очень приятно будетъ остаться, лишь бы только намъ было немножко побольше удачи, отвѣтилъ я. — Намъ немного пришлось сдѣлать сегодня утромъ, Моульди.

— Могло быть и хуже, замѣтилъ Рипстонъ — Еще бы мы такъ поздно пришли на мѣсто.

— Это точно, сказалъ Моульди. — Миѣ было не такъ дурно; а вамъ, должно быть, было даже очень хорошо, Смифильдъ.

Это я, разумѣется, принялъ за легкую шутку со стороны Моульди. Я засмѣялся и отвѣтилъ ему:

— О, да! миѣ везло отлично! Точь въ точь, какъ вамъ, Моульди.

Тутъ мои товарищи кивнули головами и также засмѣялись, и мы, веселые какъ воробьи, пошли рысцей вверхъ по Дрери-Лену. Мы подошли ко входу въ грязный проулокъ, гдѣ-то по близости Литль-Уильдъ-Стритъ, и тутъ мы остановились.

— Идемъ, шепнулъ Моульди, оглядѣвшись сначала по сторонамъ и убѣдившись, что насъ никто не видитъ.

— Выглядывайте, Смифильдъ!

— Выглядывать? повторилъ я въ изумленіи, видя что и онъ, и Рипстонъ держутъ себя совершенно серьезно.

— Выгребайте! сказалъ Рипстонъ, нетерпѣливо подталкивая меня:—не все вдругъ — понемногу! Вотъ тутъ; я васъ заслону.

— Я думаю, тутъ больше всего молодого картофеля, замѣтилъ Моульди. — Я видѣлъ, какъ вы терлись возлѣ корзины, а бы право побоялся такъ близко тереться! Ну и давайте его сюда; онъ теперь еще рѣдокъ, кое-что дадутъ за него, хотя, впрочемъ, орѣхи будутъ повыгоднѣе, коли попадутся.

— Я не знаю, чтѣ вы такое говорите, отвѣтилъ я. — У меня нѣтъ молодого картофеля.

— Ну, давайте что есть, сказала Рипстонъ. — Тотъ старикъ, съ котори́мъ мы дѣла ведемъ, здѣсь живетъ.

Я рѣшительно не могъ понять, чего добиваются отъ меня мои товарищи; въ особенности когда они, обращаясь ко мнѣ, стали показывать на карманы моей куртки и панталонъ; наконецъ Моульди обшарилъ меня съ обѣихъ сторонъ. Результатъ его поискавъ не доставилъ ему, повидимому, особеннаго удовольствія, если судить по возрастающей ярости, выразившейся въ чертахъ его лица, и по тому негодующему тону, съ котори́мъ онъ обратился къ Рипстону.

— Го-го! захохоталъ онъ дико. — Вотъ такъ дольщикъ! Удивительный дольщикъ вамъ достался!

— Въ чемъ тутъ дѣло? спросилъ Рипстонъ, очевидно подозрѣвая истину, но не рѣшаясь съ разу повѣрить такой неслыханной нечестности.

— Въ чемъ дѣло? Да вотъ у него кѣтъ ни одной штуки! Хоть бы какая-нибудь завалающая луковица! Вотъ въ чемъ дѣло!

И въ теченіе нѣсколькихъ секундъ оба мои дольщика стояли передо мною, глядя на меня въ укоризненномъ молчаніи.

— И это вы называете заодно съ нами! Этанимъ-то образомъ поступая! замѣтилъ Рипстонъ: — ну! вы молодецъ!

— Ну, я и держался съ вами заодно, отвѣтилъ я:—я, право, высматривалъ, какъ можно лучше. Коли никому не надо ничего перетаскивать, что жъ я съ этимъ сдѣлаю?

— Э-э-хъ! взвизгнулъ Моульди съ величайшимъ отвращеніемъ.

— Мнѣ не на что было покупать луковицъ, продолжалъ я свои объясненія:—и молодого картофеля не на что, и ничего такого. Вы же знали, что у меня не было денегъ, вѣдь вы же знали!

— Не знали мы, что вы такой набитый дуракъ!

— И потомъ, бабы я добылъ цени, я бы не сталъ покупать луковицы, скажу вамъ по правдѣ, продолжалъ я:—я бы ужъ лучше купилъ хлѣба на завтракъ.

Я никогда въ жизни не видалъ ничего свирѣйше того лица, съ какимъ Моульди, услышавъ мои объясненія, повернулся ко мнѣ. Его ярость была слишкомъ сильна, чтобы онъ могъ выразить ее словами; пристально поглядѣвъ на меня съ минуту, онъ глухо зарычалъ и отвернувшись сталъ смотрѣть на улицу.

Рипстонъ смѣялся.

— Не выходите изъ себя, Моульди, сказалъ онъ. — Омифильдъ еще зеленъ, вотъ что! Посмотрите сюда, Смифильдъ!

Говори такимъ образомъ, онъ вынулъ изъ кармана своей куртки одно за другимъ семь отличныхъ яблокъ; и потомъ онъ

пригласилъ меня заглянуть въ карманы его панталонъ. Я такъ сдѣлалъ. Одинъ карманъ былъ полонъ медальонныхъ орѣховъ, а другой полонъ испанскихъ орѣховъ.

— Создатель мой, Смифильдъ! сказалъ Рипстонъ:—какову кучу денегъ должно мнѣ это стоить! А, какъ вы полагаете?

— Но какъ же вы это купили орѣхи и яблоки? спросилъ я, совершенно растерявшись.

— Что жъ, купилъ ихъ чтобы перепродать, развѣ вы не смеаете? отвѣтилъ Рипстонъ; ему измѣняли только глаза, но всако его было совершенно серьёзно. — Я торгую ими.

— Когда вы ихъ покупали? Я не видалъ...

— Не видалъ и тотъ молодецъ, кому они принадлежали. Онъ въ то время служивалъ кому-то другому, и я думалъ, что ему неприятно будетъ, если я его буду отрывать отъ дѣла; вотъ я и распорядился самъ, и не дожидаясь чтобы онъ безпокоился заворачивать ихъ для меня въ бумагу. *Теперь смеаете?*

Я сталъ бояться, что дѣйствительно смеаю. Я сказалъ, что сталъ бояться; хотя я и зналъ, что мистрисъ Бёркъ позволяетъ себѣ безсовѣстными злоупотребленіями съ деньгами моего отца, а не думаю, чтобы она взглянула одобрительно на настоящее воровство. То же можно сказать и о моемъ отцѣ, а въ доказательство можно привести ужасную трепку, которую онъ мнѣ задалъ, когда былъ принужденъ подумать, что я укралъ полкроны. Мнѣ, однако, не хотѣлось признаться, что я «смеаю», какъ говорилъ Рипстонъ; я боялся, чтобы не вышло недоразумѣнія.

— Э! это все равно, что жерновъ щекотать и думать, что онъ засмѣется! Никакихъ онъ вашихъ намековъ не пойметъ, свирѣпо засмѣлся Моульди. — Смотрите сюда, юный Смифильдъ! Видите эти яблоки и орѣхи, что добылъ Рипстонъ? Ну, онъ ихъ стащилъ! Уворовалъ! Укралъ! Ясно это вамъ? Теперь смотрите сюда (онъ раскрылъ рукою внутренней карманъ своей куртки). Вотъ тутъ то, что я укралъ, и мнѣ очень жаль, что не было случая украсть побольше. Теперь мы идемъ въ этотъ проулокъ продавать нашу добычу, а потомъ на эти деньги купимъ себѣ съѣстное.

Я не думаю, чтобы я, даже въ это время, былъ особенно чувствительный или совѣстливый мальчикъ; но въ самомъ дѣлѣ въ грубомъ и рѣзкомъ признаніи Моульди, что онъ воръ, было что-то сильно меня поразившее.

— Господи! есть объ чемъ хнытать! насмѣшливо воскликнулъ Моульди. — Не могли же вы принять насъ за ребяташекъ изъ Воскресной школы? Не могли же вы думать, что у насъ головы

набиты разными катихизисами, да поученьями! Коли вы такъ думали, такъ вы очень ошиблись!

— У васъ есть своя семья, вставилъ Рипстонъ съ вѣжливымъ сарказмомъ: — вы оттуда убѣжали и можете назадъ вернуться, когда захотите, такъ вамъ, пожалуй, и позволительно быть по-разборчивѣй. Вы вотъ о чемъ подумайте, Смифильдъ, вы вѣдь нисколько не обязаны брать себѣ долю изъ того пуддинга, который мы теперь поѣдемъ вкушимъ. Вы очень добренькій маленький мальчикъ и вольны себѣ добывать свой пуддингъ когда вамъ будетъ угодно.

— И чѣмъ вы скорѣе за нимъ пойдете, тѣмъ оно, вѣроятно, будетъ лучше, замѣтилъ Моульди съ угрюмою усмѣшкою.

И пренебрегая дальнѣйшимъ разговоромъ со мною, они отвернулись и вошли въ проулокъ, оставивъ меня на улицѣ.

И вотъ я, какъ говорилъ Рипстонъ, былъ воленъ самъ добывать себѣ пуддингъ.

Еслибы моею задачею было просто забавлять читателя, я бы, по всей вѣроятности, не упоминалъ объ этомъ важномъ обстоятельстве; но такъ-какъ это моя истинная исторія, то я не имѣю возможности объ этомъ умолчать.

Я стоялъ на улицѣ и воленъ былъ убѣжать. Я отвѣдалъ жизни бродяги; я неожиданно встрѣтился съ ворами, я ѣлъ, и пилъ, и спалъ съ ними; но, къ счастію для меня, я распозналъ ихъ въ время, когда я самъ былъ еще честнымъ мальчикомъ. Это было мое счастье. Я вполне это сознаю; и если кто-либо расположенъ обвинять меня въ томъ, что я вошелъ въ грѣхъ съ открытыми глазами, то я ничего не могу сказать въ свою защиту. Я смѣренно сознаюсь, что по настоящему мнѣ надо было собраться съ духомъ и побѣжать домой. Я не зналъ туда дороги, это правда, но я могъ бы легко разспросить, не оставаясь ни передъ какими трудностями. Но, леди и джентльмены, прошу васъ сохранять въ памяти особенности моего положенія, и прошу васъ взвѣсить ихъ, когда будете произносить ваше сужденіе. Я былъ такъ несчастливъ, какъ только могъ бы пожелать самый строгій изъ васъ, могу васъ увѣрить. Когда я подумалъ, какъ я встрѣтился съ Моульди и Рипстономъ; какъ они пригласили меня къ себѣ раздѣлить съ ними ихъ фургонъ; какъ я спалъ съ ними и разговаривалъ, и пилъ ихъ кофе—когда я окинулъ взоромъ эти факты и, поставивъ ихъ съ одной стороны, припомнилъ ту ужасную исповѣдь, которую я только что выслушалъ отъ этихъ мальчиковъ, то у меня уши загорѣлись отъ стыда. Я могъ по крайней мѣрѣ утѣшить себя тѣмъ, что когда я пилъ ихъ кофе, я считалъ ихъ за честныхъ мальчиковъ и даже въ случаѣ на-

добности могъ доказать, что деньги, на которыя былъ купленъ этотъ кофе, были заработаны честнымъ образомъ у салатнаго разнощика.

Побѣжалъ ли я? Нѣтъ, я не побѣжалъ. И нельзя также сказать, чтобы я, зрѣло обдумавъ обстоятельства дѣла, рѣшился дожидаться, пока Моульди и Рипстонъ выйдутъ на улицу, и затѣмъ снова присоединиться къ нимъ. Правильнѣе было бы сказать, что вѣсь моего ума не склонялись ни въ ту, ни въ другую сторону; такъ я и стоялъ на одномъ мѣстѣ. Та мысль, что оба мальчика—воры, была ужасна; и эта мысль оказывалась главною тяжестью на чашкѣ благихъ намѣреній; но увы! другая большая тяжесть, а именно мой голодъ, по меньшей мѣрѣ уравновѣшивала первую. Я дрожалъ отъ холоду и былъ очень голоденъ, а Рипстонъ сказалъ очень явственно, что онъ пошелъ покупать пуддингъ, и что я, если не хочу, то и не обязанъ брать изъ этого пуддинга свою часть; стало быть, тутъ ясно подразумевалось, что я могу взять, *если захочу*. Если захочу пуддинга! Еще разъ, леди и джентльмены, осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы обратили ваше милостивое вниманіе на эту часть моего великаго искушенія. Въ нашемъ невѣдѣніи оборвышескихъ нравовъ вы вѣроятно придаете слишкомъ малое значеніе тому, что побудило меня остановиться въ нерѣшимости. Вы, разумѣется, знаете о пуддинггахъ гораздо больше, чѣмъ я зналъ, — по крайней мѣрѣ въ то время; вы, по всей вѣроятности, знаете сортовъ двадцать или болѣе, и нѣкоторые изъ нихъ такъ вкусны и сдѣланы изъ такого драгоценнаго матеріала, что каждый кусокъ стоитъ по шиллингу; но въ ихъ числѣ вы не знаете ни одного такого, о которомъ стоило бы задуматься хоть на минуту при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ отвѣтъ на это я осмѣлюсь сказать, что прежде всего вы даже неспособны понимать эти «тогдашнія» обстоятельства. Вамъ, можетъ быть, случалось продрогнуть, случалось, быть можетъ, чувствовать голодъ; но что касается до дрожи, то это ощущеніе совсѣмъ особенное у людей не поужинавшихъ, проспавшихъ ночь внѣ дома, не позавтракавшихъ и не имѣющихъ въ виду обѣда; это совсѣмъ особенная и не поддающаяся описанію онѣмѣлость оконечностей и при этомъ постоянный внутренний ознобъ, въ сравненіи съ которымъ ваша дрожь ровно ничего не значить. На счетъ пуддинга вы можете знать сортовъ пятьдесятъ, и однакоже вамъ можетъ оставаться неизвѣстнымъ именно тотъ одинъ, на который, какъ я понялъ, намекалъ Рипстонъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ говорить о другомъ пуддингѣ, потому что только одинъ этотъ сортъ извѣстенъ въ пуддинговыхъ лавкахъ оборвышескихъ областей. Изъ извѣстныхъ

вамъ пудинговъ къ нему ближе всего подходитъ сальникъ, потому что онъ совсѣмъ плоскій и потому что въ него кладется почечное сало. Чтò туда еще кладется кромѣ почечнаго сала и муки, я, право, не могу сказать; но въ немъ есть что-то таинственно насыщающее; что-то въ немъ такъ удивительно держитъ теплоту, что купленный вами кусокъ грѣетъ вамъ руки, когда вы идете по холоду, до тѣхъ поръ, пока вы положите въ ротъ послѣднія крупички; что-то раздуваетъ этотъ пуддингъ, такъ что за пенни вы получаете кусокъ, равняющійся по величинѣ четыремъ обыкновеннымъ порціямъ кушанья того же имени — кусокъ величиною съ четверть кирпича. Вы только представьте себѣ это. Вы только вообразите себѣ, что картина куска пуддинга, величиною въ четверть кирпича — горячаго, вы это помните, съ давно извѣстнымъ и по достоинству одѣненнымъ вкусомъ и запахомъ — носилась передъ духовными очами малодушнаго, маленькаго голоднаго бродяги, подобнаго мнѣ! Въ эту минуту я увидѣлъ, что Рипстонъ и Моульди возвращаются назадъ изъ проулка.

У дверей булочнива по сосѣдству стояла большая телега съ мучными булками; я притаялся за нею и они меня не замѣтили. Они были повидимому очень веселы. У Рипстона руки были глубоко запущены въ карманы, въ которыхъ только что передъ тѣмъ были насыпаны орѣхи, а Моульди подбрасывалъ и ловилъ на лету четыре или пять пенсовыхъ монетъ. Когда они подошли къ выходу изъ проулка, они осмотрѣлись по сторонамъ и Рипстонъ свиснулъ. Они, безъ сомнѣнія, искали меня глазами и свистокъ былъ поданъ для того, чтобы привлечь мое вниманіе, еслибы я находился гдѣ нибудь по близости. Но я прижался плотно къ колесу, они меня не увидали и смѣясь пошли внизъ по улицѣ.

Я перешелъ черезъ дорогу и сталъ слѣдить за ними.

Они шли, разговаривая и смѣясь, куда подошли къ Лонгъ-Эйръ, гдѣ была пуддинговая лавка; Моульди вошелъ, а Рипстонъ въ это время стоялъ на улицѣ и глядѣлъ въ окно лавки. Моульди вышелъ съ такою кучею пуддинга вышеописаннаго сорта на капустномъ листѣ, что у меня, глядя на его густой, ароматическій паръ, сперлось дыханіе. Я, должно быть, втанулъ въ себя при эгомъ струю очень холоднаго воздуха, которая заставила меня почувствовать еще сильнѣе, что я озябъ и голоденъ.

Я перешелъ на ихъ сторону улицы и пошелъ за ними поодаль, однако на такомъ разстояніи, что я могъ ясно видѣть, какъ Рипстонъ взялъ одинъ изъ большихъ ломтей, поднесъ его ко рту и выкусилъ изъ него кусокъ — ахъ, и какой большой кусокъ! Онъ продолжалъ подносить его ко рту и откусывать (принимая въ

соображеніе, какъ много онъ откусывалъ, вы можете судить, какъ велики были пенсовыя порціи); а подошелъ къ нимъ ближе. Я былъ жестоко голоденъ.

Наконецъ я подошелъ къ нимъ такъ близко, что могъ слышать, какъ они ѣдятъ. Я слышалъ, какъ Рипстонъ втягивалъ и выпускалъ дыханіе, чтобы студить забранный въ ротъ кусокъ, и когда онъ изрѣдка поворачивалъ голову въ сторону, я могъ видѣть удовольствіе, выражавшееся въ его глазахъ.

Когда они начали ѣсть, на капустномъ листѣ было всего пять ломтей, а въ это время каждый изъ нихъ уже доѣдалъ по второму ломтю. Если я хотѣлъ говорить, то мнѣ не слѣдовало терять времени.

— Я за то люблю Блинкинсовы пуддинги, что ужъ сала въ нихъ вдоволь, замѣтилъ Рипстонъ.

— Это правда, отвѣтилъ Моульди, облизывая себѣ губы:— оно почти то же, что мясной пуддингъ.

— Съ меня какъ будто бы и довольно; онъ такой сытный! сказалъ Рипстонъ.

— Ну, я чудесно! Вы не ѣшьте черезъ силу, засмѣялся Моульди.—Я могу съѣсть одинъ этотъ послѣдній ломоть.

Я не могу долше выдержать.

— Моульди! воскликнулъ я, положивъ руку къ нему на плечо:— Моульди, дайте кусочекъ!

Моульди сильно вздрогнулъ, когда я такъ тихо прикоснулся къ нему, и весь съежился; онъ однако скоро оправился отъ своего испуга.

— А! Это вы! Вотъ что! сказалъ онъ.—Гдѣ это вы были? Небось бѣгали домой, посмотрѣть не примутъ ли васъ назадъ, а тамъ не принимаютъ?

— Должно быть, онъ бѣгалъ на базаръ ябедничать на насъ. Такъ, Смиффилдъ?

— Нигдѣ я не былъ; я за вами слѣдомъ шелъ, отвѣтилъ я смиренно.

— Очень мило съ вашей стороны и учтиво; только мы не хотимъ, чтобы за нами ходили слѣдомъ, особенно подлецы.

— Я не подлець, Моульди, отвѣтилъ я.—Дайте кусочекъ! Будьте такъ добры! Кабы вы знали, какъ я чертовски голоденъ, вы бы, право, дали! Могу васъ увѣрить!

— Мнѣ бы это было очень жаль, сказалъ безжалостный негодяй, забывая самымъ соблазнительнымъ образомъ себѣ въ ротъ послѣдній кусокъ своего втораго ломтя:—вы развѣ не знаете, что въ святцахъ говорится? Воздержи, молъ, руки свои отъ воровства и хищенія! Мнѣ даже стыдно, Смиффилдъ, что вы отъ меня тре-

будете такого дурнаго поступка. Коли я вамъ дамъ кусочекъ, то вы имъ еще пожалуй подавитесь!

— Вы рѣшили, что мы всѣмъ будемъ дѣлиться, убѣждалъ я, обращаясь къ его чувству справедливости, такъ-какъ мнѣ не удалось расшевелить его со стороны великодушія.

— Я такъ думалъ; я и теперь такъ думаю, возразилъ Моульди:—но вы требуете себѣ часть пуддинга, а вашей части въ воровствѣ брать не хотите, да должно быть я не возьмете. Вы что скажете, Рипъ?

— Можеть, онъ просто не смекнулъ нашей игры, Моульди, отвѣтилъ Рипстонъ, который, безъ сомнѣнія, былъ добрѣе своего товарища.—Колибъ вы ему сказали толкомъ, что надо дѣлать, онъ, можеть быть, и не оплошалъ бы тогда. Правда, Смифильдъ?

Съ этими словами Рипстонъ далъ мнѣ послѣдній оставшійся у него кусочекъ пуддинга, и я проглатывалъ его въ ту минуту, когда мнѣ пришлось отвѣчать. Что это былъ за кусочекъ! Никогда въ жизни ни у Блэкинса, ни въ другомъ мѣстѣ я не отвѣдывалъ ничего подобнаго. Такой теплый, такой вкусный, такой укрѣпляющій! А на ладони у Моульди еще лежалъ на капустномъ листѣ дымящійся ломоть, изъ котораго могло видти по меньшей мѣрѣ десять такихъ кусочковъ!

— Такъ какъ же, Смифильдъ?

Въ ту минуту, когда онъ повторялъ свой вопросъ, Моульди подносилъ ко рту послѣдній ломоть; но по знаку Рипстона, онъ остановился — съ разинутымъ ртомъ.

Кто съѣстъ этотъ пуддингъ — онъ, или я? Было ясно, что мой отвѣтъ мгновенно рѣшитъ этотъ вопросъ. За исключеніемъ того скуднаго ужина, который я купилъ наканунѣ за два пенса, я не ѣлъ ничего со вчерашнаго завтрака.

— Ваша правда, Рипстонъ, отвѣтилъ я громко и смѣло:—я бы точно не оплошалъ.

— Да, но вѣдь теперь вы знаете, значить не будете плошать? Въ этомъ вся штука.

— Не буду, отвѣтилъ я.

— Когда жъ вы начнете? спросилъ Моульди.

— Сейчасъ, какъ только выдастся случай.

— Ну, и ладно, замѣтилъ Рипстонъ.—Дайте ему этотъ кусокъ пуддинга, Моульди; онъ, кажется, ужасно голодель.

— А вы не торопитесь, отвѣтилъ Моульди.— Вотъ онъ, ломоть; я его ѣсть не буду (тутъ онъ сунулъ его къ себѣ въ варманъ); только пускай онъ его себѣ сначала заработаетъ. Онъ долженъ намъ показать, что, какъ говорить, такъ взаправду и думаетъ. Идемъ.

— Куда идемъ? спросилъ Ривстонъ.

— Назадъ въ Коммон-Гарденъ.

Держась близко къ той сторонѣ Моульди, гдѣ лежалъ пуддингъ, я не отставалъ отъ своихъ товарищей, зная теперь на-вѣрное, какого рода работа ожидаетъ меня; я долженъ признаться, что мое расположеніе уклониться отъ нея было очень слабо.

Подойдя къ окраинѣ рынка, мы остановились и Моульди обозрѣлъ мѣстность.

— Идите сюда, Смиффилдъ, сказалъ онъ наконецъ.

Сигало, точно выгованный весь изъ стали, я двинулся впередъ.

— Видите первую лавочку между столбами, ту, гдѣ стоитъ человекъ въ синемъ фартукѣ? Тамъ корзины съ орѣхами разставлены въ рядъ.

— Вижу.

— Первая корзина на переднемъ концѣ съ миндальными орѣхами. Идите туда. Мы здѣсь подождемъ.

Моульди не сказалъ ничего больше, но смыслъ его словъ былъ достаточно ясенъ. Я долженъ былъ пойти, наворовать миндальныхъ орѣховъ изъ крайней корзины. Что пуддингъ въ карманѣ Моульди будетъ мой, это я твердо рѣшилъ въ душѣ своей; теперь оставалось только рѣшить, какимъ образомъ добыть его. Моульди указалъ дорогу и я отправился къ лавочкѣ за орѣхами безъ колебанія, но сердце мое стучало, какъ молотокъ.

Съ этой стороны лавочка была завалена грудами цвѣтной капусты и ревеня, и когда я подошелъ, я увидѣлъ съ перваго взгляда, что всего удобнѣе мнѣ будетъ обойти кругомъ изъ-за цвѣтной капусты, такъ чтобы приблизиться сзади къ корзины съ миндальными орѣхами. Есть поговорка, что дьяволъ рѣдко бываетъ дурно расположенъ къ своимъ молодымъ друзьямъ, и конечно въ моемъ дѣлѣ оправдалась эта поговорка.

Между цвѣтною капустою и орѣхами былъ узкій проходъ, по которому никому, кромѣ самого лавочника, не надо было проходить; но закрывъ глаза на эту опасность, я вошелъ туда, какъ будто бы я жилъ тамъ, и притаившись за цвѣтною капустою, увидѣлъ, что продавецъ орѣховъ, повернувшись ко мнѣ спиною, говорить съ покупателемъ. Женщина, торговавшая цвѣтною капустою, также сидѣла ко мнѣ спиною, и какъ разъ въ эту минуту ей неудобно было переимѣнить положеніе, потому что она сидѣла на стулѣ и держала свой обѣдъ на колѣняхъ.

Корзина была доверху полна орѣхами и никто не смотрѣлъ. Я запустилъ туда руку разъ — другой — третій, насыпая кар-

манн панталонъ и затѣмъ, выскочивъ изъ прохода, пошелъ къ Моульди и Рипстону, выглядывавшимъ изъ-за столба.

— Идемъ, Смифильдъ! воскликнулъ Моульди, когда я подошелъ; онъ уже говорилъ со мной совсѣмъ инымъ тономъ, чѣмъ прежде.—Идемъ, старина! Я видѣлъ все и теперь понимаю, что ~~онъ~~ за паревъ! Вы-то повнчекъ? Вы ужь это рассказывайте такимъ ребятамъ, что не умѣютъ у себя пальцевъ на рукахъ пересчитать. Ну, вотъ вамъ пуддингъ. Я бы радъ былъ дать вамъ вдвое больше!

Пока Моульди не рассыпался такимъ образомъ въ похвалахъ, я не могъ себѣ представить, чтобы я сдѣлалъ дѣйствительно замѣчательный подвигъ; а что онъ хвалилъ меня серьезно, это видно было еще болѣе изъ его тона, чѣмъ изъ его словъ. Пока я шелъ съ нимъ рядомъ, онъ не спускалъ съ меня глазъ; я пожиралъ свой пуддингъ, а онъ во все это время покачивалъ головой, какъ будто бы слова были слишкомъ слабы, чтобы выразить его восхищеніе.

— Я не сумѣлъ бы въ половину такъ чисто сработать — и въ четверть не сумѣлъ бы! сказалъ Рипстонъ.

— Вы! отозвался Моульди, произнося это ~~онъ~~ съ такимъ удивленіемъ, которое должно было очень глубоко оскорбить чувства его друга. Вы, Рипстонъ, въ своемъ родѣ недурны, но если вы думаете, что можете показать хоть четверть — хоть даже полчетверти Смифильдовой ловкости въ воровствѣ, такъ это значитъ только, какой вы ужасный хвастунъ. Да и я бы не сумѣлъ стащить эти орѣхи такъ чисто, какъ Смифильдъ, хоть бы вы мнѣ дали цѣлую недѣлю на практику! Ну, а конечно есть такія вещи, продолжалъ Моульди, боясь повидимому того, что я возьмѣю о себѣ слишкомъ высокое мнѣніе:—есть вещи, гдѣ я, могу сказать, совсѣмъ на голову его разобью.

ГЛАВА XVI,

въ которой Моульди разсуждаетъ какъ юристъ и объясняетъ для моего утѣшенія различіе между понятіями «украсть» и «взять».

Все шло очень хорошо, пока было свѣтло и пока продолжалось пріятное внутреннее ощущеніе, порожденное съѣденнымъ кускомъ пудинга (миндальные орѣхи, украденные мною, были проданы за два пенса человѣку въ Коль-Ярдъ); но когда наступила ночь и я снова очутился въ темномъ фургонѣ, когда оставалось только закрыть глаза и заснуть, я началъ чувствовать

самымъ мучительнымъ образомъ угрызенія совѣсти, вытекавшія изъ моего дурнаго поведенія въ этотъ день.

Я теперь былъ воромъ! Безполезно было стараться о замаскированіи или смягченіи ужасной истины — я былъ воромъ! Я обдуманно укралъ пинту миндаальныхъ орѣховъ — укралъ, убѣжалъ съ ними, продалъ ихъ и истратилъ вырученныя за нихъ деньги.

На этотъ разъ Моульди былъ «подушкой» и, вѣроятно какъ давнѣе уваженія къ моему искусству, мнѣ было предоставлено право взять себѣ первое мѣсто; такимъ образомъ я лежалъ головою на груди у Моульди, а Рипстонъ лежалъ у него на ногахъ.

Но, несмотря на эту большую выгоду, я не могъ заснуть. Всѣ мои жилы напрягались и билась, непрерывно повторяя мнѣ ужасное слово «воръ». Воръ! воръ! воръ! воръ! Сердце, виски, руки и ноги съ одинаковою силою жаловались мнѣ на это и я не находилъ себѣ покою.

Воръ! прошепталъ я наконецъ нсволью.

Я думалъ, что Моульди уже спалъ, но я ошибался.

— Кто воръ? спросилъ онъ.

Внезапность этого вопроса сильно поразила меня, но я былъ слишкомъ глубоко занятъ моими горестными размышленіями, чтобы отвлечься отъ нихъ чѣмъ бы то ни было; среди моихъ горькихъ угрызеній совѣсти мнѣ даже скорѣе пріятно было громко обвинять самого себя.

— Я воръ, Моульди, отвѣтилъ я.

— Ну, а кто жъ говоритъ, что вы не воръ? насмѣшливо спросилъ Моульди.

— Да я точно воръ, Моульди, точно.

— Разумѣется. Нечего ужъ такъ черезчуръ этимъ и чваниться, Смифилдъ. Вы воръ, если только стоитъ называть воровствомъ ту пустую шалость, что вы сегодня сдѣлали на нашихъ глазахъ; а по моему не стѣять.

— Да вѣдь я никогда не былъ воромъ прежде, отвѣтилъ я серьезно.— Никогда не былъ; и это такъ же вѣрно, какъ то, что я вотъ здѣсь лежу живой. Оттого-то мнѣ теперь такъ и горько.

— Дудки!

Это слово было произнесено Рипстономъ, который повидимому, подобно Моульди, еще не заснулъ.

— Не дудки, Рипъ; чистая правда, отвѣтилъ я съ сокрушеніемъ сердца.— Хорошо, кабы дудки!

— Небось не скажете: умри я на этомъ мѣстѣ, коли такъ, сказалъ Рипстонъ.

— Скажу, отвѣтилъ я.

И точно сказалъ.

— Отчего жь не сказать? замѣтилъ Моульди.—Даже и теперь если кто спросить, онъ можетъ сказать: «умри я на этомъ мѣстѣ, коли я воръ!»

— Я бы побоялся, что въ самомъ дѣлѣ умру на мѣстѣ, Моульди, отвѣтилъ я.

— Это почему?

— Потому, что теперь я точно воръ.

— О, нѣтъ! Какой вы воръ! сказалъ Моульди, качая головою, какъ будто его мнѣніе объ этомъ предметѣ глубоко укоренилось въ его умѣ.—Что вы сегодня сдѣлали, это совсѣмъ не воровство, далеко до воровства.

— Конечно далеко, вмѣшался Рипстонъ съ такою же серьезностью.

— Ладно, отвѣтилъ я.—Такъ что жь это такое?

— Ну, я не знаю, какъ это въ точности называется; знаю только, что это не настоящее какъ быть должно воровство.

Я съ сомнѣніемъ пошевелилъ головою, и я полагаю, что Моульди почувствовалъ это движеніе.

— Вы мнѣ не вѣрите, вы послушайте, что говорить законъ, продолжалъ онъ.—Слышали вы когда нибудь, чтобы такое дѣло, какъ ваше, печаталось въ газетахъ?

— Вотъ такъ и надо на это смотрѣть, подхватилъ Рипстонъ.—Слыханое ли дѣло, чтобы кого нибудь потянули за это на Бау-Стривъ въ судьямъ? Съ этимъ расправляется сторожъ. А что такое сторожъ въ глазахъ закона? Онъ и самъ-то боится полицмена. Статочное ли дѣло, чтобы законъ позволялъ сторожу рѣшать воровскія дѣла — статочное ли дѣло?

— Такъ зачѣмъ же приставленъ сторожъ?

— Зачѣмъ! Я жь вамъ сказалъ, зачѣмъ! Улаживать дѣла, гдѣ что не такъ, неправильно, гдѣ безпорядокъ какой, а не то чтобы воровство. На то у него и палка.

— Братъ, что не ваше—значитъ воровать; по крайности мнѣ всегда такъ говорили, возразилъ я.

— Все это я знаю, отвѣтилъ Моульди, приподнимаясь на локоть, чтобы ему удобнѣе было обсудить интересный вопросъ:— это такъ говорятъ, да только это одно невѣжество; сами они не пробовали, такъ не могутъ и знать. Слушайте, Смифилдъ. Вотъ въ чемъ дѣло — если парень пойдетъ въ лавку въ Коммон-Гарденскомъ базарѣ, да зацѣтитъ руку въ депежный ящикъ, а его на этомъ поймутъ, вотъ *это* будетъ воровство; пользуетъ онъ въ карманъ къ какой нибудь леди или къ джентльмену, что тамъ цвѣты покупаютъ, или что другое, и его на

этомъ поймать—это опять воровство; поведутъ его въ судъ и судья ему то же самое скажетъ. Ну, а если мальчишка — такъ знаете, маленькій мальчишка — старается заработать себѣ честнымъ манеромъ полпенни, да его накроютъ съ какими нибудь чужими яблочками или орѣшками, такъ тутъ просто купецъ за свой товаръ дастъ ему тумана либо подзатыльника, пожалуй сторожа позовутъ, тотъ его палкой поколотитъ и пуститъ на волю. Кабы сторожъ вздумалъ кого нибудь изъ насъ тащить къ суду, его бы распекли, зачѣмъ онъ время отнимаетъ у судей, а пожалуй и засадили бы подъ арестъ.

Безъ сомнѣнія, Моульди говорилъ то, что въ самомъ дѣлѣ думалъ; а если онъ этого не думалъ, то съ его стороны было очень мило такъ серьезно настаивать, чтобы облегчить мои нравственные мученія. Рипстонъ, старательно поддерживавшій его, также обнаруживалъ большую доброту; но какъ бы то ни было, все, что они говорили, не могло снять съ моей совѣсти новой и странной тяжести. Ихъ слова какъ будто подложили подъ эту тяжесть какую-то мягкую подмадеу, такъ что тяжесть лежала на мнѣ удобнѣе прежняго: но поднять ее они положительно не могли.

— Ну, такъ если брать разныя вещи — орѣхи и все такое — не значить воровать, такъ что же это такое? спросилъ я у Моульди.

— О, мало ли что! это значить мазурить, тащить, стягивать.

— Иные говорятъ подбирать, подцапывать, тибрить, вмѣшался Рипстонъ.—Да, Господи! что за важность какъ ни называть!

— Ну, а положимъ, настаивалъ я:—если спросить у полицмена, онъ это какъ назоветъ?

— Вотъ тебѣ разъ! Кто жъ пойдетъ объ этомъ спрашивать у полици! Они такіе ужасные лгуны, возразилъ Рипстонъ.

— Дѣло въ томъ, Смифильдъ, что вы трусите, вотъ что, сказалъ Моульди.—Условіе было такое, чтобы не трусить; а теперь вы просто ошалѣли со страху.

— Я не то чтобы трусилъ, возразилъ я.—Коли это не воровство, такъ и прекрасно. Я думалъ — воровство.

— Вотъ какъ поживаете съ мое, такъ перестанете пугаться словъ, сказалъ Моульди.—Какъ я былъ маленькій, да жилъ дома съ своей старухой, я слыхалъ, какъ старикъ читалъ ей газеты; такъ вы не можете себѣ представить, ужъ законники на что хитрые люди, а и тѣ должны быть осторожны, чтобы называть вещи какъ слѣдуетъ. Коли малый не пойманъ на настоящемъ воровствѣ, они не смѣютъ называть его воромъ. Они такъ мягко

подбираются, называют это «похищеніемъ» или «мелкимъ плутовствомъ». Коли парень стащить хлѣбъ съ прилавка у булочника, это считается мелкимъ плутовствомъ; а ужъ настеть «похищенія! — лопни мои глаза, Смифильдъ! — коли вы называете воровствомъ то, что вы забрали горсть миндаальныхъ орѣховъ, такъ я полагаю, вы назовете разбоемъ на большой дорогѣ то, что законъ называетъ «похищеніемъ»! Накопецъ, будь это даже и похищеніе, что жъ бы вамъ за это досталось? Рипстонъ стащилъ разъ молочникъ и его посадили всего на двѣ недѣли. Правда, Рипстонъ?

— Рипстонъ не любитъ, чтобъ ему этимъ микали въ глаза, сердито отвѣтилъ тотъ, къ кому былъ обращенъ послѣдній вопросъ. — Коли мы начнемъ пересчитывать частіи дѣла, такъ пожалуй у меня найдутся знакомые ребята, кому доставалось и побольше двухъ недѣль, не говоря ужъ о домашнихъ сѣченіяхъ. Какъ бы тамъ ни было, я именъ называть не буду. Коли на ворѣ шапка загорится, пусть онъ держитъ языкъ за зубами. Только всего я и скажу.

Въ этихъ словахъ, очевидно, заключался намекъ на Моульди, который затѣмъ пробормоталъ только нѣсколько замѣчаній на счетъ того, что Рипстонъ несносный бродяга; затѣмъ, послѣ непродолжительнаго разговора, состоявшаго изъ общихъ мѣстъ, Моульди и Рипстонъ помирились и заснули.

Но, какъ и въ прошлую ночь, я долго мучился прежде, чѣмъ мнѣ удалось заснуть. Доказательства, пущенныя въ ходъ моими товарищами, не убѣдили меня. Кромѣ того, рѣзкое окончаніе нашего разговора и свойства того замѣчанія, на которомъ онъ оборвался, не пропали для меня даромъ. «Домашнія сѣченія» и «двухнедѣльное заключеніе въ тюрьмѣ» никогда не доставались на долю мальчиковъ, которыхъ поведеніе было такъ невинно, какъ въ томъ хотѣли меня увѣрить Моульди и Рипстонъ. Правда, я не имѣлъ понятія о тонкихъ разграниченіяхъ, употреблявшихся въ законѣ, и дѣйствительно было очень вѣроятно, что похищеніе нѣсколькихъ миндаальныхъ орѣховъ не считалось преступленіемъ. Я съ большимъ удовольствіемъ допускалъ эту вѣроятность; но какъ бы то ни было, будь что будетъ, я ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ на будущее время дѣлать ничего подобнаго.

За что я примусь, этого я еще не могъ рѣшить. Надо было чѣмъ нибудь кормиться. Я долженъ сказать Моульди и Рипстону завтра утромъ, что я хочу быть совсѣмъ честнымъ, не позволять себѣ никакихъ дѣлъ въ этомъ родѣ и жить работами на Ковент-Гарденскомъ базарѣ; и что если они не хотятъ оста-

ваться моими товарищами, то мнѣ съ этимъ нечего дѣлать. Я такъ твердо увѣрилъ себя въ томъ, что поступлю именно такимъ образомъ, и такъ успокоился на этихъ мысляхъ, что мнѣ удалось заснуть крѣпкимъ сномъ.

Къ моему прискорбію я долженъ сказать, что этимъ ограничили всѣ добрыя послѣдствія моего ночного раскаянія. Когда я проснулся утромъ, мнѣ было холодно и я чувствовалъ себя грязнымъ и несчастнымъ—гораздо болѣе несчастнымъ, чѣмъ въ прошлое утро. Зубы у меня стучали, вся внутренность какъ-то дрожала; я чувствовалъ, что готовъ отдать съ себя куртку за глотокъ горячаго кофе.

У Моульди деньги на кофе лежали въ карманѣ. Вчера ночью, когда мы только что вышли на набережную, Моульди подержалъ лошадей джентльмену, зашедшему повѣсть устриць, и получилъ шесть пенсовъ. Четыре пенса мы истратили, а два оставалось. Кабы мы добыли эти шесть пенсовъ вечеромъ пораньше, такъ мы бы всѣ трое пошли на эти деньги въ Шордичъ на представленіе; но такъ-какъ было поздно, мы купили себѣ на ужинъ хлѣба и жареной рыбы, и сберегли два пенса на утро, на кофе.

— Какова погода? спросилъ Рипстонъ у Моульди, смотрѣвшаго въ отверстіе.

— Отвѣнно-сѣверная, отвѣтилъ тотъ:—сильный дождь. Я вижу, какъ капли прыгаютъ по рѣбѣ.

— Чтѣ-жъ мы будемъ дѣлать? спросилъ я.

— То-есть это какъ же? переспросилъ Рипстонъ.

— Мы насквозь промокнемъ, коли выйдемъ на улицу въ такой дождь!

— Видали вы когда такого молодца? воскликнулъ Рипстонъ со смѣхомъ.—Вотъ, Моульди, коли вы первый выйдете на улицу, добудьте вы непромокаемый плащъ или шелковый зонтикъ для Смифильда! Ахъ вы, безмозглий молокососъ! у васъ отъ дождя закурчавятся волосы! Идемъ!

И мы вышли, дрожа отъ холода на мокрой мостовой и шлепаая по грязи. Дождь шелъ не сильный, но постоянный и частый; и мы далеко еще не успѣли дойти до кофейной, когда я уже почувствовалъ, что рубашка прилипла у меня къ плечамъ, а панталоны къ колѣнямъ.

Я не забылъ того, на что я рѣшился въ прошлую ночь—эта мысль пришла мнѣ въ голову, въ ту самую минуту, когда я проснулся—и я старался собраться съ духомъ и высказать имъ мои намѣренія во все то время, когда мы брели по дождю; но какъ могъ я собраться съ духомъ? я былъ безпомощно голоденъ и холоденъ, я промокъ до костей и мнѣ не на что было опереться

въ цѣломъ мірѣ, еслибн я поссорился съ Моульди и Рипстономъ.

— На два пенса горячаго кофе, въ три чашки, мистеръ, сказалъ Моульди буфетчику.

Все было кончено. Еслибн этотъ кофе принадлежалъ комунибудь другому, это придало бы мнѣ бодрости, и побудило бы меня высказаться; но такъ-какъ это былъ кофе Моульди, онъ подогрѣлъ мое расположеніе къ нему, и я, глотая его, подумалъ, что въ концѣ-концовъ Моульди — недурной парень, и что было бы стыдно отвернуться отъ него и надѣлать ему непріятностей изъ-за его промисла. Если я не хотѣлъ оставаться на прежней дорогѣ, то, разумѣется, мнѣ не слѣдовало принимать отъ него угощеніе. Кромѣ того, не предвидѣлось опасности, чтобы сегодня могло быть сдѣлано что-нибудь очень дурное; потому что хотя на базарныхъ часахъ было уже безъ четверти шесть, однако, бѣготни и суматохи было очень много, и прежде, чѣмъ имъ дошли нашъ кофе, Моульди сказалъ:

— Ну, пошевеливайтесь вы оба; намъ нынче утромъ надо держать ухо очень остро. Знаете, Смифильдъ, въ хорошую погоду многіе сами и закупаютъ, и бѣгаютъ по своимъ дѣламъ, а въ дождь сворѣи норовятъ когонибудь нанять за себя.

Такъ оно и вышло. Отъ шести часовъ до десяти дождь не переставалъ на на минуту, и работы у насъ все время было вдоволь; когда торговля стала упадать, и мы нашли время перемолвить другъ съ другомъ слово, оказалось, что дѣла наши были въ двѣтущемъ положеніи. Я заработалъ одиннадцать пенсовъ, Рипстонъ — шиллингъ и полтора пенни, а Моульди — девять съ половиною пенсовъ.

Теперь то обстоятельство, что я заработалъ больше Моульди, польстило мнѣ сильнѣе, чѣмъ вчерашнее увѣреніе моего товарища, что я лучше его умѣю воровать изъ лавки. Въ самомъ дѣлѣ, такъ было пріятно держать въ рукахъ эту горсть мѣди, всю добытую тяжелымъ трудомъ по пенни и по полпенни, что хоть я и промокъ до востей, и очень больно порѣзалъ себѣ наледь въ ногѣ, наступивъ на разбитую бутылку, однако, я чувствовалъ бы себя счастливѣе, чѣмъ когда либо въ жизни, еслибн у меня на душѣ не лежали вчерашніе миндальные орѣхи. Я былъ тѣмъ болѣе счастливъ, что, какъ оказалось немедленно, Моульди и Рипстонъ, добивъ себѣ достаточно на пропитаніе, не стацили даже ни одного яблочка на базарѣ. Я боялся, что будетъ иначе, и меня обрадовали слова Моульди, когда ми отдали ему наши заработки (онъ всегда былъ нашимъ казначеемъ).

— Вотъ, сказалъ Моульди: — это именно, что-называется, почтенная утрення работа!

— Лучше, чѣмъ добывать разные вещи дурными манерами, да продавать ихъ, а, Моульди? осмѣлился я замѣтить.

— Разумѣется, лучше, отвѣтилъ онъ. — Тамъ больше до-
будешь.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы меня заставляли работать, а не..
не другое дѣлать, сказалъ я.

— Кто же тутъ будетъ заставлять? отвѣтилъ онъ: — это
очень хорошо, пока такъ везетъ, но хуже всего то, что такъ
недолго бываетъ; и потомъ, кабы вы въ этому одному только
придѣлились и не сумѣли бы взяться ни за что другое, вы бы
иной разъ просто повали въ тиски. Надо жить, какъ набѣ-
жить — вотъ мое правило.

Рипстонъ сказалъ, что это и его правило также; и такъ мы
пошли въ бухмистерскую на Лонг-Эквъ, и всѣ вмѣстѣ очень
весело и усердно пообѣдали, и такъ-какъ затѣмъ у насъ оста-
вались еще деньги на ужинъ, и еще сверхъ того шесть пен-
совъ, то Моульди добродушно предложилъ бумить мнѣ на эту
сумму на ру сапогъ; Рипстонъ согласился; вечеромъ мы пошли
въ лоскутный рядъ и за шесть пенсовъ купили пару немного
широкихъ, но очень приличныхъ ботинокъ.

ГЛАВА XVII,

повѣствующая о моихъ приключеніяхъ въ каче-
ствѣ базарнаго ворюшки и доводящая нить раз-
сказа до одной воскресной ночи, когда я занемо-
гаю и положеніе мое становится опаснымъ.

Я сначала намѣренъ былъ представить читателю подробный
ежедневный отчетъ о моемъ житьѣ-бытьѣ въ качествѣ рыночнаго
хищнива; съ этою цѣлю я даже исписалъ по меньшей мѣрѣ
страницъ пятьдесятъ писчей бумаги, и теперь эти листки лежатъ
у меня на столѣ, перечеркнутые изъ конца въ конецъ и обре-
ченные на закуриванье трубокъ, къ чему они въ высшей степени
пригодны по своей гладкости и твердости.

И я полагаю, что читатель согласится со мною, когда онъ
узнаетъ ту причину, по которой оставлены втунѣ эти пятьдесятъ
страницъ. Дѣло въ томъ, что каждая страница, изображающая
себею одинъ день, до крайности похожа на всякую другую стра-
ницу; различіе самое ничтожное, такъ что не стоить о немъ и
говорить; а въ самомъ дѣлѣ мнѣ надо рассказать читателю слиш-
комъ много событій, чтобы позволительно было утомлять его
безтолковыми повтореніями. Дни моихъ базарныхъ грабительствъ

были замѣчательно похожи другъ на друга; но крайней-мѣрѣ были очень похожи недѣли. Съ понедѣльника до субботы мы вставали на разовѣтъ, отправлялись въ Коvent-Гарденъ, бродили по тѣмъ же тропинкамъ, отъясняя тѣ же работы и возили тѣ же тяжести; или, если торговля шла плохо, мы воровали изъ тѣхъ же корзины, носили нашу добычу къ старому негодяю, жившему въ Коль-Ярдѣ, въ Дрюри-Ленѣ, и потомъ обѣдали сообразно съ степенью нашей удачи. Какъ справедливо замѣтилъ Моульди въ самомъ началѣ, «иногда дѣло доходило даже до жареной свинины, а иногда съ утра до ночи не было и корки хлѣба». Однако, какъ я уже упомянулъ выше, если въ субботу подводить общій итогъ за всю недѣлю, то оказалось бы, что эта недѣля врадѣ-ли даже на одинъ пенинъ отличается отъ предъидущей—то же количество жареной свинины, или равносильной ей роскоши, тотъ же недостатокъ хлѣба, то же количество наложъ по рукамъ со стороны базарнаго сторожа, то же среднее число ночей, съ соломою и безъ соломы въ нашемъ фургоны.

Въ житейскомъ отношеніи пятидесятилетняя опытность въ качествѣ долщика Моульди и Коми. значительно подвинула меня впередъ съ моею исходной точкой.

Читатель по всей вѣроятности помнить, что въ началѣ моей бродяжнической жизни, я не обладалъ значительнымъ запасомъ одежды; у меня было всего одни панталоны, одна рубашка и оборванная старая куртка. Теперь у меня также была рубашка и панталоны; а такъ-какъ куртка совсѣмъ развалилась, то ее замѣнилъ сюртукъ — не совсѣмъ сюртукъ, но значительная часть сюртука и вообще не хуже куртки. Такъ же какъ и въ началѣ, я опять былъ безъ сапогъ; шестипенсовыя ботинки совсѣмъ износились, а барыши наши были недостаточны для того, чтобы мы могли позволить себѣ возобновленіе такой роскоши; послѣднее обстоятельство въ высшей степени знаменательно: оно показываетъ, какъ рѣдко выпадали на нашу долю одиннадцатипенсовые дни.

Я присоединился къ Моульди и Рипстону въ половинѣ мая; а теперь мы, съ позволенія читателя, оставляю нетронутыми вышеупомянутыя пятьдесятъ страницъ, переирыжемъ въ октябрь того же года.

За исключеніемъ работъ, мало было въ моей жизни случаевъ, о которыхъ стоило бы говорить.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ я побывалъ разъ семь или восемь въ Шордичѣ на представленіи, и оно доставило мнѣ большое удовольствіе.

Разъ меня посадили на всю ночь въ Бау-Стритѣ на съ-

ѣзжу по подозрѣнію въ томъ, что я укралъ маленькую собачку. То была маленькая собачка аспиднаго цвѣта съ длинными клоками шерсти, нависшими надъ глазами. Я никогда не думалъ красть ее. Она пристала ко мнѣ разъ, въ субботу и прошла отъ Ковент-Гардена до самыхъ арокъ; намъ было жалъ ее прогнать, и мы пріютили ее въ нашемъ фургонѣ на ночь и на весь слѣдующій день—день былъ воскресный и это время всегда было для насъ затруднительно — мы даже и покормили эту собачку. Полиція нашла ее въ нашемъ фургонѣ, обходя договоромъ въ воскресенье ночью; разузнали, кто привелъ сюда собаку, и увели меня на допросъ; мнѣ бы непременно пришлось посидѣть въ тюрьмѣ, еслибы Рипстонъ, сдѣлавшійся моимъ загадочнымъ другомъ, не принялся горячо за устройство этого дѣла; онъ разспросилъ, чья это собачка, смѣло пошелъ въ домъ къ хозяевамъ—домъ былъ большой, на одномъ изъ скверовъ въ западной части города—сказалъ, что явился по дѣлу о маленькой собачкѣ, добился что его впустили и объяснилъ хозяйкѣ все сначала до конца; тогда меня не только что оправдали съ почетомъ, но еще, кромѣ того, я получилъ отъ этой леди награду въ пять шиллинговъ. Двѣ поль-кромы! Во все время существованія нашей компаніи, мы никогда за разъ не получали столько денегъ. Рѣшено было въ волю насладиться этими сокровищами. Мы пообедали въ кухмистерской; нашъ обѣдъ состоялъ изъ телятины, сала и зеленого горошку; на каждого изъ насъ досталось по поль-пнтѣ пива; тутъ мы поступили неосторожно, въ особенности потому, что мы были непривычны къ этому напитоку; онъ довелъ насъ до такой изступленной веселости, что мы во что бы то ни стало рѣшили ѣхать въ Шордичъ на имперіалѣ омнибуса, платя по два пенса за мѣсто; при этомъ Рипстонъ и Моульди курили полутора-пенсовыя сигары, и Моульди почувствовалъ себя такъ дурно, что насъ всѣхъ выгнали вонъ изъ представленія въ половинѣ пьесы, и пришлось намъ идти домой по дождю, безъ одного пенни въ карманѣ.

Однажды утромъ—это было надѣлъ пять послѣ того, какъ я убѣжалъ изъ дому — я встрѣтилъ на базарѣ одного человѣка, жившаго гдѣ-то недалеко отъ проулка Фрайингленъ и знавшаго моего отца. Я видалъ ихъ вмѣстѣ десятки разъ. Чуть только этотъ человѣкъ завидѣлъ меня, онъ кинулся ко мнѣ, и я, только кружась около воза съ капустою, успѣлъ отъ него увернуться. Зная, что мой отецъ иногда работалъ на базарѣ, я всегда зорко посматривалъ кругомъ, и мнѣ помогали въ этомъ мои товарищи, которые, по моему описанію, хорошо знали наружность моего отца.

Утромъ послѣ того дня, когда я встрѣтилъ этого человѣка, мы внимательнѣе обыкновеннаго смотрѣли въ оба, и потомъ оказалось, что предосторожности наши были не напрасны. Часовъ около семи, Моульди, бдительно высматривавшій врага, не отрываясь отъ какой-то работы надъ цвѣтною капустою, вдругъ подавъ условленный свистокъ и обратилъ мое вниманіе на двоихъ мужчинъ, шедшихъ изъ фруктоваго ряда.

Въ одну секунду я ихъ узналъ—того мужчину, который вчера чуть не поймалъ меня, и моего отца.

Отецъ былъ очень блѣденъ, что съ нимъ бывало всегда во время сильныхъ волненій; но въ мышковъ онъ держалъ старый ослиный кнутъ, а такъ-какъ у него не было собственнаго осла, то я имѣлъ полное основаніе предполагать, что кнутъ взять у кого-нибудь изъ пріятелей именно для настоящаго случая.

Онъ смотрѣлъ кругомъ тревожно-внимательнымъ взглядомъ, и въ несчастію онъ подошелъ такъ, что еслибы я бросился бѣжать, то мнѣ надо было бы спастись отъ него черезъ открытый овощной рынокъ, а тутъ онъ непремѣнно увидѣлъ бы меня. Повидимому мнѣ не было возможности увернуться; и когда, спрятавшись за Рипстона, я еще разъ взглянулъ на его блѣдное лицо, мои колѣна затряслись и губы задрожали.

— Онъ меня найдетъ, Рипъ! Онъ навѣрное меня поймастъ! О, спасите меня, Рипъ! Вы только взгляните на него и на этотъ кнутъ.

Не отвѣчая мнѣ, Рипстонъ сталъ пятиться, толкнувъ меня при этомъ локтемъ, чтобы я, оставаясь за его спиною, отступалъ точно такъ же. Такимъ образомъ, мы подошли къ большой кучѣ пустыхъ крыжовниковыхъ корзинъ; подойдя къ задней части этой кучи, Рипстонъ снялъ съ полдюжины корзинъ, далъ мнѣ знакъ пританцаться въ образовавшейся такимъ образомъ норѣ, и когда я забрался туда, онъ прикрылъ меня корзинами и самъ сѣлъ на край опрокинутаго лукошка. Только что все это было окончено, я, свернувшись въ своемъ убѣжищѣ, услышалъ голосъ моего отца.

— Долго ему не вздумается бѣжать, коли я его поймаю. Пойдите минутку; разспросимъ-ка этого мальчишку, не видалъ ли онъ его. Онъ какъ будто съ нимъ одного поля ягода.

Съ этими словами, онъ пошелъ прямо на Рипстона, который хладнокровно чистилъ и жевалъ морковь.

— Слушайте, Джекъ, сказалъ мой отецъ, обращаясь къ Рипстону: — не видали вы тутъ на базарѣ нынче утромъ мальчишка въ старой курткѣ и въ панталонахъ? Ростомъ онъ будетъ вотъ такой.

Чтобы обозначить мой ростъ, онъ прикоснулся рукою къ кучѣ кореннѣ, на разстояніи одного фута отъ моего лица. Я все ясно видѣлъ сквозь щели.

— Лицо у него такое смиренное; безъ шапки; волосы не стрижены, продолжалъ мой отецъ.

— А его какъ зовутъ? спросилъ Рипстонъ отрывисто, продолжая заниматься своею морковью.

— Джимъ.

— Ну, Джима я знаю, отвѣтилъ Рипстонъ, какъ будто пораздумавъ съ минуту. — Онъ не совсѣмъ похожъ на того парня, что вы спрашиваете, только онъ, можетъ, перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ вы его въ послѣдній разъ видѣли. Вы какъ давно его не видали, мистеръ?

— Слишкомъ мѣсяць, отвѣтилъ мой отецъ.

— Такъ это, должно быть, тотъ самый Джимъ и есть. Вѣдь знаете, парни скоро мѣняются. Мой Джимъ такой привесистый, шея у него толстая, лицо рябое, на кулачкахъ дерется ловко, девять стонъ слишкомъ вышибаетъ кулакомъ.

— Подите вы! я васъ объ маленькомъ мальчикѣ спрашиваю, нетерпѣливо перебилъ мой отецъ, хотя серьезность Рипстона совершенно его обманула. — То совсѣмъ маленький мальчишка.

— Сколько лѣтъ будетъ? спросилъ Рипстонъ.

— Восьмой годъ, сказалъ пріятель моего отца.

— Восьмой, медленно повторилъ Рипстонъ, почесывая себя за ухомъ остаткомъ моркови. — А его точно Джимъ зовутъ?

— Еще бы не точно! Джимъ Балливетъ, вотъ какъ его зовутъ, черти его деря! отвѣтилъ мой отецъ.

— О! Джимъ Балливетъ! заговорилъ Рипстонъ, какъ будто его ошарилъ внезапный свѣтъ. — Теперь я знаю! Помню, помню, онъ точно говорилъ, что его такъ зовутъ. Мы его зовемъ Роузеръ. Вотъ тутъ и была вся ошибка, понимаете, мистеръ?

— Да, да, да только гдѣ онъ? Ободрайте бы его! Я бы пенни далъ, кабы онъ мнѣ теперь попался! Вы, кажется, знаете и какъ его зовутъ, и все, что съ нимъ творится. Гдѣ бы мнѣ его найдти?

— Вѣдь онъ жилъ, кажется, гдѣ-то около Кау-Кросса?

— Ну, онъ и есть! Гдѣ жъ онъ?

— Отецъ разнощикъ? Что-то въ этомъ родѣ?

— О, Господи! ну, да! Такъ онъ гдѣ же?

— Злбующій такой, правда? Часто поролъ этого самого Джима ремешкомъ поясомъ?

— О! Онъ это говорилъ? Говорилъ онъ? А, распроклятый мальчишка! Это у него, у мерзавца, такая благодарность!

— И у него еще мачиха прескверная старая кошка, ябедничаетъ и лжетъ на него, и пьетъ джинъ какъ рыба воду, и еще... Ну, вы на меня не кидайтесь, мистеръ! Я жь вамъ только рассказываю, что онъ намъ говорилъ.

— Гдѣ онъ? зареѣлъ мой отецъ, трясъ Рипстона за шиворотъ такъ сильно, и такъ близко къ корзинамъ, что онѣ ежеминутно могли рассыпаться.

— Пустите, такъ скажу; а то нѣтъ.

И по тону Рипстона я подумалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ собирается меня предать.

— Ну, говорите! сказалъ мой отецъ.

— Ну, коли надо вамъ сказать, онъ пошелъ въ нагрузчики.

— Куда? Когда? спросилъ мой отецъ.

— Куда, не знаю, да мнѣ и дѣла нѣтъ до этого, угрюмо отвѣтилъ Рипстонъ. — Знаю я только вотъ что: вчера, ночь вечеръ, встрѣчается онъ съ однимъ моимъ знакомымъ парнемъ, парень и говорить ему: «Вы чего, Роузеръ? Вы тутъ зачѣмъ на Вестминстерскомъ мосту? Развѣ ужъ на базарѣ нечего дѣлать?» А Роузеръ я говорить: «Нѣтъ, ужъ мнѣ на базарахъ больше не бывать, говорить. Меня мой старикъ выслѣдилъ, такъ я отсюда тягу дамъ». — «Это куда же?» спрашиваетъ парень. «А вотъ, говорить Роузеръ, знаю я одного барочника, живетъ онъ по Уэнсвортской дорогѣ, такъ я къ нему въ нагрузчики иду». Ну, теперъ я вамъ все какъ есть рассказалъ, все, что самъ знаю.

— Проклятый мальчишка! крикнулъ мой отецъ, совершенно обманутии рассказомъ Рипстона. — А не говорилъ онъ, когда воротиться думаетъ?

— Ничего я навѣрное не знаю, отвѣчалъ Рипстонъ: — а только не диво это будетъ, коли онъ и совсѣмъ не воротится.

— Отчего не диво?

— Да онъ все говорилъ, что въ море уплыть хочетъ, отвѣтилъ Рипстонъ: — попадетъ онъ теперъ на рѣку, увидитъ корабли и все такое, ну — и прощай.

— Ну, такъ оно и есть! Такъ и есть! замѣтилъ мой отецъ съ величайшимъ раздраженіемъ и сунулъ себѣ подъ мышку свою внучь. — Идемъ, Джекъ; нечего намъ больше за нимъ гоняться. Дѣло въ томъ, Джекъ, онъ должно быть испугался, какъ васъ вчера увидѣлъ.

— Надо полагать, отвѣтилъ Джекъ.

— Идемъ. Пускай себѣ возится съ грузомъ. Пускай его буря затреплетъ, бродягу негоднаго! Очень мнѣ нужно ходить размысливать такого висѣльщика.

И къ величайшему моему удовольствію отецъ мой съ этими

словами повернулся и пошел прочь вѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, а сильный лгушъ Ривстонъ, катаясь со смѣху, помогъ мнѣ выбраться изъ моего убежища.

Послѣ этого во все время, какъ мнѣ еще случалось бывать въ Ковент-Гарденскомъ базарѣ, я никогда не видалъ ни моего отца, ни его пріятеля.

Въ послѣднее октябрьское воскресенье того года, когда я встрѣтился съ Моудли и Ривстономъ, я занемогъ. Хоть я и держался на ногахъ и не жаловался, однако мнѣ уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль было очень нехорошо; и это вовсе не кажется мнѣ удивительнымъ, когда я теперь припоминаю мой тогдашній образъ жизни. Лѣто вышло особенно дождливое и платье у меня по нѣсколькимъ дней подраля оставалось мокрымъ, или по крайней-мѣрѣ влажнымъ, и я не имѣлъ возможности ни просушить его, ни даже снять его на ночь. Боль въ горлѣ и между плечами мучила меня всего сильнѣе. Разъ въ теченіе невыносимыхъ двухъ недѣль у меня болѣли зубы. Это было ужасно. Чтобы съѣсть кусокъ хлѣба, я долженъ былъ предварительно размочить его въ водѣ, и какъ ни были дурны наши обстоятельства, я не былъ въ состояніи пользоваться тѣмъ, что можно назвать естественными выгодами, принадлежащими юному базарному хищнику. Когда слишкомъ сильно донимаетъ голодь, то сырая рѣпа или даже сочная кочерыжка заслуживаютъ полнаго вниманія; но во время этихъ двухъ недѣль мученія, мой наболѣвшій ротъ отказывался принимать всякую такую холодную и жесткую пищу; поэтому мнѣ оставалось только терпѣть до тѣхъ поръ, пока счастливый вѣтерокъ не направилъ нашихъ парусовъ къ булочной или кухмистерской. Я обыкновенно просиживалъ цѣлую ночь напролетъ въ уголѣ фургона, покачиваясь изъ стороны въ сторону, къ величайшему неудовольствію моихъ товарищей; они, какъ мы сейчасъ увидимъ, вовсе не были безжалостны въ отношеніи къ людямъ совершенно больнымъ, но они рѣшительно не могли понять, чтобы изъ-за какого-нибудь ничтожнаго зуба стоило поднимать такую возню. Наконецъ одинъ старикъ, игравшій на скрипкѣ по улицамъ и ночевавшій обыкновенно подъ «Арками», обвязавъ зубъ струною, сильно его рванулъ и такимъ образомъ великодушно выдернулъ моего мучителя.

Но въ тотъ воскресный вечеръ, о которомъ я теперь говорю, меня свалила съ ногъ не боль въ горлѣ, не ломота въ плечахъ и не мука отъ зубовъ. Лѣто было на исходѣ и по той или другой причинѣ, дѣла въ Ковент-Гарденѣ шли у насъ все хуже и хуже. Я говорю по той, или другой причинѣ, но мнѣ эти при-

чны хорошо извѣстны. Говоры языкомъ оборванной, рынокъ сдѣлался для насъ слишкомъ «горячъ». Я приобрѣлъ себѣ тамъ извѣстность, да и всѣ мы приобрѣли ее также, и эта извѣстность не приносила намъ ни чести, ни выгоды.

Счастье наше, кажется, вымерло; мы не могли ни добыть себѣ какую нибудь работу, ни поживиться безъ работы хоть на какой нибудь пенни. Дня не проходило безъ того, чтобы тотъ или другой изъ насъ не испыталъ на себѣ тяжести сторожевой палки, или жестокихъ сапоговъ какого-нибудь торговца. Последнее наказаніе было еще не такъ дурно, когда оно постигало насъ подъ аркадою, потому что лавочники носили легкіе сапоги, а иногда даже просто туфли; но въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ стояли возы и телеги и гдѣ владѣльцы лежавшаго на нихъ товара ходили въ тяжелыхъ кованыхъ сапогахъ, такое наказаніе было убійственно. Одинъ разъ нашъ Моульди получалъ такой ударъ, что онъ дня три послѣ этого едва волочилъ ноги.

Всѣ были на насъ до смерти злы — лавочники, сторожа, размошники, всѣ до одного. Они не дожидались, пока захватывали насъ на какомъ нибудь дурномъ дѣлѣ; чуть только мы попадались имъ на глаза, они сейчасъ бѣдались на насъ съ затрещинами и съ тумаками; наконецъ, мы до того опалѣли отъ голоду, что готовы были рѣшиться почти на все. Около этого времени Рипстонъ нашелъ возможность забраться въ погребъ, гдѣ хранилась на зиму морковь. Это въ самомъ дѣлѣ было для насъ большое счастье, но крайней-мѣрѣ мы въ то время такъ думали; но, увы! черезъ нѣсколько дней мы открыли, что морковь, хотя очень вкусна и освѣжительна, однако, совсѣмъ не годится для того, чтобы составлять исключительную пищу человѣка. Я полагаю, что эта морковная діета, продолжавшаяся цѣлую недѣлю, была въ значительной степени причиною моей болѣзни.

Я былъ очень мраченъ въ теченіе всего вечера, но на это не стоило обращать вниманія. Темныя «Арки» всегда очень мрачны по воскресеньямъ; въ будни вамъ позволяется разгуливать въ вашихъ лохмотьяхъ и промышлять себѣ насущный хлѣбъ, какъ умѣете; но по воскресеньямъ полиція и уличные сторожа по близости Адельфъ не терпятъ ничего подобнаго. «Идите прѣчь», «убирайтесь, молодые висѣльщики». Давать это приказаніе очень удобно, но не всякій можетъ убираться, то-есть, въ самомъ дѣлѣ, убираться, потому что иные люди совсѣмъ выгдѣ не живутъ. У нихъ есть только ночлеги, и когда они выходятъ оттуда утромъ, дверь запирается за ними и не открывается вплоть до самой ночи.

Поэтому, и по другимъ причинамъ, на которыхъ не стоятъ

здѣсь останавливаться, въ «Аркахъ» по воскресеньямъ всегда было очень многочисленное общество. Это общество не было особенно пріятно, или точнѣе, оно было двухъ сортовъ, и если бы не принадлежали къ тому или другому разряду, то вы, такъ-взявъ, были на столько же одиоки, какъ еслибы всѣ «Арки» находились въ нашемъ исключительномъ распоряженіи.

Къ одному разряду принадлежали жалкіе бѣдняки, приходившіе въ «Арки» только затѣмъ, чтобы какъ-нибудь укрыться и гдѣ-нибудь провести день; они шатались безъ особенной цѣли, курили кусочки сигаръ, подобранные утромъ — такъ дѣлали мужчины, а женщины того же сорта собирались по двѣ, или по три, и дремали, или шептались между собой.

Мужчины и женщины другой категоріи были, конечно, живѣе, но не были пріятнѣе; то были негодяи и мошенники самаго худшаго разбора; они бранились, играли въ азартныя игры, и тѣшились разныи злобынными проказами надъ тихими и безобидными бѣдняками. Я съ удовольствіемъ упоминаю о томъ, что ни я, ни Моульди, ни Рипстонъ не вступали ни въ какія сношенія съ этимъ воровскимъ слоемъ общества.

Въ воскресенье вечеромъ, если погода была хороша и приливъ не былъ слишкомъ силенъ, мы втроемъ, обыкновенно, прогуливались по берегу (тутъ полицмейеры намъ не препятствовали); затѣмъ, довольно рано мы отправлялись въ нашъ фургоны (онъ принадлежалъ одному зеленщику, жившему въ Бедфордбѣри, и человекъ, ѣздившій съ нимъ на рынокъ, позволялъ намъ пользоваться имъ для ночлега), и тамъ рассказывали другъ другу разныя исторіи, покада не засыпали.

Такимъ образомъ мы провели и тотъ воскресный вечеръ, когда я занемогъ. Моульди и Рипстонъ, по обыкновенію, гуляли въ послѣобѣденное время; но я совсѣмъ не былъ расположенъ ходить и остался въ фургоны, покада они вернулись назадъ. Въ прошлую ночь намъ удалось добыть нѣсколько венсовъ, и на обѣдъ у насъ было полковриги хлѣба и на пенни патони; собственно говоря, только Рипстонъ и Моульди пообѣдали такимъ образомъ; у меня желудокъ не принималъ ни хлѣба, ни патони, и я ничего не ѣлъ съ субботы, съ самаго обѣда. Я весь горѣлъ и дрожалъ; языкъ у меня пересохъ и въ глазахъ я чувствовалъ жгучую боль. У меня бывали и прежде головныя боли, но не до такой степени; теперь голова болѣла у меня такъ, какъ будто бы въ нее стучали молотками; или вѣрнѣе—я очень хорошо помню это ощущеніе — не молотками, а деревянными колотушками, обитыми кожей для ослабленія звука. На мое счастье, наканунѣ въ фургоны было оставлено немного соломы, и мои товарищи, съ

такую внимательностию, какой трудно было от нихъ ожидать, предоставили всю эту солому въ мое распоряженіе. Но я не могъ найдти себѣ на ней успокоенія. Сколько я ни перетрясалъ и ни взбивалъ ее, ничто не помогало; моя голова была такъ тяжела, что чуть только я опускалъ ее на устроенную кучку соломы — вся увругость соломы немедленно исчезала.

Къ вечеру мнѣ сдѣлалось хуже. Мнѣ приходилось быть подушкой; но Рипстонъ добродушно предложилъ мнѣ занять мое мѣсто, а Моульди съ такою же сострадательною предупредительностию настоялъ на томъ, чтобы я занялъ туловище Рипстона, хотя право выбора принадлежало ему, Моульди, такъ-какъ онъ былъ подушкою въ прошлую ночь. Они даже легли спать часомъ раньше обыкновеннаго, для того, чтобы я могъ устроиться и улечься поудобнѣе.

Но Рипстонъ не могъ долго выдержать. Онъ объявилъ, что голова моя жжетъ его сквозь куртку и жилетъ, и нестерпимо палить ему ребра; кромѣ того, я такъ сильно дрожалъ, что приводилъ его ноги въ движеніе, и такимъ образомъ беспокоилъ Моульди. А Моульди, хотя и былъ днемъ, когда не спалъ, мальчвомъ очень кроткаго характера, за то съ просонья былъ такъ свирѣпъ, какъ только можно себѣ представить. Онъ неожиданно и сильно ударилъ Рипстона по колѣнкѣ.

— Это за что же? спросилъ Рипстонъ съ весьма естественнымъ негодованіемъ.

— Я вамъ покажу за что, коли вы не будете лежать смирно! Дрыгаетъ ногой, точно *Horn pipe* * выплясываетъ! отвѣтилъ Моульди съ дикою яростию.

— Вотъ какъ разъ попали! сказалъ Рипстонъ: — это совсѣмъ не я дрыгаю; это Смифильдъ.

— Что съ вами, Смифильдъ? спросилъ Моульди. — Холодно вамъ, что ли?

— Какое холодно! сказалъ Рипстонъ. — Ему не то, что тепло, а отъ него такъ и пышетъ, какъ отъ печки.

— Такъ чего жъ онъ трясется? гнѣвно спросилъ Моульди.

— Я почему знаю? Вы въ другой разъ не давайте воли рукамъ; спросите у него сами, коли хотите знать.

— Вы чего трясетесь такъ, Смифъ?

— Да мнѣ такъ холодно, отвѣтилъ я: — я совсѣмъ какъ ледъ холодный, Моульди.

— Хорошъ ледъ! Вы пощупайте его, Моульди, замѣтилъ Рипстонъ.

* *Horn pipe* — матросская пляска.

Моульди приложилъ руку къ моей шее.

— Вотъ вамъ, въ другой разъ не лгите! сказалъ онъ свѣрѣно, и въ то же время далъ мнѣ жестокою пощечину на отмазъ: — а теперь вы поплачьте, такъ я вамъ другую закачу!

Хотя я сильно старался превозмочь себя, но я въ теченіе всего вечера едва удерживался отъ слезъ; это суровое наказаніе Моульди прорвало плотину. Я думаю даже, что мнѣ необходимо было выплываться. Я увѣренъ, что данная мѣ пощочина во всякое время вызвала бы слезы изъ моихъ глазъ, но я плакалъ бы до тѣхъ поръ, пока продолжалась бы боль; теперь же хоти я едва почувствовалъ тяжесть удара, меня почти задушили рыданья, и слезы полились такъ быстро, что я не успѣвалъ ихъ отирать. Я не могъ остановиться. У меня, повидимому, не было силъ даже сдѣлать попытку. Я какъ будто переполюсился горемъ и этому горю необходимо было вылиться. Въ моемъ горѣ не было ничего крикливаго; принавъ лицомъ ко дну фургона, я плакалъ такъ тихо, что мои товарищи могли замѣтить мои слезы только по моимъ судорожнымъ рыданьямъ.

Я полагаю, что это былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ припадковъ плача, случавшихся когда-либо со мною, или съ другимъ какимъ мальчикомъ. Съ того дня, какъ я увидѣлъ моего отца и его сосѣда, отыскивавшихъ меня по Ковент-Гарденскому базару, я рѣшилъ больше не думать о родительскомъ долѣ, жить по своему со дня на день, и мириться со всѣми окружающими обстоятельствами. Въ ночь послѣ того дня, когда я видѣлъ отца сквозь щели крѣжовниковыхъ корзины съ кнутами въ рукѣ, и когда я слышалъ все, что онъ говорилъ обо мнѣ — я, лежа въ фургонѣ, в припоминая всѣ обстоятельства дѣла, все обсудилъ и рѣшилъ, какъ мнѣ тогда казалось, разъ навсегда.

«Вы сообразите, думалъ я про себя, вы видѣли вашего отца и слышали его, и теперь сами знаете точно, чего вамъ ждать, коли вы придете домой. Неужто жъ вы пойдете? Конечно, нѣтъ. Ну, ладно; это дѣло рѣшенное. Коли не идти домой, такъ надо дѣлать какъ другіе; нечего трусить, нечего убиваться изъ-за такихъ людей, для которыхъ вы просто выгнѣденнаго янца не стоите; имъ хочется васъ поймать и отватать васъ такъ, чтобы у васъ едва душа въ тѣлѣ оставалась. Значить, нечего больше хныкать и шептать: покойной ночи, отецъ, и маленькая Поппи! и нечего воровскимъ манеромъ читать про себя вечернія молитвы, прикидываясь, будто вы все время слушаете занимательныя исторіи, что рассказываетъ Моульди».

Съ этой ночи сердце у меня стало замерзать, и замерзало до настоящей минуты; такъ что во все это время, всякая умѣренны

тяжесть негодяйства могла проскользнуть легко и гладко по моему замороженному сердцу, нисколько не рискуя продавить его ледяную кору. Мое сердце замерзло на столько, что могло переносить почти все, но теперь наступила оттепель. Пошелъ дождь, и морозъ прекратился совершенно. Оттепель началась у самаго сердца, размягчила это очерствѣвшее, замороженное маленькое сердце, дала ему волю, и оно расширилось и отяжелѣло такъ, что у меня не стало силъ выдерживать долѣе.

У Моульди также не достало силъ. Вѣрный своему обѣщанію закатыть мнѣ новую пощочину, если я начну хныкать, онъ размахнулся еще разъ, и ударилъ меня сильнѣе прежняго.

Рипстонъ немедленно разразился съ такою неустрашимостью, которая дѣлала ему честь.

— Каторжная скотина! закричалъ онъ, подразумевая тутъ Моульди, который, какъ я уже замѣтилъ выше, былъ больше и сильнѣе каждаго изъ насъ: — каторжная скотина! бьетъ бѣднаго мальчика, который меньше его, да еще и больной! Не лежите такъ, Смифильдъ, дружище! вставайте, помогите мнѣ! Мы ему зададимъ!

И не выжидая моей помощи, Рипстонъ отвернулъ рукава, и началъ тусить Моульди съ такою рѣшимостью, которая, повидимому, изумила его противника.

Но я не расположенъ былъ драться, и старался ихъ помирить, увѣряя ихъ, что я плачу не отъ пощочки, что мнѣ совсѣмъ не больно: я плавалъ отъ того, что былъ очень нездоровъ.

Я былъ радъ, что устроилъ дѣло такимъ образомъ, потому что какъ только бѣдный Моульди достаточно очнулся отъ сна и сдѣлался способнымъ понимать настоящее положеніе вещей, онъ обнаружилъ самое искреннее и сильное раскаяніе. Онъ сознался, что поступилъ какъ низкій негодяй, и предложилъ мнѣ въ видѣ удовлетворенія ударить его по носу изо всей силы, причемъ онъ обязывался держать руки назадъ; Рипстонъ убѣждалъ меня принять это предложеніе. Когда же я не принялъ, то Моульди, чтобы чѣмъ-нибудь поправить дѣло, заставилъ меня взять его шапку себѣ подъ голову и накрыться его курткой. У Рипстона сердце было на столько же доброе; но накануне, убѣгая отъ рыночнаго сторожа, онъ потерялъ свою шапку, а синяя фуфайка, замѣнявшая ему рубашку и куртку, составляла вмѣстѣ съ панталонами весь его гардеробъ, и я, конечно, не могъ ожидать, чтобы онъ изъ любви ко мнѣ раздѣлся до нага.

Но хотя мальчики употребили всѣ усилія, чтобы доставить мнѣ возможные удобства, хотя они отдали мнѣ всю солому и укрыли меня своими одеждами, я нисколько не чувствовалъ себя

лучше. Я попережнему весь горѣлъ и чувствовалъ смертельный холодъ, и вѣки мои жгучею тяжестью давили мнѣ глаза, а языкъ трескался отъ жару, и дыханіе было прерывисто и тяжело. Я, впрочемъ, чувствовалъ себя лучше послѣ моего истерического припадка; мнѣ было легче, и я былъ болѣе расколотень, если можно такъ выразиться, подружиться съ моею болѣзью — лежать смиренно и принимать спокойно все, что будетъ со мною дѣлаться.

ГЛАВА XVIII,

въ которой я прощаюсь съ моими компаньонами и съ темными арками, и отправляюсь въ рабочий домъ лечиться отъ горячки.

Легко было замѣтить, что Моульди и Ринстонъ съ каждою минутою тревожились все сильнѣе и сильнѣе моимъ положеніемъ. Покрывъ меня курткой и устроивъ меня какъ можно удобнѣе, они сами не легли; отправившись въ самый дальній уголъ фургона, они тамъ присѣли и стали перешептываться.

— Просто, можетъ быть, простуда, шенталь Ринстонъ: — коли нападетъ на васъ такая простуда, ужасно отъ нея плохо приходится; правда, Моульди?

— Гм! отвѣчалъ на это Моульди.

— Вѣдь это простуда; вы какъ думаете, Моульди?

— Что нибудь въ этомъ родѣ, я полагаю, отвѣтилъ Моульди неопредѣленно, и такимъ тихимъ шепотомъ, что мнѣ едва удалось его разслушать.

— Коли къ утру ему не лучше будетъ, надо за лекарствомъ за какии нибудь сходить, Моульди.

— Да.

— Горчишники бы на грудь поставить; такъ, что ли, Моульди?

— Пожалуй, что и такъ.

— Я помню, мнѣ приставляли, когда я маленькій былъ. А я думаю, сколько на это горчицы потребуется, Моульди? На пенни, я полагаю, довольно будетъ; вѣдь грудь-то у него не очень велика.

Моульди обращалъ очень мало вниманія на слова своего товарища. На послѣднее замѣчаніе Ринстона, онъ совсѣмъ ничего не отвѣтилъ.

Помолчавъ минуты двѣ, Ринстонъ опять заговорилъ:

— Онъ, кажется, все тяжело дышетъ. Вы не замѣчаете, Моульди?

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРИТИКА.

ЖИВАЯ СТРУЯ.

(Вопросъ о народности въ литературѣ).

I.

Когда старая система идей смѣняется новою, то послѣдняя не сразу обыкновенно подводитъ подъ свои начала всѣ явленія жизни, современныя ей. Люди новыхъ идей накидываются прежде всего, конечно, на такіе вопросы жизни, которые стоятъ на первомъ планѣ и въ данную минуту болѣе всего привлекаютъ вниманіе современниковъ. Подводя подъ новыя идеи эти главные вопросы жизни, люди оставляютъ на первыхъ порахъ безъ вниманія второстепенные вопросы и относительно ихъ продолжаютъ придерживаться по привычѣ старыхъ взглядовъ, основанныхъ на прежнихъ системахъ міросозерцанія и совершенно противорѣчащихъ новымъ идеямъ. Каждому мало-мальски развитому, мыслящему человѣку, который пережилъ не одну умственную ломку въ своей головѣ, по всей вѣроятности приходилось неожиданно находить такого рода пробѣлы въ своемъ мышленіи, наткнуться на такія противорѣчія, побѣдять которыя можно было не иначе, какъ перерѣшивши представляющійся вопросъ на основаніи тѣхъ новыхъ идей, на основаніи которыхъ другіе вопросы давно уже были рѣшены. Такіе случаи встрѣчаются не только въ мозгу отдѣльнаго человѣка, ихъ можно найти бездну въ исторіи развитія мысли каждой эпохи и всего человѣчества. Подобный случай произошелъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе съ вопросомъ о народности въ литературѣ.

Вопросъ этотъ естественно возникъ вслѣдствіи того, что наше образованное общество отдѣлилось отъ народной массы и создало свои особенныя нравы и обычаи, свой особенный языкъ подвліяніемъ западной цивилизаціи. Но слѣдуетъ замѣтить, что до Гоголя и Бѣльскаго вопросъ о народности въ литературѣ не игралъ большой роли и не шелъ далѣе очистки языка отъ иностранныхъ вліяній, выбора сюжетами произведеній крупныхъ явле-

від русской жизни и русской исторіи, да рѣдкихъ рабскихъ подражаній народнымъ пѣснямъ и сказкамъ.

Въ 40-е годы вопросъ о народности въ первый разъ былъ поставленъ на философскую почву. Въ это время въ оппозицію западникамъ возникла партія славянофиловъ, которая на своемъ знамени крупными литерами написала: народность. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что обѣ партіи, на основаніи одной и той же философской системы Гегеля, рѣшили вопросъ о народности диаметрально противоположно: славянофилы оперлись въ своемъ ученіи на то положеніе гегелевской философіи, что каждая историческая народность есть носительница своей идеи, которую она владычествуетъ въ сокровищницу развитія человѣчества; изъ этого они прямо вывели, что увлеченіе идеями и формами чуждыхъ народностей не только безполезное, но и положительно вредное дѣло, что оно отвлекаетъ народъ отъ развитія тѣхъ началъ и той идеи, которыя онъ обязанъ внести въ исторію человѣчества; поэтому, рѣшили славянофилы, мы должны всячески удалиться отъ усвоенія идей и началъ западной образованности, и въ то же время провиваться нашими собственными народными началами, которыя мы готовимся внести въ исторію. Западники въ рѣшеніи вопроса о народности оперлись на то положеніе гегелиана, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго, форма, въ которую владычествуетъ общая идея человѣчества. Форма эта вырабатывается исторією, природою, она дается намъ помимо нашего сознанія и какихъ-либо стремленій, такъ же какъ и личная ваша физіономія; поэтому мы не только не имѣемъ надобности стремиться къ народности, напротивъ того, намъ трудно отрѣшиться отъ нея, еслибы мы и хотѣли; примѣромъ этого можетъ служить французская литература XVIII вѣка, которая при всей своей подражательности образцамъ классической литературы, все-таки оставалась народною въ томъ смыслѣ, что выводимые ею на сцену герои болѣе были похожи на французовъ версальской атмосферы, чѣмъ на героевъ древности. Стремиться къ народности, говорили западники, это значить стремиться къ формѣ, не заботясь о содержаніи ея; напротивъ того, главнѣе наше стремленіе должно заключаться въ томъ, чтобы вливать въ эту форму общечеловѣческое содержаніе; въ концѣ же концовъ отрѣшаясь все болѣе и болѣе отъ временныхъ и узкихъ формъ народностей, человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы слиться въ одну общечеловѣческую форму, которая бы носила въ себѣ общечеловѣческое содержаніе.

Въ силу этихъ идей, при оцѣнѣ тѣхъ или другихъ литературныхъ произведеній, славянофилы имѣли главною задачею рѣшать, на сколько произведеніе провивнуто началами, сродными русскому духу; западники же рѣшили разъ навсегда, что каждое произведеніе, написанное русскимъ, такъ или иначе, непременно народно, непременно выражаетъ ту или другую сторону характера русской народности; главная же забота при оцѣнѣ того

или другаго произведенія заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какія общечеловѣческія начала заключаетъ въ себѣ оно.

Философія Гегеля потеряла свое господство надъ русскими умами въ концѣ 50-хъ годовъ. Она смѣнилась новыми началами, господствующими въ настоящее время подъ именемъ *реализма*. Подводя разные вопросы жизни подъ свои начала, реализмъ прежде всего позаботился перерѣшить вопросъ о цѣли и значеніи литературы въ жизни общества. Это было дѣломъ первой важности въ нашей жизни, обусловливаясь тѣмъ значеніемъ, которое играетъ въ нашей жизни литература. Но занявшись подведеніемъ подъ новыя условія вопроса о значеніи литературы, мы сдѣлали огромный пробѣлъ, оставивши совершенно въ сторонѣ вопросъ о народности въ литературѣ. Вопросъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, рѣшается самъ собою въ практической сферѣ въ силу насущной потребности рѣшить его такъ или иначе; въ теоретической же сферѣ онъ до сихъ поръ почиваетъ на старыхъ гегелианскихъ началахъ. Уже не говоря о славянофилахъ, которые, вонечно, перестали бы быть и славянофилами, еслибы хоть на одинъ шагъ подвинулись отъ философіи Гегеля, наши самые ревностные послѣдователи реализма не замѣчаютъ, что, реалисты во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, они продолжаютъ оставаться истыми гегелианцами по вопросу о народности. Когда они начнутъ толковать вамъ о томъ, что литература должна быть реальна, что, не ограничиваясь однимъ безцѣльнымъ, отвлеченнымъ созерцаемъ прекраснаго, она должна служить жизни, отвѣчая на всѣ ея животрепещущіе вопросы, попробуйте замѣтить при этомъ, что не мѣшаетъ также, чтобы она была и народною, и я убѣжденъ, что при этомъ вы встрѣтите снисходительную улыбку и замѣчаніе, въ родѣ того, что это вопросъ совершенно излишній, что существуя въ сферѣ той или другой народности, литература не можетъ не быть народною, что подобные вопросы могутъ быть оставлены славянофиламъ и всякаго рода обскурантамъ, а мыслящимъ людямъ слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы литература имѣла достойное ей содержаніе. Однимъ словомъ, вы услышите совершенно тѣ же самыя слова и выраженія, которыя говорили о народности западники 40-хъ годовъ, опираясь въ своихъ доводахъ на гегелевской философіи, доказывавшей, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго.

Между тѣмъ, какъ, если вопросъ о народности въ литературѣ мы попробуемъ пересадить на почву реализма и утилитаризма, если мы рѣшимъ его на основаніи тѣхъ новыхъ идей, которыя получили господство у насъ въ послѣдніе 10 лѣтъ, мы увидимъ, что это не только не излишній вопросъ, напротивъ того, первой важности, вопросъ о судьбѣ всей литературы; имъ обуславливается какъ истинная реальность, такъ и полезность литературы.

Реализмъ, не строя никакихъ отвлеченныхъ системъ, не гадаю о сущности явленій, изучаетъ ихъ, какъ они представляются нашимъ чувствамъ, восходя отъ частнаго въ общему, отъ слу-

чайныхъ и отдѣльныхъ, въ общихъ условіяхъ, называемыхъ мировыми законами. Съ этой точки зрѣнія народность представляется не индивидуализаціею общаго, какъ полагалъ гегелизмъ, а напротивъ того, обобщеніемъ индивидуальнаго. Поселите отдѣльныя, разрозненныя племена подъ общія условія жизни, и они сольются въ одну нераздѣльную народность, какъ слились бритты, англо-саксы и нормане въ англичанъ, а поляне, древляне, сѣверяне и проч. — въ русскихъ, а съ другой стороны — поставьте отдѣльныя части общей народности въ различныя условія жизни, и народность ваша разсѣпется на отдѣльныя народности, и послѣднія будутъ группироваться опять-таки по тѣмъ общимъ условіямъ жизни, подъ которыми будетъ жить каждая. Еслибы для каждаго человѣка условія жизни были совершенно отличныя, не имѣющія ничего общаго съ условіями жизни другихъ людей, въ такомъ случаѣ, на земномъ шарѣ не было бы народностей, а была бы одна безконечная индивидуализація. Но вромѣ тѣхъ особенныхъ условій для каждаго человѣка, которые создаютъ его личную индивидуальность, люди живутъ подъ тѣми или другими общими условіями, результатомъ которыхъ и является та или другая народность. По отношенію къ расѣ народность является, пожалуй, въ свою очередь индивидуальностью, но по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, она есть общность, она есть сумма тѣхъ общихъ признаковъ, которые характеризуютъ массу людей, живущихъ подъ одними и тѣми же условіями. Индивидуальная особенность, народность, раса — это три такихъ условія жизни, безъ которыхъ невозможно изучать человѣка, какъ невозможно изучать растение и животное, не опредѣляя рода и вида, къ которому оно принадлежитъ. Истинно реальная литература, имѣя дѣло съ изученіемъ жизни людей, конечно, только тогда и будетъ истинно реальная, когда она станетъ изучать жизнь не въ ея отвлеченныхъ сущностяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она проясляется. Поэзія, построенная на абстрактныхъ началахъ, совершенно пренебрегала этими условіями; она говорила: мнѣ все равно, русскаго, француза или нѣмца вывожу я на сцену; барина или крестьянина, разница между ними только формальная, сущность же человѣческаая у всѣхъ у нихъ одна и та же; вотъ эту-то сущность я и имѣю въ виду. Реальный же поэтъ говоритъ: сущности человѣческой я не знаю, да мнѣ до нея нѣтъ и дѣла, а я вижу человѣка не иначе, какъ подъ вліяніемъ разныхъ условій жизни, внѣ всякихъ условій я человѣка представить себѣ не могу, и я изучаю, какъ представляется человѣкъ подъ вліяніемъ этихъ условій. Поэтъ живетъ не иначе, какъ въ средѣ того или другаго общества, именуемаго народомъ. Онъ изучаетъ индивидуальныя особенности каждаго человѣка не для того, чтобы поглотиться въ массу индивидуализма, но чтобы это индивидуальное подвести подъ общее; первыми обобщеніями реальнаго поэта являются, такъ-называемыя, на языкѣ эстетики, образы, типы, сюжеты,

болѣе или менѣе общіе; но развѣ можетъ истинно-реальный поэтъ остановиться на чемъ-нибудь? Развѣ есть конецъ тому процессу, который называется реальнымъ изученіемъ? Восходя все выше и выше въ своемъ изученіи, реальный поэтъ поневолѣ придетъ къ той общности, которая называется народностью. Изучить свой народъ во всѣхъ условіяхъ его жизни, во всѣхъ формахъ ея и проявленіяхъ, проникнуться всѣми его общими интересами, его радостями и страданіями — вотъ истинная задача реального поэта. Но достигнуть всего этого, вѣдь это значитъ сдѣлаться не только реальнымъ поэтомъ, но и народнымъ, въ самомъ широкомъ, истинномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, понятія о реализмѣ въ поэзіи и о народности совершенно совпадаютъ; разница между ними только та, что реализмъ въ литературѣ есть извѣстный путь, цѣль котораго — народность.

Даже, если мы поставимъ вопросъ о народности въ литературѣ на почву утилитаризма, вопросъ этотъ получить въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе. Литература должна быть полезна — для кого? Очевидно, не для двухъ, не для трехъ, не для тысячи человекъ, а для всего края, для всего народа, на языкѣ котораго она существуетъ. Литература мечтаетъ о завидной цѣли быть воспитательницею общества, народа, развивать неразвитыхъ, образовывать необразованныхъ, поднимать такіе вопросы жизни, которые долго не пошевельнулись бы еще въ мозгахъ большинства нашихъ соотечественниковъ безъ ея содѣйствія.

При этомъ я прошу читателя обратить вниманіе на завидную роль, которую можетъ и должна играть изящная литература въ этомъ дѣлѣ. Если мы прослѣдимъ наше собственное развитіе, оглянемся вокругъ себя наблюдательнымъ взглядомъ, мы увидимъ, что чѣмъ на низшей степени развитія стоитъ человекъ, тѣмъ большее значеніе въ развитіи его имѣетъ художественная литература. Въ жизни каждаго человека былъ такой періодъ, въ который чтеніе его состояло исключительно изъ произведеній художественной литературы; только на извѣстной, значительной уже степени развитія мы начинаемъ мало-по-малу приступать къ чтенію книгъ серьезнаго, научнаго содержанія, и, наконецъ, доходимъ до такой степени, что послѣднія дѣлаются главнымъ средствомъ нашего развитія, а художественныя произведенія становятся для насъ не столько предметомъ развитія, сколько наслажденія и отдыха. Большинство людей даже такъ-называемаго образованнаго слоя общества, выписывающихъ журналы, ничего не разрѣзываетъ въ этихъ журналахъ, кромѣ романовъ, повѣстей, комедій и стихотвореній. Что же сказать о литературѣ, которая, мечтая развивать неразвитыхъ, представляетъ въ своихъ произведеніяхъ такіе образы, и на такомъ языкѣ, что только нѣкоторые избранные, стоящіе на относительно очень высокой степени развитія, могутъ пользоваться ею.

Въ этомъ отношеніи литература, развивая людей развитыхъ,

образу людей образованныхъ, очень похожа на педагогическое заведеніе, которое дѣйствовало бы такимъ образомъ: учителя вмѣсто того, чтобы давать уроки ученикамъ, ограничивались бы тѣмъ, что собирались на педагогическіе совѣты, сообщали другъ другу, что они читаютъ, о чемъ думаютъ, давали бы другъ другу полезныя совѣты, читали другъ передъ другомъ блестящія пробныя лекціи, такіе учителя могли бы быть очень полезны другъ для друга; но смѣшны были бы они, еслибы при этомъ они мечтали, что они въ то же время полезны и для массы учениковъ, пребывающихъ безъ книгъ, безъ уроковъ въ неподвижномъ невѣжествѣ подъ присмотромъ грозныхъ гувернёровъ, строго-наблюдающихъ за порядкомъ и благочиніемъ въ классахъ. Такое зрѣлище представляетъ литература наша, которая въ послѣднее время постоянно твердила, и твердить, что главная ея цѣль—служеніе народу. Подобное положеніе представляется еще неестественнѣе и нелѣпнѣе, если подумать, что народъ прямымъ или косвеннымъ путемъ оплачиваетъ существованіе этой литературы, и въ замѣнъ тѣхъ капиталовъ страны, которые затрачиваются ежегодно на произведеніе и изданіе разныхъ эстетическихъ произведеній русской литературы, получаютъ книжки, которыя служатъ предметомъ празднаго развлечения для немногихъ избранныхъ людей. Мы могутъ сдѣлать здѣсь такое возраженіе, что капиталы тратятся не даромъ въ томъ смыслѣ, что раньше или позже народъ когда нибудь да разовьется до пониманія нашихъ изящныхъ произведеній, и тогда воспользуется тѣми продуктами, на произведеніе которыхъ тратятся теперь капиталы. Но, во-первыхъ, ручаетесь ли вы, что для народа будутъ годны всѣ тѣ изящныя произведенія, которыя выходятъ въ настоящее время? Оглянемся назадъ и посмотримъ, сколько различныхъ литературныхъ школъ пало безвозвратно, смѣнившись новыми школами? Что такое паденіе школы, какъ не сознаніе ея заблужденія и не выходъ изъ этого заблужденія на свѣтъ? Неужели народъ долженъ будетъ воспринимать одинъ за другимъ всѣ наши старыя грѣхи и промахи? Станетъ ли народъ читать, и если станетъ, найдетъ ли что-нибудь поучительнаго въ разныхъ произведеніяхъ нашей литературы ложно-классическихъ, романтическихъ, идеалистическихъ и проч.? Что же такое всѣ эти произведенія, какъ не капиталы, безслѣдно похороненныя въ архивной пыли библіотекъ? А ввоторыхъ, еслибы даже всѣ прошлыя произведенія нашей литературы были поучительны для народа, то какъ же разовьете вы его до пониманія ихъ, если не заговорите съ нимъ языкомъ, вполне понятнымъ и доступнымъ для него, если не снизойдете къ нему? Конечно, подобное снисхожденіе къ народу должно заключаться не въ видѣ уступокъ разнымъ его вѣковымъ предрассудкамъ, какъ это думаютъ поклонники народности стоголовой Москвы; передавайте народу всѣ ваши глубокія и высокія идеи, заимствованныя съ Запада, но облекайте ихъ въ такой языкъ и въ такіе образы, чтобы онѣ были

для всѣхъ равно доступны и понятны. Важное преимущество самобытной народной поэзіи заключалось именно въ томъ, что, не стоя народу ни гроша, она была сокровищемъ, изъ котораго каждый могъ черпать сколько ему угодно, и только тогда литература будетъ истинно полезна для всего края, для всего народа, когда она снова сдѣлается народною въ этомъ смыслѣ слова.

Но выставленіе подобныхъ требованій отъ литературы, какъ бы оно ни было законно и справедливо, всегда будетъ казаться воздушною мечтою, праздною, неосуществимую утопіею, въ виду современнаго состоянія литературы нашей, если не будетъ указанъ путь, идя по которому, литература могла бы выйти изъ настоящаго своего состоянія и сдѣлаться вполне народною. Вѣдь не могутъ же литераторы наши съ сегодняшняго же дня дать себѣ слово писать такъ, чтобы каждый мужикъ понималъ ихъ отъ строки до строки и интересовался ихъ произведеніями. Въ противномъ случаѣ, они должны будутъ, садясь писать, поступать такъ, какъ поступаютъ разные составители народныхъ книжекъ, то-есть напишутъ фразу и давай думать: «понятна или нѣтъ должна быть эта фраза для простолудина?» Дикая неестественность такого способа поддѣлыванья подъ народность ярко выставляется въ каждой строкѣ многихъ книжекъ, написанныхъ для народа, особенно въ изданіяхъ г. Погосского; не менѣе смѣшна такая народность въ рѣчахъ разныхъ провинціальныхъ либераловъ, которыя произносились нѣкогда на земскихъ обѣдахъ, дававшихся въ честь слиянія сословій. Очевидно, что не такой народностью должна подарить насъ литература. Истинно-народное произведеніе просто, естественно и непринужденно выливается изъ-подъ пера писателя; народный писатель пишетъ свои произведенія такъ же, какъ и ненародный, то-есть нисколько не заботясь о томъ, чтобы произведеніе его вышло непременно народно: онъ не имѣетъ ничего инаго въ виду, какъ выразить свою мысль, чувство—и произведеніе его выходитъ народно безъ его вѣдома и желанія. Сдѣлаться народнымъ писателемъ—значитъ, выработать свой языкъ, свои поэтическіе образы, мысли и чувства такимъ образомъ, чтобы писать народною рѣчью о предметахъ, интересующихъ всѣхъ и cadaго, безъ всякихъ усилій и заботъ о популярности. Этого нельзя достигнуть никакимъ скачкомъ, никакою искусственною поддѣлкою. Это возможно только естественнымъ путемъ. Настоящая статья могла бы, дѣйствительно, показаться праздною фантазіею, еслиби ограничилась выставленіемъ требованія, не опредѣливши того естественнаго пути, идя по которому, литература можетъ удовлетворить этому требованію. Указаніе этого естественнаго пути и составляетъ главную цѣль моей статьи. И это тѣмъ удобнѣе возможно будетъ сдѣлать безъ всякихъ гадательныхъ и произвольныхъ приглашеній съ нашей стороны писателей идти направо или налево, что въ самой литературѣ начались уже истинно, безъ вся-

внхъ теоретическихъ указаній, попытке идти по этому пути. Попытки эти, въ ряду разныхъ заблужденій, ошибившихъ и изгадившихъ истинное стремленіе къ народности въ литературѣ, представляютъ отрадную, живую струю, которой готовится великая будущность. Вырвавшись въ 40-хъ годахъ на свѣтъ, струя эта не перестаетъ течь все шире и шире, все глубже и глубже, принимая въ себя разные притоки и готовясь обратиться въ широкую, многоводную рѣку. Дѣло наше будетъ состоять только въ томъ, чтобы опредѣлить направленіе этой струи въ настоящее время, и это направленіе само собою, безъ нашихъ усилій, укажетъ нашимъ писателямъ тотъ путь, который прямо и неуклонно можетъ повести ихъ къ народности.

III:

Славянофилы, сѣтуя на раздвоенность нашего общества, на отсутствіе всякой связи между искусственною поэзіею нашею и народною, причину такого явленія видятъ исключительно во вліяніи на насъ западной образованности и рабской подражательности съ нашей стороны формамъ ея. Въ сущности же, если мы разберемъ это явленіе глубже, мы увидимъ, что есть причина болѣе дѣйствительная и общая, вліяющая на всекое раздвоеніе народа — будетъ ли это раздвоеніе сопровождаться вліяніемъ чуждой цивилизаціи, или совершится оно домашнимъ образомъ. Мы просимъ при этомъ припомнить, что мы сказали въ первой главѣ объ образованіи народностей: каждый разъ, когда группа людей становится въ какія нибудь особенныя условія жизни, необходимымъ слѣдствіемъ этого является образованіе народности, владѣющей особеннымъ языкомъ и создающей свою особенную литературу. Этимъ обусловливается какъ появленіе нарѣчій, разговоръ, разновидностей одного народа, такъ и то раздвоеніе, какое совершается между массою и образованнымъ классомъ. Если образованіе разлито равномерно по всему народу, и если народъ, во всей своей массѣ, увлечется подражаніемъ какой нибудь чуждой образованности, въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о ненародности такого движенія: народное движеніе и есть именно такое, въ которомъ участвуютъ массы народа. Если же, напротивъ того, изъ среды народа выдѣлится группа людей, поставитъ себя совершенно въ иные условія жизни, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живетъ большинство населенія края, замкнется въ этихъ условіяхъ и изолируется отъ всего прочаго міра, въ такомъ случаѣ, еслибы не было никакихъ чуждыхъ вліяній, группа эта все-таки создастъ свои особенныя нравы, обычаи, языкъ и литературу. Если затѣмъ на сторонѣ этой группы будутъ матеріальныя богатства и умственный досугъ — однимъ словомъ, все, что способствуетъ къ быстрому развитію образованности, то естественно, что эта группа далеко опе-

редить въ своей образованности прочіе классы народонаселенія и создасть культуру, въ которой ничего не будетъ общаго съ культурою массъ, оставленныхъ ею назадъ. Если до Петра Великаго наши привилегированные классы представляются вполнѣ сходными въ своей культурѣ съ народными массами, то это потому, что они не успѣли еще создать своей собственной культуры, въ то время какъ рядомъ существовала высокая цивилизація, вліянію которой они и подчинились. Но тотъ уже фактъ, что привилегированные классы могли подчиниться вліянію западной цивилизаціи, а масса не могла, показываетъ, что эти классы представляли уже нѣкоторую особенность сравнительно съ массами, бѣдшую умственную гибкость и воспримчивость. Классы эти стояли во время Петра на томъ пути, что не будь вліянія западной образованности, они раньше или позже по своему положенію создали бы свою особенную образованность и искусственную литературу въ отличіе отъ народной поэзіи массъ. Таково происхожденіе искусственной литературы у всѣхъ народовъ. Прослѣдите въ исторію литературы у какого хотите народа, у каждаго вы увидите два противоположныхъ движенія, соответствующія общественному строю страны. Какъ только привилегированный классъ отдѣляется изъ массы народа и замыкается въ свой кругъ, онъ быстро создаетъ искусственную литературу въ отличіе отъ народной. Литература эта, игнорируя интересы массы, выражаетъ исключительно ту жизнь, которою живетъ этотъ классъ и съ его точки зрѣнія. Но послѣ бистраго процвѣтанія такая искусственная литература столь же быстро падаетъ, потому что скоро исчерпываетъ свой матеріалъ: для поэтического творчества необходимы новыя впечатлѣнія, страстность которыхъ и возбуждаетъ его; а когда жизнь смыкается въ тѣсномъ кружкѣ въ неизмѣнныя формы, то поэтамъ только и остается, что вѣчно пѣть одну и ту же пѣсню, которая подъ гонецъ всѣмъ прѣдается, теряетъ свою живость и дѣлается рутинною пошлостью. Выходомъ изъ такого печальнаго состоянія литературы можетъ быть только какое-нибудь живое, народное движеніе, которое размываетъ заколдованный кругообразованныхъ классовъ, обращаетъ вниманіе ихъ на интересы массы, на ея нравы, обычаи, вѣрованія и поэзію; изъ самой массы начинаютъ выходить пѣвцы ея жизни и стремленій. Тогда въ литературѣ начинается обратное движеніе отъ искусственной поэзіи къ народной, въ область ея вторгаются новыя, живыя, свѣжіе элементы, характеризующіе собою движенія народныхъ массъ. Такія два противоположныя движенія литературы и зависимость ихъ отъ общественныхъ условій мы можемъ отлично прослѣдить въ исторіи европейскій литературы въ средніе вѣка. У насъ существуетъ ложное понятіе, завѣщанное намъ романтизмомъ, что будто въ средніе вѣка литература западно-европейскій народовъ стояла постоянно на народной почвѣ, что искусственная литература, прервавшая всякую связь съ народною, началась съ эпохи renaissance.

запсе. Напротивъ того ми видимъ, что если было когда либо въ средіе вѣка господство народной поэзіи, то въ началѣ только ихъ, во время движеній народныя массы и завоеваній, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Когда же народы успѣли устыться на своихъ мѣстахъ и повсюду сформировались привилегированныя, рыцарскія сословія, старинныя эпическія саги и поэмы дѣлаются достояніемъ простаго народа, да предметомъ монастырской учености, занимавшейся собраніемъ и переписываніемъ ихъ. Въ привилегированныхъ же классахъ быстро создается особенная, искусственная литература, извѣстная подъ именемъ провансальской или романтической. Литература эта, воспѣвая подвиги и любовь королей и рыцарей, исключительно терлась при дворахъ и въ замкахъ. Самое названіе одного изъ главныхъ родовъ этой поэзіи «sirventes» (отъ слова servirre — служить), то-есть служебныя пѣсни, показываетъ, какое значеніе имѣла эта поэзія и какую роль играли пѣвцы ея — труверы. Отражая въ себѣ жизнь, нравы, стремленія рыцарства, ихъ войны, любовь, любезность и придворное остроуміе, ихъ схоластическую ученость, наконецъ даже и либерализмъ, заключавшійся въ порицаніяхъ пороковъ Рима и духовенства, труверы въ то же время до такой степени игнорировали жизнь и стремленіями народныхъ массъ, что въ своихъ пасторетахъ вмѣсто живыхъ людей изъ народа представляли идиллическихъ пастушковъ и пастушекъ. Провансальская поэзія быстро распространилась по всей Европѣ; всѣ дворы, всѣ замки начали подражать ей, подобно тому, какъ впоследствии совершилось такое же подражаніе въ образованныхъ классахъ Европы французской литературѣ XVIII вѣка. Но если въ другихъ странахъ Европы искусственность провансальской поэзіи соединялась съ подражательностью, то во Франціи и особенно въ Провансѣ она была самостоятельнымъ явленіемъ, возросшимъ на своей собственной почвѣ, и все-таки она была искусственнымъ цвѣткомъ на этой почвѣ, и послѣ пышнаго процвѣтанія должна была пасть, потому что кругъ ея былъ слишкомъ узокъ и матеріалъ ея скоро весь былъ исчерпанъ. Хватило этого матеріала всего на 200 лѣтъ (1090—1290), затѣмъ провансальская поэзія хотя и продолжала существовать, но вѣчно повторяла одно и то же въ неизмѣнныхъ формахъ, съ каждымъ вѣкомъ становясь рутиннѣе и пошлѣе. Хотя провансальскій король Рене въ XV вѣкѣ и старался всѣчески воскресить ее, но безуспѣшно; это было послѣднимъ сверканіемъ потухающей лампы. Если на своей собственной почвѣ романтизмъ такъ неудержимо палъ, то на чуждыхъ почвахъ, гдѣ ему подражали, паденіе его было еще неудержимѣе. XIV вѣкъ представляетъ самое жалкое состояніе искусственной рыцарской и придворной литературы во всѣхъ странахъ Европы. Начавшаяся вслѣдъ затѣмъ реформація служитъ точкою поворота для всего умственного движенія Европы. Вліяніе движенія народныхъ массъ на литературу въ эпоху реформація было такъ

«сильно, что несмотря на возрожденіе древнихъ искусствъ и увлеченіе ими, въ литературахъ XIV и XV вѣковъ мы видимъ сильное и неуклонное стремленіе къ народности, выдвинувшее во всѣхъ странахъ Европы писателей чисто народныхъ. Вотъ какъ прекрасно характеризуетъ это движеніе въ Германіи Шерръ въ своей Всеобщей исторіи литературы:

«Потребность поэтическаго выраженія опять проявилась въ народѣ въ то время, когда городское сословіе и народъ получили то социальное положеніе, которое до XIV и XV столѣтій занимало исключительно дворянство; когда войны гусситскія, распри нѣмецкихъ городовъ съ разбойничьею шайкою дворянъ, славныя побѣды Дитмарсовъ на сѣверѣ и швейцарцевъ на югѣ Германіи надъ князьями и рыцарями, пробудили демократическое сознаніе. Историческая народная пѣсня вытѣснила рыцарскую поэзію, превратившуюся въ сухое вносказаніе и панегирикъ. Такія пѣсни весело раздавались въ предѣлахъ Голштиніи и въ Альпахъ. Превосходную пѣсню сочинилъ Гальбсутеръ «von dem stritt ze Lemrach»; Фейтъ Веберъ въ концѣ XV столѣтія прославлялъ бургундскія битвы, особенно битву при Муртенѣ; къ нимъ можно присоединять и Мугейма съ его «Tellenlied». Нетолько историческая, но и вообще вся жизнь народа отпечатлѣвается въ тогдашней пѣснѣ. Крестьянинъ пѣлъ за плугомъ о страдавшихъ и радостяхъ своего угнетеннаго состоянія, мельникъ сопровождалъ стукотню своей мельницы звучною риемою, ратникъ сокращалъ себѣ путь воинственными гимнами и сатирическими пѣснями, юноша и дѣвушка раскрывали другъ другу сердечныя тайны въ пѣсняхъ, часто удивительно задуманныхъ; не отставали отъ нихъ монахи и монахиня, странствующій ремесленникъ означалъ свой приходъ и уходъ въ привѣтственныхъ и прощальныхъ пѣсняхъ, благочестивою пѣснью привѣтствовала богомолецъ священныя мѣста, огорченный изливалъ въ пѣснѣ свою грусть, веселый — радость; охотникъ, извощикъ, нищій, угольщикъ, рудокопъ, пастухъ, садовникъ, виноградарь — всѣ они выражали въ пѣсняхъ все, что ихъ занимало, все, что они испытали и сдѣлали въ жизни. Кѣмъ сочинены эти пѣсни — неизвѣстно, и потому о нихъ можно сказать то же, что о вѣтрѣ — мы чувствуемъ ихъ вѣваніе, но не знаемъ, откуда они приходятъ и куда уходятъ. Лимбургская хроника мѣтко характеризуетъ эту народную любовь къ пѣснѣ: она говоритъ о народныхъ пѣсняхъ и приводитъ такія, «которые, ко всеобщей радости, распѣвались и насвистывались во всей Германіи». Число историческихъ народныхъ пѣсенъ необыкновенно умножилось, когда во времена реформаціи народная жизнь получала все большее и большее развитіе и когда политическія событія стали возбуждать въ себѣ все болѣе живой и рѣшительный интересъ и въ низшихъ сословіяхъ. Предметомъ ихъ были особенно герои и событія реформаціи и крестьянской войны, раздоры князей между собою и съ

императоромъ, итальянскія распри Карла V и Франциска I и турецкія войны».

Относительно Англии достаточно упомянуть имя такого титана, какъ Шекспиръ, чтобы ясно и наглядно видѣть, какое движеніе въ пользу народности произвела въ литературѣ реформація. Особенно заслуживаетъ вниманіе то, что въ одно время съ Шекспиромъ жилъ Бенъ-Джонсонъ, который все время воевалъ съ Шекспиромъ, будучи увлеченъ классическою драмою съ тремя единствами; самъ Шекспиръ не былъ чуждъ нѣкотораго увлеченія классицизмомъ, сказавшимся въ его драмахъ изъ греческаго и римскаго міра; но народность взяла перевѣсъ въ трагедіяхъ великаго драматурга и грома Джонсона не помѣшали Шекспиру быть въ свое время любимцемъ лондонской публики и въ особенноти простаго народа.

Во Францію реформація вторглась въ самой своей дурной формѣ кальвинизма и коснулась преимущественно привилегированныхъ классовъ, но и во Франціи новое движеніе умовъ вызвало Рабеле, который подготовилъ умы своихъ соотечественниковъ къ воспринятію реформаціонныхъ идей, осмѣявши своимъ чисто народнымъ, реальнымъ смѣхомъ все старое общество съ его ханжествомъ, схоластикой и напыщенною неестественностью романтизма.

Даже въ Испаніи, гдѣ реформація была потушена въ своихъ зачаткахъ, появился Сервантесъ — и осмѣялъ падающее рыцарство съ его истощенною литературою. Но значеніе Донъ-Кихота заключается не въ одномъ смѣхѣ, а и въ тѣхъ чисто-народныхъ элементахъ, которые внесъ Сервантесъ въ свой романъ въ оппозицію выдохшемуся содержанію романтической литературы.

III.

Совершенно такое же явленіе мы можемъ прослѣдить въ нашей жизни за послѣдніе 200 лѣтъ. Отчужденность, изолированность нашихъ образованныхъ слоевъ отъ народныхъ массъ была столь сильна, что не такъ давно еще подъ словомъ «русское общество» разумѣлось небольшое меньшинство народа, исключительно образованный слой его, а подъ словомъ «русская жизнь» — разумѣлась жизнь этого слоя. Все, что не принадлежало къ этому меньшинству, какъ будто не существовало, все это вкрестилось общимъ именемъ «подлой черни, грубой массы, мертвцаго прозябанія». Когда литература наша послѣ упадка новаго романизма встала на реальную почву, начала изображать окружающую ее жизнь, она занялась изображеніемъ жизни и нравовъ одного образованнаго меньшинства, въ средѣ котораго вращалась. Когда появились на сцену Онѣгина, Печорины, Рудины, Лавредеіе и проч., тогда по этимъ именамъ начали судить и умозаключать о жизни и характерѣ не только русскаго человѣка вообще, но даже всего славянскаго племени, какъ-будто все славянское племя состояло въ

то время изъ вѣсколькихъ тысячъ говорунонъ, ходившихъ во фракахъ съ палевыми перчатками и читавшихъ Гегеля отъ нечего дѣлать. Правда, иногда наши писатели 30-хъ годовъ выводили на сцену личности изъ простаго быта (Полевой, Лажечниковъ, Загоскинъ, Вельтманъ), но выводимыя ими личности или похожи были скорѣе на аркадскихъ пастуховъ и пастушекъ, чѣмъ на живыхъ людей, или это были жалкія пародіи на мужиковъ, въ которыхъ народъ продолжалъ играть ту шутовскую роль, которую игралъ онъ въ глазахъ высокообразованныхъ предковъ нашихъ XVIII ст., любившихъ похотать надъ смѣшнымъ невѣжествомъ подлой черни.

Литература могла ограничиваться такою исключительностью до тѣхъ поръ, пока интересы меньшинства, въ средѣ котораго она вращалась, не выходили изъ его замкнутаго круга, да и въ этомъ кругу не простирались далѣе семейнаго очага. Но когда общественные интересы расширились, когда на первый планъ встали вопросы о судьбѣ той самой массы, о которой прежде рѣдко кто помышлялъ, литература не могла болѣе сосредоточиваться въ своемъ узенькомъ мирѣ, чтобы не оставить безъ отвѣта тѣ новые вопросы, которые со всѣхъ сторонъ поднялись въ обществѣ: она должна была заняться изученіемъ жизни и нравовъ той самой массы, которую прежде она такъ гнушалась. Отсюда естественно возникло стремленіе литературы къ народности, то-есть стремленіе ея къ изученію народа во всѣхъ его слояхъ, и прониновеніе интересами народа.

Первыми нашими изучателями народнаго быта были, конечно, славянофилы. Но для того, чтобы изучать что-нибудь, надо приступить къ предмету изученія какъ къ сырому, невѣдомому материалу, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій и предразсудковъ. Въ этомъ заключается истинный реализмъ всякаго изученія. Таковы ли были наши первые изучатели? Нѣтъ, они шли изучать народъ съ заранѣе уже, а ргіогі задуманными мнѣніями о немъ. У нихъ въ головѣ сидѣлъ идеалъ русскихъ богатырей, готовыхъ закидать шапками гнилую Европу, и они шли поучаться у гениальнаго народа неизрѣченнымъ глаголамъ. Вслѣдствіе подобныхъ, заранѣе составленныхъ предубѣжденій, они умилялись, прислушиваясь къ каждому слову, произнесенному простолюдиномъ, и повсюду открывали доблести русскаго духа и чудеса русской гениальности. Это возведеніе въ идеалъ народной жизни, какова она есть, безъ всякаго анализа ея, послужило оправданіемъ всевозможнаго обскурантизма во имя народности. Рядомъ съ дѣйствительными, реальными симпатіями и антипатіями народа, выходящими изъ различныхъ условій его быта и отношеній его къ разнымъ слоямъ общества, существуетъ у народа рядъ предразсудковъ, выработанныхъ исторіею; предразсудки эти давно отжили, народъ не особенно ими и дорожить, заявляетъ нерѣдко даже и протесты противъ нихъ, но масса продолжаетъ держаться ихъ по старой рутинѣ. Очень ча-

сто случается и такъ, что свои реальныя симпатіи или антипатіи народъ облакаетъ въ разныя ветхія формы своихъ предразсудковъ. Такъ, онъ начинаетъ особенно чувствовать и чуть не обоготворять личности, которыя дѣйствовали въ его пользу; напротивъ того, въ личностяхъ ненавистныхъ ему по тому злу, которое онѣ производили, онъ видитъ или нехристей, измѣнившихъ православной вѣрѣ, или злыхъ колдуновъ, продавшихъ душу чорту, и даже антихристовъ. Въмѣсто того, чтобы отдѣлать реальныя симпатіи и антипатіи народа отъ призрачныхъ, нами поклонники народности нѣтолько что смѣшиваютъ безразлично все это въ одну массу, но очень часто въ призрачныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ именно и видятъ всю суть народныхъ стремленій. Такъ, напримѣръ, самъ по себѣ народъ нисколько не чуждается западной образованности; едва только позволитъ достатокъ, крестолоудитъ не прочь обзавестись разными заморскими диковинками и даже переимѣнить свою сермягу на европейскій костюмъ; народъ нисколько не чуждается иностранцевъ, если они являются передъ нимъ не въ видѣ нѣнца-управителя фабрики или шибліа; посмотрите вы на русскихъ матросовъ, которые зачастую братаются и пьютъ вмѣстѣ съ англійскими и голландскими матросами. Но тотъ же самый народъ недовѣрчиво смотритъ на всякаго образованнаго человѣка, носящаго европейскій костюмъ. Такая недовѣрчивость происходитъ изъ причинъ самыхъ реальныхъ, въ родѣ разныхъ сословныхъ предразсудковъ, основанныхъ на отжившемъ уже вѣѣиостномъ правѣ; нашимъ же поклонникамъ народности бажется, что народу не нравится, зачѣмъ это образованные люди одѣваются поевропейски, читаютъ иностранныя книги, водятся съ иноземцами, зачѣмъ это они не носятъ бороды, не пьютъ квасу и не парятся на полѣхъ въ банѣ, зачѣмъ они, однимъ словомъ, измѣнили русскимъ народнымъ обычаямъ и правамъ и увлеклись иноземщиной. Если всѣ эти причины возбуждали въ народѣ вражду, то это было уже очень давно при Петрѣ I, 200 лѣтъ тому назадъ. Въ эти 200 лѣтъ масса народа если и не успѣла еще приобрести никакой образованности, то во всякомъ случаѣ хотъ на одинъ куринный шагъ подвинулась впередъ сравнительно съ массой временъ Петра I; подвинулась на столько, что не смотреть уже, какъ на измѣненна православной вѣрѣ, на человѣка, брѣющаго бороду и едѣщаго въ сюртукѣ, и если до сихъ поръ еще сохраняются среди раскольниковъ такіе изуверы, то сами раскольники въ большинствѣ начинаютъ смотрѣть гораздо снисходительнѣе и на иностранныя обычаи, и на самихъ иностранцевъ.

Нагляднымъ примѣромъ возведенія въ идеалъ разныхъ народныхъ предразсудковъ могутъ служить повѣсти г-жи Кохановской. Писательница эта обладаетъ какъ замѣчательнымъ талантомъ, такъ и замѣчательнымъ знаніемъ народной жизни, и тѣмъ болѣе становится жалко, что побѣда по ложной дорогѣ, она погубила свой талантъ, который могъ бы принести большую пользу. Возь-

мите вы какую угодно повесть ея, и рядомъ съ истинными и несомнѣнными фактами народной жизни, вы увидите пошлая и вопіющія натяжки для того, чтобъ подвести эти факты подъ славянофильскія тенденціи и пропитать ихъ запахомъ деревяннаго масла.

Возьмите вы, напримѣръ, повесть ея «Послѣ обѣда въ гостяхъ». Въ этой повѣсти всего ярче выступаютъ передъ вами съ одной стороны факты народной жизни, а съ другой неестественный, очевидно придуманный вонецъ повѣсти для того, чтобъ возвеличить такъ-называемыя народныя начала и совершить передъ ними земной поклонъ. Въ повѣсти этой писательница описываетъ бытъ захолустнаго города XVIII столѣтія, когда подобныя города мало еще чѣмъ отличались отъ деревень, когда по улицамъ ихъ водили еще хороводы. Героиней разсказа является Любовь Архиповна, дѣвушка съ характеромъ сильнымъ, живымъ, натура художественная, удалая. Сюжетъ разсказа самый простой и общенародный. Дѣвушка любитъ молодого, но бѣднаго горожанина Чернаго, а мать приневольиваетъ ее выходить замужъ за стараго и некрасиваго комиссіонера. Въ повѣсти вы найдете нѣсколько сценъ, въ которыхъ чрезвычайно живо и вопіи въ народномъ духѣ представленъ протестъ молодой жизни противъ зла и насиія, губящаго ему жизнь. Когда Любовь Архиповну повѣнчали съ противнымъ ей комиссіонеромъ, ей захотѣлось отпраздновать въ послѣдній разъ праздникъ молодости:

«Ну, какъ я тебѣ сказала, матушка, что сердце у меня забавляло, говорила она: — такъ оно у меня и осталось. На мужа-то я не гляжу и не вижу его; матушка мнѣ какъ чужая стала, одно только то, какъ погляжу на сестеръ, кажется бы я имъ душу свою горькую отдала! Вотъ-то положили намъ на завтра выѣзжать, я говорю послѣ обѣда матушкѣ: «Утопили вы мою голову на вѣки-вѣчныя; пусть же я въ послѣдній разъ оглянусь на свою радость дѣвическую, на долю мою молодую безвозвратную. Идите себѣ, куда знаете, на вечеръ я его берите съ собою. Чтобъ его духу тутъ не было. Я хочу проститься съ своимъ».

— Что же матушка? спросила я.

— Да ничего, сказала Любовь Архиповна. Она стала тихая такая да смиренная; все на меня смотреть. «Любаша моя, Любаша! Ну, Богъ съ тобой, говорить, дѣлай какъ знаешь! Развѣ я тебѣ худа желаю?»

— То-то до добра и довели, говорю. Берите же его съ собою, чтобъ мои глаза его хоть съ часъ мѣста не видали.

— А онъ, Любовь Архиповна? спрашивала я.

— Что онъ, матушка? Мнѣ о немъ и заботы не было. Я и звать-то его иначе не называла, какъ онъ, да ея. «Что жъ? говорю, развѣ вы все будете такъ за мною слѣдомъ ходить? Идите-себѣ съ матушкою, а я останусь своей послѣдній пиръ пировать. Вы со мною не жили, дѣвичей моея доли и воли вы не дѣляли, ста-

ло вамъ нечего и быть тутъ, какъ я стану прощаться со всѣмъ тѣмъ». Поплелся онъ, матушка, а я протопопскимъ барышнямъ велѣла сказать, чтобъ онѣ, черезъ своего философа, всѣхъ нашихъ господъ оповѣстили, что я всѣхъ жду своей послѣдней паръ пировать».

За тѣмъ слѣдуетъ сцена этого пира, поистинѣ трагическая. Страшно щемить за сердце хороводъ и пляска молодыхъ людей, въ то время, какъ у всѣхъ на сердцѣ скребли кошки: «Я подь собою земли не слыхала», говорила Любовь Архиповна. Никогда въ жизни, ни в Freude, ни послѣ она звонче не пѣвала и не плясала такъ... «Я будто и приустану немного и хороводъ словно начнеть ослабѣвать у насъ, такъ вѣтъ! Черный, какъ залетитъ, засвиститъ съ стиха и громче своимъ голосомъ—и словно онъ силою какою могучею двинетъ насъ! Опять хороводъ ожилъ, встрепенулся, и я пошла съ нимъ, съ Чернымъ, въ одиночку плясать»...

— Наконецъ, матушка! сказала Любовь Архиповна: — отпущала я всѣ свои пляски и переѣла всѣ мои пѣсни. Начала было эту послѣднюю:

Изъ-за лѣса, лѣсу темнаго
Вылетаю стадо лебединое;
А другое — гусиное.
Отставала лебедушка
Прочь этъ стада лебединого,
Присгавала лебедушка
Что ко стаду ко сѣрыхъ гусей...

И такъ дальше: что отставала такая-то прочь отъ красныхъ дѣвушекъ и приставала она въ молодымъ молодухамъ, я, матушка, не кончила. «Будетъ! говорю, пѣсня кончена... Попрощаемся, мои барышни, на разставаньи. Гдѣ я съ вами пѣла и плясала, тамъ вы меня обнимите и отпустите отъ себя, мои бѣлыя лебедушки!» И словно съ меня силу мою всю какъ рукой сняло. Прислонилась я къ дереву, чтобы устоять мнѣ... И дерево это, я какъ сейчасъ помню, большая верба у матушки среди двора была. Мы ее сколько разъ обхватывали въ хороводъ, а еще плясать подь нею такъ чудно было. Вѣтки большія всѣ въ пнеѣ, наклономъ наклонились; мы какъ двинемъ подь нихъ хороводъ и зальемся нашею пѣснею, такъ вся верба шорохомъ шорохается и сверху пнеемъ осыпаетъ насъ... Такъ вотъ къ вербѣ-то своей я прислонилась, матушка, и стою, не двигаюсь. Барышни всѣ, одна по одной, подошли ко мнѣ, поцѣловали меня, и всякая мнѣ низко поклонилась. Я имъ слова нѣакого не молвлю, стою, поглядѣла воеругъ по одну сторону, онѣ отошли, стоять, мои голубочки, по другую сбились въ кучку наши добрые молодцы... «Ну-те; а вы же что? говорю, развѣ я вамъ не хорошо пѣсни пѣвала, или не весело плясала съ вами, что, таковы молодцы, вы и попрощаться со мною не хотите?» Чер-

ный, матушка, слова не сказала, подошелъ первый ко мнѣ; наклонился, крѣпко поцѣловалъ меня, а слезы у него какъ брызнуть, такъ и задали мнѣ лицо... Я посмотрѣла ему вслѣдъ. «Прощай, добрый молодецъ!» говорю, онъ и не оборотился; пошелъ прямо къ воротамъ и только назадъ рукою махнулъ. Такъ они всѣ подошли ко мнѣ и попрощались со мною. Философу нашему послѣднему пришелъ чередъ. Онъ и приступилъ ко мнѣ; но видно, взглянувши на меня поближе, какъ всплеснулъ руками. «Ахъ, братцы мои, сестрицы голубочки! завопилъ голосомъ: Любовь Архиповна совсѣмъ умираеть». — «Не бось, сказала я. Еще поживу, и пошла отъ него въ домъ».

Такъ совершилось одно изъ тѣхъ наглыхъ, гадкихъ, безчеловѣчныхъ убійствъ молодой жизни, убійствъ, которыя совершаются на каждомъ шагу совершенно безнаказанно во имя такъ называемой старческой опытности и желанія блага своимъ дѣтямъ. Что же оставалось болѣе дѣлать Любовь Архиповнѣ, какъ не увядать въ тяжелой неволѣ, и что оставалось писательницѣ, какъ не закончить этимъ старую, и въ то же время вѣчно новую исторію. Но писательницѣ вздумалось во имя христіанскихъ идей мало того, что оправдать, чуть не обоготворить дѣло, въ которомъ не только и тѣни не было чего-либо христіанскаго, но и вообще человѣческаго. Далѣе она рассказываетъ, какъ Любовь Архиповна долго жила съ мужемъ, будто съ чужимъ, не говоря съ нимъ ни слова и не глядя на него, и потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего подъ обаяніемъ свѣтлаго праздника нашла на нее божественная благодать, она умилилась, залилась слезами, винулась на шею къ мужу, облобызала его и — полюбила!... Вотъ что называется ткнуть пальцемъ прямо въ небо! Что-жь остается, прочтя повѣсть г-жи Кохановской, какъ не преклониться передъ народными началами, которыя совершаютъ такія неизреченныя чудеса!... И вотъ такія прелести вы найдете въ каждой повѣсти г-жи Кохановской. И чѣмъ болѣе писала она, тѣмъ болѣе и болѣе подливала деревяннаго масла въ свои повѣсти, наконецъ дописалась она до «Недавней встрѣчи», въ которой уже нѣтъ ни образовъ, ни лицъ, а вы найдете дѣльный потокъ мистическихъ разглагольствованій о суетѣ міра сего въ духѣ «переписки съ друзьями» Гоголя. Такъ палъ талантъ по истинѣ замѣчательный, и не мудрено: даже такой гениальный талантъ, какъ Гоголь, и тотъ упалъ въ пропасть, едва вступилъ на этотъ путь.

IV.

Но, рядомъ со всѣми этими заблужденіями, ополчившимися стремленіе литературы къ народности, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ уже начали появляться время отъ времени попытки изучать бытъ народный и выводить на сцену людей изъ разныхъ слоевъ общества — вполне реально, не какъ образцы величія

Т. СІ.ХХVII. — Отд. II. 11

русского духа и не въ видѣ гороховыхъ шутовъ для праздно потѣхи, а какъ живыхъ людей, имѣющихъ свои достоинства и пороки, радости и страданія. Всѣ писатели того времени: Тургеневъ, Писемскій, Островскій, Григоровичъ заплатили свою сильную дань этому новому направленію литературы. Правда, эти первые попытки были крайне несовершенны; если нѣкоторые изъ нихъ и высоко стоятъ по своей внѣшней художественности, то во всякомъ случаѣ далеко не представляютъ того глубокаго знанія народной жизни, какая требуется отъ русскаго писателя. Вы видите по этимъ попыткамъ, что писатели приступаютъ къ предмету, который до тѣхъ поръ былъ совершенно чуждъ имъ и который они только-что начинаютъ изучать. Вслѣдствіе плохаго знанія жизни, которую берутся они изображать, они часто вносятъ въ нее элементы той жизни, которою сами живутъ и которая хорошо имъ знакома. Вы можете въ этомъ обвинять тѣ обстоятельства, которые довели нашихъ писателей до такого исключительнаго, замкнутаго состоянія, что имъ былъ знакомъ одинъ только маленькій уголокъ русской жизни. Но не будемъ обвинять въ этомъ самихъ писателей; не будемъ опускать изъ виду того, что одного желанія изобразить жизнь какую-либо мале: надо еще знаніе этой жизни; а для знанія нужно изученіе, а изученіе дается только временемъ и обстоятельствами, способствующими къ этому. Не могли же писатели наши сразу, какъ только захотѣли изображать народную жизнь, такъ и начать изображать ее во всей глубинѣ. Такія чудеса могутъ быть допустимы только по старой эстетической теоріи поэтическаго ясновидѣнія. Въ дѣйствительности чутье поэтическаго творчества простирается на столько, на сколько поэтъ изучилъ предметъ своего творчества. Если мы видимъ, что знаніе народной жизни въ нашихъ писателяхъ 40-хъ годовъ еще не глубоко, что поэтому изображенія этой жизни поверхностны и несовершенны, то во всякомъ случаѣ, мы должны быть благодарны писателямъ, сдѣлавшими первую попытку изображать народъ, какъ живыхъ людей, безъ излишняго поклоненія этимъ людямъ и безъ высокоумно-презрительнаго отношенія къ нимъ.

Но и въ этомъ ряду первыхъ попытокъ, мы видимъ уже степени большаго или меньшаго знанія народной жизни. Такъ напримѣръ, крестьяне въ «Запискахъ охотника» Тургенева являютъ болѣе похожи на дѣйствительныхъ крестьянъ, чѣмъ въ романахъ Григоровича. «Подлиповцы» Рѣшетникова, очерки Левитова, «Торговая Волга» Зарубина, «Порѣчане» Помяловскаго, «Записки изъ Мертваго дома» Ѳ. Достоевскаго, очерки В. Сгѣнцова, Н. Успенскаго, П. Якушкина, Марко-Вовчекъ и многи другія произведенія современной литературы представляютъ новыя явленія въ этомъ родѣ. Но, несмотря на относительную вѣрность изображенія народнаго быта, всѣ упомянутыя нами произведенія далеко еще не могутъ быть названы народными. Для того, чтобы писателю сдѣлаться народнымъ

обходимы нѣкоторыя особенныя условія, о которыхъ мы теперь поговоримъ.

Когда человѣку представляется рядъ разнообразныхъ предметовъ для изученія, и человѣкъ начнетъ изучать ихъ, то очевидно, что первое вниманіе его будетъ обращено на разныя конкретныя подробности и факты, особенно выдающіеся; человѣкъ начинаетъ вглядываться въ каждый предметъ отдѣльно и каждый предметъ изучать безъ связи его съ другими предметами. Затѣмъ мало по малу начинаютъ слагаться въ умѣ человѣка первыя обобщенія и классификаціи предметовъ, и то поверхностныя, шаткія и невѣрныя. Такимъ путемъ шли всѣ науки, начиная описаніемъ конкретныхъ фактовъ. Такимъ путемъ идетъ и наше изученіе народной жизни. Всѣ наши повѣсти, разказы, очерки, комедіи изъ народной жизни стоятъ еще на ступени болѣе или менѣе конкретныхъ изображеній. Писатели наши берутъ обыкновенно какой-нибудь уголокъ народной жизни, подмѣченный въ жизни фактецъ, и этотъ фактецъ или представляютъ читателю, какъ онъ есть, въ сыромъ видѣ, или разомъ подводятъ подъ какой-нибудь общечеловѣческій законъ жизни. Такія изображенія народной жизни очень напоминаютъ описанія разныхъ отдѣльныхъ травъ въ старинныхъ лечебникахъ, безъ всякаго стремленія обобщить эти травы въ различныхъ классификаціяхъ. Чтеніе подобныхъ очерковъ для человѣка, незнакомаго съ народною жизнью, очень похоже на разсматриванье въ микроскопъ листочка въ то время, какъ не только что не имѣешь никакого понятія о родахъ и видахъ растений, но не знаешь, съ какого дерева сорванъ листокъ. Строишь въ микроскопъ, ну и ничего, любопытно; а перестанешь смотрѣть, что останется въ головѣ? конкретный, безсвязный образъ листка, какъ онъ представлялся твоему глазу подъ микроскопомъ.

Въ этомъ отношеніи на первой ступени знанія народной жизни мы должны поставить г. Н. Успенскаго. Писатель этотъ въ своихъ очеркахъ представляетъ ту степень знанія, на которой человѣкъ не имѣетъ еще никакихъ понятій о тѣхъ предметахъ, которые онъ наблюдаетъ; передъ нимъ представляется пестрая смѣсь конкретныхъ явленій, и онъ каждое разсматриваетъ отдѣльно, безъ связи съ другими, обращая вниманіе на одну внѣшность наблюдаемыхъ предметовъ. Большинство очерковъ Г. Успенскаго представляется случайно-схваченными изъ жизни сценками и анекдотами: какой-нибудь разговоръ на постояломъ дворѣ, разказъ проѣзжаго мужика, купца или бабы — все, что удалось г. Успенскому мелькомъ увидѣть или услышать — все это онъ такъ и передаетъ какъ оно есть. Ограничиваясь фотографическими снимками случайныхъ сценъ жизни, г. Успенскій думаетъ, можетъ быть, что онъ этимъ вполне выполнилъ задачу реализма. Но если реализмъ требуетъ, чтобы художникъ изображалъ жизнь, какъ она есть, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ

допускалъ художнику теряться въ массѣ конкретныхъ фактовъ. Обобщать эти факты, изслѣдовать ихъ причины и слѣдствія, переходить къ общимъ условіямъ отъ частныхъ явленій — вотъ чего требуетъ реализмъ, какъ отъ науки, такъ и отъ искусства. И въ этомъ отношеніи разбираемые нами очерки стоятъ на первой ступени реального изученія быта народа, такъ-сказать, передъ самимъ входомъ въ это зданіе. Впервыхъ, вы видите въ разсказахъ г. Успенскаго полное отсутствіе того, что называется типами. Когда писатели наши начинаютъ изображать хорошо извѣстный имъ и тщательно изученный бытъ образованныхъ слоевъ общества, посмотрите, какъ тщательно стараются они обрисовать различные характеры своихъ героевъ, какъ тоно анализируютъ каждый психическій отбѣнокъ, каждое бленіе чужъ замѣтной жилочки, и все это съ дѣлюю представлять вамъ въ своемъ героѣ общій типъ цѣлой массы людей подобнаго рода. Посмотрите, какъ заботливо старается очертить въ своемъ разсказѣ «Сама» тотъ же г. Успенскій молодую дѣвушку, которую родители приволиваютъ идти замужъ за немиллаго, какъ слытся онъ представитъ трагическую борьбу, совершающуюся въ душѣ его героини. И тотъ же г. Успенскій, когда дѣло касается простаго народа, не идетъ въ своей обрисовкѣ далѣе пестрой смѣси мужиковъ и бабъ. Иногда, чтобы отличить одного героя отъ другаго, писатель одному пожалуетъ рыжую бороду, другому — черную, третьему — приставитъ какую-нибудь уродливую шишку къ виску, четвертаго — заставитъ повторять на каждомъ словѣ какую-нибудь поговорку — и внѣшность готова. Забѣтъ, каждый мужикъ непременно или воръ, или пьяница, или талой дуракъ, какого и свѣтъ не производилъ; каждая баба — талы идіотка, что ума помраченіе. Далѣе слѣдуетъ подборъ фактчиковъ, сценокъ и анекдотовъ для того, чтобы показать, какъ русскій мужикъ невѣжественъ, дикъ, смѣшонъ, какъ онъ загнанъ, забитъ, какъ тонетъ онъ въ грязи невѣжества, суевѣрія, пошлости. Забитость, тупоуміе, отсутствіе всякаго человѣческаго образа и подобія въ герояхъ г. Успенскаго — одуряютъ васъ, когда вы читаете очерки его. Вы видите передъ собою людей, которые въ жизни своей ничѣмъ болѣе не руководствуются, какъ только грубою, скотскою чувственностью, ни къ чему не стремятся, какъ только къ тому, чтобы важить копейку или спустить ее въ бабакъ; да и въ этихъ стремленіяхъ, что шагъ ступать они, то сдѣлаютъ какую-нибудь невообразимую глупость.

Я вовсе далекъ отъ того, чтобы идеализировать русскаго мужика, какъ это дѣлаютъ славянофилы. Я согласенъ съ г. Успенскимъ, что мужикъ забитъ, загнанъ, что онъ невѣжественъ и суевѣренъ, но въ то же время, я убѣжденъ, что какъ бы ни былъ человѣкъ задавленъ, на какой бы низшей степени образованности онъ ни стоялъ, а все-таки онъ человѣкъ — и все-таки онъ страдаетъ, если къ Ивану относятся не почеловѣчески, и эти страданія, такъ или иначе, въ томъ или другомъ видѣ, а за-

звать себя. Если наши бабы действительно безъисходно тупоумны до такой степени, что въ нихъ и тѣни нѣтъ чего-либо человѣческаго, то какія же это женщины создали пѣсню такого рода:

Ахъ бабы не крѣты, не морозы,
И зной бы крѣты разцѣтали;
Ахъ бабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы то я не тужила.
Не садѣла бы я подершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле.
И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту моему доносила,
Не давай меня батюшка замулъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гледи на высоки хоромы:
Не съ хоромами жить мнѣ, съ *человѣчкомъ*,
Не съ богатствомъ жить мнѣ, съ *совѣтомъ*.

Конечно, если мы будемъ искать въ жизни простаго народа однихъ такихъ элементовъ, которые создаютъ подобныя пѣсни, то мы придемъ къ той идеализаціи народнаго быта, при которой намъ только и останется, что почивать въ нѣмомъ благоговѣніи передъ народными началами; но если такая идеализація ведетъ къ застою, то съ другой стороны отрицаніе всякихъ человѣческихъ элементовъ въ простомъ быту ведетъ къ такому же обскурантизму. Во имя чего же и возможенъ протестъ противъ произвола и насилія, бабъ не во имя тѣхъ человѣческихъ элементовъ, которые страдаютъ отъ этого. Вамъ не придетъ въ голову возмущаться противъ столяра, зачѣмъ онъ жестоко обращается съ деревомъ, долбитъ его долотомъ и терзаетъ на части, но вы возмущаетесь, когда истязаютъ лошадь. Въ послѣднемъ случаѣ протестъ возбуждается не тѣмъ только, что передъ вашими глазами происходитъ фактъ истязанія, а тѣмъ, что отъ этого истязанія страдаетъ существо, надъ которымъ производятъ это дѣйствіе. Страдающее существо первое заявляетъ протестъ противъ причиняемаго ему зла криками или словами, и посредствомъ послѣднихъ передаетъ вамъ свой протестъ. Вслѣдствіе этого члены общества покровительства животныхъ требуютъ, чтобы хорошо обращались съ животными, но имъ и въ голову не придетъ протестовать, зачѣмъ лошадь не пользуется полною равноправностью со своимъ хозяиномъ. Они знаютъ, что въ лошади, когда она стоитъ въ конюшнѣ передъ стойломъ, ни разу не шевельнется горькаго чувства, что вотъ ее, которая та къ вѣрно служить хозяину, и на порогъ его комнату не пускаютъ; еслибы въ лошади хоть разъ могъ проявиться подобный протестъ, онъ навѣрное нашель бы отзывъ въ тысячѣ сердцахъ. Что особенно поддерживало у насъ крѣпостное право, какъ не то вкоренившееся въ массѣ образованныхъ людей мнѣніе, что русскій мужикъ — почти что безсловесное, лѣнивое, пьяное животное, что

надъ видѣ можно дѣлать, что угодно, что безъ розогъ съ нимъ нельзя обходиться, что розги причиняютъ ему одну физическую боль и нисколько не дѣйствуютъ на его загроубѣлую нравственную природу, что мужикъ нисколько не возмущается противъ своей неволи, что, напротивъ того, онъ пропагъ бы, еслибы его освободили, какъ грудной младенецъ, брошенный на улицу. Въ чемъ же должна заключаться цѣль реальной поэзіи, какъ не въ томъ, чтобы изучивши бытъ народа, проникнуть въ сердце простаго человѣка, на самой низкой степеніи развитія уловить крикъ и протестъ противъ неправды и выставить этотъ крикъ на первый планъ, какъ доказательство того, что какъ бы ни былъ невѣдественъ мужикъ, а онъ все-таки человѣкъ; и, какъ человѣкъ, имѣеть право на всѣ человѣческія блага. Гг. Тургеневъ, Григоровичъ и Писемскій — въ былое время, когда они были еще молодые писатели, стояли на этомъ пути и старались изучать человѣческіе элементы въ быту простаго народа. Г. Успенскій, хотя и цѣлнымъ поколѣніемъ моложе ихъ, но видно сильно во всѣхъ насъ старая завяска, и горе тому писателю, который *добросовѣстно, старательно не работаетъ* надъ изученіемъ народнаго быта, а будетъ дѣлать дѣло спустя рукава, и не тревожить своихъ высоко развитыхъ мозговъ, чтобы подумать, какъ недалеко отошелъ онъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, если продолжаетъ ничего не видѣть въ мужикахъ, какъ безсловесныхъ скотовъ и олуховъ. Немного нужно было подумать г. Успенскому, чтобы понять, какимъ обоюдоострымъ оружіемъ играетъ онъ. Прочтите рассказы «Хорошее житье», «Змѣи», «Поросенокъ» и многіе другіе; г. Успенскій рисуетъ въ этихъ очеркахъ тупоуміе и отсутствіе всякаго здраваго смысла въ мужикахъ до того, чтобы внушить вамъ, до какого печальнаго положенія доведенъ мужикъ крѣпостнымъ правомъ. Но факты, выставленные имъ, могутъ служить отличными доказательствами необходимости того же самаго крѣпостнаго права. Приверженцы крѣпостничества на такіе именно факты и опираются въ своихъ доводахъ въ пользу крѣпостнаго права, и очерки г. Успенскаго могутъ доставить отличный матеріалъ для нихъ; они еще болѣе убѣдятся, прочитавши эти очерки, что крестьяне, представленныя сами себѣ, погибнуть по своей глупости, чуть-что не съѣдятъ другъ друга. «О какомъ же тутъ народномъ самоуправленіи толкуете вы, возразятъ гг. Катковъ или Скратинъ, прочитавши рассказы г. Успенскаго «Хорошее житье», коли вы сами ничего не видите въ мірской сходкѣ, кромѣ взаимнаго разоренія крестьянъ посредствомъ оштія другъ друга?»

Что такіе факты существуютъ, что ихъ слѣдуетъ выставить какъ печальныя слѣдствія всей прошлой жизни нашего крестьянства, я нисколько противъ этого не спорю, но рядомъ съ этими фактами писатель обязанъ выставить факты другаго рода, которые показали бы, что самоуправленіе въ средѣ народа возможно и необходимо. Этихъ фактовъ въ очеркахъ г. Успенскаго нѣтъ;

онъ ихъ не знаетъ; онъ не позаботился изучить ихъ; онъ не пошелъ даже рутиннаго, пошлаго взгляда на мужика, какъ на основнаго чурбана, и этого взглядъ не замедлилъ привести г. Успенскаго къ такимъ возрѣніямъ, которыя ставить его солидарнымъ съ тенденціями «Вѣсти». Такъ въ своихъ «Деревенскихъ письмахъ» г. Успенскій вдругъ, ни съ того, ни съ сего, разражается слѣдующею тирадою:

«Вѣдность и невѣжество русскаго крестьянина привели его къ тому, что онъ очень часто не цѣнитъ своего собственнаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не цѣнитъ и чужаго труда; онъ не имѣетъ понятія ни о правахъ собственныхъ, ни о правахъ другой личности. *Для него условій и законовъ гражданской жизни не существуетъ!*»

Подобная тирада совершенно въ скарятинскомъ духѣ какъ-то странно бьетъ въ глаза среди статьи, въ которой вы найдете много вѣрныхъ замѣчаній и наблюденій. Появленіе подобнаго пошлаго приговора свисока только и можно объяснить, что поверхностнымъ взглядомъ на предметъ, о которомъ пишетъ писатель, недостаткомъ основательнаго изученія предмета и полнымъ отсутствіемъ хотя малѣйшаго напряженія мысли.

Неизмѣримо выше, если не по знанію народной жизни, то по таланту стоитъ г. В. Слѣпцовъ. Какъ писатель талантливый, г. В. Слѣпцовъ далеко отъ высказыванія такихъ пошлостей, до какихъ додумывается порою г. Н. Успенскій. Отношеніе его къ народу гуманнѣе, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что въ очеркахъ его на первомъ планѣ стоитъ не безцѣльное обличеніе пресловутаго «невѣжества мужика», какъ у г. Успенскаго, а стремленіе показать, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ крестьянину нашему администрація, совершенно чуждая быту его. Но въ очеркахъ г. Слѣпцова вы видите то же отсутствіе типовъ и психическаго анализа, какъ и у г. Успенскаго, то же ограниченіе случайными сценами, мелькомъ схваченными на большой дорогѣ. Отношенія администрація къ быту крестьянина — это громадный вопросъ, который требуетъ глубокаго изученія народнаго быта; не забудьте, что этии отношеніями обуславливается не одно комическое, но и глубоко трагическое въ жизни крестьянина. Г. Слѣпцовъ ограничился одною комическою стороною; да и для характеристики этой комической стороны г. Слѣпцовъ выбираетъ постоянно такіе рѣдкіе, случайные факты, которые имѣютъ почти анекдотическій характеръ: то онъ выставитъ вамъ мужика, который заплатилъ деньги писарю, чтобъ его поскорѣе висѣли (см. Ночлеги, Р. Оч. Сд. Сл. ч. I, стр. 155), то онъ изобразитъ вамъ, въ какой просакъ попался крестьяне при встрѣчѣ высокой особы по случаю негодныхъ свиней, испугавшихъ лошадей особы (рассказъ «Свиньи»), то онъ разсмѣшитъ васъ представивши какъ крестьяне пьянаго приняли за мертваго и что изъ этого вышло («Мертвое тѣло»), — все это преисполнено комизма, вы хохочете, читая повѣсти г. Слѣпцова, какъ вы не смѣялись

со времени Гоголя, но дайте смѣха вы не идете. Факты, представляемые г. Слѣпцовымъ, или слишкомъ мелочны, или слишкомъ случайны, чтобы заставить васъ серьезно задуматься надъ ними, и тѣмъ болѣе, что гонясь слишкомъ за комизмомъ, въ которомъ и безъ того нѣтъ недостатка у г. Слѣпцова, писатель впадаетъ на каждомъ шагу въ явную утрировку, вслѣдствіе которой очерки еще болѣе теряютъ въ значеніи истинныхъ фактовъ народнаго быта. Такую утрировку вы видите, напримеръ, въ разсказѣ «Свиньи», гдѣ г. Слѣпцовъ заставляетъ крестьянъ вѣрить, что будутъ ѣздить на людяхъ, и разсказываетъ, какъ, подъ влияніемъ этихъ слуховъ, бабы начали бить горшки и всякую посуду. Что народъ, даже и не крестьянскій, а нѣсколько повыше, способенъ повѣрить всякому слуху, какъ бы онъ ни былъ нелѣпы, это не рѣдкость, но есть всему извѣстная мѣра, и битье горшковъ бабами прибавлено писателемъ, повидимому, ни для чего иного, какъ ради краснаго слова. Столь же пересолена въ «Мертвомъ тѣлѣ» та сцена, гдѣ мужики въ первый разъ увидѣли мнимаго мертвеца воскресшимъ и явившимъ къ нимъ среди дороги, и не рѣшаются подойти къ нему. Я полагаю, что крестьянамъ такъ часто приходится имѣть дѣло съ опившимися до полусмерти, что такое явленіе не составляетъ для нихъ особой новости, они порядки эти отлично знаютъ, и первое, что естественно могло придти имъ въ голову послѣ исчезновенія покойника — это скорѣе всего то, что мнимый покойникъ былъ просто слишкомъ выпившій и потомъ отрезвившійся человѣкъ. Къ тому же писатель опустилъ тотъ простой фактъ, что суевѣрный страхъ разыгрывается преимущественно ночью и въ одиночествѣ, днемъ же и въ толпѣ онъ далеко не можетъ имѣть такого характера, какой вы видите въ разсказѣ. Комедія немого потеряла бы смѣхотворнаго эффекта, еслибы писатель выбросилъ всѣ разсужденія о ходящихъ покойникахъ, которыя тутъ вовсе не къ мѣсту, но за то выиграла бы въ естественности развитія сюжета.

V

Г. Рѣшетниковъ, хотя не обладаетъ и половиною таланта г. Слѣпцова, но за то относится къ своему дѣлу гораздо серьезнѣе. Въ своихъ Подлиповцахъ онъ рисуетъ бытъ восточныхъ нашихъ инородцевъ. Люди эти стоятъ на степени развитія неизмѣримо низшей, чѣмъ всѣ *натуральные музыканты* г. Успенскаго; у нихъ до сихъ поръ еще сохраняется фетишизмъ въ самой грубой его формѣ; они болѣе звѣроловы, чѣмъ земледѣльцы; они и не подозреваютъ о существованіи міра дагѣе ихъ деревни; имъ и въ голову не приходитъ, что они живутъ въ огромномъ и благоустроенномъ государствѣ. Г. Рѣшетниковъ не утаиваетъ ихъ дикости, невѣжества, и здѣсь вы действительно видите людей, для которыхъ, по выраженію г. Успенскаго, *успо-*

вой и законовъ гражданской жизни не существуетъ. Но выстав-
 ляя цѣлый рядъ комическихъ положеній, въ которыя становятся
 герои этого быта — Пила и Сысойка, г. Рѣшетниковъ не забы-
 ваетъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ основными чурбанами, а съ
 людьми. На самой высшей степени развитія, на которой люди
 ничѣмъ почти не отличаются отъ звѣрей, г. Рѣшетниковъ
 сумѣлъ уловить тѣ человѣческія чувства и стремленія, которыя
 руководятъ въ жизни и тебѣ, высокообразованный читатель. Эти
 чувства и стремленія, въ связи съ обстановкою, въ которой жи-
 вутъ герои, и изъ которой рвутся они со всею энергіею дика-
 рей, составляютъ трагическій элементъ разсказа, который, соеди-
 няясь съ комическими сторонами, производитъ на васъ потрясаю-
 щее впечатлѣніе: вы не можете ограничиться здѣсь однимъ
 смѣхомъ, что вотъ молъ, ха, ха, ха!... какіе идіоты и уроды
 существуютъ на свѣтѣ среди такихъ развитыхъ и умныхъ людей,
 какъ я... Вы чувствуете глубокое сочувствіе къ этимъ уродамъ,
 потому что вы видите въ нихъ братьевъ своихъ по человѣче-
 ству, вамъ жалко ихъ, вы страдаете ихъ страданіями и воз-
 мущаетесь за нихъ всею душою... На первыхъ страницахъ передъ
 вами открывается такой бытъ, въ средѣ котораго вы, конечно, и
 заподозрить не можете какиихъ либо такъ-называемыхъ возвы-
 шенныхъ чувствъ, которыя составляютъ гордость нашей цивили-
 зованной жизни: какія тутъ возвышенныя чувства, когда люди
 только и думаютъ о томъ, какъ бы не помереть съ голоду; а
 между тѣмъ посмотрите, какъ и въ этомъ быту пробиваются
 истинно человѣческія отношенія, которыхъ, что грѣха таить,
 не всегда можно встрѣтить и въ цивилизованномъ обществѣ.

«Гаврило Гавриловичъ Пилинъ, по подлиповскя Пила, былъ
 человѣкъ добрый, пробойный и работящій. Онъ одинъ изъ
 подлиповцевъ понялъ, что ничего не дѣлая жить нельзя; онъ
 какъ нибудъ старался принесть себѣ работу, сбыть ее, *а ма-
 лое, услужить своимъ подлиповцамъ.* Назадъ тому годъ Пила
 постоянно стрѣлялъ дичь и сбывалъ ее въ городѣ, хлѣбъ у него
 водился; но какъ-то разъ утопилъ ружье въ рѣкѣ, самъ просту-
 дился, и, пролежавъ два мѣсяца, обвѣнѣлъ до того, что ему съ
 семействомъ привелось ѣсть кору, а коровѣ и лошадямъ вовсе
 нечего ѣсть. Оправившись послѣ болѣзни, Пила пособралъ
 у подлиповцевъ надѣванныхъ кадокъ, кузовковъ и лаптей, от-
 правился за больныхъ продавать въ селѣ и городѣ. У Пилы въ
 городѣ былъ знакомый хозяинъ постоялаго двора и онъ черезъ
 посредство его находилъ себѣ покупателей. Онъ и раньше во-
 зилъ вещи, но теперь постоянно сталъ заставлять подлиповцевъ
 работать, и для него ничего не значило съѣдить за сто верстъ;
*онъ одну половину денегъ отдавалъ крестьянамъ или покупалъ
 муки, а другую бралъ себѣ и покупалъ для себя нищи.* Если въ
 городѣ ничего не покупали, Пила шелъ собирать ради Христа
 и потомъ дѣлился съ подлиповцами. *Своимъ подлиповцамъ онъ
 помогалъ, чѣмъ только могъ.* Бывало, скажетъ подлиповцамъ: «чего

сидятъ, робь; я буду робить», и подлиповцы работаютъ съ Пилою; нѣтъ Пилы—подлиповцы лежатъ. Скажетъ подлиповцамъ: «смотри, траву надо косить», здоровые вдуть косить, а не скажи Пила, что надо траву косить, подлиповцы не догадаются. Всѣ подлиповцы любили Пилу и каждый спрашивалъ его совѣта или просилъ полечить, такъ-какъ Пила лечилъ больныхъ травами, хотя самъ не понималъ никакого толка въ травахъ».

Половыя отношенія въ томъ быту стоятъ повидимому почти на степеняхъ скотскаго удовлетворенія чувственности, а между тѣмъ и въ этомъ отношеніи г. Рѣшетниковъ сумѣлъ подмѣтить и очертить чисто человѣческія чувства, которыя дѣлали бы честь и самымъ высокообразованнымъ людямъ: «Наконецъ Пила и Сысойка увѣрились въ томъ, что Апросья умерла. Имъ сдѣвалось легче.

«Апросья умерла, убила. А з-то почто живу!» думали Пила и Сысойка.

— Пила, заруби мена! сказалъ Сысойко.

— Э!... ты заруби.

Оба они думали о смерти; но все-таки обоимъ имъ казаясь страшно умереть, обоимъ хотѣлось еще пожить...

— Поѣдемъ, Сысойко!... Поѣдемъ, говорилъ Пила.

— Куда къ лѣшимъ?

— Бурлачить.

— Убей мена!...

— Багачество... Ну, что въ деревнѣ? Апросья нѣтъ! Эхъ, горе! Пила заплакалъ.

Сысойко изругался; въ ругани онъ хотѣлъ излить все зло на эту жизнь—на все, чего онъ не понималъ...»

И вотъ пошли они изъ своей бѣдной, голодной земли искать *богачества*, а вмѣсто того нашли смерть подлѣ ярмомъ каторжнаго, неблагоприятнаго труда въ далекой сторонѣ.

Умѣть подъ грубою сермягою отличить бѣшеніе человѣческаго сердца, проникнуться радостями и горемъ простаго человѣка, перестрадать вмѣстѣ съ нимъ всѣ его страданія — вотъ чего не достаеъ гг. Успенскому и Слѣпцову и чѣмъ богаты г. Рѣшетниковъ.

Но, съ другой стороны, если мы будемъ разбирать рассказы г. Рѣшетникова съ точки зрѣнія того вопроса, о которомъ мы бесѣдуемъ въ этой статьѣ, то мы все-таки не можемъ назвать эти рассказы вполне народными. Они даютъ вамъ богатый этнографическій и художественный матеріалъ, но въ то же время они знакомятъ васъ съ однимъ только уголкомъ нашей жизни, да и то преимущественно не русской, а тѣхъ восточныхъ инородцевъ, которые едва только приняли русскій языкъ. Вслѣдствіе этого они далеко не имѣютъ общенароднаго значенія, интересъ ихъ частный, и, прочтя рассказы, вы все-таки не составите еще полнаго понятія не только о русской жизни вообще, но и о жизни бурлаковъ, которую они, между прочимъ, описываютъ. Для удостовѣренія въ этомъ прочтите рядомъ съ «Подлипов-

цами» «Торговую Волгу» Зарубина. Въ послѣдней вы откроете такіа черты жизни бурлаковъ, которыхъ вы не найдете въ «Подлиповцахъ», и наоборотъ.

Такое же умѣнье заглядывать въ сердце мужика вы найдете во многихъ очеркахъ г. П. Якушкина. Въ объективномъ отношеніи г. Якушкинъ не идетъ далѣе конкретныхъ фактовъ, случайно подмѣченныхъ имъ въ его странствіяхъ по землѣ русской; онъ не идеализируетъ русскаго мужика, не скрываетъ его недостатковъ, но радомъ съ ними онъ умѣетъ подмѣчать проблески и зачатки той новой жизни, которая раньше или позже можетъ разцвѣсть на русской землѣ. Возьмемъ для примѣра рассказъ «Небывальщина». Въ рассказѣ вы видите рядъ фактовъ, сообщенныхъ безъ всякихъ затѣй, какъ дорожныя наблюденія автора, въ достовѣрности которыхъ трудно усомниться.

Приставши къ партіи мужиковъ, ѣхавшихъ совершать воровскую порубку казеннаго лѣса, писатель началъ, конечно, упрекать ихъ, затѣмъ они занимаютъ воровствомъ, и вотъ какія разсужденія услышалъ онъ отъ нихъ:

— Ты должонъ возчувствовать! заговорилъ убѣдительно старикъ, одинъ изъ обоза: — ты это возчувствуй: кто работаетъ, тому за работу, за его потъ значить, и плата идетъ. Вотъ, къ примѣру, пахатъбу взять: ты вспахалъ, взборонилъ, засѣялъ — опять запахалъ; ждешь цѣлый годъ, что Господь зародитъ. Зародитъ Господь — не вотъ возьмешь!... А ты ее въ самое горячее времечко сожни, сважи, да въ копны положи... Вотъ ежели тѣ копны взять — кража!... За эту кражу передъ Богомъ отвѣтъ должонъ будешь держать!... Для того должонъ будешь отвѣтъ держать, что здѣсь, на той копнѣ, потъ, кровь человѣчья лежить... Я работалъ, трудился, ночей не доспалъ, а ты взялъ ее, матушку, и поднялъ! Мои слезы на тебѣ взмущутся!... А лѣсъ, ты говоришь? Кто его сажалъ? Богъ. Кто его берегъ, ростилъ? Все-таки Богъ!... Такъ ты не могъ говорить, что твой лѣсъ: лѣсъ божій!... Спроси у стариковъ: «Чей лѣсъ?» — «Лѣсъ въѣзжій!» скажутъ тебѣ тѣ старики.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія г. Н. Успенскаго, то въ подобномъ разсужденіи вы, конечно, ничего не увидите, кромѣ незванія невѣжественными мужиками никакихъ условій гражданской жизни. Если же вы вдумаетесь въ него поглубже, васъ поразитъ логика его. Откуда взялась эта логика? Является ли она необходимымъ, естественнымъ результатомъ трудовой жизни, на какой бы низшей степени развитія ни стояла эта жизнь? есть ли это рѣдкіе проблески мысли немногихъ умовъ? Фактъ, представленный г. Якушкинымъ, слишкомъ конкретенъ; писатель самъ смотритъ на него, какъ на нѣчто необычайное, какъ на небывальщину. Его поразила встрѣча съ такимъ фактомъ, какъ съ чѣмъ-то такимъ, чего доселѣ онъ не встрѣчалъ въ народномъ быту. Слѣдовательно, на основаніи одного этого факта

трудно дѣлать какіе-либо выводы. Но за то все это отлично показывается, какъ мало извѣстна намъ народная жизнь. Очень можетъ быть, что такіе факты нерѣдки въ жизни народа; очень можетъ быть, что вся путаница, которая случается иногда при сношеніяхъ народа съ другими слоями общества, на половину обуславливается невѣжествомъ народа, на половину происходитъ и отъ той логики въ словахъ старика при порубкѣ лѣса, которая такъ непохожа на официальную логику. Все это мы говоримъ только *можетъ быть*, потому что наши изучатели народнаго быта до сихъ поръ еще не привели насъ ни къ какому положительному факту и выводамъ относительно предмета ихъ изученія. Намъ остается только познать плечами, читая рядомъ съ очерками, въ которыхъ народъ представленъ неизмѣющимъ образомъ и подобіемъ человѣческаго, рассказы въ родѣ «Небывальщина». Съ одной стороны, тупоумныя бабы, которыя сами про себя говорятъ: «глупы, бабушка, глупы!», а съ другой — величественный типъ дѣвушки, прощающей своему любовнику его измѣну, и обращающейся въ любовницы въ его сестру родную (см. «Небывальщина». «Совр.» т. СХІ отд. I, стр. 20).

На болѣе высшей ступени знанія народной жизни мы должны поставить рассказы г. Левитова. У г. Левитова, какъ у г. Рѣшетникова, вы не найдете ни одного рассказа, въ которомъ бы жизнь народа представлялась съ одной какой нибудь исключительной стороны, со стороны одного невѣжества, или со стороны однихъ свѣтлыхъ сторонъ жизни народа. Мракъ невѣжества и суевѣрія, отношенія бѣдности къ богатству, ума къ глупости, силы къ безсилію, подлости и разлаганія къ молодымъ побѣгамъ всего живаго, здоровья, свѣтлаго, подобно тому, какъ это все чудно переплетается въ непрестанной борьбѣ въ жизни, въ такой же зависимости стоятъ это все въ рассказахъ г. Левитова. Въ каждомъ рассказѣ вы увидите такимъ образомъ жизнь съ разныхъ ея сторонъ, какъ она есть. Во то же время вы встрѣтите въ этихъ рассказахъ не безразлично-пестреныхъ мужичковъ съ бородами, а рѣзко очерченные типы съ глубокимъ психическимъ анализомъ ихъ. Возьмите вы, на примѣръ, одинъ изъ самыхъ обработанныхъ рассказовъ «Выселки». Въ этомъ рассказѣ писатель представляетъ вамъ такіе два типа, которые, по ширинѣ обобщенія, можно назвать не только общенародными, но и общечеловѣческими. Съ одной стороны представляется вамъ типъ Ивана. Это натура до крайности деликатная, кроткая, миролюбивая, любящая. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые, сколько бы ихъ ни притѣсняли, какъ бы они ни разочаровывались на каждомъ шагѣ, не перестаютъ любить всѣхъ и каждого братскою любовью. Мрачными, затаенными мизантропами такія личности сдѣлаться не могутъ. Величайшее достоинство, служащее величайшимъ ихъ недостаткомъ въ настоящее время, заключается въ томъ, что они не имѣютъ острыхъ зубовъ, чтобы отгрызаться; вслѣдствіе готовности помочь всѣмъ

и каждому, неопаматности и беззащитности съ ихъ стороны, люди эксплуатируютъ ихъ на каждомъ шагу совершенно безнаказанно, и вся жизнь этихъ несчастныхъ пасынковъ природы обращается въ безысходное мученіе. Страннѣе всего то, что, не имѣя силъ отражать нападенія всякаго рода, люди эти обладаютъ иногда невѣроятною силою мужественно сносить всё гоненія судьбы и людей, нисколько не падая духомъ.

Таковъ Иванъ въ «Виселкахъ». Отецъ его просилъ колдуню, вѣроугодно, за то, что былъ умнѣе всѣхъ на селѣ. Провище это перешло и на сына. Ивану нельзя было выйти на улицу, чтобы онъ не былъ встрѣченъ градомъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій:

«Насмѣшки, снѣжные комья безъ счета сыпались въ Иванову спину; а онъ, бывало, какъ раненый медвѣдь, сгорбится весь и развалистой рысью улепетываетъ отъ толпы, не допытываясь у нея, за что она каждый разъ преслѣдуетъ его, какъ хищнаго волка. Только, бывало, когда уже черезчуръ невтерпѣжь приходились ему потѣхи односельцевъ, останавливался онъ передъ толпой и толковалъ ей:

— Братцы! Грѣхъ вамъ передъ Господомъ Богомъ будетъ, что вы на крещенаго человѣка, какъ на бѣшеную собаку улюлюкаете!

— Ахъ ты колдунъ-чорты! орала на него толпа. — Туда же про Господа Бога толкуеть! И снѣжные комья сыпались на него все гуще и гуще.

Жена упрекала Ивана за его беззащитность.

— Что это у тебя, Иванъ, заговаривала съ нимъ жена, когда онъ, облаченный отъ волосъ до пятъ, приходилъ съ улицы въ избу: — ровно и словъ никакихъ для твоихъ обидчиковъ нѣтъ! Ты бы, чѣмъ мямлить-то съ ними: тае да подтае, да энтого-тае, отлуплялъ бы какаго нибудь идола, али бы въ правленьи ножаловался. Они, можетъ, помирнѣе бы стали.

«Посмотритъ Иванъ на жену, послѣ этихъ словъ, — во всѣ смиренныя глаза свои поглядитъ, ровно бы дивится ея великой неправдѣ и скажетъ:

«— Любушка ты моя! Никогда я на словахъ-то рѣчишь не былъ. Не сговорю я съ ними, пожалуй, на словахъ-то: а ужъ лучше стану я лаской съ ними обращаться. Тихостью я, можетъ, полажу какъ-нибудь съ ними, тихостью...

«И такъ-то онъ славно тихостью своею ладилъ съ сосѣдами, что они, бывало, на сходкѣ только и дѣла дѣлаютъ, что вино съ него опиваютъ, да на него-же каждый день то подводу, то какую-нибудь другую мирскую повинность навалить ухитряются».

Наконецъ и Иванъ не выдержалъ, но весь протестъ его противъ людскихъ неправдъ ограничился тѣмъ, что онъ ушелъ отъ людей со своимъ семействомъ въ виселокъ.

Совершенно противоположною личностью является передъ нами Петръ Крутой. Человѣкъ практической, дѣятельной, энерги-

ческий, онъ въ то же время весь вылился въ одинъ вопиющій протестъ противъ людей и противъ себя. Куда ни бросаетъ его судьба, онъ нигдѣ не можетъ ужиться съ людьми; отовсюду уносятся онъ мрачную ненависть къ нимъ и ожесточеніе. Уже съ дѣтства успѣлъ онъ ожесточиться противъ людей. Какъ ребенокъ, щедро одаренный богатыми силами, онъ въ младенчестве уже обращалъ на себя всеобщее вниманіе, какъ нѣчто необыкновенное, а такъ-какъ народъ по своему умосозерцаію привыкъ во всемъ необыкновенномъ видѣть сверхъестественное, то въ деревнѣ и сложилось убѣжденіе, что лѣшій подмѣнилъ ребенка, подсунувъ матери своего лѣшенка.

«Сталъ я лишь человѣческую рѣчь понимать, какъ ужъ люди меня отъ себя гнать начали. Зашушукали они около меня—и свои, и чужіе, кивками да морганьемъ съ боязнью стали на меня показывать, вотъ-де, онъ, ребята, обмѣненокъ-то! Глядите, какіе они—лѣшевы дѣтениши-то бываютъ... Примѣчайте!.. Къ ребятамъ, бывало, въ какую-нибудь игру присунешься, тоже отди ихъ и матери за руку меня возьмутъ и отведутъ отъ нихъ: Петруша, поди-ка, мать тебя велѣла домой послать, гостинцевъ она тебѣ добыла. Ласково такъ говорятъ, потому обмѣненка боится всѣ. Пойду я, бывало, отъ ребятокъ, а мужикъ какой отгонитъ меня, сейчасъ-же на нихъ закричитъ:—я вамъ задамъ, пострѣли, какъ съ обмѣникомъ водиться! Еще пуще лупилъ я свои отъ матери большія бѣльня, глядя и раздумывая, отчего это ребяташи не играютъ со мной, а чего больше про меня другъ съ другомъ шепчутся все? И повадился я тутъ, братецъ ты мой, въ лѣсъ ходить; зайду, бывало, въ трупку какую лѣсную и сижу тамъ, и такъ-то мнѣ это въ привычку вошло, что я въ лѣсу ужъ и заночевывать сталъ, потому глядишь тамъ, думаешь, думаешь—и никто тебѣ ни въ чемъ не мѣшаетъ, никто не сердитъ. Много я въ томъ лѣсу ребячьихъ слезъ разронялъ, не то, чтобъ отъ обиды какой,—не зналъ я тогда обидъ,—а такъ, на душѣ было ужъ очень спокойно».

«Такъ и впрямь я, Федоръ Протасичъ, въ лѣсу дубомъ какимъ-то безчувственнымъ. Глядишь иной разъ на людское горе, и смѣешься втихомолу: чѣмъ, молъ, какво? А чаще того хочется тебѣ каждому божьему человѣку добрыя слова цѣлый день толковать, горькому житью всею кровью своею помочь хочется, а морда-то у меня, не въ мою силу, сама на богъ гнется, глаза-то насунятся, да вмѣсто слезъ, по старинному, въ носъ и упрутся. Упрутся, и думаешь тогда: ничего, молъ, переждешь! Я же вѣдъ жду. Такъ вотъ, солдатъ, кака моя неволя!»

Изъ этихъ выдержекъ вы можете заключить, какъ рѣзко очерчивается и анализируется г. Левитовъ типы своихъ героевъ. Эти выдержки опредѣляютъ въ то же время весь характеръ разсказовъ г. Левитова: вы видите, что г. Левитовъ изображаетъ ту же грубость нравовъ, невѣжество и суевѣріе крестьянъ, что и г. Успенскій. Эти мрачныя стороны жизни простаго народа

представляются въ очеркахъ г. Левитова еще рѣзче, чѣмъ у г. Успенскаго: можно-ли представить себѣ что-нибудь безчеловѣчнѣе среди, въ которой закидываютъ на улицѣ грязью человѣка, не имѣющаго духу отплатить за это тукманкою; что можетъ быть ужаснѣе и негнѣвнѣе того диваго суевѣрія, которое заставляетъ родителей въ ребѣнѣ своемъ воображать подмигивающаго дѣшека. Но г. Левитовъ выставляетъ все это не для того только, чтобы показать, какіе смѣшныя пассажиры выходятъ иногда на свѣтъ. Въ грубости нравовъ и суевѣрїи болѣе ужаснаго, чѣмъ смѣшнаго. Еслибы суевѣріе влекло за собою только такія послѣдствїя, что мужики подавали иногда просьбы становымъ о летучемъ змѣѣ, беспокоящемъ ихъ по ночамъ (см. разсказъ г. Н. Успенскаго — Змѣя), въ такомъ случаѣ нечего было бы особенно и хлопотать о такой ничтожности: но суевѣріе имѣетъ болѣе серьезное вліяніе на жизнь народа: оно обуславливаетъ собою много бѣдъ, которыя терпятъ темный человѣкъ въ своей, и безъ того нерадостной жизни, и великое преимущество г. Левитова передъ г. Н. Успенскимъ заключается въ томъ, что, не ограничиваясь однимъ смѣхомъ надъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, онъ старается раскрыть передъ вами, какъ терпятъ и гибнутъ отъ этихъ мрачныхъ сторонъ народной жизни молодыя, свѣжія силы, рвущїяся на широкій просторъ.

Но представляя замѣчательно-глубокое знаніе народной жизни, очерки г. Левитова сильно страдаютъ отъ полнаго отсутствїя обработки: писатель представляетъ вамъ факты своего знанїя отрывочно, по ключамъ, размаивая ихъ безконечными описанїями природы, приправленными сентиментальными восклицанїями о величественной красотѣ южныхъ степей. Ни одного почти разсказа не найдете вы, который былъ бы вполне законченнымъ цѣлымъ; вы видите постоянное стремленіе со стороны писателя соудать что-то такое изъ тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которыми онъ владѣетъ, и въ то же время, какое-то странное безсиліе.

VI.

Въ ряду нашихъ народныхъ писателей, видное мѣсто занимаетъ г. Островскій. Его комедїи, въ свою очередь, страдаютъ односторонностью. Онъ ограничился изученїемъ одной только стороны быта народа: нравовъ нашего купечества; да и въ этомъ ограниченномъ кругѣ онъ не идетъ далѣе анализа семейныхъ отношенїй. Это ограниченїе однимъ анализомъ семьи есть печать, наложенная на комедїи г. Островскаго тѣмъ временемъ, въ которое протекли лучшіе годы писателя. Въ 40-ые и 50-ые годы, когда общественной жизни, общественныихъ интересовъ не было почти никакихъ, когда все было заперто въ тѣсный кругъ семейной жизни, наши писатели главное свое вниманїе обращали на анализъ семейныхъ началъ. Это же самое мы видимъ и въ комедїяхъ г. Островскаго. Ограни-

живши свое творчество анализомъ семейныхъ началъ, г. Островскій и въ этомъ кругѣ сдѣлалъ для себя новое ограниченіе: онъ избралъ предметомъ своихъ комедій проявленіе семейнаго самодурства и различныя страданія, которыя терпятъ домохозяйки отъ Титовъ Титычей и Кабанихъ. Такое узкое ограниченіе рамокъ творчества ничему не мѣшаетъ въ драмахъ, въ родѣ «Грозы» или «Свои люди сочтемся», но когда г. Островскій сидитъ втиснутъ въ эти же самыя рамки сюжетъ народнаго разсказа, обнимающій жизнь неизмѣримо шире и глубже, тогда узость рамокъ дѣлается большимъ недостаткомъ, бросается въ глаза и драма обращается въ пародію. Я говорю о драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется». Эта драма основана на народномъ разсказѣ, замѣчательномъ по своей глубинѣ. Въ народѣ ходятъ нѣсколько такихъ разсказовъ, легендъ и пѣсенъ, которыя ждуть своего Гёте для созданія русскаго Фауста. Основаніемъ этихъ разсказовъ служитъ одинъ изъ роковыхъ вопросовъ жизни: вопросъ о невозможности удовлетвориться узкою сферою одной семейной жизни и о стремленіи человѣка вырваться изъ этой сферы на просторъ. Стремленіе это проистекаетъ изъ того свойства человѣческой природы, что каждый элементъ его, самый необходимый, можетъ быть обращенъ во зло и гибель человѣка, если онъ возьметъ перевѣсъ надъ всѣми прочими и человѣкъ будетъ стараться всю свою природу втиснуть въ этотъ преобладающій элементъ. Семейное начало составляетъ необходимый элементъ въ жизни человѣка, но сомкните всю жизнь человѣка въ тѣсную сферу семейнаго круга, лишите въ то же время человѣка всякой общественной дѣятельности, въ которой былъ бы выходъ честолюбію, самолюбію, чувству братства — и та же семья, которая могла бы въ другомъ случаѣ служить отрадою для человѣка, сдѣлается его тюрьмою. Въ этомъ отношеніи, положительно можно сказать, что только тотъ человѣкъ можетъ быть хорошимъ, надежнымъ семьяниномъ, для котораго семья не составляетъ исключительнаго интереса жизни, который, сверхъ того, имѣетъ другіе интересы высшіе, всеобъемлющіе. Если же такихъ интересовъ у человѣка нѣтъ, то положеніе его въ семьѣ становится крайне неустойчивымъ; хотя семейныя наклонности его будутъ и удовлетворены, но у него останется цѣлый рядъ неудовлетворенныхъ страстей, которыя будутъ искать своего выхода; человѣкъ постоянно будетъ чувствовать въ своей груди какого-то демона, который будетъ тянуть его изъ семейнаго круга на какой-то широкій просторъ, на что-то праздничное, шумное, полное жизни и движенія... Вотъ вслѣдствіе такого стремленія такъ часты бываютъ случаи, что живетъ человѣкъ вполне, повидимому, счастливо въ своемъ семейномъ кругу, наслаждается жизнію чуть что не райскою, и вдругъ этотъ семейный рай дѣлается для него мрачною тюрьмою, ему становится противно смотрѣть на стѣны своего дома, и онъ пускается въ какой-нибудь дикій разгулъ, или бросается

въ новую любовь, въ которой надѣется найти то, чего не нашелъ въ старой. Народъ нашъ, на каждомъ шагу встрѣчаясь съ явленіями подобнаго рода, сложилъ про нихъ множество разсказовъ. Героизмъ этихъ разсказовъ постоянно является удалой молодецъ, который не хочетъ поступать по старымъ отеческимъ законамъ, не хочетъ повиневаться своимъ родителямъ, онъ стремится жить по своей буйной волюшкѣ. И вотъ, пренебрегши всѣми родительскими увѣщаніями, безъ родительскаго благословенія, идетъ, куда глаза глядятъ, искать лучшей доли. Таковъ купеческій сыночекъ Савва Грудницъ: промотавши отцовскія деньги, прельстивши жену своего благодѣтеля, онъ продаетъ потомъ душу чорту и вмѣстѣ съ нимъ, подобно Фаусту, летаетъ по свѣту на коврѣ-самолетѣ, ища различныхъ приключеній. Таковъ герой повѣсти о Горѣ-алосчастіи, путешествующій по бѣлому свѣту, вмѣстѣ съ нуждою. Проведа своего героя савовъ дини разгулъ вырвавшихся на волю страстей, народъ приводилъ героя къ концу разсказа къ раскаянію; но это раскаяніе является обыкновенно не въ видѣ возвращенія подъ мирной семейный кровъ: герой находитъ убѣжище въ монастырѣ. Мы просимъ читателей вдуматься въ философію этого исхода. Монастырь, въ глазахъ народа, постоянно служитъ единственнымъ выходомъ изъ узвой сферы семьи, и въ то же время, общественнымъ служеніемъ, выше, идеальнѣе котораго народъ не можетъ себѣ представить. Какого-нибудь другаго выхода, кромѣ монастыря, раскольничьяго скита, пустыни или страннической жизни по святнямъ въ глазахъ народа нѣтъ. Вотъ въ этомъ отношеніи было бы весьма полезно воспользоваться этимъ богатымъ сюжетомъ, столь знавомымъ народу, для того, чтобы осветить его анализомъ тѣхъ новыхъ идей, которыя внесены въ наше общество, и представить новый выходъ для героя, сообразно потребностямъ нашего времени. Посмотрите теперь, что адѣлалъ писатель, втиснувши этотъ сюжетъ въ узкія рамы вопроса о семейномъ самодурствѣ. Герой этого разсказа, Петръ Ильичъ, купеческій сынъ, встрѣтилъ на пути, на постояломъ дворѣ, ищанскую дѣвушку, влюбился въ нее, увезъ ее отъ родителей и женился на ней. Что, казалось, могло помѣшать семейному счастью его: молоденькая, хорошенькая жена души въ немъ не чаяла, добра было у него вдоволь; но вдругъ все это — и жена, и добро, и домъ цѣлый — ослыпѣли ему. Онъ бросился въ буйный кутежъ, полюбилъ Грушу, дочь содержательницы постоялаго двора и, чтобы склонить ее на любовь, вздумалъ сказываться холостымъ; когда потомъ истина вышла наружу, онъ вознамѣрился убить свою жену.

Вы посмотрите, какой это прекрасный сюжетъ для трагедіи. Какую глубокую трагическую коллизію могъ бы представить писатель, еслибы онъ выставилъ человѣка по натурѣ своей съ хорошими задатками; человѣкъ этотъ искренно стремится сдѣлаться добрымъ семьяниномъ, но онъ несчастенъ тѣмъ, что въ

грудь его кипитъ богатая сила, которая рвется на просторъ. Онъ самъ не радъ тѣмъ бурнымъ страстямъ, которыя поднимаются въ немъ; онъ проливаетъ себя, борется противъ нихъ, но онъ, какъ потокъ вырвавшійся на волю, увлекаетъ его и приводитъ къ цѣлому ряду преступленій за неимѣніемъ никакого другого разумнаго выхода для этихъ страстей. Передъ вами былъ бы злодѣй, но вы сочувствовали бы этому злодѣю, вы бы глубоко задумались надъ его судьбою. И что же сдѣлалъ г. Островскій изъ этого сюжета чисто шекспировскаго? Онъ представилъ въ лицѣ Петра Ильича дикаго самодура, который кутить, мѣтаетъ женѣ, чуть не губить дѣвushку—такъ зря, изъ одной самодуровой прихоти, а водъ конецъ приходитъ къ слѣдующему повелѣнію:

Петръ (*озирается*). Кто тутъ? Что вы за люди? Жена? Живе вы люди, или нѣтъ? Скажите мнѣ ради-бога.

Даша *. Что съ тобой?

Петръ. Не стою я, окаянный, чтобы глядѣть-то на вась! Да и не глядѣлъ бы, кабы не чужія молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! (*становится на колѣни*).

Агафонъ ** (*подымая его*). Что ты, что ты? Петръ Ильичъ! Встань, встань!

Петръ. Я вѣдь грѣшникъ, злой грѣшникъ! Ужь я показь передъ вами, легче мнѣ будетъ на душѣ моей. Вотъ до чего гульба-то доводитъ: я вѣдь хотѣлъ жену убить... безвинно убить хотѣлъ. Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за нею. Мерещатся мнѣ разныя диковины, да люди какіе-то незнакомые, а за ними... а за ними... Спрашиваю: гдѣ жена? Она смѣются, да куда-то показываютъ. Я все шель, шель... вдругъ гдѣ-то колоколь... Я только-что поднялъ руку, гляжу, а на самомъ-то юру Москвы-рѣки стою надъ прорубомъ. Вспомнить-то страшно! И теперь морозъ по кожѣ подираетъ! Жизнь-то моя, прошлая, распутная-то, вся вотъ, какъ на ладонѣ, передо мною! Натерпѣлся я страху, да и подѣломъ! Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я злодѣй надъ пропастью. Вотъ они, правдивыя-то слова. Такъ оно и вышло! Ужь не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба! Батюшка, матушка, поживите у насъ!.. Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ... Да и къ батюшкѣ-то сходите, скажите ему... самъ-то я не смѣю идти.

Всѣ. Помогни тебѣ Богъ!

— Агафонъ. Что, дочка, говорилъ я тебѣ!

— Даша (*бросаясь къ Петру*). Голубчикъ, Петръ Ильичъ!

— Такое окончаніе драмы придаетъ ей характеръ мѣщанской узенькой морали. Послѣ трогательнаго исправленія сбывшагося съ пути

* Жена Петра.

** Отецъ Даши.

героя и правоучительнаго поученія передъ закрытіемъ занавѣси, зрителю только и остается, что сердобольно вдохнуть и отправляться домой съ умиленнымъ сердцемъ и обѣщаніемъ никогда отъ жены на сторонѣ не гулять и родителямъ повиноваться. Очень можетъ быть, что народный разсказъ, послужившій г. Островскому сюжетомъ драмы, имѣеть такое же заключеніе. Но писатель не долженъ былъ упускать изъ виду, что народныя легенды составляютъ общее достояніе всего народа; каждый разскащикъ по своему разумѣнію можетъ передѣлывать легенду, сообщать ей болѣе или менѣе широкое значеніе, и извлекать изъ нея мораль, соответствующую большей или меньшей узости своего мышленія. Вслѣдствіе этого каждая легенда, сохраняя основной мотивъ, ходитъ по народу въ различныхъ варіаціяхъ, при чемъ очень часто истинный, глубокой смыслъ легенды въ устахъ скудоумныхъ разскащиковъ совершенно теряется и легенда пропитывается какою нибудь мелкою, ходячею моралью. Художникъ, желающій основать свое произведеніе на народной легендѣ, очевидно долженъ взять эту легенду въ ея чистомъ и глубоко-философскомъ видѣ. Хорошо быль бы Гёте, еслибы онъ, не вдумавшись въ философскій смыслъ легенды о Фаустѣ, изобразилъ бы въ лицѣ Фауста такъ себѣ кутилу и весельчака, продающаго свою душу Мефистофелю рода простаго желанія веселья кутнуть въ своей жизни; а въдъ въ устахъ многихъ разскащиковъ легенда о Фаустѣ не имѣеть другаго значенія, кромѣ узкаго смысла житейской морали.

Но, выставивъ на видъ, въ какой просакъ можетъ быть поставленъ писатель, если онъ, ограничивши свое творчество очень узкимъ кружкомъ, возьмется за сюжетъ, содержаніе котораго обнимаетъ жизнь неизмѣримо шире и глубже, а спѣшу предупредить читателя, что это справедливо только по отношенію къ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется»; въ другихъ же своихъ комедіяхъ и драмахъ г. Островскій стоитъ на твердой почвѣ, потому что онъ избираетъ сюжеты, которые вполне соответствуютъ тому ограниченію, которое онъ для себя избралъ. Это ограниченіе принесло даже свои выгоды писателю: отнѣривши себѣ небольшой уголокъ жизни, писатель могъ изучить этотъ уголокъ гораздо добросовѣстнѣе и тщательнѣе, чѣмъ еслибы онъ изучалъ сразу всю жизнь во всей ея сложности. Вслѣдствіе этого г. Островскій успѣлъ въ своемъ кружкѣ сдѣлать такіа обобщенія, до которыхъ немногимъ удавалось доходить изъ нашихъ народныхъ писателей. Всѣ сюжеты драмъ его представляютъ не конкретныя случайности, а общія явленія купеческой жизни на Руси; личности, выводимыя имъ на сцену, не простыя фотографіи отдѣльныхъ людей: — это типы, вмѣщающіе въ себѣ цѣлый рядъ людей, того или другаго рода. Прочтите вы, наприимѣръ, «Грозу»; не говоря о цѣломъ сюжетѣ, который такъ и напоминаетъ вамъ народныя пѣсни о заведеніи невѣстунегъ свекровами, ни одной сцены нѣтъ конкретной, случайной,

которая не вызывала бы въ васъ цѣлаго ряда воспоминаній о чемъ-то подобномъ. Вотъ поэтому комедія г. Островскаго и кажется вамъ народнѣе всѣхъ другихъ произведеній въ народномъ духѣ.

Этой степеню народности единственно только и можно опредѣлить значеніе художественнаго факта. Въ этомъ отношеніи актъ художественнаго творчества вы можемъ сравнить съ таинствомъ, который, повидимому, совершенно противоположенъ ему; но только, повидимому, — именно съ актомъ собиранія статистическихъ свѣдѣній. Когда вамъ знакомый говоритъ вамъ, что въ такой-то странѣ очень велика смертность и въ девизахъ начесть вдругъ приводить такіе факты, что вотъ, молъ, въ такомъ-то домѣ умеръ человѣкъ, въ такомъ-то умерло 2, въ третьемъ 3, и этимъ ограничатея всѣ его доказательства, вы имѣете полное право усомниться въ его предположеніи относительно общей смертности въ странѣ. Я вижу только, что въ такіе трехъ домахъ, о которыхъ говоритъ пріятель, дѣйствительно смертность велика, но и то можетъ быть въ данный только моментъ совершенно случайно; но могу ли изъ этихъ конкретныхъ фактовъ заключить объ общей смертности? Что же долженъ сдѣлать статистикъ, чтобы убѣдить меня въ своемъ предположеніи? Очевидно, онъ долженъ представить мнѣ общую цифру смертности всей страны, и тогда, по сравненіи этой цифры съ такими же цифрами въ прежнее время и въ другихъ странахъ, я могу вывести правильное заключеніе о смертности въ странѣ. То же самое можно примѣнить буквально и къ художнику: когда онъ имѣетъ дѣло съ какою-нибудь общою причиною, онъ не долженъ забывать того, что такая общая причина неизмѣнно вліяетъ на всю массу жизни и производитъ бездну фактовъ, которые, несмотря на все конкретное разнообразіе, однородны, потому что происходятъ отъ одной причины. Писатель долженъ обобщить всѣ эти факты; онъ долженъ представить мнѣ живой образъ, въ которомъ, какъ въ фокусъ, сосредоточивались бы отдѣльные факты, происходяшіе отъ общей причины. Такой образъ произведетъ на меня совершенно иное впечатлѣніе; у меня не можетъ въ такомъ случаѣ закрасться и тѣни какого-либо сомнѣнія: я вижу передъ собою явленіе, совершающееся на каждомъ шагѣ въ жизни, общее явленіе, и не могу же я подумать, что это общее явленіе жизни происходитъ отъ цѣлаго ряда какихъ-нибудь ничтожныхъ случайностей. Почему провозводить такое сильное впечатлѣніе произведенія Гоголя, какъ не вслѣдствіе тѣхъ громаднѣхъ обобщеній, которыя сдѣлалъ онъ: его чиновники и помѣщики, это не случайно встрѣтившіеся съ нимъ отдѣльные личности, съ которыхъ онъ списалъ портреты. Вы видите передъ собою рядъ типовъ, на каждомъ шагѣ встрѣчающихся въ жизни, и такова сила этихъ обобщеній, что несмотря на то, что Гоголь былъ далеко не такъ развитъ, чтобы осмыслить ихъ и подвести подъ законы и причины, они заставляютъ васъ невольно задумываться

самых надъ причинами таинствъ явленій, именно потому что они всеобщы. Загадки и загадки Островскаго. Поэтому же самому и трагедія Шекспира представляются намъ вполне народными: онѣ представляютъ самыя широкія обобщенія англійской жизни своего времени. Но вернуть народности въ поэзію для насъ, все-таки остаются безъискусственными народныя пѣсни: обобщенія ихъ до такой степени широки, что верѣдко въ одномъ образѣ, въ одномъ мотивѣ — онѣ, какъ въ фокусѣ, соединяютъ жизнь, стремленія, характеръ цѣлой эпохи народной жизни. Изъ этого изъ всего ясно вытекаетъ, что только народная поэзія можетъ имѣть претензію быть истинно полезною для жизни. Какъ бы писатели ни расширялись, подводя конкретные факты подъ общія причины, произведенія ихъ все-таки останутся безодказательны, они не будутъ производить никакого внушительнаго впечатлѣнія и будутъ имѣть интересъ чисто анекдотическій, то-есть будутъ служить художественными игрушками для безцѣльнаго наслажденія, совершенно въ духѣ искусства ради искусства. Если же поэту удастся обобщить жизнь народа, то-есть сдѣлать народнымъ, то даже въ такомъ случаѣ, если онѣ будутъ далеко неравны на столько, чтобы подвести свои обобщенія подъ причины и слѣдствія, произведенія его будутъ полезны для меня: они поразятъ меня общностью явленій, выраженныхъ въ нихъ, заставятъ невольно призадуматься надъ такими явленіями, и я самъ выведу причины и слѣдствія, можетъ быть такія, о какихъ и не думалъ писатель, когда писалъ свои произведенія.

VII.

До сихъ поръ мы говорили о содержаніи художественной литературы, о сущности ея; теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о другой ея сторонѣ, внѣшней, формальной. Въ то время, какъ въ предшествующія эпохи нашей литературы эту сторону ставили на первый планъ, видѣли въ ней нерѣдко единственную сущность искусства, въ послѣдніе 10 лѣтъ, по естественной реакціи, начали совершенно пренебрегать ею. Составилось мнѣніе, что главная сущность произведенія заключается въ здоровой, свѣтлой идее, а какъ будетъ проведена она — это рѣшительно все равно; хотя бы форма и нигуда не годилась, идея все-таки подѣйствуетъ. Съ точки зрѣнія подобнаго мнѣнія, очевидно, можетъ представиться излишней роскошью требовать, чтобы произведеніе поэта, будучи народнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, было народнымъ и по формѣ. Въ сущности же, если мы рассмотримъ внимательно, что зависитъ отъ этого требованія, мы увидимъ, что оно не роскошь, что оно не менѣе важно, чѣмъ и другія требованія.

Хотя мы и пренебрегаемъ внѣшними формами искусства, однако, мы требуемъ, чтобы писатели наши писали на русскомъ языкѣ, а не пофранцузски или поитальянски. Но вѣдь языкъ есть тоже ничего болѣе, какъ внѣшняя форма рѣчи. Не все ли

равно, и въ какомъ языкѣ ни напишеть писатель свое произведе-
ніе, лишь бы онъ провель полсеную для насъ идею. Да, и
Пьерра, и для Жана это все равно: они знаютъ всѣ европейскіе
языки и могли бы наслаждаться «Мертвыми душами» и въ
такомъ случаѣ, еслибы Гоголь написалъ ихъ поанглійски. Я
убѣжденъ въ томъ, что въ Россіи есть люди, которые впервые
читали Гоголя во французскомъ его переводѣ. Но все ли это
равно для Ивана, для котораго русскій языкъ единственная форма,
въ которой понятна для него человѣческая рѣчь? А такихъ Ива-
новъ большинство. Для нихъ-то и существуетъ русская литера-
тура; и она есть полное ихъ достоиніе, какъ мы говорили въ началѣ
статьи. Наука, занимаясь открытіями въ природѣ новыхъ пред-
метовъ, для которыхъ не существуетъ соответствующихъ словъ въ
языкѣ, поставлена въ печальную необходимость ежедневно изобре-
тать свои новыя слова и наводиться терминами, которые дѣ-
лаютъ ее доступною только для немногихъ адептовъ, знающихъ
ея языкъ. Но если мы вращаемъ ученому, когда онъ надаетъ
внугу, хотя и на русскомъ языкѣ, но въ которой для насъ
нѣтъ возможности понять ни одной фразы, то мы не впрестикъ
уже этого популяризатору, который вадумаетъ угодить насъ та-
кимъ же языкомъ. Еще болѣе посѣмее мы надъ безуміемъ
популяризатора, если онъ такимъ же языкомъ напишеть книгу,
предназначенную для всего народа. Что же сказать о худо-
жественной литературѣ, этой популяризаціи всѣхъ популяри-
зацій, цѣль которой объяснять народу его жизнь, преласить
въ немъ сознаніе его истинныхъ потребностей, возбуждать въ
немъ хорошіе нравственные инстинкты и открывать мрачныя
стороны его жизни—и вдругъ такая литература будетъ гово-
рить языкомъ, понятнымъ только для немногихъ? Такая ли-
тература мало того, что бесполезна, она преступна и безче-
стна совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ можно на-
звать поступокъ мой, если я на деньги, порученныя мнѣ нѣ-
сколькими знакомыми для покупки имъ чая, купалъ бы вдругъ
табаку, пригоднаго для одного меня.

Но требованіе, чтобы художественная литература употре-
бляла языкъ, доступный для всѣхъ, т.-е. избѣгала бы иностран-
ныхъ словъ, отвлеченныхъ, туманныхъ выраженій и ученыхъ
терминовъ, которыми такъ богатъ нашъ литературный языкъ,
еще не обнижаетъ всего вопроса о формѣ. Это требованіе
касается одного состава языка; но есть еще другая сторона
языка—его строй, т.-е. формы рѣчи, въ которыхъ складываются
слова въ языкѣ, и формы поэтическія произведеній, въ которыхъ
складывается рѣчь. Для того, чтобы поэтическія произведенія
были доступны для всѣхъ, необходимо, чтобы они писались на-
родною рѣчью и складывались въ народныя формы. Читатель
подумаетъ, быть можетъ, что здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ подра-
жаніяхъ простонародному языку, которыя такъ противны въ нѣ-
которыхъ книжонкахъ, издаваемыхъ для народа? Или ужъ не ста-

внѣе ли здѣсь русскимъ писателямъ въ обязанность подражать народнымъ пѣснямъ, былиннымъ и сказкамъ? Ни чуть не бывало. Здѣсь идетъ рѣчь только о томъ примѣненіи всеобщаго закона относительно формъ поэзій, который наблюдается во всѣхъ литературахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Изучая исторію возвышенія и паденія разныхъ формъ искусства, мы видимъ, что формы не суть что-либо опредѣленное, неизмѣнное, для всѣхъ одинаково доступное. Онѣ суть созданія тѣхъ или другихъ особенностей одного какого-либо народа, и при этомъ еще народа въ данную эпоху. Онѣ служатъ обыкновенно выраженіемъ своей народности, своей эпохи, и такъ же неуклюже примѣняются къ другой эпохи или народности, какъ гипсовый слюпокъ съ одного лица не прилаживается на другое. Попробуйте выразить грусть простаго русскаго человѣка, и вы увидите, въ какой формѣ это вамъ удастся—въ формѣ итальянскаго сонета или думы Кольцова. Была такая эпоха въ жизни народа, когда онъ не иначе могъ выразить впечатлѣнія своей жизни, какъ въ формѣ былинъ или сказокъ; это время прошло, народъ начинаетъ забывать самыя былинныя и, очевидно, было бы верхомъ натянутости и неуклюжести изображать что либо изъ современной намъ жизни въ формѣ былинны. Это значило бы возвратиться ко временамъ ложнаго классицизма, когда людямъ казалось, что поэзія можетъ существовать только въ неизмѣнныхъ формахъ древне-классическаго искусства. Вслѣдствіе вышеупомянутаго закона предоставляется полная свобода создавать свою особенную форму литературы вѣстолько каждому народу, времени, но и каждому поэту, соотвѣтственно потребности, чтобы форма вполнѣ выражала содержаніе. Но тѣмъ не менѣе, только тотъ поэтъ можетъ быть названъ вполнѣ народнымъ, который сумѣетъ выразить свои впечатлѣнія въ такихъ формахъ, въ какихъ они будутъ всего болѣе понятны для большинства и всего болѣе подѣйствуютъ на него. Опредѣлить въ точности, каковы должны быть эти формы, такъ же трудно, какъ трудно опредѣлить неуловимыя черты, отличающія одну фязіономію отъ другой. Возьмите вы, напримѣръ, произведенія Кольцова или Шевченки, вы увидите, что они отличаются рѣзко по своей формѣ отъ всѣхъ словозамѣній нашихъ лириковъ, въ рѣдѣ, напримѣръ, Полонскаго или Фета. Опредѣлить въ точности сущность этого отличія—нѣтъ никакой возможности, и мы можемъ судить о немъ только по послѣдствіямъ, которыя производятъ тѣ или другія произведенія: одни пойметъ каждый простомудрецъ, въ другихъ же и образованнѣйшій человѣкъ не скоро доберется смыслу. Но много ли у насъ такихъ произведеній, которыя писались бы въ такихъ формахъ, что для всѣхъ были бы понятны? Напротивъ того, наши литераторы очень часто составляютъ себѣ какъ будто задачу выразиться какъ можно кричливѣе, затѣйливѣе и темнѣе; они думаютъ, что въ этомъ-то и есть вся суть поэзій. Конечно, языкъ боговъ не долженъ быть понятенъ для простыхъ смертныхъ. Другое

дѣло было бы, еслибы въ этому вынуждала нашихъ поэтовъ и балетристовъ печальная необходимость, еслибы идеи ихъ были бы до такой степени глубоки, всеобъемлющи, новы, что ихъ трудно было бы воплотить ясно выразить въ простыя формы нашего языка. Но въ томъ-то и дѣло, что большинство нашихъ балетристовъ и поэтовъ страдаетъ самыми жалкими убожествами идей. Миросовершенство ихъ очень мало возвышается надъ уровнемъ обывательскихъ грамотныхъ идей. И если поэтъ съ такимъ широкимъ и глубокимъ миросовершеніемъ, каковъ былъ Шлегель, могъ свои идеи выразить просто и общедоступно, то что же остается сказать о нашихъ поэтахъ, которые свои бѣдныя и обывательскія мнѣнія не могутъ выразить такъ, чтобы ихъ можно было понимать всѣмъ и каждому? Главною виною служатъ тутъ тѣ риторическія, рутинныя витіеватыя тропи и фигуры, которыя почему-то считаются у насъ верховомъ художественной красоты и изящества. Сказать просто *родина* — это можно: это прозаически и безцвѣтно; нашъ поэтъ заигать непременно какіе нибудь *берега отчизны*, и думать, что это туманное, бессмысленное выраженіе више, поэтичнѣе. Вспомните, напримѣръ, Полонскаго: онъ написалъ стихотвореніе *Виды*, и этимъ стихотвореніемъ доказалъ, что онъ можетъ писать простою народною рѣчью. И этотъ же самый Полонскій болѣею частью своей поэтической дѣятельности посвящаетъ на отысканіе такихъ штукъ:

Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры;
 Моя душевная гроза
 Едва слышна съ аккордами лиры
 Едва видна моя слеза.
 До мнѣ видныя пристають (?!),
 Мнѣ звѣзды плыть клямой приютъ,
 И мнѣ немногіе внимають,
 И для немногихъ я поэтъ.

Да, г. Полонскій, дѣйствительно, для немногихъ поэтъ, не потому, что Богъ не далъ ему какой-то плетли, а потому, что онъ говорить языкомъ, ни для кого непонятнымъ; онъ правъ, говоря, что *слышатъ слова его не слушаютъ народы* — еще бы, когда вместо того, чтобы заговорить простымъ языкомъ простымъ смертнымъ объ ихъ простыхъ интересахъ, поэтъ бредитъ о какихъ-то аккордахъ лиры, которую никто не слышитъ, и даже самъ поэтъ не видитъ въ глаза, какая она такая; о какихъ-то видѣніяхъ, которыя никогда къ нему на самомъ дѣлѣ не пристають, если только онъ не боленъ въ бѣлой горячкѣ; далѣе поэтъ въ своемъ стихотвореніи доходитъ до такого вѣстунства, что простиреть трепетны объятія въ воздухъ и внемлетъ, какъ въ области бѣснаго разума какая-то живая любовь торжественно поетъ живить о жизни. Въ «Бѣгомъ» вы не увидите ничего такого, что г. Полонскому кажется непремѣнною принадлежностью поэма; «Бѣлаго» могутъ внимать народы и понимать всѣ, и въ «Бѣломъ»

неизмѣримо болѣе истинной, живой, свѣжей поэзіи, чѣмъ во всѣхъ прочіихъ галлюцинаціяхъ г. Полонскаго, взятыхъ вмѣстѣ.

VIII.

Вывести такія требованія отъ литературы, воистиннѣ естественныя и справедливыя, а нѣсколько этихъ не отрицаю тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя пишутся исключительно для одного образованнаго меньшинства, если только они полезны этому меньшинству. Я нѣсколько не думаю, чтобы это меньшинство было на столько уже образовано, чтобы ему ничему было учиться, или чтобы жизнь его была вполнѣ и со всѣхъ сторонъ исчерпана литературой. Все, что дѣлается въ жизни полезнаго, хотя бы для одного человѣка, есть уже полезное и достойно уваженія. Мы требуемъ отъ человѣка, чтобы онъ посвящалъ свою дѣятельность на общую пользу всему своему краю, но тѣмъ не менѣе всякій добрый поступокъ его, оказанный одному ближнему, внушаетъ намъ уваженіе къ человѣку. Такъ точно мы требуемъ, чтобы литература стремилась сдѣлаться всеобщей, полезною для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ; если только она хочетъ, чтобы не были признаны лицемѣрными заявленія ея о томъ, что для нея дороги интересы, нужды, радости и страданія народа, она должна посвятить развитію этого народа лучшія свои силы, а не оставлять народъ на жертву разныхъ бездарныхъ писакъ и спекуляторовъ, издающихъ такъ-называемыя книги для народа; но если взять во вниманіе все прошлое нашей литературы, то мы не должны забывать, что литература можетъ къ этому только стремиться и медленнымъ путемъ изученія достигать этого стремленія. На этомъ долгомъ пути ничто ей не мѣшаетъ быть полезною и для того меньшинства, для котораго она до сихъ поръ служила. Впрочемъ, самая лучшая польза, которую она можетъ оказать этому меньшинству, заключается опять-таки въ стремленіи ея къ народности; потому что этимъ путемъ она ведетъ за собою это меньшинство отъ его изолированной, замкнутой жизни во всеобщую жизнь края, посвящая его въ интересы всего народа. Въ заключеніе спѣшу прибавить то, что всѣ наши стремленія къ народности въ литературѣ служатъ только прелюдіями къ тому движенію въ этомъ духѣ, которое должно послѣдовать, когда народныя массы, призванныя къ политической жизни реформами послѣднаго десятилѣтія, дѣйствительно выступятъ на поприще этой жизни и когда изъ самой массы народа явятся пѣвцы ея нуждъ, стремленій, радостей и страданій. Въ этомъ отношеніи, къ какому бы широкому обобщеніямъ ни приводили *наблюденія* надъ жизнью народа, но еще успѣшнѣе пойдетъ это дѣло, когда къ наблюденіямъ присоединятся *опыты*, и притомъ личныя опыты людей, которые сами живутъ жизнью, изобразимую ими.

Читателю покажутся, можетъ быть, слишкомъ кратки и бѣжны нѣкоторыя характеристичныя писателей, произведенія которыхъ я разбираю въ этой статьѣ. О многихъ народныхъ писателяхъ не было мною сказано ни слова; но цѣль моей статьи не одобренный разборъ всѣхъ народныхъ писателей вашихъ, а выставленіе тѣхъ общихъ положеній, на основаніи которыхъ, по моему убѣжденію, слѣдуетъ одѣивать произведенія этого рода. Затѣмъ, при удобныхъ случаяхъ, можно будетъ представлять болѣе полныя и подробныя характеристичныя, какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и всей дѣятельности того или другаго писателя, пишущаго о народѣ. Такъ, напримѣръ, основываясь на положеніяхъ, высказанныхъ въ этой статьѣ, я попробую разобрать, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ, рассказы г-жи Марка-Бовча по случаю выхода новаго изданія ея сочиненій.

А. СКАВИЧЕВОКІЙ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. *Оттисъ педагогической антропологии.* Константина Ушинскаго. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1868 г.

Было время (приблизительно въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ), когда вопросы воспитанія живо заинтересовали собой русское общество, и имъ посвящено было, кромѣ отдѣльныхъ статей въ литературныхъ журналахъ, нѣсколько специальныхъ педагогическихъ изданій. Время это миновало довольно скоро, почти на нашихъ глазахъ, и педагогическіе журналы перелопались одинъ за другимъ съ поразительною быстротою, такъ что теперь «Педагогическій Сборникъ» г. Весела является единственнымъ свуднымъ остаткомъ отъ недавно-обильной педагогической тралезы, единственнымъ, такъ-сказать, педагогическимъ ракомъ на педагогическомъ безрыбьи..... Въ послѣдній разъ прежній энтузіазмъ проявился, кажется, по вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи; но съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ было убѣдительно доказано, что классицизмъ есть та самая алхимическая панацея, которая можетъ жалѣчивать всѣ личныя и общественныя недуги людей, а реализмъ, чуть не синонимъ измѣны — педагогическіе дебаты сдѣлались совершенно невозможными, и самыя толки о гуманности въ обращеніи съ воспитанниками, о новыхъ лучшихъ мето-

дать въ преподаваніи были также сильно заподозрѣны. Гуманность стали называть *возмутительнымъ злоупотребленіемъ*, а на счетъ равныхъ упрощенныхъ способовъ преподаванія стали говорить просто и лаконически, что «школа есть небольшое, какъ дисциплина» и, слѣдовательно, нечего много хитрить съ ребятами. Задалъ имъ страницъ 10—20 по грамматикѣ Кюнера, отиѣтилъ, для порядка, ногтемъ по книгѣ: «отъ сихъ и до сихъ», а затѣмъ мирно отправлялся къ своимъ пенатамъ. Не внучили мальчишии урока, а тѣмъ паче задумали налагать свои пени передъ учителемъ — стой! нарушение дисциплины! и больше разговаривать нечего. Тутъ уже пойдутъ аресты, розги, всеючешіе изъ училища, а вовсе не педагогика. Покончивъ такимъ образомъ съ педагогикой, какъ съ одною изъ семи язвъ, ниспосланныхъ на любезное отечество, мы воплнѣ отдохнули душой на тѣхъ прародительскихъ системахъ, подъ сѣнью которыхъ развивалась дѣятельность пономаря Брудастаго, Кутейкина, Цифиркина и т. п. прославленныхъ воспитателей юншества.

Книга г. Ушинскаго, появляясь въ такое антипедагогическое время, представляетъ въ своемъ родѣ замѣчательный курьезъ: ну стоитъ ли говорить такъ серьезно, и при томъ въ объемистой книгѣ, на пятистахъ страницахъ, о такомъ пустяковомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе юншества? Развѣ мало намъ передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей»? развѣ недостаточно золотого изреченія, что «школа есть дисциплина»? развѣ нельзя, наконецъ, присоединить къ этому богатому источнику педагогическихъ свѣдѣній нѣкоторыхъ полезныхъ мыслей Скаловуба и г-жи Хлестовой? Всѣ эти вопросы естественно пришли намъ на умъ, когда мы взялись за толстый томъ «Педагогической антропологии» г. Ушинскаго. Но прочитавъ эту книгу, мы нѣсколько успокоились за будущность отечества: г. Ушинскій совсѣмъ не новаторъ, хотя изучилъ трудолюбиво различныя психологическія теоріи; онъ оказывается даже сторонникомъ отжившаго взгляда на природу человека, и это тѣмъ болѣе странно, что авторъ хорошо знакомъ съ современной психо-физиологической литературой; его мысли о воспитаніи, правда, расходятся во многомъ съ идеями московскихъ педагоговъ; но эти противорѣчія авторъ затушевываетъ такъ старательно и съ такою боязливою скромностью, что на нихъ приходится указать пальцемъ, чтобы сдѣлать ихъ замѣтными для читателя.

Въ длинномъ предисловіи къ своей книгѣ, г. Ушинскій излагаетъ свой взглядъ на значеніе воспитанія, указываетъ ближайшую причину, побудившую его приняться за составленіе «Педагогической антропологии», перечисляетъ авторовъ, трудами которыхъ онъ пользовался въ своемъ сочиненіи, при чемъ объясняетъ, въ какой мѣрѣ и какъ онъ пользовался ихъ трудами, наконецъ переходитъ къ изложенію плана своей книги. Прослѣдимъ нѣсколько это его profession de foi.—Педагогика г. Ушинскій считаетъ *искусствомъ, а не наукою воспитанія*, и при этомъ опирается на слѣдующее опредѣленіе Джова-Ст. Мадда: «Положенія науки—говорить

англійскій мыслитель—утверждать только существующіе факты: существованіе, сосуществованіе, послѣдовательность, сходство явленій. Положенія искусства не утверждаютъ, что что нибудь есть, но указываютъ на то, что должно быть». «Гдѣ говорятъ въ правилахъ и наставленіяхъ, а не въ утвержденіяхъ относительно фактовъ — тамъ искусство», говоритъ Милль въ другомъ мѣстѣ. Къ этому г. Ушинскій прибавляетъ: «Ясно, что въ такомъ смыслѣ ни политику, ни медицину, ни педагогику нельзя назвать науками, ибо онѣ не изучаютъ того, что есть, но только указываютъ на то, что было бы желательно видѣть существующимъ, и на средства въ достиженію желаемого. Вотъ почему мы будемъ называть педагогику искусствомъ, а не наукою воспитанія. Мы не придаемъ педагогикѣ эпитета высшаго искусства, потому что самое слово искусство уже отличаетъ ее отъ ремесла. Всякая практическая дѣятельность, стремящаяся удовлетворить высшимъ нравственнымъ и вообще духовнымъ потребностямъ человѣка, то-есть тѣмъ потребностямъ, которыя принадлежатъ исключительно человѣку, и составляютъ отличительныя черты его природы, есть уже искусство. Въ этомъ смыслѣ педагогика будетъ, конечно, первымъ, высшимъ изъ искусствъ, потому что она стремится удовлетворить величайшей изъ потребностей человѣка и человечества — ихъ стремленію къ усовершенствованіямъ въ самой человѣческой природѣ: не къ выраженію совершенства на полотнѣ или въ мраморѣ, но къ усовершенствованію самой природы человѣка — его души и тѣла; а вѣчно предшествующій идеалъ этого искусства есть совершенный человѣкъ. Изъ сказаннаго вытекаетъ уже, что педагогика не есть собраніе положеній науки, но только собраніе правилъ воспитательной дѣятельности».

Съ этимъ опредѣленіемъ можно бы согласиться, еслибъ г. Ушинскій ограничился сравненіемъ педагогики съ агрономіей, медициной и другими искусствами, основанными прямо и непосредственно на научныхъ положеніяхъ, и построже держалъ настоящаго смысла миллевской формулы. Дѣло въ томъ, что Милль, называя искусствомъ то, что называлось прежде *наукою прикладною* (терминъ менѣе точный), ставитъ однако же такое искусство въ очень тѣсную зависимость отъ науки. Зависимость эта простирается до того, что самая цѣль искусства и теорема дѣйствій для достиженія данной цѣли даются наукою, а «искусство превращаетъ теоремы науки, если цѣль обавивается достигнута, въ правила и наставленія». Милль прокируетъ даже особую науку цѣлей, или телеологию, какъ онъ ее называетъ, и вообще *науку жизни*, которая, по его словамъ, будетъ создана съ теченіемъ времени, и называетъ эту будущую науку *важнѣйшею изъ всѣхъ наукъ*. Но г. Ушинскій уличаетъ его на этотъ разъ въ непослѣдовательности: «Милль—говорить онъ—ясно противорѣчить тому опредѣленію науки, которое самъ же сдѣлалъ, назвавъ ее изученіемъ «существованія, сосуществованія и послѣдо-

вотельности явлений» уже существующих, а не тѣхъ, которыя еще не существуютъ, а только желательны. Онъ хочетъ вездѣ поставить науку на первое мѣсто; но сила вещей невольнаю выдвигаетъ впередъ жизнь, показывая, что не наука должна указывать цѣли жизни, а жизнь указываетъ практическія цѣли и самой наукѣ». Далѣе, впрочемъ, г. Ушинскій нѣсколько умилостивляется нѣтъ уваженію къ «вѣрному практическому чувству британца», и считаетъ даже такую ненослѣдовательность «великою чертою въ характерѣ англійскихъ писателей, которой не понимаютъ наши критики, воспитанные болѣею частію на германскихъ теоріяхъ, всегда почти послѣдовательныхъ». Но г. Ушинскій напрасно казнить и имутъ англійскаго философа: въ словахъ Милля ми не видимъ рѣшительно никакого противорѣчія. Милль, дѣйствительно, стремится поставить вездѣ науку на первое мѣсто, и это стремленіе замѣтно въ его опредѣленіяхъ искусства и науки. Если г. Ушинскій согласенъ съ этими опредѣленіями, то онъ долженъ согласиться и съ дальнѣйшими изъ нихъ выводами. Искусство, основанное на наукѣ, существуетъ для практическихъ потребностей жизни; она занимаетъ нѣтъ науки не только асное опредѣленіе цѣли, но и теорему дѣйствій, необходимыхъ для достиженія этой цѣли: почему же, спрашивается, наука не можетъ хотя въ будущемъ опредѣлить вообще цѣли жизни, достижимыя для человѣка, — той жизни, къ которой, по мнѣнію г. Ушинскаго, какъ къ загадочному сфинксу, не смѣетъ и приближаться научная теорема? Вѣдь если уже по отношенію къ искусству наука приобрѣла высшій авторитетъ, то она должна приобрести его современемъ по отношенію ко всей вообще практической жизни, создающей потребность искусства. Въ примѣненіи къ воспитанію взглядъ Милля формулируется такимъ образомъ. Педагогика есть искусство примѣненія физиологій и психологій къ дѣтскому возрасту, подобно тому, какъ агрономія есть искусство примѣненія химіи и ботаники къ свойствамъ воздѣлываемой почвы; въ основѣ ея должны лежать не мечты воспитателя, а цѣли, строго провѣренныя и изслѣдованныя наукою. Педагогика называли прежде наукою прикладною или пракческою въ отличіе отъ наукъ, работающихъ въ абстракціи; названіе это можно бросить, но научный характеръ слѣдуетъ непремѣнно удерживать за нею, чтобы преградить въ нее доступъ праздной фантазіи, называющей человѣческую природу печальныя остатки печальныхъ временъ невѣжества.

Физиологическая часть педагогики стоитъ уже на прочныхъ основаніяхъ, и педагогу остается только быть исполнителемъ научныхъ требованій; психологическая часть еще сильно колеблется, но и она, кажется, скоро выйдетъ на настоящую дорогу и отбросить отъ себя — говоря словами г. Ушинскаго — «осколки стариннаго фетишизма и средневѣковыхъ алхимическихъ поватій о spiritus gestor, сидящемъ въ каждомъ тѣлѣ» (стр. 438). Если же это случится (что несомнѣнно при нынѣшнемъ научномъ методѣ

ислѣдованій), то задача педагога будетъ облегчена въ значительной степени, и онъ, въ этой области, такъ же, какъ въ области физиологии, будетъ твердо знать, какіе именно результаты возникнутъ изъ данныхъ вліяній. Можетъ быть, время это далеко (оно отдаляется въ значительной степени неразумнымъ противоѣвствіемъ, которое оказываютъ защитники рутинныхъ методовъ ислѣдованія); можетъ быть, для личной сообразительности педагога останется все еще много простора, нѣтъ осталось его довольно для агронома, медика, технолога, но тѣмъ не менѣе, педагогика приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе научный характеръ, и вмѣсто правилъ и наставленій, «ни на чемъ не основанныхъ», начинаетъ говорить «утвержденіями фактовъ», указывая между ними тѣсную связь и послѣдовательность. Нетолько единичная духовная жизнь, предметъ изученія психологій, но и жизнь цѣлаго коллективнаго лица, общества, стремится улесть въ правильныя научныя рамки *соціологій*, хотя матеріалы для этой науки стали собираться, строго говоря, съ очень и очень недавняго времени.

Г. Ушинскій смотритъ на дѣло иначе: онъ желаетъ на столько же разобщить искусство съ наукою, на сколько Милль желаетъ сблизить ихъ между собою. Для этого онъ, пользуясь нѣмалымъ терминномъ искусства, приравниваетъ воспитаніе къ искусствамъ изящнымъ или свободнымъ (*artes liberales*), а дѣятельность педагога угодобляетъ дѣятельности свободнаго художника, выражающаго свои идеалы въ мраморѣ, звукахъ и краскахъ. Конечно, *цѣлы* изящнаго искусства (включая сюда и изящную литературу) также контролируются наукою, и въ послѣднее время, связь эта чувствуется въ довольно сильной степени; но «теорема дѣйствій» для достиженія данной цѣли не опредѣлилась еще съ тою точностью, съ какою опредѣлилась она въ педагогикѣ. Быть можетъ, со временемъ и теорема дѣйствій, то-есть условія изящества произведенія опредѣлятся съ болѣею точностью, но покуда мы не находимъ особенно полезнымъ приравнять педагогикѣ къ искусствамъ, наиболѣе удаленнымъ отъ науки. Г. Ушинскій напрасно сбиваетъ себя съ толку фразой, что педагогика, подобно изящному искусству, стремится не столько къ удовлетворенію, но и къ усовершенствованію человѣческой природы: она, точно, стремится къ этому, но посредствомъ *реализаціи научнаго вывода*, а не посредствомъ волющенія своей фантазіи, какъ дѣйствуетъ изящное искусство, которое до сихъ поръ еще не отказалось отъ вымысла фантастическаго, то-есть нарушающаго законы природы, если только этотъ вымыселъ не противорѣчитъ художественной идѣй. Къ тому же есть разница и въ матеріалѣ, которымъ пользуется педагогика. Матеріалъ искусства, то-есть мраморъ, краски и звуки, вполнѣ подчиняются волѣ художника, который руководится въ своей творчествѣ только замыслами своей фантазіи, тогда какъ живая умственная сила, находящаяся подъ управленіемъ педагога, тре-

бусть совѣтъ много съ собою обращенія: она склоняется въ ту или въ другую сторону, развивается такъ или иначе не подъ вліяніемъ фантазіи художника, но по общему научному закону причинъ и слѣдствій явленія. Нетрудно, впрочемъ, понять, какъ пришелъ г. Ушинскій къ своему взгляду на воспитаніе. Явленія *думи* (онъ постоянно употребляетъ этотъ терминъ въ самомъ не научномъ смыслѣ) кажутся ему чудомъ по буквальному его выраженію; понятно, что только чудомъ же, а не наукою можно на нихъ и дѣйствовать. Мы нарочно остановились со вниманіемъ на первыхъ страницахъ книги г. Ушинскаго, на его теоретическомъ опредѣленіи педагогики. Фальшь, звучащая въ этомъ опредѣленіи, кинулась намъ въ глаза, и мы сочли нужнымъ отмѣтить ее, во первыхъ потому, что г. Ушинскій педагогъ извѣстный и слова его для многихъ имѣютъ значеніе авторитета; во вторыхъ потому, что самъ авторъ даетъ намъ право отнестись особенно строго къ этой именно книгѣ и, въ особенности, къ ея теоретической сторонѣ.

«Лѣтъ восемь тому назадъ — рассказываетъ намъ г. Ушинскій въ литературной генеалогіи своей книги — педагогическія идеи оживились у насъ съ такою силою, какой нельзя было и ожидать, принявъ въ расчетъ почти совершенное отсутствіе педагогической литературы до того времени. Мысль о народной школѣ, которая удовлетворяла бы потребностямъ народа, вступавшаго въ новый періодъ своего существованія, пробудилась повсемѣстно. Нѣсколько педагогическихъ журналовъ, появившихся одновременно, находили себѣ читателей; повсюду писались и обсуждались проекты различныхъ реформъ по общественному образованію, даже въ семействахъ гораздо чаще стали слышаться педагогическія бесѣды и споры. Читая педагогическіе проекты разнаго рода и статьи, присутствуя при обсужденіи педагогическихъ вопросовъ въ различныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ частнымъ спорамъ, мы пришли къ убѣжденію, что *есть эти толки, споры, проекты, журналы, статьи, вытрамбы много въ основательности, еслибы придавали одно и то же значеніе психологическимъ и отчасти физиологическимъ и философскимъ терминамъ*, которые въ нихъ безпрестанно повторялись. Намъ казалось, что нѣко педагогическое недоумѣніе или горячій педагогическій споръ могли бы легко быть рѣшены, еслибы, употребляя слова: разсудокъ, воображеніе, память и проч., согласились сначала въ томъ, что разумѣть подъ этими словами. Иногда было совершенно очевидно, что въ спорящихъ сторонѣ одна понимаетъ подъ словомъ память, напримѣръ, то же самое, что другая подъ словомъ разсудокъ или воображеніе, и обѣ употребляютъ эти слова, какъ совершенно извѣстныя, заключающія въ себѣ точно опредѣленное понятіе. Словомъ, пробудившаяся тогда педагогическая мысль обнаружила существенное упущеніе въ нашемъ общественномъ образованіи, а также и въ нашей литературѣ, которая могла бы дополнить образованіе. Едва-ли мы ошибемся,

если скажемъ, что литература наша въ то время не имѣла ни одного, сколько-нибудь основательнаго психологическаго сеченія, ни оригинальнаго, ни переводнаго, а въ журналахъ психологическія статьи были рѣдкостью, и притомъ рѣдкостью незначительной для читателей, ничѣмъ неподготовленныхъ къ такому чтенію. Тогда пришло намъ на мысль: нельзя ли ввести въ наше, только-что пробуждающееся, педагогическое мышленіе сколько возможно точное и ясное пониманіе тѣхъ психическихъ и психо-физическихъ явленій, въ области которыхъ это мышленіе необходимо должно вращаться? Предварительныя занятія философскою и отчасти психологіей (но не физиологіей?), а потомъ педагогическою, давали намъ поводъ думать, что мы можемъ до нѣкоторой степени способствовать удовлетворенію этой потребности, и хотя начать разъясненіе тѣхъ основныхъ идей, осязая которыхъ необходимо вращаются всякія воспитательныя соображенія».

Читатель видитъ, что г. Ушинскій желалъ ни много, ни мало, представить въ своей книгѣ вѣчто въ родѣ педагогическаго альманаха, годнаго для справокъ въ спорныхъ случаяхъ, способнаго устранивъ воѣ недоразумѣнія, которыя возникаютъ у насъ изъ-за неяснаго и неточнаго пониманія самыхъ элементарныхъ, педагогическихъ истинъ. Отъ такого альманаха и въ такой неустановившейся наукѣ, какъ педагогика, требуется, безъ сомнѣнія, очень много, и прежде всего стройность и точность собственныхъ мыслей автора. Если мысли автора колеблются въ разныхъ стороны, и противорѣчатъ одна другой, если его собственныя опредѣленія страдаютъ неточностью и неопредѣленностью, если онъ, кромѣ того, приносить въ свои мнимо-научныя изслѣдованія совсѣмъ ненаучныя точныя зрѣнія и шаткія, бездоказательныя гипотезы, то книга его не устранивъ прежней путаницы въ понятіяхъ, а только прибавитъ къ ней новую путаницу, съ которой труднѣе бороться, потому что она обставлена извѣстною эрудиціею и научными терминами. Къ сожалѣнію, то, что мы сказали здѣсь вообще, примѣняется въ частности и къ г. Ушинскому. Онъ самъ добродушно признается въ этомъ вслѣдъ за изложеніемъ своего замысла — составить нѣкоторый педагогическій кодексъ для настояннаго, повседневнаго употребленія российскихъ педагоговъ.

«Но какъ это сдѣлать (то-есть какъ начать разъясненіе основныхъ педагогическихъ идей)? восклицаетъ онъ. — Перенести къ намъ цѣликомъ одну изъ психологическихъ теорій Запада, ни не могли, ибо сознавали односторонность каждой изъ нихъ, и что во всѣхъ ихъ есть своя доля правды и ошибки, своя доля вѣрныхъ выводовъ изъ фактовъ и ни на чемъ не основанныхъ фантазій. Мы пришли къ убѣжденію, что всѣ эти теоріи страдаютъ теоретическою самонадѣянностью, объясняя то, чего еще нѣтъ возможности объяснять, ставя вредный призракъ знанія тамъ, гдѣ слѣдуетъ сказать еще простое *не знаю*, строя глупо-

воломные и утлые мосты чрезъ неизвѣданныя еще пропасы 'ни которыя слѣдовало просто только указать, и, словомъ, даютъ читателю за нѣсколько вѣрныхъ, и потому полезныхъ знавій столько же, если не болѣе, ложныхъ и потому вредныхъ фантазій. Намъ казалось, что всѣ эти теоретическія увлеченія, совершенно необходимыя въ процессѣ образованія науки, должны быть оставлены, когда приходится пользоваться результатами, добытыми наукой для приложенія къ практической дѣятельности. Теорія можетъ быть одностороння, и эта односторонность ея даже бываетъ очень полезна, освѣщая особенно ту сторону предмета, которую другіе оставляли въ тѣни; но практика должна быть по возможности всестороння. «Идеи мирно уживаются въ головѣ, но вещи тяжело сталкиваются въ жизни», говоритъ Шиллеръ, и если намъ приходится не разрабатывать науку, а имѣть дѣло съ дѣйствительными предметами дѣйствительнаго міра, то часто мы бываемъ вынуждены поступаться своими теоріями требованіямъ дѣйствительности, въ уровень которой не выросла еще ни одна психологическая система. Въ педагогикахъ, написанныхъ психологами, каковы педагогикн Гербарта и Бенеке, мы часто съ поразительною ясностію можемъ наблюдать это столкновеніе психологической теоріи съ педагогическою дѣйствительностію.

«Сознавая все это, мы задумали изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ психологическихъ теорій взять только то, что казалось намъ несомнѣннымъ и фактически-вѣрнымъ, снова провѣрить взятые факты внимательнымъ и общедоступнымъ самонаблюденіемъ и анализомъ, дополнить новыми наблюденіями, если это гдѣ-нибудь окажется по нашимъ силамъ, *оставить откровенные пробѣлы вездѣ, ить факты молчать, а если ить, для группировки фактовъ и уясненія ихъ, понадобится ипотеза, то, избравъ наиболее распространенную и вѣроятную, отмѣтить ее вездѣ не какъ достоверный фактъ, а какъ ипотезу.* При всемъ этомъ мы полагали опираться на собственное сознаніе нашихъ читателей — *ultimum argumentum* въ психологін, предъ которымъ бессильны всякіе авторитеты, хотя бы они были озаглавлены громкими именами Аристотеля, Декарта, Бэкона, Локка. Изъ психическихъ явленій мы полагали останавливаться преимущественно на тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе значеніе для педагога; прибавить тѣ изъ фізіологическихъ фактовъ, которые необходимы для уясненія психическихъ, словомъ, мы тогда еще задумали, и начали готовить «Педагогическую антропологію».

Изъ всего сказаннаго г. Ушинскимъ, въ особенности, если сопоставить это съ другими мѣстами его книги, видно, что онъ имѣетъ очень странное понятіе не объ одной какой нибудь теоріи въ частности, но о теоріи вообще, какъ совокупности законовъ, которымъ подчиняются цѣлыя ряды однородныхъ фактовъ. Не составивъ себѣ опредѣленнаго, твердаго взгляда на психологическія явленія, авторъ отзывается съ легкимъ сарказ-
Т. СЛХХУІІ. — Отд. II.

момъ о всѣхъ, чья «теоретическая самонадѣянность строитъ утлые мосты черезъ неизвѣданныя пропасти»; самъ же предпочитаетъ разобцать даже такіе психическіе процессы, которые, очевидно, тѣсно связаны между собою. Теорія, изволите видѣть, не охватываетъ и не можетъ охватить всѣхъ фактовъ дѣйствительной жизни: изъ этого слѣдуетъ, по мнѣнію г. Ушинскаго, что стройная система — вещь совершенно лишняя при изученіи фактовъ и что благородному писателю, нежелающему поспорить съ практикою (мы не совсѣмъ ясно понимаемъ, какую тутъ практику разумѣетъ г. Ушинскій; не ту ли, которая создаетъ такъ называемыхъ *практическихъ* людей?), достаточно выбрать изъ разныхъ системъ то, что придется ему по вкусу, не разбирая даже: совмѣстны ли двѣ различныя точки зрѣнія, избранныи имъ, и не исключаютъ ли онѣ взаимно одна другую? Если бы всѣ ученые систематики держались такого страннаго взгляда, то нѣтъ сомнѣнія, факты науки вѣчно торчали бы врозь, неосмысленные никакою причинною связью. Научная теорія можетъ быть очень несовершенна въ данный моментъ; она можетъ требовать для своей полноты и всеобъемлемости новыхъ и новыхъ фактовъ; теорія часто передѣлывается сообразно съ этими фактами и нерѣдко совсѣмъ бросается ради другой, болѣе логической комбинаціи; но заключать отсюда о негодности всякой теоріи и объ ея вѣчномъ антагонизмѣ съ призракомъ «практической» жизни такъ же странно, какъ заключать о ненужности пищи потому только, что нельзя наѣсться сразу на весь вѣкъ, а «изъ время—не стоитъ труда». Разсуждая такимъ образомъ, г. Ушинскій тоже теоретизируетъ, ибо создаетъ теоретическій антитезъ между закономъ явленія (то-есть теоріей) и самимъ явленіемъ (то-есть выраженіемъ этого закона въ дѣйствительной жизни); но теоретизируетъ очень дурно, подобно Тургеневскому Пигасову, который, отрицая всякія убѣжденія, все-таки имѣлъ ихъ, но крайне слабыя и бездоказательныя. Психологическій алькоракъ, который задумалъ составить г. Ушинскій, превращается такимъ образомъ въ психологическую хрестоматію, да еще въ хрестоматію-то филоновскую, гдѣ разнообразныя отрывки побиваютъ другъ друга. «Мы старались — говоритъ г. Ушинскій — не быть пристрастными ни къ одной изъ психологическихъ теорій и брали хорошо описанный психическій фактъ или объясненіе его, бывшее намъ наиболѣе удачнымъ, *не разбирая, гдѣ мы его находили*. Мы не стѣснялись брать у Гегеля или гегелианцевъ (и даже очень не стѣснялись замѣтимъ въ скобкахъ), *не обращая вниманія на ту дурную славу*, которою гегельзмъ распахивается теперь за прежній, отчасти мишурный блескъ. Мы не стѣснялись также заимствовать у матеріалистовъ, несмотря на то, что считаемъ ихъ систему столь же одностороннею, какъ и идеализмъ. Вѣрная мысль на страницахъ сочиненій Спенсера правилась (?) намъ болѣе, чѣмъ великолѣпная фантазія, встрѣчающаяся у Платона... Декартъ и Бэконъ, эти двѣ личности, отдѣ-

дѣвшія новое мышленіе отъ средневѣковаго, имѣли большое вліяніе на ходъ нашихъ идей: *индуктивная метода послѣднюю привела насъ неудержимо къ дуализму перваго.* (?) Мы знаемъ очень хорошо, какъ ославленъ теперь картезіанскій дуализмъ; но если онъ единственно могъ объяснить намъ то или другое психическое явленіе, то мы не видѣли причины, почему бы не должны были пользоваться могучею помощью этого взгляда, *когда наука не дала намъ еще ничего, чѣмъ мы могли бы его замѣнить* (?). Мы вовсе не сочувствуемъ восточному міросозерданію Спинозы; но нашли, что никто лучше его не очертилъ человѣческихъ страстей. Мы очень многимъ обязаны Локку; но не затруднялись стоять на сторонѣ Канта тамъ, гдѣ онъ до очевидности ясно показываетъ невозможность такого опытнаго происхожденія нѣкоторыхъ идей, на которое указываетъ Локкъ» и пр. и пр. И такъ, всякаго жита по лопатѣ. Кантъ дружится съ Локкомъ, Гегель со Спенсеромъ. Индуктивная метода Бэкона привела г. Ушинскаго къ къ чему бы вы думали? къ дуализму Декарта, столь несправедливо ославленному нелѣпностью. Какъ случился подобный казусъ съ г. Ушинскимъ, можно понять, только припомнивъ устарѣвшую психологическую систему Рида. «Держась основныхъ руководительныхъ началъ Бэкона и Локка — говоритъ г. Троицкій въ своей докторской диссертациі — Ридъ нашелъ возможнымъ возвратиться *будто бы* по требованію этихъ самыхъ началъ къ результату, опровергнутому ими, къ *principia universalia* схоластиковъ, началамъ первичнымъ, не производнымъ, не разложимымъ на данныя внѣшняго и внутренняго наблюденія... Теорія Рида хочеть быть вѣрна индуктивной методѣ и не думаетъ, чтобы наука могла войти за предѣлы явленій и проникнуть въ самыя вещи, какъ существованіе, независимое отъ явленій; но она хочеть тѣмъ же самымъ приемомъ индуктивнаго изслѣдованія доказать, что въ самыхъ явленіяхъ необходимо различать сторону, получаемую путемъ опыта, и другую, неполучаемую такимъ образомъ. *Это разграниченіе спасается отъ внутренняго противорѣчія единственно произвольнымъ пониманіемъ опыта.* Чтѣ такое опытъ съ точки зрѣнія Бэкона, Локка или Юма? Всѣ явленія, всѣ наши духовныя состоянія, какую бы цѣну мы ни приписывали имъ и какіе бы элементы въ нихъ ни отрывали. Но Ридъ подъ опытомъ разумѣетъ свое: данныя внѣшнихъ чувствъ и данныя измышленнаго имъ «чувства внутренняго», *что и оставяло жъсто для опыта неопытною, для начала, находимыхъ путемъ индукціи и однако невыходящихъ въ предѣлы индукціи*» (См. «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», стр. 356 и 391). Вотъ этотъ-то опытъ неопытный, это возвращеніе мнимо-индуктивнымъ путемъ къ схоластическимъ принципамъ и выдаетъ намъ г. Ушинскій за послѣднее слово науки. Дуализмъ — его девизъ, тотъ самый дуализмъ, который поддерживается нынѣ только философскими межеумками въ родѣ Лотце и который не удовлетворяетъ уже послѣдователь-

ныхъ мыслителей ни идеалистической, ни материалистической школы.

Свою «Педагогическую Антропологию» г. Ушинскій задумалъ издать въ трехъ томахъ. Въ первомъ, недавно вышедшемъ томѣ, авторъ излагаетъ немногочисленныя физиологическія данныя и весь процессъ *сознаванія*, начиная отъ первичныхъ простыхъ ощущеній и доходя до сложнаго разсудочнаго процесса. Во второмъ томѣ, который уже приготовленъ къ печати, излагаются процессы душевныхъ чувствъ, которыя авторъ, въ отличіе отъ пяти высшихъ чувствъ, называетъ просто *чувствованіями*, а также *чувствами душевными* или *чувствами сердечными и эстетическими* (?), каковы удивленіе, любопытство, горе и т. п. Въ этомъ же томѣ, за изложеніемъ процесса желаній и воли, будутъ изложены и духовныя особенности человѣка. Наконецъ, въ третьемъ и послѣднемъ томѣ авторъ предполагаетъ обзоръ тѣхъ педагогическихъ мѣръ, правила и наставленія, которыя сами собою вытекаютъ изъ разсмотрѣнныхъ нами явленій человѣческаго организма и человѣческой души. Въ пріятномъ ожиданіи того, что будетъ, взглянемъ на то, что есть. Первый томъ состоитъ изъ 50 главъ, изъ которыхъ меньшая часть посвящена физиологій (17 главъ), а ббльшая (всѣ остальныя) — «переходу отъ физиологій къ психологій и самой психологій. Въ изложеніи этого предмета г. Ушинскій далеко не выполняетъ своего обѣщанія «оставлять откровенныя пробѣлы вездѣ, гдѣ факты молчатъ», но напротивъ стремится восполнить эти пробѣлы — даже не гипотезами, а гуртовыми (и вслѣдствіе того очень *распространенными*) заблужденіями. Пока рѣчь идетъ о процессахъ чисто физиологическихъ, г. Ушинскій еще нѣсколько сдерживается фактами; но и тутъ онъ, съ безразсудною храбростію (все больше въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) нѣтъ-нѣтъ да и затѣветъ полемику съ своими противниками. Это, конечно, весьма вредитъ спокойствію и научности изложенія, и г. Ушинскій, самъ не замѣчая того, въ азартѣ полемики, просто не хочетъ знать положительныхъ фактовъ и замѣняетъ ихъ своими собственными, трансцендентальными измышленіями. Такъ, напримѣръ, на первыхъ же страницахъ онъ сражается съ докторомъ Пидеритомъ, который высказалъ въ своей брошюрѣ «Мозгъ и сердце» (переведенной и на русскій языкъ) такой предосудительный взглядъ: «словомъ *душа*» обозначаю я пластическую образующую силу, которая выстроиваетъ организмъ и воспроизводитъ жизнь сдерживаетъ въ свойственной ему формѣ полную таинственности силу, которая, будучи скрыта въ органическомъ зародышѣ и съ нимъ связана, проявляется, мало-по-малу, въ сообразномъ плану и цѣлесообразномъ развитіи организма. По

* Понятно, что Пидеритъ говоритъ здѣсь о душѣ, не какъ о субстратѣ психическихъ явленій, а именно, какъ о силѣ, выстраивающей организмъ.

мѣрѣ того, какъ эта сила, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, привязываетъ къ себѣ и подчиняетъ своей цѣли годные для употребленія матеріалы съ присущими имъ силами, возникаютъ органы тѣла, которые, посредствомъ взаимнаго вліянія, обуславливаютъ жизненные проявленія организма». Г. Ушинскій не одобряетъ этой мысли. Онъ несогласенъ также и съ Клодь-Бернаромъ, который возсталъ противъ избитаго термина: «жизненная сила». «Жизнь есть твореніе — говоритъ знаменитый французскій физиологъ: — организмъ — машина, необходимо совершающая свои отправленія въ силу физико-химическихъ свойствъ, составляющихъ ея элементы. Мы различаемъ въ настоящее время три порядка свойства, обнаруживающихся въ явленіяхъ живыхъ существъ: свойства физическія, химическія и жизненные. *Это послѣднее названіе свойствъ жизненныхъ существуетъ только пока, ибо мы называемъ жизненными тѣ органическія свойства, которыя мы не могли еще свести на физико-химическія соображенія, но имѣемъ сомнѣнія, что мы этого когда-нибудь достигнемъ*». Г. Ушинскій сомнѣвается въ этомъ и, не желая разстаться съ метафизикой, придумываетъ, вмѣсто жизненной силы, свой собственный терминъ: *сила развитія*. За силой развитія, въ психофизической градаціи г. Ушинскаго, слѣдуетъ душа (но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Пандеръ), а за душою — духъ. Все это дѣленіе бесспорно благонамѣренно, но въ сожалѣнію не опирается на научныя доказательства. Зависимость души отъ тѣла г. Ушинскій признаетъ въ такой слабой степени, что мы удивляемся даже — зачѣмъ онъ внесъ въ свою книгу физиологическую часть? «Въ новѣйшей наукѣ — говоритъ онъ съ прискорбіемъ — совершенно уже укоренилась мысль, что степень развитія сознательности въ животномъ царствѣ идетъ рядомъ со степенью развитія нервнаго организма вообще и въ частности съ развитіемъ головного мозга сравнительно со спиннымъ. Въ то же самое время, во множествѣ новыхъ ученыхъ сочиненій, принявшихъ эту мысль за аксіому, когда дѣло доходитъ до разсмотрѣнія дѣятельности насѣкомыхъ, объясняемой прежде непонятнымъ инстинктомъ (непонятный инстинктъ понятнѣе для г. Ушинскаго), приписывается этимъ животнымъ способность сознательно наблюдать, дѣлать опыты, выводить умозаключенія и вводить эти умозаключенія въ принципы своей дѣятельности» (стр. 134). Пища, по мнѣнію г. Ушинскаго, вовсе не нужна для душевной дѣятельности, которая могла бы совершаться столь же свободно и при пустомъ желудкѣ. «Пища — говоритъ онъ — употребляемая сначала преимущественно на ростъ и развитіе тѣла, начинаетъ все болѣе и болѣе употребляться на возобновленіе тканей тѣла, истощаемыхъ жизненною дѣятельностью ребенка, которая все усиливается и усложняется. Отчего происходитъ такое измѣненіе? Многіе отвѣтятъ на это, что самое развитіе душевной дѣятельности обуславливается все болѣшими и болѣшими остатками силъ, вырабатываемыхъ изъ пищи; но этогъ

отвѣтъ будетъ неоснователенъ: ростъ могъ бы продолжаться съ одинаковой быстротою, оставляя одинаково мало силъ для душевной дѣятельности. Гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что душа дѣлаетъ, постоянно обогащаясь впечатлѣніями, сама расширяетъ область своей дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе истощаетъ тѣло, которое все болѣе и болѣе потребляетъ пищи для своего возобновленія, оставляя ее все менѣе и менѣе для роста тѣла». Значить, формированіе мозгового вещества, развитіе нервовъ, отъ которыхъ зависятъ въ такой мѣрѣ всѣ наши умственные процессы, нисколько не зависятъ отъ количества и качества принимаемой пищи?

Если ужъ г. Ушинскій, въ физиологической части своей книги, такъ безцеремонно обращается съ научными фактами, то можно представить себѣ, какія удивительныя эволюціи совершаетъ онъ въ своей квази-психологій. Прежде всего г. Ушинскій рѣзко раздѣляетъ двѣ части своей книги и говоритъ, что психологическія явленія никогда не могутъ быть изучены по физиологическому методу. Хоть бы вспомнилъ г. Ушинскій, что въ медицинѣ существуетъ уже особый отдѣлъ «душевныхъ болѣзней», и что сюда переселились уже изъ области психологій многія явленія, которыя прежде считались необъяснимыми. Сто лѣтъ тому назадъ метафизики, подобные г. Ушинскому, считали, напримѣръ, сумасшествіе наводженіемъ нечистаго духа и изгоняли его шептываньями и заклинаніями; а нынѣ, слава-Богу, его не только лечатъ медицинскими средствами, но и успѣшно вылечиваютъ во многихъ случаяхъ. «Наблюденіе — говоритъ онъ — есть методъ естественныхъ наукъ, самонаблюденіе — методъ психологій». «Физиологъ — продолжаетъ онъ — не оставляетъ метода своей науки, не только не можетъ изучать интеллектуальныхъ явленій, но даже не можетъ удостовѣряться: то ли передъ нимъ, что онъ хочетъ изучать. Весьма можетъ быть, что движеніе, въ которомъ физиологъ хочетъ видѣть выраженіе интеллектуальнаго явленія, есть не болѣе, какъ механическій рефлексъ, неимѣющій въ себѣ ничего интеллектуальнаго — и физиологъ не имѣетъ средствъ убѣдиться, такъ ли это или нѣтъ. Подъ его ножомъ, микроскопомъ или каплею ѣдкой жидкости, ничто не крикнетъ ему: «да это я — сознаніе!» да еслибъ и раздался такой крикъ, то это можетъ быть такое же механическое движеніе, какъ и звонъ струны, по которой повелъ смычкомъ». Лучше этого возраженія трудно чтонибудь придумать. Сознаніе не еликаетъ: «это я!» какъ солдатъ на перекличкѣ, но вѣдь электричество, гальанизмъ и всякая другая сила природы тоже не даетъ знать о себѣ никакимъ восклицаніемъ, и, только по совокупности сопровождающихъ ее явленій, физики заключаютъ о присутствіи самой силы. Не признавая никакой связи между психологією и физиологією, г. Ушинскій могъ бы не стѣсняться современными физиологическими исследованиями, но вліяніе научной атмосферы, должно быть, такъ сильно, что отъ него не могутъ уберечься самые неподатливые люди.

Напримѣръ, авторъ «Педагогической антропологiи» имѣлъ бы полное право, сообразно своей исходной точкѣ зрѣнія, признать врожденность идей въ той же силѣ и степени, какъ ее признавали въ Европѣ до Локка; но 1868-ой годъ, стоящій на книгѣ, не позволяетъ уже слишкомъ пренебрегать собою. Вслѣдствіе этого г. Ушинскій говоритъ: «мы не могли назвать вообще *всѣхъ основъ разсудочной работы врожденными*, потому что, какъ мы видѣли изъ ихъ анализа, не всѣ они и не вполнѣ врожденны душѣ, но начинаются только тогда, когда душа уже приступаетъ къ своей разсудочной работѣ, и составляютъ какъ-бы первыя узлы, къ которымъ прикрѣпляются, и по которымъ регулируются всѣ остальные нити». Хорошо, по крайней мѣрѣ, что не всѣ идеи врождены и нѣкоторыя образуются изъ опыта по правилу Локка: nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu. Но какъ примирить эту уступку съ дуалистической системой, по которой все, что творится въ душѣ, опредѣляется только субстанціальными свойствами самой души? Подобныя же уступки находимъ мы и вездѣ, гдѣ авторъ цитируетъ Милля, Локка, Вундта и др.— Впрочемъ, всѣ эти цитаты ни къ чему не обязываютъ г. Ушинскаго и онъ, забывалъ о нихъ на слѣдующей страницѣ, начинаетъ измышлять и фантазировать по прежнему.

Подвиги человеческого ума, общепонятное изложение изобретений и техническихъ производствъ. Сост. профессорами: Вобринкомъ, Беткеромъ, Колемъ, Лукенбахеромъ и мн. др. Перев. съ нѣм. П. Ольхивъ. Спб. 1868. Т. I, в. I.

Полный переводъ всего творенія нѣмецкихъ профессоровъ будетъ заключать около 125 печатныхъ листовъ. Переводъ, судя по первому выпуску, будетъ снабженъ весьма порядочными рисунками, съ помощью которыхъ читателямъ будетъ легче ознакомиться съ главными сценами изъ дѣятельности человѣка, съ техническимъ производствомъ, съ внутреннимъ устройствомъ и дѣйствіемъ фабрикъ, машинъ, инструментовъ и т. д.

Деять десятыхъ перваго выпуска посвящены разсмотрѣнію первобытной эпохи цивилизаціи, и хотя и можно было бы ожидать болѣе удачнаго обзора этой эпохи (принимая во вниманіе богатство нѣмецкой литературы по этому вопросу), но и это нечего... и нельзя отрицать умѣстности его при столь громадномъ трудѣ. Изложеніе этого обзора слегка растянута, а мѣстами встрѣчаются и скучныя отступленія, не отличающіяся при этомъ и особеннымъ глубокомысліемъ. Жаль, что переводчикъ не выкинулъ этихъ мѣстъ, портящихъ общее благоприятное впечатлѣніе. Но читатель, незнакомый съ нѣмецкимъ подлинникомъ, можетъ уже нѣкоторымъ образомъ догадываться, что въ послѣдующихъ выпускахъ его ожидаетъ интересное чтеніе по статьѣ «о путяхъ сообщенія», въ которой представленъ весьма связный разсказъ развитія дорогъ отъ лѣсной тропинки до горной желѣзной дороги или до лондонскихъ тоннелей. Разсказъ ведется

необыкновенно живо и весьма занимательно, а критическій разбор трудностей, побѣжденных при громадныхъ сооруженіяхъ дорогъ, нелишней и нѣкоторой поучительности. Юноша, познакомившись съ громадными результатами, добываемыми съ помощью страшнаго труда простыхъ рабочихъ, приучится невольно смотрѣть съ уваженіемъ на ихъ полезное дѣло, а видя ихъ самихъ за обычными ихъ занятіями въ подземельяхъ, въ шахтахъ, на фабрикахъ, можетъ быть и пойметъ, сколько энергіи и самоотверженія жизнь требуетъ отъ каждаго изъ этихъ вѣчныхъ труженниковъ—изъ-за скуднаго куска хлѣба. Впрочемъ, если молодой читатель вынесетъ изъ этой книги хоть только одно убѣжденіе и вѣру въ человѣческій умъ и уваженіе къ его просвѣщенной и настойчивой, высшей *человѣческой* дѣятельности въ средѣ индустріи—то и тогда «Подвиги человѣческаго ума» принесутъ свою долю пользы.

Для того, чтобы ознакомить публику съ способомъ изложенія, принятымъ соотрудниками, участвовавшими въ этомъ трудѣ, а также съ легкостію русскаго перевода, мы сдѣлаемъ одну, нѣсколько длинную выписку изъ статьи «о путяхъ сообщенія». Благо и самый предметъ, то-есть прорытіе тоннеля подъ Темзю, имѣющее цѣлю обезпечить правильное сообщеніе между двумя раздѣленными рѣкою частями Лондона, можетъ считаться предметомъ мало знакомымъ и тѣмъ не менѣе весьма интереснымъ. Изложивъ предварительно всѣ основанія, приведшія англичанъ къ вопросу о необходимости подводнаго тоннеля въ Лондонѣ, о первыхъ неудачныхъ попыткахъ, о специально по этому случаю придуманныхъ инструментахъ и т. д., авторъ разсказа такимъ образомъ описываетъ исполненіе послѣдняго предпріятія, задуманнаго и исполненнаго настойчивымъ и смѣлымъ Брюнелемъ.

«Въ началѣ 1826 года начали прорывать землю по горизонтальному направленію, то-есть дѣлать настоящій тоннель. Плотная глинистая почва вскорѣ смѣнилась рыхлымъ, влажнымъ слоемъ песку, и, спустя долгое время, опять проникли до плотной почвы. Работы двигались впередъ медленно но замѣтно, потому что ежедневно проникали на два фута далѣе. 30-го іюня 1826 года достигли до русла рѣки, а 2-го марта слѣдующаго года проникли землю до глубины въ 470 футовъ, то-есть окончили почти треть всей длинны тоннеля.

«Хотя тоннель на каждые 100 фут. понижается приблизительно на 3 фута, все-таки въ серединѣ между тоннелемъ и русломъ рѣки (между сводомъ тоннеля и водою) оставался слой только въ 10 фут. До этого мѣста дѣла шли сносно, хотя трудности и опасности возрастали по мѣрѣ приближенія къ серединѣ рѣки. Тутъ вода потекла изъ тысячи невидимыхъ трещинъ на щитахъ и работниковъ, и нерѣдко слой земли, сквозь которую приходилось проникать, былъ не что иное, какъ вашицеобразный илъ. Брюнель былъ однакоже неутомимъ, и возраставшія опасности не разъ побуждали его рисковать жизнію. Чтобы болѣе подробно

вслѣдовать русло Темзы, онъ самъ спустился на дно рѣки 27-го апрѣля 1827 года, при помощи водолазнаго колокола, и нѣсколько дней сряду повторялъ это отважное предпріятіе. Во многихъ мѣстахъ онъ открылъ причину просачиванія воды и устранилъ такой недостатокъ тѣмъ, что сталъ погружать въ воду корзины и мѣшки съ глиною.

Онъ нарочно спустилъ нѣсколько инструментовъ, лопать и молотковъ, и когда черезъ нѣсколько дней работники стали пропывать въ илистый слой, они нашли всѣ эти предметы. Нѣкоторые инструменты, брошенные на дно рѣки, прорыли сквозь слой песку и ила толщиною въ восемнадцать футовъ. Такое явленіе, конечно, должно было увеличить опасенія. Тѣмъ не менѣе работы отважно продолжались. Къ несчастію, нѣсколько судовъ, плавившихъ внизъ по рѣкѣ, бросили якорь именно надъ тоннелемъ. Вслѣдствіе этого вода ворвалась въ него въ такомъ количествѣ, что ее нельзя было откачать паровой машиною. Всѣ усилія были тщетны. Работники спаслись, а тоннель въ какихъ нибудь $\frac{1}{4}$ часа наполнился водою и примѣрно 1,000 тоннами песку. Это случилось 18-го мая 1827 г. Брюнель однакоже не упалъ духомъ вслѣдствіе такого несчастія. Онъ опять спустился въ водолазномъ колоколѣ на дно рѣки и, къ величайшей своей радости, увидѣлъ, что своды и щиты нисколько не испортились въ томъ мѣстѣ, въ которомъ ихъ покинули работники. Онъ тотчасъ принялся за починку. 180,000 пудовъ глины, наложенной въ корзины, заткнули мѣсто нѣсколькими паровыми машинами, тоннель опять осушили, такъ что черезъ мѣсяць снова можно было приняться за работу. Послѣ этого, при продолженіи постройки безпрестанно встрѣчались непредвидѣнныя трудности. Сверхъ того, работники, подъ вліяніемъ недавно перенесенныхъ опасностей, упали духомъ. Несмотря на то, къ 12-му января 1828 г. прорыли еще 52 фута тоннеля. Тутъ вода во второй разъ прорвалась сквозь щели, и по этому случаю погибло 6 человѣкъ работниковъ. Сынъ Брюнеля также находился въ тоннелѣ при этомъ несчастіи. Нѣсколько времени онъ шелъ во мракѣ, но затѣмъ его застигъ петокъ воды, который благополучно вынесъ его къ выходу. Вода прорвалась на разстояніи 600 фут. отъ входа въ тоннель. Неутомимый Брюнель починилъ прорывъ тѣмъ же способомъ, какъ и первый. Воду снова выкачали, и сводъ попрежнему оказался невредимымъ. Всѣ желали окончанія этой удивительной постройки, но къ ея выполненію не хватило средствъ. Работы прекратились на 7 лѣтъ, пока наконецъ правительство не рѣшилось доставить нѣкоторыя средства. Тогда снова принялся за работу, которая длилась впередъ весьма медленно. Русло рѣки оказалось совершенно размокшимъ, и его пришлось поправлять. Употреблявшіеся до того времени щиты до того попортились, что надобно было построить новыя. Вода прорывалась еще три раза, и каждый разъ поврежденія исправлялись упомянутымъ способомъ. При безпрерывной борьбѣ съ

трудностями со стороны почвы, дѣло все-таки двигалось впередъ, и въ августѣ 1841 г. тоннель былъ готовъ во всей его длинѣ. 13-го числа, послѣ 16-лѣтнихъ непрерывныхъ усилій, Брюнель имѣлъ удовольствіе въ первый разъ пройтись вдоль всего туннеля. Черезъ 20 мѣсяцевъ послѣ устройства туннеля, испанское произведеніе, быстро оконченное, торжественно открыли и предоставили употребленію публики.

Ототалый и передовой. Романъ П. П. Каратыгина *в трехъ частяхъ (sic)*. С.-Петербургъ. 1867 года.

Произведеніе г. П. П. Каратыгина, вышедшее теперь въ отдѣльной продажѣ, украсило собою въ прошломъ году страниця «Всемирнаго Труда», журнала, редактируемаго, какъ извѣстно, любителемъ россійской литературы, докторомъ Эммануиломъ Ханомъ.

Г. П. П. Каратыгинъ, какъ явствуетъ изъ его произведенія, человѣкъ нѣсколько грамотный, но обладающій весьма малымъ и поверхностнымъ образованіемъ, и весьма скудною дозою литературнаго дарованія. Лишенный всякой способности отвлеченія, г. П. П. Каратыгинъ смотритъ на всѣ явленія окружающей его жизни съ необычайною наивностью, переходящей нерѣдко въ замѣчательную простоватость. Между тѣмъ, почему-то онъ счелъ необходимымъ заявить свое мнѣніе и сказать свое слово объ основномъ смыслѣ общественныхъ явленій настоящаго времени. По своему простодушію, г. П. П. Каратыгинъ, конечно, даже и не подозревалъ, что для такого дѣла необходимо обладать, какъ нѣкоторою степенью таланта, такъ и нѣкоторой научной подготовкой, которая помогла бы ему ясно уразумѣть и опредѣлить для себя смыслъ и значеніе различныхъ идей, занимающихъ современный міръ, и многообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается кипучая жизненная дѣйствительность. Въ-сто всего этого, онъ полагалъ, что для романиста весьма достаточно желанія писать, знанія нѣсколькихъ прописныхъ апогеевъ, и умѣнья повторять съ чужаго голоса тѣ ходячія пошлости, распространеніе которыхъ въ малосвѣдущей части русскаго общества, за послѣднія пять-шесть лѣтъ, какъ извѣстно, происходило въ весьма обширныхъ размѣрахъ.

Въ настоящее время, когда множество пошлостей этого рода оказали уже свое затемняющее вліяніе на общественное сознаніе, первую обязанностью всякаго писателя должна быть сильная расчистка всей этой нечести и правильная и честная постановка общественныхъ вопросовъ на здравыхъ и логическихъ основаніяхъ. Вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, въ наши дни, подобно тому, какъ это уже было въ сороковыхъ годахъ и въ началѣ пятидесятыхъ, самая удобная форма для плодотворной дѣятельности писателя въ этомъ направленіи — романъ и повѣсть, такъ-какъ объ эти формы художественныхъ произведеній пред-

оставляютъ писателямъ несравненно большій просторъ передъ статьями другаго рода — побивать эти пошлости самыми разнообразными приемами. Романъ и повѣсть у насъ снова начинаютъ выдвигаться на первый планъ въ журналистикѣ, и толковые редакторы естественно дорожатъ въ романахъ болѣе всего ихъ *направленіемъ*. Поэтому романъ г. Каратыгина, провиннутый различными темными тенденціями, едва-ли былъ бы принятъ въ наши дни въ какойнибудь порядочный органъ, еслибы даже г. Каратыгина и удавалось прежде пристроивать свои произведенія, не носившія никакихъ опредѣленныхъ признаковъ тенденціозности, въ какия либо изданія. Только одинъ г. Ханъ могъ напечатать его «Передоваго и отсталого» на страницахъ своего журнала, да еще и признать за этою жалкою и блѣдною повѣстью громкое названіе— *романа*, такъ-какъ господнн Ханъ, какъ человѣкъ окончательно чуждый всякаго литературнаго пониманія, разумѣется, не связываетъ съ русской журналистикой никакихъ своихъ взглядовъ, кромѣ спекулятивно-коммерческихъ. По всѣмъ вѣроятностямъ онъ даже въ своей дифференціальной діагностикѣ романовъ отъ повѣстей руководствуется, такъ-сказать, только элементарнымъ и объективнымъ признакомъ ихъ отличія: однимъ объемомъ. Велика рукопись — романъ, тощая тетрадка — повѣсть. Обстоятельства же, какъ пзвѣстно, сложились такъ, что г. Хану нѣтъ даже и особенной надобности болѣе глубоко проникать въ значеніе журнальной дѣятельности. Старый сбытчикъ спеціально-лежалого товара, онъ имѣлъ полную возможность во время своего ученаго издательства вдоль и поперекъ изучить русскую публику, а этого въ наше время стало довольно даже и для редактора иного общественно-литературнаго журнала, такъ-какъ въ массѣ публики немало спросу на изданія безъ смысла и направленія. Дозакательствомъ — хотя бы тотъ же «Всемирный Трудъ». Мы думаемъ, что г. Ханъ и далъ ему такое, лишенное всякаго смысла, названіе, предварительно поставивъ себѣ задачу: «а не станеть ли подписываться русская публика на журналъ, самое заглавіе котораго негѣпо?» Оказалось: да, станеть. Явились подписчики. Первый успѣхъ долженъ былъ ободрить г. Хана. Подписчики — вѣдь не абстракція, а такъ-сказать, наличныя деньги. «А не будетъ ли мнѣ платить публика свои деньги, если вмѣсто статей я стану помѣщать холодный бредъ критика Соловьева, ухорскія инсинуаціи Загульева и тарабарщину Иванова?» Оказалось: да, платить. «А не вобрезгають ли помѣщать у меня, для казоваго конца моего изданія, свои статьи и нѣкоторые изъ литературныхъ корифеевъ?» Оказалось: да, и между корифеями нашлись небрюзгливые, помѣстили. «Теперь надобно бы скандальцу, и дѣло сдѣлано». На скандалецъ явился г. Авенариусъ, и дѣло г. Хана, дѣйствительно, было сдѣлано, такъ что потомъ ему уже ничего не оставалось, какъ принимать всякія повѣсти и романы зря, по одному объему, да развѣ предварительно понавѣдываться у своихъ приносителей: «а есть ли у

вась тамъ, въ срединѣ, оплеваніе современной европейской мысли или отечественная клубника?»...

Въ рукописи г. П. П. Каратыгина, по объему составившей романъ, нашлось и оплеваніе, хотя и неумѣлое, и клубника, хотя и неотборная, а потому докторъ Ханъ сочиненіе его съ охотою и напечаталъ.

Напечаталъ, и пожалуй даже и не замѣтилъ, что все сочиненіе г. Каратыгина сплошь — какой-то бездарный и безсильный протестъ противъ всего живаго и новаго въ жизни и мысли русскаго общества — протестъ, повидимому, искренній, такъ-какъ во многихъ мѣстахъ романа всякому зоркому читателю станетъ ясно, что авторъ рѣшительно не понимаетъ того, противъ чего онъ протестуетъ. Ему *кажется*, что всякій передовой человѣкъ въ Россіи долженъ быть неизбѣжно атеистомъ и матеріалистомъ; ему кажется, что если человѣкъ чуждъ сентиментализма, то онъ уже непремѣнно негодяй и мерзавецъ; ему кажется, что всѣ лица въ Россіи, прославившіяся своимъ талантомъ въ литературѣ, непремѣнно должны быть въ жизни какими-то разбойниками: бить изводи-ковъ, соблазнять дѣвушекъ и т. д. — словомъ, ему кажется, что все, сколько нибудь выходящее изъ узкой мѣрки его курьезнаго міросозерцанія, представляетъ какое-то олицетвореніе семи смертныхъ грѣховъ и вообще дѣло какого-то дьявольскаго навожденія, противъ которой онъ, г. Каратыгинъ, обязанъ ратовать и бороться.

Для того, чтобы свое возрѣвіе возсоздать и воплотить такъ-сказать въ образахъ, г. Каратыгинъ рисуетъ два лица: Василя Степановича Стрѣшнева и Сергѣя Дмитріевича Троянова. Первый герой — *отсталый*, и потому награжденъ авторомъ всѣми добродѣтелями, второй — *передовой*, и потому снабженъ всѣми пороками. Къ первому авторъ относится во всемъ романѣ съ необычайнымъ сочувствіемъ, очевидно, считая его высшимъ идеаломъ, въ какомъ можетъ въ наше время проявиться умный и честный человѣкъ; о второмъ онъ сокрушается, и считая его человекомъ, выходящимъ по своему уму изъ среды людей обыкновенныхъ, смотритъ на него, какъ на жертву времени и какихъ-то современныхъ ученій, которыя не по нутру г. Каратыгину. *Перепеции героевъ* этихъ (такъ выражается авторъ) и пополняютъ все несложное содержаніе новаго романа. Передовой, разумѣется, дѣлаетъ всякія мерзости, и въ концѣ концовъ наказывается авторомъ тѣмъ, что теряетъ молодую жену; отсталый, проявляя цѣлый рядъ подвиговъ самоотверженія — за всѣ свои доблести награждается авторомъ тѣмъ, что въ концѣ романа соединяется законнымъ бракомъ съ достойною дѣвицею Анютою Кудимовой, которая еще въ ранней молодости своей ему нравилась, хотя они и были разлучены тогда силою обстоятельствъ. Новое свиданіе Васи и Анюты происходитъ въ романѣ какъ-бы во исполненіе пророчества родительницы отсталого Стрѣшнева, которая часто твердила ему, послѣ перваго отъѣзда Кудимовой

(слова эти напечатаны въ романѣ курсивомъ): «Вася, если Анютѣ суждено быть твоей женой — ты ее встрѣтишь... нѣтъ — значить не судьба!» Но, хотя желаніе провести коренное различіе между Стрѣшневымъ и Трояновымъ и составляетъ основную черту художественнаго замысла г. Каратыгина — это ему не особенно вытисцовывается, и читателя больше всего поражаетъ между двумя пріятелями ихъ сходство. Оба они, очевидно, большой руки болваны, оба являются на сцену дѣйствія какими-то фигурами изъ картонна; оба говорятъ одинаковымъ, водевильно-лакейскимъ жаргономъ, и нагоняютъ на читателя непреодолимую и мучительную зѣвоту. Зѣвота эта тѣмъ тягостнѣе для читателя, что ему во всей книгѣ не на чѣмъ отдохнуть. Ни эпизодическихъ событій, которыя выдавались бы сколько-нибудь свѣжестью или оригинальностью, ни вводныхъ лицъ, которыя носили бы на себѣ сколько-нибудь признаки характеровъ — во всей книгѣ нѣтъ. Все въ ней пошло, плохо, старо, рутинно и водевильно. Ни одного сколько-нибудь новаго положенія, ни одного даже остроумнаго замѣчанія мы не встрѣтили во всей этой пустынѣ пошлости и скуки. Самыя нападки на литературу и литераторовъ либеральнаго и обличительнаго направленія, на редакторовъ передовыхъ журналовъ и ихъ сотрудниковъ, несмотря на то, что въ нихъ дышетъ систематическая, затаенная злоба — лишены всякой живости, а сцены, гдѣ появляются эти грозные признаки для слабаго воображенія г. Каратыгина, также бездѣльны, какъ и все остальное въ его произведеніи. Не угодно ли, для примѣра, хоть сцену въ редакціи прогрессивнаго (эдакой злодѣй!) журналиста Мизгирева, куда оба болвана, передовой и отсталый, впервые приносятъ, по выраженію автора, *написанныя ими сочиненія*:

«Мизгиревъ принималъ *просителей* по субботамъ отъ десяти часовъ утра до часу пополудни. Стрѣшневъ позвонилъ у его дверей за четверть часа до узаконеннаго времени.

— Рано пришли! грубо (очевидно, подъ влияніемъ прогрессивнаго направленія?) сказалъ лакей: — баринъ еще спитъ.

— Подождать можно?

— Войдите.

Не трудясь снять шинель съ посѣтителя (каково прислуга-то распушена у прогрессивныхъ редакторовъ!), лакей показалъ ему на дверь въ залъ, а самъ прошелъ въ свою комнату (туда же — комната своя!) и занялся чисткою сапоговъ.

Своеручно снявъ шинель и повѣсивъ ее на вѣшалку, Стрѣшневъ вошелъ въ залъ.

Квартира великолѣпная: отличная мѣбель, зеркала, бронзы, картины (не въ конурахъ вѣдь эти передовые, ну ихъ!); дверь въ кабинетъ завѣшена дорогимъ мокетомъ. Минуть черезъ двадцать (а не черезъ четверть часа, какъ это слѣдовало бы), лакей, проходя туда, спросилъ Стрѣшнева, какъ доложить? Василій Степановичъ сказался. Минуть черезъ десять (!!) мокетъ у дверей

отпахнулся и Мизгиревъ въ щегольскомъ халатѣ съ *всклокоченными волосами* (!), *звѣая и потягиваясь*, вошелъ въ залъ.

— *Наше важь-сь*, сказалъ онъ фамильярно: — чѣмъ могу услужить?

— Я бы желалъ... началъ Стрѣшневъ, замкаясь и краснѣя, помѣстить у васъ въ журналъ...

— Гм! статейку? досказалъ Мизгиревъ, садясь въ кресло и протягивая руку къ тетрадямъ: — покажите, покажите! «Стихотворенія Василя Стрѣшнева», прочиталъ онъ *небрежно* (каковъ!) на одной — «Влудящій Огонекъ», романъ... Хорошо-сь; посмотримъ (*онъ зѣнулъ, жестомъ* приглашая молодого человека сѣсть). До стиховъ, надо вамъ сказать, я не охотникъ. У васъ сатиры?

— Нѣтъ-сь, больше *элегии* и мелкія стихотворенія.

— А! значить тутъ: «она — луна, очи — ночи, волны — полно...» *Медъ, сахаръ и патока*. А романъ обличительный?

— Нѣтъ-сь, такъ...

Редакторъ поморщился и *протекторскимъ тономъ* произнесъ:

— То-то вотъ вы, господа, изобрѣтаете сюжеты, выводите идеальныхъ героевъ и героинь, когда вокругъ васъ живнѣтши и настоящія, не вымышленныя драмы, только пользуетесь. Вы, конечно, служите?

— Да-сь, въ полиграфическомъ департаментѣ.

— А, а! Это у моего пріятели, Евгенія Филиповича. Чтò онъ хорошій начальникъ?

— Нельзя пожаловаться.

— Глупъ только, какъ сивый меринъ, да своимъ генералствомъ чванится... Мы съ нимъ встрѣчаемся въ клубѣ. Ну-сь, такъ вы чиновникъ, прекрасно! И берете романы изъ своего быта; давайте сюда вашъ департаментъ со всѣми его дразгами: какъ секретарь взятки беретъ, какъ эвекунторъ воруетъ!

— Оба они хорошіе люди, Левъ Николаевичъ; за чтò же ихъ порочить?

— Полно, полно вамъ, молодой человекъ! Прошли тѣ блаженныя времена, когда мы не смѣли думать вслухъ. Неужели же у васъ въ департаментѣ нѣтъ ни одного взяточника или казнокрада?

— Не знаю такихъ...

— Право? Ну-сь, такъ хотите я вамъ сейчасъ докажу, что вы сами не безгрѣшны, только по привычкѣ *бюрократа* (?) этого и за грѣхъ не считаете.

Стрѣшневъ остолбенѣлъ и вытаращилъ глаза.

— А это-сь? продолжалъ редакторъ, похлопывая по тетрадямъ. — Бумага-то атласная, министерская, и ужъ, разумѣется, не купленная, а казенная? Вотъ оно такъ и идетъ: вы пользуетесь бумагой, эвекунторъ — дровами, тотъ же Еггеній Филиповичъ — деньгами... Конечно, съ вашей стороны это мелочь, вздоръ, но по этому можете сами судить, какъ у насъ въ крови считать казенное добро за свою собственность!

— На счетъ меня вы ошиблись. Бумага купленная, а не краденная!

— Ну, это счастливое исключеніе, *спокойно* (послѣ эдакихъ-то ужасовъ!) отвѣчалъ редакторъ, закуривая сигару.—Я это говорю къ тому, что нынѣ у нашей литературы направленіе реальное и слава алаху! Пора перестать сазочки и идилліи писать, *пора приняться за дѣло* (вотъ оно куда пошло!)... Полно вамъ, господа, тѣшить публику разноцвѣтными фонариками, да фейерверками. Въ нынѣшнее время писатель долженъ вооружиться фонаремъ Диогена, вмѣсто бенгальскихъ огней, да римскихъ свѣчъ (,) вестя подкобы да камуфлеты подѣ общественныя злоупотребленія, бомбами разбивать безобразія постройби стараго времени! Будеть вамъ омиаюмъ лести заглушать злословіе соціальныхъ язвъ!... И вытаращивъ свои *кошачьи глаза*, Мизгиревъ продолжалъ запальчиво:

— Общество наше хвораеть! Ему нужны лекарства, а вы его *бомбошками* подчуете. Вотъ, вашъ романъ, я предчувствую, бомбошка! При этомъ редакторъ сдѣлалъ видъ, что дѣйствительно положилъ въ ротъ бомбошку. Новый звонокъ прервалъ оратора, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ очень бѣдно одѣтый молодой человѣкъ, съ большими черными глазами, небольшою бородкой и усиками. Подѣ мышкой (,) вмѣстѣ съ поярковой шляпой, онъ держалъ довольно объемистый свертокъ сѣрой бумаги.

— Чтѣ вамъ угодно? спросилъ его Мизгиревъ, обидывая его съ ногъ до головы *важнымъ* взглядомъ.

— Повѣсть у васъ въ журналѣ хочу напечатать, отвѣчалъ тотъ, *спокойно садясь на диванъ*.—Я, можетъ быть, вамъ помѣшалъ, такъ я подожду...

Тонъ и манеры молодого человѣка видимо *озадачили* редактора. Послѣ почтительнаго, робкаго обхожденія Стрѣшнева, *голосъ*, взглядъ, движенія новаго гостя были просто *дерзостью*. Для ващаго доказательства, что онъ не охотникъ до церемоній, юноша закурилъ папирску.

— Такъ, хорошо-съ, сказалъ Мизгиревъ, вставая и протягивая Стрѣшневу *два пальца*, ваши стихи и романъ я пересмотрю и недѣльки черезъ три васъ увѣдомлю. Потрудитесь написать на оберткѣ вашъ адресъ.

Василій Степановичъ взялъ перо, готовился исполнить желаніе редактора, который, между тѣмъ, подошелъ къ нецеремонному гостю.

— Позвольте вашу рукопись!...

Юноша подалъ. Мизгиревъ развернулъ и *ротъ разинулъ*: черновой манускриптъ, испятнанный чернилами и во многихъ мѣстахъ перемаранный карандашомъ. Вмѣсто заглавія стоялъ большой вопросительный знакъ, и въ него-то какъ будто превратилось лицо Мизгирева.

— Чтѣ же это? И заглавія нѣтъ?

— Заглавіе можете сами прибрати, это дѣло послѣднее. Можно даже и вопросительный крикъ оставить, будетъ и ново, и оригинально, и тѣмъ болѣе, встаетъ что самая повѣсть социальный вопросъ.

— Прекрасно-съ... Но я не разберу ни одного слова.

— Можете прочитать въ корректуру, наборщики и не такі караули разбирають.

Стрѣшневъ, хотя и написалъ свой адресъ, однакожь, не уйдилъ, заинтересованный и этой сценой, и лицомъ чудака, которое казалось ему какъ будто знакомымъ.

— Итъ-съ, ужъ вы бы потрудились вашу рукопись перефразировать Мизгиревъ, желая отдѣлаться.

— Некогда, да и по правдѣ сказать, скучно два раза одно и то же писать. Согласенъ, что бумага не хороша и чернила плохи. Что жъ дѣлать! Эта повѣсть написана мною въ острогѣ.

— Какъ-съ!

— Въ острогѣ, продолжалъ невозмутимо юноша:—то-есть въ тюрьмѣ, гдѣ я высидѣлъ три мѣсяца. Сервантесъ написалъ же своего Дон-Кихота въ тюрьмѣ, почему же я не могъ написать своей повѣсти въ острогѣ. Не мѣсто красить человека, а чловѣка мѣсто!

— Извините нескромный вопросъ...

— Знаю. Вы хотите знать, за что сидѣлъ? Отвѣтъ на это найдете въ моей повѣсти. Затѣмъ, заключилъ юноша, вставивъ честь кланяться. Адресъ мой тутъ записанъ; въ случѣ чего, можете увѣдомить, потому что мнѣ итъ охоты бѣгать навѣдываться. Онъ пошелъ было къ дверямъ и приостановился.— А вы по сколько даете съ листа?

— Смотря по статьѣ, иной и даромъ не нужно! комуль Мизгиревъ. — За оригинальные рассказы я даю отъ пятидесяти рублей...

— Гм... Ну это *при фиксѣ*, почти во всѣхъ редакціяхъ дѣла порядочная. Прощайте.

— Какое? прозвнесъ Мизгиревъ, кивнувъ ему во слѣдъ головой. — Какое гусь? Ничего не вида, ужъ о цѣнѣ говорить. Провинція благословенная, по всему видно. Вотъ его имя и адресъ... Прошу понять? «Сергѣй... Дим... Дим...»

— «Димитріевичъ... Трояновъ!» дочиталъ Стрѣшневъ, съ удивленіемъ. — Онъ! Я не ошибся.

— Вы его знаете?

— Это мой товарищъ по пансіону. Десять лѣтъ я не видѣлся съ нимъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Позвольте и мнѣ списать его адресъ.

— Сдѣлайте одолженіе! Нечего дѣлать, придется почтатъ эту срунду. Писано въ острогѣ! Оригинально!

Онъ большими шагами заходилъ по комнатамъ, заложивъ руки на спяну.

— Такъ вы меня увѣдомите? спросилъ Стрѣшневъ.

— Да, да, непремѣнно! Мое почтеніе.

Стрѣшневъ отправился къ своему другу, Платону Егоровичу Вязникову, подѣлиться радостью, что *сочиненіи* отданы.

Вся эта длинная сцена написана, очевидно, съ намѣреніемъ выставить Мизгирева въ самыхъ черныхъ краскахъ, и однако, кромѣ его фразерства, за послѣднимъ во всей этой сценѣ не оказывается никакихъ преступленій. Между строками у г. Каратыгина свозить, что порядочные люди, въ качествѣ редакторовъ, должны не такъ принимать лицъ, приносящихъ къ нимъ свои рукописи, но какъ именно? это остается тайною автора. Вѣроятно, Мизгиревъ передъ приходомъ Стрѣшнева долженъ былъ приказывать своему человѣку оставить чистку сапогъ и находиться безотлучно при вѣшалкѣ, чтобы его посѣтителю не снимали своихъ шинелей *саееручно*, надѣть фракъ, причесать волосы, воздержаться отъ зѣвоты даже при видѣ прѣснаго Стрѣшнева, обласкать его, посадить своеручно въ кресло, предложить сигару, тутъ же на мѣстѣ преступленія прочитать съ чувствомъ и толкомъ его элегіи, благодарить его за честь посѣщенія, а на нѣсколько нахальный тонъ Троянова взглянуть съ глубокимъ уваженіемъ? Но вѣдь все это самыя ничтожныя мелочи. Отъ редактора какаго-либо изданія, конечно, помимо обыкновенной житейской вѣжливости, обязательной также и для лицъ, приносящихъ въ редакцію свои произведенія, можно требовать совсѣмъ не излѣцства въ обращеніи, а только добросовѣстности и умѣнья — въ оцѣнѣ приносимыхъ трудовъ. Разсыпаться въ нѣжностяхъ и вѣжливостяхъ передъ всякимъ лицомъ, которому вздумается къ нему зайти, ни у одного редактора, конечно, не хватить и времени, а кто знаетъ, какія личности часто являются въ редакціяхъ и чѣмъ весьма нерѣдко они приносятъ, тотъ не станетъ нисколько удивляться той ненабѣжной сухости, съ какою обыкновенно приходится редакторамъ обращаться къ новымъ лицамъ, *имѣющимъ къ нимъ надобность*, пока они не успѣли проявить своего таланта. Г-ну же Каратыгину, вѣроятно, основательно пошатавшемуся по многимъ редакціямъ съ своимъ сочиненіемъ, прежде чѣмъ его пріютилъ радушный Ханъ (не даромъ на Кавказѣ гостиница носить названіе хана), стало казаться, что редакторская сухость происходитъ отъ ихъ злорадства и не желанія посприятать... бездарности, а можетъ быть и отъ того, что они читали Бюхнера, Фохта, Моелшота и т. д.

Право такъ, мы не шутимъ. Въ числѣ лицъ, дѣйствующихъ въ романѣ г. Каратыгина, введенъ докторъ-матеріалистъ, который только потому, что читалъ Бюхнера и Моелшота, и что признаетъ, что «бодрость души обуславливается стройнымъ отправленіемъ тѣлесныхъ функций», морить жену Троянова, принимая чахотку за анемію. Докторъ Ханъ, очевидно, не читаетъ ничего изъ того, что помѣщаетъ въ своемъ «Всемірномъ Трудѣ», ибо это уже не что-либо литературное, въ чемъ онъ не особенно свѣдущъ, а нелѣпость чисто въ медицинскомъ смыслѣ. Развѣ можно, докторъ

Ханъ, сѣвшать анемію съ чакоткою въ третьей степени, былъ бы врачъ ни былъ малосвѣдущимъ? А вотъ тагъ-то ваши сотрудники разсуждаютъ и обо всѣхъ другихъ вопросахъ, значеній которыхъ вамъ отвѣять не подѣ силу. И выходятъ... да вотъ что выходитъ. На 98 страницѣ «Передоваго и отсталого» авторъ влагаетъ въ уста того же злополучнаго доктора такую фразу: «У него мѣстная апоплексія и легкое пораженіе *tabi dorsali, спиннаго хребта*». Спинной хребетъ по г. Каратыгину называется *tabes dorsalis*, *tabes* по его граматикѣ въ родительномъ падежѣ превращается въ *tabi*. Есть отъ чего придти въ отчаяніе! *Scandala medicinae!* Въ этомъ словѣ *tabes*—ваша казнь, докторъ Ханъ! По странной случайности, Плиній подъ этимъ самымъ словомъ разумѣлъ синонимически всякій гнилой товаръ. Подумайте, докторъ Ханъ, не повинны ли и вы передъ публикой въ гниломъ литературномъ товарѣ?

Просвѣщеніе и цивилизація. Кн. М. Г. Голлицва. Москва. 1867 г.

Авторъ этой тощей до невѣроятности брошюры рѣшительно недоволенъ европейской цивилизаціей, и на восемнадцати страницахъ разгонистаго шрифта предаетъ ананемѣ всѣ западно-европейскія государства, съ ихъ наукою, торговлею, промышленностью, ремеслами и матеріальными благами. Не щадитъ онъ и Наполеона III-го, котораго онъ называетъ «величайшимъ эгоистомъ вѣва», и «милостивцемъ Европы»; не щадитъ и ученыхъ, начиная съ Юма и Вейсса, Штрауса, Бауера и Шенкеля и кончая, какъ водится, Фейербахомъ, Бюхнеромъ, Фохтомъ, Моленомъ, Штирверомъ и Эрнестомъ Ренамомъ. Самое слово цивилизація, какъ онъ «сознается откровенно, не совсѣмъ существенно звучитъ въ его ухѣ». Поэтому онъ не щадитъ для насъ позорящихъ прилагательныхъ, въ родѣ: надменная, quasi-гуманная, подозрительная и т. д. Самый корень этого слова *civis* (*civis*?) ему не по вкусу. Смысль, какъ изволите видѣть, словъ *цивилизация*, «не выступающій изъ тѣснаго круга гражданственности, т.-е. развитія сознанія правъ и обязанностей общественныхъ», кажется слишкомъ узкимъ для широкой натуры московскаго мыслителя «отъ князей». Все это, какъ видать читатель, нисколько не ново, едва-ли даже и остроумно, и на тысячу ладовъ не однажды повторялось въ московской печати, такъ что приходится удивляться, для чего почтенный авторъ счелъ нужнымъ составлять свое произведеніе, которое очевидно досталось ему не безъ труда успѣльнаго, ибо, князь—въ грамотѣ не особенно далекъ. Такъ наприимѣръ, на страницѣ 16-й онъ говоритъ: «столпы праздноватающихся *пролетарій, авантюристовъ* и революціонеровъ наводняли не только Европу, но и прочія части свѣта». На 13-й, поражая «свирѣпствующею плотоугодіею» (матеріализмъ) и «волхвованіе» (спиритизмъ), онъ выражается въ такомъ родѣ: «Не рѣдко приходится удивляться, какъ ослѣ-

ченно грызутся *промежь себя* и какъ пошло поносить другъ друга наши доморощенные умники, и это отнюдь не вслѣдствіе отставанія ихъ твердыхъ, непреломныхъ убѣжденій, а просто отъ самообольщенія, изъ невѣжества, изъ подражательности (1), отъ всегдашней страсти нашей ко всякому нововведенію, столь легко и удобно вторгающемуся къ намъ подъ видомъ всеобщаго прогресса, а не мало л(ь?)стящему высокоумію лѣниваго ума, всегда готоваго все отрицать и ничему не вѣрить: *отомсте бо сердце моеи сихъ, людей, называющихъ однако ученіе свое реальнымъ, хотя, на повѣрку, оно и сходится къ нулю*.

Грамотностью мысли, князь-составитель также не обладаетъ въ особенно-превосходной степени. Онъ находитъ, напримѣръ, что признавать западную цивилизацію значитъ «зариться на матерьяльное благо, обольщаться стикійнымъ мудрованіемъ, жить исключительно для *чрева и злата, ѣсть, пить и веселиться*», а «усиѣхи естествознанія, торговли, ремеслъ и всякаго матерьяльнаго блага», но его просвѣщенному мѣтнію, часто «способствуютъ лишь разслабленію души, распущенію нравовъ».

Впрочемъ, не все старо въ тощей книжонкѣ князя Голицына. Мы отыскали въ ней перлъ. Перлъ этотъ — мысль, которая даже въ Москвѣ должна показаться новою, и вѣроятно усвоятся тамошними публицистами и газетчиками, для вищаго вразумленія и преслѣдованія кого слѣдуетъ. По просвѣщенному взгляду князя-автора, какъ общій нашъ прародитель Адамъ, такъ и ангель, павшій до его появленія на землѣ, погибли, какъ вы думаете отъ чего? *Отъ нигилизма!* Вотъ подлинное свидѣтельство князя М. Г. Голицына (стр. 15): «Плодъ современнаго ученія — нигилизмъ, плодъ горькій, и прежде приведшій къ паденію не только чловѣка, но и самаго ангела...». Мысль эта высказана авторомъ, какъ видите, настолько категорически, что не оставляетъ даже и мѣста для сомнѣнія въ самомъ фактѣ, хотя въ не особенно-толковомъ его выраженіи и заключаются повидимому нѣкоторыя противорѣчія. Изъ словъ автора вытекаетъ, что нигилизмъ существовалъ въ видѣ плода даже до сотворенія міра; почему же въ такомъ случаѣ онъ вдругъ сдѣлался только плодомъ современнаго ученія, того ученія, котораго не только корни, но и самыя плоды, наперекоръ пословицъ, горьки?

Вродящія сижи. *Детъ повѣсти, В. П. Авенаріуса. I. Современная идиллія. II. Цовѣтріе. Спб. 1867.*

Г. Авенаріусъ писатель молодой, но положительно ничего не общающій въ будущемъ. Клубничизмъ новѣйшаго времени взрослъ два цвѣтка на своей почвѣ: гг. Сгебницкаго и Авенаріуса; но если первый изъ нихъ веселитъ глаза радужными колоритами и утѣшаетъ обонаніе пряными запахами, то послѣдній, напрогнѣтъ того, поражаетъ вялостью и линочестію колоритовъ; благоуханій же рѣшительно никакихъ: ни пріятныхъ, ни непріятныхъ, не испускаетъ. Даже въ тѣхъ лѣтѣ-

ратурныхъ закоулкахъ, гдѣ онъ привѣтаетъ, г. Авенаріусъ, повидимому, не пользуется особеннымъ авторитетомъ, и самъ г. Стебниціей, который, по всей справедливости, считается его духовнымъ родителемъ, отзывается объ немъ съ снисходительностью болѣе, нежели ироническою.

Въ самомъ дѣлѣ, писать такъ, какъ пишетъ г. Авенаріусъ, доступно рѣшительно всякому. Даже въ знакахъ препинанія нѣтъ надобности, потому что они только препятствуютъ течучести наблюденья. Чтобы написать повѣсть, романъ, комедію, драму, въ родѣ «Повѣтрія» нужно только сѣсть у окошка, и пристально глядѣть на улицу. Прошелъ по улицѣ франтъ, въ влѣтчатыхъ штанахъ — записать; за нимъ прошла дѣвица съ стриженными волосами — записать; а если она при этомъ приподняла платье и показала ногу — записать дважды; потомъ проѣхалъ извозчикъ и крикнулъ на лошадь: «Эхъ ты, старая!» — записать. Посидѣвши такимъ образомъ у окна сутокъ съ двое, можно набрать такое множество наблюденья самыхъ разнообразныхъ, что за тѣмъ остается только бѣжать въ типографію и просить метранпажа привести ихъ въ порядокъ. Метранпажъ исполнить это съ удовольствіемъ, и даже, для клейкости, подбавить разныхъ Моничекъ, Наденекъ, Ластовыхъ, Куницинныхъ и проч. Ни складу, ни связи, конечно, отъ этого не прибудеть, но печатной бумаги выйдеть тогда презрядный.

Разверните книжку г. Авенаріуса, возьмите на себя нестерпимый трудъ прочитатъ ее — и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго выше, какъ оно ни представляется маловѣроятнымъ. Это какая-то несмысленная аггломерация словъ, танущихся, какъ вчитель, одно за другимъ, безъ всякой иной связи, кромѣ метранпажной, и если можно тутъ чему-нибудь удивляться, то именно искусству, съ которымъ авторъ умѣлъ въ этимъ безсодержательнымъ словамъ приурочить своихъ Наденекъ и Моничекъ.

Вообще, новую нашу литературу упрекають въ недостаткѣ творчества, въ неумѣніи группировать и въ даггеротипности ея отношеній къ дѣйствительности — въ этомъ упрекѣ, несомнѣнно, есть значительная доля правды; но про г. Авенаріуса и того нельзя сказать: если у него и былъ даггеротипный зарядъ, то снарядъ этотъ былъ навѣрное испорченный, способный изображать не обликъ человѣческій, но носы, рты, брови, ресницы и т. д. въ разбросъ и безъ всякой связи.

Рѣшительно нельзя понять, какимъ образомъ при такихъ небольшихъ творческихъ силахъ можетъ видти печатная книга въ 452 страницы. Правда, что новѣйшая французская литература представляетъ немало образчиковъ такого рода подвиговъ; но у французовъ, по крайней-мѣрѣ, вы встрѣчаетесь съ обиліемъ происшествій, одно другаго чуднѣе, одно другаго невѣроятнѣе. Убийца оказывается спасителемъ, прелюбодѣй — свнукомъ, ищій — мильонеромъ, беременная женщина — невняною, вотъ, какъ, на примѣръ, у г. Крестовскаго. На людей простосердечныхъ

это дѣйствуетъ безъ промаха. У г. Авенаріуса нѣтъ данныхъ даже для этой чисто виѣшней занимательности. Происшествія, которыя онъ разсказываетъ, или лучше размазываетъ въ своемъ сочиненіи, суть происшествія самыя несложныя, даже почти глупыя. Это просто обыденныя физическія отправленія, которымъ подверженъ всякій человекъ, независимо отъ его внутреннихъ опредѣленій, и которыя повторяются съ однообразіемъ, могущимъ составлять предметъ наблюденія для фізіолога, но никакъ не для романиста.

Г. Погодинъ въ своемъ «Путешествіи за границей» представилъ нѣкогда незабвенные образцы этого рода отношеній къ дѣйствительности. Онъ также ничего не призывалъ и не отыскивалъ, онъ также пѣлъ лишь то, что попадалось ему на глаза. Но онъ былъ добросовѣстенъ; онъ не мнилъ себя художникомъ; онъ не придумывалъ ни Моничекъ, ни Наденекъ, для приданія своему разсказу клейкости; онъ просто снабжалъ себя по всѣмъ гостинницамъ преісъ-курантами, разъяснял ихъ, и разнообразилъ эти разъясненія воспоминаніями о разговорахъ съ содержателями отелей. А такъ-какъ отелей было много, преісъ-курантовъ много, разговоровъ о преісъ-курантахъ тоже много, то и вышла книга объемистая. Все это понятно и резонно. Но ухитриться, подобно г. Авенаріусу, объ одномъ и томъ же преісъ-курантѣ написать около 500 страницъ—это такой *tour de force*, котораго ни понять, ни объяснить невозможно.

Если мы захотимъ быть краткими, если мы пожелаемъ въ одномъ фокусѣ увидѣть тотъ творческій бюджетъ, которымъ располагаетъ г. Авенаріусъ, то бюджетъ этотъ несомнѣнно весь выразится въ слѣдующей примѣрной повѣсти.

Сказаніе о клубникѣ.

I.

18го г. въ жаркій іюньскій день, въ одной изъ гостинницъ, расположенныхъ на берегу бирюзовой Ааръ, NN (герой романа) всталъ особенно рано, потому что его побуждала къ тому естественная надобность. Возвращаясь оттуда по корридолу, онъ увидалъ привѣтливое личико Мари, и ущипнулъ ее за щеку. Послѣ этого, онъ надѣлъ на себя сюртукъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что на немъ еще нѣтъ штановъ. «Ахъ, какой я разсѣянный!» сказалъ онъ, и скинувъ сюртукъ, началъ одѣваться какъ слѣдуетъ. Потомъ пошелъ въ общій залъ, гдѣ уже сидѣли Наденька и Моничка, и спросилъ себѣ блюдо клубники. Поѣвши клубники, онъ вступилъ съ Наденькой въ разговоръ о различныхъ фізіологическихъ отправленіяхъ, причемъ хотя и не желалъ касаться актовъ, предшествующихъ дѣторожденію, но Наденька его къ тому вынудила, сказавъ что она студентка и небезызвѣстна о семъ. Послѣ того обѣдали и пили кофе, по исполненіи же сего, цѣлый вечеръ говорили о дѣторожденіи и легли спать каждый въ своемъ осо-

блинвомъ нумеръ, хотя каждый же при этомъ не могъ не помнить: «ахъ! отчего не спимъ мы вмѣстѣ!»

II.

На другой день утромъ, NN. всталъ еще раньше вчерашняго, и вновь ущипнулъ Мари. Потомъ пошелъ на террасу, и увидѣлъ, что Наденька съ Моничкой уже ѣдятъ клубнику. «Я не могла цѣлую ночь сомкнуть глаза, потому что вчерашній разговоръ о процессѣ дѣторожденія...» сказала милая Наденька, и вдругъ задумалась.—Эхъ вы! съ вами и разговора-то порядочнаго нельзя имѣть—сейчасъ и раскисли! отвѣчалъ NN. и плюнуть удалился. Весь этотъ день онъ былъ мраченъ, ибо боль въ желудкѣ не давала ему покоя. ⁷⁰

III.

На третій день утромъ, NN. всталъ еще раньше, и вонялъ, что разговоры о процессѣ дѣторожденія и на него подѣйствовали губительно. Онъ вышелъ въ садъ и встрѣтилъ тамъ Наденьку.

— Я васъ люблю, сказала Наденька, но должна вамъ сознаться, что у меня... Тутъ она произнесла такой медицинскій терминъ, что какъ ни былъ NN. беззащитивъ относительно женскихъ немощей, но и его ошло. Стремглавъ бросился онъ отъ нея и вдругъ... Черезъ нѣсколько минутъ отчаянные крики послышались по направленію къ Ааръ. Въ это время, NN. пилъ кофе и бранилъ учтиваго кельнера за то, что ему подали мало сливокъ. Услышавъ крики, онъ бросился къ рѣкѣ, но уже было поздно. Тѣло Наденьки бездыханное лежало на берегу, орудженное рѣдими и знакомыми, при чемъ сорочка спустилась съ ея дѣйствиной груди. Тутъ понялъ дуракъ NN., какъ много любила его Наденька; тутъ только замѣтилъ онъ, какая прекрасная была у нея грудь.

КОНЕЦЪ.

Смѣемъ увѣрить читателя, что романъ этотъ, хотя и поражающій своей простотой, не только не хуже романа г. Авенаріуса, но даже значительно лучше; потому что докторъ Ханъ за нашъ романъ, по расчету, много-много заплатилъ бы двадцать копеекъ, а за произведенія г. Авенаріуса, вѣроятно, уплачиваетъ цѣлыя имны денегъ.

Но, ежели г. Авенаріусъ слабъ какъ художникъ, то, быть можетъ, онъ великъ, какъ философъ и общественный физиологъ? Уви! какъ мыслитель, онъ принадлежитъ къ партіи, такъ-называемыхъ, клубнидастовъ, нерѣдко, впрочемъ, именующихъ себя столпами и консерваторами. Но даже и въ этой нетрудной сферѣ онъ умудрился явиться клубнидастомъ не первой, но лишь второй руки. Половыя отношенія, которыя у него всегда на первомъ планѣ, выражаются до такой степени голо и незамысловато, что раз-

связь объ нихъ возбуждаетъ въ читателѣ не игривость въ мн-слахъ, а отвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать какимъ нибудь именованіемъ, напримѣръ, слѣдующую сцену. Молодой негодай лежитъ больной въ постелѣ, около него влюбленная въ него дѣвушка. Негодая хвастается и рассказываетъ, какъ король и грандіозенъ Парижъ

«Тамъ, говоритъ онъ, все въ волосальныхъ разнѣбрахъ: лежитъ, напримѣръ, груды-не-груды-цѣлая гора брелочковъ для часовъ, микроскопическихъ какихъ-нибудь биноклей, а посмотрите въ такой бинокль, увидите прелюбопытную фотографію. Вотъ и у моихъ часовъ, какъ видите, привѣшена такая штука.

«— Можно взглянуть?

«— Да вы, пожалуй, разсердитесь.

«— Тамъ что нибудь нехорошее?

«— Напротивъ, очень хорошее; а впрочемъ—какъ знаете.

«Моничка отцѣпила часы отъ жилетки молодого денди и поднесла привѣшанную къ цѣпочкѣ крошечную зрительную трубку къ глазу

«— Ахъ, какой вы! пролепетала она, всникнувъ и быстро опуская часы съ замѣчательнымъ брелочкомъ.

«— Ха, ха, ха! смѣялся правовѣдъ:—что же въ этомъ дурнаго? вѣдь и себя же вы видите иногда въ подобномъ туалетѣ. Никто не родится на свѣтъ въ платьяхъ.

«Опустивъ личико, чтобы не разсмѣяться, Моничка вложила часы обратно въ жилетку ихъ владѣльца и, закусивъ губу, принасилась вновь съ усердіемъ прикладывать ледъ къ рукѣ его.»

А вотъ и еще сцена. Молодые люди объяснились въ любви, и начинаютъ сознаваться другъ передъ другомъ въ своихъ недостаткахъ.

«— Ну, да это еще ничего (сказала Лиза), вотъ у меня недостатокъ... Ты вѣдь знаешь, что я нѣю здѣсь сиворотки?

«— Знаю.

«— Но знаешь ли, противъ чего?

«Не хуже медика начала она рассказывать ему о своей болѣзни. «Его передернуло: онъ, казалось, не ожидалъ отъ нея такой наивной беззащитности.

«— Вотъ докторъ и посовѣтовали мнѣ поскорѣ видѣти замужъ...»

«Живнѣе не вытерпѣлъ и грубо оттолкнулъ отъ себя ея руку, унаправшюся на него.

«Какія рѣчи!... Вотъ плоды вашей прославленной эмансипаціи! Догадался я, чего тебѣ недостаетъ: женственности, женственности нѣтъ въ тебѣ! Дуракъ я, болванисмусь!

«Лиза также взволновалась.

«—Позвольте узнать, Александръ Александровичъ, за что вы назвали себя дуракомъ? Не за то ли, что приняли мою руку?

«— За то, душа моя, за то!»

Неужели же это не геркулесовы столпы пошлости и аляноватѣйшаго клубничества?

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МИСТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

(SPIRITUAL WIVES. By William Herworth Dixon. In two volumes. London. 1868).

Уильямъ Генвортъ Диксонъ, авторъ замѣчательной книги «Новая Америка», издавъ въ началѣ нынѣшняго года новую книгу, подъ заглавіемъ: «Spiritual Wives» (Духовныя жены). Въ этой книгѣ онъ описываетъ три религіозныя движенія, въ которыхъ женщины принимали дѣятельное участіе, играли видныя роли и становились къ мужчинамъ, управлявшимъ движеніемъ, въ совершенно своеобразныя отношенія такъ-называемаго духовнаго супружества. Всѣ эти движенія относятся къ первой половинѣ текущаго столѣтія. Первое изъ нихъ произошло въ восточной Пруссіи, второе — въ Англіи, третье — въ Америкѣ.

«Предметъ, говоритъ Диксонъ въ предисловіи къ своей книгѣ, о которомъ я поведу рѣчь на этихъ страницахъ, на столько новъ, что врядь ли хоть одинъ изъ рассказанныхъ здѣсь фактовъ можетъ быть найденъ въ книгахъ. Человѣкъ, въ своей высшей фазѣ, до сихъ поръ врядь-ли еще сдѣлался достоинствомъ науки, и тѣ исторіи, въ которыхъ обнаружались его духовныя страсти, еще должны быть собираемы. Одна глава, изъ одной такой исторіи, предлагается не безъ робости въ твоемъ моемъ трудѣ.

«Я собиралъ мои факты въ разныхъ мѣстахъ, далеко отстоящихъ одно отъ другого: въ прибалтійскихъ провинціяхъ, въ западной Англіи, на берегахъ озера Онтарио, въ городахъ Новой Англіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, я самъ видѣлся съ людьми и осматривалъ мѣста».

Факты, собранные Диксономъ, очень интересны, и рассказаны съ тою живостью и наглядностью, о которой читатели «Новой Америки» могли уже составить себѣ достаточно ясное понятіе. Къ сожалѣнію, живые и очень интересные рассказы переплетены растапетыми и туманными разсужденіями о томъ, какъ росла и развивалась идея духовнаго супружества. Эти разсужденія не даютъ читателю никакихъ новыхъ знаній и не приводятъ его ни къ какому осязательному результату. Эти разсужденія никакъ не могутъ быть названы историческими изслѣдованіями. Это какіе-то историческіе арабески, которые чертить, безъ малѣйшей надобности, рука даровитаго писателя, хорошо владѣю-

щаго изноровъ, получившаго блестящее литературное образованіе, и беззаботно почерпавшаго изъ готоваго запаса своихъ знаній равные, слабо связанные между собою факты.

Духъ готической расы и вліяніе Испаніи на развитіе католическаго догмата, Гёте и Сведенборгъ, европейскіе коммунисты и американскіе поклонники свободной любви появляются и исчезаютъ въ этихъ разсужденіяхъ, привлекаютъ къ себѣ на минуту вниманіе читателя, и затѣмъ оставляютъ его въ недоумѣніи и въ невозможности рѣшить вопросъ, зачѣмъ они вынырнули и зачѣмъ такъ скоро уступили свое мѣсто другимъ, столь же ничтожнымъ явленіямъ.

Книга Диксона вообще растянута какъ въ литературномъ, такъ и въ типографскомъ отношеніи. Тотъ матеріалъ, который легко можно было втиснуть въ одинъ небольшой томикъ, разведенъ на двѣ толстыя книги. Русскій переводъ «Духовныхъ жень», вызванный по всей вѣроятности успѣхомъ «Новой Америки», можетъ, какъ намъ кажется, быть признакъ излишнимъ. Все содержаніе новой книги Диксона, безспорно заключающей въ себѣ очень интересныя подробности по внутренней психологической исторіи новѣйшихъ сектъ, легко можетъ быть исчерпано въ журнальной статьѣ обыкновенныхъ размѣровъ.

Это я и постараюсь сдѣлать на слѣдующихъ страницахъ, но такъ-какъ въ нашемъ журналѣ печатается отдѣльная, очень обстоятельная статья объ американскомъ сектаторствѣ, то я здѣсь перескажу читателю только то, что Диксонъ сообщаетъ о религиозныхъ движеніяхъ въ восточной Пруссіи и въ Англии.

КѢНИГСВЕРГСКІЕ ШЕНГЕРЫ.

I.

У одного рослаго и красиваго гренадера, служившаго въ арміи Фридриха II, родился въ Мемелѣ, въ 1771 году, сынъ Іоаннъ-Генрихъ. Фамилія гренадера была Шёнгагенъ, но австрійцы, взявшіе его въ плѣнъ во время семилѣтней войны, прозвали его за красоту *Schönherr* (красивый господинъ), и это прозваніе замѣнило собою его фамилію.

Когда Іоанну-Генриху Шёнгерру минуло пятнадцать лѣтъ, родители отправили его въ Кёнигсбергъ учиться ремеслу. Ученіе пошло неуспѣшно; вмѣсто того, чтобы заниматься работой, юноша сталъ ходить по церквамъ, слушать тогдашнихъ извѣстныхъ проповѣдниковъ, читать библію и задумываться надъ мудренными вопросами, которыхъ онъ не умѣлъ даже поставить, какъ слѣдуетъ. Въ Кёнигсбергѣ, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ университетскихъ городахъ, бѣдныхъ студентовъ всегда бываетъ довольно; ихъ было особенно много въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда лекціи Канта привлекали въ Кёнигсбергъ любовательную молодежь изъ всѣхъ концовъ Германіи.

Шёнгерру нетрудно было сѣдѣть съ такими студентами, и звать ихъ на философскіе разговоры, въ которыхъ восторженные слушатели Канта, во всей вѣроятности, приписывали своему обожаемому учителю много такого, въ чемъ онъ былъ некомпетентъ и отъ чего онъ самъ не преминулъ бы отказаться. Идея Канта, проходя такимъ образомъ черезъ руки неприготовленныхъ популяризаторовъ, надала на дѣятельную почву молодого ума, и смѣшиваясь на этой почвѣ съ трагедіями изъ проповѣдей и съ отрывками изъ библіи, производили совершенный хаосъ, изъ котораго врядъ-ли могло выработаться что либо путное.

Шёнгерръ былъ очень любознателенъ; онъ, быть можетъ, былъ даже умель отъ природы, но впечатлѣнія, налетѣвшія на него съ разныхъ сторонъ въ Кёнигсбергѣ, были такого рода, что его голова не могла переработать ихъ благополучно. Не имѣя никакихъ фактическихъ знаній, онъ сталъ задумываться о сущности вещей, о добрѣ и злѣ, о назначеніи человѣка и о бессмертіи души. Свою мучительную любознательность, тревожную жажду своего ума онъ сталъ принимать за доказательство, что въ всѣхъ дѣйствуютъ высшія силы, что онъ призванъ учить и спасать другихъ, и что два-три года прилежныхъ школьныхъ занятій снимутъ съ духовныхъ очей его всѣ завѣсы и облечатъ его на всю жизнь въ то всеоружіе истины, которымъ онъ будетъ покорять умы и сердца людей.

Окончательно бросивъ свое ремесло, Шёнгерръ поступилъ въ школу для бѣдныхъ, гдѣ воспитанниковъ нисколько учили даромъ, но и кормили. Учебники его, конечно, не удовлетворяли. Что общаго могли имѣть правила нѣмецкой грамматики или теоремы элементарной геометріи съ вопросами о сущности вещей и о згубной жизни человѣка? Шёнгерръ пробовалъ читать теологическіе трактаты, но при его кругломъ невѣжествѣ справиться съ ними было невозможно; онъ ихъ бросилъ, рѣшивъ про себя, что вся теологія сводится на пустую игру словами.

Доживъ до двадцати-одного года и окончательно попортивъ свой умъ назурительными и безплодными попытками сразу угадать смыслъ всего существующаго, Шёнгерръ сталъ ходить въ университетъ, на лекціи философіи. Тамъ онъ, во своему обыкновенію, ничего не понималъ, и, также по своему обыкновенію, скоро рѣшалъ, что нечего и понимать. Забравъ всю кёнигсбергскую мудрость и учевость, онъ пошелъ пѣшкомъ искать себя умственного просвѣтленія въ другихъ университетскихъ городахъ сѣверной Германіи, и также ничего не нашелъ. Вездѣ онъ хотѣлъ начинать съ конца, вездѣ хотѣлъ, ничему не учившись, сразу узнать все, и преимущественно то, чего не знаетъ ни одинъ ученый въ мірѣ. Фокусъ этотъ нигдѣ ему не удавался, и Шёнгерръ, подъ вліяніемъ этихъ разочарованій, все глубже и глубже проникался тѣмъ убѣжденіемъ, что непременно надо найти и возвѣстить людямъ неизвѣстную имъ истину.

Во время своихъ скитаній, сидя однажды на берегу пруда и

гляди на водянныя растенія, Шёнгерръ вдругъ попалъ на то великое открытіе, за которымъ онъ до сихъ поръ безуспѣшно бѣгалъ по Германіи. Онъ мгновенно сообразилъ, что вода и свѣтъ составляютъ основныя начала всего существующаго, что вода—женскій принципъ, а свѣтъ — мужской, и что эти два первичныя вещества, связанныя между собою узлами вѣчнаго и необходимаго брака, достаточны для объясненія всего мірозданія. Это открытіе было такъ неожиданно, и показалось Шёнгерру въ такой степени великимъ и замѣчательнымъ, что онъ приписалъ его внушенію свыше. Это внушеніе, какъ онъ думалъ, было сдѣлано для того, чтобы приготовить міръ ко второму пришествію Спасителя. А такъ-какъ это внушеніе было сдѣлано именно ему, Шёнгерру, то онъ принялъ себя за избранное орудіе этого приоткровенія, и объявилъ себя Параклетомъ, явившимся во плоти.

Что круглый невѣжда, одаренный пылкимъ воображеніемъ, сочинилъ нелѣпую теорію міра, что онъ самъ увѣровалъ въ эту теорію со всею слѣпою страстностью нетронутаго невѣжества, что онъ даже помѣшался на своей теоріи, и въ припадкѣ помѣшательства объявилъ самаго себя Богомъ — въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго и замѣчательнаго: невѣжды часто создаютъ нелѣпыя теоріи, люди часто сходять съ ума, и выдумки сумасшедшихъ обыкновенно бывають въ высшей степени нескладны. Но удивительно и замѣчательно то, что, вооружившись своимъ безуміемъ, Шёнгерръ пошелъ проповѣдывать по городамъ и селамъ, и что проповѣдь его, въ вѣкъ Вольтера и Руссо, на родинѣ Канта и Гёте, Лессинга, Шиллера и Фихте, не осталась безплодною.

Правда, что одинъ деревенскій пасторъ, которому Шёнгерръ грозилъ немедленною смертію, если онъ не повѣритъ тотчасъ въ теорію воды и свѣта, сбросилъ съ лѣстницы непрошеннаго гостя; правда, что въ Лейпцигѣ, одинъ доброжелатель параклета изъ челоуѣколюбія пристроилъ его въ мѣстной психіатрической лечебницѣ, въ которой Шёнгерръ, рѣшившись постыдиться сорозъ дней, чуть не умерилъ себя голодомъ. Но правда и то, что у него были вѣрующіе ученики и преданные поклонники. Одинъ изъ этихъ учениковъ спасъ его въ лечебницѣ отъ голодной смерти, подавъ ему ту мысль, что всѣ святые пророки ѣли медъ, и что онъ, Шёнгерръ, не нарушая своего поста, можетъ поддерживать свои силы этою небесною манною.

Ученикамъ удалось освободить его изъ сумасшедшаго дома. Онъ отправился въ Кёнигсбергъ. Тамъ о немъ уже слышали, и носившіеся слухи были на столько привлекательны, что, какъ только онъ появился, къ нему примкнули и въ него увѣровали трое молодыхъ теологовъ: Вильгельмъ Эбель, Германъ Ольсгаузенъ и Гейнрихъ Дистель.

Изъ своей теоріи воды и свѣта Шёнгерръ вывелъ какимъ-то образомъ то ученіе, что теперь время плотской любви прошло, и что въ обществѣ, обновленномъ вѣрою въ параклета, возможна

только любовь духовная. Именно это учение, повидимому, и привлекло къ нему молодых теологовъ.

Вильгельмъ Эбель, блестящій молодой человекъ, отлично окончившій курсъ въ университетѣ, занималъ видное мѣсто при одной изъ главныхъ кѣнигсбергскихъ церквей. Уже бывши студентомъ, онъ съ успѣхомъ давалъ уроки закона божи въ знатныхъ домахъ и въ модныхъ женскихъ пансіонахъ. Приобрѣтенныя такимъ образомъ связи разрослись въ значительной степени, когда проповѣди Эбеля стали привлекать въ альтштадтскую церковь всѣхъ набожныхъ кѣнигсбергскихъ аристократовъ обоого пола и всякаго возраста. Эбель сдѣлался любимцемъ мѣстной знати; онъ могъ рассчитывать на самую блестящую карьеру; онъ обнаруживалъ желаніе и умѣніе воспользоваться всѣми выгодами своего положенія; и однакоже, когда въ Кѣнигсбергѣ явился положумный нишій, паралель Шёнгерръ, начитанный, даровитый и остроумный Эбель призналъ его своимъ учителемъ, и познакомилъ съ нимъ двоихъ изъ своихъ знатныхъ друзей, графа Каница и фрейлейнъ Минну фонъ-Дершау.

Шёнгерръ роздалъ всѣмъ своимъ новымъ адептамъ имена, взятые изъ апокалипсиса. Эбеля онъ назвалъ первымъ свидѣтелемъ; Каница—ангеломъ; Минну фонъ-Дершау—невѣстою агнца; Дистеля — сломителемъ седьмой печати.

Благодаря своимъ новымъ знакомствамъ, Шёнгерръ могъ безпрепятственно проповѣдывать въ Кѣнигсбергѣ по два раза въ недѣлю. Нѣкоторые изъ своихъ проповѣдей онъ произносилъ въ полночь; гдѣ именно онъ проповѣдывалъ — этого Дистель намъ не сообщаетъ; впрочемъ, вопросъ о мѣстѣ имѣеть малое вліяніе на сущность дѣла; во всякомъ случаѣ проповѣди его собирали вокругъ него толпу слушателей и производили сильное впечатлѣніе. Онъ самъ любилъ обращаться преимущественно къ низшимъ и бдѣвшимъ классамъ кѣнигсбергскаго населенія; лодочники съ Прегеля, разные городскіе работники и крестьяне изъ подгородныхъ фермъ слушали его рассказы о приближеніи страшнаго суда съ простодушнымъ благоговѣніемъ, которое не мѣшало имъ пить дешевое пиво и покуривать трубки.

Въ 1809 году, Эбель объявилъ публично, что онъ вѣруетъ въ ученіе Шёнгерра о двойственномъ началѣ всего существующаго. Духовному начальству не понравилось это объявленіе; были сдѣланы попытки извести на Эбеля и Шёнгерра обвиненія въ ереси; были поданы доносы мѣстному архіепископу Боровскому; были приложены старанія повести Эбеля подъ судъ и выгнать Шёнгерра изъ Кѣнигсберга; но всѣ эти усилія остались безплодными. Боровскій нашель, что Шёнгерръ безвредный энтузіастъ, котораго не стоитъ притѣснять; а нѣкоторые духовныя лица, ознакомившись съ космогоническими идеями Шёнгерра, пришли даже къ тому убѣжденію, что онъ гораздо ближе подходитъ къ библейской истинѣ, чѣмъ тѣ умствованія, которыя распространяеть въ обществѣ испорченная и нечестивая свѣтская наука.

Связь Эбеля съ Шёнгерромъ не была порождена мимолетною вспышкой молодого увлеченія. Эта связь продолжалась нѣсколько лѣтъ, и съ годами повидимому крѣпла, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать. Въ 1816 году, Эбель, которому тогда было тридцать-два года, и который по прежнему стоялъ на хорошей дорогѣ къ почестямъ и къ богатству, проницая такую неудержимую миссионерскую ревность, что рѣшился принять на себя роль страстнаго проповѣдника, рискуя потерять все то, что онъ уже приобрѣлъ, и все то, на что онъ могъ надѣяться въ будущемъ. Вмѣстѣ съ своимъ учителемъ и съ однимъ новообращеннымъ ремесленникомъ, онъ отправился изъ Кёнигсберга пѣшкомъ, съ котомкой за плечами, съ палкой въ рукѣ, возвѣщать людямъ догматы новаго ученія. Питаясь милостынею, путники побывали въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Бреславлѣ. Успѣхъ ихъ проповѣди былъ не великъ. Проходя черезъ Силезію, они нашли себѣ пріютъ въ замкѣ графини фонъ-деръ-Гребенъ, пробыли подъ ея гостепріимною кровлею нѣсколько недѣль, и въ лицѣ владѣтельницы замка приобрѣли себѣ ревностную послѣдовательницу, скоро обнаружившую самое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу ихъ возникающей секты.

Графиня Ида фонъ-деръ-Гребенъ была младшею дочерью фонъ-Ауэрсвальда, оберъ-президента провинціи восточной Пруссіи. Одаренная рѣдкою красотою, получивъ блестящее свѣтское воспитаніе, впечатлительная, отзывчивая, нервно-раздражительная, легко увлекающаяся и смѣло отдающаяся тому, что ее увлекало — Ида фонъ-Ауэрсвальдъ свела съ ума всѣхъ молодыхъ аристократовъ и богатей восточной Пруссіи, потому вышла замужъ по страстной любви за молодого графа фонъ-деръ-Гребенъ, и уѣхала съ нимъ изъ Кёнигсберга, гдѣ царилъ ея отецъ, въ силезское помѣстье мужа. Супруги были счастливы, но въ 1813 году началась война за освобожденіе Германіи. Ида отправила мужа въ дѣйствующую армію, и его убили въ сраженіи при Люценѣ. Молодая вдова вся отдалась своему горю; она не отказывалась отъ утѣшеній; по просьбѣ отца и родныхъ, она переѣхала въ Кёнигсбергъ, и попробовала даже появляться въ обществѣ, въ которомъ она недавно гордо и весело занимала первое мѣсто. Но утѣшенія на нее не дѣйствовали; свѣтскія развлечения были ей невыносимы; въ людскомъ обществѣ ей было еще тяжеле, чѣмъ наединѣ съ своимъ горемъ и своими воспоминаніями. Последнѣ напрасныхъ усилій утѣшить, разсѣять и ободрить ее, родные и друзья оставили ее въ покоѣ; она уѣхала къ себѣ въ Силезію, и прожила безвыѣздно три года въ томъ замкѣ, въ которомъ прошло счастливое время ея замужества.

Эту неутѣшную молодую вдову посѣтили въ ея уединеніи Шёнгерръ и Эбель. Вслушиваясь въ ихъ горячія рѣчи, вглядываясь въ ихъ оживленные, красивые лица, любяисъ блескомъ ихъ огненныхъ глазъ, графиня Ида почувствовала, что она оживаетъ, что она молода и полна силъ, что въ ея жизни еще можетъ быть

смысль и интересъ, и что впереди стоитъ великая цѣль, во имя которой надо подняться на ноги, собраться съ духомъ, и вернуться въ общество живыхъ людей. У впечатлительныхъ женщинъ и вообще у художественныхъ натуръ, къ числу которыхъ принадлежала безъ сомнѣнія графиня Ида, личность проповѣдника служила обыкновенно самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за достоинство проповѣди. Увлечаясь эффектною личностью, такіа художественныя натуры обыкновенно воображаютъ себя и бывають невольнично увѣрены въ томъ, что ихъ фанатизируетъ идея.

Графиня Ида полюбила Эбеля, и любовь ея облеклась въ ту форму, въ которой она могла найти себѣ радушиный пріемъ въ сердцѣ неутѣшной вдовы, упорно продолжавшей увѣрять себя въ томъ, что личное счастье для нея уже немислимо. Графиня Ида увѣровала въ теорію воды и свѣта, прокляла вѣсть съ Шёнгерромъ и Эбелемъ грѣховныя и низкія наслажденія плотской любви, рѣшилась посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы, все свое состояніе миссіонерскимъ подвигамъ, и переѣхала вмѣстѣ съ Эбелемъ и Шёнгерромъ изъ тихаго силезскаго погѣстья въ Кёнигсбергъ, къ отцу.

Переворотъ, произведенный вліаніемъ Эбеля въ жизни графини Иды, доставилъ молодому проповѣднику почти репутацію чудотворца, и доставилъ ее именно въ тѣхъ высшихъ кругахъ Кёнигсбергскаго общества, которые всего сильнѣе могли содѣйствовать его повышенію. Ауэрсвальдъ говорилъ, что Эбель воскресилъ и возвратилъ ему его любимую дочь; родные и друзья молодой графини и ея покойнаго мужа разнесли славу воскресителя по всей провинціи; всѣ женщины съ разбитыми сердцами намеривъ другъ передъ другомъ стали разбитыми вокругъ благочестиваго и прекраснаго пастыря, испѣляющаго всѣ душевныя раны своею живительною бесѣдою; всѣ набожные аристократы восточной Пруссіи, графы фонъ-Каницъ, фонъ-Финвенштейнъ, фонъ-Мюнховъ искали случая сдѣлаться полезными новому свѣту, появившемуся въ Кёнигсбергѣ. Эбель сдѣлался дорогимъ гостемъ и своимъ человѣкомъ во всѣхъ знатнѣйшихъ домахъ города, и рекомендація Ауэрсвальда скоро доставила ему санъ сначала діакона, потомъ архидіакона въ альтштадтской церкви.

Сближеніе Эбеля съ графиней фонъ-дербъ-Гребенъ и его быстрые возвышеніе понемногу ослабило его связь съ Шёнгерромъ, который, къ великому неудовольствію новыхъ знатныхъ своихъ поклонниковъ, продолжалъ вести нищенскую жизнь, одѣваться грязно, таскаться по базарамъ и харчевнямъ, и вербовать себѣ послѣдователей среди чернорабочихъ и оборванцевъ. На старости лѣтъ, онъ влюбился въ Манну фонъ-Дершау—нареченную невестку агнца—и предложилъ ей сдѣлаться его женою, съ тѣмъ однакоже, чтобы любовь ихъ была исключительно духовная. Манна приняла его предложеніе и согласилась на всѣ условія; ея гдѣ не знала сомнѣній и не смущалась ни препятствіями, ни мелочностями. Какимъ образомъ Шёнгерръ предполагалъ воспользоваться

сти ея согласіемъ, какою церемонією должно было ознаменоваться заключеніе духовнаго брака, и по какому плану сложилась бы жизнь супруговъ—это все остается намъ неизвѣстнымъ, потому что друзья невѣсты успѣли помѣшать этому браку, отъехали Минну отъ Шёнгерра, и перетянули ее въ болѣе аристократическій и повидимому менѣе сумасбродный кружокъ, начавшій въ это время группироваться около Эбеля. Самъ Шёнгерръ также измѣнилъ свои намѣренія насчетъ Минны, и объявлялъ своимъ послѣдователямъ, что предложенный бракъ отменяется по приказанію свыше.

Вѣсть съ Минною фонъ-Дершау, отъ Шёнгерра отдѣлился графъ фонъ-Канцъ; ихъ примѣру послѣдовалъ Дистель. Разрывъ между Эбелемъ и Шёнгерромъ былъ произведенъ преимущественно вліаніемъ графини Иды; причиною его были не какія либо догматическія разногласія, а только различія во вкусахъ, привычкахъ и пріемахъ. Патрици отдѣлился отъ плебеевъ; блестящіе салоны порвали духовную связь съ рынками и кабаками.

Въ своихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ съ своимъ бывшимъ учителемъ, Эбель старался обратить его вниманіе на политическія неудобства такой проповѣди, которая, обращаясь къ высшимъ классамъ общества, волнуешь ихъ неразвитые умы извѣстіями о приближающемся днѣ свѣтопреставленія и страшнаго суда. Но Шёнгерръ всегда былъ и остался до послѣдней минуты своей жизни совершенно искреннимъ фанатикомъ. Политическія соображенія были ему неизвѣстны. До практическихъ послѣдствій его проповѣди ему не было никакого дѣла. Онъ считалъ свои идеи безусловно истинными, и хотѣлъ во что бы то ни стало дѣлаться ими съ народомъ, съ которымъ онъ существовалъ себя неразрывно связаннымъ въ теченіе всей своей тяжелой нищенской жизни. Онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ отъ себя свѣтскую мудрость Эбеля, и прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Впослѣдствіи, когда Шёнгерръ, по своему обыкновенію, очень нуждался, Эбель не разъ помогалъ ему деньгами, присылая ихъ отъ неизвѣстнаго, но Шёнгерръ до конца своей жизни не хотѣлъ принимать къ себѣ своего бывшего ученика.

Въ послѣдніе свои годы Шёнгерръ, невѣдшій никакого понятія о морской архитектурѣ, задумалъ построить на Прегель корабль невиданной формы и неслыханныхъ достоинствъ; планъ и всѣ размѣры этого корабля были внушены ему свыше во время сна; онъ долженъ былъ называться «Лебедень», строиться силою вѣтра, двигающей горы, плавать противъ вѣтра и теченія, двигаться безъ помощи парусовъ, веселья и какой бы то ни было земной силы, и превосходить своею быстротою самыя проворныя клипера Балтійскаго моря. Не имѣя гроша денегъ въ карманѣ, Шёнгерръ нашелъ возможность выстроить свой корабль. Вѣрующіе куццы дали ему строевой лѣсъ; вѣрующіе плотники для спасенія своей души стали работать по его указаніямъ. Ков-

чегъ осчастлива и спустили на воду; онъ сейчасъ же пошелъ въ дну и затонулъ въ грязи.

До конца своей жизни Шёнгерръ утверждалъ, что онъ никогда не умретъ, потому что онъ разъ уже умеръ и родился вновь. Съ этими словами на губахъ онъ скончался въ Юдтиггофъ, воицъ Квангсберга, пятидесяти-пяти лѣтъ отъ роду.

II.

Эбель былъ повидимому одинъ изъ тѣхъ людей, которые должны постоянно почерпать извнѣ большую часть своей энергій, и постоянно находиться подъ чьимъ нибудь преобладающимъ вліяніемъ. Изъ-подъ вліянія Шёнгерра онъ перешелъ всецѣло подъ вліяніе красавицы графини фонъ-дерь-Гребенъ, которая чувствуя и обнаруживая въ отношеніи къ нему самое недоброжелательное обожаніе, сѣла нѣкоторымъ образомъ у его ногъ, и собирая, какъ манну небесную, всѣ поучительныя слова, исходящія изъ его устъ, въ то же время повернула по своему всю его жизнь и дѣятельность, подчинила его своему господству, и наложила печать своихъ личныхъ вкусовъ и стремленій на всѣ особенности, привычки и приемы того благочестиваго кружка, который сгруппировался вокругъ молодаго архидіакона модной альштаттской церкви.

Три блестящія красавицы, Ида фонъ-дерь-Гребенъ, Минни фонъ-Дершау, и Эмилія фонъ-Шрётеръ составили изъ себя, подъ предводительствомъ и по инициативѣ Иды, верховный комитетъ, который долженъ былъ наблюдать за нравственностью всѣхъ членовъ кружка, и заботливо охранять обожимаго архидіакона отъ всякой напасти, отъ всякаго огорченія, отъ всякаго жесткаго столкновенія съ людскою испорченностью, и вообще отъ всего, что такъ или иначе могло возмутить спокойствіе его прекрасной души. Тотъ человѣкъ, который былъ способенъ препоясать чресла вервиемъ и отправиться въ путь, вслѣдъ за нищимъ фанатикомъ для распространенія новыхъ истинъ по всей Германіи, незамѣтно для самаго себя и безропотно отдался въ руки бдительному комитету, составленному изъ прекрасныхъ и аристократически-извѣженныхъ мечтательницъ. Дѣятельная пропаганда немедленно прекратилась. Судьба бѣднаго человечества, воспеваемаго въ безднѣ заблужденій, и совершенно незнакомаго съ теоріею воды и свѣта и со всѣми ея практическими послѣдствіями, упущена изъ виду, оставлена безъ вниманія или, по крайней мѣрѣ, отодвинута на самый задній планъ. Заботы о спасеніи душъ и о процвѣтаніи новой доктрины совершенно уступили свое мѣсто стараніямъ покоить и дѣлать архидіакона.

Эбель создавалъ въ себѣ какъ вредную и постыдную слабость, излишнюю наклонность къ смиренію, излишнюю скромность въ мнѣніяхъ о самомъ себѣ, слишкомъ сильное стремленіе покорво и стыдливо склонять голову передъ вадимъ ян-

чтожъ-нибудь человѣкомъ. По всей вѣроятности, графиня Ида подала ему мысль о томъ, что въ немъ существуетъ эта особенность, и что она составляетъ недостатокъ. Та же Ида вѣстѣ съ своими сотрудницами взяла на себя обязанность оберегать архидиакона отъ его слабости, и успѣла въ своемъ предпріятіи, окруживъ Эбеля со всѣхъ сторонъ атмосферою самой страстной, вѣжной и покорной любви. Чувствуя себя любимымъ, Эбель могъ чувствовать себя достаточно сильнымъ и гордымъ.

Женское вліяніе преобладало въ церкви Эбеля и давало себя чувствовать въ тѣхъ требованіяхъ, которыя ставились адептамъ. Все, что въ обществѣ аристократокъ считается дурнымъ тономъ, изгонялось изъ новой церкви и влеймилось именемъ грѣха. Мужчинамъ запрещалось, на примѣръ, курить и нюхать табакъ, пить вино и пѣть мірскія пѣсни. Все, что отзывалось разгульнымъ буршескимъ элементомъ, подвергалось строгому преслѣдованію.

Женщины приняла на себя въ новой церкви обязанности духовниковъ, и обнаружили удивительную виртуозность въ дѣлѣ выпытыванія и выслѣживанія предосудительныхъ поступковъ, легкомысленныхъ словъ и даже грѣховныхъ помысловъ. Онѣ выворачивали на изнанку душу кающагося, сондировали всѣ закоулки его совѣсти и съ особенною чуткостью вывѣдывали и прослѣживали всѣ психическія движенія, находившіяся въ какой бы то ни было связи съ непозволительною плотскою любовью.

Искусство этихъ сыщиковъ и инквизиторовъ женскаго пола развивало въ ихъ паствѣ замѣчательное умѣніе хитрить, лукавить, лицемерить и прикрывать самые обыкновенные свои поступки дѣлами замысловато построенными эшафодами софизмовъ.

Заботы о нравственности Генриха Дистеля лежали на Миннѣ-фонъ-Дершау. Дистель былъ грубый и неотесанный буршъ, человѣкъ самаго дурнаго тона, весь заросшій бурьяномъ и чертополохомъ самыхъ непривлекательныхъ пороковъ. Половіе этой грязной души доставало вѣжной и утонченно-чувствительной барышнѣ много неприятныхъ хлопотъ. Дистель нюхалъ табакъ, и нюхалъ его неоприятнѣйшимъ образомъ. Дистель пилъ и кутилъ, Дистель не отвязывался отъ грубыхъ наслажденій плотской любви, и когда фрейлейнъ-фонъ-Дершау выговаривала ему его предосудительное поведеніе, онъ ссылался на священный авторитетъ Лютера, которому, какъ извѣстно, приписывается слѣдующее легкомысленное двустишіе:

Wer nicht liebt Wein, Weib und Gesang
Der bleibt ein Narr sein Lebenlang.

(Кто не любитъ вина, женщинъ и пѣсенъ, тотъ на всю жизнь останется дуракомъ).

Нюханіе табаку Дистель ставилъ себѣ даже въ заслугу. Онъ говорилъ, что нюханіемъ смиряетъ свою гордость. Въ обыкновенное время онъ, имѣя въ виду свое высокое апокалиптическое

призваніе, свой санъ слонителя седьмой печати, расположено ставить себя выше остальнаго человѣчества. Тогда онъ беретъ въ руки табакерку, и, отрывая ее, начинаетъ чувствовать себя слабымъ смертнымъ. Затѣмъ, когда онъ чихаетъ, душа его слоняется въ прахъ, подавленная сознаниемъ своей немощности. Духовная наставница Дистеля не удомлетворялась этими реанши, не обнаруживала никакого уваженія къ веселому дустишію Лютера, и требовала исправленія. Дистель казался, обѣщалъ исправиться, и потомъ, идя домой, покупалъ себѣ новыя завасы вещества, возбуждающаго чиханіе и смиряющаго человѣческую гордость.

Всѣ послѣдователи Эбеля должны были вести чистую и дѣломудренную жизнь; всѣ должны были считать себя братьями и сестрами, любить другъ друга святою любовью, и обѣднваться между собою такъ-называемымъ серафимовскимъ подалуемъ; вступать въ бракъ и производить дѣтей считалось возорною слабостью; женатымъ людямъ, поступившимъ въ новую церковь, вмѣнялось въ обязанность вести себя такъ, какъ будто они не были связаны между собою узамъ брака; въ настоящей церкви святыхъ дѣйствіе естественныхъ законовъ было приостановлено: никто не долженъ былъ въ ней ни рождаться, ни умирать.

Политическія стремленія новой церкви были строго-монархическія, и нелюбимы консервативныя, но даже въ значительной степени ретроградныя. Симпатіи графини фонъ-дербъ-Гребель и ея сподвижницъ принадлежали тому времени, когда феодализмъ входилъ въ полномъ цвѣтѣ. Аристократическія тенденціи Эбеля находились въ вопіющемъ разладѣ съ однимъ изъ основныхъ пунктовъ ихъ доктрины, именно съ тѣмъ ученіемъ, что конецъ міра близокъ, и что день страшнаго суда наступитъ скоро. Въ виду таковаго событія, которое должно было уничтожить всѣ общественныя неравенства, превратить всѣхъ людей въ подданныхъ и поставить послѣдняго пастуха на одну доску съ Фрадрихомъ-Вильгельмомъ III, сословная чопорность и привязанность къ искусственно-созданному перегородкамъ оказывались жалкою и бессмысленнымъ анахронизмомъ. Но ни Эбель, ни графиня Ида, ни другіе его ученики не отличались способностью къ логичному мышленію, не смущались внутренними противорѣчіями, и располагали свою жизнь по своимъ привычкамъ, по пророжденнымъ и привитымъ истинностямъ, по внушеніямъ капризнаго и разнузданнаго воображенія, нисколько не стѣснясь требованиями той вѣрной или невѣрной идеи, которая лежала въ основѣ ихъ міросозерцанія. Эбелю нравилось общество высородженскихъ особъ, и онъ говорилъ самъ, совершенно чистосердечно, что прокладываетъ въ области религіознаго мышленія дорогу, приспособленную для ногъ графовъ и графинь.

Взявъ, для построенія своей церкви, чисто аристократическія элементы, Эбель, вѣроятно, по внушенію графини Иды и слѣдуя при этомъ естественному влеченію знатныхъ господъ къ чинамъ,

почетамъ и отличіямъ, соорудилъ такое іерархическое зданіе, въ которомъ было множество степеней, возвышающихся одна надъ другою. Самъ Эбель былъ центромъ и главою маленькаго теократическаго государства. Комитетъ трехъ красавицъ составлялъ его государственный совѣтъ; ниже стоялъ болѣе обширный кружокъ, котораго членами были графиня фонъ-Финкенштейнъ, Эрнестина фонъ-Барделебенъ, старшая сестра графини Иды, фрейлейнъ Марія Консенціусъ, фрейлейнъ фонъ-Ларришъ, и другія. Изъ мужчинъ, ближе всѣхъ къ Эбелю стоялъ Дистель, потому что въ чистой теократіи духовенству должно принадлежать первое мѣсто, а Дистель, при всѣхъ своихъ порокахъ, былъ все-таки пасторомъ габербергской церкви. Затѣмъ слѣдовалъ молодой графъ Каницъ, энтузіастъ, обожавшій Эбеля и стремившійся только къ тому, чтобы быть его наперсникомъ. Далѣе стоялъ кружокъ первостепенныхъ магнатовъ, которые, подобно графамъ Финкенштейну и Мюнхову, своимъ вѣсомъ и вліяніемъ превращали новую церковь въ замѣтную общественную силу. Ниже шли дворяне менѣе знатные и вліятельные; потомъ ученые, которыхъ однако было очень немного; потомъ судьи, офицеры, чиновники, внизъ до бѣдныхъ пономарей и церковныхъ сторожей, которые, подметая полъ и протаскивая печи въ альтштадтскомъ святилищѣ, имѣли, при всей скромности своего общественнаго положенія, нѣкоторое право пользоваться кружками истины, падавшими со стола важныхъ господъ.

Когда богатый и знатный человѣкъ даетъ балъ, тогда ему незачѣмъ бѣгать по городу и упрашивать танцоровъ, чтобы они почтили его праздникомъ своимъ присутствіемъ; ему стоить только разослать пригласительные билеты; онъ можетъ быть увѣренъ, что число желающихъ появиться въ его домѣ, посмотрѣть людей и показать себя, значительно превзойдетъ то число, которое онъ желаетъ у себя принять. Эбель, какъ глава модной церкви, находился именно въ положеніи такого богатаго и знатнаго хозяина; ему незачѣмъ было улавливать людей сѣтми убѣдительно-проповѣди и заманивать ихъ въ домо церкви обольстительными обѣщаніями; люди сами бѣжали къ нему, и упраскивали, чтобы ихъ уловили и пристроили къ такой компаніи, которая могла доставить своимъ знакомымъ и единомышленникамъ множество житейскихъ выгодъ и всевозможныя мелкія удовлетворенія личнаго самолюбія.

Такимъ образомъ, въ числѣ многихъ другихъ, прибѣжалъ къ архидіавону и заставилъ себя уловить молодой, гибкій и остроумный еврей, Лудвигъ-Вильгельмъ Саксъ. Отлично кончивъ курсъ по медицинскому факультету, обладая основательными и обширными научными свѣдѣніями, сознавая въ себѣ присутствіе свѣтлыхъ умственныхъ способностей, неутомимаго трудолюбія и увлекательнаго дара слова, Саксъ стремился къ профессорской кафедрѣ, на которой онъ дѣйствительно могъ принести наукѣ и обществу самую существенную пользу. Но, по тогдашнимъ прус-

скимъ законамъ, еврей не могъ сдѣлаться профессоромъ. При встрѣчѣ съ препятствіями, люди, подобные Саксу, умѣютъ сгибаться и пролѣзть подъ ними, если нельзя ихъ сдвинуть съ мѣста.

«Человѣкъ безъ религіознаго чувства — говоритъ Днесонъ — почти безъ малѣйшаго проблеска нравственной мягкости — существо все изъ мозга и нервовъ, холодное по природѣ, быстро соображающее, ѣдкое, насмѣшливое и угрюмое, онъ смотрѣлъ кругомъ себя и снималъ мѣрку съ тѣхъ людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Въ медицинскомъ обществѣ Кёнигсберга, гдѣ боялись его языка и цѣнили его дарованія, онъ возвысился на столько, на сколько это было возможно для еврея — онъ дошелъ до степени доктора. Если онъ желалъ подняться еще выше, онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ отцовъ и измѣнить своему вѣроисповѣданію. Въ свои позднѣйшіе годы, профессоръ Саксъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Мефистофеля, вполнѣ заслуживалъ это прованіе своимъ дерзкимъ умомъ, циническимъ языкомъ, и презрѣніемъ къ религіи. Онъ смѣялся надъ святынею. Въ университетской аудиторіи, онъ прерывалъ часто анатомическую демонстрацію, чтобы влить свой ядъ на какое-нибудь изреченіе священнаго писанія. Во имя науки онъ возмущался, съ ѣдкою ироніею, противъ непостижимыхъ таинствъ религіи. Въ глубинѣ души онъ считалъ священниковъ алѣйшими врагами человѣчества, которымъ умные люди не должны давать никакой пощады. Опираясь на свидѣтельства своей медицинской практики, онъ утверждалъ, что студенты теологіи самые прощшіе изъ всѣхъ университетскихъ слушателей. Одинъ молодой человѣкъ, съ совершенно разрушеннымъ здоровьемъ, обратился къ нему за совѣтомъ: «Вы студентъ теологіи?» спросилъ Саксъ, съ своею обычною усмѣшкою. «Нѣтъ, господинъ профессоръ, отвѣтилъ юноша, я юристъ». — «Такъ я бы вамъ посоветовалъ переимѣнить профессію. Изъ васъ выйдетъ отличный богословъ».

«Обсуживая жизнь этого человѣка, мы должны, во всей вѣротности, принять въ расчетъ тѣ жертвы, которыя дурной законъ принудилъ его принести, прежде чѣмъ онъ могъ развернуть свои дарованія въ вачествѣ преподавателя анатоміи».

«Въ Пруссіи министерство народнаго просвѣщенія завѣдываешь всѣми дѣлами въ церквахъ и всѣми дѣлами въ коллегіяхъ; и такимъ образомъ оказалось, что та власть въ Берлинѣ, которая сдѣлала Эбеля архидіакономъ, могла сдѣлать Сакса профессоромъ. Какъ было Саксу добраться до барона фонъ-Альтенштейна, который тогда былъ министромъ въ Берлинѣ? Черезъ фонъ-Ауэрсвальда, оберъ-президента въ Кёнигсбергѣ. Но Саксъ не былъ знакомъ въ замѣ. Это было не трудно уладить. Развѣ-жъ онъ не слыхалъ, что графиня Ида управляетъ своимъ отцомъ? Развѣ-жъ не шептали, даже въ Гроссъ-Глогау, что архидіаконъ былъ всѣмъ на свѣтѣ для графини Иды? Слѣдовательно, еслибы Саксу удалось овладѣть архидіакономъ, то не отыскалъ ли бы онъ, Саксъ,

одинъ конецъ цѣпи, которой другой конецъ лежалъ въ Берлинѣ, въ кабинетѣ министра фонъ-Альтенштейна, гдѣ говорится и дѣлается то, чѣмъ составляются человѣческія карьеры? Разумѣется, онъ зналъ, что прежде всего, онъ долженъ быть рекомендованъ факультетомъ, и онъ вполнѣ могъ расчитывать, что эта справедливость будетъ ему оказана; но, какъ человѣкъ свѣтскій, онъ зналъ, что научныя заслуги не всегда достаточны для получения награды. Доброе слово со стороны оберъ-президента придало бы значительный вѣсъ его достоинствамъ въ глазахъ занятаго министра въ Берлинѣ. Юный еврей составилъ себѣ, такъ-сказать, прейсъ-курантъ. Дорого ли онъ стоялъ? Главное дѣло, велика ли была его цѣна въ глазахъ Эбеля? Онъ, Саксъ, былъ извѣстенъ какъ еврей. Это составляло главный пунктъ въ его расчетѣ. Безвѣстный обращенный имѣеть нѣкоторую цѣнность; а за обращеніе извѣстнаго человѣка стоитъ заплатить хорошій кушъ. Стоитъ ли за него, Сакса, дать мѣсто? Можетъ ли онъ продать Моисея и пророковъ за профессорскую катедру?

«Имѣя циническій умъ, а также жену и дѣтей, онъ пошелъ къ архидіакону Эбелю, выслушалъ съ глубокимъ вниманіемъ его исторію о свѣтѣ и водѣ, и затѣмъ предложилъ себя, вмѣстѣ съ мадамъ Саксъ и съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ, для немедленнаго крещенія. Обрядъ скоро совершился; Мефистофель сдѣлался членомъ альтштадтской церкви, и за тѣмъ, въ видѣ награды за свое преусиѣваніе въ благочестіи, Саксъ получалъ, по ходатайству графини Иды, мѣсто профессора медицины въ университетѣ.

«Саксъ по виду былъ очень милымъ юношей; каковъ онъ былъ при ближайшемъ знакомствѣ—этого Эбель еще не зналъ. Глядя на это нѣжное, какъ-бы дѣвическое лицо, архидіаконъ, недавно явившій тайною половъ въ природѣ, вообразилъ себѣ, что видитъ въ немъ скорѣе отраженіе воды, чѣмъ свѣта. Эта фантазія понравилась архидіакону; онъ въ это время предавался той мечтѣ, что полъ, быть можетъ, не установившійся и законченный фактъ, а только фаза въ развитіи. Саксъ, говорятъ, поразилъ архидіакона, какъ существо женско-мужское; какъ мужчнна, въ которомъ соединились оба основныя начала его вѣры; Эбель сталъ очень дорожить Саксомъ, и Саксъ также очень дорожилъ Эбелемъ» (I, 163—166).

III.

Саксъ въ одномъ мемуарѣ, подъ заглавіемъ: «Изображеніе мистическихъ происшествій въ Кёнигсбергѣ», рисуетъ слѣдующими яркими красками отношенія графини Иды къ архидіакону:

«Эта женщина, эта поистинѣ благородная натура все увидѣла въ Эбелѣ, все нашла и получила, къ чему она только могла стремиться; онъ ее возлюбленный, ее мужъ, ее спаситель, даже,—что ни при какихъ другихъ условіяхъ не было бы возможно,—онъ

ея богъ; онъ ея содержаніе на землѣ и на небѣ; служить ему во времени и въ вѣчности, это для нея свобода; чтобы принести ему жертву, она не подорожила бы кровью своего сердца; ей милѣе всего отдаваться ему, всецѣло, безъ сопротивленія; теряться въ немъ совершенно—это высшее ея назначеніе; как могла бы она сама себя чувствовать и находить лучше и облагоустроеннѣе, чѣмъ въ немъ! И еслибы Эбель ей сказала: «Ида, води, вонзи этому человѣку кинжалъ въ сердце! — она бы только взглянула на него, чтобы увидеть, что онъ говоритъ серьезно; и еслибы она въ этомъ убѣдилась, то она бы пошла и сдѣлала такъ; развѣ же онъ человѣкъ, и способенъ ошибаться? Она да же сдѣлала бы больше, больше, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ самопожертвованія; еслибы ей Эбель сказала: «Ида, води, люби этого человѣка, и отдайся ему какъ жена», — она и это исполнила бы, быть можетъ со слезами, но безъ всякихъ сомнѣній и съ усерднѣйшею покорностью. Что это описаніе совершенно истинно и выражено самымъ умѣреннымъ образомъ, въ этомъ я твердо убѣжденъ, и къ этому убѣжденію я пришелъ путемъ самаго тщательнаго изученія этой личности» (II, 334).

Но, если графиня Ида по силѣ своей любви тонула въ личности любимаго человѣка, то по силѣ своего характера она была въ высшей степени способна поглотить этого человѣка и собою наполнить всю его жизнь. Считая и чувствуя себя его рабыней, гордая и счастливая этимъ рабствомъ, Ида не хотѣла и не могла допустить, чтобы кто либо другой стоялъ ближе ея силой къ властелину, и раздѣлялъ его съ нею. Ея была особенно важна ея сотрудница по высшему женскому комитету, Минна фонъ-Дершау, едва уступавшая ей въ красотѣ и въ энергіи, связанная съ архидіакономъ узами болѣе давней дружбы, и быть можетъ, даже превосходявшая Иду восторженностью своего характера. Эта восторженность заставила ее сдѣлать открытіе, отъ котораго, разумѣется, не отказалась бы Ида, но которое однако пришлось въ голову не ей, не Идѣ, а именно ея опаснѣйшей соперницѣ.

Однажды Минна пришла къ Идѣ сообщить ей великую и страшную тайну. Ее, Минну, какъ внушеніе свыше, озарилъ мысль, что Эбель—сынъ человѣческій, тотъ, чье второе пришествіе составляетъ предметъ ихъ благоговѣйнаго ожиданія. Ида почувствовала немедленно, что это—чистая правда. Объ женщины съ трепетомъ благоговѣнія открыли свою тайну Каниду, какъ первому свидѣтелю. Тотъ также почувствовалъ, что это правда. Рѣшено было хранить объ этомъ открытіи глубочайшее молчаніе до той великой минуты, когда все тайное сдѣлается явнымъ, и когда истина будетъ провозглашаться съ крикъ домогъ и на всѣхъ стогнахъ града. Въ особенности было положено не говорить ни слова самому Эбелю, которому раскрытіе его неизбежно раньше времени могло быть неугладимымъ. Въ ихъ обращеніи съ архидіакономъ конечно выразилось то, что они считаютъ

его божествомъ; но Эбель былъ уже до такой степени отуманенъ фиміакомъ благоговѣнія, среди котораго онъ жилъ уже продолженіе многихъ лѣтъ, что ему мудро было замѣтить какое-нибудь приращеніе въ количество или измѣненіе въ качествѣ воскуряемаго фиміама.

Великое открытіе, сдѣланное Минною, произвело сильное и продолжительное волненіе въ кругу ближайшихъ поклонниковъ архидіакона. Возникли вопросы: кто будетъ ближе всѣхъ къ божеству? Кто станетъ выше всѣхъ? Кому изъ трехъ избранныхъ женщинъ достанется санъ мистической невѣсты? Чтобы оттѣснить отъ этого сана Минну, которая своею способностью дѣлать великія открытія, показала ясно, до какой степени она опасна, Ида задумала выдать ее замужъ, такъ-какъ замужняя женщина очевидно не можетъ быть невѣстою агнца. Въ женихи для своей соперницы она выбрала Каница: по рожденію онъ былъ графъ, по характеру рыцарь безъ страха и упрека, по наружности красавецъ; кромѣ того, и это главное,—ему въ кругу эбеліанъ была отведена высокая мистическая должность *перваго свидѣтеля*, должность, которую ему предстояло исправлять въ священную минуту втораго пршествія. По всѣмъ этимъ причинамъ, онъ могъ считаться очень пріятною партією для фрейлейнъ фонъ-Дершау. Подчиниваясь вліанію Иды, которой повидимому нечего было бояться никакихъ соперницъ, и которая дѣлала изъ своего властелина и бога, что хотѣла,—Эбель возвѣстилъ обовѣмъ молодымъ людямъ волю неба, и безъ труда убѣдилъ ихъ, что они созданы другъ для друга, и что они оба вмѣстѣ—именно тѣ два свидѣтеля, которые должны общими силами пророчествовать въ теченіе тысячи двухъ сотъ шестидесяти дней. Каницъ сдѣлалъ предложеніе, и Минна обнаруживала ту же безропотную покорность велѣніямъ высшей силы, съ которою она, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, соглашалась сдѣлаться супругою бездомнаго фанатика Шенгерра.

Мѣсто Минны среди эбеліанъ, говоритъ Диксонъ, было теперь опредѣлено навсегда; во времени она была графиня фонъ-Каницъ, въ вѣчности она была *вторымъ свидѣтелемъ*, имѣвшимъ власть заперать небо и превращать воду въ кровь. Она больше никогда не могла стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться *невѣстою* (I, 174).

Принстроивъ свою соперницу, Ида нашла для себя удобнымъ женить самого архидіакона на доброй и простой женщинѣ, не посвященной въ тайны новой церкви, и неспособной внушить ей, Идѣ, какія бы то ни было опасенія. Причины, почему Ида находила этотъ бракъ желательнымъ, не совсѣмъ отчетливо выяснены у Диксона. У него сказано просто, что жена Эбеля должна была служить точкою соединенія, и сдѣлать домъ архидіакона нѣсколько болѣе открытымъ для его высокородныхъ друзей женскаго пола. Почему была нужна такая точка соединенія, и какимъ образомъ такую точку могла служить непосвященная

женщина, стоявшая отъ Эбеля несравненно далѣе той, которую надо было съ нимъ соединять — это совершенно непонятно. Далѣе трудно также сообразить, какъ могла такая смѣлая, страстно-влюбленная и ревнивая женщина, какъ графиня фонъ-дерь-Гребень сама приблизить къ своему кумиру, въ качествѣ законной супруги, другую женщину, молодую и красивую, хотя и простую, приблизить только для того, чтобы въ глазахъ грѣховнаго свѣта, который она презирала, и который долженъ былъ подвергнуться скорой гибели, — облагодать свои частныя и продолжительныя визиты въ домъ архидіакона. Какъ бы ни были удовлетворительными или недостаточными объясненія, представленныя Диксономъ, во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что Эбель женился, и что три женщины, вдова Ида фонъ-Гребень, законная супруга, госпожа Эбель, и двѣ Эмилиа фонъ-Шрётеръ составили нѣкоторымъ образомъ одно духовное семейство, котораго центромъ былъ обожаемый архидіаконъ.

«Эбель, говоритъ Диксонъ, описывалъ слѣдующимъ образомъ свои отношенія къ этимъ тремъ молодымъ женщинамъ: графиня Ида была его первою женою, изображая собою принципъ свѣта (Lichtnatur); Эмилиа фонъ-Шрётеръ была его второю женою, изображая принципъ темноты (Finsternissnatur); госпожа Эбель была его третьею женою, представляя принципъ соединенія (Umfassung). Въ этомъ тройномъ бракѣ архидіакона, простая жена должна была дѣйствовать, какъ легальная точка соприкосновенія. Графиня Ида и фрейлейнъ Эмилиа полагали, что въ ней и чрезъ нее онѣ вошли въ свою мистическую связь съ своимъ супругомъ. Ида, какъ жена, изображавшая свѣтъ, имѣла полное основаніе думать, что она занимаетъ высокое положеніе *александрийской невесты*» (I, 175).

Госпожа Эбель оправдала тѣ надежды, которыя на нее возлагались. Она ничѣмъ не возбудила ревности въ старшихъ духовныхъ женахъ архидіакона. Она покорно замкнулась въ той скромной сферѣ матеріальныхъ заботъ, которая была ей предоставлена. Ея голосъ никогда не раздавался въ почтенномъ кругу святыхъ женщинъ, управлявшихъ церковью.

Когда новая церковь получила прочную организацію, тогда образовались тайныя доктрины, которыя оставались неизвѣстными массѣ адептовъ. Простые люди, неофиты, только что примкнувшіе къ Эбелю, знали только, что Эбель вѣрующій проповѣдникъ, искренній и ревностный лютеранинъ, старающійся крѣпимъ своей святой жизни и вліаніемъ своего увлекательнаго краснорѣчія возбудить въ сердцахъ своихъ современниковъ чувства живаго благочестія, подавленныя сухими, холодными и мелкими разсчетами и заботами суетливаго, корыстнаго и бездушнаго вѣка. Когда неофитъ оказывался достойнымъ большаго довѣрія, ему говорили, что онъ принадлежитъ къ церкви избранныхъ, составляющей рай наслажденій для тѣла и для духа, и спасающей всѣхъ своихъ вѣрующихъ членовъ отъ той гибели, которая

скоро должна постигнуть весь грѣховный міръ. Далѣе, послѣ новаго, болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія, ему открывали тѣ способы, которыми должно бороться съ дьяволомъ и побѣждать его. При новыѣ духовныѣ успѣхахъ со стороны вѣрующаго, его посвящали въ тайну сѣта и воды. Затѣмъ, если онъ обнаруживалъ требуемыя достоинства, его учили обрядамъ освященія. Если онъ былъ способенъ къ дальнѣйшему повышенію, ему внушали, что Эбель — высшій типъ человѣческаго совершенства. Дальше этого уже никакой адептъ, какъ бы онъ ни былъ знатенъ и чистъ душою, не могъ идти. Великая и страшная тайна, открытая графинею фонъ-Каницъ, постоянно оставалась достояніемъ четырехъ лицъ — Иды, Эмилии, Минны и ея мужа. Кажется, даже Дастель не зналъ этой тайны; во все время существованія сѣты, ни одно новое лицо не было принято въ этотъ высшій кружокъ. При этомъ, конечно, возникаетъ вопросъ, на который мы у Диксона не находимъ отвѣта. Если великую тайну эбелянъ знали только четыре человѣка, и если никто изъ нихъ не измѣнилъ сѣтѣ, не сдѣлался ея сознательнымъ врагомъ и не проболтался нечаянно, то какимъ образомъ эта тайна появится въ печати? Какимъ образомъ узналъ ее Саксъ, не принадлежавшій къ высшему кружку? Чтѣ сообщил онъ на счетъ существованія этой тайны въ своемъ мемуарѣ — свои ли собственныя предположенія, или дѣйствительныя, достоверно извѣстные ему факты? Всѣхъ этихъ вопросовъ Диксонъ не только не рѣшаетъ, но даже и не ставитъ. Во всей его книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы кто-либо изъ членовъ высшаго кружка возможно было заподозрить въ случайной нескромности или въ умышленной измѣнѣ.

Обряды освященія были извѣстны довольно обширному кругу вѣрующихъ. Они клонились къ тому, чтобы уничтожить въ вѣрующихъ силу грѣховныѣ страстей и приготовить ихъ къ наступающему царству благодати и духовной свободы. «Кто хотѣлъ спасти свою душу—говоритъ Диксонъ—долженъ былъ поднаться выше искушеній, пощипать плоть ногами и побѣдоносно противиться дьявольской силѣ красоты. Въ присутствіи живой женщины, онъ долженъ былъ чувствовать себя такъ, какъ будто онъ стоитъ передъ каменною стѣною. Его взглядъ долженъ оставаться холоднымъ, бѣненіе его пульса не должно ускоряться. Никакое лицо, какъ бы оно ни было прекрасно, не должно зажигать огня въ его крови. Безъ содроганія сердца, онъ долженъ пожимать руку самой очаровательной сестры, или напечатлѣвать подалу на ея губы. Кто неспособенъ легко и свободно дѣлать все это, тотъ, по словамъ Эбеля, конечно, не находится еще въ состояніи благодати» (I, 183).

Приобрѣтеніе такихъ навыковъ требовало продолжительныѣхъ и разнообразныѣхъ упражненій, которымъ посвящались многія изъ частныхъ собраній сѣты, происходившихъ въ покояхъ графини Иды или въ домѣ графини Каницъ. Во время такого собранія,

одна изъ вѣрующихъ красавицъ, во приглашенію высшаго духовнаго начальства, обнажала руку, ногу или плечо, такъ чтобы всѣ присутствующіе и въ особенности молодые, еще недостаточно испытанные и закаленные члены церкви, глядя на тѣ изкушенія, которыми сатана губить слабое человѣчество, учили презирать эти вражескія козни и успѣшно сопротивляться имъ.

При той строгой постепенности, которая господствовала въ отириваніи догматическихъ тайнъ, есть достаточныя основанія предположить, что въ обрадахъ освященія была своего рода высшая школа, которой существованіе было извѣстно немногимъ избраннымъ, и въ которую вступали люди, уже достаточно укрѣпившіе себя менѣе трудными, сложными и опасными испытаніями.

Въ чемъ состояли труднѣйшія и опаснѣйшія испытанія, какими уграженіями поддерживали и развивали въ себѣ святость члены высшаго звѣна — это остается неизвѣстнымъ, но профессоръ Саксъ даетъ понять, что стремленія въ совершенству завели графиню фонъ-деръ-Гребенъ и Эмилию фонъ-Штрѣтеръ очень далеко.

IV.

Секта, которой главная причина существованія заключается въ близости второго пришествія, не можетъ жить неопредѣленно долгое время неясными ожиданіями и благочестивыми приготовленіями. Умы вѣрующихъ неотступно заняты вопросомъ, когда же наступитъ великій день; ихъ нетерпѣніе растетъ, ихъ вѣра можетъ ослабѣть, и осажденный ихъ вопросами и сомнѣніями, глава и основатель секты, долженъ поневолѣ, рано или поздно, дать имъ какое-нибудь опредѣленное обѣщаніе.

Изучая пророчества Давида, Эбель додумался до того убѣжденія, что второе пришествіе должно совершиться въ 1823 году, на святой недѣлѣ. День и часъ былъ точно опредѣленъ, и такъ-какъ назначенное время было уже близко, то вліятельныя лица секты стали совѣщаться о томъ, гдѣ и какъ имъ ожидать и встрѣтить Спасителя. Одни полагали, что надо собраться въ церкви, другіе предпочитали сойтись въ какомъ-нибудь домѣ. Большинство думало, что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ быть въ сборѣ, чтобы Спаситель увидѣлъ свою церковь на землѣ. Далѣе вѣрующіе находили, что собраніе ни подъ какимъ видомъ не должно имѣть мрачнаго или печальнаго характера. «Ихъ богъ — говорили они — былъ Богомъ любви и свѣта. Радость шла вихрь съ нимъ, и веселье готовило ему путь». Нѣкоторые находчивые люди придумали, что всего лучше будетъ устроить въ этотъ день и часъ свадебное торжество. Этотъ планъ всѣмъ очень понравился, и рѣшено было привести его въ исполненіе. Нашли молодого человѣка, готоваго жениться на комъ угодно и когда угодно для пользы и славы церкви; этому молодому человѣку

подъискали достойную невѣсту. Всѣ мѣры были такимъ образомъ приняты заблаговременно, и женщины высшихъ круговъ стали ожидать назначеннаго дня съ благоговѣйнымъ нетерпѣніемъ и съ несокрушимою вѣрою въ осуществленіе сдѣланнаго предсказанія.

Нѣкоторые изъ мужчинъ, принадлежавшихъ также къ высшимъ кругамъ, почувствовали, что вѣра ихъ колеблется. Слишкомъ гласныя приготовленія къ великому дню приводили ихъ въ смущеніе. Они находили до нѣкоторой степени возможнымъ то предположеніе, что Эбель ошибся въ своихъ вычисленіяхъ, что великое событіе не совершится, что гости разѣдутся со свадебнаго пира ни съ чѣмъ, и что ихъ всѣхъ жесточайшимъ образомъ поднимутъ на смѣхъ вольнодумцы всей провинціи, всего королевства, всей Германіи. Графъ Фовъ-Финкенштейнъ, какъ лицо съ вѣсомъ, съ именемъ, съ положеніемъ въ обществѣ и со связями, чувствовалъ особенно сильно неудобства этого ожидаемаго осмѣванія, и поэтому старался по возможности обуздать пылку и шумную вѣру своихъ духовныхъ братьевъ, и особенно сестеръ. Но возможности не оказалось никакой. Женщины разразились жестокими упреками; Эбель сталъ презрительно улыбаться; Дистель сдѣлалъ выговоръ; благоразумный графъ чувствовалъ себя изобиженнымъ со всѣхъ сторонъ; даже родная сестра его, которую онъ очень любилъ, осудила его за малодушіе и позорное потворство мнѣніямъ грѣховнаго свѣта. Финкенштейнъ удаллся изъ собранія съ большимъ неудовольствіемъ.

Наступилъ назначенный день. Собрались свадебные гости. Совершился обрядъ, въ которомъ профессоръ анатоміи Саксъ, заслужившій впоследствии прозваніе Мефистофеля, принужденъ былъ принимать дѣятельное участіе, и играть роль вѣрующаго и ожидающаго. Пиръ начался и окончился безо всякихъ сверхъестественныхъ событій. Гости принуждены были разойтись, не дождавшись втораго прішествія. Начался тотъ продолжительный и обидный смѣхъ, котораго боялся предусмотрительный графъ. Пророчество Финкенштейна сбылось несравненно лучше пророчества Эбеля, и Финкенштейнъ немедленно испыталъ на самомъ себѣ вѣрность того изреченія, что никто не можетъ быть пророкомъ въ своей землѣ. Его стали преслѣдовать именно за то, что онъ слишкомъ удачно напророчилъ. Такъ-какъ непогрѣшимость Эбеля не могла подвергаться сомнѣнію, то вѣрующіе эбеляне рѣшили, что именно маловѣріе и малодушіе благоразумнаго графа испортили все дѣло. Дамы верховнаго комитета выразили свое негодованіе самымъ откровеннымъ и энергическимъ образомъ, и когда Финкенштейнъ попробовалъ оправдаться, его заставили молчать, и ему погрозили публичнымъ изгнаніемъ изъ церкви. Финкенштейнъ испугался, смирился, сталъ просить прощенія и остался членомъ секты, но съ этого времени его отношенія къ ревностнымъ и вліятельнымъ эбелянамъ сдѣлались въ высшей степени ватаутными.

Въ то самое время, когда вѣрующіе кружки были изволнованы напраснымъ ожиданіемъ втораго пришествія, одинъ кѣнигсбергскій пасторъ, Лудвигъ-Августъ Келеръ выпустилъ въ свѣтъ теологическій романъ *Филатосъ*, въ которомъ архидіаконъ и его слѣдователи были выведены на сцену и представлены въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Въ этомъ романѣ рассказывалось, между прочимъ, какъ одна молодая дѣвушка, довѣрившись своей подругѣ, отправляется въ собраніе мнимыхъ святыхъ; эти свѣты принимаютъ ее въ свой кружокъ и начинаютъ осматривать ее поцалуемаи; она сначала покоряется, но потомъ, видя, что къ ней подходитъ, съ цѣлью поцаловать ее, одинъ юноша, пользующійся репутаціею величайшаго развратника въ городѣ, она въ ужасѣ поднимается, убѣгаетъ изъ собранія къ себѣ домой, бросается на колѣни передъ своими родителями, и со слезами негодованія кается имъ въ томъ, что она видѣла, слышала и испытала.

Камень попалъ въ тотъ огородъ, куда онъ былъ цущенъ. Друзья и враги узнали Эбеля и его поклонниковъ. Сами эбеляне поняли какъ нельзя лучше, что обличительный романъ направленъ именно противъ нихъ. Но защищаться печатно имъ не было возможности. Въ романѣ не было ни подлинныхъ именъ, ни такихъ опредѣленныхъ указаній, къ которымъ можно было бы придаться. Протестовать противъ клеветы по поводу этого романа значило бы признаться въ томъ, что намеки могутъ быть поняты, что протестующіе имѣютъ нѣкоторое основаніе принять ихъ на свой счетъ, и что подъ преувеличеніями карриатуры, нарисованной враждебною рукою, все-таки есть возможность распознать дѣйствительныя черты живыхъ людей. Эбеляне могли перенести ударъ, и впечатлѣніе, произведенное на читающую публику романомъ Келера, не получило себѣ никакого отпора. Это обстоятельство было тѣмъ болѣе неприятно для эбелянъ, что обличительное произведеніе Келера, какъ теологическій романъ, обращалось преимущественно къ благочестивой части общества, и слѣдовательно, дискредитировало секту именно тамъ, гдѣ она могла рассчитывать на дѣятельное сочувствіе, и гдѣ она желала его возбуждать и поддерживать.

Въ 1824 году эбелянъ постигло новое несчастіе, болѣе серьезное и чувствительное, чѣмъ предыдущія. Оберъ-президентъ восточной Пруссіи, фонъ-Ауэрсвальдъ, отецъ графини Иды и ревностный покровитель секты, къ которой онъ самъ принадлежалъ — умеръ, и на его мѣсто поступилъ его зять, фонъ-Шёнъ, уважая руку министра-реформатора, барона фонъ-Штейна, либераль и философъ, то-есть, вольнодумецъ, отъ котораго никакіе мистики, фантазеры и энтузіасты не могли ожидать себѣ ни малѣйшей поддержки, несмотря даже на то, что онъ былъ женатъ на старшей сестрѣ графини фонъ-дёръ-Гребенъ.

Профессоръ Саксъ немедленно замѣтилъ и понялъ перемену, происшедшую въ высшихъ административныхъ сферахъ, отшат-

нулся отъ алтштадтской церкви и сталъ поемногу развѣрживать тѣ стороны своей личности, которыми онъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, приобрѣлъ себѣ прованіе Мефистофеля.

Въ это же время профессоръ теологіи, Германъ Ольсгаузенъ, бывшій нѣсколько лѣтъ тому навадъ послѣдователемъ Шенгера, сталъ писать и проповѣдывать противъ эбеліанъ. Дистель взялся отвѣчать ему, пересыпая свой отвѣтъ ругательствами и личными выходками, и обнаружилъ такую комическую ярость и такое полное презрѣніе ко всѣмъ литературнымъ приличіямъ, что скомпрометировалъ свою партію въ глазахъ того многочисленнаго класса людей, которые, не желая и не умѣя оцѣнивать дѣло по существу, настоятельно требуютъ отъ спорящихъ сторонъ соблюденія извѣстныхъ правилъ и общепринятыхъ формъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ огорченій и непріятностей, которыя, очевидно, служили только предвѣстниками болѣе серьезныхъ испытаній, въ сектѣ произошло то, что происходитъ обыкновенно при подобныхъ обстоятельствахъ. Энтузіазмъ искреннихъ фанатиковъ успѣлся, — сдѣлался глубже, подозрительнѣе и исключительнѣе, а сомнительная ревность слабыхъ, колеблющихся и своекорыстныхъ натуръ ослабѣла; эти два явленія, нда параллельно, должны были взаимно усиливать другъ друга; фанатики чувствовали потребность сомнѣться тѣснѣе, пересчитать свои силы, и окончательно убѣдиться въ томъ, что ихъ вѣра тверда, и мужество несокрушимо; осторожные и расчетливые, вида мрачное воодушевленіе своихъ глубоко-убѣжденныхъ и совершенно неблагоразумныхъ товарищей, чувствовали съ своей стороны настоятельную и постоянно возрастающую потребность избраться по добру по здоровью изъ таковаго общества, которое съ минуты на минуту могло потянуть ихъ за собою въ дикія эксцентричности, и оставить ихъ, людей положительныхъ и серьезныхъ, дорожащихъ своимъ спокойствіемъ, и чувствительныхъ къ приговорамъ общественнаго мнѣнія — либо въ комическое, либо даже — мало ли что можетъ случиться? въ опасное положеніе.

Графъ фонъ-Финкенштейнъ, не могшій подавить въ себѣ гонимое свѣтскаго благоразумія даже въ виду такого событія, какъ второе пришествіе, конечно, не могъ сдѣлаться фанатикомъ, когда піетизмъ пересталъ быть знаменемъ мѣстнаго правительства. Этого было достаточно, чтобы погубить его въ глазахъ фанатизированныхъ женщинъ верховнаго комитета. Его торжественно исключили изъ церкви, и его сестра прервала съ нимъ всякія сношенія.

Около этого времени умерла графиня Минна фонъ-Каницъ, умерла, несмотря на то, что она должна была, въ качествѣ *второго свидѣтеля*, присутствовать при тѣхъ великихъ событіяхъ, которыя Эбель обѣщалъ своимъ послѣдователямъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Оцель ли Эбель необходимымъ представить членамъ высшихъ круговъ какія-нибудь объясненія по поводу этого неожиданнаго смертнаго случая, и въ чемъ состояли эти

объясненія — этого ми не узнаемъ изъ книги Диксона. Не подлежитъ сомнѣнiю только то, что если какія-нибудь объясненія были представлены, то они совершенно удовлетворили вѣрющихъ, такъ что преждевременная кончина графини Минны не породила ничего похожаго на смуту или ересь. По всей вѣроятности, эта смерть была объяснена нравственными несовершенствами покойницы, такими несовершенствами, вслѣдствіе которыхъ Минна была неспособна и недостойна исправлять высокую должность *второго свидѣтеля*. По крайней-мѣрѣ, графиня Минна послѣ смерти своей подверглась разжалованiю, и ея должность осталась вакантною, несмотря на то, что эта должность сначала была присвоена ей на всю вѣчность. На открывшуюся вакансію Эбель назначилъ сестру Финкенштейна; тогда *первый свидѣтель*, графъ фонъ-Каницъ, сдѣлалъ ей предложеніе; бракъ состоялся, и такимъ образомъ, оба свидѣтеля еще разъ оказались мужемъ и женою.

Новая графиня пожелала привлечь къ себѣ одну изъ своихъ родственницъ, молодую, красивую и богатую дѣвушку, Зелину фонъ-Мирбахъ. Финкенштейнъ, въ качествѣ вліятельнаго родственника, написалъ къ Зелинѣ письмо, въ которомъ совѣтовалъ ей остерегаться графини фонъ-Каницъ, и описывалъ самыя притворными красками Эбеля, Дистеля и нравы ихъ послѣдователей. Зелина показала это письмо графинѣ фонъ-Каницъ, которая прочтала его съ величайшимъ негодованіемъ, и объявила, что оно переполнено самою отвратительною ложью. Взявъ себѣ это письмо, графиня фонъ-Каницъ созвала верховный совѣтъ септ, и сообщила ему все дѣло. Совѣтъ рѣшилъ, что прежде всего божественное сподовіе возлюбленнаго архидіакона не должно быть возмущаемо такими недостойными дразгами, что Финкенштейнъ за свое отвратительное письмо долженъ подвергнуться примѣрному и по возможности жестокому наказанiю, что каждаго изъ ревностныхъ членовъ септы долженъ наказывать преступника всѣми зависящими отъ него средствами, и что письмо Финкенштейна слѣдуетъ передать Дистелю, какъ самому свертческому бойцу церкви, способному дать достаточно сильныя отпоры.

Зелина фонъ-Мирбахъ тотчасъ присоединилась къ піетистическому кружку. Графиня фонъ-Каницъ на всегда поссорилась съ своимъ братомъ и даже завела съ нимъ процессъ изъ-за какого-нибудь имѣнія. Каницъ, въ одной клерикальной газетѣ, обвинилъ Финкенштейна въ безнравственномъ образѣ жизни, называя его при этомъ по имени, и указывая на то, что его жена, графиня фонъ-Каницъ, достойна почти такого же беспощаднаго осужденія. Наконецъ Дистель прислалъ Финкенштейну письмо на тринадцать листахъ большаго формата, состоявшее сплошь изъ самыхъ оскорбительныхъ обвиненій и самыхъ отборныхъ ругательствъ.

Финкенштейнъ послалъ опроверженіе въ газету, помѣстивъ

нападение Каница, но, не чувствуя себя способным вести по-дешку съ Дистелемъ, представилъ его бранное письмо въ судъ. Судъ приговорилъ Дистеля къ денежному штрафу въ 200 талеровъ, и затѣмъ освѣдомился о причинахъ рѣзкой переписки, завязавшейся между Дистелемъ и Финкенштейномъ. Обвиненія, заключающіяся въ письмѣ Финкенштейна къ Зелнѣ фонъ-Мирбахъ, всплыли на верхъ, и судъ потребовалъ отъ Финкенштейна доказательствъ. Финкенштейнъ представилъ массу бумагъ, написанныхъ имъ и его женою, и направленныхъ противъ Эбеля, Дистеля, Каница, графини Иды и покойной Минны фонъ-Каницъ. Тутъ было множество очень тяжелыхъ, но очень плохо доказанныхъ обвиненій въ самой отвратительной безнравственности. Такъ, наприимѣръ, было сказано, что Эбель, подъ видомъ совершенія благочестиваго обряда, дѣлалъ графинѣ фонъ-Финкенштейнѣ предложенія, оскорбительныя для ея чести. Всѣ эти бездоказательныя обвиненія судъ оставилъ безъ вниманія; но такъ-какъ Финкенштейнъ указывалъ на то, что у эбелянъ есть тайная доктрина, несогласная съ учениемъ лютеранской церкви, то дѣло поступило на разсмотрѣнiе кѣнигсбергской консисторiи.

Консисторiя назначила слѣдователями по этому дѣлу Калера, автора *Филагоса*, и Зандера. Слѣдователи представили такой докладъ, что консисторiя, впредь до окончанiя дѣла, признала нужнымъ запретить Эбелю и Дистелю отправленiе пастырскихъ обязанностей, и послала министру духовныхъ дѣлъ, барону фонъ-Альтенштейну отчетъ обо всѣхъ раскрывающихся беззаконiяхъ. Послѣ довольно продолжительныхъ совѣщанiй между министромъ и консисторiею, было рѣшено предать Эбеля и Дистеля уголовному суду, во первыхъ, по обвиненiю въ необыкновенной нравственной испорченности, и во вторыхъ, по обвиненiю въ попыткахъ основать новую религiозную секту.

По мѣрѣ того, какъ разыгрывалось это дѣло, положенiе его перваго виновника, Финкенштейна, становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Эбеляне и въ особенности эбелянки вредили ему и его женѣ всѣми утонченными и разнообразными средствами, какiя только могутъ принести благочестивая ярость и женская изобрѣтательность. Чувствуя, или, быть можетъ, воображая себѣ, что его честность подвергается сомнѣнiю, что на его жену бросаютъ въ высшемъ обществѣ презрительныя или насмѣшливыя взгляды, Финкенштейнъ совсѣмъ потерялъ голову, и придумалъ, для ограденiя своего добраго имени, самую странную и негнѣпную комбинацiю. Онъ сталъ ѣздить по домамъ своихъ старыхъ друзей, влиятельныхъ, богатыхъ и знатныхъ особъ, упрасывая ихъ подписать бумагу, въ которой было сказано, что графъ и графиня фонъ-Финкенштейнъ всегда отличались и продолжаютъ отличатся до настоящей минуты всѣми достоинствами, способными составить украшенiе прусскаго магната и его законной супруги. Понятное дѣло, что это собранiе похвальныхъ

атестатовъ окончательно сдѣлаю бѣднаго графа послѣднимъ всей провинціи.

Уголовное преслѣдованіе, направленное противъ Эбеля и Дистеля, началось въ 1835 году. Дистель, призванный къ слѣдователю, наговорилъ ему съ разу множество дерзостей, и за это, въ самомъ началѣ процесса, попалъ на нѣтъ мѣсяцевъ въ крѣпость.

Въ числѣ другихъ свидѣтелей, слѣдователь вызвалъ графиню Иду. Отвѣтомъ на этотъ вызовъ былъ гордый и рѣшительный отказъ, мотивированный тѣмъ, что графиня ни за кѣмъ въ мірѣ не признаетъ права задавать ей вопросы, затрогивающіе дѣла ея совѣсти. Слѣдователь повторилъ свое приглашеніе, прибавивъ, что за неслухъ по закону полагаются штрафъ или тюремное заключеніе. Ида осталась непоколебимою. Съ нею выжили двѣсти талеровъ штрафа; но и это не подѣйствовало. Графиня приказала передать слѣдователю, что она, пожалуй, готова отправиться и въ тюрьму, но что показаній, противорѣчащихъ ея совѣсти, отъ нея все-таки никто не добьется. Слѣдователь, приведенный въ недоумѣніе, отправилъ ея письмо къ ея родственнику, обер-президенту фонъ-Шёну, и попросилъ у него совѣта, какъ поступать. Шёнъ отвѣтилъ, что онъ хорошо знаетъ свою родственницу, и что, по его твердому убѣжденію, ни угрозы, ни истязанія, еслибы онѣ были возможны, не заставятъ графиню Иду дѣйствовать вопрекоръ внушеніямъ ея совѣсти. Поэтому онъ совѣтовалъ слѣдователю оставить ее въ покоѣ, чтобы бесполезными рѣзкостями не ронять достоинство судьи и не возбуждать общественное мнѣніе въ пользу подсудимыхъ. Министръ юстиціи, которому слѣдователь доложилъ о необходимомъ упорствѣ графини, нашелъ также, что сажать ее въ тюрьму совершенно и бесполезно, и приказалъ дать дѣлу такой оборотъ, чтобы ея показаніе было признано валившимся. Помня объ этому приказанію, судъ призналъ высказаніе штрафа незаконнымъ, и возвратилъ графинѣ Идѣ ея двѣсти талеровъ.

Главнымъ свидѣтелемъ противъ Эбеля и Дистеля выступилъ профессоръ Саксъ. Подсудимые рѣшительно отклонили его свидѣтельство, и стали доказывать, что онъ — человѣкъ, не заслуживающій ни малѣйшаго довѣрія. Эбель сказалъ, что, въ качествѣ духовнаго лица, онъ, архидіаконъ, не можетъ обвинять своего ближняго; что подробности, извѣстныя ему о Саксѣ, дошли до него путемъ исповѣди, сдѣланной не ему лично, а другимъ особамъ; что отрывать эти подробности онъ не можетъ, и не будетъ; но что, зная Сакса такъ, какъ онъ его знаетъ, онъ, Эбель, торжественно протестуетъ противъ допущенія его въ свидѣтели.

Этотъ бездоказательный протестъ не могъ имѣть никакого серьезнаго значенія, но другой подсудимый, Дистель, не ограничился такимъ протестомъ, и представилъ въ судъ двѣ подлинныя рукописи Сакса, срыпленныя его подписью. То были

два большія письма, адресованна въ покойной графинѣ фонъ-Каницѣ, и заключающія въ себѣ полную и подробнѣйшую исповѣдь Сакса. Въ этой исповѣди профессоръ ввоздвигъ на себя самыя грязныя и унижательныя обвиненія, такія обвиненія, которыя, дѣйствительно, должны были отнять у судей всякую возможность полагаться на его слова и вѣрить его свидѣтельскимъ показаніямъ.

Судъ предъявилъ эти письма Саксу. Саксъ принужденъ былъ сознаться, что оба письма, съ первой строки до послѣдней, дѣйствительно, писаны его собственной рукой.

— Стало быть, все, что тутъ написано, чистая правда? спросилъ судъ.

— Нѣтъ, не правда, отвѣтилъ Саксъ.

— Но вѣдь вы же говорите тутъ въ первомъ лицѣ, о самомъ себѣ, и сами подписываете эти показанія.

Саксъ согласился, что все это дѣйствительно такъ, и, однакоже, продолжалъ утверждать, что обвиненія, введеныя на него этими письмами, совершенно невѣрны. Онъ самъ себя не помянулъ отъ горя, когда писалъ свою исповѣдь; онъ самъ не понималъ, что говоритъ, и что пишетъ; онъ совершенно поочинился вліанію Минны фонъ-Каницъ, которой было поручено заботиться о спасеніи и освященіи его души; Минна настоятельно, сурово, неотступно требовала отъ него признаній; она сама внушала ему, что ему слѣдуетъ говорить, въ чемъ обвинять себя и каяться; онъ страстно желалъ приобрести и упрочить за собою ея благосклонность, и онъ исполнилъ всѣ ея требованія и добровольно очернилъ себя цѣлымъ длиннымъ спискомъ вымышленныхъ гнусностей; в эту сложную и замысловатую клевету противъ самаго себя онъ не только высказалъ словесно, въ яву умалченія, подъ вліаніемъ присутствія, взглядовъ и увѣщаній своей руководительницы, но еще подтвердилъ и письменно, оставаясь наединѣ съ самимъ собою, въ тиши своего рабочаго кабинета.

Письма, представленныя Дистелемъ, были, во всякомъ случаѣ, тяжелымъ ударомъ для Сакса, и объясненіе ученаго профессора, какъ бы ни посматрѣли на него судьи, не могло въ достаточной степени оградить его репутацію. Судьи могли повѣрить этому объясненію, могли и не повѣрить. Еслибы они ему не повѣрили, то они, стало быть, остановились бы на томъ убѣжденіи, что Саксъ, дѣйствительно, виновенъ во всемъ, въ чемъ онъ письменно покаялся графинѣ фонъ-Каницѣ, и что онъ теперь закончилъ длинный рядъ своихъ грязныхъ поступковъ торжественною, публичною, очень неправдоподобною, и слѣдовательно, тѣмъ болѣе безотыдною ложью. Въ этомъ случаѣ Саксъ являлся человѣкомъ обезчещеннымъ, и его свидѣтельство теряло всякую цѣну. Еслибы судьи повѣрили Саксу, то его положеніе едва-ли улучшилось бы. Повѣривъ ему на слово, по его собственному желанію, судьи должны были придти къ тому заклю-

ченію, что онъ, при тѣхъ или другихъ условіяхъ, подъ вліаніемъ тѣхъ или другихъ побужденій, уступая тому или другому давленію, оказался способнымъ гнуснѣйшимъ образомъ оклеветать самаго себя. Тутъ неизбежно и немедленно должно было явиться то соображеніе, что человекъ, способный оклеветать самаго себя, способенъ тѣмъ болѣе оклеветать другихъ, если представляются достаточно сильныя, побудительныя причины. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ полагаться на свидѣтельство Сакса было неудобно.

Но прусскіе судьи того времени были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи. Фонъ-Шёнъ, какъ рационалистъ, былъ врагомъ той сентиментальной бессмыслицы, въ пользу которой ратовалъ кружокъ Эбеля. Вліаніе его хорошо извѣстныхъ симпатій и антипатій заставило судей упустить изъ виду ту дилемму, которая каждому безпристрастному человѣку кажется неизбежною при разсмотрѣніи вопроса о свидѣтельствѣ Сакса. Это свидѣтельство было принято, и послужило главнымъ основаніемъ для приговора.

Видя, что дѣло принимаетъ очень дурной оборотъ для подсудимыхъ, всѣ знатные послѣдователи и доброжелатели Эбеля — чуть не половина аристократовъ восточной Пруссіи — стали хлопотать о перенесеніи процесса въ Берлинъ, подальше отъ вліанія кѣнигсбергскаго оберъ-президента. Этими стараніями управляла отчасти дѣйствительная преданность архидіакону, отчасти желаніе многихъ важныхъ господъ оградить свое собственное доброе имя, которое могло бы пострадать, еслибы ихъ наставникъ и руководитель оказался достойнымъ строгаго уголовнаго наказанія.

Дѣло перенесли въ Берлинъ, оно разрослось до громадныхъ размѣровъ, разрослось и въ ширину, и въ глубину; подсудимые, ихъ защитники, свидѣтели за и противъ представили въ судъ горы рукописей и печатныхъ сочиненій; судьямъ пришлось разбирать цѣлую бібліотеку, не менѣе девяноста томовъ; пришлось читать трактаты по теологіи, логикѣ, церковной исторіи и метафизикѣ; пришлось ломать голову надъ вѣчно-спорными вопросами о благодати и добрыхъ дѣлахъ, о свободѣ человѣческой воли, объ искупляющей силѣ вѣры; пришлось становиться изъ точки зрѣнія мистиковъ, фантазеровъ и энтузіастовъ; все это продолжалось два года.

Въ 1839 году состоялся суровый приговоръ. Рѣшено было Эбеля и Дистеля лишить священническаго сана и гражданскихъ правъ, объявить неспособными къ какой бы то ни было государственной службѣ, и затѣмъ продержать Эбеля въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не исправится и не отречется отъ своихъ опасныхъ заблужденій.

Получивъ этотъ приговоръ, оберъ-президентъ фонъ-Шёнъ не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Въ приговорѣ не было сказано, куда посадить Эбеля, и кому наблюдать за нимъ, и какими мѣ-

рами лечить его от заблуждений. Начальникъ городскихъ тюремъ, призванный для совѣщаній по этому дѣлу, сказалъ фонъ-Шёнэу: «Вашему превосходительству надо будетъ принять на себя лично эту обязанность, потому что кромѣ васъ не найдется въ Кёнигсбергѣ человѣка, кто бы отважился давать уроки архидіакону».

Пока фонъ-Шёнэ раздумывалъ, въ Берлинѣ произошла великая перемѣна. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III умеръ, и его преемникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV самъ оказался пѣтистомъ, человѣкомъ, способнымъ вѣрить въ тайну свѣта и воды, заниматься астрологіей и отыскивать жизненный эликсиръ. На мѣсто министра Альтенштейна, умершаго въ это же самое время, былъ назначенъ пѣтистъ Эйхгорнъ.

Благодаря этимъ измѣнившимся обстоятельствамъ, друзьямъ Эбеля удалось добиться пересмотра его дѣла. Состоявшееся рѣшеніе въ началѣ 1842 года было кассировано. Подсудимые были признаны невиновными въ умышенномъ нарушеніи своихъ обязанностей и въ основаніи новой секты. Отнятыя гражданскія права были имъ возвращены, и тюремное заключеніе, на которое былъ осужденъ Эбель, отмѣнено. Но то рѣшеніе кёнигсбергскаго церковнаго суда, въ силу котораго Эбелю и Дистелю запрещено отправлять пасторскія обязанности, осталось нетронутымъ.

«Со времени своей апелляціи, говоритъ Диксонъ, архидіаконъ жилъ вдали отъ свѣта съ графинею Идою, своею ближайшею духовною женою. Они переезжали съ мѣста на мѣсто, изъ восточной Пруссіи въ Силезію, изъ Саксоніи въ Виртембергъ. Ида въ защиту своего учителя написала книгу, подъ заглавіемъ *Die Liebe zur Wahrheit* (любовь къ правдѣ) и издала ее въ Штутгартѣ, въ 1850 году. Они поселились въ прелестномъ городкѣ Лудвигсбургѣ, близъ Штутгарта, и тутъ, въ 1861 году, архидіаконъ умеръ; но передъ смертью онъ увидѣлъ плоды своихъ трудовъ и огорченій; пѣтистическія общества возникли во многихъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и промышленныхъ городовъ Германіи— въ Галле и Гейдельбергѣ, въ Берлинѣ и Ганноверѣ, въ Дрезденѣ и Штутгартѣ, въ Барменѣ и Эльберфельдѣ. Говорятъ, что старость его была спокойная, и что онъ скончался такъ, какъ будто просто заснулъ» (I, 224).

Въ ноябрѣ 1867 года, Диксону, бывшему въ это время въ Кёнигсбергѣ, удалось видѣть одну изъ новѣйшихъ манифестацій пѣтизма, насажденнаго много лѣтъ тому назадъ Шёнгерромъ и Эбелемъ. Молодой проповѣдникъ, сынъ того самаго Дистеля, который смиралъ свою гордость нухательнымъ табакомъ, собралъ толпу благочестивыхъ слушателей въ городской воксалъ и сталъ бесѣдовать съ ними о близости втораго пришествія. Пѣтисты, собравшіеся въ воксалъ, такъ воодушевились, что начали плакать и кричать отъ умиленія. Студенты, столпившіеся на улицѣ, отвѣчали на восторженные вопли пѣтистовъ насмѣшливыми восклицаніями. Потомъ, когда благочестивые крики въ воксалѣ до-

шли до апогея, студенты потеряли терпѣніе, вломались туда толпами, и съ восклицаніями: «серафимовскіе поладун!» стали обнимать и целовать женщинъ и дѣвушекъ, кричавшихъ и швакшихъ вмѣстѣ съ остальною публикою. Начался беспорядокъ. Завязались драки между студентами и покровителями оскорбленныхъ женщинъ. Наконецъ явилась полиція, пришли солдаты генерала Фогеля фонъ-Фалькенштейна, и положили коонецъ ея въодушевленію шетистовъ, такъ и безчинству вольнодумцевъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Мрачныя картины. — Чортъ-консерваторъ. — Проектъ адреса коллегіи «представителей передоваго сословія». — Не пора ли встать? — Землеустройство и набаки. — Увеличивается или уменьшается пьянство въ народѣ? — Советъ «Женскому Вѣстнику». — Мужья и жены. — Оскорбленіе женщинъ. — Изгнаніе кокотокъ изъ пассажа. — Что ихъ ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ? — Петербургская паспортная система. — Сцена у мирового судьи. — Какое можетъ быть отношеніе между налогомъ за паспорта и богѣвнями? — Московскіи собаки — «первая инстанція полиціи». — Арестованіе старообрядческаго священника. — Процессъ г. Пѣтухова. — «Въ кутузку» за усердые аллодаменты. — Пустынный Сергіевскаго Посада. — Вирскій исправникъ. — Громкій судебный процессъ въ Петербургѣ. — Академическіе счеты. — Отвѣтъ комитету литературнаго фонда.

Въ Петербургѣ не произошло за послѣднее время ничего особенно замѣчательнаго (опубликовано одно важное изобрѣтеніе, но объ немъ рѣчь будетъ послѣ).

А что дѣлается тамъ, въ глубинѣ матушки Россіи? Увы! все то же, т.-е. «народъ спивается, распускается, развращается, бѣднѣетъ (и голодаетъ, надобно бы прибавить), преступления чистомъ и характеромъ чрезмѣрно увеличиваются. Вотъ общій голосъ, который раздается изъ конца въ конецъ всеобщаго русскаго царства». Это говоритъ одна изъ послѣднихъ газетныхъ корреспонденцій. На сколько она говоритъ правду, мы, живя въ Петербургѣ, судить объ этомъ, конечно, не можемъ. Для этого надобно бы объѣхать «изъ конца въ конецъ всеобщее русское царство», или, по крайней-мѣрѣ, имѣть подъ руками статистическія данныя. Но корреспонденція, конечно, тоже немѣющая у себя этихъ данныхъ, увѣряетъ, что «это живетъ въ деревнѣ (тотъ имѣетъ право думать, что онъ знаетъ «все обширное русское царство?»), среди простаго народа, видятъ ежедневныя проявленія его нравственнаго паденія и матеріальнаго обѣднѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить и за извѣстіями, передаваемыми въ печати, тотъ знаетъ, что въ послѣдней, какъ ни грустны рисуются картины гибельнаго положенія народа, въ натурѣ, на практикѣ, онъ еще мрачнѣе, еще безотраднѣе». Да ужъ можетъ ли быть еще что-нибудь мрачнѣе и безотраднѣе

этого, когда народъ спивается, распускается, развращается, преступленія въ немъ числомъ и характеромъ чрезмѣрно увеличиваются? Мрачнѣе этой картины ничего не можетъ быть.

«Откуда же все это происходитъ? продолжаетъ корреспонденція. Кто наслаждать на православный народъ такую напасть, что онъ съ собою совладѣть не можетъ, а изо дня въ день глубже и глубже тонетъ въ пучинѣ порока, разврата и преступленій?» И отвѣчаетъ, да вѣдь какъ отвѣчаетъ-то! Я потому собственно и остановился на этой корреспонденціи, что она необыкновенно удачно отвѣчаетъ на этотъ мудреный вопросъ. «Люди ученые, всезнайки, говорить, что»...

Но что говорить люди ученые, всезнайки, это я выпишу изъ другой корреспонденціи другой газеты, потому что тамъ все это изображено гораздо обстоятельнѣе.

«Что же дѣлаетъ классъ крупныхъ и некрупныхъ землевладѣльцевъ? Они ищутъ корень зла. Въ чемъ же они его видятъ? Отвѣтъ на эти вопросы почти изо всѣхъ утловъ Псковской губерніи до-нельзя неудовлетворителенъ. Большинство мѣстныхъ дворянъ, въ лицѣ вліятельнѣйшихъ своихъ членовъ и представителей, смотритъ на наступившее бѣдствіе (крайній недостатокъ хлѣба), какъ на нѣчто такое, что даетъ имъ, будто бы, право торжествовать: мы, молъ, все это предвидѣли, мы даже предсказывали, что все именно такъ будетъ, мы говорили и писали (въ «Вѣсти»), но насъ не хотѣли слушать. Корень зла, по мнѣнію этихъ господъ, въ великихъ реформахъ послѣднихъ годовъ... Разсужденія (ихъ) сводятся къ одному общему, слѣдующему результату: упраздненіе — де крѣпостнаго права дѣло, конечно, великое (это говорится мимоходомъ, какъ-бы изъ принципа), но надо было совершить это упраздненіе иначе; а то, сами посудите, дѣтамъ грубымъ, глупымъ и испорченнымъ (!!) дали въ руки зажженную свѣчу и не приставили къ нимъ няньки! Дѣта и обожглось, сгорѣть оно и совсѣмъ; надѣленіе крестьянъ землею, устраненіе патріархальной надъ ними власти помѣщика (Багрова? или г. Васильева, бирскаго исправника?), уничтоженіе (въ приговорахъ волостныхъ судовъ) розогъ, дарованіе дикарямъ самоуправленія, отсутствіе наиболѣе рѣшительныхъ мѣръ къ взиманію недоимокъ (крестьяне Харьковской губерніи, какъ извѣстно, не могутъ на это пожаловаться!), уничтоженіе откупа — и многое, многое другое, по мнѣнію крупнѣйшихъ глашатаевъ мѣстной интеллигенціи, суть главнѣйшія причины народнаго бѣдствія. А тутъ еще и земскія учрежденія: по понятію этихъ господъ, эти учрежденія совершенно фантастическая затѣя, будто бы, положительно и окончательно пришедшая не по плечу нашему народу, нашему обществу» (даже и «обществу», т.-е. и людямъ образованнымъ ?!).

Теперь возвращаюсь къ первой корреспонденціи. На эти разсужденія «всезнаекъ» она отвѣчаетъ: «Съ нами крестная сила! Неужто это правда? Нѣтъ, простой русскій народъ этому не въ-

рить, да и не понимает того. Съ вѣрою въ Бога, онъ не можетъ допустить, чтобы изъ добра выходило зло. Чтобы свято-благонравныя учрежденія и мѣропріятія на пользу народа, вводимыя роднымъ отцомъ (какъ называется народъ царя-освободителя, въ безпредѣльной къ нему признательности), приносили вредъ, а не пользу, этого народъ уразумѣть не можетъ». Все это прекрасно, но гдѣ же корень-то зла, причина его и какое средство противъ него?

А корень зла... Гдѣ?... Въ чортѣ! Да, да, въ чортѣ—такъ-таки и говорится: «Одинъ только исконный врагъ всего святаго и добраго можетъ противостоять, противоборствовать онимъ (всѣмъ либеральнымъ, по просту: благодѣтельнымъ, преобразованіямъ)»!

Не подумайте, что это говорится въ какой-нибудь «Домашней Бесѣдѣ»; нѣтъ, это напечатано въ политическомъ и литературномъ органѣ, издаваемомъ однимъ извѣстнымъ историкомъ и академикомъ.

Конечно, въ чорта — съ рогами и хвостомъ, нынѣ немногіе вѣрятъ, но здѣсь можно вѣдь разумѣть и вообще темную, враждебную силу. Что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не темныя силы, которыя мѣшаютъ свободному ходу «либеральныхъ, попросту, благодѣтельныхъ, преобразованій», которыя увѣряютъ и на тысячи ладовъ повторяютъ, что «нашъ народъ» изъ конца въ конецъ всего обширнаго русскаго царства сливается, распускается, развращается, и что единственное спасеніе государства въ становыхъ, исправникахъ, «березовой кашѣ» и въ томъ, что *надо совершенно забыть все, что сдѣлано въ послѣднія семь, восемь лѣтъ и начать все снова?*

Псковская корреспонденція увѣряетъ, что эта, послѣдняя, фраза была торжественно сказана въ одномъ официальномъ собраніи «представителей передоваго сословія Холмскаго уѣзда». «Они задумали всѣ свои мысли, сѣтованія и взгляды на положеніе дѣлъ изложить въ проектѣ всеподданнѣйшаго адреса. Все, что только можно было сказать гнуснаго (!?) о народѣ, все было сказано въ этомъ проектѣ, и всѣми этими гнусностями объяснялось бѣдственное положеніе крестьянъ, но, въ то же время, не указывалось никакихъ мѣръ къ отстраненію зла; ограничивалось только тенденціею, что все, молъ, произошло оттого, что поторопились и не такъ сдѣлали, какъ надо». Очень жаль, что корреспонденція не передаетъ проекта этого адреса буквально, и даже выписокъ изъ него не дѣлаетъ — большинствомъ двухъ голосовъ (кажется, 75 противъ 73), онъ былъ отвергнутъ, и потому въ печати вѣроятно не покажется—но что это за адресъ былъ, и что за мысли и желанія въ немъ высказывались, объ этомъ можно судить уже по тому, что онъ отвергнутъ — какъ говорятъ—только потому, что одинъ изъ членовъ собранія высказалъ опасеніе, какъ бы ихъ за этотъ адресъ... на смѣхъ не подняли, не стали бы на нихъ пальцами указывать. Какое малодушіе! Говорятъ, что одинъ извѣстный петербургскій публицистъ-

ораторъ нарочно самолично въ провинцію ѣздилъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ проведеніи этого проекта (онъ-то вѣроятно и редактировалъ его); въ предварительныхъ комитетахъ и коммисіяхъ публициста и оратора этого чуть не на рукахъ носили, на предварительныхъ обѣдахъ и ужинахъ его чуть не закармливали и не завоили — шампанское лилось-де рѣкой и пробки, летѣвшія въ потолокъ, казалось, возвѣщали уже побѣду; въ самомъ собраніи, когда настала рѣшительная минута побѣдить или умереть за гибнущее, срывающееся, распускающееся и развращающееся отечество, петербургскій ораторъ-публицистъ не пожалѣлъ своей груди и дѣлалъ два часа развивалъ, уяснял, поддерживалъ и защищалъ проектъ; онъ то воспламенялъ своихъ слушателей, то утѣшалъ ихъ, то умолялъ, то упрекалъ, общалъ имъ, рисовалъ... словомъ, я ужъ и не знаю, чего только онъ не говорилъ въ своей двухчасовой рѣчи! Слушатели были увлечены, поражены, умилены. И вдругъ такой афронтъ — господа, вѣдь насъ на смѣхъ поднимутъ! Воображаю, какая буря должна подняться въ отвѣтъ на это замѣчаніе! Поднимутъ на смѣхъ?!... Кто?... Какъ? Да пусть-ка только посмѣются! Да мы... да знаете ли вы... да знаютъ ли они... Однако, трусливый гоноръ все-таки всталъ свое, и на этотъ разъ гоноръ этотъ, какъ видится, пригодился.

Печатная корреспонденція продолжаетъ: «Вся эта плантаторская дичь, весь этотъ наипыль крѣпостной закваски не заслуживали бы въ другое время никакого вниманія, но теперь нельзя не прислушиваться къ этимъ воплямъ, нельзя отвѣчать на нихъ однимъ лишь презрительнымъ молчаніемъ — нельзя уже потому, что всѣ эти господа мало встрѣчаютъ отпору въ современныхъ мировыхъ дѣятеляхъ (что это такое? Ужъ не «къ мировому» ли ихъ?!). Маршала хулу на все великое, чѣмъ, по справедливости, каждый изъ русскихъ долженъ гордиться, здѣшніе поклонники «Вѣсти» говорятъ все громче и громче, смѣлѣе и смѣлѣе; имъ вторятъ и представители администраціи второй и третьей руки. Богъ знаетъ почему, но эти послѣдніе воображали, что настаетъ другая пора, пора движенія *есмять*, и что имъ слѣдуетъ руководить этимъ движеніемъ, дабы удостоиться наибольшаго щедроты и милостей; они тоже увѣряютъ, что весь корень настоящаго бѣдственнаго положенія народа лежитъ въ немъ самомъ и въ послѣднихъ реформахъ...» и т. д.

Если все это дѣйствительно такъ, то вотъ вамъ и темныя враждебныя силы, противодѣйствующія «либеральнымъ, по просту, благотѣльнымъ преобразованіямъ». Народъ, конечно, ничего не знаетъ объ этихъ ухищреніяхъ; онъ не видитъ и не слышитъ этой подземной работы; онъ ощущаетъ на своихъ плечахъ только послѣдствія ея и недоумѣваетъ, откуда это приходится на него разныя напасти! Такъ, Божіе наказанье, или, врагъ рода человѣческаго путаетъ!

Неугодно ли полюбоваться на одно изъ проявленій этой темной силы — одно изъ самыхъ мелочныхъ и, повидному,

совершенно ничтожныхъ. Не отсюда вы можете получить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ и отчего знаешь народъ съвѣстася и бѣднѣеть» — помню своей воли. «Въ Рязанской губерніи (а по всей вѣроятности, и не въ одной только Рязанской) страховой платежъ увеличивается, когда строенія расположены вблизи кабаковъ, потому что кабаки представляютъ собою большую опасность отъ огня... А селенія временно-обязанныхъ крестьянъ болѣею частію расположены такъ: стоятъ дворовъ пять-шесть крестьянскихъ, возлѣ нихъ усадьба землевладѣльца, далѣе опять дворовъ пять крестьянскихъ и опять усадьба землевладѣльца, и такъ далѣе; а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ усадьбы землевладѣльцевъ расположены и въ ближайшемъ разстояніи, двора черезъ три крестьянскихъ, черезъ два. На этихъ усадьбахъ землевладѣльцы строятъ кабаки возлѣ самихъ избъ крестьянскихъ, и строятъ обыкновенно безъ согласія ихъ, даже вопреки ихъ согласію. Многіе землевладѣльцы строятъ обыкновенно дома свои въ возможно дальнемъ разстояніи отъ крестьянскихъ строеній, углубляютъ ихъ внутрь своихъ усадебъ, а кабаки стараются приблизить къ самой слободѣ крестьянской, строятъ ихъ въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ крестьянскихъ избъ. Это дѣлается землевладѣльцами ради того, во-первыхъ, чтобы отдалить отъ себя опаснаго сосѣда — питейное заведеніе; во-вторыхъ, ради того, что кабаки, отдаленные отъ жилыхъ крестьянскихъ строеній, неохотно арендуются цаловальниками. Отъ такого мѣсторасположенія кабаковъ что же, однако, выводитъ? Землевладѣльцы-строители кабаковъ, получающіе значительную пользу отъ нихъ, получающіе за простую избу съ сѣнами, отданную въ аренду подъ кабакъ, отъ 100 до 200 и 300 руб. серебромъ, не платятъ увеличенныхъ страховыхъ процентовъ за страхованіе своихъ домовъ, потому что они отдалены отъ кабаковъ болѣе, чѣмъ на 80 сажень, а сосѣди-крестьяне, не виноватые въ постройкѣ кабаковъ, подвергающіеся многія несправедливости отъ сосѣдства съ ними, находятъ еще вынужденными платить по ихъ милости увеличенные страховые проценты».

Здѣсь усовѣщиваніемъ и стыдомъ ничего не подѣлаешь, потому что эти господа землевладѣльцы могутъ сослаться на свое право свободнаго распоряженія принадлежащею имъ землею; здѣсь нужно что-нибудь въ родѣ положительнаго запрещенія имъ злоупотреблять своимъ правомъ.

Или вотъ проявленіе той же самой темной, враждебной силы, нѣсколько въ другой формѣ. Одинъ землевладѣлецъ, кажется, крупный, пишетъ: «Въ прежнее время законъ запрещалъ безъ согласія помѣщика, на извѣстномъ разстояніи отъ его селенія, заводить кабаки. Дѣдъ мой, отецъ и я никогда не позволяли въ имѣніяхъ нашихъ учреждать виноторговлю и кабаки; закономъ определенное разстояніе сдерживало нашихъ сосѣдей и ограж-

дало крестьянъ ииѣннй нашихъ отъ пьянства, ибо въ кабакъ, на нѣсколько верстъ отдаленный, всякій ѣхалъ только для покупки вина, а не для пьянства, развѣ случайно попадалъ туда пьяница. Всегда предлагали намъ большія деньги за право торговать виномъ въ нашихъ ииѣннйхъ, но такимъ гибельнымъ доходомъ мы никогда не хотѣли пользоваться... (Теперь же) мои любезные сосѣди, въ томъ числѣ люди даже весьма богатые (это даже здѣсь вовсе не у мѣста), поставили кабаки на всѣхъ границахъ моихъ ииѣннй, собственно тамъ, гдѣ, по несчастію, поселенія стоятъ, на этихъ границахъ, даже въ чистомъ волѣ, и совершенно спонли крестьянъ этихъ ииѣннй, такъ что нетолыко крестьяне, но и бабы, дѣвки, мальчишки несутъ въ кабаки уже не деньги, а все, что только попадетъ подъ руку, холстъ, куртку, овцу, хлѣбъ печеный, сарафанъ, кафтанъ, и все это проливается за самую ничтожную цѣну».

Здѣсь важно не увеличеніе числа кабаковъ, а это навязываніе ихъ мужикамъ, и затѣмъ эти сѣтованія и сокрушенія о томъ, что мужики спиваются, что они не умѣютъ пользоваться дарованною имъ свободою. Если вамъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ жалъ мужиковъ, и если вы дѣйствительно не можете, безъ боли въ сердцѣ, видѣть, какъ они спиваются, такъ закройте свои «гибельные» источники дохода и убѣдите, усовѣстите другихъ сдѣлать то же самое.

Но не безпокойтесь и не сокрушайтесь о народѣ, что онъ, будто бы, спивается, а скоро и совсѣмъ сопьется и погибнетъ. Еслибы онъ и дѣйствительно спивался, то дешевизна водки и увеличеніе числа кабаковъ здѣсь не при чемъ, потому что на-вѣрно, что, напримѣръ, въ Германіи кабаковъ и пивныхъ лавокъ безчисленное множество, и тамъ пьютъ и пиво и вино всѣ, начиная съ отцовъ и матерей, и ованчивая ихъ десяти, семилѣтними дѣтьми, а пьянства тамъ нѣтъ. Стало бытъ, причина пьянства не въ кабакахъ, не въ дешевизнѣ напитковъ и — не въ свободѣ отъ вѣрностной зависимости, а въ чемъ-нибудь другомъ.

Что у насъ многіе не умѣютъ пить благоразумно, пить и не напиваться и не пропиваться, это извѣстно всакому, но чтобы пьянство увеличилось, чтобы нашъ народъ все болѣе и болѣе спивался, этому можно и не вѣрять. Недавно, одна газета посвятила нѣсколько передовыхъ статей разработкѣ вопроса объ акцизной системѣ. Относительно народнаго пьянства она доказывала и доказываетъ въ сущности то же самое, что и оиные исконскіе представители передоваго сословія; но въ то же время, она цифрами доказываетъ, что «число кабаковъ въ великороссійскихъ губерніяхъ болѣе чѣмъ упатерилось; а между тѣмъ, и до сихъ поръ количество выпиваемаго вина въ Россіи незначительно. И въ Польшѣ и въ Англіи его выпивается вдвое, а между тѣмъ, тамъ пьянства несравненно меньше. (Какъ же это такъ — нашъ народъ не пьетъ, а пьянствуетъ, то-есть, постоянно

и по многу нѣтъ, и все-таки потребляеть вина вдвое меньше, чѣмъ англичане и жители Польши! Что-то странно)... Акцизный и патентный сборъ 1866 г. упалъ противъ 1863 года на 832,250 руб., а противъ среднего дохода трехъ предыдущихъ годовъ на 4.772,392 руб.» Между тѣмъ, «питейный доходъ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и усиленія народной дѣятельности, долженъ возвышаться. Нельзя отвергать, что въ Россіи, въ теченіе 1863—1866 годовъ и жителей прибавилось, и работы усилились. Слѣдовательно, питейный доходъ долженъ бы прибавиться». А онъ не прибавился, слѣдовательно... Слѣдовательно, «одно обѣднѣніе народа препятствовало этому возвышенію... Народъ пропилъ, если не все, то весьма много изъ своихъ прежнихъ достатковъ»!...

Пропилъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, *теперь* пропиваетъ онъ меньше, слѣдовательно, меньше пьянствуетъ. Такъ и имѣйте это себѣ, и перестаньте, намѣренно и ненамѣренно, лгавать на народъ.

Но я уже слишкомъ долго остановился на этой случайной темѣ о такомъ низкомъ предметѣ! Мнѣ особенно совѣстно предъ женщинами читательницами, и потому я, чтобы загладить свою вину предъ ними, займусь нѣсколько женскимъ вопросомъ.

Для разрѣшенія или разработки, уясненія женскаго вопроса у насъ существуетъ специальный женскій журналъ; но онъ своею специалностію почему-то плохо занимается; впрочемъ, онъ и вообще «плохо занимается!» Я посоветовалъ бы ему хоть перепечатывать тѣ судебные процессы и газетныя извѣстія, въ которыхъ болѣе или менѣе затрогивается его специалность. Для этого вѣдь не требуется ровно никакого труда и таланта, и почти никакихъ матеріальныхъ пожертвованій—кромя расходовъ на бумагу и печать. Перепечатываніемъ такого рода процессовъ и извѣстій можно бы наполнить всѣ 12 книжекъ; если не брать русскаго матеріала, то можно позаимствоваться иностраннѣмъ, даже, пожалуй, и не переводя его на русскій языкъ. Польза отъ этого была бы несомнѣнная. Мы лучше узнали бы тогда общественное и семейное положеніе женщины, ея права и обязанности, какъ юридическія, такъ и практическія, ея отношенія къ мужу, къ дѣтямъ, къ родителямъ и родинѣмъ, узнали бы, какъ она, въ разныхъ слояхъ общества, воспитывается, выходитъ замужъ, живетъ вдовой, дѣвницей, воспитываетъ и учитъ дѣтей, получаетъ наслѣдство, преслѣдуется мужчинами и сама преслѣдуетъ ихъ (?), что она думаетъ, чувствуетъ, къ чему стремится и проч. проч. Все это изъ массы женскихъ процессовъ, производящихся въ нашихъ и иностранныхъ судахъ, можно бы узнать обстоятельно—гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ мы узнаемъ это теперь изъ романовъ, нѣкоторыхъ этюдовъ о женщинахъ, часто невѣрныхъ устныхъ разсказовъ и сплетенъ и маленькаго личнаго опыта каждаго изъ насъ. Читателей для литературы этого рода нашлось бы множество. Послѣдуйте-ка моему совѣту!

А покуда «Женскій Вѣстникъ» даже и процессовъ не перепечатываетъ, я укажу на нѣкоторые изъ нихъ.

Самый послѣдній процессъ этого рода былъ недавно въ Петербургѣ — одна деревенская баба вышла отъ живаго мужа за другаго. — Ого! Да какая же она должна быть разбитная баба, или гораздо хуже — Мессалина или Клеопатра! Вѣдь на это даже и женщины высшаго сословія рѣдко посягаютъ. На это нужны капиталы и протекціи, да и характеръ долженъ быть недюжинный. — Но исторія съ бабой оказывается очень простою, до того простою, что ее по справедливости называютъ даже жалкою. Бѣдная женщина сдѣлалась двоюмужицей только потому, что съ мужемъ переписки не вела, а не вела ее, конечно, потому, что оба они безграмотны. Жена жила въ Кронштадтѣ, а мужъ гдѣ-то въ Новгородской губерніи. Какой-то кумь, вѣроятно, желая подшутить надъ своей кумой, написалъ ей письмо, съ извѣстіемъ, что мужъ ее померъ, — и доставилъ ей фальшивый паспортъ на имя вдовы. Баба погоревала, погоревала по мужѣ, да и вышла въ Кронштадтѣ за другаго. Вотъ и вся исторія. Судъ оправдалъ женщину — въ добавокъ еще почти старуху, и только отдалъ ее на церковное покаяніе. — Если угодно, можете пожалуй призадуматься надъ тѣмъ, отчего это она жила съ мужемъ врозь, — онъ въ деревнѣ, а она за нѣсколько верстъ въ работникахъ, и отчего это, узнавши о смерти мужа, она не поспѣшила не только на его похороны, но даже и вступить во владѣніе его или ихъ общимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ? Неужели наслѣдство это не стоило даже и проѣзда?

Оставляю эти вопросы открытыми и перехожу къ другимъ процессамъ.

Такихъ процессовъ, гдѣ бы жаловались мужья или вообще мужчины и гдѣ бы страдали, были угнетены и обижаемы они, а не женщины, что-то вовсе нѣтъ, напротивъ, вездѣ героями являются женщины. (Вотъ еще предметъ для размышленія: отчего это?). Если женщины и совершали преступленія и являлись обвиняемыми, то побудительною причиною для этихъ преступленій были мужчины же.

Жена одного чиновника (въ Житомирѣ) подошла домъ, въ которомъ она вмѣстѣ съ мужемъ квартировала, — для того, чтобы ее хоть въ тюрьму посадили, но избавили бы отъ мужа, который ее жестоко бьетъ и притѣсняетъ; другаго средства къ тому, чтобы разойтись съ мужемъ, избавиться отъ него — она не видѣла.

Жена другаго мужа (крестьянка Рязанской губерніи) сдѣлала хуже: она, чтобы избавиться отъ жестокаго обращенія съ нею мужа, новѣсилась-было.

Третій случай, — вслѣдствіе такихъ же точно побужденій, жена (тоже крестьянка Владимірской губерніи) убѣжала отъ мужа въ другое село. «Мужъ, по собственному признанію его, догнавъ ее въ этомъ селѣ, привязалъ къ колесамъ телеги и въ этомъ видѣ влячилъ цѣлую станцію до своего села, въ которое триум-

фально въѣхалъ среди народа... Когда въ судѣ спросили его: какое право онъ имѣлъ такъ поступать съ своею женою, то онъ отвѣтилъ, что онъ мужъ и властенъ надъ своею женою дѣлать, что угодно... Однажды онъ привязалъ свою жену, по ея словамъ, вверхъ ногами къ дугѣ, отрѣзалъ ей носу и привязывалъ къ лошадиному хвосту, отъ каковыхъ истязаній несчастная, наконецъ, убѣжала изъ дому и восемь лѣтъ скиталась по губерніи, прося подаванія... Она только тогда возвратилась въ свое село, когда мужъ ея былъ преданъ суду за другое преступленіе.

Четвертый случай, — одинъ петербургскій лакей билъ свою жену, не смотря на ея беременность, и грозилъ лишить ее жизни за то, что она не давала ему денегъ и не соглашалась идти зарабатывать деньги на Невскомъ.

Конечно, здѣсь дѣйствующими лицами являются люди низшаго сословія, люди необразованные; но здѣсь дѣло не въ личностяхъ, а въ правахъ женщины, въ ея общественномъ положеніи, въ томъ, чѣмъ она защищена отъ подобнаго обращенія. Мужъ той женщины, которая, чтобы избавиться отъ жестокаго обращенія съ нею мужа, рѣшилась было на самоубійство, — посаженъ на четыре мѣсяца въ тюрьму, съ преданіемъ церковному покаянію, да и то еще — «по усмотрѣнію духовнаго начальства». Мужъ той женщины, которая восемь лѣтъ скрывалась отъ мужа, приговоренъ тоже только къ четырехмѣсячному заключенію. Даже приговоренъ къ болѣе продолжительному заключенію — на 3½ года. Но чтѣ же будетъ со всѣми этими несчастными женщинами, когда ихъ мужья опять выйдутъ на волю? «Я боюсь съ нимъ жить, говорила на судѣ жена лакея; онъ когданибудь убьетъ меня; если до сихъ поръ этого не сдѣлалъ, то одинъ Богъ хранитъ». Но она все-таки останется его женою и должна будетъ съ нимъ жить, если онъ этого захочетъ! «Я для того женился, говорилъ мужъ, чтобы жить съ нею, а не для того, чтобы отдать какомунибудь другому мужу; она если шла за меня, такъ должна была знать, за кого она идетъ, и если теперь нашла другаго мужа, такъ ужъ поздно».

Неужели же нельзя допустить что-нибудь рѣшительное даже и въ такихъ исключительныхъ случаяхъ?

Нѣтъ! Защитникъ этого подсудимаго (ходатай по дѣламъ г. Звенигородскій), человѣкъ, стоящій по своему образованію и общественному положенію, конечно, уже выше крестьянской среды и крестьянскихъ понятій, — говорилъ: «Семейныя дѣла всего труднѣе рѣшаются; въ эти дѣла не слѣдуетъ вмѣшиваться постороннимъ. Кому не случалось въ своемъ семействѣ имѣть переговоры? Но если не вмѣшиваются постороннія лица, то не бываетъ такихъ неудовольствій, какъ въ настоящемъ дѣлѣ; если бы и въ настоящемъ дѣлѣ не вмѣшался (свидѣтель), то все кончилось бы пустыми переговорами, потому что никто не видѣлъ бы драки, никто не видѣлъ бы побоевъ» (11). Защитникъ мужа той женщины, которая хотѣла повѣситься, говорилъ: «Если бы при»

помните, гг. присяжные, мнѣніе того общества, въ которомъ вырощъ и живетъ подсудимый, взглядъ этого общества на отношенія мужа къ женѣ, вы ни мало не удивитесь, что при такихъ условіяхъ (подсудимый) побилъ свою жену, и въ васъ не пробудится ни малѣйшаго чувства негодованія къ поступку подеудимаго. Вы слышали здѣсь, какъ одна свидѣтельница отовзалась на этотъ счетъ: она сказала, что мужъ ее бьетъ нерѣдко, и это такъ въ ея глазахъ обыкновенно, что она даже засмѣялась, когда я сталъ спрашивать, какое это производитъ впечатлѣніе. Я зналъ (да знали ли, — не вычитали-ли изъ одной старинной книги?) одну крестьянку, которая даже жаловалась на то, что мужъ въ два года ни разу не побилъ ея: она приписывала это тому, что мужъ ее не любитъ.

Неужели такія же идеи проповѣдывалъ въ своей защитительной рѣчи и третій адвокатъ? Неизвѣстно; но не было бы ничего удивительнаго, еслибы и онъ сказалъ что нибудь въ этомъ же родѣ или даже хуже того. Вѣдь взглядъ на человѣческія права вообще и на женскія въ частности и у многихъ, такъ-называемыхъ, образованныхъ людей не очень отличается или даже нисколько не отличается отъ понятій и взглядовъ этого лакея и этихъ мужиковъ. Припомните двѣ, относительно говора, недавнія исторіи этого рода въ Ярославлѣ и въ Θεодосіи. Въ Ярославлѣ членъ-распорядитель клуба — неизвѣстно, какой степени образованности, но уже конечно не лакея и не мужика — выводить двухъ дамъ изъ клуба, вѣроятно принадлежавшихъ къ другому сословію, потому что *клубъ имѣетъ чисто семейный характеръ*. Въ Θεодосіи дочь небогатаго чиновника выводить (конечно, не по личной инициативѣ сторожа) даже съ городскаго бульвара за то, что она была въ короткомъ платьѣ!

Дальнѣйшихъ и новѣйшихъ примѣровъ оскорбленія женщинъ и выведенія ихъ изъ общественныхъ мѣстъ, надобно будетъ ждать въ Петербургѣ. Куницы, торгующіе въ пассажѣ, «предприняли наконецъ рѣшительную мѣру противъ кокотокъ нисшаго (II) разряда. Они сговорились подать просьбу объ усиленіи полицейскаго надзора въ пассажѣ, предложивъ жертвовать на это ежегодно 2,400 р. Въ пассажѣ будетъ постоянно дежурить полицейскій чиновникъ и надзирать за поведеніемъ гуляющихъ тамъ женщинъ. Дежурные чиновники будутъ имѣть въ немъ помѣщеніе бесплатно и даже половина суммы на ихъ содержаніе ассигнована купцами». (Вотъ и новая должность, а чиновники все жалуются, что ихъ въ заштатъ увольняютъ!) Конечно, у полицейскихъ глаза бойкіе, наметанные, но все же и они смертные и могутъ иной разъ смѣшать кокотку нисшаго разряда съ кокоткой разряда вышшаго и даже съ обыкновенной женщиной и наоборотъ. Таковъ случай вѣдь былъ уже въ пассажѣ, и смотри-тель его, кажется, имѣлъ изъ-за этого исторію у мирового судьи.

Относительно кокотокъ я могъ бы сообщить интересныя свѣдѣнія изъ одного новаго, говорить, почти совсѣмъ уже гото-

ваго, проекта—противъ нихъ; но я подожду, пока проектъ этотъ будетъ опубликованъ. Довольно сказать, что петербургскихъ в-котокъ хотять искоренить, съ лица земли стереть, и для этого: отвести имъ одинъ или два квартала въ городѣ и возвысить налогъ на нихъ (а онѣ возвысятъ свой налогъ!); не въ указан-ныхъ мѣстахъ ихъ будутъ, во всякое время дня и ночи, ловить и требовать отъ нихъ ярлыкъ на право торговли! Какъ должны онѣ носить этотъ ярлыкъ—въ карманѣ или на поясѣ, на груди, на лбу—это пока еще неизвѣстно.

Впрочемъ, пусть в-котки и ихъ друзья много не сокрушались и не приходять въ отчаяніе. Проектъ этотъ не представляеть вѣдь собою ничего особенно новаго. Лѣтъ 25 или 30 тому назадъ, на кокотокъ было воздвигнуто точно такое же или даже, можетъ быть, болѣе ужасное гоненіе. Ихъ тогда рѣшительно всѣхъ переписали и взяли подъ строжайшій надзоръ полиціи и докторовъ; не были уважаемы ни красота, ни молодость, не падались и послѣдніе остатки женской стыдливости; не дѣлали различія низшихъ кокотокъ отъ высшихъ и чуть ли даже не самыхъ высшихъ,—всѣ попали въ позорные списки и,—нѣтъ вамъ рассказывать одинъ докторъ, самъ дѣятель того времени,—дорого должны были расплачиваться! Однако вотъ, какъ видите, все пришло опять въ свой прежній порядокъ.

Я вовсе не думаю набрасывать этимъ тѣнь на современную полицію и современныхъ докторовъ, но дѣло въ томъ, что это не дѣло полиціи улучшать общественные нравы. Она можетъ смотрѣть за наружною исправностію города, отыскивать и ловить мазуриковъ, защищать на Невскомъ проспектѣ и въ пассажѣ женщинъ отъ оскорбленій и т. д., но предотвратить размноженіе кокотокъ и доставить имъ возможность добывать средства жизни честнымъ образомъ—это, мнѣ кажется, превышаетъ ея средства.

На настоящій разъ о женскомъ вопросѣ довольно.

Въ томъ же самомъ проектѣ противъ кокотокъ затрогивается, говорятъ, и вопросъ о паспортахъ. Вотъ это другое дѣло, это одно изъ специальностей полиціи, и ей всего прежде и всего необходимѣе заняться разсмотрѣніемъ того вопроса—конечно, въ смыслѣ облегченія этихъ путей, лежащихъ не только на податномъ, но и на другихъ сословіяхъ. Несмотря на всѣ измѣненія и, будто бы, улучшенія, сдѣланныя въ послѣднее время въ петербургской паспортной и билетной системѣ, въ ней все еще остается столько сложностей, что се трудно досконально понять не только деревенскому мужику или деревенской бабѣ, которыхъ она всего болѣе и чаще касается, но и людямъ, гораздо болѣе ихъ привыкшимъ къ различнымъ complicationамъ. Скажите, напримѣръ, петербургскій читатель,—сколько митарствъ долженъ пройти паспортъ вашей кухарки или горничной, только что приѣхавшей изъ деревни, прежде, чѣмъ онъ придетъ въ совершенный порядокъ? Кухарка или

горничная должна отдать свой «паспортъ» вамъ; вы, не позже трехъ дней, должны передать его дворнику; дворникъ отнесетъ его въ полицейскій участокъ и получить въ замѣнъ его «контрамарку», контрамарку онъ отдастъ вамъ, вы отдадите ее кухаркѣ; кухарка, черезъ 12 дней, должна идти съ нею въ адресную экспедицію (если она придетъ въ экспедицію днемъ, двумя раньше, то ничего не получить; если же придетъ нѣсколькими днями позже, кажется 2 недѣлями, съ нея штрафъ возьмутъ). Нужно замѣтить еще, что адресная экспедиція въ городѣ только одна, слѣдовательно, можетъ быть, на разстояніи 2—3—5 верстъ отъ вашей квартиры). Въ экспедиціи, въ обмѣнъ на контрамарку, дадутъ «билетъ» и возьмутъ за него деньги. Билетъ надобно будетъ отдать дворнику; дворникъ отнесетъ его въ участокъ; въ участкѣ положить на него «марку» и возьмутъ за нее деньги; отъ дворника билетъ возвратится, наконецъ, къ вамъ и вы должны его не только беречь пуще своего глаза, но и помнить, когда ему срокъ выйдетъ, иначе—штрафъ, за каждый просроченный день! Я пропустилъ еще «адресные листки». Это печатные бланки, куда вписывается весь паспортъ или билетъ въ сокращенномъ видѣ. Каждое живущее въ Петербургѣ лицо должно быть записано на двухъ такихъ бланкахъ; бланки мѣняются при каждой перемѣнѣ квартиры.

Есть ли какая возможность, для обыкновеннаго смертнаго, понять и объяснить себѣ цѣль и назначеніе всѣхъ этихъ марокъ, контрамарокъ, адресныхъ билетовъ, адресныхъ листовъ и всѣхъ этихъ странствованій изъ одной инстанціи въ другую?... Когда ваша прислуга отходитъ отъ васъ или приближается срокъ ея паспорта, или же паспортъ по чему бы то ни было просрочивается, то возникаютъ новыя complicации и новыя хлопоты. Особенно не дай Богъ просрочить паспортъ! За это можно даже въ тюрьмѣ насидѣться,—какъ объ этомъ можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, и слѣдующій случай у мирового судьи.

Къ судейскому столу подходитъ высокий, худой человекъ съ изнуреннымъ лицомъ.

Судья. Когда васъ арестовали?

Арестантъ. Шесть недѣль тому назадъ.

«На вопросы судьи, арестантъ отвѣчаетъ, что его зовутъ Карлъ Ганъ, онъ ганноверскій подданный, 24 года въ Россіи, играетъ по дворамъ на трубѣ и контръ-басѣ. Онъ говоритъ слѣдующее: Я обращался въ контору паспортовъ, что на Исакиевской площади, и просилъ отсрочку, но мнѣ говорили, что нужны деньги; я принесъ деньги, но мнѣ сказали, что я мало принесъ и приказали достать свидѣтельство о бѣдности. Паспортъ мой былъ просроченъ тремя мѣсяцами. Я тогда отправился въ полицію. Какъ только я туда пришелъ и показалъ паспортъ, тотчасъ написали кагуу-то бумагу, а меня отправили въ часть подъ арестъ. Тамъ я пробылъ 4 дня и заболѣлъ (*малечтъ*). Меня отправили въ тюрьму въ лазаретъ на Выборгской сторонѣ, гдѣ

я лежалъ мѣсяцъ. Потому, когда я еще былъ очень слабъ, меня послали обратно въ часть, заставивъ пройти нѣсколько верстъ пѣшкомъ съ солдатами.—Въ части я просидѣлъ еще нѣсколько дней.

«Отпустите меня, г. судья, я уѣзжаю, что посольство мнѣ сейчасъ выдастъ новый паспортъ и, вѣроятно, поможетъ деньгами...

«Судья опредѣлялъ: сдать Гану за прожительство съ просроченнымъ видомъ вышеступленіе и освободить его немедленно изъ-подъ стражи».

И это ядъ не единственный случай, опубликованный въ газетахъ.

Поэтому, нельзя бы не порадоваться тому, что вышеупомянутый проектъ затрогиваетъ этотъ вопросъ. Но, увы! онъ, какъ говорятъ, затрогиваетъ его съ одной только денежной стороны, и притомъ вовсе не въ смыслѣ уменьшенія расходовъ, а напротивъ, желаетъ увеличить ихъ—для того, чтобы, на счетъ этихъ поборовъ, увеличить содержаніе полицейскихъ и медицинскихъ чиновъ; а увеличить ихъ содержаніе нужно для того, чтобы они лучше смотрѣли за... за коготками низшихъ разрядовъ, потому что вѣкотки низшихъ разрядовъ распространяютъ въ рабочемъ народѣ заразительныя болѣзни!

А если заразительныя болѣзни будутъ распространяться и при увеличенномъ содержаніи полицейскихъ и медицинскихъ чиновъ? И чѣмъ виноваты тѣ мужики, которые съ коготками вовсе не знаются? Вѣдь вотъ на больницѣ чернорабочихъ всѣ дѣлаютъ взносы, при полученіи билета адресной экспедиціи, а между тѣмъ «въ минувшемъ январѣ встрѣчались дни, когда спиритная больничная контора принуждена была отказывать больнымъ (даже до 58-ми человѣкъ) въ больничномъ пріютѣ, за рѣшительнымъ отсутствіемъ свободныхъ кроватей по всей столицѣ. И самая адресная экспедиція, если я не ошибаюсь, для того только существуетъ или учреждена была, чтобы наблюдать за состояніемъ здоровья являющихся въ ней, но заразительныя болѣзни все-таки распространялись и распространяются.

Считаю нужнымъ оговориться, что передавая эти свѣдѣнія о новомъ проектѣ относительно, такъ-называемыхъ, коготковъ и паспортнаго налога, я не ручаюсь за вѣрность ихъ. Если проектъ этотъ, въ окончательной своей формѣ, окажется другимъ—тѣмъ лучше!

Въ то время, какъ Петербургъ не знаетъ, что дѣлать съ своими коготками всѣхъ возможныхъ разрядовъ, у матушки Москвы другая забота. Я не знаю, безпокоятъ ли ее коготки и много ли ихъ тамъ,—судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно полагать, что ихъ и тамъ не мало, особенно самаго низшаго разряда; но самый настоятельный вопросъ для въ Москвѣ не объ нихъ, а о собакахъ! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ собаки не давали покоя жителямъ Одессы, теперь онѣ не даютъ покоя москвитинамъ; и тамъ и здѣсь однѣ и тѣ же жалобы на нихъ, и однѣ и тѣ же защитительныя рѣчи въ пользу ихъ, однѣ и тѣ же бѣды отъ

нихъ и однѣ и тѣ же заслуги ихъ! Съ одной стороны, «отъ нихъ нѣтъ нигдѣ прохода, онѣ сбиваютъ на улицахъ дѣтей, рвутъ на нихъ одежду, кусаютъ. Онѣ бѣгаютъ большими стадами даже въ самый Кремль, за заставами у боенъ отъ нихъ нѣтъ никакого спасенія»; съ другой — «собака въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, на которые указываетъ коммиссія (московской) думи, есть предметъ роскоши. Дома въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ построены не по-московски: тамъ дворовъ нѣтъ, слѣдовательно, не для чего имъ держать и дворныхъ собакъ. А у насъ (то-есть, въ Москвѣ) въ какомъ-нибудь Лефортовѣ, Суцовѣ или Красномъ-Селѣ, собака есть животное первой необходимости: бѣдный обыватель этихъ захолаустьевъ спитъ спокойно, потому что его вѣрная собака бодрствуетъ. Это лучший его сторожъ, первая инстанція полиціи».

То же самое говорилось въ свое время и объ одесскихъ собакахъ, то же самое будетъ, конечно, говорить и о собакахъ всѣхъ другихъ руссахъ городовъ, когда и тамъ воздвигнутъ гоненіе на нихъ.

Не знаю, какъ покончили съ своими собаками одесскіе жители—важется, отравляли ихъ стрихниномъ; а въ Москвѣ истреблять собакъ не хотять: пусть, говорятъ, бѣгаютъ онѣ свободно и наслаждаются неоцѣненнымъ даромъ всего живущаго — жизнью, пусть даже онѣ иногда поугають и покусаютъ людей, но, поелику онѣ живутъ въ благоустроенномъ и даже столичномъ городѣ, онѣ должны обзавестись паспортами; а такъ-какъ за паспорта и прописку ихъ платятся, обыкновенно, деньги, то и собаки, то-есть, хозяева ихъ, должны вносить въ городскую казну опредѣленную подать.

Газета, возстающая противъ этой подати, замѣчаетъ: «понадобится еще учредить должность собачьяго надзирателя, назначить ему жалованье и опредѣлить суммы на разѣзды по городу» (здѣсь слѣдовало бы сдѣлать ссылку на исторію — «Королевства Рогозѣвъ»!).

Конечно, эта подать за собакъ поведетъ къ тому, что многія изъ нихъ тоже, какъ и въ Одессѣ, будутъ истреблены; останутся только собаки благовоспитанныя и такія, которыя составляютъ «первую инстанцію полиціи»; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же за этихъ послѣднихъ платить подать? Вѣдь за то, что имѣютъ полицію, податей не платятъ, платятъ подать только на содержаніе полиціи. Если собаки въ Москвѣ дѣйствительно необходимы, то не достаточно ли только истребить бродячихъ собакъ и назначить штрафъ за тѣхъ, которыя препятствуютъ свободному проходу по улицамъ?

Пустынный Двѣичаго-Пола! Хотя вы и пустили въ ходъ чорта, какъ причину развращенія, распущенія и обдѣянія русскаго народа, но, по вопросу о налогѣ за собакъ, а почтительнѣйше протягиваю вамъ руку!

Что касается до дѣйствительной, настоящей московской по-
Т. СЛХХVII. — Огл. II.

лицѣи, то москвичи не могутъ на нее пожаловаться — рѣшъ только за исключеніемъ тѣхъ, для спокойствія и безопасности которыхъ будто бы необходимы собаки, — московская полиція очень дѣятельна и любитъ порядокъ, а въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ, даже ужъ слишкомъ. Кромѣ нѣсколькихъ презвнхъ исторій, въ доказательство этого можно привести еще слѣдующія три, — не новыя, но только недавно опубликованныя. «Въ домѣ крестьянина П. Н. лежала на смертномъ одрѣ мать его А. Ѳ., отпѣваемая, по обычаю старообрядческому, священникомъ поповщивскаго согласія В. М. Щеголевимъ въ присутствіи старообрядцевъ же, родственниковъ умершей и близкихъ знакомыхъ. Въ это время квартальный надзиратель, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ служителей, неожиданно явившись ко гробу покойницы, растолкавъ находившихся при гробѣ во время отпѣванія умершей родственниковъ и знакомыхъ, взылъ священника, одѣтаго въ ризу, за грудь возлѣ шеи и, не дозволивъ окончить обрядъ отпѣванія, «во всемъ облаченіи, и съ кадломъ въ рукахъ, повелъ его по улицѣ въ кварталъ... Улица наполнилась народомъ. Облаченный въ ризы и съ кадломъ въ рукахъ, пошъ предсталъ въ квартальной конторѣ предъ надзирателемъ для допросовъ».

Поступокъ надзирателя высшею властію не былъ одобренъ и надъ нимъ наряжено слѣдствіе; но мнѣ думается, что не мало найдется такихъ людей, которые примутъ сторону надзирателя, потому что онъ дѣйствовалъ, говорятъ, только изъ ревности не по разуму, и притомъ же — и это главное — вѣдь здѣсь пострадалъ *раскольничій* попъ! Еслибы это было лютеранское, магометанское или калмыцкое духовное лицо, тогда, вѣроятно, ни одному полицейскому чиновнику и въ голову не пришло бы арестовать его за отправленіе своихъ религиозныхъ обрядовъ.

Другая исторія. Во время пожара, мѣщанинъ Пѣтуховъ хотѣлъ войти въ свою квартиру, сосѣдную съ горѣвшимъ домомъ. Въ квартиру должна находиться, по его мнѣнію, его жена съ ребенкомъ. Но полиція его не пропускаетъ. Г. Пѣтуховъ настаиваетъ, грубитъ полицію, «возвышаетъ голосъ даже до крика». Когда прочая публика, по требованію полиціи, отходитъ назадъ, онъ одинъ остается впереди и порывается даже пройти сѣвозъ цѣль, составленную изъ полицейскихъ (словомъ, поступаетъ такъ, какъ поступилъ бы въ подобныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно, и не онъ одинъ). Побывавши въ нѣсколькихъ судахъ, дѣло это кончилось тѣмъ, чѣмъ, кажется, и должно бы было начаться: вина г. П., «какъ совершенная безъ намѣренія», въ вину ему не вѣнчалась.

Третья исторія еще интереснѣе, нарушеніе порядка и возстановленіе его публично, въ собраніи избраннѣйшаго общества — въ оперномъ театрѣ. Два студента университета и нѣсколько ихъ пріятелей усердно апплодируютъ пѣвицѣ «по окончаніи того мѣста оперы, въ которомъ (пѣвица эта) постоянно вызываетъ громкій и единодушный восторгъ публики»; въ ложу, занимаемую

этими молодыми людьми, входятъ (не низшая) полиція и—возстанавлиетъ тишину и порядокъ, т.-е, какъ объясняютъ подсудимые, объявляетъ молодымъ людямъ, что представленіе для нихъ кончилось, требуетъ отъ нихъ письменныхъ видовъ, въ отвѣтъ на немнѣвныя ихъ при себѣ, угрожаетъ студентамъ заключеніемъ въ университетъ, «г. П. не удостоиваетъ даже называть насъ какъ-нибудь вѣжливо, а просто кричитъ: вотъ этого бѣловураго взять, вотъ этого маленькаго и т. п.» и отводитъ ихъ въ частный домъ — для удостовѣренія въ званіи. Въ частномъ домѣ заарестованнымъ «объявили, что безъ частнаго пристава удостовѣрится въ личности нельзя. Они прождали нѣсколько часовъ. Наконецъ, пріѣхалъ частный приставъ. Послали спросить его распоряженій, и онъ прислалъ отвѣтъ: «посадить въ кутузку!» Сначала никто даже и не повѣрилъ этому—послали переспросить, и получили тотъ же отвѣтъ. Ихъ посадили въ кутузку, продержали тамъ цѣлую ночь и на другое утро, вмѣстѣ съ прочими арестантами, вызвали въ канцелярію частнаго дома и оттуда отправили съ солдатами по своимъ кварталамъ, для удостовѣренія въ ихъ личности»... За все это—судъ призналъ ихъ, то-есть, студентовъ и ихъ пріятелей, виновными и подвергъ личному наказанію. А блюстители общественнаго порядка... По прежнему наблюдаютъ за порядкомъ и, какъ надѣется газета, возстающая противъ налога на собакъ, авось, вступятся за собакъ, какъ необходимыхъ для бѣдныхъ обывателей московскихъ захолустьевъ*.

Повторяю, всѣ эти исторіи не самаго новѣйшаго времени, и можетъ быть теперь дѣла идутъ въ Москвѣ совсѣмъ иначе, но все же становится страшно и за нашихъ (нѣкоторыхъ) любителей французскаго театра...

Послѣ вопроса о собакахъ, Москва—должно быть собственно та половина ея, которая не имѣетъ особенной нужды въ собачьей стражѣ—занята въ настоящее время, взволнована, приведена въ изумленіе и недоумѣніе, возмущена—таинственной исторіею съ нѣкимъ блаженнымъ старцемъ (?), пустынноикомъ! Пустынникъ этотъ жилъ въ дѣсу, близъ Сергіевскаго Посада; онъ устроилъ тамъ церковь, подземныя пещеры и собралъ цѣлую общину такихъ же отшельниковъ. Онъ обращалъ на себя общее вниманіе своею оригинальностью: раздавалъ разныя крестники, ладонки, говорилъ притчами и иносказательно, что многихъ заставляло видѣть въ этихъ словахъ предсказанія; путешествовалъ съ жезломъ, на которомъ красовался мѣдный голубь; при себѣ держалъ онъ трехъ сыновей и вообще всю свою жизнь покрывалъ чрезвычайною таинственностью, которая имѣла огромное вліяніе на неофитовъ. Пожертвованія сыпались въ изобиліи, и московскія барыни и купчихи

* По послѣднимъ извѣстіямъ, полиція сама нарушила въ этомъ дѣлѣ законный порядокъ судебнаго преслѣдованія, почему приговоръ мирового судьи и былъ кассированъ.

всѣ стремились къ пустынноку за утѣшеніемъ въ горѣ. за тѣмъ, чтобы въ его бредняхъ узнать будущее (видя въ немъ, конечно, юраго Ивана Яковлевича!). Вдругъ пустынный исчезъ неизвѣстно куда; домашніе и окружавшіе его не объяснили причинъ его отсутствія, распускали слухъ о притѣсненіяхъ, которыми, будто бы, онъ подвергается отъ завистливыхъ людей; раздавались сожалѣнія о постигшемъ его несчастіи, брань мнимымъ гонителямъ. Но, случайно узнается... что пустыннока заключилъ въ острогъ, по обвиненію въ довольно важныхъ преступленіяхъ; онъ оказывается, какъ говорятъ, бѣглымъ солдатомъ, занимавшимся въ своихъ пещерахъ укрывательствомъ разныхъ злоумышленниковъ и сбытомъ фальшивыхъ ассигнацій»...

Корреспонденція не ручается за совершенную вѣрность послѣдней части этого повѣствованія, * но для характеристики Москвы достаточно и первой его половины; видно, что тлетворный духъ западной цивилизаціи не уничтожилъ еще въ Москвѣ вѣри и поклоненія отечественнымъ пророкамъ и прорицателямъ. Отчего же, только, объ этомъ пустынный и прорицатель прежде не было ничего слышно? Вѣдь пещеръ и церквей въ тайнѣ неужужешь. А еще говорятъ, что нынѣ отъ гласности и газетныхъ корреспондентовъ некуда скрыться!

Изъ Москвы, вѣроятно, послѣдуетъ мнѣ возраженіе: «а у васъ тамъ въ Петербургѣ, въ этомъ какъ бытъ европейскомъ городѣ, тоже хороши — не только въ чорта вѣрують, но вѣрятъ даже тому, что, будто бы, онъ недавно по петербургскимъ улицамъ бѣгалъ, весь черный, съ рогами и когтями, и внижонку, повѣствующую объ этомъ событіи, покупають на расхватъ».

Что дѣлать, отвѣчу я, у насъ многіе вѣрятъ тому, что въ Петербургѣ этому вѣрятъ или вѣрують, и что бойкая распродажа книжки съ оригинальнымъ заглавіемъ служить этому доказательствомъ. Что касается меня, то я этому не вѣрю, потому что тѣ, которые въ самомъ дѣлѣ могли бы нуждаться въ такой книгѣ, или безграмотны или по улицамъ не ходятъ, а ѣздятъ въ собственныхъ экипажахъ, слѣдовательно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ покупать книжку у уличныхъ разносчиковъ не будутъ. Въ Петербургѣ очень не рѣдко бѣгаютъ и за тѣмъ, смотрятъ, слушаютъ, даже покупають и то, надъ чѣмъ насмѣхаются, чего въ грошъ не ставятъ! Въ самого-то чорта, конечно, я ны вѣруемъ, да вѣдь какъ же въ него и не вѣровать, когда...

Возвращаясь къ полиціи, но не петербургской и не московской, а провинціальной, сельской — Бирсаго уѣзда, Уфимской губерніи. Знаете или помните вы, читатель, исторію купца Севастьянова съ бирскимъ исправникомъ? Г. Севастьяновъ былъ въ гостяхъ, гдѣ были, между прочимъ, и мѣстный исправникъ, становой, два врача и дамы. Произошла какая-то ссора или

* Позднѣйшая телеграмма изъ Москвы сообщаетъ, что пустынный этотъ арестованъ, а живетъ спокойно въ Тулѣ, въ монастырѣ.

что-то такое, кончившаяся тѣмъ, что «на несчастномъ купцѣ, въ присутствіи жены, разорвали одежду, растянули его на полу и дважды мѣняли розги; клочки кожи несчастнаго летѣли въ воздухъ». «Болѣе трехсотъ ударовъ вынесла спина его», писалъ впоследствии жандармскій полковникъ въ рапортѣ своемъ губернатору: «я никогда не видалъ подобной везекуціи». Послѣ этого ужаснаго наказанія, исправникъ и врачъ Небера, обращаясь къ растерзанному купцу, назидательно сказали ему: «Ну, Д. Т., прежде мы съ вами въ принципахъ не сходились: ты собралъ большой капиталъ и съ нами дѣлаться не хотѣлъ. Теперь же будемъ друзьями». Дѣйствительно, въ бумажникѣ г. Севастьянова впоследствии не оказалось бывшихъ въ немъ 815 рублей. Съ истерзанной спиной несчастный отправленъ былъ на домъ и въ такомъ же состояніи поспѣшилъ онъ къ губернатору». Губернаторъ не хотѣлъ этому и вѣрить, потому что исправникъ, г. Васильевъ, былъ извѣстенъ ему, какъ человекъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ. Назначено было освидѣтельствованіе во врачебной управѣ, которая составила актъ, подтвердившій, что спина г. Севастьянова была истерзана.

Такъ, съ нѣкоторыми еще другими подробностями, была извѣстна эта исторія доселѣ. Но на дняхъ, бывший бирскій исправникъ, господинъ Васильевъ, заявилъ въ газетахъ, что дѣло это было вовсе не такъ, что все это клевета, возмутительная клевета. «Кто повѣритъ тому — восклицаетъ господинъ Васильевъ—что исправникъ ѣдетъ на ярмарку съ становымъ приставомъ, сотскими и казаками, и розгами выбиваетъ у купцовъ деньги, тотъ, если онъ самъ въ здоровомъ умѣ, долженъ признать такого исправника сумасшедшимъ». Дѣло было такъ: между купцами, въ гостяхъ, произошла ссора: одинъ изъ нихъ, Севастьяновъ, схватилъ другаго за волосы. «Такой поступокъ возмутилъ насъ всѣхъ... Впрочемъ, мы съ полною сдержанностію (слѣдовательно, о какомъ бы то ни было ненормальномъ состояніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи?) старались Севастьянова вразумить»; но С. продолжалъ шумѣть, «наконецъ, до того забылся, что ударилъ меня по носу такъ сильно, что разсѣкъ переносье до кости.

«Понятно, въ какое негодованіе пришелъ я и мои товарищи отъ этого новаго его поступка, оскорбившаго меня до послѣдней мѣры: чтобы удовлетворить себя, намъ оставалось только или убить его, или *высечь*» (Г. Сев.—въ просилъ лучше «побить» его, но не *сѣчь*).

Ну, и высѣкли! Чтò же изъ этого, развѣ это что набудь такое особенное? Послѣдовало то, чтò должно было послѣдовать; «былъ бы тамъ я съ моими товарищами или кто либо другой, кто настолько дорожитъ своею честью и своимъ самолюбіемъ, что не дозволить въ своемъ присутствіи бить другихъ (?!) и кто нанесенное ему оскорбленіе ругательствами и ударомъ, да еще съ предложеніемъ за него денегъ, не можетъ оставить безъ

должнаго удовлетворенія никогда и ни за что. Мы поступили такъ, какъ поступилъ бы каждый честный (!) человѣкъ... Зачѣмъ говорить обо мнѣ, какъ объ исправникѣ? всякій на моеи мѣстѣ сдѣлалъ бы то же, что сдѣлалъ я, и я самъ, будь въ то время тѣмъ, чѣмъ я теперь, будь я менѣе всѣхъ, кто былъ изъ армаркѣ, я поступилъ бы не иначе (значить, и теперь еще будете съчъ всякаго, кто васъ оскорбитъ?). Мнѣ нужно оправдать себя и моихъ товарищей только предъ судомъ общественнаго мнѣнія, которыми мы очень дорожимъ, и которое могло осудить насъ, основываясь... на тѣхъ свѣдѣнiяхъ, которыя имѣлись объ этомъ дѣлѣ доселѣ.

Увы! доселѣ общественному мнѣнiю оставалась еще возможность сомнѣваться въ правдивости всей этой исторiи, а теперь нѣтъ больше никакого мѣста сомнѣнiю! И теперь дѣло уже не столько въ самомъ фактѣ, сколько въ нравственныхъ понятiяхъ бывшаго исправника и въ состоянiи той среды, въ которой возможны такіа личности и въ которой имъ вѣрiются важныя общественныя должности. А вѣдь вѣроятно и въ Петербургѣ и въ Москвѣ и въ Псковской губернiи найдется не мало такихъ личностей, которыя послѣ настоящаго объясненiя господина Васильева будутъ чуть-чуть не оправдывать его *!

Мнѣ слѣдовало бы еще рассказать содержанiе одного судебного дѣла, особенно замѣчательнаго потому, что отвѣтчиками въ немъ являются бывшій первоприсутствующій уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, дѣйствительный тайный совѣтникъ Корвиолль-Пянскій, и бывшій главноначальствующій надъ почтовыми департаментомъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Прянишниковъ—оба умершіе. Они обвиняются въ злоупотребленiяхъ по попечительству и, «если употребить терминъ техническій, въ растратѣ и присвоенiи суммъ попечительства» надъ имѣнiемъ и дѣлами генерал-маiора Саломiрскаго. Растрата, по объявленiю адвоката истца, простирается до 48,157 р. 34 к. Но я принужденъ отложить подробное изложенеiе этого дѣла до другаго раза.

Теперь соединю конецъ съ началомъ. Тамъ говорится объ одномъ замѣчательномъ изобрѣтенiи. Изобрѣтены или, вѣрнѣе, усовершенствованы какіе-то *счеты*! Это бы еще ничего, но, главное, кѣмъ или гдѣ они изобрѣтены? Въ академіи наукъ (конечно, русской)!! А говорить еще, что академія наукъ мало молвы приноситъ и не обнаруживаетъ достаточно сильной и, особенно, общепользной дѣятельности! Чтѣ же можетъ быть

* Такъ и есть! Нашелся, если не защитникъ, то подражатель. 15-го марта въ Москвѣ судился становой приставъ, г. Глушковъ, избившій крестьянина и вунца, пришедшихъ искать у него защиты отъ шайки воровъ, ограбившихъ и избившихъ ихъ почти передъ окнами становаго. Неизвѣстно, какому наказанiю будетъ подвергнутъ бывшій бирскій исправникъ (дѣло его находится въ сенатѣ); но г. Глушковъ приговоренъ «къ удаленiю отъ должности по суду!»

общеполезнѣ счеты! Въ прошломъ или позанпрошломъ году чуть-чуть не былъ открытъ мамонтъ, а теперь вотъ счеты усовершенствованы. Переходъ отъ мамонта къ счетамъ, конечно, немножко крутъ, но вѣдь извѣстно, что отъ великаго до малаго одинъ шагъ. Въ самомъ дѣлѣ, счеты вещь, конечно, очень полезная, усовершенствованные счеты, если они практичны, будутъ еще полезнѣе, но слышать, что усовершенствованіемъ этимъ занимались не гдѣ-либо, а именно въ академіи наукъ — довольно странно.

Особенно, когда читаешь заявленія такого рода, что теперешніе оклады членовъ академіи наукъ крайне-де недостаточны, что отъ этого могутъ производиться неблагоприятныя послѣдствія для высшаго ученаго учрежденія имперіи, такъ-какъ для пополненія личнаго состава его «придется обращаться или къ посредственностямъ, или къ лицамъ, и безъ того проживающимъ въ С.-Петербургѣ и имѣющимъ здѣсь другія, болѣе доходныя занятія (*болѣе доходныя занятія, чѣмъ наука!*), или, наконецъ, ставить академикомъ въ необходимость отклониться отъ самостоятельнаго воздѣлыванія науки для пріобрѣтенія средствъ къ жизни постоянными занятіями», и что, по моему, «для устраниенія такой, въ высшей степени прискорбной опасности», необходимо теперь же, по меньшей мѣрѣ, удвоить оклады членовъ академіи наукъ.

Считаю необходимымъ оговориться, что упоминая (можетъ-быть, недостаточно почтительно) объ изобрѣтеніи или усовершенствованіи въ академіи наукъ счетъ, я нисколько не желаю умалить достоинства этого изобрѣтенія, и если не описываю устройства этихъ счетъ, то только потому, что мнѣ нѣтъ возможности описывать подробно все то, о чемъ мнѣ приходится говорить.

Послѣднюю оговорку я дѣлаю потому, что я сію минуту прочиталъ заявленіе или возраженіе отъ комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Комитетъ упрекаетъ меня въ томъ, что я, говоря объ отчетѣ общества («Отчетъ Записки», № 3), умолчалъ, что «въ минувшемъ году число лицъ, получившихъ отъ общества пособіе, увеличилось, въ сравненіи съ 1866 году, на 31 ч., а расходъ на безвозвратныя пособія болѣе, чѣмъ на 2,800 руб. (но я имѣлъ въ виду не столько прошедшую дѣятельность общества, сколько будущую), и что я, будто бы, неправильно понялъ слова отчета: общество «ничего другаго не остается дѣлать, какъ усердно увеличивать свои капиталы» и «дѣлать вычеты, и притомъ очень значительныя, изъ пособій, чтобы заручиться средствами на будущее время» — какъ будто бы общество не будетъ болѣе выдавать пособій. Комитетъ говоритъ теперь: это можетъ «встревожить нуждающихся литераторовъ, писателей и ихъ семейства, въ особенности же пансіонеровъ общества», и по моему «считаетъ необходимымъ заявить, что *въ дѣятельности общества не происходило и не предполагается никакой перемены*».

Мнѣ остается на это только сказать: гдѣмъ лучше! въ дан-

номъ случаѣ, это одно и желалось; комитетъ, чтобы усвоить людей, встревоженныхъ отчетомъ, вѣроятно, поспѣшитъ опубликовать и въ другихъ газетахъ, гдѣ напечатанъ былъ отчетъ, эту поправку къ нему.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо второе *.

Опять о раздорѣ. Дрянное это явленіе до того усилилось, что сдѣлалось почти исключительнымъ содержаніемъ "нашей жизни; оно отравляетъ всѣ наши удовольствія; оно поражаетъ даже пресловутое наше гостепріимство. Нѣтъ болѣе блиновъ красныхъ, гречневыхъ, со снѣтками, съ припеккой — ихъ замѣнили блины полицейскіе, акцизные, судебные и земскіе! Нѣтъ болѣе той карточной игры, которая во всѣ времена ни о чемъ иномъ не сдѣлывала, кромѣ невинности играющихъ — ее замѣнила иная карточная игра, изъ которой участвующіе во что бы ни стало хотятъ сдѣлать орудіе для демонстрацій и преткновеній! Ни блины, ни преферансъ не избѣгли того раздорнаго вѣянія, которое грозитъ надолго утвердиться въ нашемъ обществѣ. ;

Странно звучать для слуха выраженія въ родѣ: «блинъ административный», «блинъ судебный» и т. д., а между тѣмъ выраженія эти отнюдь не выдумань, а прямо выхвачены изъ нашей печальной дѣйствительности. И, что всего грустнѣе, выраженія эти отнюдь не фигуральныя, а согласныя съ истиной даже по существу. Съѣшьте блинъ административный — и вы убѣдитесь, что онъ жиренъ, вкусенъ, хотя ложится нѣсколько комомъ; съѣшьте блинъ судебный — и увидите, что онъ тощъ и какъ-будто припахиваетъ розовымъ масломъ. Очевидно, что здѣсь раздоръ уже перестаетъ быть просто раздоромъ, но оказываетъ свое пагубное вліяніе на самое блинное существо.

Извѣстно, что никакія жизненныя отправленія не требуютъ такого спокойствія духа, такой твердой увѣренности во взаимномъ доброжелательствѣ соревнующихъ, какъ обѣденныя увеселенія и игра въ карты. Это совсѣмъ не то, что зазданія академій или иныхъ ученыхъ обществъ, гдѣ примѣрные раздоры въ извѣстныхъ случаѣхъ даже необходимы, потому что изъ нихъ, какъ слышно, рождается истина. Тутъ, напротивъ того, собираются люди, которые уже умудрились, которые никакого интереса въ отысканіи истины имѣть не могутъ, по той причинѣ, что она уже давно найдена. Поэтому, въ этихъ случаяхъ, не только неумѣстное

* См. письмо первое въ «Отч. Зан.» 1868 г., № 2, «Совр. обзор.» стр. 254.

гадѣніе, но даже простое сомнѣніе относительно благонамѣренности кого-либо изъ партнеровъ можетъ произвести въ остальныхъ лишь желудочную смуту, послѣдствія которой трудно даже предупредить. Представьте себѣ, напримѣръ, что на обѣдѣ исторіографовъ по какому-нибудь случаю затесался пионеръ — что хорошаго можетъ изъ этого выйти? Вопервыхъ, пионеръ будетъ пожирать нѣжнѣйшія суффле съ трюфелями точно такъ, какъ бы пожиралъ трихинную углецовую колбасу; вовторыхъ, ни одинъ исторіографъ все-таки ни за что не повѣритъ, что пионеръ ѣсть взаправду, а непременно будетъ думать, что онъ злоумышляетъ. И весь отданный своимъ предубѣжденіямъ, онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, утратитъ на время всякую способность наслаждаться и смаковать, мало того: онъ будетъ куски класть за жилетъ и проливать вино на штаны.

Все это такъ, все это правда, и если мы видимъ, что исторіографы ѣдятъ блины въ своемъ кругу, а пионеры—въ своемъ, то удивляться тутъ нечему. Ихъ обязываетъ къ тому чувство самосохраненія, которое заставляетъ человѣка устранять все, что противно интересамъ его желудка.

Спрашивается, однакожъ, достигается ли въ дѣйствительности та цѣль, которую предположили себѣ при этомъ оба враждующіе лагеря? Обеспечивается ли обособленіемъ сторонъ то безмятежіе обжорства, къ которому онѣ стремятся? Какъ ни прискорбно, но должно сознаться, что результаты въ этомъ случаѣ болѣе нежели сомнительны. Раздоръ, въ теченіе какого-нибудь года, уже такъ крѣпко вѣлся въ наши нравы, что гдѣ бы и въ какихъ бы обстоятельствахъ мы ни находились, онъ никогда не оставляетъ нашу мысль свободною. Даже лицомъ въ лицу съ блинами самыми жирными, даже въ сотрудничествѣ съ исторіографами несомнѣнно заматерѣлыми, мы уже не отдадимся наслажденію съ тою беззавѣтною ребяческою рѣзвостью, съ которою отдавались ему лѣтъ двѣнадцать-тринадцать тому назадъ. Да, не предадимся, ибо въ тотъ самый моментъ, когда мы будемъ уже простираť руи, будемъ обонять и предвкушать, передъ нами внезапно, какъ грозный призракъ, встанетъ мысль, что подъ однимъ съ нами небомъ обитаетъ нѣкто, который также ѣсть блины, но блины далеко не столь жирные, какъ наши, и который эту сравнительную тощестъ ставитъ себѣ даже въ заслугу (у меня дескать на первомъ планѣ потребности духа и т. д.). Ужели одной этой мысли недостаточно, чтобъ отравить ѣду самую обольстительную? Но ежели мы пойдемъ еще далѣе, то увидимъ, что систематическое отмѣтаніе нашихъ конкурентовъ по части исторіографіи отъ общенія мало того, что не умаляетъ нашей горечи, но даже значительно усугубляетъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, ежелибы эти ненавистные конкуренты были на лицо, то насъ, по крайнемѣрѣ, хоть на это время, не тревожила бы неизвѣстность, не терзали бы посяудныя предположенія о наушничествѣ, судачествѣ и силетняхъ; взвравъ на ихъ ненавистныя фізіономіи, мы были

бы, но крайней-мѣрѣ, увѣрени, что они тутъ на лѣво, что они не дѣлаютъ болѣе того, что дѣлаютъ, что они жуютъ, или хотъ притворяются жующими. Теперь же, когда мы ѣдимъ блины врозь, намъ поневолѣ думается: что-то дѣлается тамъ? Какъ-то переминаятъ тамъ наши косточки? Какіе-то измышляются тамъ подвохи? И покуда мы задаемъ себѣ подобные незамысловатые вопросы, блины стынуть да стынуть, и ложась комьями на наши желудки, производятъ диссентерію.

И выходитъ у насъ тутъ нѣчто совершенно недѣльное: съ одной стороны мы не можемъ сойтись, потому что этому препятствуетъ чувство самосохраненія; съ другой стороны, раскодясь и обособляясь, мы это чувство самосохраненія попираемъ самымъ неразумнымъ и враждебнымъ для себя образомъ. Въ обоихъ случаяхъ мы, стало быть, дѣйствуемъ явно въ ущербъ себѣ...

— Такъ это, сударь, горько, — говорилъ на дняхъ, въ самый разгаръ масляницы, нѣкоторый фюфанъ, льнуцій къ арестовантамъ: — что просто хотъ не ѣвши спать ложись!

Люди компетентные увѣряютъ, конечно, что и изъ этого недоблагого положенія можетъ быть псходъ довольно дѣйствительный, а именно: завязать блинъ во всю площадь и безконечно ѣсть ею общими силами. Но, судя по теперешнему враждебному настроенію партій, этотъ совѣтъ, несмотря на всю его разумность, какъ кажется, на долгое еще время останется голосомъ, вопіющимъ въ пустынѣ.

Такимъ образомъ расколъ политическій, проявивъ въ наши повседневныя отношенія, обрашивая ихъ и въ конечномъ результатѣ производя расколъ въ пищѣ, питіи и играхъ, не только не упадаетъ, но разжигается съ каждымъ днемъ больше и больше. Изъ явленій, повидному, даже немѣющихся міроваго значенія, какъ напримѣръ блины, ступола, преферансъ и т. д., мы сдумѣли выработать нѣчто въ родѣ знамени. На одномъ знамени пишется: изящный вкусъ, утонченныя манеры и наслажденіе благами жизни, на другомъ — чиновническій аскетизмъ, похъ которымъ свромно подразумѣвается обиліе духовныхъ салъ. А въ сущности, все это та же ступола и тотъ же преферансъ — никакъ не болѣе. И вотъ обѣ партіи начинаютъ хвалиться своими знаменами и даже какъ будто пошаливаютъ ими, и взаимно другъ друга поддразниваютъ. — «Даже удовольствія у нихъ кля-то глупны!» говорятъ одни; «даже удовольствія у нихъ иужидія!» говорятъ другіе — и въ такихъ бесплодныхъ разговорахъ тратятъ золотое время, которое съ пользой могли бы употребить за общимъ столомъ!

Справедливость требуетъ, однакожь, сознаться, что пионеры злоупотребляютъ этою игрою въ знамена гораздо болѣе, нежели историографы. Начнемъ хотъ съ той же ѣды. Историографы — люди, по болшей части, грѣшныя, и подъ веселую руку даже не сарываютъ этого. У нихъ залежались еще кой-какіе остатки отъ тѣхъ избытковъ, которне въ бывалны времена, называли,

прилипали къ ладонямъ — мудро ли, что выѣстъ съ остаточками сохранились и изящный вкусъ и привычка подмасливать, что въ блинномъ дѣлѣ совершенно неопѣвнено? Напротивъ того, пионеры, хотя и снабженные прекрасными окладами, наѣзжаютъ въ губерніи почти *au naturel*, т.-е. въ однихъ виц-мундирахъ, никакихъ остаточковъ прежнихъ гѣть не вѣдаютъ и не признаютъ, и смаху нанимаютъ такихъ неслыханныхъ кухарокъ, передъ трудами которыхъ даже кухонные тараканы останавливаются въ смущеніи. Въ переводѣ на удобопонятный языкъ, оба эти положенія могутъ быть выражены такъ: историографы вѣдятъ вкусно и притомъ изобильно, пионеры же невкусно и въ обрѣзъ—казалось бы, что можетъ быть проще этого, и есть ли тутъ поводъ къ какимъ либо пререканіямъ? Историографы приблизительно такъ и смотрятъ на это положеніе; они не прикасаются къ пионерской трапезѣ потому просто, что она невкусна и скудна; и ежели обзываютъ пионеровъ людьми, немѣющими понятія о *savoir vivre*, то дѣлаютъ это не съ злобой, а съ сожалѣніемъ. Совѣтъмъ иначе относится къ этому дѣлу пионеръ: какъ человѣкъ духа, онъ въ энцикурензмѣ историографа видитъ не просто предпочтеніе вкуснаго невкусному, но посягательство на политическое достоинство и неопозволительное политическое чревоугодіе. И вотъ ѣда, этотъ законѣйшій, простѣйшій, независимѣйшій изъ актовъ человѣческой жизни, вдругъ, благодаря страстямъ, возводится на степень принципа нравственнаго, социальнаго и политическаго, и облеченная въ этотъ санъ, становится сѣменемъ раздоровъ и поводомъ для всевозможныхъ взаимныхъ обзываній.

То же самое можно сказать и объ игрѣ въ карты. Любимая игра историографовъ — это стуколка, любимая игра пионеровъ — преферансъ, и притомъ съ мизерами и легкимъ подсыживаньемъ. Надо сознаться, что стуколка—игра глупая по преимуществу; играется она въ три карты, и единственное соображеніе, которое при этомъ нужно имѣть, заключается въ томъ, чтобы, обладая козырнымъ королемъ, имѣть такую морду, какъ будто на рукахъ три семерки фоски. Ясно, что хитрость такого рода и для непрозорливаго ума весьма доступна. Благодаря этой простотѣ, историографы предаются стуколкѣ до самоубаенія, и начывая случать съ утра, кончаютъ лишь поздней ночью. Что же касается до преферанса, то, конечно, это игра болѣе сложная, но, говоря по совѣсти, ужели же можно утверждать, чтобы человѣкъ, предающійся ей, тѣмъ самымъ доказывалъ преобладаніе духа надъ плотію, какъ это дѣлаютъ пионеры? А тѣмъ болѣе, придавать столь невиннымъ занятіямъ, какъ преферансъ и стуколка, значеніе нравственно-соціально-политическое, и устривать изъ нихъ предметъ для междоусобій и болѣе или менѣе кровопролитныхъ битвъ?

Но, при извѣстномъ настроеніи общества, всякое лыко шьется въ строку. Одни умѣютъ округлять руки — это признакъ

благовоспитанности; другіе, видя это, нарочно начинают хватать руками, как мельничными крыльями — это признакъ неависимости; одни хвастаютъ своими связями въ высшихъ сферахъ; другіе, напротивъ, хвастаютъ тѣмъ, что у нихъ никакихъ связей въ высшихъ сферахъ нѣтъ. Всякая дрянь дѣлается безпредметно распри, которая такимъ образомъ грозитъ продлиться безъ границъ.

Пионеры въ этомъ случаѣ, конечно, болѣе виноваты, нежели историографы. Они виноваты уже тѣмъ, что ни къ какому дѣлу не приступаютъ просто, а все какъ-бы священнодѣйствуютъ. И при этомъ тычутъ въ глаза: посмотри, какой я умный, какой честный, какой я развитой, и какъ твердо знаю уложеніе о названіяхъ! Историографы видятъ это, и выходятъ изъ себя. Они въ тайнѣ сами сознаютъ превосходство пионеровъ; но секрету, они даже ропщутъ: «Господа! да отчего же мы такіе глупые!» восхваляютъ они повременамъ... но существенно ихъ огорчаетъ совсѣмъ не то, что они глупы, а то, зачѣмъ имъ такъ лаво тычутъ въ глаза ихъ недалекновидностью. Скажите имъ это же самое обинякомъ, отнеситесь снисходительно къ ихъ слабости и беспомощности, и тогда, быть можетъ, и для васъ, о пионеры! отвернутся ихъ объятія и для васъ сдѣлаются доступными ихъ жирные блины.

Но въ ожиданіи вожденной минуты самообнижанія, вѣдь умолчать съ одною явленіемъ, хотя и довольно извѣстнымъ, но которое въ послѣднее время въ особенности огорчительно вліяетъ на жизнь провинціального общества. Явленіе это — такъ называемыя «складныя души», число которыхъ, благодаря раздору, день ото дня возрастаетъ съ быстротою повстигнѣ изумительною.

«Складныя души» — явленіе не новое; дѣятелями этой каторги издревле изобиловали всѣ профессіи человѣческой дѣятельности, всѣ отрасли человѣческаго знанія. Издревле существовали сметливыя политическія, литературныя, государственныя и научныя; тѣмъ не менѣе, явленіе это на столько важно, что тотъ оказалъ бы немаловажную услугу, кто прослѣдилъ бы истію «складныхъ душъ» въ исторіи человѣческой цивилизаціи. Кто изложилъ бы то ученіе, въ силу котораго человѣческая душа, нимало не стыдась, дѣлается складною. Не претендуя на выполненіе такой обширной задачи, мы займемся собственно современными и притомъ провинціальными «складными душами».

Если вы видите человѣка, который мечется какъ угорѣлый между двумя враждебными лагерями, и называетъ это метаніе мудростью — будьте увѣрены, что это «складная душа»; если вы видите человѣка, который называя себя пионеромъ, не прочь иногда въ сумеречки забѣжать покаяваться съ историографами на счетъ пионерскихъ дѣлъ, и называетъ это дипломатіей — будьте увѣрены, что это «складная душа»; если вы видите человѣка, который утверждаетъ, что въ иныхъ случаяхъ ломаная линія можетъ быть короче прямой и называетъ это постепенностью въ преусиживаніи — будьте увѣрены, что это «складная душа».

Если намъ кажется мелкою распри, существующая между историографами и пионерами, если мы не можемъ безъ вънторой проин отнестись къ тѣмъ потугамъ, при помощи которыхъ пионеры силатся доказать, что Россія достигла зенита своего благополучія, то это ни мало не распространяетъ нашего недовольства на самыя личности пионеровъ, личности во всякомъ смыслѣ честныя и уважаемыя. Мы въ этомъ случаѣ только задаемъ себѣ вопросъ: возможно ли видѣть въ пионерскомъ ремеслѣ что либо дѣйствительно обновляющее (а не просто обязанность состоять лишь при исправленіи должности пионера), когда въ основаніи этого ремесла нѣтъ никакихъ необходимыхъ гарантій, которыя ограждали бы его будущность? И, задавши этотъ вопросъ, невольножимаемъ плечами. Но этого мало: при всей исключительности нашихъ симпатій къ пионерамъ, мы и къ ремеслу историографа относимся безъ ожесточенія, хотя и не питаемъ къ нему положительно никакихъ симпатій. Ужь это такъ самими Богомъ устроено, чтобъ были на святой Руси пионеры, и были историографы, и чтобъ они взаимно препирались. На что же тутъ претендовать? О чемъ стужаться и плакать? А такъ-какъ, сверхъ того, человѣческое сознание въ историографскомъ дѣлѣ принимаетъ участіе самое ограниченное, такъ-какъ историографы дѣйствуютъ не преднамѣренно, а смаху, то мы естественно приходимъ въ заключенію, что хотя дѣятельность ихъ отчасти смѣшна, отчасти вредна, отчасти недѣльна, но она уже потому одному не можетъ быть названа позорною, что къ ней ни педъ какимъ видомъ не прилагается принципъ вмѣняемости. И такимъ образомъ, объ *великия партіи*, раздирающія въ настоящую минуту наши губерніи, если не въ равной степени привлекаютъ наши симпатіи, то по крайней мѣрѣ, находятъ себѣ нѣкоторую эксплавацію.

Совсѣмъ другое дѣло — «складныя души». Ихъ дѣятельность есть именно та дрянная дѣятельность, о которой нельзя говорить безъ чувства гадливости. Не негодованія, а именно гадливости.

Во всѣ времена, провинціи наши изобиловали «складными душами», во всѣ времена водились въ ней охочіе люди, готовые по первому знаку травить на чужой счетъ хорошую ѣду. Въ бывающее время, въ особенности суетливыя и оживляющія эти люди передъ наступленіемъ дворянскихъ выборовъ. Смирненне и зансанненне незадолго передъ тѣмъ, они внезапно оживали и, словно сурки подъ вліяніемъ лучей весенняго солнца, выползали изъ своихъ норъ. И начиналась у нихъ тутъ суета, бѣготня и то безмѣрное жранье, передъ размѣрами котораго робѣетъ самая смѣлая человѣческая мысль. Здѣсь продавались за рюмку водки старые благодѣтели и покупались новыя, и тутъ же сразу в другую рюмку продавались новыя благодѣтели и вновь покупались старыя. «Складныя души» носились по улицамъ какъ озаренныя; глаза ихъ блестяли, ноздри раздувались, уста источали слюну, утробы ныли.

Это было зрѣлище не весьма пріятное для глазъ, но оно извучалось простодушіемъ своего содержанія. Какъ бы гадливо ни относились вы къ этимъ слюноточивымъ героямъ, вы все-таки могли быть увѣрены, что за ихъ бѣготню ничего нѣтъ и не можетъ быть, кромѣ ѣды. Хватая съ изумительною ловкостью бросаемыя подачки, эти люди продавали, сплетничали и лгали такъ неспуско, что никому даже и на умъ не всходило задозрять ихъ въ умислѣ. Вся ихъ претензія заключалась въ томъ, чтобы въ данный періодъ времени заглотать какъ можно больше кусковъ, а потому весьма естественно, что и самые помыслы ихъ направлялись именно въ эту сторону, предательство же и сплетни являлись тутъ лишь въ видѣ необходимаго придата. У кого предлагалось больше кусковъ, въ пользу того и сплетнячалось какъ-то ходчѣе, нежели въ пользу того, кто предлагалъ кусковъ мало или ничего. Однимъ словомъ, ехидство въ устахъ этихъ людей утрачивало свою ядовитость и получало характеръ чисто гастрономическій.

Остатки этихъ «складныхъ душъ» и донныѣ влачатъ свое существованіе въ губернскихъ клубахъ подъ именемъ фофановъ, но, увы! это уже существованіе грустное, потому что предводительскіе обѣды съ каждымъ годомъ становятся скуднѣе и скуднѣе.

Но съ усовершенствованіемъ нравовъ усовершенствовались и «складныя души». Это не прежніе халатники, едва ненадавшие въ обморокъ при видѣ куска колбасы, нѣтъ, это люди очень приличные, которыхъ помыслы хотя и вертятся около пироговъ, но около пироговъ, такъ-сказать, невещественныхъ, около пироговъ почестей, славолюбія и карьеры.

Нынѣшняя «складная душа», по положенію своему, въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ къ пионерамъ. Но обуреваемая жаждою почестей и постигнувъ въ совершенствѣ духъ вѣка сего, она скоро догадывается, что пионерское поле — безплодное поле, и что пироги заправскіе, румяные пироги съ начинкой некутисовсѣмъ не тутъ, а индѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на безпутничай, какую безлѣпницу ни твори исторіографъ, ему все какъ съ гуся вода. Для всѣхъ видимо, что онъ и невѣжественъ, и бесполезенъ, и ни на что не способенъ, что онъ только мутитъ общество нескончаемыми сплетнями и навязчивою своею праздношью. Кажется, что мало въ преисподней пропасть такому чловѣку — анъ нѣтъ! стоитъ онъ себѣ какъ столбъ, и даже не покачивается! «Стало быть, сила-то еще тамъ!» говорить, замѣчая это, «складная душа», и въ то же время обдумываетъ, какъ бы такимъ манеромъ сыграть Іуду-предателя, чтобы никто этого не примѣтилъ. И, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, начинаетъ подвигивать.

Сначала дѣло идетъ хорошо, потому что пионеры на этотъ счетъ просты. Развѣ у самаго прозорливаго вырвется слово «чудакъ!» при видѣ, какъ неуязвимая «складная душа» тщетно старается вытанцовывать какое-то граціозно-исторіографическое па,

какъ она округляетъ руки, въ знакъ благовоспитанности, какъ усиливается придать своимъ взорамъ умильно-почтительно-преданное выраженіе. «Сладкая душа» всячески скрываетъ свою игру какъ можно долѣе, и нерѣдко объясняетъ ее даже цѣлыми пользы и дальновидности. Нужно, дескать, видѣть врага лицомъ къ лицу, нужно подробно знать его средства, чтобы съ успѣхомъ отражать наносимые имъ удары и разрушать его козни. И дѣйствительно, мелькувъ между исторіографами, «сладкая душа» черезъ минуту опять поворачивается къ пионерамъ и вновь подтанцовываетъ имъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, какіе они чудакки! говорятъ она, позѣывая и потягиваясь: — даже разговоръ у нихъ незрѣлый, словно дѣтскій. Обрывки какіе-то!

Пионеры слушаютъ это и восхищаются. Имъ лестно, что даже тотъ человѣкъ, который всѣхъ болѣе изъ нихъ оказываетъ способностей къ почтительно-умильному выраженію лица — и тотъ сознается, что, въ виду этихъ полулюдей, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо общеніи. «Сладкая душа» даже пріобрѣтаетъ нѣкоторую популярность между пионерами; ей не только не вмѣняется въ порокъ подвигиванье передъ исторіографами, но даже усматривается въ этомъ какое-то доказательство «симпатичности» характера.

Но восторго мало-по-малу на горизонтѣ показывается туча, въ лагерѣ исторіографовъ слышатся безмозглый шопотъ, виднѣются загадочныя улыбки, произносятся недѣльныя односложныя слова. Пионеры начинаютъ чувствовать себя неловко; они стараются проникнуть въ смыслъ односложныхъ словъ, но слова эти такъ глуши, что проникнуть въ нихъ невозможно. Сдается, однакожь, что въ нихъ скрывается какое-то смутное обвиненіе и едва-ли не обвиненіе въ заговорѣ. И вдругъ — открытіе! Одному изъ пионеровъ-застрѣльщиковъ удалось сослѣдовать «сладкую душу» и изловить ее на мѣстѣ преступленія. Онъ собственными глазами видѣлъ, какъ «сладкая душа» перемигивалась и перешептывалась, и какъ вслѣдъ за этимъ перешептываньемъ, въ исторіографскомъ лагерѣ сдѣлались извѣстными нѣкоторыя пионерскія провинности. Пионеръ-застрѣльщикъ не слышитъ подъ собой земли при мысли, какую услугу Богъ привелъ ему оказать достолюбезному пионерскому дѣлу; онъ дѣлается краснорѣчивъ, онъ представляетъ факты, доказываетъ и убѣждаетъ.

— Прочь вѣмѣнника! прочь паршиваго! рѣшаютъ хоромъ пионеры...

«Сладкой душѣ» нѣкоторое время не совсѣмъ ловко; сначала ей даже сдается, какъ будто ее побили; но такъ-какъ она прежде всего имѣетъ природу общительную, такъ-какъ она минуты дохнуть не можетъ безъ общества людей, хотя бы дрянныхъ, то никакія жизненныя невзгоды не ставятъ ее въ затрудненіе и не заставляютъ долго задуматься. И дѣйствительно, не успѣло еще остыть негодованіе, возбужденное открытіемъ пионера-застрѣльщика, какъ «сладкая душа» уже всецѣло предалась исторіографамъ.

Для историографовъ подобныя перебѣжчики всегда драгоценны. Вопервыхъ, какъ ни остерегаются передъ ними пионеры, но, такъ-какъ, говоря выраженіями пословицы, отъ своего вора убе-речься нельзя, то всякое правдое слово, произнесенное въ пионерскомъ кружкѣ, неминуемо пересказывается историографамъ до точности. Вотъорыхъ, «складная душа» знаетъ слабѣя стороны пионерскаго дѣла и потому можетъ наносить удары болѣе дѣйствительныя и злохитрыя, нежели тѣ, которые наносятся историографами. Встрѣтыхъ, люди эти, хотя и съ подлинною, все-таки имѣютъ признаки людей современныхъ и развитыхъ, и слѣдовательно присутствіе ихъ значительно скрашиваетъ общество историографовъ.

А посему, когда «складная душа» перебѣгаетъ къ историографамъ, то она нѣкоторое время катается какъ сыръ въ маслѣ. Обвороженные мужья кормятъ ихъ, поддуютъ валинками, и охотно ввѣряютъ имъ всѣ интересы, оставляя за собой только стучолку; бѣлотѣлыя жены свергаютъ передъ глазами счастливица обнаженными бюстами, какъ будто говоря: «ну, скажи, дурашка, видалъ ли ты что-нибудь подобное у вашихъ некоррмпенныхъ?». «Складная душа», упоенная, пламенѣющая и алчущая, не ходитъ, а носится по стогнамъ града, какъ будто у нея выросли сзади невидимыя крылья.

Но, увы! давно уже замѣчено, что счастье непрочно, и какъ ни пошлымъ кажется этотъ афоризмъ, но пошлостью эта есть слѣдствіе лишь его древности, а отнюдь не внутренней сущности. «Складная душа», рассчитывая на пироги, обыкновенно утѣкаетъ изъ вида одно: великую глупость историографовъ. Это промахъ тѣмъ болѣе непростительный, что историографъ глухъ очеридно, глухъ по призванію, глухъ безъ уменьшающихъ ему обстоятельствъ, глухъ какъ чуланъ. Онъ отъ природы такъ устроенъ, чтобъ быть глупымъ, и потому чѣмъ негнѣе историографъ, тѣмъ онъ историографичнѣе. Заручившись перебѣжчикомъ, историографъ, какъ сказано выше, сгораяча всячески ублажаетъ его—это первый періодъ или лучше сказать медовый мѣсяцъ этого незаконнаго союза. Затѣмъ, замѣчая, что «складная душа» идетъ ходко, историографъ мало по малу начинаетъ думать, что тутъ съ ея стороны не принесено никакой жертвы и что взмѣна «складной души» есть не что иное, какъ должная дань превосходнымъ его, историографа, душевнымъ качествамъ. Потому, онъ начинаетъ обходиться съ перебѣжчикомъ съ панибратскою откровенностью, вываливаетъ передъ нимъ пахучій хламъ своей души, и въ заключеніе, требуетъ, чтобъ «складная душа», разыгрывала передъ нимъ, историографомъ, комедію. Это періодъ второй. «Складная душа», упоенная и счастливая, сначала нетолько не огорчается подобными поползновеніями, но даже въ угоду благодѣтелямъ выкидываетъ нѣкоторыя колѣнца. Но чѣмъ больше выкидываетъ она колѣнцевъ, тѣмъ ненасытнѣе дѣлается относительно сего

рода зрѣлищъ исторіографъ; избалованный угодливостью своего кліента, онъ начинаетъ предъявлять свои требованія безпре- станно, предъявлять ихъ даже тогда, когда «складной душѣ» во- все не хочется откидывать колѣнца. Наступаетъ минута, когда несчастный кліентъ начинаетъ смутно понимать, что онъ, изъ политическаго перебѣжчика, сдѣлался просто увесителемъ и шу- томъ, и вслѣдствіе этого дѣлаетъ попытку надуть губы—это пе- ріодъ третій. Видя это, на него начинаютъ дуться въ свою оче- редь; мало того: въ его глазахъ, передъ его носомъ, безъ вся- каго зазрѣнія совѣсти, подыскиваютъ, на перемѣну ему, другую «складную душу» — это періодъ четвертый...

«Складная душа» содрогается, ибо ее преслѣдуетъ представ- леніе о потерянномъ рабѣ. Видя себя одинокою, и не будучи въ состояніи сносить одиночество, она начинаетъ роптать на про- видѣніе. «Природа-мать!» вопить какой-нибудь опальный пере- бѣжчикъ:—зачѣмъ ты надѣлала меня душою складною, а не неуклонною? зачѣмъ ты направила стопы мои по стезѣ шаловли- вости, а не по стезѣ добродѣтели? И пороптавши такимъ ма- неромъ съ минуточку, онъ тщательнѣе прежняго складываетъ свою удобопереносную душу и предпринимаетъ цѣлую серію та- кихъ удивительныхъ извивовъ, выгибовъ и зигзаговъ, что по- стороннему зрителю остается только восклицать: «экъ его, сер- дечнаго, ломаетъ!» Онъ легкими, чуть замѣтными прыжками пе- ребѣгаетъ сцену и осторожно приближается опять къ тому ла- герю, корорый былъ свидѣтелемъ его перваго грѣхопаденія, все озираясь, все обольщая себя надеждою, что никто его замѣ- тить. Надежда тщетная! прежде, нежели успѣлъ онъ выполнить первое антраша, исторіографы уже заволновались. Они припо- минаютъ весь хламъ, который такъ добродушно выбрасывался передъ «складной душою», и справедливо заключаютъ, что изъ этого хлама можно выработать безподобнѣйшій увеселятельный матеріалъ.

— Прочь измѣнника! прочь паршиваго! восклицаютъ они въ свою очередь, и горе «складной душѣ», если она въ эту гнѣвную минуту не успеетъ провалиться сквозь землю, ибо исторіографы, будучи постоянно глупы, нерѣдко бываютъ и пьяны.

Тогда наступаетъ новый фазисъ въ жизни «складной души», все еще невѣрящей постигнутому ея несчастію, все еще надѣ- щейся и облизывающей. Приходитъ она, напримѣръ, въ обще- ственное собраніе, гдѣ за однимъ столомъ ужинаютъ пионеры, за другимъ — исторіографы. Подходить она къ столу, къ столу пионеровъ — и вдругъ все общество, какъ-бы по данному знаку, смолкаетъ. «Складная душа», однакожь, не робѣетъ и начинаетъ заигрывать; она какъ-нибудь усаживается бочкомъ за общую трапезою (большую частію около того изъ пионеровъ, который подобрѣе) и изъясляетъ намѣреніе разсказать нѣсколько без- цѣнныхъ анекдотовъ изъ жизни знаменитѣйшихъ исторіографовъ. Но никто не внимаетъ, никто не улыбается; собесѣдники хра-
Т. СЛХХVII. — Отд. II.

нить удорѣйшее молчаніе, и нетерпѣливо между собой перемдываются. Во рту у «складной души» дѣлается саверно; въ эту минуту она подаловала бы ручку у того изъ пионеровъ, который бы хотъ крошечку, хотъ изъ жалости улыбулся ей. Тщетью. Нѣсколько времени «складная душа» продолжаетъ ораторствовать, и новыя, безцѣнные анекдоты одинъ за другимъ льются изъ ея усть... И вдругъ, голосъ ея прерывается на половинѣ анекдота. «Складная душа» понимаетъ, «складная душа» чувствуетъ. Неслышными шагами она ретируется отъ непріязненнаго ей стола и столь же неслышно, даже робко приближается къ другому столу. И опять подсаживанье бочкомъ, опять зангриванье, опять анекдоты, но на сей разъ уже изъ жизни пионеровъ — и опять гробовое молчаніе, прерываемое отрывистыми возгласами: «води! увсусу! горчицы!»

Кончается тѣмъ, что «складная душа» ужинаетъ посрединѣ залы, и ужинаетъ одна-одинешенька.

Дѣти! прочтите внимательно настоящій правдивый разсказъ, и всякій разъ, какъ васъ будетъ соблазнять легкое ремесло «складной души», представьте себѣ мѣки, которыя ожидаютъ этихъ несчастныхъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ! И разнелись о семъ, спѣшите, скорѣ спѣшите прикнуть или къ историографамъ, свмъ пионерамъ прошедшаго, или къ пионерамъ, свмъ историографамъ будущаго!

Но такъ-какъ въ жизни вообще не существуетъ положеній вполне безнадежныхъ, то нѣтъ резона, чтобы это общее правило не примѣнялось и въ опальныхъ «складныхъ душахъ». Да, и онѣ могутъ ласкать себя надеждами, и онѣ имѣютъ право разсчитывать на лучшее будущее. Въ самомъ дѣлѣ, источникъ «складныхъ душъ» такъ изобилень, что невозможно даже предвидѣть, чтобы онъ когда-нибудь иссякнулъ. Предположите теперь, что съ каждою изъ этого легіона душъ произойдетъ тотъ самый процессъ превращеній, который описанъ выше, а именно, что каждая изъ нихъ будетъ сначала наверху славы и величія, а въ концѣ-концовъ все-таки не минуешь общей участи «складныхъ душъ», то-есть опалы и отчужденія. Очевидно, что число отверженцевъ должно будетъ постепенно возрастать и возрастать, и наконецъ, образуетъ массу достаточно компактную, чтобы образовать признаки нѣкоторой самостоятельности. Вотъ тогда-то къ двумъ великимъ корпораціямъ историографовъ и пионеровъ прибавится еще третья великая корпорація — отверженныхъ «складныхъ душъ». И будутъ эти организовавшіяся «складная душа» жениться и посагать, какъ и прочіе губерніскіе люди, будутъ ужинать и танцовать на всей своей волѣ, будутъ принимать визиты и отдавать ихъ, будутъ мириться и враждовать... Однимъ словомъ, народится въ провинціи новая сила...

Любопытно только знать, что это будетъ за сила, и на сколько она послужитъ къ украшенію?

Н. Гуринъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1868 Г.

(По общей нумерации тома CLXXVII).

МАРТЪ № 3.

	СТРАН.
СТАРАЯ И ЮНАЯ РОССИЯ. Романъ. Часть I. Дмитрія Гирса	1
НОВАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА, Лабуле . (<i>Продолженіе</i> . VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV)	105
НА РАЗВАЛИНАХЪ КОЛИЗЕЯ. (<i>Изъ Чайльд-Гарольда, Байрона</i>). Д. Л. Михаловскаго	147
КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ. (<i>Статья первая</i>). Г. З. Елисеева	151
ЖИВАЯ ДУША. Романъ. Часть III. Марка-Вовчка	187
СЪ РАБОТЫ. Стих. У.	262
ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО. (<i>По Миллю</i>). В. Покровскаго	263
ОСТОРОЖНОСТЬ. Стих. В.	313
РУССКОМУ ДИТЯТИ. Стих. П. М. Ковалевскаго	320
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША. Романъ Джекса Гринвуда (<i>продолженіе</i>)	81—128

АПРѢЛЬ № 4.

СТАРАЯ И ЮНАЯ РОССИЯ. Романъ. Часть II. Дмитрія Гирса	817
--	-----

- ✓ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО. (*Статья первая*). Странности и противорѣчія. Союзная власть, штаты и личность. Епископальная церковь. Пуритане. Пресвитеріане. Католики. Лютеране и нѣмцы вообще. Свободныя общины въ Америкѣ. Американская религіозность. Общія школы. Заведенія для высшаго образованія. Ихъ недостатки. Слѣдствія американской системы училищъ. Унитаріанцы въ Европѣ. Чэннингъ. Унитаріанцы въ Америкѣ. Баптисты. Тэпкеры. Квакеры. Уэслей и Уайтфильдъ. Методисты въ Англии и въ Америкѣ. Реви-вали 403
- ✓ БУДКА. Очеркъ Глѣба Успенскаго 471
- ✓ НОВАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА, Лабуле. (XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII). (*Окончаніе*) 495
- ОКЕАНЪ. (Изъ Чайльд-Гарольда, Байрона). Д. Л. Михайловскаго 529
- СВАТЪ И ЖЕНИХЪ, пѣсня Н. А. Некрасова 531
- ✓ ДВА ПАМЯТНЫЕ ДНЯ. Повѣсть В. Брестовскаго (автора романа «Въ ожиданіи лучшаго» и др.) 533
- РИМЪ (изъ Барбье) П. М. Ковалевскаго 633
- ПРОПАЛА КНИГА, стих. 655
- ✓ ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША. Романъ Джемса Гринвуда (продолженіе) 129—160

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

МАРТЪ № 3.

- АССОЦІАЦІИ, какъ подспорье для прогресса и распространенія научныхъ знаній. Н. Енна 1
- О НАШИХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ И ХУДОЖНИКАХЪ. Петербургскаго жителя 26
- КРИТИКА. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАУКИ И КНИГА УЭВЕЛЯ. («Исторія индуктивныхъ наукъ до настоящаго времени», сочиненіе *Вильяма Уэвеля*, въ трехъ томахъ. Переводъ съ англійскаго изданія *М. А. Антоновича* и *А. Н. Пытина*, съ примѣчаніями и біографическими приложеніями, составленными по нѣмецкому изданію *Литтрова*. Томъ I. П. Т. III-го I-й выпускъ) 36

НОВЫЯ КНИГИ. Дневникъ Іоанна-Георга Корба. Переводъ съ латинскаго <i>Женева</i> и <i>Семескаго</i> . — Миръ мошенниковъ. Переводъ съ французскаго <i>Л.</i> и <i>Д.</i> — Замѣчательные процессы. — Гражданская община античнаго міра, Фюстель де-Куланжа, пер. <i>Е. Корша</i> . — Библіотека историко-политическихъ наукъ. Древнее общество, Фюстель де-Куланжа, пер. <i>Н. А. Бабкина</i> . — Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Д. Гершеля, пер. <i>С. Рачинскаго</i> . — Чудеса древней страны пирамидъ, докт. Карла Опеля, перев. <i>Н. Страхова</i> . — Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ суда, <i>В. Н. Леонтьева</i> . — Одинъ въ полѣ не воня, романъ <i>Шильзагена</i>	88
ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ: Золотая Рыба, балетъ. Соч. Сень-Леона	91
СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ. Какъ изъ полукопейекъ дѣлаются тысячи? — Чтò дѣлаетъ «нашъ народъ»? — Чтò дѣлается въ Петербургѣ для просвѣщенія народа? — Общественныя увеселенія за прошедшій мѣсяць. — Народный театръ Берга. — Японцы. — Годовой отчетъ литературнаго фонда. — Общество «Бережливость». — «Наука жить хорошо». — Профессоры московскаго университета. — Права предсѣдателей. — Поправка	106
ПИСЬМО ПРОВИНЦІАЛА О ЗАДАЧАХЪ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ. . . р...р...	123

АПРѢЛЬ № 4.

КРИТИКА: ЖИВАЯ СТРУЯ. (Вопросъ о народности въ литературѣ) <i>А. М. Скабичевскаго</i>	143
НОВЫЯ КНИГИ. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. <i>Константина Ушинскаго</i> . Томъ первый. — Подвиги человѣческаго ума, сост. профессорами: <i>Бобринкомъ, Бетхеромъ, Колемаъ, Лукенбахеромъ и мн. др.</i> Пер. съ нѣм. <i>П. Ольхинъ</i> . Т. I. В. 1. — Отсталый и передовой. Романъ <i>П. П. Каратыгина</i> , въ трехъ частяхъ (sic). — Просвѣщеніе и цивилизація. <i>Кн. М. Г. Голицына</i> . — Бродящія силы. <i>В. П. Авенариуса</i>	184
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА: — МИСТИЧЕСКАЯ ЛЮБО Б (Spiritual Wives. By William Herworth Dixon, London. 1868). I—III	214

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ. Мрачныя картины. — Чортъ-консерваторъ. — Проскъ адреса холмскихъ «представителей передоваго сословія». — Не пора ли вспать. — Земле-владѣльцы и кабаки. — Увеличивается или уменьшается пьянство въ народѣ? — Совѣтъ «Женскому Вѣстнику». — Мужья и жены. — Оскорбленіе женщинъ. — Изгнаніе когото изъ пассажа. — Чтѣ ихъ ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ? — Петербургская паспортная система. — Судя у мирового судьи. — Какое можетъ быть отношеніе между налогомъ за паспорта и болѣзнями? — Московскія собаки — «первая инстанція полиціи». — Арестованіе старообрядческаго священника. — Процессъ г. Пѣтухова. — «Въ кутузку» за усердые аплодисменты. — Пустынникъ Сергіевскаго Посада. — Бирскій исправникъ. — Громкій судебный процессъ въ Петербургѣ. — Академическіе счеты. — Отвѣтъ комитету литературнаго фонда 242

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. (Письмо второе). Н. Гурьянъ 266

П Р И Л О Ж Е Н І Е :

ОГЛАВЛЕНІЕ, УКАЗАТЕЛЬ И ПОПРАВКИ БЪ «ОЧЕРКУ СТАТИСТИКИ НАРОДОВЪ И ГОСУДАРСТВЪ».

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА.

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ
Аничкова дворца, д. № 64 (Меншикова).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Словарь особенныхъ словъ, фразъ и оборотовъ англійскаго народнаго языка и употребительнѣйшихъ американизмовъ, не введенныхъ въ обыкновенные словари. Настоящая книга для изучающихъ англійскій языкъ, для переводчиковъ и читателей англійскихъ литературныхъ произведеній. Составилъ *В. Бутузозъ*. Слб. 1867. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 фун.

Принципъ Собачья. Три романа. Исторія парижской прессы. Соч. Эдуарда Лабуля. Слб. 1868. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 2 ф.

Евгеній Ошѣгинъ нашего времени. Романъ въ стихахъ Д. Д. Минаева. 2-е дополненное изданіе съ приближеніемъ разныхъ стихотвореній. Слб. 1868. Ц. 75 к. Вѣс. 1 ф.

Душа человѣка и животныхъ. Лекціи профессора В. Вундта. Перев. Е. К. Кеминца т. II. Слб. 1868. Ц. 8 р. Вѣс. 3 ф. Т. I. Слб. 1865. Ц. 8 р. Вѣс. 3 ф.

Линицы и Линицыя минеральныя воды съ 15 рис. видовъ и плановъ города Линицы и Линицыя минеральныя воды. Слб. 1868. Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Шедеврѣ въ переводѣ русскихъ писателей. Томъ четвертый изд. Н. Некрасова и Н. Гербеля. Слб. 1868. Ц. 8 р. 50 к. Вѣс. 3 ф. Томы I, II и III по 10 р. 50 к. каждый; вѣс. 7 ф.

Страницы изъ жизни страданій болгарскаго племени. Повѣсть и рассказы Любена Каразлова. М. 1868. Ц. 1 р. Вѣс. 2 ф.

Глухія нѣта, соч. Д. Стахана. Слб. 1868. Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Физическая географія, соч. Мери Сомервилль. Перев. А. Мина. М. 1868. Ц. 3 р. 50 к. Вѣс. 3 ф.

Земля и вода, соч. П. Л. Слб. 1868. Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Земледѣльческая химія Гошмана съ дополненіями профес. Энгельгардта. Слб. 1868. Ц. 2 руб. Вѣс. 2 ф.

Хозяйка, или полнѣе руководство къ сокращенію домашнихъ расходовъ съ указаніемъ стоимости каждаго блюда. Слб. 1868. Ц. 3 р. Вѣс. 3 ф.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ 6 ч. Соч. Ф. М. Достоевскаго. 2 т. Слб. 1867. Ц. 8 р. Вѣс. 3 ф.

Лекціи о душевныхъ болезняхъ д-ра Сенкеля. Перев. съ англійскаго В. Чехова. Слб. 1868. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 2 ф.

Новые писатели, сборникъ литературныхъ произведеній изд. подъ ред. Н. Тиблена. Слб. 1868. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к. Вѣс. 2 ф.

Ступѣ гражданскаго права К. Побѣдоносцева. 2 т. М. 1868. Ц. 8 р. 50 к. Вѣс. 3 ф.

Запѣтки по средно-азиатскому вопросу съ приложеніями и картой Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Соч. Романовскаго. Слб. 1868. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 2 ф.

Теорія счастья. Врачъ и его пациенты, двѣ естественно-научныя лекціи доктора Педерята. Слб. 1868. Ц. 40 к. Вѣс. 1 ф.

Теорія нравственныхъ чувствъ. Соч. А. Смита. Слб. 1868. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Исторія кампаніи 1815 года. Ватерлоо. Соч. Шарраса съ прилож. 7-ми картъ и плановъ. Перев. Пичугина. Слб. 1868. Ц. 3 р. Вѣс. 2 ф.

Обыкновенная исторія. Романъ И. Гончарова въ 2-хъ частяхъ. Новое исправленное изданіе. Слб. 1868. Ц. 1 р. 60 к. Вѣс. 2 ф.

Мартинъ средневѣковой жизни. Соч. Г. Фрейтага. Перев. Корсака. М. 1868. Ц. 2 р. Вѣс. 3 ф.

О воспитаніи и обученіи или педагогическіе цвѣты. Соч. Карла Пильца. Перев. С. Протопопова. М. 1868. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 2 ф.

Путешествіе во Флоренцію, записки китолова, д-ра Тверскаго. Перев. подъ ред. Н. Страхова. Слб. 1867. Ц. 2 р. 50 к. Вѣс. 3 ф.

Физиологія человека статистическая и динамическая. Соч. В. Дрэпера. Перев. съ 7-го англійскаго изданія подъ ред. д-ра Я. А. Дедюлина и профес. И. М. Сорокина. 3 т. Слб. 1867. Ц. по подлинн. 4 р. 50 к. Съ выходомъ 2-го т. цѣна высится.

Смѣшныя шутки Александра Волгина (Чижикъ). Слб. 1866 года. Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ АНДЕРСЕНА

въ переводѣ Петра Вейнберга, съ биографическимъ очеркомъ Андерсена и съ 120 картинками, дѣланными за границей. Слб. 1868. Цѣна въ мягк. съ переплетомъ въ корешкомъ 1 руб. 60 к., въ красивомъ англійскомъ переплетѣ 2 рубля.

Сказки знаменитаго датскаго писателя Андерсена не даромъ пользуются громадною популярностью во всей Европѣ, не даромъ переведены почти на всѣ европейскіе языки. Андерсенъ не тотъ сказочникъ, который только ищетъ тѣнить фантазію и занимать умъ ребенка или страшными бреднями, съ дѣтства разстроивающими мозгъ изображеніемъ всевозможныхъ ужасовъ, съ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, лишь бы изумить дитя какою-нибудь диковинкой. Понимая, что фантастическій элементъ очень свойственъ дѣтскому возрасту, Андерсенъ часто прибѣгаетъ къ нему, но только потому, чтобы въ формѣ фантастическаго разсказа провести какую-нибудь мысль или выказать какую-нибудь фактъ, прямо выхваченный изъ дѣйствительности. Человѣкъ со всеми его слабостями, хорошими качествами, смѣшными сторонами и т. п. отражается въ каждомъ разсказѣ этого высоко-талантливаго писателя, при этомъ и мысля изъ сказокъ его дышутъ глубочайшею поэзіею, огромное достоинство которой состоитъ въ томъ, что она равно охватываетъ свою прелестью и взрослого, сознающаго ее душой и умомъ, и ребенка, инстинктивно восторгавшагося ею.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

Школы для фортепiano.

Контскій. *Полная школа* для фортепiano съ изложеніемъ теоріи музыки, дополненная призрами изъ произведеній классическихъ композиторовъ и руководствомъ къ изученію генерал-баса. Третье переработанное и умноженное изданіе (3 р.).

Вейеръ. *Дѣтская фортепiанная школа*, предназначенная исключительно для самыхъ малолѣтнихъ учениковъ и посвященная матерямъ семействъ. Съ прибалженіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для фортепiano (8 р.).

Бернардъ. «L'Enfant pianiste». Собрание легкихъ пьесокъ для дѣтей, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ, съ цѣлію возбудить въ малютахъ охоту къ музыкѣ, посвящается добрымъ матерямъ, которыя хотятъ сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепiанной игры. 4-е умноженное изданіе (1 р. 50 к.). *Ежедневныя упражненія.* Продолженіе къ собранію легкихъ пьесокъ для дѣтей (1 р. 50 к.). *Дѣти за фортепiano.* 25 маленькихъ пьесъ въ 4 руки. Продолженіе къ «L'Enfant pianiste» (1 р. 50 к.).

Гюнтель. *Полная школа* для фортепiano. Новѣйшее изданіе просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ 2 и 4 руки. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (3 р. 50 к.).

Упраженія для фортепiano.

Köhler. Die ersten Etuden für jeden Clavierschüler op. 50. Первые упражненія для учащихся на фортепiano, какъ техническое основаніе виртуозности (1 р. 30 к.). Immerwährende Etuden in Doppel-Passagen, a) technische Grundlage zur Virtuosität. Op. 60 (1 р. 30 к.).

Bargmüller. 25 Etudes faciles et progressives composées et doigtées expressément pour l'étendue des petites mains. Op. 100 (2 р.).

Duvernoy. Ecole du mécanisme, 15 Etudes composées expressément pour précéder celles de la vitesse de Czerny. Op. 120 (2 р.). Ecole du Style en 12 études, op. 168 (2 р. 30 к.).

Негъ. Collection d'exercices, gammes et passages, d'une difficulté progressive à l'usage des élèves qui désirent faire des progrès rapides. Nouvelle édition augmentée (1 р. 30 к.).

Квиндигера. Фортепианные прелюдии для любителей, как введенный в печать (1 р.).

Mayer. 24 préludes d'amateurs (2 р.).

Moschales. 24 Etudes célèbres. Op. 70. Nouvelle édition. Liv. 1 (3 р. 50 к.) Liv. 2 (3 р.).

Navina. Hommage aux artistes. Etudes de style et de perfectionnement op. 14. Liv. 1. 2 (каждая 1 р. 75 к.).

Schmitt. Exercices préparatoires (85 к.).

Свергу. Etudes de la vélocité op. 299 (2 р. 85 к.). Exercices journaliers op. 287 (3 р.).

Bertini. 25 études faciles pour les petites mains op. 100 (1 р. 70 к.). 46 études pour précéder celle de Cramer. Op. 29. № 32. Liv. 1. 2 (каждая 1 р. 70 к.).

Cramer. Etudes célèbres. Liv. 1. 2 (каждый 1 р. 70 к.).

Для пѣнія.

Асманскій. Руководство къ обученію въ народныхъ школахъ пѣнію (60 к., вѣс. за 2 ф.). 64 русскія народныя пѣсни, составленныя на 4, 5 и 6 голосовъ (60 к., вѣс. за 1 ф.).

Рожневъ. Руководство для обучающихъ пѣнію (20 к., вѣс. за 1 ф.). Новая азбука для пѣнія (1 р., вѣс. за 1 ф.). Потная азбука для пѣнщиковъ хорошихъ (4 р., вѣс. за 3 ф.). Элементарныя уроки пѣнія со слогами (20 к., вѣс. за 1 ф.). Собраніе молитвъ, арранжированныхъ на детские голоса (10 к., вѣс. за 1 ф.). Родныя звуки. Собраніе народныхъ пѣльвовъ, арранжированныхъ на четыре однородные голоса (четыре дисванты и альты или теноры и басы) (1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.).

Карпенко. 115 малороссійскихъ пѣсень, думъ и романсовъ для одного голоса съ аккомп. фортепиано (7 р.).

Вершардъ. Пѣсни русскаго народа для одного голоса съ аккомп. фортепиано. 140 пѣсень въ 4-хъ отдѣленіяхъ. Новое переизданное и дополненное изданіе съ красивымъ заглавнымъ листомъ (6 р.).

— Собраніе дѣтскихъ пѣсенокъ, составленныхъ для забавы и развитія слуха и голоса. 2 тетр. (каждая 1.).

Идлича. Собраніе малороссійскихъ народныхъ пѣсень для одного голоса съ аккомп. фортепиано. 2 части, въ каждой по 50 избранныхъ пѣсень (Цѣна каждой части 4 р.).

Вотковскій. Шесть духовныхъ пѣсней для одного голоса съ аккомп. фортепиано (1 р.).

Камнеровъ. Романсы и пѣсни: № 1. Есть наслажденіе и въ днѣхъ скорби (50 к.). № 2. На холмахъ Грузіи (60 к.). № 3. Дума соловья (50 к.). № 4. Сонъ дѣвушки (40 к.). № 5. Съ радости веселья (50 к.). № 6. Тускло мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ (40 к.). № 7. Что ты влюбленъ въ водами (50 к.). № 8. Дѣвъ пѣсни: 1) Какъ по вольной волѣнѣ; 2) Какъ здоровъ да молодъ (50 к.). № 9. Колыбельная пѣсня (40 к.). № 10. Я по терему хожу (40 к.). № 11. Весна (40 к.). № 12. Прости (40 к.).

Дерфельдтъ. Романсы: № 66. Да я люблю (60 к.). № 67. Ты мила и груда (50 к.). № 68. Слезы былыя (40 к.). № 69. Полно сердца, ты съ тобой (60 к.). № 70. Не позабудь меня вдали. Дуэль (60 к.).

При магазинѣ М. Бернарда находится полное дело *духовно-музыкальныхъ сочиненій*, издаваемыхъ придворною камерною капеллою. Каталогъ оныхъ пишется по требованію.

Для фортепиано въ 4 руки.

Бергардъ. Amusements des jeunes pianistes. 24 petits morceaux Liv. 1 à 4 (кажда 1 р.).

— «Les enfants au piano». Собраніе 25 маленькихъ пьесъ (1 р. 50 к.).

Arditi. Il bacio. Célèbre valse (60 к.). La Stella. Valse (75 к.).

Ascher. Dozia. Mazurka-mélodie (85 к.).

Beethoven. Marche turque des Ruines d'Athènes (60 к.).

Beyer. Martha. Petite fantaisie (1 р.).

Cramer. Le Pardon de Ploërmel. Potpourri (1 р. 80 к.).

Даргомыжскій. Малороссійскій казачекъ. Фантазія (1 р. 58 к.). Славянская Тарантелла для игры съ тѣмъ, кто вовсе не умѣетъ играть (75 к.).

Diabelli. 28 melodische Uebungstücker. 28 мелодическихъ упражненій въ объемѣ 5 нотъ. Op. 149, 2 тетради (кажда 85 к.).

Flotow. Ouvertures: Martha (1 р. 80 к.). Stradella (1 р.).

Heusselt. Polka favorite (75 к.).

Каргу. Mazurka mélancolique (1 р.). Première marche (1 р.). Seconde marche (1 р.).

Ketterer. Grand caprice hongrois (1 р. 15 к.).

Kentski. Le reveil du lion. Caprice herolque (1 р. 50 к.). Чародѣйка. Любимый вальсъ (1 р. 15 к.).

Kuhe. Récréation musicale (85 к.). Impromptu Styrien (75 к.). La joyeuse. Morceau de salon (85 к.).

Lachner. Marche célèbre de la 1-re Suite (75 к.).

Lefebvre-Wely. Les cloches du monastère (60 к.).

Lenz. Mazurka (75 к.).

Louis. Don Pasquale. Fantaisie (1 р.).

Meltzer. Mélodie champêtre. Pièce de salon (1 р. 80 к.).

Mendelssohn-Bartholdy. Ouvertures: Athalia (1 р. 80 к.). Les Hebrides (1 р. 40 к.). Ruy Blas (1 р. 15 к.). Hochzeits-Marsch aus dem Sommernachtstraum (60 к.). Marche militaire d'Athalie (6 к.).

Nicolai. Die lustigen Weiber von Windsor (1 р. 80 к.).

Osborne. Le barbier de Séville. Duo brillant (1 р. 50 к.).

Reissiger. Die Felsenmühle. Ouverture (1 р. 80 к.).

Шубертъ. Вузелъ изъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ. Потурри, исполненный оркестромъ г. Страусса (2 р.).

Vilbac. L'Elisire d'amore. Duo dramatique (1 р. 80 к.). Beatrice di Tenda. Duo dramatique (1 р.). Beautés de Zampa (1 р. 50 к.). Beautés du Barbier de Séville (1 р. 80 к.).

Vogt. Allegro brillant (1 р. 15 к.).

Voss. Fantaisies: Les Huguenots (1 р. 50 к.). La Juive (1 р.). Lucrezia-Borgia (1 р. 80 к.). Martha (1 р. 15 к.).

Wagner. Marche célèbre de l'opéra Tannhäuser (1 р.).

Weber. Der Freischütz. Ouverture (1 р.).

Weiß. Oberon. Grand duo (1 р. 40 к.). Il Trovatore. Duo brillant (1 р.). Maria di Rohan. Divertissement (1 р.).

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Гунка. Полное руководство въ сочиненіи музыки. Новое дополненіе нѣ съ портретомъ автора (7 р., съ пересыломъ 8 р.). Руководство въ изученіи гармоніи, кратко собственное въ самоученіи (3 р. Цѣна о музыкѣ (40 к., вѣс. за 1 ф.).

Глейхъ. Руководство въ новейшей инструментальной (1 р., вѣс. за 1 ф.).

Кольбе. Краткое руководство въ изученіи генерал-баса (70 к., вѣс. за 1 ф.).

Лебе. Музыкальный катехизисъ (60 к., вѣс. за 1 ф.).

Морковъ. Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала и до н. в. (1 р., вѣс. за 1 ф.).

Шуванъ. Совѣты молодымъ музыкантамъ (36 к., вѣс. за 1 ф.).

Соколовъ. Феліксъ Мендельсонъ-Бартольдъ. Біографическій очеркъ (3 к., вѣс. за 1 ф.).

Выписывающіе ноты на сумку не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ выписку нѣ процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., получаютъ означенною уступкою, и кромя того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгоды этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно къ издательству М. Бернгардъ. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромя изданій придворной вѣдеческой канцелярии, изданій изданій классической музыки и оперъ и сочиненій, изданныхъ самимъ издателемъ, цѣны которыхъ крайнія и за пересылку оныхъ прилагается с. 666.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го апрѣля четвертая тетрадь музыкальнаго приложенія «Нувелистъ» (годъ ХХІХ), содержавшая въ себѣ новѣйшія сочиненія Кеттерера, Келера, Ардити, Эгарда и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 16 р. съ пересылкою 11 р. 50 к.).

Желающіе подписаться на «Нувелистъ» получаютъ слова всѣхъ театровъ вышедшія сначала вышедшаго года.

Вновь получены: *роляы, піанино берлинской фабрики Зейлера, скрипки, смычки, флейты, гитары, имтры, гармонифлейты, метрономы, клавиры* и проч. по весьма умирнымъ цѣнамъ.

Дено лучшига италяйскага струна.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I. Европейскія государства.

Великобританія.

	стр.
Пространство и народонаселеніе.....	1
Движеніе народонаселенія и эмиграціи.....	1—2
Города.....	2—3
Финансы.....	3—4
Военныя силы.....	4—5
Промышленность: производство минераловъ и металловъ.....	5
Число фабрикъ и рабочихъ.....	5—6
Заработная плата.....	6
Торговые обороты.....	6—7
Потребленіе мяса и колоніальныхъ товаровъ.....	7
Число бѣдныхъ.....	7—8
Положеніе Ирландіи.....	9
Народное образованіе.....	10—11
Железныя дороги, почта, телеграфъ.....	11—12
Обращеніе банковыхъ билетовъ.....	12
Народное имущество.....	—
Монета, мѣра, вѣсъ.....	12—13
Британскія владѣнія въ Европѣ и Америкѣ.....	13—14
Владѣнія въ Африкѣ и Австраліи.....	14
Владѣнія въ Азій.....	15—19
Общее обзорѣніе ихъ.....	19
<i>Франція.</i>	
Пространство и народонаселеніе.....	19—22
Распределеніе жителей по полу.....	22
Движеніе народонаселенія.....	22—23
Незаконнорожденные и немощные.....	24—26

	Средняя продолжительность жизни.....	26
Вѣроисповѣданія и племена.....		26—27
Общины.....		27
Доходы и расходы государства.....		28—29
Увеличеніе расходовъ во времена второй имперіи.....		29—30
Расходы государства въ прежнее время.....		30—31
Государственный долгъ.....		32—34
Военныя силы.....		34—36
Народное образованіе.....		36
Преступленія и проступки.....		36—37
Пролетаріатъ.....		37—38
Сберегательныя кассы.....		38
Пенсионная и вспомогательная кассы.....		—
Занятія жителей.....		38—39
Торговля.....		39—40
Почта, телеграфъ и железныя дороги.....		41
Мѣра, вѣсъ и монета.....		41—42
Внѣшнія владѣнія: Алжиръ.....		42
Владѣнія въ Америкѣ, Африкѣ и Азій.....		—
Острова южнаго моря.....		43

Россія.

	Пространство и народонаселеніе.....	43—45
Движеніе народонаселенія.....		45—46
Вѣроисповѣданія и племена.....		47
Города и деревни.....		48
Разработка почвы. Земледѣльческая промышленность.....		48—52
Скотоводство.....		53
Минеральныя богатства.....		53—54
Промышленность, обрабо-		

тывающая сырой матери- аль.....	54—56
Внутренняя торговля: армар- ки.....	56
Судоходство по главнѣй- шимъ рѣкамъ.....	—
Внѣшняя торговля.....	57—58
Доходы и расходы государ- ства.....	58—62
Увеличеніе расходовъ и до- ходовъ съ 1845 по 1866-й годъ.....	63
Сумма государственнаго дол- га къ 1866 году.....	64
Факты изъ исторіи русскихъ финансовъ.....	64—65
Происхожденіе государст- веннаго долга.....	65—67
Городское хозяйство.....	67
Финансы Финляндіи.....	—
Сухопутныя и морскія во- енныя силы.....	—
Составъ народонаселенія... Составъ городскихъ и сель- скихъ сословій.....	68
Факты изъ уголовной ста- тистики.....	68—69
Народное образованіе.....	69—71
Желѣзныя дороги.....	71
Телеграфъ и почта.....	72
Монета, мѣра и вѣсъ.....	—
<i>Австрія.</i>	
Пространство и народона- селеніе.....	72—73
Распределеніе жителей по племенамъ.....	—
Вѣроисповѣданія.....	73—75
Движеніе народонаселенія... Незаконнорожденные и мер- твоорожденные.....	75
Бюджетъ на 1864 г. Исто- рія австрійскихъ финан- совъ.....	75—76
Государственный долгъ.....	78—79
Его исторія.....	79
Военныя силы.....	80—81
Общественныя отношенія: распределеніе жителей по общественному положе- нію и занятіямъ.....	81—82
Школы.....	—
Степень грамотности народа	83
Народное хозяйство.....	—
Торговый флотъ.....	83—85
Желѣзныя дороги.....	85
Телеграфъ.....	—
Почта.....	86
Національный банкъ.....	—

Денежная цѣнность народ- наго богатства.....	—
Сберегательныя кассы.....	67
Налоги на потребленіе....	—
Монета, мѣра, вѣсъ.....	—
<i>Пруссія.</i>	
Пространство и народона- селеніе.....	88—89
Новыя приобрѣтенія.....	90
Движеніе народонаселенія..	—
Средняя продолжительность жизни.....	91
Вѣроисповѣданія.....	91—92
Племена.....	92—93
Города.....	—
Распределеніе почвы по ея вѣдѣнію.....	93
Финансы.....	93—96
Увеличеніе расходовъ съ 1849 года.....	—
Исторія госуд. долга.....	97
Военныя силы.....	97—98
Народное образованіе.....	98—99
Факты изъ уголовной ста- тистики.....	—
Занятія жителей.....	100
Горнозаводская промышлен- ность и земледѣліе.....	100—101
Скотоводство.....	—
Мануфактурная промышлен- ность.....	101—102
Внѣшняя торговля.....	—
Желѣзныя дороги.....	102—103
Телеграфъ и почта.....	—
Судоходство.....	—
Сберегательныя кассы.....	—
Народный доходъ.....	—
Монета, мѣра, вѣсъ.....	104
НОВОПРИБРѢТЕННЫЯ ВЛАДѢНІЯ:	
<i>Шлезвигъ-Гольштейнъ...</i>	
<i>Ганноверъ.....</i>	104—105
Пространство и народонасе- леніе Ганновера.....	—
Вѣроисповѣданія.....	—
Города.....	—
Финансы.....	105—106
Общественный строй Ганно- вера.....	—
Промышленность, сберега- тельныя кассы, желѣзныя дороги.....	—
Судоходство.....	106—107
<i>Гессенъ.</i>	
Пространство, населеніе, фи- нансы.....	107

Войско	107	Народное просвѣщеніе....	126—127
<i>Нассау</i>	108	Желѣзныя дороги, теле-	
<i>Гессен-Гомбургъ</i>	108—109	графъ	127
<i>Сѣверный Германскій Со-</i>		Мѣры и вѣсъ	—
<i>юзъ.</i>		<i>Виртембергъ.</i>	
Пространство и народона-		Пространство и народона-	
селеніе	109—110	селеніе	127
<i>Саксонія.</i>		Финансы	128
Пространство и народона-		Войско	—
селеніе	110	Общественныя отношенія..	129
Города	110—111	<i>Баденъ.</i>	
Финансы, войско, промыш-		Пространство и народона-	
ленность, желѣзн. дороги	—	селеніе	129—130
<i>Мекленбургъ-Шверинъ.</i>		Финансы	130
Пространство и народона-		<i>Германскій Таможенный</i>	
селеніе	112	<i>Союзъ.</i>	
Финансы и войско	—	Его составъ	131
Общественныя отношенія..	112—113	Доходы Союза съ 1832 г..	131—132
<i>Мекленбургъ-Стрелицъ</i>	114	Сумма торговых оборотовъ	
<i>Ольденбургъ</i>	—	Герм. Таможенного Союза	—
<i>Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ.</i>	114—115	Производство желѣза и до-	
<i>Брауншвейгъ</i>	—	бываніе каменнаго угля.	—
<i>Ангальтъ</i>	—	Протяженіе желѣзныхъ до-	
<i>Саксенъ-Мейнингенъ</i>	116	рогъ	133
<i>Саксенъ-Кобургъ-Гота</i>	—	Телеграфы и почта	—
<i>Саксенъ-Альтенбургъ</i>	116—117	Общества страхованія жвз-	
<i>Типпе-Детмольдъ</i>	—	нъ	133—134
<i>Шаумбургъ-Липпе</i>	—	Выпущ. учебныя заведенія	
<i>Вальдекъ</i>	—	Германіи	134
<i>Шварцбургъ-Рудольштадтъ</i>		Эмиграція изъ Германіи ...	134—135
и <i>Шварцбургъ-Зондерсга-</i>		Монета, мѣра, вѣсъ, упо-	
<i>узенъ</i>	118	требляемые въ герман-	
<i>Рейсъ</i>	—	скихъ государствахъ....	136—137
ВОЛЬПЫЕ ГОРОДА:		<i>Италія.</i>	
<i>Гамбургъ</i>	118—119	Пространство и народона-	
<i>Любекъ</i>	—	селеніе	136
<i>Бременъ</i>	119—120	Города	136—137
<i>Гессенъ</i>	120—121	Финансы	137—138
ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА, НЕ		Государственный долгъ....	139
ПРИНАДЛЕЖАЮЩАЯ КЪ СѢВЕРНО-		Составъ войска	—
МУ СОЮЗУ:		Общественныя отношенія:	
<i>Баварія.</i>		занятія жителей	139—140
Пространство и народона-		Народное образованіе....	140—141
селеніе	121—122	Торговля	—
Финансы	122—123	Судоходство	142
Войско	123	Производство шолка.....	142—143
Общественныя отношенія:		Телеграфы и почта	143
степень свободы промыш-		Монета	—
ленности	124	<i>Церковная область.</i>	
Производительность земель.	—	Пространство и населеніе.	143
Семейныя отношенія	124—125	Финансы	143—144
Факты изъ уголовной ста-		Войско	147
тистики	125	Общественныя отношенія..	147—148
Занятія жителей	—	Торговля и промышленность	148—149
		Желѣзныя дороги	—

Железные дороги, телеграфы и почта..... 149
 Монета..... —

Бельгия.

Пространство и народонаселение..... 149—150
 Движение населения..... 150
 Племена..... —
 Финансы..... 150—151
 Войско..... 151
 Общественныя отношенія.. —
 Промышленность..... —
 Торговля..... —

Нидерланды.

Пространство и народонаселение..... 151—153
 Финансы..... 152
 Войско..... —
 Общественныя отношенія.. —
 Монеты, мѣра..... —
 Колонія..... 153

Данія.

Пространство и народонаселение..... 153
 Вѣроисповѣданія..... —
 Особія владѣнія Даніи.... 154
 Города..... —
 Финансы..... —
 Государственный долгъ.... —
 Войско..... —
 Торговля..... —
 Монеты..... —

Швеція.

Пространство и народонаселение..... 154
 Финансы..... 155
 Войско..... —
 Флотъ..... —
 Промышленность, торговля, судоходство..... 155—156

Железные дороги..... 154
 Общественныя отношенія.. —
 Монета..... —

Норвегія.

Пространство и народонаселение..... 157
 Финансы..... —
 Общественныя отношенія.. 157—158

Испанія.

Провинціи и ихъ населеніе. 159—160
 Занятія жителей и ихъ общественное положеніе... 160
 Физическіе недостатки.... —
 Города..... 160—161
 Финансы..... 161
 Войско и флотъ..... —
 Общественныя отношенія.. 161—163
 Промышленность и торговля 163—165
 Вышнія владѣнія..... 164

Португалія.

Провинціи и ихъ населеніе 164
 Финансы..... 165
 Промышленность..... —
 Торговля..... 166
 Вышнія владѣнія..... —

Греція.

Пространство и народонаселение..... 166
 Финансы..... 166—167
 Промышленность..... 167
 Общественныя отношенія.. 167—168

Турція.

Пространство и населеніе..... 168—169
 Финансы..... 169
 Торговля и промышленность 170
 Государства, находящіяся подъ покровительствомъ Турціи..... 170—171

Отдѣлъ II. АМЕРИКА И ОСТАЛЬНЫЯ ЧАСТИ СВѢТА.*Соединенные Штаты Сѣверной Америки.*

Пространство и населеніе. 173—175
 Вѣроисповѣданія..... 175
 Эмиграція..... 176
 Финансы..... 176—177

Государственный долгъ.... 177—178
 Войско..... 178—179
 Промышленность и торговля 180—181
 Народное образованіе..... 181—184

Мексика.

Пространство и населеніе. 184—185
 Общественныя отношенія.. 185—186

<i>Государства центральной Америки</i>	186		
Новая Гренада, Венесуэла, Эквадор и Перу.....	187—188	<i>Китай.</i>	
Боливия, Чили и Аргентинский союз государств.	188	Пространство и население.	190
Парагвай, Уругвай и Бразилия	189	Финансы и войско.....	—
Гаити и Санъ-Доминго.....	190	Торговля	190—191
		<i>Японія</i>	191—192
		Персія.....	192
		Сіамъ.....	193

Отдѣлъ III. ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пространство и народонаселеніе европейскихъ государствъ	195	По Блоку.....	199—200
Государства Америки, Азии, Африки и Австраліи.....	196	Обзоръ государственныхъ долговъ.....	200—201
Вѣроисповѣданія на земномъ шарѣ.....	196—197	Издержки на крымскую и итальянскую войны.....	201—202
Племена въ Европѣ.....	197—198	Постоянныя войска въ европейскихъ государствахъ.	202—204
Владѣнія европейскихъ государствъ внѣ Европы.....	198	Железныя дороги.....	204
Ежегодный бюджетъ европейскихъ госуд. по Кольбу..	199	Телеграфы.....	—
		Пауперизмъ.....	—
		Народное образованіе.....	—

въ пятилѣтіе отъ 1836—40.....	71,104—7,41	проц. всѣхъ рожденій.
» » » 1841—45.....	69,768—7,15	» » »
» » » 1846—50.....	67,994—7,16	» » »
» » » 1851—55.....	63,687—7,29	» » »
Въ 1861 г.....	76,697—7,63	» » »

Эта послѣдняя цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ департам. Сены незаконн.	16,134	Общес число рожденій	60,889
» городахъ остальной Франціи	30,920	» » »	257,719
» деревняхъ » »	29,623	» » »	686,470
	76,697	» » »	1.005,078

И такъ, въ департаментѣ Сены незаконнорожд. составляютъ 26,53%, въ городахъ 12%, въ деревняхъ — 4,32% всего числа рожденій.

Мертворожденныхъ въ 1861 году было 45,024, т.-е. 4,29% всего числа рожденій. И такъ, въ сущности число родившихся во Франціи въ 1861 году 1.050,102.

10,782 женщины произвели на свѣтъ по два ребенка.

133 » » » » три »

Смертность. Сумма всѣхъ смертныхъ случаевъ въ годъ была:

1836—40.	799,817—1	умершій на	42,35	жителей.
1841—45.	785,983—1	» »	44,29	»
1846—50.	848,348—1	» »	41,97	»
1851—55.	870,670—1	» »	39,67	»
1856—60.	870,000—1	» »	41,67	»

Одинъ смертный случай приходится на 39,52 человѣкъ въ департаментѣ Сенскомъ (Парижъ).

Въ городахъ остальной Франціи 1 смертный сл. на 40 человѣкъ
» деревняхъ » » 1 » » » 45,65 »

Заслуживаетъ вниманія распредѣленіе числа умирающихъ по отдѣльнымъ годамъ.

1845 (благопріятный въ матеріальномъ отношеніи годъ)	741,985	умершихъ.
1846 (начало дороговизны)	820,918	»
1847 (сильная дороговизна)	849,054	»
1848 (политическія волненія)	836,693	»
1849 (холерный годъ)	982,008	»
1850 (дешевизна жизненныхъ припасовъ)	761,610	»
1854 (война, дороговизна и холера)	992,779	»
1855 (война)	936,833	»
1856 (благопріятный годъ)	835,017	»
1859 (ит. война)	990,000	»

Сообщаемъ здѣсь нѣсколько новыхъ данныхъ по статистикѣ народонаселенія Франціи. По переписи 1866 года жителей во Франціи оказалось 38.067,094; слѣд. въ 5 лѣтъ (съ 1861) оно увеличилось на 680,933.

Мужескаго пола	19.014,109
Женскаго	19.052,985

Въ 58 департаментахъ народонаселеніе увеличилось, въ 31 уменьшилось. Всего больше уменьшилось въ Маншскомъ (на 17,522), въ Орнскомъ (на 8,732), въ Майеннскомъ (на 7,308), Кальвадосскомъ (на 6,083), въ Воклюзскомъ (на 6,976), Пюв-де-Домъ (4,719), Ло и Гароннѣ (4,103), д. Эри (4,194), д. Нил-Альновъ (3,368), Верхнихъ—(2,983), Жерск. (3,239), Мааск. (3,885), Кантальск. (2,529), Дромск. (2,453).

Всего въ 31 департаментѣ уменьшилось народонаселеніе на 106,459 ч.

Въ остальныхъ 58 оно увеличилось на 787,392 (всего болѣе въ Сенскомъ 197,256, въ Сѣверномъ 88,661, Жиронды 34,662, устье въ Роны 40,791, Сены и Оазы 20,654, Финистер. 34,735).

Родившихся въ 1864 году было:

мальчиковъ	516,160
дѣвочекъ.	489,720
Всего	1.005,880

Въ томъ числѣ *незаконнорожденныхъ* 75,900, именно:

ВСЕГО ЧИСЛО РОДИВШИХСЯ.

Въ департаментахъ Сены	15,984	или 25,76%
» городахъ	29,669	» 11,42%
» деревняхъ	30,247	» 4,12%

Между ними совершенно непризнанныхъ 66,13%. Мертворожденныхъ въ 1864 г. 46,641.

1864: двойни 10,718 женщинами, тройни 113 (четв. 1).

Бракотъ сочетавшихся въ 1864 — 299,579 паръ.

Смертность въ 1864 году 860,330 или 2,27% всего народонаселенія.

Средняя продолжительность жизни, по таблицамъ Дювье была: до революціи 1789 года — 28½ лѣтъ. Въ нынѣшней столѣтій:

	МУЖЕСКІЙ П.		ЖЕНСКІЙ П.		ОБОИХЪ П.	
	ЛѢТЪ.	МѢС.	ЛѢТЪ.	МѢС.	ЛѢТЪ.	МѢС.
1806—1809 включительно	30	6	32	7	31	6
1810—1814	30	7	33	3	31	10
1815—1819	30	8	33	0	31	10
1820—1824	30	2	32	8	31	5
1825—1829	31	5	33	11	32	8
1830—1834	32	1	35	0	33	6
1840—1844	33	5	36	4	34	11
1845—1849	33	5	36	7	35	0
1850—1854	35	0	38	4	36	8
1855—1859	33	8	37	2	35	5
1860	36	0	38	8	37	4
1861	33	4	36	4	34	10
1862	35	2	38	2	36	4
1863	34	11	37	11	36	4
1864	36	4	39	1	37	6

Отъ 1789 по 1801 в. среднее число лѣтъ жизни въ департаментахъ Франции.

Немоцныя. Въ 1861 году было сумасшедших 44,970 (изъ нихъ 20,527 въ домахъ умалишенныхъ), глухонѣмыхъ — 29,512, слѣпыхъ 37,662, хромыхъ 75,063, горбатыхъ 44,619, лишенныхъ одной или обѣихъ рукъ 9,077, одной или обѣихъ ногъ 11,301. Изъ 267,333 молодыхъ людей, призванныхъ къ военной службѣ, оказалось негодными, по причинѣ физическихъ недостатковъ, 80,320 человекъ.

Въ 1860 году число больныхъ, которые могли помѣститься въ 99 пріютахъ для умалишенныхъ (asiles), простиралось до 31,550.

Свободныхъ мѣстъ было 1,321.

	СУМАСШЕДШИХЪ (fous)	ИДИОТОВЪ	КРЕТИНОВЪ
Въ 1856 помѣщено въ пріютахъ	22,602	2,840	43
» 1860 » » »	25,147	3,577	37
» 1861 » » »	26,450	3,746	43

Въ томъ числѣ мужчинъ 14,582, женщинъ 15,657.

Умалишенныхъ, не помѣщенныхъ въ пріюты (asiles), было:

1851.....	24,433	Цифры меньшія дѣйствительныхъ, ибо
1856.....	34,004	многія семейства не показываютъ сво-
1861.....	53,160	ихъ больныхъ (при переписи) больными.

И такъ, число умалишенныхъ въ 1861 году: 84,214.

Въ заведенія для умалишенныхъ въ 1860 году принято 10,785, выпущено изъ нихъ — 9,307.

Изъ 38,988 больныхъ, принятыхъ въ 1856 — 60 г. въ пріюты (asiles) для умалишенныхъ, о 8,250 нѣтъ свѣдѣній.

Изъ остальныхъ 30,738 у 4,056 эта болѣзнь наследственная.

Наслѣдственный идиотизмъ—у 260 ч. (изъ 2,117).

Отъ физическихъ причинъ лишились ума 15,866, отъ нравственныхъ 10,356.

ФИЗИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ.

Старость	2,098
Бѣдность	1,008
Онанизмъ и половыя злоупотребленія	1,026
Пьянство	3,455
Vice congénital.	474
Болѣзни женскія	1,692
Падучая болѣзнь	1,498

ПРОЧІЯ БОЛѢЗНИ:

Нервной системы	1,136
Паденіе, раны, ушибы	398
Разныя болѣзни.	2,017
Прочія физическія причины.	1,164
	15,886

ПРАВСТВЕННЫЯ ПРИЧИНЫ.

Чрезмѣрный умственный трудъ	358
Домашнія печали	2,548
Потеря имущества.	851
Потеря дорогаго человѣка	803
Удары честолюбія.	520
Угрызенія совѣсти	102
Гнѣвъ	123
Радость	31
Оскорбленное цѣломудріе	69
Любовь	767
Ревность	456
Гордость	368
Политическія событія.	123

Быстрый переходъ отъ дѣятельной къ недѣят. жизни и наоборотъ.	84
Уединеніе.	115
Тюремное заключеніе обыкновенное	113
Однoчное заключеніе	26
Носталгія.	75
Крайности въ религіозности	1,095
Другія нравственныя причины	1,725
	10,357

Изъ 13,657 умалишенныхъ, исцѣлившихся съ 1856 по 1860. помѣшавшихся отъ физическихъ причинъ было 5,253, отъ нравственныхъ 4,536.

Съ 1864 по 1860 умерли въ убѣжищахъ для умалишенныхъ 26,500 больныхъ.

Самоубійство было въ теченіе 17 лѣтъ отъ 1836 до 1852 годъ 52,136, или по 3,066, среднимъ числомъ, въ годъ:

въ 1860 году ихъ было	4,050
» 1861	4,454

Распределеніе народонаселенія Франціи по *трудоисповѣданіямъ*. Въ 1851 году, по официальнымъ свѣдѣніямъ, считалось:

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Ааргау, 144.
Аббевиль, 21.
Або-бьервборская губ., 45.
Абхазія, 44.
Авейронскій деп., 20.
Августовская губ., 45.
Авила, 159.
Авиньонъ, 20.
Австралийскія влад. Англіи, 14.
Австрія (имперія), 72—87.
Австрія (Верхняя), провинція, 73.
Австрія (Нижняя) » 73.
Аграмъ, 73.
Азія (Малая), 167.
Азіатскія влад. Англіи, 15.
» » Голландіи, 152.
» » Россіи, 44—45.
» » Франціи, 42.
Алабама, 174.
Александрія, 171.
Алемтежо, 164.
Альгарвія, 164.
Альмерія, 159.
Альповъ (Верхнихъ) деп., 19.
» (Нижнихъ) » 19.
С.-Американскіе Соед. Штаты, 173—
184.
Амстердамъ, 151.
Амурская обл., 44.
Амьенъ, 21.
Анжеръ, 20.
Анжия, 1—19.
Аннабергъ, 111.
Ангудемъ, 22.
Антверпенъ, 149.
Антигоа, 14.
Апенцель, 144.
Арабистанъ, 167.
Аралъ, 73.
Арденскій деп., 19.
Ардешскій деп., 20.
Арканзасъ, 174.
Арьержскій деп., 19.

Архангельская губ., 43.
Астраханская губ., 43.
Африканскія влад. Англіи, 14.
» » Франціи, 42.
Ахенъ, 89.
Ашны, 166.
Ашгонъ на Лейтѣ, 8.
Баварія, 121.
Багіа, 189.
Бадахосъ, 159.
Баденъ, 130.
Базель, 144.
Байрейтъ, 121.
Бакчиская губ., 44.
Балеары, 159.
Балтиморъ, 173.
Банать, 87.
Барелья, 16.
Барлетта, 137.
Барменъ, 92.
Барселона, 159.
Бейра, 80.
Бельгія, 149—151.
Бельясть, 3.
Бенаресь, 16.
Бенгалия, 16.
Бергамо, 137.
Бергенъ, 150.
Берлинъ, 92.
Бернъ, 144.
Бессарабія, 43.
Бильфельдъ, 92.
Биркенфелдъ, 114.
Бирмингемъ, 2.
Бискаія, 160.
Блуа, 20.
Блэкборнъ, 3.
Бовъ, 21.
Богемія, 72, 74.
Болонія, 188.
Бомбей, 16.
Бонъ, 20.
Бордо, 20.

- Бостонъ, 173.
 Брабантъ, 151.
 Брага, 164.
 Браганца, 164.
 Бразилія, 189.
 Брайтонъ, 3.
 Бранденбургъ, 90.
 Бреславль, 88.
 Брестъ, 22.
 Брешіа, 137.
 Бристоль, 2.
 Британскія влад. внѣ Европы, 13—19.
 Броды, 73.
 Бромбергъ, 93.
 Бруклинъ, 173.
 Брухзаль, 130.
 Брюгге, 150.
 Брюннъ, 73.
 Брюссель, 149.
 Брэдфордъ, 2.
 Будвейсъ, 73.
 Бухарестъ, 171.
 Буковина, 75, 86.
 Бургъ, 22.
 Булонь, 21.
 Буржъ, 22.
 Буфало, 173.
 Буэносъ-Айресъ, 188.
 Ваадъ, 144.
 Вазаская губ., 45.
 Валансъ, 20.
 Валенсія, 159.
 Валлисъ, 159.
 Вальдекъ, 117.
 Вальдодлидъ, 159.
 Ванзейскій деп., 19.
 Варскій, 19.
 Варшава, 48.
 Варшавская губ., 44.
 Вашингтонъ, 174.
 Веве, 145.
 Везель, 93.
 Вейнгеймъ, 139.
 Вейсенфельсъ, 93.
Великобританія, 1—19.
 Венгрія, 73.
Венесуэла, 187.
 Вевсепъ, 21.
 Вердёнъ, 20.
 Вермонтъ, 174.
 Версаль, 21.
 Вестфалія, 90.
 Виганъ, 8.
 Викторія, 15.
 Виленская губ., 43.
 Виллареаль, 164.
 Вильнёвъ, 20.
 Виттертуръ, 145.
 Висконсинъ, 174.
 Витебская губ., 43.
 Виенскій деп., 20.
 Владимірская губ., 43.
 Вогецскій д., 20.
 Воклюзскій, 20.
 Вологодская губ., 43.
 Волинская губ., 43.
 Ворошежская губ., 43.
 Выборгская губ., 45.
 Вьень, 20.
 Вѣна, 72.
Виртембергъ, 127.
 Вюрцбургъ, 121.
 Гавръ, 21.
 Гага, 151.
 Гагенау, 21.
 Гайнихенъ, 111.
 Гантъ, 190.
 Галиція, 159.
 Галиція, 73.
 Галлиполи, 169.
Гамбургъ, 118.
 Ганау, 107.
 Ганноверъ, 105.
 Гарбургъ, 105.
 Гаронскій д., 20.
 Гарскій д., 20.
 Гаслинденъ, 8.
 Гвадалахара, 159.
 Гванахуато, 184.
 Гейдельбергъ, 130.
 Гейльброннъ, 128.
 Георгія, 174.
 Гермесгеймъ, 121.
 Герцъ, 72.
 Гессенъ (бывшее курф.), 107.
 Гессенъ (вел. герц.), 120—121.
 Гессенъ-Гомбургъ, 108.
 Гётеборгъ, 154.
 Гёттингенъ, 105.
 Гибралтаръ, 13.
 Гиссенъ, 120.
 Глазго, 2.
 Гогенцоллернъ, 89.
Голландія, 151—153.
 Гондурасъ, 186.
 Гота, 116.
 Гофъ, 121.
 Градиска, 72.
 Гранада, 159.
 Гранвилъ, 20.
 Граница (Военная), 78.
 Граубинденъ, 145.
 Грауденцъ, 92.
 Грацъ, 73.
 Гренада (новая), 186.
 Греншггенъ, 152.
 Гренобль, 20.

- Греція, 166—167.
 Гроссвардейнъ, 73.
 Гуль, 3.
 Гумбинненъ, 88.
 Гюв, 15.
 Гюстровъ, 112.
 Дакота, 175.
 Далмація, 75.
 Дамаскъ, 169.
 Дамія, 153—154.
 Данцигъ, 92.
 Дармштадтъ, 120.
 Даръ, 16.
 Деветерь, 152.
 Делававъ, 174.
 Дель, 16.
 Детмольдъ, 117.
 Доминика (остр.), 14.
 Лонди, 3.
 Донского Войска Земля, 43.
 Дорникъ, 150.
 Дордонскій, 20.
 Дортмундъ, 92.
 Дромскій, 20.
 Дрезденъ, 116.
 Дублинъ, 3.
 Дубскій деп., 20.
 Дуэ, 21.
 Дьепъ, 21.
Этнотъ, 169.
 Екатеринбургская губ., 43.
 Енисейская губ., 44.
 Елизаветградская арм., 56.
 С.-Жанъ, 150.
 Жемапъ, 150.
 Женева, 144.
 Жерскій деп., 20.
 Жилли, 150.
 Жирондскій деп., 20.
 Жостень Нооде., 150.
 Жоюе, 150.
 Заарбрюкенъ, 93.
 Забайкальская обл., 45.
 Зальцбургъ, 72.
 Зарнемъ, 151.
 Зеландія, 151.
 Зомборъ, 73.
 Иглау, 73.
 Идаго, 175.
 Изерскій деп., 20.
 Или и Виленя деп., 20.
 Иссель, 149.
 Иллинойсъ, 179.
 Ингольштадтъ, 121.
 Индіана, 174.
 Индрскій деп., 20.
 Индры и Лоары, 20.
 Инсбрукъ, 73.
 Ирбитская арм., 56.
 Иркутскъ, 45.
 Исландія, 153.
 Исла-де-Фернандо-По, 164.
 Испаганъ, 192.
Испанія, 159—164.
 Иссель, 152.
Италія, 136.
 Иова, 174.
 Ионическіе острова, 166.
 Кадиксъ, 159.
 Казанская губ., 43.
 Кавро, 171.
 Калужская губ., 43.
 Калифорнія, 175.
 Кальвадосскій деп., 20.
 Калькутта, 16.
 Кальери, 137.
 Канада, 18.
 Канарскіе о-ва, 160.
 Камбре, 21.
 Канзасъ, 175.
 Кавикатта, 137.
 Кантальскій деп., 20.
 Каринтія, 72.
 Каролина, 174.
 Карльсруэ, 130.
 Кашау, 73.
 Каценбергъ, 120.
 Кельнъ, 89.
 Кёнигсбергъ, 88.
 Кіевская губ., 44.
 Клермовъ, 21.
 Кляши, 21.
 Кобленцъ, 92.
 Ковенская губ., 44.
 Колумбія, 174.
 Коррезскій деп., 20.
 Колорада, 175.
 Копенъ, 154.
 Корсижанскій деп., 20.
 Коста-Рика, 186.
 Костромская губ., 44.
 Котъ-д'Орскій, 20.
 Крайна, 72.
 Краковъ, 73.
 Крейцнахъ, 93.
 Крейзскій, 20.
 Крещенская арм. въ Харьковѣ, 56.
 Кролевецкая арм., 56.
 Кронштадтъ, 73.
 Кубанская, 44.
 Куопіосская, 45.
 Курляндская, 44.
 Курская, 44.
 Кутавская обл., 44.
 Лайбахъ, 72.
 Ландау, 121.
 Ланды, 20.
 Ландсбергъ, 93.

- Ларошель, 22.
 Ларь, 130.
 Лееръ, 107.
 Лейденъ, 151.
 Лейпцигъ, 110.
 Лейстеръ, 3.
 Леонъ, 159.
 Лерида, 160.
 Лечче, 137.
 Либурнъ, 20.
 Лаворно, 137.
 Лигницъ, 89.
 Лидсъ, 2.
 Лилль, 21.
 Лимбургъ, 3.
 Лимерикъ, 3.
 Лиможъ, 20.
 Линцъ, 72.
 Ляппе-Детмольдъ, 117.
 Ляппе-Шаумбургъ, 117.
 Лассабовъ, 164.
 Лавляндская губ., 44.
 Ласталь, 145.
 Лионъ, 21.
 Ло, 20.
 Ло- в Гаронны д., 20.
 Лозерскій д., 20.
 Лондонъ, 2.
 Луаре, 20.
 Луарскій д., 20.
 Луары Верхней, 20.
 » Нижней, 20.
 Луары и Шеры, 20.
 Лукка, 137.
 Лукно, 16.
 Любекъ, 116, 119.
 Люблинская губ., 45.
 Люксембургъ, 150.
 Люнебургъ, 105.
 Люневиль, 20.
 Люттихъ, 150.
 Люцернъ, 145.
 Львовъ, 73.
 Мааскій д., 20.
 Маврикій, 14.
 Мадейра, 64.
 Магдебургъ, 88.
 Мадрасъ, 15.
 Майенскій д., 20.
 Майнцъ, 120.
 Мальта, 13.
 Малика, 59.
 Маннгеймъ, 130.
 Манчестеръ, 2.
 Маншскій д., 20.
 Марианскіе о-ва, 164.
 Марисскій д., 20.
 Мены и Луары, 20.
 Марсь-Вазаргели, 73.
 Марія-Терезіаполь, 73.
 Массачузетсъ, 174, 183.
 Марсель, 27.
 Мейнвингенъ, 116.
 Мекленбургъ-Шв., 113.
 Мекленбургъ-Стр., 114.
 Мексика, 184—186.
 Мемель, 93.
 Меммингенъ, 121.
 Мерзебургъ, 88.
 Мертанъ-Тадфаль, 3.
 Мертскій д., 20.
 Мессена, 137.
 Мешель, 192.
 Мингрелия, 44.
 Миннезота, 174.
 Мияно, 164.
 Мианская губ., 44.
 Миссисипи, 174.
 Мирзаноръ, 16.
 Миссури, 175.
 Мичиганъ, 174.
 Міако, 191.
 Молдовалахія, 169.
 Морбиганскій д., 20.
 Москва, 48.
 Московская губ., 44.
 Монпелье, 22.
 Монтобанъ, 22.
 Мудень, 19.
 Мурсія, 159.
 Мюльгаузъ, 21.
 Мюльгеймъ, 92.
 Мюнстеръ, 89.
 Манъ, 174.
 Наварра, 160.
 Наггоръ, 150.
 Намюръ, 150.
 Нанси, 20.
 Нантъ, 20.
 Нассау, 90, 108.
 Небраска, 175.
 Нев-да, 175.
 Неверъ, 21.
 Невисъ, 14.
 Нейнбергъ, 144.
 Нейссе, 93.
 Нейштадтъ, 114.
 Нельн, 21.
Нидерланды, 151—153.
 Нижегородская губ., 44.
 Нижегородская арм., 56.
 Нинъ, 20.
 Никарагуа, 186.
 Новгородская губ., 44.
Новая Гренада, 187.
 Новая Зеландія, 14.
 Новый Южный Уэльсъ, 14.
Норвегія, 160.

Нордепъ, 105.
 Норрепцигъ, 154.
 Норрагъ, 2.
 Ньеврскій д., 20.
 Нью-Гемпширъ, 174.
 Нью-Джерси, 174.
 Нью-Йоркъ, 174.
 Нью-Орлеанъ, 174.
 Нью-Фаундлендъ, 13.
 Нью-Кастль на Т., 2.
 Обскій д., 21.
 Одессе, 154.
 Одесса, 48.
 Одскій, 21.
 Оловецкая губ., 44.
 Ольгамъ, 3.
 Ольденбургъ, 114.
 Ольмиуць, 73.
 Орегонъ, 174.
 Оренбургская губ., 44.
 Орлеанъ, 20.
 Орловская губ., 44.
 Орвскій д., 21.
 Оспабрюкъ, 105.
 Офенъ, 73.
 Оффенбахъ, 114.
 Па-де-Кале, 20.
 Падерборъвъ, 22.
 Паленсія, 159.
 Папенбургъ, 107.
 Парагуай, 189.
 Парижъ, 21, 27, 30.
 Пассау, 121.
 Патна, 16.
 Пекпъ, 190.
 Пензенская губ., 44.
 Пешисльванія, 174.
 Пермская губ., 44.
 Персія, 192.
 Перу, 187.
 Петербургъ, 48.
 Пешауръ, 16.
 Пештъ, 73.
 Пиренеи, верхнихъ, **внжнхъ и во-**
 сточныхъ д., 21.
 Пирмазенсъ, 121.
 Питтсбургъ, 174.
 Плауэнъ, 111.
 Плимутъ, 3.
 Подольская губ., 44.
 Поатъ, 20.
 Познанъ, 88.
 Полтавская губ., 44.
 Польша, 45.
 Померанія, 88.
 Порто, 164.
 Порторико, 164.
 Порто Санто, 164.
 Портсмутъ, 3.

Португалія, 164—166.
 Прага, 72.
 Пресбургъ, 73.
 Пруссія, 88—104.
 Псковская губ., 44.
 Пуэбла, 184.
 Пюм-де-Домъ, 21.
 Равенсбургъ, 128.
 Рагуаа, 150.
 Режію въ Калабр. в Эмпіліи, 150.
 Рейнскій В. и Н. д., 21.
 Рейнская пров., 89.
 Рейнъ, 20.
 Реймсъ, 20.
 Рейссъ, 118.
 Римъ, 143.
 Риожанейро, 189.
 Родъ-Эйландъ, 174.
 Ронскій, 21.
 Россія, 43—72.
 Рочдэль, 8.
 Руанъ, 27.
 Румилія, 170.
 Рязанская губ., 44.
 Своиоа, 20.
 Саксенъ-В.-Эйзенахъ, 114.
 Саксенъ-Альтенбургъ, 114.
 Саксонія, 110—111.
 Салерно, 150.
 С.-Петербургская губ., 44.
 Самарская губ., 44.
 Санъ-Луи, 173.
 Сантандеръ, 164.
 Сантаремъ, 164.
 Санъ-Сальвадоръ, 186.
 Санъ-Франциско, 175.
 Сарагосса, 160.
 Сэраево, 169.
 Саратовская губ., 44.
 Сартскій, 20.
 Севилья, 159.
 Севрскій д., 20.
 Сенскій д., 20.
 Свнтъ-Михельская г., 45.
 Сены-и-Лоары, 20.
 Сены нижней д., 20.
 Свнтъ-Аманъ, 21.
 Сербія, 167.
 Сегтъ, 22.
 Силезія, 90—91.
 Сирия, 167.
 Сіамъ, 193.
 Сондерландъ, 3.
 Софія, 169.
 Страсбургъ, 21.
 Старградъ, 93.
 Сумская яр., 56.
 Сѣвернаго берега д., 21.
 Сѣверный д., 21.

Табаго, 14.
 Тавастгустская губ., 45.
 Тавризмъ, 192.
 Таврическая г., 44.
 Тамбовская г., 44.
 Тарскій, 21.
 Тарны и Гаронны, 21.
 Тасманія, 14.
 Тверская г., 44.
 Тегеранъ, 192.
 Тенесси, 174.
 Термани, 137.
 Терская область, 44.
 Тивольская г., 44.
 Тобольская г., 45.
 Тоledo, 159.
 Томская г., 45.
 Трансильванія, 73.
 Трасось-Монтесь, 164.
 Тринадцать, 14.
 Траръ, 88.
 Триестъ, 73.
 Трондгеймъ, 157.
 Тулонъ, 19.
 Тулуза, 27.
 Тульская г., 44.
 Турнеооръ, 149.
 Тунисъ, 169.
 Туринъ, 137.
Турція, 167—171.
 Тюбингенъ, 128.
 Улеоборгская г., 45.
 Ульмъ, 128.
 Унтервальденъ, 144.
 Ури, 144.
 Утрехтъ, 151.
 Уальсъ, 1.
 Файзабадъ, 16.
 Фернандо-По, 164.
 Филипополи, 169.
 Флинистерскій д., 22.
 Флоренція, 137.
 Флорида, 174.
 Фландрія, 150.
 Фоджи, 137.
 Фонтенебло, 21.
 Форцгеймъ, 130.
 Франкенталь, 121.
 Франковія, 121.
Франція, 19—43.
 Фрейбергъ, 111.

Фрейбургъ, 144.
 Франкфуртъ-на-Майнѣ, 109.
 Харьковская губ., 44—56.
 Херсонская губ., 44.
 Хили, 188.
 Христианія, 157.
 Цвейбрюкенъ, 121.
 Цволле, 152.
 Цейцъ, 92.
 Церковная область, 143.
 Цинцинати, 173.
 Цугъ, 144.
 Цюрихъ, 144.
Черногорія, 167.
 Чикаго, 173.
 Шанъ-Хай, 190.
 Шарльроа, 150.
 Шалонъ-на-Марнѣ, 20.
 Швабахъ, 121.
Швейцарія, 144—149.
 Шаранты д., 22.
 Шерскій д., 22.
 Шербургъ, 20.
 Шеффилдъ, 2.
 Шидамъ, 151.
 Шлезвигъ-Гольштеинія, 104.
 Шпейеръ, 121.
 Штейеръ, 73.
 Штетиниъ, 88.
 Штарія, 72.
 Штуттгартъ, 128.
 Штральзундъ, 88.
 Шербекъ, 150.
 Эбердинъ, 3.
 Элибургъ, 2.
 Эйзенбахъ, 114.
 Эйхштадтъ, 121.
 Эвскій д., 22.
 Эны, 20.
 Эриванская г., 44.
 Эро, 22.
 Эрскій д., 22.
 Эрфуртъ, 89.
 Эры-и-Луары, 22.
 Эстляндская губ., 44.
 Эстремадура, 159.
 Юта, 175.
 Яде, 91.
 Ямайка, 13.
 Японія, 191—192.
 Яссы, 170.

